

История историков мира в двадцати пяти томах, том
02. Израиль, Индия, Персия, Финикия, малые народы
Западной Азии

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS' HISTORY OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES

VOLUME II—ISRAEL, INDIA, PERSIA, PHOENICIA,
MINOR NATIONS OF WESTERN ASIA

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1905

Содержание

[ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ](#)

[Авторы и редакторы.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ЧАСТЬ IV. — ИЗРАИЛЬ](#)

[ИЗРАИЛЬ КАК МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ](#)

[КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАСШТАБОВ И ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ ДО
РАЗРУШЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА](#)

[РАЗБИРАТЕЛЬСТВО СОМНИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ; МОИСЕЙ](#)

[ИЗХОД ИЗ ЕГИПТА](#)

[МОИСЕЙ, ВЕРОЯТНО, БЫЛ ИМЕНЕМ КЛАНА](#)

[ПЕРВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КАДЕША](#)

[ПОМОЩЬ ОТ МЕНЕПТАХА И ПИСЬМА ИЗ ТЕЛ-ЭЛЬ-АМАРНЫ](#)

[САУЛ И ДАВИД](#)

[ДАВИД ПРИЗНАН КОРОЛЕМ](#)

[ЗАВОЕВАНИЯ ДАВИДА](#)

[ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ДАВИДА](#)

[СОЛОМОН И ИЕРОВОАМ](#)

[СОЛОМОН И ХИРАМ](#)

[ПРОТИВНИКИ СОЛОМОНА](#)

[РАЗДЕЛЕННОЕ ЦАРСТВО](#)

[ПРЕЕМНИКИ ИЕРОВОАМА](#)

[МОАВИТСКИЙ КАМЕНЬ](#)

[ОТНОШЕНИЯ ЕВРЕЕВ С АССИРИЕЙ И АРАМОМ](#)

[ПОКЛОНЕНИЕ БААЛА](#)

[РЕХОБОАМ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ](#)

[ИИУУ И СЛЕДУЮЩИЕ ЦАРИ](#)

[УПАДОК И ПАДЕНИЕ САМАРИИ](#)

[АССИРИЙСКОЕ УГНЕТАНИЕ](#)

[ПОДАЛЬШЕЕ СУДЬБА ИУДЕИ](#)

[АХАЗ И ИСАИЯ](#)

[ВТОРЖЕНИЕ СЕННАХЕРИБА](#)

[ИОСИЯ; ЕГО ОТНОШЕНИЯ С СЕВЕРНОЙ АРАВИЕЙ](#)

[ПРЕЕМНИКИ ИОСИИ И ЦАРЬ МИЗРАИМА](#)

[ДЕЙСТВИЯ НЕВУХАДАРЦАРА](#)

[ПАДЕНИЕ ИУДЕИ; ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА](#)

[КИР; И ОСВОБОЖДЕНИЕ](#)

[ПТОЛЕМИ И СЕЛЕВКИДЫ КАК ВЛАДЕЛЬЦЫ ПАЛЕСТИНЫ; МАККАВЕИ](#)

[ИУДА АРИСТОБУЛ; КОНЕЦ МОНАРХИИ АСМОНЕЕВ](#)

[РИМСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ; РАЗРУШЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА](#)

[КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ
КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ, ХОД СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ
ТАБЛИЦУ](#)

[НАШИ ИСТОЧНИКИ](#)

[ЭПОХА СУДЕЙ \(1180-1020 гг. до н. э.\)](#)

[МОНАРХИЯ ДО РАЗДЕЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ \(1020-930 гг. до н. э.\)](#)

[РАЗДЕЛЕННОЕ ЦАРСТВО](#)

[ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НАСЛЕДНЫХ ВЫСОКИХ СВЯЩЕННИКОВ \(586-415 гг. до
н. э.\)](#)

[ОТ ВЫСОКОПРЕСТИЛЬНИКОВ ДО ВОССТАНИЯ МАККАВЕЕВ \(415-167 гг. до н. э.\)](#)

[ВСТАВАНИЕ МАККАВЕЕВ ДО ПАДЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА \(167 г. до н. э. — 70 г. н. э.\)](#)

[ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД](#)

[ЗЕМЛЯ](#)

[НАРОД](#)

[ГЛАВА II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ](#)

[ЭПОХА ПАТРИАРХОВ](#)

[РАННИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ИЗРАИЛЬТЯН](#)

[ПРЕБЫВАНИЕ В ЕГИПТЕ](#)

[БИБЛЕЙСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О МОИСЕЕ И ИСХОДЕ](#)

[РАННИЕ СОСЕДИ ИЗРАИЛЯ](#)

[ЗАВОЕВАНИЕ ХАНАНЕЯ](#)

[ГЛАВА III. СУДЬИ](#)

[ГЛАВА IV. САМУИЛ И САУЛ](#)

[САМУИЛ И САУЛ](#)

[ВОЗВЫШЕНИЕ ДАВИДА](#)

[ДАВИД ВОСТАНАЛ ПРОТИВ САУЛА](#)

[СМЕРТЬ САУЛА И БОРЬБА ЗА НАСЛЕДОВАНИЕ](#)

[ДАВИД ЗАКРЕПЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ВЕНЕЦ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА V. ЦАРСТВОВАНИЕ ДАВИДА](#)

[ВЕЛИЧИЕ ДАВИДА ВО ВРЕМЯ МИРА](#)

[ВЫСОКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДАВИДА ВО ВРЕМЯ МИРА](#)

[ДАВИД И АВСАЛАМ](#)

[ОЦЕНКА ДАВИДА РЕНАНОМ](#)

[ГЛАВА VI. СОЛОМОН В СВОЕЙ СЛАВЕ](#)

[ПЕРВЫЕ ГОДА ПРАВЛЕНИЯ СОЛОМОНА](#)

[ГЛАВА VII. УПАДОК И ПЛЕН](#)

[РАЗКОЛ ДЕСЯТИ ПЛЕМЕН](#)

[МОАВИТСКИЙ КАМЕНЬ](#)

[РАЗРУШЕНИЕ ДВУХ ЦАРСТВ](#)

[ВАВИЛОНСКИЙ ПЛЕН](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА](#)

[ПРОРОЧЕСТВО О ВОЗВРАЩЕНИИ](#)

[ПОЛОЖЕНИЕ ИЗГНАННИКОВ](#)

[ПРИХОД КИРА](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИЕРУСАЛИМ](#)

[ВОССТАНОВЛЕНИЕ СТЕН](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IX. ОТ НЕЕМИИ ДО АНТИОХА](#)

[ПОД ПЕРСИДСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ](#)

[ВЛИЯНИЕ ПЕРСИИ НА ИУДЕЙСКУЮ РЕЛИГИЮ](#)

[АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ](#)

[ПОД ВЛАСТЬЮ СЕЛЕВКИДОВ](#)

[СИРИЙСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО; АНТИОХ ВЕЛИКИЙ](#)

[АНТИОХ ЭПИФАН](#)

[ЯСОН И АНТИОХ МУЧАТ НАРОД](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА X. ВОЙНА МАККАВЕЕВ](#)

[НЕЗАВИСИМОСТЬ](#)

[ГЛАВА XI. ОТ МАККАВЕЕВ К РИМЛЯНАМ](#)

[ВОЮЮЩИЕ СЕКТЫ](#)

[АНТИПАТР](#)

[ИРОД](#)

[ГЛАВА XII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА](#)

[КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ХРИСТА И ДРУГИХ МЕССИЙ](#)

[РАЗВИТИЕ МЕССИАНСКОЙ ИДЕИ](#)

ГЛАВА XIII. ВОССТАНИЕ ПРОТИВ РИМА

ЗАЩИТА ЙОТАПАТЫ, ОПИСАННАЯ ИОСИФОМ ФЛАВИЕМ

ГЛАВА XIV. ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

ОПИСАНИЕ ГОЛОДА ИОСИФОМ ФЛАВИЕМ

КОНЕЦ ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

ГЛАВА XV. ЕВРЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ЖИЗНЬ И ОБЫЧАИ ИЗРАИЛЬТЯН

ЕВРЕЙСКОЕ ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА: ХРАМ, ГРОБНИЦЫ И Т. Д.

ГЛАВА XVI ПРОРОКИ И ИСТОРИЯ СЕМИТСКОГО СТИЛЯ

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТИЛЯ

ПРИМЕР ИЗ АМОСА

ПРИМЕР ИЗ ИЕЗЕКИИЛЯ

ПЕСНЯ МЕЧА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРОФЫ И АНТИСТРОФЫ

ПРИМЕР ИЗ ИСАИИ

ПРИМЕР ИЗ АССИРИИ

ВАВИЛОНСКИЙ ПРИМЕР

ПРИМЕРЫ ИЗ КОРАНА

ОБЪЯСНЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ СТРОФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ И ОТВЕТА

ПРИМЕРЫ ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ТРАГЕДИЙ

СЕМИТСКОЕ ВЛИЯНИЕ И ГРЕЧЕСКИЙ ХОР

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

Глава I. Земля и народ

Глава II. Происхождение и ранняя история

Глава III. Судьи

Глава IV. Самуил и Саул

Глава V. Царствование Давида

Глава VI. Соломон в своей славе

Глава VII. Упадок и плен

Глава VIII. Возвращение из плена

Глава IX. От Неемии до Антиоха

Глава X. Маккавейская война

Глава XI. От Маккавеев до римлян

Глава XII. Возникновение христианства

Глава XIII. Восстание против Рима

Глава XIV. Падение Иерусалима

Глава XV. Еврейская цивилизация

Глава XVI. Пророки и история семитского стиля

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ, ОСНОВАННАЯ НА РАБОТАХ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ; С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

ЧАСТЬ V. ФЕНИКИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Индивидуальность финикийской истории и происхождение названия

ОБЩИЙ ОБЗОР ФЕНИЦИЙСКОЙ ИСТОРИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ФЕНИЦИЙСКОЙ ИСТОРИИ, ХОД СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД — ДО ВЫСОКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ТИРА (3800-1100 гг. до н. э.)

ВТОРОЙ ПЕРИОД (1100-538 гг. до н. э.)

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (538-332 гг. до н. э.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД (332 г. до н. э. — 636 г. н. э.)

ПЯТЫЙ ПЕРИОД (633-1516 гг. н. э.)

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КАРТАГИНЫ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (813-410 гг. до н. э.)

ВТОРОЙ ПЕРИОД (410-264 гг. до н. э.)

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (264–146 гг. до н. э.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД (146 г. до н. э. — 697 г. н. э.)

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕНИКИЙЦЕВ

ГЛАВА II. РАННЯЯ ИСТОРИЯ И ВЛИЯНИЯ

НАЧАЛО ИСТОРИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ ФЕНИКИИ

КОЛОНИИ

ПУТЕШЕСТВИЯ И ТОРГОВЫЕ ПОСТЫ

ГЛАВА III. ВРЕМЯ МОГУЩЕСТВА ФЕНИЦИЕВ

ПРАВЛЕНИЕ ХИРАМА I

ПРЕЕМНИКИ ХИРАМА

СНОСКИ

ГЛАВА IV. ФЕНИКИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ПЕРСОВ

СНОСКИ

ГЛАВА V. ФЕНИКИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ГРЕКОВ, РИМЛЯН И САРАЦЕНОВ

ГЛАВА VI. ИСТОРИЯ КАРТАГА

МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ КАРТАГИ

ОПИСАНИЕ КАРТАГА МОММСЕНОМ

[ВОЙНА МЕЖДУ РИМОМ И КАРТАГОМ НА СИЦИЛИИ](#)

[РИМ И КАРТАГО](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КАРТАГИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VII. ФЕНИЦИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ](#)

[МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ](#)

[ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СУХОПУТНАЯ ТОРГОВЛЯ ФЕНИЦИЕВ](#)

[СЕРЕБРО И ЗОЛОТО В ДРЕВНОСТИ КАК ДЕНЬГИ](#)

[РАБОВОДСТВО В ФЕНИКИИ](#)

[ГЛАВА VIII. ФЕНИЦИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ](#)

[ФЕНИЦИАНЦЫ И АЛФАВИТ](#)

[ОБЫЧАИ И ПРИВЫЧКИ; РЕЛИГИЯ](#)

[КУЛЬТУРА; ИСКУССТВО](#)

[ВЛИЯНИЕ ФЕНИЦИЕВ НА ИСТОРИЮ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ](#)

[«ПУТЕШЕСТВИЕ ХАННО, ЗА СТОЛПАМИ ГЕРКУЛЕСА, КОТОРЫЕ ОН ОСТАВИЛ В ХРАМЕ САТУРНА»](#)

[ПУТЕШЕСТВИЕ ХИМИЛКО](#)

[ПОМПОНИЙ МЕЛА О ФЕНИЦИАНАХ](#)

[АППИАН АЛЕКСАНДРИНСКИЙ О ОСНОВАНИИ КАРТАГИ ДИДО](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Земля и народ](#)

[Глава II. Ранняя история и влияния](#)

[Глава III. Период могущества финикийцев](#)

[Глава IV. Финикия под властью персов](#)

[Глава V. Финикия под властью греков, римлян и сарацин](#)

[Глава VI. История Карфагена](#)

[Глава VII. Финикийская торговля](#)

[Глава VIII. Финикийская цивилизация](#)

[Приложение А. Классические традиции](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ФЕНИКИИ, ОСНОВАННАЯ НА РАБОТАХ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ; С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ](#)

[ЧАСТЬ VI. ЗАПАДНАЯ АЗИЯ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[МЕСТО МАЛОЙ АЗИИ В ИСТОРИИ](#)

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ МЕЛКИХ ЦАРСТВ ЗАПАДНОЙ АЗИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР.
СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

ХЕТТЫ

ЦАРСТВО МИТАННИ

АРАМЕИ

ЦАРСТВО ДАМАСКА

ХАМАТ И ЗОБА

МЕЛКИЕ НАРОДЫ МАЛОЙ АЗИИ

СНОСКИ

ГЛАВА I. ХЕТТЫ

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕТТОВ

ХЕТТЫ И ЕГИПТЯНЕ

ХЕТТЫ И ЕВРЕИ

ХЕТТСКОЕ ИСКУССТВО

ХЕТТСКИЕ ПАМЯТНИКИ В МАЛОЙ АЗИИ

ГЛАВА II. СКИФЫ И КИММЕРИЙЦЫ

СКИФЫ

ГЕРОДОТ О ПРИВЫЧКАХ СКИФОВ

КИММЕРИЙЦЫ

СНОСКИ

ГЛАВА III. НЕКОТОРЫЕ НАРОДЫ СИРИИ, МАЛОЙ АЗИИ И АРМЕНИИ

АРАМЕИ

ФРИГИЯ

КАППАДОКИ

КИЛИКИЯ

ПАМФИЛИЯ И ПИСИДИЯ

КАРИИ

ЛИКИЯ

МИСИЙЦЫ

ВИТИНИИ И ПАФЛАГОНИИ

АРМЕНИЯ

ГЛАВА IV. ЛИДИЙЦЫ

ЗЕМЛЯ

НАРОД

САРДЫ И НАЗВАНИЕ АЗИЯ

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЛИДИИ

[АРДИС](#)

[РАННИЕ ДИНАСТИИ](#)

[ГИГЕС](#)

[ТРИУМФ ПЕРСИИ](#)

[ЛИДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ](#)

[ЖИЗНЬ В ЛИДИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ А. — КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ](#)

[РАССКАЗ ЮСТИНА О СКИФАХ И АМАЗОНАХ](#)

[ПОМПОНИЙ МЕЛА О СКИФАХ И ДРУГИХ ПЛЕМЕНЯХ](#)

[ДИОДОР О АМАЗОНАХ И ГИПЕРБОРЕЯНАХ](#)

[ГЕРОДОТ О ЛЕГЕНДАРНОМ ГИГЕ](#)

[ИСТОРИЯ КРЕССА, РАССКАЗАННАЯ ГЕРОДОТОМ](#)

[СНОСКИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Хетты](#)

[Глава II. Скифы и киммерийцы](#)

[Глава III. Некоторые народы Сирии, Малой Азии и Армении](#)

[Глава IV. Лидийцы](#)

[Приложение А. Классические традиции](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ МЕЛКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ АЗИИ, ОСНОВАННАЯ НА РАБОТАХ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ](#)

[ЧАСТЬ VII. ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ОБЩИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ИНДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ](#)

[ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО В РЕГИОНЕ ИНДА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД](#)

[ЗЕМЛЯ](#)

[РАННИЕ НАРОДЫ ИНДИИ](#)

[ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ИНДИИ — ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ](#)

[ХРОНОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ИНДУИСТОВ](#)

[АВТОРИТЕТ ВЕД](#)

[ПАМЯТНИКИ](#)

[ЛЕГЕНДЫ О РАННИХ ГЕРОЯХ](#)

[НАДПИСЬ АСОКИ](#)

[ТРАДИЦИОННЫЕ ЦАРИ](#)

[БРАХМАНСКОЕ УЧЕНИЕ](#)

[ЭПОХИ ИНДИЙСКОЙ ИСТОРИИ](#)

[ВЕДИЧЕСКИЙ ПЕРИОД](#)

[БУДДИСТСКИЙ ПЕРИОД](#)

[ЧАНДРА ГУПТА](#)

[ДВЕНАДЦАТЬ ВЕКОВ МРАКА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА III. МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ ДРЕВНИХ ИНДУИСТОВ](#)

[РАЗДЕЛЕНИЕ И ЗАНЯТИЯ КЛАССОВ](#)

[СОБСТВЕННОСТЬ БРАХМАНОВ](#)

[ПРЕЗРЕННЫЕ СУДРЫ](#)

[СМЕШАНИЕ КЛАССОВ](#)

[ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ](#)

[ИНДУИСТСКАЯ ТОРГОВЛЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IV. БРАХМАНИЗМ И БУДДИЗМ](#)

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БРАХМАНИЗМА](#)

[БУДДИЗМ](#)

[ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ НАБОЖНОСТЬ ИНДУИСТОВ И ОТДЕЛЕНИЕ РЕЛИГИИ ОТ
ВЫСОКОЙ МОРАЛИ В ИНДУИЗМЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Земля и народ](#)

[Глава II. История Индии — легенда и реальность](#)

[Глава III. Нравы и обычаи древних индусов](#)

[Глава IV. Брахманизм и буддизм](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ИНДИИ, ОСНОВАННАЯ НА РАБОТАХ,
ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЪЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ
ИСТОРИИ](#)

[ЧАСТЬ VIII. ДРЕВНЯЯ ПЕРСИЯ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ОБЩИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ПЕРСИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ
ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ](#)

[МЕДИЙСКАЯ ИЛИ СКИФСКАЯ ИМПЕРИЯ](#)

ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

РАСОВЫЕ И ДИНАСТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

ЗЕМЛЯ

НАРОД

ХАРАКТЕР ИМПЕРИИ АХЕМЕНИДОВ

СНОСКИ

ГЛАВА II. МЕДИЙСКАЯ ИЛИ СКИФСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПАДЕНИЕ МЕДИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ГЕРОДОТУ

МИДИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕДОВ

СНОСКИ

ГЛАВА III. РАННИЕ АХЭМЕНИДЫ И ЭЛАМИТЫ, КИР И КАМБИС

СМЕРТЬ КИРА

ХАРАКТЕР И ВЛИЯНИЕ КИРА

КАМБИЗ

СНОСКИ

ГЛАВА IV. ПЕРСИДСКАЯ ДИНАСТИЯ: ОТ ДАРИЯ I ДО ДАРИЯ III

ДАРИЙ I

КСЕРКС I

ПРЕЕМНИКИ КСЕРКСА

ДАРИЙ II

АРТАКСЕРКС II

АРТАКСЕРКС III

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

СТАРЫЙ ВОСТОК В КОНЦЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

СНОСКИ

ГЛАВА V. ПЕРСИДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ УСТРОЙ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРСИДСКОГО ДВОРА

УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ; ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА; САТРАПЫ

ВОЕННЫЕ МЕТОДЫ

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

Глава I. Земля и народ

Глава II. Мидийская или Скифская империя

[Глава III. Ранние ахемениды и эламиты, Кир и Камбиз](#)

[Глава IV. Персидская династия: от Дария I до Дария III](#)

[Глава V. Персидская цивилизация](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ПЕРСИИ, ОСНОВАННАЯ НА РАБОТАХ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ.](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга «История мира в двадцати пяти томах», том 02

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 02

Израиль, Индия, Персия, Финикия, малые народы Западной Азии

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 28 мая 2016 г. [электронная книга № 52177]
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

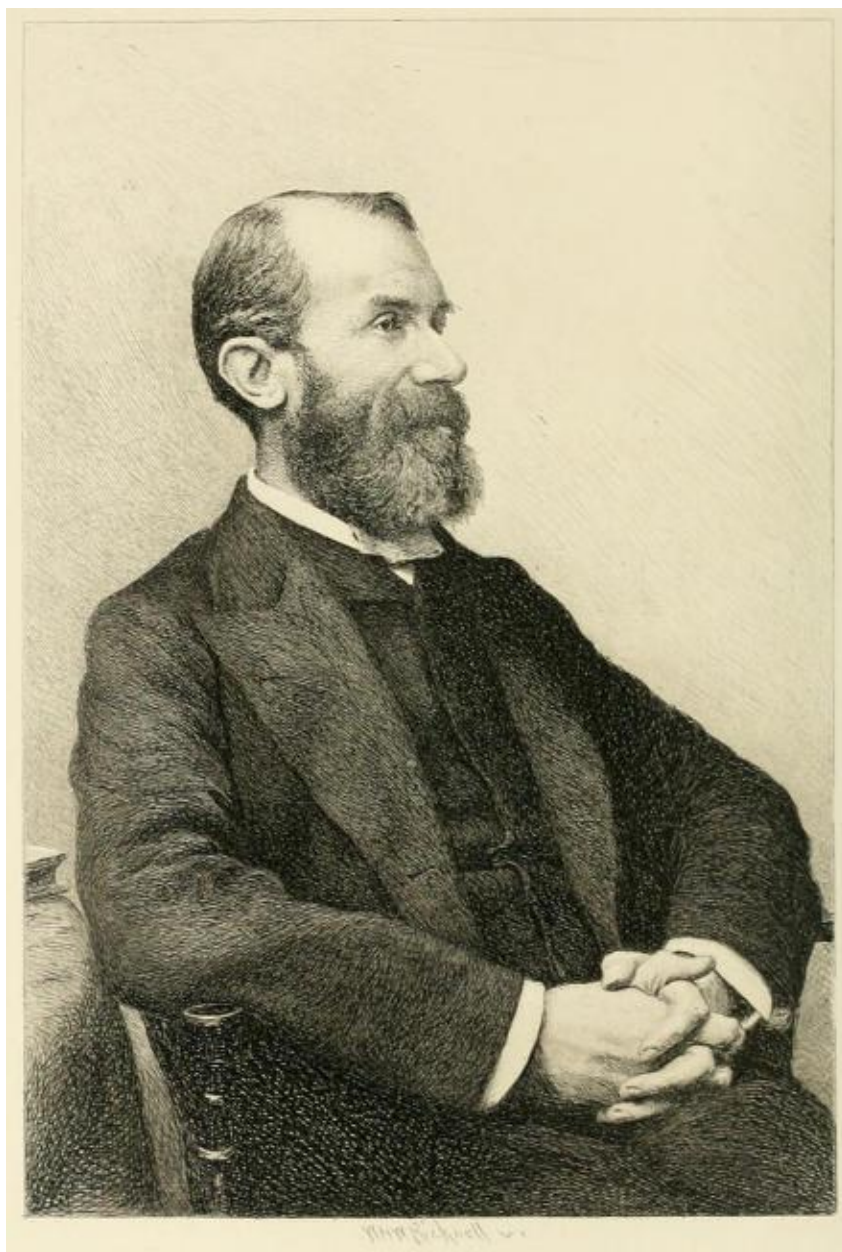
Язык: английский

Благодарности: Произведено Дэвидом Эдвардсом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В 25 ТОМАХ, ТОМ 02» ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

CHEYNE

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии народов, записанное более чем двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии

выдающегося совета консультантов и авторов издательства
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, доктором юридических наук.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ II — ИЗРАИЛЬ, ИНДИЯ, ПЕРСИЯ, ФЕНИКИЯ,
МАЛЕНЬКИЕ НАЦИИ ЗАПАДНОЙ АЗИИ

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон
1905

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
АВТОР: ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

THE TROW PRESS
201-213 E. 12TH ST.
НЬЮ-ЙОРК
США

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.

Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.

Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.

Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.

Проф. Давид Х. Мюллер, Венский университет.

Профессор Альфред Рамбо, Парижский университет.

Капитан Ф. Бринкли, Токио.

Профессор Эдуард Мейер, Берлинский университет.

Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.

Профессор Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.

Профессор Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.

Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.

Д-р Джеймс Гэрднер, С.В., Лондон.

Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.

Профессор Х. Марцали, Будапештский университет.

Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.

Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.

Проф. Франц Р. фон Кронес, Грацский университет.

Профессор Вильгельм Золтау, Университет Заберна.

Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.

Проф. А. Вамбери, Будапештский университет.

Профессор Отто Хиршфельд, Берлинский университет.

Д-р Фредерик Робертсон Джонс, Колледж Брин Моур.

Барон Барнардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.

Д-р Джон П. Питерс, Нью-Йорк.

Профессор Адольф Харнак, Берлинский университет.

Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.

Проф. Герман Дильс, Берлинский университет.

Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.

Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.

Проф. В. Л. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.

Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ II

ЧАСТЬ IV. ИЗРАИЛЬ

СТРАНИЦА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. ИЗРАИЛЬ КАК МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ	Бернхард Штаде	1
---	----------------	-------------------

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МАСШТАБОВ И ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ ДО РАЗРУШЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА		4
---	--	-------------------

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА (1180 г. до н. э. – 70 г. н. э.)		30
--	--	--------------------

ГЛАВА I

ЗЕМЛЯ И НАРОД		45
-------------------------------	--	--------------------

Земля, [46](#). Народ, [48](#).

ГЛАВА II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ (2300-1200 гг. до н.э.)		56
--	--	--------------------

(Эпоха патриархов,) [57](#). Ранние перемещения израильтян, [57](#). Пребывание в Египте, [58](#). Библейское повествование о Моисее и Исходе, [61](#). Ранние соседи Израиля, [63](#). Завоевание Ханаана, [66](#).

ГЛАВА III

СУДЬИ (1200-1020 гг. до н. э.)		72
--	--	--------------------

ГЛАВА IV

САМУИЛ И САУЛ (1020 г. до н. э. — 1002 г. до н. э.)		77
---	--	--------------------

(Самуил и Саул,) [78](#). Возвышение Давида, [79](#). Давид восстает против Саула, [80](#). Смерть Саула и борьба за престол, [83](#). Давид завоевывает корону, [85](#).

ГЛАВА V

ЦАРСТВОВАНИЕ ДАВИДА (1002–970 гг. до н. э.)		86
---	--	--------------------

Величие Давида в мирное время, [89](#). Начало новых войн, [91](#). Давид и Авессалом, [93](#). Оценка Давида Ренаном, [98](#).

ГЛАВА VI

[СОЛОМОН В СВОЕЙ СЛАВЕ \(970-930 гг. до н. э.\)](#) [99](#)

Первые годы правления Соломона, [100](#).

ГЛАВА VII

[УПАДОК И ПЛЕН \(930-586 гг. до н. э.\)](#) [106](#)

(Раскол десяти колен,) [106](#). Моавитский камень, [109](#). Разрушение двух царств, [113](#). Вавилонский плен, [118](#).

ГЛАВА VIII

[ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА \(586-415 гг. до н. э.\)](#) [122](#)

(Пророчество о возвращении,) [122](#). Положение изгнанников, [125](#). Приход Кира, [126](#). Возвращение в Иерусалим, [127](#). Восстановление стен, [130](#).

ГЛАВА IX

[ОТ НЕЕМИИ ДО АНТИОХА \(415-166 гг. до н. э.\)](#) [133](#)

Под властью Персии, [133](#). Персидское влияние на иудейскую религию, [134](#). Александр Македонский, [134](#). Под властью Селевкидов, [135](#). Сирийское господство; Антиох Великий, [138](#) (. Антиох Эпифан,) [139](#). Иасон и Антиох мучают народ, [140](#).

ГЛАВА X

[ВОЙНА МАККАВЕЕВ \(166-142 гг. до н. э.\)](#) [147](#)

Независимость, [156](#).

ГЛАВА XI

[ОТ МАККАВЕЕВ К РИМЛЯНАМ \(135-4 гг. до н. э.\)](#) [159](#)

Воюющие секты, [160](#). Антипатр, [163](#). Ирод, [164](#).

ГЛАВА XII

[ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА \(4 г. до н. э. — 62 г. н. э.\)](#) [168](#)

(Критический взгляд на Христа и других мессий,) [168](#). Развитие мессианской идеи, [169](#).

ГЛАВА XIII

[ВОССТАНИЕ ПРОТИВ РИМА \(62-68 гг. н. э.\)](#) [177](#)

Описание обороны Йотапаты Иосифом Флавием, 180 .	
ГЛАВА XIV	
ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА (68-73 гг. н. э.)	190
(Рассказ Иосифа Флавия о голоде.) 193 . Конец еврейской истории, 199 .	
ГЛАВА XV	
ЕВРЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	203
Жизнь и обычаи израильтян, 205 . Еврейское искусство, архитектура: храмовые гробницы и т. д., 209 .	
ГЛАВА XVI	
ПРОРОКИ И ИСТОРИЯ СЕМИТСКОГО СТИЛЯ Д-р Д. Х. Мюллер	213
КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ	227
ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ	229
ЧАСТЬ V. ФЕНИКИЯ	
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ ФЕНИКИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ Ричард Пичман	243
КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ФЕНИКИИ (3800 г. до н. э. — 1516 г. н. э.)	246
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КАРФАГЕНА (813 г. до н. э. — 697 г. н. э.)	251
ГЛАВА I	
ЗЕМЛЯ И НАРОД	255
Происхождение финикийцев 259 .	
ГЛАВА II	
РАННЯЯ ИСТОРИЯ И ВЛИЯНИЯ	263
Начало истории и цивилизации Финикии, 263 . Колонии, 270 . Путешествия и торговые посты, 274 .	

ГЛАВА III

[Период могущества Финикии \(980-532 гг. до н. э.\)](#) [279](#)

Правление Хирама I, [279](#). Преемники Хирама, [283](#).

ГЛАВА IV

[Финикия под властью персов \(525-323 гг. до н. э.\)](#) [289](#)

ГЛАВА V

[Финикия под властью греков, римлян и сарацин \(301 г. до н. э. — 1516 г. н. э.\)](#) [301](#)

ГЛАВА VI

[История Карфагена \(813 г. до н. э. — 697 г. н. э.\)](#) [308](#)

(Местоположение и ранняя история Карфагена,) [310](#). Описание Карфагена Моммсенom, [312](#). Война между Римом и Карфагеном на Сицилии, [319](#). Рим и Карфаген, [321](#). Последние дни Карфагена, [325](#).

ГЛАВА VII

[Финикийская торговля](#) [329](#)

(Морская торговля,) [330](#). Промышленность и наземная торговля финикийцев, [334](#). Серебро и золото в древности как денежное средство, [339](#). Рабский торговля Финикии, [342](#).

ГЛАВА VIII

[Финикийская цивилизация](#) [346](#)

(Финикийцы и алфавит,) [347](#). Обычаи и традиции; религия, [348](#). Культура; искусство, [352](#). Влияние финикийцев на историю, [353](#).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

[Классические традиции](#) [356](#)

«Путешествие Ганнона за Геркулесовы столбы, которое он описал в храме Сатурна» [356](#). Путешествие Химилко [358](#). Помпоний Мела о финикийцах [359](#). Аппиан Александрийский об основании Карфагена Дидоной [360](#).

[Краткий список источников по главам](#) [361](#)

[Общая библиография по истории финикийцев](#) [363](#)

ЧАСТЬ VI. ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ. МЕСТО МАЛОЙ АЗИИ В ИСТОРИИ Уильям Дж. Гамильтон 373

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МАЛЫХ ЦАРСТВ ЗАПАДНОЙ АЗИИ (1528–546 гг. до н. э.) 380

ГЛАВА I

ХЕТТЫ 391

(Современные исследования хеттов,) 393. Хетты и египтяне, 394. Хетты евреи, 395. Искусство хеттов, 396. Памятники хеттов в Малой Азии, 397.

ГЛАВА II

СКИФЫ И КИММЕРИЙЦЫ 400

(Скифы,) 400. Влияние скифов в Малой Азии, 400. Перемещения скифов, 401. Геродот о обычаях скифов, 404. Киммерийцы, 410.

ГЛАВА III

НЕКОТОРЫЕ НАРОДЫ СИРИИ, МАЛОЙ АЗИИ И АРМЕНИИ 413

Аrameйцы, 413. Фригия, 413. Каппадокийцы, 415. Киликийцы, 416. Памфилия и Писидия, 416. Кариийцы, 417. Ликийцы, 417. Мисийцы, 419. Вифинийцы и пафлагонцы, 419. Армения, 420.

ГЛАВА IV

ЛИДИЙЦЫ 421

Земля, 422. Народ, 423. Сарды и название Азия, 424. Ранняя история Лидии, 426. Ардис, 427. Ранние династии, 429. Гиг, 430. Триумф Персии, 431. Лидийская цивилизация, 433. Картина жизни в Лидии, 434.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ 438

Рассказ Юстина о скифах и амазонках, 438. Помпоний Мела о скифах и других племенах, 441. Диодор о амазонках и гиперборейцах, 444. Геродот о легендарном Гиге, 446. История Креза, рассказанная Геродотом, 448. Крез и Солон, 449. Видение Креза, 451. Крез теряет сына, 453. Крез обращается к оракулам, 454. Ответ оракулов, 455. Крез заключает союз со Спартой, 456. Крез вторгается в Каппадокию, 457. Крез в конфликте с Киром, 458. Осада Сард, 460. Судьба Креса, 460.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ 464

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ МАЛЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ АЗИИ 465

[ЧАСТЬ VII. ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ](#)

[Краткая история Индии \(2000 г. до н. э. — 1556 г. н. э.\)](#) [475](#)

Греко-бактрийское господство в регионе Инда [480](#).

ГЛАВА I

[Земля и народ](#) [482](#)

Земля, [484](#). Первые народы Индии, [488](#).

ГЛАВА II

[История Индии — легенда и реальность](#) [493](#)

Хронология и древняя история индусов, [493](#). Авторитет Вед, [496](#). Памятники, [496](#). Легенды о ранних героях, [498](#). Надпись Ашоки, [499](#). Традиционные цари, [500](#) ([Брахманическое образование](#)), [501](#) ([Эпохи индийской истории](#)), [502](#) ([Ведический период](#)), [503](#) ([Буддийский период](#)), [503](#) ([Чандра Гупта](#)), [504](#) ([Двенадцать веков мрака](#)), [505](#) ()

ГЛАВА III

[Нравы и обычаи древних индусов](#) [508](#)

Разделение и занятия классов, [508](#). Собственность брахманов, [510](#). Презираемые шудры, [511](#). Смешение классов, [513](#). Отправление правосудия, [515](#). Уголовное право, [516](#). Гражданское право, [517](#) ([Индунтская торговля](#)), [519](#) ([Драгоценные металлы](#)), [520](#) ([Чеканка монет; драгоценные камни; ткачество](#)), [520](#) ([Одурманивающие вещества; специи; парфюмерия](#)), [521](#) ([Торговые пути](#)), [523](#) ()

ГЛАВА IV

[Брахманизм и буддизм](#) [525](#)

Происхождение и развитие брахманизма, [525](#). Веды, [529](#). Переселение душ, [533](#). Буддизм, [535](#). Исчезновение буддизма в Индии, [538](#) ([Новый взгляд на буддизм](#)), [542](#). Действительная набожность индусов и отделение религии от высокой морали у индусов, [545](#).

[Краткий справочный список авторитетных источников по главам](#) [549](#)

[Общая библиография по истории Индии](#) [550](#)

[ЧАСТЬ VIII. ДРЕВНЯЯ ПЕРСИЯ](#)

[Краткая история Персии \(700-330 гг. до н. э.\)](#) [559](#)

ГЛАВА I

(Расовое и династическое происхождение.) [567](#). Земля, [568](#). Народ, [569](#). Характер империи Ахеменидов, [570](#).

ГЛАВА II

Возникновение и падение Мидийской империи по Геродоту, [573](#). ИмперияМидийская империя: современная интерпретация, [580](#). Новый взгляд на мидийцев, [583](#).

ГЛАВА III

(Смерть Кира.) [593](#). Характер и влияние Кира, [596](#). Оценка Кира Ксенофонтom, [596](#). Современная оценка характера и значения Кира, [597](#). Камбиз, [600](#).

ГЛАВА IV

Дарий I, [605](#). Организация империи Дария, [607](#). Позднейшие завоевания Дария, [609](#). Дела в Египте после персидского завоевания, [611](#). Ксеркс I, [614](#). Преемники Ксеркса, [615](#). Дарий II,[618](#)([Артахсерс II](#)), [619](#)([Артахсерс III](#)), [626](#)([Падение империи](#)), [630](#)([Древний Восток в конце Персидской империи](#)), [631](#)()

ГЛАВА V

(Религия и социальный уклад.) [635](#). Организация персидского двора, [641](#). Управление провинциями; финансовая система; сатрапы, [645](#). Военные методы, [652](#). Изобразительное искусство, [657](#).

ЧАСТЬ IV

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

Основанная главным образом на следующих источниках

ЭРНСТ БАБЕЛОН, СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ, Т. К. ЧЕЙН, МАКС ДУНКЕР, Г. Х. А. ЭВАЛЬД, ЭДУАРД
ГИББОН, Ф. ХИТЦИГ, Й. ЯН, ФЛАВИЙ ИОСИФ, РУДОЛЬФ КИТТЕЛ, Э. ЛЕДРЭН, МАКС ЛЁР, Л.
МЕНАР, Х. Х. МИЛМАН, Д. Х. МЮЛЛЕР, САЛОМОН МУНК, Ф. В. НЬЮМАН, Э. РЕНАН, А. Х. СЭЙС,
ДЖОРДЖ СМИТ, БЕРНХАРД ШТАДЕ

ВМЕСТЕ С ВВОДНОЙ СТАТЕЙ О ВЛИЯНИИ ИЗРАИЛЯ НА МИР

БЕРНХАРДА ШТАДЕ

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОБЪЕМА И ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ

ТОМАСА КЕЛЛИ ЧЕЙНА

И ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОРОКОВ И ИСТОРИИ СЕМИТСКОГО СТИЛЯ

ДЭВИДА ГЕНРИХА МЮЛЛЕРА

И С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

АПОКРИФОВ, ДЭВИДА КАССЕЛА, ДИОНА КАССИЯ, Й. Г. АЙХХОРНА, Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ, ЮСТИНА,
Ф. Р. ЛАМЕННА, ГАСТОНА К. К. МАСПЕРО, ФЕЛИКСА ПЕРЛЕСА, Т. Г. ПИНЧЕСА, ПОЛИБИЯ,
ЭДУАРДА РЕЙССА, КЛЕМЕНСА РОМАНА, АСАРДЖИ ДЕ РОССИ, БАРУХА СПИНОЗЫ,
СТРАБОНА, СВЕТОНИЯ, КОРНЕЛИЯ ТАЦИТА, КОМТА ДЕ ВОЛНЕ, ГЕОРГА ВЕБЕРА, Р. Т. М.
ВЕХОФЕРА, ДЖ. ЗЕННЕРА

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

ЧАСТЬ IV. — ИЗРАИЛЬ

ИЗРАИЛЬ КАК МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ

БЕРНХАРД ШТАДЕ

Перевод для настоящей работы из книги *«Geschichte des Volks Israel»*.

Многие народы жили на земле Божьей, долго наслаждались ее благами, возникали и исчезали, и мы ничего не знаем ни об их истории, ни даже о том, была ли у них история вообще. Ведь история есть только у тех народов, которые создают историю, то есть влияют на ход развития человечества. С народами происходит то же, что и с людьми: потомки помнят только тех, кто прославился идеями, изменившими жизнь человечества, или (что то же самое) был пионером в новых областях деятельности. Чем больше духовного богатства принесла нация остальному миру, чем дольше и устойчивее протекала ее жизнь по каналам, которые она первая проложила, тем дольше рассказывают о ее истории. Нации, вошедшие в историю, — это те, которые так или иначе заявили о своих правах на господство в мире.

Таким образом, мы вправе спросить, какое право на наш интерес имеет история еврейской нации. И ответ будет таким, что ничего из того, что привлекает наше внимание, вызывает наше восхищение или побуждает нас к подражанию в истории других народов, здесь в значительной мере отсутствует. Израиль всегда был небольшим, даже мелким народом, проживавшим на ограниченной территории, никогда не имевшим значительного значения в политической истории Востока; он никогда не дал миру Рамсеса II, Саргона, Эсархаддона, Ашшурбанапала, Навуходоносора или Кира, которые бы несли его знамя в далекие страны. Тем не менее, несмотря на все это, история Израиля представляет для нас интерес, совершенно отличный от интереса к другим древним народам.

И если, как мы видим, Израиль значительно уступает в военной славе народам великих империй и римлянам в их влиянии на развитие права, то есть и другие моменты, в которых он должен уступать бесспорное превосходство другим народам древности. Мы не находим в Израиле того же чувства красоты, что и у греков, которые, как никакой другой народ до них или после них, проявили законы красоты во всех сферах интеллектуальной жизни и до сих пор выделяются в таких вопросах совершенством, которое больше никогда не было достигнуто, а тем более превзойдено. У евреев нет ничего аналогичного, ничего сопоставимого с тем, что мы восхищаемся в эллинском народе. У них нет эпоса, ничего, что можно было бы сравнить с *«Илиадой»* и *«Одиссеей»*, которым немцы противопоставляют *«Песнь о Нибелунгах»*, а финны — *«Калевала»*; у них нет ни малейших зачатков драмы — *«Песнь песней»* и *«Иов»* не являются драмами. Есть школа лирической поэзии, непревзойденная во все времена, и соответствующая ей музыка. Но склонность к науке, которая движет греками, полностью отсутствует — полностью отсутствует склонность к философии « ». Она никогда не была выдающейся в древности в сфере торговли, предпринимательства и изобретений, с помощью которых также можно завоевать мир; ее интеллектуальная жизнь абсолютно односторонняя, и эта односторонность производит на нас впечатление крайней необычности.

Но привлекательность, которую она имеет для нас, заключается не в этой необычности. Она скорее обусловлена тем обстоятельством, что эта маленькая нация оказала гораздо большее влияние на ход истории всего человечества, чем греки или римляне, что для нас она стала типичной во многих отношениях больше, чем они. Наши нынешние способы мышления и чувства, наша жизнь и поступки гораздо более глубоко подвержены влиянию

мира мыслей и чувств, который родил Израиль (), чем влиянию Греции или Рима. Вся наша сегодняшняя цивилизация пропитана тенденциями и импульсами, которые берут свое начало в Израиле.

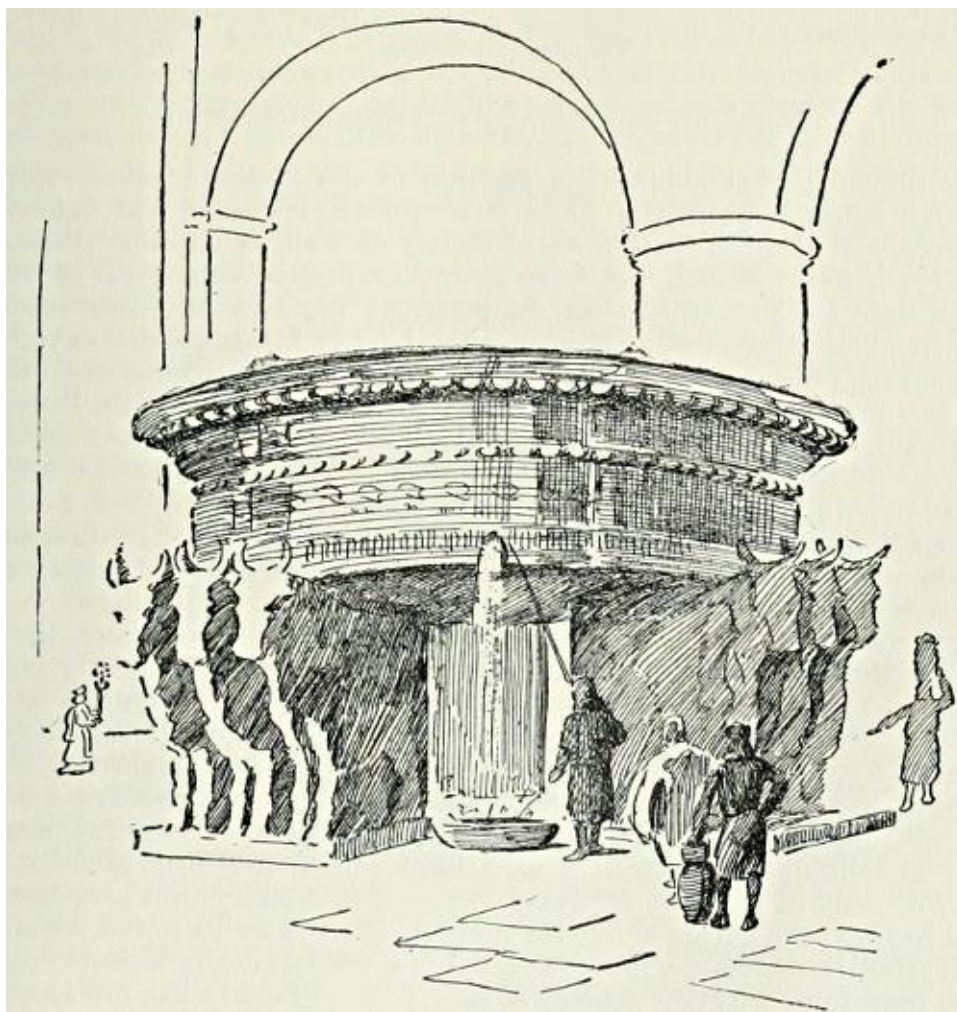
Причина этого заключается в том, что в Израиле одна сторона человеческой природы развилась до очень высокого совершенства, сторона, которая имеет гораздо большее значение для человечества в целом, чем искусство или наука, право или философия. В то время как в Элладе сначала из мифологии развилась философия, а затем, косвенно, наука, в Израиле эпоха мифологии сменилась эпохой религии. И мы можем сказать, что религия Израиля по-прежнему является активной религией человечества в гораздо большей степени, чем философия греков по-прежнему является его активной философией. То, что Израиль сделал в сфере религии, без сомнения, гораздо более эпохально, уникально и эффективно, чем то, что римляне сделали в сфере политики, или греки в сфере искусства или науки. Как Израиль взял на себя лидерство человечества в религии, так Рим сделал это в вопросах управления, а Греция — в вопросах философии; но в то время как цивилизованные народы, принявшие римское право, с возрастающей энергией стремились освободиться от оков римских правовых концепций; в то время как реликвии греческого искусства и науки вызывали энтузиазм лишь у избранных немногих, а созданная греками философия была ограничена с одной стороны все более сужающимися рамками религии, с другой — все более расширяющейся областью науки, религия охватывает все слои населения, от короля до нищего, и все больше стремится охватить все народы земли. Более того, как бы люди ни закрывали глаза на этот факт, сегодня среди нас религия является предметом гораздо более всеобщего интереса, чем искусство, наука или какие-либо политические институты. Спорные вопросы религии сотрясают королевства и разжигают самые кровопролитные войны. Таким образом, она меняет характер народов и порождает новые национальные типы. Духовные черты человечества в настоящее время, как в мусульманской, так и в европейской цивилизации, являются в значительной степени продуктом монотеистической религии, возникшей в Израиле.

Мы не можем найти более яркого примера влияния израильских идей на современное человечество, чем вспомнить о значении религиозных деятелей древнего Израиля в глазах нашего собственного народа. Для большей части нации библейская история является всей историей, которая существует. Народ знает больше об Аврааме, Исааке и Иакове, о Сауле, Давиде и Соломоне, о Самуиле и Илии, чем о героях своей собственной истории, и чувствует их (в ярком контрасте с его чувствами к их потомкам, которых он видит глазами тела, а не глазами духа) плотью от плоти и костью от кости. В этом отношении наш народ полностью гебраизирован, или, если хотите, семитизирован.

И это еще более ярко проявляется в случае с народами, которые приняли ислам. В глазах мусульман Авраам был мусульманином; через Исмаила, его первенца и законного наследника, он является прародителем народа Откровения (); в их глазах все религиозные деятели древнего Израиля являются мусульманскими святыми.

Таким образом, важность Израиля в истории человечества и, следовательно, наш интерес к его собственной истории обусловлены ведущей ролью, которую он сыграл в сфере религии. В Израиле действительно впервые зародилась религия — или, как большинство людей предпочитает выражаться, монотеизм. Пусть читатель не поймет неправильно последнее слово. Монотеизм Израиля — это не признание того, что существует только одно Высшее Существо. Это не религиозная, а философская идея. Бог древнего Израиля не может быть определен как единственное, высшее и абсолютно совершенное существо, но как Не-Мир, или, лучше сказать, как совокупность всех сил, присутствующих и действующих в мире, понятых отдельно от субстрата, через который они проявляются в явлениях.

Следовательно, Бог древнего Израиля — это просто Всемогущий. Но в глазах древних израильтян мир не был шире земли, которая их кормила. По этой причине Бог древнего Израиля — это Бог Земли Израиля, и фактическое существование богов других народов не отрицается. Они обладают в землях других народов такой же властью, как Бог Израиля в мире Израиля.

Медный фонтан, использовавшийся для снабжения храма водой, Древняя Иудея

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОБЪЕМА И ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ ДО РАЗРУШЕНИЯ ИЕРУСАЛИМА

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ
РЕВЕРЕНД ТОМАС КЕЛЛИ ЧЕЙН, ДОКТОР ЛИТЕРАТУРЫ, ДОКТОР БОГОСЛОВИЯ

РАЗОБРАТЬСЯ В СОМНИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЯХ; МОИСЕЙ

Сложность составления общих черт истории Израиля в домаккавейскую эпоху необычайно велика. Этому народу было отказано в историческом любопытстве, а пленения были как литературными, так и политическими бедствиями. Записи событий, которые, возможно, хранились частично в королевских архивах, частично, возможно, в храмах, исчезли; королевские надписи также пока не обнаружены. Только земля Моава оставила историческую надпись, на которую мы сошлемся в свое время в качестве иллюстрации современной истории Израиля. Вероятно, что ученики пророков вели какие-то записи об интересных событиях в жизни своих учителей — а великие пророки были личностями, имевшими как политическое, так и религиозное значение, — но из-за неизменной тенденции такой истории превращаться в агиологию мы вынуждены читать сохранившиеся фрагменты пророческой повествовательной литературы еще более критически, чем отрывки из повествований, которые, возможно, были взяты из королевских анналов.

Однако существовали также сборники народных преданий, которые, хотя и были проникнуты воображением, несомненно, были более ценны для ранних израильтян, чем сухие факты современной или почти современной истории. Они были воображаемым воплощением смутных и искаженных воспоминаний о давно минувших событиях. В той форме, в которой они дошли до нас, они, должно быть, утратили большую часть первоначального духа и первобытной фразеологии; с другой стороны, рассказчики, некоторые из которых были одаренными писателями, а также религиозно прогрессивными людьми, внесли оригинальные элементы, которые для многих из нас должны перевесить самый интересный фольклор, потому что мы находим в них зародыши иудейского монотеизма. Однако историк должен постоянно помнить о сознательной или бессознательной дидактической цели этих рассказчиков, или, скорее, школ рассказчиков. Пятеро из них особенно хорошо известны, и из них только так называемый элохист относительно свободен от озабоченности определенными этическими и религиозными принципами. Яхвист () явно стоит на стороне великих пророков; деутерономист, священнический рассказчик и летописец ставят своей главной целью прямое или косвенное утверждение религиозных принципов более раннего или более позднего закона, к чему в случае летописца можно добавить прославление храма в Иерусалиме, его различных классов священников и его ритуалов.

Состав этих произведений охватывает длительный период, простирающийся, по крайней мере, от VIII до III века до н. э.; верхняя граница не определена. Задача критика состоит в том, чтобы извлечь отрывки, принадлежащие первым четырем из этих рассказчиков (или, скорее, иногда школам рассказчиков), из составных произведений, в которых они встречаются, а также исследовать источники, из которых они могли быть взяты. Над первой частью этой задачи долгое время трудились многие критики, но вторая часть все еще находится в запущенном состоянии. И, к сожалению, следует сказать, что из-за отсталости критики текста Ветхого Завета существует некоторая неопределенность в основе всего конструктивного подхода к политической и религиозной истории. Нехватка внешних материалов, которые особенно необходимы для проверки субъективных еврейских писателей, также является немалым препятствием для формирования полностью достоверных выводов.

Традиция гласит, что основатель израильского народа впервые увидел свет в Египте, где проживало несколько еврейских племен. Изменение отношения двора к евреям привело к

жестокому угнетению. Согласно Элоисту (одному из вышеупомянутых рассказчиков, фрагменты чьей работы сохранились в Пятикнижии), Моисей, ребенок еврейского мужчины и женщины из племени Леви, был спрятан в «колыбели из тростника» у Нила из-за королевского указа, согласно которому все мальчики-евреи должны были быть казнены. Дочь фараона увидела ребенка, сжалась над ним и в конце концов усыновила его. Однако это ни в коем случае не современное повествование, и о таких деталях никогда бы не подумали, если бы в народной еврейской традиции не существовало мифического рассказа о том, как божественный или, по крайней мере, героический младенец был брошен на воду.

Самые ранние предания о Моисее ничего об этом не знали. Они помещают колыбель национального существования израильтян, и, следовательно, должны были поместить колыбель освободителя Моисея не в Мицраиме или Египте, а в регионе северной Аравии под названием Мицрим, граница которого с одной стороны примыкала к Египту.

ИЗХОД ИЗ ЕГИПТА

Вся история Исхода из Египта, по-видимому, является результатом путаницы между Мицраимом и Мицримом — путаницы, которая предполагается тем, что осталось от повествований Яхвиста и Элохиста в их нынешнем виде, но которая, вероятно, не была допущена в этих повествованиях в их первоначальном виде и не может быть бесспорно доказана как допущенная самими ранними пророками (Амос ii. 10; iii. 1; v. 25; ix. 7; Осия ii. 15; viii. 13; ix. 3; xi. 1, 5; xii. 9, 13; xiii. 4).

Пребывание Моисея в Египте представляет собой, по сути, значительную трудность. Если бы Моисей был воспитан как египетский принц, он получил бы египетское имя, египетскую должность и египетскую жену. Однако нам говорят, что он женился на одной из семи дочерей Ховава, священника из племени мадианитов (или кенитов), проживавшего недалеко от священной горы Яхве, Хореба. Ее звали Ципора, и в соответствии с несомненно верной теорией, что отношения между племенами выражались евреями в форме генеалогий, мы можем предположить, что семь дочерей Ховава были племенами, занимавшими семь районов в Аравии, в окрестностях Хореба. Где находился Хореб или Синай, является предметом споров; даже вызывает сомнение, полностью ли согласуется Ветхий Завет в этом вопросе. Однако традиционное представление, однако, которая дошла до нас из христианской древности, что гора, на которой был дан Закон, находилась на западной стороне Синайского полуострова, достаточно опровергается одним историческим фактом: в те дни, когда, как можно предположить, произошел Исход из Египта (если Египет действительно был временным пристанищем первобытных израильтян), часть полуострова была занята египетскими чиновниками и шахтерами и укреплена египетскими войсками. Студент может быть озадачен расхождениями во мнениях относительно местоположения Хореба (который в первоначальной традиции, вероятно, был синонимом Синая), и мы не можем отклоняться от темы, чтобы развеять его недоумение. Все, что мы можем сказать, это то, что, если он примет наше руководство, ему придется временно принять точку зрения (резко противоречащую более поздней традиции), что Хореб или Синай находился недалеко от священного города Кадеша, более известного как Кадеш-Барнеа, на северной границе Аравии, а также предположить, что Ципора (имя традиционной жены Моисея) связана с Зарифатом (гласные в этом имени неопределенны), местом, которое Моисей (*т. е.* клан Моисея) мог приобрести либо путем уступки, либо путем завоевания.

МОИСЕЙ, ВЕРОЯТНО, ЯВЛЯЕТСЯ ИМЕНЕМ КЛАНА

Связывать это с традиционным верованием, что когда-то существовал человек по имени Моисей, означало бы неправильно понимать возможный диапазон устной традиции и забывать об универсальной тенденции воображать предков или основателей племен и рас. То, что существовал клан с именем Мошех или Моисей; что благодаря тесной связи с племенем кенитов, поклонявшимся Яхве, этот клан стал горячо преданным служению Яхве; и что его главным центром был Зарифат [Сарепта] (откуда, следует отметить, вероятно, произошел другой пророческий герой традиции, Илия), можно, однако, признать вероятным. Другие родственные кланы, должно быть, собрались вокруг того, который носил имя Моисея, и мы видим, что когда произошла миграция на север тех, кого мы знаем как израильтян, число эмигрантов увеличилось за счет присоединения других северных арабов. Все, кто таким образом собрался вместе, должны были иметь связь в виде общего поклонения — поклонения богу по имени Яхве, имя которого первоначально, вероятно, выражало физическое отношение или явление, но со временем стало объясняться некоторыми как означающее действительно существующего или самопроявляющегося.

Считалось, что этот Бог особенно присутствует на горе Синай, откуда, естественно, племена Израиля, поклонявшиеся Яхве, считали, что они получили законы и институты, которые на самом деле были позднего происхождения. Израильтяне в Аравии были кочевниками, но три великих ежегодных праздника, упомянутых в Пятикнижии, являются праздниками земледельческого народа и, вероятно, были приняты израильтянами после того, как они перешли к оседлому образу жизни. Однако одна часть первого из этих праздников — так называемая Пасха — на самом деле является памятником кочевой жизни израильтян; она соответствует подобному весеннему празднику у арабов (), который, как мы знаем, отмечался древними арабами. Праздник новолуния, который не имел никакого отношения к сельскому хозяйству, и праздник стрижки овец, возможно, были сохранены израильтянами с периода их кочевничества.

Город Сарепта, по-видимому, считался пограничным между страной, известной как Мизрим или Музри, и пастушеской страной, называемой на иврите Негеб, хотя в некоторых отрывках Ветхого Завета указывается, что в более поздние времена была установлена более южная граница, а именно Кадеш. Возможно, что среди доизраильских жителей Негева были «сыны Анака» или анакиты, и что эти анакиты (чья ужасность была преувеличена легендами) были тождественны или тесно связаны с «Рефаимами» или рефаитами, чей царь, называемый Ог, обычно, вследствие очень ранней ошибки в тексте, переносится в страну к востоку от Иордана, и которые на самом деле были амаликитянами, т. е. иерамеелитами (ведущей расой северной Аравии в первобытные времена, включая едомлян). Фактически, Ог и Агаг (последнее — традиционное амаликитское имя) — это имена, которые можно было разделить только по какой-то веской филологической или исторической причине.

ПЕРВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КАДЕША

Слишком верно, что еврейские тексты часто, к сожалению, искажены, но среди прочего мы все еще можем увидеть, под искажениями, что первая миграция израильтян из Кадеша (около Хореба или Синая) была не в западную и не в восточную часть Ханаана, а в страну к югу от Палестины (Негев), где жители перешли (как, вероятно, и жители Мизрима) к оседлому образу жизни и были процветающими земледельцами; их виноградники были особенно известны в древних легендах. В результате этот регион стал местом действия большого числа еврейских легенд, а священные места в нем продолжали привлекать благоговейных паломников вплоть до падения царства Иудеи. (Это следует из критического анализа Иеремии xli.) Среди этих легенд есть легенды о патриархах в их ранней форме и, возможно, даже легенды о так называемых судьях. В период, когда израильский центр еще

находился в Негеве, было практически невозможно обеспечить единство действий, и первые попытки ввести личную суверенность, по-видимому, увенчались полным успехом только в рамках отдельных племен (см., в частности, истории Иеффая и Гедеоны). Не нужно добавлять, что королевское правление предполагает наличие городов, поселков и деревень.

Наиболее достоверным свидетельством переходного доцарского периода, которым мы располагаем, является так называемая Песнь Деборы (Судьи, г.), в которой воспевается успешная война ряда еврейских кланов, объединившихся для этой цели, против общего врага, который, согласно искаженному тексту Судей, г. (ср. также 5:19, также искаженный), был царем Ханаана; но согласно более достоверному прочтению, полученному методом систематической критики из искаженного текста, был царем Кеназа (широко распространенного племени, родственного Эдому). Песнь, по-видимому, отражает традицию в тот момент, когда ее еще можно назвать исторической. Она показывает, что в периоды великой нужды кланы могли объединяться, и аналогичный случай, который мы могли бы легко считать историческим, упоминается в Книге Судей, 3:8-11: угнетение израильтян царем из племени Иерамеела по имени Кушан (собственно, название племени), которое было прекращено благодаря вмешательству дружественного клана кенизитов по имени Отниэль (Итан?). Этот клан Отниэля, должно быть, имел лидера, обладавшего не только обычным героизмом, но и большим, который побудил другие кланы последовать за ним. Такие события, повторявшиеся, возможно, с большой частотой, должны были подготовить почву для царского правления.

Противники Израиля, очевидно, черпали свою силу не только из превосходства в вооружении и боевом опыте, но и из своего единства. Кочевники могли благодаря своей ярости и внезапности атак завоевывать оседлые и цивилизованные территории, но не так легко было удерживать эти завоевания от нападений решительных, объединенных и хорошо вооруженных врагов. В какой степени израильские кланы поселились в Ханаане, в отличие от Негева, мы вряд ли можем сказать, но мы находим территорию, известную как Вениамин, в руках израильских кланов в конце переходного периода, и мы не можем сомневаться, что между Вениамином и Негевом должны были быть поселения израильских кланов, перемешанные со старым населением; и мы можем с уверенностью утверждать, что один из самых важных из этих кланов назывался Иуда, а другой — Калев. То, что израильтяне также обосновались в центре и, в некоторой степени, на севере Палестины, конечно же, не подлежит сомнению. Но в то же время не сохранилось никаких достоверных еврейских преданий по этому поводу, и предположение, что племя Ашера было названо так потому, что его поселения находились на некогда важной земле Асару (упоминаемой в египетских надписях) в том, что стало западной Галилеей, и, возможно, в свое время владело всей Галилеей, менее вероятно, чем теория, что это имя является модификацией Ашхура, происходящего от времени, когда это племя жило в окрестностях Текоа на территории Калеба, далеко на юге (1 Паралипоменон ii. 24, iv. 5). Поэтому мы не можем ничего сказать об израильском завоевании центральной и северной Палестины, равно как и не можем рискнуть предположить, что израильтяне этого региона были в каком-либо смысле, пусть даже ограниченном, подданными царя Саула.

ПОМОЩЬ ОТ МЕНЕПТАХА И ПИСЕМ ИЗ ТЕЛ-ЭЛЬ-АМАРНЫ

Что касается хронологии событий доцарского периода, то здесь царит большая неопределенность. Конечно, у нас есть некоторая информация из внешних источников, но она ведет нас в неожиданном и нежелательном направлении. В 1896 году профессор Флиндерс Петри обнаружил надпись фараона Менептах, в которой этот царь говорит о завоевании не только Аскалона, Гезер и Йенаума, но и Израиля. Также упоминается Хару

(земля), точное местоположение которой неизвестно. Местоположение Аскалона и Гезер хорошо известно. Первый — это филистимский город, второй находится справа от железной дороги из Иоппы в Иерусалим, к югу от Лидды. Местоположение Йенуама менее точно известно. Город под названием Яноах упоминается в 2 Царств хв. 29 между Авель-бет-Маахой и Кадешем в связи с Галаадом, Галилеей и Нефтали, но на правильность принятого географического представления об этих древних названиях нельзя полагаться безоговорочно. Навиль считает, что мы можем отождествить Йенуам с Ябнеэлем или Ямнией, но эти названия с трудом можно связать филологически. Однако мы знаем, что Наама — это имя клана южной Палестины и северной Аравии, и поскольку в 2 Царств хв. 29, вероятно, имеется путаница между Ассуром (Ассирией) и Ашхуром (северным аравийским царством, возможно, Мелукхой, часто упоминаемым в ассирийских надписях), представляется наиболее важным предположить, что Йенуам Менептаха находился на юге Палестины. Таким образом, становится правдоподобным предположение, что кланы израильтян существовали на юге Палестины около 1273 года до н. э.

Давайте пойдем дальше. Из мирного договора между Рамсесом II (отцом Менептаха) и царем Хета или хеттов (около 1300 г. до н.э.) мы можем сделать вывод, что юг Палестины в то время был занят египетскими войсками. Только юг был египетским; север продолжал находиться под контролем хеттов. Даже Сети I (отец Рамсеса II), который добился непрерывного успеха в северной Аравии и южной Палестине, не смог надолго занять ни одной крепости в Ханаане к северу от Мегиддо. Из этих фактов мы можем сделать вывод, что одна часть израильтян, возможно, проникла из Кадеша в южную Палестину до правления фараона Сети I, в период упадка египетской власти в Азии. И так случилось, что в знаменитой Тель-эль-Амарнской переписке мы имеем неопровержимые свидетельства беспорядков, вызванных в южной Палестине в веке, предшествовавшем правлению Рамсеса II, неким народом под названием хабири, которого некоторые отождествляют с израильтянами; и именно Абд-хиба, царь или, по крайней мере, правитель Урусалима или Иерусалима, жалуется своему сюзерену, царю Египта, что владения царя теряются из-за хабири.

Эти хабири, по-видимому, были грабительскими кочевыми племенами, которые были на пути к переходу к оседлому образу жизни. Не исключено, что это имя эквивалентно Ибрим (евреи); только если мы примем это уравнение, мы не должны ограничивать применение термина «евреи» израильтянами, но распространить его на «всех сынов Эвера» (Бытие х. 24), библейскую фразу, которая показывает, что сами израильтяне ни в коем случае не были ограниченными в использовании этого термина. Вместо того чтобы отождествлять хабири с израильтянами, которые, вероятно, в значительной степени стали земледельцами в Негеве, можно предположить, что вождь Иерусалима имел в виду тех, кого мы знаем как амаликитян. Тем не менее, нельзя отрицать саму возможность того, что народ на юге Ханаана, названный «Израиль» фараоном Менептахом, мог частично происходить от некоторых грабительских кланов, называемых хабири.

Из писем из Тель-эль-Амарны можно извлечь следующие важные для истории Израиля факты:

1. Сохранение вавилонского языка и клинописных символов — доказательство сильного влияния раннего Вавилона на Сирию и Палестину.
2. Полунезависимость городов — следствие распада Египетской империи в Азии.
3. Наличие имен (Милкили, Абд-Милки), указывающих на наличие элемента иерамелитов в оседлом населении Палестины.
4. Имя Урусалим (Иерусалим) и важность города с таким названием.

5. Имя Хабири, возможно связанное с Ибрим, «евреи».
6. Важность хеттов в северной Палестине (включая позднее царство Израиль).
7. Неустанная деятельность воинственных кочевников, некоторые из которых поступили на службу к царям и вождям.
8. Благосклонность, проявленная к уроженцам Палестины при египетском дворе, напоминающая нам историю Иосифа.

Мы не можем останавливаться на каждом из этих фактов, но можем отметить, что история Иосифа в ее нынешнем виде, безусловно, имеет более исторический вид, чем любая другая из ранних еврейских легенд. Египетский чиновник, который, согласно амарнским табличкам, надзирает за зернохранилищами в земле Яримута, напоминает нам Иосифа, занимавшего аналогичную должность; и возникает вопрос, не лежит ли в основе истории Иосифа традиция о каком-то одаренном члене одного из кланов Иакова или Израиля, который обрел благосклонность и работу при дворе Аменхотепа IV (одного из фараонов, упоминаемых в амарнских табличках).

Тем не менее, история Иосифа, как и другие древние еврейские легенды, могла иметь более раннюю форму, в которой место действия находилось в обширном регионе к югу от Палестины, а упоминаемый царь был североаравийцем. И хотя в XIII веке до н. э. в Южной Палестине, возможно, и существовал «Израиль», тот же источник, который утверждает это как факт, также говорит, что победоносный египетский царь опустошил Израиль, не оставив ни одного плода на полях, а контекст предполагает, что мужское население было уведено в плен или убито.

САУЛ И ДАВИД

Вернемся к Саулу, которого легенда представляет как первого царя Израиля, но который, если критически подойти к его истории, был не более чем диктатором южных израильских племен в период непрекращающихся войн. Согласно нашим нынешним текстам, его врагами были аммонитяне, филистимляне и амаликитяне, но в первоначальных легендах упоминается только один великий враг — те, кого на амарнских табличках называют хабири, т. е. североаравийские племена, иногда называемые иерамеелитами (откуда и происходит название «амаликитяне»), иногда зарефатитами (откуда, вероятно, произошли «пелетиты» и «пелиштим» или филистимляне). Упоминание в 1 Царств xiv. 47, 48 о том, что Саул воевал с другими иностранными врагами, помимо упомянутых здесь, а именно с северными арамеями, не заслуживает доверия; очевидно, что здесь имело место как вставка, так и путаница в именах. Историка интересует только последняя часть, поскольку она кратко описывает достижения правления Саула: «Он порастил Амаликитян и избавил Израиль от руки его грабителя». Еще одно лаконичное и правдивое высказывание: «Вся жизнь Саула была полна жестоких войн с филистимлянами (зарефатянами)» (1 Царств 14:52).

Однако вполне вероятно, что у Саула был еще один враг. Это прямо не указано в наших текстах, но формулировки 1 Царств xvi. 28; xviii. 8 приобретают новую силу, если рассматривать их как отголосок этого намеренно замалчиваемого факта. Этот враг был человеком, который стал преемником Саула — Давидом. Важно знать, откуда взялся этот противник Саула. Он был уроженцем одного из нескольких мест, называвшихся (первоначально) Бет-Иерамеэль: позднее редактор допустил географическую ошибку и предположил, что это был Бет-Иерамеэль, более известный как «Бет-Лехем Иудейский», тогда как на самом деле это был Бет-Иерамеэль в «Негеве» или степной местности. Важно

отметить, что сестра Давида Авигея вышла замуж за мужчину из Изрееля (недалеко от Кармеля в Иудее, откуда была родом любимая жена Давида Авигея), и что сам Давид взял свою первую жену из этого места. Все это указывает на место, расположенное ближе к северной Аравии, чем Вифлеем; вероятно, оно находилось недалеко от Маона и Кармеля. Номинально этот район Негева был частью владений Саула. Мы делаем этот вывод из 2 Царств 2:9, где говорится (при правильном толковании), что сын Саула (и, следовательно, сам Саул до него) был царем над (южным Галаадом), Ассуром, Изреелем и Ефремом, а также над Вениамином. Иуда не упоминается, потому что, согласно легенде, Давид недавно был провозглашен царем над «домом Иуды» в Хевроне. Но удержать под контролем столько полунезависимых кланов было не по силам Саулу, и Давид, член одного из них, задумал создать для себя княжество на юге до тех пор, пока зрелый плод более крупного царства не упадет ему в рот. Его политическая роль началась, когда он собрал вокруг себя банду разбойников, состоявшую частично из его родственников, частично из отчаявшихся преступников. Среди его пристанищ особо упоминаются Адуллам, Кеила, Кармель и Циклаг — все места в «Негеве». Последнее из названных мест представлено нам как принадлежащее Ахишу, царю Гата. Но филистимский сюзерен израильского наемника немыслим, и в еврейских повествованиях мы снова и снова находим, что название Гат возникло в результате искажения из искаженного фрагмента «Рехобот». Немного к северо-востоку от места Реховот (Рухайбе), в направлении Беэр-Шебы, стоят руины Халасы, Элусы раннехристианской эпохи, известной в тот период своим своеобразным языческим культом. Вполне вероятно, что это и есть Сиклаг Давида. Когда Давид был князем Сиклага, произошло роковое сражение между Саулом и сарептянами (филистимлянами), местом которого была не гора Гильбоа на севере (как показывает текстологический анализ), а гора Иерамеэль на юге. Никто не может сказать, верно ли традиционное повествование, утверждающее, что Давид воздержался от участия в сражении.

Несомненно, что все это время Давид действовал с величайшей хитростью. К моменту смерти Саула он был не только господином Циклага, но и благодаря браку стал главой могущественного клана, поселившегося в окрестностях южного Кармеля, *то есть*, вероятно, недалеко от его собственного дома. Его целью, должно быть, было отделить кланы Негева от Саула и подготовить их к тому, чтобы принять его в качестве своего господина, или, там, где Саул не завоевал даже номинальной верности клана, установить с кланами личные отношения, оказав им какую-либо услугу. Наконец Давид стал достаточно сильным, чтобы провозгласить себя царем. Это означает, что ряд кланов, проживавших поблизости (ср. 1 Царств 30:27-31), доверяли ему или боялись его настолько, что обещали ему повиновение. Что было центром его владений? И был ли он действительно независимым, или же был вассалом более могущественного царя?

ДАВИД ПРИЗНАН КОРОЛЕМ

Столицей раннего царства Давида был Хеврон, *то есть* ему удалось завоевать верность там, где Саул потерпел неудачу. Клан Иуды (еще не ставший «племенем») и другие кланы, имевшие общие интересы с Иудой, объединились и признали Давида своим царем. После этого Давид осуществил еще один великий политический ход. Он строил планы по созданию царства, большего, чем Иуда, и сразу же выбрал столицу и сражался за нее. Этой столицей был город иевусеев (измаильтян, *то есть* иерамеельцев), который до сих пор успешно сохранял свою независимость — Иерусалим. Его географическое положение и природные преимущества, а также тот факт, что он не был связан ни с одним израильским родом или коленом, делали его идеальным местом для столицы обширного палестинского царства. Но прежде чем он смог продолжить, ему пришлось справиться с врагами. Рехоботцы и

Зарефатцы, которые не были враждебно настроены по отношению к Давиду, считая его врагом Саула, теперь увидели, что он занял место Саула и будет продолжать патриотическое дело этого царя. В окрестностях «Гоба» или «Гата», а точнее Рехобота (оба названия являются искажением), а также в долине Рефаим Давид и его воины сражались с зарефатянами и победили их, и вполне разумно предположить, что «херетяне и пелетяне», которые, согласно настоящему тексту, стали телохранителями Давида, были людьми из Рехобота и Зарефата, которые, видя, что безнадежно сражаться против Давида (), выбрали лучший из двух зол — сражаться вместе с ним. Должно быть, именно эта победа позволила Давиду вернуть священный ковчег Яхве из плена у иерахмеельцев.

ЗАВОЕВАНИЯ ДАВИДА

Следующей задачей Давида было свергнуть преемника Саула, Эшбаала или Ишбошета, и завоевать то, что осталось от царства этого слабого наследника Саула. Можно предположить, что было пролито больше крови, чем позволяют предположить наши тексты. Создатели легенд идеализировали Давида, но историк обязан заглянуть за легенду. Эпитеты, которыми обрушился на Давида Шимей, согласно 2 Царств 16:7, должны иметь для своего оправдания нечто большее, чем уступка, якобы сделанная Давидом в отношении мести гаваонитов (2 Царств 21:1-14); а странная легенда о разрушении Вениамина в Судьях 20, 21, вероятно, является замаскировкой исторического факта, который произошел позднее, чем предполагается в легенде. И Вениамин, и части Негева должны были быть завоеваны силой, и, судя по характеру дела, а также по тому факту, что генерал и родственник Саула, Авне, встал на сторону Эшбаала, можно предположить, что эта война длилась некоторое время. Мы с удовольствием рассказали бы о том, что происходило в той части Палестины, которая, насколько нам известно, не входила в владения Саула, но традиции утрачены. Из преданий можно сделать вывод, что Давид обладал как государственным талантом, так и большими способностями в военном деле, а преимущества единства, возможно, были очевидны для племен, которые имели плодородные земли и подвергались набегам мидианитян и арамейцев. Тем не менее, страх перед Давидом, а также забота о собственных интересах, возможно, способствовали аннексии, как мы можем справедливо назвать это, центральной и северной части Израиля империей авантюриста из Негева. Однако, вероятно, это событие произошло не так скоро, как предполагает нынешняя форма наших текстов; вероятно также, что союз севера и юга никогда не был таким тесным, как тот, который сложился между Иудеей и, по крайней мере, частью Вениамина. Дальнейшие исследования могут пролить некоторый свет на этот вопрос.

ВОСТАНИЕ ПРОТИВ ДАВИДА

Согласно записям, в конце правления Давида произошло два восстания. В обоих случаях повествования необходимо тщательно и критически изучить. На данном этапе исследования кажется, что восстание Шебы ошибочно связано с восстанием Авессалом и произошло в более ранний период правления Давида. Вероятно, Давид еще не успел подавить независимый дух вениамитян, и Шеба, который был шейхом важного клана (это был клан Саула) бикритов, поднял знамя восстания, поддержанного не только бикритами, но в некоторой степени и израильскими жителями Маахи в Негеве (2 Царств 20:14). Вероятно, он стремился к возрождению царства Саула и окончательному отказу от амбициозного плана создания палестинской империи. Однако его попытка закончилась неудачей. Восстание Авессалом было похожим, но его главные сторонники находились не в Вениамине (который, по всей вероятности, к тому времени был уже поработан), а в Иудее.

Это племя, без сомнения, было создано Давидом, но элементы, которые были объединены со старым кланом Иуды, будучи калекитами или иерамеелитами, по-прежнему испытывали живейший интерес к стране к югу от Палестины, называемой Негевом, и когда Авессалом, сын матери из северной аравийской племени, принял их чаяния как свои собственные, все израильское население Негева стекалось под его знамя. Однако этот хорошо продуманный план, который, вероятно, предполагал дальнейшие успешные военные действия Давида против южной Арамы (т. е. иерахмеелов в Негеве и его окрестностях), также был обречен на провал.

СОЛОМОН И ИЕРОБОАМ

Преемник Давида, Соломон, взшел на престол в результате *государственного переворота*. Его успех во многом был обусловлен энергией иерусалимского священника Садока, который был предан служению новому святилищу Давида на горе Сион. Дружба со священнической партией имела важные последствия как для Соломона (которого иерусалимские священники, естественно, идеализировали в легендах), так и для государства, которое теперь обладало святилищем, официально признанным высшим. Для возведения храма требовалось большое количество как дерева, так и камня, и наши тексты показывают, что дерево и камень поступали из Ливана благодаря дружественным услугам царя Тира, к чьей территории, как предполагается, принадлежал Ливан. Однако под нынешними текстами мы можем разглядеть другую, гораздо более вероятную форму текста, в которой король, к которому обращаются за помощью, является королем Мицзура (североаравийская земля Музри), и, по-видимому, это тот же король (называемый в данном случае королем Музри), чья дочь стала женой Соломона.

СОЛОМОН И ХИРАМ

Однако впоследствии отношения между двумя царями, Соломоном и Хирамом, по-видимому, ухудшились. Согласно записям, Соломон уступил Хираму двадцать городов и (в оригинальном тексте) выплатил ему большую сумму денег. Мы не можем сомневаться, что это была цена мира; между двумя царями, чьи территории граничили друг с другом, должно быть, разгорелась вражда. Возможно, что война была вызвана не только воспоминаниями о несправедливости, совершенной Давидом по отношению к Мицриму, но и желанием Хирама получить коммерческие преимущества. Соломон был настроен обогатиться за счет торговых путешествий, и Хирам не хотел отставать от него. Эцион-Гебер, расположенный в вершине залива Акаба, входил в состав владений Соломона. Хирам, возможно, не имел собственных моряков, но был полон решимости не позволить всему доходу от морских путешествий, начинавшихся в Эцион-Гебере, достаться его сопернику. Поэтому он послал своих «слуг», *то есть*, вероятно, уполномоченных и купцов, чтобы они вели торговлю от его имени в различных портах, в которых он останавливался, главным из которых, несомненно, был Офир, порт великой аравийской или восточноафриканской золотой страны. Царь Мицрима был не единственным североаравийским князем, который создавал Соломону трудности. Некоторое время в соседнем с Негевом регионе, называемом Кушам, находились израильские гарнизоны, но авантюрист по имени Резон изгнал израильтян и основал новую династию царей Кушама, которая была обречена на то, чтобы причинять бесконечные неприятности будущим израильским царям.

ПРОТИВНИКИ СОЛОМОНА

Еще одним ярким противником Соломона был некогда беглый эдомитский, или, вернее, арамейский принц Хадад, который вернулся в свою страну (южный Арам или Иерамезель) и доставлял Израилю много бед. И третьим был Иеровоам, сын Навата (), ефратский из смешанного происхождения (его мать была из мицритов). То, что он принадлежал к северному колену Ефрема, нельзя утверждать с уверенностью; Ефрат было названием района в Негеве, и именно к этому району принадлежал Иеровоам. Его дом находился в Зерее, иначе называемой Тирзой, и, видя, что он был «трудолюбивым» и особенно интересовался Негебом, Соломон «положил на него ответственность за всю работу дома Исмаила», т. е. за принудительный труд (*подушную повинность*) северного аравийского подданного населения. Иеровоам использовал эту доверительную должность для своих амбициозных целей. Естественно, он вызвал недовольство Соломона и был вынужден бежать, спасая свою жизнь, в страну своей матери, Мицрим.

Подавление восстания Иеровоама оставило после себя гневные чувства по отношению к семье Давида. Поэтому, когда беглец вернулся после смерти Соломона, израильтяне в Негеве были готовы поддержать его притязания на власть. Какую позицию заняли израильтяне из Ефрема и других северных колен, в оригинальном повествовании прямо не указано. Однако можно с уверенностью сказать, что они не проявляли интереса к храму Соломона, но были очень заинтересованы в святилищах Негева. Они были вынуждены поддержать Иеровоама, потому что любили землю, на которой жили их предки. Ее святилища были для них самыми святыми местами на земле; Ханаан без Негева был бы как храм без алтаря. Следовательно, независимо от того, послали ли северные колена своих представителей после смерти Соломона на национальное собрание в почтенном городе Кушам-Иерамезель (позднее писцы, и вряд ли случайно, написали «Шехем»), голос народа был адекватно выражен, и приговор, вынесенный дому Давида от имени северных израильтян и родственных кланов в Негеве, был окончательным.

РАЗДЕЛЕННОЕ ЦАРСТВО

Однако, скорее всего, история о народном собрании является легендой, и Иеровоам и его сторонники сразу же прибегли к военному решению. Возможно, боевые действия велись на северной границе, но поле битвы, без сомнения, находилось главным образом в Негеве, который, судя по нескольким указаниям в наших текстах, отныне был частично израильским, частично иудейским, по крайней мере, когда арамейские или иерамеевские захватчики не пользовались временным ослаблением бдительности со стороны Израиля и Иудеи. Так Иеровоам, возможно, при поддержке своих друзей из Мицры, стал царем северной части Израиля, а Рехаввам, сын Соломона, — южной.

Все израильские колена от Ашера до Ефрема присоединились к Иеровоаму, а Иуда и Вениамин — к Ровоаму. Святая земля Негева, по-видимому, была предметом спора между ними, но особенно между северным Израилем. Мы уверены, что Иеровоам занял Бетель, и если мы можем предположить, что речь идет о южном Бетеле (в Негеве), то это проливает новый свет на многие места Ветхого Завета, имеющие большое значение для истории религии. Говорят, что в святилище Вефиля Иеровоам поместил изображение быка, покрытого золотом. Этот бык, должно быть, олицетворял баала из колена Иерамеела, которого Иеровоам отождествлял с Яхве, поклонение которому древние израильтяне переняли от кенитов из Кадеша (на границе Негева Иерамеела), которые вели их в их миграции. Иеровоам, естественно, был предан этому культу. Конечно, нельзя предполагать, что в Вефиле не было такого изображения Ваала до тех пор, пока он не поместил его там, но, по крайней мере, сделав Вефиль «святилищем царя» (Амос 6:13), он придал культу новый престиж.

Поэтому неудивительно, что в северном Израиле иерахмеевский Ваал все больше и больше затмевал Яхве, так что люди клялись не Яхве, а Ваалу Вефильскому и полностью отгородились от сил, столь активных в Иудее, которые способствовали религиозному прогрессу. Между тем внешнее положение как Израиля, так и Иудеи было настолько благоприятным, что даже египетский царь (Шашанк) счел целесообразным совершить набег на обе территории. Об этом, по-видимому, свидетельствуют скульптуры на южной стене великого храма в Карнаке (египетский Фивы).

ПРЕЕМНИКИ ИЕРОВОАМА

Новая династия просуществовала недолго. Сын Иеровоама, Надав, был убит Баашей из колена Иссахара, когда он осаждал (так говорится в нашем тексте) Гиббетон в Финикии. Это была военная революция, которые часто происходили в северном Израиле. Бааша энергично возобновил войну с Иудеей, однако ее царь Аса парализовал Баашу, призвав на помощь Бен-Хадада (вероятно, Бир-Дадду), царя Кушама в северной Аравии, который послал армию против городов Израиля (в Негеве). Примечательно, что два царя, которые совместно представляют Израиль, соперничают друг с другом за благосклонность и защиту северной аравийской державы. Предположительно, Аса предложил более крупную плату, чем Бааша. Эла, сын Бааши, быстро постигла участь Надава перед филистимской крепостью Гиббетон. Неудивительно, что было поставлено под сомнение, является ли историческим фактом столь точное совпадение обстоятельств первых двух северных израильских династий.

Зимри, «убивший своего господина», не прожил много дней в королевском великолепии. Большинство воинов не было на его стороне, а поддерживало главнокомандующего Омри. Покойный царь был убит в Тирце. Поэтому Омри и армия переместились из Гиббетона в Тирцу и осадили город. Зимри встретил смерть в своем горящем дворце.

Но Омри еще предстояло сражаться за свою корону. Другая часть народа поддерживала претензии Тибни; после гражданской войны партия Омри в конце концов одержала верх. Результат был благоприятен для северного Израиля. Омри, хотя и не всегда удачлив в войне (1 Царств 20:34), был очень способным правителем. Это видно из трех подробностей, которые дошли до нас: (1) покорение Моав северным Израилем во время его правления, (2) основание им города Шомерон, или, вернее, Шимрон, более известного как Самария, и, возможно, (3) уважение, которое его имени оказывали ассирийцы, которые после его смерти называли царство северного Израиля *мат-Хумри* или *Бит-Хумри*, «земля» или «дом Омри».

МОАВИТСКИЙ КАМЕНЬ

Первый из этих фактов записан на знаменитом «Моавитском камне», который рассказывает о том, как Омри поработил Моав и завладел землей Медеба, и как Израиль жил там во время его правления и половины правления его сына — сорок лет. Второй факт, если он верно изложен, не менее интересен: предшественники Омри и сам Омри в течение первых шести лет своего правления держали двор в Тирце, которая, по-видимому, была крепким городом в Негеве. Если Омри действительно построил северный Шимрон, то вполне вероятно, что он назвал его в честь города Шимрон в Негеве, недалеко от Бетель. Решение разместить свою столицу в центральной Палестине, если оно действительно имело место, было весьма разумным, учитывая растущую опасность со стороны Ассирии и северной Аравии. Возможно, когда-нибудь лопата археолога развеет небольшие сомнения, которые, похоже, существуют по этому поводу.

ОТНОШЕНИЯ ИУДЕЕВ С АССИРИЕЙ И АРАМОМ

К сожалению, фрагменты еврейской исторической традиции, если подходить к ним критически, дают нам очень мало достоверной информации о контактах северных израильтян с этими двумя державами в этот период. Шалманасер II сообщает нам в надписи, что (в 854 г. до н. э.) он одержал победу в Каркаре, недалеко от Хамата, над союзом царей, первым из которых был Дад-идри, или Бир-идри, из Дамаска, вторым — Ирхулина из Хамата, а третьим — Ахаббу из Израиля (?). В 1-й книге Царств об этом важном факте нет ни слова; более того, еврейское описание последней кампании Ахава не вполне согласуется с ассирийской надписью. Тот же ассирийский царь сообщает, что (в 842 году) Яуа, сын Хумри, вместе с тирийцами и сидонянами, платил ему дань. В 1-й книге Царств об этом нет ни слова. К сожалению, подобные записи о северных арамеях не сохранились. Окончательный редактор повествований в 1-й книге Царств, должно быть, считал, что израильтяне имели серьезные конфликты с северной Арамой, но под традиционным еврейским текстом лежат повествования, которые все еще можно приблизительно восстановить, в которых противоборствующими силами были не Израиль и Арам-Дамаск, а Израиль и Арам-Кушам. Шимрон и Изреель, о которых говорится в этих повествованиях, — это не Самария и северный Изреель, а места с такими названиями в «Негеве».

Имя Бен-Хадад, данное в 1 Царств царю Арама, соответствует не Бир-идри (имя современного царя Дамаска), а Бир-дадда, возможность чего, как имя североаравийского царя, подтверждается его появлением в надписях. Хазаэль также в равной степени возможен по аналогичным основаниям, как имя царя северной аравийской земли Кушам. Илия и Елисей в оригинальных еврейских повествованиях, согласно недавней критике, также, безусловно, представлялись как пророки Негева. Появления и исчезновения Илии теперь перестают быть метеорическими; ему не нужно далеко ходить ни в Шимрон, чтобы встретиться с царем, ни в Хорив, чтобы возродить свои духовные силы через общение с Богом, который особо обитал на вершине этой горы.

ПОКЛОНЕНИЕ БААЛЬУ

Вся религиозная история северного Израиля теперь становится гораздо более понятной. Израильтяне поклоняются иерахмеельскому Ваалу, отождествляя его с Богом Исхода; и непрогрессивный характер его культа, обращенного в основном к чувствам, был причиной, по которой пророки Иудеи использовали столь резкие выражения, осуждая его поклонников. Мы можем быть уверены, что Илия, то есть школа пророков, которую он представляет (т. е. Амос), никогда не входил в храм Иерамеелитов. Но святость Хореба, в той мере, в какой она не была умалена коррумпированным культом и его зданиями, не отрицалась этими преемниками Моисея.

Обычно считается, что Ахав был мужем тирийской жены и пропагандистом недавно завезенного из Тира варианта поклонения Ваалу. Однако аналогичная история Соломона в «» предупреждает нас о необходимости осторожности, и критический взгляд на текст показывает, что жена Ахава была северной аравийской принцессой из Мицрима, и его проступок, с точки зрения Илии, заключался в том, что он дал новое официальное санкционирование тому, что мы можем назвать иерамеелизмом. Иеровоам оказал свою королевскую милость святилищу в Вефиле; Ахав оказал подобную честь новому святилищу в Шимроне. Именно этот южный город Шимрон, а не его северный тезка, осаждал Бен-Хадад (Бир-Дадда?) из Кушама. Конечный результат осады, о которой у нас есть, вероятно, два описания (1 Царств xxi. 22 и 2 Царств vi. 24-vii.), был благоприятным для Ахава. С другой стороны, Ахав все еще должен был сражаться за Рамот (или Рамат) в южной части Галаада, и

храбрый царь встретил свою смерть от случайного выстрела из арамейского лука. Именно перед Рамотом в Галааде Иорам, сын Ахава, который наследовал своему старшему брату Ахазии, получил те раны, о которых мы слышим в истории о восстании Иегу.

РЕХОАВ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

Обращаясь к южному царству, мы замечаем, что прошло некоторое время, прежде чем царь из рода Давида предпринял попытку получить иностранную защиту. Во времена Иеровоама это было бы бесполезно. На пятом году правления Ровоама царь Мицрима доказал свою приверженность Иеровоаму и свою корыстную выгоду, вторгшись в еврейские владения. Соппротивление было безнадежным; Иерусалим был захвачен, и уход Куши (имя искажено в наших текстах до Шишака) был куплен дорогой ценой. Третий царь, Аса, оказавшись в опасности стать вассалом Бааши, фактически стал вассалом царя Кушама; история о том, что он победил армию кушитских захватчиков (в Зефате или Зарефате?), наверняка является апокрифической. Аса и его сын Иосафат хвалены за свою верность Яхве. Последний царь, однако, сумел обменять кушитского сюзерена на израильского и, согласно (позднему) летописцу, одержал победу над (южными) арамейцами или иерамеелами в Негеве (текст 2-й книги Паралипоменон хх. страдает неточностями в отношении географического положения).

В войне против Моава Иосафат оказал Ахаву услугу вассала, и мы можем предположить, что в отряде из десяти тысяч человек, посланном Ахавом на битву при Каркаре, был иудейский контингент. Нам также сообщают, что он стремился вновь открыть прямое морское сообщение с золотой страной Офир. Его сын Иорам остался верным северному израильскому царю. Аса не смог противостоять браку между наследным принцем и Аталия, дочерью Иезавели. Таким образом, по крайней мере официально, между северным и южным Израилем существовал как религиозный, так и политический союз; Иорам, как нам сообщается, «ходил путем (т. е. практиковал культ) дома Ахава».

Восстание эдомитян, которые до сих пор признавали верховенство Иудеи, ознаменовало правление Иорама. Его сын Ахазия продолжил его политику, и сразу после того, как он выполнил обязанности вассала перед Рамотом в южной части Галаада (за который все еще боролись арамейцы), он вместе со своим дядей и сюзереном Иорамом Израильским пал жертвой интриг амбициозного полководца Иегу. Имя Иегу (по-видимому, израильтянина из Негева) связано с революцией, которая привела к результатам, отличным от тех, которые были запланированы. У нас есть только рассказ о ней, данный пророческой школой рассказчиков. Согласно ему, революция была спланирована пророком из Негева по имени Елисей и получила одобрение шейха подразделения кенитов, называемого рехавитами. Конечно, вполне вероятно, что пророки Негева вмешивались в политику, и что та часть кенитов, которая не вела оседлого образа жизни, была сильно возмущена продолжением той чувственной формы культа, которую предпочитал дом Омри.

ИИУВ И СЛЕДУЮЩИЕ ЦАРИ

Иегу, возможно, также был широко известен как энергичный и беспринципный человек, чьи амбиции можно было использовать в интересах религиозной реформы. В любом случае, поклонение Ваалу при дворе, которое, как мы уверены, стало агрессивным, было жестоко подавлено Иегу, и этот смелый авантюрист теперь начал строить планы по созданию единого царства Израиля, подобного царству Давида в древности. С этой целью он убил не только Иорама из Израиля, но и Ахазия из Иудеи, хотя, как показали события, он не учел всех обстоятельств, поскольку Аталия, царица-мать Иудеи, со своей стороны убила всех

детей других жен Иорама из Иудеи, а также, по замыслу, сына Ахазии (он, однако, спасся) и узурпировала трон. В результате северный и южный Израиль на время пошли каждый своим путем.

В 842 году до н. э. Иегу счел целесообразным послать богатые подарки Салманасару II, которые этот царь называл «данью». Здесь мы болезненно осознаем скудность нашей информации. Какова была политика царицы Иудеи в течение шести лет ее правления? Интриговала ли она с Кушамом против северного Израиля? Мы знаем, что Хазаэль, царь Кушама, возобновил войну в Негеве с удвоенной яростью. Далее, какова была политика другого Хазаэля — царя Дамаска — по отношению к северному Израилю? Редактор книги Царств, по-видимому, считал, что этот Хазаэль был противником Иегу. Это может объяснить «подарок», посланный Иегу Салманасару, который вел войну с Хазаэлем. С другой стороны, Иегу, по-видимому, не посылал никаких подарков в 839 году до н. э., когда Салманасар во второй раз встретился с Хазаэлом, а Тир, Сидон и Гебал снова прислали дань. Был ли Иегу в промежутке вынужден стать вассалом царя Дамаска, который все еще был способен противостоять неоднократным нападениям ассирийцев?

Яростные нападения Хазаэля из Кушама продолжались и после смерти Иегу. Такая большая часть Негева была захвачена либо Хазаэлем, либо его преемником Бен-Хададом, то есть Бир-Даддой, и так много израильских жителей были либо убиты в бою, либо увезены в рабство, что казалось, что самая ценная жемчужина в короне израильских царей была утрачена. Перелом к лучшему в судьбе Израиля произошел при Иоасе. Вероятно, это было в основном связано с победами ассирийского царя Адад-нирари III, который утверждал, что получал дань от Тира, Сидона, Хумри (Израиля), Эдома и Финикии, и который унизил, хотя и не уничтожил, Мари, храброго царя Дамаска. Если, как можно предположить, последний царь наказал Иоахаза за ассирийские наклонности его отца, то можно понять, что, когда Дамаск перестал представлять опасность, сын Иоахаза, под влиянием пророков, таких как Елисей, мог предпринять решительные и успешные действия против захватчиков Негева.

Однако дело освобождения еще предстояло завершить; это было достижением Иеровоама II. Именно он отвоевал почтенный город Кушам-Иерамеэль и вернул Израилю регион Маакат (или Иерамеэль-Маакат). Этот период, как показывает критика, ярко иллюстрируется в произведении Амоса, в котором рассказывается о его конфликте с Амасией, священником южного Бетеля, и упоминается имя Иеровоама. Однако война все еще продолжалась, когда этот пророк злых вестей писал свои произведения. Вероятно, что в течение некоторого времени правления Иоаса и Иеровоама царь Иудеи вновь находился в вассальной зависимости от царя Израиля.

УПАДОК И ПАДЕНИЕ САМАРИИ

Смерть Иеровоама стала началом конца для северного царства. Убийства и революции сменяли друг друга с ужасающей быстротой. О Захарии и Шаллуме нечего сказать. Однако правление Менахема знаменует собой новую эпоху. Тиглат-Пилесер III в своих анналах сообщает, что он получил дань от Кушташпи из Куммуха, Расунну из Дамаска и Минихими из Самирины. Вполне вероятно, что третий царь — это Менахем из Самарии. Однако эта идентификация не является достоверной; возможно, имелся в виду какой-то другой город. Кроме того, в еврейских записях говорится о вторжении в северное царство, и захватчик называется Пул (в греческом тексте — Палох), царь Ассира. В Книге Осии есть веские доказательства того, что в этот период израильтяне добивались благосклонности североаравийских царей Мизрима и Ассира. Мы знаем, что Мицрим — это земля, иначе называемая Музри; Ассур (Ашхур), как можно предположить, — это земля, называемая ассирийцами Мелукха. Поэтому, вероятно, именно царь Мелукхи, величайший из

североаравийских царей, вторгся в царство Менахема и потребовал от него дань. В этом случае он вторгся не в центральную Палестину, а в Негев. В следующем царствовании — царствовании Пекаха — тот же царь Ассира (названный на этот раз не Пулом, а столь же неточным именем Тиглат-Пилесер или Тилгат-Пилнесер) вернулся в Негев, часть которого он завоевал, депортировав его израильских жителей в северную Аравию.

АССИРИЙСКОЕ УГНЕТЕНИЕ

Вероятно, он был недоволен тем, что обедневшее царство Израиль не могло платить дань. Однако у североаравийского царя, должно быть, были и другие причины для своих действий. Истинный ассириец Тиглат-Пилесер рассказывает нам о царице Ариби и о мелких аравийских шейхах, которые платили ему дань, и мы вполне можем предположить, что, зная о амбициозных планах и интригах Ассирии, величайший североаравийский правитель стремился укрепить североаравийскую границу, заселив ее колонистами, на которых он мог положиться. Вскоре после этого он поступил аналогичным образом с Кушамом, депортировав его жителей () в Кир. И снова мы должны сожалеть о скудности внешней информации, иллюстрирующей этот период. В еврейском тексте говорится о том, что Пеках из Израиля присоединился к царю северной Арамы в вторжении в Иудею. Как мы увидим, это весьма сомнительно. Кроме того, в традиционной истории этого периода есть многое, что подлежит пересмотру. Путаница между двумя Шимронами и двумя Ассирами так же затруднительна, как путаница между двумя Арамами и двумя Музурами. Но разве ассирийские надписи не содержат никаких фактов? Напротив, в них упоминаются как Пеках, так и Осия. Первого они представляют нам как члена антиассирийской партии, существовавшей в Самарии, как и в других местах, и из анналов мы узнаем, что в наказание за это жители большей части Бит-Хумри (Самарии) были депортированы ассирийцами, и что после убийства Пекаха Тиглат-Пилесер утвердил назначение Осии царем на скудные остатки Северного Израиля (733 г. до н. э.).

Из того же источника мы узнаем, что в начале правления Саргона (722 г. до н. э.?) этот царь осадил и захватил Самирину (Самарию), увез 27 290 ее жителей, оставил пятьдесят их колесниц, поставил правителя над остатками народа и наложил на них дань бывшего царя. Это все, что мы знаем о деяниях ассирийцев; чтобы узнать о деяниях ассирийцев, мы должны обратиться к пророку Осии и второй книге Царств. Первый, писавший, вероятно, когда судьба южного Шимрона была уже предрешена, пророчествует не только о том, что он будет захвачен, но и о том, что царь Израиля встретит свою смерть от рук Ассира. Он также, вероятно, называет имя ассирийского царя, сменившего Пула или Палоха, как Шалмана (Осия xi. 14), ссылаясь на некоторые типичные варварские деяния, в которых был виновен этот царь.

Шалман неправильно упоминается в 2-й книге Царств как Шалманасер. Мы узнаем, что в течение нескольких лет Осия платил дань Шалману (эзер), но после этого, полагаясь на помощь царя Мицрима, он перестал платить; поэтому ассирийский царь бросил его в тюрьму. Если письмо из 2 Царств xvii. 4, 5 верно, то это предшествовало ассирийскому вторжению в землю (т. е. Негев), которое закончилось осадой Шимрона. Осада длилась три года, по окончании которых царь Ассира взял Шимрон и депортировал большую часть оставшегося израильского населения Негева в свою страну, заполнив их место в Негеве колонистами из Северной Аравии. Эти новые шимронцы и были теми людьми, которые доставили евреям столько неприятностей во времена Неемии.

Таким образом, две части той большой части Израиля, которая отвергла династию Давида, были практически уничтожены, поскольку история не может больше учитывать остатки, которые выжили как в северном Израиле, так и в Негеве, остатки, которые, хотя и

сохранили божественное имя Яхве в своем культе, по сути не отличались от неиудеев, с которыми они смешались. Мы действительно делаем вывод из 2 Царств xvii. 25-33 мы действительно узнаем, что североаравийские колонисты в Негеве сочетали ритуальное поклонение Яхве с поклонением своим собственным богам, и мы можем предположить, что они узнали «обряды» или церемониальные предписания Яхве не от одного священника — единственного представителя Израиля в обширной земле Негева — а от скудных остатков израильтян, оставленных завоевателем (ср. 2 Царств xxiii. 20). Но какова ценность или значение этого скудного и неинтересного факта для истории Израиля или истории Израиля? Отныне всемирная историческая миссия Израиля была ограничена той частью народа, которая была верна династии Давида и в которой, благодаря пророкам, в основном происходившим из Негева (земли противоположностей в религии), элементы прогресса все еще были активны, несмотря на большие препятствия.

ПОДАЛЬШЕЕ СЧАСТЬЕ ИУДЕИ

Вернемся к Аталии и ее смелой попытке более полно натурализовать в Иудее чувственные религиозные веяния Северной Аравии. Через шесть лет и она, и ее движение пришли к внезапному концу. Единственный выживший мужской представитель Давида был возведен на престол. Священник Иодай победил «преторианскую гвардию», на которую полагалась Аталия; узурпатор был убит, а дом Ваала разрушен. Новый царь Иоас подчинился указаниям священников. Однако это не предотвратило серьезного бедствия. Произошло вторжение кушамцев, и уход Хазаэля пришлось купить дорогой ценой. Иоаса сменил его безрассудный сын Амасия, который, по-видимому, мечтал сбросить сюзеренитет Северного Израиля. В качестве первого шага к этому он испытал свое воинское мастерство на иерахмеелитах, которых встретил в долине Негева, но когда Иоас из Израиля, не желавший, чтобы Иудея стала доминирующей силой в этом регионе, напал на него со своей армией, результат оказался катастрофическим для Иудеи. Иерусалим был взят, так что сюзеренитет Северного Израиля был обеспечен, а царь Амасия встретил насильственную смерть. Его сын и преемник Азария (или Озия) в некоторой степени остается загадкой; у нас есть два рассказа о нем, один из которых удивляет нас своей краткостью, а другой (2 Паралипоменон 26) — своей подробностью. Однако вероятно, что в повествовании 2 Царств 15:1-7 опущены все подробные упоминания о войнах Азарии на юге из-за большого унижения, которое он получил в ходе этих войн. Этот тяжелый удар, вероятно, был не чем иным, как пленением в Мицриме, из записей о котором, случайно или намеренно, более поздние предания извлекли утверждение, что Азария был поражен проказой. Во время вынужденного отсутствия своего отца Иотам исполнял обязанности регента. Трудно поверить, что период этих двух царствований был в каком-либо смысле благополучным для Иудеи. Действительно, Йофаму не приписывают никаких особых несчастий, но нам известно, что царь Арама или Кушама начал те вторжения в Иудею, которые стали такой серьезной опасностью в следующем царствовании. Не можем сказать, удалось ли Азарии или Йофаму обрести независимость от Израиля.

АХАЗ И ИСАИЯ

На престол после Йофама вступил Ахаз, хорошо известный нам по пророку Исаии. Составители Книг Царств и Исаии полагали, что «Арам», который доставлял столько хлопот Ахазу, был северным арамейским царством Дамаска, и что правитель этого государства вместе с Пекахом, царем Израиля, опасаясь агрессии Ассирии, стремился заставить Иудею вступить с ними в союз. Было известно, что Ахаз предпочитал другую политику, но

союзники считали себя достаточно сильными, чтобы захватить Иерусалим и посадить на престол Иудеи своего кандидата.

Однако вполне вероятно, что здесь, как и в других местах, редакторы привели повествования и пророчества в соответствие с историческими и географическими представлениями, которые не были представлениями рассказчиков. На самом деле, именно царь Арама (*т. е.* Кушам) и царь Измаила (*т. е.* какое-то другое североаравийское княжество) стремились унижить Иудею. Как показал опыт прошлого, эта цель была вполне достижима, но со времени, когда царь Мицрима унижил Ровоама, сюзерен всех меньших царей — великий «аравийский царь» (Ашшур) — стал более ревниво относиться к амбициозной деятельности своих вассалов. Поэтому, как только Ахаз послал назойливое послание царю, ошибочно называемому Тиглат-Пилесером, он получил избавление, а Кушам — гибель благодаря вмешательству Ассура. Пророк Исайя, однако, занял иную позицию. По его мнению, вера в истинного Яхве и повиновение его праведному закону (который проповедовали Исайя и ему подобные) были надежной, единственной надежной защитой от человеческих врагов, а обращение Ахаза к ассирийскому царю () было равносильно тому, чтобы сунуть голову в пасть льва. Но как можно было ожидать от Иудеи такой веры () и такого повиновения? Со времен Соломона эта маленькая страна стремилась к мирскому процветанию, которое, по мнению самых высоконравственных пророков, было несовместимо с поклонением истинному Яхве. В результате и Исайя, и Михей, как и Амос и Осия, не видели для своего народа ничего, кроме гибели.

В следующем царствовании казалось, что это пророчество вот-вот сбудется. Произошло два вторжения — одно ассирийцев, другое ассурцев из северной Аравии — которые были спутаны редакторами, приведшими Книги Царств и Исаии в их нынешний вид. Трудности, которые возникли при согласовании еврейских повествований с надписью Сеннахериба, отчасти объясняются этой путаницей. Можно предположить, что вторжение ашурцев, закончившееся поспешным уходом захватчиков, произошло первым; именно оно упоминается в пророческих высказываниях Исаии. Жил ли Исайя, чтобы увидеть второе вторжение (которое произошло в 701 году), остается проблемой для критиков. В любом случае, пророк дал нам яркую картину тревоги Иудеи и соседних стран в период ассирийского кризиса, и мы можем в некоторой степени дополнить ее фактами из поздних повествований в 2 Царств xviii. 13; xix. 37 (Исайя xxxvi. 1-xxxvii. 38), при условии, что к тексту сначала будет применена методичная критика.

ВТОРЖЕНИЕ СЕННАХЕРИВА

От самого Сеннахериба мы имеем подробности о его операциях в Иудее. Он утверждает, что захватил 46 городов и увез 200 150 человек; что он запер Езекию, как птицу в клетке, в Иерусалиме, заставил его выдать пленного экронийского царя, наложил на него тяжелый штраф и сократил его территорию. Мы можем легко поверить, что Иудея не была в состоянии сопротивляться второму вторжению, даже если первое не было столь катастрофическим, как могло бы быть. Также вполне вероятно, что несчастье, вызванное вторжением Сеннахирима, могло побудить Езекию подчиниться влиянию иерусалимских священников и начать движение за централизацию культа. Если это так, то его сын и преемник Манассия пересмотрел его политику и инициировал реакцию в сторону североаравийского язычества. Поклонники истинного Яхве увидели в последующей карьере царя божественное наказание за такое злодеяние. Генералы царя Североаравийского Ассура (таково наиболее правдоподобное объяснение 2 Паралипоменон 33:11) увезли его в плен в столицу этой страны, но впоследствии он был восстановлен в престоле. Однако следует признать, что мы не знаем, к какому североаравийскому народу еврейский составитель

относит старое название Ассур; королевство Мелукха, по-видимому, не оправилось от удара, нанесенного ему аравийским вторжением Эсархаддона. Одно можно сказать наверняка, исходя из ассирийских надписей: Манассия не давал повода для жалоб северному Ассуру. Среди вассалов, которые приносили им дань, как Эсархаддон, так и Ашшурбанапал упоминают Манассию, царя Иудеи.

ИОСИЯ; ЕГО ОТНОШЕНИЯ С СЕВЕРНОЙ АРАВИЕЙ

Сын Манассии Амон продолжал продвигать религиозную реакцию. Через два года он был убит, но «народ земли», который, по-видимому, симпатизировал взглядам Амона, наказал убийц. Это было около 636 года до н. э., что примечательно как дата вступления на престол молодого Иосии. Ассирия по-прежнему была могущественной, и мало кто мог предвидеть ее надвигающийся упадок и падение. Но пророк Иеремия указал не на Ассирию как исполнителя суда Яхве, и не на (как многие предполагали) орды скифских кочевников, а на народ или народы северной Аравии. Иосия, однако, не потерял самообладания. Он бросился в объятия священников, и священники и пророки из (не Иеремия) совместно составили книгу законов (из которой выросла наша Вторая книга Моисеева), соблюдение которых, как можно было ожидать, обеспечило бы процветание.

Реформа культа и запрет на существование более чем одного святилища были далеко идущими мерами, которые повлияли на повседневную жизнь каждого израильтянина. Нам даже сообщают (2 Царств 23:15-20), что реформация распространилась на Бетель и города Шимрон, *то есть* на Негев. Такое толкование слов рассказчика является результатом тщательного анализа и, безусловно, имеет под собой веские основания. Царство Иудеи нуждалось в расширении, и какой регион мог быть более привлекательным для Иосии, чем Негев, столь дорогой израильской традиции? Однако события показали, что на него также положил глаз более могущественный правитель, а именно царь Мицрима. Мы не знаем, какая раса преобладала в то время в древнем Музри, но мы вряд ли можем усомниться в том, что царь территории, примыкающей к Негеву, который в любом случае был более могущественным, чем Иосия, отправился в поход против Кидшама (*т. е.* Кадеша) или, возможно, Кушама (*т. е.* Кушам-Иерамезла) и обнаружил, что его путь преграждает Иосия. В Маакат-Мигдоле (если мы правильно прочитали название) произошла битва, и царь Иудеи был смертельно ранен. Вся Иудея скорбела. Народ потерял царя и рисковал потерять веру. Ведь книга религиозных законов, обещавшая процветание послушным, которую они приняли из уважения к царю и священникам, оказалась, по-видимому, обманом и ловушкой.

ПРЕЕМНИКИ ИОСИИ И ЦАРЬ МИЗРАИМА

Таким образом, силой, которую Иудея боялась больше всего, вновь стала североаравийская Мизрим, хотя народ, который теперь доминировал в Мизрими, возможно, только недавно прибыл туда. Однако покойный редактор книги Царств смешал Мизрим с Мицраимом (Египтом) и представил царя, с которым столкнулся Иосия, как Неку из Египта; он также смешал название места Мигдол с Мегиддо. Не исключено, что предприимчивый Неку из Египта действительно вмешивался в дела Сирии, но, если это так, то вряд ли ему приходилось иметь дело с Иосией. Из критически интерпретированных еврейских повествований ясно, что сначала в южной Палестине вмешивались мизраимцы, а затем вавилоняне или иерамеельцы (*т. е.* народы, к которым еврейские писатели, архаизируя, применяют эти названия). Говорят, что мицритский царь сверг преемника Иосии, Иоахаза, после трех месяцев правления и назначил царем брата Иоахаза по имени Елиаким или Иоаким (608 или 607 г. до н. э.). Это было недолгое господство; появился другой царь,

ошибочно названный позднее редактором царем Вавилона (имя должно быть «Иерахил»), и заявил свои права на Негев. Иоаким стал его вассалом, но через три года восстал, предпочтя старое вассальное подчинение новому. По-видимому, он умер до того, как произошло новое вторжение; именно его сын Иоахин, уступив необходимости, сдался армии Иерамеела и вместе с главными гражданами Иерусалима, включая пророка Иезекииля (), был депортирован. Третий сын Иосии, по имени Маттания или Седекия, был назначен царем завоевателем. Первая часть его правления была спокойной, но недалекая военная партия, доверявшая оракулам своих пророков и обещаниям царя Мицрима, заставила царя поднять восстание, тем самым вовлекая свой народ в судьбу, давно предсказанную пророком Иеремией. За этим последовало разрушение Иерусалима и храма, а также второе пленение. Сыновья Седекии были убиты, а сам он был ослеплен.

ДЕЙСТВИЯ НЕВУХАДАРЦАРА

Конечно, следует допустить возможность того, что арабы были лишь помощниками (настоящих) вавилонян в их разрушительных операциях, и что пленники были увезены, частично в Вавилон, частично в северную Аравию. В любом случае трудно поверить, что ни один пленник из Иудеи не попал в Вавилон. Покойный вавилонский историк Берос (если верить Иосифу Флавию) утверждает, что Навуходоносор, сменивший своего отца Набополассара после разрушения Ниневии, завоевал Египет, Сирию, Финикию и Аравию, из которых он увез пленников. Однако, по-видимому, нельзя доказать, что Навуходоносор завоевал Египет, и утверждение Бероса в другой цитате Иосифа Флавия, касающейся разрушения Иерусалима, может не содержать всей правды. Очень нужны надписи Навуходоносора. В любом случае, насколько мы можем судить по свидетельствам, полученным в результате критического анализа еврейских писаний, большая часть пленников была отправлена в северную Аравию, и угнетение евреев в Иудее, где бы оно ни упоминалось, по-видимому, исходило от арабов.

ПАДЕНИЕ ИУДЕИ; ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОГО ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Однако события следующего периода известны только в легендарной форме. Ученики Иеремии, по-видимому, помнили, что иудеец был первым правителем, установленным в земле Иудеи, под чем, вероятно, подразумеваются города, занятые иудеями в Негеве. Также то, что многочисленные беженцы на время бежали в землю, до сих пор известную как Мизрим. Иезекииль вряд ли находился в Вавилонии, а скорее на территории северной Аравии; текст Иезекииля, в котором упоминается «земля Халдеи», был подвергнут манипуляциям. Этот пророк был одним из героев монотеистического движения, но он не ограничивался, как Иеремия, осуждением коррумпированной народной религии; он видел, что только строгая организация ритуала может научить народ чистому поклонению единому истинному Богу. Его преемники, безымянные, но влиятельные люди, продолжили его дело, описание которого, однако, относится скорее к истории литературы иудаизма, чем к истории евреев.

Факты, касающиеся возрождения еврейского народа на своей земле, трудно установить. Наиболее достоверными источниками являются пророчества Аггея и Захарии (i.-viii.). Из них мы узнаем, что Зеруббабель (это имя вряд ли является оригинальным), гражданский глава иудейской общины, заложил фундамент храма, а вместе с ним мы слышим о первосвященнике Иешуа, который поднимал народ на работу по восстановлению. Есть также следы амбициозных надежд на восстановление национальной независимости через Зеруббабеля. Насколько можно доверять хронологическим утверждениям этих книг в их

нынешнем виде, более сомнительно, в то время как для восстановления в некоторой степени первоначальной формы книг Ездры и Неемии требуется острая критика, которая только недавно началась. Однако очевидно, что наши представления об этом периоде требуют некоторой переработки. Главными противниками евреев в Иудее были не «самаритяне», а шимрониты (*т. е.* смешанное население Негева) и арабы, и есть основания подозревать, что историческая и географическая основа обеих книг изначально была такой, какой мы могли бы ожидать, учитывая ведущую роль северных арабов в разрушении Иерусалима.

КИР; И ОСВОБОЖДЕНИЕ

То, что освободителем еврейских пленников был Кир, на первый взгляд кажется правдоподобным, но в сохранившихся надписях Кира нет никакого упоминания о возвращении изгнанников на родину, и пророчества Аггея и Захарии также не предполагают такого возвращения в больших масштабах. Однако вполне возможно, что некоторые еврейские изгнанники вернулись из северной Аравии до сдачи Вавилона Киру, и что Аггей и Захария действительно осуществляли свое служение до этого события. Иезекииль (6:4) ожидает, что пленение Иудеи продлится только сорок лет, и часть его книги занимает своего рода программа восстановления теократии. Существует также предание (2 Царств ххv. 27), что вавилонский (иерахмеевский) царь ознаменовал свое вступление на престол освобождением Иоахима из тюрьмы на тридцать седьмой год его плена.

Вероятно, что постепенно все больше и больше вавилонских евреев возвращались, и даже те, кто остался, несомненно, приносили пользу как денежными, так и интеллектуальными вкладами. Интеллектуальная помощь евреям Вавилона, безусловно, была значительной; высокоразвитый литературный и религиозный культ Вавилона не мог быть полностью утрачен ими, и мы не должны недооценивать религиозное влияние Персии. Однако, похоже, что хотя Иудея, несомненно, стала частью Персидской империи, она продолжала страдать от арабского гнета. Экспансия северных арабских народов была неотразимой, и персидские правители, по-видимому, не вмешивались в защиту евреев. Со временем эти правители, похоже, сами изменились в худшую сторону.

ПТОЛЕМИ И СЕЛЕВКИДЫ КАК ВЛАДЕЛЬЦЫ ПАЛЕСТИНЫ; МАККАВЕИ

Поэтому, как и другие народы, евреи были готовы приветствовать Александра Македонского как посланника Бога. Задолго до его прибытия в Иерусалим, несмотря на значительное сопротивление, был введен более развитый свод законов, воплощающий идеи Иезекииля. Говорят, что его привез из Вавилона писец Ездра, но спорно, имелся ли в виду Вавилон или земля Иерамеела.

В отношении последующего периода мы в основном полагаемся на Иосифа Флавия и Книгу Маккавеев. Первый источник не очень надежен, однако первая и, в некоторой степени, вторая книга Маккавейская оправдывают внимание исследователя. При первых трех Птолемах (306-221) евреи жили в достатке, но во время борьбы между Птолемахом и Селевкидами они стали не против смены власти. С 198-197 гг. до н. э. Иудея входила в состав Сирийского царства, и в этот период мы наблюдаем среди евреев движение в сторону греческой культуры. Это было поддержано правящей властью; Селевкиды, как и Птолеми, благосклонно относились к эллинизации подчиненных народов. Антиох Эпифан пошел дальше своих предшественников и мечтал о всеобщем принятии греческой культуры и признании всеми народами Зевса Олимпийского в качестве верховного бога. Другие сирийские народы подчинились его требованиям. Если евреи отказывались, это было упрямством, заслуживающим наказания.

Священническая аристократия Иерусалима решила уступить; Яхве и Зевс могли считаться тождественными. Но были евреи, которые видели неотъемлемую слабость компромисса и ценили свои идеалы больше, чем жизнь, настолько успешным было движение к строгой правовой ортодоксии, связанное с именем Ездры. Именно сельский священник по имени Маттафия со своими сыновьями показал пример героического сопротивления. Верховным командующим повстанцев стал третий из братьев, Иуда Маккавей (166 г. до н. э.), и его успех был настолько велик, что ровно через три года после осквернения храма признаки язычества были устранены, а законный культ восстановлен. Это было главной целью борьбы. Однако Иуда не был доволен уступкой, предложенной евреям в виде религиозной свободы. Нельзя отрицать, что его отказ был связан с земными амбициями, но, без сомнения, он также считал, что без политической независимости свобода благочестивого сообщества была бы ненадежной. И так случилось, что споры между различными претендентами на сирийский трон позволили Ионафану — дипломату не меньше, чем полководцу — получить все больше и больше преимуществ. В 143-142 гг. до н. э. преемник Ионафана, Симон, заключил официальный мир с Деметрием II, и в следующем году сирийский гарнизон эвакуировал Акру в Иерусалиме. Сам Симон по решению народа был провозглашен наследственным первосвященником и этнархом. Его преемником стал его сын Иоанн Гиркан, который завоеваниями расширил его сравнительно небольшую территорию: Шехем, Самария и Эдом стали еврейскими.

ИУДА АРИСТОБУЛ; КОНЕЦ МОНАРХИИ АСМОНЕЕВ

О Иуде Аристобуле, по словам Иосифа Флавия, нельзя сказать ничего хорошего (105-104 гг. до н. э.). Все соображения благочестия были принесены в жертву политической целесообразности. Страбон, однако, от имени Тимагана, отзываясь о нем благосклонно. Как саддукей и «филэллин», он, возможно, был оклеветан фарисеями. Он был первым в своей семье, кто принял титул царя. Старший из его трех братьев, Александр Янней (104-78 гг. до н. э.), вззошел на престол благодаря благосклонности Александры, или Саломеи, вдовы его умершего брата, которая также отдала ему свою руку. Его целью было расширить границы своего царства, поэтому он почти всегда вел военные операции. Внутри страны его борьба с фарисеями и их друзьями (неизбежная в первую очередь, без сомнения) велась с жестокостью, достойной язычника. Однажды шестьсот евреев были убиты за то, что

оскорбили его, когда он исполнял свои священнические обязанности (). Его преемницей стала его вдова Александра, которая назначила своего старшего сына Гиркана II первосвященником. По совету, как говорят, Яннея, она заключила мир с фарисеями; действительно, как уверяет нас тот же источник (Иосиф Флавий), «она имела титул королевы, но власть принадлежала фарисеям». Фактически, фарисеи отреагировали на это, и Талмуд представляет эпоху Симона бен Шетаха (известного фарисея) и царицы Саломеи как золотой век, в котором даже зерна кукурузы достигали чудесных размеров. Внешне царица проявляла как энергию, так и благоразумие. Серьезная опасность со стороны Тиграна Армянского была предотвращена, отчасти с помощью взяток, отчасти благодаря отвлекающему маневру римлян под командованием Лукулла (69 г. до н.э.).

Как только королева умерла, между братьями Аристовулом II и Гирканом II, один из которых был способным и смелым, а другой — легкомысленным и ленивым, разразилась война, которая была обречена на исчезновение еврейской свободы. Гиркан, будучи старшим сыном, имел право на престол, но неудачи на войне заставили его отречься от королевского и первосвященнического достоинств в пользу Аристовула, при условии, что ему будет позволено оставить себе свою собственность. Но это соглашение просуществовало недолго. Младший Антипатр, правитель Идумеи и сам идумеец, ясно видел, что ему будет лучше под властью слабого Гиркана, чем под властью воинственного Аристовула. Приняв сторону Гиркана, он убедил его, что его жизнь в опасности и что он должен бежать к набатейскому князю Арету III. Гиркан так и поступил, и Аретас выступил против Иерусалима, чтобы исправить несправедливость. Аристовул защищался в храме, и осада обещала быть долгой, когда Помпей, который в то время находился в Азии, послал своего легата Скавра в Сирию (65 г. до н.э.), который сначала принял сторону Аристовула. Весной 63 г. до н.э. появился сам Помпей и окончательно принял решение в пользу Гиркана, который в результате был вновь назначен первосвященником. Аристовул был арестован; его сторонники защищались в храме, который в конце концов был захвачен римлянами. Монархия Асмонеев пришла к концу. Все последующие первосвященники были вассалами римлян.

РИМСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ; РАЗРУШЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Иудея теперь стала подразделением римской провинции Сирия. Однако религиозные учреждения, существовавшие еще до восстания Маккавеев, продолжали действовать; свобода вероисповедания была гарантирована Помпеем. Но привязанность народа к семье Асмонеев была настолько сильна, что вспыхнула серия восстаний. Между тем власть Антипатра продолжала расти; Гиркан был слишком слаб, чтобы противостоять ему; кроме того, он получил от Рима явные знаки благосклонности, будучи даже назначенным правителем Иудеи. Однако его соперник подкупил виночерпия Гиркана, который отравил Антипатра, когда тот однажды обедал с Гирканом (43 г. до н.э.).

Таким образом, Антипатр пал, но власть его семьи от этого не уменьшилась. Один из его сыновей, Ирод, уже проявил свою энергию как правитель Галилеи; теперь он продемонстрировал свое искусство приспосабливаться к превратностям верховной римской власти. Заключительная борьба между Иродом и Антигоном — последним представителем семьи Асмонеев — закончилась в пользу Ирода. Антигон был обезглавлен в Антиохии по приказу Марка Антония, «полагая, что он не может иным способом склонить умы иудеев принять Ирода, которого он сделал царем вместо себя» (Иосиф Флавий).

Узнав о битве при Актиуме (31 г. до н.э.), Ирод немедленно перешел на сторону победителей. Хотя Октавиан знал о его верности Антонию, он подтвердил его царскую власть. Вечным пятном на характере Ирода остается то, что он уничтожил последних представителей рода Асмонеев. Правда, он считал это необходимым для безопасности

своего трона. С помощью княжеских подарков он удерживал римлян на своей стороне, хотя уступки Цезаря и сената были вполне оправданы доказательствами его способностей как правителя (). Он подавил арабских разбойников, построил великолепные города и помогал своему народу в периоды голода. Однако иудеи никогда не испытывали к нему симпатии; в конце концов, он был всего лишь эдомитянином и заискивал перед языческой властью. Ирод умер в 4 г. до н. э. Моммзен, историк Римской империи, сказал, что ни в одном королевском доме ни в какую эпоху не было таких кровавых междоусобных распрей.

Его владения были разделены между его сыновьями Архелаем, Антипой и Филиппом. Архелай стал этнархом Иудеи, Иудеи и Самарии, за исключением некоторых городов; Антипа — тетрархом Галилеи и Перее; Филипп — тетрархом Трахонитии, Батании, Гауланитиды и Панаеаса. Это соглашение вскоре прекратило свое существование, по крайней мере в том, что касалось правления Архелая. Он был свергнут Августом, а его владения были включены в провинцию Сирия, но специально переданы под управление прокуратору. Перемены в других правительствах мы здесь не можем проследить. Ирод Агриппа некоторое время владел царством своего деда, но после его смерти (44 г. н. э.) вся Палестина перешла под прямую власть Рима и управлялась прокураторами (Понтий Пилат, 26-36 гг. н. э.) под надзором правителя Сирии.

Евреи желали этого, но угнетательность нового правления ощущалась очень сильно. Недовольство стало повсеместным. В конце концов Гессий Флор настолько пренебрег справедливостью, что война стала неизбежной. В Иерусалиме верх одержала воинственная партия. Были предприняты приготовления к обороне страны, которая была разделена на округа, каждый со своим собственным командующим. Ответственным за Галилею был Иосиф Флавий, фарисей, но суждено было ему стать другом римлян и историком войны. Нерон, узнав об угрожающем положении дел, вызвал генерала Веспасиана и поручил ему ведение войны против мятежников. Сын Веспасиана, Тит, привел два легиона из Александрии; сам он отправился в Антиохию и принял командование еще одним легионом вместе с вспомогательными войсками. Сначала театр военных действий находился в Галилее.

Евреи потерпели большие неудачи, но это только усилило фанатическое возбуждение партии zelotim, которая взяла верх в Иерусалиме. Веспасиан занял выжидательную позицию и в конце концов был лишен возможности предпринять решительные действия из-за серьезных новостей из Рима. Вителлий сменил Оттона на посту императора, но легионы на Востоке не одобрили это, и в июле 67 года Веспасиан был провозглашен императором. Он поспешил в Рим, оставив осаду Иерусалима своему сыну Титу. В течение двух лет в городе бушевали междоусобные распри. Священническая аристократия была обвинена в измене; фанатики были слишком осторожны, чтобы не поддаться опьянению потусторонним энтузиазмом.

Появилось много лжепророков, которые сбивали многих с пути, как говорится в апокалиптическом отрывке Евангелия; Иосиф Флавий утверждает, что они были подкуплены тиранами (*т. е.* доминирующей фракцией), чтобы удержать народ от дезертирства. Наконец наступил конец. Город и храм были разрушены. Золотой алтарь для курения, золотой подсвечник и Книга Закона были отправлены в Рим и выставлены на всеобщее обозрение во время триумфа Веспасиана и Тита.

Тем не менее, хотя храм был разрушен, иудейская религия сохранилась, и удивительно, что фарисеи и учителя Закона смогли так искусно приспособить религиозную и социальную системы к изменившимся обстоятельствам. Если бы иудеи смогли отбросить надежду на внезапное божественное вмешательство и посвятить себя делу свидетельства о праведности в широких пределах римского мира, иудейский народ все же оправился бы

даже от такого великого унижения. Но трансцендентализм, который пронизывает большую часть поздней еврейской литературы, был слишком глубоко укоренился, чтобы быть изгнанным из национального сознания. И приказ императора Адриана о восстановлении Иерусалима как римской колонии стал искрой, которая вновь разжегла пламя восстания.

Евреи Палестины вновь взялись за оружие, пользуясь симпатией всего еврейского мира. Их лидером был некий Симон, по прозвищу Бар-Косиба или Бар-Кохеба, который провозгласил себя Мессией и был признан таковым даже раввином Альцибой. На его монетах была надпись «Симон, принц Израиля». Ему действительно удалось «освободить» Иерусалим; вероятно, была восстановлена и система жертвоприношений. Юлий Север был вынужден прибыть из Британии, чтобы подавить восстание. Заключительная битва произошла в Бетере, ныне Биттир, к юго-западу от Иерусалима. После героического сопротивления крепость была взята, а Бар Кохеба уже был убит. Война, вероятно, длилась три с половиной года (132-135 гг. н. э.).

История распространения иудаизма от национальной до всемирной религии имеет слишком много пробелов, чтобы мы могли здесь ее изложить. Мы лишь привели внешнюю историю народа, который был назначенным носителем идеи монотеизма. Эти факты сами по себе весьма значимы. Они показывают удивительную восприимчивость еврейской расы; они также показывают, что, по крайней мере, у некоторых героев этой расы был моральный энтузиазм, который превращал все переживания, а также все интеллектуальные приобретения в основу все более высокой и благородной веры в Бога. Однако эволюция чисто духовной религии была далека от завершения, когда старый Иерусалим исчез навсегда, а имя Израиля стало little more than a rhetorical archaism.

ОБЩИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ, ХОД СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

Современный историк знает о происхождении евреев столько же, сколько и о начале истории других народов. Еврейские предания, согласно которым этот народ возник в Халдее и оттуда мигрировал под руководством отца Авраама, известны каждому по библейским записям. Нет оснований сомневаться, что здесь, как и в других случаях, народная традиция отражает, по крайней мере, общие черты исторической правды. Но современные историки скептически относятся ко всем непроверенным традициям древности, и все чаще история

Израиля начинается с пребывания в Египте или, по крайней мере, предшествующая история этого народа рассматривается как чисто традиционная.

Есть, конечно, этнологи, которые считают, что евреи в первую очередь имеют египетское происхождение, но такая теория возможна только при условии, что вся семитская раса происходила из долины Нила. Ведь нет никаких сомнений в том, что евреи были тесно связаны этнически с семитскими расами Месопотамии. Каким бы ни было окончательное происхождение семитов, нет сомнений в том, что евреи были ответвлением той части народа, которая в ранний период поселилась в долине Тигра и Евфрата. Однако следует признать, что современные историки не располагают такими же конкретными свидетельствами доегипетской истории евреев, как те, что были обнаружены в отношении раннего периода истории Вавилона.

Даже в том, что касается пребывания евреев в Египте, наши записи далеко не так надежны, как хотелось бы. Несмотря на терпеливые поиски, памятники Египта не раскрывают никаких следов еврейского плена. Несколько лет назад считалось, что памятник, обнаруженный профессором Флиндерсом Петри в гробнице Менептаха в Фивах, наконец-то предоставил долгожданное упоминание о народе Израиля. Поскольку Менептах, сын и преемник Рамсеса II, считался фараоном Исхода, эта надпись, естественно, вызвала широкий интерес и самые горячие ожидания. Но после полного расшифровки оказалось, что запись содержит лишь несколько сомнительное упоминание о евреях как о народе, существовавшем во времена Менептаха, и не проливает никакого света на спорный вопрос об Исходе. Никаких других упоминаний о народе Израиля в египетских записях найдено не было. Конечно, такая запись может существовать, но пока не обнаружена; однако по мере продолжения исследований египетских памятников это становится все менее вероятным. Похоже, что национальный эгоизм, который является неотъемлемым правом каждого народа, придал пребыванию египтян в глазах самих евреев значение, которого оно не имело для их похитителей. Поэтому нет оснований предполагать, что евреи оказали какое-либо значительное влияние на ход египетской истории.

Однако совсем иначе обстоит дело, если мы рассмотрим вероятное влияние пребывания в Египте на самих евреев. О том, какими они были до отправления в Египет, можно только догадываться, но нет никаких оснований полагать, что они были чем-то иным, чем некультурным, частично цивилизованным кочевым народом. Контакт с высокой цивилизацией египтян, возможно, оказал на них такое же влияние, как в более поздние времена контакт с римлянами на варварские германские племена. В любом случае, примечательно, что евреи после своего переселения и на протяжении всего последующего периода своей истории были прочно проникнуты некоторыми сугубо египетскими идеями. Они были единственным древним народом, кроме египтян, который практиковал обрезание. По крайней мере, остается открытым вопрос, не было ли верование евреев в бессмертие души приобретено благодаря контактам с народом Нила. Однако вся эта тема слишком нова и слишком глубоко ограждена предрассудками и предубеждениями, чтобы в настоящее время поддаться полному и удовлетворительному рассмотрению. К счастью, основные факты политической истории евреев можно обсуждать с большей уверенностью.

Покинув Египет, евреи поселились в районе Иордана и начали вести локализованную национальную жизнь. Но в течение нескольких столетий они не оставили заметного следа, кроме как в виде смутных преданий, и даже в лучшие времена не играли значительной роли в политической жизни древнего мира. Был только один период, когда они пытались с определенным успехом соперничать со своими могущественными соседями. Это был короткий период, когда на троне находились Давид и его сын Соломон. Войны Давида, хотя и не столь масштабные, как войны некоторых его современников, оставили не менее

кровавые следы грабежей и разбоев, чем другие восточные завоевания; а Соломон, под правлением которого царство достигло вершины политической славы, настолько преуспел в соперничестве с другими царями, что его имя стало синонимом великолепия для последующих поколений, хотя, вероятно, оно не ослепляло его современников. Если национальная склонность к преувеличению не исказила факты, то Соломон установил рекорд, по крайней мере в одном отношении, который до сих пор не превзойден: его гарем из тысячи жен и наложниц не имеет исторического аналога.

Тем не менее, в конце концов, еврейская монархия в свой золотой век, должно быть, казалась незначительным государством с точки зрения современных египтян, вавилонян, ассирийцев и, возможно, даже хеттов. Отсутствие современных упоминаний является достаточным доказательством этого факта. А после смерти Соломона почти все следы мировой исторической значимости исчезли из раздробленного еврейского народа. Слабый и стареющий народ, вся слава которого охватила всего два коротких поколения, с этого момента должен был бороться за национальное существование, не думая о завоеваниях; он просил только о том, чтобы ему позволили жить. И эта милость была ему оказана, несмотря на превратности судьбы, которые вытеснили бы жизнь почти любой другой нации.

Ассирийцы и вавилоняне неоднократно подвергали израильтян мечу, но этот побежденный народ сохранил свою целостность еще долго после того, как его преследователи перестали существовать как нация. В некотором смысле этот период упадка имел большее значение, чем любой другой период, который ему предшествовал, потому что его превратности породили страстную поэзию осуждения, которая осталась и всегда будет оставаться главной славой еврейской истории. Во многом благодаря этой поэзии евреи впервые обрели подлинное мировое историческое значение через несколько веков после того, как римляне осуществили их окончательное рассеяние. На протяжении всей своей жизни как автономной нации они тщетно стремились соперничать со своими соседями в королевской власти, с завистью смотрели на другие народы и с гневным протестом принимали свою собственную незначительность. Однако по странной иронии судьбы именно презируемые евреи стали главными хранителями памяти о своих более славных современниках. На протяжении двух тысяч лет мечи ассирийцев и вавилонян запомнились главным образом потому, что стилус еврейского писца рассказал об их доблести.

НАШИ ИСТОЧНИКИ

Чуть более полувека назад историк архитектуры Джеймс Фергюсон так прокомментировал отсутствие еврейских записей:

«Одной из особенностей еврейской истории, и, безусловно, не самой незначительной, является то, что все, что мы знаем о них, происходит из их письменных книг. Ни один памятник, ни один резной камень, ни одна буква надписи, даже ни один черепок не остался, чтобы свидетельствовать о существовании еврейского царства. Ни один музей никогда не обладал еврейскими древностями, в то время как Египет, Ассирия, Греция и все соседние страны изобилуют материальными свидетельствами былого величия и народов, которые когда-то их населяли».

Полвека исследований несколько изменили облик еврейской археологии. Уже не совсем верно, что в музеях нет еврейских древностей. Но количество этих древностей настолько мало, а их значение с исторической точки зрения настолько незначительно, что критика Фергюсона остается верной по духу, если не по букве. Самые кропотливые исследования в Палестине, начиная со знаменитого путешествия Эрнеста Ренана, не принесли больше двух-трех еврейских надписей, в отличие от десятков тысяч записей из Месопотамии. И вряд ли

когда-нибудь будут сделаны какие-либо сенсационные находки. По всей вероятности, древние записи евреев почти полностью погибли, тогда как в Месопотамии, несомненно, есть мириады табличек с надписями, которые вознаградят будущих исследователей. В Палестине почти наверняка нет таких кладов зарытых сокровищ, которые еще не были обнаружены. Причина такого скудного количества древностей нетрудно найти. Объяснение кроется в, казалось бы, парадоксальном факте, что города израильтян не были разрушены в древности и продолжали быть заселенными вплоть до средневековья или, как в случае с Иерусалимом, до наших дней. Следует напомнить, что вавилонские и ассирийские таблички были сохранены под руинами разрушенных городов, а самые важные коллекции были найдены в Ниневии, городе, который был разрушен самым катастрофическим образом. Достаточно мгновения размышления, чтобы понять, что все таблички, сохранившиеся под руинами Ниневии, давно были бы разбросаны или разбиты, если бы они оставались доступными для последующих поколений этого разрушительного животного, человека. Применив это к случаю с евреями, становится ясно, что их древности были фактически разбросаны и уничтожены с течением времени, как и древности Ниневии в тех же обстоятельствах.

Однако следует добавить, что сомнительно, производили ли евреи надписи на относительно неразрушаемых материалах в таком относительном изобилии, как месопотамцы. Евреи появились на исторической арене относительно поздно. Существуют сомнения, были ли какие-либо из их записей написаны значительно раньше VIII или IX века до н. э.; и вполне вероятно, что они в основном использовали такие нестойкие материалы, как папирус и шкуры животных, для своих записей. Несомненно, они хорошо знали о глиняных табличках Вавилонии; более того, они не могли не быть знакомы с этими документами благодаря опыту вавилонского плена. Но из этого не следует, что они в значительной степени переняли обычаи своих месопотамских соседей. Таким образом, возможно, существует двойная причина скудности древних еврейских надписей: разрушительное воздействие времени на запасы, которые изначально были относительно скудными.

Все это относится к оригинальным надписям, сопоставимым с теми, которые дошли до нас из Египта и Месопотамии. Но, как всем известно, совсем другое дело, когда мы рассматриваем еврейские записи, которые дошли до нас благодаря усилиям нескольких поколений переписчиков. И здесь мы снова видим, что случай израильтян резко контрастирует с случаем ассирио-вавилонян. Записи последних, созданные в таком изобилии и сохраненные благодаря погребению, были вскоре забыты, потому что не было прямых потомков народа, который их создал, которые были бы заинтересованы в их сохранении. Еврейские записи передавались из поколения в поколение через бесконечную серию копий: так что, как ни странно, тот же фактор, который привел к уничтожению оригинальных документов, одновременно обеспечил постоянное сохранение их содержания. Таким образом, восточная нация, оставившая нам наименьшее количество древностей, передала нам наиболее обширную и полную литературу.

Именно в этой литературе самих евреев мы должны в первую очередь искать историю этого народа. Современные народы уделяли израильтянам мало внимания, и историки Египта, Месопотамии, Греции и Рима оставили нам лишь случайные упоминания, которые в совокупности дают лишь самое общее представление о еврейской истории. Помимо Библии, включая апокрифические книги, единственным значительным текстом, дошедшим до нас даже из классической эпохи, является работа Иосифа Флавия; и этот автор, как мы помним, сам был евреем, хотя и писал на греческом языке. Но, кстати, самые древние из сохранившихся текстов самой Библии также написаны на греческом языке. Неизвестно ни

одного еврейского текста, датируемого ранее IX века н. э., в то время как три достаточно полных греческих кодекса датируются IV веком н. э.

Подлинность различных текстов еврейских писаний не нуждается в обсуждении здесь. По оценкам, различные рукописи на греческом, латинском, еврейском и других языках, которые сохранились до наших дней, при критическом сравнении их текстов содержат около ста пятидесяти тысяч расхождений. В этих условиях, очевидно, возникают определенные сомнения относительно точного прочтения многих текстов; однако считается, что несоответствия в целом имеют незначительное значение, и, без сомнения, в большинстве случаев можно с уверенностью предположить, что это действительно так. В основном, главная суть оригинального текста, вероятно, сохранилась, даже там, где детали были сознательно или бессознательно изменены.

Что касается достоверности сохранившихся оригинальных записей, мнения сильно расходятся. По общему мнению, евреи в некоторой степени не обладали истинным историческим чувством, в этом отношении они скорее сравнимы с египтянами, чем со своими родственниками вавилонянами. Но с другой стороны, то, что уже было сказано об общей достоверности национальных традиций, в полной мере применимо и в данном случае. Даже самый скептически настроенный историк вряд ли станет отрицать, что в общих чертах книги Ветхого Завета отражают реальные факты еврейской истории, какими бы предвзятыми ни были точки зрения и каким бы недостаточным ни было чувство хронологии. В любом случае, какие бы сомнения ни вызывали подлинность тех или иных библейских записей, факт остается фактом: в целом библейские записи являются практически единственным источником информации о древней еврейской истории. Как уже было сказано, упоминания, встречающиеся то тут, то там в источниках других народов, с помощью которых можно проверить библейские записи, представляют большой интерес, но вряд ли можно сказать, что они действительно имеют большое значение. На самом деле, нам известна только одна надпись в оригинале, которая содержит прямую ссылку на конкретное событие, упомянутое в Библии. Этот уникальный памятник — знаменитый Моавитский камень, на котором есть надпись, в которой царь Меша упоминает о встрече с евреями, о которой рассказывается с другой точки зрения в библейском тексте. Таким образом, с практической точки зрения, историк должен обращаться только к Библии, пытаясь воссоздать историю Израиля. Никому не нужно напоминать, с каким рвением исследовали этот источник.

Отношение современных критиков к еврейским текстам радикально изменилось за последние несколько поколений. Еще в 1753 году доктор Аструк, придворный врач Людовика XV, указал на то, что ранние книги Ветхого Завета не являются однородными. В то время это предположение считалось крайне иконоборческим и не имело большого влияния. Но в XIX веке возникла новая школа научной критики, которая фактически вернулась к позиции доктора Аструка, а затем продвинулась еще дальше, придя к еще более иконоборческим выводам. Было отмечено, что при составлении первых двух глав Книги Бытия были использованы два разных источника. Дальнейший анализ, по-видимому, не оставлял сомнений в неоднородном характере Пятикнижия или, как предпочитает называть его одна из школ критиков, Шестикнижия. Результат всего этого, если можно выразить его в нескольких словах, заключается в том, что многие книги Ветхого Завета, которые когда-то считались бесспорными произведениями одного автора, теперь рассматриваются доминирующей школой критиков как анонимные. По словам профессора Эвальда, это замечание относится ко всем без исключения повествовательным книгам Ветхого Завета. Мнение Эвальда по этому вопросу стоит процитировать *полностью*, поскольку оно отражает точку зрения признанного лидера этой новой школы критиков.

«Есть один общий признак, по которому, несмотря на его кажущуюся незначительность, мы можем сразу с достаточной уверенностью распознать весь отличительный характер еврейской историографии по отношению к специальной науке истории. Этот признак — анонимный характер исторических книг.

Историк не упоминал себя как автора, и читатели не задавались вопросом о его имени; эта традиция сохранялась на протяжении всего времени и только постепенно изменилась в последние века, как можно заключить из книг Ездры и Неемии, а также из Хроник, в которых более подробно задаются вопросы об именах авторов более древних историй (). Более того, только в последние дни существования древнего народа появляются такие названия, как «Книга Моисея» или «Книги Самуила», как будет показано ниже. Следует сказать, что практика анонимного написания исторических произведений была установлена с самого начала и сохранялась в неизменном виде в самые процветающие времена историографии; именно это составляло фундаментальное отличие между написанием еврейской истории и греческой и арабской (особенно мусульманской), и здесь заключался недостаток, от которого она так и не смогла избавиться даже в более поздние времена. Точно так же, как среди индийцев с древних времен мало интересовались автором Пураны, и сам автор обычно не упоминал своего имени».

Эта оценка, несомненно, может считаться достаточно представительной для мнений таких современных авторитетов, как Веллхаузен, Штаде, Киттель и Чейн. Подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей цели. Разумеется, едва ли есть другая тема, которая вызвала бы более широкий интерес или более острую полемику. Но для целей общего историка достаточно знать, что исторические сочинения евреев в настоящее время подвергаются тому же анализу, что и другие сочинения древности, и что, с учетом обычных поправок на неопределенности ненаучной эпохи, на национальные предрассудки особо упрямого и эгоистичного народа, а также на хронологические неточности расы, несколько недостаточной в историческом смысле, еврейские сочинения, как и сочинения древнегреческих историков, можно считать вполне выдержавшими испытание современной критикой.

Не обращая внимания, в данном случае, на традиционные ранние странствия этой расы, история Израиля как нации начинается с завоевания земли Ханаанской. Племена практически занимают территории, впоследствии названные в их честь, и объединяются в одну нацию. Но филистимляне и финикийцы по-прежнему удерживают прибрежные земли, а хананеи — некоторые из своих центральных опорных пунктов.

ЭПОХА СУДЕЙ (1180-1020 гг. до н.э.)

до н. э. Так называемые судьи — это вожди племен, военные лидеры, которые в этот период стоят во главе государства. Регулярной передачи власти не происходит, и никто не стоит во главе всех племен одновременно. Иногда они правят одновременно. В эту эпоху заселения связи между различными племенами постепенно распадаются по мере достижения ими безопасности и мира. Ранние судьи продолжают завоевание Ханаана и отбивают некоторые внешние вторжения. Барак из Кадеша, подталкиваемый пророчицей Деборой, наносит сокрушительный удар на берегах Кишора сильной коалиции северных хананеев под руководством Сисеры. Гедеон, один из судей, положит конец частым вторжениям мадианитян. Начинает ощущаться необходимость в монархии. Гедеон отказывается от короны, предложенной ему племенами центральной Палестины, но его сын Авимелех, при поддержке родственников из Шехема, пытается

основать царство. Он терпит неудачу из-за внутренних разногласий среди своих последователей.

Иеффай возглавляет гилеадитов в успешной кампании против аммонитян, что приводит к кровопролитному межплеменному конфликту между гилеадитами и ефремлянами. Происходят короткие войны с филистимлянами, с которыми связано имя Самсона Данита. В одной из них израильтяне терпят тяжелое поражение при Афеке, и Ковчег Завета попадает в плен. Через семь месяцев ковчег возвращают и отправляют в Кир-Иеарим на хранение. Племена быстро теряют свою организованность, хотя благодаря завоеваниям и слиянию с хананеями они стали большим и сильным народом. Старая религия почти забыта. Вероятно, в эту эпоху зарождается еврейская литература, а письменность становится общепринятой.

Примерно через двадцать лет после битвы при Афеке Самуил, последний из судей, созывает собрание колен в Мицпе. В обществе восстанавливаются закон и порядок, и возобновляется завет с Яхве. Чтобы завершить работу по объединению, Саул из колена Вениамина избирается царем Израиля и помазывается Самуилом. Самуил также учреждает школы пророков (Небиим) в различных частях страны, главные обязанности которых заключаются в том, чтобы не дать угаснуть свету религии и сохранить чувство национального единства.

МОНАРХИЯ ДО РАЗДЕЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ (1020-930 гг. до н.э.)

1020 **Саул** — он освобождает Явеш-Гилеад от осаждавших его аммонитян и с помощью своего сына Ионафана ведет успешную войну против филистимлян. Его снисходительность по отношению к Агагу, царю амаликитян, приводит к его отвержению Самуилом. Давид, неизвестный юноша, привязывается к царю, вероятно, благодаря своему таланту музыканта. Саул в конце концов начинает рассматривать Давида как соперника и изгоняет его. Давид собирает вокруг себя соплеменников и многих недовольных и делает пещеру Адуллама своей крепостью. Он нападает на филистимлян и амаликитян. Саул и трое его сыновей погибают на горе Гильбоа в сражении с филистимлянами, а **Эшбаал (Ишбошет)**, единственный выживший сын, становится царем по решению Авнера, генерала Саула. Давид возвращается в Хеврон и помазан на царство Иудеи. После нескольких конфликтов между войсками соперничающих царей Авнель ссорится с Эшбаалом и обращается к Давиду, но вскоре убит Иоавом.

1002 Убийство Эшбаала. **Давид** приглашается на престол всего Израиля. Иуда становится ведущим коленом. Филистимляне восстают. Давид побеждает их в Баал-Перациме и Рефаиме. Гат становится вассалом. Давид изгоняет хананеев из Иевуса и восстанавливает город, теперь называемый Иерусалимом. Построен королевский дворец на горе Сион. Ковчег перевозят из Кир-Иеарима в новую столицу. Давид идет на войну, чтобы защитить и укрепить свое царство. Военные кампании против Эдома, Моава и Аммона. Рабба-Аммон захвачен, а его жители жестоко убиты. Его сын **Авессалом** восстает и получает такую поддержку, что Давид бежит из Иерусалима, а Авессалом захватывает власть. Царь возвращается после смерти Авессалома. Восстание Шебы подавлено и наказано. Благодаря своему влиянию Вирсавия добивается того, что ее сын Соломон назначен наследником вместо Адонии, старшего сына. Царство теперь простирается от границ Египта до Евфрата на западе и Оронта на севере.

970 **Соломон** — царь после смерти Давида. Он сразу же казнит Адонию, Иоава и Шимея. Изгоняет первосвященника Авиафара и назначает Задока. Женится на дочери фараона (вероятно, Пасебхану II). Заключает союз с Хирамом из Тира. Строит крепости и вводит сложную систему налогообложения, что вызывает недовольство и зависть.

966-959 Строительство храма в Иерусалиме. В роскошной жизни двора проникают различные формы языческого поклонения, а угнетение народа для поддержания великолепия царя подготавливает почву для беспорядков. Хадад из Эдома и Резон из Дамаска становятся могущественными соперниками.

940 Иеровоам из Ефрема поднимает восстание с помощью Ахии из Силома. Заговор проваливается, и Иеровоам ищет убежища у Шашанка I из Египта.

930 г. После смерти Соломона десять северных колен, не получивших обещаний лучшего обращения от его преемника, открыто восстают, приглашают Иеровоама и избирают его своим царем. Рехавеам, сын Соломона, сохраняет за собой только Иудею и Вениамина.

РАЗДЕЛЕННОЕ ЦАРСТВО

ИУДЕЯ (930-586 ГГ. ДО Н.Э.)

(Иуда и Вениамин)

930 г. Рехаввам пытается вернуть десять колен; в конце концов ему мешает пророк Шемаия.

925 г. Вторжение в Иудею египетского царя Шашанка I. Захват и разграбление Иерусалима.

920 г. Авия, царь Иудеи.

917 Аса, царь Иудеи. Продолжаются войны с Израилем. Аса вступает в союз с Бен-Хададом I из Дамаска.

874 Иосафат, царь Израиля. Союз Иудеи и Израиля через брак Иорама и Аталии, дочери Ахава.

849 Иорам, сын Иосафата, наследует престол своего отца. Аталия пытается внедрить в Иудее язычество и разврат Израиля. Эдомиты успешно поднимают восстание. Филистимляне вторгаются в Иерусалим и грабят его.

844 Ахазия наследует престол своего отца. Убит Иегу.

842 Аталия узурпирует трон. Убивает всех членов королевской семьи, кроме Иоаса, которого скрывает первосвященник Иодай. В Иерусалиме устанавливается культ Ваала.

836 г. Иодай организует восстание. Аталия убита, а Иоас провозглашен царем. Реакция против поклонения Ваалу, хотя культ все еще продолжается. Пророчества Захарии. Хазаел из Дамаска вторгается в Иудею.

797 Амасия. Эдомиты потерпели поражение в долине Соли.

Объявляет войну Израилю и терпит тяжелое поражение. Убит в Лахише в результате заговора.

778 Азария (Озия). Строит гавань Элат. Эпоха коммерческого процветания. Королевство защищено от филистимлян. Озия умирает от проказы.

740 год. Его сын Иотам становится царем после короткого регентства.

736 Ахаз, человек слабого характера, наследует престол своего отца. Несмотря на предупреждения пророка Исаии, он обращается к Тиглат-Пилесеру III с просьбой о помощи в борьбе с Пекахом и Резином. Религия находится в состоянии коррупции и упадка. Пророчества Исаии и Михея. Исаия проповедует против последствий союза с Ассирией для народа и религии Иудеи и советует проводить политику спокойствия; Михей выступает против положения бедных.

727 г. Езекия. В первые годы правления проводит умеренные религиозные реформы. Религия централизуется в Иерусалиме. Многие административные улучшения в королевстве.

ИЗРАИЛЬ (930-722 ГГ. ДО Н. Э.)

(Десять северных колен)

930 Иеровоам I становится лидером демократического движения, стремящегося к отмене выборной монархии. Делает Дан и Вефиль главными центрами религии, где Яхве поклоняются в образе быка. Начинается новое нелевитское священство. Пророк Ахия осуждает эти реакционные меры.

917 г. Надав наследует престол своего отца, но через два года убит Баашей.

915 (Он убит) Баашей, военачальником, во время осады Гиббетона. Бааша провозглашает себя царем и осуждается пророком Иегу. Бен-Хадад вторгается в Израиль.

892 Эла, сын Бааши, наследует ему и убит в результате заговора Зимри.

890 Зимри, один из его офицеров, узурпировавший трон на семь дней, убит Омри, военачальником израильтян, который занимает трон после убийства другого претендента, Тибни. Столица королевства переносится из Сехема в Самарию, построенную Омри. Он основывает первую стабильную династию в Израиле — заставляет моавитян платить дань, но испытывает сильное давление со стороны растущей мощи Дамаска.

875 Ахав, царь Израиля. Дважды побеждает сирийцев, а затем, к возмущению пророков, вступает с ними в союз, вероятно, для сопротивления Ассирии.

854 г. Салманасар II из Ассирии вторгается в Сирию и наносит поражение израильтянам и сирийцам при Каркаре. Союз распадается, и Ахав погибает в следующем году при попытке отбить Рамот-Гилеад у Бен-Хадада. Ахав женится на Иезавель, дочери Этбаала Тирского, и в Тире устанавливается поклонение Ваалу. Пророк Илия энергично осуждает это. Соревнование между Ваалом и Яхве, после которого последний восстанавливает свою власть. Илия бежит.

853 год. Ахазия, царь Израиля. Илия упрекает его за то, что он призвал Ваал-Зевуба, бога Экрона.

851 Иорам с помощью Иосафата наследует престол своего брата. Пытается вернуть верность моавитян, но терпит неудачу.

Елисей, слуга и преемник Илии, выходит на первый план и ведет ожесточенную войну против поклонения Ваалу, в ходе которой помазывает на царство Иегу, офицера армии. Иегу, подняв восстание, сразу же нападает на Иорама и Ахазию, которые находятся у него в гостях, и убивает их обоих.

843 Иегу. Искореняет поклонение Ваалу огнем и мечом. Дом Омри полностью истреблен. Приходит к соглашению и платит дань Салманасару II, чтобы защитить свое царство от Сирии.

815 Иоахаз, сын Иегу, наследует ему. Бен-Хадад III из Дамаска осаждает Самарию, но отступает при приближении ассирийской армии.

802 г. Иоас. Побеждает сирийцев и возвращает утраченные города. Израиль освобождается от сирийского ига. Смерть Елисея. Поражение и пленение Амасии в Бет-Шемеше. Входит в Иерусалим.

782 г. Его сын Иеровоам II становится преемником. Возвращает все утраченные территории от Сирии, ослабленной Ассирией, и Израиль вновь простирается от «входа в Хамат [современная Хама] до моря Аравы».

Начинается эпоха мира и процветания, хотя отношение Ассирии остается угрожающим. Пророчества Амоса и Осии. Они осуждают коррупцию и язычество [еврейского] народа и предсказывают падение царства.

741 г. Захария, царь Израиля.

740 г. Шалум, заговорщик, убивает царя и занимает трон.

738 Менахем, воин, убивает и заменяет Шаллума. Вводит огромный налог, чтобы купить поддержку Тиглат-Пилесера III в его претензии на трон.

737 Его сын Пекахия становится преемником.

736 Пеках, офицер, возглавивший военный заговор, убивает царя и захватывает трон. Союзничает с Рецином из Дамаска, чтобы напасть на Иудею.

734 год. Осия, поддерживаемый Тиглат-Пилесером, убивает Пекаха и становится вассалом Ассирии.

725 год. Осия, по совету Шабак, отказывается платить дань Салманасару IV, который немедленно осаждает Самарию.

722 Захват Самарии преемником Салманасара, Саргоном II. Население депортировано за Евфрат и заменено ассиро-вавилонскими поселенцами. Поглощение северного царства Ассирией.

Растущая сила, несмотря на предупреждение Исаяи о 702 антиассирийской партии, пока, наконец, Езекия не отказывается платить дань Ассирии; его примеру следуют другие вассальные государства Палестины.

701 год. Сеннахирим вторгается в Палестину. Битва при Элтеке (Алтаку). Тирхака из Египта приходит на помощь Езекии. Ассирийцы, ослабленные сильной чумой, возвращаются в Ниневию, не захватив Иерусалим, но Езекия возобновляет выплату дани.

695 **Манассия** наследует Езекию. Возрождение поклонения Ваалу. Реакция против учеников пророков, которые подвергаются преследованиям. Поклонение солнцу и звездам, привнесенное из Ассирии, где Манассия некоторое время провел в качестве заложника Ашшурбанапала.

641 **Амон**, царь Иудеи. Продолжаются гонения на верных иудеев.

639 **Иосия**, сын Амона, наследует престол в возрасте восьми лет. Ужасные социальные и нравственные условия, описанные в пророчествах Софонии и Нахума.

621 год. Хилкия якобы обнаруживает «Книгу Закона», что приводит к религиозным реформам. Идолопоклоннические символы изгоняются, а местные святилища упраздняются.

608 Неку II из Египта вступает в Палестину, чтобы начать завоевательную кампанию. Иосия встречает его в Мегиддо и погибает. **Иоахаз** избран народом царем вместо своего старшего брата Иоакима.

607 г. Неху II берет в плен Иоахаза, и **Иоаким** занимает трон. Иудея, ослабленная и погруженная в хаос, становится египетской провинцией.

605 Неку потерпел поражение от Навуходоносора при Кархемише, в результате чего 601 Иоаким становится вассалом вавилонского царя.

597 Иоаким убит во время халдейского вторжения; его преемником становится его сын **Иоахин**. После трех месяцев правления он увожен в плен в Вавилон после сдачи Иерусалима Навуходоносору. Лучшие представители населения также депортированы. **Маттания**, дядя Иоахина, назначен царем, и его имя изменено на **Седекию**. Иеремия советует полностью подчиниться Вавилону, но в 588 году Седекия восстает, полагаясь на тщетные обещания Уа-аб-Ра [Хофра] из Египта, и в результате в 588-586 годах Иерусалим осаждают и захватывает Навуходоносор.

586 г. Иудеи, «кроме самых бедных в стране», увозятся в плен в Вавилон. Гедалия назначается правителем оставшихся в стране. Несколько выживших вождей бегут и поселяются в Египте, среди них Иеремия. Конец евреев как нации. Отныне они существуют как религиозная община. Начало иудаизма.

ИЗГНАНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАСЛЕДОВАННОГО ВЫСОКОГО СВЯЩЕНСТВА (586-415 гг. до н. э.)

- 586-536 Период изгнания. Иудеи образуют ядро нового народа. Иоахин освобождается Амилом Мардуком (Эвилем-Меродахом) и получает доброе обращение. Иезекииль трудится со своим народом, чтобы нести их бремя, и ободряет их надеждой на восстановление. Они проводят много времени, составляя и пересматривая литературные записи прошлого. Составляется «Священнический кодекс».
- 538 г. Завоевание Вавилона Киром. Персидское господство.
- 536 год. Кир издает указ, разрешающий евреям вернуться в Иерусалим со своими священными сосудами и восстановить храм. Группа во главе с Зеруббабелем и Иешуа немедленно отправляется в путь.
- 534 Начинается восстановление храма, но оно прерывается из-за сопротивления самаритян. Аггей и Захария призывают евреев завершить строительство храма.
- 520 Восстановление возобновляется.
- 516 Храм освящен.
- 510-460 Период, история которого неизвестна. Возможно, Зеруббабель был коронован, но это сомнительно. Иудея теперь является незначительной провинцией империи, контролируемой персидскими сатрапами, правители которых коррумпированы и деспотичны. Религиозная вера снова начинает приходить в упадок. Закон обходится и нарушается, и в этих условиях небольшая реакционная и ревностная партия увеличивается в численности и влиянии.
- 483 год. Эзра, священник из рода Садокитов, поощряется Артаксерксом I посетить Иерусалим с миссией реформ, чтобы примирить евреев в Вавилоне, которые обеспокоены состоянием религии в Иудее. Его миссия терпит неудачу.
- 445 Неемия, вавилонский иудей, прибывает в Иерусалим с разрешения Артаксеркса, чтобы восстановить городские стены. Эзра появляется снова. Издается книга Закона, и завет между Израилем и Яхве возобновляется. Заложен фундамент иудаизма. Закон теперь является достоянием каждого израильянина. Неемия улучшает социальное положение бедных и возвращается в Персию (433).
- 432 Второй визит Неемии. Он обнаруживает, что некоторые старые злоупотребления снова практикуются. Основание самаритянской колонии избавляет от противников Неемии и объединяет лояльных евреев.
- 415 Смерть Неемии. Внутреннее управление Иудеей переходит к линии наследственных первосвященников.

ВЫСШИЕ СВЯЩЕННИКИ ДО ВОССТАНИЯ МАККАВЕЕВ (415-167 гг. до н. э.)

- 415 г. **Елиашив**, первосвященник. Он и его преемники руководят делами Иудеи при содействии совета старейшин и священников.
- 413 **Иодай** становится первосвященником.
- 373 **Иоханан** убивает своего брата Иисуса, который пытается захватить первосвященничество. Персидский сатрап вмешивается и налагает штраф на иудеев.

- 350 Иудея разграблена Артаксерксом III во время подавления сирийского восстания. Храм разрушен. Многие евреи депортированы.
- 341 год. **Яддуа** становится первосвященником. Начинается эпоха литературы «Мудрости» (Хокма).
- 333 г. Александром Македонским в битве при Иссе свергнута Персидская империя. У Израиля новый хозяин.
- 323 После смерти Александра Иудея становится частью сатрапии Сирии.
- 321 **Ония I** становится первосвященником.
- 320 Птолемей Лаг завоевывает Иерусалим. Он депортирует часть жителей в Египет.
- 314-302 Иудея — сирийская провинция.
- 302 Птолемей Лаг вновь захватывает Иудею.
- 300 **Симон Праведный** становится первосвященником. Он восстанавливает храм и укрепляет укрепления города.
- 294-280 Иудея номинально становится провинцией Селевкидов.
- 285 Птолемей Филадельф наследует престол своего отца, который отрекается от него. Под его покровительством начинается работа над Септуагинтой — переводом Библии на греческий язык.
- 250 **Ония II** становится первосвященником. Пытается удержать дань Птолемею.
- 247 Птолемей Эвергет наследует престол своего отца.
- 222 Птолемей Филопатор наследует престол своего отца.
- 219 В войне между Антиохом Великим и Птолемеем Филопатором Иерусалим разграблен, а храм осквернен последним.
- 217 **Симон II** становится первосвященником.
- 204 Иудея теряет власть Птолемеев, под властью которых она была счастливее, чем когда-либо с момента потери независимости, и переходит под власть Селевкидов.
- 198 **Ония III** становится первосвященником. Антиох без кровопролития захватывает Иерусалим. Он очень благосклонно относится к евреям.
- 187 Селевк Филопатор сменяет Антиоха.
- 176 Гелиодор, подстрекаемый наместником Аполлонием, пытается разграбить храм.
- 175 Антиох Эпифан наследует Селевка.
- 175 **Ония**, дружелюбно настроенный к египетской партии, свергается Антиохом IV и, удалившись в Египет со своими последователями, основывает Леонтополис. **Иасон** становится первосвященником. В Иерусалиме открывается греческая гимназия.
- 172 **Менелай** изгоняет Иасона из священства.
- Антиох вмешивается в возникшую ссору. Менелай насильно устанавливается первосвященником, а Аполлоний захватывает Иерусалим. Осквернение храма. Ежедневные жертвоприношения и другие обряды приостанавливаются.

ВОССТАНИЕ МАККАВЕЕВ И ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА (167 г. до н. э. — 70 г. н. э.)

- 167 В Модине под руководством священника Маттафии происходит восстание, поскольку сирийские офицеры пытаются заставить евреев поклоняться языческим божествам. Многие отчаянные сторонники присоединяются к Маттафии, и вскоре большая группа бродит по стране, разрушая языческие алтари и навязывая обрезание. Маттафия умирает (166 г.), назначив Иуду Маккавея своим преемником. Теперь решено провести систематическую кампанию.
- 166 Иуда Маккавей побеждает сирийцев при Эммаусе.
- 165 Иуда Маккавей побеждает сирийцев при Бетцуре, вновь освящает храм и восстанавливает ежедневные жертвоприношения.
- 164 год. Антиох Евпатор. Написана Книга Даниила.
- 162 Иуда пытается изгнать сирийский гарнизон из Акры, но терпит сокрушительное поражение от сирийцев при Бетцуре. **Альким**, лидер эллинистической партии, становится первосвященником, что вызывает недовольство Маккавеев.
- Деметрий I узурпирует сирийский трон и убивает Антиоха.
- 161 Иуда наносит поражение Никанору, сирийцу, в Бет-Хороне (Адаса). Никанор убит. Иуда потерпел поражение и был убит в Эласе. Он тайно обращался к Риму. Брат Иуды, Ионафан, становится лидером партии.
- 159 Смерть Алкима. Перерыв в высшем священстве. Ионафан устанавливает свою власть в Михмаше как правитель еврейского народа.
- 153 Александр Балас, претендент на сирийский трон, назначает **Ионафана** первосвященником.
- 150 Смерть Деметрия.
- 145 Александр Балас убит Птолемеем Филометором. Деметрий II становится преемником. Подтверждает Ионафана в священническом сане.
- 142 Трифон, генерал Александра Баласа, и его сын Антиох захватывают Ионафана и казнят его. Симон, сын Маттафия, принимает на себя руководство и убеждает Деметрия освободить Иудею от дани. Захват Акры Симоном. Иудея освобождается от сирийского контроля.
- 141 год. **Симон** утвержден в должности первосвященника. Время мира и процветания. Закон наконец восстановлен.
- 135 Убийство Симона и его двух сыновей его зятем Птолемеем. Третий сын, **Иоанн Гиркан**, наследует первосвященничество. Эта должность становится практически независимой суверенной властью. Антиох VII пытается вернуть Иудею. Он опустошает страну, и Гиркан вынужден выкупить отступление армии и иммунитет столицы.
- 128 год. Антиох убит в Парфии. Гиркан присоединяет новые территории. Захватывает Сихем и Самарию. Эпоха величия еврейского содружества.
- 105 Иоанн Гиркан умирает. Его сын **Аристобул** заключает в тюрьму свою мать, убивает двух братьев и принимает титул царя. Завоевание и аннексия Итурей.
- 104 **Александр Янней** наследует своего брата. Растущее противодействие книжников и фарисеев превращению Маккавейского содружества в царство приводит к гражданской войне, во время которой фарисеи призывают на помощь Сирию и изгоняют Александра из Иерусалима, но он восстанавливает свой трон и мстит фарисеям кровавой расправой.

- 79 **Гиркан II** наследует престол своего отца Александра.
- 78 Александра (вдова Яннея) заключает соглашение с фарисеями.
- 69 **Аристокбул II** отбирает власть у своего брата Гиркана. Антипатр, правитель Идумеи, поддерживает последнего. Аристокбул потерпел поражение, и Гиркан почти удаётся в 65 году вернуть трон, но римляне появляются в Сирии и поддерживают Аристокбула.
- 63 год. Помпей, к которому обратились оба принца, захватывает Иерусалим; Гиркан сохраняет свой титул, но Иудея становится вассалом Рима.
- 47 год. Юлий Цезарь назначает **Антипатра** прокуратором Иудеи, Самарии и Галилеи. Гиркан принимает титул этнарха.
- 43 год. Убийство Антипатра. Его сын **Фасаэль** становится правителем Иерусалима. Его сын **Ирод** становится правителем Галилеи.
- 40 Фасаэль захвачен Антигоном, сыном Аристокбула II, и кончает жизнь самоубийством. Ирод бежит в Рим и становится царем иудеев.
- 37 Ирод захватывает Иерусалим в войне против Антигона.
- Он реорганизует синедрион, и фарисеи становятся в нем почти такими же многочисленными, как священники и старейшины.
- 35-25 Ирод устраняет с своего пути выживших членов семьи Асмонеев.
- 20 Ирод начинает восстановление храма. Он основывает города Антипатрис и Кесария.
- 7-6 Ирод приказывает осудить и задушить сыновей Мариамны.
- 4 Рождение Иисуса — смерть Ирода. Он завещает свои владения своим выжившим сыновьям, **Ироду Антипе** и **Архелаю**.
- 6 год н. э. Иудеи обращаются в Рим с жалобой на плохое управление Архелаем. Август смещает этнарха, и Иудея становится римской провинцией.
- 7 Проводится перепись населения под руководством Квирина. Прокуратором является **Копоний**. За ним следуют **Марк Амбивий** и **Анний Руф**.
- 15 г. н. э. Прокуратором назначается **Валерий Гратус**.
- 26 г. н. э. Прокуратором назначается **Понтий Пилат**. Прокураторы подчиняются имперским легатам Сирии и проживают в Кесарии.
- 29 Иисус начинает свое служение.
- 33 Смерть Иисуса.
- 36 **Марцелл** назначен прокуратором.
- 37 **Марл** назначен прокуратором.
- 38 Преследование иудеев за отказ поклоняться Калигуле.
- 41 Император Клавдий передает бывшее царство Ирода его внуку **Агриппе**.
- 44 Смерть Агриппы. **Куспий Фад** назначен прокуратором. Восстание Теуда.
- 46 **Тиберий Александр** назначен прокуратором.
- 48 **Куман** назначен прокуратором. Появляются признаки восстания среди иудеев.

- 52 **Феликс** назначен прокуратором. Анархия усиливается. Зелоты становятся доминирующей партией.
- 60 **Порций Фест** назначен прокуратором.
- 62 **Альбин** назначен прокуратором.
- 64 **Гессиус Флор**, последний прокуратор, назначен.
- 66 год. **Флор** захватывает сокровища храма. После других зверств иудеи поднимают восстание. Сирийский легат появляется перед Иерусалимом, но быстро снимает осаду. Затем император назначает Веспасиана вести войну.
- 67 Веспасиан прибывает в Галилею. Осада и захват Йотапаты. Восставший полководец Иосиф Флавий взят в плен.
- 68 Начинается осада Иерусалима.
- 70 Падение Иерусалима.
-

ИЕРУСАЛИМ

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

Сегодня трудно представить, насколько незначительным казался народ Израиля в глазах своих современников. Благодаря своим традициям, которые западный мир принимал почти беспрекословно на протяжении многих веков, евреи стали считаться занимающими центральное место в восточном мире. На самом деле они не занимали такого положения. Они были полностью затмеваемы многочисленными конкурентами. За исключением короткого периода правления Давида и Соломона, они никогда не были завоевательным народом и не имели политического значения. Они не могли соперничать в области культуры с египтянами, с одной стороны, или с ассирийцами, с другой. Они не были великими торговцами, как их соседи, финикийцы. Мы увидим, что они даже обратились к последним за помощью в строительстве своего знаменитого храма, который, как оказывается, был лишь незначительным сооружением по сравнению с великими пирамидами и храмами их соседей.

Тем не менее, важность, которую евреи приобрели в глазах последующих поколений благодаря своей литературе, дает им мировой исторический статус, полностью сопоставимый с любым другим восточным народом. Небольшой размер земли и относительная слабость народа только подчеркивают контраст между материальным процветанием и возможным интеллектуальным влиянием. Однако, оглядываясь назад с современной точки зрения, любопытно осознавать, как мало влияния евреи имели в свое время. От этой мысли невозможно избавиться; она постоянно возвращается, когда изучаешь историю жителей крошечной земли Палестины.

Мы уже видели, что евреи были семитской расой, тесно связанной с месопотамцами. Рассматривая израильтян, мы встретим много семитских черт, которые нам знакомы по изучению вавилонян и ассирийцев. Несмотря на утверждения некоторых современных этнологов, большинство читателей, вероятно, сочтут, что семит был особенно жестоким и безжалостным победителем, когда удача благоволила его оружию, но следует признать, что он был упрямым, героическим страдальцем в случае неудач. Упорство еврейской расы, практически не изменившейся до наших дней — самый необычный случай сохранения расы во всей истории — можно проследить непосредственно до доминирующих идей, которые народ вынашивал с самых ранних времен и от которых он никогда не отказывался.

Следует сказать несколько слов о названиях «еврей», «израильтянин» и «иудей», которые так часто используются как синонимы. Этимологически еврей — это потомок Хевера, правнука Сима; израильтянин — потомок Израиля, имя, данное Иакову после того, как он доказал, что он является тем, что подразумевает это имя, «воином Бога»; а еврей — потомок Иегуды () из царства Иудеи. Тот факт, что северная ветвь разделенного царства приняла

специфическое имя Израиль, в отличие от царства Иудеи, привел к ограниченному применению имени Израиль. Тем не менее, принято использовать это слово в более широком или первоначальном смысле, и более поздние историки обычно считают имя «израильтянин» синонимом «еврея», применяя его ко всей расе с самых ранних времен. Однако осторожные авторы обычно используют название «еврей» только в отношении более позднего периода истории народа, поскольку только потомки царства Иудеи сохранили свое существование после вавилонского плена.

ЗЕМЛЯ

Палестина — это южная часть Сирии. Она простирается от горы Хермон до пустыни Аравия Петра, между 31-й и 32-й параллелями северной широты. Жители этой страны называли ее Ханааном, и ее границы определены в Книге Бытия следующим образом: «Граница хананеев простиралась от Сидона, когда ты шел в Герар, до Газы; когда ты шел в Содом, Гоморру, Адму и Севоим, даже до Лаши». Ее восточная граница, о которой в Книге Бытия не упоминается, вероятно, проходила по Иордану. Греки называли побережье Финикией, а название Палестина первоначально обозначало только юго-западную часть, населенную пелешетами, или филистимлянами. После завоевания евреями страна Ханаан, ставшая теперь землей Израиля, простиралась за правым берегом Иордана в сторону пустыни. После разделения израильских колен на два царства южная часть, к западу от Мертвого моря, стала землей Иудеи, откуда и происходит название Иудея. При Маккавеях название Иудея включало в себя всю область, которая в прежние времена была землей Израиля. Римляне разделили страну на четыре провинции; первые три, на западном берегу Иордана, были — Галилея на севере, затем Самария, а затем Иудея; четвертая, Перея, находилась на восточном берегу. Это деление в целом соответствует характеру страны и встречается у греческих и латинских авторов, в Новом Завете и у отцов Церкви.

Две горные цепи, между которыми протекает Иордан, пересекают Палестину с севера на юг и соединяют Ливан и Антиливан с Хоробом и Синаем. Они пересекаются долинами и равнинами, а главные вершины носят имена, освященные историческими ассоциациями или мифологическими традициями. Наиболее известны холмы вокруг Иерусалима — Сион, Мория и Елеонская гора. Продолжая путь на север, мы приходим к горе Геризим, где находилось святилище, соперничавшее с Иерусалимским; к горе Кармил, обители пророка Илии; к горе Фавор, где, по мнению святого Иеронима, произошло Преображение; и, к востоку от Иордана, к горе Нево, с которой Моисей перед смертью созерцал Землю Обетованную. На севере горы покрыты деревьями и растительностью; на юге, в самой Иудее, они представляют собой бесплодные скалы; даже равнины на берегу Мертвого моря не возделываются и остаются пустынными. Контраст становится еще более заметным, когда мы пересекаем границы Палестины; на юге — суровая Идумея, страна Иова, а за ней — песчаные пустыни, где царит палящий сунун, гнев которого подобен пожирающему огню; и святая гора Синай, где Единый Бог явил себя в буре и молниях. На севере — глубокие ущелья Ливана, откуда берут начало истоки Иордана; и те сады Бога, котловина Сирии и равнина Дамаска; и снежные вершины горы Хермон, откуда сыны Бога спустились, чтобы соединиться, под сенью великих кедров, с дочерьми человеческими. Спустя много веков этот брак неба и земли был обречен на обновление в более целомудренной форме, а Эдем и Галилея должны были увидеть, как под зелеными пальмами расцветает новая Ева, Дева, которая должна была родить Бога.

Иордан сначала пересекает небольшое озеро, которое летом почти пересыхает, а затем впадает в озеро Геннисарет или Тивериаас, также называемое Галилейским морем и известное в христианской традиции. Это озеро имеет форму нерегулярного овала, длиной

двадцать километров и шириной около девяти. Вода в нем пресная и пригодна для питья, но вулканический характер почвы указывают горячие источники в окрестностях и базальтовые скалы, покрывающие его берега. Его уровень находится на двести тридцать метров ниже уровня моря. Этот низкий уровень остается постоянным на всей территории долины Иордана, которая, покидая озеро Геннисарет, продолжает свой путь на юг и на расстоянии двадцати пяти лиг от него впадает в Мертвое море. Устье находится на четыреста метров ниже уровня Средиземного моря. Мертвое море, также называемое озером Асфальтит из-за битума, плавающего на его поверхности, является озером без стока и теряет в результате испарения примерно столько же воды, сколько получает от Иордана и других притоков. Его длина составляет шестьдесят четыре километра, ширина варьируется от восьми до тринадцати километров, максимальная глубина — около четырехсот метров. Его бассейн представляет собой дно большой долины, простирающейся от горы Хермон до залива Акаба на Красном море. Этот бассейн, по всей вероятности, образовался в результате обрушения огромного кратера, образовавшегося в результате большого вулканического извержения, которое поглотило города Пентаполиса. Книга Бытия сохранила память об этом катаклизме, который она называет дождем огня и серы. В окрестностях мы находим отложения лавы, пемзы, серы и битума. Соленость и едкость воды Мертвого моря объясняют, почему в нем не может жить ни рыба, ни какие-либо животные; оно содержит от двадцати четырех до двадцати шести с четвертью процентов солевых веществ, вместо четырех процентов в других морях. Ее удельный вес на пятую часть превышает удельный вес океанской воды, и поэтому в ней невозможно утонуть. Солевые конкреции, встречающиеся в таких регионах, как этот, могли послужить источником легенды о жене Лота, которая превратилась в соляной столб.

Священные писатели часто восхваляют плодородие Палестины, «страны пшеницы, ячменя, виноградников, смоковниц и гранатовых деревьев, страны оливковых деревьев, масла и меда». Правда, почва вокруг Иерусалима бесплодна и камениста, что побудило Страбона сказать, что народ, возглавляемый Моисеем, не испытал никаких трудностей при завоевании страны, которая не заслуживала защиты; но не вся Палестина похожа на окрестности Иерусалима. Латинские авторы подтверждают свидетельство Библии о плодородии Иудеи. «Почва, — говорит Тацит, — дает в изобилии продукты нашей страны, а также бальзам и пальмовые деревья». По словам Юстина, бальзам Иудеи, который выращивался главным образом на равнине Иерихона, был основным источником богатства страны. Аммиан Марцеллин говорит то же самое о богатом земледелии Палестины. До сих пор, несмотря на турецкое бесправие и арабские набеги, она сохраняет — особенно на севере — многие следы своего древнего плодородия. Долина Иордана богата пастбищами. Говорят, что оливки Палестины предпочтительнее провансальских. Сама Иудея, хотя и в целом бесплодна, имеет некоторые районы, которые дают хорошие урожаи и, прежде всего, превосходное вино. Но бедствием страны, по словам турок и арабов, являются саранча. «Количество этих насекомых, — говорит Вольней, — невероятно для тех, кто не видел этого своими глазами: земля покрыта ими на протяжении нескольких лиг. Шум, который они производят, обгладывая деревья и травы, слышен издали, как армия, грабящая тайком. Лучше иметь дело с татарами, чем с этими разрушительными маленькими существами, которые оставляют за собой след, словно пожар. Везде, где появляются их легионы, зелень исчезает с земли, как поднятая занавеска; деревья и растения, лишенные листьев и превращенные в голые ветви и стебли, заставляют в мгновение ока сменять щедрые пейзажи весны ужасным видом зимы. Когда эти облака саранчи поднимаются в воздух, чтобы преодолеть какое-то препятствие или быстрее пересечь какую-то пустыню, можно буквально сказать, что они затмевают небо».^b

Древняя Иоппа

НАРОД

Все жители только что описанной страны (за исключением очень небольшого числа, которое не имеет значения в общей массе) принадлежали к расе, которую мы привыкли называть «семитской» или «народами семитского языка». Этот термин настолько часто злоупотребляется как в научных работах, так и в общественной жизни, что мы должны сначала определить его реальное значение. Название «семит» происходит от «Шема», который появляется в десятой главе Книги Бытия (в языке генеалогического историографа) как предок евреев и ряда соседних племен.

Поскольку большинство народов, происходящих от Сима, в Книге Бытия х, говорят на языках, схожих по структуре и совершенно отличных от других языков, мы с дней Эйхгорна привыкли называть эти народы и языки семитскими. А поскольку народы, говорящие на аналогичных языках, всегда в определенной степени связаны между собой сходством происхождения и, следовательно, физическим и умственным сходством, мы также говорим о семитской расе. Под этим названием мы классифицируем все народы, говорящие на языках еврейского типа, а именно арамейцы, ассирийцы, вавилоняне, хананеи, финикийцы, арабы и большая часть абиссинцев. Следовательно, выражение «семитские народы» или «семитские языки», как и многие другие, используемые в науке, является лишь условным термином.

На протяжении всей истории жители Палестины всегда были семитскоязычным народом, *то есть* говорили на языке еврейского типа. В самые ранние времена, о которых нам дают представление исторические исследования, в период до переселения израильтян на земли к западу от Иордана, население Палестины варьировалось, точно так же как и сейчас, в зависимости от характера различных частей страны. Кроме того, тогда, как и сейчас, Иордан и долина Иордана составляли главный барьер между этими семитскими народами. К западу от Иордана проживает сельскохозяйственное население, разделенное на многочисленные небольшие племена, которые мы привыкли называть хананеями. Коллективный термин «хананеи» был, конечно, распространен с одного района или племени под названием Ханаан на всю совокупность родственных народов. Жители финикийских приморских городов принадлежат к той же расе, что и жители царства хеттов, расположенного к северу от Палестины.

Однако на другой стороне Иордана проживают семитские племена, во многих случаях все еще кочевые, говорящие на том же языке, что и остальные, но уступающие им в цивилизации, которые все без исключения называются «ибрим» (евреи), *т. е.* «те, кто за пределами» или те, кто живет за Иорданом.

Но вдоль южной, не менее чем восточной, границы земли к западу от Иордана кочевали кочевые племена (в значительной степени смешанные с ханаанскими и еврейскими

племенами), которые, согласно общепринятому мнению, классифицируются под общим названием «арабы» (), и эта точка зрения не противоречит тем немногим остаткам в виде собственных имен, которые дошли до нас.

Этот порядок вещей был нарушен, когда одно из вышеупомянутых еврейских племен начало постепенно мигрировать в страну к западу от Иордана, чтобы поселиться там и в конечном итоге все более и более полностью завладеть ею. В ходе этого процесса оно свободно смешалось с коренным хананеянским населением, чью цивилизацию оно постепенно ассимилировало, в то же время в него влились некоторые другие еврейские и арабские племена.

Результатом этого смешения стал народ Израиля. Он впервые появился в результате иммиграции в страну к западу от Иордана, которая, следовательно, имеет полное право считаться в легендах Землей Обетованной. Он не вышел из Египта как организованная нация и не прибыл на запад от Иордана после многих скитаний туда и обратно. Это был такой же малочисленный народ чистой крови, как и любой другой на земле, поскольку он принимал людей арамейского и египетского происхождения, а также уже упомянутые ханаанские, еврейские и арабские элементы.

Народ Израиля так и не смог завладеть всей страной к западу от Иордана. И только при этом условии он мог бы превратиться в одну из великих наций и создать однородное государство, имеющее огромное значение. Более того, он не мог даже удержать свои прежние территории к востоку от Иордана. Это было бы возможно только в том случае, если бы он смог заселить густонаселенными поселениями регионы к северу от равнины Мегиддо до Ливана и противоположные районы к востоку от Иордана. Там ничто не мешает взаимодействию между двумя частями страны. Там могло бы сформироваться компактное население, единое по обычаям и интересам, и таким образом южные части страны, разделенные рекой Иордан, были бы объединены. Но в тех частях страны к западу от реки, которые лежат к северу от равнины Мегиддо, израильское население никогда не было многочисленным во времена Израильского царства. Оно всегда сильно смешивалось с ханаанскими элементами, которые оно не могло ассимилировать. Поэтому многие израильские семьи, поселившиеся там, рано потеряли связь с нацией.

Но поскольку народ Израиля не был достаточно многочисленным, чтобы завоевать эти регионы для израильской национальности, и поскольку компактная группа израильских жителей существовала на высокогорьях к югу от равнины Мегиддо до южной окраины Мертвого моря, и эти части соответственно стали ядром царства Израиля, последнее с самого начала несло в себе семена разрушения. К этому сложной ситуации добавился еще один фактор: прежде чем регионы, которые впоследствии образовали ядро израильского государства, перешли в полную собственность иммигрантов, прежде чем слияние ханаанских, еврейских и арабских семей с племенами Израиля было повсеместно завершено, то есть прежде чем они могли бы думать о завоевании побережья, на сцене появились два других претендента на земли к западу от Иордана. С северо-востока арамейские племена продвинулись до Антиливана, с юго-запада пришло воинственное племя филистимлян. Как и израильтяне, они оба смешались с коренным хананеянским населением завоеванной территории. Именно они, а не хананеянское население побережья, на протяжении веков были настоящими противниками государства Израиль. Более того, государство было создано в первую очередь из-за угрозы, исходившей от филистимлян.

Таким образом, силы израильского народа были истощены в борьбе за владение землями к западу от Иордана. Менее стойкий, менее отважный, менее настойчивый народ никогда бы не смог сохранить свое национальное существование в таких условиях. Устояв перед

филистимлянами и арамеями и поддавшись только натиску великих азиатских империй, Израиль доказал свои высокие способности в сфере политики.

Но как вообще возникло израильское государство в таких условиях? Почему евреи, мигрировавшие к западу от Иордана, не присоединились к коренному хананейскому населению, которое говорило на том же языке и было этнологически так близко к ним? Почему не возникло хананейское государство, учитывая, что во всех аспектах цивилизации хананеяне были наставниками еврейских иммигрантов? Ответ на этот вопрос кроется в том, что иммигрантские еврейские кланы, которые дали первый импульс к созданию израильского народа, были лишены такой возможности из-за различия между их религией и религией хананеев. До своего переселения через Иордан они отделились от остальных еврейских племен и приняли религию гораздо более высокого уровня, чем религия коренных хананеев, живших к западу от Иордана. Таким образом, они уже стали одним народом. О процессе, в результате которого это произошло, мы знаем только из мифов и легенд. Но если мы сравним их с наблюдениями, которые мы смогли сделать в отношении религии, цивилизации и обычаев других еврейских племен, то в любом случае сможем сделать общие выводы о ходе событий, которые привели к такому результату. Рассмотрим же теперь отношения, в которых находятся дети Израиля по отношению к другим еврейским народам. Согласно тому, что было сказано на предыдущих страницах, есть три вещи, которые отличают детей Израиля от остальных евреев. Во-первых, значительная примесь ханаанской крови — по крайней мере, в одной из последних рас арабская кровь преобладала в большей степени, чем у детей Израиля. Во-вторых, их принятие ханаанской цивилизации и, как следствие, более полный переход к земледельческой жизни. В-третьих, поклонение Иегове как своему национальному богу.

Израиль представляет ту часть еврейской расы, которая, с одной стороны, находилась под наиболее сильным влиянием ханаанской цивилизации, а с другой — достигла наибольшего прогресса в религиозном развитии и была в наибольшей степени проникнута иностранными элементами. Вообще говоря, другие народы того же класса имеют более чистую еврейскую кровь и остались частично кочевыми, и поэтому — за исключением моавитян — они остались более варварскими и находятся на более низкой стадии развития. В более ранние времена различия между израильтянами и собственно евреями были неясными и неопределенными. Несколько еврейских кланов были приняты в Иудею, племя, которое даже не упоминается среди племен Израиля в Песни Деборы, и в то время, когда была составлена книга Числа ххv. 1-5, в тех краях было распространено развратное поклонение Ваалу Пеору. Но все записи Ветхого Завета доказывают, что моавитяне поклонялись только одному богу, божеству Хемошу. Поэтому, поскольку такой рассказ, как яхвистский текст, является абсолютно достоверным в таких вопросах, мы вынуждены сделать вывод, что именно Хемош почитался в тех краях как Ваал (т. е. Господь) Пеора. Поведение моавитских мужчин и женщин ничем не отличается от поведения древних израильтян, описанного в плаче Осии 4:13-15. То, что моавитяне, как и израильтяне, дали своему богу имя Ваал, т. е. Господь, можно заключить из двух моавитских местных названий Ваал-Меон и Бамот-Ваал. Поэтому нет необходимости прибегать к теории, что фраза «Ваал-Пеор» могла быть придумана израильтянами.

Язык моавитян является лишь диалектом того языка, на котором написаны книги Ветхого Завета и который мы обычно называем ивритом, хотя более подходящим словом было бы «израильский». Сходство этих двух языков очевидно не только из моавитских собственных имен, дошедших до нас; оно не вызывает сомнений благодаря надписи Меши. Из этой надписи ясно, что моавитский язык имеет некоторые точки соприкосновения с арабским, что можно объяснить близостью этих двух языков.

Идея о том, что израильтяне завоевали землю к северу от Арнона еще во времена Моисея, должна быть отвергнута как неисторическая. Она основана на некритическом толковании книги Чисел, глава 2. Из этой главы обычно делается вывод, что вторжение амореев в Моав () произошло незадолго до времени Моисея. Предполагается, что они завоевали всю северную половину Моава и дальнюю сторону Иордана, а затем были разгромлены и уничтожены Моисеем. Основой для отрывка из Чисел ххi. является повествование, взятое из элохистического текста ххi. 4-9, 12-18, 21-25, 27, 30. Согласно этому, во времена Моисея существовало царство амореев (т. е. хананеев) под властью царя по имени Сион, к северу от Арнона, между этой рекой и Яббоком, граничащее на востоке с землей аммонитян. Стих 26 подтверждает, что этот царь Сион отнял свою страну у моавитян. Но этот стих является вставкой, которая нарушает непрерывность стихов 25 и 27 и призвана привести точку зрения элохистического текста в соответствие с той, которая преобладала в других местах и согласно которой эти районы принадлежали Моаву.

В поддержку мнения, что этот район был отчужден от моавитян во времена Моисея, элохистический текст ссылается на древнюю песнь, вероятно взятую из Книги войн Иеговы. В стихах 27-30 он говорит: «Поэтому те, кто говорит в пословицах, говорят:

«Придите в Хешбон, да будет построен и приготовлен город Сигона:

Ибо из Хешбона вышел огонь, пламя из города Сигона:

Он пожрал Ар Моава и господ высот Арнона.

Горе тебе, Моав! Ты погиб, народ Хемоша!

Он отдал своих сыновей, которые спаслись, и своих дочерей в плен (Сигону, царю Аморреев).

Мы стреляли в них; Хешбон погиб вплоть до Дибона».

Но эта песня во всех пунктах противоречит утверждению, которое элохистический текст приводит в подтверждение. Царь Сион, который, согласно песне, был побежден, скорее является царем моавитян, а его победители, которых во введении приглашают поселиться в завоеванных городах, очевидно, являются израильтянами, поскольку приглашение содержится в израильской песне. «Сион, царь амореев», помещенный в скобках выше, по своей несовместимости со всем содержанием песни является, как доказано, глоссой, вставленной с целью привести ее в соответствие с предположениями стиха 26. Песня является стихотворением, сочиненным по случаю вторжения с севера на территорию Моава к северу от Арнона, как описывает надпись Мешы.

Следовательно, не может быть и речи о том, что Израиль поселился в северном Моаве после завоевания аморейского царя по имени Сион в период, предшествовавший переселению в землю к западу от Иордана. Поселение произошло гораздо позже, а Сион, царь амореев, которого, как предполагается, завоевал Моисей, появился в результате неправильного толкования только что процитированной песни.

Это же поселение Израиля в северной половине Моава было лишь временным. Согласно Исаии хv.-хvi., вся область к северу от Арнона, которая, согласно Числам ххi., была завоевана Моисеем и которая в Основном Писании отведена Рувиму, является частью царства Моава. Иеремия хlviii. также называет города к северу от Арнона моавитскими. Следовательно, в регионе между северным краем Мертвого моря и Арноном конфликт между двумя родственными народами Моава и Израиля продолжался на протяжении веков. И, вероятно, непосредственной целью каждого из них было владение укрепленными городами. Они, должно быть, сначала принадлежали одному народу, а затем другому. Население страны, возможно, менялось меньше; оно бежало перед вторгшимся врагом и подчинялось

победителю. Вероятно, значительная его часть была моавитской даже в то время, когда Израиль временно владел этими городами (). И это, конечно, было еще более верно, когда весь Моав был вассалом Израиля.

Вся ненависть Израиля к родственному племени Моава, которое защищало свою территорию и отвоевало у них свои завоевания, находит выражение в легенде о том, что Моав и народ Аммона произошли от кровосмесительного союза Лота с его дочерьми (Бытие xix. 30 и далее). Предвзятость всей легенды выдается незнанием имен дочерей. Очевидно, что это не что иное, как злонамеренная пародия на точку зрения, согласно которой моавитяне были сыновьями Лота (Второзаконие ii., ix., xix.).

С другой стороны, фигура Лота не является выдумкой еврейской легенды или интерпретацией каких-то физических явлений, наблюдаемых на Мертвом море, а именем еврейского или моавитского клана. Только фигура жены Лота (которая также остается анонимной) является мифом о природе. Это интерпретация, данная блоку каменной соли, обнаженному под действием воды на берегу Мертвого моря, в котором зрители вообразили фигуру женщины, идея, которая неоднократно встречается в легендарном фольклоре самых разных народов. Столб соли такого рода можно увидеть и в наши дни. Этнологическое происхождение Лота, напротив, можно утверждать с большей уверенностью, поскольку мы встречаем прилагательное «Лотан», производственное от *Лота*, как название эдомитского клана в Бытие xxxvi. 20, 29.

Второй еврейский народ, о котором мы говорим, — это Бене-Аммон, сыновья Аммона или аммонитяне, о предполагаемом происхождении которых от младшей дочери Лота мы уже говорили, — по-видимому, был подлинным пустынным народом. Поскольку земля к востоку от Иордана была занята Моавом на юге и Израилем на севере, для них, безусловно, оставалось лишь несколько районов, пригодных для возделывания. Тем не менее, они не прекращали попыток завладеть восточной стороной Иордана.

Эдомиты, третий из этих еврейских народов, были теми, с кем Израиль больше всего контактировал. Близкие отношения и частые смешения, которые имели место между эдомскими и израильскими кланами, нашли свое выражение в легенде, согласно которой Исава, прародитель племени, был братом Иакова и, как и он, сыном Исаака из Беэр-Шебы. Исава — это на самом деле имя бога, и мы снова встречаем его в финикийской мифологии в его эллинизированной форме Усоос. Божественная природа Исава также проявляется в том факте, что в элохистическом тексте именно он, а в яхвистическом тексте — Бог встречает Иакова в Пенуэле (Бытие xxxii. 31, 33 и далее). Имя этого божества, вероятно, в древние времена было именем клана, который его почитал. В любом случае, мы никогда не встречаем Исава как коллективное имя этого народа; это всегда Эдом. Но Эдом сам по себе является именем полузабытого бога, как видно из собственного имени Овед-Эдом.

Эдомиты не были народом чистой еврейской крови, как и израильтяне. Они произошли от слияния еврейских иммигрантов с населением, которое уже занимало эту страну, с одной стороны, и с арабскими племенами, с другой. И эти два элемента, которые поглотила эдомская раса, должны были сохранить свой отличительный характер до сравнительно позднего периода, поскольку никаким другим предположением мы не можем объяснить объем и определенность информации, которая дошла до нас по этому вопросу. На западе эдомиты распространились от южной окраины Мертвого моря и от Нахаль-ха-Арабум (Ручей арабских кустарников, ныне Вади-Алахси) до залива Акаба. На западе и севере они утратили большую часть своей национальности. Ведь в одно время они занимали всю территорию, которая впоследствии стала южной частью Иудеи, хотя и смешались с арабскими кланами. Позже эдомиты объединились с Иудеей — вероятно, вынужденные

сделать это из-за своего географического положения — и обладали гегемонией во времена Давида. Столицей этого эдомского района был древний город Хеврон.

Его союз с Иудеей, естественно, сопровождался соответствующей потерей для Эдома, который с того времени стал менее могущественным, чем Израиль в тех краях, тогда как в более ранние времена, будучи объединенным под властью царей, он превосходил безцарственное государство Израиль, разделенное на племена, каждое из которых стремилось к достижению своих личных целей. Национальная монархия Израиля едва укрепилась, как стала достаточно сильной, чтобы подчинить Эдом.

Это выражено в легенде, где Исав является старшим братом Иакова, но только старшим из близнецов, с которым младший борется еще в утробе матери и пытается помешать ему появиться на свет первым. В конце концов, Исав лишается своего первородства Иаковом или продает его ему за тарелку чечевичной похлебки. Эдом, с другой стороны, всегда сохранял свои владения, хотя и находился некоторое время под сюзеренитетом Израиля или Иудеи, в дикой и бесплодной горной местности Сеир, возвышающейся к югу от гор Иудеи. Но именно здесь коренные жители, которых эдомиты застали в своих владениях, дольше всего удерживали свои позиции, защищенные бесплодностью своей страны, которая делала невозможным ведение сельского хозяйства и вынуждала ее жителей вести суровый образ жизни пастухов и охотников.

Этих коренных жителей называли хоритами, *то есть* пещерными жителями. Возможно, хориты были даже среди эдомитов, населявших юг Иудеи, поскольку мы до сих пор находим пещерные жилища в Бейт-Джибрине (Бетогабрисе) и встречаем имена хоритских кланов среди имен иудейских.

Можно также предположить, что среди них сохранился очень примитивный уровень цивилизации, поскольку многие из этих маленьких кланов называются именами животных. Но ни из этого обстоятельства, ни из формы их имен мы не можем сделать никаких выводов о том, к какой ветви семитской расы принадлежали эти хориты. Ведь имена животных встречаются в качестве племенных имен у всех семитов, и форма этих имен — даже если предположить, что она была точно передана — позволяет считать их либо еврейскими, либо арабскими.

В ходе еврейской истории мы снова и снова сталкиваемся с перипетиями судьбы эдомитского народа. Именно такое еврейское племя, или коалиция еврейских племен, как они были, слившись с семитским населением, уже владевшим землями, чтобы сформировать народы аммонитов, моавитов и эдомитов, было тем источником, из которого, путем слияния с хананеями и другими элементами, возник народ Израиля. Израиль, люди Израиля, дети Израиля — в исторические времена это было почетное название, которое он присвоил себе и своим членам. Но даже после миграции и поселения на земле к западу от Иордана неиудейские жители страны называли его общим именем евреев, и поэтому до сих пор он носит это имя в речи всех народов, а его язык называют ивритом.

Каково же происхождение национального названия Израиль? Оно, должно быть, стало названием нации так же, как и названия других наций: путем распространения от одного племени на всю совокупность тех, кто принадлежит к одной национальной коалиции. Соответственно, когда-то должно было существовать племя Израиля, которое каким-то образом выделялось и завоевало славу, и чье название затем было принято другими. Ничего подобного в исторические времена никогда не происходило. Но этот факт не влияет на правильность вывода о том, что названия племен очень подвержены изменениям в результате разделения старых племен и появления новых. Это забытое племя Израиля, давшее свое имя всему народу, могло проживать на земле к востоку от Иордана, на обоих берегах Яббока, в месте, где находился Маханаим, город, имевший огромное значение в

самый ранний период монархии. Ведь воспоминания об Израиле, сохранившиеся в легендах, сосредоточены вокруг земли к востоку от Иордана, Маханаима и, в частности, Пенуэла. В Маханаиме Иаков видит армию (*machane*) ангелов; или, согласно другой этимологической легенде, он там делит свою армию на две части (*machanajin*); у Яббока он борется с Богом или встречается с Исавом. Там он получает имя Израиль.

Двойное имя Иаков-Израиль можно объяснить отождествлением и слиянием двух мифологических фигур, почитаемых как эпонимические герои. Израиль подтверждается как таковой своей борьбой с Богом. Фигура Иакова, с другой стороны, принадлежит к западу от Иордана. Это доказывается связью его имени с Вефилем. Если бы Иаков-Израиль с самого начала был одной фигурой, мы должны были бы ожидать найти воспоминания об Израиле к западу от Иордана.

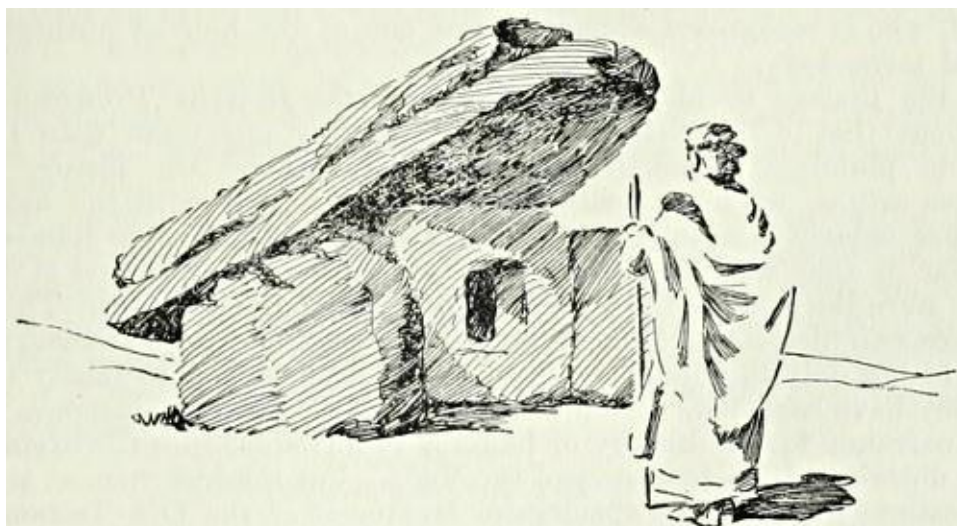
Недавно была выдвинута гипотеза о том, что это племя Израиля вовсе не было еврейским, а арабским, *т. е.* оно принадлежало не к ханаанской группе северных семитов, а к южной семитской группе.

В поддержку этого утверждения были выдвинуты два аргумента, которые в некоторой степени обоснованы. Один из них касается заимствования религии Иеговы у кенитов, а другой — названия Израиль. Но религии с одинаковой вероятностью могут переходить от одного народа к родственным или чуждым народам. Определяющим фактором является не большая или меньшая степень кровного родства, а то обстоятельство, что они находятся на одной стадии цивилизации. Религия, самое универсальное из всех явлений, общих для человеческого рода, везде имеет нечто международное. Второй аргумент еще менее уместен. Верно, что слово «Израиль» образовано так же, как «Измаил», «Иерахиил», «Абдиэль». Но с другой стороны, мы находим Ифтах-эль как название долины в северной Палестине, названной в честь какого-то забытого народа, который, безусловно, был хананеем. Более того, мы находим идентичные названия племен среди семитских народов разного происхождения, *например*, среди едомлян, евреев, хананеев и арабов.

Если клан, носивший имя Израиль, был арабского происхождения, он, должно быть, слился с еврейским большинством. Ведь возникший народ Израиля говорил на еврейском языке, то есть на языке, принадлежащем к северной семитской группе, более того, к ее ханаанскому отделу.

Из вышеизложенного ясно, как следует объяснять второй почетный титул, имя Иакова. Оно тоже было в первую очередь именем клана и эпонимным героем, от которого он утверждал свое происхождение. Его почитали в различных местах к западу от Иордана, в частности в Вефиле. Но использование имени Иаков для обозначения всего народа Израиля ограничивается пророками и поэтами, ни один исторический документ никогда не применяет его к Израилю. Возможно, имя Израиль стало именем народа еще до миграции на запад от Иордана. Более того, мы даже не можем утверждать, что фигура Иакова обязательно является еврейской. Возможно, она была связана с Вефилем еще до иммиграции и передана евреям первоначальными хананеями.

Еще до переселения на запад от Иордана Израиль отличался от всех других евреев поклонением Иегове как национальному божеству. Поэтому в мифических воспоминаниях народа Израиля возникновение израильской национальности и возникновение религии Иеговы совпадают по правильному инстинкту. О возникновении этого поклонения свидетельствует только легенда, а не исторический документ. Но легенда, при правильном ее толковании, дает нам подсказки о том, как, по-видимому, это произошло. И легенда связывает это с переселением в Святую Землю и, в частности, с завоеванием земель к востоку от Иордана.^c

Еврейский дольмен в Ала-Сафате

ГЛАВА II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ

Говорить о происхождении евреев — дело довольно деликатное. Но какими бы ни были личные предубеждения историка, ему не остается ничего другого, как рассматривать раннюю историю этого народа точно так же, как он рассматривает раннюю историю других народов. Уже неоднократно отмечалось, что история ничего не знает о расовых истоках.

Мы отмечали, что современные историки склонны начинать свои рассказы об истории израильтян с пребывания в Египте. Однако невозможно избежать вопроса о месте проживания этого народа до того периода, и необходимо хотя бы кратко упомянуть о традиционных странствиях этой расы в более раннюю эпоху. Тем, кто склонен считать, что современные историки в своем иконоборческом отношении к еврейским записям выходят за пределы оправданного, можно напомнить, что некоторые из величайших современных ученых способны разделить свои идеи по этому вопросу на две категории и высказывать два, казалось бы, противоположных мнения по поводу всей еврейской истории. Как археологи и историки, они изучают еврейские записи как человеческие документы, которые следует оценивать по обычным историческим стандартам; в то же время, как теологи, они рассматривают те же документы через призму веры, что дает им совершенно иную позицию. Возможно, эту позицию определенной школы нельзя выразить лучше, чем словами преподобного А. С. Х. Сейса (Н. Sayce), профессора ассириологии в Оксфорде,

который повсеместно признан одним из высших авторитетов в области восточной археологии.

В предисловии к своей книге *«Ранняя история евреев»* профессор Сэйс указывает, что «не существует ни непогрешимой истории, ни непогрешимой филологии; и если мы хотим правильно понять историю евреев, мы должны относиться к ней так же, как к истории любого другого древнего народа. Авторы Ветхого Завета были людьми; и в той мере, в какой они были историками, их представления и манера изложения истории были такими же, как у их восточных современников. Они не были европейскими историками XIX века, и относиться к ним как к таковым означало бы не только следовать радикально ложному методу, но и фальсифицировать историю, которую они записали. Ни одна человеческая история не является и не может быть безошибочной, и утверждать безошибочность истории Израиля — значит вводить в христианство индуистскую доктрину безошибочности Вед. Для историка, во всяком случае, вопросы, связанные с теологическим толкованием Ветхого Завета, не существуют». Но после этих заявлений профессор Сэйс продолжает: «Соответственно, следует понимать, что автор настоящей статьи выступает исключительно как археолог и историк. С теологической точки зрения он безоговорочно принимает любую доктрину, установленную Церковью как догмат веры. Но среди этих доктрин он не находит ни одной, которая запрещала бы свободное и беспристрастное отношение к истории Ветхого Завета».

Если столь авторитетный специалист считает такую позицию оправданной, то, безусловно, каждый может читать историю евреев в интерпретации, основанной на современных представлениях, а затем применять к ней любой призмат веры, который ему нравится.^a

ЭПОХА ПАТРИАРХОВ

[около 2300 г. до н. э.]

По мнению Макса Лёра, век патриархов относится к доисторическому периоду Израиля, к детству нации; а нации в детстве похожи на детей, окрашивая все яркими красками своего воображения и превращая обыденные события начала своего национального существования в чудесные сказки, повествующие о деяниях основателей нации. Это верно как для Израиля, так и для других народов; и именно в этом свете современный историк читает рассказы о патриархах, записанные в Книге Бытия, которая является почти единственным источником информации, и пытается извлечь из окружающей массы легендарных оболочек те небольшие зерна исторической правды, которые содержатся почти во всех них.

Авраам является центральной фигурой в повествовании о патриархах. Некоторые историки лишают его исторической личности. Они считают, что изначально он был местным божеством Хеврона или другого места, а со временем, благодаря легендарной алхимии, превратился в одного из отцов своего рода. Но главная ценность характера Авраама не историческая, а религиозная. Ветхий Завет делает его героем веры, чья уверенность в доброте и справедливости Бога не может быть поколеблена. Слова Гете в его четвертой книге *«Поэзия и истина»* о патриархе можно применить особенно к Аврааму, и они указывают на источник его возвышенной религии:

«Их образ жизни на море, в пустыне и на пастбищах придавал широту и свободу их убеждениям. Усыпанное звездами небо, под которым они жили, облагораживало их чувства; они были более чем активными и искусными охотниками, более чем трудолюбивыми и

любящими свой дом земледельцами; они верили, что Бог доверяет им, посещает их, интересуется ими, ведет и спасает их».

Даже в самом начале религия была движущей силой в истории Израиля. Непокколебимая вера в Бога была характерной чертой всех патриархов; и даже если их знание о Боге было примитивным и несовершенным, их вера в него была возвышенной.

Если мы рассматриваем патриархов как кочевых вождей, стоящих во главе одного или нескольких скотоводческих племен, которые добровольно подчинялись командам людей, превосходивших их по богатству, мужеству и энергии, то мы должны рассматривать странствия Авраама, Исаака, Иакова и их преемников как серию великих миграций народов, продолжавшихся на протяжении веков и приведших к частым изменениям и реорганизациям, кульминацией которых стало образование исторического народа Израиля.

с

РАННИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ИЗРАИЛЬТЯН

[около 2300-1270 гг. до н.э.]

Выдающийся историк Бернхард Штаде придерживается гораздо менее доверчивого взгляда на израильские традиции, чем Макс Лёр. Согласно самой древней традиции, он говорит, что народ Израиля пришел из северной Месопотамии; и Харран (Харан), город Нахора (Карры греков и римлян к югу от Армянских гор), был, согласно текстам Яхвиста и Элохиста, родиной Авраама. Также две жены Иакова, Лия и Рахель, *то есть* древнееврейские семьи с этими именами, которые вскоре вымерли, происходили из Харрана. Соответственно, похоже, что существовала древняя традиция, согласно которой некоторые древнееврейские кланы мигрировали из этих районов в Палестину. Более того, можно предположить, что они нашли там родственные связи, с которыми они слились; и это было бы объяснением брака Иакова с Лией и Рахелью.

Эта традиция сама по себе не была бы невероятной, но можно привести еще одну причину эмиграции еврейских племен из района, лежащего к югу от Армянских гор. После евреев арамейские племена пришли с северо-запада в Сирию, продвигаясь вперед и поглощая часть еврейского населения, так же как евреи изгнали хананеев. Давление этих арамейских народов, возможно, уже обременяло евреев и заставило их мигрировать на юго-запад. Но в конце концов нет исторической уверенности в этих вещах из-за фрагментарного характера традиций и их полного смешения с мифологическими элементами.

Согласно священной легенде, отцы Израиля (Авраам, Исаак и Иаков), которые были месопотамского происхождения, жили в течение трех поколений в стране к западу от Иордана, поселившись в разных местах; но третье поколение эмигрировало в Египет, где Иосиф, правнук Авраама, уже достиг высокого положения. Однако еврейская легенда не рассказывает нам больше об истории эмигрантов в Египте до момента их отъезда из страны, чем египетские источники, найденные на данный момент.

ПРЕБЫВАНИЕ В ЕГИПТЕ

Израиль приходит в Египет одной семьей, а покидает страну многочисленным народом. Традиция связывает миграцию из Египта в землю к востоку от Иордана с левитами, Моисеем и его братом Аароном, предшественниками и основателями израильского священства. Более того, в самой древней форме легенды, как она изложена в яхвистском тексте, упоминается только Моисей. В ней он является освободителем, лидером и священником Израиля. Ни проживание патриархов в стране к западу от Иордана, ни пребывание израильтян в Египте не были исторически доказаны, и первое вполне маловероятно.

Иосиф, Иаков, Исаак и Авраам являются героями рода, причем первые два являются одновременно и именами племен. Последние три почитались в знаменитых святилищах, и не следует упускать из виду, что святилище первого предка является наименее важным. Кроме того, история различных святилищ этой земли доказывает, что израильские святилища считались священными первоначальными жителями. Так было в Сихеме и Гаваоне; Вефиль в древние времена также был ханаанским городом. Хеврон был эдомитским, вероятно, в первую очередь хоритским, а само название Беэр-Шеба указывает на его ханаанское происхождение.

Если древние израильтяне переняли святилища от первоначальных хананеев, как мы точно знаем в некоторых случаях и должны предполагать в других, и если они, тем не менее, утверждают, что эти святилища были основаны их отцами, то цель этого утверждения заключается лишь в том, чтобы получить законное право на владение этими доизраильскими священными местами и стереть факт их неиудейского происхождения. Мы должны пойти еще дальше и сказать, что израильтяне либо переняли у хананеев героя, почитаемого в этих местах, либо локализовали там определенного еврейского героя. Но в обоих случаях нет никаких доказательств доегипетского пребывания израильских семей на земле к западу от Иордана. Кроме того, необходимо иметь в виду сравнительно недавнее происхождение патриархальной традиции.

Не намного лучше, хотя и не намного хуже, обстоит дело с вопросом о пребывании Израиля в Египте до его миграции на землю к востоку от Иордана. Тот факт, что, несмотря на самые тщательные поиски египтологов и теологов, в египетских записях не было найдено никаких следов Моисея и евреев, вызывает столько же подозрений, сколько и тот факт, что в еврейском рассказе ничего не говорится о том, что произошло между временем Иосифа и Моисея.

Кажется, что полета фантазии, сочиняющей истории, хватило, чтобы перенести в Египет как историческую личность Моисея, так и героя, давшего имя народу, Иосифа, вместе с эпонимами двух племен, происходивших от него, но не хватило, чтобы заполнить промежуточный период. Однако Египет слишком часто и на более или менее длительные периоды был местом проживания семитских семей, чтобы можно было отрицать возможность того, что некоторые еврейские племена или семьи оставались в Египте. Но то, что еврейский народ, не говоря уже о народе Израиля, не делал этого, вытекает из происхождения этих терминов.

Поэтому легко понять, почему поиски египтологов следов пребывания детей Израиля или евреев в Египте должны быть безрезультатными. Если какой-либо еврейский клан и оставался там, его название неизвестно, и египтологи не узнали бы его, даже если бы они лучше понимали еврейскую древность. Но в любом случае поиски фараонов, под властью которых Израиль вошел в Египет и покинул его, являются бесполезным жонглированием

датами и именами; бесполезно также пытаться обнаружить маршрут, по которому Израиль покинул Египет.

Традиция связывает установление иудейской религии на горе Синай с эмиграцией из Египта; и часто предполагалось, особенно египтологами- , что Моисей навязал Израилю элементы египетской теологии. Но у этой теории нет под собой никаких оснований. Неизвестно, что евреи могли позаимствовать у египтян. Часть того, что было отнесено к этой категории, совершенно чуждо древней еврейской религии и развивалось постепенно и спонтанно, а остальное не играет в ней никакой роли. Особенно абсурдно приписывать идею единства Бога египетскому влиянию.

Однако поклонение Богу, которое евреи приняли на Синае, первоначально было для них совершенно чуждо. Ошибочно предполагать, исходя из рассказа о том, что Моисей представил себя Израилю как посланник Бога их отцов, что он должен был найти среди народа веру в этого единого Бога. Эта теория уменьшила бы значение Моисея для религии Ветхого Завета. Как и все основатели религий, он наделил народ новой творческой идеей, которая придала новый поворот их жизни, и этой новой идеей было поклонение Иегове как их родовому Богу. Ибо если мы уберем все, что поклонение Израиля приобрело на своем пути в исторические времена, то, предполагая такую древность поклонения Иегове в Израиле, не останется никакой новой идеи, с принятия которой народом могла бы начаться новая эпоха. Таким образом, Моисей в самом благоприятном свете был бы лишь восстановителем или реформатором старой израильской религии, а не основателем религии, как его справедливо считает священническая традиция.

В этой связи необходимо отметить еще два момента. Во-первых, мы ничего не знаем о культе Израиля до времени Моисея; не существует ни одной традиции об этом. Но это неудивительно; и, возможно, можно заметить и в других местах, что после принятия более высокой религии все воспоминания о более ранней форме культа не только умирают, но и намеренно уничтожаются. Во-вторых, однако, следует отметить, что поклонение Иегове, возможно, было в более несовершенной и неразвитой форме среди народа, от которого Моисей его позаимствовал, чем в той форме, в которой он навязал его своему народу.

Многие черты священной традиции показывают, что поклонение Иегове изначально было чуждо Израилю. Для древнего Израиля Иегова обитает на Синае, который, следовательно, является первоначальным местом его поклонения. Более того, несмотря на то, что некоторые детали могут показаться запутанными, старая традиция ясно утверждает, что Моисей, навязывающий поклонение Иегове Израилю, является зятем священника арабского племени; то есть священство Моисея и Леви связано с более древним неиудейским священством Иеговы.

Этот тесть Моисея называется в Исходе 3:1 Итро, священником мадианитян, а в Исходе 2:18 — Реуэл. Исход 18 содержит довольно достоверное описание Итро, сделанное элохистом, и все же остается сомнительным, действительно ли это описание относится к нему. Однако это вполне вероятно. В Числах х. 29 его имя фигурирует как Ховав. А в Судьях i. 16 кениты связываются с тестем Моисея; Судьи iv. 2 также называют Ховава, тестя Моисея, кенитом; поэтому его скорее следовало бы называть священником кенитов.

То, что арабская или кочевая раса, от которой Моисей заимствовал поклонение Иегове, была племенем кенитов, доказывается более поздней историей этого народа, который с тех пор тесно связан с поклонением Иегове.

Согласно Числам х. 29 и Судьям i. 16, кениты присоединились к сынам Израилевым в их путешествии в землю к западу от Иордана, и согласно последнему отрывку «они вышли из города палым (Иерихона) с сынами Иуды в пустыню Иуды». На юге области Иудеи в самые

ранние века царствования мы встречаем кочевой народ кенитов, который поддерживал дружеские отношения с Иудеей (1 Царств xxx.), хотя и жил среди амаликитян (1 Царств xv. 6).

Сомнительно, можно ли после таких определенных доказательств, как последние отрывки, утверждать, что кениты были в союзе с мадианитянами, тем более что земля Мадиама лежит к востоку от Персидского залива, а мадианитяне во время рождения еврейского царства жили к востоку от Иордана.

В этой связи можно привести тот факт, что один кенский клан был кочевым на севере, а Ефрем, согласно Судьям v. 14, был частично амаликитского происхождения. Тем не менее, все это лишь предположения. Нехватка записей лишает нас какого-либо ясного представления о древних этнологических отношениях.

Итак, народ Израиля, укрепленный кенитскими элементами, мигрировал с Синайского полуострова в землю к востоку от Иордана. Но мы не знаем, каким путем они шли, когда это произошло и сколько длилось путешествие. Конечно, в Амосе 5:25 говорится, что народ находился в пустыне сорок лет. Однако эта круглая цифра не только сама по себе сомнительна, но и тем более сомнительна, что она основана на предположении, вытекающем из теологических гипотез, что весь народ, эмигрировавший из Египта, за исключением Моисея, Иисуса Навина и Халева, умер в пустыне за свое неверие и так и не увидел Святуго Землю.

Самый древний источник Пятикнижия, вероятно, ничего не знает об этом сорокалетнем странствии. Однако точность упоминания мест (), которые были остановками во время странствия по пустыне, не может быть приведена в качестве исторического доказательства этого времени в пустыне. Само собой разумеется, что все эти места в исторические времена были остановками в пустыне. Но то, что Израиль прибегал к ним, подтверждается исключительно традицией более поздних времен, которая, исходя из гипотезы о том, что Израиль пришел с Синайского полуострова, и, с другой стороны, на основе знания дорог через пустыню, построила картину пути, который могли пройти израильтяне. Кроме того, очевидно, что на традицию повлияло почитание соседними народами некоторых мест на сомнительной территории. Отсюда выбор Кадеш-Барнеа в качестве главной станции, горы Хорев в качестве места смерти Аарона и гор на севере Моава в качестве места пребывания Моисея в последние дни его жизни.

Поэтому для нас не имеет большого значения проверять маршрут, по которому, как говорят, Израиль прошел в своем путешествии от полуострова Синай до земли к востоку от Иордана. Мы уже показали, что не существует исторической традиции, касающейся завоевания земли к востоку от Иордана, и что то, что рассказывается о завоевании израильтянами под предводительством Моисея царства Сихема, основано на выводах о первобытном состоянии страны, сделанных на основе ее состояния во времена ранних царей, но не свободных от недоразумений.⁴

Прежде чем продолжить критический рассказ, было бы неплохо бегло ознакомиться с биографией Моисея, приведенной в Библии, в книгах Исход и Второзаконие.

БИБЛЕЙСКОЕ ОПИСАНИЕ МОИСЕЯ И ИСХОДА

И фараон приказал всему своему народу, говоря: «Каждого сына, который родится, бросайте в реку, а каждую дочь оставляйте в живых» (Исход, 1:22).

И пошел один человек из дома Леви, и взял себе в жену дочь Леви.

И женщина зачала и родила сына; и, увидев, что он хороший ребенок, она скрывала его три месяца.

И когда она не могла больше скрывать его, взяла для него колыбель из тростника, обмазала ее смолой и дегтем, положила в нее ребенка и положила его в камышах у берега реки.

А сестра его стояла вдали, чтобы узнать, что с ним будет.

И дочь фараонова спустилась, чтобы омыться в реке, и ее служанки ходили по берегу реки; и когда она увидела ковчег среди камышей, она послала свою служанку, чтобы она принесла его.

Открыв его, она увидела ребенка, и вот, он плакал. Она сжалилась над ним и сказала: «Это один из детей евреев».

Тогда сестра его сказала дочери фараоновой: пойду ли я и призову тебе кормилицу из еврейских женщин, чтобы она кормила тебе ребенка?

И дочь фараонова сказала ей: пойдя. И служанка пошла и привела мать ребенка.

И дочь фараонова сказала ей: «Возьми этого младенца и вскорми его для меня, и я дам тебе твою плату». И женщина взяла младенца и вскормила его.

И когда ребенок вырос, она привела его к дочери фараона, и он стал ее сыном. И она назвала его Моисеем, сказав: «Я вытащила его из воды».

И было в те дни, когда Моисей вырос, он вышел к своим братьям и смотрел на их тяжкие труды, и увидел, как один египтянин бил одного из его братьев, еврея.

И он оглянулся в одну сторону, потом в другую, и, увидев, что никого нет, убил египтянина и спрятал его в песке.

На второй день, когда он вышел, увидел двух евреев, ссорившихся между собой, и сказал тому, кто был неправ: «Зачем ты бьешь своего товарища?

Тот ответил: «Кто поставил тебя князем и судьей над нами? Неужели ты хочешь убить меня, как убил египтянина?» Моисей испугался и сказал: «Наверное, это стало известно».

Когда фараон услышал об этом, он стал искать Моисея, чтобы убить его. Но Моисей бежал от фараона и поселился в земле Мадямской, и сел у колодца. — *Исход 2:1-15*.

Тогда Моисей созвал всех старейшин Израиля и сказал им: «Выйдите и возьмите агнца по семействам вашим и заколите пасху.

И возьмите пучок иссопа, окуните его в кровь, которая в чаше, и помажьте кровью, которая в чаше, перекладину и два косяка дверей; и никто из вас не выйдет из дверей своего дома до утра.

Ибо Господь пройдет, чтобы поразить египтян; и когда Он увидит кровь на перекладине и на двух косяках, то Господь пройдет мимо дверей и не допустит истребителя войти в ваши дома, чтобы поразить вас.

И вы будете соблюдать это как закон для вас и для ваших сыновей навсегда.

И когда вы войдете в землю, которую Господь даст вам, как Он обещал, то вы должны будете соблюдать это обрядовое действие.

И когда ваши дети спросят вас: «Что означает это обрядовое действие?

то скажите им: это жертва пасхи Господней, Который прошел мимо домов сынов Израилевых в Египте, когда поразил египтян и избавил наши дома. И народ склонил голову и поклонился.

И сыны Израилевы пошли и сделали, как повелел Господь Моисею и Аарону, так и сделали.

И в полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидящего на престоле его, до первенца пленника, находящегося в темнице, и всех первенцев скота.

И встал фараон ночью, он и все слуги его, и все египтяне, и был великий крик в Египте, ибо не было дома, где не было бы мертвого.

И он призвал Моисея и Аарона ночью и сказал: встаньте, выйдите из среды народа моего, вы и сыны Израилевы, и идите, служите Господу, как вы сказали.

Возьмите также стада ваши и скот ваш, как вы сказали, и уходите; и благословите меня.

И египтяне торопили народ, чтобы он поскорее вышел из страны, ибо говорили: «Мы все умрем».

И народ взял тесто свое, не давая ему взойти, и вязал его в одежды свои на плечи свои.

И сыны Израилевы сделали по слову Моисея; и одолжили у Египтян серебряные и золотые украшения и одежды.

И Господь дал народу благоволение в глазах египтян, так что они одолжили им все, что они просили. И они ограбили египтян.

И вышли сыны Израилевы из Рамесеса в Суккот, около шестисот тысяч мужчин пешком, не считая детей.

И пошло с ними смешанное множество народа, а также стада овец и коров, очень много скота.

И испекли они из теста, которое вынесли из Египта, пресные лепешки, ибо оно не было квасно, потому что они были изгнаны из Египта и не могли медлить, и не приготовили себе провианта.

Проживание сынов Израилевых, которые жили в Египте, было четыреста тридцать лет.

И когда истекло четыреста тридцать лет, в тот самый день все воинство Господне вышло из земли Египетской. — *Исход, 12:21-41.*

И взошел Моисей с равнин Моава на гору Нево, на вершину Писги, которая напротив Иерихона. И показал ему Господь всю землю Галаадскую, до Дана,

и всю землю Нефталима, и землю Ефрема, и Манассии, и всю землю Иудеи, до крайнего моря,

и юг, и равнину долины Иерихона, города пальм, до Соара.

И сказал ему Господь: это земля, которую Я клялся дать Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: «Я дам ее потомству твоему». Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но ты не перейдешь туда.

И умер там, в земле Моава, Моисей, раб Господень, по слову Господню.

И похоронили его в долине в земле Моава, напротив Беф-Пеора, но никто не знает места его погребения до сего дня.

Моисей был в возрасте ста двадцати лет, когда умер; зрение его не ослабело, и сила его не ослабела.

И плакали сыны Израилевы о Моисее в равнинах Моава тридцать дней; и кончились дни плача и рыдания о Моисее.

Иисус, сын Навина, был полон духа мудрости, ибо Моисей возложил на него руки свои; и сыны Израилевы слушались его и делали, как повелел Господь Моисею.

И не было в Израиле пророка, подобного Моисею, которого Господь знал лицом к лицу, во всех знамениях и чудесах, которые Господь послал его совершить в земле Египетской перед фараоном и всеми его слугами и всею его землей, и во всей той сильной руке и во всем том великом страхе, который Моисей показал пред глазами всего Израиля. — *Второзаконие, 34.*

РАННИЕ СОСЕДИ ИЗРАИЛЯ

Возвращаясь к современным аналитическим исследованиям, следует отметить, что, по мнению Стаде, Израиль никогда не подчинял себе всю территорию к западу от Иордана. Побережье, за исключением нескольких мест, оставалось во владении хананеев, которые к моменту прихода евреев () уже давно были организованы в процветающие и могущественные торговые государства, известные нам под названием финикийцев. Более того, интеллектуальное и материальное влияние Акко, Сора (Тира) и Сидона на внутренние районы страны было настолько велико, что оно помешало поглощению коренного ханаанского населения иммигрантами-израильянами и, как следствие, образованию компактных израильских племен на севере.

Насколько нам известно, израильяне всегда были в дружеских отношениях с этими финикийскими государствами. Они не могли избежать торговли друг с другом, а торговля процветает только в мирное время. Финикийские города распоряжались продукцией Палестины, пшеницей с земель к западу от Иордана, бальзамом из низин Иордана, мужскими и женскими рабами, захваченными в войне, и они предлагали всегда готовый рынок для продукции стад. Израильяне, с другой стороны, в древние времена приобретали у них все продукты ремесла и искусства, которые не могли быть изготовлены жителями каждой фермы для себя. Таким образом, для израильян кананеи и торговцы были синонимами.

Эта торговля, не менее чем тот факт, что финикийские города были неприступны для их скромной стратегии, заставляла их поддерживать мир. Кроме того, с того самого момента, как филистимляне начали завоевательную кампанию в Палестине, интересы финикийских городов были направлены на то, чтобы превратить жителей южной части Сирии, которых они эксплуатировали в коммерческих целях, в сильную политическую структуру. Ведь против первых израильяне были единственными союзниками.

Из всех соседей народа Израиля эти филистимляне были наиболее далеки от них по нравам и обычаям. Однако из этого обстоятельства нельзя делать вывод, что между ними не происходило смешения. Легенда о Самсоне является достаточным доказательством

обратного. В частности, во времена первой монархии многочисленные филистимляне пришли в Израиль, чтобы служить в армии, а затем остались жить в этой стране. Овед-Эдом из Гетта, в доме которого Давид оставил Ковчег Завета (1 Царств 6:19 и далее), был филистимлянином.

Согласно Амосу ix. 7; Второзаконию ii. 23; Иеремии xlvii. 4, филистимляне мигрировали в Сирию из Кафтора. Часто высказывается предположение, что Кафтор — это остров Крит. Это вполне возможно, особенно если судить по 1 Царств 30:14, где часть территории филистимлян называется югом критян [херетей], чтобы отличить ее от юга Иудеи и Калеба. В таком случае речь идет о миграции семитов обратно с Крита, откуда они, возможно, были изгнаны иммигрантами-эллинами. Хорошо известно, что в описании Крита в «Одиссее» XIX, 172-177, встречается утверждение, что там говорили на разных языках и проживали пять разных рас, среди которых были этеокритяне (настоящие критяне), а также ахейцы, кидонийцы, дорийцы и пеласги. Присутствие семитов среди жителей острова подтверждается названием одной из его рек, Иордан. А названия филистимлян, их городов и учреждений доказывают, что они были семитами.

Филистимляне жили на территории к югу от Яффы до Газы. Но их поселения ни в коем случае не ограничивались побережьем; напротив, они простирались вглубь материка до гор Иудеи, на границе которых лежат Гат и Тимнат. Только население побережья, в лучшем случае, могло быть чистой филистимской крови.

Филистимляне, как и израильтяне, постепенно ассимилировали автохтонное ханаанское население, которое они застали на этих землях. В самые ранние дни монархии Иудея и филистимляне не были соседями по всей восточной границе последних, между ними проживали остатки ханаанского населения, которые были ассимилированы Иудеей только позднее. Впоследствии граница также не всегда оставалась неизменной, что хорошо видно на примере Либны.

[около 1250-1200 гг. до н.э.]

Территория филистимлян была разделена на территории пяти городов: Газы, Ашдода, Аскалона, Гата и Экрона, так называемой филистимской Пентаполис. Каждый из этих районов управлялся князем, и эти правители были пятью князьями филистимлян (*sarne pelischim*). Они были лидерами в войне.

Филистимляне проявили себя как народ с большими военными способностями. Они обладали организованной армией — колесницами, всадниками и пехотинцами, — которая сражалась в регулярном боевом порядке. Поэтому в течение некоторого времени они правили Израилем.

В самые ранние времена соседями Израиля на северной границе были также хананеи. К северу от Хермона простиралось царство хеттов, хананейского народа, столица которого находилась в Кадеше, расположенном на искусственном озере на Оронте, которое до сих пор называется озером Кедеш. Это царство хеттов было вассалом Давида. Мы находим хетта в охране Давида, Урию, который имел в жены Вирсавию, израильтянку из хорошей семьи. Таким образом, между хеттами и израильтянами существовали брачные связи.

В эпоху XVIII, XIX и XX египетских династий это царство хеттов (или хета, как их называли египтяне) было самым могущественным в Передней Азии. Оно вело ожесточенную войну с фараонами этих династий. Но положение дел на севере постепенно изменилось с появлением арамейских племен.

Последние, по-видимому, пришли из Ефрата и горных районов севера и, как и израильтяне, изначально были скотоводческими племенами. Остатки этой расы, говорящие на группе северных семитских диалектов, близких к ханаанским языкам, до сих пор встречаются в этих краях. Впервые они появляются в Палестине на севере страны, к востоку от Иордана. Они основали царства Дамаска, Гешура, Иштоба, Маахи и Зоба, против которых пришлось сражаться Давиду. Они неуклонно продвигались на запад, а не на юг. Как и евреи, они смешались с коренным хананейским населением, которое они застали на этих землях, и таким образом хеттский народ постепенно слился с ними.

Но арамейцы не смогли завоевать господство над торговыми центрами на побережье, как и евреи. К востоку от Иордана Галаад долгое время был пограничной провинцией евреев. Отсюда и возникла легенда о том, что Иаков и Лаван установили там столб в знак заключенного между ними мира (Бытие, 31). Они были заклятыми врагами Израиля до подъема ассирийцев. Под властью Ассирии, Персии и даже Греции их язык продолжал завоевывать Палестину. К моменту рождения Христа он вытеснил все семитские языки и делил территорию только с греческим. Позже аналогичная судьба постигла арамейский язык и народность в результате распространения арабского языка.

Пространство между юго-западной границей Иудеи и филистимлянами и стеной Египта с незапамятных времен было занято кочевыми племенами, которые мы привыкли называть «арабскими», хотя это название вошло в употребление относительно поздно.

Этими пустынными племенами были амаликитяне, кенитяне и измаильтяне. О кенитянах и их отношениях с амаликитянами и мадианитянами мы уже говорили. Амаликитяне, по-видимому, жили в состоянии открытой вражды с израильтянами и преследовали их грабительскими набегами. И Саул, и Давид сражались с ними. Одна часть амаликитян, по-видимому, впоследствии присоединилась к Эдому, а другая была поглощена Ефремом (Судьи, 5:14). Исмаильтяне и израильтяне, с другой стороны, могли находиться в дружеских отношениях, хотя расхождение их интересов естественным образом делало неуправляемых кочевников, признававших политическую власть, неприятными соседями для земледельцев.

Таким образом, замечательное описание будущего сына, данное ангелом Господним Агари у колодца Лахай-Рои в Бытие xvi. 12: «Он будет человеком диким; рука его будет против всех, и рука всех будет против него; и он будет жить перед лицом всех братьев своих», взято прямо из жизни. Более дружественные отношения между Измаилом и Израилем находят свое выражение в мифической генеалогии, которая делает Измаила сводным братом Исаака и прослеживает его происхождение от Агари, египтянки, наложницы Авраама. Агарь, конечно же, является именем измаильского клана. Мы встречаемся с другим выражением тех же отношений, когда Кетура дается Аврааму в наложницы. Это также следует понимать как имя измаильского клана. Такой способ выражения возник в святых местах Беэр-Шеба, Беэр-Лахай-Рои и Хевроне, которые, вероятно, посещали как израильтяне, так и измаильтяне. Одним из доказательств существования союза между израильтянами и измаильтянами является тот факт, что у Авигеи, сестры Давида, был измаильтянин по имени Итра.

Имя Измаила быстро исчезает из истории. Мы не слышим ничего о какой-либо катастрофе, поразившей этот народ, и, следовательно, вполне возможно, что Измаил, как и Израиль, в исторические времена был просто названием конфедерации отдельных племен. Конфедерация распалась, и имя Измаила исчезло вместе с ней, так же как исчезло бы имя Израиля после катастрофы 722 года, если бы оно не приобрело духовное значение, которое сделало возможным его перенос на Иудею. Евреи после изгнания приобрели привычку называть всех арабов именем Измаила. От евреев это имя и идея перешли к самим арабам.

Это объясняет, почему имя Измаила стало для арабских генеалогов основой для всевозможных спекуляций. Применение термина «измаильтяне» к мусульманам также следует отнести к еврейскому употреблению.^e

ЗАВОЕВАНИЕ ХАНАНЕЯ

Покидая Египет, израильтяне могли бы войти в Ханаан напрямую по маршруту, огибающему Средиземное море, но там они подверглись бы опасности нападения со стороны гарнизонов, занимавших египетские крепости, или со стороны филистимлян. Поэтому они выбрали гораздо более длинный маршрут и отправились в пустыню. Цари Египта владели или владели важными металлургическими предприятиями на полуострове Синай. Возможно, беженцы хотели захватить их. В Библии об этом не говорится, но некоторые из легенд, которые в ней рассказываются, могут склонить нас к такому предположению; изготовление золотого тельца, медного змея и украшений скинии предполагает оседлый образ жизни и владение материалами, которые плохо совместимы с кочевой жизнью каравана и легче объясняются израильским захватом медных рудников Синая.

Переход от кочевого к оседлому образу жизни, по необходимости, должен был быть медленным и постепенным, и нет ничего, что заставляло бы нас согласиться с Гете в том, что Библия преувеличивает продолжительность пребывания в пустыне. Израиль мечтал о земле, где течет молоко и мед, но, ожидая своего прибытия туда, вел свои стада туда, где они могли найти пастбища, и поселялся, как мог, на землях, которыми мог владеть. Он стремился заключить союзы с жителями пустыни, которые были той же расы; например, с мадианитянами, чтобы они служили «глазами», то есть проводниками для племен. Этот союз с мадианитянами упоминается в Библии в связи с визитом Итро, тестя Моисея, который, услышав о переходе через Красное море, провозгласил Иегову величайшим из всех богов. Но чужие племена не всегда проявляли такую же доброжелательность; свидетельством тому является борьба с Амаликом. Вероятно, что, покинув Синай, израильтяне направились к границам Ханаана и, отвергнутые в этом направлении, вновь взяли южный путь и обошли горы земли эдомитов, чтобы повернуть на восток. В книге Второзаконие Иегова повелевает своему народу не трогать эдомитов, которые и без того были охвачены страхом перед ними, и даже платить за еду и воду, в которых они могут нуждаться, потому что Иегова дал Сеир Эдому в наследство. То же самое предостережение дается в отношении моавитян и аммонитян, ибо эти народы также получили свою землю от Иеговы.

Дети Лота, то есть аммонитяне и моавитяне, поселились в стране к востоку от Мертвого моря и Иордана; но амореи, перейдя Иордан, отняли у моавитян часть их территории. Израильтяне, которые тогда блуждали в пустынях к востоку от земли Моава, победили амореев, вероятно, с помощью моавитян. Племена Рувима и Гада, которые, несомненно, понесли основную тяжесть конфликта, заняли землю между Арноном и Яббоком, пообещав впоследствии сотрудничать с остальными сынами Израиля. Все города завоеванной страны были «посвящены», то есть все жители были убиты, мужчины, женщины и дети; «не осталось никого». Сразу после этого завоевания Библия помещает завоевание земли Васана, царь которой, Ог, был последним из рода великанов (Рефаимов). Все жители Васана были также убиты, согласно Второзаконию, и в Библии эти две войны помещены до смерти Моисея. Однако в Книге Судей есть несколько отрывков, из которых следует, что земля Васан или Галаад была завоевана только позднее. Что касается легенды о Валааме, рассказанной в Книге Чисел сразу после завоевания Васана, то сейчас признается, что она,

вероятно, была составлена в последние дни царства Израиля, возможно, во время правления Иеровоама II. Она была вдохновлена ненавистью к Моаву и содержит намеки на Ассирию. В период этого завоевания израильтяне не имели причин бояться ассирийцев, о существовании которых они даже не подозревали, а моавитяне для них были не врагами, а естественными союзниками и помощниками, как и аммонитяне и едомляне.

Завоевание Ханаана описано в Книге Иисуса Навина, которая, по-видимому, была написана во время вавилонского плена. Тезис о политическом единстве, гарантированном религиозным единством, подкрепляется, как и в Пятикнижии, серией чудес. Чудо перехода через Красное море повторяется при переходе через Иордан. Затем Иисус Навин осаждает Иерихон. «И в седьмой день, на рассвете, они встали рано и семь раз обошли город таким же образом. И в седьмой раз, когда священники затрубили в трубы, Иисус сказал народу: «Воскликните, ибо Господь дал вам город. И народ закричал, и стена рухнула, и народ вошел в город, каждый прямо перед собой, и взяли город. И посвятили все, что было в городе, и мужчин, и женщин, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, острием меча». Только Раав, блудница, которая предала свою страну, укрыв шпионов, посланных Иисусом Навином, была пощажена вместе со своей семьей и всем своим домом. «И сожгли город огнем, и все, что в нем было». И Иисус Навин проклял человека, который построит его снова.

Затем израильтяне осадили город Ай, близ Вефиля, и, захватив его хитростью, поступили с ним так же, как с Иерихоном. «И всех, кто пал в тот день, мужчин и женщин, было двенадцать тысяч... И Иисус Иисус сжег Ай и сделал его вечной руиной, пустыней до сего дня. А царя Ая повесили на дереве до вечера, и когда солнце зашло, Иисус Иисус приказал, и сняли его труп с дерева, и бросили его у входа в ворота города, и нагромодили на нем большую кучу камней, которая стоит до сего дня». Узнав о разрушении Аи и Иерихона, Адони-Цедек, царь Иерусалима, образует коалицию с царями Хеврона, Ярмута, Лохиса и Эглона, и, услышав, что Гаваон заключил договор с врагом, они осаждают город, который предал их общее дело. Гаваонцы призывают Иисуса Навина на помощь, и он отправляется из Галгала со своим войском и настигает союзных царей. «И Господь поразил их перед Израилем, и он убил их великим поражением в Гаваоне, и преследовал их по пути подъема на Бет-Орон, и поразил их до Азеки и до Маккеды. И когда они бежали от Израиля, находясь на спуске от Беф-Орона, Господь сбросил на них с неба большие камни до Азеки, и они погибли; погибших от града было больше, чем убитых израильтянами мечом. И сказал Иисус Господу в тот день, когда Господь предал амореев в руки сынов Израилевых, и сказал он на глазах у Израиля: «Солнце, остановись над Гаваоном, и ты, луна, над долиной Аялонской». И солнце остановилось, и луна остановилась, пока народ не отомстил своим врагам. Разве это не записано в книге Праведника? И солнце остановилось посреди неба и не спешило заходить почти целый день. И не было дня, подобного тому, ни до того, ни после того, когда Иегова внял голосу человека, ибо Иегова сражался за Израиля».

Пять царей, укрывшихся в пещере в Маккеде, обнаружены, и когда народ возвращается в лагерь после истребления разгромленной армии, их приводят к Иисусу Навину. Все военачальники, которые шли с ним, поставили ноги на шеи царей, затем Иисус велел повесить их на пяти деревьях, а вечером их тела были брошены в пещеру, и у входа в нее были привалены большие камни. «И Иисус Навин в тот день взял Маккеду и поразил ее острием меча, а царя ее и всех душ, которые были в ней, он посвятил и не оставил никого в живых». Та же формула повторяется в Библии с меланхоличной монотонностью в случае с городами Либна и Лахиш; когда царь Гезера попытался помочь Лахишу, «Иисус поразил его и его народ, пока не оставил ни одного в живых». И Библия возобновляет рассказ о массовых убийствах: Эглон, Хеврон и Дебир посвящены вместе со всеми их жителями, ни один из которых не пощажён. «И поразил Иисус всю землю, и горную страну, и юг, и равнину, и всех их царей; не оставил ни одного, но посвятил все, что дышало, как повелел Иегова, Бог

Израилев». Затем наступает очередь царей севера; царь Хацора и другие ханаанские цари выходят на поле с большой армией, «многочисленной, как песок на берегу моря, с лошадьми и колесницами в великом количестве». Иисус Навин атакует их у вод Мерома, преследует их до Сидона и уничтожает их, «пока не оставил ни одного в живых»; он калечит их коней и сжигает их колесницы огнем. Затем он возвращается по своим следам и захватывает Хацора, главный город всех этих царств, и убивает его царя мечом. «И они поразили всех, кто был там, острием меча, посвятив их; не осталось ни одного дышащего; и он сжег Хацора огнем. И города тех царей и всех их царей Иисус Навин взял и поразили их острием меча и посвятил их, как повелел Моисей, раб Господень... И взял Иисус всю ту землю, горную страну и весь юг, и всю землю Гошен, и низменность, и равнину Израиля, от голой горы, которая поднимается к Сеиру, до Ваал-Гада в долине Ливанской под горой Хермон; и всех царей их взял он, и поразили их, и убил их... Ибо Иегова ожесточил их сердца, чтобы они выступили против Израиля в сражении, чтобы он мог посвятить их, чтобы они не имели милости, но чтобы он мог истребить их, как повелел Иегова Моисею».

Таково краткое изложение легенды о завоевании, рассказанной в Книге Иисуса Навина. Обычный способ извлечь из нее такие исторические факты, которые она может содержать, заключается в том, чтобы исключить чудесные обстоятельства или объяснить их, насколько это возможно, естественными причинами. Серьезная критика не может удовлетвориться этим методом. К сожалению, в случае с еврейской историей у нас нет такой неоценимой помощи, какую предоставляет изучение надписей для истории Египта и Ассирии. У нас нет других источников информации, кроме книги, составленной через несколько веков после события на основе народных преданий, более или менее искаженных в политических целях. Тем не менее, библейская экзегетика, собрав определенное количество разрозненных свидетельств, сумела обнаружить факты этого дела. Здесь не место для повторения этой аналитической работы, ее краткое изложение можно найти во введении к Библии, написанном профессором Реусом из Страсбургского университета. Сравнение всех этих материалов для исследования приводит ученых к выводу, что самым верным способом получить совершенно ложное представление о завоевании Ханаана является следование точке зрения, изложенной в Книге Иисуса Навина.

То, о чем рассказывает нам эта книга, было достигнуто за пять лет, на самом деле было достигнуто очень постепенно в течение двух с половиной веков, поскольку завоевание страны и полное подчинение хананеев были окончательно достигнуты только во время правления Соломона. Точно то же самое произошло при завоевании Пелопоннеса дорийцами и римской Галлии франками. Из этого мы можем сделать вывод, к чести израильтян, что ужасные массовые убийства, о которых рассказывается в Книге Иисуса Навина, были сильно преувеличены составителями Библии, которые считали истребление побежденных одним из титулов славы своих предков и доказательством их послушания повелениям национального Бога Израиля. «Мы не должны, — говорят голландские авторы *«Семейной Библии»* (), — представлять себе, что все дети Израиля собрались в одном лагере в Галгале и действовали сообща. Гораздо ближе к истине было бы представить себе, что израильские племена совершали локальные и периодические набеги на землю хананеев, которые, возможно, были ослаблены в результате войны с Рамсесом III, царем Египта».

Разделение завоеванных или еще не завоеванных земель приводится в заключительных главах Книги Иисуса Навина, которые написаны не той же рукой, что и повествование о завоевании. Регион к востоку от Мертвого моря и Иордана, впоследствии известный как Перея, с времен Моисея был занят коленами Рувима, Гада и половиной колена Манассии. Иуда занял южную часть земли Ханаанской, к западу от Мертвого моря. Небольшие колена Симеона, Дана и Вениамина группировались вокруг Иуды, первое из них на западе, два других — на севере. Эти четыре колена впоследствии образовали царство Иуды. Многие

части территории, выделенной им в этом разделе, долгое время оставались под властью чужеземных народов. Так, иевусеи были впервые покорены Давидом, который захватил их город, впоследствии названный Иерусалимом; филистимляне, которых Иисус Навин не осмелился атаковать, удержали пять городов, которые они занимали на побережье Средиземного моря, и эти города служили убежищем для анакимов. В период, когда в Израиле была установлена монархия, власть филистимлян распространялась почти на всю территорию Иудеи.

Могущественное племя Ефрема, к которому принадлежал Иисус Навин, обосновалось в центре земли Ханаанской, между Иорданом и Средиземным морем. Ковчег Завета, сначала установленный в Галгале, был впоследствии перенесен в Силом, который стал общим святилищем всех израильских колен. Племя Иссахара поселилось к северу от территории Ефрема, вдоль Иордана, а половина племени Манассии — дальше на запад. Наконец, племена Асира, Завулону и Нефтали поселились в северной области, впоследствии названной Галилеей; Асир распространился на побережье к северу от Кармеля, но не смог завладеть финикийскими городами в пределах отведенной ему границы; Зевулону расположился на равнине Изреель, к северо-западу от Иссахара, а Нефтали — вдоль Верхнего Иордана, между водами Мерома и озером Геннисарет. Племя Леви не имело собственной территории, поскольку, как часто повторяется в Библии, Иегова был его наследием. Левиты получили сорок восемь городов, разбросанных по территории других колен. Некоторые из этих городов были предназначены для того, чтобы служить убежищем для непреднамеренных убийц; их называли городами-убежищами.

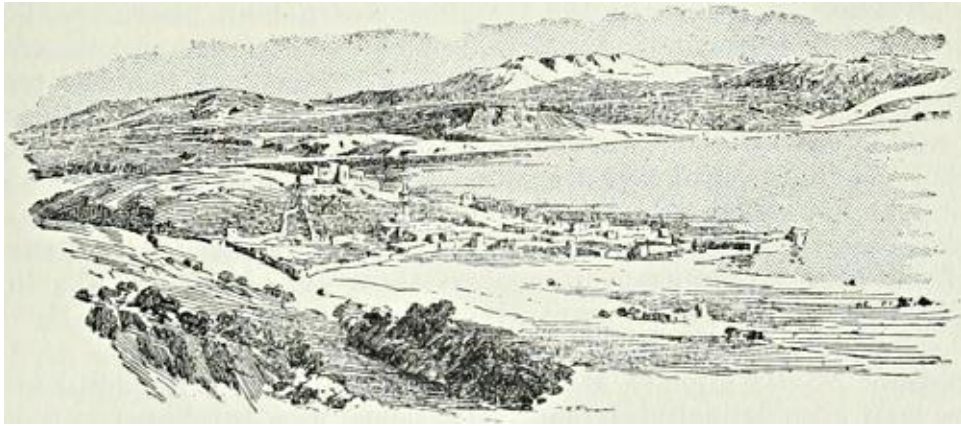
Генеалогии, которые занимают так много места в Библии, ясно показывают, какое большое значение племена Израиля придавали происхождению от Авраама и Иакова. Тем не менее, они были далеки от того, чтобы быть чистой расой. Перед своим пребыванием в Египте они союзнились с женщинами этой страны, о чем свидетельствуют их собственные легенды; четверо из сыновей Иакова были потомками рабынь, о происхождении которых мы ничего не знаем. Иосиф женится на дочери египетского жреца, Моисей — на мидианитянке и эфиопке, и когда его сестра Мириам упрекает его за этот *неравный брак*, Иегова наказывает ее проказой. При выходе из Египта сыновья Израиля сопровождаются «смешанным народом», который, должно быть, был включен в племена, поскольку в дальнейшем о нем не упоминается. В течение полувека, прошедшего между выходом из Египта и завоеванием Ханаана, должны были иметь место союзы с эдомитами, аммонитянами и моавитянами. Во время вторжения кочующие орды арабов, слишком слабые, чтобы самостоятельно проникнуть в Палестину, возможно, воспользовались этой возможностью, чтобы присоединиться к израильским племенам; таковыми были дети Кени, тестя Моисея, которые сопровождали сынов Иуды до города пальм (Иерихона). Эти кениты или кенизиты поселились среди людей Иуды и в конечном итоге слились с ними; было невозможно держаться в стороне от союзников, которые внесли свой вклад в победу.

После завоевания союзы с коренными народами стали очень многочисленными. «Дети Израиля, — говорится в Книге Судей, — жили среди хананеев, хеттов, амореев, перизеев, хевеев и иевусеев; они брали их дочерей в жены, отдавали своих дочерей их сыновьям и служили их богам. И сыны Израилевы делали то, что было зло в глазах Господа, и забыли Господа, Бога своего, и служили Ваалам и Астартам». Это был не первый случай, когда они были неверны Господу; в пустыне, согласно пророку Амосу, в течение сорока лет они несли перед собой изображение Молоха и звезду своих идолов.

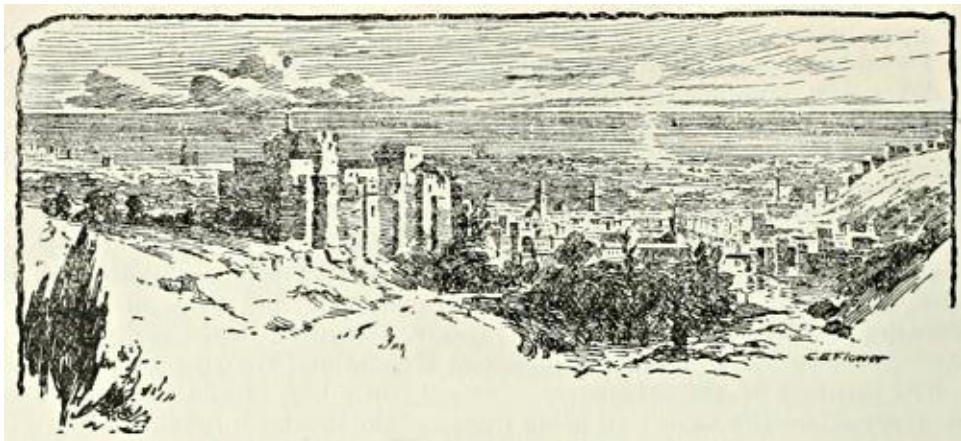
Положение израильтян, поселившихся среди хананеев, было не везде одинаковым; в некоторых районах прежние жители были истреблены или обращены в рабство, но в других они остались владельцами земли, и новоприбывшие могли поселиться там только за плату

дани. Чаще всего старые жители и новые соседи жили бок о бок на условиях вооруженного нейтралитета, часто нарушаемого междоусобицами, каждый из них выжидая возможности покорить или изгнать другого. После того как израильтяне поселились в разных частях страны, хананеи, амореи и филистимляне отомстили им и заставили их по частям расплачиваться за насилия, совершенные во время вторжения. Более сильные племена не приходили на помощь более слабым, поскольку связывала их религиозная, а не политическая узы, которые становились все слабее и слабее; поэтому Библия неизменно приписывает поражения израильтян их пренебрежению национальной религией.

«И возгорелся гнев Иеговы на Израиля, и Он предал их в руки грабителей, которые грабили их, и продал их в руки врагов их со всех сторон. Куда бы они ни выходили, рука Иеговы была против них во зле, как Иегова клялся им, и они были в великой скорби. И Господь воздвиг судей, которые спасали их от рук грабителей. И когда Господь воздвигал им судей, то Господь был с судьей и спасал их от рук врагов их во все дни судьи, ибо Господь раскаялся из-за их стенаний от угнетателей и мучителей их. Но когда судья умирал, они возвращались и поступали еще хуже, чем их отцы, следуя другим богам, чтобы служить им и поклоняться им; они не переставали от своих дел и от своего упрямого пути».^{[a](#)}

ТИБЕРИЯ, ВИД НА ХЕРМОН

ДРЕВНИЙ ТЕБЕС

ГЛАВА III. СУДЫ

[около 1200-1020 гг. до н. э.]

В Библии титул «судьи» (*Sophetim*) присваивается тем «освободителям», которых Иегова время от времени воздвигал; но они не были выборными магистратами, как суффеты Карфагена, которые носили то же имя; они были доблестными вождями, которые возглавляли отряды патриотов, чтобы освободить свои племена. Некоторые успешные подвиги давали им своего рода моральный авторитет на всю оставшуюся жизнь, но они не были наделены регулярными полномочиями, признанными всей нацией. Хотя Библия тщательно указывает продолжительность правления каждого из них, эти цифры не могут служить основой для достоверной хронологии, поскольку вполне вероятно, что многие из судей были современниками и принадлежали к разным племенам. Нам даны подробные сведения о трех или четырех из них; другие упоминаются лишь по имени. Первым из упомянутых является Офниэль, племянник Калеба, который освобождает племена севера от владычества царя Месопотамии. Затем царь Моава захватывает Иерихон и угнетает Израиль в течение восемнадцати лет; Егуд из колена Вениамина убивает его вероломно и

освобождает землю. Далее в Библии упоминается Шамгар, сын Анафа, который убил шестьсот филистимлян с помощью бычьего рога. Гораздо более длинное повествование о походе Варака и Деворы, по-видимому, носит исторический характер. В нем рассказывается о поражении Сисеры и его смерти от рук Яэль (Судьи, гл. 4). По этому случаю Девора сочинила яростную и энергичную песнь, старейшее из сохранившихся до наших дней произведений еврейской поэзии.

Вторжение израильтян в Ханаан не было беспрецедентным событием; во все времена кочевые бедуины пустыни с завистью смотрели на плодородные возделанные равнины Палестины. Когда племена Израиля успешно обосновались там, они, в свою очередь, были вынуждены защищаться от новых полчищ захватчиков. «Из-за мадиамцев сыны Израилевы сделали себе убежища в горах, в пещерах и в крепостях. И когда Израиль сеял, приходили мадиамцы, амаликитяне и сыны востока; они нападали на них и уничтожали плоды земли, доходя до Газы, и не оставляли в Израиле ни овец, ни волов, ни ослов».

Крестьянин из колена Манассии встал во главе нескольких решительных мужчин и избавил Израиль. Его звали Иерубаал, и он был, прозванный Гедеон, то есть Меч, так же как Иуда Асмонеикий был прозван Маккавей, то есть Молот. Небольшой отряд с факелами и трубами совершил ночное нападение на лагерь мадианитян, которые впали в панику и убили друг друга. Гедеон послал послов к людям Ефрема, которые поспешили перерезать отступление беглецов у брода Иордана.

Дети Израиля сказали Гедеону: «Правь нами ты, и сын твой, и сын сына твоего, ибо ты спас нас от руки Мадиамской». Он ответил: «Я не буду править вами, и сын мой не будет править вами, Иегова будет править вами». После его смерти один из его семидесяти сыновей, Авимелех, провозгласил себя царем в Сихеме и провозгласил себя царем у дуба Сихема. Началась гражданская война. Сихем был разрушен, а его руины засеяны солью. Авимелех поджег башню храма Ваал-Берита, где укрылись главные жители города; в ней погибло тысяча душ. Затем он осадил город Тебес; жители заперлись в цитадели; и когда он приблизился, чтобы поджечь ее, одна женщина бросила ему на голову жернов, и он приказал своему оруженосцу убить его, чтобы он не умер от руки женщины.

Отразив вторжение мадианитян, колено Манассии, чья территория простиралась по обоим берегам Иордана, пожелало расширить свои границы на восток и завершило завоевание земли Васана. Однако аммонитяне предъявили права на эту землю, которая ранее принадлежала им. Они собрались и расположились лагерем в Галааде. «И когда сыны Аммона воевали против Израиля, старейшины Галаада пошли за Иеффаем из земли Това и сказали ему: приди и будь нашим вождем, чтобы мы могли сражаться с сынами Аммона. И Иеффай дал обет Господу и сказал: если Ты действительно предашь сынов Аммоновых в руки мои, то все, что выйдет из дверей дома моего навстречу мне, когда я вернусь с миром от сынов Аммоновых, будет принадлежать Господу, и я принесу это в жертву всесожжения. И перешел Иеффай к сынам Аммона, чтобы сражаться с ними, и Господь предал их в руки его. И пришел Иеффай в Мицпу, в свой дом, и вот, дочь его вышла ему навстречу с тимпанами и танцами; и она была его единственным ребенком; кроме нее у него не было ни сына, ни дочери. И когда он увидел ее, то разорвал одежды свои и сказал: «Горе мне, дочь моя! Ты принесла мне великое горе и стала одной из тех, кто огорчает меня, ибо я открыл уста свои перед Господом и не могу отступить». И она сказала ему: отец мой, ты открыл уста свои перед Господом; сделай со мною по тому, что вышло из уст твоих, ибо Господь отомстил за тебя врагам твоим. И сказала она отцу своему: пусть будет со мною так: оставь меня на два месяца, чтобы я ушла и пошла в горы и оплакала девственность мою, я и подруги мои. И он сказал: иди. И он отпустил ее на два месяца, и она ушла, она и ее подруги, и оплакивала свою девственность на горах. И прошло два месяца, и она вернулась к отцу

своему, который поступил с ней согласно обету, который он дал, и она не познала мужа. И было обыкновением в Израиле, что дочери Израиля ежегодно ходили оплакивать дочь Иеффая Галаадского».

Между этой традицией и греческой легендой о жертвоприношении Ифигении есть столь большое сходство, что вполне можно полагать, что одна из них была заимствована у другой (). Возможно, финикийские моряки или даже израильские пленники, проданные в рабство на побережье Малой Азии, рассказывали трагическую историю о полководце, который одержал победу ценой жертвоприношения своей дочери. Само имя Ифигения, по-видимому, является не чем иным, как греческим переводом слов «дочь Иеффая». Гомер не знал этой легенды. Еврипид позаимствовал ее из циклического поэмы «*Киприя*». Согласно этой поэме, жертвоприношение не было совершено; богиня заменила девушку ланью. Некоторые теологи пытались оправдать жертвоприношение Иеффая таким же образом и утверждали, что его дочь была посвящена в вечное целомудрие. Однако это объяснение не нашло признания. «Текст, — говорит М. Мунк, — не оставляет сомнений в том, что Иеффай действительно принес свою дочь в жертву, и Иосиф Флавий прямо об этом говорит» (*Antiq.*, V, 7, 10).

В то время как племена севера сражались с хананеями, а племена востока — с мадианитянами и аммонитянами, племена юга не всегда удавалось защитить свою независимость от филистимлян. Изолированное положение израильских племен позволило филистимлянам подчинить себе соседние племена. Сопrotивление Израиля этому угнетению олицетворяет Самсон, герой племени Дана, израильский Геракл.

Самсон не может считаться исторической фигурой. Он, по-видимому, имеет сильное сходство с Самданом, ассирийским Гераклом, и, в общем, со всеми солнечными божествами. Как и у Аполлона, его волосы никогда не стригли; как и Геракл, он покоряет львов и сам покоряется женщинам. Метаморфоза древнего божества в местного героя является обычным явлением во всех мифологиях. Существование города солнца, Бет-Шемеша, в пределах племени Дана, позволяет нам предположить, что древнейшие жители оказывали солнцу особую честь; естественно, что израильтяне, исповедовавшие другую религию, прививали легенду о герое к местным басням.

В продолжение легенды о Самсоне мы находим два повествования, которые составляют, так сказать, приложение к Книге Судей. Первое, по-видимому, относится к периоду завоевания, поскольку колено Дана еще не имело территории и искало место для поселения. Пятеро мужчин были посланы исследовать землю. «И пришли они к братьям своим в Цору и Эштаол и сказали им: встаньте, пойдем на них, ибо мы видели землю, и вот, она очень хороша; но молчите, не ленитесь идти и войти во владение землей».

Проходя через горную местность Ефрема, их разведчики сообщили им, что в доме некоего человека по имени Миха есть ефод, терафимы и изваяние, за которыми ухаживает левит. Они убеждают левита, что ему будет выгоднее быть священником племени, чем капелланом частного лица, и увозят его, взяв с собой изваяние, ефод и терафимов. Михей преследует его и жалуется на кражу, но они приказывают ему молчать, иначе подожгут его дом. Затем даниты приходят в Лайш: «Они пришли к народу, жившим в покое и безопасности, и поразили их острием меча; и сожгли город огнем... И сыны Дана поставили себе истукана; и Ионафан, сын Гершомы, сына Моисея, он и сыновья его были священниками для колена Данитов до дня плена земли. И они поставили себе истукана, которого сделал Михей, все время, пока дом Божий был в Силоме». Если мы приписываем Декалог с его запретом на истуканы Моисею, то мы должны предположить, что заповеди законодателя были очень быстро забыты, даже в его собственной семье.

История левита из Ефрема бросает еще более мрачный свет на нравы израильтян. Жена этого левита была изнасилована и убита группой мужчин из Гивеи, из колена Вениамина. Муж разрезает труп на двенадцать частей, которые он посылает двенадцати коленам Израиля. И все мужчины, увидев это, сказали: «Такого не было со дня, когда сыны Израилевы вышли из Египта». От вениамитян требуют выдать виновных, но они отказываются и берут в руки оружие, в количестве двадцати шести тысяч человек. Другие колена выставили на поле боя четыреста тысяч воинов, согласно Библии, и спросили у Иеговы, кто должен первым выступить в бой. Иегова назначил колено Иуды. Но дважды подряд вениамитяне выходили из Гаваоны и одерживали верх над огромной армией Израиля, которая за два дня потеряла сорок тысяч человек. Люди поднимаются в Вефиль, где в то время находился Ковчег Завета; они постятся, приносят всесожжения, и Иегова обещает им победу. Нападающие силы окружают врага и наносят ему такое поражение, что только шестьсот человек спасаются бегством и укрываются в пустыне. Победители сжигают все города Вениамина и предают мечу всех их жителей.

Однако после этой мести они сожалеют о уничтожении целого племени и предлагают условия мира шестистам выжившим из колена Вениамина.

В начале и в конце этого повествования Библия говорит, что в те дни в Израиле не было царя и что каждый делал то, что было право в его глазах. Автор полагает, что таким образом он может объяснить жестокости, о которых он рассказал; но в греческих городах тоже не было царя, и ничего подобного там не происходило.

Мы можем удивляться тому, что народ, который «восстал как один человек, чтобы наказать преступление и стереть пятно с Израиля», не смог объединиться, чтобы отразить иностранного врага. Но этого контраста недостаточно, чтобы поставить под сомнение библейское повествование; к сожалению, верно, что одна и та же эпоха и одна и та же страна могут быть свидетелями одновременно самых безжалостных репрессий в гражданской войне и самой прискорбной слабости перед внешним миром. Филистимляне уже подчинили себе южные колена: Дана, Иуду и Зевулуна; теперь они угрожали коленам центральной части страны.

Израильтяне помнили, что после их выхода из Египта Ковчег Завета привел их к завоеванию Ханаана, и они думали, что теперь он снова обеспечит им победу. В то время Ковчег находился в Силоме под присмотром пожилого Илия, который совмещал должность первосвященника с титулом судьи в Израиле. Итак, Ковчег был принесен оттуда под охраной двух сыновей Илия. Но его присутствие, в конце концов, не принесло никакой пользы. «Израиль был поражен, и каждый бежал в свою палатку; и было очень большое поражение, ибо пало из Израиля тридцать тысяч пеших. И Ковчег Божий был взят, и два сына Илия, Хофни и Финеес, были убиты».

Такой удар не мог не потрясти дух народа. На самом деле филистимляне не продержали трофей долго: полагая, что присутствие враждебного бога принесет им несчастье, они отправили Ковчег Завета обратно израильтянам. Но чтобы предотвратить любые попытки восстания, они запретили побежденным носить оружие и увезли всех кузнецов, так что ни один израильтянин не мог починить свой плуг, если не обращался к филистимлянам.

Пробуждение национального самосознания приняло форму возрождения религиозного рвения, как это происходит среди арабов в наши дни. Инициатива в этом религиозном движении приписывается Самуилу из колена Ефремова. С детства он посвятил себя служению Иегове, и с ранних лет считалось, что он получает прямые откровения от Бога. Поэтому его называли *наби* (вдохновенный человек). Это слово обычно переводится как

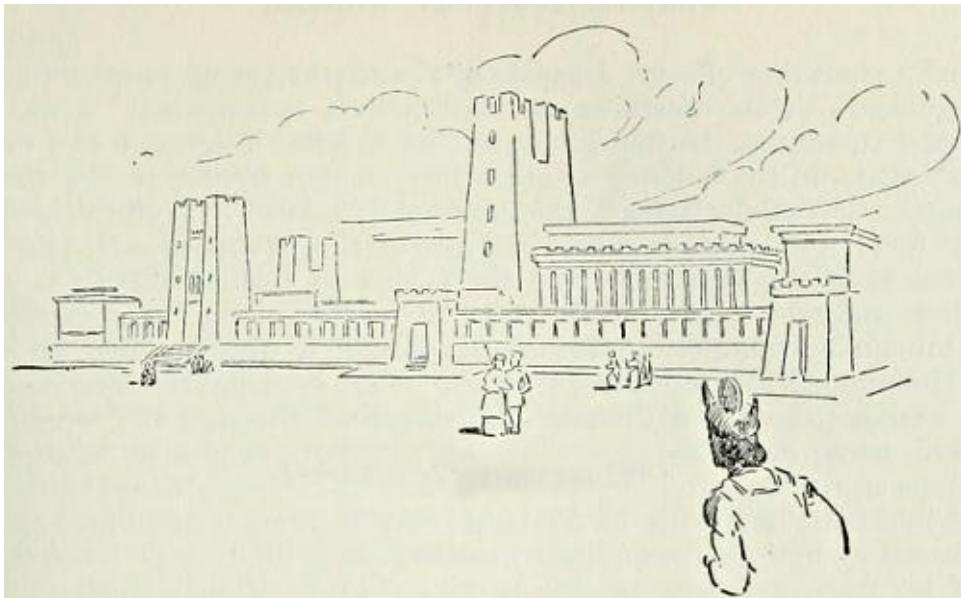
«пророк», что означает предсказатель, потому что такие вдохновенные люди, как полагали, были наделены способностью предвидеть будущее и сами верили, что обладают этой способностью.

Различие между священниками и пророками четко обозначено даже в легенде о Моисее, поскольку законодатель, толкователь Иеговы, оставляет священническую должность не для своих потомков, а для потомков своего брата Аарона. Это различие не является особенностью евреев; у греков также были предсказатели, которые получали вдохновение от бога, и священники, или, скорее, ризничие, которые отвечали за содержание храмов и контролировали церемонии поклонения. Еврейское священство постепенно стало эксклюзивной кастой; пророчество, которое имело свое происхождение в личном вдохновении, не могло быть наследственным, ибо дух веет, где хочет. Среди израильтян не было жриц, хотя были пророчицы, такие как Мириам, сестра Моисея, или Дебора. Точно так же именно женщина, Пифия, передавала оракулы Аполлона в Дельфах.

Самуил пытался сделать пророчество постоянным институтом. После смерти Илия он вернулся в свой дом, Раму, город Вениамина, и основал там колледж или монастырь пророков (*najoth*). Подобные школы были в Вефиле, Галгале и Иерихоне. Члены этих братств жили в общине, поскольку энтузиазм заразителен. Музыка была средством, используемым для призвания вдохновения. У пророков Израиля, как и у Пифии в Дельфах, экстаз был результатом болезненного возбуждения, своего рода опьянения, прерывистого бреда; когда эта фаза возбуждения заканчивалась, пророк снова становился обычным человеком.

Но черта, которая отличает религиозные институты евреев от всего аналогичного, что могло существовать в другие времена и в других странах, — это их исключительно национальный характер и неизменная враждебность по отношению к внешнему миру. Религия Израиля нетерпима, потому что она является лишь идеальной формой фанатичного патриотизма. По этой причине каждое пробуждение общественного духа среди евреев проявляется в новой волне оскорблений в адрес религий их соседей. [d](#)

Дворец древнего Израиля

ГЛАВА IV. САМУИЛ И САУЛ

Мы подошли к периоду, когда Израиль как нация впервые достиг достаточного единства, чтобы подчиниться власти единого монарха. Самуил, последний из судей, добился избрания Саула царем объединенных племен. Преемником Саула стал Давид, а его — сын Соломон. Три царствования охватывают период около девяноста лет, с 1020 по 930 год до нашей эры. Только в этот короткий период весь Израиль объединен в несколько однородную монархию. Но даже в лучшем случае, это скорее сильная рука Давида, чем какое-либо национальное единство духа, удерживает различные племена вместе; а при Соломоне усиливаются разногласия, которые приведут к распаду королевства сразу после смерти этого монарха.

Когда евреи позднейших времен оглядывались на этот период через столетия, им казалось, что царство Израиля в это время относительной мощи сияло как звезда первой величины на восточном небосводе. Но на самом деле только национальные предрассудки могли так преувеличить слабое сияние еврейской славы. На самом деле царство Израиля даже при Давиде было лишь мелким государством, а та сила, которой оно, казалось, обладало, во многом объяснялась временной слабостью соседних народов. Так случилось, что эпоха еврейской монархии совпала с XXI династией Египта, в течение которой этой страной одновременно правили таниты и первосвященники, чьи разногласия настолько ослабили правительство, что главная власть постепенно перешла в руки командиров ливийских наемников. Раздираемый внутренними разногласиями, Египет не имел времени думать о внешних завоеваниях. Между тем в Месопотамии сложилась не совсем непохожая ситуация. Вавилония и Ассирия боролись друг с другом, и взаимная вражда ослабляла каждое из княжеств.

Именно это временное затишье в военных действиях действительно великих восточных народов позволило израильтянам достичь временного положения относительного влияния, которое традиционалисты более позднего времени смогли с некоторой долей правдоподобия преувеличить до периода настоящей славы. «Человек, чтобы утешить себя за судьбу, которая чаще всего бывает свинцовой, — говорит Эрнест Ренан ([ш](#)), говоря о последних великих еврейских монархах (), — вынужден воображать блестящие века в прошлом, своего рода фейерверк, который не длился долго, но производил очаровательное

впечатление. Несмотря на проклятия пророков и пренебрежительное отношение северных племен, Соломон оставил у части народа восхищение, которое проявилось через две или три сотни лет в полулегендарной истории, описанной в Книгах Царей. Несчастья нации только усиливали эти видения утраченного идеала. Соломон стал центральной фигурой еврейской *агады* [легендарного элемента Талмуда]. Для автора Экклезиаста он уже является самым богатым и могущественным из людей. В Евангелиях он является воплощением всего человеческого великолепия. Вокруг него вырос роскошный сад мифов. Мухаммед питался им; затем на крыльях ислама этот поток басен, разнообразных тысячами оттенков, распространил по всему миру волшебное имя Сулеймана. Исторический факт, скрытый за этими чудесными историями, был примерно таким: за тысячу лет до Рождества Христова в Сирии в небольшом акрополе правил мелкий правитель, умный и не обремененный национальными предрассудками, не понимавший истинного призвания своего народа и мудрый по меркам того времени, хотя нельзя сказать, что он превосходил по нравственности среднестатистических восточных монархов всех времен. Ум, который явно его отличал, рано принес ему репутацию философа и ученого. Каждая эпоха понимала эту ученость и философию в соответствии с преобладающим стилем. Таким образом, Соломон был поочередно притчевиком, натуралистом, скептиком, магом, астрологом, алхимиком, каббалистом».

Имея в виду эти корректирующие взгляды, мы можем обратиться к истории Израиля в его золотой век, меньше опасаясь получить неверное историческое представление. Мы будем еще более осторожны, если вспомним, что весьма сомнительно, существовали ли какие-либо из ныне сохранившихся еврейских писаний во времена Давида и Соломона. Это не означает, что израильтяне того времени не умели писать. Несомненно, произведения того периода были использованы более поздними составителями. Но подавляющее большинство записей, якобы относящихся к этому времени, следует отнести к гораздо более позднему периоду. Ренан считает, что «единственная часть сохранившейся еврейской литературы, которую можно отнести к Соломону, — это часть Книги Притчей, которая простирается от первого стиха десятой главы до шестнадцатого стиха двадцать второй главы». И даже это, как утверждается, по всей вероятности, не может быть делом рук самого Соломона. «Мы не только не имеем ни одного произведения Соломона, — говорит Ренан, — но и вполне вероятно, что он вообще ничего не писал». Даже если принять такие иконоборческие взгляды, из этого не следует, что мы не имеем никаких сведений о подлинной истории Израиля в этот период. На самом деле все обстоит совсем наоборот: как бы ни затуманивала традиция взгляд на эту эпоху, время еврейской монархии является подлинно исторической эпохой, основные черты которой ясно сохранились. Теперь мы перейдем к подробному рассмотрению этого интересного периода.а

САМУИЛ И САУЛ

[около 1020 г. до н. э.]

Саул должен был сражаться не только с филистимлянами. Амаликитяне вторглись в страну с юга, опустошая ее на своем пути. Саул разгромил их, прошел через их территорию и взял в плен их царя Агага. Всех пленных амаликитян убили мечом, то же самое сделали со всем бесполезным скотом; пленного Агага и лучших животных торжественно провели через территорию колена Иуды в Галгал.

Самуил пришел из Рамы, где он жил с момента потери святого Ковчега, чтобы принести жертву благодарения, и сказал Саулу: «Что означает это блеяние овец в моих ушах и

мычание волов, которое я слышу? Ты сделал злое дело в глазах Господа». Он был недоволен тем, что все живые существа не были полностью уничтожены, и не хотел приносить жертву. Победоносный царь был достаточно покорным, чтобы признать свою вину. «Я согрешил, — сказал он, — но прошу тебя, почитай меня теперь перед старейшинами моего народа и возвратись со мной, чтобы я мог поклониться Господу, Богу твоему». Тогда Самуил потребовал, чтобы плененный царь Амалика был приведен к нему. Так и было сделано, и Самуил сказал ему: «Как твой меч лишил женщин детей, так и твоя мать будет лишена детей среди женщин». И «Самуил порубил Агага на куски перед Господом в Галгале».

Царь Саул, как продолжается эта история в кратком изложении, совершал великие подвиги доблести, и когда он видел какого-либо сильного или храброго человека, он брал его к себе и сражался со всеми врагами Израиля со всех сторон, против Моава и против Едома и против царей Зовы (на севере); и война против филистимлян была тяжелой, пока жил Саул, и куда бы он ни обращался, он побеждал. Его меч никогда не возвращался пустым, и дочери Израиля могли одеваться в пурпур из добычи его побед и украшать свои одежды золотом. Благодаря этим долгим и тяжелым сражениям Саул сумел уничтожить господство филистимлян над Израилем и сломить силу их оружия, и «избавил Израиль от рук тех, кто грабил его». В руках Саула царская власть достигла того, чего ожидали израильтяне, когда возложили на него эту власть. При поддержке своего сына Ионафана и своего двоюродного брата Авнера, которого царь, как выдающегося воина, сделал главнокомандующим своей армией, Саул стал спасителем Израиля; без него племена по эту сторону Иордана были бы покорины филистимлянами, а те, что за Иорданом, — аммонитянами и моавитянами, и, вероятно, они полностью подчинились бы их власти. Он также стремился улучшить положение дел внутри страны; сообщается, что «в своем рвении за Израиль» он подчинил и принудил к послушанию хивеев из Гаваона; колдунов и чародеев, вызывающих мертвых, он изгнал из страны.

ВОЗВЫШЕНИЕ ДАВИДА

[около 1020-1010 гг. до н. э.]

Будучи царем, Саул оставался верным простым нравам своей ранней жизни. Когда он не был в походе, что, однако, было обычным делом, он жил на своей части земли в Гивее. Не было никаких государственных дел, высокопоставленных лиц, церемоний или гарема. Его жена Ахиноам родила Саулу трех сыновей, кроме Ионафана: Авинадава, Малхишуа и Ишбошета [Эшбаала], а также двух дочерей, Мераб и Михаль; старшая, Мераб, была замужем за Адриелем, сыном Барзиллая.

Это были амбиции, интриги и восстание человека, которого Саул сам поднял из неизвестности, что не только лишило последнего награды за его деяния и его дом трона, но и лишило Израиль всех плодов стольких и столь великих усилий и вновь поставило на карту судьбу нации.

Давид, сын Иессея из Вифлеема, из колена Иудина, принадлежал «к храбрым мужам, которых Саул взял к себе»; он отличился в борьбе с филистимлянами, и царь сделал его своим оруженосцем и часто посылал его против них; с удачей на своей стороне экспедиции Давида были более успешными, чем экспедиции других военачальников. Таким образом, он был любим в глазах народа и слуг царя, а Ионафан, храбрый сын Саула, «заключил с Давидом завет, ибо любил его, как свою душу». В доме Саула Давид пользовался доверием и почетом перед другими воинами. Саул сделал его тысяченачальником и поручил ему командование телохранителями. После Авнера Давид был первым из последователей Саула и ел за его столом. Саул пошел еще дальше: он отдал Давиду в жены свою вторую дочь

Михаль, потому что она любила его, хотя сам Давид отказался взять ее. «Кто я такой, — сказал Давид, — и что такое моя жизнь или семья моего отца, чтобы я стал зятем царя? Я бедный человек и мало кто меня ценит».

После этого Саул охватило подозрение в отношении Давида, опасаясь, что этот человек, которого он возвысил и сделал своим зятем, и который был близким другом его сына, может заговорщически действовать против него и его дома в союзе с Самуилом и другими священниками, которые не отказались от своего недружественного отношения к новому трону и человеку, который его занял.

Сообщается, что Саул набросился на Давида с копьем, но тот уклонился от удара и бежал в свой дом. Тогда Саул приказал окружить дом, чтобы на следующий день убить Давида. Но Михаль ночью спустила Давида из окна, а на его место положила домашнего бога, накрыла его тканью и накинула на лицо изображения сетку из козьей шерсти. Тем временем Давид бежал к Самуилу в Раму и скрывался у него в Найофе, пока Саул не узнал о его местонахождении. Тогда Давид бежал в Ноб, где священник Ахимелех спросил для него у Иеговы и дал ему провизию и меч, а оттуда он бежал дальше к филистимскому князю Ахишу, царю Гата.

Саул обвинил свою дочь в том, что она помогла Давиду выбраться из беды, и сказал Ионафану: «Пока живет сын Иессея, ни ты, ни твое царство не упростятся». Затем он устроил строгий суд над священниками под тамариском в Гивее. Когда священники из Нова были приведены к нему, Саул спросил Ахимелеха: «Почему ты и сын Иессея заговорились против меня, чтобы он восстал против меня? Ты непременно умрешь. Убей священников», — крикнул он своим телохранителям, — «их руки с Давидом, и потому что они знали, когда он бежал, и не показали мне». Но слуги царя не простерли руки на священников Господних. И сказал царь Доегу: «Обратись и нападни на священников». И обратился Доег, Идумеянин, и напал на священников, и убил в тот день восемьдесят пять человек, носивших льняные ефоды.

И город священников, Ноб, он поразил острием меча, и мужчин, и женщин, и детей, и грудных младенцев, и волов, и ослов, и овец, острием меча.

Один из сыновей Ахимелеха, сына Ахитува, по имени Авиафар, спасся и убежал за Давидом. Авиафар сообщил Давиду, что Саул убил священников Господних».

ДАВИД ВСТАЕТ ПРОТИВ САУЛА

Мы не знаем точно, насколько подозрения Саула в отношении Давида были оправданы: из истории, которая была переработана и подправлена с целью предвзятости в пользу Давида, мы можем только понять, что сын Иессея действительно был в тесном союзе со священниками, а собственные действия Давида после того, как он порвал с Саулом, свидетельствуют о далеко идущих и тщательно продуманных планах, средства осуществления которых не были слишком щепетильными. Но независимо от того, заметил ли Саул амбициозные намерения Давида в нужное время или пошел слишком далеко в своих действиях против него, в любом случае он совершил ошибку: Давид ни в коем случае не довольствовался тем, что избежал гнева царя; если ему было причинено зло, он намного превзошел его своими собственными действиями. Филистимляне не приняли бы в Гате такого опасного врага, как Давид, который причинил им столько вреда, и не пощадили бы его жизнь, если бы он не согласился в будущем поддерживать их в борьбе против Саула. Давид также вступил в отношения с другими врагами своей страны.

Он отвез своих отца и мать к царю Моавы, чтобы защитить их от мести Саула. Затем он укрылся в пустынных местах восточной Иудеи около Мертвого моря и здесь попытался организовать восстание; вероятно, он рассчитывал на поддержку колена Иуды, к которому он принадлежал, так как мог рассчитывать на их ревность к царю из маленького колена Вениамина, хотя колено Иуды должно было быть особенно благодарно Саулу, поскольку именно оно дольше всех страдало под властью филистимлян. Дом его отца действительно собрался вокруг него, «и все угнетенные, и все, у кого были должники, и все, у кого были жалобы». В основном это были люди из колена Иуды, а также некоторые из колена Вениамина и Гады, за Иорданом — от четырех до шестисот человек, которые собрались вокруг Давида в пещере Адуллама. Это был не очень хороший результат, и Давид был вынужден вести разбойничий образ жизни с этой бандой, чем подвергал себя опасности вызвать недовольство соседей.

Поэтому он попытался найти золотую середину и послал к богатому человеку, Навалу из Кармеля, который владел тремя тысячами овец и тысячей коз и был потомком того самого Калеба, который когда-то основал здесь свое владение с помощью меча. Давид послал сказать, что он не взял ничего из стад Навала, и спросить, не мог бы тот, следовательно, послать ему и его людям средства к существованию. Но Навал ответил посланнику Давида: «Кто такой Давид и кто такой сын Иессея? В наши дни много слуг, которые отрываются от своих господ». Тогда Давид ночью отправился на дом Навала и его стада. По дороге он встретил жену Навала, Авигею, которая, опасаясь разбойников, приказала загрузить ослов забитыми овцами, хлебом, кувшинами с вином, инжиром и изюмными лепешками, чтобы тайно отвезти их в лагерь Давида. «Благословен твой совет, женщина, — сказал Давид, — ибо, как жив Господь Бог Израилев, если бы ты не встретила меня, то к утру от Навала и его дома не осталось бы никого». Навал чудесным образом умер через десять дней после этого происшествия. Давид подумал, что такое богатое имущество в этой местности не может не пригодиться. Саул потерял свою дочь, поэтому он послал нескольких слуг к Авигее в Кармель. Они сказали: «Давид послал нас к тебе, чтобы взять тебя в жены». Авигея встала, поклонилась лицом до земли и сказала: «Вот, пусть раба твоя будет служанкой, чтобы омыwać ноги слугам господина моего». Затем она встала с пятью своими служанками, пошла за посланцами Давида и стала его женой. Фактически, этот брак, по-видимому, оказал большую помощь делу Давида. Южные города Иудеи — Арозер, Хорма, Рамот, Яттир, Эштемона, даже сам Хеврон — объявили о своей поддержке. Отсюда Давид попытался продвинуться на север и овладел укрепленным городом Кеила.

Когда Саул узнал об этом, он сказал: « » («Бог предал его в мои руки, ибо он заперт, войдя в город, имеющий ворота и затворы»). Когда Саул приблизился, Давид велел священнику Авиафару, который бежал к нему из Нова с изображением Иеговы, принести это изображение. Давид спросил его: «Предадут ли жители Кеилы меня и моих людей в руки Саула? Господи, Боже Израилев, прошу Тебя, скажи рабу Твоему». И Иегова сказал: «Они предадут тебя». Тогда Давид отчаялся удержать город и бежал в Зиф и Маон в пустыне у Мертвого моря. Но Саул последовал за ним и догнал его: теперь только гора отделяла отряд Давида от царя. Давид был уже окружен и проиграл, когда к Саулу пришло известие: «Филистимляне вторглись в землю».

Вероятно, это была экспедиция, которую филистимляне предприняли, чтобы помочь находящимся в тяжелом положении мятежникам. Саул немедленно прекратил преследование и выступил против иностранцев. Но Давид назвал эту скалу Скалой спасения. После того как царь разбил филистимлян, он взял из армии три тысячи человек, чтобы полностью подавить восстание. Давид отступил дальше на восток, на границу Мертвого моря, в окрестности Энгеди, «на скалы диких коз», и здесь Саул загнал его в такое

затруднительное положение, что он отчаялся удержаться в Иудее и сбежал к филистимлянам со своими последователями. Восстание было подавлено.

Попытка Давида склонить колено Иуды к отколечению от Саула полностью провалилась. Изгнанный с земли, на которой он поднял знамя восстания, он больше не колебался и официально поступил на службу к филистимлянам, а те с радостью приняли поддержку храброго и умного мятежника, зная, что, хотя он и был когда-то их врагом, он уже доставил много хлопот в Иудее войскам Саула, чью силу они так часто ощущали на себе и который отнял у них власть над Израилем, и понимая, что его обида на своего благодетеля и господина может оказаться для них весьма полезной, царь Гата Ахиш, к которому Давид бежал во второй раз, заявил: «Он сделал так, что его народ Израиль полностью возненавидел его; поэтому он будет моим слугой навсегда». И он дал ему и его банде разбойников город Циклаг в качестве места жительства. Давид теперь обосновался в Сиклаге как вассал Ахиша. По приказу последнего он должен был выходить на битву, а также сдавать часть добычи, и из Сиклага на территории филистимлян он и его небольшая армия, все еще набиравшаяся из недовольных израильтян, бежавших к Давиду через границу, вели партизанскую войну против Саула и своей родной страны. В этих походах Давид был достаточно умен, чтобы пощадить своих бывших сторонников в Иудее, города, которые когда-то выступили на его стороне, и направить свои атаки исключительно против последователей Саула; он даже тайно поддерживал отношения со своей партией в Иудее и из добычи, полученной в результате своих военных и грабительских набегов, посылал подарки старейшинам тех городов, которые были к нему благосклонны.

Давид прожил некоторое время в Циклаге, когда филистимляне собрали все свои силы против Саула. Когда князья филистимлян просматривали армию и пропускали перед собой различные подразделения, Давид и его люди также пришли среди воинов Ахиша. Тогда другие князья сказали Ахишу: «Что делают здесь эти евреи? Пусть Давид не идет с нами на войну, чтобы он не стал нашим противником в сражении и не перешел к своему господину, чтобы снова завоевать расположение Саула, принеся ему наши головы». Ахиш доверял Давиду и сказал: «Он уже давно со мной, уже несколько лет. До сих пор я не нашел в нем ничего плохого». Но другие князья настаивали. Когда Ахиш сообщил Давиду, что тот не может сопровождать армию, тот ответил: « » «Но что я сделал и что ты нашел в твоём слуге за все время, что я был с тобой до сего дня, что я не могу пойти сражаться против врагов моего царя?» Но, несмотря на его настойчивое желание, Давид был отправлен обратно.

[около 1010-1002 гг. до н. э.]

Армия филистимлян проникла глубоко в Израиль, но к северу от территории колена Ефремова, на горе Гильбоа, Саул разбил лагерь напротив них с армией израильтян. Битва была ожесточенной. Авинадав и Малхишуа, сыновья Саула, пали, а сам Ионафан был убит. Ряды израильтян прорвались, и вражеские лучники достигли царя.

СМЕРТЬ САУЛА И БОРЬБА ЗА НАСЛЕДОВАНИЕ

Саул был полон решимости не пережить гибель своих сыновей и свое первое поражение. Он позвал своего оруженосца: «Вынь меч твой и убей меня, чтобы эти необрезанные не пришли и не пронзили меня и не надругались надо мной». Но верный слуга отказался поднять руку на своего господина; тогда Саул упал на свой меч, и оруженосец последовал примеру царя. Армия израильтян разбежалась в разные стороны, а жители многих городов спаслись от филистимлян, отступив через Иордан.

Страх, который Саул внушал врагам Израиля, и то, каким великим щитом он был для своего народа, проявились после его смерти. Израильтяне пели над ним плачи.

«Газель, о Израиль, убита на твоих высотах: как пали сильные! Не говорите об этом в Гате, не объявляйте об этом на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери филистимлян, чтобы не торжествовали дочери необрезанных. Горы Гилбоа, да не будет на вас росы, да не будет на вас дождя, да не будет на вас полей жертвоприношений. Ибо там презренно отброшен щит сильных, щит Саула. От крови убитых, от жира сильных лук Ионафана не отступал, и меч Саула не возвращался пустым. Саул и Ионафан были милы и приятны при жизни, и в смерти их не разделили: они были быстрее орлов, они были сильнее львов. Дочери Израиля, плачьте о Сауле, который одевал вас в багряное и другими удовольствиями, который надевал золотые украшения на вашу одежду. Как пали сильные посреди битвы! Филистимляне ликовали, когда нашли тело Саула на горе Гильбоа. Они забрали оружие мертвого царя и разослали его по всей своей стране, чтобы убедить всех, что страшный вождь Израиля действительно мертв. Затем оружие было повешено в храме Астарты. Голову трупа филистимляне отрубили от тела и повесили в храме Дагона; туловище и тела трех сыновей Саула они поместили на рынке в Беф-Шане, на территории колена Манассии.

Мужи Иавеша в Галааде, которых Саул когда-то спас в час великой нужды, поднялись и тайно украли труп Саула и трупы трех его сыновей с рынка в Беф-Шане, сожгли их в Иавеше и похоронили там под тамариском; и они постились и оплакивали Саула семь дней.

Но и другие колена также сохранили верную память о павшем царе. Выжил только младший сын Саула; он бежал через Иордан вместе с Авнером, военачальником Саула. Хотя одна битва уничтожила все, что Саул завоевал в долгих и мучительных сражениях, и хотя филистимляне снова стали хозяевами этой стороны Иордана, как в мрачные дни до правления Саула, племена за Иорданом признали Ишбошета () своим законным царем. Однако он был вынужден обосноваться в Маханаиме, к востоку от Иордана. Мужество и энергия Авнера позволили постепенно вернуть плоды филистимской победы при Гилбоа и освободить территорию северных колен, включая Ефрема и Вениамина, от ига филистимлян.

В то время как Авнель делал все возможное, чтобы спасти остатки царства Саула для сына царя и изгнать филистимлян из страны, Давид заботился о своих собственных интересах. После поражения на Гильбоа многие поспешили к нему в Циклаг. Давид был известным воином, и у него можно было найти защиту от вассалов филистимлян. Те города колена Иудина, которые формально присоединились к Давиду, теперь также в большинстве своем перешли на его сторону, и действительно, колено Иудина было более привычно, чем другие, к правлению филистимлян. Давид спросил у Иеговы, должен ли он подняться из Сиклага в какой-нибудь из городов Иудина, и Иегова ответил: «В Хеврон». Он так и поступил, «и пришли мужи Иуды и там помазали Давида царем над домом Иуды, ибо только дом Иуды последовал за Давидом». Таким образом, Давид добился того, чего не смог достичь при жизни Саула, и основал независимое государство на территории колена Иуды. Сначала он правил там из Хеврона в мире, как вассал филистимлян, пока Авнеру приходилось сражаться с последними. Но когда правительство Ишбошета вновь было установлено на севере и в центре страны, Авнеру, чтобы завершить освобождение Израиля, пришлось напасть на Давида, как он сделал это с филистимлянами.

«Между домом Саула и домом Давида была долгая война», — гласит предание. Она продолжалась несколько лет без какого-либо решающего исхода, пока разлад между Авнером и Ишбошетом не дал Давиду преимущество и, в конце концов, не принес ему трон Саула. Ишбошет, по-видимому, стал недоверчивым по отношению к Авнеру, которому он

всем обязан. Когда Авнера взял себе наложницу Саула Рицпу, Ишбошет подумал, что тем самым он намерен получить право на трон, чтобы самому захватить власть, и не скрывал своего недовольства. Тогда Авнера отвернулся от человека, которого он возвысил, и начал тайные переговоры с Давидом. Давид с радостью откликнулся на это.

С присущей ему хитростью он сначала потребовал вернуть ему его жену Михаль, дочь Саула, которую после восстания Давида Саул выдал замуж за другого мужчину. Давид знал о привязанности израильтян к Саулу и понимал, что ничто не приблизит его к трону так, как возобновление союза с семьей Саула; тогда, если из потомков Саула не останется никого, кроме его дочери, он сам станет законным наследником. Авнель послал ему Михаль и сам отправился в Хеврон, чтобы договориться о передаче царства. Соглашение было достигнуто. Абнер выполнил свою задачу и уже был на пути домой в Маханаим, когда Иоав, военачальник Давида, послал за ним, чтобы он вернулся. Он пришел, и Иоав отвел его в сторону под ворота, как будто хотел сказать ему что-то наедине, но вместо этого пронзил его тело мечом. Давид заявил о своей невинности (у Авнера, должно быть, было много друзей и последователей среди израильтян) и оплакивал его смерть. Тело было торжественно похоронено в Хевроне, и Давид шел в вретище за гробом, но Иоав остался безнаказанным. Более справедливым было плач израильтян по смерти Авнера. «Должен ли Авнером умереть, как умирает безбожный?» — пели они. «Руки твои не были связаны, и ноги твои не были скованны; как человек падает перед сынами беззакония, так падаешь ты».

[около 1002 г. до н. э.]

Когда весть о смерти Авнера дошла до Маханаима, «руки Ишбошета ослабели, и все израильтяне были в смятении». Столп царства пал. Два военачальника решили заслужить благодарность Давида. Пока Ишбошет отдыхал в своей спальне, они незаметно проникли в дом, отрубили голову своему царю и поспешили отнести ее Давиду в Хеврон. Это убийство, вероятно, также было на руку Давиду, поскольку приблизило его к цели, но он не вознаградил исполнителей — он велел повесить их обоих.

ДАВИД ЗАКРЕПЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ВЕНЕЦ

Трон Саула был вакантен, а Давид, муж его дочери, стоял во главе немалой силы; кого еще могли поставить на трон колена Израиля, которые подчинялись Ишбошету, если хотели положить конец печальному расколу и вновь объединить народ под единым правлением? Старейшины колен были достаточно мудры, чтобы правильно оценить ситуацию. Итак, весь народ собрался в Хевроне; на полном собрании Давид был возведен на престол всего Израиля и помазан старейшинами. Все были полны радости, гармонии и надежды, что после окончания долгой братской вражды теперь настанут лучшие времена.

Прошло восемь лет с тех пор, как Саул пал на Гильбоа, и Давид наконец достиг цели, к которой он упорно стремился, пережив столько перемен в судьбе. Но он не чувствовал себя в безопасности, пока были живы мужские потомки Саула. Тем не менее, он не хотел сам поднимать на них руку. Теперь хивеи из Гаваона питали смертельную ненависть к семье Саула, потому что «в своем рвении за детей Израиля» Саул жестоко обошелся с ними. Давид предложил «искупить зло, которое Саул им причинил», и тогда они потребовали: поскольку их земля не приносила плодов в течение трех лет, семь мужчин из семьи Саула должны быть переданы им, «чтобы быть повешенными перед Иеговой в Гивее», родине Саула. Выжили только семь мужских потомков Саула: два сына его наложницы Рицпы и пять внуков,

которых старшая дочь Саула родила Адриэлю. Давид взял их и «выдал в руки гаваонитян, и они повесили их на холме перед Господом».

Только Мефибошета, сына Ионафана, Давид пощадил, помня свою клятву дружбы Ионафану. К тому же Мефибошет был молод и хромоног; в ночь ужаса после битвы при Гилбоа его кормилица уронила его. Давид оставил ему его наследство в неприкосновенности, в той мере, что ему было позволено завладеть долей Саула в Гивее, и царь приказал перенести кости Саула и Ионафана из Явеша в Зелу, близ Гивеи, где покоился отец Саула. В колене Вениамина, которое принадлежало Саулу, и среди друзей его дома не забыли о деяниях Давида; эти люди ненавидели «Давида, человека кровожадного».^c

СНОСКИ

ДРЕВНИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ИСТОЧНИК

ГЛАВА V. ЦАРСТВОВАНИЕ ДАВИДА

[около 1002-990 гг. до н. э.]

Взгляды всего Израиля были теперь обращены к Давиду. Все колена Израиля в лице своих вельмож пришли в Хеврон и сказали: «Вот, мы — твоя кость и твоя плоть. Более того, в прошлые времена, даже когда Саул был царем, ты был тем, кто выводил и приводил Израиль, и Господь, Бог твой, сказал тебе: ты будешь пасти народ Мой, Израиль, и будешь правителем над народом Моим, Израилем». Тогда старейшины Израиля помазали Давида на царство перед Господом в Хевроне. Ничто не выражает более ясно, чем эти слова нашего летописца, идею, которая вдохновила весь Израиль призвать Давида на престол Саула. Он все еще жил в их памяти как прославленный вождь в борьбе с филистимлянами. А память о днях Саула, должно быть, была тем ярче, чем более бесславным и жалким казалось настоящее.

Поэтому Давид не мог сомневаться в своей первой задаче как новоизбранного царя Израиля. Израиль должен был снова стать свободным, а филистимляне должны были быть отброшены на свои берега. Ничего другого не имелось в виду, когда племена пригласили его стать их князем. И, как и Саул в прежние дни, только таким образом Давид мог навсегда сохранить доверие, с которым племена обратились к нему при его помазании.

В стране филистимлян также быстро осознали значение того, что произошло в Хевроне. Вероятно, не потребовалось много слов и сообщений, чтобы объявить, что положение вассала Филистии, в котором до сих пор находился Давид, подошло к концу. Если царство Саула перешло к Давиду, то между ним и филистимлянами дело Израиля по-прежнему сохраняло те же права, что и во времена Саула. Несмотря на это, Давид, по-видимому, подвергся нападению раньше, чем он мог ожидать; сразу же, как только стало известно о его помазании в Хевроне, филистимляне вторглись в Иудею. Давид, по-видимому, был застигнут врасплох, и попытка Израиля обрести независимость через него была пресечена в зародыше. Бейтлахом (библейский Вифлеем), родной город Давида, был быстро оккупирован, а Хеврон оказался под угрозой. Давид был предупрежден, но, не имея времени

созвать ополчение, был вынужден поспешно отступить в пещеру Адуллама, которая давно была ему доверена в качестве крепости. Здесь он, по-видимому, пробыл некоторое время, пока не собрал свои силы, и позже ему удалось нанести значительное поражение филистимлянам, которые разбили свой лагерь в земле великанов, так называемой равнине Рефаим к северу от Иевуса, напротив Гаваона.

Но следует признать, что филистимляне не были уничтожены и даже не были просто умиротворены этим. Борьба возобновилась после второго вторжения врага в Иудею. Повелев Иегове, Давид обошел филистимлян, которые снова разбили лагерь в земле великанов, и атаковал их с севера, *то есть* с тыла. Он разгромил их от Гаваона до Гезера.

На время филистимляне, казалось, успокоились после двух поражений, которые Давид нанес им за столь короткое время. Но их сила еще не была сломлена, и Давиду пришлось сражаться во многих и, несомненно, тяжелых битвах, прежде чем Израиль обрел покой от филистимлян. Многие воспоминания о Давиде и его героях, многие смелые подвиги его доблестного войска жили в последующих поколениях и относились именно к этой борьбе. В один момент на карту поставлена сама жизнь Давида, в другой — убит Голиаф из Гата, враг, чье имя было дано неизвестному филистимскому великану, которого Давид убил ранее. Наконец, в решающей битве Давид удаётся завоевать столицу филистимлян и вместе с ней всю их страну. С этого момента власть филистимлян сломлена. Впоследствии они больше не появляются в качестве врагов Израиля. Со времен Давида отношения между двумя народами в основном мирные. Несмотря на свои победы, Давид не подчинил Филистию и не уничтожил ее национальность. Он был доволен тем, что вернул Израилю его положение, победил врага и сохранил с ним мир. Похоже, что между соперниками даже установились умеренно дружеские отношения. Филистимляне теперь настолько мало считались наследственными врагами Израиля, что Давид выбрал из их числа свою телохранителей.

Но Давид не был доволен достигнутым успехом. Израиль должен был не просто быть свободным. Израиль должен был быть единым и подняться до положения, вызывающего уважение соседних государств. Шаг за шагом Давид приближал эту цель к осуществлению. Он научил племена выражать свою сплоченность по-новому и лучше, чем это было возможно раньше; он приготовил их к тому, чтобы они могли направлять свою судьбу в соответствии с его собственным идеалом; благодаря ему Израиль на время даже смог получить решающий голос в совете народов Передней Азии, которые жили к западу от Евфрата. Неудивительно, что Израиль не знает более великого царя, чем Давид, и что его имя для самых дальних потомков является выражением всего великолепия и всего блеска, которые только можно было вообразить в Израиле. Давид был и остается величайшим человеком после Моисея в истории Израиля и в то же время самым популярным.

Не работа Давида пробудила в племенах Израиля осознание того, что они составляют единое целое, единый народ, и что в течение переходного периода они действовали как единая нация. Моисей, а позже Саул и даже Дебора для некоторых племен выразили этот идеал единства и временно реализовали его. Племена, должно быть, уже давно знали, что они являются частями единой нации. Но всегда, как это проявилось в последнее время в Сауле, не хватало силы, чтобы сохранить то, что было временно приобретено. Даже когда свобода была завоевана, особенно нужен был национальный центр, вокруг которого могла бы собираться жизнь нации, как политическая, так и религиозная. Только когда это было достигнуто, объединение могло быть действительно полным, и любая постоянность могла быть гарантирована для свободы, завоеванной мечом. Саул, проявив невообразимую близорукость, мало что сделал для достижения этой цели. Национальное святилище, сначала утраченное, а затем вновь обретенное, он оставил в темном уголке Израиля, а свою

королевскую резиденцию основал в своем родном городе Гиве в колену Вениаминовом, где он жил как крестьянин и которое не имело ни прошлого, ни будущего — лучшее доказательство того, что Саулу не хватало царских качеств. Давид видел дальше, чем Саул. Если Саул был способным воином, который, вложив меч в ножны, возвращался к своему скоту в Гиве, то Давид, напротив, был прирожденным правителем. Он понимал, что религия и национальная жизнь нуждаются в центре, единство — в основе, национальная власть — в месте собрания — короче говоря, что для сохранения единства и независимости страна должна иметь столицу, достойную королевской власти и способную ее обеспечить.

[около 990 г. до н. э.]

Сразу после окончания первых филистимских войн Давид приступил к реализации этой цели. Его выбор свидетельствует о его гениальности. Хеврон, расположенный на южной оконечности страны и являющийся к тому же столицей его собственного племени, не мог подходить ни по своему положению, ни по племенному характеру для того, чтобы стать центром нового царства, которое должно было превосходить древние племенные различия. Резиденция Саула в Гиве была непригодна по аналогичным причинам и, вероятно, также не имела стратегического значения. С другой стороны, крепость Иевус, как никакое другое место в Израиле, отвечала тому, что искал Давид. Обладая природными характеристиками почти неприступной крепости со стратегической точки зрения, Иевус является одним из самых важных мест в стране. Находясь в центре транспортных путей между Средиземноморьем и Востоком, а также между Сирией и Египтом, она является естественным центром торговли и коммерции. Поскольку она все еще находилась во владении хананеев, она хорошо подходила для того, чтобы оставаться в стороне от борьбы за превосходство между племенами. Кроме того, поскольку он находился недалеко от места рождения Давида, Иевус обеспечил сохранение царства Давида и связи с коленом Иуды, которая в определенной степени была незаменимой. Фактически, выбор Давидом Иевуса — впоследствии называемого Иерусалимом в Ветхом Завете — в качестве столицы своего царства был актом, имевшим неисчислимое значение. Совершенно невозможно сказать, что стало бы с Иудеей и трон Давида в веках, последовавших за смертью Соломона, если бы не владение Иерусалимом. О роли, которую Иерусалим сыграл в судьбе Израиля как до, так и после изгнания, знает каждый, кто знаком с этой историей. Если успешная борьба Давида за свободу против филистимлян была первой жемчужиной, которую он добавил к своей новоприобретенной короне, то второй стала город Иерусалим, который он теперь завоевал и возвысил до статуса королевского города Израиля.

До этого времени Иевус был пережитком той обширной территории, которая вместе с Гаваоном, Бееротом, Кир'ят-Иеаримом и Кефирой составляла ханаанскую полосу земли, которая когда-то, в период завоевания и в течение значительного времени после него, входила в состав владений Израиля. Со временем большая часть этой земли, столь долго находившейся за пределами Израиля, была поглощена. В конце концов, Саул приложил все усилия, чтобы решить этот вопрос силой. Только Иевус с его крепкой скалистой цитаделью Сион упорно сопротивлялся всем нападениям. Его владельцы, по-видимому, образовали небольшой кананеевский народ, названный в честь своего города иевуситами.

ДАВИД ПОСЫЛАЕТ УРИЯ К ИОАБУ

Попытка Давида завоевать иевусеев и их город для Израиля мирными средствами закончилась неудачей. Их скалистое гнездо, Сион, казалось иевусеям настолько крепким, что для его защиты хватило бы хромых и слепых. Не смущаясь их презрением, Давид прибег к силе и штурмом взял город и цитадель. Он сам занял цитадель и назвал ее цитаделью Давида (городом Давида), предварительно отреставрировав здание для своих нужд. Говорят, что Хирам из Тира, для которого дружба с могущественным соседом, должно быть, имела большое значение, помог ему, предоставив кедровое дерево и рабочих. Кажется, что бывшие хозяева города, как и филистимляне после них, не были подвергнуты обычным военным наказаниям, а были пощажены. По крайней мере, в более поздние времена мы видим, что иевусеи жили вместе с израильтянами в Иерусалиме.

ВЕЛИЧИЕ ДАВИДА ВО ВРЕМЯ МИРА

Но завоевание Иерусалима Давидом и выбор этого города в качестве столицы страны имели еще одно значение. Королевское святилище было необходимым дополнением к

резиденции царя и столице страны. Но религия в Израиле была народным учреждением. Ни одно дело, касавшееся всего народа, не могло обойтись без нее. Национальная столица, центр жизни народа, должна была, чтобы соответствовать своему назначению, быть также центром религиозной жизни. Поэтому, чтобы Иерусалим как столица стал тем, чем он мог быть и чем он фактически стал для Израиля благодаря Давиду, он должен был быть центром поклонения Иегове.

Еврейский царь, совершающий религиозный обряд

Величие Давида поднимается на еще более высокий уровень благодаря тому, что он думал и об этом. Историю творит человек, который осознает дух своего времени и своей страны и способен выступить вперед и действовать решительно в соответствии с ним. Давид понял, что дух его народа и его судьба проявляются только в тесной связи национальной и религиозной жизни. Он видел самое сокровенное внутреннее существование своего народа, согласно которому он должен быть народом религии, народом Божьим. Таким образом, он сразу стал историческим и, что было неотделимо от этого, религиозным героем Израиля. Нам не нужно ни игнорировать слабости и деспотические прихоти Давида, ни превращать этого человека, по природе героя, в слабого святого, чтобы оценить его глубокий религиозный характер и его значение для религии Израиля. Как Давид прославил прошлое Израиля, так он сделал и для его будущего, и в дни бедствий его имя возродило угасающую надежду и веру Израиля в Бога. Иегова, Бог Израиля, стал через него главным обитателем Иерусалима, соседом и почти домашним товарищем, нет, более того, хозяином и отцом его царя. Иерусалим, царский город, является одновременно городом Бога, святым городом; династия Давида — царский дом Иеговы, а ее члены — сыновья Иеговы, и даже герой последних дней, который спасет Израиль и мир от всех их бедствий, отныне не может быть изображен иначе, как второй Давид, великий сын и прообраз славного основателя святого города.

Древняя святыня времен Моисея, Ковчег Божий, была почти забыта со времен злых дней, когда она попала в руки врага. Филистимляне, пораженные торжественным страхом, действительно восстановили ковчег. Но ни Саул, ни священники из Нова, сменившие священников из Силома, ни кто-либо другой в Израиле не проявили к нему интереса. Могло показаться, что его пребывание в стране врагов осквернило его. Или, вероятно, та небольшая удача, которую он принес войскам Израиля в Афеке, пошатнула веру в его силу.

Но не Давид. Сомнения суеверного Саула и его времени не пугали его. Он видел, чем был Ковчег Божий и что он был тем, в чем он нуждался: древним святилищем Израиля, которое обеспечивало присутствие Иеговы в пустыне и с которым были связаны великие воспоминания. Для него тот факт, что он долгое время, и, возможно, в первую очередь, находился у колена Иосифа, мог быть лишь дополнительным поводом для того, чтобы вновь вернуть ему честь. Все должно было зависеть от того, сможет ли он привлечь на свою сторону и в Иерусалим эту северную группу колен.

Таким образом, Ковчег Божий был доставлен в торжественной процессии и в присутствии всего народа из Баал-Иегуды [Библия, Баала (Kirjath-jearim) в Иудее], где он находился в доме частного лица. Но несчастный случай, который произошел с возницей повозки, на которой его везли, озадачил Давида. Его опасения, что рука благословения Иеговы была отнята от ковчега, теперь казались обоснованными. Он не осмеливался везти его в Сион. Только когда даже иноземец, Овед-Эдом из Гата, в чьем доме ковчег простоял три месяца, получил от него благословение, Давид осуществил свой замысел. С радостью и звуками труб народ привел Иегову в Сион. Сам Давид, одетый в льняную одежду священника, танцевал перед ковчегом и исполнял обязанности первосвященника перед Иеговой в Сионе. Михаль, гордая дочь Саула, стыдилась своего мужа за то, что он унизил себя перед своими слугами и служанками. Давид же гордился тем, что был удостоен чести перед Иеговой. В нем была подлинно религиозная натура, которая не стеснялась доходить даже до грани того, что даже для того времени считалось религиозной эксцентричностью.

Должно быть, удивительно, что Давид не построил храм для Ковчега. Если он привез его в свою столицу и свой дворец, он, должно быть, также намеревался воздвигнуть там подходящее место для Иеговы. Поскольку он этого не сделал, он, должно быть, руководствовался особыми причинами и соображениями. Если, как намекает история Самуила, Ковчег уже имел свой собственный храм в Силоме, то можно с уверенностью сказать, что только божественное оракуло могло удержать Давида от постройки подходящего храма. Без такого определенного заявления о воле Иеговы, если бы Давид не построил храм, это было бы преступным безразличием и преступным пренебрежением к величию Иеговы. Следовательно, нет реальных оснований дискредитировать как позднее изобретение традицию о твердом намерении Давида построить Иегове храм на Сионе и о предотвращении этого пророческим предсказанием. Довольно позднее составление писаний, касающихся этого, не может быть принято во внимание ввиду таких неопровержимых внутренних оснований для правдивости этого факта. Более того, вполне вероятно, что уже в этом случае пророческое предсказание дало Давиду перспективу продолжения его династии.

ВЫСОКОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ

[около 990-980 гг. до н. э.]

Давид не мог спокойно наслаждаться тем, что уже приобрел. Вряд ли могло быть иначе, да и сам Давид вряд ли хотел бы этого. Если Израиль должен был стать хозяином Сирии, если его границы должны были быть защищены, а независимость, столь часто оспариваемая соседними народами, должна была стать неоспоримой, то необходимо было уладить отношения с остальными соседями. Давид не мог довольствоваться завоеванием царства над всем Израилем и свержением филистимлян. Повод, который был нежелателен для Давида, пришел извне, из Аммона. Аммонитяне вскоре присоединились к различным арамейским народам, так что, победив их, Давид стал хозяином всей приграничной территории к северу и востоку от Израиля.

Весьма сомнительно, были ли аммонитяне окончательно покорены. Позднее их территория не принадлежала Израилю, но, вероятно, в времена Давида она ему принадлежала. В любом случае, грабительские восточные племена, которые так часто угрожали Израилю, на данный момент были приведены в состояние покоя. Граница царства Давида теперь была обеспечена на востоке вплоть до пустыни. На севере его власть простиралась до Ливана и Хеврона. Даже правители территорий, лежащих дальше на севере и востоке, стремились к дружбе с ним. Например, царь Тои из Хамата на Оронте, который жил в вражде с Хадад-Эзером и, следовательно, мог быть только благодарен Давиду за его свержение. Также царь Талмай из Гешура, района Хермона, к юго-западу от Дамаска. Его дочь была одной из жен Давида. Она стала матерью Авессалома.

У финикийцев было еще больше причин, чем у этих северных соседей, поддерживать хорошие отношения с Давидом. Существование в глубине Палестины мощного и хорошо организованного государства, к которому стремился Давид, могло принести их торговым операциям только выгоду. Их царь Хирам из Тира заключил с Давидом дружественный союз, который продолжался и при Соломоне.

Таким образом, царство Давида простиралось от Красного моря до Ливана. Оно было правящей силой в Сирии. Оно обладало неоспоримой властью. У него больше не было противников, которых стоило бояться. После Давида наибольшая заслуга в этом успехе принадлежала Иоаву, его главному полководцу, особенно с учетом того, что в последнее время Давид не часто выходил на поле боя. С самого начала и до конца он оставался верным Давиду, не колебавшись ни перед какими бурями и превратностями судьбы — воин, чей острый меч никогда не знал поражения, но также человек грубой жестокости и необузданного эгоизма, для которого никакие узы не казались священными, а никакие средства — неприемлемыми.

Очевидно, что в таких сражениях, которые ему приходилось вести со всех сторон, Давид нуждался в тщательно управляемой и хорошо дисциплинированной армии. Ядро его войск, своего рода гвардия, на которую он мог безоговорочно полагаться, состояло из шестисот человек, которые давным-давно, во времена его бегства от Саула, собрались вокруг него и остались верны ему во время его преследования. Когда Давид стал царем, они, конечно же, остались с ним. Отныне они представляли его телохранителей и носили имя *Гибборимов*, «героев». На войне им, естественно, поручались особые задачи. Пробелы в рядах этих отборных войск, образовавшиеся в результате многочисленных войн Давида, были впоследствии восполнены после побед над филистимлянами — по причинам, которые объясняются назначением этой силы как королевской охраны. Новобранцы были в основном иностранцами из Афин (), особенно филистимлянами () и критскими наемниками родственной расы. Таким образом, вся эта сила вскоре получила название критян и филистимлян.

Несмотря на то, что этот отборный отряд всегда был важен для Давида, он не мог быть достаточным для его великих походов. Давид понимал, что для войн, которые ему

приходилось вести, Израилю была необходима постоянная и надежная военная организация даже в мирное время, чтобы войска Израиля находились под наблюдением и ни одно племя не могло уклониться от своих обязанностей в момент войны. Перепись населения, проведенная главнокомандующим Давида Иоавом, служила этой цели. Она должна была обеспечить контроль над теми, кто был способен носить оружие в Израиле, и создать основу для этой организации. Иоав провел три четверти года в пути; он продлил свое путешествие до Кадеша на Оронте, столицы некогда могущественной Хеттской империи, которая, следовательно, если это утверждение верно, также была покорена Давидом. Вскоре после этой переписи на Израиль обрушилась разрушительная чума. В этом Давид узнал руку мести Иеговы. У нас есть и другие основания полагать, что реорганизация армии Давидом не была причиной его успеха в борьбе с соседними народами. Похоже, что она была предпринята только в результате информации, собранной здесь, и как мера, которая могла бы оказаться полезной в последующий период.

Конец истории Давида, насколько он не доминируется хорошо известными событиями в его собственной семье, можно сказать, состоит из двух эпизодов, которые касаются его отношений с немногими выжившими членами семьи его предшественника Саула. Они, вероятно, относятся к времени до зарубежных войн Давида, но в нашем повествовании не имеют исторической последовательности, поэтому трудно точно определить их дату. Второй из них следует судить по первому.

Согласно ему, Давид, несомненно, через некоторое время после того, как все царство Саула перешло к нему и он прочно утвердился в Сионе, почувствовал себя обязанным проявить милость к выжившим потомкам Саула в память о дружбе, которая связывала его с сыном Саула, Ионафаном. После расспросов выяснилось, что сын Ионафана по имени Мерибаал (или Мефибошеф) все еще жив. Он был хромым с детства и, по-видимому, жил в глубокой изоляции — вероятно, из страха перед местью Давида — в Лодебаре. Давид приказал привести Мерибаала к себе и подарил ему владения его деда. Поэтому можно предположить, что на время Давид взял на себя эту заботу. Однако он должен был поселиться в Иерусалиме, а слуга Саула, Зива, должен был возделывать поместье в Гивее. Здесь Давид сочетает великодушие и политику. Он великодушно прощает Мерибаала, который мог считать свою жизнь потерянной, и дарит ему королевские подарки. Но он также не забывает отделить принца от его семьи и королевского престола Саула и держать его под своим присмотром в Иерусалиме. Он, как и вельможи Вениамина, должен был быть удален от всего, что могло напоминать им о древних притязаниях Саула.

Если Давид проявил здесь великодушие, которого никто не мог от него ожидать, то вряд ли в другом случае, о котором нам известно, он был под влиянием желания истребить дом Саула. Город Гаваон, который древний договор гарантировал в его ханаанской целостности, пострадал от насилия со стороны Саула «в его рвении за Израиль». Можно предположить, что он напал на Гаваон и казнил часть хананейского населения. За это нарушение веры вина за пролитую кровь лежала на Сауле и Израиле и должна была быть искуплена. Во времена Давида, через некоторое время после вышеописанного события, земля в течение трех лет страдала от засухи и голода. Давид спросил об этом у Иеговы, и причиной было названо кровное преступление, лежащее на доме Саула, а значит — на Израиле, поскольку царь представляет народ. Граждане пострадавшего Гаваона должны были решить вопрос об искуплении. Они требовали крови за кровь; семь мужских потомков Саула были переданы гаваонцам и «повешены перед Иеговой». Это были два сына Саула от его наложницы Рицпы, которая когда-то вызвала разлад между Авнером и Эшбаалом (Ишбошетом), а также пять внуков Саула от брака Мераб (правильное прочтение вместо Михаль, *lxx. Luc. Pesh.*) с Адриелем, сыном Барзиллая из Авель-Мехолы. Сын Ионафана, Мерибаал, был пощажён ради братских уз Давида с Ионафаном. В своей глубокой материнской любви Рицпа бодрствовала

у своих убитых сыновей, отгоняя диких зверей и хищных птиц от трупов, пока наконец не пошел дождь, как знак того, что гнев Иеговы был умиротворен. Теперь тела можно было похоронить. Давид собрал их кости и поместил в родовую гробницу Киша в Гивее. Дом Саула пал, но едва ли с согласия Давида — это было жертвоприношение религиозным верованиям того времени.

ДАВИД И АВСАЛОМ

[около 990-970 гг. до н. э.]

Давид славно победил врагов Израиля, но не сумел овладеть своими неуправляемыми страстями. Тот же человек, который мог шаг за шагом вести свой народ с силой и ловкостью, не обладал достаточной твердостью воли, чтобы воспитать своих собственных сыновей. Горькие плоды не могли не появиться. Наши записи рассказывают эту историю с явной объективностью, с неумолимой беспристрастностью и с высокой моральной точки зрения, которой трудно найти аналог.

Ворота Иоппы, Иерусалим

Пока Иоав находится с армией перед Раббатом-Аммоном, Давид прелюбодействует с женой военачальника, ушедшего на войну. Чтобы уйти от ответственности за неизбежные последствия, Давид посылает Урию, мужа, домой с вестью о ходе войны. Но, якобы из чувства солдатского долга, хотя он, вероятно, знал, что произошло, он отказывается навестить свою жену и спешит обратно в армию. Теперь остается только один способ скрыть проступок царя. Давид дает Урии письмо к Иоаву, которое избавляет его от надоедливой обвинителя. Иоав должен поставить его на опасное место в битве () и оставить его на произвол судьбы. План удастся; жена Урии, Вирсавия, должным образом оплакала своего супруга, а затем стала женой своего соблазнителя.

Когда Вирсавия родила ребенка, то, что Урия уже подозревал или обнаружил, больше нельзя было скрывать, и пророк Нафан становится выразителем общественного сознания.

Сначала в притче, а затем прямым языком он объявляет Давиду суд Иеговы. Давид, проявив тем самым свое истинное величие, вместо того, чтобы разгневаться на Нафана, признает свою вину. Ребенок заболел и, несмотря на молитвы Давида, умер через семь дней. В смерти ребенка Давид признает суд Иеговы над своим собственным грехом. Но он не может помешать тому, чтобы его пример быстро принес плоды в виде зла в его взрослых сыновьях.

Его первенец, Амнон, поглощен страстью к своей сводной сестре Тамаре. С помощью уловки, предложенной беспринципным льстецом при дворе, ему удается заполучить ее в свою власть. Притворная болезнь служит поводом для ее визита к нему. Когда дело сделано, он грубо отталкивает от себя опозоренную девушку с безжалостной жестокостью, что является верным признаком того, что им двигал не любовь, а дикое желание.

Следя за рассказом летописца о том, как злое деяние породило зло, мы словно наблюдаем за греческой трагедией судьбы. Теперь в роковой последовательности вина накладывается на вину. Отец начал с открытого прелюбодеяния, а затем попытался скрыть свою вину лицемерием и покрыть ее кровью. Поэтому он не мог удивляться, что его дети не побоялись попрания чести и даже инцеста, а оттуда перешли к убийству и мятежу.

После того, что он сам совершил, Давид не имел мужества наказать преступление Амнона, кроме как словами. Поэтому другой его сын, брат Тамары Авессалом, взял на себя ответственность отомстить за оскорбление своей сестры. Но он знал, как дожидаться подходящего случая. Спустя два года после совершения преступления Авессалом пригласил царский двор на праздник стрижки овец в свое поместье Баал-Хазар. Амнон и другие князья присутствовали на празднике. Во время трапезы Амнон был застигнут врасплох людьми Авессалома. Остальные бежали домой, а Авессалом — в Гешур к своему деду Талмаю. Он пробыл там в изгнании три года, пока благодаря хитрости Иоава ему не удалось изменить отношение царя к себе. Авессалому разрешили вернуться в Иерусалим, но еще два года ему было запрещено появляться перед царем. Наконец, снова благодаря вмешательству Иоава, ему удалось добиться полного помилования.

Прощение Авессалома не принесло Давиду ничего хорошего. К амбициозному и властному характеру сына теперь прибавились злоба и желание отомстить за то зло, которое, как он считал или утверждал, было ему причинено. Утвердившись в своих правах на престол, он воспользовался своим новообретенным положением, чтобы отнять сердца народа у стареющего царя. И, не довольствуясь перспективой в конечном итоге стать законным преемником своего отца, он разработал злобный план преждевременного смещения царя. В течение четырех лет он тайно готовил то, что замыслил, завоевывая народ королевским великолепием и популярной мягкостью, а также набирая соучастников и соратников для своих вероломных планов. Полностью подготовившись, он перешел к открытому восстанию против ничего не подозревающего царя.

[около 970 г. до н. э.]

Он пожелал, с разрешения царя, принести жертву в древнем священном Хевроне, заброшенной и, следовательно, недовольной столице Иудеи. Посланцы, которые покинули Иерусалим одновременно с ним, объявили по всему Израилю о приближающемся престолонаследии Авессалома. Здесь, в Хевроне, при поддержке вождей еврейских колен, Авессалом развернул знамя восстания. Вскоре вокруг него собралось значительное число израильтян.

Для Давида известие о восстании Авессалома было как гром среди ясного неба. Оно застало его врасплох и совершенно неподготовленным. Не только в Иудее, но и в остальной

части Израиля правительство Давида, должно быть, вызывало недовольство. Помимо шестисот верных последователей, он, по-видимому, на тот момент мог рассчитывать лишь на небольшую поддержку в стране к западу от Иордана. Только восток, который ранее твердо поддерживал дом Саула, по-видимому, остался ему верным. Даже в своей крепкой столице он ни на мгновение не чувствовал себя в безопасности от внезапного нападения Авессалом и решил покинуть ее.

Даже сейчас, оказавшись в самом тяжелом положении за всю свою бурную жизнь, Давид не утратил веру в Бога, мужество и мудрость, которые так часто поддерживали его. Оставив свой гарем во дворце, он бежит через Кидрон к Иордану. Его телохранители, слуги и все, что у него осталось, сопровождают его в бегстве, включая священников Садока и Авиафара с Ковчегом Божьим. Давид просит их вернуться в Иерусалим; он лелеет надежду, что Иегова не покинет его город. Кроме того, священники смогут тайно сообщать ему через своих сыновей Ионафана и Ахимааза о том, что происходит в городе. С той же целью он отправляет обратно верного Хушай, поручая ему выступить в качестве сторонника Авессалом и сорвать планы коварного Ахитофела, перешедшего на сторону Авессалом.

Давид вскоре узнал, что призыв Авессалом к Израилю нашел отклик и в доме Саула и в его племени. Он еще был на Елеонской горе, когда управляющий Мерибаала, Зива, встретил его с вестью, что его господин присоединился к Авессалому в надежде вернуть трон своего деда. Вскоре после этого в Бахурине к нему приходит известный вениамитянин Шимей. Он встречает его с яростными упреками, которые достаточно ясно показывают, насколько свежо было в памяти многих непримиримых воспоминание о Сауле и кровавом падении его дома, хотя Давид в этом не был виноват.

Авессалом овладел пустой столицей. Он показал народу, что он вступил в наследство Давида, присвоив себе его гарем. Если Авессалом хотел укрепить свой трон, Давид должен был быть сначала устранен. До того, как он собрал армию, это было бы легко, поскольку Авессалом уже имел значительные силы. Учитывая текущее положение дел, именно такой совет дал Ахитофел. Но судьба Авессалом распорядилась так, что он не последовал этому совету. Княжескому сыну льстило, что один из бывших сторонников Давида также высказал свое мнение. Хушай удалось обмануть обманутого человека, и его судьба была предрешена. Он сыграл на страхе Авессалом перед храбрым и смелым войском Давида и убедил его подождать, пока он не соберет вокруг себя силы всего Израиля. В то же время он сообщил Давиду через священников о том, что он посоветовал.

Давид теперь был хозяином положения, и его решение было принято немедленно. Он перешел Иордан, отправился в бывшую столицу Эшбаала (Ишбошета), Маханаим, и использовал предоставленное ему время для сбора армии.

Тем временем Авессалом также перешел Иордан. В стране к востоку от этой реки сражения было не избежать. Армия Давида шла тремя отрядами под командованием Иоава, Авияшай и гиттеянина Иттая. Командиром Авессалом был племянник Давида Амас, сын измаильянина Итры и сестры Давида Авигеи. Сам Давид, по настоятельной просьбе своего народа, остался в Маханаиме. В лесу Ефрема — который, вероятно, был названием лесистой местности к востоку от Иордана — произошла решающая битва. Войско Авессалом, хотя и было гораздо более многочисленным, поскольку оно представляет собой «весь Израиль», не смогло противостоять воинам Давида. В спешке бегства Авессалом запутался своими длинными волосами в ветвях терпентина. Мул мчался дальше. Качаясь между небом и землей, он был найден простым солдатом, который сообщил Иоаву о том, что он видел. Этот жестокий воин не знал пощады. Даже специальный приказ Давида, который сдерживал солдата, не встречает у него никакого уважения. Он осуждает слабость человека и сам втыкает три дротика в тело Авессалом. Сразу после этого он дает сигнал трубой, чтобы

объявить об окончании преследования. Тело Авессалома бросают в яму и засыпают камнями.

Давид, сидя у ворот Маханаима, ждет результата. Страж замечает человека, бегущего с поля битвы, затем второго: в первом он узнает сына Садока, Ахимааза, который уже хорошо проявил себя в Иерусалиме в качестве гонца. Опередив гонца Иоава, он приносит весть о победе Давида. Сердце отца думает только об Авессаломе. На вопрос о нем Ахимааз уклоняется от ответа. Тем временем подбегает другой бегун и без обиняков рассказывает о том, что произошло. Царь задрожал. Глубоко взволнованный, он поднялся в верхнюю комнату ворот и громко зарыдал о своем сыне. Он долго оставался там в своей горе, не обращая внимания на победоносную армию, которая тем временем подошла. Иоав был очень разгневан таким отношением к его храбрым и верным войскам. Только его энергичные слова смогли побудить царя опомниться и овладеть своим горем.

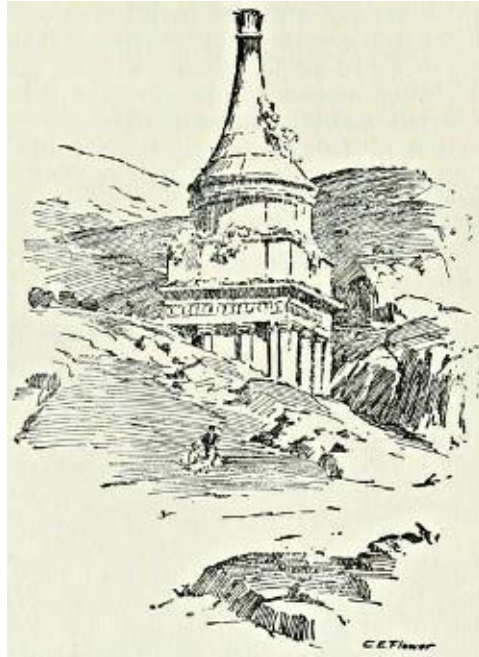
Как и следовало ожидать, после того как меч произнес свое слово, совесть народа пробудилась. Восставшие колена, помня о долге благодарности Израиля Давиду и, возможно, подчиняясь древней вражде к Иуде, вновь с покаянием обратились к Давиду. Только Иуда по-прежнему оставался в оппозиции. Совершенно очевидно, что племя Давида было родиной заговора. Первым делом, как полагал Давид, было завоевать его доверие. Он вступил в переговоры со старейшинами племени Иуды и даже предложил Амаса место Иоава в армии. Возможно, таким образом была устранена давняя причина недовольства Иуды.

Теперь люди Иуды с большими почестями переправили Давида через Иордан, а упомянутый ранее Шимей присоединился к ним во главе тысячи бенямилян. Давид великодушно простил его. Зива тоже активно служил Давиду. Вскоре появился и хромой Мерибаал, чтобы оправдаться от обвинений Зивы. Давид, не до конца веря в его невиновность, вернул ему только половину его имущества. В Галгале остальная часть армии встретила свиту Давида. Превосходство, оказанное Давидом упрямым людям Иудеи, породило вполне понятную вражду. Вражда между севером и югом угрожала вспыхнуть заново.

Действительно, часть племени Давида даже сейчас не могла сдержать свою вражду к нему. Шеба-бен-Бихри из колена Вениамина вновь призвал к оружию против царя. Значительная часть Израиля, по-видимому, снова откликнулась на призыв к восстанию. Но на этот раз Иуда остался непоколебимым и проводил Давида обратно в Иерусалим. В соответствии с обещанием Давида, Амаса должен был созвать ополчение Иуды, чтобы противостоять мятежникам. Иоав не был человеком, способным терпеливо сносить оскорбление, которого он не вполне заслуживал. Поскольку Амаса задерживался, Иоав снова сумел сделать себя незаменимым для царя. Давид послал его вместе с телохранителями на битву против Шебы. В Гаваоне они наткнулись на Амаса. Как и Авнера до него, он пал от руки Иоава.

Мятежники ушли на север. Иоав преследовал их и загнал до самых границ израильской территории. В Авель-Бет-Маахе, недалеко от Дана и истоков Иордана, Шеба сумел оказать сопротивление. Иоав приготовился штурмовать город. Тогда, в ответ на его требование « », голову мятежника бросили ему через стену. Иоав ушел и пощадил верный город.

На этом контроль Давида над ходом событий заканчивается. То, что последовало за этим, едва ли было его делом. Возможно, в течение спокойного и безмятежного периода Давид все еще держал бразды правления в Израиле; затем мы видим его изможденным стариком, едва владеющим своей волей и находящимся в руках двора и гарема, не слишком благородных в своих целях и методах. С точки зрения истории, Давид исчез с арены.

Столп Авессалом

В свете истории характер Давида вырисовывается более четко, чем характер Саула. Величие Израиля и честь Иеговы — вот первые заповеди Давида, и этот факт также обеспечил ему благодарность Израиля и любовь и уважение потомков на все времена. Их не могла затмить даже поистине гигантская тень человека насилия. Давид на голову выше среднего правителя. Он также выделяется среди последующих за ним царей Израиля и своего предшественника Саула в отношении величия, великодушия, мудрости, упорства, силы и умения побеждать, как и править. Даже в своей экстравагантности личных и деспотических страстей немногие могут сравниться с ним.

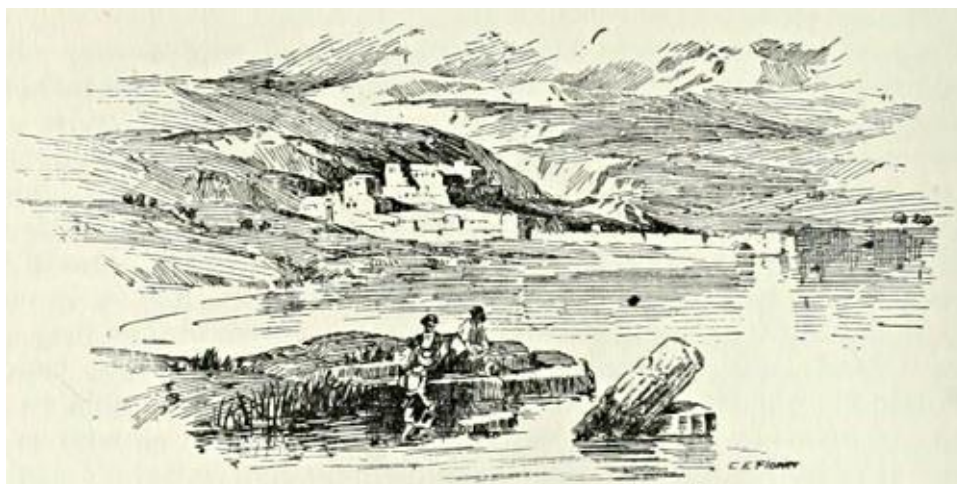
Но даже в своих слабостях величие души Давида всегда проявляется в своей первозданной красоте. Деспотическая прихоть Давида соблазнила Вирсавию и привела к подлому убийству Урии, но он, испытывая праведное чувство вины и искреннее раскаяние, покорился суду народа и бескомпромиссному приговору пророка Иеговы. Отцовская слабость Давида была причиной преступления Амнона и восстания Авессалом, но сердце отца не переставало тепло биться за сына, который так глубоко согрешил. Слабость Давида становится понятной для нас в его благородной скорби по Авессалому и является, в наших глазах, ярким примером отцовской верности. Великодушие Давида может показаться проявлением недостатка твердости в отношении Иоав — хотя мы слишком мало знаем о точном ходе событий, чтобы вынести окончательное суждение, — но в отношении Саула и его дома, а также Шимея и Амазы оно неоспоримо. Поэтический дар и религиозный пыл настолько характерны для его натуры, что вряд ли можно усомниться в том, что Давид принимал активное участие в зарождении религиозной лирики в Израиле.^{[b](#)}

ОЦЕНКА ДАВИДА РЕНАНОМ

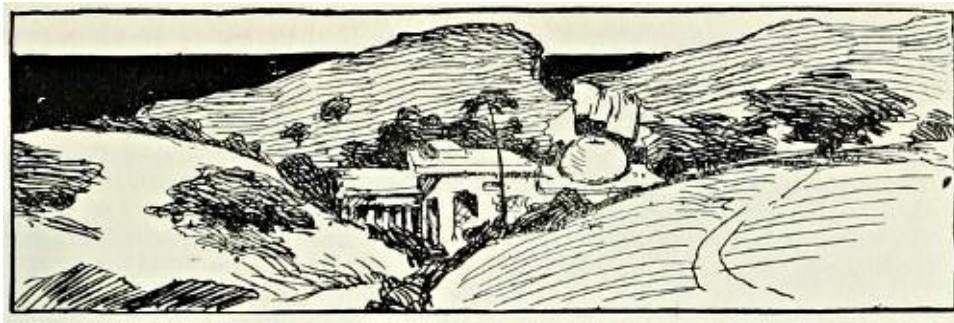
Давид умер в возрасте около шестидесяти шести лет, после тридцатилетнего правления, в своем дворце на Сионе. Он был похоронен неподалеку, в высеченной в скале гробнице, у подножия холма, на котором стоял город Давида. Все это произошло примерно за тысячу лет до Рождества Христова.

За тысячу лет до Рождества Христова. Об этом факте нельзя забывать, пытаюсь понять столь сложный характер, как характер Давида, и создать представление о необычайно несовершенном и жестоком мире, который только что раскрылся перед нашими глазами. Можно сказать, что религия в истинном смысле этого слова еще не родилась. Бог Иегова, который с каждым днем приобретает в Израиле беспрецедентное значение, отличается отвратительной пристрастностью. Он приносит успех своим слугам; именно это, как полагают, было замечено, и это делает его очень сильным. Пока еще нет ни одного случая, когда Иегова оставил своего слугу. Вероисповедание Давида можно выразить одним словом: «Иегова, который сохранил мою жизнь от всякой опасности». Иегова — надежное убежище, скала, с которой можно бросить вызов врагу, щит, спаситель. Слуга Иеговы — во всех отношениях привилегированное существо. О, как мудро быть добросовестным слугой Иеговы!

Именно в этом смысле правление Давида имело чрезвычайное религиозное значение. Давид был первым, кто добился великого успеха во имя и под влиянием Иеговы. Успех Давида, подтвержденный тем фактом, что его потомки унаследовали его трон, был наглядной демонстрацией могущества Иеговы. Победы слуг Иеговы — это победы самого Иеговы; сильный бог — это тот, кто побеждает. Эта идея мало отличается от идеи ислама, оправдание которого практически не имеет другой опоры, кроме успеха. Ислам верен, потому что Бог дал ему победу. Иегова — истинный Бог, что подтверждается опытом; он дает победу верующим. Жестокий реализм не видел ничего, кроме этого триумфа материального факта. Но что произойдет в тот день, когда слуга Иеговы будет беден, опозорен, преследуем за свою верность Иегове? Элемент грандиозного и необычного, зарезервированный для этого дня, можно увидеть в борьбе израильской совести до настоящего времени.⁴

ТИБЕРИЯ, ВИД НА ЛИВАН

ГЛАВА VI. СОЛОМОН В СВОЕЙ СЛАВЕ

Картина последнего периода жизни царя Давида омрачена борьбой за престол. Истинные обстоятельства вступления Соломона на престол навсегда останутся в некоторой степени неясными из-за неполноты нашей информации. Мы приводим рассказ, как он содержится в имеющихся у нас записях.

Давид состарился и нуждался в тщательном уходе. При дворе вопрос о том, кто должен стать его преемником, не мог оставаться без ответа. По порядку рождения четвертый сын Давида, Адония, был следующим в очереди на престол после смерти Авессалома. Фактически Адония считал себя наследником и даже публично осуществлял права наследника престола, как делал это Авессалом. Часть двора и влиятельная часть народа, по-видимому, также полностью признавали Адонию будущим царем. Сам Давид, который нежно любил Адонию и считал его заменой Авессалома, о котором он все еще скорбел, не осмеливался противостоять ему. У Адонии была та же мать (Аггит), что и у Авессалома.

Но надежды Адонии не встретили всеобщего одобрения при дворе. Правда, ему удалось привлечь на свою сторону Иоава и священника Авиафара. Но на другой стороне стояла Вирсавия, которая прилагала все усилия, чтобы обеспечить престолонаследие своему сыну Соломону. Ее дело поддерживали священник Садок, пророк Нафан и Венаия, начальник царской гвардии. Таким образом, в последние дни жизни Давида при дворе противостояли друг другу две партии.

Однажды Адония устроил банкет для своих сторонников у змеиного камня (Эн-Рогел), жертвенного камня в окрестностях Иерусалима. Нафан, который, по-видимому, был духовным лидером оппозиции, опасался, что банкет закончится, как и банкет Авессалома в Хевроне, провозглашением Адонии царем. Это означало бы гибель дела Соломона. Поэтому нужно было принимать срочные меры. Вирсавия должна была немедленно сообщить царю о том, что происходило у змеиного камня; она должна была напомнить Давиду о прежнем обещании, которое давало надежду на преемственность Соломона, и добиться его немедленного подтверждения.

Вирсавия сделала то, что ей было велено. Согласно договоренности, Нафан через некоторое время следует за ней к королю, чтобы придать вес ее словам. Он даже утверждает, что уже слышал крики заговорщиков: «Да здравствует царь Адония!». Им удалось вызвать подозрения царя. Он убежден, что вновь, в старости, он будет лишен трона и станет жертвой заговора одного из своих сыновей. Он немедленно торжественно объявляет Соломона своим преемником. По приказу Давида Соломон на муле самого царя отправляется в Гихон, священный источник недалеко от Иерусалима, где он помазывается Садоком и Натаном, провозглашается царем и торжественно вступает на престол. Радостные возгласы народа и звуки труб доносятся до ушей участников банкета, которые находятся

неподалеку. Они едва успевают спросить о причине, как Ионафан, сын Авиафара, приносит весть о том, что произошло. Соломон стал царем. Адония не имеет другого выхода, кроме как у алтаря, у рогов которого он умоляет своего более удачливого брата о жизни. Он воздает почести последнему и получает прощение.

Соломон провозглашается царем, и теперь, прежде чем Давид склонит голову в смерти, он возлагает на своего преемника ответственность, которая ему очень дорога. Он напоминает ему, что кровавые деяния Иоава против Авнера и Амасы еще не искуплены, и напоминает ему об услугах, оказанных ему Барзиллаем, и о проклятиях Шимея на его дом. Барзиллаю он должен вознаградить за верность; двух других он не должен отпустить в шеол (т. е. еврейский ад) с миром.

ПЕРВЫЕ ГОДА ПРАВЛЕНИЯ СОЛОМОНА

Давид едва закрыл глаза, как в Адонии, которого Соломон простил, снова пробудилось желание занять трон. По просьбе Вирсавии он попросил Соломона отдать ему в жены Ависагу, кормилицу Давида. Что означало это желание, согласно представлениям того времени, мы знаем из поведения Авессалома по отношению к гарему Давида. Соломон проникся смелыми планами Адонии, и тот поплатился за это жизнью. Судьба самых выдающихся сторонников Адонии также была решена. Авиафар был лишен священнического сана, но его жизнь была пощажена ввиду услуг, которые он оказал Давиду в беде и в благополучии. Он был сослан в Анафот, а его место занял его бывший коллега Садок. Иоав, предчувствуя беду, бежал к жертвеннику Иеговы, но пощады ему не было. Ссылаясь на его давнюю вину за пролитую кровь, Соломон приказал его казнить. Наконец, Шимей, который не участвовал в попытках Адонии, был на время заключен в Иерусалим, а вскоре после этого, когда он вопреки приказу царя покинул город, был казнен.

Этот рассказ содержится в 1 Царств i-ii. Многие в последнее время считают, что первая часть явно содержит рассказ о дворцовой интриге, затеянной Нафаном и Вирсавией в пользу Соломона против престолонаследия Адонии, в то время как вторая часть повествования признана лишь частично завуалированной попыткой отвести от Соломона ответственность за кровавые деяния, с помощью которых он надеялся укрепить свой новоприобретенный трон.

Тот факт, что до сих пор не было никаких упоминаний о преемнике Соломона, явно подтверждает эту точку зрения. Если Адония был невинной жертвой придворных интриг, то следует предположить, что Вирсавия и Нафан убедили слабого старого царя признать обещание, которого он никогда не давал, но которое он теперь с радостью принял в своем стремлении к миру в последние дни своей жизни. Эта концепция, по-видимому, подтверждается и дополнительным обстоятельством: рассказчик, явно в порыве намеренной иронии, не дает собственного описания преступных намерений Адонии на жертвенном пиру, а заставляет Нафана изложить свою подробную версию в присутствии царя. Наконец, что касается второй части повествования, в отрывке, касающемся последних распоряжений Давида, явно видны следы более поздней руки, что наводит на мысль о том, что весь отрывок имеет позднее происхождение. Это также подтверждает предположение, что, как согласно первоначальному рассказу, так и в действительности, Соломон, по крайней мере, устранил Иоава с его пути не из-за его прежнего, а из-за его позднейшего поведения, и не в соответствии с желанием Давида, а за то, что он был сторонником Адонии.

Однако литературная основа этой последней концепции недостаточно надежна. Именно те части последних слов Давида, которые относятся к Иоаву и Шимею, являются бесспорно древними, в то время как весь отрывок происходит из наших наиболее достоверных источников. Кроме того, на самом деле, такое желание со стороны Давида само по себе не вызывает таких серьезных сомнений, как может показаться. Только мы должны

остерегаться пытаться оценивать далекое прошлое с помощью наших собственных моральных чувств и должны помнить о том, что Давид, следуя жестокой вере своего времени, сделал с домом Саула, чтобы стереть пятно древнего кровавого деяния, которое все еще лежало на нем. Таким образом, неудивительно, что его мучил тревожный страх перед виной и проклятием прошлого, которое однажды, когда его не станет, может обрушиться на его дом, как кровавая вина наказала дом Саула.

[около 960-950 гг. до н. э.]

С отстранением Авиафара от священства было совершено событие, имевшее огромное значение для истории религии в Израиле. На смену дому Илия, который уже подвергался серьезной угрозе во времена Саула, но в конце концов восстановился благодаря благосклонности Давида, пришло новое священство. О том, насколько значительным было это изменение, свидетельствует тот факт, что пророческое упоминание об этом уже содержится в истории Илия. Илия получил свое священство и священство своей семьи из Египта и, вероятно, от отца священства, Аарона. В чем заключалось право Задока, мы не знаем. Вряд ли он мог быть первым в совершенно новой линии и, следовательно, даже не левитом. Соломон не стал бы ставить на место Авиафара священника, не имеющего священнического происхождения. С тех пор «сыны Садока» владели священством в Иерусалиме. А после постройки храма им удалось привести это священство, а вместе с ним и свой род, к высокому процветанию и могуществу.

Задача Соломона как царя была ясна. Как преемник Давида, он был наследником огромного богатства; ему оставалось только сохранить то, что создал Давид, и утвердить себя в его владении. За рубежом он должен был поддерживать необычайный престиж, который приобрел Израиль; внутри страны — сделать единство племен, которое создал Давид, постоянным и привязать Израиль к дому великого царя.

В последнем Соломон не преуспел. Насколько мы можем судить, он, по-видимому, обладал достаточной силой и умением. Пока он жил, царство Давида оставалось в его руках, если не бесспорным, то, по крайней мере, в основном неизменным. И если он не сумел или не позаботился о том, чтобы племена Израиля были довольны его властью, то, по крайней мере, во время его правления дело не дошло до открытого разрыва. Единственную попытку восстания, о которой мы слышим, — восстание Иеровоама, — он подавил силой. Как бы ни стремились северные колена отречься от дома Давидова, они не осмелились отнять у Соломона скипетр, которым он владел с такой силой. Это, что касается в основном внутренних отношений, показывает, что Соломон не был слабым, бездейственным царем, каким его представляли многие. Но и за рубежом Соломон проявил себя на высоте своего положения, по крайней мере, во всех важных вопросах.

Трудности не отсутствовали. Смерть великого Давида была событием, которого, без сомнения, давно ждали многие противники Израиля. Когда к этому добавилось исчезновение с арены его самого храброго воина, Иоава, возможность для нападения на Израиль не могла быть более благоприятной. Потомок древнего царского дома Эдома, который Давид сверг с престола, по имени Хадад, бежал в Египет. Ему, как и самому Соломону, удалось жениться на принцессе из дома фараона, сестре царицы Тафенес. Сразу после смерти Давида он вернулся в свою страну и, по-видимому, отнял у Соломона по крайней мере часть Эдома. Но либо его владения были незначительными и не представляли опасности для Соломона, либо последний впоследствии сумел вернуть Эдом, поскольку подход к Красному морю через Эцион-Гевер оставался открытым для Соломона.

Говорят, что на севере против Соломона восстал второй противник. Один из военачальников Хадад-Эзера из арамейского государства Зоба, которое завоевал Давид,

Резон-бен-Элиада, отделился от своего господина. После долгой жизни, полной приключений, он основал собственное владение и сделал его столицей древний Дамаск. Он изгнал губернатора, которого Давид поставил там, и Соломону не удалось вернуть город. Здесь, если эта история правдива, Соломон понес реальную и, как кажется, необратимую утрату. Тем не менее, трудно сказать, было ли это в то время сильно ощутимо, поскольку, вероятно, ни Давид, ни Соломон никогда не владели Дамаском и Арам-Дамаском. Здесь, как и в случае с внутренним управлением Соломона, самым серьезным вопросом, по-видимому, является перспектива на будущее. Ведь со временем царство Дамаска должно было стать одним из самых опасных противников Израиля.

[около 950-940 гг. до н. э.]

Таким образом, если Соломон и получил на юге, а возможно, и на севере, определенные, хотя и, вероятно, не очень значительные, препятствия, он, тем не менее, сделал, по-видимому, немало для сохранения и укрепления престижа Израиля. Возможно, он не придавал столь большого значения завоеваниям Давида, которые находились на окраинах царства, как сохранению самого Израиля. Фактом является то, что он защищал его, основывая крепкие крепости против вражеских вторжений — предприятие, высокая полезность которого не может быть поставлена под сомнение. Так, на севере он укрепил Хацора и Мегиддо; в окрестностях Иерусалима — Бет-Орон и царский ханаанский город Гезер; на юге, для защиты границы как караванного пути от Хеврона до Элота, он укрепил город Тадмор. Египетский фараон, на чью дочь женился Соломон, завоевал для него Гезер. Город под названием Баалат, местоположение которого точно не известно, но, возможно, находился недалеко от Гезера, также упоминается среди укрепленных мест Соломона. Он также уделял большое внимание увеличению военного снаряжения и кавалерии, которые были распределены по ряду гарнизонных городов, и поддержанию их в боевой готовности. Хотя цифры, касающиеся этого, несколько сомнительны, сам факт не может быть поставлен под сомнение. Все это показывает, что вряд ли можно говорить о снижении могущества Израиля при Соломоне, даже если он и отказался от некоторых отдаленных постов.

Тем не менее, Соломон не достиг величия своего отца. Он вырос как сын царя, не имея возможности и необходимости закалить свою волю в суровой школе опасностей и лишений, и не обладал энергией и инициативностью своего отца. Он больше думал о правах и удовольствиях царской власти, чем о своих высоких обязанностях и задачах. Деспотические наклонности отца, проявлявшиеся в нем лишь время от времени и сразу же сдерживаемые и преодолеваемые, в сыне стали основой его характера. Его любимыми развлечениями были дорогостоящие постройки, незнакомые женщины, богатая роскошь.

Но он также настаивал на регулярном исполнении правосудия, и его главная сила заключалась в упорядоченном управлении страной. Наряду с этим шло окончательное изгнание и поглощение хананеев. Оба, вероятно, служили одной и той же цели. Соломон требовал больших денег и труда для своих дорогостоящих построек. Его подданные должны были их предоставить. Он не делал различий между населением, никто не избежал общих тягот. Для него весь Израиль составлял одно целое и был разделен, без учета различий между племенами или различия между израильтянами и хананеями, на двенадцать зон, каждая из которых управлялась губернатором. Некоторые из их имен утрачены. Сумма, подлежащая уплате в виде налогов, регулировалась на основе этого деления. Обязательная служба, которую Соломон требовал для своих могущественных сооружений для войны и мира, несомненно, была организована аналогичным образом. Говорят, что только в Ливане он держал десять тысяч человек (), которые несли такую службу, постоянно занятых под руководством Адонирама. Различие между израильтянами и хананеями сохранялось только

в определенной степени, поскольку зоны, ранее принадлежавшие хананеям, были значительно меньше других. Таким образом, когда наступала их очередь нести службу, хананеи были более затронуты; насильственное включение в состав Израиля, действительно, делало их подлежащими призыву.

[около 940-930 гг. до н. э.]

Такие бремена были неизвестны простым дворам Давида и Саула, и поэтому теперь они, должно быть, давились еще тяжелее. Свобода, как владение подданным, мало ценилась. Неудивительно, что со временем недовольство, вероятно, долгое время питавшееся в тайне, вылилось в яростное восстание. Не случайно оно началось в доме Иосифа, то есть в Ефреме, и тем более не случайно, что оно исходило от одного из надзирателей Соломона. Из двух источников — древней неприязни северных племен к дому Иессея и недовольства нынешним жестким правительством — воды стекались в одно русло.

Ефремлянин из Зереды, Иеровоам-бен-Неват, поставил себя во главе народа. По-видимому, он был молодым человеком низкого происхождения, сыном бедной вдовы. Царь узнал его и оценил среди своих рабочих, когда в конце своего правления он строил мельницы и таким образом «ремонтировал бреши в городе Давида». Вскоре на него была возложена «ответственность за дом Иосифа»: это была лучшая возможность познакомиться с жалобами народа и использовать их в своих интересах. В какой-то момент Иеровоам решил поднять знамя восстания. Но без успеха: либо заговор был раскрыт преждевременно, либо восстание Иеровоама было подавлено. Сам он бежал и нашел приют у фараона Шишака (Шашанка), основателя XXII династии (Манетан). Стоит отметить, что пророк из Силома по имени Ахия поддержал действия Иеровоама. Недовольство правлением Соломона охватило уже все слои населения.

Традиция представляет Соломона как царя, богатого мудростью и справедливостью, а также золотом и сокровищами. Об этом свидетельствуют его меры по укреплению границ и упорядочению управления, а также знаменитый и, безусловно, исторический суд Соломона, в отношении которого потомки могут задаться вопросом: за что великий царь заслужил пальму первенства — за мудрость или за справедливость? Несомненно, что многие изречения о практической мирской мудрости также происходят от него. Вероятно, также достоверно, что в самом начале своего правления видение указало ему путь, по которому он должен был идти, а также волю Иеговы. То, что через его руки прошли богатые сокровища, не может показаться странным, если учесть тяжелые налоги, которые он взимал, и то, сколько прибыльных предприятий он вел помимо этого.

Несомненно, что Соломон был первым, кто завез лошадей в Израиль, по крайней мере в больших количествах и специально для военных целей. Еще более примечательно, что все свидетельства об этом согласуются с более поздними упоминаниями о великолепии и роскоши Соломона. Это не мешает считать их достоверными, по крайней мере в том, что касается фактов. Если Египет был, как представляется, страной, из которой Сирия получала своих лошадей, а Соломон был зятем правящего фараона, то мы не видим никаких возражений против утверждения, что Соломон сумел извлечь значительную прибыль из импорта египетских лошадей. Визит к Соломону царицы древнего царства Савского, вероятно, был связан в первую очередь с торговыми отношениями. Я также не склонен сразу отнести это к области мифов. Ведь даже если более поздние рассказы значительно преувеличили величие Соломона, они не возникли бы без некоторого основания в фактах. Путешествия кораблей Соломона в аравийскую страну золота Офир, как нам кажется, особенно хорошо подтверждены. В рассказе говорится об одном корабле, которым

управлял Хирам из Тира со своими опытными моряками и который, как говорят, доставлял продукты и товары из благоприятной Аравии прямо в Израиль и Тир.

Несмотря на все это, казна Соломона часто была пуста, и в конце концов до такой степени, что он был вынужден заложить Хираму двадцать городов в Галилее. Этого нельзя отрицать, учитывая последний факт: брак с дочерью фараона сделал его хозяйство дорогостоящим, а замки и укрепления, должно быть, поглощали огромные суммы.

В правительстве Соломона была одна слабая точка, которая могла легко привести к расколу. Сейчас в этом не было необходимости, но если бы появился подходящий и решительный человек, кризис был бы неизбежен. Ведь общественное мнение в Израиле было к этому достаточно готово.

Переход от выборной монархии к жесткому деспотическому правлению произошел слишком быстро. Племена Израиля по собственному свободному выбору возложили корону на голову Давида, как ранее на голову Саула. Израиль был чисто выборным царством. Но сыновья Давида по очереди играли роль наследников престола. Ни Авессалом, ни Адония, ни Соломон не думали сначала получить избрание племенами. Как сыновья Давида, престолонаследие принадлежало им. Израиль стал наследственной монархией. Это развитие действительно было в природе вещей. Оно уже было бы завершено в доме Саула, если бы Ионафан остался в живых или Эшбаал был более способным или удачливым; тем не менее, теперь оно было подвержено еще большей опасности, поскольку исключение дома Саула во второй раз привело племена к осознанию независимости воли народа.

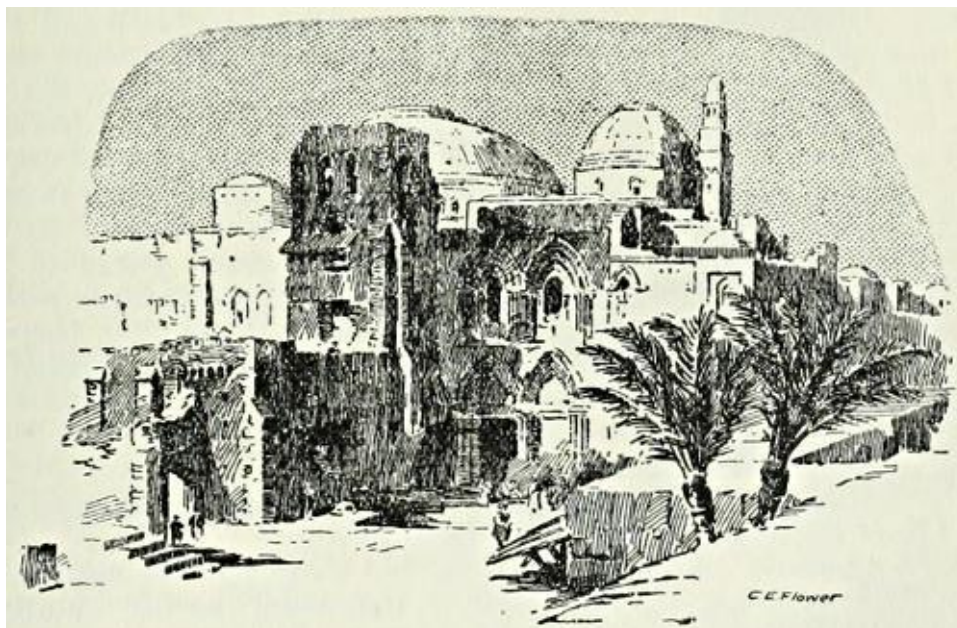
Однако это изменение могло бы иметь благотворный эффект только в том случае, если бы в то же время удалось действительно укрепить связь колен Израиля с домом Давида. Даже Давид не смог полностью выполнить эту задачу, столь сложную в существующих условиях. Северные колена и Вениамин всегда с недоверием относились к его правлению. Соломон был еще менее способен справиться с этой задачей. Его деспотические наклонности и, особенно, тяжелое налоговое бремя не могли заставить племена забыть, что всего лишь недавно не рождение, а воля народа вознесла царя на престол.

Насколько далеко зашло брожение в северных племенах даже при жизни Соломона, мы ясно видим из того обстоятельства, что восстание вспыхнуло еще при его жизни. Оно было подавлено только силой, и отступничество северных племен от Соломона было предотвращено. Его подготовил Иеровоам, один из надзирателей царских рабочих. Он был вынужден бежать в Египет, где, по-видимому, был принят с распростертыми объятиями (). Но власть Соломона была достаточно сильна, чтобы он и его люди не могли думать о повторении восстания, пока Соломон занимал трон. Может вызвать удивление, что израильский мятежник получил защиту в Египте, фараон которого был отцом одной из жен Соломона. Объяснение можно найти в том факте, что Шишак, египетский Шашанк I, был основателем новой династии и, следовательно, не знал Соломона.

[около 930 г. до н. э.]

После смерти Соломона, которую мы можем датировать примерно 930 годом до н. э., преемственность его сына Ровоама сначала казалась само собой разумеющейся. Что именно обеспечило ему преимущество перед другими сыновьями Соломона, мы не знаем. Фактически он, по-видимому, взошел на престол и занимал его в течение некоторого времени. Но кипевшее недовольство правительством Соломона, которое северные племена так долго сдерживали, вспыхнуло, если не сразу после его вступления на престол, то в любом случае вскоре после этого. Возможно, было много переговоров и попыток уладить ситуацию, пока, наконец, Рехавеам не решил договориться с недовольными в Сихеме. Тем

временем Иеровоам также успел вернуться из Египта и взять руководство движением в свои руки.^{[b](#)}

Внешний вид Гроба Господня, Иерусалим

ГЛАВА VII. УПАДОК И ПЛЕН

Ровоам мог бы легко завоевать популярность, пойдя на несколько незначительных уступок. Он прибыл в Сихем в Ефреме, чтобы получить признание собравшихся племен. Иеровоам выступил от имени народа, прося царя облегчить бремя, возложенное на них Соломоном. Ровоам потребовал три дня на размышление и консультации со своими придворными. Старики советовали ему подчиниться, молодые люди советовали ему сопротивляться общественному мнению. Он последовал последнему совету и дал дерзкий и грубый ответ: «Мой отец наказывал вас плетями, а я буду наказывать вас скорпионами». Тогда народ ответил: «Какая нам доля в Давиде? В свои шатры, Израиль».

РАЗКОЛ ДЕСЯТИ ПЛЕМЕН

ЕВРЕЙСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ

[около 930-875 гг. до н. э.]

При первых признаках открытого восстания Рехаввам поспешно вернулся в Иерусалим. Слабая связь, которая объединяла племена севера и юга, была разорвана навсегда. Только иудеи остались верны роду Давида, включая Иерусалим, который был заинтересован в сохранении своего статуса королевского города. Часть земли Вениамина, составлявшая окраину Иерусалима, и города Симеона, расположенные на земле Иудеи, остались в составе маленького Иудейского царства, которое также сохранило под своей властью Идумею. Вся остальная земля по обе стороны Иордана сохранила название царства Израиля, с неопределенным сюзеренитетом над территорией Моава и Аммона. Сирия уже обрела независимость от еврейской империи. Таким образом, империя, которая пережила момент расцвета при правлении Давида и Соломона, была заменена двумя царствами, почти всегда находившимися в состоянии войны друг с другом. Раскол произошел примерно в 975 году до н. э.^[2]

Иероваам, возглавлявший сепаратистское движение, без труда добился провозглашения себя царем несогласными племенами. Но он опасался притяжения, которое храм в Иерусалиме уже имел для израильтян. Желая предотвратить паломничества, опасные для его власти, и освятить политическое отделение религиозным, он установил поклонение золотому тельцу.

История царства Израиля — это лишь череда насильственных узурпаций, почти всегда провоцируемых пророками, которые вмешивались во все от имени Иеговы и своей постоянной оппозицией делали невозможным любое управление. В Иудее, напротив, неугасаемая память о Давиде обеспечивала регулярную преемственность царской власти в его семье.

Единственным важным событием в правлении Ровоама является поход Шашанка I, царя Египта, называемого в Библии Шишаком, который захватил Иерусалим и разграбил сокровища храма Соломона () и дворца, в том числе золотой щит, изготовленный Соломоном. Конец правления Ровоама, его сына Авияма и внука Асы был наполнен незначительными войнами против царства Израиля.

Иеровоаму не удалось основать династию в Израиле. Он умер после двадцати двух лет правления, а его сын Надав был убит вместе со всей своей семьей своим лейтенантом Ваашей. То же самое событие повторилось через равный промежуток времени. Бааша царствовал двадцать два года, а его сын Ила и вся его семья были убиты Зимри. Но армия, которая в то время находилась в земле филистимской, провозгласила Омри генералом и выступила против узурпатора, который сжег себя в своем дворце после семи дней правления.

Царство севера не имело преимущества в виде сильной и удачно расположенной столицы, как у юга, и на возвышенности на территории Ефрема Омри построил город Самарию, который благодаря своему выгодному положению мог стать центром сопротивления для Израиля, как Иерусалим для Иудеи. В ассирийских надписях Самария и даже царство Израиля всегда называются домом Омри. Помимо этого важного основания, с которым его имя оставалось связано, Омри продемонстрировал свои способности, обеспечив себе союзника против постоянно растущей опасности борьбы с Сирией. Он попросил и получил руку Иезавели, дочери Итобаала (Этбаала), царя Тира, для своего сына Ахава.

[около 875-860 гг. до н.э.]

Ахав обычно представляется как образец безбожия; утверждать это — значит полностью не понимать характер той эпохи. Никто не был безбожен; каждый народ имел своего бога и считал его сильнее других. Ахав слышал, как его жена хвасталась силой Ваала; он посчитал разумным обеспечить себе двух божественных покровителей вместо одного и, оставив Иегове его святилища в Дане и Вефиле, построил храм Ваалу в Самарии. Он не имел намерения отменить поклонение Иегове. Поклонение Ваалу существовало в Израиле во времена Гедееона и даже во времена Саула; оно было отменено со времени правления Давида. Когда Ахав захотел восстановить его, он натолкнулся на неуступчивый патриотизм пророков, которые не признавали никакого другого бога, кроме национального.

Они вели отчаянную борьбу против Ваала. Народ, убежденный, как и царь, что две религии лучше одной, наблюдал за этими спорами, не принимая в них участия. Пророк Илия упрекает его в том, что он хромот на обе ноги. Легенда об Илии и жрецах Ваала (2 Царств xviii.) в ее театральной постановке подводит итог борьбе между национальным поклонением Иегове и финикийским поклонением Ваалу, борьбе, которая длилась полвека.

Илия Тишбит, вероятно, является историческим персонажем, но трудно разглядеть его настоящую личность среди накопившихся о нем легенд. Резня жрецов Ваала действительно имела место при Иегу, после истребления князей дома Омри. Таинственная жизнь Илии, его пребывание в пустыне, где его кормили вороны, его видения и чудеса, приписываемая ему сила вызывать дождь одним своим словом, сделали его образцом и покровителем аскетов последующих веков. Последний отрывок легенды не имеет еврейского характера: он вознесен на небо в огненной колеснице. Сходство имени Илия с греческим именем солнца «Гелиос» может навести на мысль о некотором мифологическом влиянии.

Легенды об Илии и Елисее показывают нам степень восхищения народа пророками, и по этому мы можем судить о влиянии, которое они, должно быть, оказывали на политику своего времени. Это влияние не ограничивалось царством Израиля и не всегда было

благотворным. Так, Иегова приказывает Илии помазать Елисея на пророчество, Иегу на царство Израиля, а Азаила () на царство Сирии, и Библия добавляет: «Кто уцелеет от меча Азаила, того убьет Иегу; а кто уцелеет от меча Иегу, того убьет Елисей. Но Я оставил в Израиле семь тысяч человек, всех, кто не преклонил колен перед Ваалом и не поцеловал его». К религиозным разногласиям добавилась война с иностранными государствами. Бен-Хадад, царь Дамаска, «имея тридцать двух царей в качестве союзников», собрал свою армию и осадил Самарию. Дети Израиля убили сто тысяч сирийских пехотинцев за один день. Но остальные бежали в Афек, в город, и там стена обрушилась на двадцать семь тысяч оставшихся людей. И Бен-Хадад бежал и вошел в город, в внутреннюю комнату. Ахав пощадил Бен-Хадада, когда тот пообещал вернуть города Израиля, которые были во владении сирийцев. Эта милость, напоминающая ту, которую проявил Саул к царю Амаликитян, не могла понравиться пророкам. Один из них сказал Ахаву: «Так говорит Господь: за то, что ты отпустил из своих рук человека, которого Я назначил на полное уничтожение, твоя жизнь пойдет за его жизнь, и твой народ за его народ».

Ахав сыграл прекрасную роль; к сожалению, вскоре он дал своим врагам законный повод для недовольства: он хотел приобрести виноградник, прилегающий к его дому, но владелец отказался его продавать. По совету Иезавели он обвинил владельца в измене, и когда судьи осудили его, он конфисковал его имущество. Без сомнения, это было преступление, но не большее, чем преступление Давида, который приговорил к смерти одного из своих офицеров, чтобы заполучить его жену; и это не помешало Давиду быть царем по сердцу Господа, в то время как смерть Навуфея послужила предлогом для оправдания заговоров тех, кто завидовал семье Ахава.

Примечательно, что доказательства дружбы между царствами Израиля и Иудеи имели место только при царях из дома Омри; и, что достаточно странно, этот союз был заключен с одним из царей Иудеи, который находил благоволение в глазах авторов Библии из-за их горячего поклонения Иегове.

Аса, внук Ровоама, умер после сорока двух лет правления. Его сын Иосафат превзошел его в благочестии; единственный упрек, высказанный ему в Книге Царств (), касается того, что он терпел жертвоприношения «на высотах», и этот упрек не имеет значения, поскольку этот обычай не считался еретическим до правления Езекии. Иосафат заставил своего сына Иорама (или Иорама) жениться на дочери Ахава и Иезавели, по имени Аталия. Царь Израиля, желая отвоевать Рамот в Галааде, который не был включен в число городов, возвращенных Бен-Хададом, потребовал помощи царя Иудеи как своего союзника: Иосафат согласился последовать за ним, но только после того, как он посоветовался с Иеговой по поводу исхода битвы. Ахав собрал четыреста пророков: все они предсказывали успех экспедиции. Однако Михей, когда его призвали говорить правду, предсказал поражение и смерть Ахава.

[около 860-850 гг. до н. э.]

Тогда Ахав приказал схватить его и держать под стражей до своего возвращения. «Если ты действительно вернешься с миром, — сказал пророк, — то значит, Господь не говорил через меня». Ахав ушел, а Иосафат сопровождал его, как и обещал. Сирийцы получили приказ направить свою атаку против царя Израиля. Он переоделся, чтобы смешаться с солдатами. Иосафат, который сохранил свои царские одежды, подвергся большой опасности и избежал смерти только благодаря тому, что выдал себя своим боевым кличем. Но случайная стрела поразила Ахава между сочленениями его доспехов. Он поддерживал себя в колеснице, лицом обращенным к сирийцам, и умер вечером. Его мужество не помешало поражению в битве; на закате раздался крик: «Каждый в свой город и в свою страну».

Мертвого царя привезли обратно в Самарию и похоронили там. Он правил двадцать два года, в течение которых сдерживал вторжения сирийских царей и заключил полезные союзы с Тиром и царством Иудеи. Он построил несколько городов и защищал искусство и промышленность. Хотя он воздвиг храм Ваалу, трудно признать, что он запретил поклонение Иегове, поскольку он консультировался с пророками во всех обстоятельствах и перед своей последней кампанией нашел четыреста пророков, которые ответили на его призыв.

Узнав о смерти Ахава, моавитяне, которые в течение сорока лет платили дань Израилю, поспешили сбросить свое иго. Это событие было неожиданно пролито светом в последнее время благодаря обнаружению стелы, воздвигнутой в Дибоне Мешей, царем Моава. Эта стела, покрытая символами, похожими на самые древние финикийские надписи, с большим трудом была вывезена М. Клермоном-Ганно, вице-консулом Франции, который подарил ее музею Лувра.

МОАВИТСКИЙ КАМЕНЬ

Арабы, осознав важность, которую европейцы придавали этому памятнику, взорвали его, но почти все осколки были собраны, а недостающие части восстановлены с помощью оттиска, который, к счастью, был сделан, когда надпись была целой. Вот перевод основных отрывков: «Я Меша, сын Надаба (Хемош-мелеша), царя Моава. Мой отец правил Моавом тридцать лет, и я правил после отца. Я воздвиг этот камень Хемошу, камень избавления, ибо он избавил меня от врагов, он отомстил тем, кто ненавидел меня. Омри был царем Израиля и долгое время угнетал Моав, потому что Хемош был разгневан на свой народ. Сын Омри унаследовал его и сказал: «Я тоже буду угнетать Моав». Но в мое время Хемош сказал: «Я обращаю свой взор на него и на его дом, и Израиль погибнет навсегда».

Затем он перечисляет города, которые он отнял у царя Израиля: «Я напал на город Атарот, взял его и убил всех людей в честь бога Моава Хемоша. И я унес арел Дода^[3], и я тащил его по земле перед лицом Хемоша в Кериоте. И Хемош сказал мне: «Иди и возьми Небо у Израиля». И я пошел ночью и сражался против города от рассвета до полудня, и взял его, и убил всех, семь тысяч человек, ибо они были запрещены в честь Аштар-Хемоша. И я унес арелы Иеговы и тащил их по земле перед Хемошем». Затем Меша говорит о городе Корхар, который он построил и где пленники Израиля выкопали колодцы и каналы.

Эта надпись, которая является древнейшим памятником семитской эпиграфики, ясно показывает нам чисто национальный характер религий Палестины. В ней Хемош играет ту роль, которая в книгах евреев отводится Иегове. Если Моав был угнетен Израилем, то это потому, что Хемош был разгневан на свой народ, так же как Израиль объясняет свое рабство гневом Иеговы. Если Меша начал войну, то это было в послушании приказам Хемоша: он наложил запрет на города и убил их жителей в честь Хемоша, как Иисус Навин или Давид поступали в честь Иеговы. Это те же идеи и те же выражения. Стела Мешы касается как политической, так и религиозной истории. Война между Израилем и Моавом описана в Библии, и эти две версии можно сравнить. Моавитская версия является официальным сообщением, а версия из Книги Царей носит легендарный характер, и пророк Елисей играет в ней наиболее важную роль.

[около 850-840 гг. до н. э.]

При правлении сына Иосафата, называемого Иорамом или Йорамом, как и царь Израиля, эдомиты обрели независимость от царства Иудеи. Хроники также упоминают вторжение филистимлян и арабов, в результате которого погибли все дети Иорама, за исключением

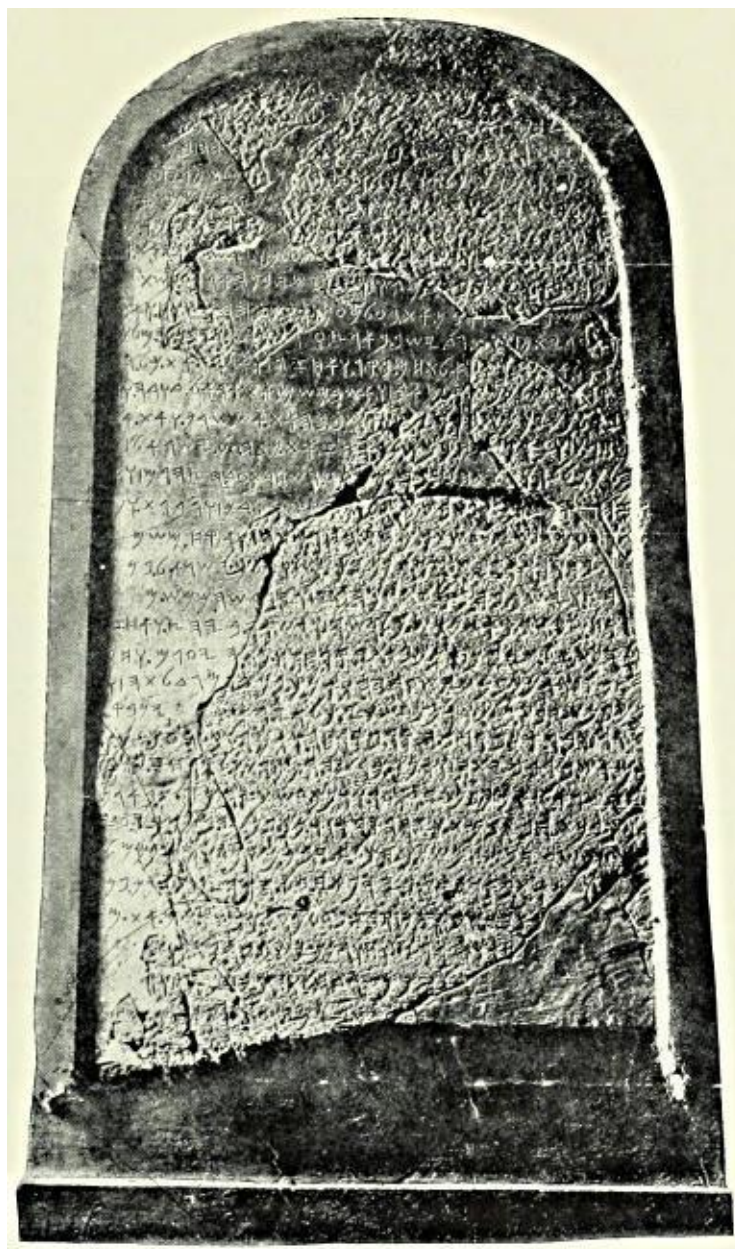
Ахазии, который унаследовал его престол. Интриги пророков тогда готовили кровавые революции в Сирии и царстве Израиля.

Иорам, царь Израиля, и Ахазия, царь Иудеи, сын сестры Иорама Аталии, возобновили нападение Ахава и Иосафата на Рамот-Гилеад, но не добились большего успеха. Иорам, раненный сирийцами, вернулся в Изреель, чтобы укрепиться, и его племянник Ахазия пришел к нему.

[около 840-815 гг. до н. э.]

Новое восстание было поднято Иегу, который, будучи помазанным пророками, убил царей Израиля и Иудеи, Иорама и Ахазию, Иезавель и «всех, кто остался от дома Ахава в Изрееле, и всех его вельмож, и его родственников, и его священников, пока не оставил никого».

Священники Ваала, собравшиеся по вероломному замыслу, были все убиты, храм был разрушен и превращен в пивную. Эти кровавые расправы имели неожиданный ответный удар в Иерусалиме. Из всей семьи Ахава осталась только Аталия, вдова Иорама и мать Ахазии. Она заняла трон после смерти своего сына, и в результате преступления Иегу поклонение Ваалу, запрещенное в царстве Израиля, нашло убежище в царстве Иудеи.

МОАВИТСКИЙ КАМЕНЬ

Так описывается это событие в Книге Царств: «И когда Аталия, мать Ахазии, увидела, что ее сын мертв, она встала и уничтожила все царское семя. Иосавея, дочь царя Иорама, сестра Ахазии, взяла Иоаса, сына Ахазии, и украла его из числа убитых сыновей царя; и они спрятали его, его и его кормилицу, в спальне от Аталии, чтобы он не был убит. И он был с ней, спрятанный в доме Господнем шесть лет. А Аталия царствовала над землей».

Эта история, которая послужила сюжетом для одного из шедевров Расина, скорее драматична, чем правдоподобна. Библия не сообщает нам, из кого состояла эта королевская семья, истребленная Аталией. Братья и племянники Ахазии были убиты Иегу на дороге в Самарию; нет никаких оснований полагать, что Аталия завершила резню, убив своих внуков. Если некоторые из сыновей царя остались в Иерусалиме в безопасности от ярости Иегу, то

никто не был более заинтересован в их сохранении, чем царица-мать, поскольку она была их опекуном и могла узаконить свою власть, правя от их имени. Все, что мы знаем, это то, что шесть лет спустя первосвященник Иодай представил солдатам ребенка, сказав им, что он был сыном Ахазии и последней ветвью рода Давида.

Этот ребенок был провозглашен царем под именем Иоас; Аталия услышала восторженные возгласы, выбежала из дворца и была убита по приказу первосвященника. Храм Ваала был захвачен, а первосвященник Маттан убит перед алтарем. Иодай назначил себя опекуном нового царя, которому было всего семь лет: это было правительство, управляемое священниками.

Царство Израиль было впервые разделено во время правления Иегу, поскольку легче иметь дело с разоруженным народом, чем справляться с чужеземными вторжениями. Хазаэль, узурпатор, воспитанный, как и Иегу, пророком Елисеем, завоевал всю область к востоку от Иордана: «землю Галаадскую, территории Гата, Рувима и Манассии, от Ароера на реке Арнон до Галаада и Васана». Не прошло много времени, как царства Израиля и Дамаска были поглощены могущественной Ассирийской империей. Хазаэль, дважды побежденный Салманасаром II, признал его верховенство, и Иегу послал ему дань в виде слитков золота и серебра.

Эти факты, о которых не упоминается в Библии, содержатся в двух ассирийских надписях, одна из которых найдена на обелиске Нимруда, а другая — на табличке в Британском музее. В этих надписях Иегу называется сыном Омри, что доказывает, что сирийцы мало знали о генеалогии царей Израиля. Барельеф на обелиске в Нимруде изображает людей еврейского или арамейского типа, одетых в тюрбаны с заостренными верхушками, приносящих подарки, и один из них падает ниц перед Салманасаром. Предполагается, что этот барельеф, повторяющийся дважды, изображает подчинение Хазаэля и Иегу. Если Иегу, провозгласив себя вассалом царя Ассирии, надеялся на защиту от Хазаэля, то он ошибался. Салманасар не вмешивался в споры своих вассалов, и Иегу оставил своему сыну Иоахазу ослабленное и раздробленное царство в 815 г. до н. э.

[около 815-780 гг. до н. э.]

Хазаэль и его сын Бен-Хадад III, который унаследовал его власть, сократили израильскую армию до десяти тысяч пехотинцев, пятидесяти всадников и десяти колесниц. Израиль начал восстанавливаться только во время правления сына Иоахаза, названного Иоасом, как и царь Иудеи; два царства на севере и юге вновь управлялись царями с одинаковыми именами. В Иерусалиме священники, которые правили без контроля со времени смерти Аталии, присвоили себе доходы, предназначенные для содержания храма. По прошествии двадцати трех лет, поскольку эти ремонтные работы не были выполнены, Иоас, которому тогда было тридцать лет, пожелал положить конец этому скандалу и лишил их права свободно распоряжаться деньгами. Недовольство священников проявилось только после смерти Иодая, возможно, потому, что с тех пор Иоас стал менее осторожен. Согласно Книге Летописей, он приказал народу побить камнями сына своего благодетеля, который упрекал его, и именно за месть за эту смерть он был убит по возвращении из войны с сирийцами, в которой был ранен. Книга Царств не упоминает об этой войне и, напротив, говорит, что Иоас отвлек Хазаэля, отдав ему сокровища храма. Книга Царств не упоминает об убийстве сына Иодая (), а также не объясняет причину убийства Иоаса. Его сын Амасия унаследовал престол и наказал убийц, «но детей убийц он не убил», что свидетельствовало об улучшении нравов и морали в стране (797 г. до н. э.).

Царство Израиль, столь ослабленное во время правления Иегу и Иоахаза, было возвышено тремя победами Иоаса над Бен-Хададом, сыном Хазаела. Говорят, что они были предсказаны Елисеем на смертном одре.

Иоас вернул города, отнятые у его отца Иоахаза. В то же время Амасия, царь Иудеи, разбил эдомитян в долине Соли и отнял у них город Села, впоследствии названный Петра. Гордясь этим успехом, он спровоцировал царя Израиля. Сражение произошло в Бет-Шемеше; Амасия был побежден и взят в плен. Иоас вошел в Иерусалим, разрушил стены на четыреста локтей, разграбил храм и королевскую сокровищницу и увез заложников в Самарию. Согласно Иосифу Флавию, Иоас даровал Амасии жизнь и свободу при условии, что тот откроет ему ворота города. Иоас, прожив после своей победы недолго, оставил престол своему сыну Иеровоаму II. Царство Иудеи оставалось в зависимости от царства Израиля до конца правления Амасии, который, как и его отец, погиб от руки убийцы в результате заговора. В Книге Летописей говорится, что он отвернулся от Господа, что может навести на мысль, что заговор возглавили священники.

[около 780-740 гг. до н. э.]

Во второй Книге Летописей полностью опущено имя Иеровоама, сына Иоаса, которое упоминается только один раз в первой книге в связи с перечислением. Это любопытное упущение, поскольку в это время царство Израиль, по-видимому, достигло определенной мощи и величия. Согласно Книге Царств: «Он восстановил границы Израиля от входа в Хамат до моря равнины, согласно слову Господа Бога Израиля, которое Он произнес устами Своего раба Ионы, сына Амитая, пророка из Гат-Хефера».

Пророчество Ионы не дошло до нас. Легенда о том, что он был проглочен китом, была написана гораздо позднее. Немецкий теолог полагал, что ему можно приписать оракул против Моава, цитируемый в Книге Исаии как принадлежащий более древнему пророку, и пришел к выводу, что Иеровоам покорил моавитян, но Мунк отвергает это мнение. Завоевание Сирии также приписывается Иеровоаму, произвольно объясняя весьма неясную фразу в Книге Царств: «Он вернул Дамаск и Хамат, которые принадлежали Иудее, Израилю». Чтобы дополнить эту скудную информацию о долгом правлении Иеровоама, которое длилось более сорока лет, мы вынуждены собирать подробности из пророческих писаний.

Так, благодаря Иоилю и Амосу мы знаем, что примерно в это время произошло землетрясение и нашествие саранчи. Пророки редко делают исторические аллюзии, а их предсказания носят общий характер, который не позволяет установить даты. Эта неопределенность не касается Амоса, который сам рассказывает, что был осужден первосвященником Вефиля за то, что предсказал приближающееся падение Иеровоама. Поскольку он был из Иудеи, его попросили уйти и пророчествовать в своей стране. Со времени восхождения на престол Иегу стало известно, что пророчества пророков не были без опаски для династий.

Пророчество развилось в Иудее позже, чем в Израиле, возможно, потому, что там священники были более влиятельными. Отрывок из Иеремии (xxix. 26) сообщает нам, что первосвященник Иодай установил в доме Господнем должностных лиц, которые должны были сажать в тюрьму с цепями на шее «всякого, кто безумен и выдает себя за пророка». Но эти ограничительные меры не могли полностью предотвратить развитие пророчества, которое отвечало общественной необходимости, как сегодня отвечает ей пресса. Без оппозиции, поддерживаемой среди народа пророками, евреи были бы расой рабов, преклоняющих колени перед своими хозяевами, как другие восточные народы. Привязанность иудеев к дому Давида объясняет, почему роль пророка была разной в двух царствах. Вместо того, чтобы разжигать заговоры, как в Израиле, пророки Иудеи нападали

на нравы своих сограждан. Они объявляли им, что в наказание за их пороки, и прежде всего за их нечестие, Иегова предаст их в руки чужеземных завоевателей.

Их проповеди были записаны и адресованы образованной части населения. Сборники пророчеств в Библии составляют одну из важнейших частей еврейской литературы и содержат произведения великой красоты. Между ними есть различия в темпераменте и стиле, но общей чертой для всех является горячий патриотизм, смешанный с религией. Поскольку патриотизм является исключительным чувством, религия должна была иметь тот же характер. Недостаточно было сказать, что национальный бог был самым могущественным из всех богов; верили, что он был единственным Богом. Пророки не сомневались, что, наказав свой народ, Он поставит его во главе всех народов под руководством нового Давида. Блестящее будущее, о котором они мечтали, смягчало горечь их жалоб на настоящее. Но надежды на Мессию, которые постоянно откладывались, не оправдались. Им было придано мистическое значение, и это изменение смысла подготовило почву для новой религии.

ИЕРУСАЛИМ

РАЗРУШЕНИЕ ДВУХ ЦАРСТВ

[около 780-722 гг. до н.э.]

Иудея стала вассалом Израиля; вероятно, на некоторое время южное царство было присоединено к северному, поскольку в Книге Царств между убийством Амасии и вступлением на престол его сына Азарии, также называемого Озии, указан промежуток в двенадцать лет. Если межцарствия не было, то текст является ошибочным. За смертью Иеровоама II последовала эпоха, полная беспорядков, в которой Иудея воспользовалась возможностью поднять свой авторитет.

Азария захватил и восстановил порт Элат на Красном море. Согласно Книге Летописей, он завоевал Гат и даже Ашдод у филистимлян, взимал дань с аммонитян, укрепил все города Иудеи и сделал сельское хозяйство процветающим. Воодушевленный своим успехом, он осмелился принести жертву в храме, узурпировав таким образом привилегии священников, и был немедленно поражен проказой. Книга Царств, немного менее пропитанная священническими идеями, чем Хроники, ограничивается утверждением, что Господь поразил его болезнью и что он оставался в доме для прокаженных до самой смерти, в то время как его сын Иотам правил вместо него.

В это время Израиль стал жертвой анархии. Иеровоам II умер после сорока одного-пятидесяти лет правления, если только здесь тоже не было межцарствия, поскольку цифры в Библии не совпадают. Его сын Захария был убит Шаллумом через шесть месяцев. Через месяц убийца Захарии был убит Менахемом, который, по словам Иосифа Флавия, командовал армией. Это было повторением событий, которые произошли при падении дома Бааши. Менахем правил десять лет и оставил трон своему сыну Пекахии, который два года спустя был убит в Самарии одним из своих военачальников по имени Пеках, сыном Ремалии.

Царство Иудеи продолжало процветать при правлении Иофама, сына Азарии, который, как и его отец, взимал дань с аммонитян. Но Иофам умер после шестнадцати лет правления, и его сын Ахаз с момента своего вступления на престол был вынужден сражаться с коалицией Рецина, царя Дамаска, и Пекаха, царя Израиля. По словам пророка Исаии, они хотели посадить на престол Иудеи сына Табеала, который был одним из них. Ахаз был побежден царем Сирии, который отнял у иудеев порт Элат, и царем Израиля, который убил сто двадцать тысяч его воинов и взял в плен двести тысяч, по словам автора Хроник. Ахаз, испугавшись коалиции сирийцев и израильтян, поставил себя под защиту царя Ассирии Тиглат-Пилесера III; он провозгласил себя его вассалом и послал ему все сокровища храма и царского дома. Тиглат-Пилесер выступил против Сирии, взял Дамаск, увёл его жителей в Кир и убил Рецина. Он также вторгся в царство Израиля: «и взял Ион, Авель-Бет-Мааху, Яноах, Кадес, Хацора, Галаад и Галилею, всю землю Нафтали, и увёл их в плен в Ассирию».

Пеках не прожил долго после своего поражения. Как и большинство его предшественников, он был убит. Его убийца, Осия, занял трон и стал последним царем Израиля. Его власть распространялась только на территорию Ефрема, и он платил дань

царю Ассирии. Слишком слабый, чтобы освободиться от этого подчинения, он попытался получить помощь извне и послал послания царю Египта, которого Библия называет Со, и который, вероятно, является Шабакком, эфиопским царем XXV династии.

[722-700 гг. до н. э.]

Осия не платил ежегодную дань, которую наложил на него царь Ассирии, либо потому, что его ресурсы были недостаточны, либо потому, что он рассчитывал на помощь, о которой просил Египет. Салманасар схватил его и посадил в тюрьму, а затем напал на Самарию, которая мужественно сопротивлялась, тщетно ожидая помощи. Царь Египта не хотел рисковать войной ради поддержки проигрышного дела. Царь Иудеи, Езекия, сын Ахаза, боялся навлечь на себя гнев и благоразумно остался дома, занимаясь исключительно подготовкой религиозной реформы. Осада Самарии длилась уже десять лет, когда умер Салманасар. Она была активно продолжена его преемником, который взял город и увез его жителей в Ассирию и Мидию в количестве около двадцати семи тысяч человек, согласно надписи Хорсабада. Они постепенно ассимилировались с населением, среди которого были поселены. Израильтяне северных колен, переселенные Тиглатпилесером, и те, которых Саргон увез из Самарии, были заменены колонистами из различных провинций Ассирийской империи, которые также смешались с оставшимися старыми израильскими и ханаанскими жителями. Возникла смешанная раса, к которой иудеи всегда испытывали большую неприязнь. Тем не менее, эти новые самаритяне приняли поклонение Иегове, не отказываясь от религии страны, которую они покинули. Среди израильтян, оставшихся в стране, было много тех, кто мигрировал в царство Иудеи и даже в Египет. Пророки Иудеи не выражают ни слова сострадания к своим братьям из Израиля. Автор Хроник не упоминает о падении Самарии. Это событие кажется ему менее достойным внимания потомков, чем детали ритуала, хоры левитов, всесожжения и очищения. (722 г. до н. э.)

В Книге Хроник благочестие Езекии представлено как абсолютный контраст с безбожием его отца Ахаза. Изменения, которые он внес в национальное богослужение, были гораздо более серьезными, чем те, в которых обвиняли его отца, только они соответствовали интересам священнической касты. Ахаз ограничился обновлением части храмовых принадлежностей, которые датировались временами Соломона и не казались ему столь хорошими, как те, что он видел в Дамаске. Езекия уничтожил все высоты в своем царстве, то есть местные святилища, часовни, частные алтари, роши и все материальные символы религии, в частности «медного змея, которого сделал Моисей, ибо до тех пор сыны Израилевы курили ему курень, и он назвал его Нехуштаном». С тех пор храм в Иерусалиме стал единственным святилищем, где можно было приносить жертвы национальному Богу. Священники, приносившие жертвы, и левиты, ответственные за содержание храма, таким образом, увидели рост своего значения и своих доходов.

После смерти Саргона среди вассалов Ассирии произошло всеобщее восстание. Езекия поступил так же, как и другие: он отказался платить дань и обратился за помощью к Египту, несмотря на совет пророка Исаии, который хотел, чтобы всякая человеческая помощь была отвергнута и чтобы полагались только на божественную защиту. Сеннахериб, преемник Саргона, наказав вавилонское восстание, вторгся в Палестину. «Езекия оставался запертым в Иерусалиме, как птица в клетке», — говорится в ассирийской надписи. Города и крепости были взяты, двести тысяч пленников были отправлены в Ассирию. Тогда Езекия послал к царю Ассирии в Лахиш, чтобы сказать: «Я согрешил, отступи от меня, я понесу то, что ты возложил на меня. И царь назначил Езекии триста талантов серебра и тридцать талантов золота, и Езекия отдал ему все сокровища, которые были найдены в храме и в

сокровищницах царского дома. В то время Езекия снял золото с дверей храма Господня и со столбов, которые покрыл Езекия, царь Иудеи, и отдал его царю Ассирии».

[700-680 гг. до н. э.]

Сеннахирим не успокоился; он только что услышал, что в Пелусии формируется новая египетская армия, и подумал, что Езекия пытается выиграть время. Он остался перед Лахишем, который осаждал, и послал часть своей армии на Иерусалим. Узнав, что Тирхака, царь Эфиопии (), наступает на него во главе армии, Сеннахирим предпринял новую попытку добиться капитуляции Иерусалима.

Пророк Исаия успокаивает Езекию по поводу войны; он обещает ему, что через год его подданные смогут возделывать свои поля и собирать плоды. «И произошло, что Ангел Господень вышел и поразил в лагере ассирийцев сто восемьдесят пять тысяч человек; и когда они встали утром, то увидели, что все они были мертвыми трупами. И Сеннахирим, царь Ассирии, ушел и вернулся и поселился в Ниневии».

Существует египетская легенда о поспешном уходе Сеннахирима. Согласно этой легенде, рассказанной Геродоту жрецами, бог Птах, чтобы вознаградить благочестие Сета, царя Египта, который благоволил к жреческой касте, послал в ассирийский лагерь множество крыс. За одну ночь они перегрызли все тетивы луков и щиты; враги, не имея возможности сражаться, были вынуждены бежать, и большинство из них погибло в панике. Геродот добавляет, что в его время в храме Птаха стояла статуя, изображающая царя, держащего в руке крысу, с надписью: «Кто бы ты ни был, увидев меня, научись уважать богов».

Согласно голландскому труду *«Семейная Библия»*, о котором мы уже упоминали, египетские жрецы, рассказавшие эту легенду Геродоту, не знали много о символах своей собственной религии. «Обычно крыса является символом разрушения, в частности чумы. Вторжение крыс, о котором говорится в нашей басне, является не чем иным, как ложным толкованием крысы, найденной в руках статуй. Эта крыса на самом деле олицетворяет чуму. Поскольку израильтяне приписывали причину этой болезни ангелу Господню, египетская история согласовалась бы с тем, что говорится в Библии об отступлении Сеннахирима, если бы Геродот не дал фараону имя Сетос, в то время как в Библии он называется Тирхака. В любом случае, Сеннахирим был вынужден прервать свои войны из-за инфекционных заболеваний. Конечно, в его надписи об этом не говорится: в конце он хвастается тем, что привез в Ниневию не сильно сокращенную армию, а великие сокровища, завоеванные частично на земле Иудеи, и что получил от Езекии не только предложение выкупить за большую сумму, но и предложение подчинения. Этот момент был реализован только в воображении тщеславного монарха. Езекия сохранил свою независимость».

Ассирийцы оставили землю в плачевном состоянии. Поля были разорены, города сожжены, крепости разрушены, а их жители обращены в рабство. Народ приписывал все эти бедствия теократической стороне, которая была всемогущей во время правления Езекии. Эта сторона всегда проповедовала войну до смерти; правда, национальная независимость была сохранена, но ценой материальных интересов, и быстрое подчинение могло бы предотвратить ужасные бедствия. Уничтожение местных святилищ в интересах храма в Иерусалиме () также нарушило все религиозные обычаи, особенно в провинциях.

Рабшаке знал, что этот радикальный шаг был нечестивым в глазах консерваторов, и без оснований он хотел говорить с народом на иврите. Именно этим можно объяснить бурную реакцию, которая имела место против реформ Езекии во время правления его сына Манассии. Библия приписывает все царю, но инвективы пророков против того, что они

называют «ожесточением народа», достаточно доказывают, что правительство более или менее бессознательно следовало курсу общественного мнения.

[680-610 гг. до н. э.]

Реакция вызвала постоянное сопротивление со стороны побежденных, как это всегда бывает после кровавых репрессий; так, в Книге Царств говорится, что Манассия (2 Царств, 21:22) «пролил много невинной крови, пока не наполнил Иерусалим от одного конца до другого». Традиция, упомянутая в *Талмуде*, согласно которой Исайя был распилен между двумя досками, в целом отвергается; такая важная деталь не была бы опущена в Библии. Рассказ в Хрониках о другом ассирийском вторжении, о пленении Манассии и его покаянии, также отвергается; молитва, которую он, как говорят, произнес после своего обращения, входит в так называемые апокрифы Ветхого Завета и имеет сравнительно недавнее происхождение.

В ассирийских документах не упоминается никакого вторжения в Иудею преемниками Сеннахирима. Иеремия и Книга Царств представляют разрушение царства Иудеи как наказание за идолопоклонство Манассии, не упоминая о его покаянии. М. Мунк говорит: «Поэтому мы считаем, что не следует придавать значения деяниям, которые Хроники приписывают Манассии». То же самое мы скажем и об апокрифической истории Юдифи. Книга Юдифи должна рассматриваться как поучительная, но вымышленная история, сочиненная автором, мало знакомым с историей и географией. Таким образом, мы не знаем ни одного важного исторического события из долгого правления Манассии, за исключением реакции, которая имела место среди священников и пророков. Вероятно, что Иудея не испытывала беспокойства со стороны внешних врагов во время этого правления».

Манассия умер после пятидесятипятилетнего правления (641 г. до н. э.), а его сын Амон, который также проявлял враждебность по отношению к теократической партии, был убит двумя годами позже. Неизвестно, были ли у этого убийства религиозные или политические мотивы, но народ был очень возмущен этим и убил заговорщиков, а на престол (639 г. до н. э.) возвел восьмилетнего Иосию, сына Амона.

В восемнадцатый год правления Иосии, когда плотники, архитекторы и каменщики проводили ремонтные работы в храме, первосвященник Хелкия явился к писцу и сказал, что он нашел в храме Книгу Закона. Книга была принесена королю, который велел ее прочитать. Услышав содержащиеся в ней страшные угрозы, он разорвал свои одежды: «Идите, спросите Господа за меня, за народ и за весь Иудею о словах найденной книги, ибо велик гнев Господень, возгоревшийся на нас, потому что отцы наши не послушали слов этой книги, чтобы исполнять все, что в ней написано о нас».

Считается, что эта книга, найденная в храме, содержала основные части Второзакония, особенно заповеди, содержащиеся в IV главе, проклятия, произнесенные в XXVIII главе против тех, кто отвернется от условий союза; а в промежуточных главах все, что касалось запрета чуждых религий и поклонения изображениям, привилегий колена Леви и установления единственного святилища в городе, избранном Господом.

Иудаизм, то есть исключительный теократический и иконоборческий монотеизм, находился под покровительством Моисея, легендарного героя, выведшего Израиль из Египта. Чтобы изменить религиозные обычаи народа, они противопоставили консервативной традиции другую, представленную как более древнюю и связанную с почитаемым именем. Царь Иосия, вооружившись версией, которую он не считал необходимым удостоверить, взялся за выполнение всех ее предписаний. Святилища Иудеи были

разрушены, священники были сохранены, но они не выполняли никаких функций в храме. Затем царь отправился в Вефиль и разрушил святилище, воздвигнутое Иеровоамом. То же самое он сделал во всех городах Самарии: «И убил всех священников на высотах на жертвенниках и сжег кости людей».

[610-605 гг. до н.э.]

После этого вторжения в древнее царство Израиль, которому, по-видимому, ассирийцы, находившиеся тогда в упадке, не оказали никакого сопротивления, царь Иудеи вошел в Иерусалим, где он приказал торжественно отпраздновать Пасху: «Как было написано в Книге этого Завета. Наверное, такой Пасхи не было со времен судей, судивших Израиль, ни во все дни царей Израиля, ни царей Иудеи, но в восемнадцатом году царя Иосии, когда эта Пасха была отпразднована Господу в Иерусалиме».

Энтузиазм теократической партии проявляется в безграничной хвале Книги Царей: «И не было перед Иосией царя, который бы обратился к Господу всем сердцем своим, всей душой своей и всеми силами своими, по всему закону Моисееву, и после него не было подобного ему».

Все обещания пророков не могли не сбыться при правлении такого князя; он мог считать себя уверенным в защите Господа, поклонение которому царило во всей земле Иудеи и даже Израиля. Эти надежды были жестоко разбиты катастрофическими событиями, которые ознаменовали конец правления Иосии. Неку, царь Египта, желая воспользоваться падением Ассирийской империи, направил армию к Евфрату, чтобы сразиться с Набополассаром, царем Вавилона. Иудея никоим образом не была угрожена, и Книга Царств не объясняет мотивы, которые, возможно, побудили Иосию принять участие в неравной борьбе. Он вышел навстречу египетской армии в Мегиддо, на равнинах Изрееля. Согласно Книге Летописей, Неку послал к нему послов со словами: «Что мне до тебя, царь Иудеи? Я пришел сегодня не против тебя, а против дома, с которым я воюю, ибо Бог повелел мне поспешить. Не вмешивайся в дела Бога, который со мной, чтобы Он не погубил тебя». Иосия не внял этому предупреждению, сражался и был убит. «И весь Иуда и Иерусалим оплакивали Иосию. И Иеремия оплакивал Иосию, и все певцы и певицы говорили об Иосии в своих плачах до сего дня».

В Библии содержится лишь очень сухое изложение событий, последовавших за смертью Иосии, которое было немного дополнено с помощью некоторых отрывков, взятых из Иеремии. Поражение при Мегиддо, по-видимому, нанесло смертельный удар реформам Иосии, поскольку в Книге Царств все его преемники обвиняются в том, что «совершали злое пред очами Господа». Народ возвел на престол Иоахаза, сына Иосии, которого Иеремия называл Шаллумом. Три месяца спустя Неку заставил его отправиться в Риблу и отправил его в плен в Египет, заменив его другим сыном Иосии по имени Елиаким и изменив его имя на Иоакима (), потребовав от Иудеи дань в сто талантов серебра и один талант золота.

БАВИЛОНСКОЕ ПЛЕНЕНИЕ

[605-597 гг. до н.э.]

По прошествии трех лет Неку был разгромлен в Кархемише Навуходоносором, сыном царя Вавилона. Маленькое царство Иудея было расположено между двумя великими империями, Египтом и Халдеей, и подвергалось давлению со всех сторон. Иоаким, хотя и был вассалом царя Египта, которому он обязан был своим престолом, чтобы сохранить его, подчинился сюзеренитету царя Вавилона. Но поскольку он всегда предпочитал Египет, он поднял

восстание. Навуходоносор послал войска и рассеял по Иудее отряды моавитян и аммонитян, которые только и ждали возможности отомстить за долгое угнетение. Царь заперся в Иерусалиме, ожидая помощи из Египта, которая так и не пришла. Пророки не пришли к согласию и обвиняли друг друга в обмане. Иеремия своими зловещими предсказаниями отбивал охоту к сопротивлению. Народ был все более раздражен, и несколько раз его жизни угрожала опасность. Но у него были сторонники, поскольку, по крайней мере, он был свободным голосом, протестующим против общественного бедствия. Если он был суров по отношению к народу, то еще более суров он был по отношению к царю, которого он обвинял в безрассудных тратах и тирании. «Он сказал: „Так говорит Господь о Иоакиме, сыне Иосии, царе Иудейском: Он будет похоронен как осел, вытащенный и выброшенный за ворота Иерусалима»». Царь сжег его пророчества и приказал преследовать его, но поскольку Иеремия принадлежал к священнической касте, будучи сыном Хелкии, они помогли ему скрыться. Один из его учеников не был столь удачлив: он укрылся в Египте, но был возвращен и казнен.

[597-586 гг. до н. э.]

Согласно Книге Хроник, Иоаким был отправлен в Вавилон в цепях. Иосиф Флавий утверждает, что Навуходоносор, войдя в Иерусалим и пообещав не причинять вреда царю, убил его, несмотря на свое обещание, и лишил его погребения в соответствии с пророчеством Иеремии. В Книге Царств просто говорится, что Иоаким «уснул с отцами своими». Его сын Иоахин, названный Иеремией Иехонией или Конией, правил всего три месяца.

Навуходоносор поставил царем в Иерусалиме последнего из сыновей Иосии, который сменил свое имя Маттания на Седекию. Что же касается Иехонии, то он оставался в плену в Вавилоне в течение тридцати лет. Зло-Меродах, преемник Навуходоносора, освободил его. Если бы Седекия довольствовался должностью сатрапа вавилонского царя, он мог бы мирно управлять оставшимися евреями; но его увлекали в разные стороны течения общественного мнения, которые тогда представляли пророки, а сегодня — газеты. Те, кто провозглашал приближение освобождения, пользовались большим вниманием, чем те, кто, как Иеремия, проповедовал покорность завоевателю, ибо они не могли поверить, что Господь оставил свой народ. Седекия получил сообщения из Тира и Сидона, Аммона и Моава; без сомнения, они касались всеобщего восстания. Иеремия послал каждому из послов, и даже царю, деревянное ярмо, объявив, что все люди, которые восстанут против вавилонского ярма, будут наказаны мечом, голодом и чумой. Сам он появился в храме с ярмом на плечах. Пророк, который был за войну, сорвал его и разбил перед народом, говоря: «Так говорит Господь: так же Я сломаю иго Навуходоносора, царя Вавилонского, с шеи всех народов в течение двух полных лет».

Царь был очень смущен, потому что только по исполнению можно было отличить истинное пророчество от ложного. Он начал переговоры с Египтом; царь Египта Хофра (Априс, Уах-аб-Ра), пообещав ему помощь, отказался платить дань, которой он подчинялся в течение восьми лет. Навуходоносор решил успокоить евреев и пришел с войском на Иерусалим. Седекия собрал народ, и чтобы получить благосклонность Господа, было решено, что те, у кого были еврейские рабы, должны освободить их, в соответствии с законом, приписываемым Моисею, но который никогда не выполнялся. Клятва была дана по древнему обычаю, когда быка разрезали пополам и проходили между частями мяса. Но пришла весть, что в Иудею приближается египетская армия; халдеи пошли ей навстречу. Они думали, что все уже выиграно, что нет необходимости беспокоиться, и каждый забрал своих рабов. Иеремия, возмущенный этим, объявил, что город должен быть сожжен, а земля

должна стать пустыней. Затем, когда он попытался покинуть Иерусалим, его обвинили в том, что он хочет перейти на сторону врага. Они стали очень подозрительно относиться к нему. «Пусть его казнят, — сказали они, — ибо он ослабляет руки воинов». Царь был вынужден посадить пророка в тюрьму.

[586 г. до н. э.]

По словам Иосифа Флавия, египетская армия была разгромлена в великой битве. Только Иеремия говорит, что она вернулась в Египет. Халдеи продолжали осаду Иерусалима, которая длилась почти десять лет: «В городе царил голод, и не было хлеба для народа земли. И город был разрушен, и все воины бежали ночью через ворота между двумя стенами, которые находятся у царского сада. Халдеи окружили город, а царь направился к равнине. Армия халдеев преследовала царя и догнала его на равнинах Иерихона, и вся его армия рассеялась. Они взяли царя и привели его к царю Вавилонскому в Риблу». Стены Иерусалима были разрушены, город был опустошен огнем, и большое количество пленников было уведено в Вавилон.

Царь Вавилонский доверил управление страной еврею по имени Гедалия, другу Иеремии и, вероятно, как и он, стороннику мира и покорности. Гедалия поселился в Мицпе и объявил евреям, что им нечего бояться, если они останутся верными Навуходоносору. Офицеры и солдаты, которые скрывались в провинциях во время взятия Иерусалима, вернулись в большом количестве. Многие евреи эмигрировали в Египет, несмотря на пророчества Иеремии, который предупреждал их, что они будут преследоваться местью вавилонского царя и что Египет будет завоеван. Пророк Иезекииль, один из тех, кто был вывезен во времена Иоахина, также пророчествовал о завоевании Египта халдеями. По словам Иосифа Флавия, эти предсказания сбылись. Навуходоносор победил и убил Хофру (Априса, Уах-аб-Ра) и увез в Халдею евреев, поселившихся в дельте Нила. Но М. Масперо говорит: «Египетские источники не позволяют признать достоверность этой традиции; напротив, они доказывают, что Навуходоносор потерпел серьезное поражение».

В приложении к Книге Иеремии говорится о 745 евреях, увезенных в Вавилон через пять лет после падения Иерусалима; но вероятно, что они были взяты из числа тех, кто остался в Иудее после убийства Гедалии. Согласно этим отрывкам, общее число тех, кто был трижды переселен во время правления Навуходоносора, составило бы 4600 душ. Это число настолько мало, что можно подумать, что автор считал только глав семейств. Плачи, приписываемые Иеремии, дают нам поэтическую картину бедствий Иерусалима и Иудеи после завоевания халдеями:

«Как одиноко сидит город, который был полон народа; как он стал вдовцом, он, который был великим среди народов и князем среди провинций; как он стал данником? Он плачет горько ночью, и слезы его на щеках; среди всех его возлюбленных нет никого, кто бы утешил его; все его друзья поступили с ним вероломно, они стали его врагами. Наше наследие перешло к чужим, наши дома — к пришельцам. Мы сироты и без отца, наши матери — как вдовы. Но Ты, Господи, пребываешь вовеки, Твой престол — из поколения в поколение. Почему Ты забыл нас навеки и оставил нас на столь долгое время?»

В то же время изгнанники, вспоминая свою страну, давали волю чувствам, глубина которых даже Данте не превзошла, и в которых надежда на месть проявлялась с яростной энергией.

«У вод Вавилона мы сидели и плакали, вспоминая Сион. Мы повесили наши арфы на ивах посреди него. Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть моя правая рука забудет свое искусство.

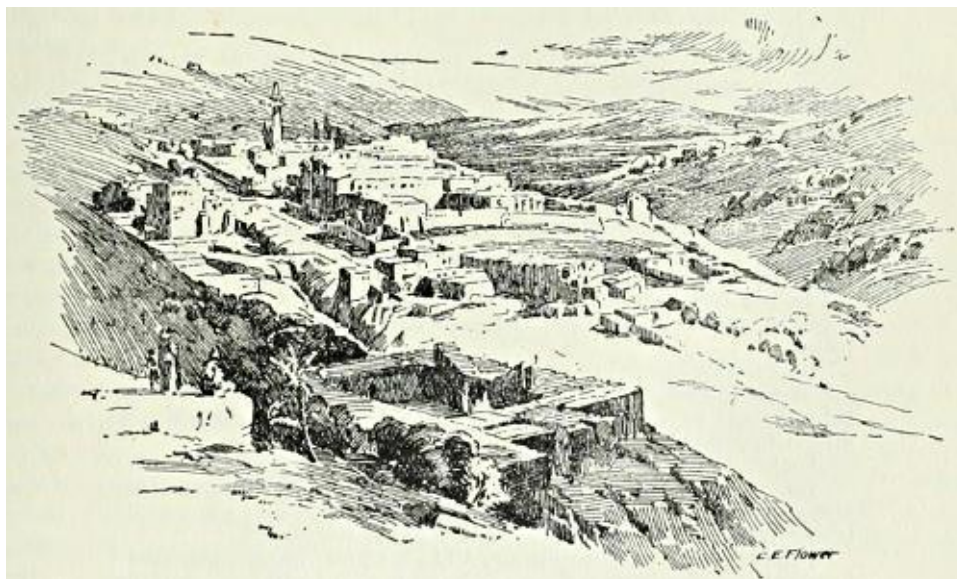
Если я не буду помнить тебя, пусть мой язык прилипнет к небу моему; если я не буду предпочитать Иерусалим выше моей главной радости».

То, что дало жизнь еврейскому народу, — это чувство патриотизма, доведенное до крайности, ненависть к чужаку. Родина — это не только уголок земли, на котором человек родился, это моральная связь, объединяющая членов общества в общей мысли, чтобы сформировать одну семью. Этот маленький народ, окруженный, а затем поработанный более многочисленными и сильными соседями, от которых он не отличался ни по расе, ни по языку, отличался от них религией. Эта религия является идеальной формой патриотизма; она доминирует и наполняет его историю. Если они сожалеют о Иерусалиме, то только из-за храма. Нетерпимый фанатизм пророков, узкий формализм священников воздвигли вокруг народа Господня невидимый вал, более непреодолимый, чем Великая китайская стена. В то же время, когда национальная независимость уступала место силе, решительная энергия теократической партии готовила свое возрождение. Это одно из величайших чудес истории, и все чудеса, которыми этот народ наполнил свои легенды, не стоят тех, которые он сам совершил одной только силой своей веры.^b

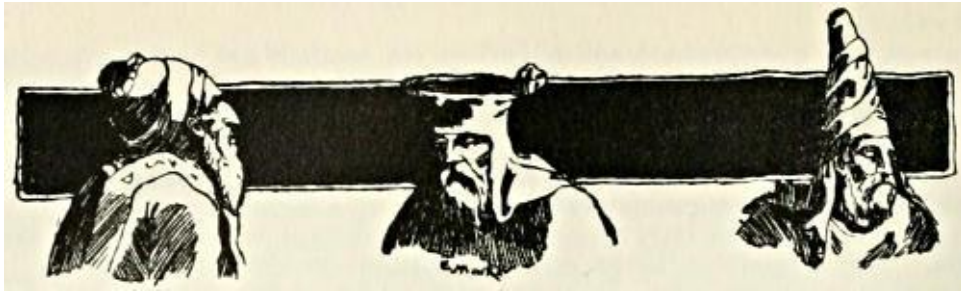
СНОСКИ

[2] [Это согласно хронологии Ашера. Вероятная реальная дата — около 930 г. до н. э.]

[3] [Профессор Сэйс говорит: «Дода, должно быть, был божеством, которое получало божественные почести в северном царстве Израиля наряду с национальным богом». Арел означает герой. Так что, вероятно, были определенные «герои», которые выступали в качестве защитников божества, которому они были привязаны].

МОНАСТЫРЬ ТЕРРА САНТА, НАЗАРЕТ

ГЛАВА VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА

ПРОРОЧЕСТВО О ВОЗВРАЩЕНИИ

Утешьте, утешьте народ Мой, говорит Бог ваш.

Утешайте Иерусалим и возвещайте ему, что его борьба окончена, что его беззаконие прощено, ибо он получил от руки Господа двойную плату за все свои грехи.

Голос вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, сделайте в пустыне дорогу для Бога нашего.

Каждая долина будет возвышена, и каждая гора и холм будут понижены; и кривое будет выпрямлено, и неровные места будут выровнены.

И явится слава Господня, и увидит ее всякая плоть, ибо уста Господни сказали это. — *Исаия*, 40:1-5.

Кто отдал Иакова на разграбление, а Израиля на разбойников? Не Господь ли, против Которого мы согрешили? Ибо они не хотели ходить путями Его и не были послушны закону Его.

Поэтому Он излил на него ярость Своего гнева и силу Своей войны, и она охватила его со всех сторон, но он не понял этого; она сожгла его, но он не принял это близко к сердцу. — *Исаия*, 42:24-25.

Но теперь так говорит Господь, сотворивший тебя, Иаков, и образовавший тебя, Израиль: не бойся, ибо Я искупил тебя, Я призвал тебя по имени твоему, ты Мой.

Ибо Я — Господь, Бог твой, Святой Израилев, Спаситель твой; Я отдал Египет за выкуп твой, Эфиопию и Севу за тебя.

Не бойся, ибо Я с тобою; Я приведу семя твое с востока и соберу тебя с запада;

Я скажу северу: «Отпусти», и югу: «Не удерживай!» Приведи сыновей Моих издалека и дочерей Моих с концов земли» (*Исаия* 43:1, 3, 5, 6).

Так говорит Господь, Искупитель твой, сотворивший тебя от чрева: Я — Господь, сотворивший все, простерший небеса один, распростерший землю Сам,

Который разрушает знамения лжецов и сводит с ума гадателей, обращает мудрецов в назад и делает их знание глупостью.

Я подтверждаю слово раба Моего и исполняю совет посланцев Моих; Я говорю Иерусалиму: ты будешь заселен, и городам Иудеи: вы будете построены, и Я восстановлю разрушенные места твои;

Говорящий бездне: «Высохни, и Я иссушу твои реки»:

который говорит о Кире: «Он мой пастырь и исполнит все, что мне угодно», говоря Иерусалиму: «Ты будешь построен», и храму: «Твой фундамент будет заложен» (*Исаия* 44:24-28).

Так говорит Господь помазаннику Своему, Киру, которого правую руку Я держу, чтобы покорять перед ним народы, и Я развяжу чресла царей, чтобы открыть перед ним двустворчатые врата, и врата не будут закрыты;

Я пойду перед тобою и выровняю кривые места; Я сокрошу медные ворота и разорву железные затворы. — *Исаия*, 45:1-2.

Бел склоняется, Небо наклоняется, их идолаы были на зверях и на скоте; ваши повозки были тяжело нагружены; они являются бременем для утомленных зверей.

Они склоняются, они вместе преклоняются; они не могли освободить от бремени, но сами ушли в плен. — *Исаия* xlv. 1-2.

Спустиись и сядь в прахе, дева, дочь Вавилона, сядь на землю: нет престола, дочь халдеев, ибо ты больше не будешь называться нежной и хрупкой. — *Исаия*, 47:1.

Сиди в тишине и войди в темноту, дочь халдеев, ибо ты больше не будешь называться госпожой царств.

Я разгневался на народ Мой, осквернил наследие Мое и отдал их в руки твои; ты не проявила к ним милосердия, на стариков ты возложила тяжелое иго.

И ты сказала: «Я буду госпожой вечно», так что ты не взяла этих вещей в сердце свое и не помнила о конце их.

Поэтому послушай теперь это, ты, предающаяся удовольствиям, живущая беззаботно, говорящая в сердце своем: «Я есть, и нет никого кроме меня»; я не буду сидеть вдовствуя и не буду знать потери детей.

но эти две беды придут к тебе в один день, потеря детей и вдовство; они придут к тебе в полной мере за множество твоих чар и за великое изобилие твоих заклинаний. — *Исаия*, 47:5-9.

Ты изнемогла от множества твоих советов. Пусть теперь астрологи, звездочеты, предсказатели месячных прогнозов встанут и спасут тебя от этих бедствий, которые обрушатся на тебя.

Вот, они будут как солома; огонь сожжет их; они не спасут себя от силы пламени: не будет угля, чтобы согреться, ни огня, чтобы сидеть перед ним.

Так будут с тобой те, с кем ты трудился, твои купцы, с юности твоей; каждый будет блуждать по своему кварталу; никто не спасет тебя. — *Исаия* xlvii. 13-15.

Слушайте это, дом Иакова, называемый именем Израиля, вышедший из вод Иуды, клянущийся именем Господа и упоминающий Бога Израилева. — *Исаия*, 48:1.

[586-536 гг. до н.э.]

Услышав это звучное пророчество Исаии, в котором, в худшем случае, желание было отцом мысли, мы можем услышать, что такой критичный исследователь еврейской истории, как Эрнест Ренан, сказал о пророках в целом.

«За полвека до захвата Самарии, — говорит он, — почти вся деятельность еврейского гения была сосредоточена в Иудее. Пророчество пришло к своим основным выводам, а именно: монотеизм, Бог (или Иегова) как единственная причина явлений во вселенной; справедливость Иеговы и необходимость осуществления этой справедливости на земле и для каждого человека в пределах его собственного существования; демократический пуританство в нравах, ненависть к роскоши, к светской цивилизации, к обязательствам, вытекающим из сложной гражданской организации; абсолютное доверие к Иегове; поклонение Иегове, заключающееся прежде всего в чистоте сердца. Непостижимость такой революции поражает нас, и когда мы задумываемся над этим, мы обнаруживаем, что момент, когда произошло сотворение мира, является самым плодотворным во всей истории религии. Даже начальное движение христианства в первом веке нашей эры уступает место этому необычайному движению еврейского пророчества в восьмом веке до нашей эры. Все Иисус содержится в Исаии. Гуманитарная судьба Израиля так же ясно предначертана около 720 года, как и судьба Греции двести лет спустя.

«До времени Илии и Елисея Израиль по сути не отличался от соседних народов; на его лбу не было никакого знака. С этого момента его призвание было окончательно определено.

После очень благоприятного правления (правления Езекии) пророчество переживет долгий период испытаний (правления Манассии и Амона), а затем полностью торжествует при Иосии. История Иудеи отныне будет историей религии, сначала ограниченной на протяжении долгих веков своими собственными границами, а затем, благодаря победе христианства, смешавшейся с общим движением человечества. Крик древних пророков о справедливости не будет заглушен. Греция заложит основы светского общества, свободного в том смысле, в каком его понимают экономисты, не обращая внимания на страдания слабых, которые являются результатом величия социальной работы. Пророчество будет подчеркивать справедливые требования бедных; оно подорвет положение армии и королевской власти в Израиле; но оно основало синагогу, Церковь, общества для бедных, которые со времен Феодосия станут всемогущими и будут управлять миром. В средние века громогласный голос пророков, истолкованный святым Иеронимом, будет внушать страх богатым и могущественным и, в интересах бедных или тех, кто притворяется таковыми, будет препятствовать любому прогрессу в промышленности, науке или мирской жизни.

«Германский лаицизм отразил натиск этого угнетающего евионизма. Воин, франк, лангобард, саксонец, фриз, отомстил человеку Божьему. Воин средневековья был настолько простодушен, что его доверчивость вскоре снова привела его под иго теократии, но Ренессанс и протестантизм освободили его; Церковь не смогла восстановить свою власть над своей добычей. Фактически, варвар, самый жестокий из светских князей, был освободителем по сравнению с христианским священником, имевшим в своем распоряжении светскую власть. Самое жестокое угнетение — это угнетение, осуществляемое во имя духовного принципа; светская тирания довольствуется поклонением тела; сообщество, имеющее власть навязывать свои мнения, — это худшее из бедствий.

«Таким образом, деятельность пророков остается одним из важнейших элементов мира. Движение мира является результатом параллелограмма двух сил — либерализма с одной стороны и социализма с другой; либерализм греческого происхождения, социализм еврейского происхождения; либерализм, способствующий наибольшему развитию человека, социализм, уделяющий внимание в первую очередь справедливости в строгом смысле этого слова и счастью большинства в практическом плане, которое так часто приносится в жертву потребностям цивилизации и государства. Социалист нашего времени, который выступает против злоупотреблений, неизбежных в большом организованном государстве, очень напоминает Амоса, представляющего как чудовищные самые очевидные потребности общества, такие как выплата долгов, ссуды под залог и налоги.

«Прежде чем рискнуть сказать, какая из этих двух противоположных тенденций является правильной, мы должны знать, в чем заключается цель человечества. Является ли ею благополучие составляющих его индивидуумов или достижение определенных абстрактных, объективных целей, как их называют, которые требуют жертвования гекатомбами индивидуумов? Каждый ответит в соответствии со своим моральным темпераментом, и этого достаточно. Вселенная, которая никогда не перестает делать откровения, достигает своей цели бесконечным множеством путей. То, что хочет Иегова, всегда сбывается. Давайте будем спокойны; если мы из тех, кто ошибается, кто работает против течения высшей воли, это не имеет большого значения. Человечество — это один из бесчисленных муравейников, где разум приобретает свой опыт в пространстве; если мы упустим свою роль, другие ее приобретут».

Принимая пророков и пророчества в том духе, в каком каждый хочет, интересно отметить, каким образом и в какой степени пророчество сбывается, ведь евреи возвращаются, чтобы

восстановить храм и стены, только для того, чтобы оставаться в неизвестности и беспомощно переходить от одного господина к другому.^a

ПОЛОЖЕНИЕ ИЗГНАННИКОВ

История евреев делится на два отдельных периода. Первый, чисто легендарный до времени Самуила, становится истинной историей только при царях; он резко заканчивается для Израиля при осаде Самарии Салманасаром IV [и Саргоном II], а для Иудеи — примерно столетие спустя при осаде Иерусалима Навуходоносором.

Гибель Израиля была полной; племена, переселенные на другую сторону Евфрата, постепенно забыли свои прежние воспоминания, обычаи, язык и даже свою религию и смешались с народами Верхней Азии. Когда и как это произошло, неизвестно. Колонисты, привезенные в Ханаан Эсархаддоном, заменили их, смешавшись с остатками израильского населения. Иначе обстоит дело с иудеями, увезенными в Вавилон; хотя их было не так много, они сохранили свою национальную жизнь во время изгнания. Когда представился случай, они вернулись в свою страну, окружили себя сельским населением, оставленным завоевателем для возделывания земли, и стали центром новой нации.

Евреи, перевезенные Навуходоносором, были расселены по разным провинциям Халдейской империи, где они жили вместе. Их положение было несравненно лучше, чем положение политических изгнанников в Сибири, Кайенне или Нумеа в настоящее время. Иеремия советовал своим соотечественникам возделывать землю и строить, что доказывает, что им была дана земля и что они образовали колонии.

Ими управляли старейшины, которые выносили приговоры без права апелляции даже в крайних случаях, как видно из истории Сусанны в дополнении к Книге Даниила. Ничто не мешало им свободно исповедовать свою религию. Правда, поскольку жертвоприношения могли регулярно совершаться только в Иерусалиме, жертвоприносящие не имели работы, но пророки сохраняли свое влияние, и Иезекииль несколько раз упоминает о посещениях, которые им наносили, чтобы посоветоваться с Господом. М. Мунк говорит: «Вероятно, существовали собрания, на которых совместно возносились молитвы, и, возможно, происхождение синагог восходит к этому времени. Традиция, упомянутая в *Талмуде* Вавилонском, Мегилла, фол. 28, а, приписывает основание синагоги, построенной из камней из Святой Земли, изгнанникам, сопровождавшим Иоакима».

Легенды о Данииле в львином рву и о трех мужчинах в печи не достаточны, чтобы поверить в религиозные преследования, о которых современные пророки не преминули бы упомянуть; из этих народных преданий, собранных гораздо позднее, можно сделать вывод лишь о том, что некоторые евреи, несомненно евнухи или гадатели, могли играть определенную роль при дворе вавилонских царей. Естественный гнев евреев на разрушителя Иерусалима породил легенду, согласно которой Навуходоносор в наказание за свою гордыню был изгнан из числа людей на семь лет и превращен в зверя. «И он ел траву, как волы, и его тело было мокро от росы небесной, пока его волосы не выросли, как перья орла, а ногти — как *когти* птиц». Вероятно, что еврейские пленники в Вавилоне приняли больших крылатых быков с человеческими головами у ворот ассирийских дворцов за изображения царей. Исторические книги Библии не упоминают эту легенду, которая цитируется только в Книге Даниила, написанной во времена Антиоха Эпифана. Песня о победе над смертью Навуходоносора написана в Книге Исаии.

ПРИХОД КИРА

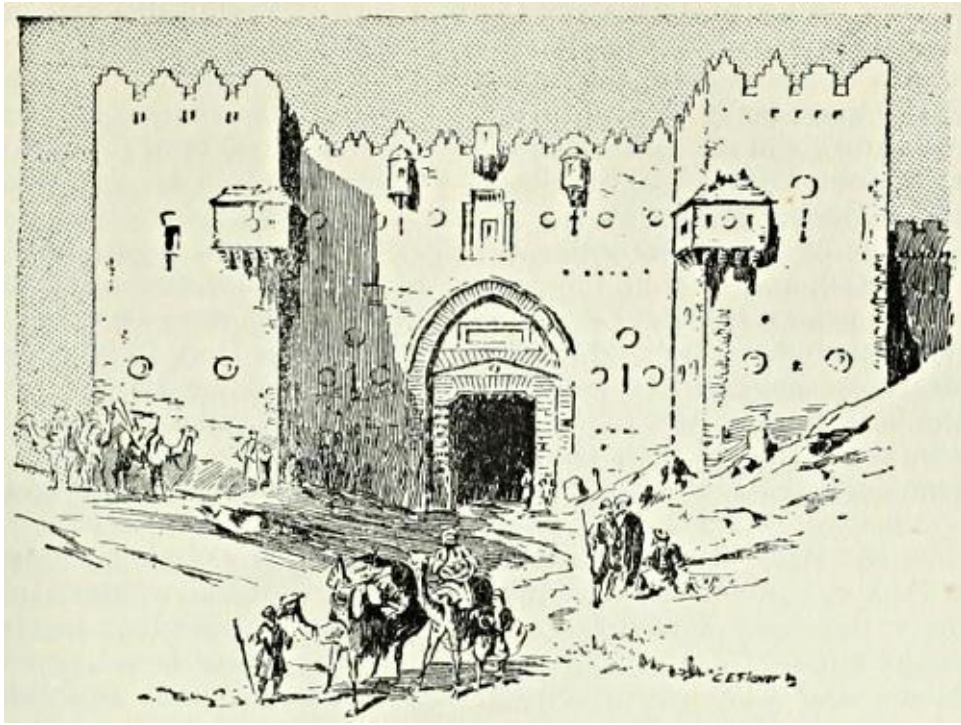
[538 г. до н. э.]

Во время правления Набонида, называемого Валтасаром в Книге Даниила, Вавилон был осажден Киром, царем персов. Город был хорошо снабжен провизией и полагался на прочность и высоту своих стен, но Кир отвёл воды Евфрата и ввёл свою армию в высохшее русло реки. Если бы вавилоняне подозревали о его намерениях, они могли бы поймать врага в ловушку, закрыв ворота, ведущие к Евфрату, но они были заняты празднованием. Это обстоятельство дало начало легенде о Валтасаре, описанной в Книге Даниила.

Кир даже не упоминается в этом рассказе, что является странным упущением, учитывая, что именно он вернул евреям их страну. М. Мунк отождествляет мидийского Дария из Книги Даниила с Ксерксом из Ксенофонта; но «Киропедия» — это роман, не имеющий большего авторитета, чем Книга Даниила. После вступления Кира на престол евреи с интересом следили за быстрым прогрессом Новой Персидской империи. Осада Вавилона казалась им местью их Бога тем, кто угнетал его народ. Они считали персов освободителями, ведь враги наших врагов всегда являются нашими друзьями. Эта симпатия и надежда ярко выражены во втором Исаии. Он называет Кира «пастухом Иеговы, который исполняет его волю, говоря Иерусалиму: ты будешь построен, а храму: твои основания будут заложены».

Он настолько убежден, что Кир является инструментом Бога евреев, специально избранным для их освобождения, что дает ему имя Мессии, как истинному царю Израиля: «Так говорит Господь своему помазаннику, Киру, которого я поддерживаю правой рукой, чтобы покорять перед ним народы, открывать перед ним врата. Я пойду перед тобой и выровняю кривые места; я разбью ворота медные и разбью затворы железные... Я — Господь, и нет другого. Я создаю свет и творю тьму, я даю мир и творю зло; я, Господь, делаю все это». Последнее предложение является отсылкой к маздеанской доктрине двух принципов. Персы приписывают добро доброму богу по имени Ормузд, а зло — злому богу по имени Ариман. Пророк, напротив, провозглашает одного единственного бога, создателя как добра, так и зла, что доказывает, что в то время вера в дьявола еще не была принята евреями.

Тем не менее, между иудейской и иранской религиями существовала большая связь: обе были иконоборческими, и Библия никогда не обвиняет персов в идолопоклонстве, как она делает это в отношении других народов. Доброта, проявленная Киром к евреям, обычно объясняется этими религиозными сходствами. Ее можно также объяснить политическими причинами. Легкость, с которой он взял Вавилон, кажется, указывает на то, что у него были сообщники в этом месте. Оказывая благосклонность евреям, он освобождал себя от большого долга. Возможно, он намеревался оттуда завоевать Египет и считал, что будет выгодно разместить на египетской границе энергичный народ, верность которого ему была гарантирована. Согласно Библии, с первого года своего правления, а точнее, в год после осады Вавилона, он разрешил евреям вернуться в Иерусалим и построить свой храм. Он даже вернул первосвященнику все священные сосуды, которые были вывезены из храма в Иерусалиме Навуходоносором. Этот первосвященник, внук царя Иоахина, носил характерное имя Зеруббабель, то есть «рожденный в Вавилоне». В других местах он упоминается под именем Шешбазар, которое, по-видимому, является скорее титулом, чем собственным именем.

ДАМАССКИЕ ВОРОТА, ИЕРУСАЛИМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИЕРУСАЛИМ

[536-515 гг. до н. э.]

Указ Кира появился в 536 году до н. э., через пятьдесят два года после падения Иерусалима и через шестьдесят три года после изгнания царя Иоахима. Были предприняты безуспешные попытки соотнести эти цифры с семьюдесятью годами плена, предсказанными Иеремией, которые в представлении пророка были лишь приблизительным и неопределенным числом. Большая часть еврейских пленников последовала совету Иеремии, построила дома и возделывала свои поля. В земле изгнания они развили ту склонность к торговле, которая сегодня отличает еврейский народ. Им было трудно пожертвовать своими интересами, чтобы начать новую жизнь в разрушенной стране. Те, кто, воспользовавшись указом Кира, покинули Вавилон под руководством Зеруббабеля, насчитывали около сорока тысяч человек, не считая рабов, по данным Ездры, который также приводит список семей; этот список с изменениями воспроизводится в Книге Неемии и в Третьей книге Ездры.

«Сложив подробные цифры, — говорит М. Мунк, — получается едва ли тридцать тысяч. По мнению еврейских ученых, необходимо учитывать избыток израильтян из десяти колен».

Несмотря на это объяснение, данное для согласования цифр, общепризнанно, что все или почти все эмигранты принадлежали к древнему колену Иуды. Имя «Иегудин», иудеи, искаженное до «евреи», отныне должно использоваться для обозначения нового политического и религиозного общества, которое утвердилось в Палестине.

Благодаря неустанным усилиям и исключительному патриотизму теократической партии евреи прошли через долгие годы изгнания, не перестав быть нацией и не смешавшись с чуждыми народами. Среди семей, вернувшихся в Иудею, семьи священников () составляли не менее одной восьмой от общего числа. Некоторые, не имея родословных, были исключены из священства.

После возвращения в Иерусалим первоочередной задачей Зеруббабеля и первосвященника Иешуа было возведение жертвенника и сбор пожертвований от глав родов для восстановления храма.

«Они дали деньги каменщикам и плотникам, а также пищу, питье и масло жителям Сидона и Тира, чтобы те привезли кедровые деревья из Ливана к морю Иоппы, согласно разрешению, которое они получили от Кира, царя Персии. Во второй год после их прихода в дом Божий в Иерусалиме, во второй месяц, начали работу Зеруббабель, сын Шеалтиелев, и Иешуа, сын Иозадаков, и остальные их братья, священники и левиты, и все, кто вышел из плена в Иерусалим; и назначили левитов от двадцати лет и выше, чтобы приступить к работе над домом Господним... И когда строители заложили основание храма Господня, они поставили священников в одеждах с трубами, а левитов, сынов Асафа, с цимбалами, чтобы славить Господа, по предписанию Давида, царя Израильского» (Ездра iii. 8, 10).

В этом месте Книга Ездры описывает событие, которое Иосиф Флавий относит ко времени Дария и которое показывает, что в узком рвении священнической аристократии гордость расы играла не меньшую роль, чем религиозная нетерпимость. Мы помним, что после разрушения царства Израиля Эсархаддон поселил в земле Самарии население из Мидии и Халдеи, главным образом кутейцев, чтобы заменить израильтян, переселенных за Евфрат. Согласно Книге Царств, эти чужеземные колонисты приняли бога своей новой страны. Они боялись Господа и поклонялись своим богам по обычаю народов, из которых они были приведены в Самарию.

Потомки этих колонистов все больше смешивались с остатками прежнего израильского населения, и обычай чуждого поклонения постепенно исчезал. Реформа Иосии распространилась по всей стране, и в Книге Иеремии мы читаем, что после разрушения Иерусалима жители Силома, Сихема и Самарии пришли и плакали над руинами храма. Таким образом, несмотря на свое чуждое происхождение, самаритяне исповедовали ту же религию, что и иудеи, и хотя в Книге Ездры они названы врагами Иуды и Вениамина, их поступки по отношению к эмигрантам из Вавилона свидетельствовали о самых братских настроениях.

«Когда враги Иуды и Вениамина слышали, что дети плена строят храм Господу Богу Израилеву, они пришли к Зеруббабелю и к главам отцов и сказали им: давайте построим с вами, ибо мы ищем вашего Бога, как и вы, и приносим Ему жертвы со времен Эсархаддона, царя Ассирийского, который привел нас сюда. Но Зеруббавел, Иешуа и остальные главы семейств Израиля сказали им: «Вы не имеете никакого отношения к нам, чтобы строить дом Богу нашему; но мы сами будем строить Господу Богу Израилеву, как повелел нам царь Кир, царь Персидский. Тогда народ земли ослабил руки народа Иудеи и мешал им строить. И нанял советников против них, чтобы сорвать их замысел во все дни Кира, царя Персидского, аж до царствования Дария, царя Персидского».

[515-450 гг. до н. э.]

Но храм был построен, несмотря на интриги самаритян, и его освящение состоялось в шестом году правления Дария (515 г. до н. э.). Согласно Книге Ездры, Дарий нашел указ Кира среди записей в Экбатане и приказал его исполнить (). Мы ничего не знаем о судьбе еврейской колонии в течение последних тридцати лет правления Дария и в течение двадцати лет правления Ксеркса. Книга Ездры не содержит никаких сведений об этом периоде, продолжавшемся более полувека.

В седьмой год правления Артаксеркса Длиннорукого (458 г. до н. э.), более чем через полвека после основания храма, новая колония евреев под руководством Ездры, внука

священника Сераии, казненного Навуходоносором при падении Иерусалима, покинула Вавилон и отправилась в Иерусалим. Ездра принял титул «софар», то есть писец или доктор закона: «он приготовил свое сердце, чтобы искать закона Господня, исполнять его и учить в Израиле уставам и судам». Фирман, который он получил от Артаксеркса, дошел до нас в искаженном еврейском виде, и его условия вызывают еще больше подозрений, чем условия указа Кира. Возможно, что царь помог эмигрантам деньгами или провизией и даже освободил священников от налогов; но маловероятно, что он приговорил бы к смерти, как говорится в Книге Ездры, тех, кто не подчинялся религиозному закону, который собирался ввести лидер экспедиции. Этот закон, разработанный во время плена под влиянием пророка Иезекииля, отвечал авторитетным вдохновениям священнической партии, главой которой был Ездра. Все привилегии были зарезервированы для священников, а левиты были лишь их слугами. Это объясняет, почему среди пятнадцати глав семейств, откликнувшихся на призыв Ездры, не было ни одного левита. Тем не менее, в Вавилонии их было очень много. Ездра с большим трудом сумел набрать нескольких из них.

Первая колония, возглавляемая Зеруббабелем, прибыла в Иудею в очень тяжелых условиях. Земля не оставалась незанятой во время плена в Вавилоне. Помимо бедных людей, которых Навуходоносор оставил там, потому что они не стоили того, чтобы их увозить, туда пришли и поселились идумеяне, моавитяне и другие чужеземцы. Нужно было найти место среди них, потому что новоприбывшие не были достаточно сильны, чтобы изгнать их. Эмигранты считали себя счастливыми, заключив союзы с семьями, владевшими этой территорией, не выясняя, были ли эти семьи чистой израильской крови. Но когда Эзра прибыл во главе новой колонии, трудности первого поселения уже не существовали. Браки, заключенные его предшественниками с чужеземными женщинами, казались ему отвратительными и безбожными. Он молился, постился, разрывал свои одежды, собирал народ и умолял, чтобы эти несчастные существа были изгнаны вместе со своими детьми. Как отмечают авторы *«Семейной Библии»*, это было похоже на новую форму жертвоприношения детей Молоху. Но, не обращаясь к примерам из ханаанских религий, Эзра мог напомнить им об Аврааме, отправившем свою служанку Агарь в пустыню вместе с ее ребенком.

[450-445 гг. до н. э.]

Авторитет священника и национальная гордость подавили все семейные чувства: «Все собрание ответило и сказало громким голосом: как ты сказал, так и сделаем. Но народа много, и время дождливое, и мы не можем стоять на улице, и это дело не на один или два дня, ибо нас много, кто согрешил в этом деле».

На собрании, которое вел Ездра, было проведено строгое расследование. Библия приводит имена ста тринадцати человек, которые женились на чужеземках и должны были отправить их с детьми. Те, кто принадлежал к священническому сословию, принесли в жертву барана в искупление своих грехов. Число детей неизвестно, как неизвестно и то, смогла ли каждая мать взять с собой хлеб и воду, как Авраам дал Агари в , отправляя ее в пустыню. В следующем году произошли великие события, ответный удар которых, должно быть, ощущался в Иудее, хотя Библия об этом не упоминает.

СТЕНЫ ВНОВЬ ПОДНЯЛИ

[445-415 гг. до н. э.]

Египет поднялся против Персии и провозгласил своим царем ливийца Инара. Армии суши и моря, призванные подавить это восстание, собрались в Сирии и Финикии. Инар был казнен вместе с пятьюдесятью греческими пленниками, несмотря на заключенные договоры, и сатрап Сирии Мегабис, возмущенный этим предательством, в свою очередь поднял восстание. Неизвестно, на чью сторону встали евреи — на сторону царя или сатрапа. Предполагается, что в этот раз стены Иерусалима были снова разрушены, но в Книге Ездры об этом не говорится; она обрывается после рассказа об изгнании чужеземных женщин, и мы снова встречаем Ездру только тринадцать лет спустя в Книге Неемии, которая также носит название «Вторая книга Ездры». Неемия, чьи воспоминания помогли составить это произведение, был ревностным иудеем, виночерпием царя Артаксеркса. Он получил разрешение своего господина отправиться в Иерусалим и восстановить стены и отправился в путь как паша Иудеи с кавалерийским эскортом и королевскими письмами к лесничему, который должен был поставить древесину для строительства. Несмотря на свое официальное положение и престиж, который давала ему милость царя, ему пришлось бороться с противниками, которые были достаточно сильны, чтобы создать ему серьезные трудности. Он называет трех из них: Санбаллата, хоронита; Товию, царского слугу в земле Аммонитян; и Гешема, араба.

Гордость иудеев начала приносить свои плоды; самаритяне, чью бескорыстную помощь они отвергли, чужие семьи, чьих дочерей они отвергли, не были заинтересованы в том, чтобы Иерусалим снова стал крепостью: те, кто был за мир, боялись мечтаний о независимости, связанных с Мессией, и бесполезных восстаний, сопровождаемых кровопролитием; сельские жители боялись концентрации политической и религиозной власти в столице.

Сначала они насмеялись над начатыми укреплениями, затем угрожали рабочим; Неемия заставлял их работать с мечами у пояса; ночью дежурили часовые. Они пытались запугать его и сказали, что его обвиняют в желании быть провозглашенным царем иудеев, они хотели привлечь его к собраниям, но он, проявляя осторожность, отказался идти. Он даже подозревал своих друзей; пророки говорили ему, что его жизнь в опасности, и советовали ему спрятаться в храме; он думал, что ему подставляют ловушку и что они пытаются заставить его нарушить закон, запрещающий мирянам входить в храм; и он ответил: «Должен ли такой человек, как я, бежать?» Благодаря его энергии и активности работа была закончена через пятьдесят два дня.

После возведения стен Иерусалима Неемия решил успокоить раздоры, которые начинали проявляться между классами. Бедные жаловались на богатых. Многие люди были вынуждены занимать деньги, чтобы платить налоги; они сдавали в аренду свои поля и виноградники, а затем продавали своих сыновей и дочерей, чтобы иметь хлеб.

Неемия, вместо того чтобы проповедовать бедным смирение и терпение, заставил богатых стыдиться своей жестокости. Он напомнил им, что в Вавилоне, в меру своих средств, он выкупил тех евреев, которые стали рабами чужеземцев: «И вы даже продадите своих братьев? Или они будут проданы нам? Тогда они замолчали и не нашли, что ответить. И я сказал: нехорошо то, что вы делаете: разве не должны вы ходить в страхе Бога нашего из-за позора язычников, врагов наших? Я также, и мои братья, и мои слуги могли бы требовать от них деньги и зерно. Прошу вас, давайте прекратим эту ростовщичество. Возвратите им, прошу вас, еще сегодня их земли, их виноградники, их оливковые рощи и их дома. Тогда они сказали: «Мы сделаем, как ты говоришь». Неемия заставил их принести клятву перед священниками и встряхнул свою одежду, говоря: «Да встряхнет Бог каждого человека из его дома и от его труда, кто не выполнит это обещание, да будет он встряхнут и опустошен. И все собрание сказало: «Аминь».

С его стенами и воротами Иерусалим был городом, а не мегаполисом; в нем не было жителей. Евреи предпочитали жить в деревне, где они возделывали свои поля, чем замыкаться в этом городе без каких-либо ресурсов, который во времена монархии обязан был своим богатством только присутствию двора. Неемия и вожди народа согласились, что одна восьмая часть населения Иудеи должна поселиться в Иерусалиме, и они бросили жребий, чтобы определить семьи, которые должны были, *волей-неволей*, переселиться туда. Они учредили своего рода полицию; на воротах, которые закрывались на ночь и открывались только утром после восхода солнца, были поставлены часовые. Но новое еврейское государство могло быть создано только путем провозглашения закона. Стоя на трибуне перед народом, торжественно собравшимся на осенний праздник, Ездра прочитал Закон, названный именем Моисея.

Если верить Иосифу Флавию, публичное чтение Закона произошло несколькими годами раньше, и Ездра умер до прибытия Неемии в Иерусалим, но Библия свидетельствует о присутствии Неемии рядом с Ездрой. Собравшиеся устроили восточные демонстрации, были посты, молитвы, громкие исповеди; они били себя в грудь, одевались в вретище и посыпали головы пеплом, после чего подписали соглашение о соблюдении Закона. В Библии приведены имена тех, кто подписал соглашение от имени всего народа. Это были двадцать священников, почти столько же левитов и сорок четыре мирянина. Имя Ездры в списке нет; предполагается, что он умер до составления соглашения.

Те, кто подписал соглашение, обязались отвергнуть все чужеродные браки, ничего не покупать в субботний день, соблюдать субботний год, ежегодно платить одну треть сикля (около двадцати центов) на божественную службу, поставлять дрова для жертвоприношений, приносить в жертву первенцев людей и животных и первые плоды земли, а также платить десятину на содержание священников и левитов. Поскольку они должны были жить в Иерусалиме, их нужно было содержать, но предписания, затрагивающие кошельки людей, не принимаются легко. Малахия, последний из пророков, жалуется на небрежность в уплате десятины. В то же время он обвиняет священников в невыполнении своих обязанностей и в том, что они заслужили презрение народа.

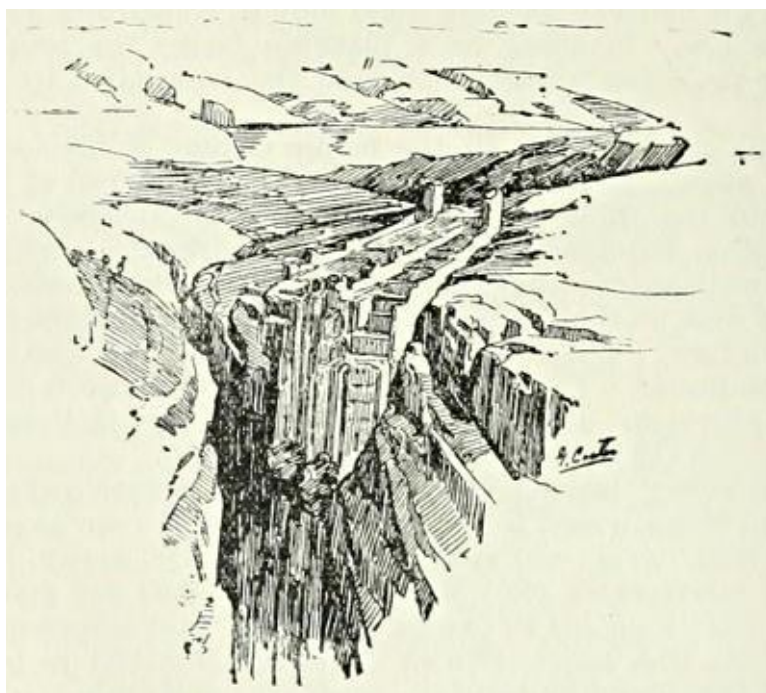
[415 г. до н. э.]

После двадцатидвухлетнего пребывания в Иерусалиме Неемия возобновил свои обязанности при дворе Артаксеркса. Вскоре он узнал, что его конституция с трудом утверждается, и получил от короля новый отпуск. Он обнаружил, что его работа поставлена под угрозу: купля-продажа происходила в субботу, как и в другие дни; левиты, не получая жалованья, покинули свои посты; смешанные браки стали настолько частыми, что дети говорили на смеси иврита и странных диалектов. Правящий класс подавал плохой пример, как это почти всегда бывает. Первосвященник Елиашив предоставил жилье в храме своему родственнику Товии и выдал одну из своих дочерей замуж за сына Санбаллата; эти два человека были противниками Неемии (). Он проявил себя очень строгим; он прогнал зятя Санбаллата, выгнал Товию из его квартиры, закрыл ворота города на весь субботний день и запретил тирским купцам приближаться к стенам в этот день. Он полностью разделял взгляды Ездры на смешанные браки. Разве не чужеземные женщины стали причиной падения мудрого царя Соломона? Израиль должен был очиститься от этого заражения. Он бил непокорных и вырывал им волосы. Они должны были подчиниться, хотели они того или нет. Левитам и священникам была гарантирована выплата десятины, и в управлении доходами храма был установлен регулярный порядок. Это было главным моментом, и Неемия имел право считать себя благодетелем еврейской теократии: «Вспомни меня, Боже

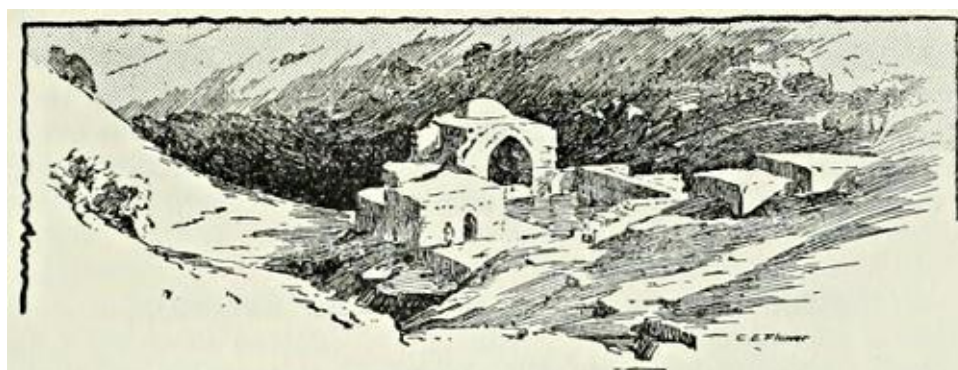
мой, об этом и не стирай добрых дел, которые я совершил для дома Бога моего и для служения ему». [\[4\]](#)

СНОСКИ

[\[4\]](#) [Возможно, следует упомянуть, что некоторые критики и историки не склонны принимать заявления авторов книг Ездры и Неемии *в полном объеме*].

МЕРТВОЕ МОРЕ, ВИД НА МОАВ, НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ — МОНАСТЫРЬ МАР-САБА

ГЛАВА IX. ОТ НЕЕМИИ ДО АНТИОХА

ЕВРЕЙСКИЙ СВЯЩЕННИК И АЛТАРЬ

[415-332 гг. до н. э.]

У нас очень мало информации из достоверных источников о последующих событиях периода персидского господства. Список первосвященников за этот период, продолжавшийся около двух столетий, выглядит следующим образом (с учетом отцов и сыновей, с указанием приблизительной даты их расцвета): Иешуа, сын Иозадака, 463; Иосаким, 449; Елиашив, современник Неемии, 415; Йодая, 413; Иоханан или Ионафан, 373; Яддуа, 341. По-видимому, управление государством постепенно переходило в их руки, если только персидский царь не назначал кого-то другого; персидские правители сохраняли за собой определенные прерогативы, которые не были подробно описаны, но, вероятно, включали сбор царских налогов и набор рекрутов для военной службы.

ПОД ПЕРСИДСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ

В целом, евреи пользовались гуманным обращением под персидским правлением, которое лишь изредка омрачалось грабительскими налогами. Багос, правитель при Артаксерксе II, в результате ссоры между первосвященником Иохананом и его братом Иисусом наложил на страну налог в размере пятидесяти драхм за каждого ягненка, приносимого в ежедневную жертву, на семь лет. О восстании против Артаксеркса III (Оха, 362-338), которое закончилось разрушением Иерихона и увозом многих евреев в плен в Гирканию, у нас есть только смутные сведения.

На севере площадь восстановленного государства едва ли превышала площадь бывшего царства Иудеи, а на юге, где в страну вторглись эдомитянские племена, она была едва ли столь же велика. Из плотной заселенности, которая, по-видимому, существовала в этой стране к концу персидского господства, можно сделать вывод, что помимо тех, кто упоминается в книгах Ездры и Неемии, имели место и другие волны иммиграции. Кроме

того, существовали многочисленные еврейские общины не только в регионах около Евфрата, но и в странах вокруг Палестины, и даже в Малой Азии и Египте, которые поддерживали связь с родиной и поставляли жертвы и другие дары для храма.

ПЕРСИДСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИУДЕЙСКУЮ РЕЛИГИЮ

Правда, надежды на полное восстановление былой мощи и независимости, которые питались во время возвращения из плена, не оправдались. Великолепные обещания пророков ушли из скромной и узкой сферы настоящего в идеальное и отдаленное будущее. Если и оставались какие-то надежды на политическую власть, то от них пришлось отказаться. Давление времени научило и заставило народ обратить свой взор на внутренние и духовные условия, что ни в коем случае не шло во вред общине. Период вавилонского изгнания, хотя и был сравнительно коротким, привел к полной перемене религиозных взглядов народа. Склонность к языческим культам, которая была так сильно выражена в более ранние времена, полностью исчезла; пророки и псалмы этого периода используют против идолопоклонства только оружие насмешки. Страдания, которые они перенесли, наложение давно грозившего наказания привели к очищению религиозных чувств. Приверженцы языческих культов ушли из еврейского общества во время угнетения, и в результате укрепились узы, связывавшие их, и возникла суровая ненависть к смешению с иностранцами, рожденная острым инстинктом самосохранения и укрепленная воспоминаниями о старом и печальном опыте. Контакт с магической религией, которая преобладала в Персидской империи и не допускала поклонения изображениям, возможно, сыграл определенную роль в этом процессе; по крайней мере, знакомство с восточноазиатскими представлениями очевидно в писаниях пророков изгнания (Иезекииля и Захарии). Вера в личное существование ангелов и злых духов, учение о воскресении мертвых в просвещенном аспекте бессмертия души, большая точность хронологических сведений и т. д. — все это интеллектуальные достижения, которые евреи принесли с собой из изгнания и дальше развивали под тем же влиянием.

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

[332-312 гг. до н. э.]

В 334 году Александр Македонский начал поход на Персию, который вскоре привел к падению великой империи. После битвы при Иссе (ноябрь 333 года) Сирия и Финикия были покорены, только Тир оказал упорное сопротивление и был взят только в августе 332 года, после семимесячной осады. Говорят, что в начале осады Александр призвал первосвященника Иерусалима восстать против Дария. Но, в отличие от самаритян, которые незамедлительно прислали Александру на помощь вспомогательную армию, иудеи отказались от верности персидскому царю. Чтобы наказать их за неповиновение, Александр после падения Тира, за которым вскоре последовало падение Газы, двинулся на Иерусалим. Первосвященник вышел ему навстречу во главе собравшегося священства, шествующего в торжественной процессии в священных одеждах. Увидев это зрелище, Александр спешил и почтительно поклонился перед почтенным первосвященником, потому что, как он заявил изумленному Пармениону, именно такая величественная фигура однажды явилась ему во сне. Он мирно вошел в Иерусалим, велел принести за него жертвы в храме и разрешил евреям жить по своим законам, предоставив им, среди прочих

привилегий, освобождение от налогов в субботний год. Многие евреи после этого решили вступить в его армию.

Подлинность этой истории о походе Александра на Иерусалим, рассказанной Иосифом Флавием и *Талмудом*, но не упомянутой ни одним греческим историком, была подвергнута обоснованному сомнению. ^[4]Высокий священник, о котором идет речь, называется Иосифом Флавием Ядусом (Ядуа), а *Талмудом* — Симоном Праведным. Позднейшие дополнения к этим рассказам гласят, что в знак благодарности за благосклонность Александра высокий священник пообещал ему, что всех сыновей, рожденных в том году у высоких священников, будут называть Александром. Хотя некоторые книги Библии были написаны после распада Персидской империи, имя Александра не упоминается ни в одной из них; он упоминается только под различными образами в снах и видениях книги Даниила. Так, великая фигура, которую Небухадрецар видит во сне, железные бедра (Даниил ii. 32-40), четвертое ужасное чудовище во сне Даниила (vii. 7, 19), козел, пришедший с запада в следующем видении (viii. 5 и далее), и, наконец, великий царь (xi. 3), олицетворяют Македонское царство или Александра Великого.

Распад Персидской империи сначала не привел к существенным изменениям в политическом и религиозном положении евреев, и влияние, порожденное распространением греческой цивилизации в Азии, они ощутили только гораздо позже. Но, в целом, состояние еврейского государства в этот период и вплоть до войн Маккавеев окутано некоторой неясностью, поскольку отсутствие библейских записей заставляет нас почти полностью полагаться на повествование Иосифа Флавия, который сам черпал информацию из несколько неясных источников и не отбирал материал с достаточной тщательностью. После быстрого упадка Македонского царства и во время конфликта между генералами Александра, Палестина, вместе с Финикией и Келе-Сирией, стала яблоком раздора между правителями Сирийского и Египетского царств. Птолемей I (Лаги или Сотер, правил до 283 года) захватил Иерусалим в 320 году внезапным нападением в субботу (в этот день сопротивление не оказывалось) и увез большое количество евреев в Египет, где некоторые из них были проданы в рабство, а некоторые зачислены в королевскую армию. Однако Птолемей не смог окончательно завоевать эту страну до битвы при Газе в 312 году, после которой он вновь вступил в Иерусалим, но проявил большую милосердность, так что многие влиятельные евреи переселились вместе с ним в Египет, одним из них был ученый по имени Езекия (Хизкия). В то время первосвященниками были Ония I в 330 году и его сын Симон I в 310 году.

ПОД ВЛАСТЬЮ СЕЛЕВКИДОВ

[312-204 гг. до н.э.]

С битвой при Газе в 312 году у евреев, как и у других восточных народов, связана «эра Селевкидов» (также называемая *Minjan Shtarot* — *æra contractuum* — и, вероятно, «[годы] правления эллинов»), которая оставалась в употреблении в средние века и даже позже. Когда впоследствии среди евреев также вошла в употребление эра сотворения мира, большинство еврейских хронологов, чтобы свести обе эры к общему стандарту (), предположили, что эра Селевкидов началась в 3448 году после сотворения мира и через тысячу лет после выхода из Египта. Соответственно, они приводили любую дату эры Селевкидов к соответствующей дате после сотворения мира, прибавляя к ней 3447, и к соответствующей дате христианской эры (с точностью только для первых девяти месяцев года, поскольку год Селевкидов начинается осенью), вычитая дату Селевкидов из 312, чтобы найти год до НАШЕЙ ЭРЫ, или вычитая из нее 312, чтобы найти год НАШЕЙ ЭРЫ. Асария де

Росси в двадцать третьей главе «*Меор Энаим*» подробно описывает ошибку еврейских хронологов, которые отождествляют начало эры Селевкидов с началом греческого господства в Азии.

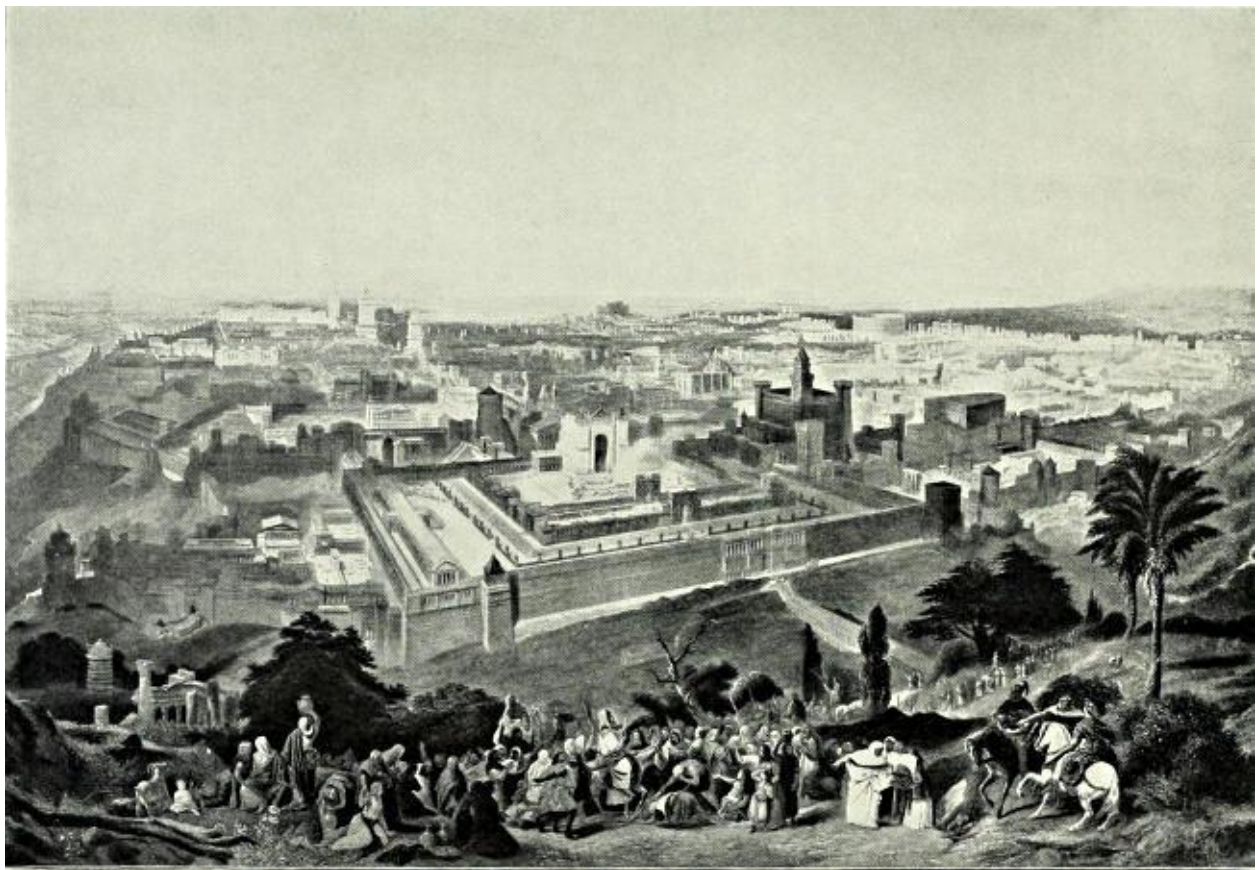
Более века Иудея оставалась под властью греческих царей Египта и в целом, за небольшими исключениями, наслаждалась периодом счастливого спокойствия и благожелательного отношения со стороны. Отношения египетских царей к стране не могли сильно отличаться от отношений персидских царей. Содружество за рубежом представлял первосвященник, чьей главной задачей было следить за сбором налогов. После упомянутого выше Симона I эту должность занимал его брат Елеазар (его сын Ония был слишком молод), которого сменил его дядя Манассия (276), а затем Ония II (250).

Старая традиция связывает имя второго Птолемея (Филадельфа) с началом литературного предприятия, в некотором смысле уникального в литературе древности, — переводом Священного Писания на греческий язык.

Высокопоставленный священник Ония II, упомянутый выше, который изображается как угрюмый и алчный человек, навлек на себя гнев Птолемея III, прозванного Эвергетом, своего египетского сюзерена, отказавшись платить ежегодную дань в двадцать талантов, и навлек бы на свою страну великое бедствие, если бы Иосиф бен Товия, сын его сестры, не вступился за него. С разрешения своего дяди он отправился в качестве посла в египетский двор, где благодаря мудрой щедрости сумел сначала завоевать расположение придворных, а затем и самого царя. Когда разыгрывались права на сбор налогов в Коэле-Сирии, Финикии и Иудее, для чего многие вельможи из этих стран прибыли ко двору Египта, Иосиф без лишних церемоний предложил в два раза больше, чем любой из них, и, получив от царя достаточные силы, сумел благодаря хорошо направленной строгости не только взыскать согласованную сумму, но и приобрести для себя большое богатство и репутацию. В течение двадцати двух лет он занимал должность сборщика налогов для всего региона, известного как Сирия.

Иосиф Флавий с большим удовлетворением рассказывает, что Птолемей Эвергет, проходя через Иерусалим на обратном пути после победоносной борьбы с Селевком Каллиником, царем Сирии (245), принес жертвы в храме и одарил его великолепными дарами; но Иудея, тем не менее, страдала от постоянных трений между Египтом и Сирией. Она также перенесла много бедствий от рук самаритян под управлением Онии.

Эти споры между двумя великими царствами, между которыми была зажата Иудея, не прекратились и во время правления четвертого Птолемея (Филопатора, 221-204). Антиох (Великий) из Сирии оккупировал Галилею и земли к востоку от Иордана, когда Филопатор выступил против него, разгромил его при Рафии и заставил заключить мир. Среди тех, кто поздравил Филопатора с этой победой, были послы от иудеев, которых он принял с благосклонностью и пожелал проявить к ним свою благосклонность, приехав в Иерусалим и принеся жертву в храме. В этот раз он был вдохновлен желанием войти в Святая Святых и не поддался на настоятельные протесты священников и возмущение всего города. Но когда он уже собирался ступить в священное место, его охватила внезапная слабость, и его пришлось унести в бесчувственном состоянии.

ДРЕВНИЙ ИЕРУСАЛИМ (ВОССТАНОВЛЕНИЕ)

Жаждавший мести, он уехал и обнародовал суровые меры против евреев, а когда они не принесли ожидаемого эффекта, по возвращении домой собрал всех евреев Египта и запер их в цирке, где они должны были быть затоптаны до смерти слонами, возбужденными для этой цели опьяняющими напитками. Однако в решающий момент слоны обратились против своих погонщиков и устроили ужасающее побоище среди собравшейся толпы египтян. Этот жестокий поступок Филадельфа и чудесное спасение евреев составляют сюжет третьей книги Маккавейской и не имеют исторического подтверждения. Согласно Иосифу Флавию, это событие произошло во время правления Птолемея Фискона (146-117), мотивом которого была месть за то, что евреи поддержали притязания Клеопатры, вдовы Птолемея Филадельфа.

[204-200 гг. до н. э.]

После смерти Филадельфа (204 г.) и вступления на престол его пятилетнего сына Антиох сумел завоевать Палестину, и она больше никогда не попадала под власть Египта.

Преемником Онии II стал его сын Симон II, который оказался более достойным своей высокой должности, чем его отец. Именно этому Симону было дано имя «Праведный» (ha-Zaddik), и в *Мишне* он упоминается как один из последних членов Великого собрания. Его девиз, приведенный там: «Мир держится на трех вещах: учении, служении Богу и доброжелательности», резко контрастирует с взглядами, которые доминировали в мире в его время, и характерен для устремлений духовных лидеров того времени. Список Таннаим (учителей *Мишны*) обычно начинается с его имени. Иисус бен Сирах, его младший современник, щедро осыпает его похвалами, а более поздние легенды еще больше прославили его. Он украсил и укрепил храм, построил акведуки и восстановил стены Иерусалима, которые Птолемей Лаги разрушил и оставил в состоянии развалин. Средства

для этих расходов были быстро и щедро предоставлены многочисленными и ценными подарками и пожертвованиями, которые поступали в храм со всех сторон, и не только от евреев; и которые также вызывали зависть и алчность многих иностранных правителей. Ония III, сын и преемник Симона Праведного, не менее достойно занимал должность первосвященника.

Кажется, что на труде софримов не отразились никакие из этих политических событий; буря, которая бушевала по всей Азии Малой после смерти Александра, только заставила евреев, не имевших никакой политической власти, еще усерднее посвятить себя укреплению своего религиозного наследия, и в этом занятии они нашли компенсацию за потерю внешнего великолепия и постоянства перед лицом приближающихся врагов. 119-й псалом, «стократное эхо превосходства и необходимости Закона», является типичным проявлением этого духа. Завершение книги Псалмов и составление Хроник и книги Есфирь должны быть отнесены к первому веку греческого господства, т. е. примерно к 200 г. до н. э. Язык этих книг позволяет нам сделать вывод о закате первоначального духа еврейской национальности; в результате тесных контактов с Сирией арамейский язык завоевал позиции, особенно как язык простого народа.

СИРИЙСКОЕ ПАНИРОВАНИЕ; АНТИОХ ВЕЛИКИЙ

[300-187 гг. до н. э.]

После распада Македонской империи Сирия сначала перешла к Антигону, а затем (после битвы при Ипсе в 301 году) к Селевку I, прозванному Никатором, который был убит в 281 году. Его преемниками были: его сын Антиох I, прозванный Сотером (281-261), Антиох II, прозванный Теосом (261-247), Селевк II, прозванный Каллиником (246-227), Селевк III, прозванный Кераун (227-224), затем брат последнего монарха, Антиох III, прозванный Великим (224-187), Селевк IV, прозванный Филопатор (187-176), Антиох IV, прозванный Эпифан (175-163). Сын Антиоха IV, Антиох Эвпатор, которому на момент смерти отца было всего тринадцать лет, был убит вместе со своим опекуном Лисием Деметрием, сыном брата своего отца Селевка, в 161 году.

Греческий язык и литература, греческие идеи и обычаи, которые с дней Александра Македонского неуклонно завоевывали Ближний Восток, в конце концов не могли не оказать своего влияния на евреев. В первую очередь, конечно, на тех, кто жил вдали от Иудеи, вдали от центра еврейской мысли и еврейской жизни. Мы уже видели, как в результате этих условий у египетских евреев возникла потребность в греческом переводе священных книг; к какому виду литературы привел этот перевод, мы покажем ниже. Но в то время как в Египте, Малой Азии и других местах еврейский и греческий дух сумели достичь некоторого согласия, в Палестине сложилась совершенно иная ситуация. Здесь контраст между еврейским и греческим представлениями о вселенной проявился во всей своей силе и горечи. В Иудее, в отличие от условий, которые способствовали взаимному сближению и частичному слиянию в Египте, таких как преобладающее греческое большинство, оживленные контакты в гражданской жизни и общая культура со стороны евреев, ситуация была противоположной. Иерусалим был изначальной столицей еврейской жизни, которая постоянно черпала новые силы из непрерывного и тщательного изучения национальных священных писаний и ревностного соблюдения божественных заповедей. Эта жизнь, серьезная, строгая, основанная на незыблемых устоях морали, всегда склонная к аскетизму и самопожертвованию, ярко контрастировала с веселым и чувственным образом жизни греков, с их готовностью наслаждаться моментом и тем, что он предлагал. Ясный ум

еврейского мыслителя ясно понимал, что эта привлекательная жизнь скрывала под искусственной завесой самые постыдные пороки.

Отношения Сирийской империи с евреями сначала носили дружественный характер. Селевк Никатор предоставил евреям равные с македонцами и греками привилегии в городах, которые он основал в Малой Азии и Сирии, а также в самой Антиохии, и его примеру последовал его внук Антиох Теос. После смерти Птолемея Филадельфа евреи радушно приняли Антиоха Великого, который победил египетского полководца Скопаса, и Антиох с готовностью признал их добрую волю. Он помог им восстановить ущерб, нанесенный войной, щедро одарил их деньгами и природными ресурсами для нужд храма, разрешил и поддержал завершение строительства храма, начатого до его времени, и предоставил членам сената, священникам и другим храмовым служащим полную освобождение от налогов. Чтобы увеличить население столицы, он освободил от налогов на три года ее жителей и всех, кто переедет туда в течение определенного срока, а после этого — от одной трети налогов; всем, кто был продан в рабство, должны были быть возвращены свобода и имущество. Он продемонстрировал свою большую уверенность в лояльности евреев, переселив две тысячи из них из Месопотамии и Вавилонии в провинции Лидия и Фригия, которые находились на грани восстания, и предоставив им поля и виноградники, а также десятилетнее освобождение от налогов. Он также гарантировал всем евреям в своей империи без ограничений право жить в соответствии с законами своих предков.

[187-175 гг. до н. э.]

Селевк IV, прозванный Филадельф, сын и преемник Антиоха Великого, был человеком гуманным и миролюбивым, и все же во время его правления над Иудеей сгустились тучи, предвещавшие бурю, которая вскоре разразилась. Сирийский двор постоянно испытывал серьезные финансовые затруднения из-за долга, который еще предстояло выплатить римлянам. В этих обстоятельствах Симон, надзиратель храма, который поссорился с первосвященником, обратил внимание Аполлония, командующего сирийскими войсками в Келе-Сирии, на богатства храмовой казны. Намек был с готовностью принят, и Селевк послал своего слугу Гелиодора с приказом осмотреть храмовую казну. Набожный и добросовестный Ония тщетно пытался убедить его, тщетно протестовал, что большая часть сокровищ состояла из вкладов вдов и сирот и что общая сумма составляла не более четырехсот талантов серебра и двухсот талантов золота. Гелиодор был упрям, но, находясь в сокровищнице, он был остановлен сверхъестественным явлением, которое помешало ему осуществить свой кощунственный замысел. Ему показалось, что великолепно одетый всадник растоптал его ногами, а в то же время появились два юноши, великолепные на вид, и безжалостно бичевали его, так что его унесли оттуда в обморочном состоянии. Заступничество и искупительные жертвы первосвященника вернули его к жизни, и ничто не могло заставить его повторить попытку. Сам Ония отправился ко двору Селевка, чтобы защитить себя от обвинений, выдвинутых его яростным противником Симоном, с каким результатом — неизвестно. Вскоре после этого Селевк был отравлен тем же Гелиодором, но последний не смог осуществить свой замысел занять трон.

АНТИОХ ЭПИФАН

[175 г. до н. э.]

Узнав о смерти Селевка, его брат Антиох, прозванный Эпифаном, который в то время находился в Риме в качестве заложника, поспешил домой и взял на себя бразды правления. Это тот самый Антиох, который прославился в анналах евреев и дал повод для славного

эпизода в их истории, завершившегося обретением политической независимости. Тем не менее, обвинения, выдвинутые против его личности, в некоторой степени беспочвенны или преувеличены. Несмотря на роскошную и развратную жизнь, которую он вел, он не был хуже большинства сирийских и египетских монархов того времени. Он был добродушным и либеральным, хотя и поддавался на уловки льстецов и злых советников, а также был раздражительным из-за ограничений, наложенных на него римлянами. Древняя Греция была неспособна понять существование религиозных убеждений или способность приносить такие жертвы во имя них, как это делали евреи; для Антиоха вопрос заключался лишь в том, чтобы подчинить мятежных подданных, тем более что некоторые из них вынуждали его прибегать к все более суровым мерам.

Первое семя растущих осложнений было посеяно самими евреями. Вскоре после вступления на престол Антиоха Иисус (греч. Иасон), брат первосвященника, посетил его и купил должность первосвященника за большую ежегодную плату, а Ония был вынужден уйти в частную жизнь. Иасон воспользовался своим высоким положением, чтобы ввести греческие обычаи в Иерусалим, и, среди прочего, учредил гимнастический зал (место для занятий физическими упражнениями). Большое количество священников с большим удовольствием посещали его, настолько, что это сказалось на регулярности храмовых служб; в то время как для набожных это казалось мерзостью и осквернением святого города. Рука об руку с этими практиками шло нарушение предписаний, регулирующих жизнь евреев, и, среди прочего, искусственное уничтожение следов обрезания.

Между тем дружеские отношения между Египтом и Сирией вновь были нарушены отказом Антиоха отказаться от Коэле-Сирии, которую его отец обещал в качестве приданого Клеопатре при ее браке с Птолемеем Филадельфом. Во время своего путешествия по западным владениям, когда война с Египтом была неизбежна, Антиох прибыл в Иерусалим, где его встретили с великолепными почестями, и он въехал в город при свете факелов под радостные возгласы народа.^b

Между радушным приемом и настроением, которое царило во время его пребывания, был резкий контраст. Под властью Антиоха Эпифана евреи подвергались таким надругательствам, что даже их невоинственные сердца в конце концов закалились для борьбы. Характер и жестокость Антиоха заслуживают более подробного описания, как и деяния его родного лейтенанта, который, возможно, мучил консервативную еврейскую совесть даже больше, чем иностранный повелитель; для народа Иасон был отступником, который, как говорили, начал эллинизацию с собственного имени, которое изначально было Иисус или Иешуа. В следующем описании поведения Антиоха по отношению к евреям Джордж Смит не так благосклонно относится к сирийскому царю, как было указано выше.^a

ЯСОН И АНТИОХ МУЧАТ НАРОД

Антиох Эпифан был подлым по духу, низким по привычкам, алчным по характеру и чрезвычайно жестоким по нраву. Однако его злой характер был скорее вызван развращенностью еврейской морали, чем добровольно направлен против этого народа. Но результат был ужасен не поддающимся описанию. Вскоре после его вступления на престол Иасон, брат первосвященника, отправился к царю в Антиохию и предложил значительно увеличить дань, если тот назначит его первосвященником и заключит его свергнутого брата Онию в своей столице. Необходимость, вызванная большой данью, которую царь должен был платить Риму, повлияла на беспринципный и алчный ум царя и побудила его с готовностью согласиться на это позорное предложение. Таким образом, благочестивый и почтенный Ония был немедленно смещен и изгнан, а Иасон был назначен первосвященником.

Узнав, насколько деньги влияют на молодого монарха, Иасон дал еще одну сумму за право построить гимнастический зал в Иерусалиме для проведения греческих игр в святом городе, а также построить академию для обучения молодежи наукам по греческому образцу и за право освободить от уплаты налогов тех евреев, которых он сочтет нужным, в городе Антиохии. Эти разрешения привели к укреплению партии узурпатора и в то же время нанесли страшный удар по великому делу еврейской национальности и религии. Были построены академии, и греческое образование стало культивироваться. Его гимнастический зал был настолько популярен, что священники пренебрегали своими обязанностями у алтаря, чтобы участвовать в играх. Поскольку эти упражнения выполнялись обнаженными, это вызвало общее желание избавиться от отличительного знака иудаизма. «Единственной заявленной целью этих спортивных упражнений было укрепление тела, но на самом деле они были направлены на постепенное замещение иудаизма язычеством, о чем ясно свидетельствовали усилия, которые многие предпринимали, чтобы стереть знак обрезания. Кроме того, игры были тесно связаны с идолопоклонством, поскольку обычно проводились в честь какого-либо языческого бога. Поэтому нововведения Ясона были крайне неприятны для более набожной части народа, и даже его собственные сторонники не полностью разделяли все его взгляды».

Одеяния первосвященника

Этот нечестивый священник так широко проводил в жизнь свои безбожные и денационализирующие планы, что даже послал евреев участвовать в играх, которые проводились в Тире перед Антиохом, хотя они были явно посвящены Геркулесу; одновременно он передал через них большую сумму денег, которая должна была быть представлена в качестве votивной жертвы богу. Однако лица, которым было поручено доставить дар, руководствовались гораздо более здравыми принципами, чем их господин, и передали тирийцам деньги на строительство военных кораблей.

Примерно в это же время Антиох, зная, что царь Египта намеревается попытаться вернуть Иудею и Финикию, совершая поездку по этим провинциям, отправился в Иерусалим, где был принят Иасоном с большой помпой.

Этот отступник-первосвященник уже три года трудился над уничтожением еврейской конституции и религии, когда сам стал жертвой злодеяния, подобного тому, которое он сам совершал. Наступило время уплаты ежегодной дани Антиоху, и он послал ее своим младшим братом Онией, который, следуя преобладающему желанию слить все еврейские различия в соответствии с греческими обычаями и нравами, взял себе имя Менелай. Этот человек, общаясь с сирийским царем, вместо того, чтобы обсуждать вопросы, порученные ему братом, использовал любую возможность, чтобы втереться в доверие к царю; и, в некоторой степени преуспев в этом, он рискнул предложить гораздо большую сумму, чем Джейсон заплатил в качестве дани, и в результате был назначен первосвященником. Так недостойные потомки Израиля продали интересы своей страны и, вместо того чтобы объединить свои силы, чтобы сделать Иудею сильной и уважаемой в глазах соседних государств, они думали только об удовлетворении своих низких и гнусных страстей.

Менелай вернулся в Иерусалим со своим поручением, где, благодаря поддержке влиятельных сыновей Товии, вскоре оказался во главе могущественной партии. Но, несмотря на это, Иасон обладал достаточной силой, чтобы противостоять его притязаниям; и народ, возмущенный его позорным предательством, заставил его вернуться в Антиохию.

Здесь, чтобы еще больше заслужить благосклонность царя, он и его друзья торжественно отреклись от иудейской религии и обязались привести весь еврейский народ к тому же решению и во всех отношениях привести их нравы и учреждения в соответствие с греческим образцом. Дав эти обещания, он получил военную силу, которой не смог противостоять, и Иасон бежал в страну аммонитян, оставив управление Иерусалимом еще более отступническому Менелая. Он приступил к выполнению своих обязательств перед императорским двором во всех отношениях, за исключением одного — он не послал дань, которую обещал заплатить. После неоднократных тщетных напоминаний о его обязательстве он был вызван в Антиохию, где вскоре узнал, что сумма должна быть выплачена немедленно; но временное отсутствие царя в момент его прибытия дало ему время отправить приказ своему заместителю в Иерусалиме Лисимаху, чтобы тот изъяс из храма столько золотых сосудов, сколько было необходимо для сбора денег. Таким образом он получил достаточно денег, чтобы погасить свой долг и, кроме того, сделать щедрые подарки Андронику, которому Антиох доверил управление делами в свое отсутствие. Но об этом факте стало известно Онии, свергнутому первосвященнику, который находился в изгнании в Антиохии, и он так резко осудил это поведение, что возникла серьезная угроза восстания евреев, проживавших в столице, вследствие их гнева на Менелая. По его просьбе Андроник убил благочестивого бывшего первосвященника в условиях крайней подлости и жестокости. Это кощунственное поведение принесло столько же бедствий в Иерусалиме; хотя Лисимах имел под своим командованием три тысячи человек, народ был настолько разгневан, когда услышал о содеянном, что напал на него и его охранников, убил многих и преследовал его до храма, где он был убит.

[170 г. до н. э.]

По возвращении Антиоха в Антиохию ему сообщили о смерти Онии от руки Андроника; и, злой как он был, он был настолько потрясен ужасом этого преступления, что приказал отвести этого офицера на место, где он совершил убийство, и там казнить его.

Эти столкновения и убийства привели Иерусалим в большую беду и затруднительную ситуацию и сделали правление Менелая ненавистным для народа. Пока еврейская столица находилась в этом беспорядке, Антиох посетил Тир. Еврейский синедрион воспользовался близостью царя к Иерусалиму, чтобы послать туда трех человек с целью объяснить несчастные обстоятельства еврейского народа и показать, что это было связано с поведением первосвященника. Они так хорошо справились с этой задачей, что Менелай, не имея возможности защитить себя, прибег к своему обычному оружию — подкупу: таким образом он склонил на свою сторону фаворита царя, Птолемея Макрона, который не только убедил монарха оправдать первосвященника, но и казнить посланников.

Это обеспечило Менелая полную победу, и с тех пор он продолжил свою карьеру безбожия и жестокости, не сдерживаемый ни внутренними принципами, ни внешней властью. В это время, пока Антиох был занят походом в Египет, распространился слух, что он был убит перед Александрией, и Иасон, который долгое время укрывался среди аммонитян, внезапно появился перед Иерусалимом с отрядом из тысячи решительных людей. С помощью этой силы и своих друзей в городе он легко получил доступ в город и заставил Менелая уйти в цитадель. Таким образом, завладев столицей, он выместил свою ярость на всех, кого подозревал в принадлежности к партии своего брата: это привело к самым ужасающим зверствам, которые, однако, вскоре были прекращены с приближением Антиоха.

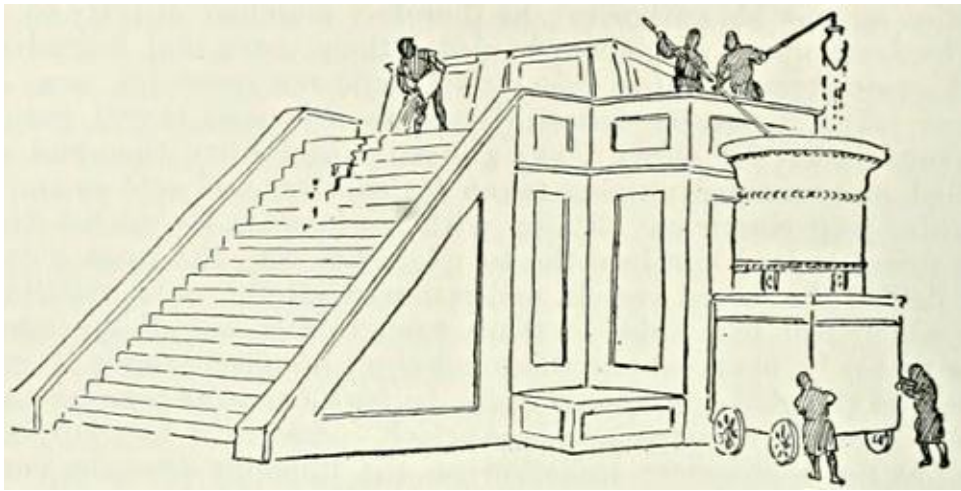
[170-167 гг. до н. э.]

Царь, вторгшийся в Египет с полной уверенностью в успехе, был внезапно остановлен в своем продвижении появлением римских послов, которые настояли на его немедленном отступлении под угрозой объявления его врагом Рима. Не осмеливаясь встретить войска республики, он угрюмо отказался от своей добычи; и, возвращаясь, услышал, что евреи ликовали по поводу слухов о его смерти и теперь находились в состоянии восстания против его власти: поэтому он направился прямо в Иерусалим. Евреи, зная о его гневе, закрыли ворота и отчаянно защищали свой город, но тщетно: они не могли противостоять его армии. Иерусалим был взят штурмом и подвергся самым ужасным зверствам. Резня длилась три дня; и, как говорят, сорок тысяч человек были убиты, а столько же взяты в плен и проданы в рабство в соседние страны. Воодушевленный своим успехом, он заставил первосвященника Менелая провести его в храм, даже в самое святое место. Здесь он осквернил священные сосуды и унес все золото, ценности и сокровища, которые были там хранились, вплоть до завесы святилища. Таким образом он получил тысячу восемьсот талантов золота и серебра, помимо золота и сосудов, которые он взял из храма, и с этой добычей он торжественно вошел в Антиохию. И как будто этой бойни и грабежа было недостаточно для несчастных евреев, он утвердил Менелая в должности первосвященника и назначил правителем страны Филиппа, фригийца, человека крайне жестокого.

Эти меры стали началом систематической тирании и убийств. Через два года после разграбления храма Антиохом он послал Аполлония в Иерусалим с армией в двадцать две тысячи человек. Он прибыл мирно и разместился в городе до первого дня субботы, когда он вышел со своими войсками, приказав им убить всех мужчин и взять в плен всех женщин и детей. Это жестокое и неожиданное нападение на безоружное население в святой субботу наполнило Иерусалим кровью и сопровождалось всеобщим грабежом; дома были разграблены и разрушены, стены города снесены, а на горе Сион, откуда был виден вход в храм, построена крепость, благодаря чему Аполлоний получил полный контроль над отправлением культа.

Похоже, что эти приготовления были сделаны с целью осуществления заранее задуманного плана царя. Вскоре после этого в Антиохии был издан указ, провозглашенный во всех провинциях Сирии, предписывающий народу всей империи поклоняться богам царя и не признавать никакой другой религии, кроме его. В Иудею был отправлен старый грек для обеспечения соблюдения этого закона. Отныне все храмовые обряды были запрещены; обрезание, соблюдение субботы и любое соблюдение закона теперь считались смертными преступлениями; все найденные экземпляры священных книг были уничтожены. В каждом городе были воздвигнуты идольские алтари, и народу было велено приносить жертвы богам и каждый месяц, в день рождения царя, есть свинину. Храм в Иерусалиме был изменен и осквернен в соответствии с этой позорной политикой. Священное здание было посвящено Юпитеру Олимпу; было установлено изображение этого языческого божества, а на алтаре Иеговы было воздвигнуто другое, меньшее по размеру, на котором приносили жертвы Юпитеру.

Евреи никогда раньше не подвергались таким прямым преследованиям, направленным против всех их институтов и осуществляемым с такой усердной и настойчивой злобой. Исполнение этих законов было столь же отвратительным, как и их цель. Две женщины, обрезавшие своих младенцев собственными руками, были обнаружены, провели по улицам Иерусалима с младенцами, повешенными на шее, а затем сброшены с самой высокой части городских стен и разбиты на куски. В другом случае тысяча мужчин, женщин и детей были обнаружены тайно соблюдающими субботу в пещере и все были варварски казнены бесчеловечным Филиппом.

Большой иудейский алтарь для принесения жертв

Антиох пришел в ярость, обнаружив, что так много евреев сопротивляются его воле; и его гнев, возможно, усилился еще больше из-за того, что самаритяне безропотно подчинились его указу и позволили посвятить свой храм Юпитеру Ксению, или «защитнику странников». Поэтому он лично прибыл в Иерусалим, чтобы обеспечить соблюдение закона или истребить народ. Его первой жертвой стал Элеазар, очень пожилой писец, который, когда ему приказали съесть свинину, категорически отказался и, несмотря на свои девяносто лет, с непоколебимой энергией отстаивал религию своего Бога; и, наконец, призывая других последовать его примеру, умер под ударами кнута тирана. Мать и ее семь взрослых сыновей поступили так же героически. Молодые люди, отказавшись нарушить закон, были подвергнуты самым ужасным пыткам, пока каждый из них, а в конце концов и их мать, не умерли мучениками за дело истины и праведности.

[167-166 гг. до н. э.]

Эти зверства привели к результатам, которые всегда следуют за такими деяниями, когда в человеке остается хоть капля мужества или благородства души. Люди, которые сознательно уважали закон своего Бога и религию своих отцов и чьи умы не были настолько развращены рабством, чтобы утратить все благородные качества человеческой натуры, предпочли бы умереть в патриотическом сопротивлении такой тирании, чем безропотно погибнуть под властью тирана. Первым, кто осмелился пойти по этому пути, был пожилой священник по имени Маттафия, отец пятерых сыновей, всех отличавшихся физической силой и благородством духа. Когда царские чиновники прибыли в город Модин, где проживала эта семья, чтобы заставить евреев принести жертву языческим богам, они пригласили Маттафию привести своих сыновей и братьев первыми на жертвоприношение, чтобы влияние его характера и должности правителя побудило других последовать его примеру; чтобы он таким образом мог считаться одним из «друзей царя». Пожилой священник с негодованием отказался подчиниться, заявив, что если он и его сыновья останутся одни, они будут соблюдать закон и постановления Бога. Когда он так заявлял о своей решимости, он увидел, как один из отступников-иудеев подошел к алтарю, чтобы принести жертву. Это вопиющее деяние возбудило дух священника: охваченный рвением, он бросился к преступнику и на глазах у всего народа наложил на него наказание, которое закон предусматривал за идолопоклонство — он убил его на алтаре. Он также убил комиссара царя, который был послан, чтобы заставить народ принести жертву, и разрушил жертвенник; затем, бегая по городу и громко крича: «Кто ревностно соблюдает закон и поддерживает завет, тот пусть следует за мной», он со своими сыновьями оставил все свое

имущество в городе и ушел в пустыню. За ними быстро последовали многие другие; и как только об этом разнеслась весть, большое количество людей стеклось в их убежище, пока Маттафия не оказался во главе значительного отряда людей.

Оказавшись в таком положении, почтенный священник с подобающей серьезностью и рвением приступил к выполнению взятой на себя трудной задачи. Первым вопросом, который, по-видимому, привлек его внимание, было правильное поведение, которого они должны были придерживаться в отношении субботы. До сих пор евреи всегда считали своим религиозным долгом воздерживаться от любых военных действий в этот святой день. Это правило соблюдалось настолько строго, что они не защищались даже в случае нападения. Поэтому их языческие враги обычно выбирали этот священный день для своих нападений, чтобы без сопротивления достичь своей цели. Но Маттафия, обсудив этот вопрос со своими друзьями и проконсультировавшись с такими учеными книжниками, к которым он имел доступ, решил, что, хотя и неправомерно провоцировать сражение в субботний день, тем не менее, если на них нападут в этот день, их долг — защищаться и сопротивляться агрессии. Это было чрезвычайно важное решение, которое оказало огромное влияние на исход последующей войны.

Общий курс действий, принятый пожилым вождем, также заслуживает особого внимания. Он не уклонялся от столкновения с сирийскими войсками, которые попадались ему на пути, но его главной целью, или, по крайней мере, его непосредственным замыслом, по-видимому, не было изгнание сирийцев (). Как патриотичный воин, он, возможно, должен был поступить именно так, но как патриотичный священник он считал более разумным действовать иначе. По-видимому, он считал, что униженное и подавленное состояние Израиля было результатом неверности народа, и поэтому направил свои силы на восстановление иудейской веры. С этой целью он шествовал от города к городу, уничтожая все идольские алтари, наказывая смертью или изгоняя в другие земли тех, кто отступил от веры, возвращая скрытые священные книги и восстанавливая закон, поклонение и власть Иеговы. В этих усилиях он добился выдающегося успеха. Те, кто не был обрезан, подверглись этому обряду; и вскоре не только религиозный облик страны значительно улучшился, но и были достигнуты некоторые важные преимущества над врагом. Когда почтенный Маттафия почувствовал, что его конец приближается, он призвал своих сыновей посвятить свою жизнь святому делу, которым они занимались, напомнив им о самых благородных примерах в истории евреев. Затем он посоветовал им считать своего брата Симона своим советником из-за его мудрости, а Иуду он назначил военачальником из-за его силы и храбрости: ему он дал прозвище Маккавей, или «кузнец».^[6] Так Маттафия благословил своих сыновей и умер в глубокой старости.

[166 г. до н. э.]

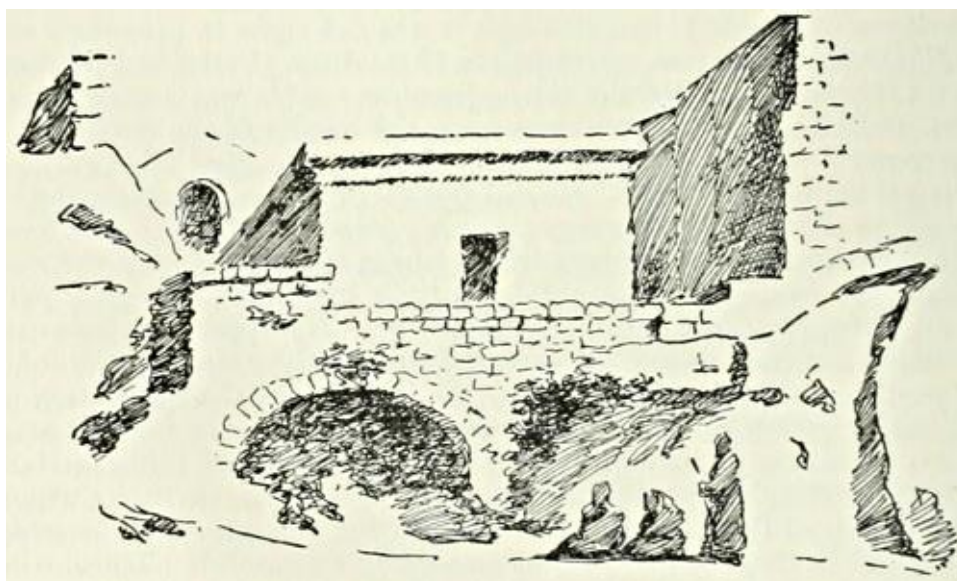
После смерти отца Иуда взял на себя командование собравшейся группой, насчитывавшей около шести тысяч человек (2 Маккавейская viii. 1), и, как только закончился период траура, приступил к ведению войны. Эту войну можно назвать войной за независимость евреев. Со времени возвращения из плена евреи всегда находились в полном подчинении у языческих держав. Сначала они были частью Персидской империи, затем перешли под власть Александра, после раздела его царства подчинялись Египту и, наконец, были присоединены к греческому царству Сирии. Вряд ли евреи предприняли бы какие-либо энергичные попытки обрести свободу и самоуправление, если бы к ним относились с терпимостью и умеренностью. Но безграничная жестокость и безумное безбожие Антиоха были невыносимы для людей такой энергии и интеллекта, как евреи. Кроме того, время было

особенно подходящим для такой попытки. Разрозненные фрагменты Македонско-Греческой империи с каждым днем становились все более слабыми и дезорганизованными, в то время как могущественная Римская империя неуклонно продвигалась вперед, постоянно демонстрируя свою великую цель и судьбу — править миром. Поэтому явной политикой Рима было поощрять, а не подавлять усилия государств, подчиненных царствам Сирии и Египта, по обретению независимости. В таких условиях Иуда начал свою военную карьеру.^{[a](#)}

СНОСКИ

^[5] [См. также главу в более поздних книгах, посвященную Греции и Александру.]

^[6] [Подобное прозвище было дано Карлу Французскому, которого называли *Мартел*, или «молот».]

Гробница в Силоаме, так называемый монолит

ГЛАВА X. ВОЙНА МАККАВЕЕВ

[166-165 гг. до н. э.]

У евреев был не только Исход, но и война за независимость. Их Гарибальди носил имя Иуды, от чего его память должна была бы понести некоторую ущерб. К этому имени добавлялось прозвище «Молот» или «Макавей».

ЕВРЕЙСКИЙ ВОИН

(По Бардону)

Древняя еврейская доблесть наконец пробудилась от своего мертвого сна. Те евреи, которые предпочитали терпеть несправедливость от людей, чем совершать несправедливость в глазах Бога, не все были готовы и в конечном итоге не смогли сохранить терпеливое отношение к страданиям. Они видели, что война не всегда была односторонней, и что, когда их путь к спасению был перекрыт, они в конце концов были вынуждены отчаянием защищаться. Так что вялая масса постепенно стала полностью возбужденной, пока даже трусы не обрели мужество, и национальный дух был всколыхнут до самой глубины.

Это не должна была быть война за независимость, искаженная священниками в войну за веру; но Израиль с самого начала сражался за свою религию, корень своего национального существования. Это происхождение войны облагородило ее и в ее продолжении, когда она была направлена на достижение политической свободы и добилась ее.

Начало сопротивления угнетению совести, первое активное противодействие насилию было положено Маттафией, священником, который, чтобы избежать необоснованных требований и преследований, удалился в свое родное место, Модин. Но сюда пришли и слуги царя. Когда ему приказали принести жертву языческим богам и тем самым показать хороший пример другим, Маттафия решительно отказался. Когда один еврей приготовился принести такую жертву на его глазах, он сразил его у алтаря, а также убил сирийского военачальника. Затем он бежал в горы со своими пятью сыновьями и последователями. Его бегство стало сигналом для многих ортодоксальных семей бежать в пустыню и поселиться в пещерах гор.

Из Иерусалима против них была отправлена вооруженная сила. Поскольку они не хотели поднимать руки в целях самообороны в субботу, около тысячи человек, включая женщин и детей, были убиты. Тогда Маттафия посоветовался со своими последователями, и было решено, что отныне, хотя они сами не будут нападать в субботу, они все же будут защищаться, если на них нападут. По мере роста сил Маттафии, набегі предпринимались во всех направлениях, алтари были разрушены, новорожденные мальчики- были обрезаны, а отступники и язычники без разбора были наказаны мечом.

Через год Маттафия умер (166 г. до н. э.), оставив руководство своим третьим сыном Иудой, а его старший брат Симон стал советником.

Под руководством Иуды, который был человеком большой личной храбрости и уже проявил большие лидерские качества, ведение войны не могло не приобрести быстроту и безрассудную решительность. Он был очень искусен в выборе времени и места сражения. Он часто использовал ночь для внезапных атак, поджигая лагерь врага и запугивая сирийские массы. Его прозвище Маккавей, «молот», долгое время применялось ко всей семье, которая в то время называлась Асмонеями. Их партия называла себя Ассидеями или Хасидеями (набожными).

Аполлоний был отправлен против Иуды с большой армией, в которую входили вспомогательные войска из Самарии, заключившей мир с Антиохом. Вероятно, он был слишком уверен в своем превосходстве и продвигался неосторожно, потому что был разгромлен и убит. Сразу после этого Иуда одержал вторую победу. Серон, командующий сирийской милицией, думая, что у него появилась возможность прославиться, подавив восстание, выступил против Иуды. Недалеко от перевала Бет-Хорон он был внезапно атакован Иудой. Поскольку он не смог должным образом управлять своими войсками, они пришли в беспорядок, были сбиты с горного склона и с большими потерями бежали в Финикию.

Такие вести из Иудеи не могли поднять настроение царю, тем более что все это произошло в самый неподходящий для него момент. Наступил срок выплаты очередной части его военного долга Риму, но его казна была истощена на снаряжение его великой армии, а его доходы были недостаточными из-за трудностей со сбором налогов в отдаленных провинциях на востоке и из-за беспорядков, которые он опрометчиво спровоцировал среди иудеев. Поэтому он с половиной своей армии отправился в Персию, чтобы собрать дань и добыть деньги любыми возможными средствами. Остальная часть армии была оставлена под командованием Лисия, который получил категорический приказ покончить с иудеями, привести в страну иностранных поселенцев и разделить земли между ними по жребью. (166 г. до н. э.)

После поражения Серона в Иудее не осталось сил, способных противостоять небольшой армии Иуды, насчитывавшей шесть тысяч человек, и он оставался бесспорным хозяином страны. Находясь в Иерусалиме под защитой гарнизона цитадели, правитель Филипп в отчаянии обратился за помощью к Птолемею, правителю Козле-Сирии и Финикии. Последний, возможно, в то же время получил приказ от Лисия. Он отправил армию под командованием Никанора и Горгия, которая была пополнена сирийской и филистимской милицией до численности, возможно, в двадцать тысяч человек. Никанор, уверенный в победе, объявил в прибрежных городах, что будет продавать еврейских рабов по одному таланту за каждого; поэтому в свите армии, которая расположилась лагерем в Эммаусе, в пятнадцати римских милях от Иерусалима, было много торговцев с деньгами и цепями.

Иуда и его последователи поняли, что предстоит решающая битва. Не имея возможности молить о божественной помощи в храме в Иерусалиме, они собрались в старом святилище в Мицпе, выполнили свои религиозные обязанности, насколько это было возможно, и, открыв «Книгу Закона» для пророчества, получили пароль «Элеазар», «Бог стоит рядом». Иуда организовал свою армию и очистил ее от слабых элементов в соответствии с Законом, в результате чего его силы сократились до примерно трех тысяч человек.

Тем временем враг приблизился к подножию горы к югу от Эммауса. Горгий выступил ночью с пехотой и конницей, чтобы застать Иуду врасплох. Но последний получил известие о движении, и Горгий обнаружил лагерь пустым. На рассвете Иуда стоял лицом к лицу с основной армией, теперь ослабленной отсутствием дивизии Горгия. Без колебаний он начал

атаку. Сирийцы были полностью разгромлены и оттеснены на юг и запад. Когда Горгий вернулся, он увидел издали горящий лагерь и евреев, которым их вождь запретил преждевременное грабеж, выстроившихся в боевом порядке против него. При этом зрелище мужество его людей покинуло их, и они бросились бежать. Сирийский полководец поспешил через всю страну в Антиохию, чтобы доложить о плачевном исходе кампании. Евреи, возвращаясь с преследования, нашли в лагере врага неизмеримую добычу.

На этом война в том году закончилась. Однако в следующем году (165 г. до н. э.) сам Лисий, возглавляя гораздо более многочисленные войска, переправился на восток от Иордана и, обойдя Мертвое море, вторгся в Иудею, чтобы атаковать и разгромить своего противника с тыла. Но на границе, недалеко от Беццура, ему преградил путь Иуда с армией в десять тысяч человек. Соппротивление евреев было настолько упорным, что Лисий был вынужден отказаться от всей затеи как от безнадежной. Он отправился обратно в Антиохию с намерением собрать еще более многочисленную армию и снова попытаться счастья. Он пошел тем же путем, которым пришел. Иуда, следовавший за ним по пятам и постоянно преследуя его, одержал победу в ряде сражений и, захватив город Язер, вернулся в Иудею.

Иуда теперь направился со всеми своими силами в Иерусалим, чтобы восстановить храм и православное поклонение Богу. Гарнизон в цитадели подвергался постоянным нападениям и беспокойствам. Все следы языческого поклонения были уничтожены, великий алтарь был восстановлен с помощью новых камней, и были приобретены новые священные сосуды. В годовщину дня, когда три года назад алтарь был впервые осквернен языческим жертвоприношением, первое православное богослужение было снова проведено в качестве начала восьмидневного праздника посвящения.^{[b](#)}

Этот обряд был с энтузиазмом описан патриотом Иосифом Флавием: «Когда же генералы армии Антиоха были так часто разбиты, Иуда собрал народ и сказал им, что после стольких побед, которые даровал им Бог, они должны подняться в Иерусалим, очистить храм и принести установленные жертвы. Но как только он со всем народом пришел в Иерусалим и обнаружил, что храм заброшен, его ворота сожжены, а в храме из-за его заброшенности произвольно растут растения, он и те, кто был с ним, начали сетовать и были совершенно потрясены при виде храма; поэтому он выбрал некоторых из своих воинов и приказал им сражаться с охранниками, находившимися в цитадели, пока он не очистит храм. Когда же он тщательно очистил его и принес новые сосуды, светильник, стол (для хлебов предложения) и жертвенник (для курения), которые были сделаны из золота, он повесил завесы на воротах и добавил к ним двери. Он также снял жертвенник и построил новый из камней, которые он собрал, а не из тех, что были высечены железными инструментами. Итак, в двадцать пятый день месяца Кислева, который македоняне называют Апеллеем, они зажгли лампы, которые были на светильнике, и принесли курение на жертвеннике (курения), и положили хлебы на стол (хлебов предложения), и принесли всесожжения на новом жертвеннике (всесожжения). Так случилось, что все это произошло в тот самый день, когда их божественное поклонение прекратилось и было сведено к профанирующему и обычному использованию, после трех лет ; ибо так было, что храм был опустошен Антиохом и оставался в таком состоянии в течение трех лет. Это опустошение храма произошло в сто сорок пятом году, в двадцать пятый день месяца Апеллея, и в сто пятьдесят третью олимпиаду; но он был вновь освящен в тот же день, двадцать пятого числа месяца Апеллея, в сто сорок восьмом году и в сто пятьдесят четвертую олимпиаду. И это опустошение произошло в соответствии с пророчеством Даниила, которое было дано за четыреста восемь лет до этого; ибо он объявил, что македоняне прекратят это поклонение (на некоторое время).

[165-164 гг. до н. э.]

«Иуда праздновал восстановление жертвоприношений в храме в течение восьми дней и не упустил ни одного из удовольствий, связанных с этим праздником: он устроил для них пир с очень богатыми и роскошными жертвоприношениями, прославлял Бога и радовал их гимнами и псалмами. Более того, они были так рады возрождению своих обычаев, когда после долгого перерыва неожиданно обрели свободу своего культа, что установили закон для своих потомков, чтобы они праздновали восемь дней в честь восстановления храмового культа. И с тех пор мы празднуем этот праздник и называем его «Светом». Я полагаю, что причина заключалась в том, что эта свобода, превосходящая наши надежды, явилась нам; и отсюда и произошло название этого праздника. Иуда также восстановил стены вокруг города, возвел высокие башни для защиты от вторжений врагов и разместил в них стражу. Он также укрепил город Бефсуру, чтобы он мог служить цитаделью против любых бедствий, которые могли бы принести наши враги».⁴

Весть о военных успехах иудеев была встречена их врагами с яростным гневом; те, кто недавно был поражен Иудой, жаждали мести, а теперь известие о восстановлении иудейской религии стало последней каплей. Языческие народы повсюду напали на своих иудейских соседей, так что приходилось постоянно защищаться со всех сторон, и Иуда не мог сложить оружие.

Наконец, ассидеи на совете решили разделить свою армию на три части. Симон с тремя тысячами человек был отправлен в Галилею, чтобы изгнать оттуда врагов. Иуда и его брат Ионафан с основной армией должны были перейти Иордан, чтобы прийти на помощь осажденному гарнизону в Галааде, а остальные силы должны были защищать Иудею от нападения. Симон первым выполнил свою задачу. Победив в многочисленных сражениях, он изгнал языческие войска из этого района и переправил еврейское население Галилеи в Иудею.

[164-163 гг. до н. э.]

Иуда, с присущей ему быстротой действий и готовностью использовать возможности, захватил весь район Галаада, выигрывая сражение за сражением и осаду за осадой, уничтожая храмы, алтари и укрепления. В отношении евреев Галаада он проводил ту же политику, что и Симон в Галилее, переведя их в Иудею, где он мог легче защитить их от набегов язычников. Еврейские войска вернулись домой с победой, и страна на короткое время осталась в мире, не подвергаясь преследованиям со стороны сирийского правительства, которое было полностью занято своими собственными делами после смерти царя Антиоха во время его похода на Персию (164 г. до н. э.).

Воин Иуда теперь пользовался таким уважением среди своего народа, что мог взять на себя руководство в мирное время. Теперь ему предстояло заняться реорганизацией нестабильного государства. Необходимо было обеспечить поддержку семьям, привезенным из Галилеи и Галаада, что было нелегкой задачей, поскольку следующий год был субботним. Кроме того, враждебная цитадель рядом с храмом () оставалась занозой в боку Израиля. Сначала Иуда имел время только для того, чтобы заняться сбором разбросанных священных книг.

[163-162 гг. до н. э.]

В 163 году он начал осаду цитадели. Часть гарнизона сбежала и присоединилась к изменникам-иудеям, которые отправились в Антиохию, чтобы пожаловаться на свой народ.

После смерти Антиоха Эпифана его сын, ребенок Антиох, прозванный Эупатор, вступил на престол. Регентство, на которое отец назначил Филиппа, было захвачено Лисием. В нем посланцы из Иерусалима нашли готового выслушать их, ибо он вряд ли мог забыть, как его опозорили два года назад. Кроме того, новое царство не могло позволить себе быть осмеянным.^b

Смерть безжалостного Антиоха Эпифана не могла не показаться израильтянам божественным провидением. Так мы находим объяснение Иосифа Флавия, который заявляет, что это произошло не из-за его святотатства по отношению к персидской Диане, а по отношению к еврейскому Яхве. Мы приводим довольно подробный отрывок из его рассказа об этом событии и его волнующую картину последующих конфликтов.^a

«Примерно в это время царь Антиох, путешествуя по верхним странам, услышал, что в Персии есть очень богатый город под названием Элимаис, в котором находится очень богатый храм Дианы, полный всевозможных посвященных ей даров, а также оружием и нагрудными доспехами, которые, как он выяснил, были оставлены там Александром, сыном Филиппа, царя Македонии; и, побуждаемый этими мотивами, он поспешил в Элимаис, напал на него и осадил его. Но поскольку те, кто был в нем, не испугались ни его нападения, ни его осады, а очень мужественно сопротивлялись ему, его надежды были разбиты; ибо они изгнали его из города, вышли и преследовали его, так что он бежал аж до Вавилона и потерял большую часть своего войска; и когда он скорбел об этом разочаровании, некоторые люди рассказали ему о поражении его полководцев, которых он оставил сзади, чтобы сражаться против Иудеи, и о том, какую силу уже приобрели иудеи. Когда эта забота о делах прибавилась к прежней, он был сбит с толку и от беспокойства впал в расстройство, которое длилось долго, и поскольку его страдания усиливались, он наконец понял, что скоро умрет; поэтому он призвал к себе друзей и сказал им, что его болезнь тяжела, и признался, что это бедствие было послано ему за страдания, которые он принес еврейскому народу, когда он разграбил их храм и презирал их Бога; и, сказав это, он испустил дух. Отсюда можно удивиться Полибию из Мегалополиса, который, хотя и был в остальном хорошим человеком, тем не менее говорит, что «Антиох умер, потому что намеревался ограбить храм Дианы в Персии»; ведь намерение сделать что-то, но не совершение этого деяния, не заслуживает наказания. Но если Полибий мог думать, что Антиох таким образом лишился жизни по этой причине, то гораздо более вероятно, что этот царь умер из-за своего кощунственного ограбления храма в Иерусалиме. Но мы не будем спорить по этому поводу с теми, кто может думать, что причина, указанная этим Полибием из Мегалополиса, ближе к истине, чем та, которую указываем мы.

«Однако перед смертью Антиох позвал Филиппа, одного из своих спутников, и назначил его опекуном своего царства; он отдал ему свою диадему, одежду и кольцо и поручил ему отнести их своему сыну Антиоху; он просил его позаботиться о его воспитании и сохранить для него царство. Этот Антиох умер в сто сорок девятом году, но именно Лисий объявил о его смерти народу и назначил его сына Антиоха царем (о котором он в настоящее время заботился) и назвал его Евпатором.

[162-161 гг. до н. э.]

«В это время гарнизон в цитадели Иерусалима вместе с еврейскими изменниками причинил евреям большой вред: солдаты, находившиеся в этом гарнизоне, внезапно выскочили и уничтожили тех, кто поднимался в храм, чтобы принести жертвы, поскольку эта цитадель примыкала к храму и возвышалась над ним. Когда такие несчастья часто случались с ними, Иуда решил уничтожить этот гарнизон; после чего он собрал весь народ и

энергично осадил тех, кто находился в цитадели. Это было в сто пятидесятом году правления Селевкидов. Итак, он изготовил военные машины, воздвиг укрепления и с большим рвением наступал, чтобы взять цитадель. Но среди беглецов, находившихся в этом месте, было немало таких, которые ночью ушли в сельскую местность, собрали других злодеев, подобных себе, пошли к царю Антиоху и просили его не оставлять их без внимания, поскольку они подвергались большим трудностям со стороны своих соотечественников; потому что их страдания были вызваны поступками его отца, в то время как они оставили религиозное поклонение своих отцов и предпочли то, что он велел им следовать: что существовала опасность, что цитадель и те, кто был назначен царем для ее охраны, будут захвачены Иудой и теми, кто был с ним, если он не пошлет им подкрепление. Когда Антиох, который был еще ребенком, услышал об этом, он рассердился, призвал своих военачальников и друзей и приказал им собрать армию наемников, а также всех мужчин своего царства, пригодных к военной службе. В результате была собрана армия из примерно ста тысяч пехотинцев, двадцати тысяч всадников и тридцати двух слонов.

«Итак, царь взял эту армию и поспешно выступил из Антиохии вместе с Лисием, который командовал всей армией, и пришел в Идумею, а оттуда поднялся к городу Беццуру, городу, который был крепким и который было невозможно взять без больших трудностей. Он осадил этот город и, хотя жители Беццура мужественно сопротивлялись ему, выходили на него и сжигали его военные машины, осада затянулась надолго; но когда Иуда услышал о приходе царя, он снял осаду с цитадели, встретил царя и разбил лагерь в узком проходе, в местечке под названием Бет-Захария, на расстоянии семидесяти стадий от врага; но царь вскоре вывел свои войска из Бет-Цура и привел их в этот проход; и как только наступил день, он выстроил своих людей в боевой порядок и заставил своих слонов идти друг за другом через узкие проходы, потому что они не могли идти боком друг к другу. Вокруг каждого слона было по тысяче пеших и по пятьсот всадников. На слонах были высокие башни (на их спинах) и лучники (в них); он также велел остальной части своего войска подняться на горы и поставил своих друзей впереди остальных; он приказал войску громко кричать и таким образом атаковал врага. Он также выставил на показ их золотые и медные щиты, так что от них исходило великолепное сияние; и когда они кричали, горы эхом повторяли их крики. Увидев это, Иуда не испугался, но с большой храбростью встретил врага и убил около шестисот из первых рядов. Но когда его брат Елеазар, которого называли Ауран, увидел самого высокого из всех слонов, вооруженного королевскими нагрудниками, и предположил, что на нем сидит царь, он атаковал его с большой быстротой и храбростью. Он также убил многих из тех, кто был около слона, и рассеял остальных, а затем прошел под брюхом слона, ударил его и убил; так слон упал на Елеазара и своим весом раздавил его насмерть. И так этот человек пришел к концу, когда он сначала мужественно уничтожил многих своих врагов.

«Но Иуда, видя силу врага, отступил в Иерусалим и приготовился выдержать осаду. Антиох же послал часть своего войска в Бетцур, чтобы осадить его, а с остальной частью своего войска он пришел к Иерусалиму; но жители Бетцура были напуганы его силой; и, видя, что их запасы продовольствия истощаются, они сдались, дав клятву, что царь не будет жестоко с ними обращаться. И когда Антиох таким образом взял город, он не причинил им никакого вреда, кроме как изгнал их голыми. Он также разместил в городе свой гарнизон; а что касается Иерусалимского храма, то он долго осаждал его, а те, кто был внутри, храбро защищались; ибо какие бы машины ни ставил против них царь, они ставили другие машины, чтобы противостоять им. Но потом у них закончились запасы продовольствия; все запасы плодов, которые они накопили, были израсходованы, а земля в том году не была вспахана и оставалась незасеянной, потому что это был седьмой год, в который, согласно

нашим законам, мы обязаны оставлять ее незасеянной. Кроме того, из-за нехватки предметов первой необходимости многие из осажденных бежали, и в храме осталось лишь несколько человек.

«И таковы были обстоятельства тех, кто был осажден в храме. Но затем, когда Лисий, главнокомандующий армией, и Антиох, царь, узнали, что Филипп приближается к ним из Персии и стремится захватить власть над государством, они решили прекратить осаду и поспешить на встречу Филиппу; однако они решили не сообщать об этом солдатам и офицерам; но царь приказал Лисию открыто говорить с солдатами и офицерами, не упоминая ни словом о деле Филиппа, и дать им понять, что осада будет очень долгой, что место очень крепкое, что у них уже заканчиваются припасы, что многие дела царства требуют урегулирования и что гораздо лучше заключить союз с осажденными и подружиться со всем их народом, позволив им соблюдать законы своих отцов, поскольку они вступили в эту войну только потому, что были лишены этих законов, и таким образом вернуться домой. Когда Лисий так поговорил с ними, и армия, и офицеры были довольны этим решением.

«Соответственно, царь послал к Иуде и тем, кто был осажден вместе с ним, и пообещал дать им мир и позволить им пользоваться законами своих отцов и жить в соответствии с ними; и они с радостью приняли его предложения; и, получив клятву о выполнении своих обещаний, они вышли из храма: но когда Антиох вошел в него и увидел, насколько крепким было это место, он нарушил свою клятву и приказал своей армии, которая была там, снести стены до основания; и когда он это сделал, он вернулся в Антиохию».

Однако защитники храма не имели полномочий заключать договор от имени других. Иуда и ассидеи не были связаны этим договором и не были включены в него. Поэтому переговоры пришлось продолжить после ухода вражеской армии. Главным участником этих переговоров, по-видимому, был печально известный Менелай, который был назначен первосвященником Антиохом Эпифаном и чье бесстыдное ограбление и осквернение храма было одной из главных причин народного восстания. В ходе переговоров Лисий, по-видимому опасаясь, что Менелай может подорвать его влияние на царя, обвинил его в том, что он является причиной всех бедствий, и приговорил его к смерти. Поскольку казнь этого негодяя, казалось, доказала, что Лисий и царь искренне желают мира, вскоре было достигнуто соглашение.

Деметрий, дядя Евпатора, который в течение многих лет содержался в заложниках в Риме, теперь сумел бежать. Высадившись в Триполисе с небольшим отрядом, он вскоре получил контроль над армией и таким образом легко смог захватить власть. Он казнил молодого царя и Лисию и принял царский титул (162 г. до н. э.). Немедленно иудеи из эллинистической партии под руководством Альцима, претендента на должность первосвященника, обратились к новому царю с жалобами на ассидеев. Поскольку Альцим был виновен в языческих излишествах, Иуда и его последователи запретили ему доступ к восстановленному ими алтарю. Деметрий выслушал его жалобу, назначил его первосвященником и послал значительные войска под командованием Вакхида, чтобы силой укрепить его в должности. Ученые аристократы были склонны пойти на сделку с Алкимом; и поскольку солдаты цитадели больше не мешали богослужениям в храме, а религия не подвергалась никакой угрозе, Иуда не мог рассчитывать на достаточную поддержку, чтобы противостоять приказу царя в нарушение договора.

Так что Вакхид без сопротивления привел Алкима в Иерусалим, передал ему управление страной и оставил отряд войск для его защиты. Алким стремился укрепить свою власть, но, проявив неверность образованной касте, шестьдесят членов которой он приказал казнить,

он вскоре начал терять влияние, и ассидеи снова взяли верх. Алким в конце концов понял, что его положение совершенно невыносимо, и во второй раз отправился в Антиохию.

Вероятно, именно в это время Иуда послал посольство в Рим, чтобы предложить защитный союз (1 Маккавейская viii. 17). Это предложение, конечно, имело в виду, в частности, защиту от Деметрия, поскольку Иуда, несомненно, знал, что сенат не был благосклонен к царю. Посольство привезло договор, который оставлял на усмотрение каждой из двух сторон решение о том, требуют ли обстоятельства выполнения военной службы. Но помощь иудеев в то время не могла быть особо полезной для Рима, а поскольку договор не был достаточно обязывающим для Рима, он приносил иудеям лишь небольшую пользу. Однако союз по крайней мере выглядел реальным, и вполне вероятно, что сенат направил Деметрию предупреждение.

В ответ на жалобу Алкима царь послал в Иудею сильное войско под командованием Никанора, бывшего полководца слонов. Хотя этот полководец был ярким ненавистником иудеев, он сначала попытался пойти по пути дружеских переговоров. Иуда согласился на встречу после того, как его брат Симон потерпел поражение. Но Никанор не мог отказаться от требования признать Алкима, и Иуда, подозревая вероломство, удалился. Вскоре после этого Никанор, потерпевший поражение в первой стычке, выместил свое недовольство на священниках, которых он подозревал в симпатиях к Ассидеям. Несмотря на их всеожжения в честь царя, он издевался над ними, оскорблял их и угрожал разрушить храм по возвращении.

Битва произошла в Адасе, недалеко от Гуфны. Никанор получил подкрепление в виде сирийской милиции и принудительно набранных евреев, но ни те, ни другие не могли считаться очень надежными войсками, так что генералу, вероятно, пришлось проявить большую храбрость, чтобы подать пример. После ожесточенного сражения Никанор пал, сражаясь с честью; его войска обратились в бегство и были преследованы в течение дня с большими потерями. (161 г. до н. э.) Голова и рука были отрезаны от тела Никанора и выставлены на всеобщее обозрение в Иерусалиме; этот день долгое время ежегодно отмечался как «день Никанора» (2 Маккавейская хв.).

Но земля не могла долго наслаждаться миром. Такой триумф мятежных подданных было нелегко игнорировать. Царь вновь возложил надежды на верного Вакхида, который теперь был отправлен во второй раз с Алкимом. Пройдя через Галилею в Иерусалим без сопротивления, он восстановил Алкима, а затем двинулся на Верею в поисках Иуды. Последний расположился лагерем в Элассе, месте, которое, как и Верея, по-видимому, находилось в горных пустошах южной Иудеи. Итак, Иуда выбрал позицию в дикой горной местности, и там он был атакован. Вид вражеской армии обескуражил последователей Иуды, и только восемьсот человек остались с ним. Тем не менее, Иуда не сдался превосходящим силам, а вдохновил свою горстку людей на отчаянную битву. Место было благоприятно для обороны, и бегство было, вероятно, невозможно, за исключением отдельных лиц.^b

Для описания последней отважной битвы Иуды мы снова обратимся к страницам его соотечественника Иосифа Флавия.

«Когда Иуда был покинут своими солдатами, а враг давил на него и не давал ему времени собрать свою армию, он был готов сражаться с армией Вакхида, хотя у него было всего восемьсот человек; поэтому он призвал этих людей мужественно встретить опасность и ободрил их атаковать врага. А когда они сказали, что их не хватает, чтобы сражаться с такой большой армией, и посоветовали ему отступить сейчас и спастись, а когда он соберет своих людей, тогда он сможет напасть на врага, он ответил так: «Пусть солнце никогда не увидит, чтобы я показал спину врагу; и хотя это время приведет меня к концу, и я должен умереть в этой битве, я лучше буду мужественно стоять на своем и приму все, что на меня обрушится, чем, убегая сейчас, опозорить свои прежние великие деяния или запятнать их славу». Такую речь он произнес перед теми, кто остался с ним, и тем самым воодушевил их на атаку врага.

«Но Вакхид вывел свою армию из лагеря и выстроил ее в боевой порядок. Он расположил всадников на обоих флангах, а легкую пехоту и лучников — перед всей армией, а сам стоял на правом фланге. И когда он таким образом выстроил свою армию в боевой порядок и собирался вступить в сражение с врагом, он приказал трубачу дать сигнал к бою, а армии — поднять крик и напасть на врага.

И когда Иуда сделал это, он вступил с ними в сражение; и поскольку обе стороны сражались отважно, и сражение продолжалось до заката солнца, Иуда увидел, что Вакхид и самая сильная часть армии находились на правом фланге, и тогда он взял с собой самых отважных людей, бросился на эту часть армии, напал на тех, кто там находился, разбил их ряды, загнал их в центр, заставил бежать и преследовал их до горы под названием Аза; но когда те, кто был на левом фланге, увидели, что правый фланг был разгромлен, они окружили Иуду, преследовали его, подошли сзади и загнали его в центр своей армии; так что, не имея возможности бежать, но окруженный врагами со всех сторон, он остановился и сражался вместе с теми, кто был с ним; и когда он убил многих из тех, кто наступал на него,

он сам был ранен, пал, испустил дух и умер так же, как и в своих прежних знаменитых сражениях. Когда Иуда умер, у тех, кто был с ним, не осталось никого, кого они могли бы считать своим вождем; и, увидев, что они лишились такого полководца, они бежали. Но Симон и Ионатан, братья Иуды, по договору с врагом получили его тело и отнесли его в деревню Модин, где был похоронен их отец, и там похоронили его; а народ много дней оплакивал его и совершал над ним обычные торжественные похоронные обряды.

«И вот к чему пришел Иуда. Он был мужественным человеком и великим воином, помнил все повеления своего отца Маттафии и претерпел все трудности, как в действиях, так и в страданиях, ради свободы своих соотечественников. И поскольку его характер был столь замечательным (при жизни), он оставил после себя славную репутацию и память, завоевав свободу для своего народа и избавив его от рабства под властью македонцев. И пробыв первосвященником три года, он умер».^с

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Если кто-либо из солдат-патриотов заслуживал похвалы, то это был благородный Иуда Маккавей. Его сфера деятельности не ставила народы к его ногам и не давала ему возможности командовать мириадами; однако, правильно оценивая его скромные ресурсы и великие достижения, еврейский герой, за шесть лет своей военной карьеры, не будет умален, если сравнивать его с любым воином, чьи деяния были прославлены историей или стали темой поэтического вдохновения.

[161-153 гг. до н. э.]

После смерти Иуды отступники-иудеи под покровительством сирийцев вновь набрали силу и были назначены сирийским полководцем на все ответственные должности по всей стране; в то же время Бахид не проявлял пощады ни к одному из известных последователей Иуды. В этот кризисный момент те, кто по-прежнему придерживались поклонения Иегове и были готовы рискнуть своей жизнью ради его дела, собрались вместе и избрали своим вождем Ионафана, младшего брата Иуды. Под его командованием они ушли в пустыню. Вакхид ушел в Антиохию, и евреи прожили два года в спокойствии.

Джонатан и его друзья сделали все возможное в течение этого промежутка времени, чтобы укрепить свое дело и увеличить число своих сторонников, пока они не стали настолько грозными, что отступники-иудеи послали сообщение Деметрию, царю Сирии, о растущей силе Джонатана и пригласили его уничтожить их. В соответствии с этим Бахид был вновь отправлен в Иудею со своей армией; но Ионатан, узнав о замысле отступников-иудеев схватить его и выдать сирийскому полководцу, казнил пятьдесят главных заговорщиков. Это помешало остальным предпринять какие-либо действия. Силы Ионафана не позволяли ему встретить Бахида на поле боя. Поэтому он отступил в Бет-Баси, укрепленное место в пустыне, которое он отремонтировал и привел в такое состояние обороны, что даже самые большие усилия сирийцев не могли его взять. Взбешенный своей неудачей, Вакхид снял осаду и в гневе казнил многих из тех иудеев, которые пригласили его предпринять эту катастрофическую кампанию. После его отступления из Бетбаси Ионафан послал за ним посольство с предложениями о мире, которые были приняты и закреплены клятвой обеих сторон.

Ситуация в Сирии теперь давала некоторые надежды на улучшение положения еврейского народа. Деметрий Сотер, нажив себе врагов среди соседних государств и предавшись роскошной жизни, был смещен, и на его место выдвинулся молодой человек неизвестного происхождения, который выдавал себя за сына Антиоха Эпифана и как таковой претендовал на сирийский трон. Благодаря этой внешней поддержке он собрал армию и стал грозным под титулом Александра Баласа (), что вывело Деметрия из его лени. В этих обстоятельствах соперничающие стороны поняли, как важно завоевать расположение евреев. Поэтому Деметрий послал к Ионафану предложение сделать его правителем Иудеи и приказал освободить всех заложников, удерживаемых в цитадели Иерусалима, одновременно предоставив ему полную власть набирать войска. Используя это письмо, Ионафан добился освобождения заложников и вывода из Иудеи всех сирийских гарнизонов, за исключением Беццура и цитадели Сиона, которые по-прежнему удерживались сирийцами, но были заняты в основном отступниками-иудеями.

Александр Балас не отставал от своего соперника в своих предложениях. Он назвал Ионафана своим другом и братом, послал ему золотую корону и пурпурную мантию и назначил его первосвященником. Ионафан принял эти подарки и вступил в должность первосвященника, однако он не присоединился открыто ни к одной из сторон.

Узнав об этом, Деметрий стал еще более щедрым в своих предложениях; в письме, сохранившемся у Иосифа Флавия, он пытался превзойти Баласа в щедрости своих обещаний. Все это было тщетно: евреи не могли забыть того, что они перенесли, и в конце концов оказали искреннюю поддержку Баласу, который, победив и убив своего соперника, взошел на престол. Однако дела Сирии в это время были слишком неопределенными и беспокойными, чтобы позволить правителю престола успокоиться: прошло совсем немного времени, и Балас был свергнут, а Деметрий Никатор, сын предыдущего царя, занял место главы правительства.

В то время как в Сирии происходили эти перемены, Ионафан вновь осадил цитадель Сиона. Узнав об этом, Никатор приказал Ионафану явиться к нему в Птолемаиду. Иудейский вождь подчинился приказу и не только оправдал свое поведение, но и так понравился сирийскому царю, что тот передал Ионафану управление несколькими районами, ранее принадлежавшими Самарии. Ионафан, вернувшись в Иерусалим, продолжил осаду цитадели, но, убедившись в ее неприступности, обратился к Деметрию с просьбой вывести гарнизон. В это время царь находился в очень тяжелом положении: жители Антиохии подняли против него восстание, и он обратился за помощью к иудейскому вождю. Ионафан согласился и послал три тысячи отборных воинов, которые восстановили в городе порядок; тогда неверный царь, избавившись от опасности, не только отказался вывести гарнизон, но и потребовал выплаты дани, которую он ранее отменил. Таким поведением он полностью отвратил иудеев от своей дела; и вскоре представился случай проявить это отвращение.

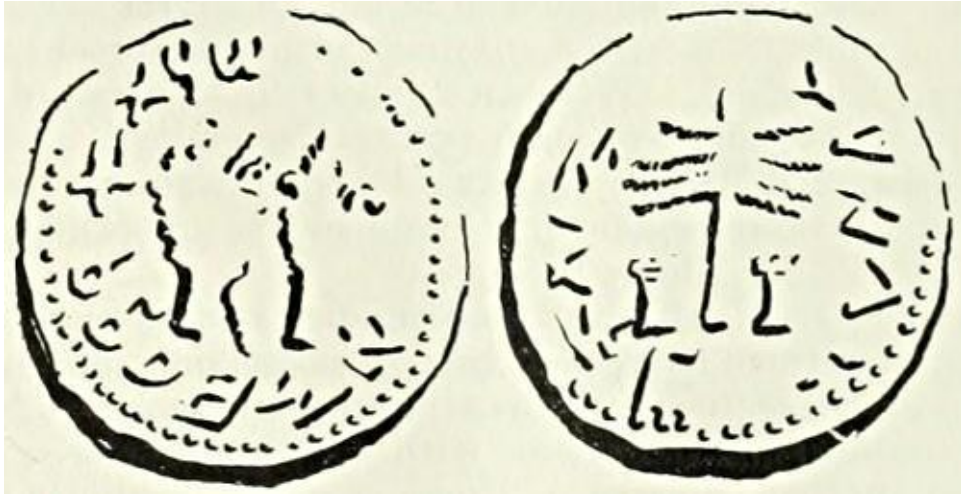
Трифон, который управлял делами Сирии при Александре Баласе, сумел получить опеку над его сыном, который был передан на попечение арабского вождя. Имея в своем распоряжении этот мощный элемент мятежа, он вскоре собрал армию и выступил против Деметрия. Его дело нашло столь широкую поддержку, что Деметрий был разгромлен и вынужден отступить в Селевкию. Молодой принц тогда взял на себя управление государством под кощунственным титулом Антиох Теос, «Бог».

Поскольку Ионафан имел веские причины для недовольства Деметрием, он присоединился к Антиоху, который в ответ подтвердил ему все его достоинства и привилегии. В результате этой договоренности Ионафан провел несколько сражений с войсками Деметрия с переменным успехом. Однако в это время он отправил в Рим еще одно посольство, которое было любезно принято и отпущено с знаками дружбы. Два брата, Ионафан и Симон, в этот период относительного спокойствия приложили все усилия, чтобы привести крепости страны в наилучшее состояние и подготовиться к любым будущим обстоятельствам. Но вскоре их постигли мрачные неудачи. Трифон использовал Антиоха лишь как средство для реализации своих личных амбициозных планов. Но теперь он обнаружил, что путь открыт, и единственным видимым препятствием для его планов был Ионафан, первосвященник иудеев. Поэтому он разработал план, чтобы подчинить этого героя своей власти, и под предлогом присоединения Птолемаиды к своим владениям Ионафан был побужден отправиться туда с тысячей воинов. Но как только они вошли в ворота, его воины были убиты, а он сам был закован в цепи.

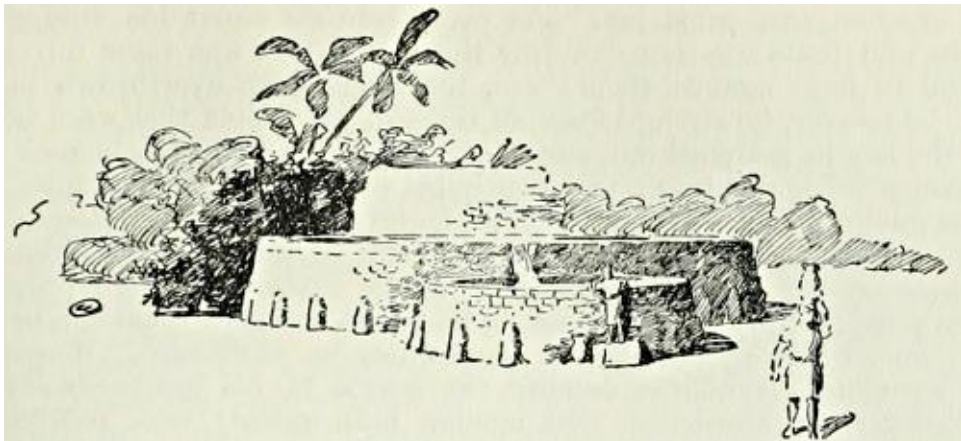
Это был страшный удар по поднимающемуся делу еврейской свободы. Но Симон, оставшийся брат, сломил его силу, взяв на себя командование армией и руководство делами; так что, когда Трифон, сразу же после пленения Ионафана, вторгся в Иудею, он встретил Симона с такой внушительной силой, что сирийский полководец не осмелился riskнуть сражением. Тогда Трифон притворился, что его целью при захвате Ионафана было получение ста талантов, причитающихся в качестве дани, и что, если ему будет отправлена эта сумма и два сына Ионафана в качестве заложников, вождь будет освобожден. Хотя Симон не доверял этим заявлениям, он отправил деньги и молодых людей. Вероломный сириец получил сто талантов и оставил Ионафана и его сыновей в плену; вынужденный отступить в Галаад, он казнил там благородного Ионафана.

Симон теперь официально принял на себя командование армией и верховную священническую должность и послал послов, чтобы сообщить сенату Рима о своем вступлении на престол и о судьбе своего брата. Их приняли с всеми почестями, и они вернулись с договором между Римом и иудейским священником. В это время Деметрий продолжал войну с Трифоном; а Симон и еврейский народ, будучи сильно возмущены убийством Ионафана, считали дружбу с Деметрием предпочтительнее общения с таким вероломным человеком. Соответственно, они послали Деметрию в дар золотую корону с предложением о мире.

Эта мера стала средством восстановления политической независимости евреев. Деметрий в этот момент так сильно нуждался в помощи евреев в своей войне с Трифоном и был так доволен их добровольной приверженностью ему, что принял их подарок, согласился похоронить в забвении все прошлые разногласия, признал Симона первосвященником и князем евреев, и отказался от всех будущих претензий на еврейский народ; и эти уступки были опубликованы в виде королевского указа. Так Иудея вновь заняла свое место среди независимых народов земли.^d

Монеты древней Иудеи

ГЛАВА XI. ОТ МАККАВЕЕВ ДО РИМЛЯН

От развалившегося Сирийского царства, чей царь Деметрий томился в плену в Парфии, еврейский народ не испытывал серьезной опасности. Поэтому Симон, как князь и первосвященник, несколько лет мудро и справедливо правил страной. Он восстановил национальную религию повсюду, чеканил монеты со своим именем и принимал необходимые меры для благосостояния и безопасности народа. А когда Антиох, брат заключенного в тюрьму царя, вновь потребовал дань, от которой Деметрий отказался, и выступил в поход после отказа Симона, Иоанн, сын Симона, который был назначен генералом своим отцом, нанес поражение сирийской армии при Ашдоде (139 г. до н. э.).

ЕВРЕЙСКАЯ ГРОБНИЦА, ИУДЕЯ

Теперь Симон правил освобожденной землей как второй Давид. Еврейский народ на торжественном собрании провозгласил его «главнокомандующим и непогрешимым князем народа, имеющим право назначать всех сановников и чиновников в царстве и вечно осуществлять надзор за священными делами», и запись об этом плебисците была помещена в святилище. Симон укрепил союз с Римом, поощрял сельское хозяйство и торговлю, почитал справедливость и боязнь Бога.

Симон стремился к благу своего народа, «поскольку его власть и честь всегда были им по душе», как говорится в первой книге Маккавейской (xiv. 4 и др.). «Тогда они возделывали свою землю в мире, и земля давала свои плоды, а деревья в поле — свои плоды. Старики сидели на улицах, общаясь друг с другом о добрых делах, а молодые люди надевали славные и воинственные одежды. Он снабжал города продовольствием и снаряжал их всевозможными боеприпасами, так что его почетное имя прославилось до концов земли. Он установил мир в стране, и Израиль радовался великой радостью. Ибо каждый сидел под своей виноградной лозой и под своим смоковницевым деревом, и никто не тревожил их. И не осталось в земле никого, кто мог бы сражаться против них; да, в те дни были свергнуты цари. Кроме того, он укрепил всех из своего народа, кто был унижен; он исследовал закон и удалил всех, кто презирал закон. Он украсил святилище и умножил сосуды храма».

[135-126 гг. до н. э.]

Но конец Симона не был столь счастливым, как у Давида. Его зять Птолемей, которого он поставил во главе равнины Иерихона, стремился к верховной власти. Поэтому он пригласил первосвященника с его двумя сыновьями, Матфатиасом и Иудой, в свой дом и убил их во время банкета. Однако это преступление не принесло его исполнителю никакой выгоды. Сын Симона Иоанн, прозванный Гирканом, избежал западни своего зятя и, убив посланных за ним убийц, быстро овладел Иерусалимом и верховным священством, а после долгой осады взял Иерихон. Птолемей же, убив заключенную мать и двух братьев Маккавея, спасся бегством через Иордан.

Впоследствии Иоанн заключил выгодный договор с Антиохом, по которому за умеренную дань и обещание военной службы он был подтвержден в своем родовом достоинстве и положении. На средства, взятые из ограбленной гробницы Давида, Иоанн нанял армию наемников, с помощью которой он завершил освобождение земли, расширил границы

своего государства со всех сторон, подчинил Самарию и Галилею и заставил идумеев (едомлян) либо принять иудейский закон и подвергнуться обрезанию, либо эмигрировать.

Царь Антиох пал в битве с парфянами. От своего брата Деметрия, освобожденного из заключения, Иоанн защищался, возобновив союз с римлянами, которые теперь, по своему обыкновению, протянули свою защитную руку над маленьким народом Ливана, пока не настал час, когда они смогли поглотить его вместе с великим государством, от которого они его защищали. (128-126 гг. до н. э.)

Следствием этого союза с Римом было то, что еврейский народ вновь пережил счастливый период перед своим падением. Почти тридцатилетнее правление Иоанна Гиркана было периодом внешнего мира и внутреннего благополучия, когда евреи жили свободно и беспрепятственно в соответствии с законами своей теократии и довели «святое государство» до полного развития. Только внутренние распри, вызванные сектантской ненавистью школ и религиозных партий, а также расовой завистью и гордостью ортодоксии, с которой евреи смотрели свысока на самаритян и галилеян, нарушали гармонию их отношений.

ВОЮЮЩИЕ СЕКТЫ

[126-108 гг. до н. э.]

Когда поклонение Иегове было восстановлено в своих правах и внешнее религиозное давление прекратилось, место прежних сект, язычников-эллинистов и ортодоксальных хасидов (ассидеев), заняли саддукеи и фарисеи, две школы религиозных братств, которые следовали тем же тенденциям, только с меньшей жесткостью и без насильственных средств обращения в свою веру. Саддукеи, названные в честь своего основателя Садока, предприняли попытку «в учении и наставлениях объединить греческую мудрость того времени с еврейской природой, не для того, чтобы уничтожить последнюю, а для того, чтобы возвысить и продвинуть ее». Состоящие из более богатой и аристократической части народа, они стремились к большей свободе в жизни и мышлении, менее строго толковали Моисеев закон и пытались привести его в большее соответствие с греческими обычаями, учением и образом мышления. Под влиянием греческой философии () они пришли к выводу, что не существует высшей судьбы, которая неизменно предопределяет все человеческие дела, и, в частности, что Бог не творит зла и не контролирует его; что добро и зло, человеческое благополучие и несчастье зависят исключительно от собственного выбора человека, от его знаний или невежества. Следующий шаг привел их к отрицанию бессмертия и вечного вознаграждения, а также фактического существования ангелов и духов.

В противовес саддукеям были фарисеи (*т. е.* «особые»), которые утверждали, что отличаются от других большей набожностью. Они произошли из рядов хасидов («набожных») и строго придерживались закона и пророков. Но они с величайшей тщательностью и заботой относились к букве и формулировкам закона и, таким образом, посредством произвольного и натянутого толкования создали огромное количество указаний, заповедей и мелких определений внешней святости, соблюдению которых они придавали большое значение. Таким образом, они впали в лицемерие и ложную святость.

Действуя по принципу «построй ограду вокруг закона», они видели в ограничении и сдерживании действий признак ортодоксальной набожности. «Движимые амбициями и более или менее сознательно потакая своему эгоизму, фарисеи сделали набожность своего рода ремеслом, чтобы с ее помощью обрести постоянную власть». Они носили

определенные знаки, *например*, маленькие свитки на руке или шее с надписями из священного закона, и стремились «внешним благочестием» привлечь к себе людей. «Живя в бедности в глазах мира, многие из них, тем не менее, не презирали сокровища и удовольствия мира».

Третья секта, называемая ессеями или эссеями, как и фарисеи, происходила от хасидов и верила, что лучше всего служить Богу и способствовать своему спасению можно путем отделения от мира и его удовольствий, сдерживания всех страстей и похотей, воздержания от вина, мяса и масла, а также благочестивых покаяний и общей преданности. Они жили группами на западном берегу Мертвого моря, занимались сельским хозяйством, скотоводством и невинными, мирными занятиями. Поскольку они отказывались от частной собственности, они складывали все свои владения и доходы в общую казну для общего пользования. Все члены ордена носили одинаковую одежду; лишь немногие из них верили в брак. Как попечители бедных и врачи, они заслужили благодарность человечества. «Их внешняя форма, деление на три последовательных, строго разделенных степени, прием и строгое испытание учеников с обетом секретности, торжественная клятва при приеме в последнюю степень с требованием отныне отказываться от всех клятв — многие из этих вещей могут показаться заимствованными из пифагорейских обществ, но в конце концов это было бы лишь случайностью и не имело бы значения по сравнению с самой сущностью их усилий. В любом случае, они являются самым благородным и замечательным продуктом, который дала древняя религия, не пытаясь выйти за пределы самой себя».

С эссеями, являясь лишь их «усовершенствованием и улучшением», были связаны египетские терапевты, о которых еврейско-александрийский автор Филон дает восторженное описание. Как и среди первых, среди вторых мы также находим «общину жизни и труда в пустынях, строгое следование Священному Писанию и его аллегорическое толкование. Но общий труд здесь становится просто общим духовным упражнением в истинном страхе Божьем и почитании великого законодателя Моисея в созерцательном покое». Терапевты жили небольшими группами вокруг дома молитвы, но в субботу и праздничные дни они собирались вместе для более торжественных богослужений. Их главная резиденция и место собраний находилось в пустыне у озера Мареотис к западу от Александрии. Женщины также принимались в орден, «скромно занимая свои места рядом с мужчинами на собраниях. Помимо толкования священных книг и назидания из них, их повседневным занятием были молитвы и пост, а хлеб, соль и иссоп были наиболее подходящей пищей. Кроме того, духовные упражнения легко перерастали в новые и характерные песни и поэтические творения различного рода». «Книга мудрости» кажется одним из лучших плодов этой духовной тенденции.

[108-65 гг. до н. э.]

Семья Маккавеев, проявившая себя в час нужды и бедствия, деградировала в период благополучия. Перед смертью Иоанн Гиркан присвоил светскую княжескую титулу своей жене, а первосвященничество по праву наследования перешло к его старшему сыну Аристобулу. Однако едва вступив в должность, последний принял титул царя, заключил свою мать в тюрьму и оставил ее умирать от голода. Он также держал в заключении трех своих братьев; четвертый, Антигон, пал жертвой придворной интриги на его глазах. Однако эти поступки пробудили совесть королевского первосвященника, который не был лишен чувств, и мучили его настолько, что он умер в следующем году (108 г. до н. э.).

Его брат Александр Янней теперь перешел из камеры на трон. Он был грубым человеком, который наслаждался только женщинами, вином и оружием, и начал свое правление с убийства одного из своих братьев. Он был храбрым и воинственным, и за двадцать семь лет

своего правления расширил границы королевства на юг. Однако фарисеи (), разгневанные его предпочтением эллинистических нравов, подняли народ против него. Во время праздника Кущей, когда он приносил жертву на алтаре в качестве первосвященника, его забросали цитронами. Разъяренный этим позором, жестокий человек приказал своим наемникам арестовать и убить шесть тысяч человек.

Это поспешное решение принесло ему злые плоды. Во время похода против арабов он потерял большую часть своей армии в результате засады. Когда он вернулся в столицу беглецом, фарисеи подняли народ на гражданскую войну, собрали войска и обратились за помощью к царю Сирии. Александр Янней был разгромлен и долгое время бродил беспомощно по лесам и горам. Но через некоторое время он снова собрал смешанную армию из евреев и наемников, одержал победу над своими врагами и вернулся в Иерусалим. Здесь, во время самых разгульных пиров, он распял восьмьсот человек, а их жен и детей убил на их глазах. Этими кровавыми деяниями он вселил такой ужас в своих противников, что они с тех пор не пытались больше сопротивляться. Теперь он мог беспрепятственно следовать своей жажде завоеваний. И его войска действительно были настолько победоносны за Иорданом, что к моменту его смерти еврейское царство почти достигло тех размеров, которые оно имело во времена Давида (79 г. до н. э.).

Вдова Яннея, Александра, мудрая и решительная женщина, по совету своего покойного мужа примкнула к фарисеям и таким образом обеспечила себе спокойное правление, а ее сын Гиркан занял должность первосвященника. Она защищала завоеванные земли и, несмотря на армию иностранных наемников, имела полную казну. Но едва она закрыла глаза, как ее сын Аристокбул, возглавив преследуемых саддукеев, поднял знамя восстания, одержал победу в сражении и заставил своего брата отречься в его пользу от высокого священнического достоинства вместе с королевской властью. (70 г. до н. э.) Но через некоторое время Гиркан, по совету хитрого и предприимчивого идумеянина Антипатра, бежал из Иерусалима и с помощью нескольких арабских вождей начал войну против своего брата.

АНТИПАТР

[65-47 гг. до н. э.]

Это дало повод для вмешательства римлянам, перед трибуналом которых враждующие Асменоиды принесли свое дело на рассмотрение. Помпей, которого Аристокбул тщетно пытался переманить на свою сторону дорогостоящим подарком в виде золотой лозы, потребовал сдачи всех крепостей, включая столицу. А когда царский первосвященник засомневался и начал готовиться к войне, он заключил его в тюрьму и после трехмесячной осады взял Иерусалим штурмом. (63 г. до н. э.) Затем он назначил Гиркана первосвященником и князем народа (этноархом) без королевского титула, наложил на него ежегодную дань римлянам, разрушил стены Иерусалима и главную крепость страны и сузил границы Иудеи. Самария стала независимой, Галилея была присоединена к вице-королевству Сирии. Любопытство Помпея побудило его войти в Святой Земли, но он воздержался от любых нарушений или грабежей. Аристокбул и его два сына последовали за полководцем в Рим, чтобы украсить его триумф. Через некоторое время старший сын Александр, а вскоре после него и отец, также бежали. Они вернулись в Палестину и подняли новую войну, но оба были снова схвачены. Александр был обезглавлен в Антиохии; Аристокбул был устранен в самом Риме, вероятно, с помощью яда, но был похоронен в Иерусалиме с королевскими почестями.

Во время этих событий храбрый и проницательный идумеец Антипатр оказал римлянам большие услуги, тем самым завоевав расположение всех полководцев, от Помпея до Цезаря. Они передали ему всю светскую власть над Иудеей, а также Галилеей и Самарией, в то время как первосвященник Гиркан был ограничен руководством религиозными делами. Благодаря ему евреям было предоставлено право жить в соответствии с законами своих отцов, они были освобождены от всех военных обременений, а дань была установлена на справедливой и умеренной основе. Этими услугами Антипатр завоевал любовь евреев в такой степени, что мог править в стране как царь, хотя и не носил этого титула.^b

Джордж Смит не согласен с теорией Вебера о популярности Антипатра. Но мы отвлечемся от Антипатра, чтобы обратить внимание на появление в еврейской летописи мрачного имени — царя Ирода.

Антипатр тщательно следовал взглядам Цезаря в урегулировании дел Иудеи. Он восстановил стены Иерусалима, путешествовал по стране, использовал все средства для подавления беззакония и беспорядков, порожденных недавними беспорядками, и, чередуя убеждение и силу, привел народ к послушанию. Чтобы осуществить этот план, он назначил своего старшего сына Фасаэля правителем Иерусалима, а второго, Ирода, правителем Галилеи. Последний был молодым человеком с необычайным талантом и энергией. Он с большим умением посвятил себя выполнению сложной задачи, возложенной на него. В то время Галилея была сильно заражена бандами разбойников: Ирод выследил их и всех, кто попал в его руки, казнил, включая даже их вождя Езекию. Правительство Антипатра и его сыновей не пользовалось популярностью у еврейского народа, поскольку все видели, что, хотя номинальным главой был Гиркан, восстановленный Помпеем, на самом деле главным был идумеец. Это было неприемлемо: народ предпочитал Аристокла. Поэтому, когда Ирод проявил такую решительность, его вызвали в синедрион, чтобы он ответил на обвинение в произвольном использовании власти над жизнью и смертью. Молодой человек, по совету своего отца, явился в суд с письмом от префекта Сирии, поручавшим президенту синедриона Гиркану защищать его. Однако он предстал скорее как принц, чем как преступник. Он был одет в пурпур, его волосы были аккуратно уложены, и он был окружен охранниками. Этот вид сбил с толку еврейских старейшин. Даже те, кто выдвинул обвинение против Ирода, теперь не осмеливались повторить его, и таким образом он был фактически оправдан; тогда встал Самеас и, долго протестуя против их трусости, заявил, что если они пощадят Ирода, то настанет время, когда он не пощадит их. Это возбудило собрание, но Гиркан отложил рассмотрение дела, а затем посоветовал Ироду удалиться, и таким образом дело было закрыто.

Примерно через три года, когда Иудея процветала и наслаждалась порядком, Юлий Цезарь был убит в Капитолии, и римский мир вновь потрясся от центра до окраин.

Сразу после этого события Гиркан послал послов в римский сенат с просьбой подтвердить все привилегии и иммунитеты, предоставленные Цезарем; эта просьба была немедленно удовлетворена. В то время как Рим и провинции находились в крайней растерянности по поводу результатов ожидаемых договоренностей, Антипатр был весьма неблагодарно отравлен Малихом, еврейским полководцем, который вскоре после этого был казнен за преступление по настоянию Ирода Кассием Лонгином, который тогда обладал римской властью в Сирии и Малой Азии. Это обстоятельство, поскольку Малихус был популярен среди многих, усилило неприязнь иудеев к Ироду, и они подали петицию против него Марку Антонию, который вскоре после этого прибыл в Сирию, но тщетно: речь Ирода, в которой он

показал услуги, оказанные его отцом римскому делу, отвратила всякую опасность и обеспечила ему защиту этого триумвира.

Однако неотложная необходимость вызвала Антония в Италию; и Сирия и соседние царства, недавно подвергшиеся в быстрой последовательности грабегам и вымогательствам Долабеллы, Лонгина и Антония, зная, что Рим находится в состоянии войны с Парфией и что в результате они, вероятно, подвергнутся повторению этих бедствий, согласились пригласить парфян прийти и занять эти страны. Так и было сделано. Сирия и Малая Азия были оккупированы, а Антигон, выживший сын Аристобула, был возведен на еврейский престол с титулом царя под покровительством Парфии. В ходе этих событий Гиркан и Фасаэль были взяты в плен. Первому отрезали уши, лишив его возможности когда-либо снова стать первосвященником; второй покончил с собой в тюрьме. Ирод сумел бежать и, переправив свою семью и сокровища в безопасное место, бежал в Рим.

ИРОД

[40-4 гг. до н. э.]

Когда Ирод прибыл в имперский город, он, к счастью, застал там Антония и Октавиана в дружеских отношениях. Поэтому он возобновил дружбу с первым, который принял его очень радушно, представил его Октавиану и рассказал, как полезен был Антипатр Юлию Цезарю в Египте. Таким образом, Ирод пользовался покровительством обоих этих великих людей, которые в тот момент держали в своих руках политическую судьбу Рима и всего мира. Когда сын Антипатра бежал в имперский город, его величайшей надеждой было посадить на трон Аристобула, внука Гиркана и брата Мариамны, с которой он был обручен, а себя назначить министром или прокуратором под его руководством. Таким образом, его отец обладал всей властью в Иудее, и в то время он не надеялся на более высокое достоинство. Но, будучи принят с такими знаками отличия и пообещав Антонию дополнительные суммы денег, он был, по милости этих двух арбитров дел народов, сам возведен на престол. Соответственно, был созван сенат, и Ирод был представлен консулам двумя знатными сенаторами, которые изложили неоценимые услуги, оказанные его отцом римлянам, и в то же время объявили Антигона, который тогда правил в Иерусалиме, беспокойным человеком и врагом их народа, в то время как Антоний указал на важность наличия верного друга Рима на троне Иудеи во время его приближающегося похода против Парфии. Сенат единогласно избрал Ирода на престол и проголосовал за признание Антигона врагом Рима.

Все эти процедуры, очевидно, проводились исходя из предположения, что Иудея была либо признанной провинцией Римской империи, либо, по крайней мере, полностью зависимой от имперского государства. Но то, что следует далее, еще более странно. Учитывая всю особенность еврейских нравов и религии, можно было бы предположить, что даже если бы сенат и назначил царя, его инаугурация прошла бы в соответствии с обрядами народа, которым он должен был править. Но нет! Сразу же после голосования отцов Ирод был проведен Антонием и Октавием в капитолий, где и был посвящен в цари с помощью идолопоклоннических жертвоприношений. Добившись таким образом цели своей высшей амбиции, Ирод вспомнил, что дела его семьи и царства не оправдывают длительного пребывания в Риме: поэтому он покинул город по истечении семи дней и, совершив быстрое путешествие, достиг Иудеи ровно через три месяца после того, как покинул ее.

Здесь, несмотря на множество трудностей, он нашел благоприятную почву: во время его путешествия парфяне были изгнаны из Сирии, которая вновь была оккупирована римскими

войсками. Его первоочередной задачей было собрать армию, с помощью которой и некоторой поддержки римского полководца он стал властелином Галилеи. Вслед за этим успехом он отправился на помощь своей семье, которая была в осаде у Антигона. В этом он также преуспел; и после ряда опасностей и подвигов он стал хозяином всей страны и запер Антигона в Иерусалиме. Однако, несмотря на все усилия Ирода, только после трех лет правления его соперника он смог, при поддержке римской армии, захватить столицу, которая в конце концов была взята штурмом и подверглась страшной резне и грабежу со стороны римских войск, которые, разъяренные упорством обороны, продолжали убийства даже после того, как всякое сопротивление прекратилось; и в конце концов Ирод был вынужден заплатить большую сумму денег, чтобы спасти Иерусалим от разрушения. Антигон был схвачен и казнен римлянами как преступник.

Ирод теперь восседал на троне Иудеи, будучи первым в новой династии. До этого времени семья Асмонеев или Маккавеев правила де-факто или де-юре. С Гирканом и Антигоном эта линия закончилась; и Ирод, который не был евреем, а идумеянином по национальности и, по собственному признанию, еврейским прозелитом по религии, был, по милости Рима, наделен высшей властью над еврейским народом. С момента первого возвышения Антипатра дело его семьи было непопулярным, и только благодаря исключительной прозорливости этого человека, примкнувшего к старейшей ветви семьи Асмонеев, ему удалось осуществить свой замысел. Ирод ощущал это на протяжении всей своей карьеры. Именно это позволило Антигону так долго удержаться на троне; именно это создало столько трудностей сыну Антипатра, когда он достиг цели своей амбиции.

Полностью осознавая настроения народа, его первой заботой после освобождения Иерусалима было истребление семьи Асмонеев. Хотя он женился на Мариамне, дочери Гиркана, это никоим образом не смягчило его политическую ненависть. Все евреи, которые поддерживали Антигона, были объявлены вне закона, сорок пять из их главных лидеров были убиты; все их имущество было конфисковано и захвачено королем; все золото, серебро и ценности, найденные в Иерусалиме, были взяты для его использования; и таким образом, за исключением небольшой части населения, страна была обработана как завоеванная. Под влиянием этой ревности к Асмонеям Ирод нашел малоизвестного священника из Вавилона, который был потомком древних первосвященников Израиля. Он возвысил его до первосвященства, хотя брат его жены был совершеннолетним и наследником этой должности. Он также уничтожил весь синедрион, за исключением Самея и Поллия.

Смещение Аристовула с поста первосвященника вызвало раздор и страдания в семье Ирода, что в конечном итоге разрушило его покой. Близкие отношения Ирода с Антонием познакомили его семью с печально известной Клеопатрой. Александра, мать Мариамны и Аристовула, благодаря своему влиянию на эту царицу и заступничеству перед Антонием, убедила Ирода отменить свое решение. Ананел был отстранен, а Аристовул вступил в сан первосвященника. Но этот молодой человек был встречен народом с такой благосклонностью и любовью, когда он служил на последующем празднике кущей, что вся ревнивая вражда Ирода снова разгорелась, и безжалостный царь вскоре после этого приказал утопить молодого священника во время купания. Клеопатра, узнав об этом преступлении, использовала все свое влияние на Антония, чтобы тот убил Ирода. Помимо удовлетворения тщеславия и мести (ведь она тщетно пыталась соблазнить Ирода), она очень хотела завладеть Иудеей; но поскольку Антоний также нуждался в деньгах, чтобы поддерживать себя в борьбе с Октавием, Ирод снабжал его деньгами и продолжал царствовать.

После падения Антония Ирод подождал Октавиана и своим откровенным и искренним поведением обеспечил себе дружбу единственного правителя великой Римской империи. До

этого Ирод выманил пожилого Гиркана из плена в Парфии и, продержав его под строгим *надзором* в течение нескольких лет, казнил его. Дальнейшая жизнь Ирода была жестокой, несчастной и подлой. С одной стороны, он стремился сделать свое царство великим, а свою страну великолепной, но средства, которые он для этого использовал, были самыми жестокими; с другой стороны, его поведение по отношению к своей семье было подозрительным и жестоким.

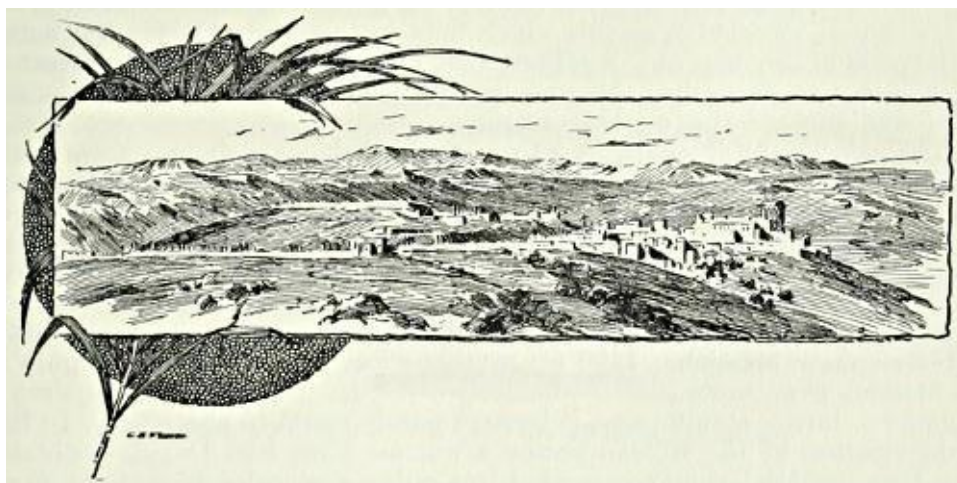
В своей общественной жизни он укрепил свою власть и поднял Иудею до уровня богатства и процветания, которого она не достигала веками. Убив самыми кровавыми средствами последнего из Асмонеев, он построил театр в Иерусалиме и просторный амфитеатр в пригороде. Были введены все виды языческих игр. В святом городе выступали музыканты, актеры, бегали собаки, сражались гладиаторы и выходили дикие звери. И стоит отметить, что в то время еще существовало достаточное рвение к Божественному Закону, чтобы все это вызывало крайнее отвращение у большей части еврейского народа. Примерно в это же время Ирод также перестроил несколько важных крепостей и восстановил Самарию, которая долгое время лежала в руинах. Он также украсил Иерусалим величественным дворцом для себя, который был построен из самых дорогих материалов и отличался изысканным мастерством.

Однако все это было сделано в манере и стиле, настолько чуждых своеобразному гению еврейского народа, что, несмотря на всю свою гордость за свою страну, они все больше и больше отчуждались от царя. Он видел это и старался сдержать поток общественных настроений. Однажды он захотел ввести присягу на верность, но это встретило такое яростное сопротивление со стороны самых выдающихся еврейских ученых, что он был вынужден отказаться от этой идеи. Затем он отменил часть налогов, якобы из-за нескольких национальных бедствий, которые недавно обрушились на страну, но на самом деле для того, чтобы завоевать популярность у народа: это тоже было тщетно. Ему оставался еще один путь, и он пошел по нему. Храм, существовавший в то время, был недостоин нации и улучшенного состояния Иерусалима: он предложил перестроить его, но народ настолько не доверял его обещаниям и его религии, что не согласился снести старый храм, пока не увидит, что собраны материалы для нового здания. После двух лет подготовки старое здание было снесено по частям, а новое возведено. Святилище было закончено за восемнадцать месяцев, а основная часть сооружения — за восемь лет. Это здание было построено в греческом архитектурном стиле из самого дорогого и красивого мрамора и других материалов; и эта великая работа, по-видимому, в некоторой степени улучшила отношения между евреями и их царем.

Однако во время всех этих работ внутренний курс Ирода был полон страданий и преступлений. Как будто крови, через которую он прошел, чтобы занять трон, и многочисленных жертв, которые в эти смутные и военные времена были принесены в жертву его амбициям, было недостаточно, чтобы удовлетворить его кровожадную натуру, его прекрасная жена Мариамна, родившая ему двух сыновей, была по его приказу обречена на смерть на эшафоте, став жертвой самой беспочвенной ревности и жестокого заговора. Он пытался похоронить это преступление в забвении, вступая в новые браки, но тщетно. Интенсивные подозрения преследовали все его мысли; болезненное опасение зла уничтожило все его достижения и превратило всех членов его семьи в врагов. Под этим влиянием, после многих лет беспокойства, он приговорил к смерти своих двух сыновей от Мариамны. Бесполезно пытаться более подробно описать историю этой семьи. Ирод женился на десяти женах, восемь из которых родили ему детей. Это было не последней из причин его семейного несчастья.²

[4 г. до н. э.]

Ирод завещал свое владение двум сыновьям, Ироду Антипе и Архелаю, и после некоторой задержки они вступили в свое наследство. Архелай был этнархом над Самарией, Иудеей и Идумеей, которыми он так грубо управлял, что разгневанные иудеи пожаловались в Рим (6 г. н. э.). Август сместил и изгнал своего неверного слугу, поставив над владениями прокуратора.^{[a](#)}

СЕБАСТЕ, В САМАРИИ

ГЛАВА XII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ХРИСТА И ДРУГИХ МЕССИЙ

В Иудее положение римских прокураторов было весьма затруднительным. Иудеи были самым беспокойным народом в империи. Даже самые безобидные меры задевали их религиозные чувства. Так, всеобщая перепись населения, проведенная Квирином, правителем Сирии, по приказу Августа, казалась им угрозой и опасностью. Давным-давно, во времена правления Давида, подобная мера вызвала среди них ропот; под чужбиной властью ситуация ухудшилась. Они убедили себя, что цель переписи заключалась в том, чтобы обратить их в рабство. Некий Иуда, прозванный Гаулонитом или Галилеянином, поднял восстание, которое было подавлено прокуратором, но сторонники Иуды, впоследствии известные как зелоты, образовали секту, которая сыграла важную роль в последние дни еврейской истории. По их мнению, закон запрещал евреям признавать какого-либо правителя, кроме Бога, и их долгом было умереть, чем подчиниться человеческой власти. Это постоянное смешение религии и политики часто доставляло римлянам большие неприятности. Понтий Пилат, прокуратор Иудеи, привез в Иерусалим римские знамена, украшенные портретом Тиберия, и евреи громко возмутились этим оскорблением и отправились в Кесарию, где проживали правители, чтобы потребовать удаления знамен. Он окружил недовольных своими войсками, но они подставили свои горла под нож, заявив, что лучше умрут, чем будут терпеть осквернение Святого города. Пилат уступил, а впоследствии, по прямому приказу Тиберия, удалил золотые щиты с изображением « », на

которых были выгравированы имена богов империи. В другой раз, желая построить акведук для подачи воды в Иерусалим, он взял деньги из сокровищницы храма, и по этому поводу произошли новые беспорядки.

[33 г. н. э.]

Правление римлян, как и правление Селевкидов до них, заставило евреев вернуться к своим мессианским мечтам. В них ведущую роль играла Библия. Пророки древности были просто религиозными и народными трибунами, но с помощью причудливых интерпретаций им удалось превратить их в предсказателей. Их заставили предсказать превосходство еврейского народа над всеми другими; вырвав из контекста некоторые фразы из их писаний, люди обнаружили в них намеки на своего будущего избавителя, Мессию. Как и все мифологические образы, эта идеальная фигура Мессии становилась все более и более четкой. Но в то же время она приобрела более возвышенное значение, стала чисто нравственной по своему характеру. Перед лицом огромной римской мощи воинственного царя, подобного Давиду, было бы недостаточно; нужен был скорее пророк, подобный Моисею, чтобы установить царство Божие на земле. Мессия, в этой сверхъестественной роли, должен был оказать гораздо большее влияние на народ; но любая революция, будь то насильственная или мистическая, всегда вызывает у правящих классов одинаковое отвращение. Иудейское священство умоляло светскую власть о помощи против Иисуса из Назарета, как оно делало это против Иуды Маккавея. Пилат не хотел казнить невиновного человека, чтобы удовлетворить злобу священников, но они дали ему понять, что его собственное положение будет поставлено под угрозу, если он проявит снисходительность, и он уступил из страха потерять свою должность. Более того, вполне вероятно, что смертный приговор не вызвал у него большого раскаяния; без сомнения, он сказал себе, что это цена поддержания порядка и что в отношении врага общества нет необходимости быть справедливым. Это событие, которое делит историю мира на две части, прошло незамеченным для поколения, которое было его свидетелем. Пять или шесть строк, которые мы находим у Иосифа Флавия, похоже, являются вставкой. Если бы Иосиф Флавий верил, как говорится в этом отрывке, что Иисус был Мессией и что он был больше, чем человек, то очевидно, что вместо того, чтобы оставаться евреем, он стал бы христианином.^b

Отрывок из Иосифа Флавия гласит: «В то время жил Иисус, мудрый человек, если можно назвать его человеком, ибо он творил чудеса — учитель тех, кто с радостью принимает истину. Он привлек к себе как многих иудеев, так и многих язычников. Он был (самым) Христом; и когда Пилат, по предложению главных людей среди нас, приговорил его к кресту, те, кто любил его сначала, не оставили его, ибо он явился им живым на третий день, как предсказывали божественные пророки это и десять тысяч других чудесных вещей, касающихся его; и племя христиан, названное так в честь него, не исчезло и по сей день».

Как только что было сказано, этот абзац, вероятно, является вставкой переписчика гораздо более позднего периода. Похоже, что до нас не дошло ни одной современной записи, ни одного упоминания о жизни Иисуса. Этот факт является одним из самых поразительных парадоксов во всей истории. Как правило, можно считать само собой разумеющимся, что великие имена в истории достигаются при жизни их носителей. Но в данном случае, если говорить исключительно с точки зрения историка, речь идет о малоизвестном персонаже, вся деятельность которого, насколько известно, ограничивалась небольшим государством Палестина, в то время являвшимся одной из второстепенных колоний Рима. Период активности этого персонажа как исторической личности охватывает всего несколько лет, и, по-видимому, при его жизни его деяния были практически неизвестны за пределами небольшого государства, в котором он жил. Тем не менее, исторический результат этой

деятели были более значительными, даже с чисто светской точки зрения, чем деятели любого другого исторического персонажа. С его рождения начинается новая эра, признанная главными цивилизациями мира, и целые библиотеки литературы посвящены каждому аспекту его жизни, что странно контрастирует с скудностью современных записей.

Нет необходимости здесь пересказывать события из жизни Иисуса. Каждый читатель этих страниц знаком с ними с детства. Поскольку нет современных источников, на которые можно было бы сослаться, мы можем лишь пересказать библейские рассказы, к которым каждый читатель может обратиться самостоятельно.^a

РАЗВИТИЕ МЕССИАНСКОЙ ИДЕИ

За пределами Палестины, где они хранили вечную память о своей древней славе, евреи меньше задумывались о своем Мессии. В греческих городах (), куда их привлекала торговля, в Эфесе, Кирене и, прежде всего, в Александрии, они пытались добиться признания своих традиций и монотеизма под гарантией Сивиллы; они сочиняли апокрифические произведения в несколько скучных стихах или изучали греческую философию. Монистические теории Платона привлекали их к его школе, и Филон прилагает удивительные усилия, с помощью моральных аллегорий, чтобы обнаружить платоновские учения в Книге Бытия. Слово λόγος, которое означает как причину вещей, так и человеческую речь, стало отправной точкой для своего рода абстрактной мифологии; и среди эллинистических евреев идея Слова приобрела значение, равное, и характер, едва ли менее личный, чем Мессия среди евреев Палестины. Из одной из этих групп было предначертано возникнуть христианской легенде, из другой — христианской философии. Персидская доктрина о принципе зла, египетская доктрина о воскресении тела уже были знакомы евреям; христианство приняло их и сделало основой обширного мифологического здания: грехопадение и искупление, великий Судный день Бога и пришествие Его царства на землю после разрушения мира, которое было поставлено в ближайшем будущем. Рассеяние евреев по всем восточным провинциям империи открыло широкое поле для христианской пропаганды, которая, однако, вскоре распространилась за пределы еврейской расы, когда новаторская партия окончательно отказалась от обрезания, различия между чистыми и нечистыми животными и всех мелочных и обременительных обычаев, которые отделяли Израиль от других народов. Еврейский элемент вскоре был поглощен нарастающей волной всемирного прозелитизма, известного как призвание язычников.

Введение христианства в Грецию связано с именем еврея, святого Павла, так же как введение дионисийских мистерий связано с именем фракийца Орфея. Это божественное семя, пришедшее с Востока после пятнадцативекового перерыва и развивающееся под плодотворными лучами греческого солнца. Но христианство, хотя и представляет собой последнюю фазу прогрессивного вторжения восточных верований на Запад, является оригинальной религией, а не ересью иудаизма. Оно далеко не является дополнением иудейской веры, скорее мы могли бы назвать его ее отрицанием. Доминирующей чертой иудаизма является отношение, которое он занимает к концепции Божественного; между человеком и его Богом лежит бесконечное расстояние. Христианство, напротив, имело своим основным догматом поклонение Богу-человеку. Иудейская религия, единственная из всех религий земли, ограничивала себя исключительно настоящей жизнью, не следуя за человеком за пределы его земного предназначения; для христианства земля является лишь временным местом испытаний, а жизнь — подготовкой к вечности. Еврейский народ гордится тем, что является исключительным наследником Закона, и изгоняет из своего ряда множество необрезанных; в то время как христианство с самого начала провозгласило себя всеобщей религией и никогда не переставало призывать к себе людей всех народов.

Христиане позаимствовали у Иудеи только ее традиции и легенды; если бы они остановились на этом, они были бы не более чем небольшой иудейской сектой, которая прошла бы незамеченной. Иудаизм является одним из притоков великой христианской реки, но он не является ее главным источником. В своем апофеозе человечества христианство имеет прямую связь с эллинизмом, законным преемником которого оно является.

Доктрины грехопадения, воплощения, искупления, таинства Евхаристии — все они имеют свой источник в древнейших верованиях индоевропейских народов, что объясняет, почему евреи так упорно держат от них дистанцию. Истинным наследником иудейской мысли является ислам, современная религия семитской расы. Лишив христианство его греческих элементов, отбросив идею воплощения Божественного в человечестве, которая преодолевала пропасть между Богом и человеком, Мухаммед восстановил семитский монотеизм в его первозданной строгости, смягченной лишь верой в дьявола и в будущую жизнь, которую сами иудеи в конце концов приняли.

[37-41 гг. н.э.]

В Риме, куда стекались все люди, ищущие счастья, евреи были очень многочисленны и проникли во все слои общества, особенно среди женщин, эксплуатируя их доверчивость, толкованием снов и продажей любовных зелий и амулетов. Их обычно путали с халдеями и другими продавцами гороскопов. Одна высокопоставленная дама, которую они обратили в свою религию, имела основания жаловаться на их мошеннические действия, и Тиберий набрал четыре тысячи евреев, которых отправил на Сардинию. Внук Ирода по имени Агриппа, растративший свое состояние на разгульную жизнь и живший за счет своего ума, втерся в доверие к молодому Калигуле. Во время совместной прогулки Агриппа громко сказал: «Когда же наступит день, когда смерть старого Тиберия сделает тебя властелином империи, к счастью моему и всего мира?». Эти слова были переданы Тиберию освобожденным рабом, и Агриппа был заключен в тюрьму. Калигула, который вскоре после этого стал императором, освободил его и дал ему тетрархию своего дяди Филиппа (умершего незадолго до этого) с титулом короля. Но амбициозная Иродиада не могла смириться с тем, что ее брат, которому она ранее помогала из своей щедрости, получил более высокий ранг, чем ее муж. По ее намолвке Антипас отправился в Рим, чтобы просить о короне. Это был злой день для него: Агриппа обвинил его в накоплении оружия и поддержании связей с парфянами; Калигула, не удостоив этого дела расследования, сослал его в Лион в Галлии и присоединил его тетрархию к царству Агриппы.

Новый царь вскоре получил возможность оказать значительную услугу своим единоверцам. Калигула желал, чтобы ему оказывали божественные почести. Это не было чем-то новым; Александр заставил себя почитать, как древних царей Египта, большинство его преемников последовали его примеру; цезари вполне могли поступить так же. Это было логическим результатом монархии; когда один человек поставлен выше всех остальных, ему легко вообразить себя богом. Только евреи, к их вечной чести в истории, имели мужество протестовать против этого обожествления тиранов, которое опозорило конец Старого Света. Когда был отдан приказ поставить статую императора в храме Иерусалима, отношение евреев стало настолько угрожающим, что Петроний написал императору письмо с просьбой отменить приказ, который мог быть выполнен только путем истребления всего народа. Агриппа в то время находился в Риме. Он устроил для Калигулы великолепный банкет, и когда император, возбужденный вином, предложил расширить свое царство, он умолял его уважать религиозные убеждения своих подданных. Император уступил, но когда он получил письмо Петрония, он пришел в ярость, обвинил правителя в получении взяток

от евреев и пригрозил ему императорской местью. К счастью для Петрония и евреев, вскоре после этого Калигула был убит одним из своих офицеров, Хереей. Сенат желал восстановить республику, но преторианская гвардия, состоявшая из германцев, предложила трон Клавдию, дяде Калигулы. Согласно Иосифу Флавию, именно Агриппа убедил его принять трон и выступил в качестве посредника между сенатом и армией. Херея был казнен. Как только Клавдий вступил во владение империей, он присоединил Иудею, Самарию и некоторые районы Ливана к царству Агриппы. Княжество Халкис было передано его брату Ироду.

[41-44 гг. н. э.]

Агриппа, став таким образом царем всей Палестины, отправился в Иерусалим и повесил в храме золотую цепь, которую ему подарил Калигула, когда он вышел из тюрьмы. Как и его дед Ирод, он воздвиг множество памятников, значительно расширил Иерусалим и построил амфитеатр в Берите, где устраивал гладиаторские бои. Но в то время как Ирод так и не смог завоевать популярность, Агриппа снискал любовь евреев, показав себя строгим блюстителем Закона. Мунк, который берет эту историю из рассказов раввинов, рассказывает, как во время Праздника кущей он публично читал Книгу Второзакония и, дойдя до места, где законодатель отказывает иностранцу в праве править Израилем, разрыдался, вспомнив о своем идумейском происхождении. Но со всех сторон народ кричал ему: «Не бойся, Агриппа, ты наш брат!» Несомненно, чтобы угодить священникам в Иерусалиме, он казнил Иакова, брата Иоанна Богослова, ибо иудеи, когда они были на вершине власти, были очень далеки от того, чтобы предоставлять другим религиозную свободу, которую они повсюду требовали для себя. Христианская проповедь могла иметь больший или меньший успех среди общин иудеев или иудейских прозелитов, поселившихся в других местах, кроме Иудеи; но в Иерусалиме, где еще живы были воспоминания о независимости, никто не мог быть признан истинным Мессией, если он не избавил свой народ от иностранного гнета, и новая секта не могла укорениться в стране, которая была ее колыбелью. Кроме того, маленькая церковь в Иерусалиме была очень безобидной, и в Книге Деяний не говорится, под каким предлогом был обезглавлен Иаков. Симон Петр, глава апостолов, которого Агриппа бросил в тюрьму, был освобожден ночью, и его освобождение было приписано ангельскому вмешательству. Это чудесное освобождение святого Петра является темой одной из лучших картин Рафаэля.

[44-52 гг. н. э.]

Когда вскоре после этого умер Агриппа, его сын, также по имени Агриппа, был всего семнадцати лет. Несмотря на его молодость, император хотел передать ему царство Иудеи, но, к сожалению, его советники отговорили его от этого намерения. Позже тетрархия Филипп была передана Агриппе Младшему, но Иудея в конце концов перешла под власть прокураторов. Из всех провинций империи она была самой трудноуправляемой. Остальные провинции приняли римское господство. В обмен на их независимость Рим предложил цивилизацию Испании и Галлии, мир и спокойствие Греции и Азии, утомленным веками войн. Но евреи понимали греко-римскую цивилизацию не лучше, чем мусульмане понимали нашу, а мир они были готовы принять только при условии, что будут господствовать над всеми другими народами: именно это они понимали под Царством Божьим.

Их мессианские мечты преследовали их все более настойчиво. Земля была полна пророческих, и они всегда находили последователей. Пророк по имени Феудас убедил более четырехсот человек последовать за ним в пустыню, заявив, что он поможет им перейти Иордан по суше. Фад, прокуратор, отправил отряд всадников, которые убили его и рассеяли

его последователей. Автор Деяний, который поместил упомянутого Теудаса () до времени Иуды Гаулонита, указывает на сравнение, которое обычно проводится между проповедью этих двух агитаторов и проповедью апостолов (). Римские правители и евреи, любившие порядок, не видели большой разницы между вдохновенными людьми и разбойниками. Тиберий Александр, отступник-иудей из Александрии, сменивший Фада на посту правителя Иудеи, распял двух сыновей Иуды Гаулонита, которые по-прежнему поддерживали секту zelотов. Что касается народа, то он был благосклонен ко всем попыткам, но среди новаторов ему больше нравились те, кто применял насильственные меры, чем те, чьи методы были мирными; таким образом, как рассказывает Евангелие, Варавва был предпочтительнее Иисуса.

Самария, как и Иерусалим, имела своих пророков и мессий. Во времена Понтия Пилата был один, который собрал большую толпу на горе Геризим, обещая показать им священные сосуды, которые были там захоронены Моисеем. Пилат так сурово наказал этих несчастных людей, что Вителлий, правитель Сирии, заставил его отправиться в Рим, чтобы оправдаться перед Тиберием. Во время правления Клавдия некий Симон из Гитты с большим успехом проповедовал в Самарии тонкую форму теологии, заимствованную из иудео-египетских школ Александрии, которая впоследствии вновь появляется в мифологических учениях христианского гностицизма. Он отводил себе главную роль в ней, выдавая себя за воплощение великой силы Бога, хотя и признавал божественную миссию Иисуса. Он утверждал, что в нем, Симоне, Бог явил себя самаритянам в образе Отца, как он явил себя иудеям в распятии Сына и язычникам через дар Святого Духа. Доктрина Троицы, возможно заимствованная из Египта, стала частью христианства, но Симон, по-видимому, отвёл в ней место Женскому Принципу, вероятно представленному Святым Духом, поскольку это имя в иврите является женским. Куда бы он ни пошел, он брал с собой очень красивую женщину, которую купил на рынке в Тире. Ее звали Елена, и Симон, отождествляя ее с Еленой Гомера, вывел из этого имени мистическую схему искупления Вечного Женского Начала. Это было время, когда впервые проповедовалось христианство, и апостолам приписывали чудодейственную силу исцеления через возложение рук. Пророк должен был творить чудеса, и Симон, соответственно, стремился приобрести их методы и предложил им работать вместе. Непреодолимое отвращение иудеев к самаритянам заставило их с презрением отвергнуть его предложения. В христианской церкви возникла легенда о Симоне, прозванном Магом, который стал типом всех шарлатанов, и с тех пор название «симония» дается всякой торговле святыми вещами.

Взаимная антипатия евреев и самаритян была источником затруднений для римского правительства. Некоторые галилеяне, направлявшиеся в Иерусалим на праздники, прошли через Самарию и поссорились с ее жителями. Жители Иерусалима, возглавляемые главой разбойников, разграбили Самарию. Прокурор Куман был призван вмешаться и принял решение в пользу самаритян. Иудеи обвинили его в взяточничестве и обратились сначала к правителю Сирии, а затем к императору. Молодой Агриппа, пользовавшийся большим расположением Клавдия, добился того, что иудеи выиграли дело, и Куман был изгнан.

[52-62 гг. н. э.]

Иосиф Флавий связывает беспорядки, которые привели к разрушению Иерусалима, с правлением этого самого Кумана. Тем не менее, он с большим уважением относился к религиозным убеждениям иудеев, дойдя до того, что приговорил к смертной казни римского солдата, который разорвал экземпляр Пятикнижия во время подавления беспорядков. Власть Рима не была угнетающей, и правительство ограничивалось защитой общественного порядка () от авантюристов, которые жили на грабежах под прикрытием

религии (), и фанатиков, которые пытались возбудить народ, обещая сотворить перед ним чудеса. Один из них побудил тридцать тысяч человек последовать за ним на Елеонскую гору, чтобы оттуда они могли увидеть, как по его приказу падают стены Иерусалима. Прокурор Феликс послал солдат, чтобы разогнать толпу, и пророк бежал. Но это была всегда одна и та же история. «Иудея, — говорит Иосиф Флавий, — была полна разбойников и колдунов, которые обманывали народ, и не проходило и дня, чтобы Феликс не наказал кого-нибудь из них. Но разбойники продолжали подстрекать народ к восстанию против римлян, подвергая огню и грабежу деревни тех, кто отказывался присоединиться к ним».

Когда казалось, что жесткие репрессивные меры избавили Иудею от этой напасти, она вновь появилась в еще более грозном виде. Во время праздников, когда в Иерусалим съезжались толпы людей со всех концов, бандиты, известные как *сикарии*, то есть «люди с ножами», смешивались с толпой и наносили удары своим жертвам, и никто не мог понять, откуда пришел удар, потому что убийцы первыми кричали о убийстве. «Первым, кого они убили таким образом, — говорит Иосиф Флавий, — был первосвященник Ионафан, и не проходило и дня, чтобы они не убивали нескольких человек таким же образом. Паника, царившая во всем городе, была хуже самого зла. Люди ожидали смерти в любой момент, как во время войны. Они не могли смотреть на приближающихся людей без дрожи, не смели доверять своим друзьям. Эти меры предосторожности и подозрения не остановили убийства, настолько велика была смелость этих злодеев и их умение скрываться». Иосиф Флавий не приписывает этим убийствам никакого религиозного характера. Но, по мнению автора «*Философских сочинений*» (Ориген — или святой Ипполит), *сикарии* были тождественны зелотам и были связаны с сектой ессеев. «Когда они слышат, как кто-либо из необрезанных говорит о Боге и Его законе, они пытаются незаметно подкрасться к нему в уединенном месте и угрожают убить его, если он не подвергнется обрезанию: если он отказывается подчиниться, его убивают. Поэтому их называют зелотами, а некоторые — *сикариями*». Иосиф Флавий в своей книге «*Древности иудейские*» обвиняет прокуратора Феликса в том, что он организовал убийство первосвященника Ионафана *сикариями*, но в книге «*Иудейская война*» он не повторяет этого обвинения. Феликс был братом Палласа, вольноотпущенника и фаворита Клавдия. Тацит говорит о нем еще более резко, чем Иосиф Флавий. «Клавдий превратил Иудею в провинцию, которую он передал римским всадникам или вольноотпущенникам; среди них Феликс отличался всякого рода жестокостью и разнузданностью, он осуществлял власть деспота в низком духе раба». Иудеи добились его обвинения перед Нероном, который сменил Клавдия, но он был спасен влиянием своего брата Палласа.

В Кесарии существовала постоянная rivalry между еврейской и греческой или сирийской частью населения. Евреи были освобождены от военной службы; греки и сирийцы, из рядов которых набирались легионы, завидовали этому неравенству. Отсюда возникали насмешки с одной стороны и обвинения с другой, кровопролитные ссоры и беспорядки. В конце концов обе стороны послали своих представителей, чтобы отстаивать свою позицию перед Нероном, который принял решение против евреев и лишил их гражданских прав. Иосиф Флавий говорит, что этот указ был причиной восстания евреев, но это была лишь последняя капля, переполнившая чашу. Восстание было неизбежно уже давно. Оно не было вызвано, как восстание Иуды Маккавея, религиозными преследованиями; римляне позволяли евреям свободно исповедовать свою религию, как и всем другим народам. Но евреи были главным народом в империи, не принадлежащим к индоевропейской расе. Между этой расой и семитской существует несовместимость характеров; мы слишком ясно видим это в Алжире. Требование объединения с империей, выдвинутое после смерти Ирода, исходило от самих иудеев. Прокурор, даже если он и не был безупречен, не мог быть хуже их родных царей. Фест, сменивший Феликса, по-видимому, правил с твердостью и имперской

предусмотрительностью. Как и его предшественники, он сурово расправлялся с разбойниками, *сикариями* и мессиями. Но ничто не могло успокоить лихорадку, охватившую Иудею и вызвавшую безумие в мозгах; ведь эпидемии бывают как в моральном, так и в физическом порядке. Мы не можем возложить всю вину на римлян; их правление обеспечивало мир во всем мире, что, без сомнения, стоило жертвы беспокойной и ненадежной автономии нескольких народов. Но мы скорбим о Греции, и нам позволено скорбеть о Иудее. Мы не должны бросать камни в эту маленькую и пламенную нацию с ее упорной волей к жизни. Опустошенная Греция умерла от усталости и истощения. Иудея, переполненная жителями, была на грани гибели в порыве патриотизма; это более достойная смерть.

[62 г. н.э.]

Несмотря на римскую оккупацию, иудейская теократия нашла средства для тиранических действий. Первосвященники захватили десятину, причитающуюся священникам, главным жителям Иерусалима, поддержали дело низшего духовенства, которое голодало; на улицах происходили драки, а римское правительство пассивно наблюдало за этим, не желая вмешиваться в религиозные дела. Это было делом Агриппы, поскольку назначение первосвященников было оставлено за ним. Хотя его царство не простиралось на северные провинции, он проживал во дворце Ирода в Иерусалиме. Он построил башню, с высоты которой можно было обозревать внутренний двор храма. Священники сочли это кощунством и построили высокую стену, отгородившую дворец и казармы римской стражи. Агриппа и Фест хотели снести ее, но благодаря поддержке императрицы Пoppей, которая была еврейкой или, по крайней мере, очень благосклонно относилась к евреям, священники получили от Нерона разрешение оставить стену. После смерти Феста и до прибытия Анана первосвященник созвал синедрион, чтобы судить и осудить некоторых нарушителей закона, в том числе Иакова, брата или двоюродного брата Иисуса. Анана принадлежал к секте саддукеев, которая состояла исключительно из богатых людей. Иаков был очень любим бедными. В приписываемом ему послании, хотя оно и проповедовало терпение последним, содержатся отрывки, мало благоприятные для богатых. Он был забит камнями. Приговор был незаконным, поскольку первосвященник не имел права выносить смертный приговор в отсутствие прокуратора. Ананус был смещен со своего поста, но смерть Иакова вызвала большое недовольство и, без сомнения, способствовала отделению христиан от иудеев. Иаков был одним из тех, кто стремился избежать этого отделения, и церковь в Иерусалиме, главой которой он был, проявляла большую приверженность иудейским обрядам.

В Риме проповедь христианства началась во время правления Клавдия, и поскольку она вызывала непрекращающиеся споры среди иудеев, что приводило к нарушению общественного порядка, император изгнал их всех из города. Светоний приписывает эти беспорядки Христу; это первый случай, когда мы встречаем это имя у языческого автора, и формулировка Светония, по-видимому, указывает на то, что, по его мнению, Христос был человеком, жившим в Риме во времена Клавдия: *«Judæos, impulsore Christo assidue tumultuantes, Roma expulit»*. Согласно Диону Кассию (), иудеи не были изгнаны из города, но им было запрещено собираться вместе. Христиане были смешаны с иудеями; различие между ними впервые начали проводить при Нероне. «Они подвергали пыткам, — говорит Светоний, — христиан, людей, придерживающихся нового и вредного суеверия». Поводом для этих пыток послужил страшный пожар, уничтоживший более половины Рима. Ходят слухи, что Нерон поджог Рим, чтобы потом отстроить его еще более великолепным; даже говорили, что во время пожара он поднялся на свой театр и пел о разрушении Трои.

«Чтобы положить конец этим слухам, — пишет Тацит, — он искал виновных и подвергал самым жестоким пыткам людей, презираемых за свои позорные обычаи, которых обычно называли христианами. Это имя они взяли от Христа, который был приговорен к смерти при Тиберии прокуратором Понтием Пилатом. Это пагубное суеверие, на время подавленное, с тех пор распространилось не только в Иудее, где было источником зла, но даже в Риме, где сошлись все преступления и позоры. Сначала были схвачены те, кто признался, а затем, по их показаниям, большое количество других, которые были осуждены не столько за поджог Рима, сколько за ненависть к человеческому роду. К пыткам добавились издевательства: их заворачивали в шкуры зверей и бросали на съедение собакам, распинали на крестах, зажигали как факелы, чтобы освещать ночь. Нерон предоставил для этого зрелища свои сады и смешался с народом в одежде колесничего или управляющего колесницей. Таким образом, эти несчастные, хотя и заслуживавшие *exemplary punishment*, вызывали жалость, ибо они были принесены в жертву не интересам народа, а жестокости одного человека».

Кажется, что христиане были бы в безопасности в своей неизвестности, если бы император не обратил на них внимание под влиянием каких-то особых обстоятельств. Гиббон, по-видимому, считает, что прекрасная Поппея, любовница и жена Нерона, а также еврейский комик, завоевавший расположение своего господина, предотвратили распространение преследований на всех евреев в Риме, сосредоточив их на несогласной секте, которая пользовалась очень дурной репутацией у истинных израильтян. Ренан идет дальше и считает, что преследование христиан могло быть спровоцировано интригами евреев. Он основывает свое мнение на остроумном толковании очень неясного отрывка из Климента Римского. Против этой гипотезы можно поставить молчание Апокалипсиса, в котором нет никаких упоминаний ни о Поппее, ни о преследованиях Нерона. Однако, как доказал Ренан, приведя множество свидетельств, Апокалипсис был прямым результатом этих гонений.

Нерон является Антихристом и Зверем, а число 666, которое является числом Зверя, представляет собой буквы его имени, Νέρων Καίσαρ, переписанные на иврите и сложенные в соответствии с их числовым значением. Как и Книга Даниила, написанная во время великой борьбы евреев с царями Сирии, Книга Откровения является политической и религиозной брошюрой. Автор дает свою оценку событий своего времени или излагает свои надежды на будущее в виде пророческих видений и загадок, к которым он иногда дает ключ. Евреи чрезвычайно любили эту форму литературы. Апокалипсис, *то есть* Откровение, приписываемое Иоанну, последнему выжившему из апостольской группы, было написано в период анархии, который наступил между смертью Нерона и вступлением на престол Веспасиана. Это был канун последней агонии Иудеи; ожидалось скорое распадение Римской империи. Начинался великий конфликт между небом и землей, который должен был закончиться великим судом Божьим и царствованием его Христа. Пророк не лгал, ибо это действительно был конец старого мира и рождение нового.^b

ЕВРЕЙСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

ГЛАВА XIII. ВОССТАНИЕ ПРОТИВ РИМА

[62-67 гг. н. э.]

Еврейское сердце было воодушевлено успешным восстанием под предводительством Иуды Маккавея. Память об этом триумфе и о жестокостях, которые были навязаны невоинственному народу, созрела в сердцах народа для борьбы даже с могущественной Римской империей. Эта борьба была одной из самых смелых и ужасных в мировой истории. Ее великолепным летописцем стал Иосиф Флавий, один из полководцев, который сражался храбро, но, как и его греческий прообраз Фукидид, завоевал бессмертие не мечом, а пером. Однако рассказ Иосифа Флавия сам по себе является объемным трудом, и мы должны довольствоваться некоторыми из самых ярких страниц, обращаясь к Менару за более кратким изложением общей истории.

В Иудее настроения народа давно предупреждали о приближающемся восстании. Оно наконец вспыхнуло, когда Гессиус Флор был назначен прокуратором благодаря влиянию своей жены, которая была подругой Пoppей. Его досадные меры и алчность исчерпали терпение евреев; в этом вопросе Тацит согласен с Иосифом Флавием. Беспорядки впервые произошли в Кесарии по случаю указа Нерона; затем действия Флора, который забрал из сокровищницы храма семнадцать талантов, вызвали бунт в Иерусалиме. Солдаты разбрелись по улицам, грабя дома и убивая мирных жителей, не щадя даже женщин и детей; после чего прокуратор удалился в Кесарию, оставив только одну когорту в башне Антония. Зелоты незамедлительно заняли территорию храма. Когда правительство бежит от толпы, можно с уверенностью предсказать, что наиболее возбужденная и жестокая партия навяжет свою волю остальным. Агриппа II и его сестра Береника, которые в то время находились в Иерусалиме, тщетно пытались успокоить народное возмущение. Они ничего не смогли добиться, несмотря на уважение, которое испытывали к последним потомкам древних царей. Группа людей покинула город, захватила крепость Масада и убила гарнизон.

Умеренная партия, состоящая из более богатых классов и священников, отступила бы от безрассудной борьбы против власти Рима, но Элеазар, лидер партии действия, окончательно разорвал отношения, отказавшись приносить в храме жертвы, которые обычно приносились там по приказу императора для процветания Рима и империи. Сторонники порядка послали просить Агриппу и Флора прийти как можно скорее, чтобы защитить их от мятежников. Агриппа послал три тысячи всадников, которые заняли верхнюю часть города, а зелоты, разбойники и *сикарии* заняли храм и нижнюю часть города. Флор не ответил. По словам Иосифа Флавия, он хотел, чтобы восстание разрослось до « » (достигло своей кульминации), а когда оно исчерпало бы себя собственным насилием, погасить его кровью. Такова обычная тактика военных лидеров во время революции. Такие освободители заслуживают, как говорит Ламенне, проклятия в настоящем и в будущем.

Восставшие, которые были хозяевами храма, отказали во входе сторонникам мира, проникли в верхнюю часть города и подожгли дворец Агриппы и Береники. Они также сожгли архивы, чтобы уничтожить все кредитные документы и таким образом переманить должников на свою сторону. Ими командовали Манахем, сын Иуды Гаулонита, и Елеазар, сын первосвященника Анании, который был одним из главных лидеров противоположной партии, поскольку гражданская война привела к расколу даже между членами одной семьи. Башня Антония была захвачена и сожжена революционерами, которые позволили всадникам Агриппы уйти без помех. Римляне, со своей стороны, укрылись в трех башнях старой стены. Анания, который вместе со своим братом Езекией был найден спрятанным в акведуке, был убит Манахемом. Тогда Елеазар, разъяренный убийством своего отца и дяди, поднял народ против Манахема, который теперь вел себя как тиран. «Не стоило, — сказал он им, — сбрасывать иго Рима, чтобы подчиниться игу самого незначительного из вас». Манахим был забит камнями во дворе храма. Те из его сторонников, кому удалось спастись, укрылись в крепости Масада. Римляне предложили условия капитуляции. Им обещали пощадить их жизни, но едва они сложили оружие, как Елеазар и zeloty набросились на них и убили всех, кроме одного, который согласился подвергнуться обрезанию. Остальные погибли, не прося пощады, а только восклицая о святости своих клятв. Эти проклятия наполнили народ мрачными предчувствиями, тем более что это клятвопреступление было совершено в субботний день.

В тот же день и час, как будто по божественной мести, говорит Иосиф Флавий, в Кесарии произошла резня евреев; из двадцати тысяч человек не осталось ни одного, ибо те, кто спасся, были схвачены Флором и отправлены на галеры. Эта резня возбудила весь народ до такой степени ярости, что они разорили города и деревни сирийской границы, Филадельфию, Хешбон, Герасу, Пеллу и Скифополис, огнем и мечом. Затем они разграбили Гадару, Гиппос и Гаулонитис, сожгли Себасте и Аскалон и разрушили Антедон и Газу. Они убили всех, кто не был евреем. Затем, как и следовало ожидать, последовали ужасные репрессии. Эпидемия кровопролития бушевала по всей южной Сирии и распространилась на Египет. Каждый смешанный город стал полем битвы. Если верить Иосифу Флавию, евреи никогда не были агрессорами. В это трудно поверить. Возможно, что чернь, видя восстание Иудеи против Рима, пришла к выводу, что она может безнаказанно убивать евреев. Но также весьма вероятно, что восстание донесло до крайней степени фанатизм евреев, поселившихся за пределами Иудеи, и что они желали подражать подвигам своих братьев в Иерусалиме. В Александрии, в продолжение дискуссии в театре, евреи вооружились факелами и угрожали сжечь всех греков заживо. Губернатором города был Тиберий Александр, еврей, обратившийся в эллинизм, который ранее был прокуратором Иудеи. Он пытался заставить своих соотечественников прислушаться к голосу разума, но без успеха. Он был вынужден вызвать римские легионы. Еврейский квартал, известный как Дельта, был завален трупами; Иосиф Флавий говорит о пятидесяти тысячах убитых. В Дамаске сирийцы заперли евреев в гимназии и убили десять тысяч из них. Они тщательно скрывали свои планы от своих жен, почти все из которых исповедовали иудейскую религию.

После того как им удалось отбить Иерусалим, zeloty заняли крепости в районе Мертвого моря. Они убили римский гарнизон замка Кипрос, который контролировал Иерихон; гарнизон Махероса капитулировал. Наконец, Кестий Галл, правитель Сирии, решил взяться за оружие против восстания. Он выступил из Антиохии со своими легионами и некоторыми вспомогательными войсками, предоставленными Агриппой, который сопровождал его в этом походе, а также царями Коммагены и Итуреи. Галилея и побережье были покорены, и Кестий продвинулся к Габао, в двух лигах от Иерусалима. Город был полон паломников, прибывших на Праздник кущей. Хотя был субботний день, огромная толпа вышла на улицы, и непреодолимый натиск этой толпы анархистов одержал победу над римской

дисциплиной. Симон, сын Гиоры, один из самых храбрых вождей zelотов, преследовал беглецов и рассеял римскую арьергард. Агриппа пытался убедить повстанцев подчиниться, обещая им амнистию от имени Цестия; одна часть народа была готова принять условия, но анархисты убили послов. Цестий снова двинулся на Иерусалим и захватил окраины города. Повстанцы покинули новый город и отступили к храму. Если бы он сразу же атаковал, война закончилась бы. Член семьи Анануса, который возглавлял партию порядка, предложил открыть ворота римлянам; zelоты сбросили его со стен. В течение пяти дней Цестий пытался штурмовать территорию храма. Солдаты подкопавали стены, укрываясь под щитами, в формации, известной как «черепаха» (*testudo*). Анархисты, потеряв дух, начали бежать, и умеренная партия уже собиралась открыть ворота, когда Цестий, обманутый ложными сообщениями или, возможно, соблазненный взяткой, отдал приказ об отступлении, отступил в Габао и, преследуемый и атакуемый евреями, которые убили шесть тысяч его солдат, сбежал под покровом ночи, оставив свой багаж и военные машины.

Сторонники мира, видя, что, несмотря на их усилия, конфликт все же разгорелся, решили встать во главе движения, чтобы удержать его в рамках разумного, если это еще было возможно. «Ананус, — говорит Ренан, — все больше и больше занимал позицию лидера умеренной партии. Он все еще надеялся склонить массы к мирным переговорам; он тайно пытался остановить производство оружия и парализовать сопротивление, делая вид, что организует его. Это самая опасная из всех игр, в которые можно играть во время революции; Ананус, без сомнения, был тем, кого революционеры называют предателем. В глазах энтузиастов он был виновен в том, что ясно видел ситуацию; в глазах истории он не может быть освобожден от вины за то, что принял самую ложную из ложных позиций, которая заключается в ведении войны без убеждения, просто под давлением невежественных фанатиков». Среди сторонников мира были некоторые, которые держались в стороне, чтобы не оказаться вовлеченными в разрушение, которое они считали неизбежным. Такими, например, были некоторые фарисеи и некоторые доктора, не интересовавшиеся политикой и поглощенные изучением закона, сторонники семьи Ирода и члены христианской церкви, которые после смерти Иакова все больше и больше стали рассматривать свое дело как отдельное от дела иудеев.

Мунк, хотя и не говорит ничего о раввинах, эмигрировавших в Явне перед окончательной борьбой, довольно сурово относится к иродианам и христианам. «Только те, — говорит он, — кто ставил свои личные интересы выше интересов своей страны или искал мрачного удовлетворения в том, чтобы увидеть в ее гибели триумф своих политических или религиозных взглядов, бежали в час опасности. Друзья Агриппы открыто предали свою страну, перейдя на сторону римлян и заискивая перед Цестием и императором Нероном. Среди беженцев были также христиане-иудеи, следуя совету, данному Иисусом Христом своим ученикам (Матфея, 24:16). Озабоченные Царством Небесным, которое они тогда серьезно ожидали, христиане не считали своим долгом вмешиваться в земные дела и участвовать в защите своей несчастной страны; под руководством своего епископа Симеона они удалились за Иордан, подальше от столкновений, и нашли убежище в городе Пелле».

Цестий умер от болезни или горя вскоре после своего поражения. Нерон передал командование Веспасиану, опытному полководцу, который доказал свои военные способности в Германии и Британии (). Веспасиан направился в Сирию через Малую Азию, а его сын Тит отправился в Александрию, чтобы забрать два легиона и привести их в Палестину. Агриппа и некоторые другие мелкие цари из окрестных стран, Антиох Коммагенский, Сохем и Малх Арабский, привели Веспасиану вспомогательные войска, и в конце зимы 67 года армия из шестидесяти тысяч человек вступила в Галилею. Управление этой провинцией было поручено его соотечественниками Иосифу Флавию, историку, которому мы обязаны описанием всей войны; и хотя он был одним из сторонников мира, он

не пренебрег никакими мерами по приведению страны в состояние обороны. Оборона, о которой он подробно рассказывает, была героической. Небольшой город Йотапата с удивительной решимостью сопротивлялся оружию и военным машинам. Сорок тысяч человек погибли во время осады.^c

Как яркое повествование и как пример жестокости нападения, сопротивления и мести, характерных для сражений того времени, рассказ Иосифа Флавия о своей изобретательной и отчаянной обороне Йотапаты заслуживает того, чтобы его процитировать полностью. Он говорит о себе, как и Цезарь, в третьем лице.^a

ОЧЕРК ИОСИФА ФЛАВИЯ О ЗАЩИТЕ ЙОТАПАТЫ

Йотапата, по его словам, почти полностью построена на обрыве, со всех остальных сторон окруженная долинами, настолько глубокими и крутыми, что у тех, кто смотрит вниз, зрение отказывает, не дойдя до самого дна. Доступ к городу возможен только с северной стороны, где большая часть города построена на горе, которая заканчивается наклонной равниной. Иосиф Флавий окружил эту гору стеной, когда укреплял город, чтобы ее вершина не могла быть захвачена врагами. Город со всех сторон окружен другими горами и его невозможно увидеть, пока человек не подойдет к нему вплотную. И в этом заключалась сила Йотапаты.

Веспасиан, чтобы проверить, как он может преодолеть естественную крепость этого места, а также смелую оборону иудеев, принял решение продолжить осаду с новой энергией. С этой целью он созвал подчиненных ему полководцев на военный совет и посоветовался с ними, как лучше всего провести штурм; и когда было принято решение насыпать вал у той части стены, которая была доступна, он послал всю свою армию за пределы города, чтобы собрать материалы. Итак, когда они срубили все деревья на горах, прилегающих к городу (), и собрали огромную кучу камней, помимо срубленного дерева, некоторые из них принесли заграждения, чтобы избежать попадания дротиков, которые летели сверху. Эти заграждения они расстелили по своим насыпям, под прикрытием которых они формировали свою насыпь, и таким образом почти не пострадали от дротиков, которые бросали в них с стены, в то время как другие разрывали соседние холмы и постоянно приносили им землю; так что, пока они были заняты тремя видами работ, никто не бездельничал. Однако иудеи бросали с стен большие камни на заграждения, защищавшие людей, а также всевозможные дротики; и шум от того, что не могло до них долететь, был настолько ужасен, что мешал рабочим.

Тогда Веспасиан установил вокруг города машины для метания камней и дротиков; всего их было сто шестьдесят, и приказал им приступить к работе и вытеснить тех, кто был на стене. В то же время машины, предназначенные для этой цели, с большим шумом бросали в них копья, а машины, подготовленные для этой цели, бросали камни весом в талант вместе с огнем и огромным количеством стрел, что делало стену настолько опасной, что иудеи не только не смели подходить к ней, но и не смели приближаться к тем частям внутри стен, которые были в пределах досягаемости машин; ибо множество арабских лучников, а также все те, кто метал дротики и камни из пращ, приступили к работе одновременно с метательными машинами. Однако остальные не оставались без дела, когда не могли метать в римлян с более высокого места; они выходили из города группами, как частные разбойники, срывали заграждения, прикрывавшие рабочих, и убивали их, когда те оставались без защиты; и когда эти рабочие сдались, они сбросили землю, из которой был сложен вал, и сожгли его деревянные части вместе с заграждениями, пока наконец

Веспасиан не понял, что промежутки между сооружениями были для него невыгодны, поскольку эти участки земли давали евреям место для нападения на римлян. Поэтому он соединил заграждения и в то же время соединил одну часть армии с другой, что помешало частным вылазкам иудеев.

И когда вал был поднят и приближен ближе, чем когда-либо, к зубцам, принадлежавшим стенам, Иосиф Флавий подумал, что было бы совершенно неправильно с его стороны, если бы он не смог придумать никаких ухищрений, противостоящих их ухищрениям, и которые могли бы спасти город; поэтому он собрал своих рабочих и приказал им построить стену выше; и когда они сказали, что это невозможно сделать, пока в них летят так много дротиков, он придумал для них такое укрытие:

Он велел им установить сваи и растянуть перед ними сырые шкуры недавно убитых быков, чтобы эти шкуры, прогибаясь и выпучиваясь при попадании в них камней, принимали их, так как другие дротики скользили по ним, а бросаемый огонь тушился влагой, содержащейся в них; и он поставил их перед рабочими; и под ними эти рабочие продолжали свою работу в безопасности и поднимали стену все выше, и это как днем, так и ночью, пока она не достигла двадцати локтей в высоту. Он также построил на стене немало башен и укрепил ее крепкими зубцами. Это сильно обескуражило римлян, которые, по их собственному мнению, уже проникли в стены, а теперь были одновременно удивлены изобретательностью Иосифа Флавия и мужеством жителей города.

И теперь Веспасиан был явно раздражен большой хитростью этого плана и смелостью жителей Йотапаты; потому что, ободренные снова после постройки этой стены, они совершали новые вылазки на римлян и каждый день вступали с ними в схватки отрядами, используя все уловки, которыми пользуются разбойники, грабя все, что попадалось под руку, и поджигая все остальные сооружения; и так продолжалось до тех пор, пока Веспасиан не приказал своей армии прекратить сражения с ними и не решил осадить город и заставить их сдаться голодом, полагая, что либо они будут вынуждены просить у него пощады из-за нехватки провианта, либо, если они найдут в себе мужество продержаться до последнего, погибнут от голода; и он пришел к выводу, что ему будет легче победить их в бою, если он даст им передышку, а затем нападет на них, когда они будут ослаблены голодом; но все же он отдал приказ, чтобы они не давали им выйти из города.

Осажденные имели в городе много зерна и, по сути, все необходимое, но им не хватало воды, потому что в городе не было источника, и люди обычно довольствовались дождевой водой; однако в этой стране редко бывают дожди летом, и в это время года, во время осады, они испытывали большую нужду в каком-нибудь средстве, чтобы утолить свою жажду; и в это время они были особенно опечалены, как будто они уже полностью лишились воды, потому что Иосиф Флавий, видя, что в городе было много других необходимых вещей и что люди были полны мужества, и желая защищать город от римлян дольше, чем они ожидали, приказал давать им воду по мерке; но это скудное распределение воды по мерке было воспринято ими как нечто более тяжелое, чем ее недостаток; и то, что они не могли пить столько, сколько хотели, делало их еще более жаждущими, чем они были раньше; более того, они были настолько обескуражены этим, как будто они дошли до последней степени жажды. Римляне были хорошо осведомлены об их положении, и когда они стояли напротив них, за стеной, они могли видеть, как те бегали и брали воду по мере, что заставляло их бросать туда копья, поскольку место находилось в пределах их досягаемости, и убивать многих из них.

Тогда Веспасиан надеялся, что их емкости с водой скоро опустеют и они будут вынуждены сдать ему город; но Иосиф Флавий, желая развеять его надежду, приказал им намочить большую часть своей одежды и развесить ее на зубцах, так что вдруг вся стена оказалась

мокрой от стекающей воды. Увидев это, римляне пришли в уныние и смятение, когда увидели, что те могут в шутку выбрасывать столько воды, хотя, как они полагали, у них не хватало даже на питье. Это заставило римского полководца отчаяться взять город из-за нехватки необходимых вещей и снова взяться за оружие, чтобы заставить их сдаться, чего очень желали иудеи; поскольку они отчаялись спасти себя или свой город, они предпочли смерть в бою смерти от голода и жажды.

Однако Иосиф Флавий придумал еще одну уловку, помимо вышеупомянутой, чтобы получить все необходимое в изобилии. Было одно труднодоступное и неровное место, на которое было трудно взобраться, и по этой причине оно не охранялось солдатами; поэтому Иосиф послал некоторых людей в западную часть долины и через них отправил письма тем евреям, которые находились за пределами города, и получил от них все необходимое, в чем они нуждались в городе, в изобилии; он также велел им ползти по сторожевому посту, когда они входили в город, и прикрывать спины овечьими шкурами с шерстью, чтобы, если кто-нибудь заметил их ночью, их приняли за собак. Так продолжалось до тех пор, пока сторожи не заметили их уловку и не окружили это труднопроходимое место.

И вот тогда Иосиф Флавий понял, что город не сможет долго удержаться, и что его собственная жизнь будет под угрозой, если он останется в нем; поэтому он посоветовался, как он и самые влиятельные люди города могут бежать из него. Когда толпа поняла это, она окружила его и умоляла не забывать о них, поскольку они полностью полагались на него и только на него; ведь еще была надежда на спасение города, если он останется с ними, потому что все с большим энтузиазмом готовы были терпеть любые лишения ради него, и в этом случае им тоже было бы немного легче, даже если они будут взяты в плен; что ему не подобает ни бежать от врагов, ни бросать друзей, ни прыгать из этого города, как из корабля, тонущего в буре, на который он взошел, когда было тихо и спокойно; ибо, уйдя, он станет причиной гибели города, потому что никто не осмелится противостоять врагу, когда уйдет тот, на кого они полностью полагались.

Поэтому Иосиф Флавий не стал говорить им, что он уходит, чтобы обеспечить себе безопасность, а сказал, что уходит из города ради них; ибо, оставаясь с ними, он мало чем сможет им помочь, пока они находятся в безопасности, а если они будут взяты в плен, он только погибнет вместе с ними без всякой пользы; но если он сможет вырваться из осады, то сможет оказать им огромную помощь, поскольку тогда он немедленно соберет галилеян из разных концов страны в большом количестве и отвлечет римлян от их города, начав новую войну. Он не видел, какую пользу он мог бы им принести сейчас, оставаясь среди них, но только провоцировал римлян осаждать их еще сильнее, поскольку считал его захват делом первостепенной важности; но если бы они узнали, что он бежал из города, то значительно ослабили бы свое рвение против него. Однако эта просьба не тронула народ, а еще больше раззадорила его.

В соответствии с этим, и дети, и старики, и женщины с младенцами пришли к нему в скорби, пали перед ним, и все они схватили его за ноги, крепко держали его и с большим плачем умоляли его разделить с ними их судьбу; и я думаю, что они поступали так не потому, что завидовали его спасению, а потому, что надеялись на свое собственное; ибо они не могли думать, что их постигнет какое-либо большое несчастье, если только Иосиф останется с ними.

Иосиф думал, что если он решит остаться, это будет приписано их мольбам, а если он решит уйти силой, его посадят под стражу. Его сострадание к людям, которые так жаловались, сильно ослабило его желание покинуть их, и он решил остаться. Вооружившись общим отчаянием горожан, он сказал им:

«Сейчас самое время начать сражаться всерьез, когда не осталось никакой надежды на спасение. Храбро предпочесть славу жизни и приступить к какому-нибудь благородному делу, которое запомнится потомкам».

Сказав это, он сразу же приступил к делу, совершил вылазку, рассеял вражескую стражу, добежал до самого римского лагеря, разорвал покрывала палаток, которые были на берегу, и поджег их сооружения. И таким образом он не прекращал сражаться ни на следующий день, ни на следующий за ним, но продолжал это в течение значительного количества дней и ночей.

Увидев, что римляне страдают от этих вылазок (хотя им было стыдно бежать от иудеев, а когда они заставляли иудеев бежать, их тяжелые доспехи не позволяли им преследовать их далеко, в то время как иудеи, совершив какое-либо действие и прежде чем им самим могли быть нанесены повреждения, все равно отступали в город), Веспасиан приказал своим

вооруженным людям избегать их атак и не сражаться с людьми, находящимися в отчаянии, поскольку нет ничего более мужественного, чем отчаяние; но что их ярость угаснет, когда они увидят, что не достигли своих целей, как огонь угасает, когда ему не хватает топлива; и что для римлян было наиболее целесообразно одержать победу с наименьшими потерями, поскольку они не были вынуждены сражаться, а лишь расширять свои владения. Так он в значительной мере отразил иудеев с помощью арабских лучников, сирийских пращников и тех, кто бросал в них камни, и не было никакого перерыва в использовании их многочисленных боевых машин. Евреи сильно страдали от этих орудий, не имея возможности спастись от них; и когда эти орудия бросали камни или копья на большое расстояние, а евреи находились в пределах их досягаемости, они сильно давили на римлян и сражались отчаянно, не щадя ни души, ни тела, одна часть помогая другой по очереди, когда та уставала.

Поэтому, когда Веспасиан увидел, что он как бы осажден этими вылазками иудеев, и когда его насыпи были уже недалеко от стен, он решил использовать таран. С самого первого удара этого орудия стена задрожала, и люди внутри города подняли страшный крик, как будто они уже были взяты.

И вот, когда Иосиф Флавий увидел, что таран по-прежнему бьет по одному и тому же месту и что стена скоро будет снесена, он решил на время уклониться от силы этого орудия. С этой целью он приказал наполнить мешки мякиной и повесить их перед тем местом, где таран постоянно бил, чтобы удар был отклонен или чтобы это место меньше ощущало удары благодаря упругой природе мякины. Эта уловка значительно задержала попытки римлян, потому что, когда они перемещали свою машину в любую часть, те, кто находился над ней, снимали мешки и размещали их напротив ударов, наносимых машиной, так что стена не пострадала, и это благодаря отвлечению ударов, пока римляне не придумали противоположное устройство из длинных шестов и, привязав к их концам крюки, не сняли мешки.

Теперь, когда таран таким образом восстановил свою силу, а стена, будучи недавно построенной, начала рушиться, Иосиф Флавий и его окружение сразу же прибегли к огню, чтобы защитить себя; для этого они взяли все сухие материалы, которые у них были, и совершили вылазку с трех сторон, поджегши машины, заграждения и насыпи самих римлян; а римляне не знали, как им помочь, поскольку были одновременно потрясены смелостью иудеев и не могли подойти к ним из-за пламени; поскольку материалы были сухими, а среди них были битум и смола, а также сера, огонь сразу же охватил все, и то, что стоило римлянам больших усилий, было уничтожено за один час.

И здесь появился один иудей, достойный нашего внимания и похвалы; он был сыном Самея, звали его Елеазар, и он родился в Саабе, в Галилее. Этот человек поднял огромный камень и сбросил его со стены на таран, причем с такой силой, что отломал головную часть машины. Он также спрыгнул вниз, поднял головную часть тарана из середины толпы и, не обращая внимания на опасность, отнес ее на вершину стены, хотя при этом он был легкой мишенью для всех своих врагов. Соответственно, он получил удары по обнаженному телу и был ранен пятью дротиками; но он не обращал внимания ни на один из них, пока поднимался на вершину стены, где стоял на виду у всех, как пример величайшей смелости; после чего он бросился на кучу с ранами на теле и упал вместе с головой тарана. Рядом с ним проявили свою храбрость два брата; их звали Нетир и Филипп, оба из деревни Рума, и оба также галилеяне; эти люди прыгнули на солдат десятого легиона и набросились на римлян с таким шумом и силой, что нарушили их ряды и обратили в бегство всех, на кого они напали.

После подвига этих людей Иосиф Флавий и остальная толпа, которая была с ним, взяли много огня и сожгли как машины, так и их покрытия, а также орудия, принадлежавшие пятому и десятому легионам, которые они обратили в бегство; другие немедленно последовали за ними и закопали эти орудия и все их материалы под землей. Однако к вечеру римляне снова установили таран против той части стены, которая пострадала ранее; там один еврей, защищавший город от римлян, попал Веспасиану дротиком в ногу и слегка ранил его, но расстояние было настолько велико, что дротик, брошенный с такого расстояния, не мог нанести серьезного урона.

Но Иосиф Флавий и его соратники, хотя и падали мертвыми один на другого от дротиков и камней, которые бросали в них из метательных машин, все же не покидали стены, а нападали на тех, кто управлял тараном, под защитой заграждений, с огнем, железным оружием и камнями; и те не могли сделать почти ничего, но падали сами, в то время как их видели те, кого они не могли видеть, потому что свет их собственного пламени сиял вокруг них и делал их очень заметной мишенью для врага, как днем, в то время как метательные машины не были видны на большом расстоянии, и поэтому то, что в них бросали, было трудно избежать; поскольку сила, с которой эти машины бросали камни и дротики, позволяла им поражать сразу нескольких человек, а сила удара камней, бросаемых машинами, была настолько велика, что они сносили вершины стен и отламывали углы башен; поскольку ни одна группа людей не могла быть настолько сильной, чтобы не быть сбитой до последнего ряда под тяжестью камней; и любой может узнать о силе этих машин по тому, что произошло этой самой ночью; поскольку один из тех, кто стоял вокруг Иосифа, находился рядом со стеной, его голова была снесена таким камнем, а череп отлетел на расстояние в три стадии. Днем беременная женщина, только что вышедшая из дома, получила такой сильный удар в живот, что ребенок был отброшен на расстояние в полфурлонга; настолько велика была сила этой машины.

Шум самих орудий был очень страшным, как и звук метаемых ими дротиков и камней; таким же был шум, который производили трупы, когда их бросали об стену; и действительно ужасен был крик, который все это вызывало у женщин в городе, и который одновременно вторился криками убитых; в то время как все пространство, на котором они сражались, было залито кровью, а на стену можно было бы взобраться по трупам убитых; горы также усиливали шум своим эхом; в ту ночь не было ничего, что могло бы вызвать ужас, поражая слух или зрение: тем не менее, большая часть тех, кто сражался так отважно за Йотопату (), пали мужественно, как и большая часть из них была ранена. Однако утренняя стража наступила, прежде чем стена поддавалась машинам, направленным против нее, хотя она была подвергалась непрерывным ударам. Тем не менее, те, кто находился внутри, прикрыли свои тела доспехами и возвели сооружения напротив той части, которая была снесена, прежде чем были установлены машины, с помощью которых римляне должны были подняться в город.

Утром Веспасиан собрал свою армию, чтобы взять город штурмом. Но Иосиф Флавий, понимая смысл замысла Веспасиана, поставил стариков вместе с уставшими на неповрежденные части стены, не ожидая опасности с этой стороны, а самых сильных из своих людей поставил на место, где стена была разрушена, а перед ними всех шестерых человек, среди которых он взял на себя долю первой и величайшей опасности. Он также приказал, чтобы, когда легионы поднимут крик, они заткнули уши, чтобы не испугаться, и чтобы, избегая множества вражеских стрел, они опустились на колени и прикрылись щитами, и чтобы они немного отступили назад на некоторое время, пока лучники не опустошат свои колчаны; но когда римляне положат свои орудия для взбирания на стены, они должны внезапно выскочить и своими орудиями встретить врага, и каждый должен стараться сделать все возможное, не для того, чтобы защитить свой город, как будто его

можно было сохранить, а для того, чтобы отомстить за него, когда он уже будет разрушен; и чтобы они представили себе, как их старики будут убиты, а их дети и жены будут немедленно убиты врагом; и чтобы они заранее израсходовали всю свою ярость из-за бедствий, которые только что обрушились на них, и излили ее на действующих лиц.

И таким образом Иосиф Флавий распорядился обеими группами своих людей; но тогда бесполезные граждане, женщины и дети, увидев, что их город окружен тройной армией (поскольку ни одна из обычных страж, сражавшихся ранее, не была снята), а также увидев не только разрушенные стены, но и своих врагов с мечами в руках, а также холмистую местность над ними, сверкающую их оружием, и стрелы в руках арабских лучников, они подняли последний и печальный крик о гибели, как будто бедствие не только грозило им, но и уже обрушилось на них.

Но Иосиф приказал запретить женщин в их домах, чтобы они не сделали военные действия мужчин слишком женоподобными, заставляя их сочувствовать их положению, и приказал им молчать, угрожая им, если они не будут молчать, в то время как он сам вышел перед проломом, где была его часть; потому что всех тех, кто принес лестницы в другие места, он не замечал, а с нетерпением ждал дождя стрел, который должен был пойти.

И вот трубачи нескольких римских легионов затрубили вместе, и армия подняла страшный крик; и дротики, как по команде, полетели так быстро, что заслонили свет. Однако люди Иосифа Флавия помнили его наставления, заткнули уши, чтобы не слышать звуков, и прикрыли тела от дротиков; а что касается боевых машин, которые были готовы к работе, то евреи бросились на них, прежде чем те, кто должен был их использовать, успели сесть на них. И теперь, когда солдаты поднялись, началась большая битва, и проявилось много действий рук и души, в то время как иудеи, находясь в крайней опасности, искренне старались проявить не меньшую храбрость, чем те, кто, не находясь в опасности, так отважно сражался против них; и они не прекращали борьбы с римлянами, пока либо сами не падали замертво, либо не убивали своих противников. Но иудеи устали от постоянной обороны и не имели достаточно сил, чтобы прийти им на помощь, в то время как на стороне римлян свежие силы сменяли уставших, и все новые люди быстро поднимались на подъемные машины, заменяя тех, кого сбрасывали вниз; взаимоподбадривая друг друга и соединяясь бок о бок своими щитами, которые служили им защитой, они стали неразрушимым отрядом; и когда эта группа оттеснила иудеев, как будто они были одним целым телом, они уже начали подниматься на стену.

Тогда Иосиф Флавий, находясь в крайней нужде, взял за советника необходимость (которая очень мудра в изобретениях, когда ее раздражает отчаяние) и отдал приказ вылить кипящее масло на тех, кого защищали щиты. Вскоре это было сделано, так как было много людей, которые приносили масло, и его было принесено в большом количестве, и они вылили его со всех сторон на римлян и бросили на них свои сосуды, которые еще шипели от жара огня. Это так обожгло римлян, что рассеяло их сплоченные ряды, и они теперь падали с стены в ужасных мучениях, ибо масло легко стекало по всему телу от головы до ног, под их доспехами, и питалось их плотью, как само пламя, а его жирная и маслянистая природа делала его быстро нагревающимся и медленно остывающим; и поскольку люди были заперты в своих шлемах и нагрудных доспехах, они не могли никак освободиться от этого горящего масла; они могли только прыгать и кататься в мучениях, падая с мостов, которые они сами построили. И когда они были таким образом отброшены назад и отступили к своей стороне, которая все еще давила на них, они были легко ранены теми, кто был позади них.

Однако, несмотря на эту неудачу римлян, их мужество не иссякло, а евреям не хватало благоразумия, чтобы противостоять им; ибо римляне, хотя и видели, как их товарищи падали и находились в плачевном состоянии, все же яростно набрасывались на тех, кто

обливал их маслом, а каждый упрекал стоящего перед ним человека в трусости и в том, что он мешает ему проявить себя; и пока иудеи использовали другой прием, чтобы помешать их подъему, и выливали кипящий пажитник на доски, чтобы они поскользнулись и упали; благодаря чему ни те, кто поднимался, ни те, кто спускался, не могли стоять на ногах; но некоторые из них падали назад на машины, на которых поднимались, и были затоптаны; многие из них падали на насыпь, которую они насыпали, и, упав на нее, были убиты иудеями; ибо когда римляне не могли удержаться на ногах, иудеи, освободившись от рукопашной схватки, имели время бросать в них свои дротики. Так что вечером генерал отозвал тех солдат, которые так сильно пострадали, число убитых среди которых было немалым, а число раненых еще больше; но из жителей Йотапаты было убито не более шести человек, хотя более трехсот были унесены ранеными. Это сражение произошло в двадцатый день месяца Дезиус (Сиван).

После этого Веспасиан утешил свою армию по поводу случившегося и, увидев, что они действительно разгневаны, но скорее хотят действовать, чем слушать дальнейшие увещевания, отдал приказ поднять насыпи еще выше и возвести три башни, каждая высотой пятьдесят футов, и покрыть их с всех сторон железными листами, чтобы они были прочными благодаря своему весу и не поддавались возгоранию. Он установил эти башни на берегах и разместил на них тех, кто мог стрелять дротиками и стрелами, а также более легкие машины для метания камней и дротиков; кроме того, он разместил на них самых крепких из пращников, которые, будучи невидимыми из-за высоты, на которой они стояли, и зубцов, которые их защищали, могли бросать свое оружие в тех, кто находился на стене и был хорошо виден им. Тогда иудеи, не имея возможности уклониться от дротиков, которые летели им на головы, и не имея возможности отомстить тем, кого они не видели, и видя, что высота башен была так велика, что дротики, которые они бросали руками, едва долетали до них, а железные пластины, которыми они были обшиты, делали очень трудным поджечь их, они убежали от стен, поспешно покинули город и напали на тех, кто стрелял в них. Так жители Йотапаты сопротивлялись римлянам, хотя каждый день многие из них гибли, не имея возможности отомстить врагам, и не могли удержать их вне города без опасности для себя.

Но поскольку жители Йотапаты все еще мужественно сопротивлялись и терпели свои страдания сверх всякой надежды, на сорок седьмой день (осады) насыпанные римлянами валы стали выше стены; в этот день некий дезертир пришел к Веспасиану и рассказал ему, как мало людей осталось в городе, как они ослабели и как они измотаны постоянным бодрствованием и постоянными сражениями, так что теперь не могут противостоять никакой силе, которая на них нападет, и что их можно взять хитростью, если кто-нибудь решится на них напасть; потому что около последней ночной стражи, когда они думали, что смогут немного отдохнуть от тягот, которые на них обрушились, и когда их охватывал утренний сон, поскольку они были совершенно измотаны, он сказал, что стража обычно засыпала; соответственно, он посоветовал атаковать именно в это время.

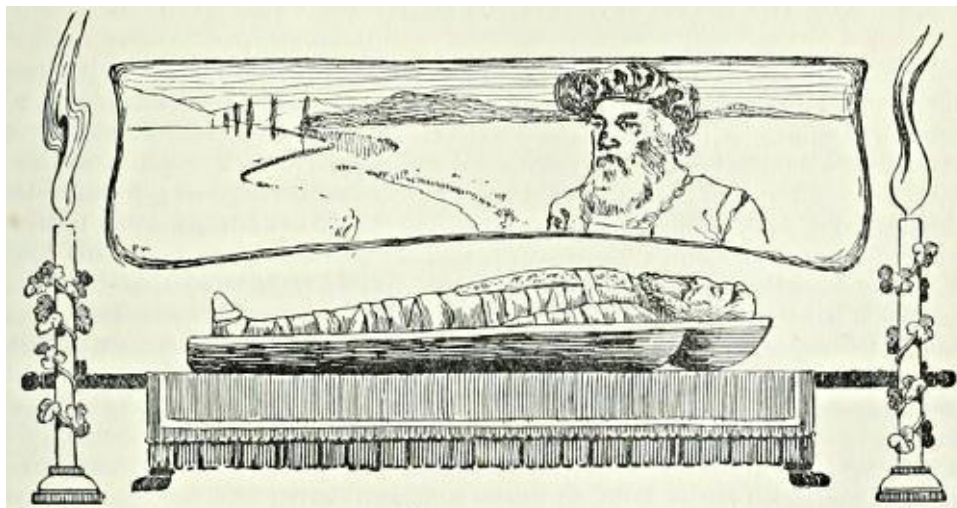
Но Веспасиан подозревал этого дезертира, зная, насколько верны друг другу были иудеи и насколько они презирали любые наказания, которые могли быть им наложены; последнее потому, что один из жителей Йотапаты подвергся всевозможным мучениям, и хотя его подвергли жестокому испытанию со стороны врагов во время допроса, он ничего не сообщил им о делах в городе и, когда его распяли, улыбнулся им!

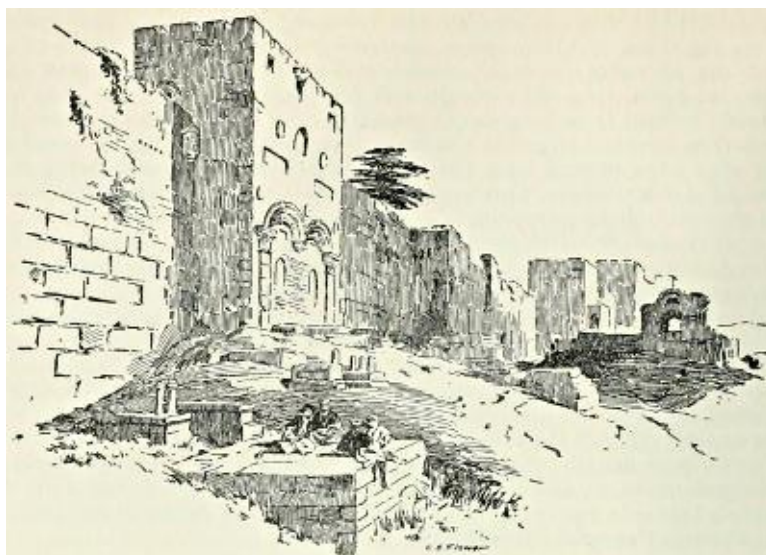
Однако вероятность самого рассказа отчасти подтверждала правдивость слов дезертира, и они подумали, что он, вероятно, говорит правду. Тем не менее Веспасиан считал, что они не понесут больших потерь, если сообщение окажется ложным, поэтому он приказал держать человека под стражей и подготовил армию к взятию города.

В соответствии с этим решением они без шума, в назначенный час, двинулись к стене; и первым на нее взобрался сам Тит с одним из своих трибунов, Домицием Сабином, и несколькими солдатами из пятнадцатого легиона. Так они перерезали горло стражникам и очень тихо вошли в город. За ними последовали трибун Цереалис и Плаcid, ведя за собой своих подчиненных. Когда цитадель была взята, а враги оказались в самом центре города, и когда уже наступил день, о взятии города еще не знали те, кто его удерживал, поскольку многие из них крепко спали, а густой туман, который случайно опустился на город, мешал проснувшимся ясно видеть, в каком положении они находятся, пока вся римская армия не вошла в город, и они проснулись только для того, чтобы обнаружить, в каком бедственном положении они находятся; и когда они убивали, они поняли, что город взят.

А римляне так хорошо помнили, что они перенесли во время осады, что никого не пощадили и никому не проявили милосердия, а сбросили людей с цитадели в пропасть и убивали их, когда сбрасывали вниз; в это время трудности местности помешали тем, кто еще был способен сражаться, защищаться; ибо, будучи стесненными узкими улочками и не имея возможности удержаться на ногах на обрыве, они были побеждены толпой тех, кто спускался с цитадели, чтобы сражаться с ними. Это побудило многих, даже избранных людей, которые были рядом с Иосифом, покончить с собой своими руками; ибо, видя, что они не могут убить ни одного из римлян, они решили не дать римлянам убить себя и собрались в большом количестве в самых отдаленных частях города и покончили с собой.

В этот день римляне убили всех, кто открыто показался на глаза, а в последующие дни они обыскивали укрытия и нападали на тех, кто находился под землей и в пещерах, и так прошли через все возрасты, за исключением младенцев и женщин, и из них было собрано в плен двенадцать сотен человек; а тех, кто был убит при взятии города и в предыдущих сражениях, насчитывалось, по подсчетам, сорок тысяч. Тогда Веспасиан приказал полностью разрушить город и сжечь все укрепления. Так был взят Иотапата в тринадцатый год правления Нерона, в первый день месяца Панемус (Таммуз).^{[b](#)}

Золотые ворота, Иерусалим

ГЛАВА XIV. ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

[68-70 гг. н. э.]

Иосиф с большим трудом спасся от массового убийства в Йотапате. Его жизни угрожали не только римские солдаты, которые нашли его запертым в пещере и хотели убить, но и сорок других обитателей пещеры, которые не одобряли желание Иосифа сдаться. Иосиф прибег к благочестивому уловке, сославшись на божественное видение, приказавшее ему сдаться римлянам. Но его товарищи по несчастью считали его презренным трусом, и он был вынужден доказать свою физическую храбрость, удерживая их всех на расстоянии. В конце концов он предложил тянуть жребий и убивать друг друга по очереди. По каким-то странным обстоятельствам, которые Иосиф Флавий не объясняет, евреи в пещере мужественно встретили смерть от рук друг друга, пока не осталось только двое, одним из которых был Иосиф Флавий. Иосиф легко убедил этого человека отказаться от привилегии мученичества и присоединиться к нему, сдавшись римлянам. Иосиф является нашим единственным авторитетом в этой истории, и даже по его собственному объяснению он не выглядит особенно блестяще. Дин Милман презирает его за лицемерие и обманчивость его поведения в этом вопросе, но, во-первых, было бы бесполезной глупостью поддаваться фанатизму своих товарищей, а во-вторых, его смерть лишила бы нас его бесценной истории. И даже Милман, признавая непоследовательность характера Иосифа Флавия, признает его славу как полководца, несмотря на отсутствие у него предварительной военной подготовки, и признает, что он в течение двух месяцев сдерживал римские войска на самой границе «незначительной провинции» и рассматривает осаду Йотапаты как типичный пример «характера конфликта евреев с римским господством, против которого они были последними отчаянными борцами за свободу в широком кругу империи». Иосиф Флавий был осужден евреями как предатель, так же как Фукидид был изгнан греками, но он изо всех сил старался смягчить ужасные крайности, до которых дошла римская жестокость, великолепным мужеством обреченной нации.

После падения Йотапаты римские войска быстро захватили страну. Самаритяне, презираемые евреями, укрепились на горе Геризим, где были убиты в количестве одиннадцати тысяч шестисот человек. Город Кесария был сдан греками, которые убили всех евреев в городе. Тивериада также открыла свои ворота римлянам. Тарихея сопротивлялась и получила в награду за свой героизм только резню. Многие жители бежали к озеру

Галилейскому на легких рыбацких лодках, но, когда их преследовали тяжелые барки римлян, они имели мужество атаковать римлян камнями. «Слабая война», как говорит Милман, «которая только раздражала преследователей: если камни бросали с расстояния, они не наносили ущерба, а только брызгали водой на солдат или безвредно падали с их железных доспехов; если же те, кто их бросал, подходили ближе, их в свою очередь могли поразить римские стрелы. Все берега были заняты вражескими солдатами, и их преследовали в каждой бухте и каждом заливе; некоторых пронзили копьями с высоких бортов кораблей, некоторых захватили на борт и перебили мечом, лодки других были разбиты или затоплены, а люди утонули. Если они поднимали головы, когда плавали, их поражали стрелами или носом корабля; если они цеплялись за борт вражеского корабля, им отрубали руки и отсекали головы. Немногие выжившие были вытеснены на берег, где их ждала такая же судьба. Еще до того, как они высадились, или во время высадки, их зарубили или пронзили копьями. Голубые воды всего озера были окрашены кровью, и его прозрачная поверхность в течение нескольких дней испускала зловонный пар. Берега были усыпаны обломками лодок и раздутыми телами, которые гнили на солнце и заражали воздух, пока сами завоеватели не отшатнулись от последствий своих жестокостей. Здесь мы должны добавить к нашему кровавому списку потерю шести тысяч жизней».

Те, кто остался в городе и сдался мирно, доверяя честности римлян, постигла еще более горькая судьба. После долгих и хладнокровных раздумий Веспасиан приказал казнить двенадцать сотен стариков и слабых; шесть тысяч самых сильных были отправлены помогать копать ров, который Нерон пытался проложить через Коринфский перешеек; более тридцати тысяч других были проданы в рабство. Этот поступок Веспасиана, как говорит Милман, «навсегда запятнал его славу». Однако жестокость привела к немедленной капитуляции всей остальной Галилеи, за исключением городов Гамала, Гискалы и Итабирий. Гамала продержалась четыре месяца, и ее судьба была столь же любопытна, сколь и ужасна. Иосиф Флавий описывает город как « » (прижавшийся к склону горы), с домами, расположенными очень плотно и близко друг к другу. Римляне пробили брешь в стенах и постепенно загнали евреев на вершину города, где те внезапно собрались и яростно напали на римлян, которые, не в силах ни противостоять натиску евреев, ни оттеснить римлян в тыл, укрылись в домах. Дома были настолько легко построены, что рухнули под весом скопившихся солдат, и весь город обрушился с обрыва, как карточный домик. Римляне впали в панику и понесли тяжелые потери, а иудеи изгнали их из города, и сам Веспасиан с большим трудом спасся от гибели. Однако постепенно город был взят, и последовала кровавая резня. Сотни людей бросались со своими женами и детьми в пропасть. Сотни других римляне сбрасывали со скал. Девять тысяч трупов свидетельствовали о тщетной храбрости жителей Гамалы. Тем временем Итабирий пал, а Гискала была оставлена ее командиром Иоанном Гискальским, который увлек свои войска и свои амбиции в Иерусалим, несмотря на горячее преследование Титом.

«Но Иерусалим, — говорит Милман, — плохо готовился к тому, чтобы взять на себя роль столицы нации в этой затянувшейся борьбе; и для него было бы лучше, если бы Иоанн из Гискалы погиб в окопах своего родного города или был убит преследующей его кавалерией. Его слава опередила его в Иерусалиме, возможно, не в последнюю очередь благодаря переходу на сторону врага его соперника Иосифа. Толпа высыпала ему навстречу, чтобы почтить его и получить достоверные известия о бедствиях в Галилее. Они приняли высокомерный вид и заявили, что ради Гискалы и таких незначительных деревень не стоит рисковать кровью храбрых людей — они приберегли всю свою кровь, чтобы пролить ее в защиту столицы. Однако для многих их отступление было слишком явным бегством, и из ужасных подробностей о массовых убийствах и пленении они предчувствовали судьбу, которая ждала их самих. Иоанн, однако, представил римские войска как сильно

ослабленные, а их орудия — изношенными перед Йотапатою и Гамалой; он настаивал, что, если им потребовалось так много времени, чтобы подчинить города Галилеи, то они неизбежно будут с позором отбиты от Иерусалима. Иоанн был человеком с самым убедительным обращением и самой правдоподобной и беглой речью. Фракции, выступавшие за войну и за мир, не только расстраивали общественные советы, но и в каждой семье, среди самых дорогих и близких друзей, этот жизненно важный вопрос создавал суровые и кровавые разногласия. Каждый собирал группу сторонников или присоединялся к какой-либо организованной партии. Молодежь повсюду была единодушна в своем рвении к войне; старшие тщетно пытались успокоить этот ажиотаж более спокойными и разумными доводами. Сначала отдельные лица, а затем группы отчаявшихся людей начали распространяться по всей стране, грабя либо открыто, либо под предлогом наказания тех, кто предал дело своей страны. Невинные и мирные люди, которые видели, как горят их дома и грабят их семьи, думали, что от завоевания римлянами им не грозит ничего хуже, чем от незаконного насилия со стороны своих соотечественников».

Здесь нет места, чтобы подробно рассказать об ужасах гражданской войны, разразившейся в Иерусалиме. Жестокости, совершенные самими римлянами, едва ли могли сравниться с печально известными предательствами, убийствами и оскорблениями даже трупов, которые евреи наносили своему собственному народу. Однако и сама Римская империя переживала муки гражданской войны, в которой евреи видели распад империи и прекрасную возможность для обретения независимости своей страны. Но корабль римского государства пережил эту бурю, как и многие другие, и к весне 70 года н. э. Тит начал серьезную осаду города. В это время Иерусалим был переполнен примерно миллионом человек, прибывших на Пасху, но общее число воинов, по-видимому, составляло менее двадцати четырех тысяч, в то время как силы Тита, согласно « », оцениваются примерно в восемьдесят тысяч. Иудеи ожидали помощи от своих сородичей из Парфии, а также из других частей империи, но прежде чем эта помощь прибыла, если она вообще была отправлена, силы Тита появились перед городом. Взяв с собой шестьсот всадников, Тит сразу же отправился на разведку, но, поскольку никто не противостоял его продвижению, он неосторожно приблизился к стене настолько, что внезапно оказался окруженным толпой людей, выбежавших из одних из ворот позади него. Несмотря на то, что он был без шлема и нагрудника, он пробился через эту толпу и безнаказанно сбежал в римский лагерь, хотя многие из его последователей были убиты.

[70 г. н. э.]

Были предприняты попытки сразу взять стены штурмом, но эти атаки были отбиты защитниками, римская армия отступила в свои укрепления, и началась регулярная осада. Против стен были применены тараны, а катапульты и баллисты непрерывно обстреливали защитников на стенах, которые отвечали им аналогичным оружием. Однако евреи были очень неумелы в использовании этого оружия, в то время как болты и камни, бросаемые из римского лагеря, наносили эффективный урон как стенам, так и тому, что находилось внутри них. Огромная толщина внешних стен в течение нескольких дней сопротивлялась таранам, но в конце концов они проломились, и защитники отступили во вторую линию. Эта вторая стена была взята пять дней спустя, и Тит таким образом стал хозяином нижней части города.

К ужасам войны внутри и снаружи города добавился голод. Никогда еще не было написано более волнующей картины человеческого страдания, чем та, что описана Иосифом Флавием.^a

ОПИСАНИЕ ГОЛОДА ИУСУФОМ ФЛАВИЕМ

Теперь это было жалкое зрелище, которое по праву вызывало слезы на глазах: как люди стояли в очереди за едой, в то время как более сильные имели ее более чем достаточно, а более слабые жаловались (из-за ее нехватки). Но голод был сильнее всех других страстей и разрушительнее всего для скромности; то, что в других обстоятельствах было достойно уважения, в этом случае подвергалось презрению; дети вырывали из уст своих отцов куски, которые те ели, и, что еще более достойно сожаления, то же самое делали матери со своими младенцами; и когда самые дорогие им люди гибли у них на руках, они не стыдились отнимать у них последние капли, которые могли сохранить им жизнь; и хотя они ели таким образом, они не скрывали этого; но повсюду мятежники набрасывались на них и отнимали у них то, что они получили от других; потому что, когда они видели закрытый дом, это было для них сигналом, что люди внутри добыли какую-то пищу; после чего они выламывали двери, врывались внутрь и отбирали куски того, что они ели, почти из их горла, и делали это силой: стариков, которые крепко держали свою пищу, избивали; а если женщины прятали то, что было у них в руках, им за это вырывали волосы; ни к старикам, ни к младенцам не проявлялось никакого сострадания, но они поднимали детей с земли, когда те цеплялись за куски, которые они достали, и бросали их на пол; но еще более жестоко они обращались с теми, кто помешал им войти и успел проглотить то, что они собирались захватить, как будто их несправедливо лишили их права.

Они также придумали ужасные методы пыток, чтобы узнать, где находится еда, и они были следующими: затыкать проходы в интимных частях несчастных, и человек был вынужден терпеть то, что страшно даже слышать, чтобы заставить его признаться, что у него был только один хлеб, или чтобы он мог обнаружить горсть ячменной муки, которая была спрятана; и это делалось, когда сами мучители не были голодны; ведь это было бы менее варварским, если бы их к этому вынуждала необходимость; но это делалось для того, чтобы поддерживать свое безумие и запастись провизией на следующие дни. Эти люди также выходили навстречу тем, кто ночью выбирался из города, до римских стражников, чтобы собрать дикорастущие растения и травы; и когда эти люди думали, что они ушли от врага, те отнимали у них то, что они принесли с собой (), даже несмотря на то, что те часто умоляли их, призывая страшное имя Бога, вернуть им часть того, что они принесли; но те не давали им ни крошки; и им следовало быть довольным, что их только ограбили, а не убили.

Поэтому невозможно подробно перечислить все примеры беззаконий этих людей. Поэтому я сразу же выскажу здесь свое мнение: ни один другой город никогда не страдал от таких бедствий, и ни в какую эпоху не рождалось поколение, более плодотворное в зле, чем это, с начала мира. Наконец, они привели еврейский народ к презрению, чтобы самим казаться менее безбожными по отношению к чужеземцам. Они признавали правду, что они были рабами, отбросами, ложными и неполноценными потомками нашего народа, в то время как сами разрушили город и заставили римлян, хотели они того или нет, завоевать печальную славу, действуя против них с великолепием, и почти навлекли на храм тот огонь, который, как им казалось, шел слишком медленно; и, действительно, когда они увидели, как горит храм в верхней части города, они не были этим обеспокоены и не пролили ни одной слезы по этому поводу, в то время как эти чувства были обнаружены среди самих римлян: об этих обстоятельствах мы поговорим ниже, когда дойдем до рассмотрения таких вопросов.

Итак, теперь окопы Тита продвинулись далеко, несмотря на то, что его солдаты были очень озабочены стеной. Затем он послал отряд всадников и приказал им устроить засады на тех, кто выходил в долины за пропитанием. Некоторые из них были действительно воинами, которые не довольствовались тем, что получали от грабежей, но большая часть из них были бедными людьми, которых удерживало от дезертирства беспокойство о своих

родственников: они не могли надеяться сбежать вместе со своими женами и детьми, не вызвав подозрений у мятежников, и не могли думать о том, чтобы оставить своих родственников на произвол грабителей из-за себя; даже более, суровость голода сделала их смелыми в этом выходе: так что им не оставалось ничего другого, как только, скрываясь от разбойников, попасть в руки врага; а когда их собирались схватить, они были вынуждены защищаться, боясь наказания: после сражения они поняли, что уже слишком поздно просить о пощаде, поэтому их сначала выпороли, а затем подвергли всевозможным пыткам, прежде чем они умерли, а затем распяли у городской стены. Эта ужасная процедура вызвала у Тита большое сострадание к ним, хотя каждый день они ловили по пятьсот евреев, а в некоторые дни и больше; однако ему не казалось безопасным отпускать тех, кого схватили силой, а поставить охрану на стольких людей, как он понимал, сделало бы охранников бесполезными для него.

Главная причина, по которой он не запретил эту жестокость, заключалась в том, что он надеялся, что евреи, увидев это, возможно, сдадутся из страха, что впоследствии они сами могут подвергнуться такому же жестокому обращению. Итак, солдаты, из-за гнева и ненависти, которые они испытывали к иудеям, пригвоздили тех, кого поймали, одного за другим, к крестам, в качестве шутки; когда их толпа стала настолько велика, что не хватало места для крестов, а крестов не хватало для тел.

Но мятежники не только не раскаялись при этом печальном зрелище, но, напротив, убедили остальную толпу в обратном; ибо они привели на стену родственников тех, кто дезертировал, вместе с теми из народа, кто был очень охотен перейти на сторону предлагаемой им безопасности, и показали им, какие страдания перенесли те, кто бежал к римлянам; и сказали им, что те, кто был пойман, были их просителями, а не пленниками. Это зрелище удержало многих из тех, кто был в городе и так стремился дезертировать, пока не выяснилась правда; однако некоторые из них сразу же бежали, как к верному наказанию, считая смерть от рук врагов спокойным уходом, если сравнивать ее с голодной смертью.

Тогда Тит приказал отрубить руки многим из тех, кто был пойман, чтобы их не считали дезертирами и чтобы им поверили из-за бедствия, в котором они находились, и послал их к Иоанну и Симону с увещанием, чтобы они наконец прекратили (свое безумие) и не заставляли его разрушать город, благодаря чему они получили бы преимущества покаяния даже в своем крайнем бедствии, сохранив свои жизни, свой прекрасный город и храм, который был их особой гордостью. Затем он обошел насыпанные валы и призвал их к скорейшему действию, чтобы показать, что его слова вскоре будут подкреплены делами. В ответ на это мятежники обрушили упреки на самого Цезаря и на его отца и громко кричали, что они презирают смерть и поступают правильно, предпочитая ее рабству; что они причинят римлянам все возможное зло, пока в них остается дыхание; и что, поскольку их город, по его словам, будет разрушен, они не беспокоятся о нем, и что сам мир является лучшим храмом для Бога, чем этот. Однако этот храм будет сохранен тем, кто в нем обитает, кого они все еще считают своим помощником в этой войне, и поэтому они смеялись над всеми его угрозами, которые не принесут никакого результата, потому что исход всего зависит только от Бога. Эти слова были перемешаны с упреками, и вместе с ними они подняли громкий шум.

Так что всякая надежда на спасение была теперь отрезана от иудеев, вместе с их свободой выйти из города. Тогда голод расширил свое распространение и пожирал людей целыми домами и семьями; верхние комнаты были полны женщин и детей, умирающих от голода; а улочки города были полны трупов стариков; дети и молодые люди бродили по рынкам, как тени, все опухшие от голода, и падали замертво там, где их настигала беда. Что касается их погребения, то те, кто были сами больны, не могли этого сделать; а тех, кто были здоровы и

сильны, от этого удерживало огромное количество трупов и неопределенность того, как скоро они сами умрут; ибо многие умирали, когда хоронили других, и многие уходили в гробы еще до наступления рокового часа!

Никто не оплакивал этих бедствий, не слышалось никаких скорбных стенаний; голод заглушил все естественные страсти, и те, кто был на грани смерти, смотрели на умерших до них с сухими глазами и открытыми ртами.

Глубокая тишина и своего рода смертельная ночь окутали город; при этом грабители были еще страшнее, чем сами эти бедствия, ибо они взламывали дома, которые были не чем иным, как могилами для трупов, и грабили их, забирая все, что в них было; унося с собой покрывала, которыми были накрыты тела, они выходили, смеясь, и испытывали острие своих мечей на трупах; а чтобы доказать, из какого они теста, пронзили некоторых из тех, кто еще лежал живым на земле; но тем, кто умолял их дать им свою правую руку и свой меч, чтобы покончить с собой, они были слишком горды, чтобы удовлетворить их просьбы, и оставили их умирать от голода. Все они умерли, устремив взоры на храм, и оставили после себя мятежников. Сначала мятежники приказали похоронить мертвых за счет государственной казны, так как не могли терпеть зловония их трупов. Но потом, когда они не смогли этого сделать, они сбросили их со стен в долины вниз.

Однако, когда Тит, обходя эти долины, увидел их полными трупов и густой гнилью, он застонал, простер руки к небу и призвал Бога свидетелем, что это не его дело.

Некоторые из дезертиров, не имея другого выхода, сразу же спрыгнули со стены, а другие вышли из города с камнями, как будто собирались сражаться, но после этого они бежали к римлянам; однако здесь их постигла судьба хуже той, что их ждала в городе; и они встретили более быструю смерть от избытка, который был у римлян, чем от голода среди евреев; ибо, когда они впервые пришли к римлянам, они были раздуты голодом и опухли, как люди, страдающие водянкой; после чего все они внезапно переполнили свои тела, которые прежде были пустыми, и разорвались, за исключением тех, кто был достаточно искусен, чтобы сдерживать свой аппетит, и постепенно принимал пищу в свои непривычные к ней тела.

Но еще одна беда обрушилась на тех, кто был таким образом спасен; среди сирийских дезертиров был обнаружен некий человек, который был пойман на том, что собирал кусочки золота из экскрементов евреев, — дезертиры проглатывали такие кусочки золота, когда они выходили, — и за этим мятежники обыскивали всех, ибо в городе было большое количество золота, так что теперь (в римском лагере) за двенадцать аттических драхм продавалось столько же, сколько раньше продавалось за двадцать пять; но когда этот трюк был обнаружен в одном случае, весть об этом распространилась по их лагерям, что дезертиры пришли к ним, полные золота. Так что множество арабов вместе с сирийцами разрезали тех, кто приходил с просьбами, и обыскивали их животы. И мне не кажется, что с евреями случилось какое-либо бедствие, более ужасное, чем это, поскольку за одну ночь около двух тысяч этих дезертиров были таким образом расчленены.

Что же касается Иоанна, то, когда он больше не мог грабить народ, он прибег к святотатству и переплавил многие священные сосуды, которые были подарены храму, а также многие сосуды, необходимые для тех, кто служил святыням, котлы, блюда и столы; даже от тех сосудов для возлияний, которые были посланы им Августом и его женой, он не воздержался; ибо римские императоры всегда почитали и украшали этот храм. В то время как этот человек, который был иудеем, захватил пожертвования иностранцев и сказал тем, кто был с ним, что им надлежит без страха пользоваться божественными вещами, пока они сражаются за Божество, и что те, кто сражается за храм, должны жить за счет храма; по этой причине он опустошил сосуды со священным вином и маслом, которые священники

хранили для возлияний на всесождения и которые находились во внутреннем дворе храма, и раздал их толпе, которая, помазывая себя и пья, использовала (каждый из них) более одного гина. И здесь я не могу не высказать свое мнение и то, что подсказывает мне моя озабоченность, а именно: Я полагаю, что если бы римляне еще дольше затягивали с наступлением на этих злодеев, город был бы либо поглощен землей, открывшейся над ними, либо затоплен водой, либо уничтожен таким громом, каким погибла страна Содом, ибо он породил поколение людей, гораздо более безбожных, чем те, кто понес такое наказание, ибо именно из-за их безумия весь народ был уничтожен.

И действительно, зачем я рассказываю об этих конкретных бедствиях? — в то время как Манеус, сын Лазаря, прибежал к Титу в этот самый момент и сообщил ему, что через те ворота, которые были вверены его заботе, было вынесено не менее ста пятнадцати тысяч восьмисот восьмидесяти трупов, в промежутки между четырнадцатым днем месяца Ксантик (Нисан), когда римляне разбили свой лагерь у города, и первым днем месяца Панемус (Таммуз). Это было само по себе огромное количество; и хотя этот человек сам не был назначен управляющим этих ворот, он был назначен выплачивать государственную стипендию за вывоз этих тел и поэтому был вынужден их пересчитать, в то время как остальные были похоронены своими родственниками, хотя все их похороны сводились к тому, чтобы увезти их и выбросить за пределы города. После этого многие из видных граждан побежали к Титу и сообщили ему общее число умерших бедняков; и что не менее шестисот тысяч были выброшены за ворота, хотя число остальных по-прежнему не могло быть установлено; и они рассказали ему далее, что, когда они больше не могли выносить тела умерших бедняков, они складывали их в кучи в очень больших домах и запирали их там; а также что медимн пшеницы продавался за талант; и что когда через некоторое время стало невозможно собирать траву, потому что город был полностью обнесен стеной, некоторые люди были вынуждены дойти до такого ужасного отчаяния, что стали рыться в общественных сточных канавах и старых навозных кучах скота и есть навоз, который они там находили; и то, что раньше они не могли даже смотреть, теперь они использовали в пищу. Когда римляне услышали все это, они посочувствовали их положению; а мятежники, которые тоже это видели, не раскаялись, но подвергли себя той же беде, ибо они были ослеплены судьбой, которая уже обрушилась на город и на них самих.

Теперь число погибших от голода в городе было огромным, а страдания, которые они перенесли, были невыразимы; ибо если где-либо появлялась хотя бы тень какой-либо пищи, сразу же начиналась война; и самые дорогие друзья сражались друг с другом из-за нее, отнимая друг у друга самые жалкие средства к существованию. Люди не верили, что у умирающих не было еды, и грабители обыскивали их, когда они были при смерти, чтобы никто не спрятал еду в груди и не притворился умирающим. Более того, эти грабители, измученные голодом, бегали, спотыкаясь и шатаясь, как бешеные собаки, и натыкались на двери домов, как пьяные, в своем великом отчаянии они врывались в одни и те же дома по два-три раза в день. Более того, их голод был настолько невыносим, что заставлял их жевать все подряд, собирать то, к чему не прикоснулись бы самые гнусные животные, и терпеть, чтобы съесть это; в конце концов они не пощадили даже пояса и обувь; они срывали и грызли кожу, из которой были сделаны их щиты; для некоторых пищей становились даже пучки старого сена; а некоторые собирали волокна и продавали их по очень низкой цене — четыре аттические драхмы за небольшой вес. Но зачем я описываю бесстыдную наглость, которую голод вызывал у людей, заставляя их есть неодушевленные предметы, если я собираюсь рассказать о факте, подобного которому нет ни в греческой, ни в варварской истории! Ужасно говорить об этом, и невероятно, когда слышишь. Я бы с удовольствием опустил это наше бедствие, чтобы не казаться тем, кто передает потомкам столь зловещее событие, но у меня есть бесчисленные свидетели этого в моем собственном веке; кроме

того, моя страна имела бы мало причин благодарить меня за то, что я скрыл бедствия, которые она пережила в это время.

За Иорданом жила одна женщина по имени Мария; ее отец был Елеазар из деревни Бетезуб, что означает «Дом иссопа». Она была известна своей семьей и богатством, бежала в Иерусалим вместе с остальной толпой и в это время была с ними в осаде. Другие вещи этой женщины уже были конфискованы, то есть те, которые она привезла с собой из Переи и перевезла в город. То, что она хранила помимо этого, а также то, что ей удалось спасти из продовольствия, было также унесено алчными стражниками, которые каждый день прибегали в ее дом с этой целью. Это привело бедную женщину в ярость, и своими частыми упреками и проклятиями, которые она бросала этим алчным злодеям, она вызвала их гнев против себя; но никто из них, ни из-за возмущения, которое она вызвала, ни из сострадания к ее положению, не хотел лишить ее жизни; и если она находила какую-нибудь пищу, то понимала, что ее труды были для других, а не для нее самой; и теперь ей стало невозможно найти еще какую-либо пищу, в то время как голод пронзал ее внутренности и кости, а ее страсть разгоралась до такой степени, что превосходила сам голод; и она не советовалась ни с чем, кроме своей страсти и необходимости, в которой находилась.

Тогда она предприняла самое неестественное действие; схватив своего сына, который был младенцем, сосавшим ее грудь, она сказала: «О, несчастный младенец! Для кого я должна сохранить тебя в этой войне, этом голоде и этом мятеже? Что касается войны с римлянами, то если они сохраняют нам жизнь, мы должны будем быть рабами! Этот голод уничтожит нас еще до того, как мы станем рабами, — но эти мятежные негодяи страшнее обоих. Давай, будь моей пищей, будь яростью для этих мятежных негодяев и позором для всего мира, что является всем, чего не хватает, чтобы завершить бедствия нас, евреев».

Как только она это сказала, она убила своего сына, а затем зажарила его, съела одну половину и спрятала другую. В это время пришли мятежники и, почувствовав ужасный запах этой пищи, пригрозили ей, что немедленно перережут ей горло, если она не покажет им, какую пищу она приготовила. Она ответила, что приберегла для них очень хорошую порцию, и при этом открыла то, что осталось от ее сына. Тогда они были охвачены ужасом и изумлением и стояли в ошеломлении от увиденного, когда она сказала им:

«Это мой собственный сын, и то, что было сделано, было моим собственным делом! Приходите, ешьте эту пищу, ибо я сама ела ее! Не притворяйтесь, что вы более нежны, чем женщина, или более сострадательны, чем мать; но если вы так щепетильны и презираете мою жертву, то, поскольку я съела половину, оставьте остальное для меня».

После этого те люди вышли, дрожа, никогда не испытывая такого ужаса, как от этого, и с некоторым трудом оставили остатки еды матери. После этого весь город сразу же наполнился слухами об этом ужасном поступке; и пока все представляли себе эту печальную картину, они дрожали, как будто этот неслыханный поступок был совершен ими самими. Так что те, кто страдал от голода, очень хотели умереть, а тех, кто уже умер, считали счастливыми, потому что они не прожили достаточно долго, чтобы услышать или увидеть такие страдания.

Об этом печальном случае быстро рассказали римлянам, некоторые из которых не могли в это поверить, а другие сочувствовали бедствиям, которые постигли евреев; но многие из них были этим побуждены к еще более жестокой, чем обычно, ненависти к нашему народу; а Цезарь оправдался перед Богом в этом вопросе и сказал, что он предложил евреям мир и свободу, а также забвение всех их прежних дерзких поступков; но они вместо согласия выбрали мятеж, вместо мира — войну, а вместо сытости и изобилия — голод. Что они

своими руками начали сжигать тот храм, который мы сохранили до сих пор, и поэтому заслужили такую пищу, как эта. Однако это ужасное деяние — поедание собственного ребенка — должно быть покрыто гибелью самой их страны; и люди не должны оставлять на обитаемой земле такой город, где матери питаются таким образом, хотя такая пища больше подходит отцам, чем матерям, поскольку именно они продолжают вести войну против нас, перенеся такие страдания. И в то же время, когда он говорил это, он размышлял о том, в каком отчаянном положении должны находиться эти люди; он не мог ожидать, что такие люди смогут прийти в себя после того, как перенесли те страдания, от которых, вероятно, они могли бы уберечься, если бы раскаялись.⁴

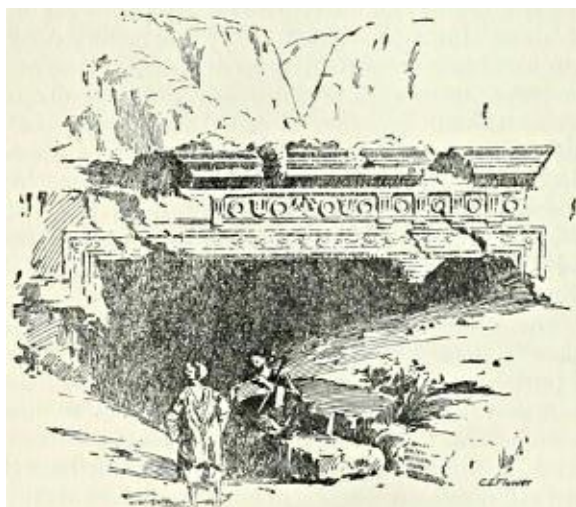
КОНЕЦ ИСТОРИИ ЕВРЕЕВ

Однако, несмотря на такой жестокий голод, война продолжалась, и сопротивление продолжалось. Вскоре тараны пробили брешь в стене Антонии, и Тит призвал своих солдат взобраться на брешь, но только один солдат, Сибанус, и одиннадцать других откликнулись, и они были сразу же разгромлены. Однако через две ночи двадцать четыре солдата пробрались в пролом, и Антония была взята. Тит сразу же предложил милосердие, и многие приняли его предложение, но остальные бежали в Сион и храм. Затем он созвал военный совет, чтобы решить, следует ли спасти храм; многие из его генералов были за его разрушение, но Тит приказал потушить пламя, назначив на следующий день окончательный штурм. Но даже римская дисциплина не могла удержать разъяренных солдат, и один из них бросил горящий факел в позолоченную решетку портика. «Пламя вспыхнуло сразу. Евреи одновременно вскрикнули и схватились за мечи с яростным намерением отомстить и погибнуть в руинах храма. Тит бросился вниз со всей скоростью: он кричал, давал знаки своим солдатам потушить огонь, но его голос заглушался, а знаки оставались незамеченными в слепом замешательстве. Легионеры либо не могли, либо не хотели слышать: они бросились вперед, топча друг друга в яростной спешке или спотыкаясь о руины, и погибли вместе с врагом. Каждый подбадривал другого, и каждый бросал свой горящий факел во внутреннюю часть здания, а затем спешил к своей работе по уничтожению. Тысячи безоружных и беззащитных людей были убиты; они лежали, словно жертвы, вокруг алтаря; по ступеням храма текли потоки крови, смывавшие лежавшие на них тела».

Сам Тит вошел в Святая Святых до того, как пламя достигло святилища, и последним усилием попытался спасти его, но в его присутствии его солдаты подожгли большую дверь, и здание вскоре охватило пламя.

Так был разрушен Иерусалим. Иосиф Флавий считает, что число людей, погибших в этой осаде, составило один миллион сто тысяч, и хотя это, вероятно, преувеличение, не исключено, что такое количество людей действительно погибло, если вспомнить, что значительная часть мужского населения Иудеи собралась в Иерусалиме на Пасху. Преследования оставшихся евреев вскоре начались в Антиохии, где несколько евреев были сожжены и подвергнуты пыткам. К чести Тита, эти преследования были прекращены, а его солдаты получили выговор: «Страна иудеев разрушена — туда они не могут вернуться: было бы жестоко не дать им дома, куда они могли бы вернуться — оставьте их в покое». Добыча, захваченная в Иерусалиме, была настолько огромна, что вызвала огромное падение стоимости золота и серебра по всей Азии, и это несмотря на то, что сокровища храма были сожжены и уничтожены.

Восстание продлилось немного дольше в районе Мертвого моря. Замок Иродион вскоре пал; Махерус сдался, но мужчины были убиты, а женщины и дети отправлены в рабство. Масада продержалась до 73 года, когда гарнизон, видя безнадежность своего положения, убил своих жен и детей, а затем и себя, подожгив замок. Евреи в других частях мира перенесли много бедствий и предприняли несколько попыток восстания под руководством zelотов, но постепенно все сопротивление было кроваво подавлено, и евреи, погибшие сотнями тысяч, перестали быть народом. Как сказал Мунк, «почти вся Иудея превратилась в пустыню; в города вошли волки и гиены».а

Вход в Гробницу царей, Иерусалим

С того дня у евреев не было важной истории. Экстремистская партия пророков и zelотов, которая была также националистической партией, перестала существовать; она была утоплена в крови. Что касается священников и раввинов, то они давно вышли из конфликта, но именно благодаря им евреи, полностью утратив свое национальное существование, смогли просуществовать до наших дней как религиозная община. «Отрекшись от надежды играть политическую роль, — говорит Мунк, — евреи-ы направили все свои усилия на достижение моральной цели и полностью посвятили себя укреплению своего религиозного единства». Наконец убедившись, что их миссия как политического образования закончилась и что святилище в Иерусалиме с его священниками и жертвоприношениями больше не может быть символом, вокруг которого должны собираться разбросанные остатки

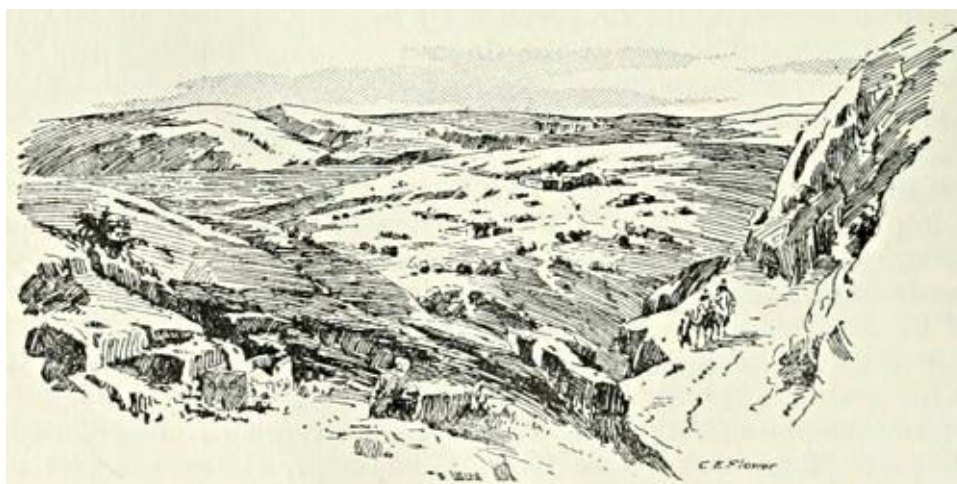
еврейского народа, они сложили оружие и стали искать мирные пути и интеллектуальные методы, чтобы укрепить себя как религиозную общину. Некоторое время Палестина оставалась главным центром религиозных исследований, а раввины поселились в нескольких городах Галилеи, в частности в Сефорисе и Тивериаде. Из школы в Тивериаде, основанной около 180 года, вышел знаменитый раввин Иегуда, прозванный Святым, который собрал неполные кодексы и традиционные законы школ фарисеев и в первой четверти III века сформировал из них огромную систему законов, известную под названием *Мишна*, или Второй закон. Этот кодекс разделен на шесть частей, называемых *Седарим*, или порядками. Каждая из шести частей подразделяется на несколько трактатов, а каждый трактат — на главы. Этот свод был аннотирован, обсужден и дополнен сначала палестинской, а затем вавилонской школой, и каждая школа впоследствии составила сборник этих аннотаций и обсуждений. Этим сборникам, которые были гораздо более объемными, чем *Мишна*, служащая их текстом, было дано название *Гемара*, «Дополнение». *Мишна* и *Гемара* вместе образуют *Талмуд*, «Учение».

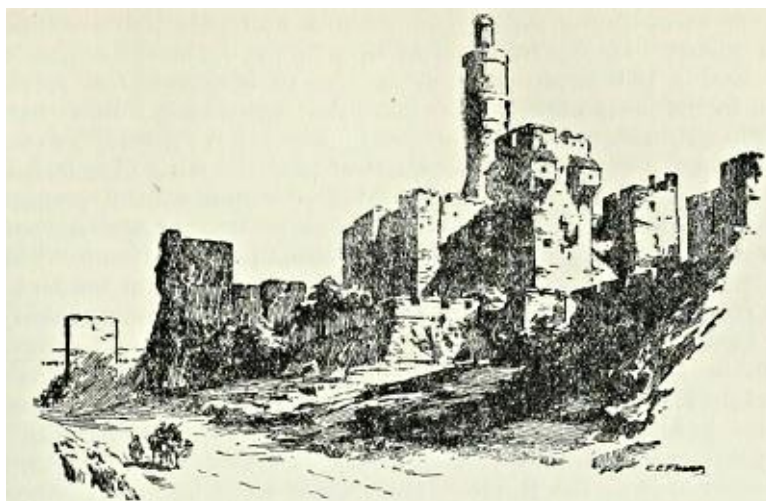
Зелоты, погибшие в борьбе за независимость или в массовых убийствах, последовавших за их поражением, и раввины, трудившиеся в неизвестности и тишине, составляли лишь сравнительно небольшую часть еврейского населения, и мы вполне можем спросить, что стало с бесчисленными рабами, наводнившими империю после падения Иерусалима. Не все они погибли в тяжелых трудах Колизея. При Адриане произошел новый приток еврейских рабов; Дион Кассий, который говорит о пятистах восьмидесяти тысячах мужчин, убитых в ходе войны, ничего не говорит о женщинах и детях. Мы не можем сомневаться, что они были проданы, согласно общепринятому обычаю. Ренан говорит, что на ежегодной ярмарке в Терebinте, недалеко от Хеврона, евреев можно было купить по той же цене, что и лошадей. Однажды купленные, они больше не подвергались риску смерти от голода или нищеты, поскольку раб, даже купленный по цене лошади, представлял собой денежную ценность, которую его хозяин не был заинтересован терять. Среди своих единоверцев, таких же рабов, как и они сами, или вольноотпущенников, эти несчастные существа находили жалкое братство бедняков, изобретательных в своих уловках. Все мелкие безымянные ремесла давали ресурсы этой униженной расе, беспринципной, искусно эксплуатирующей пороки правящих классов, вооруженной вескими причинами не любить человеческий род. Смешавшись с рабами других рас, они передавали им фанатизм своего гнева и надежды на месть. Эта месть впоследствии была отложена на далекое будущее, но в то время, страдая от воспоминаний о недавней катастрофе, они мечтали о ней как о полной и неминуемой. Пусть мир придет к концу, раз уж ничего не может его исправить; пусть он погрузится в бездонную пропасть со всеми своими пороками, мучениями изгоев жизни, бесчисленными угнетениями и неискупимыми бедами! Час избавления близок, и проклятые пойдут в вечный огонь, там будет плач и скрежет зубов. Падение еврейского народа сыграло на руку христианской пропаганде. С того времени мы все реже слышим о евреях и все чаще о христианах.

Неизбежным следствием военного правления является то, что после каждого завоевания побежденные навязывают свои идеи победителям. Когда Рим покорил Грецию, он сам подчинился господству эллинистического духа, который навязал римлянам свои формы искусства, свою литературную культуру, свою мифологию и свою философию. Рим, покоритель Азии, был захвачен азиатской роскошью, Восток открыл Западу шлюзы своих суеверий, чувственных, мрачных, безумных или аскетических; не говорили ни о чем, кроме таинств, погребальных пиров, гороскопов, магии, очищений, Исиды и Митры, страсти Аттиса, умерших и воскресших богов. Египет обожествлял фараонов, Рим обожествлял цезарей. Наконец, Иудея, последняя провинция, завоеванная римлянами, была последней, кто навязал миру свои религиозные представления. Неясные традиции презираемого

народа были обречены занять место славных воспоминаний о Греции и Риме. Монархия требовала монархической религии. Республика исчезла с лица земли, ее нельзя было оставить на небесах. Новые изображения богов все еще стояли в их храмах, но со времен Августа единственным богом империи был император. Поскольку совесть завоевателей мира не восстала против апофеоза тиранов, завоеванные имели полное право искать среди своих рядов более достойный объект. Только одна нация отказалась поклоняться императорам. Эта нация была предназначена дать Бога на ближайшие столетия. Выражаясь высокомерными словами одного из современных евреев, этот народ сказал миру: «Пока ты не способен понять меня, вот человек моей расы, сделай его своим богом». Человечество нашло свой социальный идеал в рабстве; было справедливо, что виселица рабов стала символом религии человеческого рода.

Таким образом, в великой христианской синтезе поклонение Богу-человеку, которое обобщает весь греческий антропоморфизм, заняло свое место рядом с иудейским монотеизмом. С принципом всеобщего порядка, источником и причиной вещей, в единстве Божественного было связано моральное закон в его высшей форме, самопожертвование и искупление через страдание. Но в то время как другие религии, будучи введенными в империи, позволили сохраниться традициям и памятникам греко-римской цивилизации, монистическая религия семитской расы была обречена на то, чтобы исключить все другие религиозные формы и стереть их следы. Подобно ветру пустыни, уничтожающему все на своем пути, одинокий Бог Синая должен был смести все творения прошлого. Поэтому несколько веков спустя Рутилиус Нуматиан, последний из языческих поэтов, воскликнул среди руин цивилизации и империи: «Дай бог, чтобы Иудея никогда не была завоевана! Чума, искорененная там, распространилась за границей, и побежденная нация угнетает своих завоевателей». Если бы этот поэт имел хоть немного живой веры тех, кого он презирал, если бы религия была для него чем-то большим, чем литературная форма, он бы признал, что это завоевание мира еврейской мыслью было лишь справедливой местью за ужасные войны Тита и Адриана и ярким доказательством справедливости богов. События человеческой истории не являются ни результатом капризного случая, ни этапами необходимой эволюции, а моральными последствиями великого закона равновесия и искупления, который является немезидой истории.⁴

Башня Давида, Иерусалим

ГЛАВА XV. ЕВРЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Если можно в каком-то смысле обобщить нацию, то национальная идея евреев как единого целого была сформулирована Гегелем в противоположность идеям других народов. Он говорит: в то время как у финикийцев духовное еще было ограничено природой, у евреев мы видим его полностью очищенным — чистым продуктом мысли. Самосознание появляется в области сознания, и духовное развивается в резком контрасте с природой и соединением с ней. Правда, на более раннем этапе мы наблюдали чистое понятие «Брахма», но только как всеобщее существо природы; и с тем ограничением, что Брахма сам по себе не является объектом сознания. У персов мы видели, как это абстрактное существо стало объектом сознания, но это было чувственное интуитивное восприятие — как Свет. Но идея Света на этом этапе продвинулась до идеи «Иеговы» — чистого Единого. Это образует точку раздела между Востоком и Западом; Дух нисходит в глубины своего собственного бытия и признает абстрактный фундаментальный принцип как Духовное. Природа, которая на Востоке является первичным и фундаментальным существованием, теперь понижена до состояния простого творения; и Дух теперь занимает первое место. Бог известен как создатель всех людей, как он является создателем всей природы и как абсолютная причинность в целом. Но этот великий принцип, как дальнейшее условие, является исключительным Единством.

Эта религия обязательно должна обладать элементом исключительности, который заключается в том, что только один народ, который ее принимает, признает одного Бога и признается Им. Бог еврейского народа является Богом только Авраама и его потомков: национальная индивидуальность и особое местное поклонение связаны с такой концепцией божества. Перед Ним все другие боги являются ложными: более того, различие между «истинным» и «ложным» является довольно абстрактным; что касается ложных богов, то считается, что в них не светит ни один луч Божественного. Но каждая форма духовной силы, и тем *более* каждая религия, имеет такую природу, что, каким бы ни был ее особый характер, в ней обязательно содержится утвердительный элемент.

Какой бы ошибочной ни была религия, она обладает истиной, хотя и в искаженном виде. В каждой религии есть божественное присутствие, божественное отношение; и философия истории должна искать духовный элемент даже в самых несовершенных формах. Но из этого не следует, что, поскольку это религия, она поэтому хороша. Мы не должны впадать в

слабое представление о вседозволенности (), что содержание не имеет значения, а важна только форма. Такая широкая терпимость не допускается иудейской религией, которая является абсолютно исключительной.

Духовное здесь выражается абсолютно свободно от чувственного, а природа сводится к чему-то чисто внешнему и небожественному. Это истинная и правильная оценка Природы на данном этапе; только на более поздней стадии идея может достичь примирения (признать себя) в этой своей чуждой форме. Ее первые проявления будут противостоять Природе; ибо Дух, который до сих пор был опозорен, теперь впервые обретает свое должное достоинство, в то время как Природа возвращается на свое надлежащее место. Природа воспринимается как имеющая основу своего существования в другом — как нечто постулированное, сотворенное; и эта идея, что Бог является господином и создателем Природы, приводит людей к тому, что они рассматривают Бога как Возвышенного, в то время как вся Природа является лишь Его одеянием славы и служит Ему.

В противоположность этому виду возвышения, индуистская религия представляет только бесконечность. В силу преобладающей духовности чувственное и безнравственное больше не являются привилегированными, а презираются как безбожные. Только Единое — Дух — Нечувственное является истиной; Мысль существует свободно для себя, и теперь могут проявиться истинная нравственность и праведность; ибо Бог почитается праведностью, а праведное поведение — это «хождение по пути Господню».

С этим соединяются счастье, жизнь и временное процветание как награда; ибо сказано: «дабы ты долго жил на земле». — Здесь тоже у нас есть возможность исторического взгляда; ибо понимание стало прозаичным; оно ставит ограниченное и ограниченное на свое место и понимает его как форму, присущую конечному существованию: люди рассматриваются как индивидуумы, а не как воплощения Бога; Солнце как Солнце, горы как горы — а не как обладающие Духом и Волей.

Мы наблюдали среди этого народа строгий религиозный обряд, выражающий отношение к чистой Мысли. Индивидуум как конкретное не становится свободным, потому что само Абсолютное не понимается как конкретный Дух, поскольку Дух все еще представляется как недуховный — лишенный своих собственных характеристик. Правда, субъективные чувства проявляются — чистое сердце, покаяние, преданность; но конкретная индивидуальность не стала объективной для себя в Абсолюте. Поэтому она остается тесно связанной с соблюдением обрядов и Закона, основанием которого является чистая свобода в ее абстрактной форме. Евреи обладают тем, что делает их такими, какие они есть, через Единого: следовательно, индивид не имеет свободы для себя. Спиноза считает, что закон Моисея был дан евреям Богом в качестве наказания — розги исправления. Индивид никогда не приходит к сознанию независимости; по этой причине мы не находим среди евреев никакой веры в бессмертие души, поскольку индивидуальность не существует сама по себе и для себя.

Но хотя в иудаизме индивидуум не уважается, семья имеет внутреннюю ценность, поскольку поклонение Иегове связано с семьей и, следовательно, рассматривается как существенное существование. Но государство — это институт, несовместимый с иудейским принципом, и он чужд законодательству Моисея. В представлении евреев Иегова — это Бог Авраама, Исаака и Иакова, который повелел им выйти из Египта () и дал им землю Ханаанскую. Рассказы о патриархах привлекают наше внимание. В этой истории мы видим переход от патриархального кочевых образа жизни к земледелию.

В целом еврейская история демонстрирует величественные черты характера, но она обезображена исключительным отношением (санкционированным в их религии) к гению других народов (даже было приказано уничтожить жителей Ханаана), общим недостатком

культуры и суеверием, возникающим из идеи высокой ценности их особой национальности. Чудеса также являются тревожной чертой этой истории — как истории; поскольку, насколько конкретное сознание не свободно, конкретное восприятие также не свободно; природа не обожествляется, но еще не понята.^b

ЖИЗНЬ И ОБЫЧАИ ИЗРАИЛЬТЯН

Искупительные жертвоприношения израильтян регулировались предписаниями, которые были более многочисленны, чем сами жертвоприношения. Если кто-либо нарушал Законы Торы, или Книги Закона, он был обязан немедленно принести в жертву молодого быка; жир и почки быка сжигались перед Яхве, а кожа, голова, ноги, желудок и мясо сжигались за пределами лагеря. Если грешило все сообщество, то старейшины или главы семейств должны были принести эту жертву. Любой, кто не мог позволить себе быка, мог заменить его козлом или молодым ягненком, если он был свидетелем проклятия, но не объявил о нем, или если он сам богохульствовал, или прикоснулся к телу нечистого животного или к любой другой нечистоте. Бедный человек был обязан принести только двух голубей или голубей, одного в качестве жертвы за грех, другого в качестве жертвы. Если он был действительно очень беден, он довольствовался тем, что приносил десятую часть ефы муки, не добавляя масла или ладана для жертвы.

Мирная жертва приносилась после обета или благочестивого поступка, или после благодеяния, за которое сын Израиля хотел поблагодарить Яхве. Закон также предписывал несколько мирных жертв, таких как баран, приносимый назореем, одновременно с принесением жертвы. На празднике Первых плодов евреи приносили двух годовалых ягнят, которые принадлежали священникам. Священник получал только грудь и правое плечо других мирных жертвоприношений, а остальная часть жертвы составляла часть великолепного пира, на который приглашалось все племя и от которого, вероятно, произошли христианские праздники.

Помимо жертв, выбранных для этих трех видов жертвоприношений, были еще две другие — молодая корова и красная корова, которые приносились в жертву в особых случаях. Когда в стране находили тело убитого человека, старейшины и главы семейств из окрестных городов собирались вместе. Когда тщательно определялось место, ближайшее к месту совершения убийства, старейшины этого города или поселка были обязаны отвести молодую телку, которая еще не работала, в суровую и не возделанную долину. Там, перевернув корову, старейшины в присутствии священников омывали руки над жертвами, убитыми в долине, и пели. Поскольку виновный оставался неизвестным и не искупал своего преступления, принесенная в жертву телка служила искуплением вместо него.

Красная телка, вполне взрослая, но никогда не запрягавшаяся в ярмо, была убита и сожжена целиком *кохен-хакаделем*, который семь раз окропил вход в скинию пальцем, обмакнутым в кровь жертвы. Пепел коровы собирали для приготовления очистительной воды (воды отделения), которая очищала людей от прикосновения к трупам. Возможно, корова, принесенная в жертву, символизировала грех и нечистоту. У египтян красный цвет, по-видимому, считался злым цветом (). Несомненно, именно поэтому евреи выбрали корову этого цвета в качестве жертвы за грехи.

От всего народа ожидалось, что он будет приносить дары Яхве, не считая частных подношений, которые добавлялись ко всем этим пожертвованиям. Закон определял

некоторые из них. Бедные, которые не могли принести в жертву двух голубей или двух своих детей в качестве жертвы за грех, могли вместо этого принести десятую часть эйфы муки без масла и ладана. Муж, который сомневался в целомудрии своей жены, приводил ее к священникам, чтобы испытать ее, но сначала приносил в жертву ячмень в качестве жертвы ревности.

В первый день, когда священник осуществлял свои полномочия, он приносил десятую часть эйфы муки. Он приносил половину утром, а половину вечером. Согласно *Талмуду* и Иосифу Флавию, первосвященник должен был каждый день приносить жертвы. Это приношение должно было быть съедено целиком; что же касается других подарков, то только горсть из них сжигалась, а остальное отдавали священникам. К установленным религией жертвоприношениям добавлялись также добровольные пожертвования и те, которые были результатом обетов.

Сыны Израиля приносили благоухающие духи и сжигали их на алтаре, только Яхве было позволено вдыхать их аромат. «Кто изготовит эти духи для собственного использования, тот будет изгнан из своего народа».

Каждый первенец принадлежал Яхве; через месяц после рождения ребенка нужно было принести в храм и выкупить за пять сиклей максимум. Что касается первенцев животных, то их приносили в жертву мира, а мясо доставалось священникам. Если это было нечистое животное, его можно было продать или убить на благо скинии.

Помимо этих жертвоприношений, которые в большинстве случаев совершались в неопределенное время, евреи праздновали праздники в честь Яхве. Каждую неделю они должны были соблюдать субботу, воздерживаясь от работы. Это было в память о покое Яхве, седьмой день после того, как он сотворил мир. Возможно, это число семь, столь особенно любимое евреями, которое для них означало окончание определенных периодов дней и лет, было также воспоминанием об Египте. Великая жалоба по смерти Осириса длилась семь дней. В течение того же времени в Финикии оплакивали смерть Адониса, божественного юноши, убитого зубами дикого кабана.

В субботний день были запрещены любые занятия, даже сбор дров или приготовление пищи. Не разрешалось путешествовать дальше, чем на расстояние в две тысячи шагов за пределы города. Все религиозные обряды, а также военные операции в этот день проводились так же, как и в другие дни. Только после изгнания, когда народ охватил дух узкого фанатизма, еврейские солдаты в определенные моменты предпочитали погибнуть, чем нарушить покой субботы, участвуя в сражениях. Первоначально разница между субботой и другими днями заключалась только в отсутствии работы и жертвоприношении двух ягнят, за которым следовало возлияние, которое должно было совершаться в середине дня. Позже, когда по всей Палестине появились синагоги, все ходили туда в субботу, чтобы вместе молиться и слушать объяснение Закона из уст раввина. Суббота начиналась, как и все дни у евреев, с заходом солнца и заканчивалась на следующий вечер.

Каждые семь лет земля также имела субботу. В течение всего года она отдыхала. Людям запрещалось возделывать землю, сеять, обрезать виноградные лозы или оливковые деревья. Все, что земля производила естественным путем и без посторонней помощи, доставалось землевладельцу, нищим и чужестранцам. В этот год также аннулировались все долги и рабство. Еврейский раб имел право покинуть своего хозяина через шесть лет; если он предпочитал остаться с ним, его ставили к двери и прокалывали ему ухо.

Египтяне праздновали праздник новолуния и различные фазы его хода. Евреи также праздновали новолуние; во время этого праздника приносили в жертву двух быков, барана и семь ягнят, к которым добавляли козла в качестве искупительной жертвы. К этому

добавлялись также подношения и возлияния. Несомненно, в новолуние устраивался торжественный пир, когда люди собирались, чтобы съесть принесенных в жертву животных.

Обычно праздник отмечался на следующий день после появления новолуния на небе.

Но главными праздниками Израиля были праздники Пасхи, Пятидесятницы, Кушей и День искупления. Первые три изначально были связаны с различными этапами сбора урожая, позже с ними стали ассоциироваться воспоминания о национальной жизни.

Социальная организация еврейского народа в определенной степени была результатом религиозных представлений. Яхве, господин и царь Израиля, управлял страной через Закон. Вожди были лишь заместителями Яхве, чья задача состояла в том, чтобы следить за соблюдением законов, переданных Моисеем. Все старшие сыновья евреев были равны, не было аристократии, низшего сословия, плебеев; ничто в Израиле не напоминало греческое или римское общество, разделенное на касты, единственной целью которых очень часто было уничтожение друг друга. С этим принципом равенства среди евреев, королевская власть и ее происхождение даже не входили в мысли израильтян. Если проанализировать политические и административные кодексы евреев, как они представлены в Пятикнижии и в последующей истории, то можно увидеть, что определенные великие собрания созывались вождями Израиля и состояли из старейшин, судей и писцов.

Старейшины, по-видимому, были главами семей. В каждом городе они образовывали своего рода местный совет и регулировали дела города; по-видимому, они также обладали довольно большой судебной властью. Закон давал им во многих случаях право выносить суждения и обеспечивать соблюдение Закона. Старейшины также формировали в важных случаях национальный совет, мудростью которого мог воспользоваться вождь евреев. В общих вопросах они, по-видимому, часто наделялись суверенными полномочиями. Именно старейшины Израиля пригласили Самуила выбрать царя. Позже они выбрали Давида, чтобы он правил Израилем. Было бы ошибкой считать этих старейшин аристократическим собранием, полным ненависти и привязанным к ненавистным привилегиям; они были естественными представителями семьи, членами разных родов, которые в определенные моменты выходили из тени смоковниц, чтобы у ворот регулировать дела города или высказывать свое мнение по общим интересам еврейского государства.

В каждом важном населенном пункте существовал трибунал, состоящий из судей. Левиты города, сведущие в законе, несомненно, входили в состав трибуналов. Судьи занимали очень почетные места и входили в состав всех великих собраний, где обсуждались интересы Израиля. Они занимали свою должность по выборам.

Писари, которые также избирались, помогали в больших собраниях. Они составляли образованную часть общества, сохраняя стиль, подобный египетским писцам. Они были привязаны к старейшинам или судьям, занимая должность генеалогов, а во время войн служили глашатаями командиров армии. Во главе писцов стоял начальник, обладавший определенными правами, которыми не обладали другие.

Чтобы обеспечить равенство прав для всего еврейского народа, Закон пытался установить, насколько это было возможно, равенство состояний. Каждые пятьдесят лет переданная собственность должна была возвращаться первоначальным владельцам, но это правило, по-видимому, почти не соблюдалось. Торговля и ростовщичество, основные источники инвестирования денег, были исключены Законом из этого правила, что сделало Израиль аграрной нацией. Израиль вскоре освободился от этих обязательств. Евреи были удивительным смешением идеализма и практического здравого смысла, что объясняет

многие противоречия в их характере. Даже сегодня евреи могут в удивительной степени сочетать самые земные детали с самыми высокими и благородными чувствами. Все самое идеалистическое в Израиле было собрано в Законе, но насколько жизнь евреев походила на их книгу?

Иностранцы и колонисты не подвергались плохому обращению в Израиле. Закон гарантировал защиту как евреям, так и колонистам. Но доброжелательность по отношению к хананеям и сыновьям Аммона и Моава была не очень велика. Им навсегда было запрещено пользоваться титулом гражданина. Ни они, ни бастарды, ни евнухи не могли занимать место в собрании Яхве. Но в третьем поколении сыновья Эдома и Мицраима были приняты в израильтяне при условии, что они подвергнутся обряду обрезания, которым евреи всегда отличались от язычников.

Брак считался абсолютной обязанностью, от которой никто не мог быть освобожден. Эта идея, безусловно, была одной из причин нравственности и могущества Израиля. Согласно Закону, женщина не была низшим существом, она была частью мужчины, носила то же имя, что и мужчина; он назывался *isch*, а она — *ischa*, с женским окончанием. Ни в Израиле, ни в Египте молодые девушки и молодые женщины не были закрыты от посторонних глаз. Никто не мог пользоваться большей свободой, чем Мириам и Дебора. Женщина, уважаемая и свободная, как ее представляли в стране, где уважали закон, прекрасно описана в конце Книги Притчей. Чем больше ценили женщину, тем суровее ее наказывали, когда она забывала о своих обязанностях.

Власть отцов над своими сыновьями и дочерьми до вступления в брак была очень велика. Последних можно было продать в рабство, но только на время. Однако закон запрещал отцу убивать своих детей. Чтобы приговорить сына к смерти, отец должен был обратиться к собранию старейшин, собравшимся у ворот города. Воспитанный в знании закона, сын долгое время оставался под властью отца, на которого он должен был работать даже после вступления в брак, который освобождал дочерей.

Как делилось наследство и существовало ли в Израиле право первородства? Старший сын, если у него не было дочери, имел право на две части отцовского наследства. Остальная часть делилась поровну между другими детьми. Что касается отца, то он не мог законно изменить свое завещание в пользу любимого сына. То, что Иаков сделал для Иосифа, еврейские законодатели хотели избавить будущие поколения. Израиль с гордыми Иосифами слишком страдал от фаворитизма, чтобы не отвергнуть его энергично. Закон фаворитизма, значительно уступающий праву старшинства по рождению, только питает лицемерие и разжигает ненависть и ревность в семьях. Когда мужчина умирал, оставив только дочерей, они делили наследство с обязательством выходить замуж только за членов своего племени. Если дочерей не было, наследство получали ближайшие родственники. Позже, отступив от Закона, главы семейств начали оставлять часть своего имущества либо дочерям, либо иногда рабам.

Это краткое изложение еврейского закона было бы неполным, если бы в нем не упоминалась интересная особенность общества Израиля — рабство. Как и все древние народы, Израиль имел рабов. Но закон смягчал их участь. Среди рабов были как евреи, так и иностранцы. Человек, который находился в крайней нужде, мог продать свою молодую дочь в рабство. Иногда сын ее хозяина был обязан жениться на ней. Еврей, неспособный заплатить штраф после кражи, был обязан сдаться человеку, у которого он украл. В крайнем случае он мог продать себя. Таковы были основные условия рабства в Израиле, но по истечении шести лет раб становился свободным и покидал своего хозяина, получив в награду ягнят, козлят и коз. Они также получали в подарок землю и домашнее белье. Но

если на восьмой год раб говорил своему хозяину: «Я не уйду от тебя», хозяин брал шило или долото и прокалывал ухо раба, прислонившегося к двери его дома: это было знаком вечного рабства.

Иностранцы становились рабами в Израиле, продавая себя или попадая в плен. Закон был к ним снисходителен. Они имели право участвовать в панегириках и радостях Яхве, делить трапезу и природные плоды субботних лет, а также отдыхать в субботний день. Если их хозяева калечили их, они были обязаны освободить их; свобода могла быть результатом сломанного зуба. Если раб умирал от жестокого обращения хозяина, хозяин подвергался страшному наказанию; как именно, не указано. Похоже, что однажды раб занимал должность управляющего; управление всем домом было в его руках.

^{3a} исключением отношений к Яхве, еврейский закон, по-видимому, находился под благотворным влиянием Египта и Ассирии; в каждом моменте вспоминалась прекрасная глава сxxv «Книги мертвых», где душа, оправдываясь перед Осирисом, после того как заявила, что выполнила заповеди милосердия, осмеливается добавить: «Я не пролила слез».

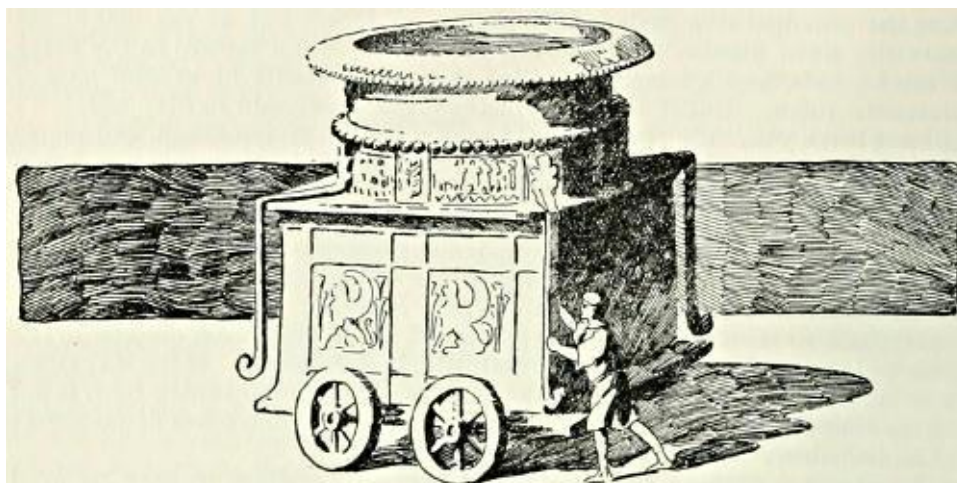
ЕВРЕЙСКОЕ ИСКУССТВО, АРХИТЕКТУРА: ХРАМ, ГРОБНИЦЫ И Т. Д.

В течение последних трех столетий многие ученые посвятили себя изучению искусства этого народа, сыгравшего столь выдающуюся роль в истории мира. Эти исследования были почти полностью сосредоточены на храме в Иерусалиме и его убранстве, поскольку именно здесь, где сосредоточивалась национальная жизнь, сосредоточивалось и все искусство, созданное этой страной. Более того, хотя остатки храма больше не находятся в наших руках и не видны нашим глазам, нет ни одного здания во всей восточной или классической древности, о котором мы обладали бы столь многочисленными и подробными сведениями.

Сегодня город Иерусалим занимает северную оконечность плато, которое ограничено с востока долиной Кидрон, а с юга и запада — долиной Хинном. Это плато разделено с севера на юг ущельем, называемым долиной Тиропоон («сыроделы»), таким образом, что образует два холма. Восточный холм — это гора Мория, южная оконечность которой, ныне называемая Офел, была Сионом, «городом Давида».

Когда Соломон взошел на престол, Иерусалим занимал только Сион и не распространялся на западный и более крупный холм, пока не пришли к власти цари Иудеи. Гора Мория на севере была отдана под сельское хозяйство, и богатый иерусалимский житель Арауна владел там полем с током, где верблюды и волы вытапывали зерно во время жатвы. Давид купил поле Арауны для строительства храма истинного Бога и воздвиг алтарь на току.

Работа началась в четвертый год правления Соломона. Материалы уже были в значительной степени подготовлены. Архитекторы, рабочие и художники были наняты в Тире при помощи царя Хирама, и работа продвигалась быстро. Сначала была выровнена вершина Мории, а затем вокруг оставшегося холма была построена огромная подпорная стена необычайной прочности, простирающаяся до уровня вершины. Она была построена из огромных блоков, скрепленных скобами, и снаружи поддерживалась насыпями. Все пространство между внутренней поверхностью этой стены и скалой было заполнено щебнем таким образом, чтобы образовать квадратную платформу.

Подвижное сосуды храма

(По Манжану)

Затем последовало возведение самого храма, и работы шли так быстро, что торжества по случаю освящения были отмечены всего через семь лет после закладки первого камня фундамента. Храм должен был быть окружен двумя дворами, но Соломон завершил только первый, внутренний, и восточную стену второго, внешнего, который был достроен только спустя долгое время после смерти великого царя, во время правления Манассии.

Библия дает нам подробное описание великолепия интерьера этого святилища, построенного и украшенного финикийскими мастерами, а также предметов искусства, накопленных там самым щедрым из еврейских царей.

Архитектура и украшения интерьера были выполнены в египетском стиле, как и храмы самих финикийцев. Но из сооружений Соломона не осталось ничего, кроме цистерн и восточной стены внешнего двора. Эта стена украшена воротами, под которыми Соломон размещал свой трон, когда присутствовал на публичных церемониях; они по-прежнему назывались воротами Соломона даже после времени Ирода. Под властью царей Иудеи были проведены многочисленные расширения и реставрации, но в 586 году до н. э., когда халдеи захватили Иерусалим, храм был полностью разрушен.

Пятьдесят два года спустя, после того как плененные евреи в Вавилоне были освобождены Киром, их лидер Зеруббавель взялся за восстановление храма истинного Бога. Хотя по плану новое здание было похоже на храм Соломона, оно было менее красивым и менее величественным; старики, которые помнили прежний храм, плакали. Это здание простояло почти пять веков, пережив господство Селевкидов и римское завоевание Помпея, не будучи разграбленным или разрушенным.

Затем Ирод Идумейский, провозглашенный римлянами царем иудеев, задумал завоевать популярность у народа, восстановив храм во всем великолепии Соломона. Реализация его плана, который включал расширение — Иосиф Флавий говорит, что он удвоил первоначальный размер — требовала полного сноса прежнего сооружения и восстановления древних террас и венчающих их ворот. Единственной частью старого храма, которую он, по-видимому, сохранил, были восточные ворота, или ворота Соломона. Однако, по-видимому, от древнего плана в основном не отступали.

Большой внешний двор был окружен с трех сторон двойной колоннадой из дорических колонн высотой в двадцать пять локтей. На южной стороне находилась базилика, *то есть* «здание с тремя неравными нефами, поддерживаемыми колоннами». Это ограждение было

двором язычников и было открыто для всех посетителей. Барьер высотой всего три локтя не позволял неверующим входить в ограду, предназначенную для израильтян, которая включала двор женщин и двор мужчин, или Израиля. Двор женщин имел в четырех углах квадратные залы, служивших для хранения запасов храма, омовений или других благочестивых обрядов.

Из этого двора три ворота вели через группу зданий во двор Израиля. Главные из этих ворот, известные как ворота Никанора, имели двери из коринфской бронзы и отличались прекрасными архитектурными пропорциями и богатой конструкцией. Двор Израиля, который был предназначен для мужчин, совершивших определенные обряды очищения, имел ширину одиннадцать локтей. Залы, окружавшие его с трех сторон, фасады которых были украшены портиками, были пристройками к божественному культу. Каждый из них был посвящен особому служению. Здесь солили и мыли шкуры жертв; здесь хранились музыкальные инструменты, соль, вечный огонь, дрова; здесь находился зал синедриона.

Наконец, был двор священников, в центре которого находились собственно храм и жертвенник для всесожжений. Храм стоял на террасе высотой шесть локтей, так что между платформой храма и двором язычников была разница в уровне восемь с половиной метров. Его архитектурные особенности были в основном такими же, как и у храма Соломона. Этот храм иудеев был одним из самых величественных произведений архитектуры, созданных в древности. Последовательность закрытых дворов, возвышающихся один над другим и увенчанных гигантскими белыми мраморными пилонами святилища, является гениальной концепцией, которая была реализована только здесь, и вся древность единодушно восхваляла его внушительное величие.

Дом Вечного был украшен с невиданной роскошью. Дорогие породы дерева, золото, серебро, слоновая кость, драгоценные камни — ничто не было сбережено этим народом, столь ревниво относящимся к своему Богу. Кроме того, предметы культа, священные сосуды, ножи, чаши, утварь всякого рода были произведениями, в которых литейщики и граверы состязались друг с другом в проявлении своего искусства.

Но не следует забывать, что художники, украшавшие древний храм, были финикийцами; а поскольку финикийцы всегда ограничивались подражанием египтянам и ассирийцам, их техника имеет гибридный характер, который, как и сама Сирия с географической точки зрения, является своего рода компромиссом между Азией и Египтом.⁴

Раса, которая оказала столь незначительное влияние на искусство мира и столь значительное — на его литературу, религию, торговлю и судьбы, имела самую странную из всех национальных судеб. Для христианина это как спасение души от разложения и смерти тела. Ньюман⁵ таким образом завершил свою *«Историю еврейской монархии»* словами, которые могут служить подходящим завершением и здесь:

«Здесь не предполагается следить за дальнейшей судьбой еврейского народа. Мы видели взлет и падение его монархии. В ходе ее развития пророческие и священнические элементы развивались бок о бок; первые процветали на своей родной земле в течение короткого периода, но были перенесены по всему миру, чтобы придать еврейскому монотеизму вечную славу. Последний, находясь в союзе со свободным духом пророчества и подчиняясь ему, пустил корни в сердце народа и вырос как конституционная опора монархии; но когда он не сдерживался ни пророком, ни царем и был наделен высшей светской и духовной властью восстановленного народа, он превратился в простое кустарниковое растение, плоды которого были сухими и колючими знаниями или яблоками Содомы, которые как пепел во рту. Таков был неэкспансивный и буквальный материализм поздних раввинов, из которого проистекло почти все, что неприятно в еврейском характере: но римские писатели, которые видели только эту сторону нации, мало знали, какую высокую ценность

ретроспектива мировой истории придаст деятельности этого рассеянного и презираемого народа.

«Ибо если Греция была рождена, чтобы учить искусству и философии, а Рим — чтобы распространять процессы права и управления, то Иудея, несомненно, была источником религиозной мудрости для мира, ослепленного легкомысленными или нечистыми фантазиями. Этим трем народам было дано культивировать и развивать принципы, характерные для них: грекам — красота и наука; римлянам — юриспруденция и муниципальное правление; а евреям — святость Бога и Его сочувствие к избранным слугам. Пророки с самого начала внутренне осознавали, что это было истинным призванием народа. Они поняли, что Иерусалим был центром яркого света в темном мире; и, стоная над чудовищными вымыслами, навязанными народам под видом религии, они провозгласили, что из Сиона должны выйти Закон и слово Иеговы. Не видя этого, они все же верили, что гордые и презрительные язычники в конце концов с радостью познают их мудрость и будут рады почтить их. С этой верой молодой Исайя завершил свои великолепные стихи, обращаясь к Иерусалиму:

«Вот, тьма покрывает землю,
И густой туман народы;
Но Иегова восходит над тобой,
И слава Его явится над тобою;
И язычники придут к свету твоему,
И цари к сиянию твоего восхода...
Народы увидят твою праведность,
И все цари — славу твою;
И ты будешь называться новым именем,
Которое назовет рот Господень.
Ты будешь венцом славы в руке Иеговы
И царской диадемой в руке Бога твоего.
Ты больше не будешь называться Отверженным,
И земля твоя не будет больше называться Опустошенной;
Ибо Иегова наслаждается тобой,
И твоя земля будет жениться на Нем».

ГЛАВА XVI ПРОРОКИ И ИСТОРИЯ СЕМИТСКОГО СТИЛЯ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-ром Д. Х. МЮЛЛЕРОМ

Профессор Венского университета; член Императорской академии наук и т. д.

Пророки пророчествовали в далекой стране, много-много сотен лет назад. Они пророчествовали небольшому народу, который жил в маленькой стране и основал небольшое королевство. Небольшое королевство было раздавлено железным каблуком прогресса, народ рассеялся по всем концам света, но писания пророков остались; они дошли до нас в оригинальном тексте, были переведены на все языки и читаются всеми народами.

По сей день слова пророков звучат с каждой кафедры, в виде наставлений и угроз, для утешения и спасения. Суть пророческих речей достаточно хорошо известна, и эти слова, произнесенные тысячи лет назад, не теряют своего действия и сегодня. Они исходили из глубины сердца, их источником было божественное вдохновение, они были обращены к людям, обремененным страстями и слабостями; и поэтому они сохранили свою силу на протяжении веков и десятков веков.

В настоящее время мы не будем заниматься содержанием пророческих книг или развитием пророчества; мы рассмотрим форму пророческих речей. Люди так высоко ценили содержание, что пренебрегали изучением формы. Являются ли они прозой или поэзией? Даже на этот вопрос нет ответа. Греческая речь тщательно анализируется; мы знаем правила риторики и делим каждую речь на составные части. Греческая или латинская поэма классифицируется как драма, эпос, лирика и т. д., а ее метр изучается и критикуется. Какие правила регулируют состав пророческих книг?

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТИЛЯ

На основании и в соответствии с моими предыдущими исследованиями я выдвигаю тезис, что «основными характеристиками стиля пророческих писаний являются строфическая композиция и респонсия». Что такое строфа, знают все; тем не менее я хочу четко заявить, что под «строфой» я понимаю группу строк или стихов, связанных с другими стихами, но в то же время образующих самодостаточное целое.

В семитской поэзии или риторике, насколько мы можем об этом говорить, «ответная строфа» до сих пор была неизвестной величиной; но мы знакомы с ней в классической литературе, лучшими примерами которой являются хоры греческих драм. Строфа и антистрофа соответствуют друг другу по метру, форме и делению на периоды; они часто соответствуют друг другу и по содержанию; и это соответствие часто отмечается *словесной консонанцией или ассонанцией*. Эта особенность, которая, по-видимому, встречается редко и имеет незначительное значение в греческой литературе, была признана и названа благодаря точному наблюдению и проницательной критике классической филологии; в семитской поэзии, где респонсия в сочетании со строфической структурой, для которой она служит элементом кристаллизации, должна рассматриваться как самая суть стихотворения или дискурса, она не была ни объяснена, ни названа.

ПРИМЕР ИЗ АМОСА

Я приведу пример респонсии из Амоса, первого пророка, который изложил свои речи в литературной форме, гл. VII-VIII.

1) Так показал мне Господь Бог:

И вот, Он создал саранчу в начале роста после позднего урожая;

И вот, это был поздний урожай после косьбы царя.

2) И когда они *перестали есть* траву земную,

тогда я сказал: «Господи Боже, прости, умоляю Тебя:

Как устоит Иаков, ибо он мал?

3) Господь раскаялся в этом:

«Не будет этого, говорит Господь».

4) Так показал мне Господь Бог:

И вот, Господь Бог призвал к борьбе огнем;

И он пожрал великую бездну

И *пожрал* бы землю.

5) Тогда я сказал: Господи Боже, прошу Тебя, перестань!

Как устоит Иаков, ибо он мал?

6) Господь раскаялся в этом:

и сказал: «И этого не будет», говорит Господь Бог.

7) И показал мне Господь Бог:

и вот, он стоял у стены, выстроенной по отвесу, с отвесом в руке.

8) И Господь сказал мне: Амос, что ты видишь?

И я сказал: отвес.

Тогда Господь сказал: вот, Я поставлю отвес посреди народа Моего Израиля;

Я больше не буду прощать их;

9) И высоты Исаака будут опустошены, и святилища Израиля будут разорены.

И я *восстану с мечом на дом Иеровоама*.

1) Так показал мне Господь Бог:

И вот, [была] корзина с летними [спелыми] плодами.

2) И Он сказал: Амос, что ты видишь?

И я сказал: корзину летних [спелых] плодов.

3) Тогда Господь сказал мне:

Конец [созревание] пришел на народ Мой, Израиля;

Я больше не буду прощать их.

И песни храма в тот день превратятся в вопли.

Мертвые тела будут многочисленны; повсюду их выбросят: молчите.

Это видение Амоса описывает серию наказаний, которые обрушились или грозят обрушиться на землю. «Первые два относятся к опасностям, которые уже миновали на

момент выступления, последние два — к будущим». По форме первые два и последние два снова демонстрируют близкое родство друг с другом. Все четыре строфы состоят из восьми строк каждая и начинаются с одной и той же фразы; во всех четырех вторая строка начинается одинаково, но далее развивается по-разному даже в стихах каждой пары. В третьей строке пары полностью расходятся, только две строфы остаются в тесном соответствии.

Этот метод работы по определенному плану был любимым у пророков. Смена образа в одной и той же структуре производит неизгладимое впечатление, а повторение одной и той же формы с разным содержанием закрепляет в сознании увиденное, которое может слишком быстро исчезнуть. Очень примечательно соответствие в стихах, которые на первый взгляд кажутся разными, как, например, в строках 7 и 8, где опустошенные места Исаака соответствуют песням храма, превратившимся в вопли, а *восстание с мечом* в третьей строфе — *множеству трупов* в четвертой.

ПРИМЕР ИЗ ИЕЗЕКИИЛЯ

Я приведу еще один пример соответствия между строфами из Книги пророка Иезекииля, гл. XXI.

1) <i>И слово Господне</i> <i>было ко мне,</i> <i>говорящее:</i>	6) <i>И слово Господне</i> <i>пришло ко мне,</i> <i>говоря.</i>
2) <i>Сын</i> <i>человеческий.</i>	7) <i>Сын человеческий.</i>
<i>Обрати лицо твое</i> (к югу).	<i>Обрати лицо твое</i> ^к Иерусалиму
<i>И обрати свое лицо</i> к югу,	<i>И произнеси слово</i> ^в сторону святилищ,
<i>И пророчествуй</i> <i>против</i> леса на юге;	<i>И пророчествуй</i> <i>против</i> земли Израиля;
3) <i>И скажи</i> (лесу на юге):	8) <i>И скажи</i> (земле Израиля):
Слушайте слово Господне;	
<i>Так говорит</i> <i>Господь Бог:</i>	<i>Так говорит Господь:</i>
Вот, Я <i>разжгу огонь</i> ^в тебе	Вот, Я против тебя,
И он <i>пожрет</i> все <i>зеленые</i> деревья в тебе и все <i>сухие</i>	И <i>выну</i> мой <i>меч</i> из ножен И <i>изгоню из тебя</i> (<i>праведных</i> и)

(деревья).

нечестивых ·

9) Видя, что Я *изгоню из*

тебя *праведных* *нечестив*

ых ·

Пламенный огонь *не*

погаснет ·

Поэтому мой *меч* выйдет из ножен против

всякой плоти

И все лица будут *сожжены*

им ·

С севера до юга.

С севера до

юга.

4) *И всякая плоть*

увидит

10) *И всякая*

плоть

узнает

Что Я,

Господь (зажег его):

Что Я,

Господь ·

вынул мой *меч*

из ножен ·

Он не будет погашен.

Он не

вернется

больше.

ПЕСНЬ МЕЧА

Одной из величайших поэм Иезекииля является Песнь меча. Меч с севера в руке Навуходоносора обрушивается на Иерусалим и уничтожает последние остатки жизни в гибнущем городе. Вступление к Песне меча представляет собой аллегорию, которую так любил Иезекииль; он в пророческом трансе смотрит на юг и видит приближающийся оттуда огонь, который охватывает лес на юге и пожирает зеленые и сухие деревья. Затем он разгадывает загадку, интерпретируя видение. Расположив загадку и интерпретацию в параллельных столбцах, мы получаем классический пример строгой респонсии.

В качестве третьего примера респонсии я выбираю Матфея vii. 13, 14

Входите через узкие врата:

Ибо *широки врата* (·)

Ибо *узкие* есть *врата* ·

И *широк* есть *путь* ·

И *узкий* этот *путь* ·

Который *ведет к погибели*

Который *ведет к жизни* ·

И *многие* входят в него.

И *немногие* (те, кто находят его).

Чтобы понять основную идею, идею респонсии, давайте еще раз четко определим понятия строфы и антистрофы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРОФЫ И АНТИСТРОФЫ

Строфа состоит из нескольких стихов, объединенных в одно целое; она содержит совокупность идей, выражающих *одну* идею, подобно тому, как совокупность лучей объединяется, образуя один свет.

Антистрофа представляет собой аналогичную или противоположную идею, которая, как и первая, является суммой или продуктом *другого* набора идей и отвечает первой *в некоторых или всех ее составляющих частях*.

Соответственно, так понятая респонсия является формальным выражением этой связи двух или более строф друг с другом. Там, где принцип респонсии строго соблюдается, каждая строка первой строфы соответствует соответствующей строке второй, либо *словесно*, либо *по смыслу*, а в последнем случае — либо путем *параллелизма*, либо путем *антитезы*. Схожесть большинства строк, которые таким образом соответствуют друг другу, выделяет различия в определенных местах и делает их еще более сильными и впечатляющими.

Высшие органические структуры были проанализированы и оказались построенными из одной клетки. Все предварительные условия, позволяющие клетке формировать организмы, уже заложены в ней, но зародыш не может стать органическим существом, кроме как в результате медленного процесса развития. Теперь нам остается найти зародыш, из которого развилась реакция; и зародышем этого явления является *параллелизм членов* (), который составляет жизненно важный элемент апофегмы и стиха в семитских языках, и в частности в иврите. Но две вещи могут быть параллельны друг другу не только по аналогии, но и по контрасту. *Параллелизм членов* ставит рядом две или более идей, аналогичных, но не идентичных, и адаптированных благодаря их небольшому разнообразию, чтобы дать образ того, что поэт желает передать. Такие предложения изобилуют в пророческих речах, как, например, в Исаии 1:3

Вол знает своего хозяина, и осел — ясли своего господина:

но Израиль не знает, народ мой не понимает».

И Амос ix. 2:

Хотя бы они копали в преисподней, оттуда моя рука вытащит их;

и хотя бы они взобрались на небо, оттуда Я низведу их.

Эта идея, представленная в другой форме, повторяется, не вызывая скуки или монотонности.

То, что *параллелизм членов* является для стиха или предложения, то ответная фраза является для строфы или речи.

Благодаря небольшим вариациям в респонсии были разработаны две литературные формы, чтобы удовлетворить эстетическую потребность. Когда две строфы находятся в таком соотношении, что заключение одной отвечает началу следующей, в результате получается *цепочка*, которая объединяет две строфы друг с другом и ведет от одной области мысли к другой. Снова, если начало одной строфы или группы строф соответствует заключению той же самой строфы или группы строф, результатом является *включение*, цель

которого — подчеркнуть логическое и эстетическое единство указанной строфы или группы строф.

Пример цепной связи можно привести из Исаии, гл. 1.

Одна колонка начинается так:

Слушайте, небеса, и внимай, земля, ибо Господь сказал...

и заканчивается:

Мы были бы как Содом, мы были бы как Гоморра.

Вторая строфа-колонка начинается так:

Слушайте слово Господне, правители Содома;

Прислушайтесь к Господу, Богу нашему, вы, народ Гоморры.

Здесь, как мы видим, начало второй колонки соответствует началу первой и связано с ее заключением.

Хабакук (ii. 11) приводит другой пример

(конец строфы)

Ибо камень возопиет из стены,

И балка из деревянных конструкций ответит ему.

Здесь перед пророком, как и перед читателем, возникает образ здания. В уме пророка мелькает мысль, и он продолжает

(начало строфы)

Горе тому, кто строит город кровью

И укрепляет город неправдой.

В качестве примера включения мы можем процитировать Иеремию xlv. 20-24:

(начало строфы)

Египет — прекрасная телка, но разрушение с севера пришло, оно пришло.

(конец строфы)

Дочь Египта будет посрамлена, она будет предана в руки народа севера.

Во второй главе книги Софонии мы находим пример двухстрочного включения:

(начало строфы)

8) *Я слышал упрёки Моавы и поношения сынов Аммона,*

Чем они упрекали мой народ и возвеличивали себя против моей границы.

(конец строфы)

10) *Вот что будет им за их гордость,*

за то, что они упрекали и возвышали себя против народа Господа Саваофа.

Таким образом, помимо строфического размера, три литературные формы, которые определяют композицию пророческих книг, — это *ответная речь*, *цепь* и *включение*.

Если респонсия является выражением внешней и внутренней симметрии — содержания и формы — свойственной двум строфическим организмам, которые, хотя и могут быть далеко друг от друга, демонстрируют свою взаимосвязь посредством сходства характера и структуры и более или менее соответствуют друг другу, либо по аналогии, либо по антитезе, то *конкатенация* может рассматриваться как дополнение и противоположность респонсии, поскольку она объединяет два строфических организма внешней и внутренней связью — содержания и формы. Таким образом, два организма объединяются, образуя более крупное целое. По этой причине *конкатенация* не идет параллельно респонсии, а соединяет *конец* одной строфы с *началом* второй и ведет от одной области мысли к другой. *Включение* можно рассматривать в определенном смысле как обратное соединению. Так как соединение приводит к объединению двух строф, то включение образует границу, которая отделяет одну строфическую структуру от другой. Соединение стирает отличительные черты двух отдельных строфических структур, а включение закругляет и определяет строфу или группу строф и подчеркивает их отличительные черты.

ПРИМЕР ИЗ ИСАИИ

Я не могу не привести хотя бы один пример из Исаии строфической колонки, которая соответствует параллельной колонке аналогичной структуры. Для этой цели я выбрал знаменитое видение из главы VI. Его можно считать одним из самых ранних пророчеств Исаии, по замыслу, возможно, самым ранним из всех. Традиция *Тесетес* передает этот отрывок как единое целое, без разрывов и абзацев. Имея дело с пророком такого ранга, как Исаия, и столь выдающимся в составлении этих пророческих речей, мы естественно стремимся обнаружить определенный замысел в композиции этого видения, и такой замысел, по сути, становится очевидным для критически настроенного исследователя. Видение начинается словами «И я увидел Господа», а продолжение и дополнение открываются словами (стих 8) «И я услышал голос Господа». Соответственно, отрывок делится на две части: одна описывает то, что видел пророк, а другая — то, что он слышал. Если мы более внимательно рассмотрим эти две части, то нас поразит фраза «Тогда я сказал», которая встречается в одной части после того, как он все увидел, а в другой — после того, как он все услышал. Отсюда следует, что великое видение состоит из двух образов, которые точно соответствуют друг другу.

1) *И я увидел Господа*

Сидящий на престоле, высоком и
возвышенном,

И его свита наполнила храм.

2) Над ним стояли серафимы:

У каждого было по шесть крыльев;

Двумя он покрывал свое лицо,

И двумя он покрывал ноги свои,

8) *И я услышал голос*

Господа, говорящий:

Кого послать, и кто пойдет за нас?

(Тогда я сказал: «Вот я, пошли меня»).

9) И он сказал: «Иди и скажи этому
народу»

Слушайте, но не понимайте;

И вы действительно видите, но не
воспринимаете.

И двумя он улетел.

3) И один воскликнул другому и сказал:

Свят, свят, свят Господь Саваоф.

Вся земля полна Его славы.

10) Как ожесточено сердце этого народа

И как тяжелы их уши,

И их глаза как бы закрыты.

Иначе они могли бы видеть своими
глазами

4) И основания порогов были

поколеблены от голоса вопиющего,

И услышали бы ушами своими

И понять сердцем,

И обратились бы, и были бы исцелены.

И дом наполнился дымом.

5) *Тогда я сказал:* «Горе мне!»

Потому что я человек с нечистыми
устами и т. д.

11) *Тогда я сказал* Господи, доколе?

И он ответил: До тех пор, пока города не опустеют,
не останется в них жителей и т. д.

Помимо этих двухколонных дискурсов, пример которых мы только что видели, мы находим трехколонные дискурсы, особенно в Михее, Иеремии и Иезекииле. Они часто состоят из трех параллельных частей, каждая из которых делится на две или три строфы. Строфы каждой колонки соответствуют, с одной стороны, соответствующим строфам каждой части, с другой стороны, так что мы имеем, если можно так выразиться, *вертикальный* и *горизонтальный* ответ. Двойной ответ дает, так сказать, фиксированные точки, между которыми раскинута сеть строф. Классическим примером этого метода является великая речь в девятой главе Иеремии, которая относится к лучшему периоду и подлинность которой безоговорочно признается библейской критикой. К сожалению, нехватка места не позволяет мне привести ее здесь в соответствии с изложенными мною принципами.

Следует отметить, что те же законы прослеживаются в клинописных надписях и трудах пророка Мухаммеда.

АССИРИЙСКИЙ ПРИМЕР

В качестве примера реакции приведу отрывок из великой надписи Саргона (L. 186-194).

Этот город и этот дворец,

Ашшур, отец богов,

В славе своего сияющего облика

(Но) его правитель,

Его королевский архитектор,

Да достигнет он старости,

Да обретет он власть

Да будет он милостив к ней,

Во веки веков.

До дальних дней

Пусть его создатель (стареет).

Да провозгласит он его *обновление*.

Пусть он объявит об этом своим сияющим ртом:

Своими звучными губами пусть он произнесет:

Защищающий гений,

Тот, кто обитает в них,

Спасающий Бог,

В здравии тела,

Днем и ночью

И радости сердца,

Пусть они правят в них,

И радость духа,

И пусть их сила не иссякает.

Пусть он радуется в ней,

Пусть он вкусит радость жизни.

БАВИЛОНСКИЙ ПРИМЕР

Очень поучительный пример строфы в сочетании с респонсией дает вторая вавилонская версия «Сотворения мира», впервые переведенная и опубликованная Т. Г. Пинчесом. Она состоит из сорока строк и состоит из *четырёх* строф по десять строк в каждой. Респонсия ясна и ярка до крайней степени, конец сознательно возвращается к началу. Сцепление строф представляет собой, так сказать, заклепку между ними. Я ограничусь в данный момент цитированием начала первых трех и конца последних двух строф.

Строфа I (начало),

Славный дом, дом богов, в славном месте не был построен,

Не было произведено растение, не было создано дерево и т. д.

Строфа I (конец),

(Что касается) *славного дома, дома богов, его место не было создано,*

Вся земля была покрыта *морем*.

Строфа II (начало),

Когда в *море* был поток

В тот день был создан Эриду, был построен Э-сагила и т. д.

Строфа II (конец),

Боги должны были сидеть на троне радости сердца,

Он создал человечество.

Строфа III (начало),

Аруру создала семя человечества вместе с ним.

Он создал зверей полевых и живых существ пустынных; и т. д.

Возраст этой вавилонской истории о сотворении мира, вероятно, восходит по крайней мере к середине второго тысячелетия нашей эры, и в этом очень древнем образце семитской поэзии мы находим эту поэтическую форму в полном развитии.

ПРИМЕРЫ ИЗ КОРАНА

Трудно поверить, что арабский пророк, который считал оскорблением быть названным поэтом, использовал в своих откровениях определенные литературные формы, и в частности строфу в сочетании с респонсией. Однако это так. В большинстве случаев строфы поднимаются и опускаются в гармонии с его резким и возбужденным стилем (подобные строфы встречаются в пророческих книгах), но можно найти и регулярные строфы, и в тех, которые поднимаются и опускаются, мы можем проследить определенный закон, который полностью исключает идею случайности. Наличие строфы в сочетании с ответом в *Коране* является чрезвычайно важным моментом для гипотезы о строфическом составе, поскольку правильность расположения строк в *Коране*, по-видимому, подтверждается как рифмой, так и традицией. Я приведу здесь пример регулярной строфы из *Корана*. В тридцать шестой суре мы встречаем отрывок, обрамленный, так сказать, двумя стихами, которые образуют включение.

Стих 28. Был только один крик (Гавриила с небес), и вот, они были полностью уничтожены.

Стих 49. Они ждут только одного звука (трубы), который настигнет их, пока они спорят между собой.

Между ними находится пять строф по четыре строки каждая.

Строфа I начинается (стих 29):

О, несчастье людей! Ни один апостол не приходит к ним, чтобы они не посмеялись над ним.

Стр. II, начинается (стих 33):

Один из признаков [воскресения] для них — мертвая земля, которую мы оживляем и т. д.

Строфа III, начинается (стих 37),

Ночь также является для них знамением, мы убираем из нее день и т. д.

Строфа IV, начинается (стих 41),

Знамением для них является также то, что они увозят своих детей на корабле, наполненном товарами, и т. д.

Строфа V (стих 45) подхватывает тему первой и начинается так:

И если вам скажут: «Бойтесь того, что впереди вас, и того, что позади вас»,

то, может быть, вы найдете милость и т. д.

Я также приведу пример падающей строфы в сочетании с ответом из суры 56, ст. 57-72.

57) *Мы создали вас, разве вы не поверите...*

58) *Что вы думаете? Семя, которое вы извергаете.*

59) *Создаете ли вы его сами, или мы его создатели?*

60) *Мы предписали смерть всем вам, и нам не помешает никто.*

61) *Мы способны заменить вас другими, подобными вам, и создать вас снова в состоянии или форме, которых вы не знаете.*

62) *Вы знаете первоначальное сотворение; разве вы не поразмыслите...*

- 63) *Что вы думаете* о зерне, которое вы сеете?
- 64) *Вы ли* заставляете его прорасти, или *мы* заставляем его прорасти?
- 65) *Если бы мы захотели, мы могли бы сделать* его сухим и бесплодным, так что вы не переставали бы удивляться, говоря:
- 66) «Воистину, мы взяли на себя долги за семена и труд, но нам не позволено пожинать плоды».
- 67) *Что вы думаете? Вода*, которую вы пьете,
- 68) *вы сами* низводите из облаков, или *мы* низводим?
- 69) *Если бы мы захотели, мы могли бы сделать* ее соленой: разве вы не будете благодарить?
- 70) *Что вы думаете? Огонь*, который вы разжигаете,
- 71) *вы производите ли* дерево, из которого вы его получаете, или *мы* его производим?
- 72) *Мы предписали* его в качестве предупреждения и преимущества для тех, кто путешествует по пустыням.

Этот отрывок, который является законченным сам по себе, состоит из четырех строф по 5-4-3-2 стиха, все из которых представляют собой различные варианты одной и той же идеи и схожи по структуре.

Вся группа заключена между двумя одиночными стихами, которые соответствуют друг другу и образуют, так сказать, ее рамку.

Внимательное изучение *Корана* показывает, что в нем встречаются строфы самой разнообразной структуры, часто сочетающиеся с респонсией и объединенные всевозможными другими литературными формами. Основной характеристикой строфы по-прежнему является единство идеи, которое, будучи по своей природе относительным, подвержено большим вариациям. Строфа также не является конечной и наибольшей единицей. Так как строфа формируется путем объединения нескольких строк или предложений, так и группа формируется из нескольких строф, а большой систематически построенный дискурс — из нескольких групп. Те же законы, которые управляют предложением и стихом, преобладают в структуре строфы и формировании группы. Параллелизм и антитеза являются основными элементами формы в предложении и стихе; они также являются силами, которые борются за выражение и утверждают себя в структуре строфы и формировании группы.

Может возникнуть вопрос: как Мухаммед пришел к этой форме сочинения? На данный момент я могу только выдвинуть гипотезу в ответ. Мухаммед получил первый импульс к размышлениям о вопросах религии от различных мудрых и ученых людей и через них познакомился с основными доктринами иудаизма и христианства; и таким же образом он, должно быть, перенял от них традицию этой формы поэзии, формы, которая, в отличие от поэзии язычников, была посвящена не наслаждению и радости жизни, а религиозным размышлениям и древним благочестивым легендам. Эта форма сочинения, возможно, практиковалась и сохранялась старыми предсказателями (*кахинами*) после того, как она была в целом вытеснена новой и строго метрической поэзией. Мухаммед, возможно, приобрел секрет этой формы сочинения от такого Кахина, который размышлял о природе религии. Поэтому он справедливо отверг титул *поэта* и с равным правом назвал себя «Печатью Пророка», поскольку он говорил и писал в стиле древних пророков.

ОБЪЯСНЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ СТРОФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ И РЕСПОНСИИ

Тщательное рассмотрение законов строфической формы и респонсии, которые, как можно показать, существуют, хотя и в неравной степени, в трех великих семитских литературах, приводит нас к выводу, что существует только три возможных объяснения их появления. Либо мы имеем дело с явлением, которое развилось независимо в разных частях мира, либо эти литературные формы были изобретены одной нацией и заимствованы и имитированы другими, либо, наконец, все они должны быть отнесены к общему происхождению.

Три народа, у которых мы находим эти литературные формы, настолько удалены друг от друга в пространстве и времени, что о заимствовании между ними не может быть и речи. Но, опять же, столь оригинальные и сложные явления не могли появиться в разных местах без некоторого общего происхождения.

Соответственно, единственное возможное предположение заключается в том, что все они могут быть отнесены к общему источнику и что даже в первобытные времена религиозная поэзия подчинялась этим литературным формам. Они сохранились в Библии, клинописных надписях и Коране.

Установление факта, что строфическое сочинение в сочетании с респонсией встречается во всех трех семитских литературах, естественно привлекло мое внимание к аналогичному явлению в хорах греческой трагедии, явлению, отмеченному и признанному классической филологией, хотя и не получившему должного внимания. Слишком много внимания уделяется метрической однородности строф, и слишком мало — их существенному соответствию, и особенно тому, как последнее переплетается с ассонансом и словесным ответом. Для распознавания этих тонко скрытых и деликатных аллюзий и антитез требуется определенная доля критического проникновения, но как только они распознаны, мы не можем сомневаться в том, что в своих хорах греческие трагики использовали те же художественные приемы, что и пророки. Строфа и антистрофа построены по одному и тому же образцу, не только в ритме и синтаксисе, но и в идее. Иногда соответствие можно увидеть и продемонстрировать строка за строкой, но в большинстве случаев оно обнаруживается только в отдельных строках, хотя почти всегда в тех, которые встречаются в одном и том же месте, что доказывает, что соответствие не является случайным, а что за ним стоит определенное художественное намерение создать определенную симметрию между двумя строфами.

ПРИМЕРЫ ИЗ ГРЕЧЕСКИХ ТРАГЕДИЙ

Я привожу несколько примеров в подтверждение этого утверждения. Из «Прометей» Эсхила, 397-414.

Строфа

Я оплакиваю твою печальную судьбу,
Прометей! Из моих нежных глаз льется поток слез,
Смоча мои щеки из источников плача. 400
Ибо так сурово Зевс,
Правивший по закону своей воли,
Свое властное скипетр перед богами древними.

Антистрофа

И теперь вся земля скорбит,

И о том великом и древнем господстве она *плачет*,
Скорбя об империи, которую ты и твои братья держали. 410
И все, кто обитает
На границах святой Азии, в твоих громко оплакиваемых бедах
Эти *смертные* страдают вместе с тобой.

Любопытное взаимодействие этих двух строф очень интересно, так как оно переплетается с большинством строк, то словесным сходством (как в στένω и στονόεν), то сходством смысла (*слезы* и *плачет*), то антитезой (*боги* и *люди*), и, наконец, этимологической игрой слов (νόμος и νέμονται). Кроме того, в последних строках мы видим контраст идей: в одной строфе *Зевс удерживает богов*, в другой *люди скорбят и жалуются*. И снова в «Эдипе-царе» Софокла, 1, 863-910:

Строфа I

Антистрофа I

Начало.

863) Пусть моей судьбой будет хранить

873) Это *наглость* рождает тирана,

Что *благоговейная чистота* слова и дела и т. д.

Наглость глупо раздутая и т. д.

Заключение.

870) Никогда забвение не убаюкает их:

880) Соперничество, которое приносит

благополучие государству, я не прошу Бога положить ему конец:

Великий *бог* живет в них и никогда не стареет.

Я никогда не отступлю от *Бога* моего защитника.

Строфа II

Антистрофа II

Начало.

883) Но человек, который ходит в гордости *наглости* слова или дела,

897) Никогда больше я не пойду с почтением в святое место Дельф

Не боясь руки правосудия и не почитая *святилища* (богов).

Ни *святилища*^{Абы}, ни Олимпии.

Заключение.

895) Но если такие поступки считаются почетными

909) Больше не проявляются в поклонении Аполлону,

Какие жертвы мне нужно приносить *богам*?

Но почести *богам* остаются неоплаченными.

Эта форма строфической конструкции заслуживает внимания, поскольку не только строфа и антистрофа соответствуют друг другу, но и пары строф отвечают друг другу; другими словами, помимо вертикального соответствия мы находим *горизонтальное* соответствие (как в Иеремии ix.), выраженное иногда использованием идентичных слов, иногда антитезой.

Еврипид, «Вакханки».

Строфа. 862-870

Всю ночь в хоре моей белой ногой я буду топтать
В бакхическом беспорядке; я буду бросать голову в росистый воздух,
Как олененок, резвящийся среди зеленых полей,
Когда в страхе убегает от погони,
Ускользая из ловушки, перепрыгивая через искусно сооруженные сети...

Антистрофа. 882-890

Медленно, но верно движется божественная сила,
Наказывая смертных, которые идут по пути глупости,
И безумно не почитают богов.
Но боги все еще ловко ждут
Долгое время в укрытии и выслеживают нечестивого человека...

В строфе мы видим застенчивого и робкого олененка, который убегает с пастбища и радуется, что ему удалось спастись от преследования охотников, а в антистрофе — самонадеянного человека, который нарушает законы природы и обычаи. В одной строфе — *робкое бегство*, в другой — *скрытное (ποικίλος)* ожидание богов; оленёнок убегает от охотника, человек не убегает от богов. Антитеза в строках 4-5 наиболее поразительна. Последние строки обеих строф идентичны.

Внимательное изучение респонсии во всем ее удивительном разнообразии форм достаточно, чтобы показать, даже на этих нескольких примерах, что они имеют удивительное сходство с формами, представленными в семитской поэзии, особенно в пророческих писаниях.

СЕМИТСКОЕ ВЛИЯНИЕ И ГРЕЧЕСКИЙ ХОР

Вместо того, чтобы пытаться доказать здесь, что греческий хор возник под семитским влиянием, я приведу мнение классического филолога, который изучил этот вопрос более тщательно, чем кто-либо другой. Я имею в виду Д. П. Томаса М. Вехофера (*Untersuchungen zur altchristlichen Epistolographie*, стр. 16).

«В остальном, задолго до христианской эры греческая литература получила сильное влияние семитских форм искусства. Поскольку, как, на мой взгляд, убедительно доказал д-р Д. Х. Мюллером (*Die Propheten*, стр. 244 и далее), греческие хоры, эти великолепные произведения греческой поэзии, по своему происхождению должны быть отнесены к храму Аполлона в Дельфах, куда (согласно традиции, сохраненной Еврипидом в «Феникийках») «из Тира посылались избранные финикийские девы для служения богу». Очевидно, что греческий хор, зародыш, из которого должна была развиваться греческая трагедия, следовал тому же пути, что и греческая живопись и пластическое искусство.

«Греческий дух овладел всеми элементами красоты, с которыми он сталкивался, не для того, чтобы сохранить их в окаменевшем состоянии, а для того, чтобы собственными силами сформировать и усовершенствовать их, доведя до наивысшей степени развития».

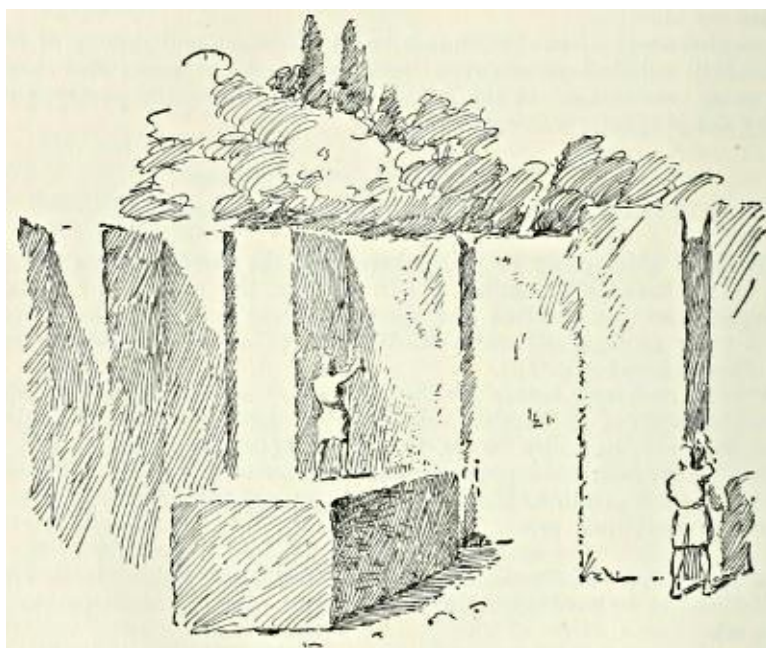
Гений Греции признал силу семитской поэзии; он с радостью оставил ей ее взлетевший полет, но привнес в нее благородное чувство формы, которое было его собственным особым даром, и к идеям и отклику добавил метрическую симметрию. Хоры представляют собой счастливое сочетание семитского духа и греческого чувства красоты.

Предположение, что греческий хор со своими строфами и антистрофами является семитским изобретением, не лишено отношения к истории самых ранних веков семитской поэзии. Если греки заимствовали хор, то он, должно быть, использовался в религиозном поклонении финикийцев. Если в связи с этим фактом мы рассмотрим ответную часть в строфах пророческих писаний, которые демонстрируют точно такой же метод композиции и литературную форму, как и греческие хоры (), то мы вынуждены выдвинуть гипотезу, что самая ранняя форма пророческой композиции должна рассматриваться как хор со строфами и антистрофами.

Источники: — *Die Propheten in ihrer ursprünglichen Form. Die Grundgesetze der ursemitischen Poesie erschlossen und nachgewiesen in Bibel Keilinschriften und Koran und in ihrer Wirkung erkannt in den Chören der griechischen Tragödie*, автор Д. Х. Мюллер. 2 тома. Вена, 1896.

Strophen und Responsion. Neue Beiträge. Д. Х. Мюллер. Вена, 1898. (См. также Феликс Перлес в *Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes*, X, 112, 71; и Дж. Зеннер в *Zeitschrift für Katholische Theologie*, XX, стр. 378.)

Untersuchungen zur altchristlichen Epistolographie, Д. П. Томас М. Вехофер. Вена, 1901.

ДРЕВНИЙ КАРЬЕР НЕДАЛЕКО ОТ ИЕРУСАЛИМА

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

- ^b L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.
- ^c B. STADE, *Geschichte des Volkes Israel*.
- ^d Священное Писание.
- ^e СТРАБОН, *Γεωγραφικά*.
- ^f ТАЦИТ, *Annales*.
- ^g ЮСТИН, *История мира*.
- ^h АММИАН МАРЦЕЛЛИН, *Rerum Gestarum libri*.
- ⁱ ГРАФ ДЕ ВОЛЬНЕЙ, «Путешествие по Египту и Сирии».
- ^j ДЖ. Г. ЭЙКХОРН, *De Antiquis Historiæ Arabum Monumentes*.

ГЛАВА II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ

- ^b А. Х. СЭЙС, «Ранняя история евреев».
- ^c МАКС ЛЁР, *Geschichte des Volkes Israel*.
- ^d ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЕТЕ, «Поэзия и правда».
- ^e B. STADE, *Geschichte des Volkes Israel*.
- ^f Священное Писание.
- ^g L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.
- ^h ЭДУАРД РОЙС, *Введение в Священное Писание*.

ГЛАВА III. СУДЬИ

- ^b ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Древности иудеев* (перевод с греческого Уильяма Уистона).
- ^c САЛОМОН МУНК, «Палестина».
- ^d L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.
- ^e Священное Писание.

ГЛАВА IV. САМУИЛ И САУЛ

- ^b Ж. Э. РЕНАН, *Histoire du peuple d'Israël*.
- ^c МАКС ДУНКЕР, *Geschichte des Alterthums*.
- ^d Священное Писание.
- ^e Талмуд.

ГЛАВА V. ЦАРСТВОВАНИЕ ДАВИДА

- ^b РУДОЛЬФ КИТТЕЛЬ, *Geschichte der Hebräer*.
- ^c Ж. Э. РЕНАН, *Histoire du peuple d'Israël*.
- ^d Талмуд.
- ^e ФЛАВИЙ ИОСИФ, «Древности иудейские» (перевод с греческого Уильяма Уистона).

^f Священное Писание.

ГЛАВА VI. СОЛОМОН В СВОЕЙ СЛАВЕ

^b Рудольф КИТТЕЛЬ, *Geschichte der Hebräer*.

^c Священное Писание.

^d Ф. В. НЬЮМАН, «История еврейской монархии».

ГЛАВА VII. УПАДОК И ПЛЕН

^b L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.

^c Рудольф КИТТЕЛЬ, «История евреев».

^d Моавитский камень.

^e А. Н. SAYCE, *The Early History of the Hebrews*.

^f Ассирийские надписи.

^g СОЛОМОН МУНК, «Палестина».

^h ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Древности иудеев* (перевод с греческого Уильяма Уистона).

ⁱ Священное Писание.

^j Апокрифы.

^k ГАСТОН С. С. МАСПЕРО, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient*.

ГЛАВА VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПЛЕНА

^b Священное Писание.

^c Ж. Э. РЕНАН, *Histoire du peuple d'Israël*.

^d L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.

^e СОЛОМОН МУНК, «Палестина».

^f КСЕНОФОНТ, «Киропедия» (перевод с греческого Дж. С. Уотсона и Генри Дейла).

^g Апокрифы.

^h ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Древности иудеев* (перевод с греческого Уильяма Уистона).

ГЛАВА IX. ОТ НЕЕМИИ ДО АНТИОХА

^b ДЭВИД КАССЕЛЬ, *Lehrbuch der jüdischen Geschichte und Litteratur*.

^c ФЛАВИЙ ИОСИФ, «Древности иудеев» (перевод с греческого Уильяма Уистона).

^d Талмуд (Мишна).

^e ДЖ. ЯНН, «Еврейское содружество».

^f Апокрифы (Книги Маккавейские).

^a ДЖОРДЖ СМИТ, «Еврейский народ».

^h АЗАРИЯ ДЕ РОССИ, «Меор Энаим».

ГЛАВА X. МАККАВЕЙСКАЯ ВОЙНА

^b Ф. ХИТЦИГ, *Geschichte des Volkes Israel*.

^c ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Древности иудеев* (перевод с греческого Уильяма Уистона).

^d ДЖОРДЖ СМИТ, «Еврейский народ».

^e J. ЯНН, *The Hebrew Commonwealth*.

^f Священное Писание.

^g Апокрифы.

^h ПОЛИБИЙ, *Καθολικὴ κοινὴ ἱστορία*.

ГЛАВА XI. ОТ МАККАВЕЕВ ДО РИМЛЯН

^b ГЕОРГ ВЕБЕР, *Allgemeine Weltgeschichte*.

^c Апокрифы (Книга мудрости).

^d ДЖОРДЖ СМИТ, *The Hebrew People*.

^e ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Древности иудеев* (перевод с греческого Уильяма Уистона).

ГЛАВА XII. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

^b L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.

^c ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Древности иудеев и войны иудеев* (перевод с греческого Уильяма Уистона).

^e Священное Писание.

^e САЛОМОН МУНК, «Палестина».

^f ОРИГЕН, *φιλοσοφούμενα*.

^g КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ, «Сочинения Корнелия Тацита» (перевод с латинского А. Мерфи).

^h Ж. Э. РЕНАН, *Histoire du peuple d'Israël*.

ⁱ Э. ГИББОН, *Упадок и падение Римской империи*.

^j СВЕТОНИЙ, «Жизнь двенадцати цезарей».

^k ДИОН КАССИЙ, *Ρωμαικὴ ἱστορία*.

^l КЛИМЕНТ РИМСКИЙ, «Письма».

ГЛАВА XIII. ВОССТАНИЕ ПРОТИВ РИМА

^b ФЛАВИЙ ИОСИФ, «Иудейская война».

^c L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.

^d СОЛОМОН МУНК, *Палестина*.

^e Фукидид, *Συγγραφή*.

^f Ф. Р. ЛАМЕННЕ, *Очерк о безразличии в вопросах религии*.

ГЛАВА XIV. ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

^b Х. Х. МИЛМАН, «*История евреев*».

^c ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Войны евреев*.

^d СОЛОМОН МУНК, *La Palestine*.

^e L. MÉNARD, *Histoire des anciens peuples de l'Orient*.

^f ДИОН КАССИЙ, *Ῥωμαικὴ ἱστορία*.

^g Талмуд (Мишна и Гемара).

ГЛАВА XV. ЕВРЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

^b Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ, *Лекции по философии истории*.

^c E. LEDRAIN, *L'histoire d'Israël*.

^d E. BABELON, *Manuel d'archéologie orientale*.

^e Ф. В. НЬЮМАН, *История еврейской монархии*.

^f Священное Писание.

^g БАРУХ СПИНОЗА, *Opera posthuma*.

ГЛАВА XVI. ПРОРОКИ И ИСТОРИЯ СЕМИТСКОГО СТИЛЯ

Священное Писание.

Т. Г. ПИНЧЕС, «Вавилонская история сотворения мира» (в «*Записях прошлого*»).

Т. М. ВЕХОФЕР, *Untersuchungen zur altchristlichen Epistolographie*.

Д. Х. МЮЛЛЕР, *Die Propheten in ihrer ursprünglichen Form*.

Д. Х. МЮЛЛЕР, «*Строфы и респонсии*».

ФЕЛИКС ПЕРЛЕС, статья в *Wiener Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes*, X, 112, 71.

ДЖ. ЗЕННЕР, статья в *Zeitschrift für Katholische Theologie*, XX, 378.

РАМЛА, НЕКОГДА САМЫЙ ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД ПАЛЕСТИНЫ

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ИЗРАИЛЯ

НА ОСНОВЕ РАБОТ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ; С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

Эббот, И. К., Очерки, посвященные главным образом оригинальным текстам Ветхого и Нового Заветов, Лондон, 1901. — **Адамс**, Х. К., История евреев, Лондон, 1887. — **Алькер**, Э., Дотроянская египетская хронология в соответствии с библейской, Леобшущ, 1894. — **Амитай**, Л. К., Исследование отношений, существовавших между римлянами и евреями до взятия Иерусалима, Париж, 1893. — **Андре**, Р., Народное творчество евреев, Билефельд и Лейпциг, 1881. — **Андре**, Ж., Рабство у древних евреев, Женева, 1892. — **Андриан**, Э. фон, Культ высоты у азиатских и европейских народов, Вена, 1895. — **Аршинар**, Исследование истории и археологии Израиля и его азиатских соседей: Финикия, Арам и Ассирия от эпохи Соломона до эпохи Санхериба, Женева, 1890.

Бабелон, Э., Manuel d'archéologie orientale, Париж, 1888. — **Бэк**, С., Das Synhedrion unter Napoleon I, Прага, 1879; Die relig. gesch. Litteratur der Juden in dem Zeitraum v. 15-18 Jahrhundert, Трир, 1893. — **Баснаж**, Т. де Боваль, Histoire des juifs depuis J. C. jusqu'à présent, pour servir de continuation à l'histoire de Josephus, Гаага, 1716. — **Бауэр**, Г. Л., Руководство по истории еврейского народа, Нюрнберг и Альтдорф, 1880, 3 тома. — **Бакстер**, У. Л., Святилище и жертвоприношения, Лондон, 1895. — **Белланж**, К., Иудаизм в истории еврейского народа, Париж, 1889. — **Беннетт**, У. Х., Экономические условия еврейской монархии (в *The Thinker*, 8, II, 9, I), Нью-Йорк, 1893. — **Бенцингер**, Й., Еврейская археология, Фрайбург, 1894. — **Бестманн**, Х., История развития Царства Божьего в Ветхом и Новом Заветах, Берлин, 1895. — **Берлинер**, А., Geschichte der Juden in Rom, Франкфурт, 1893. — **Бендер**, А., Vorträge über die Offenbarung Gottes auf alttest. Boden. — **Бертоле**, Die Stellung der Israeliten und der Juden zu den Fremden, Фрайбург, 1896. — **Беттани**, Г. Т. А., Sketch of Judaism and Christianity in the Light of Modern Research, Лондон, 1892. — **Библия**, Священная («авторизованная версия»), Лондон, 1611; («пересмотренная версия»), Лондон, 1884. — **Блейки**, В. Г., Герои Израиля, Гютерсло, 1891. — **Блох**, Дж. С., Национальная рознь и евреи в Австрии, Вена, 1886. — **Буа**, Х., Очерки о происхождении иудео-александрийской философии, Париж, 1895; Александр Великий и евреи в Палестине, (в *Revue de Théol. et Philos.*, Париж, 1890-91). — **Боралеви**, Э., Цивилизация и иудейский культ, Ливорно, 1893. — **Борселли**, Ф., Введение в libros prophetarum, Неаполь, 1893. — **Боскавен**, У. С., Библия и памятники, Лондон, 1895. — **Браун**, М., Geschichte der Juden und ihrer Litteratur, vom Auszug aus Ägypten bis Talmud, Бреслау, 1896. — **Брукс**, Дж. В., История еврейского народа от его первоначального происхождения до наших дней, Лондон, 1841. — **Браунли**, У. К., История евреев от взятия Иерусалима Титом до наших дней, Нью-

Йорк, 1842. — **Брюс**, У. С., Этика Ветхого Завета, Эдинбург, 1895. — **Бругш**, Х., Библейские семь лет голода и т. д., Лейпциг, 1891; Надпись на камне и библейское слово, Берлин, 1891. — **Будде**, К., Религия народа Израиля, Гиссен, 1900; «Песни Эбед-Яхве и значение раба Яхве» (в Ис. 40-55), « » (Дрезден, 1900); «Канон Ветхого Завета: краткое изложение», Гиссен, 1900; «Израиль и Египет» (в «Deutsches Wochenblatt», № 26). — **Буль**, Ф. П. В., Det israelitiskhe Folks historie, Копенгаген, 1893. — **Buhl**, F., Kanon und Text des Alten Testamentes, Лейпциг, 1891; Die Geschichte der Edomiter, Лейпциг, 1893; Geographie des alten Palästina, Фрайбург, 1894; Die socialen Verhältnisse der Israeliten, Берлин, 1898. — **Бодиссин**, граф В. Х. Ф. К., Geschichte des alttestamentlichen Priestertums, Лейпциг, 1889; Studien zur semitischen Religionsgeschichte, Лейпциг, 1876-78, 2 т.

Capefigue, B. H. R., Histoire philosophique des juifs, Paris, 1833. — **Casabo y Pages**, P., La España Judia, Barcelona, 1891. — **Cassel**, D., Lehrbuch der jüdischen Geschichte und Litteratur, Leipsic, 1879. — **Castelli**, D., Storia degl' Israeliti dalle origini fino della monarchia, Милан, 1887; Gli ebrei sunto di storia politica e letteraria, Флоренция, 1899. — **Каваньяро**, К., Gli ebrei in Egitto, Генуя, 1890. — **Казес**, Д., Essai sur l'histoire des Israélites de Tunisie, Париж, 1888. — **Чайкин**, А., Историческое исследование о положении евреев и т. д., Париж, 1887; — **Шастель**, Э., История христианства, Париж, 1881, 4 тома; — **Чейн**, Т. К., От Исаии до Ездры: исследование этанитов и иерамеелитов (в Am. Journ. of Theology, т. V, стр. 433 и далее); Основатели ветхозаветной критики: биографические, описательные и критические исследования, Лондон, 1893; Происхождение и религиозное содержание Псалтири в свете ветхозаветной критики и истории религий, Лондон, 1894. — **Чейн**, Т. К. и Сазерленд, **Блэк**, Дж., Энциклопедия Библика: Критический словарь литературы, политики и религии. История, археология, география и естественная история Библии, Лондон, 1899, и др. — **Чмеркин**, Х., Les juifs en Russie, Париж, 1893. — **Кобб**, В. Ф., Origines Judaicæ. — **Коэн**, Л., Chronologische Beiträge zur jüdischen Geschichte, Бреслау, 1892. — **Коммилито**, Luther und die Juden, Лейпциг, 1881. — **Кондер**, К. Р., The Hebrew Tragedy, Эдинбург, 1900. — **Кордые**, Х., Les juifs en Chine, Париж, 1891. — **Corneilhan**, G., Le Judaïsme en Egypte et en Syrie, Париж, 1889. — **Cornill**, Entstehung des Volkes Israel und seiner nationalen Organisation, Гамбург, 1888 (Virchow, Samml. wissenschaftl. Vorträge, n. F. 3 Serie, Heft 60); Введение в Ветхий Завет, Фрайбург, 1896. — **Коста**, И. де, Израиль и народы: обзор истории мертвых до нашего времени, Утрехт, 1876.

Дэли, К. П., Поселение евреев в Северной Америке, Нью-Йорк, 1893. — **Дэвис**, Т. В., Магическое гадание и демонология среди евреев и их соседей, Лондон, 1898. — **Дэвис**, М. Д., Деяния евреев Англии до 1290 года, Лондон, 1888. — **Дэй**, Э., Социальная жизнь евреев, Нью-Йорк, 1901. — **Дин**, У. И., Псевдоэпиграфы: отчет о некоторых апокрифических священных писаниях евреев и ранних христиан, Эдинбург, 1894. — **Дедие**, М., Эссеицы в их отношениях с иудаизмом и христианством, Монтобан, 1894. — **Дейссман**, Г. А., Вклад в историю языка и т. д. эллинистического иудаизма, Марбург, 1895; Лингвистическое исследование греческой Библии, ее современное состояние и задачи, Гиссен, 1898. — **Делатр**, Р. П., Le pays de Chanaan, province de l'ancien empire égyptien (в Revue des questions historiques, Париж, июль 1896, стр. 5-94). — **Делицш**, Франц, Geschichte der jüdischen Poesie, Лейпциг, 1836; Beiträge zur mittelalterlichen Scholastik unter Juden und Moslemen, Лейпциг, 1841; Иисус и Гиллель, сравнение с учетом мнений Ренана и Гейгера, Эрланген, 1879; Еврейско-арабская поэзия домухаммадского периода, Лейпциг, 1874; Библейско-пророческая теология, Лейпциг, 1845; Книги Ветхого Завета, переведенные с греческого на иврит, Берлин, 1885; Система библейской психологии, Лейпциг, 1861; Физиология и музыка в их значении для грамматики, особенно ивритской; Лейпциг, 1868. — **Делицш**, Фридрих, Где был рай? Лейпциг, 1881. Еврейский язык в свете ассирийских исследований, Лондон, 1883; Прологомены к новому еврейско-арамейскому словарю Ветхого Завета, Лейпциг, 1886. — **Деренбург**, Ж., Очерк истории Палестины, Париж, 1867. — **Дессауэр**, Й. Х., Geschichte der

Israeliten mit besonderer Berücksichtigung der Culturgeschichte derselben, Бреслау, 1870.— **Дестинон**, Й. в., Die Chronologie des Josephus, Киль, 1880.—**Диллманн**, А., Über die Herkunft der urgesch. Sagen der Hebräer (в Sitz. Ber. d. Berliner Acad. d. Wiss.), Берлин, 1882; Über den Ursprung der alttest. Religion, Гиссен, 1865; Über die Propheten des Alten Bundes nach ihrer politischen Wirksamkeit, Гиссен, 1868.—**Дион Кассий**, История Рима, Лондон, 1704.—**Драйвер**, С. Р., Введение в литературу Ветхого Завета, Лондон, 1894. — **Друмонт**, Э. А., Еврейская Франция, Париж, 1886. — **Дункер**, М., История древности, Лейпциг, 1877, 6 тт. — **Датт**, А., Теология Ветхого Завета, Лондон, 1900.

Эдерсхайм, А., Жизнь и времена Иисуса Христа, Лондон, 1884; Закон и политика евреев, Лондон, 1880; Очерки еврейской общественной жизни во времена Христа, Лондон, 1876; История еврейского народа после разрушения Иерусалима под Титаном, Лондон, 1890. — **Эмиль**, Э., Erinnerungen eines alten Pragers, Ghettogeschichten и др., Лейпциг, 1893.—**Эррера**, Л., «Русские евреи», Брюссель, 1893. — **Евсевий**, Ф., «Хроника». — **Эвальд**, Г. Х. А., «История народа Израиля», Гёттинген, 1864–1867, 7 тт. «Древности народа Израиля», Гёттинген, 1866.

Георг Генрих Август Эвальд родился в Гёттингене 16 ноября 1803 года; умер в Гёттингене 4 мая 1875 года. Он был профессором восточных языков в Гёттингене с 1827 по 1837 год и с 1848 по 1867 год. Профессор Эвальд был одной из самых стойких фигур в компании великих людей, которые принимали участие в реорганизации отношения девятнадцатого века к еврейской литературе. Но, углубляясь в восточные науки, он не менее живо интересовался политикой Германии своего времени, и именно этот интерес, а не другой, определил большинство важных шагов в его личной истории. Так, прерывание его первого курса в качестве профессора в Гёттингене было связано с его участием в деятельности знаменитой группы, известной как «Гёттингенская семерка», которая так энергично протестовала против того, что они считали политическим возмущением, что им больше не удалось сохранить свои связи с университетом. Впоследствии Эвальд был восстановлен в своей прежней должности, но вновь возник конфликт, в котором он был вынужден высказать свое мнение, и результат был таким же, как и раньше. И даже позже, когда всемирно известный востоковед перешагнул 71-летний рубеж, он был судим, признан виновным и приговорен к трем неделям тюремного заключения за то, что честно высказал свое мнение о действиях принца Бисмарка и имперского правительства, которым этот государственный деятель руководил. Учитывая эти биографические подробности, не может быть никаких сомнений в том, что великий востоковед был человеком самых твердых убеждений, всегда готовым бороться за свою веру, которая была основной чертой его существования. Он был полемистом, реформатором — как уже было сказано — еще одним Лютером. С раннего детства изучавший восточную литературу, он впоследствии стал повсеместно признанным авторитетом в этой области, а его труды, почти все из которых посвящены истории еврейского народа, ознаменовали эпоху в развитии религиозной и исторической мысли его времени. В частности, «*Geschichte des Volkes Israel*» всегда будет оставаться памятником учености и вехой интеллектуального прогресса целого поколения. Когда она появилась, и в течение многих лет после этого, большинству ученых того времени она казалась иконоборческой работой — работой, направленной на то, чтобы пошатнуть основы веры, хотя и написанной человеком, чья собственная вера была глубочайшей. Она действительно была предшественницей той работы по библейской экзегетике, которая с тех пор стала известна под популярным названием «высшая критика». Но изменения в последние десятилетия XIX века были настолько быстрыми, что то, что в 1840 году казалось иконоборчеством — почти скептицизмом, — в 1900 году должно было быть классифицировано как консерватизм. Сам Эвальд был бы потрясен, если бы мог увидеть, куда приведет его путь, на который он вступил.

Фентон, Дж., «Ранний еврейский быт: исследование социологии», Лондон, 1880. — **Фергюсон**, Дж., «Восстановленные дворцы Ниневии и Персеполя», Лондон, 1851. — **Фиск**, А. К., Еврейские писания: книги Ветхого Завета в свете их происхождения и истории, Нью-Йорк, 1894. — **Флэкнер**, Über den Character der alttest. Poesie; Бейтен, 1898. — **Флойгл**, В., Chronologie der Bibel, Лейпциг, 1880. — **Фаул**, Э., Краткое изложение еврейской истории, Лондон, 1880. — **Фокс**, А., Патриархи и лидеры Израиля, Лондон, 1890. — **Фредерик**, Х., Новый исход: Исследование Израиля в России, Лондон, 1892. — **Фреско**, История израильтян, Париж, 1898.

Гарреди, М., Католицизм и иудаизм, Париж, 1888. — **Готье**, Л., Миссия пророка Иезекииля, Лозанна, 1895. — **Женест**, Макс, Параллельные истории Иудеи и Израиля с пояснительными примечаниями, Лондон, 1843. — **Гейки**, К., «Ориентиры истории Ветхого Завета», Лондон, 1893. — **Гиббон**, Эдвард, «Упадок и падение Римской империи» (под ред. У. Смита), Лондон, 1872, 8 тт. — **Гилберт**, И., «Природа, сверхъестественное и религия Израиля», Лондон, 1893. — **Гендро**, Ф., «Вслед за израильтянами из Египта на Синай», Лозанна, 1895. — **Гинсбург**, К. Д., «Моавитский камень», Лондон, 1891 (содержит переводы Дермбурга, Ганнеана, Гейгера, Ханга, Хейса, Хитцига, Кемпфа, Нойбауэра, Ноэльдеке, Шлоттмана и Райта). — **Жирар**, Р. де, Études de géologie biblique, Фрайбург, 1893. — **Гловер**, А. К., Jewish Chinese Papers, 1894. — **Гете**, Вольфганг фон, Dichtung und Wahrheit, Веймар, 1811-1812, 1814. — **Гольдшмидт**, С., Geschichte der Juden in England, Berlin, 1890. — **Goodspeed**, G. S., A Sketch of Canaanitish History to about the Year 1000 (in Bibl. World, 7, II, Chicago, 1896). — **Gordon**, R. A., Old Testament History, London, 1890. — **Gourgeot**, E., La Domination juive en Algérie, Алжир, 1894. — **Грант**, М., L'Orient et la Bible, Женева, 1897. — **Грец**, Х., Geschichte der Juden von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart, Лейпциг, 1853-1875; Volkstümliche Geschichte der Juden, Лейпциг, 1888. — **Грин**, «Общее введение в Ветхий Завет: канон», Лондон, 1899. — **Грюнбаум**, М., «Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde», Лейден, 1893. — **Грюнайзен**, «Der Ahnenkultus und die Urreligion Israels», Галле, 1899. — **Гутэ**, «Geschichte des Volkes Israel», Фрайбург, 1899.

Ханеберг, Die religiösen Altertümer, Штутгарт, 1869. — **Харпер**, Э. Дж., Важные движения в Израиле до основания царства (в Bibl. World, 7, II, Чикаго, 1896). — **Харрис**, М. Х., Народ Библии, Нью-Йорк, 1890. — **Гастингс**, Ф. Э., Biblical Chronology, The historical period, kings, judges (в Proc. Soc. of Bibl. Archæol., Vol. XXII, p. 10 et seq., Лондон). — **Havet**, E., Étude d'histoire religieuse, Париж, 1894. — **Heath**, D. J., On the Jewish Exodus, as illustrated by Certain Egyptian Papyri (в Journ. Brit. Archæol. Assoc., т. XI, с. 238, Лондон). — **Гегель**, Г. В. Ф., Лекции по философии истории, Лондон, 1857. — **Хендерсон**, А., Палестина, ее историческая география (2-е издание), Эдинбург, 1894. — **Хенгстенберг**, Э. В., Geschichte des Reiches Gottes unter dem alten Bunde, Берлин, 1870-1871. — **Хенне Ам Рин**, O., Allgemeine Kulturgeschichte, Лейпциг, 1877-1879, 6 тт.; Kulturgeschichte des jüdischen Volkes von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart, Йена, 1892.

Отто Хенне ам Рин родился 26 августа 1828 года в Цюрихе. Мы уже имели возможность упомянуть о преимуществах историка, который одновременно является практическим человеком. Случай Хенне ам Рин является еще одним примером этого. В молодости и даже в зрелом возрасте он был практикующим журналистом, но затем оставил эту сферу деятельности, чтобы занять должность профессора в Цюрихском университете. Как журналист он достиг заметных успехов, а факт получения профессорской должности говорит сам за себя о его научной деятельности. Даже беглый взгляд на его *Allgemeine Kulturgeschichte* дает понять, что он был человеком широких взглядов, в полной мере осведомленным о великой теме, которую он пытался осветить. Немецкая наука подарила нам несколько «культурных» историй самого широкого типа, в частности, работы Вахсмута

и Османа, но среди них, пожалуй, нет ни одной, которая была бы более значимой и разнообразной, чем работа швейцарского журналиста-профессора.

Герцфельд, Л., *Geschichte des Volkes Israel*, Брауншвейг, 1847-1857, 3 тома; *Handelsgeschichte der Juden des Altertums*, Брауншвейг, 1879. — **Хитциг**, Ф., *Geschichte des Volkes Israel*, Лейпциг, 1869. — **Хольцман**, В., *Religionsgeschichtliche Vorträge*, Гисен, 1902. — **Хольцингер**, Х., *Einleitung in den Hexateuch*, Фрайбург, 1895. — **Хунакер**, А. ван, *Nouvelles études sur la restauration juive d'après l'exit de Babylone*, Париж-Лувен, 1893. — **Хоммель**, Ф., *Древняя еврейская традиция, иллюстрированная памятниками*, Лондон, 1897. — **Хосмер**, Дж. К., *Евреи в древности и в наше время*, Лондон, 1866; *История евреев в древности, средневековье и в наше время*, Нью-Йорк, 1891. — **Хадсон**, Э. Х., *История евреев в Риме*, Лондон, 1882-1884. — **Хаттон**, Л., *Литературные достопримечательности Иерусалима*, Нью-Йорк, 1895.

Инман, д-р Т., «Древние верования», Ливерпуль, 1868-1869, 2 тома.

Джейкобс, Дж., *Исследования в области библейской археологии*, Лондон, 1894; *Евреи в истории Анжуйской династии*, Лондон, 1893; *Исследование источников истории евреев в Испании*, Лондон, 1894. — **Ян**, Иоганн, *Еврейское содружество*, Лондон, 1829. — **Джеллинек**, А., *Franzosen über Juden*, Вена, 1880. — **Джонсон**, У. Э., *Наш долг перед прошлым, или Халдейская наука*, Лондон, 1890. — **Иосиф Флавий**, *Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου*, Базель, 1554; *Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία*, Оксфорд, 1720; *Κατὰ Ἀπίωνος*, Лейпциг, 1691; *Древности иудеев*, Эдинбург, 1843; *Войны иудеев*, Эдинбург, 1843.

Иосиф Флавий, еврей по происхождению, родился около 37 года н. э. и умер около 95 года н. э. Он является единственным светским историком, чьи труды сыграли важную роль в сохранении знаний о еврейской истории на протяжении поздней классической эпохи и средневековья. Действительно, благодаря теме, о которой он писал, Иосиф Флавий остается более известным широкой публике, чем почти любой другой классический автор. Иосиф Флавий, хотя и был евреем, прожил большую часть своей жизни в Риме и, по-видимому, считал своей миссией оправдание своего народа перед своими западными соратниками. Как хорошо известно, евреи не пользовались благосклонностью греков и римлян, отсюда и характер повествования Иосифа Флавия. Его главная работа по истории евреев явно основана на священных записях его народа. Короче говоря, в основном это сухая копия библейских записей с некоторыми добавлениями и пропусками. Трудно утверждать, что эта копия была сделана с полной откровенностью и честностью. По самой природе дела, этих достоинств от Иосифа Флавия вряд ли можно было ожидать. Он был евреем, членом презируемого и незначительного народа, стремившимся доказать самому культурному народу в мире, что презрение, которым они относились к его соотечественникам, было незаслуженным. Поэтому все его усилия направлены на то, чтобы преувеличить важность евреев и свести к минимуму их недостатки. Правда, он вставляет в свой рассказ то тут, то там многое, чего нет в библейских записях. В некоторой степени такие сведения могут быть взяты из других еврейских источников, которые не дошли до нас; но совершенно невозможно провести грань между такими сведениями и другими, которые, возможно, были придуманы воображением Иосифа Флавия, не в отношении голых фактов, а в отношении разработки деталей. Работа Иосифа Флавия имеет дополнительное значение тем, что она доводит историю его народа до его собственного времени, то есть до второй половины I века н. э. Для более поздних событий, в некоторых из которых автор сам участвовал в качестве военачальника, работа Иосифа Флавия является высшим, если не единственным авторитетом, и мы часто цитируем его. Для более раннего периода Иосиф Флавий полагался на традиции своего народа.

Йост, Израиль Маркус, *Geschichte der Israeliten*, Берлин, 1820-1847, 12 томов; *Allgemeine Geschichte des israelitischen Volkes*, Лейпциг, 1850; *Geschichte des Judentums und seiner Sekten*, Лейпциг, 1857-1889, 3 тома.—**Юстиний**, «Истории Филиппические и всего мира, Ориген и местоположение Земли», Венеция, 1470. —**Юнгфер**, Х., «Евреи при Фридрихе Великом», Лейпциг, 1880. —**Юсти**, Ф., «История древних народов Востока в древности», Санкт-Петербург, 1884.

Кан, Л., *Histoire de la communauté israélite à Paris*, Париж, 1894.—**Калишер**, Э., *Parabel und Fabel bei den alten Hebräern*, Берлин, 1894.—**Камфаузен**, А., *Das Lied Moses*, Лейпциг, 1862; *Das Gebet des Herrn*, Эльберфельд, 1866; *Die Chronologie der hebräischen Könige*, Бонн, 1883; *Das Buch Daniel und die neuere Geschichtsforschung*, Лейпциг, 1893; *Bleek's Einleitung ins Alte Testament*, Берлин, 1870.—**Карпелес**, Г., *A Sketch of Jewish History*, Филадельфия, 1897; *Jewish Literature and Other Essays*, Филадельфия, 1895.—**Каутцш**, «Краткий обзор истории литературы Ветхого Завета», Нью-Йорк, 1899; —**Кейл**, «Справочник по библейской археологии», Франкфурт, 1875; —**Келлнер**, Макс, «Ассирийские памятники (иллюстрирующие проповеди Исаяи)», Бостон, 1900.—**Келлог**, С. Х., «Евреи, или Предсказание и исполнение», Нью-Йорк, 1883. —**Кеннард**, Х. М., «Филистимляне и израильтяне: новый взгляд на мировую историю», Лондон, 1895. —**Кент**, К. Ф., «История еврейского народа», Нью-Йорк, 1896; *История еврейского народа в вавилонский, персидский и греческий периоды*, Нью-Йорк, 1899. — **Киркпатрик**, А. Ф., *Доктрина пророков*, Лондон, 1897. — **Киттель**, Р., *Начала еврейской историографии в Ветхом Завете*, Лейпциг, 1895; *Geschichte der Hebräer*, Гота, 1884. — **Клостерманн**, *Geschichte des Volkes Israel bis zur Restauration unter Esra und Nehemia*, Мюнхен, 1896. — **Кёлер**, А., *Lehrbuch der Geschichte des Alten Bundes*, Эрланген, 1875-1881. — **Кольбауэр**, А., *Geschichte des alttestamentlichen Bundesvolkes*, Регенсбург, 1886.—**Кёниг**, ред., *Einleitung in das Alte Testament mit Einschluss der Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments*, Бонн, 1893.—**Костерс**, В. Х., *Die Wiederherstellung Israels (in der Pers. Studie)*, Гейдельберг, 1895.—**Кюнел**, А., *Богослужение Израиля*, Харлем, 1869-1870; *Историко-критическое исследование возникновения и сборника книг Ветхого Завета*. 2 издание. Лейден, 1885-1893; *Пророки и пророчество в Израиле*, Лейден, 1875, 2 тома; *Народная религия и мировая религия*, Берлин, 1883; *Очерки из истории Израиля*, Неймеген, 1882-1892, 2 тома; *Собрание трудов по библейской науке*, Фрайбург, 1894.—**Куртц**, Дж. Х., *История Ветхого Завета*, Берлин, 1848-1855, 2 тома.

Ландау, Р., *Geschichte der jüdischen Ärzte*, Берлин, 1895. — **Ларош**, Э., *Chronologie des Israélites*, Анже, 1892. — **Латимер**, *Judæa: from Cyrus to Titus, 537 B.C.-70 A.D.*, Лондон, 1894. — **Лазарь**, М., *Die Ethik des Judentums*, Франкфурт, 1898. — **Лис**, С., *Закон в пророках*, Лондон, 1894. — **Ледрен**, Э., *История Израиля, с приложением Ж. Опперта*, Париж, 1879.

Эжен Ледрен родился в Сент-Сюзанне (Майенна), Франция, в 1844 году. Профессор Ледрен является выдающимся членом того большого круга французских ученых, которые посвятили свою жизнь изучению библейской истории. По каким-то причинам его работы не были переведены, и поэтому его имя не очень знакомо английскому читателю. Его особой областью интересов была история евреев во всех ее аспектах. О его трудолюбии свидетельствует не только длинный список его работ, но и тот факт, что среди них есть новый перевод Библии. Из всего вышесказанного ясно, что его исследования позволили ему в полной мере ознакомиться с предметом, и неудивительно, что он способен изложить свои знания в приемлемой форме.

Лейтнер, Ф., *Die prophetische Inspiration*, Фрайбург, 1894. — **Лидзбарски**, *Handbuch der nordsemitischen Epigraphik nebst ausgew. Inschrift.*, Веймар, 1898. — **Либлейн**, Дж., *L'exode des hébreux* (в *Proc. Soc. of Bibl. Archæol.*, т. XX, с. 277; Vol. XXI, p. 53, London, 1898).—**Lincke**, V., *Die*

Entstehung des Judentums (in Ztschr. für Wissenschaftl. Theologie, Jahrg. 44, p. 481 *et seq.*, Leipsic, 1901).—**Linden**, G. v., Der Sieg des Judentums über das Germanentum, Лейпциг, 1879.—**Lindo**, E. H., History of the Jews of Spain and Portugal, Лондон, 1848.—**Липпе**, X. Д., Библейский словарь всей еврейской литературы современности, Вена, 1881.—**Лёр**, М., История народа Израиля, Страсбург, 1900.—**Лотц**, В., История и откровение в Ветхом Завете, Лейпциг, 1894.—**Лёвенштайн**, Л., Beiträge zur Geschichte der Juden in Deutschland, Франкфурт, 1895.—**Lury**, I., Geschichte der Edomiter im biblischen Zeitalter, Берн, 1897.—**Lyon**, Sketch of Babylonian and Assyrian History with special reference to Palestine (в Bibl. World, 7, II, Чикаго, 1896).

Маккарди, Ф. Ф., «История, пророчество и памятники падения Ниневии», Лондон, 1894; «К падению Самарии», Лондон, 1894. — **Макдональд**, М., «Гармония древней истории и хронологии египтян и евреев», Филадельфия, 1891.—**Магдален**, Ж. де, Католическая Франция и еврейская Франция, Париж, 1888. —**Магнус**, леди Филип, Очерки еврейской истории, Лондон, 1892. —**Малли**, Дж., Historia sacra antiqui Testamenti, Стригония, 1890.—**Марголиут**, Г., «Сходства между евреями и вавилонянами», Лондон, 1899. —**Маркварт**, Дж., «Основы израильской и еврейской истории», Гёттинген, 1896. —**Марти**, К., «История израильской религии», Страсбург, 1897. —**Масс**, Э., «Французская революция и раввинат», Париж, 1890.—**Майерс**, М., История евреев: от их происхождения до окончательного рассеяния, Лондон, 1824. —**Мирс**, Дж. В., От изгнания до свержения: история евреев с вавилонского плена, Филадельфия, 1881. —**Менар**, Л. Н., Histoire des Israélites, Париж, 1883; Histoire des anciens peuples de l'Orient, Париж, 1883.

Луи Николя Менар родился в Париже 15 октября 1822 года. Этот знаменитый французский профессор искусства более известен широкой публике своими историческими трудами, чем работами, относящимися к его собственной специальности. Однако, пожалуй, было бы слишком упрощенно говорить о Менаре как о выдающемся специалисте в области искусства, поскольку его интересы носят космополитический характер, и он в равной степени хорошо разбирается как в чистой истории, так и в своей любимой области исследований. Как писатель, Менар отличается широтой взглядов и необычайным талантом изложения. Его история израильтян является, по некоторым оценкам, лучшим кратким популярным изложением этой темы, написанным на любом языке. Она свободна как от идолопоклоннических предрассудков, которые испортили работы некоторых историков, так и от иконоборческих предрассудков, которые обезобразили работы других. Поэтому эта работа может быть с интересом и пользой прочитана каждым серьезным исследователем древней истории, который хочет взглянуть на израильтян в их правильной исторической перспективе.

Мендельсон, М., Иерусалим, Берлин, 1783. — **Меркс**, Адальберт, Zur Geschichte des Stammes Levi, 1870. — **Мейер**, Эд., Die Entstehung des Judentums, Галле, 1896; Geschichte des Altertums, Штутгарт, 1884-1902, 5 тт. — **Миллс**, А., Древние евреи, Нью-Йорк и Чикаго, 1874. — **Милман**, X. X., История евреев с древнейших времен до наших дней, Лондон, 1878. — Моавитский камень. (Многочисленные переводы см. у Кристиана Д. Гинзбурга.) — **Мёбиус**, X., Die Kinder Israel nie in Ägypten, Ильменау, 1884.—**Монаш**, М., Geschiedenis van het volk Israel, Амстердам, 1891.—**Монтефиоре**, К. Г., Лекции о происхождении и развитии религии на примере религии древних евреев (Лекции Хибберта, 1892), Лондон, 1893 (2-е издание).—**Монте**, Ж., Второзаконие и вопрос о Гексатеуке, Париж, 1895. —**Моррисон**, У. Д., Евреи под властью Рима, Лондон, 1890. —**Моултон**, X. Г., Литературное исследование Библии, Лондон, 1895. —**Мунк**, Соломон, Палестина, Париж, 1845.

Навиль, Э., «Город-склад Питом», Лондон, 1885. — **Нил**, Дж., «Изображенная Палестина», Лондон, 1893. — **Нестле**, Э., «Маргинальные заметки и материалы», Тюбинген, 1893.—

Нетелер, Б., «Положение древнееврейского летоисчисления в истории Древнего Востока», Мюнстер, 1893; «Временное положение израильского исхода», Мюнстер, 1895.—**Нойбауэр**, А., «Средневековые еврейские хроники», Лондон, 1887. —**Нойбауэр**, А., и **Штерн**, М., «Еврейские сообщения о преследованиях евреев», Берлин, 1888. —**Ньюман**, Ф. В., «История еврейской монархии», Лондон, 1847.

Фрэнсис Уильям Ньюман родился в Лондоне 27 июня 1805 года. Профессор Ньюман имел несчастье быть братом человека, более известного, чем он сам. Отчасти по этой причине его имя сегодня относительно мало известно, в то время как имя кардинала известно практически каждому. Тем не менее, он был человеком выдающейся учености, и следы того же стойкого характера ума, который был присущ его брату, прослеживаются повсюду в его произведениях. Его история еврейской монархии, написанная примерно в середине века, — когда, как мы уже отмечали, высшая критика начала давать о себе знать, — до сих пор остается одним из самых ясных, интересных и авторитетных описаний этого народа. Большинству читателей в момент ее первой публикации она, должно быть, показалась смелым иконоборческим трудом, и даже сейчас многие читают некоторые ее страницы с затаенным дыханием. Однако ни ее объективность, ни отсутствие предвзятости, ни научная основа не могут быть поставлены под сомнение, а в сочетании с этими чертами она обладает стилистическими качествами, которые придают ей непреходящую ценность для широкого читателя.

Niebuhr, C., Die Chronologie der Geschichte Israels, Ägyptens, etc., Leipsic, 1894; Geschichte des Hebräischen Zeitalters, Berlin, 1894.—**Nikel**, I., Der Monotheismus Israels in der vorexil. Zeit, Paderborn, 1893.—**Nöldeke**, Th., Die Amalekiter, Гёттинген, 1864; Alttestamentliche Litteratur, Лейпциг, 1868: Untersuchungen zur Kritik des Alten Testamentes, Киль, 1869; Inschriften des Königs Mesa von Moab, Киль, 1870; Die semitischen Sprachen, Лейпциг, 1887.—**Новиков**, Т., «Еврейская Россия», Берлин, 1892. —**Новак**, В., «Социальные проблемы в Израиле», Страсбург, 1892; «Возникновение иудейской религии», Страсбург, 1895.

Öhler, G. F., Theologie des Alten Testamentes; (3-е изд.), Штутгарт, 1893.—**Oppert**, J., Salomon et ses successeurs: solution d'un problème chronologique, Париж, 1877.—**Ориген**, φιλοσοφούμενα (в Jac. Gronovius' Theasaurus Antiquitatem Græcorum, т. X, с. 349 и далее. Лейден, 1697).—**Оттли**, Р. Л., Краткая история евреев до римского периода, Кембридж, 1901; Еврейские пророки, Лондон, 1898.—**Оксфорд**, А. В., Введение в историю древнего Израиля, Лондон, 1887.

Палмер, Э. Х., «История еврейского народа», Лондон, 1874. — **Палудан-Мюллер**, Б., «Bibelhistorien og den gameltestamentlige Kritik», Копенгаген, 1893. — **Перро**, П., «Gli ebrei in Inghilterra nel secole XI e XII», Триест, 1887.—**Филипсон**, Д., Старые европейские евреи, Филадельфия, 1894. —**Пиччиотто**, Дж., Очерки англо-еврейской истории, Лондон, 1875. — **Пипенбринг**, К., История народа Израиля, Париж, 1898. —**Померанц**, Б., Греция и Иудея в древности, Париж, 1891. — **Пост**, Г. Э., Очерки о сектах и национальностях Сирии и Палестины (в квартальном отчете Египетского исследовательского фонда, Лондон, 1890). — **Прево-Парадоль**, Л. А., Очерк всемирной истории, Париж, 1890.

Люсьен Анатоль Прево-Парадоль родился в Париже 8 августа 1829 года; умер по собственной воле в Вашингтоне, США, 20 июля 1870 года. Знаменитый автор «Очерка всемирной истории» не был в первую очередь историком — и уж точно не великим историком. Он был профессиональным писателем и практическим политиком. Но практическая политика, в конце концов, ничто иное, как современная история, и с самых ранних времен люди, принимавшие участие в событиях своей эпохи, считались наиболее компетентными для их описания; в качестве примера достаточно упомянуть имена

Фукидида, Ксенофонта и Полибия. Не то чтобы Прево-Парадоль можно было справедливо сравнивать с этими великими историками, не то чтобы можно было в каком-либо смысле утверждать, что он написал великую историю, но практика профессионального политика в любую эпоху обязательно дает ему, в некоторых отношениях, лучшую точку зрения, с которой можно смотреть на события всемирной истории, чем та, которую может достичь простой кабинетный исследователь. Большая трудность с огромным массивом современной исторической литературы заключается в том, что люди, которые ее создали, были непрактичными кабинетными исследователями, которые почти ничего не знали о реальной жизни практикующего дипломата и государственного деятеля; отсюда столько инфантильной критики и детской легковёрности в оценке мотивов людей, которые во все времена творили историю; отсюда же, с другой стороны, ценность оценки любого человека, который, будучи вынужденным практически осознать мотивы, управляющие людьми в современной истории, пытается оценить с этой точки зрения деяния людей других времен. Такая работа должна быть вдвойне ценной, если практикующий государственный деятель, который ее создает, является также опытным писателем. Таков был статус Прево-Парадоля. Его работы обладают очарованием изысканного литературного стиля, а его оценка народов и событий — это оценка человека, который является одновременно художником и практиком. То, что он говорит о евреях или любом другом народе, не следует рассматривать как оценку ученого, посвятившего свою жизнь изучению первоисточников своей истории, но как оценку литератора с научными привычками, который полностью осведомлен о своем предмете, по крайней мере из вторых рук, и чье мастерство писателя позволяет ему представить его публике более ярко, чем это обычно удается более научным исследователям.

Прайс, Дж. М., Важные движения в Израиле до 1000 г. до н. э. (в *Bibl. World*, 7, II, Чикаго, 1896); Памятники и Ветхий Завет, Чикаго, 1900. — **Прайдо**, Х., История связи Ветхого и Нового Заветов, Лондон, 1715-1717, 6 тт.

Рабелло, М., *Histoire des Hébreux*, Париж, 1825. — **Раках**, Л., *Gl. Israeliti. Storia politico-litteraria*, Рим, 1898. — **Рейнах**, Т., *Histoire des israélites, etc.*, Париж, 1884. — **Ренан**, Ж. Э., *Histoire du peuple d'Israël*, Париж, 1887-93, 4 т.

Жозеф Эрнест Ренан родился в Трегье, Кот-д'ю-Нор, Франция, 27 января 1823 года; умер в Париже 2 октября 1892 года. Без сомнения, ни одно другое имя, которое мы упоминаем в связи с историей евреев, не является столь широко известным широкой публике, как имя Ренана. Знаменитый бывший священник, который до конца своей жизни утверждал, что в душе он по-прежнему остается священником, с самого начала завоевал внимание публики и сохранил его до конца, отчасти благодаря красноречию своих речей, отчасти благодаря, казалось бы, поразительному характеру своих идей. Как стилист, даже в стране стилистов, Ренан с самого начала занимал первое место; как литератор, его положение было обеспечено, какой бы темой он ни решил заняться. Но он также достиг соответствующего признания как чистый и простой ученый. Он рано посвятил себя всестороннему изучению еврейской истории, и вся его жизнь была связана с этой задачей. Начав с намерением стать священником, он вскоре обнаружил, что не разделяет некоторые из самых дорогих принципов церкви, и был вынужден отказаться от своей будущей профессии, чтобы посвятить себя исключительно литературной деятельности. Он стал известен, и, по крайней мере, какое-то время ему, по-видимому, нравилось быть известным, как скептик, и его имя с позором упоминалось со многих амвонов. Однако тот, кто читает его работы с точки зрения нашего поколения, найдет в них мало чего по-настоящему иконоборческого и будет почти готов признать, что Ренан был прав, когда сказал — возможно, полусуто — что он до конца оставался священником. В последние годы своей жизни Ренан сам пришел к выводу, что, возможно, борясь с древними верованиями, он занимался не чем иным, как борьбой с

соломенным человеком, и в конце концов пожалел, что не обратил свое внимание на какую-нибудь область науки, а не на узкий канал истории древнего народа. Однако, возможно, это сожаление было необоснованным, ведь, в конце концов, ум Ренана был по сути своей теологическим, и остается открытым вопрос, смог ли бы он достичь большего в какой-либо области науки, чем он смог достичь в области истории и литературы. С другой стороны, если бы он выбрал чисто литературную область, без обременительного груза исторических традиций, он, скорее всего, создал бы что-то более ценное, чем любая из его существующих исторических работ. Как бы то ни было, его исторические работы остаются памятником трудолюбия и художественного мастерства, который библеисты нашего поколения не могут игнорировать.

Ренду, А., «Еврейская раса в древней и римской истории», Лондон, 1895 г. — **Ревиль**, А., «Ирод Великий: Глава из еврейской истории первой половины года до Рождества Христова» (в *Deutsche Revue*, Берлин, май-июль 1892 г.).—**Рием**, К. А., «Словарь библейской древности», Билефельд, 1892-1894; «Законодательство Моисея в земле Моава», Гота, 1854; «Особое значение Ветхого Завета для религиозного познания», Галле, 1864; «Мессиянское пророчество», Гота, 1875; *Der Begriff der Sühne im Alten Testament*, Gotha, 1877; *Der biblische Schöpfungsbericht*, Halle, 1881; *Einleitung in das Alte Testament* (под ред. Брандта), Halle, 1889; *Alttestamentliche Theologie* (под ред. Панке), Halle, 1889.—**Риггс**, Т. С., История еврейского народа в период Маккавеев и Римской империи (включая времена Нового Завета), 1900. — **Роберт**, У., *Les signes d'infamie au moyen age, juifs, etc.*, Париж, 1817.—**Робертсон**, Джеймс, «Ранняя религия Израиля, как она представлена библейскими писателями и современными критическими историками», Лондон, 1892; «Поэзия и религия Псалмов», Лондон, 1899.—**Родоканачи**, Э., «Гетто в Риме», Париж, 1891.—**Рёрихт**, Р., *Bibliotheca geographica Palæstinæ Chronolog.* (*Verzeichniss der auf Palästinas Geographie bezüglichen Litteratur von 338 bis 1878*), Берлин, 1890. — **Розенмюллер**, *Handbuch der biblischen Altertumskunde*, Лейпциг, 1823-1827, 2 тома. — **Роскофф**, *Die hebräischen Altertümer*, Вена, 1857.—**Ротшильд**, К. де и Р. де, История и литература израильтян согласно Ветхому Завету и апокрифам, Лондон, 1871.—**Руже**, Э. де, Моисей и евреи по памятникам, Париж, 1869.—**Руппребхт**, Э., *Beitr. zur richtigen Lösung des Pentateuchrätsels*, Гютерсло, 1896.

Заальшютц, Дж. Л., Археология евреев, Кенигсберг, 1855-1856, 2 тома. — **Сак**, И., Израиль и Иудея (в *Revue d'études juives*, т. XXXVIII, с. 172 и далее. Т. XXXIX, Париж, 1898).—**Сайлер**, Ф., «Евреи и Германская империя», Берлин, 1876. —**Сандей**, У., «Оракулы Бога», Лондон, 1891.—**Сэйс**, А. Х., Высшая критика и вердикт памятников, Лондон, 1894; Патриархальная Палестина, Лондон, 1895; Ранний Израиль и окружающие народы, Лондон, 1899; Ранняя история евреев, Лондон, 1897; Новый свет от древних памятников (*Religious Tract Society*), Лондон, 1893.—**Скалигер**, Дж. Дж., «Тезаурус времен», Лейден, 1606. —**Шефер**, «Религиозные древности Библии», Мюнстер, 1892. —**Шалин**, З., «Пребывание израильтян в Египте», Хельсингфорс, 1894. —**Шалл**, Э., «Государственное устройство евреев», Лейпциг, 1894.—**Шарлинг**, Х., Хауран, *Reisebilder aus Palästina*, Бремен, 1890. —**Шенкель**, *Bibellexicon für Geistliche und Gemeindeglieder*, Лейпциг, 1869-1875, 5 тт. —**Шлаттер**, *Zur Topographie und Geschichte Palästinas*, Кальв и Штутгарт, 1894.—**Шлоссер**, Ф. К., *Weltgeschichte*, Франкфурт, 1844-1854, 19 тт.—**Шмидт**, Н., Моисей, его эпоха и его дело (в *Biblical World*, 7, II, Чикаго, 1896).—**Шольц**, А., *Zeit und Ort der Entstehung der Bücher des Alten Testamentes*, Вюрцбург, 1893.—**Шольц**, П., *Die heiligen Altertümer des Volkes Israel*, Регенсбург, 1869-1870, 2 тома.—**Шрадер**, Эберхард, *Keilinschriften und das Alte Testament*, Берлин, 1872, 2 тома; 2-е издание, 1883 (английский перевод, Лондон, 1885-1889, 2 тома); *Studien zur Kritik und Erklärung der biblischen Urgeschichte*, Берлин, 1863.

Эберхард Шрейдер родился в Брауншвейге, Германия, 5 января 1836 года. Профессор Шрейдер известен ученым всего мира как один из лидеров современных исследователей

иврита. В частности, его исследования были направлены на прояснение истории иврита, так сказать, с месопотамской стороны. Он рано занялся изучением клинописного письма и стал известен как один из ведущих авторитетов в этой новой области. С этой точки зрения он исследовал, насколько это было возможно, происхождение еврейского народа и сравнил библейские записи с аналогичными, обнаруженными при раскопках в Ниневии и Вавилоне. Научная деятельность профессора Шредера по сути своей является немецкого типа, в более тяжеловесном смысле этого слова. В его трудах мало что может привлечь широкую аудиторию, за исключением того, что тема имеет всеобщий интерес. Тем не менее, некоторые из них были переведены на английский язык и получили широкое распространение; в частности, переводы так называемого Халдейского Бытия заинтересовали широкую публику.

Шульц, Х., «Теология Ветхого Завета», Лондон, 1895 (2-е издание).—**Шюрер**, «История еврейского народа в эпоху Христа», Лейпциг, 1885; «Календарь и эра Газы» (в Sitz. Ber. d. Berliner Acad. d. Wiss. № 41).— **Скотт**, К. А., Становление Израиля, от Иосифа до Иисуса Навина, Эдинбург, 1895. — **Зейнеке**, Л. К., История народа Израиля, Гёттинген, 1876-1884. — **Селлин**, Beitr. zur isr. und jüd. Religionsgeschichte, Лейпциг, 1895. — **Шарп**, С., History of the Hebrew Nation and its Literature, Лондон, 1882.—**Шакфорд**, С., The Sacred and Profane History of the World, Лондон, 1728-1754.—**Сайм**, Дж., The Kingdom of all Israel: its History, Лондон, 1883.—**Сменд**, Р., Lehrbuch d. alttest. Religionsgeschichte, Фрайбург, 1899.—**Смит**, Джордж, Еврейский народ.—**Смит**, Г. А., Историческая география Святой Земли, Лондон, 1901.—**Смит**, У., Иллюстрированная история Библии, 1871; Словарь Библии, Лондон, 1860-1863, 3 тома.—**Смит**, У. Р., Пророки Израиля и их место в истории до конца VIII века: с дополнительными примечаниями Т. К. Чейна, Лондон, 1895. — **Соарес**, Т. Г., Еврейская историография (в Bibl. World), Чикаго, сентябрь 1893.— **Солли**, Х. С., Древности Израиля, Лондон, 1876. — **Сомервилл**, Р., Параллельная история еврейской монархии, Кембридж, 1895. — **Спаньер**, М., Quellenbuch für den Unterricht in jüdischer Geschichte, Франкфурт, 1890.—**Спенс**, Х. Д. М., и **Экселл**, Дж. С., «Пулпит-комментарий», Лондон, 1880 г. —**Спино**, С., «Исследование о самаритянском народе», Париж, 1897 г. —**Штаде**, Б., «История народа Израиля», Берлин, 1887 г., 2 тома; «Возникновение народа Израиля», Гиссен, 1899 г.

Бернхард Штаде родился в Арнштадте 11 мая 1848 года; профессор истории Ветхого Завета в Университете Гиссена. Ученость настолько повсеместно является обязательным условием для получения профессорской должности в немецких университетах, что повторение этого факта становится утомительным. Можно почти сказать, что ни один немец не осмелится написать книгу по истории или науке, не овладев сначала в полной мере своим предметом. Когда книга выходит из немецкой типографии, обычно можно с уверенностью предположить, что она будет обладать всем авторитетом, который может исходить от одного лишь знания предмета, которому она посвящена. Немцы славятся как лингвисты и филологи. Научная деятельность для них является традицией, и эта традиция никогда не была так широко распространена, как в нынешнем поколении. Но при ознакомлении с немецкой книгой возникает еще один вопрос, ответ на который отнюдь не так очевиден, а именно вопрос о стиле автора; к сожалению, немецкая научная деятельность среди историков не более известна, чем немецкое отсутствие литературного мастерства. Немецкий язык особенно подходит для манеры изложения, которая кажется французу или англичанину непонятной; и лишь в редких случаях в длинном списке немецких историков можно найти писателя, достигшего того стилистического совершенства, которое, следует признать, является почти национальным достоянием французов и ни в коем случае не является чем-то необычным для англоязычных писателей. Среди этой избранной компании мы сразу вспоминаем имя Херена, и следует помнить, что такие люди, как Куртиус и

Моммзен, внесли свой вклад в создание нового стандарта литературного совершенства для своих соотечественников. Похоже, что эти замечательные примеры не были утрачены для немецких историков нынешнего поколения. Среди них, пожалуй, вряд ли кто-то будет утверждать, что профессор Штаде достиг в этом отношении особой выдающейся роли, но, по крайней мере, он обеспечил себе почетное место; и, возможно, нет другой работы по истории Израиля, которая в целом могла бы претендовать на лучший средний показатель желательных качеств, как знаний, так и стиля, чем работа, которая сейчас перед нами.

Staerk, W., Studien zur Religions- und Sprachgeschichte des Alten Testamentes, Berlin, 1899.—**Stanley, A. P.**, Lectures on the History of the Jewish Church, London, 1884, 3 vols.—**Stapfer, E.**, La Palestine au temps de Jésus-Christ, (5th edition), Paris, 1892.—**Ставе**, Über den Einfluss des Parsismus auf das Judentum, 1898. — **Штейншнайдер, М.**, Die hebräischen Übersetzungen des Mittelalters, Берлин, 1893. — **Штерн, М.**, Urkundliche Beiträge über die Stellung der Juden, Киль, 1893; Die israelitische Bevölkerung der deutschen Städte, Франкфурт, 1890-1896.—**Штайернагель**, Der Rahmen des Deuteronomiums, Галле, 1894; Die Entstehung des deuteronom. Gesetzes, Галле, 1895.—**Стош, Г.**, Alttest. Studien, Гютерсло, 1895.—**Стрейндж, Гай де**, Palestine under the Moslems. Описание Сирии и Святой Земли с 650 по 1500 год н. э., Лондон, 1896. — **Сульцбах, А.**, Религиозная и светская поэзия евреев с VII по XVI век, Трир, 1893. — **Сандерленд, И. Т.**, Библия: ее происхождение и развитие, Нью-Йорк, 1893.

Тацит, Корнелий, *Historiæ*, Венеция, 1470. — **Талмуд**, Венеция, 1520-23. — **Тинео**, Х. А., *Los Judios en España*, Мадрид, 1881. — **Тристрам**, Х. Б., *Land of Israel*, Лондон, 1865.

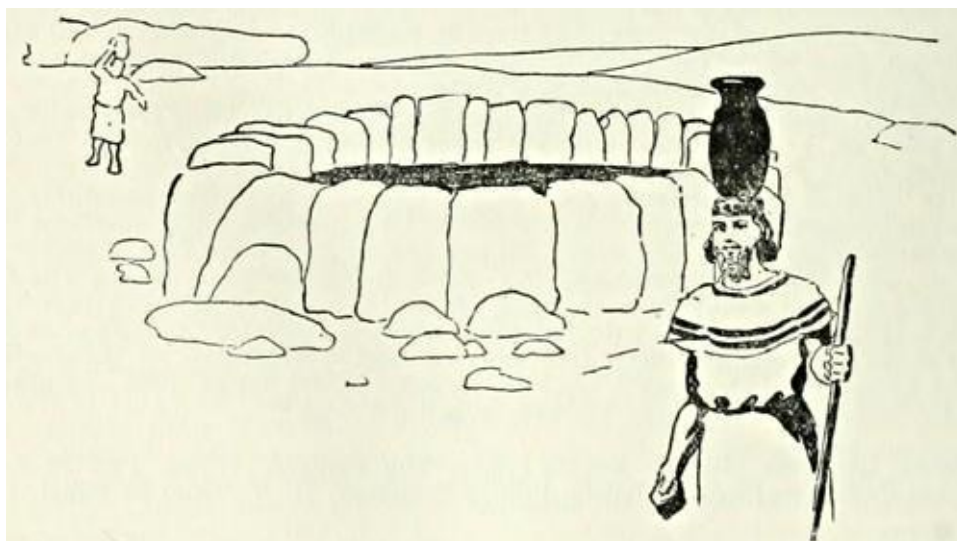
Улеманн, М. А., «Израильтяне и гиксосы в Египте: историко-критическое исследование», Берлин, 1856. — **Унгер**, Г. Ф., «Эпоха Селевкидов в книгах Маккавейских», Мюнхен, 1895; «Годы правления маккавейских князей» (*Abhdl. Acad. München*, Heft. 2).

Ватке, В., *Библейская теология в научном изложении*, Берлин, 1835. — **Вернес**, М., *О предполагаемом политеизме евреев*, Париж, 1893, 2 тома. — **Виссер**, И. Т. де, *Еврейская археология*, Утрехт, 1894.

Уорд, А., «Еврейская монархия: ее история и цель», Лондон, 1900 г. — **Вебер**, Г., «Общая всемирная история», Лейпциг, 1857–1880 гг. — **Вебер**, Г., и **Хольтцман**, Х. Дж., «История народа Израиля и зарождение христианства», Лейпциг, 1867 г. — **Вебер**, Дж. Б., и **Кемптер**, В., «Положение евреев в России», Париж, 1893. — **Веджвуд**, Дж., «Послание Израиля в свете современной критики», Лондон, 1894. — **Вейль**, А., *Пять книг (мозаистов) Моисея*, Париж, 1893; *Столетие эмансипации евреев*, Париж, 1888. — **Вайнштейн**, Н. И., *Вклад в историю ессеев*, Берн, 1892. — **Веллхаузен**, Й., «История Израиля», Берлин, 1878; «Очерк истории Израиля и Иудеи» (3-е издание), Лондон, 1895; «Композиция Гексатеуха», Берлин, 1889; «Эскизы и подготовительные работы», т. V, Берлин, 1895; «Взгляд на ход истории Израиля», Берлин, 1878. (*Юлиус Веллхаузен* родился в Хамельне, Германия, 17 мая 1844 года. В настоящее время занимает профессорскую кафедру в Гёттингене. Он является одним из самых известных критических исследователей библейских повествований.) — **Вендланд**, П., *Die Therapeuten und die philon. Schrift vom beschaulichen Leben: ein Beitrag zur Geschichte des hellen. Judentums*, Лейпциг, 1894. — **Вестфаль**, Р., *Allgemeine Metrik der indogermanischen und semitischen Völker*, Берлин, 1893. — **Уэйт**, Генри Барклай, *The Old Testament in Greek according to the Septuaginta*, Кембридж, 1898. — **Винер**, Л., *История идишской литературы в XIX веке*, Нью-Йорк, 1889. — **Уилберфорс**, Б. Ф., *Герои еврейской истории*, Лондон, 1895. — **Вильдебоер**, Г., *Литература Ветхого Завета в порядке ее возникновения*, Гронинген, 1893; *Литература Ветхого Завета*, Гёттинген, 1895; *Возникновение канона Ветхого Завета*, Гота, 1894. — **Виллих**, Х., *Иудаика: Исследования по греко-еврейской истории и литературе*, Гёттинген, 1900; *Евреи и греки до восстания Маккавеев*, Гёттинген, 1895. — **Уилсон**, А. М., *Вина Библии*, Лондон, 1877; — **Винклер**, Хьюго, *История Израиля в отдельных описаниях*, Лейпциг, 1895; *Исследования Древнего Востока*, Лейпциг, 1893; *Исследования Ветхого Завета*, Лейпциг, 1892. — **Винер**, Г. Б., *Библейский реальный словарь*, Лейпциг, 1847-1848. — **Райт**, Г. Х. Б., *Был ли Израиль когда-нибудь в Египте?* Лондон, 1895.

Ксенофонт, *Κυροπαδεία*, Флоренция, 1516.

Цан, А., *Israelitische und jüdische Geschichte; Beurtheilung der Schrift*, Гютерсло, 1895. — **Целлер**, П., *Biblisches Handwörterbuch* (2-е издание), Кальв и Штутгарт, 1893. — **Зенос**, А. К., *The Elements of the Higher Criticism*, Нью-Йорк, 1895. — **Цёклер**, *Апокрифы Ветхого Завета, с приложением о псевдоэпиграфической литературе*, Мюнхен, 1893. — **Цунц**, Л., *Богослужбные проповеди евреев*, Франкфурт, 1892.

ЧАСТЬ V

ИСТОРИЯ ФЕНИКИИ

, ОСНОВАННАЯ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ НА СЛЕДУЮЩИХ ИСТОЧНИКАХ

А. Х. Л. ХЕРЕН, ДЖОН КЕНРИК, О. МЕЛЬЦЕР, Т. МОММСЕН,
Ф. К. МОВЕРС, Р. ПИЕТШМАНН

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

АППИАНА АЛЕКСАНДРИНСКОГО, АРИСТОТЕЛЯ, АРРИАНА, СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ,
К. К. Й. ФОН БУНСЕН, ФИЛОН БИБЛИЙСКИЙ, КВИНТ КУРЦИЙ,
В. ДЕЕКЕ, ДИОДОРА, МАКСА ДУНКЕРА, ЭРАТОСТЕНА,
ЭУПОЛИМ, ЭД. ГЕРХАРД, Э. ГИББОН, П. Ф.
ДЖ. ГОССЕЛИН, ДЖОРДЖ ГРОТ, ХАННО,
ГЕРОДОТ, Ф. ХОММЕЛЬ, ИСОКРАТ,
СВ. ИЕРОНИМ (ИЕРОНИМ),

ФЛАВИЙ ИОСИФ, ЮСТИН, МЕНАНДР ЭФЕССКИЙ, ПОМПОНИЙ МЕЛА,
Б. Г. НИБУР, Дж. П. ПЕТЕРС, ДЖАС. РЕННЕЛЛ, ВИКОМТ ДЕ РУЖЕ,
САЛЛУСТИЙ, САНХОНИАТОН, ПЛІНІЙ ВТОРОЙ, СТРАБОН,
ТЕОФИЛ, ФУКИДИД, ГЕОРГ ВЕБЕР, УИЛЬЯМ
ИЗ ТИРА, Х. ВУТТКЕ, КСЕНОФОН

ВМЕСТЕ С ВВОДНОЙ СТАТЕЙ О

ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ФЕНИЦИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ
НАЗВАНИЯ

АВТОРСТВА

РИЧАРДА ПИЕТШМАННА

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

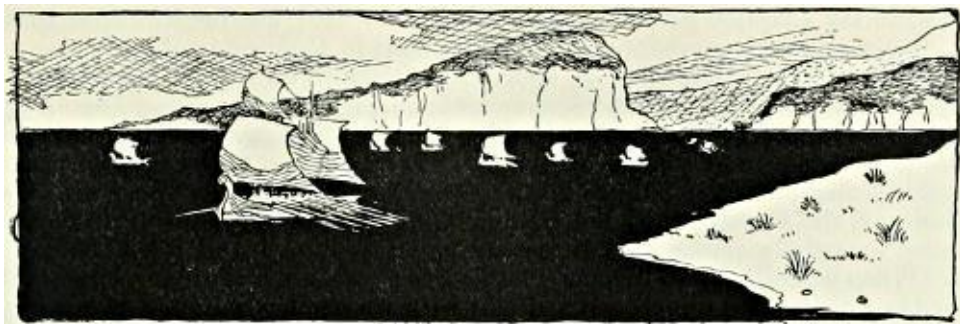
Все права защищены.

ЧАСТЬ V. — ФЕНИКИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА

Индивидуальность истории Финикии и происхождение названия	243
Краткий обзор истории финикийцев	246
Краткая история Карфагена	251
Глава I. Земля и народ	255
Глава II. Ранняя история и влияния	263
Глава III. Период могущества финикийцев	279
Глава IV. Финикия под властью персов	289
Глава V. Финикия под властью греков, римлян и сарацин	301
Глава VI. История Карфагена	308
Глава VII. Финикийская торговля	329
Глава VIII. Финикийская цивилизация	346
Приложение А. Классические традиции	356
Краткий список источников по главам	361
Общая библиография по истории финикийцев	363

Индивидуальность истории Финикии и происхождение названия

АВТОР: РИЧАРД ПИЕТШМАН

Переведено для данной работы из его работы *«Geschichte der Phönizier»*.

История как египетского, так и вавилонского народов тесно связана с территориальной историей ограниченного участка земли, в то время как у финикийцев все обстоит совсем иначе. Их история в гораздо меньшей степени является историей их земли. Среди всех цивилизованных народов древности Финикия была первой, которая, сохранив свою национальную индивидуальность и форму цивилизации, научилась становиться независимой от клочка земли, на котором эта индивидуальность развивалась. Она была первой, которая посредством эмиграции и основания поселений приобрела достаточное пространство, чтобы достичь полной исторической значимости.

На определение баланса сил в древнем Востоке, на политическую жизнь своих соседей мелкие государства этого района в действительности никогда не оказывали положительного влияния. В лучшем случае их существование и политика того времени помогали в решении некоторых вопросов относительно небольшой важности в ходе мировых исторических событий. Были бы мы более заинтересованы в истории Тира и Сидона, чем в истории Газы и Ашдода, если бы первое сообщение между Востоком и Западом не было установлено главным образом финикийцами и если бы финикийская колония Карфаген, самый опасный соперник сначала греческих городов Сицилии, а затем и поднимающейся мировой державы Рима, не вела ожесточенную борьбу за господство на побережье западной половины Средиземного моря — борьбу, которая после долгого периода, бедного военными подвигами, увековечила имя пунической расы? Слава, которая озаряет фигуры полководцев Гамилькара и Ганнибала, отражается на истории их родины.

В истории народов не ново, что реорганизация национальной жизни активного народа происходит в его колониях и эмигрантских общинах. Мы можем привести в пример основание государств верагов и норманнов, а также возникновение Соединенных Штатов Америки из поселений Новой Англии. Но, как показывают эти примеры, это редко происходит без значительной потери национальной индивидуальности. Как правило, такие новые политические образования сопровождаются более или менее полным изменением национального характера, значительная часть которого приносится в жертву в процессе адаптации к изменившимся условиям жизни; однако среди финикийцев в их колониальных городах можно наблюдать лишь немногие следы таких изменений.

Более того, только сейчас, после того как раскопки в Греции принесли на свет значительное количество останков догомеровских времен, мы начинаем правильно оценивать совокупность плодотворных идей и готовых продуктов, которые финикийские мореплаватели и торговцы вместе со своими товарами принесли народам Запада, и прежде всего греческому искусству. Таким образом, экспансия финикийцев оказала длительное влияние на весь ход истории цивилизации во все последующие времена.

То, что сделало их, в этом смысле, исторически важным народом, было, помимо упорства, с которым они преследовали свои цели, высокая степень интеллектуальной восприимчивости, которая позволяла им с легкостью усваивать достижения иностранной культуры, а также адаптивность и проницательность, благодаря которым они могли чувствовать себя как дома даже в совершенно чуждой обстановке.

Они не были более независимыми от благоприятности или неблагоприятности обстоятельств, чем любой другой народ на земле. Даже кажется, что в соответствии с каким-то законом они достигали результатов только тогда, когда в ходе своих предприятий

вступали в контакт с народами, чья цивилизация еще находилась в процессе формирования или, по крайней мере, в период контакта не достигала какой-либо самостоятельной значимости.

Но умение, с которым они могли обратить такие обстоятельства себе на пользу и продолжать национальное существование в такой среде (эта высокоразвитая способность к адаптации была их особым наследием), было чем-то, что, по крайней мере, было бы совершенно невозможно для культурных народов Нила и Евфрата. Это было связано главным образом с тем, что в финикийской культуре преобладали не национальные элементы, а те, которые были заимствованы у иностранных народов. Это сделало культуру удобной одеждой, избавило ее и ее носителей от неловкости, которая развилась бы в случае более независимого происхождения, избавило ее от многих жестких оков и неизменных недостатков, которые сопутствуют единой национальной культуре и изолированной истории развития.

Поскольку сцена истории финикийцев варьируется в зависимости от местоположения их поселений, Финикия — это не столько фиксированное географическое понятие, сколько название, которое просто обозначает в целом ту часть сирийского побережья, основное население которой было финикийского происхождения.

Соответственно, происхождение названия «Финикия» (Phoinike), которое греки дали этому участку побережья, следует искать в греческом названии жителей: «Phoinix», множественное число «Phoinix», а не «Phoinikes» от названия страны.

«Phoinix» образовано по аналогии с «Cilix», «кикийский», и обозначает финикийца как человека с красновато-коричневым цветом кожи, так как в греческом языке «rhoīnos» — это название цвета, варьирующегося от коричневатого до темно-красного. Тот же корень, что и в «rhoīnos» и «Phoinix», встречается также в «Pœnus», «пунический», что было формой, данной итальянскими народами имени, которое они слышали из уст греков из собственно Греции (Эллады).

Поскольку словообразования, подобные Phoinix, не были очень распространены в греческом языке в качестве названий народов, греки не всегда помнили об основном значении Phoinix и очень рано начали придумывать для него искусственные этимологии, которые частично оказались совершенно произвольными и абсурдными, но частично нашли одобрение среди современных ученых. Последние, со своей стороны, также не преминули увеличить число неудачных попыток интерпретации. Нет необходимости вступать здесь в обсуждение большинства этих объяснений, опровергая утверждение, что финикийцы получили свое название от Phoinix, брата Кадма, или что слово «красильщики в красном» обозначает их как «торговцев пурпуром» или даже «грабителей» и «убийц», и другие подобные представления, поскольку они теперь ушли в прошлое. Тем не менее, они в некоторой степени находятся на правильном пути, поскольку в них Phoinike рассматривается как производная, а Phoinix — как корень слова.

Поскольку финиковая пальма и ее плоды впервые стали известны грекам через финикийцев, это дерево они также называли Phoinix, «финикийская» пальма. Таким образом, в древности было широко распространено толкование, согласно которому Phoinike происходило не от Phoinix, «финикийский», а от rhoīnix, «финиковая пальма», в результате чего Phoinike означало «земля пальм», «земля финиковых пальм». Среди современных исследователей, в частности, Моверс привел много доводов в пользу правильности этого объяснения.

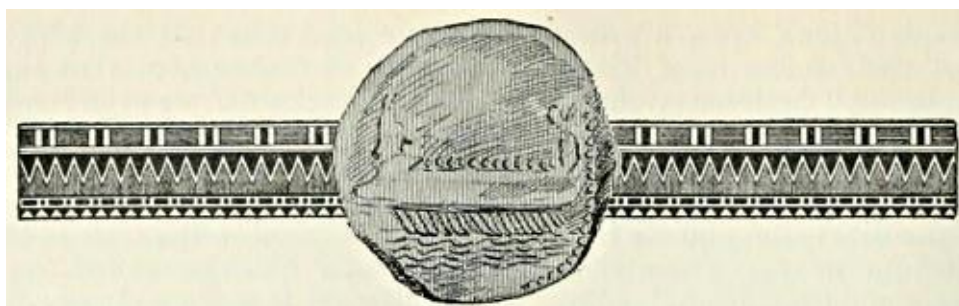
Афиней прямо упоминает финики как ценный товар финикийской торговли; но, возможно, большая ошибка считать их продуктом Финикии, а не просто предметом

торговли, поскольку плоды *Phœnix dactylifera* вообще не созревают в Финикии. Мало что можно доказать на основании изображения пальмы на монетах, происхождение которых можно проследить исключительно до греческих прототипов.

Наконец, с филологической точки зрения невозможно, чтобы после того, как форма *Phoinike*, как название страны, была образована от *phoinix*, «финиковая пальма», такая форма, как *Phoinix*, обозначающая жителей, могла быть в свою очередь результатом образования от этого названия страны.

Финикийские терракоты в Лувре

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФЕНИКИЙЦ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ФЕНИЦИЙСКОЙ ИСТОРИИ, ХОД СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

О источниках этой истории можно сказать лишь то, что они практически не существуют в материальной форме, и повторить жалобу Херена:

«Самая тяжелая утрата, о которой скорбит древняя история, утрата, которую невозможно восполнить, — это уничтожение записей, которые должны были бы пролить свет на дела, правительство и предприятия финикийцев. Пропорционально огромному влиянию, которое этот народ оказал на цивилизацию человечества своими великими изобретениями и открытиями (одно только изобретение алфавитной письменности достаточно, чтобы показать их важность), своими многочисленными колониями, основанными во всех частях света, и своей торговлей, простиравшейся даже за пределы этих колоний, тем острее мы ощущаем пробелы, которые потеря этих записей оставляет в истории человечества. Именно осознание масштабов этой потери придает тем немногим фрагментам, которые сохранились из огромного массива, особую привлекательность для историка; и хотя из них, возможно, невозможно составить историю финикийцев, они, вероятно, позволят ему нарисовать достаточно точную картину общего характера и гения этой нации в ее различных начинаниях».

Финикийцы были семитским народом, вероятно, ранней ветвью, как и хананеи, от родительского племени; народом, отличавшимся замечательной трудолюбивостью, интеллектом и предприимчивостью. Их страна располагалась на юге Сирии, между горами Ливана и Средиземным морем, на полосе земли длиной около двухсот миль и шириной тридцать пять миль в самой широкой части. Финикия никогда не была единым государством, а скорее конфедерацией городов. В то время, когда мы впервые узнали о ней, во главе стоял Сидон, но в XIII веке до н. э. самым важным городом стал Тир.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД — ДО ВЫСОКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ТИРА (3800-1100 гг. до н. э.)

3800 г. до н. э. Считается, что империя Саргона Агадского включала Сирию и побережье Средиземного моря.

2750 г. Основание Тира, согласно рассказу Геродота.

1950 г. Один из эламских правителей Вавилона, по-видимому, подчинил себе большую часть Сирии, но это положение дел продлилось недолго.

1635 г. Аахмес I посещает Захи (южная Финикия) во время своего вторжения в Азию после изгнания гиксосов.

1590 г. Техутимос I, по-видимому, заставил финикийцев платить дань.

1530 г. Техутимос III опустошает землю Захи; повторно в 1516 г.

1506 г. Арка (Акко) разрушена Техутимесом III. Финикия становится вассалом.

1500 г. Поселение финикийцев на Кипре. С этого времени начинается активная колонизация побережья Средиземного моря. Захвачены Родос, Киклады, острова фракийского побережья, Самотраки и Тасос. Поселения на Эгейском море вскоре заброшены, но финикийцы остаются на Кипре до изгнания дорийцами.

В XII веке до н. э. поздние Рамсесиды теряют власть над Финикией. Египетская культура и цивилизация оставили в Финикии мало следов, в то время как влияние Вавилонии было очень сильным. После потери Финикии Египтом возникает ряд мелких слабых государств.

Примерно в это же время колонисты достигли западного побережья Средиземного моря и основали Гадес (Кадис) и Таршиш в Испании. Был открыт Атлантический океан, и, согласно классическим источникам, олово добывалось в рудниках Касситерид, которые, по мнению одних авторитетных источников, означают острова Силли и Корнуолл, а по мнению других — остров недалеко от Виго в Испании.

1110 Тиглат-Пилесер I из Ассирии посещает Финикию в ходе своих военных кампаний.

ВТОРОЙ ПЕРИОД (1100-538 гг. до н.э.)

До сих пор Сидон стоял во главе финикийских городов, но гегемония переходит к Тиру. Первым известным нам царем 1020 года является **Абибаал**.

980 [или 969] Его сменяет сын **Хирам I**. Он укрепляет остров Тир, ведет войну против киприотов, отказавшихся платить дань, и вновь подчиняет их. Является другом Соломона.

936 г. Его преемником становится **Баалбазер**, сын Хирама.

929 Его сын **Абдастарт** становится преемником.

920 Убит в результате заговора своих приемных братьев. **Метуастарте**, старший из убийц, захватывает трон.

908 **Астарта**, потомок дома Хирама, правит совместно с Метуастартом.

896 **Астарим**, брат Метуастарта, становится преемником.

887 Убит другим братом, **Феллесом**, который занимает трон, но в том же году он также убит **Итобаалом** или **Этбаалом**, жрецом Астарты, который тем самым становится королем.

В последующие годы Иезавель, дочь Итобаала, выходит замуж за Ахава из Израиля.

876 Ашшурназирпал Ассирийский вторгается в Финикию и воздвигает стелу в Нар-эль-Келбе, недалеко от Беритуса. Тир, Сидон, Триполис и Арадус спешат послать подарки, и он больше не беспокоит их. Итобаал основывает Ботрис, вероятно, в качестве средства защиты от ассирийцев, а также Аозу в Африке.

855 **Баалазар**, сын Итобаала, наследует трон Тира.

854 Битва при Каркаре. Победа Салманасара II над Бен-Хададом II из Дамаска и его союзниками. Царь Арадаса **Меттенбаал** принимает участие в битве на стороне сирийцев.

849 **Меттен I**, сын Баалазара, наследует престол.

842-839 Согласно записям Салманасара, он берет дань с Тира, Сидона и Библа, но это может означать, что дань была добровольной.

820 **Пигмалион**, сын Меттена, вступает на престол в возрасте девяти лет.

812 Он убивает своего дядю Сихарбаса, регента.

813 Бегство Элиссы, сестры Пигмалиона и жены Сихарбаса. Она основывает Карфаген.

804-803 Армии Адад-нирари III достигают Финикии и требуют дань от Тира и Сидона.

773 Смерть Пигмалиона. Список финикийских царей, приведенный Менандром, заканчивается.

738 Тиглатпилесер III вторгается в Сирию, где была сформирована коалиция для уклонения от уплаты дани. Он возвращается в Ассирию с богатыми сокровищами, среди которых дань **Хирама (II)** из Тира и **Сибиттибили** из Библа.

734 год Библ и Арад платят дань. Тир делает это под принуждением. Тир по-прежнему остается практически независимым государством.

728 **Элулай**, царь Тира, правит под именем **Пилас**.

Подавлено восстание циттов на Кипре.

727 г. По словам Иосифа Флавия, Салманасар IV нападает на Элулея. Сидон, Акко и Палетир подчиняются, а Тир захватывается после пятилетней осады. Однако в записях Салманасара об этом не упоминается, и весьма вероятно, что Иосиф Флавий путает эти события с теми, которые действительно имели место во время правления Сеннахериба.

В своих анналах Саргон II говорит о Тире как о городе, принадлежащем ему.

701 год. Сеннахериб вторгается в Сирию, где Езекия Иудейский и другие князья планируют сильное восстание против Ассирии. **Элулай (Лули)**, царь Сидона, бежит при приближении ассирийцев. Сеннахериб делает город столицей новой провинции, а **Итобаала** — ее царем. Прибрежные города опустошены, а финикийская торговля сильно затруднена.

Колониальная мощь Тира теперь начинает приходить в упадок. Ассирийцы поселяются на Кипре, а дорийская миграция уже изгнала финикийцев с греческих островов.

695 В Таршише создается независимое королевство.

690 г. Финикийцы начинают терять свое влияние на Сицилии.

680 **Абд-милкот**, царь Сидона, вместе с Сандурри из Кунду и Сизу восстает против Ассирии. Абд-милкот бежит при приближении Эсархаддона, и тот осаждает Сидон.

678 Падение Сидона после почти трехлетней осады. Город разрушен, а на его руинах построен новый — Кар-Ашшур-ахе-иддин.

Абд-милкот казнен.

Финикийские и кипрские цари подчиняются Ассирии.

671 г. **Баал I** из Тира безуспешно восстает против Эсархаддона. В знак подчинения он посылает своего сына Яхи-мелека в ассирийский двор.

668 год. Ашшурбанапал наследует Эсархаддона на ассирийском троне. С помощью Тира он заставляет **Якинлу**, царя Арада, подчиниться. Впоследствии Якинлу свергается, и трон получает его сын **Азебаал**. После этого финикийцы начинают сбрасывать ассирийское иго, что становится возможным благодаря борьбе Ашшурбанапала с Шамаш-шум-укином в Вавилонии. Восстановление независимости происходит мирным путем.

636 год — последняя дата, когда мы имеем сведения об ассирийском правителе в Финикии.

- 625 г. Скифские племена вторгаются в Финикию с северо-востока.
- 610 г. Финикийские моряки совершают кругосветное плавание вокруг Африки для Неку II.
- 608 Битва при Мегиддо и подчинение Сирии Неку II. Финикия вновь под властью Египта.
- 605 Битва при Кархемише. Поражение Неку от Навуходоносора. Финикия попадает под власть Вавилонии. Финикия остается покорной Навуходоносору до тех пор, пока ее не поднимает на восстание Уах-аб-Ра, фараон Египта, который вступает в союз против Вавилонии с Тиром и Сидоном, после того как нападает на них с суши и с моря.
- 587 год. Навуходоносор осаждает Тир, королем которого является **Итобаал II**.
- 574 Падение Тира. Итобаал переселен в Вавилон, а на его место поставлен **Баал II**.
- 564 Смерть Баала II. Правительство Тира реорганизуется, и над городом устанавливается суфет.
- 563 Три месяца безвластия, в течение которых делами управляет первосвященник **Абба**, затем правление двух суффетов — одного для острова и одного для Палетира. Возникает состояние анархии.
- 557 г. Избранный царь **Балатор** правит в течение одного года.
- 556 **Махарбаал** (или **Мербаал**), член изгнанной королевской семьи, отправлен из Вавилона, чтобы стать царем.
- 552 **Хирам III** наследует своего брата Махарбаала.
- 538 Захват Вавилона Киром Персидским. Финикия становится персидской провинцией. Тир теряет свое значение, а Сидон становится ведущим городом. Аахмес II из Египта занимает Кипр.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (538-332 гг. до н.э.)

- 532 Смерть Хирама III. Финикия, Палестина и Сирия становятся пятой персидской сатрапией.
- 530 г. Карфаген становится независимой державой.
- 525 г. Финикийцы предоставляют флот для войны Камбиза в Египте.
- 496 г. Финикийский флот участвует в персидской победе у Лады.
- 480 г. **Тетранест**, царь Сидона, **Мапен** из Тира и **Мербаал** из Арада сопровождают Ксеркса в Грецию. Финикийский флот принимает участие в экспедиции. 466 г. Битва при Саламине. Финикийский и персидский флоты разгромлены греками при Эвримедоне.
- 455 г. Финикийский флот отправляется на помощь персам, чтобы отвоевать Египет для Артаксеркса I.
- 449 Разгром финикийского флота афинянами у Кипра.
- 405 Битва при Эгоспотами. Финикийский флот помогает Афинам победить спартанцев.
- 400 **Стратон I** вступает на престол Сидона. Он является сыном **Табнита (Теннеса I)** и внуком **Эшмуназера I**, потомка Тетранеста, и наследует своего старшего брата **Эшмуназера II**, который умер несовершеннолетним.
- 394 г. Финикийский флот помогает афинянам победить спартанцев при Книде. Дружественные отношения между Сидоном и Афинами.

- 390 г. Эвагор из Саламиса на Кипре штурмует Тир, который в настоящее время находится в ослабленном состоянии.
- 361 Стратон I из Сидона присоединяется к Таху из Египта в борьбе против персов и убит своей женой, чтобы не попасть в руки врага. Его преемником становится **Табнит (Теннес) II**.
- 352 Теннес возглавляет восстание Финикии против Персии, к нему присоединяется Кипр.
- 345 Теннес предаёт Сидон Артаксерксу III, который впоследствии казнит царя Сидона. Кипр покорен. Тир вновь занимает лидирующее положение в Финикии.
- 333 Битва при Иссе. Арадус, Библ и Сидон присоединяются к Александру Македонскому. Тир осаждается Александром.
- 332 Захват Тира Александром. Царь **Аземилк** спасен, но восемь тысяч тирийцев убиты, а тридцать тысяч проданы в рабство. Конец политического существования Тира. Основание Александрии также приводит к потере большей части торговли. Финикийцы перестают быть великой нацией.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД (332 г. до н. э. — 636 г. н. э.)

- 331 г. Александр объединяет Финикию, Сирию и Киликию в одну провинцию, которой он поручает управление Менесу.
- 323 Смерть Александра. Финикия поочередно оккупируется Птолемеем и Антигоном и его сыном Деметрием. Птолемей окончательно сохраняет владение (287).
- 315 Осада Тира Антигоном.
- 246-198 Борьба между Селевкидами и Птолемеями за Финикию.
- Селевкиды сохраняют власть над Финикией после капитуляции Сидона (198).
- Торговля с Мидией и Красным морем перенаправляется в Александрию в Египте.
- 125 Тир и Сидон становятся практически независимыми после того, как тирийцы казнили Деметрия II.
- 86 Сирия, измученная гражданскими войнами Селевкидов, подчиняется владычеству Тиграна, царя Армении.
- 67 г. Финикия и Сирия на короткое время возвращаются к Селевкидам после побед Лукулла.
- 63 г. Помпей превращает Сирию в римскую провинцию.
- 44-42 Кассий делит Финикию на небольшие княжества. Антоний отдает Финикию Клеопатре, но оставляет Тир и Сидон свободными.
- 20 Август лишает Тир и Сидон их свобод. Он основывает римскую колонию под названием Августана в Бейруте (Беритус), где под властью Рима находится знаменитая юридическая школа. Тир и Сидон не имеют политического значения, но сохраняют свои торговые и производственные интересы. Они по-прежнему не имеют исторического значения до
- 193-194 гг. н. э. Тир и Лаодикия принимают участие в борьбе Септимия Севера и Песценния Нигера за императорский трон. Нигер посылает войска в Тир, которые сжигают и грабят город.

201 год Север набирает население Тира и дает ему колониальный статус. Тир и Беритус обладают монополией на производство красителя, известного как императорский пурпур. Являясь частью второй сирийской провинции Рима, их процветание 616 года продолжается до тех пор, пока персидский царь Хосров II () не подчиняет Сирию (включая Финикию) и не правит ею до 622 года, когда византийский император восстанавливает контроль.

636 г. Битва при Иеромаксе. В результате император Ираклий покидает Сирию, уступая ее мусульманам.

ПЯТЫЙ ПЕРИОД (633-1516 гг. н. э.)

Под властью халифов финикийская цивилизация не приходит в упадок. Тир сохраняет свое торговое значение.

1100-1110 Балдуин и крестоносцы захватывают все финикийские города, кроме Тира.

1111 Балдуин начинает осаду Тира. Зимой он отказывается от нее.

1124 Осада и захват Тира крестоносцами.

1187 г. Саладин свергает Иерусалимское королевство.

Тир начинает героическую оборону против него.

1189 Ги де Лузиньян приходит на помощь Тиру. Филипп Август и Ричард Львиное Сердце захватывают Акко.

1192 Мирный договор с мусульманами. Христианская территория простирается от Иоппы до Тира.

Акко становится главным торговым центром финикийского побережья и в 1291 году захватывается султаном Египта, которому подчиняются и другие сирийские города.

1516 г. Селим I завоевывает всю Сирию, которая с тех пор входит в состав Османской империи.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КАРТАГИНЫ

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (813-410 гг. до н. э.)

814-813 гг. до н.э. Согласно преданию, Карфаген был основан Элиссой, сестрой царя Тира Пигмалиона, которая бежала от своего брата. Финикийцы обнаруживают, что земля занята ливийцами, которых они изгоняют. Им также удается установить некий контроль над кочевниками в отдаленных регионах своих новых владений. Официальными главами правительства были суффеты, аналогичные римским консулам. Возможно, одновременно в должности находились только два суффета, которые служили в течение одного года, но могли переизбираться.

600-550 Мальх, упомянутый Юстином, который называет его «царем» Карфагена. Успешные войны в Африке и на Сицилии, предпринятые с целью расширения торговли города. Мальх потерпел поражение на Сардинии; он обращается против Карфагена.

550-500 Упадок Тира после персидского завоевания. Карфаген становится независимым (530). Маго, отец Гасдрубала и Гамилькара, сменяет Малха. Именно усилиям этой семьи

Карфаген обязан своим господством. Сыновья Гасдрубала — Ганнибал, Гасдрубал и Сапфо; сыновья Гамилькара — Гимилько, Ганнон и Гиско. Карфагенское господство установлено над Сардинией, Балеарскими островами, частями Сицилии, Лигурией и Галлией; в ходе этих завоеваний произошло морское сражение между этрусками и карфагенянами против фокейцев из Алерии на Корсике. Фокейцы одержали победу, но их потери вынудили их покинуть Корсику.

- 509 г. Торговый договор между Карфагеном и Римом, ограничивающий римскую торговлю в пунических водах.
- 500 Экспедиция Ганнона и Гимилькона с целью колонизации западного побережья Африки и исследования Атлантического океана. Открытие Британии.
- 480 Экспедиция против Агригента и Сиракуз в связи с персидским вторжением в Грецию. Битва при Гимере. Гамилькар потерпел крупное поражение от Гело из Сиракуз.

ВТОРОЙ ПЕРИОД (410-264 гг. до н. э.)

- 410 Возобновление попыток Карфагена подчинить Сицилию. Ганнибал, сын Гиско, штурмует Селинус. Агригент разрушен Ганнибалом и Гимилко. Смерть Ганнибала. Гимилко атакует Гелу.
- 405 Договор между Карфагеном и Дионисием Сиракузским закрепляет карфагенские завоевания на Сицилии.
- 398 г. Дионисий пытается изгнать карфагенян с Сицилии. В последовавшей войне вся Сицилия падает под натиском пунического оружия. Дионисий осажден в Сиракузах, но среди карфагенян вспыхивает чума, и они терпят поражение. Гимилк умирает от голода.
- 397 Ливийцы восстают против Карфагена. Город едва избегает гибели.
- 396-392 Маго возглавляет экспедицию против Сиракуз, которая не увенчивается успехом.
- 380 Вторая сицилийская экспедиция Маго потерпела поражение при Кабале. Вся Сицилия была почти потеряна, но победа Маго на Корсике восстановила могущество Карфагена. Река Галик была признана границей владений Карфагена на Сицилии.
- 368 Дионисий снова пытается изгнать карфагенян. Не преуспевает и умирает. Дионисий II заключает мир с Карфагеном.
- 345 Тимолеон из Коринфа, освободив Сиракузы от тиранов, начинает войну с Карфагеном.
- 340 Битва при Кримиссе. Карфагеняне потерпели тяжелое поражение. Мир восстанавливает границу на реке Галикус. Греческие города провозглашаются свободными.
- 333 Карфагеняне посылают помощь тирийцам, осажденным Александром Македонским.
- 310 Агафокл из Агригента осаждает Карфаген, но отзывается из-за восстания в Агригенте.
- 306 Мир между Карфагеном и Агригентом. Он длится до смерти Агафокла (289). Его смерть побуждает карфагенян расширить свои владения, пока в 277 году сиракузцы не обращаются за помощью против Карфагена к Пирру, царю Эпира, и он помогает им изгнать карфагенян с запада Сицилии и осаждает их в Лилибее. Карфаген и Рим объединяются против него.
- 276 год. Пирр покидает Сицилию.

265 г. Карфагеняне приходят на помощь кампанским наемникам, осажденным в Мессане (Мессина) Иероном Сиракузским. Другая группа в Мессане обращается за помощью к Риму.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (264-146 гг. до н. э.)

264 Первая Пуническая война (за владение Сицилией). Римляне занимают Мессану. Отступление карфагенян и сиракузян. Иеро присоединяется к римлянам. Успехи римлян в Сицилии.

260 Морское сражение у Мил. Карфагеняне потерпели поражение от римлян.

256 Морская битва у Экнома. Карфагенский флот разгромлен. Римляне вторгаются в Африку.

255 Карфагеняне под командованием Ксантиппа наносят поражение римлянам под командованием Регула. Потеря римского флота на обратном пути.

254 Победа римлян при Панорме.

253 г. Римский флот уничтожен штормом.

249 Битва при Дрепане. Победа карфагенян.

248-243 Успехи карфагенян под командованием Гамилькара Барки на итальянском побережье и в Сицилии.

242 Битва у Эгадских островов. Римляне под командованием Катула наносят поражение карфагенскому флоту.

241 Гамилькар Барка заключает мир, соглашаясь эвакуировать Сицилию и выплатить компенсацию. Сицилия утрачена карфагенянами.

241-237 гг. Гражданская война в Карфагене. Наемники восстают против граждан.

238 Карфаген теряет Сардинию и Корсику, которые переходят к Риму.

236-219 Карфагенские завоевания в Испании под руководством Гамилькара, Гасдрубала и Ганнибала. Попытка превратить Испанию в карфагенскую провинцию. По договоренности с римлянами река Эбро признается границей Карфагена.

219 г. Сагунт захвачен Ганнибалом.

218 Вторая Пуническая война (за владение Италией). Римская армия отправлена в Африку.

218 г. Гасдрубал противостоит Сципионам в Испании. Ганнибал пересекает Альпы и одерживает победы при Тицине и Требии. Ганнибал пересекает Апеннины.

217 Битва на Тразименском озере. Ганнибал наносит поражение римлянам и разоряет страну вплоть до Апулии.

216 Битва при Каннах. Римская армия уничтожена. Гасдрубалу приказано присоединиться к Ганнибалу в Италии. Ему мешает поражение на Эбро.

215 год. Филипп Македонский вступает в союз с Карфагеном.

214 Карфагеняне высаживаются на Сицилии.

212 г. Римляне восстанавливают свои позиции на Сицилии. Успехи карфагенян в Испании.

- 211 Внимание Филиппа Македонского занято коалицией против него в Греции. Римляне осаждают Капую. Ганнибал не может освободить Капую. Ганнибал у ворот Рима. Отступление Ганнибала из Рима. Падение Капуи.
- 209 Новый Карфаген в Испании захвачен римлянами. Битва при Бекуле и поражение Гасдрубала. Гасдрубал пересекает Пиренеи и Галлию и появляется на севере Италии.
- 207 Битва при Метауре. Гасдрубал потерпел поражение и был убит. Последняя надежда карфагенян исчезла.
- 206 Карфагеняне окончательно изгнаны из Испании.
- 204 г. Сципион вторгается в Африку.
- 203 Сципион наносит поражение карфагенянам. Ганнибал отзывается в Карфаген.
- 202 Битва при Заме. Сципион наносит поражение Ганнибалу.
- 201 Мир с Римом. Карфаген отказывается от права вести войны за пределами своей территории и обещает выплатить крупную компенсацию. Верховенство на Западе переходит к Риму. Ганнибал правит Карфагеном и реформирует конституцию. Он планирует союз с Антиохом Сирийским против Рима.
- 195 Ганнибал изгнан из Карфагена.
- 183 Смерть Ганнибала.
- 183-150 Внутренние разногласия между римской и национальной партиями. Посягательства Масиниссы из Нумидии.
- 151 Война между Карфагеном и Масиниссой. Римляне заявляют, что это нарушение договора, и готовятся к осаде Карфагена.
- 149 Третья Пуническая война. Осада Карфагена.
- 146 Карфаген взят и разрушен. Его территории становятся римскими провинциями и организуются как таковые.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД (146 г. до н. э. — 697 г. н. э.)

- 122 год Гай Гракх возглавляет колонию, которая основывает город Юнония на месте Карфагена. Колония не имеет успеха.
- 29 Август отправляет колонию, которая достигает большого процветания.
- 439 г. н. э. Гензерик захватывает Карфаген и делает его столицей королевства вандалов.
- 533 г. Карфаген захвачен Велизарием и включен в состав Восточной Римской империи.
- 697 г. Карфаген разрушен генералом халифа Абдул-Маликом.

Финикийская ваза

Акведук Тира

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

Финикия, даже в период своего наибольшего расцвета, была одной из самых маленьких стран древности. Она включала в себя часть сирийского побережья, простирающуюся от Акко до Арада [Арвада], узкую полосу земли длиной около двухсот миль с севера на юг и шириной, вероятно, не более тридцати пяти миль. Эта короткая береговая линия, богатая бухтами и гаванями, была покрыта высокими горами, многие из которых уходили в море и образовывали мысы, а их покрытые лесами вершины давали наиболее ценный материал для строительства флотов и жилищ финикийцев. Более крупная гряда этих гор носила название Либанус [Ливан], а другая параллельная гряда, Антилибанус, простиралась на восток в сторону Сирии. Море, с яростью разбивающееся о этот скалистый берег, вероятно, отделило некоторые из этих мысов от материка, и они, образуя небольшие острова на небольшом расстоянии от берега, не менее достойны внимания, чем сам материк, поскольку повсюду покрыты обширными колониями и процветающими городами. Так, Арадус, самый

северный пограничный город Финикии, был построен на одном из этих островов; а напротив него, на материке, находился Антарадус, который получил свое название от него. Примерно в восемнадцати милях к югу от него стоял и до сих пор стоит Триполис; на таком же расстоянии — Библ с храмом Адониса; и еще дальше на юг — Беритус. Двигаясь вдоль побережья, мы попадаем в Сидон, расположенный почти на таком же расстоянии; и, наконец, в четырнадцати или пятнадцати милях дальше, к южной границе страны, на другом острове был построен величественный Тир, королева финикийских городов. Пространство между этими местами было покрыто множеством менее значительных городов, но в равной степени являвшихся обителью промышленности и широко известных своими искусствами и ремеслами. Среди них были Сарепта [Зарефат], Ботрис, Ортосия и другие; образуя, как бы, один непрерывный город, простирающийся вдоль всей линии побережья и по островам; и который, с гаванями и морскими портами, а также многочисленными флотами, стоявшими в них, должен был представлять собой зрелище, едва ли имеющее себе равных в мире, и должен был вызывать у посетивших его чужестранцев самое высокое представление о богатстве, могуществе и предприимчивом духе его жителей.

Хотя все эти города существовали в период расцвета Финикии, история дает нам некоторое представление о порядке и времени их последовательного основания. Они были колониями друг друга и, как и все другие колонии древнего мира, были основаны либо в торговых целях, либо группами граждан, покинувших свои родные места в результате гражданских распрей. Самым старым из них, «первенцем Ханаана», согласно Моисеевым записям, был Сидон, основатель торговли и мореплавания финикийцев. Сидон был родителем Тира. В первую очередь место, просто как основной пункт сбыта для своих товаров; но дочь вскоре превзошла мать и успешно соперничала с ней. В период расцвета Финикии Сидон был лишь вторым по величине финикийским городом, хотя и оставался богатым и могущественным и в значительной степени был защищен от разрушения и упадка своими превосходными гаванями, пока существовала морская торговля финикийцев. Арвад был основан другой колонией из Сидона и обязан своим возникновением гражданским беспорядкам в этом городе, которые заставили недовольную партию искать новое место жительства.

Палетир, основанный Сидоном и расположенный на материке, оставался мощным, богатым и процветающим торговым городом до времени Навуходоносора, вавилонско-халдейского завоевателя, от которого ему пришлось защищаться в течение тринадцати лет осады или блокады; но того, что он действительно захватил или разрушил его, как обычно утверждается, нет никаких исторических доказательств. Во время этой блокады большая часть жителей укрылась на соседнем острове, уже оснащенном многочисленными сооружениями и зданиями, и таким образом основала островной город Тир, который, благодаря своему выгодному положению, вскоре сравнялся с родительским городом и не только пережил Вавилонскую и Персидскую империи, но и продолжал расти, в то время как древний Тир пришел в упадок. В конце концов он был захвачен Александром после упорного сопротивления, но он лишил его древнего богатства и великолепия не столько своими оружием, сколько основанием Александрии, которая отныне стала великим центром мировой торговли, хотя Тир и не пришел в полный упадок. В центре этого города стоял храм главного божества тирийцев, покровителя города, как означает его имя, Мелькарт. Это божество греки называли тирским Гераклом, хотя оно совершенно отличалось от их бога с тем же именем; поэтому мифы об этих двух богах часто смешиваются. Поклонение тирскому божеству было распространено в самых отдаленных частях мира, куда проникли эти люди и основали поселения; его почитали как национального бога независимые колонии Тира, которые признавали его верховенство торжественными посольствами. Город был защищен

высокими стенами из тесаного камня и имел две гавани: одну на севере, в сторону Сидона, другую на юге, в сторону Египта. Устье последней можно было закрыть огромными цепями.

Давайте теперь поинтересуемся, каким было внутреннее управление этими городами? Каковы были их отношения друг с другом? Составляли ли они одну общую конфедерацию? Или же они оставались полностью отдельными государствами, не имеющими никаких общих связей? Эти вопросы требуют нашего серьезного внимания.

Вышеприведенные замечания о природе страны легко объясняют, почему финикийцы никогда не могли стать завоевательной нацией и основателями великой монархии, подобной монархиям халдеев, персов и других народов. Они, должно быть, были вполне довольны, если могли защитить свою небольшую территорию от вторжений таких могущественных азиатских завоевателей; и, будучи с древнейших времен народом, проживавшим в городах, они не могли и думать о долгих грабительских походах, обычных для кочевых народов.

Чтобы получить правильное представление о политическом состоянии Финикии, необходимо иметь общее представление о возникновении и развитии гражданского правительства среди сирийских племен. Насколько позволяет нам заглянуть в прошлое история, везде мы видим ряд отдельных городов с прилегающими к ним территориями, находящихся под монархической формой правления, причем суверенная власть находится в руках королей или князей. Конечно, можно найти примеры, когда некоторые из этих городов и их монархи получали явное превосходство (Дамаск является одним из таких примеров) и присваивали себе определенную власть. Однако это был своего рода принудительный союз, который не распространялся дальше взимания дани и субсидий в военное время, не лишая подчиненные города их правительства и правителей. Сирия, будучи независимой и оставленной сама по себе, никогда не была организована в одно государство или одну монархию.

Здесь мы прослеживаем основы финикийского правительства. Эта страна, как и Сирия, никогда не становилась единым государством, но с самого раннего периода и до персидской монархии всегда была разделена на ряд отдельных городов, каждый из которых имел вокруг себя небольшую территорию. Некоторые авторы точно указали границы владений каждого города. Так, Антарадус и территория вокруг него входили в состав владений Арадуса, который находился на противоположном берегу; Сарепта входила в состав владений Сидона и т. д.

Однако союзные города, безусловно, были распространены в Финикии; более того, весьма вероятно, что в определенные периоды все города Финикии образовывали одну конфедерацию, во главе которой первоначально стоял Сидон, а затем Тир. Еще в мозаичский период союзы между этими городами были распространенным явлением; необходимость их общей защиты от иностранных нападений, которым они по отдельности были слишком слабы, чтобы противостоять, естественно, привела к созданию этой системы. Эти конфедерации не ограничивались только Финикией; они преобладали также в странах, колонизированных финикийцами; и Карфаген в Африке, а также Гадес [или Гадейра] в Испании стояли во главе поселений в этих районах, не получая, однако, полной власти над ними. Общая религия, поклонение тирскому Геркулесу, национальному и колониальному божеству, также составляла связующее звено для всех этих городов, как материнской страны, так и колоний, и укрепляла и сохраняла связь между ними.

Однако в природе всех подобных конфедераций лежит подверженность частым изменениям; они действительно варьируются в зависимости от политических интересов и даже от силы и взглядов отдельных государств. Многие изменения такого рода, должно быть, произошли в этом регионе в связи с основанием и растущим процветанием

внутренних колоний; и, должно быть, произошло много изменений, когда эти колонии приобрели достаточную силу, чтобы обрести своего рода независимость от материнских государств. В данном случае, когда мы ограничимся наблюдениями за периодом расцвета Тира, то есть периодом от Соломона до Кира, или, по крайней мере, до Навуходоносора (), будет достаточно показать, что Тир в только что указанном смысле всегда был доминирующим городом Финикии.

Это можно заключить, в первую очередь, из описания Тира, данного пророком Иезекиилем. Сидон и Арвад [Арадус] в это время были его союзниками и поставляли свои контингенты солдат и моряков. Поскольку это доказано в отношении самого большого и самого отдаленного города Финикии, то не может быть никаких сомнений в отношении более мелких и ближайших городов.

Кроме того, в истории не раз прямо упоминаются подданные и союзники Тира, а также их восстания против столицы. Наиболее яркое свидетельство этого сохранилось в трудах Иосифа Флавия, взятых из работ Менандра. Когда царь Салманасар предпринял поход в Западную Азию и против Финикии, союзные города Сидон, Палефир, Акко и многие другие восстали против тирийцев и подчинились царю Ассирии. Они даже пошли настолько далеко, что собрали флот против них, который был разгромлен тирийцами, которые таким образом обезопасили себя от дальнейшей опасности.

Сравнивая эти фрагменты финикийской истории и ее правительства с сохранившимися свидетельствами о государстве Карфаген, мы получаем нечто большее, чем просто исторические догадки, поскольку обнаруживаем поразительное сходство между правительством метрополии и колониями. То, чем Тир был для Сидона, Арвада, Триполиса и т. д., Карфаген был для Утики, Лептиса, Адрумета и других городов. Не только кажется вполне естественным, что в городах, населенных одним народом и так часто вынужденных бороться с общими и могущественными врагами, должны были образовываться союзы, а союзами — предоставляться своего рода власть самым сильным, но и вполне соответствует общему духу древней истории, что колонии должны были принимать форму правления материнского государства.

Из этих фактов можно сделать вывод, что финикийские города образовали одну конфедерацию, во главе которой в период своего наибольшего расцвета и полной независимости стоял Тир. Во время их подчинения Ассирии и Персии узы, связывавшие их, неизбежно ослабли, другие города платили дань и поставляли свои контингенты Персии, а не Тиру; последний, однако, по-прежнему сохранял свой статус и всегда считался главным городом страны.

Следующий вопрос, а именно: каким было внутреннее управление финикийскими городами? — столь же сложен и неясен.

Как бы ни хотелось точно проследить постепенный рост и развитие гражданского управления в этих самых ранних торговых городах, недостаток информации ограничивает нас несколькими общими замечаниями.

Во-первых, нет никаких сомнений в том, что каждый финикийский город имел свое собственное правительство и что в этом отношении они были совершенно независимы друг от друга. Как покажут следующие страницы, они всегда выглядели так, при каждом случае и в каждый период своей истории, и о них никогда не говорили иначе, как о отдельных государствах.

Во-вторых, кажется столь же очевидным, что главная власть находилась в руках царей, и, безусловно, наследственных царей, хотя политические партии много раз провоцировали революции, в результате которых на трон поднимались новые семьи. Это особенно хорошо видно на примере истории Тира; список его царей сохранился у Иосифа Флавия, начиная со времен Хирама, современника Давида, и заканчивая осадой города Навуходоносором. Даже под властью персов королевское достоинство было сохранено, хотя монархи теперь были лишь вассальными князьями, обязанными предоставлять персам деньги и корабли и сопровождать их, когда это требовалось, в их военных походах. Цари Тира появляются в этом состоянии во время похода персов на Афины и даже в более поздний период, когда Персия была свергнута, а Тир захвачен Александром. Как и Тир, свои собственные цари были и у других финикийских городов: Сидона, Арада и Библа. Они упоминаются в различных периодах, в том числе и в более поздний период, во время македонского завоевания.

В-третьих, несмотря на существование королевского достоинства, правительство, безусловно, не было деспотическим; более того, монархическая власть была настолько строго ограничена, что делала его почти республиканским. Действительно, было практически невозможно, чтобы деспотизм просуществовал столько веков в торговых государствах, которые могут процветать только в атмосфере политической свободы. Крупная морская торговля требует духа предпринимательства и решительной деятельности, что совершенно несовместимо с деспотическим правительством. Даже повторяющиеся политические изменения, которые происходили во всех этих городах, и в особенности в Тире, а также постоянное отправление колоний и их поселение в отдаленных частях мира, являются обстоятельствами, которые не только не могли быть вызваны деспотизмом, но и являются законным результатом деятельности свободных народов. Многие подробности, подтверждающие этот вывод, все еще можно найти в финикийской истории, несмотря на общую скудность информации.

Рядом с царями стояли финикийские магистраты. Они совместно посылали послов. Более того, в определенные периоды обычно проводился общий съезд великих финикийских городов, когда цари на совете с синедрионом обсуждали общие дела конфедерации. Триполис был местом, предназначенным для общего собрания трех главных городов.

Кроме того, нет сомнений в том, что власть монархов была существенно ограничена религией. Священники в этих государствах составляли многочисленный и влиятельный класс и, по-видимому, занимали второе место по рангу после царей. Сихарбас, или Сихеус, главный священник главного храма, был мужем Дидоны [Элиссы] и зятем царя Пигмалиона. Его преследование и смерть от рук последнего вызвали серьезные волнения, которые закончились эмиграцией многочисленной колонии, основавшей город Карфаген. Политическое влияние финикийских жрецов Ваала среди евреев, которое вызвало революцию в государстве, достаточно хорошо известно. Среди народа, подобного финикийцам, где все так сильно зависело от святилищ и религии, жречество едва ли могло не иметь большой доли в правительстве, хотя мы не в состоянии точно определить ее размер.

Пророк Иезекииль в своем пророчестве против царя Тира дает нам довольно глубокое представление о власти князя этого города. Он изображается как могущественный князь, живущий в великолепии, но все же как правитель торгового города, который своей торговлей наполнял его казну; как тот, кто поощряет и защищает торговлю своей мудростью и политикой, но который, в конце концов, деградируя до хитрости и несправедливости, подвергается угрозе наказания за свои злодеяния. «Своей мудростью и своим разумом, — восклицает Иезекииль, — ты приобрел богатство; золотом и серебром ты

наполнил свою казну благодаря величию своей торговли. Полный мудрости, ты запечатал большие суммы; ты живешь в саду Божьем, украшенном с детства драгоценными камнями, одетый в прекрасные одежды. Но торговля обогатила тебя нечестно приобретенным богатством, и ты согрешил». Из этого замечательного отрывка можно по крайней мере заключить, что доходы тирских царей, и, без сомнения, князей других городов, происходили от торговли; но было ли это от пошлин или, что кажется более вероятным, от монополии на некоторые отрасли торговли, или от того и другого, решить невозможно.^b

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕНИЦИАН

Как видно из изучения различных названий, которые со временем применялись к финикийцам, они как народ не отличаются от остальных хананеев, особенно от различных элементов доизраильского населения Палестины. Их история — это лишь история части ханаанской расы, той части, которая еще в те времена, о которых свидетельствуют самые ранние исторические сведения об этой территории, обосновалась не в глубине Палестины, а на берегу моря, вдоль побережья полосы земли, граничащей с ней на севере, вплоть до равнинных прибрежных земель Сирии, простирающихся до северо-западных склонов Ливана. Хотя в вопросе происхождения между ними и другими хананеями не прослеживается никакой разницы, историческая наука, тем не менее, должна рассматривать их как отдельный народ. Именно в этом смысле о них говорят как о финикийской расе, финикийском народе. Только они и жители основанных ими колоний имеют право называться финикийцами.

Мы можем только догадываться о том, каким образом происходило заселение финикийской страны хананеями, но события, которые произошли впоследствии во внутренних районах Палестины, позволяют предположить, что хананеи не распространялись вглубь страны от побережья. Трудно представить, что сначала они владели лишь этими длинными узкими полосками земли и только впоследствии распространили свои поселения оттуда на те части страны к западу от Иордана, которыми они владели до прихода израильтян. Насколько можно судить, с древних времен население внутренних районов стремилось приблизиться к равнинной местности на побережье, где плодородные поля были в любом случае гораздо более привлекательными, чем горы и холмистые районы, которые даже во времена израильтян были еще частично покрыты лесами.

Следовательно, можно сделать вывод, что хананеевское население Финикии в какой-то момент иммигрировало туда либо с южных полос сирийского побережья, либо из северных частей внутренних районов Палестины. Но если это так, то иммиграцию все же следует рассматривать как событие, которое произошло в столь отдаленном историческом прошлом, что финикийцы вряд ли могли сохранить о нем четкое и достоверное воспоминание. Даже вероятность того, что смутное представление об этих событиях могло сохраниться, по крайней мере в отдельных легендах, едва ли стоит принимать во внимание. Скорее следует ожидать, что все реальные знания такого рода были давно утрачены и что финикийцы в своей новой родине, в результате исторического развития, через которое они прошли, вскоре стали считать себя первоначальными жителями этой страны. На самом деле существуют упоминания о том, что якобы является финикийскими традициями, возраст и в некоторой степени подлинность которых действительно невозможно определить, но которые, по-видимому, указывают на то, что по крайней мере в эллинистическую и еще более позднюю эпоху финикийцы дорожили этим мнением. Каждый народ считает себя автохтонным, как только перестает помнить о своем происхождении.

С другой стороны, есть свидетельства, которые говорят об иммиграции финикийцев и даже об иммиграции из регионов, лежащих дальше на юг. Первым, кто говорит об этом, является Геродот. В описании сбора армии Ксеркса, которое он набросал в седьмой книге своего труда, он говорит: «Что касается финикийцев, то они, по их собственным словам, ранее жили на берегу Эритрейского моря. Оттуда они пересекли Сирию и теперь живут там, на берегу моря».

Большинство остальных упоминаний о приходе финикийцев из Эритрейского моря, которые встречаются в писаниях древних, следует отнести к этому утверждению Геродота. Несколько других отдельных упоминаний можно пропустить, за исключением одного, касающегося происхождения финикийцев, приведенного Юстином в его « » из исторических трудов Помпея Трога. Он сообщает нам следующее: «Народ тирийцев происходит от финикийцев, которые, встревоженные землетрясением, покинули свой первоначальный дом на внутреннем море Сирии (*ad Syrium stagnum*) и вскоре после поселения на ближайшем побережье построили город, который называли *Сидоном* из-за обилия рыбы, поскольку рыба называется «сидон» у финикийцев». Утверждение, что «сидон» означает «рыба», неверно, но оно, по крайней мере, имеет смысл «рыбалка» ().

Внутреннее море, *Syrium stagnum*, о котором здесь говорится, как утверждается, находится недалеко от сирийского побережья. Считается, что речь идет о озере Геннисарет, Галилейском море, с его обилием рыбы. Но поскольку *stagnum* означает водоем без оттока, эта интерпретация маловероятна. Христиан Карл Йозиас Бунсен, по-видимому, нашел правильное объяснение, высказав мнение, что речь идет о Мертвом море, а землетрясение, которое, как говорят, заставило финикийцев покинуть берега этого моря, было тем же самым, которое в Библии приписывается разрушению Содома и Гоморры. Рассказ о разрушении этих городов, по-видимому, лежит в основе идеи о том, что в этом регионе, в неизмеримые века назад, существовала более высокая цивилизация, чем та, которая была известна в исторические времена, и которая принадлежала другим расам, чем те, которые жили там в исторический период. Чем выше было представление людей об этой разрушенной цивилизации, тем меньше они могли приписывать ее исчезновение исключительно случайности и слепым силам грубой природы. Когда легенда обращается к доисторическому прошлому, она всегда рассматривает падение благородного и прекрасного как прямой результат преступления.

Сравнивая эти два рассказа, можно сделать вывод о существовании общей традиции, в которой разделение народов на разные племена объясняется в общем, а его причиной считается великое природное бедствие, преобразование поверхности Земли, которое, как говорят, произошло в районе Мертвого моря. В отчетах, лежащих в основе заявлений Юстина, или, скорее, источников Помпея Трога, история возникновения финикийцев началась с этой катастрофы и, следовательно, вероятно, с общей истории различных ответвлений ханаанской части человечества. С другой стороны, в библейском повествовании та же традиция применяется для связи с возникновением двух рас, которые впоследствии проживали вблизи места этой катастрофы. Своеобразная природа катастрофы и обстоятельство, что именно такие великие потрясения земли дают повод для новой перестройки отношений между народами, приводят к выводу, что совместная традиция, которую можно вывести из двух представлений, снова отсылает к концепции, которая не могла возникнуть на севере Палестины или в ее прибрежных районах, а только в непосредственной близости от Мертвого моря, где есть свидетельства, красноречиво говорящие о воздействии могущественных сил природы. Другими словами, легенда местного происхождения, приписывающая создание Мертвого моря мощному землетрясению, стала зародышем легендарного цикла с множеством общих мотивов, в котором главное значение отводилось региону Мертвого моря и землетрясению, которое,

как говорят, произошло там. Этот цикл состоял из ряда легенд, темой которых было разрушение утраченной цивилизации, достигшей высокого уровня развития, и тем самым выражалось убеждение, что история народов действительно не может быть прослежена до ее первоначальной точки отсчета, до происхождения человека, но что, тем не менее, человеческий род должен был иметь общее происхождение.

Если мы спросим, с какой расой развился этот легендарный цикл, то становится очевидным, что мы имеем дело с традицией ханаанского происхождения, которая могла возникнуть только среди тех хананеев, которые проживали во внутренних районах, расположенных вблизи Мертвого моря. Когда она возникла, конечно, определить невозможно. Библейское повествование происходит от так называемого яхвистского рассказчика, который, как предполагается, писал примерно в середине IX века до н. э. Однако, без сомнения, традиция, на которую опирается этот рассказчик, имеет гораздо более древнее происхождение.

В лучшем случае мы можем заключить, что информация Геродота и Юстина была почерпнута из ханаанской легенды, в которой регион у Мертвого моря считался отправной точкой разделения народов. И отправная точка была помещена именно там не потому, что исторически было достоверно, что такое движение народов началось именно в этом месте, а, напротив, потому, что отправная точка была действительно неизвестна. Но этот регион, как говорили, был местом насильственного преобразования земной поверхности, которое поглотило процветающие поселения древности и создало на их месте унылую пустошь. Именно по этой причине легенда о разделении народов была локализована именно там.

Раннее изучение мореплавания в Финикии, развитие финикийской расы в мореплавающий торговый народ, международный характер их деятельности — короче говоря, все те особенности, сопровождавшие появление этого народа в истории, которые всегда требовали объяснения, — были легко приписаны их прежнему пребыванию на берегу Эритрейского моря. Идея заключается в том, что финикийцы ни в коем случае не были дикарями, а были опытными моряками, опытными торговцами, знакомыми со всеми достижениями цивилизации южных широт и готовыми к любым непредвиденным обстоятельствам, которые по какой-то не объясненной причине сменили свое место жительства и отправились на средиземноморское побережье Сирии. Хотя никогда не утверждалось, что это событие могло относиться к историческим временам, с ним объяснение исторических проблем, которое, насколько это допустимо, всегда должно быть построено полностью и без произвольных предположений на основе состояния и положения финикийских поселений на сирийском побережье, отнесено к области совершенно неизвестного. На самом деле, те конкретные регионы, которые были специально представлены как первоначальная родина финикийцев, а именно вавилонские побережья Персидского залива и те, которые лежат к западу от них, настолько мало подходят для развития судоходства из-за нехватки подходящих пород дерева, что, как сообщает нам Аристокл, когда Александр Македонский задумал подчинить себе прибрежные районы восточной Аравии, пришлось привезти из Финикии в Вавилон как моряков, так и готовые корабли, и это было сделано с явным намерением сделать Вавилонию тем, чем она никогда до того не была, а именно «второй Финикией».

Таким образом, ни утверждения, согласно которым финикийцы были первоначальными жителями своей страны, ни утверждения, представляющие их как иммигрантов, не имеют убедительной силы. Вполне вероятно, что изначально они были уроженцами не Финикии, а какого-то места, расположенного дальше на юг, во внутренней части Палестины, но не потому, что у нас есть информация об этом, а исключительно из-за удаленного положения

их поселений, представляющих собой самую северную границу территории хананеев. Среди народов древности финикийцы, конечно, не единственные, которых нельзя считать автохтонными, хотя все имеющиеся у нас сведения об их иммиграции не заслуживают доверия. Как правило, невозможно выдвигать предположения о том, каким путем тот или иной народ достиг своего места обитания. То, что это возможно в случае с финикийцами, является одним из исключений. Они могли достичь своих домов только с юга, и то, что подтолкнуло их к этому, как уже было подчеркнуто выше, было тем же самым движением народов, которое, начавшись с северных территорий Аравии, всегда оказывало влияние на юг Палестины.⁴

ГЛАВА II. РАННЯЯ ИСТОРИЯ И ВЛИЯНИЯ

НАЧАЛО ИСТОРИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ ФЕНИКИИ

По мнению выдающихся геологов, Финикия была заселенной страной в какой-то доисторический период, задолго до появления финикийцев. Тем не менее, до настоящего времени там не было найдено ни черепов, ни других частей скелетов первобытных доисторических жителей. Но на полу некоторых пещер, которых много на западных склонах Ливана, имеются определенные слои, состоящие из остатков сгоревшего угля и пепла, черепков, осколков костей животных и кремневых камней различной формы. Все это, как бы сцементированное известковым спекшимся материалом, образует своего рода брекчиевую массу, твердую как камень. Кости животных были признаны принадлежащими видам, которые больше не существуют, но на них нет следов обработки. С другой стороны, кремни, которые встречаются в больших количествах, считаются продуктами, которые, несомненно, являются результатом человеческой деятельности. По крайней мере, эксперты, глубоко изучавшие этот вопрос, выразили убеждение, что такие формы не могли возникнуть каким-либо иным способом, например, в результате падения камня или случайного раскола кремневых массивов. К сожалению, однако, есть категория форм, происхождение которых вызывает сомнения и колебания. Среди них нет ни одного предмета, на котором было бы видно либо несомненные следы использования в качестве орудия, либо явные признаки полировки или тщательной обработки. Кроме того, похоже, что отложения на полу гротов, которые были основным предметом исследования, ни в одном случае не остались нетронутыми. Следовательно, необходимо найти дополнительные подтверждения, прежде чем существование населения Финикии, которое было доисторическим в геологическом

смысле, можно будет считать установленным фактом, и даже в этом случае поколение, которое исключительно использовало инструменты такой грубой формы, как эти обломки кремня, в любом случае было бы разделено неизмеримой пропастью от поколений, которые впоследствии поселились в той же стране.

Совершенно невероятно, что, выбрав в качестве места проживания низменности на западной стороне Ливанского хребта, финикийцы завладели территорией, которая до того практически не была заселена. Но у нас нет ни малейших оснований предполагать, на каком уровне развития цивилизации находились предшественники, которых они там встретили, и к какой расе они принадлежали. Некоторые ученые действительно пытались ответить на вопрос, почему именно в Финикии в древние времена появилась гораздо более высокая степень развития цивилизации, чем в большинстве других стран, населенных представителями семитской семьи народов, выдвинув гипотезу, что ветвь семитов, иммигрировавшая туда, как и те, кто поселился в Вавилонии, обнаружила население, совершенно отличающееся по своим способностям и происхождению, которое уже давно обладало многогранной цивилизацией; с которыми они, возможно, смешались, и из полного слияния сначала возникла та часть человечества, которая в истории носит имя финикийцев. Эта гипотеза не имеет другого основания, кроме идеи, что в противном случае пришлось бы приписывать семитскому народу качества, которые обычно не приписываются семитской семье.

Как уже было показано, точное время, когда финикийцы утвердили свои права на землю в Финикии, не может быть определено. Еще более невозможно установить его дату, чем определить начало исторического развития в Египте и Вавилонии, потому что в Финикии полностью отсутствуют памятники, которые могли бы дать какое-то представление о столь отдаленном прошлом, какое раскрывают самые ранние памятники египетского и вавилонского происхождения. Однако можно считать установленным, что последовательное развитие, подготовившее почву для известных истории результатов, началось в Финикии гораздо позже, чем в долине Нила и на территории у устья Евфрата и Тигра. Как и вавилоняне и египтяне, финикийцы впоследствии не смогли удержаться от составления хронологической схемы своей истории, охватывающей невообразимо долгий период. По крайней мере, Юлий Африканский, христианский летописец, писавший в первой четверти III века н. э., вскользь упоминает, что существовали версии финикийской истории, в которых последняя восходила не менее чем к 30 000 лет назад. Но это довольно скромная цифра, если вспомнить, что вавилоняне, как говорят, утверждали, что их летоисчисление насчитывает 480 000 лет. Можно догадаться, каким образом было достигнуто это огромное число в 30 000 лет. Короткий промежуток времени был бы заполнен историческими событиями и списками правителей.

Что касается первобытной истории, собственно говоря, или, если угодно, пребывания финикийского народа в его первоначальной и изначальной родине, то она, вероятно, не затрагивается никоим образом. По всей вероятности, львиная доля отводилась богам и плану расположения, призванному вписать учение о правлении богов на земле, и особенно в Финикии, в рамки регулярной хронологической системы. Такая схема была необходима, потому что списки правителей не ограничивались перечислением исторических личностей, а начинались с мифических персонажей и богов. Поэтому в целом за этими высокими цифрами, если они были точно переданы, не стоит ничего, кроме хронологии финикийской космогонии и рассказов о богах.

Гораздо более древним по происхождению и гораздо большей положительной ценностью отличается другая дата, приведенная Геродотом. Он утверждает, что во время своего пребывания в Тире, которое можно датировать 450 годом до н. э., некоторые священники святилища, посвященного богу Гераклу (т. е. Мелькарту), ответили на его вопрос о том, как долго существует храм, что храм был построен при основании города, а это событие произошло 2300 лет назад. Согласно этому, основание Тира пришлось бы на 2750 год до н. э. Б. Г. Нибур выразил большое сомнение в достоверности информации, полученной Геродотом от своих информаторов. Но даже если их оценка не является точной и не была получена непосредственно из записей об основании храма, и если также неясно, не был ли Геродот просто проинформирован о периоде, когда в Финикии началось основание старейшего города в этой стране, все же само по себе мало что можно возразить против правильности этой оценки как в целом приблизительно точной даты. Разумеется, что с практической точки зрения священники этого храма были заинтересованы в распространении преувеличенных представлений о его возрасте. Но, делая это, поскольку они явно ссылались на известный возраст города, у них были все основания оставаться в пределах того, что общепризнанно считалось возможным. Поэтому в лучшем случае их оценка будет самой ранней датой, с которой современные жители Финикии могли бы связать свои исторические воспоминания в целом. Это была не просто дата, вытекающая из простой любви к романтике; в противном случае они бы пошли дальше. Фактически, примерно за две тысячи пятьсот лет до Рождества Христова хананеи действительно поселились в Финикии.

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

Поскольку все указывает на то, что у нас нет исторической информации, которая препятствовала бы свободному вымыслу относительно возраста городов, этот факт должен служить подтверждением теории о том, что возникновение городов Финикии не произошло под влиянием исторических событий насильственного характера, и что характер рельефа всей территории, способствовавший изоляции различных районов, оказал свое влияние на очень раннем этапе их развития. Это было тем более ожидаемо, что остальные хананеи проявляли лишь слабую склонность к национальному единству, что, возможно, объясняется вероятностью того, что их первоначальная родина также была пограничной территорией

возделанных земель Сирии и что, по-видимому, сила обстоятельств, при которых был завершен переход к жизни в постоянных жилищах, не была достаточной, чтобы изгнать все остатки кочевого образа жизни. Даже во время иммиграции израильских племен земля к западу от Иордана, по всей видимости, не была густо заселена, и хотя вдоль побережья Сирии долгое время преобладала более высокая плотность населения, даже в самой Финикии первые разбросанные поселения мало походили на города до развития активной морской торговли, которая постоянно привлекала новые группы жителей низменностей в окрестности пристанищ. Но именно по этой причине тот факт, что впоследствии каждая отдельная часть финикийской страны упоминалась исключительно как придаток и владение каждого крупного прибрежного города, не должен приводить нас к выводу, что эти части соответствовали первоначальному разделению финикийского народа на отдельные ветви. Это явление скорее указывает на исторический эффект, обусловленный географическими особенностями Финикии (). И если население не везде было чисто финикийского происхождения, особенно в северных районах — оно, по-видимому, постоянно пополнялось за счет притока населения с территории Ливана и внутренних районов к югу от него, — все же нельзя допустить, что различия между племенами влияли на выбор страны для поселения.

Существует особая тенденция присваивать особое положение жителям Библа и Берита. Но причины, которые к этому побудили, ни в коем случае не являются убедительными; тот факт, что эти два города не упоминаются в таблице народов, объясняется общим применением термина «сидонийцы». Правда, в другом отрывке Ветхого Завета (Иисус Навин, 13:5) библейцы, по-видимому, не включены в общее название сидонян. Но если общий смысл этого отрывка не был искажен многочисленными вставками, что вряд ли можно допустить, то независимое и отдельное значение Библа будет рассматриваться как исторический факт, а не как факт, относящийся к доисторическому основанию города племенем нефиникийского происхождения. Писатель, который, как в данном случае, желает указать своим соплеменникам территории, которые они должны подчинить, больше озабочен государствами и политическими единицами, чем этнологическими проблемами. Что касается отдельного существования Библа, нам нужно только задать вопрос, могло ли это не основанное финикийцами город стать тем, чем оно стало: а именно, выдающимся священным местом, центром религиозной жизни и мысли, не имеющим себе равных в этой стране — фактически, Меккой финикийцев. Монеты этого города ясно показывают, что для них «Каддишат» (т. е. «святой») и Гебал (т. е. Библ) считались одинаковыми названиями. Здесь особое почитание оказывалось «Элу» или, как говорили греки, Кроносу, который был высшим представлением о Боге в финикийской теологии. Здесь также поклонение «Госпоже города», Астарте, приобрело, со всей необузданностью примитивной чувственности, присущей представлению о богине любви и жизненной силы, более четкую и мощную форму, чем в остальной части Финикии. Кроме того, на территории Библа разворачивались сцены, в которых любовь когда-то соединила богиню с молодым правителем Адонисом, самым красивым из богов, и где по наущению ревнивого божества, его смертельного врага, ее возлюбленный встретил свою раннюю смерть от клыков дикого кабана.

[около 2800 г. до н. э.]

Предположения о разнообразном происхождении первоначальных жителей городов Финикии теряют еще большее значение в связи с тем, что, как и Сирия в целом, Финикия впервые становится ареной исторических событий только в связи с развитием других стран и, очевидно, задолго до этого подвергалась иностранному влиянию. Одно из древнейших свидетельств мировой истории, рельеф, который египетский царь Снеферу велел высечь на

скале в Вади-Магара, показывает нам египтян, где-то около 2800 года до н. э., как завоевателей ментиу [или менту], кочевых племен горы Синай.

В этой военной экспедиции они сражались за владение участками этой негостеприимной горной местности, где находилась медная руда, но задолго до этого, по-видимому, между жителями долины Нила и народами Ближнего Востока существовали многообразные отношения, основанные главным образом на обмене товарами. Например, несомненно, именно в качестве предмета торговли продукция этих медных рудников впервые стала известна в Египте. Только когда этот источник оказался под угрозой исчезновения, народ, не склонный к войне, решил подчинить себе грабительских жителей гор, чтобы обеспечить себе регулярные поставки бесценной руды, которую было невозможно добыть в Египте. Были ли, как предполагается, дружеские отношения настолько тесными, что влияние древнеегипетского искусства можно проследить даже в самых древних статуях Вавилонии, — этот вопрос остается открытым. Жесткий вид фигур, который считается признаком этого, вероятно, лучше объясняется твердостью материала, из которого были выполнены работы, чтобы они могли сохраниться навечно, а также отсутствием удобных инструментов. С другой стороны, даже при обработке отдельных частей тела больше внимания уделяется форме внутренней структуры, от которой зависит внешняя, и больше внимания уделяется моделированию, чем в формальном стиле, где основное внимание уделяется передаче общих очертаний, что характерно для египетского искусства. Эти различия являются началом линии развития, свойственной скульптуре вавилонян и ассирийцев. Тем не менее, даже в Египте эпохи пирамид есть многое, что указывает на очень ранние торговые отношения, регулярно поддерживаемые между ним и семитскими странами.

Гораздо большее значение следует придавать влиянию, оказанному вавилонской цивилизацией на народы Сирии, до того как условия, которые, как видно, преобладали в исторические времена, начали принимать видимую форму. Хотя это влияние, возможно, начало ощущаться позже, чем влияние Египта, оно с самого начала было более устойчивым и проникновенным. Два пути привели цивилизацию Вавилонии в страны Запада. Один поднимается вверх по течению реки Евфрат и имеет выход где-то в верхней части залива Иссус, в северо-восточной части внутренней Сирии. Здесь земля хета граничит с Евфратом или, как ее называют ассирийцы, земля хатти. Именно с этой территории, то есть с крайнего северо-запада Месопотамии, вавилонская, а впоследствии ассиро-вавилонская цивилизация проникла в Сирию и, аналогично, в самой Сирии распространилась в основном в направлении с севера на юг. Широкий обход, который она делает, обусловлен тем, что только на верхнем течении Евфрата заканчивается великая сирийская пустыня, простирающаяся между восточными границами Палестины и правым берегом Евфрата.

Другой маршрут также обходит великую пустыню и поворачивает в юго-западном направлении от устья двух рек к северу Аравии. Отсюда вавилонская цивилизация также достигла Палестины и Сирии только окольным путем, который, кроме того, пролегал через районы, природные условия которых не позволяют их жителям принять передовую цивилизацию. Однако этот маршрут обеспечивает более прямое соединение с фактической отправной точкой и родиной вавилонской цивилизации. Во все времена зона этой южной магистрали, простирающейся от страны Евфрата до земель к востоку от Иордана и до юга Палестины, в значительной степени была домом для кочевников и полукочевников. Из всех восточных народов Вавилония оказывала наибольшее влияние на нестабильное население этой зоны на западе Палестины и прибрежных равнинах Сирии. Образ жизни, который с давних времен отличал большинство проживающих здесь племен, а именно образ жизни бедуинов, может существовать только до тех пор, пока каждое отдельное племя имеет

широкий ареал обитания. Подобно тому, как в течение длительных периодов изоляции слои воздуха, покрывающие степь, скатываются в облачные шары, которые внезапно разрываются в виде сильных бурь над окружающими странами, так и когда плотность населения увеличивается до такой степени, что эта зона больше не может прокормить своих жителей, начинается движение, которое побуждает целые племена искать новый дом на возделанных землях в окрестностях и таким образом снова оставлять достаточно места для тех, кто остается. В то время как земли кочевников отдают свой избыток населения, те племена, которые ранее жили дальше, прибывают в непосредственную близость от возделываемых районов и постепенно приближаются к уровню жизни их жителей. Эта форма существования, единственно возможная в окрестностях зоны, пригодной для проживания только кочевников и полукочевников, по самой сути дела требует, чтобы большинство достижений цивилизации других, более благоприятно расположенных стран навсегда оставались малозначимыми для жителей этого района. Цивилизация Вавилона не могла быть здесь подражаема в целом, как и любая другая фаза развития, основанная на разделении труда, богатстве и развитии идеи собственности.

Такие регулируемые условия и ограничения воли личности, которые преобладали в Вавилонии, в любом случае всегда должны были вызывать сильное отвращение у необузданных жителей этой зоны, которые жили только настоящим, и, по всей вероятности, не казались достойными стремления, так же как и в наши дни европейские условия не привлекательны для большинства жителей Аравии. Изобретательные продукты промышленности они, без сомнения, считали желанными ценностями и украшениями и стремились их приобрести, не задумываясь о возможности научиться изготавливать такие вещи самостоятельно. Единственными изобретениями, которые они действительно приняли, были некоторые простые и практичные, использование которых давало им свет и применение которых допускалось даже при примитивном образе жизни, который они вели, и кроме этого они приняли целую серию религиозных представлений, в которых они воображали, что видят важное увеличение и расширение своих собственных знаний. С другой стороны, странствия, которые были распространены среди племен, обеспечивали быстрое и всеобщее распространение любых приобретений, которые они могли сделать.

ФЕНИКИЙСКАЯ ВАЗА

Влияние Вавилонии на подъем цивилизации Сирии, по крайней мере в том, что касается иммиграции хананеев и земель к югу от великой сирийской пустыни, считавшейся их маршрутом, поначалу ограничивалось несколькими основными чертами. С другой стороны, влияние, которое та же цивилизация приобрела в Сирии с севера, благодаря своему раннему распространению в странах верхнего течения Евфрата, было, вероятно, столь же древним и гораздо более полным. Народ хеттов, о происхождении и родословной которого мало что известно, мог сыграть в этом особую роль в качестве посредников. Однако точно неизвестно, когда это влияние начало проявляться в Сирии. Народы Сирии были в высшей степени восприимчивы к вавилонской цивилизации благодаря тому, что по происхождению и языку они принадлежат в первую очередь к семитам. Хотя цивилизация Вавилонии, вероятно, изначально не была продуктом семитской расы, в самой Вавилонии отдельные племена семитского происхождения сделали эту цивилизацию своей в доисторический период и преобразовали ее, придав ей семитский характер. А элементы культуры, проникшие в Сирию с северных территорий Евфрата, претерпели еще более глубокие изменения и адаптации и отбросили все, что было чуждо семитам. Уже только по этой причине очевидно, что передаваемое могло сохранить лишь малое количество специфически вавилонских черт. Все в Сирии, что на первый взгляд кажется носящим этот характер, возможно, именно потому, что это так очевидно, не было заимствовано в очень древние времена, а, скорее всего, было принято позднее; ведь отношения с ассирийцами длились веками, и, вообще говоря, на северо-востоке между Сирией и странами Евфрата не было географической границы. В лучшем случае такие явления являются результатом возрождения и обновления, в результате которых мало что осталось от истинного сирийского колорита, даже если и были попытки сохранить его. Даже сами ассирийцы приложили все возможные усилия, чтобы как можно точнее копировать вавилонян, и народы Сирии, которые были еще менее независимыми в духе, поступали так же, поскольку находились под влиянием ассирийцев. И даже за много веков до того, как мощь ассирийцев достигла такой высоты, что они были вынуждены приспособливаться к ней, они почерпнули все, что мы называем культурой, из вавилонской сферы цивилизации.

Прежде всего, это повлияло на религиозные представления народов Сирии. Большинство попыток сформулировать местные верования в виде системы были предприняты только впоследствии, когда стал известен ассиро-вавилонский пример. Но не только интерпретация существующего поклонения и верований, не только теология должны были все больше и больше ассимилироваться с ассиро-вавилонской моделью, но и, со временем, имена и художественные изображения богов. Например, нам известно, что в городах филистимских равнин бог по имени Дагон пользовался особым почетом. Он часто изображается на монетах с бородой и длинными волосами, держа в каждой руке рыбу: нижняя половина тела заканчивается рыбьим хвостом, покрытым чешуей и снабженным плавниками. И имя, и способ изображения явно указывают на связь с Вавилонией. В данном случае, по всей видимости, мы имеем дело не с богом, поклонение которому было введено только филистимлянами, а с древним ханаанским божеством. Ему поклонялись и хананеи, жившие в глубине страны. Если верить утверждению Филона, в финикийских рассказах о зарождении человеческой цивилизации именно Дагону приписывалось открытие питательных свойств зерна и изобретение плуга. Среди богов Вавилонии также встречается бог по имени Дагон или Дакан, который в нескольких надписях фигурирует как автор законов, и также известно, что в вавилонских легендах первые правила человеческой жизни приписывались учениям, которые, как считалось, были переданы существами, наполовину людьми, наполовину рыбами. Кроме того, в вавилонском и ассирийском искусстве мы часто встречаем таких гибридных существ, а также человеческие фигуры, замаскированные под рыб, с головой из рыбьей кожи, свисающей сзади и помещенной на голову каждой фигуры. Однако до сих пор у нас нет объяснения того, что означают эти фигуры, и мы не знаем, как их называли. Тем не менее, модель такого рода, вероятно, послужила прототипом для изображения Дагона, которое было распространено среди хананеев. Если он считался богом земледелия и его правил, он мог принять эту форму. В любом случае, эта форма является доказательством вавилонского влияния. Что касается имени, то весьма вероятно, что оно действительно было семитского происхождения, но попало к хананеям через Вавилонию вместе с представлением о боге земледелия, которого оно обозначало, и это могло произойти даже до того, как они обосновались в Палестине. Но что касается изображения, то в высшей степени маловероятно, что народ, по сути своей происходящий из внутренних районов, с самого начала представлял себе божественного покровителя и покровителя земледелия как получеловека-полурыбу с рыбами в руках. Хананеи могли придумать этот странный способ его изображения только после того, как они уже давно обосновались в Палестине, когда божественные существа этой формы стали им известны благодаря многочисленным изображениям, привезенным из Вавилонии, и казалось, что между представлением об этих существах и представлением о Дагоне нет существенной разницы. Предположительно, самым решающим моментом слияния было имя Дагон. Этимологически оно означает не более чем бога «зерна» = *dagan*, но также звучит как слово *dag*, которое означает «рыба», и поэтому легко поддается двойному толкованию, что напрямую оправдывает и объясняет изображение, впоследствии заимствованное из имени бога.

В других случаях вавилонские имена, по-видимому, вытеснили первоначальные обозначения сирийских божеств в языке арамейцев (). Но то же самое можно сказать и о египетском влиянии, которое, проникая в Сирию с юга, особенно в прибрежные районы, столкнулось с влиянием Вавилонии и Ассирии.

При всем этом не следует забывать, что цивилизация народов Сирии не ограничивалась простым заимствованием. В своих истоках она действительно не была независимым и единообразным творением, но все же разнообразие отдельных районов придавало ей определенную многогранность, а распределение различных племен придавало ей большую индивидуальность. Можно предположить, что цивилизация районов, связанных со странами

на Евфрате, первая достигла значительного уровня развития, а затем другие части Сирии в разной степени просто последовали этому развитию. В некоторых деталях влияние самой ранней цивилизации северной Сирии, или, по крайней мере, особая связь с ней, прослеживается у финикийцев.

[около 1500 г. до н.э.]

Боги Анаты и Решуф, по-видимому, пришли к финикийцам из Северной Сирии в очень ранний период. На данный момент известно только то, что их почитали финикийские колонисты на Кипре. Однако имя Анат встречается в названиях нескольких городов Святой Земли (в Бет-Анате и, возможно, также в Анатоте), а след имени Решуф все еще можно узнать в названии прибрежного города Арсуф. Изображения этих божеств представлены на памятниках египтян, которые заимствовали их во время своих контактов с Сирией. Тот факт, что египтяне любили изображать обоих богов вместе с городской богиней Кадеша на Оронте, указывает на то, что Решуф, как и Анат, были включены в систему богов финикийцев из пантеона северной части Сирии. Из заключительной фразы договора, который Рамсес II заключил с хетами [хеттами], даже следует, что Анату почитали во многих городах хеттского царства.

КОЛОНИИ

Заселение острова Кипр финикийцами, должно быть, началось в очень ранний период и, вероятно, произошло в начале полной оккупации материка. В ходе этого процесса Финикия приобрела колонию, расположенную всего в одном дне пути от побережья Сирии, с удобными гаванями на стороне, обращенной к этому побережью, и источниками богатства самого разного рода. Финикийцев больше всего привлекала медь, «кипрская земля», которая вместе с железом и серебром находилась в горном массиве в центре южной половины острова. Вероятно, что они приобрели то мастерское умение в добыче полезных ископаемых, которое было чудом древних времен, не в Ливане, а в процессе эксплуатации медных богатств Кипра.

В большинстве мест в исторические времена не было никаких следов различия между коренными киприотами и потомками иммигрантов-финикийцев. Только в тех местах, где наблюдался постоянный морской обмен с финикийскими районами, мы находим элемент чистой финикийской национальности у жителей. Политические условия на острове сложились в той же форме, что и в Финикии и в ханаанской Палестине. Здесь также более процветающие муниципальные общины приобрели господство над соседними районами под суверенным надзором городских царей; таким образом, они не образовали органическое единое политическое образование, но сформировали различные королевства небольшой площади, которые соответствовали равному числу городских районов. Некоторые династии на время преуспели в подчинении нескольких из этих городских районов (), но при первой же возможности союз королевств, который таким образом расширился, очень легко распался на свои первоначальные составляющие.

Недавние раскопки на Кипре привели к обнаружению печатей, на которых выгравированы изображения в вавилонском стиле и надписи вавилонским клинописью с именами древних вавилонских правителей. Эти печати, которые попадают на Кипр в виде раритетов в ходе бартера и обмена, показывают, насколько древними являются торговые

связи, простирающиеся от районов у устья Евфрата и Тигра до прибрежных земель северной Сирии.

Войны, которые египтяне неоднократно вели с 2830 г. до н.э. с бедуинскими племенами Синая, не оказали на политические отношения Сирии большего влияния, чем наказание, наложенное египетским царем Пепи на племя Ааму, херуша, так что за весь период с 2750 г. до н.э. до возникновения второго [Нового] Фиванского царства Египта, не было никаких политических событий, заслуживающих упоминания, кроме предположения, что около 1950 года до н. э. один из эламских правителей Вавилонии, по-видимому, подчинил большую часть Сирии на короткое время. До начала второй половины второго тысячелетия до н. э. следует также отнести начало колонизационной деятельности финикийцев, первую насильственную оккупацию Кипра, возможно, также начало торговли с крупными островами греческого архипелага на дальнем западе. Кроме того, до этого момента под влиянием государств Месопотамии культура земель к северо-востоку и северу от Сирии начала приобретать черты, сходные с культурой Вавилонии. Многие произведения этой наслоенной культуры были уже популярны в Египте во времена Среднего [Древнего Фиванского] царства.

Неизвестно, предшествовали ли вторжению гиксосов в Египет, которому подверглось Среднее царство, потрясения в политических отношениях Сирии. Гиксосы, по-видимому, нашли поддержку у населения южной Палестины во время своего изгнания. Завоевание крепости гиксосов Аварис [Ха-Уар] тебанским царем Аахмесом (I) тесно связано с завоеванием города Шерохан [Шархана] на юго-западе Палестины, и именно с этого момента можно проследить начало попыток фараонов подчинить Сирию. Можно легко представить, насколько широко египетская культура распространилась на сирийских землях в период, когда ханаанские князья правили провинциями Нижнего Египта.

Так называемое изгнание гиксосов состояло главным образом в удалении иностранного династа и его войск, а не в изгнании всего народа; однако сражения, к которым привело это событие, закалили египтян, превратив их в воинственный народ, и созданная таким образом национальная армия дала царям XVIII и XIX династий оружие, которое они использовали в течение последующих столетий, отчасти для подчинения обширных иностранных территорий своей власти или господству, отчасти также для того, чтобы время от времени навязывать новые конституции на подчиненные территории () и грабить в полной мере районы, жители которых проявляли непокорность. В наиболее важных подкоренных ими центрах они размещали египетские гарнизоны, вводили египетских чиновников для сбора налогов по мере их наступления, возводили крепости в местах, которые по стратегическим соображениям казались им выгодными; один из царей XX династии даже хвастался тем, что построил храм Амону в Ханаане. Однако они не были одушевлены каким-либо определенным намерением присоединить к своей империи одну провинцию за другой (); их ближайшей задачей было продвинуться как можно дальше на север, к северо-сирийскому предгорью Евфрата. Им время от времени удавалось, хотя и всегда на короткое время, обеспечить свободное сообщение с берегами великого загадочного потока, который не текла на север, как их родной Нил, а текла в направлении далекого юга. Здесь находился поворотный пункт торгового пути, по которому «голубой камень Вавилона» и многие другие редкие продукты Месопотамии попадали к «несчастливым» рутенну, жителям Сирии. Таким образом, по сравнительно низкой цене можно было производить ряд востребованных товаров, которые стали дорогими из-за торговли между северной Сирией и ханаанской страной.

Египетские памятники того времени дают нам мало информации о событиях, происходивших в Финикии. Кажется, что Аахмес посетил это место действия, поскольку под

страной Захи, упомянутой в его надписи, египтяне понимают ту часть Сирии, к которой принадлежит Финикия.

Не подвергая себя риску бесполезной обороны, города Финикии, по-видимому, уже принесли дань уважения Техутимесу I и выплатили дань. Они, должно быть, были вполне довольны тем, что египетские правители разгромили банды грабителей в горах Ливана и Бекаа, а иностранная юрисдикция и иностранная держава восстановили мир и порядок в северной Сирии с помощью оружия. Правда, сами они не всегда уходили безнаказанными из этих столкновений. Техутимос III неоднократно вступал в Финикию во главе своей армии. По возвращении из Тунепа на двадцать девятом году своего правления он разграбил всю страну Захи во время жатвы. Были реквизированы большие запасы зерна, готовые к обмолоту, а также равные запасы вина и масла. На тридцать четвертом году он захватил два города земли Захи, а в одной из своих последних кампаний разрушил город Аркали, *то есть* Акко. В отчетах о кампаниях Техутима III нет упоминания о Тире и Сидоне. Под термином «жители гавани» (их свержение упоминается в поэтическом описании могущества этого монарха) мы должны, однако, понимать жителей прибрежных городов Финикии. Газа и Иоппа неоднократно упоминаются в это время.

В анналах Техутима III упоминаются корабли Кефта и Кепуны, груженные лесом. В упомянутом выше поэтическом описании победы земля Кефа упоминается вместе с Асеби, *то есть* с Кипром или с территориальной частью этого острова. Можно рискнуть сделать вывод, что под Кефой подразумеваются острова «великого моря», т. е. Средиземного моря; в любом случае, ее не следует искать в Финикии. В противном случае Техутимос III включил бы Кефу в анналы как место своих достижений наряду с Захи и землями Рутенну. Кроме того, народ кефтов, представленный египтянами, ни в малейшей степени не похож на хананеев. Очевидно, что египетские художники не находят в них характерных черт, которые они так любят изображать у семитов Передней Азии, даже доходя до карикатурности.

Преемником Техутима III был Аменхотеп II, о походе которого в Сирию у нас есть лишь отрывочные сведения. Его правление и правление его сына Техутима IV длились недолго. Затем пришел Аменхотеп III, который правил более тридцати шести лет, а после него — Аменхотеп IV (), называемый Хун-Атен, самый странный из всех фараонов, который держал свой двор не в Фивах, а в новой имперской столице, которую он построил для себя в городе, известном сегодня как Тель-эль-Амарна. Именно он задумывал преобразовать египетскую религию () в монотеистическую систему. Особый счастливый случай судьбы спас от разрушения в Тель-эль-Амарне ряд исторических документов чрезвычайно ценного характера, которые принадлежали государственным архивам Хун-Атена и которые только недавно были обнаружены в тайных хранилищах, где они были сохранены от уничтожения.

[около 1400-1200 гг. до н.э.]

Именно обнаружение этих табличек впервые дало возможность правильно оценить распространение вавилонской цивилизации в Передней Азии даже в этот период. В тех сирийских районах, которые полностью находились под властью Египта, люди использовали вавилонский клинописный шрифт и семитский диалект Вавилонии в письменном общении с египетским двором, и, как арамейский язык в персидскую эпоху, этот диалект был официальным языком дипломатических переговоров и, следовательно, изучался даже в самом Египте.

Смещение, которое последовало в Египте после смерти невоинственного Хун-Атена, способствовало постепенному усилению власти царства Хета, которому уже способствовала политика этого принца и его предшественника, направленная скорее на сохранение своих владений, чем на расширение власти. Народы Сирии были оставлены сами себе, пока при

Хоремхебе Египет снова не начал приобретать внутреннюю сплоченность; Однако Сети I был первым, кто смог отвоевать большую часть утраченных территорий. Ему удалось продвинуться через Сирию к границам царства Хета и вернуться домой с богатой добычей. Его сын и преемник Рамсес II возобновил борьбу за владение северной Палестиной и в течение долгих лет с переменным успехом вел войну против Хета и их союзников. В конце концов между двумя державами был заключен мирный договор, по которому египтянам осталось лишь господство над прибрежными землями Палестины, где они отныне могли — по крайней мере, пока правил Рамсес II — сохранять свое господство без помех. Полоса финикийского побережья, возможно, также осталась под сюзеренитетом этого фараона.

Договор с хетами оставался в силе не только до конца долгого правления Рамсеса II, но и во время правления его сына Менептаха, и на несколько поколений поставил районы Сирии, где Египет сохранял свободу действий, в состояние зависимости. Один из фараонов XX династии, Рамсес III, также сумел на короткое время восстановить господство Египта, по крайней мере, на юге Палестины. На восьмом году правления этого царя царство хета поддалось натиску народного переселения, для которого объединились множество племен из дальних стран. Взяв с собой своих жен и детей, захватчики прошли через Сирию к восточной границе Египта. Среди племен, от которых началось это предприятие, египтяне упоминают пурста (пулиста?). Не исключено, что это имя обозначает тот же народ, которому Палестина обязана своим названием, — иностранный народ филистимлян. Утверждение о том, что аскалонцы, *то есть* филистимляне, разрушили Сидон, не следует понимать буквально, а следует рассматривать только как ссылку на опустошение и разграбление части Финикии. Отпор пурстам и их союзникам является одним из последних признаков жизни, которые еще проявлял угасающий Египет периода XX династии. Позднее Рамсесы вскоре полностью утратили власть над районами южной Палестины, которые Рамсес II еще мог называть своими. Прошли века, прежде чем из долины Нила снова можно было предпринять вооруженное вмешательство в дела Сирии.

К XVI веку до н. э., а возможно и раньше, хотя насколько раньше, сказать невозможно, финикийцы были хорошо знакомы со всем Эгейским морем (), куда они, вероятно, впервые попали через южное побережье Малой Азии и остров Родос. Из гаваней Родоса было легко добраться до небольших островов архипелага, а оттуда — к побережью Эгейского моря в Греции и Малой Азии. Вероятно, в погоне за своими коммерческими интересами они посещали все уголки этой части Средиземного моря, создавая фабрики там, где условия были благоприятными, и торговые посты на островах у берега или в тех точках на материке, которые казались наименее уязвимыми для нападений, обучая местных жителей искусству добычи полезных ископаемых там, где они были доступны, или занимаясь этой работой сами.

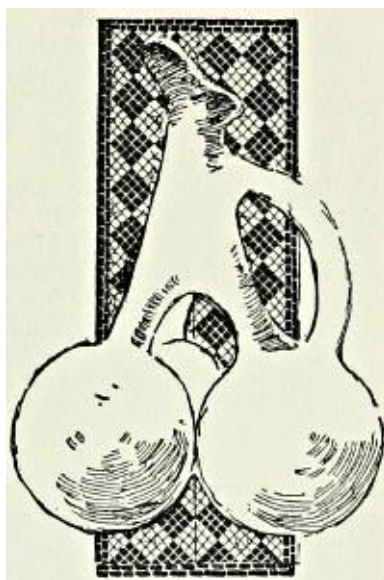
ПУТЕШЕСТВИЯ И ТОРГОВЫЕ ПОСТЫ

Сохранившиеся свидетельства их присутствия скудны, а в некоторых случаях их подлинность вызывает сомнения. Утверждения греческих авторов о том, что определенные города, здания или формы поклонения были построены или учреждены финикийцами, часто означают не более, чем то, что их настоящее происхождение было неизвестно. Названия «циклопский», «пеласгийский» и «финикийский» без разбора присваивались всем реликвиям древности, и даже когда были написаны гомеровские поэмы, финикийское завоевание греческого архипелага оставалось далеким прошлым. В «Илиаде» и «Одиссее» финикийцы появляются только как жители Финикии или земли Сидона, моряки и торговцы, чья деятельность заставляет их путешествовать по морским просторам, вдали от своих домов, и которые время от времени бросают якорь в одном месте на год или около

того, когда представляется такая возможность. Мы много слышим об их деяниях, о великолепии их кубков из кованого серебра и их вышитых тканях, произведенных на сидонских ткацких станках; о драгоценностях из золота и янтаря, которые они предлагают на продажу; об их нечестных и мошеннических уловках, о том, как они обманывают простых людей, лишая их имущества, а затем продают их в рабство, склоняют служанок подниматься на борт своих галер с украденными вещами и детьми своих хозяев, а затем, быстро поднимая паруса, увозят сыновей знатных семей, чтобы продать их в рабство в следующем порту, куда они прибудут. Но это не соответствует действительности даже для периода, когда были созданы греческие эпосы, за исключением того, что Сидон является главным складом непревзойденных продуктов искусства и промышленности северной Сирии. Эпизоды в *«Одиссее»*, в которых рассказывается о финикийском мошенничестве, являются позднейшими вставками. Выводы о финикийской экспансии, сделанные некоторыми учеными на основе определенных собственных имен в Греции, также не являются очень убедительными, поскольку, несмотря на всю их изобретательность, они основаны исключительно на внутренних доказательствах.

Финикийцы колонизировали Родос, как и Кипр, хотя и не в такой же степени. Центром их поселений был Ялис, расположенный напротив побережья Малой Азии, на северной оконечности острова; Камейрос на востоке, как говорят, также был финикийским городом. Они основали поселения на нескольких островах Спорад и Киклад, на островах Тера, Мелос (где они нашли серу и квасцы) и Олиарос (Антипарос). Остров Китера служил им базой для ловли пурпурных мурексов и отправной точкой для путешествий на запад и к побережью Пелопоннеса. Неизвестно, были ли у них поселения на Крите, но они определенно имели некоторые поселения недалеко от побережья Фракии, поскольку Геродот с удивлением и восхищением говорит об их золотых приисках на острове Тасос. Говорят, но без достаточных доказательств, что они колонизировали Самотраки. Не исключено также, что некоторые смелые мореплаватели проплыли через Геллеспонт и Босфор до Понта Эвксинского и основали финикийские фактории на северном побережье Малой Азии.

Раскопки Шлимана в Хиссарлыке, Микенах, Тиринфе и Орхоменосе, а также другие открытия останков догомеровской цивилизации привели к обнаружению ряда предметов, несомненно финикийских или скопированных с финикийских образцов, которые доказывают, что, по крайней мере внешне, цивилизация островов и побережья Эгейского моря имела гораздо большее сходство с цивилизацией северной Сирии, чем с той, которая должна была возникнуть в Элладе. Возьмем только один пример: стены Хиссарлыка, Тиринса и Микен, когда они были завершены, должны были сильно напоминать крепости Палестины и северной Сирии, как они изображены в египетских произведениях искусства. Мы действительно находим некоторые попытки оригинальности среди реликвий этого периода, как, например, в формах и украшениях глиняных сосудов Арголиды, но, в целом, преобладает иностранный элемент; хотя остается открытым вопрос, было ли все, что указывает на господство Малой Азии на этом раннем этапе цивилизации, принесено по морю, или же часть этого могла быть результатом постепенного распространения азиатских влияний. Египетского влияния, прямого или косвенного, почти не наблюдается.

ФЕНИКИЙСКАЯ БУТЫЛКА С ТРОЙНЫМ КОРПУСОМ

Однако не следует преувеличивать масштабы финикийского влияния. Великие города, в которых оно доминировало, погибли рано, и мало что или почти ничего не проникло вглубь материка. Финикийцы, по-видимому, никогда не были бесспорными хозяевами Эгейского моря; их поселения были рано заброшены, на Родосе им пришлось отстаивать свои позиции против карийцев и в конце концов они были изгнаны дорийцами. Север Кипра был рано заселен греками. В деталях и внешних проявлениях существует много связей между этой ранней догомеровской цивилизацией и той, которая отражена в греческих эпосах, но остатки первой, которые сохранились, были ограничены несколькими островными и приморскими племенами, и даже среди них проходили процесс трансформации. Ее наиболее важным наследием было знакомство с практическими искусствами. Финикийские суда, какими бы убогими они ни были, служили образцом для греков, финикийские завоевания на море подтолкнули их к подражанию, и мы, вероятно, правы, предполагая, что они научились у финикийцев ориентироваться по Полярной звезде ночью. Некоторые детали архитектуры Тиринса, Микен и Хиссарлыка были переняты позднейшей архитектурой Греции, хотя разница в материалах лишила их их значения. Техническое искусство в некоторых местах и отраслях долгое время оставалось верным образцам азиатского происхождения, что проявляется в керамике Мелоса и Родоса, некоторых бронзовых изделиях, недавно обнаруженных на Крите, и, прежде всего, как и следовало ожидать, в изделиях Кипра.

Самым важным приобретением, которое греки обязаны финикийцам, было искусство письма и ханаанский алфавит, который, однако, последние не приобрели сами в то время, когда в Греции доминировало влияние Северной Сирии. Греки приняли его позднее, как и систему мер и весов, близкую к той, что существовала в Северной Сирии, хотя, по-видимому, последнюю они не обязаны исключительно финикийцам. Их торговые учреждения и денежные операции, возможно, во многом следовали финикийским образцам; например, финикийцы были первым народом, которому морская торговля заставила обеспечить юридическую защиту жизни и имущества с помощью ценных бумаг.

Когда большое количество финикийцев жило вместе на чужой земле, они объединялись в отдельные корпорации со своими собственными магистратами. В интересах этих разбросанных по миру общин было поддерживать тесные отношения с каким-нибудь крупным городом на родине, и взаимные обязательства, возникавшие в результате этого, были связаны с поклонением местному божеству материнского города. Однако если финикийец просто желал ненадолго остановиться в каком-либо иностранном порту, он

ставил себя под защиту уважаемого жителя этого города и становился его гостем. При расставании разбивали черепок на две части, одну из которых оставлял хозяин, а другую — уезжающий гость, который отныне был обязан оказывать такую же защиту своему бывшему хозяину, любому члену его семьи или любому лицу, занятому в его делах. Когда последний желал порекомендовать кого-либо под опеку своего бывшего *протезе*, он давал ему разбитый черепок в качестве рекомендательного письма; если две половинки совпадали, личность носителя подтверждалась. У греков эта система взаимного гостеприимства (*проксения*) заменила современную консульскую службу. Финикийцы в греческих городах также были ростовщиками и выдавали ссуды под проценты на корабли и грузы, и в банковском деле греки, вероятно, многому научились у них. Маловероятно, что такой город, как Карфаген, в который стекалось богатство со всех сторон, мог бы обойтись без регулярной банковской системы и своего рода денежного рынка. С Крита и Киферы финикийцы отплывали к западному краю Средиземного моря, несомненно, привлеченные слухами о богатстве Испании в полезных ископаемых. Сицилия, Мальта, Гоццо, Коссур и африканское побережье к западу от великой Сиртиды поначалу были для них не более чем необходимыми якорными стоянками и пунктами снабжения провизией в долгом путешествии через проливы, разделявшие Европу и Африку, до устья Гвадалкивира. Развитие финикийских колоний следовало морскому пути в Тартесс, и только после того, как этот путь был хорошо налажен, некоторые места вдоль него приобрели важное значение. Кадис, самая дальняя точка этого маршрута, был старше Утики; Ликсос на африканском побережье, за проливом, считался старше Кадиса. Таршиш давал не только серебро в огромных количествах, но и золото, свинец и другие металлы; рыболовство было прибыльным, и, вероятно, даже тогда олово и янтарь попадали из далекого севера в страны на западном конце Средиземноморского бассейна.

Сидоняне были первыми, кто занял Эгейское море; западная половина Средиземного моря была сферой деятельности тирских предпринимателей. За единственным исключением Лептис-Магна, расположенной на западной окраине великой Сиртиды, все финикийские колонии, насколько нам известно, были основаны либо из Карфагена, либо непосредственно из Тира. Карфаген посылает дань и послов в храм Геркулеса в Тире, его основателями являются основатель Тира и богиня Дидона, которую легенда превращает в сирийскую принцессу. Тирский Мелькарт считается прародителем карфагенян; именно он подчинил ливийские племена, которые противостояли первым колонистам, и открыл своему народу ворота в Атлантический океан, установив по обе стороны великие каменные столбы, как и подобает богу, символом которого являются два столба (). Самым важным финикийским поселением на юге Сицилии была Гераклея Минойская или Рош-Мелькарт, *то есть* Голова Мелькарта (мыс Мелькарт). Опять же, так же как греки иногда называли финикийские товары «сидонскими», так и некоторые предметы финикийской торговли в древнелатинском языке называются *sarranic*, слово, происходящее непосредственно от *Sur*. Тот факт, что тирийцы представляли Финикию в западных водах, не обязательно означает их превосходство на родине. Более вероятно, что они имели, по праву открытия, своего рода монополию на торговлю с Таршишем и западным Средиземноморьем — ситуация, аналогичная разделу мира между Испанией и Португалией, когда были впервые открыты два морских пути в Индию. Однако огромные прибыли от этой торговли, несомненно, обеспечили Тиру ведущее место в Финикии после потери колоний в Эгейском море.

Но даже на западе финикийцы не смогли удержать свои позиции против греков, и после вторжения последних на Сицилию в середине VIII века они покинули большую часть своих владений на этом острове. На противоположном побережье Африки их колонии, по-видимому, были более многочисленными, и со времен подъема Карфагена их влияние распространилось далеко вглубь материка. Там они вступили в контакт с племенами,

совершенно неспособными соперничать с ними, и пунический язык стал общим языком страны, так же как арабский в более поздний период, хотя мы не можем сказать, были ли эти города основаны тирийцами, карфагенянами или коренными жителями. За проливом были и другие финикийские колонии, которые, как говорят, были разрушены коренными племенами. Когда они были основаны, когда были разрушены и сколько времени прошло, прежде чем Ганнон из Карфагена отправился в середине V века, чтобы основать там новые колонии, — на эти вопросы у нас нет ответов. По-видимому, финикийские мореплаватели были первыми, кто посетил Канарские острова, и, согласно дошедшему до нас сообщению, экспедиция Ганнона достигла точки, расположенной в шестнадцать дней пути к югу от Кабо-Верде на побережье Новой Гвинеи.

Наши сведения о путешествиях финикийцев на север в поисках олова, которое так ценилось древними народами, крайне скудны. Иезекииль упоминает олово среди металлов, привозимых из Таршиша на рынок Тира, но он, возможно, имеет в виду олово, добываемое в Лузитании и Галисии. С другой стороны, говорят, что гадитанцы привозили его по морю с Касситеридских островов (побережье Британии), и ходит легенда, что купец из Кадиса, который направил свой корабль на скалы, чтобы сохранить секрет маршрута от преследовавших его римлян, получил компенсацию за свою потерю из государственного бюджета. Опять же, гипотеза о том, что финикийцы действительно добирались до берегов Балтики, чтобы торговать янтарем с жителями Самланда, хотя и возможна, но основана лишь на догадках. Возможно, они никогда не добирались до Корнуолла и просто притворялись, что олово из Испании было продуктом северных островов, чтобы избежать риска конкуренции.

Финикийские предприятия были направлены скорее на запад, чем на восток, и выбирали морской путь, а не сухопутный. Причина была проста: морской транспорт подвергался меньшему риску, а племена, находившиеся на низкой стадии цивилизации, оказывали поселенцам и купцам, приезжавшим к ним для обмена сокровищами из самых отдаленных уголков земли на сырьевые продукты, гораздо более радушный прием, чем тот, которого они могли ожидать от правителей цивилизованного Востока. Но, несмотря на небольшое количество своих поселений, финикийцы, тем не менее, вели процветающую торговлю с восточными народами. Продукты Армении, должно быть, поступали на рынок Тира еще до времен Иезекииля (); Сирия и Палестина снабжали Финикию продовольствием, сырьем и товарами, а также рабочей силой для ее причалов. Во времена Геродота арабские пряности проходили через руки финикийских купцов, и он упоминает, что в Египте был тирский квартал города [Мемфис] и храм «иностранный Афродиты», предположительно Астарты.

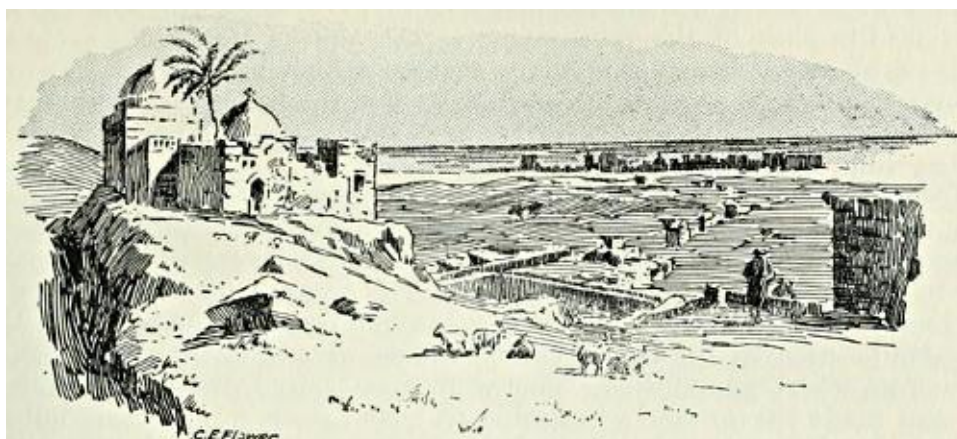
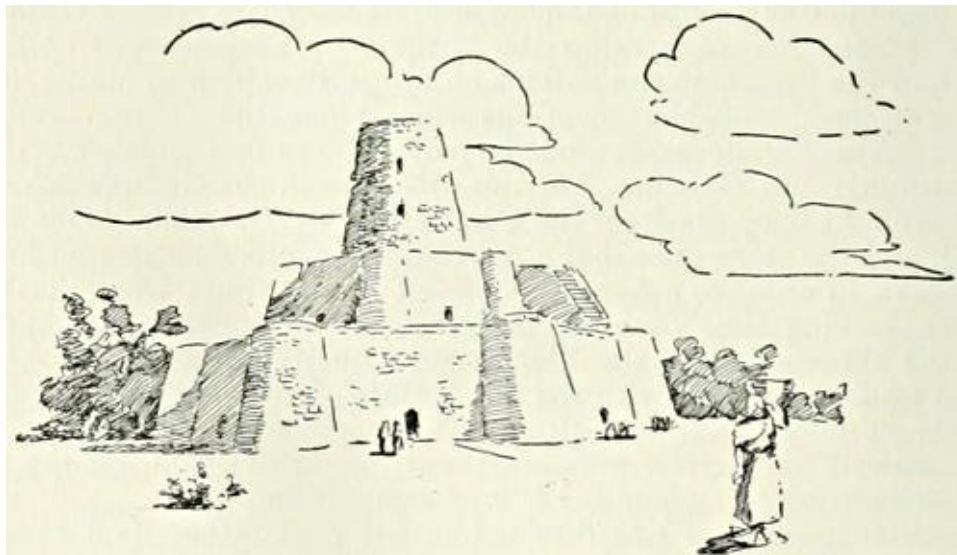
Финикийцы, по-видимому, не считали нужным вмешиваться в израильскую оккупацию земель к западу от Иордана, и, за несколькими незначительными исключениями, эти два народа, по-видимому, жили бок о бок в мире, что было выгодно для обеих сторон.

[1100 г. до н. э.]

Миграция пурстов, разрушившая Хеттскую империю, привела к появлению ряда мелких государств, бессилие которых можно оценить по тому факту, что в 1110 году Тиглатпилесер I, царь Ассирии, продвинулся вплоть до берегов Средиземного моря. Но прошло еще более двухсот лет, прежде чем ассирийские цари смогли всерьез задуматься о завоевании Финикии. Тир, обладавший монополией на торговлю с Таршишем, оставался повелителем морей и родиной отдаленных колоний еще долго после того, как слава Финикии в Эгейском море померкла и перешла к Сидону, который ранее занимал аналогичное положение. Был ли какой-либо политический договор, в силу которого она взяла на себя ведущую роль в делах

Финикии, мы не можем сказать; основой ее господства были ее флот и торговля, а также постепенное распространение ее суверенитета на более обширную территорию.

Список царей Тира содержит полезные хронологические ссылки для еврейской истории, и благодаря этому случаю Иосиф Флавий сохранил некоторые выдержки из *«Анналов Тира»* Менандра. Первый монарх, упомянутый в этих выдержках, — сын и преемник Абибаала, Хирам, правивший Тиром с 969 [980] по 936 год до н. э. [b](#)

ТИР С МАТЕРИКА

ГЛАВА III. ВЕЛИЧИЕ ФЕНИКИЙЦЕВ

ПРАВЛЕНИЕ ХИРАМА I

Источники информации о правлении Хирама богаче, чем о любом другом периоде финикийской истории. Они больше не предлагают лишь несколько разрозненных упоминаний и случайных замечаний или имен, которые едва ли имеют историческую

ценность, но предоставляют данные, важные не только по своему содержанию, но и по своему объему, и которые тем более ценны, что касаются самого замечательного периода истории Западной Азии. Эти источники можно разделить на три класса. На первом месте стоят бесценные остатки финикийской историографии, которые Иосиф Флавий, для сравнения и проверки библейских рассказов о царе Хираме и его отношениях с Соломоном, сохранил из исторических трудов Менандра и Диуса. Вторым, и даже более важным в своем роде, являются сами библейские рассказы, которые дают информацию о политических, торговых и социальных отношениях, которые были установлены между Израилем и Финикией и их правителями. Третий источник информации, в который, безусловно, вошло много легенд из этого блестящего периода обеих стран, состоит в основном из более поздних версий финикийской и израильской истории, фрагментов из работ Хетуса, Феофила и Евполема, которые были сохранены церковными писателями в качестве дополнения к вышеупомянутым выдержкам Иосифа Флавия и для аналогичных целей.

[около 980-936 гг. до н. э.]

После смерти малоизвестного царя Абибаала его сын Хирам I взойшел на престол в возрасте двадцати лет. Хронологические исследования доказали, что это событие произошло в 980 г. до н. э., за восемь лет до смерти великого израильского царя Давида.^[7]

Из всего, что сообщают вышеупомянутые источники или что можно вывести из сравнения с условиями, существовавшими до правления Хирама, становится очевидным, что Финикия уже находилась в состоянии, когда ее дела нуждались лишь в более твердом формировании и закреплении. Таким образом, в этом отношении финикийское и израильское государства, правители которых, Хирам и Соломон, были друзьями и имели много общего в характере и вкусах, находились в очень схожих обстоятельствах. Ведь совсем недавно и в Тире было установлено царство вместо правления суффетов, и в то же время была полностью разорвана связь зависимости, которая объединяла Тир как колонию с Сидоном. Вполне вероятно, что в условиях слабости материнского государства эти отношения до этого времени поддерживались исключительно из чувства сыновнего долга.

Отношения с Израилем и признанное положение гегемонического государства, которое Тир поддерживал при Хираме, возможно, были установлены в непосредственно предшествующий период, но то, что рассказывают источники об этом прославленном царе, тем не менее, представляет его как настоящего основателя тирского государства. На это указывают записи источников о его постройках на острове Тир, с помощью которых он защитил столицу страны от последствий континентальной войны. Эта работа была выполнена по великолепному плану и превратила ранее незначительный островной город в защитный бастион не только для Тира, но и для всей Финикии. Эти сооружения, должно быть, относятся к самому началу его правления, поскольку в хрониках Менандра и Диуса, которые, очевидно, составлены в хронологическом порядке, они упоминаются в первую очередь, а сооружения, возведенные в Иерусалиме в начале его правления и при его содействии, позволяют предположить, что нечто подобное уже имело место в Тире.

Взгляд на политическое положение соседних государств континента проливает свет на следующий момент. Израильяне совсем недавно подчинили себе все народы окрестностей, за исключением финикийцев; мелкие сирийские государства, до сих пор разрозненные, образовали более тесный союз друг с другом и под властью царя Дамаска уже в то время начинали формироваться как вторая сила в Западной Азии.

Таким образом, под угрозой новой опасности со стороны объединенных сил до сих пор разрозненных израильского и арамейского народов, финикийцы не жалели усилий для укрепления оборонительных сооружений островного города. Можно с уверенностью

предположить, что в эти ранние дни нового тирского королевского государства Палетир, который в последующий период продолжает оставаться более важным и является резиденцией короля, был местом появления многих новых зданий, особенно королевских дворцов, подобных тем, которые рабочие Хирама возвели в Иерусалиме. Однако источники не дают никакой информации об этом, поскольку они касаются островного города, который впоследствии стал более важным, и поскольку на момент написания этих записей от Палетира осталось лишь несколько руин.

Кроме того, под властью этого царя религиозные церемонии приняли совершенно новую форму. Некоторые из старых святилищ, уже существовавших в Тире, он перестроил, другие заменил совершенно новыми. Согласно записям, последнее имело место в случае с храмами двух покровителей, Мелькарта и Астарты, в то время как упоминается о восстановлении кедровых крыш других храмов, которые не названы, но в связи с величием этих последних зданий рассказывается, как Хирам отправился в Ливан и велел срубить целый лес кедровых деревьев для этой работы. Третий великий храм, храм Баалсамина, был украшен золотыми вотивными подношениями, среди которых был тот самый знаменитый золотой столб, о котором часто упоминалось в более поздние времена и который до последних веков независимости Тира все еще можно было увидеть в этом городе.

Поскольку эти предприятия, свидетельствующие о любви царя к роскоши и его огромном богатстве, обеспечивали величие нового королевского города и его религиозных обрядов, то и другое постановление Хирама, упомянутое Менандром, указывает на реорганизацию культа или, по крайней мере, порядка праздников. Менандр рассказывает, что Хирам был первым, кто начал праздновать Пробуждение Геракла в месяц Перитиус, когда он начинал войну против киприотов.

Из записей мы узнаем, что царь не только реорганизовал внутреннюю структуру тирского государства, но и принял меры для защиты иностранных завоеваний своих предшественников. В цитируемом выше отрывке из Менандра говорится, что Хирам вел войну против киприотов, которые не платили дань и были вновь подчинены Хирамом. Из этого отрывка ясно, что остров Кипр уже при предшественнике Хирама перешел из владения Сидона, который колонизировал его во время своей гегемонии, к Тиру.

Поскольку все рассматриваемые нами записи указывают на то, что Тир завоевал свое положение ведущего государства во время предыдущего правления, а во времена Хирама стремился к организации и укреплению того, что было завоевано, то же самое можно сказать и об отношениях с Израилем. Записи по этому вопросу относительно полны и представляют большой интерес для истории обоих этих процветающих государств. Поэтому мы должны рассмотреть их несколько более подробно.

Благодаря успешным войнам Давида израильское государство выросло из прежней незначительности до величия, которое долгое время не имело себе равных в Западной Азии. Вся Сирия и Палестина, за исключением северного побережья, принадлежали Израильскому царству, так что Финикия, расположенная на материке, была почти окружена израильской территорией. Все торговые пути, ведущие от Евфрата, из Аравии и Египта к торговым центрам Средиземноморья, контролировались израильянами, а после завоевания Эдома они также завладели торговыми портами на Красном море, где финикийцы издавна вели чрезвычайно прибыльную торговлю с Аравией и Эфиопией, а возможно, еще до Давида — и с Индией. В этих условиях финикийцы предприняли попытку установить более тесные отношения со своими могущественными соседями.

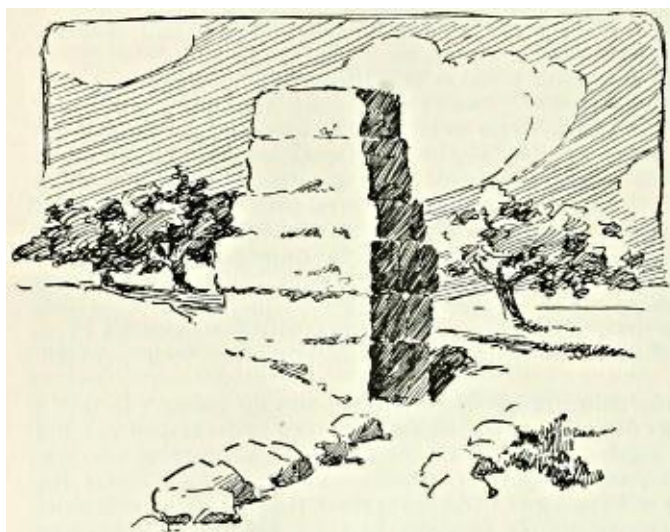
Вскоре после начала своего правления Хирам послал к Давиду посольство, в результате чего он отправил финикийских рабочих в Иерусалим, чтобы построить дворец для еврейского царя. О компенсации за эту услугу не упоминается; поэтому, особенно судя по

краткому описанию, в котором посланники и рабочие отправляются к Давиду вместе, кажется, что финикийский правитель построил здание просто для того, чтобы продемонстрировать свою благосклонность к израильтянам. Как бы то ни было, благодаря продолжавшейся дружбе их правителей не могло не быть важных результатов для политических и торговых отношений двух государств; и торговые предприятия и союзы, которые мы в большей степени находим в правление Соломона, могли быть заключены ими даже в то время.

После смерти Давида Хирам стремился сохранить теплые отношения между двумя странами при правлении Соломона и поэтому, когда тот вступил на престол, воспользовался случаем, чтобы отправить в Иерусалим посольство с поздравлениями и просьбой о продолжении дружбы. Соломон тогда лелеял проект постройки храма, который Давид желал воздвигнуть после завершения дворца, построенного для него в Иерусалиме рабочими Хирама в конце его правления. Благочестивый царь считал неуместным жить в «кедровом дворце», в то время как жилище Иеговы было шатром. Но ввиду продолжающихся внутренних беспорядков и еще не завершеного подчинения провинций, которые были включены в состав королевства, он был удержан от своего проекта пророком Нафаном, который показал ему, что его осуществление суждено его преемнику.

При осуществлении плана своего отца Соломон не мог обойтись без финикийских рабочих и мастеров, поэтому он воспользовался возможностью, предоставленной дружественными предложениями тирского царя, чтобы заключить с ним договор. Согласно более древней версии этого договора, Хирам должен был предоставить кедровое и кипарисовое дерево, а также плотников и каменщиков для строительства и отправить уже обработанные материалы на плотях в Иудею. Взамен Хирам оговорил, что он должен получать ежегодно, пока продолжаются работы, двадцать тысяч мер пшеницы в качестве «пропитания для своего дома», то есть для королевского двора, и двадцать, или, согласно Септуагинте и Иосифу Флавию, двадцать тысяч мер оливкового масла ().

После того как храм в Иерусалиме был построен с помощью финикийских мастеров, любивший роскошь Соломон, вероятно, заключил с тирским царем другие соглашения с аналогичными целями. Ведь мы знаем, что поставки кедра, ели и золота продолжались в течение двадцати лет. То, что в то же время торговые отношения между двумя странами регулировались договорами, были установлены импортные пошлины на товары, определено положение финикийских купцов, проживавших в Иудее, а также многочисленных израильтян, поселившихся на финикийских землях, вполне соответствует сути дела и частично подтверждается конкретными заявлениями.

ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «ГРОБНИЦА ХИРАМА»

Финикийская легенда изображает мудрого Соломона в споре со своим другом Хирамом, сбивающим его с толку загадками, а затем самого Соломона побеждающим финикийца, мудрее его самого. Так же как легенда о мудрости Соломона здесь искусно связана с дружескими отношениями с Хирамом, так и другая легенда о необычайном богатстве израильского царя использует те же отношения, приписывая ему замечательное votivное подношение в храме Мелькарта — тот золотой столб, который, согласно отрывкам из Менандра и Диуса, царь Хирам установил в упомянутом святилище, где его восхищался Геродот. Теперь, легенда, сохраненная Эуполемом, гласит, что этот столб пришел от Соломона, который послал его Хираму в благодарность за помощь в строительстве храма.

Эта история слишком похожа на народную традицию, чтобы считаться просто выдумкой Евполема, и слишком противоречит духу позднего иудаизма, чтобы быть еврейской выдумкой. Согласно другой финикийской истории, Соломон послал золото, которое не было использовано при строительстве храма, тирскому царю Амалику (), и последний, как говорят, заказал эту знаменитую колонну в качестве подставки для статуи своей дочери, которая была замужем за Соломоном. О том, что Соломон женился на дочери Хирама, сообщают два автора, писавшие о финикийской истории, Хэтус (Chætus) и Менандр из Пергама (Menander of Pergamus). В библейской истории упоминается брак Соломона с дочерью египетского царя, а также большой гарем еврейского царя, в котором были и сидонские женщины, для которых Соломон учредил расовый культ сидонцев, поклонение Астарте. Это указывает на необычно высокое положение сидонцев в гареме.

[около 980-887 гг. до н.э.]

В то время как тирская легенда и история стараются почтить Хирама за его связь с Соломоном, который с самого начала был яркой фигурой в восточной традиции, с другой стороны, мы не должны упускать из виду аналогичные усилия в еврейской историографии, которая с удовольствием рассказывает нам о дружбе двух израильских правителей с Хирамом и не скрывает того факта, что внешнее величие и богатство Соломона были следствием связи с богатой и художественной соседней нацией. Даже более поздние еврейские традиции рассказывают много странного об этом знаменитом тирском царе. Говорят, что он был тем принцем Тира, который в книге Иезекииля ххviii. 2 ходит среди драгоценных камней Рая, и, согласно дальнейшему толкованию пророчества Иезекииля, он погиб при осаде Тира Навуходоносором, прожив пятьсот лет.

Согласно другой, не совсем беспочвенной легенде, Хирам построил в Тире храм, подобный храму в Иерусалиме, и ввел в нем еврейские обычаи, в чем Хирам может быть сравнен с императором Юлианом, который перенес христианские обычаи в язычество. Эта история связана с другой сирийской традицией, согласно которой церковный перевод Ветхого Завета, который используют сирийцы, является тем, который Хирам попросил Соломона сделать. Поскольку традиции финикийцев и соседних евреев и сирийцев так долго сохраняли память об этих двух царях, они считают это время периодом расцвета как Финикии, так и Израиля.^b

ПРЕЕМНИКИ ХИРАМА

Преемником Хирама стал его сын Баалбазер, который умер после семи лет правления. Его преемником стал его сын Абдастарте, который правил девять лет. В возрасте двадцати девяти лет он пал жертвой дворцового переворота. Четверо сыновей его кормилицы сговорились против него и устранили его с пути. Старший из них, Метуастарте, сын Леастарте, взшел на престол и правил двенадцать лет. [Большинство авторитетных источников расходятся с Пичманом в оценке продолжительности правления Метуастарте, которое длилось двадцать четыре года, в последней половине которых он связал себя на троне с отпрыском королевского дома, известным как Астарта или иногда Абдастарте II]. Его преемником стал один из его братьев, Астаримус, который девять лет спустя был казнен своим братом Феллесом. Всего через восемь месяцев та же участь постигла и последнего. Он был убит Итобаалом (Эт-баалом), жрецом Астарты.

[около 887-723 гг. до н. э.]

С вступлением на престол Итобаала порядок был восстановлен. Он установил дружеские отношения с королевством Северного Израиля, заключил с ним то, что Амос называет «братским заветом», и выдал свою дочь Иезавель замуж за воинственного царя Ахава, сына Омри. Засуха, поразившая северную Сирию во времена Ахава, также упоминается в анналах Тира; они ограничивают ее продолжительность одним годом и приписывают ее прекращение () молитвенной процессии, которую провел Итобаал. При его правлении тяжелая кара, которая должна была обрушиться на сирийские страны со стороны Ассирии, приблизилась к Финикии. Ашшурназирпал с его армией (876 г. до н. э.) прошел из верхней долины Оронта в низменный прибрежный район Джун-Аккор, продвинулся на юг через него и проник в Нахр-эль-Келб, где, по-видимому, датируется одним из ассирийских скальных скульптур. Города Финикии поспешили откупиться от него подарками и таким образом на этот раз избежали беды. Говорят, что Итобаал основал Ботрис, вероятно, исходя из обоснованного предположения, что этот набег не будет последним в этом направлении. Из Ботриса можно было контролировать проход Рас-эль-Шакка.

Преемником Итобаала был его сын Баалазар, который правил шесть лет, а затем его сын Меттен (Меттен) правил в течение двадцати девяти лет. После его смерти корона перешла к Пигмалиону. С этим царем, который занимал трон сорок семь лет, заканчивается последовательный список царей Тира, который дошел до нас из произведений Менандра. Больше ничего не сохранилось в целостности.

Во времена Баалазара опасность, угрожавшая Финикии со стороны растущей мощи Ассирии, по-видимому, была осознана в Араде и соседних городах. В битве при Каркаре (854 г.) Меттенбаал [Матину-Баал из записей Салманасара II], царь Арада, сражался на стороне Ахава против Салманасара II, и, возможно, так же поступили войска Ушу и Сиана, двух мест, которые обычно упоминаются в ассирийских надписях наряду с Симиroy и Арадом, а также

войска Акко. Это были города, которые были наименее защищены естественными границами со стороны северной Сирии (). Салманасар II хвастается, что в своих походах против Хазаэля из Дамаска он взял дань с Тира, где тогда правил Меттен, и Сидона (842 и 839 гг. до н. э.), а также с Библа (839 г.); возможно, это хвастливое название для добровольных подарков, которые он там получил. Во времена Пигмалиона Сидон и Тир, по-видимому, были обязаны платить налоги ассирийскому царю Адад-нирари III, чьи завоевательные походы дважды достигали Финикии (804 и 803 гг.). Затем более полувека в регионе царил мир с ассирийцами, вплоть до времени Тиглатпилесера III. Надписи этого царя гласят, что он разорил территории городов Симира, Акко, Ушу и Сиан, установил там ассирийских военачальников и поселил колонистов, привезенных туда из самых отдаленных уголков империи. Хирам II из Тира и Сибиттибили из Библа упоминаются среди царей, которые принесли ему дань в Сирии, а в другом случае — Меттенбаал из Арада, в то время как Тир должен был заплатить ему сто пятьдесят талантов золота. Арад, Библ и Тир, по-видимому, были единственными независимыми государствами Финикии в то время.

[723-671 гг. до н. э.]

Тир оставался самым независимым и могущественным городом. Элулай, правивший там примерно в 728-692 гг. до н.э. под именем Пилас, в начале своего правления сумел подавить восстание киприотов с помощью своих военных кораблей. В его время Салманасар IV, преемник Тиглатпилесера III, завоевал всю Финикию. Был заключен мир, по которому Сидон, Акко, даже Палетир и многие другие города перешли к ассирийскому царю. По-видимому, они хотели обрести независимость от островного города, даже ценой своей политической независимости. Но поскольку тирийцы проявили недовольство этим, Салманасар снова вторгся в Финикию, и чтобы достичь островной крепости, он собрал шестьдесят кораблей с восемьюстами гребцами, из чего следует, что они были небольших размеров. Но тирийцы храбро защищались; с помощью двенадцати кораблей типа « » они рассеяли вражеский флот и взяли в плен пятьсот человек. Затем ассирийский царь ушел, но оставил часть своей армии, чтобы удерживать материк напротив Тира и отрезать его от реки, впадающей в море, и от акведуков, и таким образом лишить тирийцев возможности снабжаться питьевой водой. Говорят, что это продолжалось пять лет, в то время как тирийцы пользовались водой, которая собиралась в колодцах, вырытых ими на своем острове. В конце концов они, по-видимому, устали сопротивляться. Судя по всему, в анналах Тира не утверждается, что усилия ассирийцев были полностью безрезультатными. Саргон вззошел на престол Ассирии в 722 году, и предполагается, что тирийцы пришли с ним к соглашению в 720 году, когда он появился в Сирии, чтобы разгромить союз Арпада, Симиры, Дамаска и Самарии. Саргон хвастается, что он вытащил ионийцев из моря, как рыбу, и умиротворил Киликию и Тир, и он говорит о Тире как о городе, который принадлежал ему. Сеннахериб поставил в Сидоне царя по имени Тубаал, то есть Итобаал, на которого он наложил налог; Абдили'ти из Арада и Урумилки из Библа также принесли ему дань. Из Сирии он увез рабочих в Ниневию, где они должны были строить для него корабли по образцу судов своей страны. Эти корабли были укомплектованы тирскими, сидонскими, а также греческими, *то есть*, вероятно, кипрскими моряками, и с их помощью он смог предпринять морскую экспедицию по Тигру, чтобы подчинить народ Бит-Якина и эламитов «с их богами» и увести их в плен (694 г. до н. э.). Эти суда изображены на барельефе в Кюнджике: круглые транспортные суда с загнутыми вверх задней и передней частями и военные корабли с большим выступающим килем. Оба типа судов имели две палубы. На верхней, за высокими боковыми перилами, снаружи которых воины повесили свои щиты, сидят пленники и вооруженные копьями мужчины. Между палубами сидят гребцы, спиной к

передней части корабля. Работают два ряда весел, один над другим; вместо руля используются два длинных шеста, расположенные справа и слева от кормы судна.

[671-586 гг. до н. э.]

Вскоре после того, как сын Сеннахериба Эсархаддон начал свое правление, Абд-милкот, царь Сидона, по-видимому, преемник того самого Итобаала или Этбаала, которого Сеннахериб установил там, позволил себя соблазнить на попытку обрести независимость, в союзе с Сандуарри, правителем двух городов Кунду и Сизу, которые находятся в глубине страны, к востоку от Сидона. Попытка провалилась. Сидон был захвачен (678 г. до н. э.), разграблен и опустошен; укрепления были разрушены, жители увезены в изгнание, а на его месте было основано новое поселение, которое заселили люди из восточных районов Ассирийской империи и которое получило название колонии Кар-Ашшур-ахе-иддин (город Эсархаддона). В 671 году до н. э. Эсархаддон выступил против Тирхаки из Египта; а Баал из Тира, полагаясь на силу Тирхаки, проявил неповиновение. Как и во времена Салманасара, Тир был снова отрезан ассирийцами от всех источников снабжения продовольствием и водой. Не указано, был ли Баал таким образом вынужден подчиниться. Но несомненно, что во время правления Ашшурбанапала Баал снова был осажден ассирийцами в своем островном городе. На противоположном берегу снова были возведены укрепления, и все подходы были заблокированы по суше и по морю. Говорят, что осажденные, чтобы утолить жажду, в конце концов были вынуждены пить соленую воду. В результате Баал подчинился и дал гарантии более лояльного поведения в будущем. Он отдал свою дочь и дочерей своего брата в жены верховному царю вместе с богатым приданым, а также сдал ему своего сына Яхи-мелека. Это было больше, чем требовал Ашшурбанапал, и он отправил Яхи-мелека обратно к отцу. Вероятно, с помощью военных кораблей Баала ассирийцы затем приступили к покорению другого островного царя Финикии, Якинлу из Арада. Он также был вынужден отправить свою дочь в Ниневию с множеством подарков; каждое такое пополнение его гарема было особенно приятно Ашшурбанапалу. Однако впоследствии Якинлу снова впал в немилость и был свергнут; возможно, не без содействия его десяти сыновей, которые все явились с ценными подарками ко двору Ашшурбанапала, чтобы претендовать на вакантный трон. Он был отдан одному из них, по имени Азебаал; остальные были откуплены с почестями. Период, к которому относятся эти события, не может быть точно определен; возможно, они имеют какое-то отношение к тому факту, что брат Ашшурбанапала Шамаш-шум-укин сумел поднять вассалов на западе на восстание. В связи с кампанией, предпринятой против арабского принца Яуты около 640 г. до н. э., города Ушу и Акко были наказаны в качестве примера за небрежное уплату дани и отказ от верности. Возможно, это было последнее военное действие, которое ассирийская армия провела на территории Финикии, хотя ассирийский губернатор Симыры, имевший звание эпони́ма или лимму, упоминается еще в 636 году до н. э.

Сирия и Палестина не избежали ударов судьбы, которые разрушили Ассирийскую империю после правления Ашшурбанапала. Орды скифских всадников, вооруженных луками и копьями, вторглись с севера и проникли до границ Египта (около 625 г. до н. э.). Говорят, что подарки от Псамтека I побудили их повернуть назад. Перед тем как покинуть Сирию, оставшие разграбили святилище Афродиты в Аскалоне. Власть Египта вновь усилилась под правлением Псамтека, поскольку он уделял особое внимание созданию наемной армии, состоящей из карийцев и ионийцев, которая стала настолько сильной, что его сын и преемник Неку II (608 г. до н. э.) смог пойти еще дальше и попытаться восстановить власть, которой обладали фараоны Нового царства в Сирии. Иосия Иудейский, который был достаточно безрассуден, чтобы противостоять ему в Мегиддо, был им побежден. Сирия, по-

видимому, подчинилась ему, вплоть до стран, граничащих с Евфратом. Газа оказала сопротивление, но была взята.

Но Неку II мог чувствовать себя завоевателем лишь в течение короткого времени. Набополассар послал против него своего сына Навуходоносора, и в 605 году до н. э. при Кархемише на Евфрате произошла битва, в которой Неку потерпел поражение. Навуходоносор не смог сразу же полностью воспользоваться своей победой, поскольку ему пришлось вернуться в Вавилон, где тем временем умер его отец. Тем не менее вавилоняне теперь имели свободу действий в Сирии, и Неку не осмелился снова противостоять им.

[586-532 гг. до н. э.]

Финикийцы давно научились извлекать максимальную выгоду из иностранного господства. Сильная партия, считавшая целесообразным встать на сторону Навуходоносора как самого могущественного из соперников за власть над Ассирией, по-видимому, держала в своих руках бразды правления в Тире, когда Априс (Уах-аб-Ра) достиг власти в Египте. Последний, как сообщает Геродот, сразу же после своего вступления на престол выступил против Сидона и дал сражение тирийцам на море; и только тогда, по-видимому, мнение изменилось, и Тир позволил себе вступить в переговоры с Египтом. В противном случае в 587 году Навуходоносор не имел бы оснований не только продолжить с армией осаду Иерусалима, но и выступить против Тира. Априс не рискнул выступить против вавилонян, а оставил иудеев и тирийцев на произвол судьбы. Уже в июле 586 года столица царства Иудеи была завоевана: город был разрушен, а его жители увезены в изгнание в Вавилонию. Согласно Иезекиилю, тирийцы с радостью приветствовали падение Иерусалима (): ворота, преграждавшие путь народам, были сломаны, открылся новый торговый путь. Но, согласно Менандру, в 587 году Навуходоносор уже начал блокировать Итобаала II на его острове. Тир сопротивлялся дольше, чем когда-либо прежде, и Итобаал II не сдался в течение тринадцати лет (574), и, вероятно, только потому, что его вынудили сделать это трудности, в которые его подданных ввергла изоляция от материка и прекращение всех видов промышленности. Город не был взят штурмом, не был разграблен и разрушен. Семья Итобаала была вынуждена переехать в Вавилон, чтобы в случае неповиновения Баала II, которому Навуходоносор отдал Тир в феоде, вавилоняне не испытывали недостатка в претендентах на корону. Чтобы отпугнуть фараонов от дальнейших попыток вмешательства, Навуходоносор предпринял поход против Египта (в 568 году). Тирийцы оставались покорными. Набонид по-прежнему называл Газу самой южной границей своего царства.

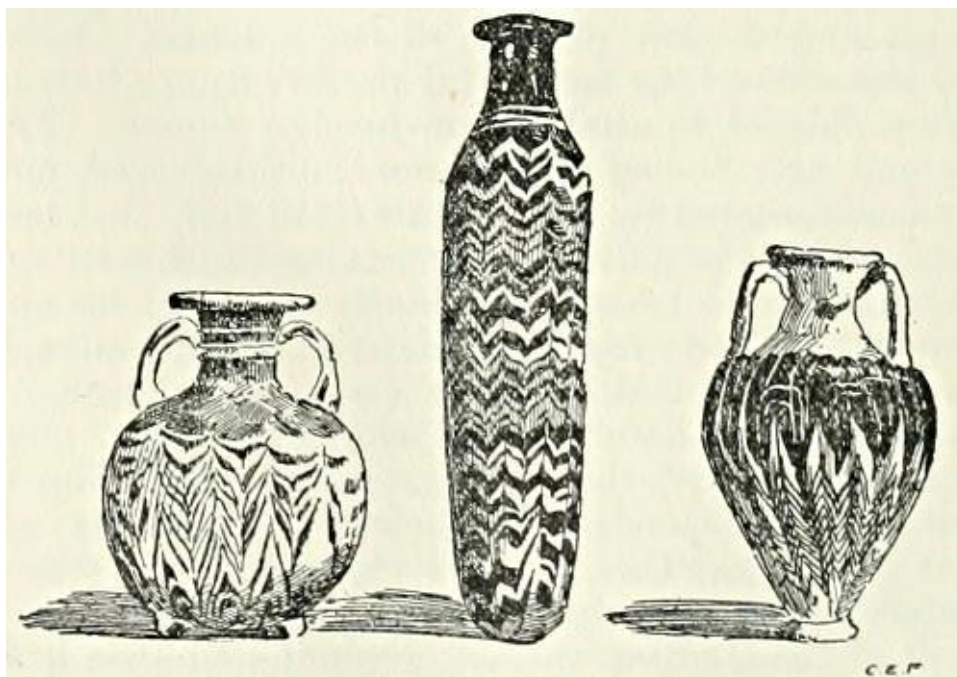
За десятилетним правлением Баала II (до 564 г.) последовал период междуцарствия, когда Тир находился не под властью царей, а под властью судей, суффетов, то есть правителей, которые не могли претендовать на какие-либо законные права. Таким образом, Тир находился в состоянии анархии. В конце концов, победила партия, которая пригласила из Вавилона законного царя, а именно Махарбаала (греч. Мербалос), который правил четыре года. Его сменил его брат Хирам (III), который также был приглашен из Вавилона. Летописи Тира относят передачу власти в руки Кира Персидского к четырнадцатому году двадцатилетнего правления Хирама III (538 г. до н. э.). Разумеется, когда Вавилон попал в руки персов, Финикия, как и остальная Сирия, также сменила хозяев. Похоже, что изнурительная осада Тира под руководством Навуходоносора и последовавший за ней период анархии подавили в тирийцах последние остатки стремления к независимости. Пассивное поведение Хирама, возможно, было обусловлено сомнениями в безопасности своего трона, если не соображениями уважения к своим родственникам, оставшимся в Вавилоне, и страхом перед назначением Киром соперничающего короля; и если Хирам обладал какой-то наследственной мудростью бывших князей Тира, которые даже

Иезекиилю казались «мудрее, чем Даниил», он, возможно, также признавал в персах народ, которому принадлежало будущее в юго-западной Азии.

Скромные размеры Финикии с самого начала не соответствовали чрезмерному количеству и удаленному расположению колоний, которые финикийцы, главным образом ради успешного сохранения своих торговых интересов, были вынуждены основать на чужих берегах. Потеря внутренней силы и трудоспособного населения, нанесенная таким образом метрополии, не компенсировалась сокровищами, накопленными в самой метрополии, окружение которой не позволяло расширять территорию, а собственное процветание которой было бы постоянно подвержено опасности при любой попытке агрессивного увеличения власти. И если во многих случаях отправка эмигрантов могла избавлять от избытка населения, то ничто не могло помешать колониям со временем все больше и больше отдаляться от интересов материнского города и достигать положения, в котором они полностью зависели от собственных ресурсов. Путешествие от сирийского побережья до Гадеса (Кадиса) занимало во времена греков восемьдесят дней, а до того, вероятно, гораздо больше, и для этого необходимо было пересечь все Средиземное море. Даже если бы Финикия была избавлена от постоянного давления военных нужд, ей все равно было бы невозможно постоянно удерживать власть над колониями во всей их протяженности и предотвратить развитие независимости. Но именно тот период, когда финикийцы больше всего страдали от нападений ассирийцев, когда жители Тира были вынуждены ограничиться обороной своей цитадели в море, совпадает со временем, когда эллины основали свои колонии на Сицилии. Таким образом, была утрачена непосредственная связь с финикийцами запада. Последние были теперь вынуждены защищаться от противника собственными силами и, так сказать, полностью изменив фронт. В то же время, в начале VII века, по всей видимости, в земле Таршиш возникла местная династия, представителем которой в легенде является долгоживущий царь Аргантоний, который, как предполагается, достиг значительного возраста в сто пятьдесят лет, и правители этой династии больше не отдавали предпочтение исключительно торговле финикийцев. Когда около 690 года туда прибыл купец Халай из Самоса, он смог беспрепятственно продать столько серебра, что, как говорят, заработал на этой сделке шестьдесят талантов, и его примеру последовали, в частности, финикийские моряки. Везде, где принимали греческих купцов или моряков, они начинали затмевать финикийцев, и когда во время правления Псамметакха I Египет стал более чем когда-либо открытым для иностранных контактов, то не финикийцы, а эллины извлекли из этого наибольшую выгоду, хотя, возможно, по приказу Неку финикийские моряки были первыми, кто предпринял попытку кругосветного плавания вокруг Африки и успешно ее осуществил. В Киликии еще до персидской эпохи эллинская цивилизация начала повсеместно распространяться, и примерно в то же время, когда Финикия подчинилась Киру, города Кипра, которые долгое время были в основном эллинскими, перешли, хотя и временно, под власть Египта. С этого момента и до времени Александра Македонского история Финикии является частью истории Персидской империи, а с середины VII века до н. э. история финикийцев Запада все больше и больше сливается с историей города, который стал энергичным повелителем колоний; эта история тесно связана с судьбой Карфагена.^d

СНОСКИ

[7] [Питшманн определяет начало и конец его правления 969 и 936 годами до н. э.]

Финикийские вазы

ГЛАВА IV. ФЕНИКИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ПЕРСОВ

Хотя Тир, по-видимому, не утратил своей независимости в войнах с Навуходоносором, он не мог выдержать тринадцатилетнюю осаду без серьезного ущерба для своего процветания. В начале вавилонской войны он явно был во главе финикийских государств; жители Сидона и Арада снабжали его флот моряками и солдатами; ремесленники Библа работали на его верфях. Но с этого времени превосходство тирийцев было утрачено. Аахмес II лишил их Кипра, хотя семья тирского происхождения, по-видимому, приобрела власть в Саламине, которую они сохраняли до тех пор, пока не были лишены ее Эвагором. Мы не находим никаких упоминаний о финикийских морских государствах как о части союза, в который вступили вавилоняне, лидийцы и египтяне с целью противостоять опасности, угрожавшей им всем со стороны растущей мощи Кира. Но независимо от того, были ли они в это время связаны с Вавилоном, или, что более вероятно, с Египтом, чья мощь возродилась при

Аахмесе II, они в равной степени противостояли политике Персии; и именно в качестве подготовительного шага к захвату побережья Кир обеспечил себе союзника в Палестине, проявив к евреям другие знаки благосклонности и позволив им восстановить Иерусалим, для чего они воспользовались помощью Сидона и Тира в заготовке леса на Ливане. Без этой гарантии было бы очень неразумно со стороны Персии разрешить укрепление такого естественно укрепленного места, как Иерусалим.

На протяжении всего его правления мы не находим упоминаний о том, что он использовал финикийский флот в своих предприятиях, которые, по сути, были исключительно военными. Ближе к концу своего правления он, несомненно, обдумывал экспедицию против Египта, но его внимание было отвлечено кочевыми народами на северо-восточной границе, в войне с которыми он и погиб. Ксенофонт в своей *«Киропедии»* приписывает ему завоевание Кипра, Финикии и Египта, но его утверждение не получило подтверждения. Его сын Камбиз почти сразу же предпринял поход на Египет, в котором он использовал военно-морские силы финикийцев. И Кипр, и Финикия без сопротивления сдались силе, которая, очевидно, была предназначена унаследовать господство в Западной Азии, ранее принадлежавшее Вавилону. Когда завоевание Египта было завершено, он хотел напасть на Карфаген, но финикийцы отказались, сославшись на религиозные обязательства, которые запрещали им участвовать в войне против своих собственных потомков. Камбиз не имел средств заставить их; у него не было собственного флота; они сдались персам скорее по собственному желанию, чем по необходимости. Киприоты не имели таких же мотивов, как финикийцы, для отказа от действий против Карфагена, но сила военно-морского флота заключалась в финикийских кораблях, и Камбиз отказался от своего замысла.

[525-466 гг. до н.э.]

Благодаря более совершенной организации как доходов, так и сил, которую персидская монархия обязана была Дарию, флот Финикии стал регулярной и очень важной частью государственной власти. С его помощью Дарий стал хозяином островов на побережье Малой Азии. Вместе с Палестиной и Кипром он образовал пятый из двадцати номов, на которые была разделена его империя, и они совместно платили дань в размере 350 талантов — ровно половину денежной дани, взимаемой с Египта. Хотя эти номы называются общим названием сатрапии и каждый из них имел отдельного правителя, не похоже, что внутреннее устройство нескольких королевств было нарушено; по крайней мере, в Финикии и на Кипре продолжали править местные князья.

Коммерческое процветание Тира и Сидона оставалось незыблемым, за исключением соперничества со своими собственными колониями Карфагеном и Кадисом, поскольку персы, как и турки и татары, никогда не становились морской державой. Богатый торговый оборот Аравии и Востока по-прежнему проходил через руки финикийцев, а их мануфактуры по производству пурпура и стекла работали на полную мощность. На протяжении всей долгой борьбы между Грецией и Персией, начавшейся со сжигания Сард, финикийцы составляли морскую мощь персидского вооружения. Киликийские и египетские войска, предназначенные для покорения Кипра, были доставлены на этот остров на финикийских кораблях. В последующем конфликте на море и суше финикийский флот был разгромлен флотом ионийских греков, но персы одновременно одержали победу на суше, восстание было подавлено, и Кипр, пробыв год в независимости, вернулся в подчинение. После завоевания Кипра персидские полководцы приступили к нападению на сами ионийские города. Для подавления Милета, города Аристагораса, который был зачинщиком ионийского восстания, был собран флот из 600 кораблей, среди которых финикийцы отличались своим рвением и храбростью. В морском сражении у острова Ладе, напротив

Милета, они разгромили ионийцев, которые не имели достаточной подготовки и дисциплины в военно-морском деле и были ослаблены переходом на сторону противника большей части саманийцев. Вскоре последовало завоевание Милета, и финикийский флот, покорив острова Азиатской Греции, переправился в Фракийский Херсонес. Мильтиад, впоследствии победитель при Марафоне, едва избежал плена на одном из их кораблей, а его сын Метιοх попал в их руки. Несомненно, именно с помощью финикийского флота, а также флота ионийцев были покорены острова Эгейского моря и переправлены сухопутные войска Персии к Марафону, хотя в последующих операциях о них не упоминается.

Когда Ксеркс осуществил проект повторного вторжения в Грецию, который Дарий не смог осуществить из-за своей смерти, мы видим, что финикийцы играли заметную роль среди военно-морских сил, которые он собрал для этой цели. Им, совместно с египтянами, было поручено строительство мостов из лодок, по которым был пересечен Геллеспонт. Финикийцы также участвовали в строительстве канала, с помощью которого Ксеркс перерезал перешеек, соединяющий гору Афон с материком, тем самым избежав судьбы, которая постигла флот Мардония (). Только они обладали достаточным опытом в работах такого рода, чтобы сделать стороны выемки пологими; другие народы, которые были задействованы в этой работе, копали перпендикулярно вниз, что увеличивало их трудозатраты из-за обрушения стенок. Перед переходом через Геллеспонт Ксеркс собрал свои войска возле Абидоса и заставил свои военно-морские силы проверить свое мастерство и скорость друг против друга в соревновании в проливе, в котором финикийцы из Сидона одержали победу над греками, а также над другими варварами. Они предоставили 300 кораблей для флота, собравшегося в Дориске и у устья Эвра, египтяне послали 200, а жители Кипра — 150. Имена их нескольких полководцев, вероятно, их царей, сохранились у Геродота: Тетранест, сын Аниса из Сидона; Мапен, сын Сирома из Тира; и Мербаал, сын Агбаала из Арада.

[466-390 гг. до н. э.]

Мы больше не слышим о финикийском флоте, пока афиняне, которые остались доминирующей силой в Греции и во главе ее морского союза, не перенесли войну на Кипр и побережье Киликии. Когда персидские полководцы Артабаз и Мегабиз собрали свои войска в Киликии для повторного завоевания Египта, они прошли через Сирию и Финикию, по пути собирая военно-морские силы последней страны. После того как основные силы афинян сдались на острове Просопитис, подкрепление из пятидесяти триер, которые, не зная о случившемся, вошли в устье Нила в Мендесе, было атаковано финикийским флотом и почти полностью уничтожено. Поскольку афинянам грозила утрата господства в восточной части Средиземного моря, Кимон, победитель при Эвримедоне, был отправлен с флотом из двухсот триер для захвата Кипра. Он атаковал Китион, но умер до его взятия; его преемник Анаксикрат, узнав о приближении финикийского и киликийского флотов, вышел им навстречу и разбил их у Саламина на Кипре. Многие из их кораблей были потоплены, сто с экипажами захвачены, а остатки преследовались до побережья Финикии. Однако этот успех не был продолжен афинянами, которые почти сразу же вернулись в свою страну.

Египтяне, восставшие против Персии и возведшие на престол Амиртея [Амен-Рута] в 405 году, пытались захватить Финикию, великий источник морской мощи Персии, но их план был сорван возвращением финикийского флота. В следующий раз мы встречаем упоминание о них (394 г. до н. э.) как о союзниках Афин в уничтожении морского превосходства Спарты (), которое она завоевала в битве при Эгоспотами. Персия, которая помогала Спарте в Пелопоннесской войне, верная своей политике отвлечения внимания Греции, поддерживая более слабую сторону, и встревоженная прогрессом Агесилая в Малой

Азии, подняла своими посланниками войну в Греции, что привело к отзыву спартанского царя. В то же время Фарнабаз собрал военно-морские силы из Кипра и Финикии, чтобы атаковать спартанский флот в Книде. Афинские войска командовал Конон, и в последовавшей битве спартанцы потерпели поражение на море, потеряв пятьдесят триер и большую часть экипажей, которые, доплыв до берега, были взяты в плен сухопутными войсками. Победоносные флоты продолжили свой путь в Грецию и, оставленные Фарнабазом под командованием Конона, помогли восстановить стены Афин.

С этого времени, по-видимому, между Финикией и Афинами установились более тесные и прочные отношения. Финикийцы поселились там и имели свои места поклонения и захоронения.

[390-350 гг. до н. э.]

Города Финикии были вовлечены в последствия войны, которая разразилась между персами и Эвагором Кипрским. Будучи вынужденным вступить в военные действия, он не ограничился защитой своего собственного царства, но подчинил себе почти весь остров, послал флот против Финикии и, по словам Исократа, взял Тир штурмом. В случайных упоминаниях о финикийских делах, которые мы получаем от греческих историков, Тир предстает как доминирующее государство по морской мощи, в то время как Сидон был самым процветающим и богатым и, будучи одной из резиденций персидских царей, был более трудно отделить от своей верности.

Далее мы видим, что Финикия участвовала в обширном восстании персидских провинций, которое было поддержано успешным сопротивлением египтян под предводительством Нектанебо, враждебностью Спарты и недовольством азиатских сатрапов. Почти весь приморский регион от Египта до Ликийи, включая Финикию и Сирию, Киликию, Памфилию и Писидию, объединился, чтобы сбросить иго Великого царя; Спарта помогала им сухопутными войсками, отправленными в Египет под командованием Агесилая, а афинский Хабриас командовал флотом. Тахус, царь Египта, преемник Нектанебо I, вторгся с армией в Палестину и начал захватывать крепости, удерживаемые персами; но в то же время среди его подданных и в армии возникло недовольство, и он был вынужден покинуть свое царство и укрыться в Персии. Артаксеркс Мнемон умер вскоре после этого, в 358 году до н. э. В первую половину правления его преемника Оха, Египет, успешно сохраняя свою независимость от его слабых попыток повторного завоевания, по-видимому, согласился с его владением Финикией; но теперь Египет был приглашен принять участие в восстании. Сатрап и генералы Оха [Артаксеркса III], проживавшие на территории Сидона, обращались с его жителями с большой надменностью, и на общем собрании финикийских городов, состоявшемся в Триполи (352 г. до н. э.), было решено отказаться от подчинения Персии. Они начали с разрушения королевской резиденции и складов фуража, собранного для нужд кавалерии, и казнили персов, от которых они получили обиды. Таким образом, доведённые до крайней степени враждебности Оха, они собрали многочисленный флот триер, наняли иностранных наёмников, подготовили оружие и припасы и послали Нектанебо сообщение с приглашением присоединиться к ним.

[350-345 гг. до н. э.]

Даже вялый характер Оха был возбужден этими оскорблениями его власти, и он приготовился отомстить Финикии, и особенно Сидону. Он собрал в Вавилоне большую армию пехоты и кавалерии, с которой (в 351 г. до н. э.) начал свой поход к побережью, приказав сатрапу Сирии Белесису и сатрапу Киликийи Мазею объединить свои силы и

вторгнуться в Финикию. Однако четыре тысячи греческих наемников, которых Теннес, царь Сидона, получил из Египта, под командованием Ментора из Родоса, вместе с местными войсками смогли отразить обоих сатрапов. Тем временем Кипр последовал примеру Финикии. Девять мелких царей, правивших таким же количеством городов, подчинявшихся Персии, провозгласили свою независимость. Евагор, которого мы ранее знали как тирана Саламина, был убит вскоре после окончания войны с Персией, но оставил двух сыновей, Пнитагора и Евагора. Пнитагор, старший, был изгнан своим младшим братом, но персы восстановили его в должности и дали Евагору командование в Азии. Идрий, принц Карики, который остался верным Персии среди общего отступничества морских государств Азии, послал флот из сорока триер для нападения на Саламин; Эвагор и афинянин Фокион привели восемь тысяч наемных пехотинцев и начали осаду с суши. Остров процветал благодаря нескольким годам мира (), и надежда на добычу привлекла авантюристов с противоположных берегов Сирии и Киликии, благодаря которым армия Эвагора и Фокиона вскоре увеличилась вдвое по сравнению с прежней, так что смещение и опасения царили не только в Саламине, но и среди правителей мелких государств.

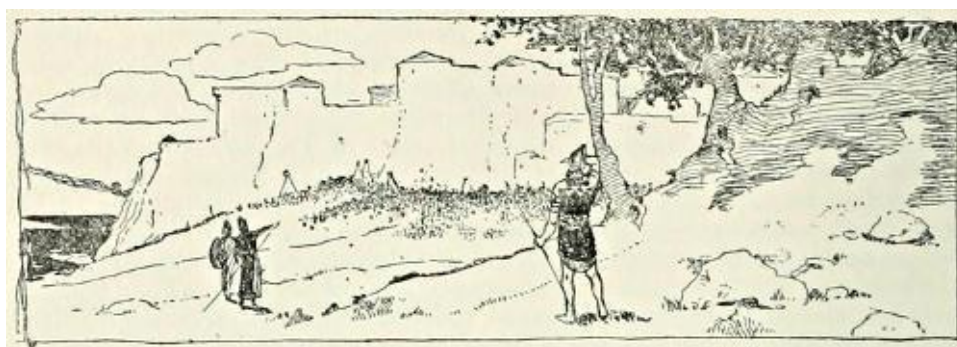
[345-333 гг. до н. э.]

В то время как Ох вступал в поход из Вавилона, Теннес, царь Сидона, встревоженный величием сил, которые собирались выступить против него, послал Тессалиона, своего доверенного министра, вести переговоры с персидским царем о предательстве города, когда его армия появится перед ним, обещая, кроме того, свои советы по ведению экспедиции против Египта, местность которого он знал в точности. Ох был рад принять это предложение, но его гордость была настолько уязвлена, когда Фессалион потребовал от имени Теннеса клятву правой рукой, что он приказал немедленно обезглавить его. Восклицание Фессалиона, что царь может поступать, как ему угодно, но без помощи Теннеса его планы потерпят неудачу, вернуло его к здравому смыслу, и он дал клятву правой рукой — самой священной в представлении персов — и продолжил свой поход через Сирию. Сидоняне воспользовались задержкой царя, чтобы тщательно подготовиться к обороне. Они собрали флот из более чем ста пятирядных и трехрядных кораблей, укрепили себя стеной и тройным рвом и тщательно обучили свою молодежь военному делу. Но все было сорвано из-за предательства Теннеса и Ментора, командира египетских наемников. Под предлогом участия в общем совете финикийских государств Теннес привел сто самых знатных граждан Сидона в персидский лагерь и предал их в руки Оха, который казнил их как предполагаемых организаторов восстания. Когда он приблизился к городу, его встретили пятьсот сидонцев с ветвями в руках в знак просьбы о пощаде. Прежде чем ответить на их просьбу, он спросил Теннеса, уверен ли тот, что сможет передать город в его руки. Теннес ответил, что может, и Ох, желая иметь возможность отомстить Сидону, что могло бы навести ужас на другие восставшие государства, не только отказал им в капитуляции, о которой они просили, но и приказал казнить всех. Осталось только завершить предательство Теннеса, убедив египетских наемников впустить персидские войска в город.

Сидоняне заранее сожгли свой флот, чтобы никто не мог уйти от общей опасности, и теперь, в отчаянии, заперли себя, своих детей и жен в домах и подожгли их. Говорят, что таким образом погибло сорок тысяч человек, включая рабов, а сокровища, погребенные в пепле пожара, были настолько велики, что царь продал право их извлечения за много талантов. Эта история о беспрецедентном вероломстве и жестокости закончилась ярким проявлением возмездия. Теннес, выполнив задание Оха, был казнен им, или, зная, что такая судьба его ждет, попытался покончить с собой, но, колеблясь в своем решении, был убит своей женой, которая сразу же покончила с собой на его теле.^[8] Возмездие ждало и Персию. Сидон потерял в результате этого события свои главные военно-морские силы, но снова

стал процветающим городом под властью своих собственных царей. Однако жестокость Персии никогда не была забыта, и когда Александр вторгся в Финикию, Сидон открыл ему свои ворота. Вскоре после этого был покорен Кипр. Саламис был последним местом, которое сопротивлялось.

Ох, который сначала поддерживал притязания Эвагора, прислушался к обвинениям его врагов и принял сторону Пнистагора. Эвагор впоследствии оправдался от их обвинений и получил от персидского царя управление в Азии, но, будучи виновным в злоупотреблениях на своей должности, бежал на Кипр, где был схвачен и казнен. Пнистагор подчинился персам и был утвержден в своем суверенитете, который он сохранял до прихода Александра, на службу которому он поступил, командуя флотом, осаждавшим Тир.

Осада ТИРА

Завоевание Египта, которое вскоре последовало за завоеванием Финикии, было последним вздохом персидской мощи перед ее окончательной борьбой и падением. В промежуток между завоеванием Финикии и вторжением Александра в Азию Афины, главный морской государство Греции, были заняты защитой своей независимости от растущей мощи Македонии, и Персия могла спокойно наслаждаться властью, которую она приобрела над флотами Кипра, Финикии и Египта. Ее вмешательство в греческую политику ограничивалось отправкой войск на помощь перинтийцам в их сопротивлении Филиппу и поддержкой своим золотом той партии в Афинах, которая, противостоя Македонии, задерживала давно ожидаемое нападение, когда Греция должна была объединиться под единым главой. Ох, вернувшись из Египта, предался излюбленным порокам персидского двора — тирании и роскоши, но у него было два способных министра: Ментор Родосский, который управлял западными провинциями, и Багоас, евнух, который управлял восточными. Он стал ненавистен своим подданным и был убит Багоасом (338 г. до н. э.). Арс, его младший сын, которого Багоас возвел на престол в надежде править с его помощью, вскоре проявил намерение отомстить за убийство отца и разделил его судьбу на третьем году своего правления. После того как его дети были казнены и прямая королевская линия таким образом прервалась, на трон был возведен Дарий, великий племянник Артаксеркса Мнемона, почти в то же время (336 г. до н. э.), когда Александр стал царем Македонии и повелителем Греции, чьи войска он немедленно приготовил к вторжению в Азию.

[333-332 гг. до н. э.]

Битва при Гранике (334 г. до н. э.) принесла Александру владение Малой Азией; битва при Иссе (333 г. до н. э.) оттеснила Дария за Евфрат, и все побережье Финикии осталось открытым для македонцев. Александр назначил Менона сатрапом Келе-Сирии, а сам двинулся на юг вдоль побережья. По дороге он встретил Стратона, сына Герострата, царя

Арада и прилегающих территорий, который подарил ему золотую корону и сдал ему остров Арад, а также Мараф () и некоторые другие города на противоположном побережье. Сам Герострат вместе с Энилом из Библа и другими царями финикийцев и киприотов в это время находился на Хиосе вместе с Фарнабазом и Автофрадатом, командовавшими персидским флотом. Отклонив предложение Дария о союзе, Александр продолжил свой поход, принял подчинение Библа и занял Сидон по просьбе жителей, которые помнили жестокость Оха. Их царь Стратон, который был поставлен на престол персами и поддерживался ими, поддерживал дело Дария и, вероятно, в это время служил в персидском флоте вместе с контингентом из Сидона. Он был свергнут Александром, и Гефестион, которому было поручено выбрать преемника, возвел на престол Абдалонима, дальнего потомка царской семьи, который в то время занимался садоводством в пригороде.

Аземилк, царь Тира, был с Автофрадатом; но послы, делегированные общиной и состоявшие из его сына и самых выдающихся людей государства, встретили Александра по пути, заявляя, согласно Арриану, что они готовы подчиниться его командованию. Вероятно, они надеялись, что, удовлетворившись этим номинальным подчинением, он пройдет дальше в Египет, и что они не будут скомпрометированы перед персами, если Дарий вновь обретет господство. Однако были очевидные причины, по которым Александр не мог довольствоваться чем-то меньшим, чем полное владение Тиром. Для него было бы опасно атаковать Египет, пока персы контролировали море; еще опаснее было бы преследовать Дария в Верхнюю Азию, оставив за собой Тир в неопределенном положении, а Египет и Кипр — враждебными. Пока он шел на Вавилон, персидский флот мог бы отвоевать побережье и вернуться в Грецию, где Лакедемон был открыто враждебен, а Афины удерживались скорее страхом, чем привязанностью. Завоевав Тир, он получил бы в свое распоряжение морскую мощь Финикии, сильнейшего оружия Персии, поскольку моряки и матросы покинули бы ее службу, как только узнали бы, что их страна оккупирована греками. Кипр последует примеру Финикии; экспедиция против Египта может быть легко осуществлена, а персы, будучи отрезанными от моря, могут безопасно начать поход на Вавилон, что усилит их славу. Чтобы прикрыть свой замысел, он попросил разрешения войти на остров и принести жертву Мелькарту [Геркулесу], покровителю Тира и прародителю македонских царей. Тирийцы не поддались на эту уловку и ответили, что храм Мелькарфа находится в Палетире на материке, где он может свободно принести жертву. Поэтому он приготовился захватить остров силой, а тирийцы — защищаться.

Вероятно, если бы вопрос о капитуляции решался по желанию высших классов, Тир тихо перешел бы в руки Александра. Те, кто обладает честью и богатством, не склонны подвергать их опасности ради национальной независимости; они скорее стремятся заслужить похвалу путем подчинения и сотрудничества. Но в умах простого народа в такой кризисной ситуации возникает страстное, неразумное чувство патриотизма, которое готовит их к тому, чтобы рискнуть и вынести все ради своей страны. Упорное сопротивление хананеев сынам Израиля, самоотверженность сидонян, отчаянная борьба карфагенян, когда их город был обречен на разрушение римлянами, ужасы последней осады Иерусалима доказывают, какая яростная решимость характеризовала весь народ, к которому принадлежали финикийцы. Возможно, среди тирийцев до сих пор жила традиция, что цари Ассирии и Вавилона в дни своего наивысшего могущества потерпели неудачу в попытке завладеть их островным городом. Согласно расчетам вероятностей, успех не был совсем безнадежным. Можно было разумно ожидать, что вместо того, чтобы Дарий тратил время на бесплодные предложения и не начинал подготовку до тех пор, пока Александр не

захватил Тир, персидские войска вскоре появились бы в Сирии, чтобы прервать осаду. Упорная оборона, которую вел персидский командующий Газой, показывает, каким мог бы быть результат, если бы Персия смогла оказать помощь Тиру. Смелость операции, с помощью которой Александр соединил остров с материком, не имела аналогов в военном деле и, несмотря на его самые энергичные усилия, закончилась бы неудачей, если бы военно-морские силы Арада и Сидона не отказались от поддержки Финикии. Карфаген, который был связан с Тиром узами происхождения и имел с ним общие интересы в предотвращении морского превосходства Греции в Средиземном море, мог бы, как можно было ожидать, оказать помощь и даже в случае поражения предоставить убежище. В тот момент, когда Александр собирался начать осаду, прибыло карфагенское посольство, принеся дары Мелькарту и призывая тирийцев к сопротивлению. Никакая блокада не могла угрожать городу, который владел морем и обладал достаточным богатством для закупки продовольствия. Если бы персидское правительство проявило обычную энергию, задержка в виде семимесячной осады могла бы изменить историю Восточного мира.

Александр понял, что его усилия будут тщетными, пока тирийцы остаются хозяевами моря, и отдал приказ о строительстве новых машин и нового мола большей ширины, который, наклоняясь к юго-западу, а не пересекая пролив по прямой линии, был менее подвержен воздействию ветра и течения. Пока велись необходимые приготовления, он сам отправился в Сидон, чтобы собрать флот. Сидонские триеры находились у Автофрадата вместе с кораблями Арада и Библа, но их командиры, Герострат и Энилус, которые слышали о капитуляции своих городов, но не о поражении Александра под Тиром, отреклись от персидского дела и в этот критический момент привели свои корабли в гавань Сидона. Таким образом, был собран флот из восьмидесяти финикийских кораблей, к которым присоединились суда из Родоса, Соли, Маллуса и Ликии, а также пентеконтер из Македонии.

Вскоре после этого цари Кипра, услышав о поражении Дария при Иссе и оккупации Финикии Александром, бросили якорь в той же гавани со 120 кораблями. Судьба Тира была уже предрешена. Пока эти корабли готовились к особой службе, для которой они были предназначены, Александр со своей кавалерией и легкими войсками совершил быструю одиннадцатидневную экспедицию в Келе-Сирию, где он отразил арабов из пустыни, которые мешали его солдатам рубить лес на Антилибане, и заключил соглашение с жителями этой страны. Вернувшись в Сидон, он обнаружил, что Клеандр прибыл из Пелопоннеса с 4000 греческих наемников, и, укомплектовав свои корабли самыми храбрыми солдатами, чтобы избежать тех морских маневров, в которых тирийцы были более искусны, и сражаться врукопашную с палуб, он отплыл в Тир в боевом порядке, лично возглавляя правый фланг флота, и бросил якорь на северной рейде напротив гавани Сидона. В его отсутствие строительство нового мола шло быстро, хотя и не без препятствий. Македоняне бросали в море целые деревья с ветвями и покрывали их слоем камней, на которые снова укладывали другие деревья. Тирские водолазы, незаметно приблизившись к молу, хватали выступающие ветви, вытаскивали их и сбрасывали вместе с ними большие части лежащей сверху массы. Несмотря на эти усилия, мол был почти завершен.

Несмотря на близость Сидона, тирийцы еще не слышали о присоединении кипрского и финикийского флотов и были потрясены при виде больших сил под командованием Александра. Они отказались от намерения сражаться с ним, начали перевозить своих детей, жен и стариков в Карфаген и заблокировали устья своих гаваней линией триер, выстроенных в ряд. Поскольку тирский флот не вышел против него, он поплыл к городу; и, обнаружив, что прорваться в сидонскую гавань невозможно, он атаковал и потопил три самые дальние триеры, а затем бросил якорь под ветром от мола, который снова продвинулся почти к стенам города. На следующий день кипрский флот расположился у гавани Сидона, а финикийский — у египетской, недалеко от той части мола, на которой был

разбит шатер Александра. Атака на стены возобновилась, и обе стороны применили все известные в древней войне приемы нападения и обороны.

Потерпев поражение, тирийцы решили атаковать кипрский флот и приняли для этого меры в строжайшей тайне. Они расправили паруса у входа в гавань, чтобы их действия не могли быть незамеченными; для атаки они выбрали полдень, когда моряки обедали или занимались другими делами, а Александр удалился в свою палатку, разбитую на той стороне мола, которая была наиболее удалена от гавани Сидона. Чтобы не вызвать тревоги, они вышли из гавани гуськом, гребя осторожно и тихо, пока не приблизились к врагу, после чего они начали энергично грести, а *целеусты* подняли обычный крик сигнала и призыва. В тот день Александр пробыл в своей палатке меньше, чем обычно, и быстро вернулся к месту стоянки флота. Сюрприз был полным: тирийцы обнаружили кипрские корабли покинутыми или спешно укомплектованными в условиях суматохи и тревоги; они уже потопили корабли Пнитагора, Андрокла и Пасикрата и быстро выводили из строя остальные, загоняя их на берег. Его первоочередной задачей было не дать тирийскому флоту выйти из гавани, для чего он приказал своим кораблям, как только они будут готовы, занять позиции у входа в гавань, тем самым препятствуя как выходу подкреплений, так и возвращению других кораблей в случае неудачи. Он сам сел на борт одного из кораблей, стоящих на южной стороне мола, и обогнул остров, чтобы неожиданно напасть на тирский флот с севера. Это движение, хотя и незаметное для тех, кто сражался у гавани, было замечено тирцами на стенах, которые громко призывали их вернуться, но их голоса не были слышны в шуме сражения. Были поданы повторные сигналы, но они не заметили приближения флота Александра, пока он не оказался рядом с ними. Тогда они развернулись и бежали к гавани; лишь немногие смогли войти в нее, остальные были перехвачены и либо выведены из строя, либо взяты в плен. Солдаты и экипажи в большинстве своем спаслись, доплыв до ближайшего дружественного берега.

Эта победа позволила македонянам беспрепятственно продолжать свои операции против стены. Но ее высота и прочность напротив мола помешали их попыткам пробить в ней брешь, и они потерпели неудачу и в атаке, предпринятой в полночь с помощью плавучих батарей на участке возле гавани Сидона. Внезапно поднялась буря; квадриремы, которые были скреплены между собой и покрыты досками, чтобы солдаты могли по ним ходить, разорвались на части и столкнулись друг с другом, а находившиеся на них люди упали в воду. В темноте и шуме сигналы были не видны, а команды не слышны. Солдаты одолели лоцманов и заставили их искать берег, который они достигли в смятении и с большими потерями. Тирийцы начали строить вторую стену внутри первой, чтобы иметь возможность защищаться в случае прорыва, но их опасения были вызваны пробуждением суеверий. Существовало распространенное поверье, что боги покидают город, который вот-вот падет в руки врага. Один из горожан сообщил, что ему приснилось, как Аполлон готовится покинуть Тир. Он не был одним из их древних божеств, но карфагеняне привезли его статую из Сиракуз и установили в Тире, где она привлекала почитание народа. Чтобы предотвратить уход бога, они привязали его статую золотой цепью к алтарю своего родного божества, Мелькарта. Некоторые хотели умиловить Сатурна, которого греки и латиняне называли Молохом, принеся в жертву ребенка благородного происхождения, согласно древнему обычаю финикийцев в периоды общественных бедствий и тревог, но мудрый совет старейшин возобладал. Однако, вероятно, именно в это время тирийцы, захватив нескольких македонцев, которые плыли из Сидона, казнили их на стенах на глазах у своих соотечественников и бросили их тела в море. Если и была какая-то надежда на помощь от Карфагена, то она исчезла с прибытием посольства, которое сообщило, что никакой помощи ожидать не приходится. Республика была истощена войнами на Сицилии и недавно

заключила унижительный мир с Тимолеоном. Они могли только обещать тирийцам убежище для их жен и детей, часть которых была перевезена туда до захвата города.

Атака на стены велась с огромной энергией и отражалась с помощью всех средств оборонительного военного искусства. Чтобы ослабить удары тарана и силу камней, бросаемых из катапульт (), на стенах были подвешены мешки из кожи, наполненные морскими водорослями. Тир, как морской город, изобиловал изобретательными механиками, которые разрабатывали новые устройства для его защиты. Они установили на стенах круглые машины, внутреннее пространство которых было заполнено несколькими слоями податливых материалов. Эти машины приводились в быстрое движение, и стрелы и другие снаряды, попадавшие в них, либо затуплялись и отклонялись силой их вращения, либо, если проникали за поверхность, останавливались мягкими веществами внутри. Македоняне возвели башни на моле, который теперь продвинулся к острову, равные по высоте стенам, и, бросая с них мосты к зубцам, пытались пройти в город. Тирские механики сконструировали длинные крюки, которые они прикрепили к веревкам, и, бросая их на расстояние, хватали солдат на башнях. Если их тела зацеплялись, они были жестоко изуродованы; если крюк зацеплялся за их щиты, они были вынуждены либо бросить их и подвергнуть свои тела беззащитности, либо, из чувства военной чести, цепляться за них, и тогда их срывали с башни и бросали на землю. Другие нападавшие постигла та же участь, запутавшись в сетях, которые лишали их возможности пользоваться руками. С машин бросали куски раскаленного металла, которые в густой толпе никогда не падали безрезультатно. Был придуман новый способ досажать тем, кто пытался взобраться на стены. На них свыше высыпали песок, сильно нагретый в медных и железных щитах, , который, проникая между доспехами и кожей, причинял такую невыносимую боль, что солдаты сбрасывали свои кольчуги и были пронзены стрелами и копьями со стены. С помощью длинных серпов, прикрепленных к концам реев, тирийцы перерезали веревки и ремни, с помощью которых работали тараны. К концу дня они вышли из стен, вооруженные топорами, и на мостах произошла смертельная схватка, которая закончилась отступлением македонцев. Диодор и Куртий, которые, как предполагается, следуют за Клитархом, сыном Динона, генералом Александра, изображают его размышляющим о том, чтобы после этого поражения отказаться от осады и отправиться в Египет. Это само по себе маловероятно, поскольку все его предприятие потерпело бы крах, если бы он оставил Тир не только непокоренным, но и торжествующим.

СМЕРТЬ АДМЕТА

На следующий день, когда море успокоилось, он приказал подвести корабли с таранами к стене, в которой они вскоре пробили брешь. Затем они отступили, и были подведены два других корабля, на которых находились мосты и штурмовые отряды. Адмет командовал одним из них, Коем — другим, а Александр остался в резерве со своей охраной, чтобы атаковать в том месте, где будет пробита брешь. В то же время триеры были направлены к обоим гаваням, чтобы они могли прорваться внутрь, если внимание тирийцев будет поглощено главным штурмом. Кораблям, на которых были установлены машины для метания дротиков или на палубах которых находились лучники, было приказано обогнуть остров и, приблизившись как можно ближе к стенам, отвлечь внимание войск, находившихся на них, одновременными атаками по многим точкам. Сражение было коротким, как только мосты были перекинuty через пролом в стене, и македонские солдаты смогли продвигаться по твердой и ровной поверхности. Первым взобрался на стену Адмет; он был убит копьем в тот момент, когда ступил на стену, и умер, призывая своих солдат следовать за ним. Александр со своей охраной немедленно вошел в город и направил свой марш к дворцу, как к самому удобному месту для входа в город. Тем временем финикийский флот прорвал заграждение, закрывавшее египетскую гавань, и разобрал тирские корабли или выбросил их на берег. Гавань Сидона не имела такой защиты и была легко захвачена кипрским флотом. Город был таким образом окружен со всех сторон, и тирцы собрались вокруг Агенория, где были атакованы Александром и убиты или обращены в бегство. Многие жители заперлись в своих домах и покончили с собой, другие ждали своей судьбы у дверей своих домов, многие взобрались на крыши и оттуда бросали камни и все, что попадалось под руку, на головы солдат.

[332-323 гг. до н. э.]

Македоняне были разгневаны их упорным сопротивлением и недавно произошедшим убийством некоторых из своих товарищей, как упоминалось ранее, и проявили мало

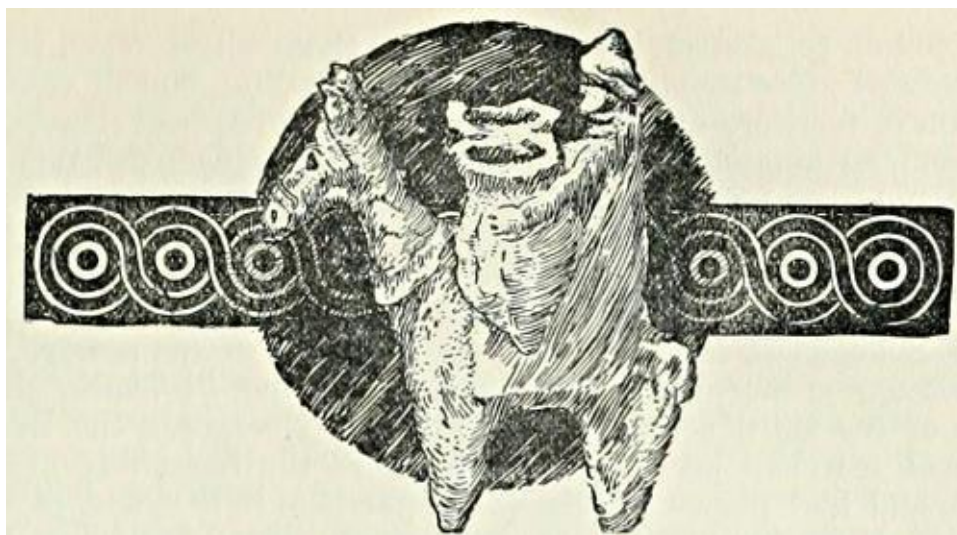
милосердия. Город был сожжен; восемь тысяч человек были убиты, а остальные, за исключением тех, кому сидоняне предоставили убежище на своих кораблях, были проданы в рабство в количестве тридцати тысяч человек, включая наемных войска. Две тысячи, как говорят, были распяты в отместку за смерть македонских пленников. Царь и главные магистраты вместе с карфагенской делегацией укрылись в храме Геркулеса, и их жизни были пощажены. Александр принес ему жертву и возглавил военно-морскую процессию в его честь, сопровождавшуюся гимнастическими играми и факельным забегом. Он также посвятил Геркулесу таран, который первым пробил брешь в стенах, и тирский корабль, посвященный служению богу, который он захватил. Итак, после семимесячной осады Тир был взят в июле 332 года до н. э. Александр заменил почти полностью истребленное население колонистами, значительная часть которых, вероятно, были кариями, народом, тесно связанным с финикийцами.

Захват Тира произошел в июле, а Газы — в октябре. Следующую зиму (331 г. до н. э.) Александр провел в Египте, частично занимаясь закладкой фундамента Александрии, которая была предназначена стать великим торговым конкурентом финикийских городов. Посетив оракул Аммона, он вернулся следующей весной в Тир, где был собран его флот, снова принес жертву Гераклу, отправил сто финикийских и кипрских кораблей в Пелопоннес и назначил Корана сборщиком дани Финикии.

После битвы при Арбеле Александр объединил Сирию, Финикию и Киликию в одну провинцию, командование которой он передал Менесу. Он сломил мощь Тира, но торговая деятельность и морские предприятия Финикии остались нетронутыми. Финикийцы следовали за его армией в походе в Индию с целью торговли и на обратном пути через пустыню Гедросия загрузили своих вьючных животных смолой мирры и нарда, которая давала такой обильный урожай, что весь регион был наполнен ароматом, распространявшимся по мере того, как армия в своем походе давила их под ногами. Финикийцы упоминаются в первую очередь, наряду с киприотами, кариями и египтянами, как составляющие экипажи кораблей, которые должны были плыть по Гидаспу до Индийского океана, а оттуда до устья Евфрата и Тигра. После возвращения в Вавилон он приказал построить сорок семь финикийских судов различного типа, а затем разобрать их на части, перевезти по суше в Тапсак на Евфрате и снова собрать, чтобы они могли спуститься по реке в Вавилон. Их экипажи состояли из финикийцев, занимавшихся добычей пурпура, и других мореплавателей с побережья; и везде, где в Сирии или Палестине можно было найти человека, обладающего морскими навыками, если он был свободным человеком, его зачисляли в экипаж, а если рабом — покупали. Одним из его грандиозных проектов было колонизировать с их помощью острова в Персидском заливе и его побережье — регион, не менее плодородный, по словам Арриана, чем сама Финикия. Его замыслы завоевания распространялись на весь Аравийский полуостров — страну, где, как ему говорили, в болотах добывали кассию, на деревьях — мирру и ладан, а на кустарниках — корицу. Этот план, как и другие, еще более грандиозные, был сорван его смертью в Вавилоне в 323 г. до н. э.^{[b](#)}

СНОСКИ

^[8] [Другие источники приписывают этот конец отцу Теннеса, Стратону, а его причиной называют провал союза с Тахусом из Египта против персов].

ГЛАВА V. ФЕНИКИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ГРЕКОВ, РИМЛЯН И САРАЦЕНОВ

Птолемей, которому Египет достался при первом разделе империи Александра, почти сразу же предпринял попытку завоевания Сирии и Палестины, в соответствии с политикой, которую всегда проводили правители Египта, когда этой страной управлял предприимчивый царь. Войска, оставленные там Антипатром, были не в состоянии защитить ее, и Птолемей легко овладел ими, только Иерусалим оказал сопротивление. Он разместил гарнизоны в финикийских городах, которые удерживал до 315 года до н. э., когда Антигон, вернувшись победоносным из войны в Вавилонии, легко подчинил себе другие города Финикии и взял штурмом Иоппу и Газу, но встретил упорное сопротивление со стороны Тира.

Прошло всего восемнадцать лет с момента ее разрушения Александром, но упругая сила торговли восстановила ее мощь, и, хотя она была соединена с материком его молотом, она была почти так же неприступна для врага, не владевшего морем, как и тогда, когда оставалась островом. Антигон блокировал его с суши и, собрав отряд из восьми тысяч дровосеков и пильщиков, срубил кедры и кипарисы Ливана, которые были доставлены к побережью тысячей волов и превращены в флот в Триполи, Библе и Сидоне. С помощью кораблей, построенных в Финикии, на Родосе и в Киликии, он через пятнадцать месяцев подчинил Тир. Однако его сын Деметрий, продвинувшись к Газе, был там полностью разгромлен (312 г. до н. э.) Птолемеем, который вернул себе владение всем побережьем Палестины и Финикии, но был вынужден почти сразу же уступить его Антигону и отступить в Египет, разрушив укрепления Акко (Акко), Иоппы, Самарии и Газы, первая из которых была ключом к Сирии, вторая и третья — к Иудее, а четвертая — к Египту. Победив флот Птолемея у Саламиса на Кипре и подчинив себе этот остров, который был главным источником его морской мощи, Антигон в 307 г. до н. э. вместе со своим сыном Деметрием предпринял безуспешную попытку вторжения в Египет, и во время их отступления Птолемей вновь на короткое время овладел побережьем Финикии, за исключением Сидона. Ложная информация о победе Антигона заставила его заключить перемирие с Сидоном и отступить в Египет. В результате битвы при Ипсе (301 г. до н. э.), в которой Антигон погиб, его сын Деметрий был лишен престола Сирии. Однако он по-прежнему удерживал Кипр и, завладев гаванями Тира () и Сидона (Sidon), укрепил свои гарнизоны в этих городах (), когда Селевк потребовал их сдать, как принадлежащие его царству Сирии, в соответствии с

новым разделом территории после битвы при Ипсе. Во время войны между ними, закончившейся капитуляцией Деметрия в 287 г. до н. э., Птолемей, завоевавший Кипр, по-видимому, тихо вновь занял Финикию и удерживал ее в течение всей своей жизни.

[301-63 гг. до н. э.]

Владение Финикией стало еще более важным для царей Сирии, поскольку Селевк (300 г. до н. э.) сделал Антиохию на Оронте с гаванью Селевкия в ее устье главной резиденцией своей власти. Отсюда и началась серия борьбы между Селевкидами и Птолемеями в конце III века до н. э. Птолемей Эвергет, третий из династии, в начале своего правления (246 г. до н. э.) ввел армию в Сирию и разместил египетский гарнизон в Селевкии, которую его сын Птолемей Филадельф все еще удерживал, когда Антиох Великий (218 г. до н. э.) предпринял попытку отвоевать Сирию и Финикию. Он взял Селевкию штурмом; Тир и Акко были переданы ему благодаря предательству Феодота, лейтенанта Птолемея; а Николай, командовавший египетской армией и флотом, был разгромлен и вынужден укрыться в Сидоне. Однако в следующем году Антиох, собрав свои войска в Рафии, между Газой и границей Египта, был полностью разгромлен Птолемеем, и Финикия и Сирия оставались во владении египтян до смерти Птолемея и вступления на престол его малолетнего сына.

В 203 году до н. э. Антиох ввел армию в Сирию и Палестину и вернул их под свой контроль. Египтяне отправили войска под командованием Скопаса, которые добились некоторых временных успехов, но были разгромлены при Паниуме и заперты в Сидоне, где были вынуждены сдаться. Таким образом, Финикия вновь (198 год до н. э.) попала под власть Сирии.

Тир понес тяжелый удар, когда Птолемей Филадельф построил гавань Береника на Красном море и проложил дорогу с станциями и водопоями между этим местом и Коптосом, одновременно вновь открыв канал, соединявший Пелусийский рукав Нила с Суэцким заливом. Транспортные потоки по Красному морю и Индийскому океану, которые до этого проходили из Элоа и Эцион-Гебера через пустыню в Риноколуру, а оттуда тирскими судами доставлялись во все части Средиземноморья, теперь доставлялись по Нилу или каналу в Александрию. Открытие безопасного и легкого пути через Коссейр и Коптос, который избавлял от опасного плавания по северной части Красного моря, постепенно привлекло в Египет богатства, которые ранее утекали в Финикию.

Страдания, которые сирийцы перенесли от гражданских войн Селевкидов, побудили их в 83 году до н. э. подчиниться владычеству Тиграна, царя Армении, который захватил Сирию. Это положение дел продлилось четырнадцать лет, когда в результате побед Лукулла Сирия и Финикия на короткое время (67 г. до н. э.) вернулись под власть Селевкидов. Четыре года спустя Помпей превратил Сирию в римскую провинцию, сделав Газу, Иоппу, Дору и Туррис Стратонис свободными.

[63 г. до н. э. — 636 г. н. э.]

Однако власть Рима осуществлялась мягко, и хотя Тир и Сидон утратили свое политическое значение, они сохранили свою древнюю славу в области мореплавания, производства стекла и изготовления пурпурной краски. Здесь возникла философская школа, учение которой, подобно александрийскому, сочетало греческие и восточные элементы и стремилось примирить философию с теологией. Страбон упоминает нескольких выдающихся современников, которых дали Тир и Сидон. Филон, которому мы обязаны переводом Санхониатона, был уроженцем Библа (); его ученик Гермипп был из Беритуса. Порфирий, чье настоящее имя было Мальх, был тирийского происхождения, хотя и родился

в Батане, на восточном берегу Иордана. Бертус стал центром юридической школы, которая на протяжении трех веков снабжала восточную часть империи адвокатами и магистратами. Марин из Тира, живший в начале II века после Рождества Христова, был первым автором, который заменил используемые ранее карты маршрутов картами, построенными математически в соответствии с широтой и долготой. Карты Марина, как и карты Птолемея, которые были лишь их усовершенствованием, должны были основываться на записях о путешествиях и странствиях, в которых измеренные или вычисленные расстояния были переведены в широту и долготу. Нигде такие записи не могли быть более многочисленными, чем в Финикии, которая на протяжении многих веков лидировала среди всех других народов в области мореплавания и торговли. Если бы изобретение карт в современном понимании было делом географов и математиков Александрии, то вряд ли Птолемей, сам уроженец Александрии, основал бы свою работу исключительно на трудах Марина Тирского.

После продажи империи римскими солдатами Дидию Юлиану и его последующего убийства (193 г. н. э.) Септимий Север и Песценний Нигер стали соперниками за пурпурную мантию. Нигер, командовавший на Востоке, имел свою штаб-квартиру в Антиохии, и вся Сирия до Евфрата и побережья Финикии находилась под его властью. Антиохия и Беритус поддерживали Нигера, а Лаодикия и Тир, из зависти к своим соседям, — Севера. Узнав о неудачной попытке Нигера помешать проходу Севера через перевалы Тавра, они уничтожили знаки отличия Нигера и провозгласили его соперника. Нигер послал против них свои мавританские легкие войска с приказом уничтожить города и перебить их жителей. Это поручение было жестоко выполнено варварами, которым оно было доверено; они напали на лаодикийцев врасплох и, нанеся им большой ущерб, продвинулись к Тиру, который они разграбили и сожгли после массового убийства жителей. Он больше не имел защиты, которую его островное положение могло бы обеспечить от вторжения кавалерии; Александр навсегда соединил его с сушей.

Нигер был разгромлен Севером в битве при Иссе (194 г. н. э.) и вскоре после этого убит в Антиохии. В ходе последующего урегулирования дел на Востоке (201 г. н. э.) Север набрал население Тира из третьего легиона, который долгое время был расквартирован в Сирии и Финикии, и вознаграждал приверженность его жителей, присвоив городу титул колонии с *Jus Italicum*. Его процветание, по-видимому, получило лишь временный удар от пожара. Писатель эпохи Константина описывает его как равный всем городам Востока по богатству и торговой активности; не было порта, в котором его купцы не занимали бы первое место. Святой Иероним в конце IV века в своем «Комментарии к Иезекиилю» говорит о нем как о самом благородном и красивом городе Финикии, торговом центре мира, и не знает, как совместить его реальное состояние с угрозой вечного опустошения.

[636-1124 гг. н. э.]

Завоевание Финикии и Сирии в VII веке сарацинами привело к созданию императорской красильни в Константинополе, продукция которой неоднократно упоминается в сочинениях Анастасия, библиотекаря Ватикана, при папстве Льва III; но тирский пурпур по-прежнему пользуется своей прежней славой и входит в число предметов роскоши (), импортируемых венецианскими купцами в Ломбардию во времена Карла Великого.

Под терпимым и просвещенным правлением халифов цивилизация Финикии не претерпела упадка. Во времена крестовых походов Тир сохранил свое древнее превосходство среди городов сирийского побережья и вызывал восхищение европейских воинов своими вместительными гаванями, стенами, тройными со стороны суши и

двойными со стороны моря, своей по-прежнему активной торговлей, а также красотой и плодородием противоположного берега. К производству стекла добавилось производство сахара, который благодаря своим лечебным свойствам доставлялся в самые отдаленные уголки мира. Изначально Иоппа была единственной гаванью, принадлежавшей христианам, но в первые десять лет XII века Бодуэн, преемник Годфри на престоле Иерусалима, подчинил себе Антипатрис, Кесарию, Акру, Библ, Триполис и Бериту. Сидон был вынужден сдаться (1110 г. н. э.) благодаря своевременному прибытию флота из Норвегии, укомплектованного крестоносцами и командоваемого братом короля, который, пройдя через Ла-Манш и Гибралтарский пролив, бросил якорь в порту Иоппы. Только Тир и Аскалон остались в руках неверных. Балдуин собрал свои войска (1111 г. н. э.) для нападения на первый город, но норвежский флот вернулся домой после захвата Сидона, а корабли, которые он поспешно собрал на побережье, были малопригодны. В городе находился многочисленный гарнизон, войска, выведенные из менее защищенных мест, бросились в Тир. Осады все еще проводились по древнему обычаю, с помощью тарана и балисты. Осаждающие неоднократно атаковали стены, прорвали первую и вторую, и наконец подтянули к третьей две деревянные башни, достаточно высокие, чтобы контролировать внутреннюю часть города, и покрытые шкурами быков и верблюдов, чтобы предотвратить их поджог; однако осажденные возвели внутри башни еще большей высоты, с которых они бросали греческий огонь и всевозможные горючие вещества на сооружения крестоносцев. Обе башни были полностью уничтожены. Было объявлено о приближении двадцатитысячной армии из Дамаска, и после четырехмесячной осады Бодуэн, отчаявшись добиться успеха, отвёл свою армию в Акко и Иерусалим. Из Тивериады христиане совершали набеги на территорию Тира, но Бодуэн, построив крепость на месте Палетириуса, не предпринимал больше никаких действий против приморских городов до конца своего правления. С запада не прибыло подкрепление в виде кораблей и воинов, а христианская власть в Святой Земле была ослаблена разногласиями между ее вождями.

Его преемник, Балдуин II, был взят в плен в 1123 году, и султан Египта решился атаковать Иоппу с флотом из девятидесяти кораблей. Бароны Иерусалимского королевства собрались в Акре, назначили вице-королем Эсташа де Гренье и отправили срочное сообщение венецианцам, которые вышли с мощным флотом на Восток, но остановились по пути, чтобы осадить Корфу. Однако до их прибытия египтяне сняли осаду и отступили на Ибелим, где тридцать тысяч из них были полностью разгромлены восемью тысячами христиан, воодушевленных присутствием своих епископов и святейших реликвий. Венецианский флот последовал за египетским до Аскалона и уничтожил его в сражении у стен этой крепости.

[1124-1187 гг. н. э.]

Присутствие таких мощных союзников воодушевило христиан на проведение агрессивных операций, но было трудно решить, что атаковать первым: Аскалон или Тир, поскольку соседи каждого из них, естественно, считали его самым грозным. Спор был решен обращением к Небесам. Два куска пергамента были помещены в коробку на алтаре, на одном из которых было написано «Тир», а на другом «Аскалон». Ребенок, которого послали сделать выбор, вытащил листок с надписью «Тир», и немедленно были начаты приготовления к осаде, которая началась 15 февраля 1124 года. Христиане укрепились со стороны суши, чтобы противостоять попыткам турок из Дамаска освободить город, и начали строить машины для штурма стен. Население Тира, посвятившее себя торговле и разбогатевшее благодаря ей, не было воинственным, но гарнизон состоял из дамасцев и египтян, которые применили все известные средства, чтобы помешать продвижению осады. Башня христиан была подожжена и спасена от разрушения только благодаря героизму паломника, который поднялся на нее среди пламени и снарядов тирийцев. Они были

искусными пловцами и под покровом ночи доплыли до сторожевого корабля венецианцев, перерезали трос, которым он был пришвартован, и, привязав к судну другой трос, притащили его к берегу.

В ожидании, что блокада с моря будет прорвана флотом из Египта, а с суши — из Дамаска, тирийцы сопротивлялись нападениям и голоду до июня. Но ни откуда не пришла эффективная помощь. Командующий Дамаском дважды доходил до Леонтеса, но в первый раз он отступил при виде христианской армии, а во второй раз пришел, чтобы предложить условия капитуляции. Вожди с готовностью согласились на них, хотя рядовые солдаты роптали, что их лишили надежды на добычу, поскольку неверным было позволено остаться в городе после уплаты умеренного выкупа или уйти со своим имуществом. 25 июня гарнизон вышел из города; на башнях были подняты знамена Иерусалимского королевства, Венецианской республики и графа Триполи, и Тир вновь стал христианским. Через четыре года архиепископство, с некоторым уменьшением провинции, было передано Уильяму, англичанину и лучшему историку Священных войн. Аскалон был взят только в 1153 году, когда он сдался Балдуину III после восьмимесячной осады.

[1187-1453 гг. н. э.]

Королевство Иерусалимское, которое в XII веке находилось в состоянии постепенного упадка, несмотря на усилия Европы по его поддержке, было свергнуто Саладином в 1187 году, и все побережье попало бы в его власть, если бы не героическая оборона Тира. Битва при Тивериаде, в которой армия крестоносцев была уничтожена, а король Лузиньян взят в плен, посеяла панику среди христиан; один за другим города открывали свои ворота завоевателю. Конрад, сын маркиза Монферратского, прибыл в гавань Акры через несколько дней после ее сдачи сарацинам. Он ничего не слышал о несчастьях христиан, но свет заходящего солнца, падающий на знамя Саладина на крепостных валах, показал ему опасность, и с некоторым трудом он бежал в Тир.

Граф Сидона, который укрылся там, и кастелян Тира вели переговоры с Саладином о капитуляции и уже приготовились поднять его флаг на стенах, как только он появится перед воротами. Однако жители Тира встретили Конрада с восторгом; граф Сидона бежал в Триполис, и были предприняты приготовления к обороне города. Саладин собрал несколько кораблей, чтобы блокировать Тир с моря, и в конце декабря осадил город. Конрад имел очень мало кораблей, но, завладев частью флота Саладина, который он заманил в гавань обещанием сдачи, он укомплектовал их своими войсками и, атаковав остальные корабли, вытеснил их на берег. Враг воспользовался его временным отсутствием, чтобы попытаться взобраться на стены, но он быстро вернулся и заставил их отступить с потерей тысячи человек. Саладин снял осаду и не возобновлял ее следующей весной. Архиепископ Вильгельм Тирский занимался поиском помощи у христианских держав Запада и убедил короля Сицилии отправить в Тир флот с тремястами рыцарями; прибыли и другие подкрепления; освобождение пленного короля Ги де Лузиньяна сплотило крестоносцев, и они перешли в наступление. В августе этого года (1189 г. н. э.) началась осада Акры, которая после ряда необычайных перипетий закончилась ее захватом объединенными силами Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце. В результате мирного соглашения августа 1192 года Йоппа была определена южной, а Тир — северной границей христианских территорий в Палестине.

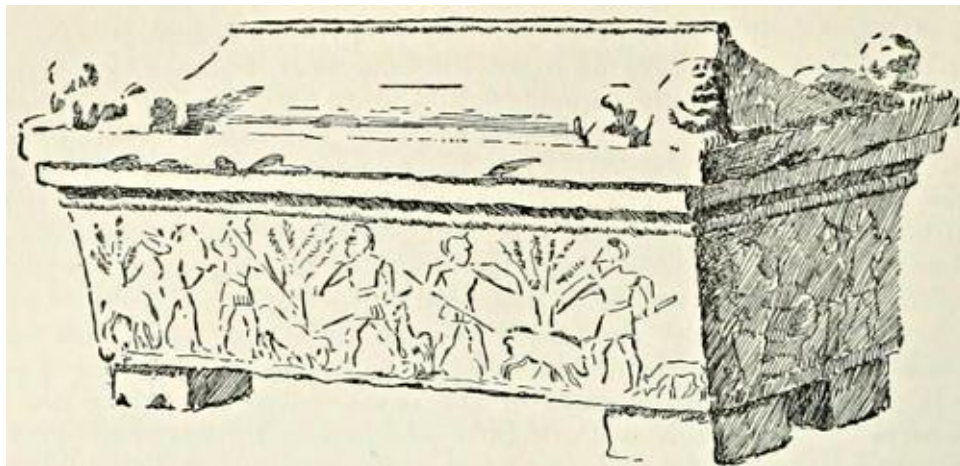
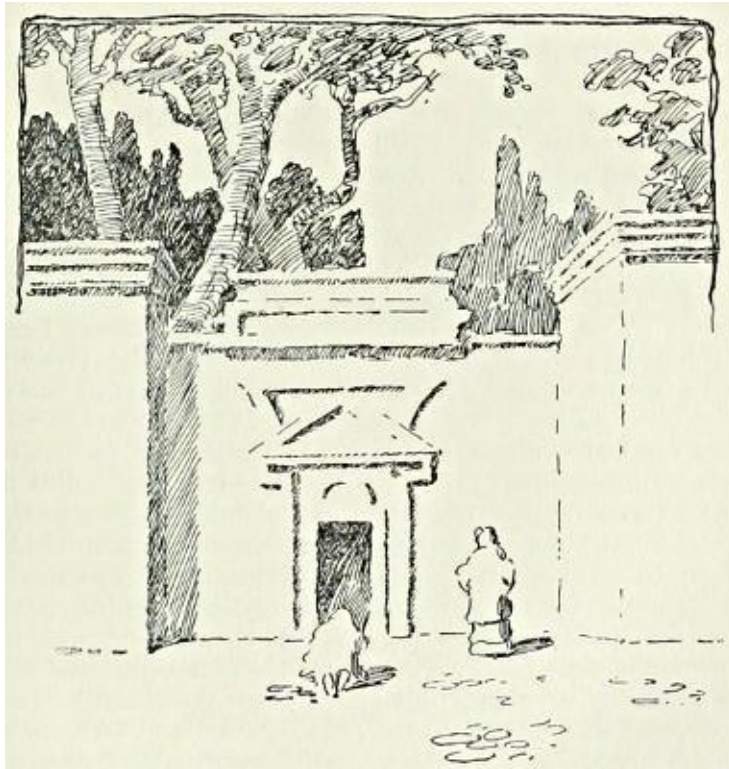
Тир продолжал процветать как торговый город в течение следующего столетия, главным образом благодаря деятельности венецианцев. В обмен на помощь, оказанную Бодуэну II, они получили для себя концессию на треть города и зависимую от него территорию, право управляться собственными магистратами и судиться собственными трибуналами, а также

различные торговые привилегии на всей территории Иерусалимского королевства; и им удалось сохранить эти права, хотя они часто нарушались.

Возвышение мамелюков в Египте вскоре проявилось в захвате Антиохии (1268 г. н. э.) и последующем падении основных городов на побережье. Временная передышка была достигнута благодаря второй экспедиции Людовика IX в 1270 г. и экспедиции сына Генриха III, впоследствии Эдуарда I Английского, в следующем году. Раздоры, последовавшие за смертью султана Бибара (или Бейбара), захватившего Антиохию, отсрочили катастрофу, которую западные страны не предприняли никаких мер, чтобы предотвратить. Султан Калавун (Калаун) возобновил нападение на остатки христианского королевства. Маргарита, вдова Жана де Монфора, владевшего княжеством Тир, заключила с ним соглашение, по которому она обязывалась отказаться от всех союзов с христианскими князьями, питавшими злые намерения по отношению к султану, не возводить новых укреплений и не ремонтировать старые, а также делить с ним доходы от всех территорий, которые они могли бы владеть совместно. Акра вновь стала ареной, на которой христиане и сарацины испытывали свои силы. Калавун умер во время похода из Египта, но его сын и преемник Ашраф продолжил его политику, и осада началась в первую неделю апреля 1291 года. С момента ее отвоевания Филиппом и Ричардом она заняла место Тира как великий торговый центр сирийского побережья; в ее стенах находился переводчик для любого языка Востока или Запада. Она была гораздо более укреплена, чем когда в течение двух лет сопротивлялась нападениям Саладина, и в ней были собраны силы, вполне достаточные для ее защиты, если бы они были использованы энергично и единодушно. Но между ними царили разногласия. 18 мая 1291 года весь город, за исключением крепости тамплиеров, был занят Ашрафом, и на следующий день она была сдана ему по капитуляции. Немногие места, которые христиане еще удерживали в Сирии, не пытались защищаться. Франкские жители Тира покинули его вечером в день капитуляции Акры, и на следующее утро в него вошли сарацины.

[1479-1516 гг. н. э.]

Осман, основатель современной Турецкой империи, начал свое правление в 1288 году, за три года до завоевания Сирии султаном Египта. После завоевания Малой Азии и дунайских провинций Греческой империи в середине XV века турки продвинулись к Константинополю (1453 г. н. э.) и посеяли панику по всей Европе, разграбив Отранто в 1479 году. Прогресс завоеваний был остановлен во время правления Баязета II, но его преемник, Селим I, в 1516 году завоевал Сирию в ходе одной кампании, и с тех пор она подчиняется османам, самым варварским из всех завоевателей, которые последовательно подчиняли ее себе. В результате ее процветание быстро и полностью пришло в упадок. Небезопасность жизни и собственности оказалась фатальной как для обрабатывающей промышленности, так и для сельского хозяйства и торговли; путешественник, не имеющий оружия или сопровождения, проводил свои исследования в постоянной опасности быть ограбленным или убитым, а также с уверенностью в досадных задержках и прерываниях; средства связи пришли в упадок, и не было предпринято никаких усилий, чтобы остановить процесс, в результате которого природа разрушает прибрежные гавани. Ни осады, ни землетрясения не нанесли такого ущерба, как турецкое угнетение и бесправие, которые превратили Тир в то, что путешественник видит сейчас: «скалу, на которой рыбаки расправляют свои сети».^b

Финикийский саркофаг

(В Музее Метрополитен, Нью-Йорк)

ГЛАВА VI. ИСТОРИЯ КАРТАГИ

Город Карфаген был кульминацией в истории торговли, амбиций и военного могущества финикийского народа. Это был город, который так и не достиг первого места, но всегда угрожал захватить верховенство. Как союзник персов в великом вторжении в Грецию, Карфаген направил свои войска против Сицилии, но потерпел такое же поражение. Позже он

поверг великий город Рим в исступление ужаса и ненависти. Карфаген постоянно фигурирует в греческой и римской истории, но здесь уместно привести краткую и последовательную историю его развития как города. Живописные легенды об основании города можно найти в Приложении А. Дата, принятая историками, долгое время была неопределенной, но теперь, по-видимому, установлена на 818 г. до н. э. Утика и Гадес (ныне Кадис) были основаны раньше Карфагена, но лихорадочная амбиция города Дидоны вскоре дала о себе знать.

Карфаген настолько превзошел их в богатстве и могуществе, что приобрел своего рода федеративное превосходство над всеми финикийскими колониями на побережье Африки. В более поздние времена, когда власть карфагенян достигла своего максимума, она включала города Утика, Гиппо, Адрумет и Лептис — все изначально основанные финикийцами и, вероятно, даже как зависимые от Карфагена, обладавшие определенной автономией — помимо большого числа более мелких городов, основанных ими самими и населенных смешанным населением, называемым ливийско-финикийцами. Триста таких городов — зависимая территория, занимавшая половину пространства между Малой и Большой Сиртис и во многих местах отличавшаяся удивительной плодородностью, — город, в котором, по некоторым данным, проживало 700 000 жителей, активных, богатых и, казалось бы, однородных, — и иностранные колонии на Сицилии, Сардинии, Балеарских островах и Испании — все это совокупность силы, находящаяся под единым политическим управлением, было достаточно, чтобы на некоторое время поставить под сомнение исход борьбы Карфагена даже с Римом.

[813-600 гг. до н. э.]

Но какими шагами карфагеняне поднялись до такого величия, нам неизвестно, и мы можем только догадываться, какую часть этого величия они уже приобрели в VI веке до н. э. Как и в случае со многими другими городами, у нас есть легенда об основании, украшающая момент рождения, и больше ничего. Тирская принцесса Дидона или Элисса, дочь Бела, сестра Пигмалиона, царя Тира, и жена богатого Сихая [или Сихарбаса], жреца Геркулеса [Мелкарта] в этом городе, — как говорят, овдовела в результате убийства Сихая Пигмалионом, который захватил сокровища, принадлежавшие его жертве. Но Дидона нашла способ лишить его добычи, завладела золотом, которое соблазнило Пигмалиона, и тайно эмигрировала, унеся с собой священные регалии Геркулеса; за ней последовала значительная часть тирийцев. Она поселилась в Карфагене на небольшом холмистом полуострове, соединенном с материком узкой полосой земли, и купила у местных жителей столько земли, сколько можно было окружить бычьей шкурой, которую она велела разрезать на тончайшие полоски, и таким образом сделала ее достаточной для строительства своей первой цитадели, Бирсы, которая впоследствии превратилась в великий город Карфаген. Как только ее новое поселение укрепилось, несколько князей из местных племен, в особенности гатульский Ярбас, который угрожал войной в случае отказа, просили ее руки. Под давлением своего народа, желавшего заключить союз с местными жителями, но будучи непоколебимо решившей сохранить верность своему первому мужу, она избежала конфликта, покончив с собой. Она притворилась, что соглашается на предложение второго брака (), потребовав лишь отсрочку, достаточную для того, чтобы принести искупительную жертву духам Сихая; был воздвигнут огромный погребальный костер, на котором было принесено в жертву много животных, и среди него Дидона пронзила себе грудь мечом и погибла в пламени. Такова легенда, которой Вергилий придал новый оттенок, переплетя приключения Энея и таким образом соединив легенды об основании Карфагена и Рима, не обращая внимания на свое отклонение от принятой мифической хронологии. Дидона почиталась в Карфагене как богиня до разрушения города:

и с некоторой вероятностью предполагается, что она тождественна Астарте, божественной покровительнице, под покровительством которой была первоначально основана колония, так как Гадес и Тарс были основаны под покровительством Геракла — рассказ о погребальном костре и самосожжении встречается в религиозных церемониях других кикийских и сирийских городов. Финикийская религия и культ распространялись вместе с финикийскими колониями по большей части Средиземноморья.

Фокейцы из Ионии, которые в ходе своих авантурных путешествий на запад основали колонию Массалия (еще в 600 г. до н. э.), смогли осуществить это только благодаря морской победе над карфагенянами — самому раннему из сохранившихся до наших дней примеров столкновения между греками и карфагенянами. Карфагеняне ревностно относились к торговой конкуренции, и их торговля с тосканцами и латинянами в Италии, а также их прибыльная добыча полезных ископаемых в Испании начались в период, когда греческая торговля в этих регионах была практически неизвестна. В произведениях греческих авторов название «финикийцы» часто используется для обозначения как карфагенян, так и жителей Тира и Сидона, поэтому мы не всегда можем отличить, кто из них имеется в виду. Но примечательно, что далекое поселение Гадес и многочисленные поселения, основанные в коммерческих целях вдоль западного побережья Африки и за Гибралтарским проливом, явно приписываются тирийцам. Многие другие финикийские поселения на южном побережье Испании, по-видимому, обязаны своим возникновением скорее Карфагену, чем Тиру. Но отношения между ними, насколько нам известно, всегда были дружественными, и даже в период своего наивысшего расцвета Карфаген посылал теоров с данью религиозного признания тирскому Геркулесу; визит этих послов совпал с осадой города Александром Македонским. В тот критический момент жены и дети тирийцев были отправлены в Карфаген, чтобы найти там убежище: двумя веками ранее, когда Персидская империя находилась в период роста и экспансии, тирийцы отказались помочь Камбизу своим флотом в его планах по завоеванию Карфагена и, таким образом, вероятно, спасли свою колонию от порабощения.^{[b](#)}

МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ КАРТАГИ

Мыс, который до сих пор называется Капо Картаджине и выступает с восточной стороны Тунисского залива, недалеко от входа в Голетту, в древности был скорее полуостровом, чем сейчас, и точно соответствует описанию, данному Фукидидом, мест, выбранных финикийцами для торговли. Его высота, которая до сих пор составляет почти пятьсот футов над уровнем моря, обеспечивала хороший обзор; а качества бухты как укрытия для кораблей хорошо известны по описанию Вергилия в «Энеиде» 1, 160. Именно таким образом возникли все основные колонии Финикии, и в этом смысле Карфаген, возможно, обязан своим происхождением временам, когда Сидон доминировал среди финикийских городов. Но его быстрый подъем к власти был связан с колонией из Тира примерно в конце IX века до н. э. Обстоятельства, которые привели к миграции Дидоны, относятся к особой истории этого города. Колония сначала обосновалась на холме, называемом греками Бирса, который до сих пор узнаваем по возвышенности, носящей имя Св. Луи. Сейчас она находится всего на высоте около 190 футов над уровнем моря, но ее высота над соседней местностью (), от которой зависела ее сила, несомненно, уменьшилась из-за накопления руин вокруг ее основания. Название, которое из-за сходства с греческим словом, означающим «кожа», дало повод для истории о том, что Дидона купила столько земли, сколько могла бы покрыть кожа, является финикийским и означает «крепость». Подобно Кадмее в Фивах, с которой она была похожа по названию, она была местом оружия первоначальных поселенцев, а гражданское население собиралось вокруг основания и постепенно формировало Новый

город, значение названия Карфаген, под которым обе части известны в совокупности, так как Неаполь (Неаполь) поглотил своего более старого соседа, Палеполь. Работы по рытью дока, которыми, по описанию Вергилия, они занимались по прибытии Энея, начались вскоре после их поселения; хотя они и прибыли с оружием в руках, они были скорее торговцами, чем воинами, и первые присоединившиеся к ним люди были жителями окрестностей, которые стекались к ним с целью торговли. Вероятно, именно в этом месте, на южной стороне полуострова, мы сейчас видим остатки двух бассейнов, предназначенных для размещения военного флота Карфагена в дни его могущества. Сейчас они превратились в солончак, но при византийских императорах и после завоевания мусульманами они сохранили свое прежнее назначение.

У нас есть много поводов сожалеть о неуверенности или тщеславии, которые заставили Саллюстия отказаться от описания Карфагена, поскольку у него не было достаточно места, чтобы отдать должное такой теме. В условиях гибели древней литературы даже несколько строк из его пера дали бы нам информацию, которую мы теперь тщетно ищем. Ее история естественным образом делится на три периода: от основания до 480 года до н. э., когда начались войны на Сицилии; от 480 до 265 года, когда начались войны с Римом; и, наконец, от 265 до 146 года, когда она была разрушена. Мы полностью лишены какой-либо непрерывной истории для первого из этих периодов. Основная причина его быстрого роста, без сомнения, заключается в плодородии почвы и удачном выборе места, расположенного на полпути между центрами искусства и цивилизации Азии и богатыми странами на юго-западе Европы, а также недалеко от побережья южной Италии и островов Мальта, Сицилия, Сардиния и Балеарские острова. Наиболее прибыльная часть торговли с этими западными регионами, а именно с югом Испании, в период своего господства оставалась за Финикией, но в качестве компенсации за исключение из добычи руд Тартессуса Карфаген имел свободный доступ к внутренним районам Африки благодаря караванам, в которых кочевые племена перевозили соль и финики, которыми богата северная Африка, через Сахару в страны на Нигере и привозили оттуда золотой песок, драгоценные камни и рабов. Они торговали с коренными жителями Эфиопии по другому каналу. Они посещали и колонизировали западное побережье Африки вплоть до Аргина и торговали с местными жителями, используя немой бартер, получая от них золотой песок в обмен на свои товары.

[600-520 гг. до н. э.]

Поскольку карфагенский флот был разгромлен в 600 г. до н. э. силами одного-единственного греческого города, Фокиды, его морская мощь в то время не была очень велика. Шестьдесят лет спустя они вновь вступили в конфликт у берегов Корсики, на этот раз с меньшим преимуществом для фокидцев, которые были изгнаны из своего дома Харпагом, генералом Кира. В азиатской истории произошли большие изменения. Вскоре после первого конфликта этих держав Тир подвергся осаде Навуходоносора, в ходе которой, независимо от того, был ли он захвачен или нет, он пострадал настолько сильно, что так и не смог восстановить свое прежнее господство; и с этого момента мы можем датировать полную независимость Карфагена и его преемственность в господстве на Западе, которое до этого принадлежало Тиру. Этот рост могущества связан с именем Ганнона; не того, который командовал экспедицией на западное побережье Африки, а того, который жил на поколение раньше, примерно в середине VI века до н. э. По словам Диона Хризостома, «он сделал карфагенян ливийцами вместо тирийцев, заставил их заселить Ливию вместо Финикии, приобрести большое богатство, много торговых центров, гаваней и триер, а также обширное господство как на суше, так и на море». Эти слова ясно подразумевают, что в то время и благодаря мерам Ганнона Карфаген из зависимой от Тира колонии превратился в самостоятельное государство с резиденцией в Африке, и что значительное расширение его

богатства и власти как на море, так и на суше произошло в одно и то же время и под его руководством. В историческом контексте из фразы «он заставил карфагенян заселить Ливию вместо Финикии» мы бы сделали вывод, что он был лидером крупной эмиграции из Тира, которой и было обьязано это расширение; в риторическом контексте это, по-видимому, означает не более, чем предыдущее предложение, а именно, что до его времени Карфаген был фактически частью Финикии, но с тех пор стал независимой африканской державой. То, что таким было последствием упадка Тира после осады Навуходоносором, не вызывает сомнений; и даже если значительная часть его населения не мигрировала сразу, во время осады и после нее, упадок его процветания и потеря независимости естественным образом привлекали их к Карфагену, который уже был могущественным и способным защитить себя. Такой рост, в сочетании с упадком тирской державы во всем западном Средиземноморье, объясняет внезапный взлет, который, по-видимому, совершил Карфаген в VI веке до н. э. Военные таланты Маго, жившего в середине и конце этого века, способствовали тому же результату. Он организовал их вооруженные силы и подготовил почву для обширных войн, которые карфагеняне вели на Сицилии.

[480 г. до н. э.]

Камбиз, после завоевания Египта, хотел напасть на Карфаген, поскольку подчинение Кирены и Барки привело к соприкосновению его границ с их границами; но финикийцы, которые должны были предоставить флот для этой цели, отказались вступать в военные действия против своей собственной колонии. Дарий просил помощи у Карфагена в своем запланированном вторжении в Грецию, но без успеха. Когда Ксеркс возобновил начинание своего отца, он заключил договор с карфагенянами, в соответствии с которым в том же году, когда он переправился через Геллеспонт, они ввели в Сицилию большую армию, собранную из Галлии, Лигурии и Испании, а также со всех своих африканских территорий. Битва при Гимере была столь же роковой для планов Карфагена, как битвы при Саламине и Платеях для планов Ксеркса; но Сицилия еще долгое время оставалась ареной борьбы между карфагенянами и греками, пока обе стороны не были поглощены растущей империей Рима.

Описание Карфагена МОММСЕНОМ

Семитская раса стоит среди народов древнего классического мира, но в то же время отдельно от них. Основой первых является Восток, вторых — Средиземноморье; и по мере того, как войны и миграции продвигали границы и смешивали расы, глубокое чувство непохожести по-прежнему разделяло и до сих пор разделяет индогерманские народы от сирийских, израильских и арабских народов. Это также верно в отношении семитского народа, который больше всех других распространился на запад, а именно финикийской или пунической расы. Их первоначальной родиной является узкая полоса побережья между Малой Азией, высокогорьем Сирии и Египтом, которая называется равниной, то есть Ханааном. Это единственное название, которое народ применял к себе — в христианские времена ливийский крестьянин все еще называл себя хананеем; но для эллинов Ханаан был «Пурпурной страной» или «Землей красных людей», Финикией, и точно так же итальянцы, как и мы сами, привыкли называть хананеев финикийцами.

Страна хорошо приспособлена для сельского хозяйства, но прежде всего отличные гавани и обилие древесины и металлов благоприятствуют торговле, которая здесь, где избыток восточного континента простирается далеко в Средиземное море с его многочисленными островами и гаванями, возможно, впервые приобрела все свое значение для человека. Финикийцы применили всю свою смелость, проницательность и энтузиазм, чтобы объединить Восток и Запад и дать полное развитие торговле и всему, что с ней связано, —

судоходству, производству, колонизации. В невероятно ранний период мы находим их на Кипре и в Египте, в Греции и на Сицилии, в Африке и Испании, и даже в Атлантическом океане и Северном море. Область их торговли простиралась от Сьерра-Леоне и Корнуолла до побережья Малабара; через их руки проходили золото и жемчуг Востока, тирский пурпур, рабы, слоновая кость, шкуры львов и пантер из внутренних районов Африки, арабский ладан, египетское полотно, глиняная посуда и вина из Греции, кипрская медь, испанское серебро, английский олово, железо с острова Эльба.

В отличие от индогерманской склонности к политической организации, финикийцы, как и все арамейские народы, не имели вдохновляющей идеи самоуправляемой свободы. В лучшие дни Сидона и Тира Финикия была вечным яблоком раздора для держав, правивших на Ниле и Евфрате, и подчинялась то ассирийцам, то египтянам. Имея половину своих сил, греческие города обрели бы независимость, но дальновидные жители Сидона рассчитали, что перекрытие караванных путей на Восток или египетских гаваней обойдется дороже, чем самая тяжелая дань, и в результате они пунктуально платили налоги Ниневии или Мемфису, в зависимости от обстоятельств, а когда ничего другого не помогало, даже сражались на кораблях в битвах своих царей.

И так же, как дома финикийцы спокойно терпели угнетение своих господ, так и за границей они ни в коем случае не были склонны менять мирные методы торговой политики на завоевательные. Их колонии — это фабрики; для них было важнее забирать свои товары у местных жителей и привозить им другие, чем приобретать обширные земли в дальних странах и выполнять там медленную и трудную работу по колонизации. Они даже избегали войны со своими конкурентами; почти без сопротивления они позволили изгнать себя из Египта, Греции, Италии, а в великих морских сражениях, которые велись в ранние времена за господство в западном Средиземноморье, в Алалии и Киме именно этруски, а не финикийцы, несли основную тяжесть сражения против греков. Если иногда конкуренции нельзя было избежать, то дело улаживалось как можно лучше; финикийцы никогда не предпринимали попыток завоевать Каэру или Массалию.

Еще меньше, конечно, финикийцы были склонны к агрессивным войнам. Единственный случай в древности, когда они перешли в наступление на поле боя, был в сицилийской экспедиции африканских финикийцев, которая закончилась поражением Гимеры Гелоном из Сиракуз (480 г.), и тогда они выступили против эллинов запада только как покорные подданные великого царя и для того, чтобы избежать участия в кампании против восточных эллинов, поскольку их сирийские соплеменники в том же году были вынуждены присоединиться к персам в битве при Саламине.

Это не было трусостью; плавание по неизвестным водам на вооруженных судах требует мужества, и финикийцы часто доказывали, что такие люди были среди них. Еще меньше это было проявлением недостатка настойчивости и индивидуальности в смысле национальности; скорее арамейцы, с упорством, которого никогда не достигали индогерманские народы и которое нам, жителям Запада, кажется либо более, либо менее человеческим, защищали свою национальность от всех соблазнов греческой цивилизации, а также от всей принудительной силы как восточных, так и западных деспотов, как оружием духа, так и своей кровью. Именно отсутствие политического чутья, хотя и сосуществующее с самым живым расовым чувством и самой верной приверженностью материнскому городу, по-прежнему характеризует сущность финикийцев. Свобода не привлекала их, и они не обладали жаждой власти; «они жили беззаботно», как говорится в Книге Судей, «по примеру сидонян, спокойно и безопасно», обладая богатствами.

Среди всех финикийских поселений ни одно не процветало быстрее и надежнее, чем те, которые тирийцы и сидонийцы основали на южном побережье Испании и на севере Африки,

в регионах, куда не доходила рука великого царя и не доходило опасное соперничество греческих моряков, но где туземцы стояли лицом к лицу с иностранцами, как индейцы с европейцами в Америке.

Среди многочисленных и процветающих городов на этих берегах один был выдающимся — «Новый город» Картада, или, как его называли западные народы, Каркедон, или Карфаген. Хотя он и не был самым ранним поселением финикийцев в этом регионе и, возможно, изначально находился под защитой соседней Утики, старейшего финикийского города в Ливии, он вскоре превзошел своего соседа и даже метрополию благодаря несравненным преимуществам своего положения и активной деятельности своих жителей. Он стоял недалеко от (бывшего) устья реки Баградас (Мехерда), протекающей через самый богатый зерновой район Северной Африки, на плодородном возвышении, которое и сейчас застроено виллами и покрыто оливковыми и апельсиновыми рощами, и которое, плавно опускаясь к равнине, заканчивается на морском побережье мысом, окруженным волнами. Расположенный недалеко от центра Тунисского залива, величайшей гавани Северной Африки, где этот прекрасный участок воды предлагает лучшую стоянку для больших кораблей, а у берега бьют превосходные источники, этот город настолько благоприятен для сельского хозяйства и торговли, а также для связи между ними, что не только тирское поселение стало первым торговым городом финикийцев, но и в римские времена Карфаген, хотя и едва восстановленный, стал третьим городом империи, и даже сегодня, в не очень благоприятных условиях, здесь по-прежнему существует процветающий город с населением в сто пятьдесят тысяч человек. Процветание сельского хозяйства, торговли и промышленности города, расположенного в таком месте и с такими жителями, объясняется само собой, но нам нужен ответ на вопрос, как это поселение развило такую политическую мощь, которой не обладал ни один другой финикийский город.

Перед потоком эллинской миграции, который неистово хлынул на запад, уже вытеснив финикийцев из самой Греции и Италии и готовясь сделать то же самое в Сицилии, Испании и даже Ливии, финикийцы были вынуждены как-то сопротивляться, если не хотели быть полностью уничтожены. Здесь, где они имели дело с греческими купцами, а не с Великим Царем, им было недостаточно подчиниться, чтобы получить разрешение продолжать свою торговлю и промышленность по-старому, в обмен на уплату налога. Кирена и Массалия уже были основаны; весь восток Сицилии уже находился в руках греков; для финикийцев настало время оказать серьезное сопротивление. Карфагеняне взяли на себя эту задачу; в долгих и упорных войнах они остановили посягательства киренцев, и эллинизм не смог утвердиться к западу от пустыни Триполи. Более того, финикийские поселения на западе Сицилии защищались от греков с помощью Карфагена и с радостью и добровольно присоединились к подданным могущественного родственного города. Эти важные успехи, относящиеся ко второму веку существования города и спасшие юго-западную часть Средиземноморья для финикийцев, сами по себе дали городу, который их одержал, гегемонию над нацией и в то же время изменили его политическое положение. Карфаген больше не был просто торговым городом; он стремился к господству над Лидией и частью Средиземного моря, потому что был вынужден это делать.

Вероятно, именно последствия этих внешнеполитических успехов впервые побудили карфагенян перейти от положения арендаторов и оккупантов по концессии к положению фактических владельцев и завоевателей. В 300-м году Рима карфагеняне, по-видимому, впервые освободились от уплаты земельной ренты, которую до этого они были обязаны выплачивать коренному населению. Таким образом, они получили возможность в больших масштабах возделывать землю для себя. Даже как землевладельцы финикийцы всегда полагались на использование своего капитала и на возделывание полей в значительной степени с помощью рабов или наемных рабочих; таким образом, большая часть евреев была нанята на такую работу за дневную плату тирскими купцами-князьями. Карфагеняне теперь могли эксплуатировать богатую ливийскую землю в неограниченном объеме с помощью системы, аналогичной той, что используется современными плантаторами. Прикованные цепями рабы возделывали землю — мы обнаруживаем, что отдельные граждане владели до двадцати тысяч таких рабов. Более того. Сельскохозяйственные города в окрестностях были насильно покорены, а свободные ливийские крестьяне превратились в феллахов, которые платили своим хозяевам дань в размере четвертой части урожая и подлежали регулярной системе вербовки, чтобы Карфаген мог иметь собственную армию. На границах постоянно велись войны с кочевыми племенами пастухов (номадами), но цепь укрепленных военных постов обеспечивала безопасность умиротворенных районов, и эти племена постепенно были вытеснены в пустыни и горы или вынуждены признать верховенство Карфагена, платить дань и поставлять войска.

Кроме того, власть Карфагена в конечном итоге распространилась на остальных финикийцев в Африке, так называемых ливийских финикийцев. Они состояли частично из небольших групп поселенцев, которые были приведены из Карфагена в места вдоль всего северного и части северо-западного побережья Африки, и не могли не иметь значения, поскольку в одно время тридцать тысяч таких колонистов были поселены только на побережье Атлантического океана; а частично из древних финикийских поселений, которые были особенно многочисленны на побережье современной провинции Константин и бейлика Тунис и включали, например, Гиппо, позже названный Региус (Бона), Адруметум (Суса), меньший Лептис (к югу от Сусы) — второй город африканских финикийцев, — Тапсус и больший Лептис (около Триполи). Как произошло, что все эти города подчинились

Карфагену, и сделали ли они это добровольно, чтобы укрыться от нападений киренцев и нумидийцев, или под принуждением, сейчас уже невозможно установить; известно только, что в официальных документах они упоминались как подданные карфагенян, были обязаны снести свои стены и платить налоги и нести военную службу Карфагену.

Таким образом, тирская фактория стала столицей могущественной североафриканской империи, которая простиралась от пустыни Триполи до Атлантического океана, и хотя в западной половине (Марокко и Алжир) она довольствовалась скорее номинальным владением побережьем, с другой стороны, в более богатой восточной части она правила современными районами Константины и Туниса, а также внутренними районами и постоянно продвигала свои южные границы; карфагеняне, как значимо замечает древний автор, превратились из тирийцев в ливийцев.

Период, в который произошла эта трансформация Карфагена в столицу Ливии, тем более трудно определить, что изменение, несомненно, происходило постепенно. Упомянутый автор называет Ганнона реформатором нации; если это тот же человек, который жил во время первой войны с Римом, то его можно считать лишь совершенствователем новой системы, которая, по-видимому, была разработана в IV и V веках в Риме.

Наряду с подъемом Карфагена происходил упадок великих финикийских городов на родине, Сидона и особенно Тира, процветание которых было разрушено частично в результате внутренних волнений, частично под давлением извне, в частности, осад Шалманасера в первом веке Рима, Навуходоносора во втором и Александра в третьем. Благородные семьи и древние торговые дома Тира в большинстве своем переселились в безопасный и процветающий город-дочь и принесли с собой свой интеллект, капитал и традиции. Когда финикийцы вступили в контакт с Римом, Карфаген был, безусловно, первым ханаанским городом, так же как Рим был первой латинской общиной.

Но господство над Ливией было лишь половиной могущества Карфагена; их морское и колониальное превосходство в то же время достигло не менее внушительных размеров. В Испании главным центром финикийцев было древнее тирское поселение в Гадесе (Кадис); к западу и востоку от него они также владели цепочкой фабрик, а во внутренних районах — территорией серебряных рудников, так что они занимали современную Андалусию и Гранаду, по крайней мере, их побережья. Эбус и Балеарские острова были колонизированы карфагенянами в ранний период, отчасти ради рыболовства, отчасти в качестве передовых постов против массалиотов, с которыми они вели ожесточенную войну с этой базы. Аналогичным образом, к концу II века до н. э. карфагеняне обосновались на Сардинии, которую они эксплуатировали точно так же, как Ливию.

[450-350 гг. до н. э.]

Наконец, на Сицилии дороги из Мессаны и восточной, более крупной половины острова действительно рано перешли в руки греков, но с помощью карфагенян финикийцы удержали свои позиции: некоторые на соседних небольших островах — Эгаде, Мелите, Гаулосе, Коссире, из которых особенно процветала колония на Мальте; некоторые — на западном и северо-западном побережьях Сицилии, где из Мотии, а позднее из Лилибея, они поддерживали отношения с Африкой, а из Панорма и Солея — с Сардинией. Внутренняя часть острова оставалась во владении коренных элимов, сиканцев и сикелов.

Все эти поселения и владения были достаточно значительными сами по себе, но еще большее значение они имели как опоры карфагенского господства на море. Благодаря владению югом Испании, Балеарскими островами, Сардинией, западной частью Сицилии и Мелитой, а также предотвращению греческой колонизации восточного побережья Испании,

Корсики и окрестностей Сиртиса, владыки североафриканского побережья закрыли свои моря для иностранцев и монополизировали западные воды. Финикийцы действительно были вынуждены делить Тирренское и Галльское моря с другими народами, но это можно было терпеть до тех пор, пока этруски и греки уравнивали друг друга, и, поскольку первые были менее опасными соперниками, Карфаген даже вступил в союз против греков.

Но после падения этрусской державы, которое, как это обычно бывает в случае союзов, заключенных под давлением обстоятельств, Карфаген, вероятно, не использовал всю свою силу, чтобы предотвратить, и после срыва планов Алкивиада, когда Сиракузы стали бесспорной первой морской державой Греции, эта система равновесия больше не могла сохраняться. Когда правители Сиракуз начали стремиться к господству над Сицилией и южной Италией, а также над Тирренским и Адриатическим морями, карфагеняне были вынуждены проводить энергичную политику. Первым результатом долгой и упорной борьбы между ними и их противником, Дионисием Сиракузским (405-367), принцем столь же могущественным, сколь и печально известным, стало уничтожение или ослабление центральных сицилийских государств в интересах обеих сторон и раздел острова между сиракузцами и карфагенянами. Но каждая из сторон постоянно предпринимала попытки вытеснить своего соперника. Четыре раза карфагеняне были хозяевами всей Сицилии, за исключением Сиракуз, и были остановлены ее крепкими стенами; почти столько же раз сиракузяне под руководством способных вождей, таких как Дионисий Старший, Агафокл и Пирр, казалось, были близки к успеху. Но постепенно баланс сил все больше склонялся в пользу карфагенян. Между тем борьба на море уже была решена. Попытка Пирра восстановить сиракузский флот была последней. Когда она провалилась, корабли карфагенян без соперников господствовали над всем западным Средиземноморьем, и их попытки занять Сиракузы, Региум и Тарент показали, на что они способны и какова их цель. Наряду с этим шли попытки постепенно монополизировать морскую торговлю в этих регионах как в отношении иностранных государств, так и в отношении своих подданных; и карфагеняне не были склонны вечно уклоняться от насилия, необходимого для достижения цели. Современник Пунической войны, Эратосфен, отец географии, свидетельствует, что любой иностранный моряк, попавший в руки карфагенян по пути в Сардинию или пролив Гадес, был ими брошен в море.

[350-283 гг. до н. э.]

Аристотель, умерший примерно за пятьдесят лет до первой Пунической войны, описывает карфагенское правительство как перешедшее от монархии к аристократии или демократии, склоняющейся к олигархии, поскольку он называет его обоими именами. Ведение дел в первую очередь возлагалось на совет старейшин, который, подобно спартанской Герусии, состоял из двух ежегодно назначаемых царей и двадцати восьми геронтов, которые, по-видимому, также избирались ежегодно гражданами. Именно этот совет фактически вел дела государства; например, он принимал необходимые меры для ведения войны, отдавал приказы о введении воинской повинности и наборе рекрутов, назначал генерала и давал ему в качестве коллег нескольких геронтов, из числа которых, как правило, выбирались подчиненные командиры; ему адресовались депеши. Сомнительно, существовал ли наряду с этим небольшим советом более крупный совет; в любом случае он не имел большого значения, и не похоже, что короли обладали каким-либо особым влиянием; их главная функция заключалась в том, чтобы выступать в качестве верховных судей, как их нередко называли (суффеты, *преторы*). Власть генерала была больше; Исократ (), старший современник Аристотеля, говорит, что дома карфагеняне подчинялись олигархическому правительству, но на поле боя — монархическому, и поэтому должность карфагенского генерала описывается римскими авторами как должность

диктатора, хотя Геронты, присоединившиеся к нему, должны были, по крайней мере на практике, ограничивать его власть, как и регулярный отчет, который был неизвестен римлянам и который он должен был представлять при сложении своих полномочий. Над Геросией и должностными лицами стоял орган из ста четырех человек, или, короче говоря, сотни, или судей, главная опора карфагенской олигархии. Это не было частью первоначальной конституции Карфагена, но, подобно спартанскому эфорату, возникло в результате аристократического противостояния монархическим элементам в этой конституции. Из-за системы покупки должностей и небольшого числа членов высшего суда одна карфагенская семья, семья Хаго, которая отличалась своим богатством и военной славой, угрожала объединить в своих руках управление в военное и мирное время, а также правосудие; это привело, примерно во времена децемвиров, к изменению конституции и созданию этой новой власти.

Похоже, что хотя карфагенские граждане не были явно ограничены пассивным участием в обсуждении вопросов, касающихся государства, как это было в Спарте, на практике их влияние в таких вопросах было очень незначительным. На выборах в Герузию преобладала система открытого подкупа; при назначении генерала с народом действительно советовались, но, вероятно, только тогда, когда на самом деле назначение уже было сделано по предложению Герузии; а в других вопросах к народу обращались только тогда, когда Герузия считала это целесообразным или не могла прийти к согласию. Народные суды в Карфагене были неизвестны. Бессилие граждан, вероятно, было существенным условием их политической организации; карфагенские мессы, которые упоминаются в этой связи и сравниваются со спартанскими *феидитиями*, возможно, были братствами, действовавшими на олигархической основе (). Мы даже слышим о различии между «гражданами» и «ручными рабочими», что заставляет нас предполагать очень низкое положение последних и, возможно, полное отсутствие прав.

В целом, карфагенская конституция представлялась правительством капиталистов, каким оно может быть в гражданском сообществе без состоятельного среднего класса, состоящем, с одной стороны, из толпы, не имеющей собственности и живущей от руки в рот, а с другой — из крупных купцов, землевладельцев и знатных магистратов. Карфаген не был лишен и того верного признака коррумпированной городской олигархии, каким была система обогащения обедневших господ за счет подданных, которых отправляли в подчиненные общины в качестве казначеев и надзирателей принудительного труда. Аристотель описывает это как главную причину проверенной стабильности карфагенской конституции. До его времени в Карфагене не было ни одной революции, достойной упоминания, ни сверху, ни снизу; толпа оставалась без лидеров вследствие материальных преимуществ, которые правящая олигархия могла предложить всем амбициозным или обездоленным членам высшего класса, и которые компенсировались крохами, падавшими им со стола господ в виде взяток на выборах или в какой-либо другой форме.

Конечно, при таком правительстве не могло не быть демократической оппозиции, но даже во время первой Пунической войны она была совершенно бессильна. Позже, отчасти под влиянием потерпевших поражений, ее политическое влияние быстро росло, причем гораздо быстрее, чем влияние аналогичной и современной ей римской партии; народное собрание начало принимать окончательные решения по политическим вопросам и сломало всемогущее влияние карфагенской олигархии. В оппозиции преобладала патриотическая и реформаторская энергия, но мы не можем игнорировать тот факт, что она опиралась на коррумпированную и гнилую основу. Карфагенское гражданство, которое хорошо информированные греки сравнивали с александрийским, было настолько коррумпированным, что в этом отношении заслуживало быть бессильным, и вполне

уместно спросить, что хорошего могло выйти из революций, где, как в Карфагене, их организаторами были мошенники.

С финансовой точки зрения Карфаген занимал первое место среди городов древности во всех отношениях. Во время Пелопоннесской войны этот финикийский город, по свидетельству первых греческих историков, превосходил все греческие государства в финансовом отношении, а его доходы сравнивались с доходами Великого царя. Полибий называет его самым богатым городом в мире. Характерна тесная связь между финикийским сельским хозяйством и капиталом. Идея никогда не приобретать больше земли, чем можно было бы должным образом возделывать, приводится в качестве ведущего принципа финикийского земледелия. Карфагеняне также извлекали прибыль из богатства страны в виде лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз, в котором, по свидетельству Полибия, Ливия в то время превосходила все другие страны на земле благодаря своим кочевым племенам.

Как и в эксплуатации почвы, так и в эксплуатации своих подданных карфагеняне были учителями римлян; через них в Карфаген поступала рента с «лучшей части Европы» и плодородных районов Северной Африки, которые в некоторых регионах, например в Бизакитисе и на Малой Сиртисе, были чрезвычайно благоприятны. В Карфагене, как и позже в Риме, наука и искусство, по-видимому, находились под общим влиянием эллинизма, но не были заброшены; существовала значительная финикийская литература, и при завоевании города в нем были обнаружены ценные библиотеки и многие сокровища искусства, хотя, правда, эти сокровища () были не произведены в Карфагене, а вывезены из сицилийских храмов. Но интеллект здесь также был на службе у капитала; даже общее распространение определенных видов знаний и, в частности, знание иностранных языков, в котором Карфаген в этот период, возможно, стоял почти на одном уровне с имперским Римом, показывает сугубо практическое направление, которое было дано эллинской культуре в Карфагене.

Превосходство Карфагена выражается не только в размере его доходов; среди всех важных государств древности только здесь мы находим экономические принципы более позднего и более продвинутого периода; мы слышим о зарубежных государственных займах, а в денежной системе, помимо золотых монет, мы находим монету из материала, который сам по себе не имеет ценности, что было неизвестно в древности. Фактически, если бы государство было спекуляцией, никто бы не выполнил свою задачу более блестяще, чем Карфаген.

ВОЙНА В СИЦИЛИИ МЕЖДУ РИМОМ И КАРТАГОМ

Более века вражда между Карфагеном и Сиракузами опустошала прекрасный остров Сицилия. Война велась обеими сторонами частично с помощью политической пропаганды: Карфаген поддерживал отношения с аристократическо-республиканской оппозиционной партией в Сиракузах, а сиракузские династии — с национальными партиями в греческих городах, которые платили дань Карфагену, а частично с помощью наемных армий, с помощью которых Тимолеон и Агафокл, а также финикийские полководцы вели свои сражения. Поскольку обе стороны использовали одинаковые методы, борьба велась с пренебрежением к правде и чести, неизвестным в истории западных народов. Сиракузцы были окончательно разгромлены. В 314 году, до начала войны, Карфаген претендовал только на треть острова, расположенную к западу от Гераклеи Минойской и Гимеры, и признавал гегемонию сиракузцев над несколькими восточными государствами. Изгнание Пирра из Сицилии и Италии (276 г.) оставило большую часть острова, особенно Акрагас, во владении Карфагена, а Сиракузам остались только Тауромений и юго-восточная оконечность. Около 283 года кампанские войска, которые служили под командованием Агафокла и после его смерти продолжали грабить по собственной инициативе, обосновались в Мессане, втором по величине городе на восточном побережье и центре антисиракузской партии. Они убили или изгнали горожан, разделили между собой женщин, детей и дома и, обосновавшись в городе, вскоре стали третьей силой на острове (). Карфагеняне без недовольства наблюдали за этими событиями, в результате которых сиракузцы получили в соседи могущественного противника вместо родственного или дружественного народа. При поддержке Карфагена новоприбывшие, или *мамертины* (сыновья Марса), выступили против Пирра, и преждевременный уход этого царя вернул карфагенянам всю их мощь.

Молодой сиракузский офицер Иеро, сын Иерокла, который привлек к себе внимание благодаря своему близкому родству с Пирром и храбростью, с которой он сражался в битвах этого царя, был назначен главой сиракузской армии (274 г.). Своей умеренностью и мудрым полководческим талантом он завоевал доверие всех своих сторонников, уволив наемников, реорганизовав гражданскую милицию и пытаясь сначала как полководец, а затем как царь, во главе гражданских войск восстановить утраченную мощь Эллады. С карфагенянами, которые совместно с греками изгнали Пирра с острова, сиракузцы в то время были в мире; их ближайшим врагом были мамертины, родственники ненавистных наемников. В союзе с римлянами, которые примерно в это время послали свои легионы против кампанцев в Региуме, Иеро обратился к Мессане. Благодаря великой победе, после которой Иеро был провозглашен царем сицилийцев (269 г.), ему удалось ограничить мамертинцев пределами их собственного города, и после осады, длившейся несколько лет, они оказались в крайне тяжелом положении, не имея возможности больше защищать город без посторонней помощи против Иеро. Условная капитуляция была невозможна, топор палача, который был применен к кампанам из Региа, несомненно, ждал мессанцев в Сиракузах, и их единственная надежда на спасение заключалась в том, чтобы сдать город либо карфагенянам, либо римлянам, для которых завоевание этого важного места имело одинаковое значение.

Было сомнительно, что будет выгоднее — сдаться финикийцам или владыкам Италии; после долгих колебаний большинство кампанских граждан наконец решили передать свою крепость римлянам. Рим стремился к владению Италией, как Карфаген — к владению Сицилией, но планы ни одной из этих держав не могли быть реализованы в то время.

Именно в этом заключалась причина желания каждой из них, чтобы на ее границе постоянно находилась нейтральная держава — Рим смотрел на Тарент, а Карфаген — на Сиракузы и Мессану. Не имея такой возможности, каждая из них предпочитала сама оккупировать эти города, чем позволить им попасть в руки своего соперника.

[264 г. до н. э.]

Как Карфаген пытался в Италии — когда Рим был на грани захвата Регия и Тарента — приобрести эти города для себя, но его цель была сорвана простым несчастным случаем, так и Рим теперь видел в Сицилии возможность привлечь Мессану в свой союз; если бы этот замысел провалился, город не мог бы надеяться остаться независимым или перейти на сторону Сиракуз, он был бы брошен на произвол Финикии. Было ли оправданно упускать возможность, которая, безусловно, больше не представится, завладеть естественным плацдармом между Сицилией и Италией и обеспечить себе его прочное и, по вполне веским причинам, надежное владение? Было ли оправданно пожертвовать, отказавшись от всех надежд на Мессану, господством над последним свободным проходом между восточным и западным морями и свободной торговлей Италии? Кроме соображений чувства и справедливости, против оккупации Мессаны выдвигались и другие возражения. То, что она приведет к войне с Карфагеном, было наименьшим из них, поскольку Рим не имел ничего бояться от такой войны, какой бы серьезной она ни была. Гораздо важнее было то, что, пересекая море, она должна была отойти от чисто итальянской и континентальной политики, которую она проводила ранее; таким образом, система, созданная основателями величия Рима, была заменена другой, последствия которой никто не мог предвидеть. Это был один из тех моментов, когда размышления и расчеты прекращаются, и только вера в личную звезду и звезду отечества дает мужество взяться за руку, манящую из будущего, и следовать за ней, куда бы она ни вела. Сенат долго и серьезно обсуждал предложение советников отправить легионы на помощь мамертинам, но так и не пришел к какому-либо решению. Однако среди граждан, которым в конце концов было передано это дело, жило сознание силы державы, которая достигла величия благодаря собственным усилиям. Завоевание Италии дало римлянам, как и завоевание Македонии дало грекам, смелость проложить для себя новый политический путь; поддержка мамертинцев была оправдана властью защиты, которую Рим провозгласил над различными итальянскими государствами. Итальянцы из-за моря были приняты в Итальянскую конфедерацию, и по предложению совета граждан было решено послать им помощь (264).

РИМ И КАРТАГО

[264-241 гг. до н. э.]

Давайте сравним могущество Рима и Карфагена. Оба были аграрными и торговыми государствами, не имевшими других претензий на величие; подчиненное и исключительно практическое положение, занимаемое искусством и наукой, было практически одинаковым в обоих государствах, причем баланс, возможно, был немного в пользу Карфагена. Но в Карфагене торговля опережала сельское хозяйство, в то время как в Риме она занимала второе место, так что в то время, когда карфагенские фермеры покидали свои поля, чтобы стать крупными рабовладельцами и землевладельцами, большая часть римских граждан все еще занималась земледелием. В Карфагене было видно богатство, свойственное крупным торговым центрами, но Рим все еще демонстрировал в своих обычаях и полицейских правилах старомодную строгость и бережливость.

Когда карфагенские послы вернулись из Рима, они представили бережливость римских советников как превосходящую все ожидания, утверждая, что один серебряный сервиз служил для всего совета и что его члены сталкивались с ним заново в каждом доме, куда их приглашали. Во всем остальном системы обоих государств были одинаковы: судьи Карфагена и сенаторы Рима выносили решения в соответствии с одним и тем же кодексом. Строгая зависимость, в которой карфагенские органы власти держали своих чиновников, их приказы гражданам не изучать греческий язык и не общаться с греками без посредничества переводчика, отражают тот же дух, что и римские законы, но в отличие от жестокой и глупой строгости этих карфагенских правил, римские законы о штрафах и порицании кажутся мягкими и разумными. Римский сенат, открывший свои двери для самых способных, достойно представлял нацию и не имел причин бояться ее или ее чиновников. Карфагенский сенат, напротив, представлял только аристократические семьи и находился под самым строгим контролем правительства; учреждение, основанное на недоверии как сверху, так и снизу, не могло быть уверено ни в поддержке народа, ни в безопасности от узурпации власти чиновниками. Именно отсутствию этих недостатков можно приписать неуклонный прогресс римской политики, которая никогда не отступала ни на шаг из-за бедствий и не теряла благосклонности судьбы из-за лени или нерешительности. Карфаген, с другой стороны, часто отступал из борьбы, которую можно было бы выиграть в последней схватке, и, устав или забыв о своих великих национальных начинаниях, позволял разрушиться наполовину возведенной им структуре « », чтобы через некоторое время начать свою работу заново. Между способными римскими чиновниками и правящим советом существовало полное взаимопонимание, тогда как в Карфагене эти два сословия находились в постоянной войне, и чиновники часто были вынуждены выступать против своих начальников и объединяться с политическими оппонентами.

И Карфаген, и Рим владели народами многих рас, помимо своих собственных. Рим предоставлял гражданство одному району за другим из этих иностранцев, даже оставляя открытым законный путь для вступления в него самих латинян; тогда как Карфаген полностью отгородился от всех своих зависимых территорий, не давая им ни малейшей надежды на то, что он когда-нибудь предоставит им такое равенство. Рим позволял общинам, принадлежавшим к родственной расе, иметь долю в военной добыче и стремился, особо благоволя к богатым и влиятельным лицам из подданных государств, примирить их с римским господством. Карфаген не только оставлял за собой все плоды победы, но и лишал подданные города их наиболее полезной привилегии — свободной торговли. Рим никогда полностью не отказывал в независимости даже самым слабым из своих подданных государств и никогда не обременял их тяжелыми налогами; Карфаген же посылал своих представителей далеко за пределы своих владений и обременял даже древние финикийские города непомерными пошлинами, обращаясь с их жителями чуть ли не как с рабами. Таким образом, в африкано-карфагенском союзе не было ни одного государства, за исключением Утики, которое не стремилось бы улучшить свое политическое и материальное положение за счет падения Карфагена, тогда как в римско-итальянском союзе не было ни одного государства, которое, восстав против власти, способствовавшей его материальному благосостоянию, не потеряло бы больше, чем приобрело, не бросая прямого вызова политической оппозиции. Когда карфагенские государственные деятели решили связать с Карфагеном финикийские колонии, возбудив в них страх перед ливийским восстанием, а доминирующие государства — путем выплаты денег оракулу в их храме, они перенесли торговые практики в область, где они не имели места. Опыт показал, что римский союз, несмотря на менее прочный фронт, противостоявший Пирру, держался как скала, в то время как карфагенский союз развалился как паутина, как только вражеская сила ступила на африканскую землю. Это проявилось при высадке Агафокла и Регула, а также в войне против наемников, в то время как дух, царивший в Африке, проявился в том, что ливийские

женщины добровольно пожертвовали свои драгоценности наемникам, чтобы те продолжили войну против Карфагена. В Сицилии она, по-видимому, действовала с большей умеренностью, благодаря чему добилась лучших результатов. Ее колонии там пользовались относительной свободой в торговле с другими странами, с самого начала использовали в своей внутренней торговле исключительно металлические деньги и во всех отношениях пользовались большей свободой действий, чем сардинцы и ливийцы. Если бы Сиракузы попали в ее руки, все это вскоре изменилось бы, но этого не произошло, и под мудрой умеренностью карфагенского правления, которому способствовала несчастная неразбериха среди сицилийских греков, на Сицилии возникла явно финикийская партия; например, Филин из Акрагаса, писавший историю великой войны после потери острова римлянами, полностью с финикийской точки зрения. Тем не менее, в целом сицилийцы, как подданные и как эллины, должны были испытывать к своим финикийским хозяевам такое же отвращение, как тарентийцы и самниты к Риму.

Доходы Карфагена, несомненно, превышали доходы Рима, но это компенсировалось большей вероятностью того, что его источники снабжения, дань и пошлины () иссякнут в тот момент, когда он будет в них больше всего нуждаться, а также гораздо большими расходами, связанными с его системой ведения войны. С военной точки зрения ресурсы обоих государств, хотя и различались по своему характеру, были примерно равны. На момент завоевания Карфагена его население (включая женщин и детей) насчитывало семьсот тысяч человек и, вероятно, оставалось примерно таким же до конца V века до н. э. В это время Карфаген мог, в случае необходимости, выставить на поле боя сорок тысяч гоплитов. Но, как бы ни казалось ей желательным, чтобы большая часть ее граждан была обучена военной службе, она не могла наделить ремесленников и фабричных рабочих крепкой физической силой сельских жителей, равно как и преодолеть в финикийцах их врожденное отвращение к военному делу. В V веке в сицилийской армии сражалась гвардия генерала, или «священное войско», состоявшее из 2500 карфагенян; столетие спустя, за исключением офицеров, во всех карфагенских войсках, особенно в испанской армии, не было ни одного карфагенянина. Основной состав карфагенской армии составляли ливийцы, которые поставляли новобранцев, которые в руках способных офицеров превращались в непревзойденных пехотинцев и легкую кавалерию. К ним присоединились солдаты из всех зависимых государств Ливии и Испании, знаменитые пращники с Балеарских островов, которые, по-видимому, занимали положение между союзными войсками и наемниками (), и, наконец, солдаты, набранные в случае необходимости из других стран. Такая военная сила могла быть увеличена практически до любой численности, а по мужеству, умению обращаться с оружием и способностям офицеров она могла сравниться с римской. Но когда приходилось нанимать наемников, требовалось много времени, чтобы подготовить их к бою, в то время как римская милиция могла быть отправлена на поле боя в любой момент. Кроме того, карфагенян не связывало ничего, кроме надежды на прибыль и верности флагу, в отличие от римлян, которых объединяли все узы, связывающие их с родиной. Для обычного карфагенского офицера наемные войска, сражавшиеся под его командованием, да, даже ливийские крестьяне, не имели большего значения, чем пушечные ядра в наши дни; отсюда и происходили постыдные поступки, как, например, предательство ливийских войск их командиром Гимилько, которое привело к серьезному ливийскому восстанию. Термин «пуническая вера», который впоследствии использовался в связи с карфагенянами, стал постоянным упреком, который не мало вредил им. В целом, Карфаген испытал все беды, которые могут принести в страну фелахи и наемные армии, не раз убедившись, что оплачиваемые союзники опаснее заклятых врагов.

Недостатки такой военной системы не могли быть упущены из виду карфагенскими правителями, которые постоянно пытались их исправить; казначейства были заполнены, а

арсеналы заготовлены, чтобы в любой момент можно было нанять больше наемников; особое внимание уделялось той ветви военной службы, которая в древности соответствовала нашей современной артиллерии — военным машинам, в использовании которых карфагеняне были более опытны, чем сицилийцы, а слоны там заменили древние боевые колесницы. Но главная опора нации, флот, была предметом особой гордости и заботы. В строительстве, как и в навигации кораблей, карфагеняне значительно превосходили греков. В Карфагене были построены первые корабли с тремя рядами весел, а оснастка их парусных кораблей, в основном квинкверемов, делала их, как правило, более быстрыми, чем греческие; гребцы, рабы, принадлежавшие государству, которые никогда не покидали галер, были прекрасно обучены, а капитаны были опытными и бесстрашными. В этом отношении Карфаген был явно превосходнее Рима, который с его собственными немногими кораблями и кораблями союзной Греции () не мог и думать о том, чтобы меряться силами в открытом море с державой, которая в то время безраздельно властвовала над западным Средиземноморьем. Если мы обобщим знания, полученные в результате тщательного сравнения ресурсов двух великих держав, то обнаружим, что в начале их конфликта они стояли на почти равных позициях. Однако к этому мы вынуждены добавить, что Карфаген, хотя и задействовал все свои гениальные способности и богатство, чтобы обеспечить себя искусственными средствами нападения и обороны, все же не мог восполнить недостаток собственных войск или компенсировать необходимость независимого союза. Нельзя было отрицать, что Рим мог быть подвержен опасности только в Италии, а Карфаген — только в Ливии, и столь же неоспоримо было то, что Карфаген не мог долго избегать такой опасности.⁴

[241-195 гг. до н. э.]

Неизбежный конфликт между такими соседними соперниками, как Рим и Карфаген, начался вскоре и длился долго. Он породил великие личности и впечатляющие события с обеих сторон.^[9] В первой Пунической войне карфагеняне, после поражения своего флота в Эгадских островах, потеряли свои владения на Сицилии и принадлежащие ей группы островов и были вынуждены обязаться выплатить тридцать две тысячи талантов. Сразу после этого разразилась кровопролитная война, длившаяся более четырех лет (241-237), против мятежных наемников, в которой также участвовали ливийские города и в которой полководец Гамилькар в конце концов одержал победу над мятежниками. Тем временем римляне захватили Сардинию, и карфагеняне, которые еще не чувствовали себя достаточно сильными для новой войны, были вынуждены не только официально отказаться от владения этим островом, но и выплатить дополнительную дань в размере 1200 талантов. Вместе с Сардинией у них была отнята и Корсика. После подавления восстания Гамилькар переправился с армией в Гадес (Кадис), чтобы начать завоевательную войну на Пиренейском полуострове. В течение девяти лет он успешно сражался с испанскими племенами, пока в 229 году не погиб в бою. Его зять Гасдрубал, который сменил его на посту, сумел мирными средствами, а не войной, еще больше расширить границы карфагенского господства. В 221 году, когда Гасдрубал пал от руки галла, армия избрала главнокомандующим знаменитого сына Гамилькара Ганнибала, и никто в Карфагене не осмелился выступить против этого выбора.

В 221 и 220 годах Ганнибал завершил завоевание Испании до реки Эбро; в 219 году он взял Сагунт, несмотря на союз между ним и Римом. Это стало причиной второй Пунической войны (218-201), в которой карфагеняне под энергичным руководством Ганнибала, который прошел через Пиренеи и Альпы и вторгся в Италию, сначала добились больших успехов, но в конце концов были побеждены благодаря неиссякаемым военным ресурсам и удивительной выносливости римлян, которые вели войну сразу в четырех местах.

После поражения при Заме (202 г.) в 201 г. подавленному сопернику Рима был предоставлен мир на следующих жестких условиях: сдача всех военных кораблей, за исключением десяти, и всех слонов, выплата десяти тысяч талантов, выплата компенсации Массиниссе и обещание не братья за оружие без согласия римлян. Мудрыми мерами Ганнибал стремился постепенно поднять свою угнетенную родину, но тем самым нанес ущерб интересам аристократии, которая и без того была к нему настроена неблагоприятно и с помощью римлян изгнала его из Карфагена (195 г.).

[195 г. до н. э. — 697 г. н. э.]

После этого Карфаген был разрушен изнутри спорами между аристократической и народной партиями и подвергся угрозе извне со стороны Массиниссы, которого римляне поставили на сторону карфагенян, чтобы следить за ними, и который, полагаясь на своих покровителей, отнимал у них одну часть территории за другой. Римляне, конечно, время от времени посылали туда комиссаров, но только для того, чтобы либо не принимать никакого решения, либо принимать решение, неблагоприятное для карфагенян. Марк Катон прибыл туда в 157 году в качестве одного из таких комиссаров, и поскольку карфагеняне отклонили его предложение вынести арбитражное решение (предположительно неблагоприятное), с того момента он был крайне озлоблен на них и, следовательно, заканчивал каждую речь в сенате словами: «*Censeo ceterum, Carthaginem esse delendam*» («Кроме того, я считаю, что Карфаген должен быть уничтожен»).

Когда карфагеняне, наконец, после изгнания партии Массиниссы (151 г.), оказали сопротивление последнему и были разгромлены, римляне объявили это нарушением мира и в 149 г. отправили консулов Мания, Манилия и Луция Марция Цензорина с восьмьюдесятью четырьмя тысячами человек на Сицилию. Карфагеняне просили о мире, но сначала им было предписано отдать в заложники триста детей из знати и сдать все оружие и боеприпасы. Когда римляне далее приказали им покинуть свой город и переселиться дальше вглубь острова, все сословия и классы объединились для отчаянной обороны.

Так начался последний страшный конфликт (Третья Пуническая война, 149-146), который закончился завоеванием Карфагена Публием Корнелием Сципионом. Огонь бушевал в городе семнадцать дней. Большая часть жителей погибла, выжившие были обращены в рабство. Город был разрушен до основания, а вся территория Карфагена, за исключением нескольких участков, которые были переданы городам, вступившим в союз с римлянами, в частности Утике и Гиппону, была превращена в римскую провинцию Африка.

В 122 году по предложению Гая Гракха было решено восстановить город под названием Юнония и основать там колонию из шести тысяч римских граждан. Однако падение Гракха помешало реализации этого проекта. Юлий Цезарь вновь взялся за его осуществление, но не смог довести его до конца. Восстановление началось только при Августе, который заселил город тремя тысячами римских колонистов и многочисленными туземцами из окрестностей.

Новый город достиг высокого процветания во времена империи, так что занял второе место после Александрии среди городов империи за пределами Рима. Он был резиденцией римского проконсула и большинства других римских чиновников, позднее также христианского епископа, и благодаря своему выгодному положению вскоре вновь стал богатым центром торговли, в котором, однако, не было недостатка в школах грамматики, риторики, философии и других свободных искусств.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КАРТАГИ

В 439 году н. э. он был захвачен вандалами под предводительством Гензериха и почти столетие был столицей Вандальского королевства, пока в 533 году не был включен в состав Восточной Римской империи генералом Юстиниана Велисарием. Последний восстановил разрушенные укрепления и назвал город в честь своего императора Юстинианой.^e

Западные завоевания сарацин были приостановлены на почти двадцать лет, пока их разногласия не были урегулированы с установлением династии Омейядов; и халиф Моавия был приглашен по просьбе самих африканцев. Преемники Ираклия были проинформированы о дани, которую они были вынуждены согласовать с арабами, но вместо того, чтобы проявить сострадание и облегчить их страдания, они наложили в качестве компенсации или штрафа вторую дань в аналогичном размере. Уши византийских министров были закрыты для жалоб на их бедность и разорение; их отчаяние свелось к тому, что они предпочли власть одного господина; а вымогательства патриарха Карфагена, наделенного гражданской и военной властью, спровоцировали сектантов и даже католиков римской провинции отречься от религии, а также от власти своих тиранов. Первый лейтенант Моавии приобрел справедливую славу, покорил важный город, разгромил армию из тридцати тысяч греков, увёл в плен восемьдесят тысяч человек и обогатил их добычей смелых авантюристов из Сирии и Египта. Но титул завоевателя Африки более справедливо принадлежит его преемнику Окбабену Нафи [Акбаху]. Он выступил из Дамаска во главе десяти тысяч самых храбрых арабов; и подлинная сила мусульман была увеличена благодаря сомнительной помощи и обращению в веру многих тысяч варваров. Было бы трудно, да и не нужно, проследить точную линию продвижения Акбаха. Внутренние районы были заселены восточными народами с вымышленными армиями и воображаемыми цитаделями. В воинственной провинции Заб, или Нумидии, восемьдесят тысяч туземцев могли собраться под оружием; но число трехсот шестидесяти городов несовместимо с невежеством или упадком земледелия; а окружность в три лиги не оправдывается руинами Эрбе или Ламбезы, древней столицы этой внутренней страны. По мере приближения к побережью известные города Бугия и Танжер определяют более точные границы побед сарацин. Остатки торговли все еще сохраняются в удобной гавани Бугии, которая, как говорят, в более процветающие времена насчитывала около двадцати тысяч домов; а обилие железа, добываемого в соседних горах, могло бы снабдить более храбрый народ оружием для защиты.

[697 г. н. э.]

Удаленное положение и почтенная древность Тинги, или Танжера, были украшены греческими и арабскими легендами; но образные выражения последних, что стены были построены из меди, а крыши покрыты золотом и серебром, можно интерпретировать как символы силы и богатства. Провинция Мавритания Тингитанская, которая приняла название столицы, была не полностью открыта и заселена римлянами; пять колоний были ограничены узкой полосой, а более южные части редко исследовались агентами роскоши, которые искали в лесах слоновую кость и цитронное дерево, а на берегах океана — пурпурных моллюсков. Бесстрашный Акба проник в самое сердце страны, пересек пустыню, в которой его преемники воздвигли великолепные столицы Фес и Марокко, и в конце концов проник к берегам Атлантического океана и великой пустыни.

Река Сус спускается с западных склонов горы Атлас, орошает, как Нил, прилегающие земли и впадает в море на умеренном расстоянии от Канарских, или Счастливых, островов. Ее берега были заселены последними маврами, племенем дикарей, не знавших ни законов, ни дисциплины, ни религии; они были потрясены странным и непреодолимым ужасом восточного оружия; и поскольку у них не было ни золота, ни серебра, самой богатой

добычей были красавицы-пленницы, некоторые из которых впоследствии были проданы за тысячу золотых монет. Карьера, хотя и не рвение Акбы, была остановлена перспективой безграничного океана. Он подгонял своего коня в волны, поднял глаза к небу и воскликнул с фанатизмом: « » «Великий Бог! Если бы мой путь не был остановлен этим морем, я бы все равно продолжал идти к неизвестным царствам Запада, проповедуя единство твоего святого имени и предавая мечу мятежные народы, поклоняющиеся другим богам, кроме тебя». Однако этот мусульманский Александр, который тосковал по новым мирам, не смог сохранить свои недавние завоевания. Из-за всеобщего отступничества греков и африканцев он был отозван с берегов Атлантического океана, и окружающие его толпы оставили ему только возможность достойно умереть. Последняя сцена была достойно украшена примером национальной добродетели. Амбициозный вождь, который оспаривал командование и потерпел неудачу в своей попытке, был приведен в качестве пленника в лагерь арабского генерала. Повстанцы полагались на его недовольство и месть; он пренебрег их предложениями и раскрыл их замыслы. В час опасности благодарный Акба снял с него оковы и посоветовал ему уйти; он предпочел умереть под знаменем своего соперника. Обнявшись как друзья и мученики, они обнажили свои ятаганы, разбили ножны и вели упорную борьбу, пока не пали рядом друг с другом на последнем из своих убитых соотечественников. Третий генерал или губернатор Африки, Зухайр, отомстил и встретил судьбу своего предшественника. Он побеждал туземцев во многих сражениях; он был свергнут мощной армией, которую Константинополь послал на помощь Карфагену.

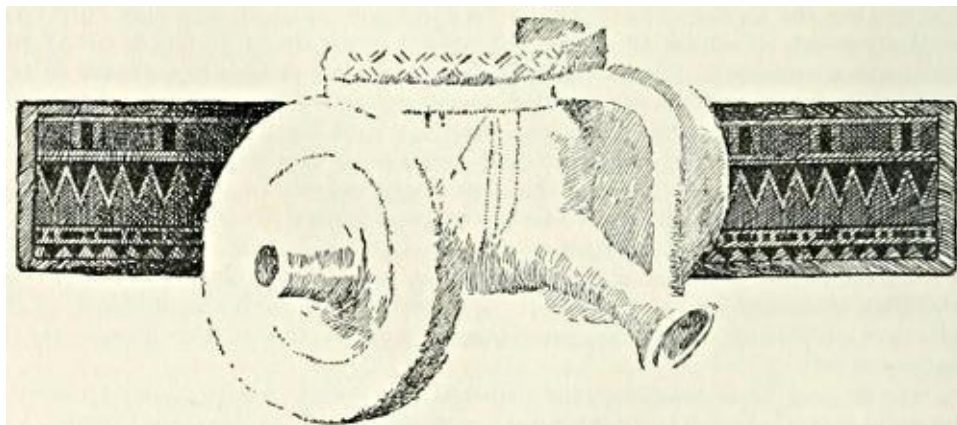
Мавританские племена часто присоединялись к захватчикам, чтобы разделить добычу, принять веру, а затем, при первом отступлении или неудаче мусульман, возвращались к своему дикому образу жизни, независимости и идолопоклонству. Благоразумие Акбы подсказало ему основать арабскую колонию в сердце Африки, цитадель, которая могла бы сдерживать легкомыслие варваров, убежище, где можно было бы укрыть от военных бедствий богатства и семьи сарацин. С этой целью и под скромным названием «станция каравана» он основал эту колонию в пятидесятом году хиджры. В своем нынешнем упадке Кайраван по-прежнему занимает второе место в королевстве Тунис, от которого он удален примерно на пятьдесят миль к югу; его расположение в глубине суши, в двенадцати милях к западу от моря, защищало город от греческого и сицилийского флотов. Когда были истреблены дикие звери и змеи, когда был расчищен лес, или, вернее, пустыня, на песчаной равнине были обнаружены следы римского города. Растительная пища в Кайраване привозится издалека, а скудность источников вынуждает жителей собирать в цистернах и резервуарах ненадежный запас дождевой воды. Эти препятствия были преодолены благодаря трудолюбию Акбы; он начертил окружность в три тысячи шестьсот шагов, которую окружил кирпичной стеной; за пять лет дворец губернатора был окружен достаточным количеством частных жилищ; просторная мечеть поддерживалась пятьюстами колоннами из гранита, порфира и нумидийского мрамора; и Кайраван стал центром образования, а также империи. Но это были славные времена более поздней эпохи; новая колония была потрясена последовательными поражениями Акбы и Зухайра, а западные экспедиции вновь были прерваны гражданскими раздорами в арабской монархии. Сын доблестного Зобейра вел двенадцатилетнюю войну и семимесячную осаду против дома Омейя. Говорили, что Абдалла объединял в себе свирепость льва и хитрость лисы, но, унаследовав мужество отца, он был лишен его великодушия.

Восстановление внутреннего мира позволило халифу Абдул-Малику возобновить завоевание Африки; знамя было передано Хасану, правителю Египта, и доходы этого королевства, а также армия в сорок тысяч человек были посвящены этой важной службе. В ходе военных перипетий внутренние провинции то и дело переходили из рук в руки сарацин. Но побережье по-прежнему оставалось в руках греков; предшественники Хасана

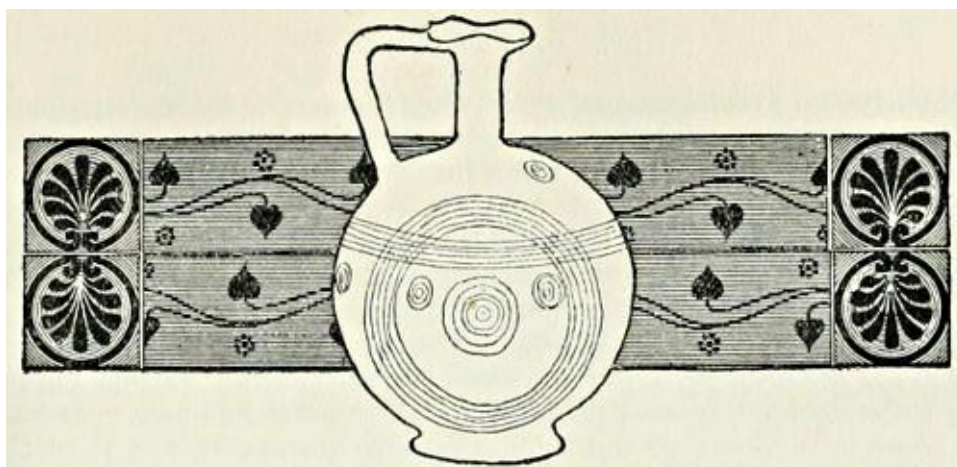
уважали имя и укрепления Карфагена, а число его защитников пополнялось беженцами из Кабеса и Триполи. Оружие Хасана было смелее и удачливее; он захватил и разграбил столицу Африки; и упоминание о штурмовых лестницах может оправдать подозрение, что он предвосхитил внезапным нападением более утомительные операции регулярной осады. Но радость завоевателей вскоре была нарушена появлением христианской помощи. Префект и патриций Иоанн, опытный и известный полководец, собрал в Константинополе войска Восточной империи; к ним присоединились корабли и солдаты Сицилии, а также мощное подкрепление готов, полученное благодаря страху и религии испанского монарха. Вес союзного флота сломал цепь, охранявшую вход в гавань; арабы отступили в Кайраван или Триполи; христиане высадились на берег; граждане приветствовали знамя креста, и зима прошла в праздности, в мечтах о победе или освобождении. Но Африка была безвозвратно потеряна; рвение и обида полководца верующих подготовили следующей весной более многочисленное вооружение на море и суше; и патриций, в свою очередь, был вынужден эвакуировать пост и укрепления Карфагена. Вторая битва произошла в окрестностях Утики: греки и готы снова потерпели поражение; и их своевременная эвакуация спасла их от меча Хасана, который осадил слабые и недостаточные укрепления их лагеря. Все, что еще оставалось от Карфагена, было предано пламени, и колония Дидоны и Цезаря пролежала в запустении более двухсот лет, пока часть, возможно, одна двадцатая часть прежней окружности, не была заново заселена первым из халифов Фатимидов. В начале XVI века вторая столица Запада представляла собой мечеть, колледж без студентов, двадцать пять или тридцать лавок и хижины пятисот крестьян, которые в своей крайней нищете демонстрировали высокомерие пунических сенаторов. Даже эта ничтожная деревня была сметена испанцами, которых Карл V разместил в крепости Голетта. Руины Карфагена исчезли, и это место могло бы остаться неизвестным, если бы несколько сломанных арок акведука не направляли шаги любознательного путешественника.⁴

СНОСКИ

[\[9\]](#) Подробное описание Пунических войн см. в т. V.

Финикийская терракотовая колесница

Финикийская бутылка в форме тыквы

ГЛАВА VII. ФЕНИЦИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ

На всех этапах своей истории Финикия была скорее производственной и торговой, чем воинственной нацией. Тем не менее, на протяжении многих веков она играла более или менее заметную роль в сражениях великих народов. Был только один период, а именно во время правления Хирама, современника Давида и Соломона, около 950 года до нашей эры, когда Финикия могла претендовать на что-то вроде первого места среди народов. Это было скорее сообщество разбросанных городов, каждый из которых, как правило, был независим от других, чем нация в узком смысле этого слова. Тем не менее, жизнеспособность нации, процветание которой основано на стремлении к миру, такова, что Финикия продолжала занимать уважаемое место среди держав земли в течение более длительного периода, чем почти любая другая из небольших наций древности. Таким образом, мы видим, как она снова и снова возрождается после подчинения иностранным завоевателям, пока, наконец, даже в 332 году до н. э., она смогла оказать мощное сопротивление Александру, и на

протяжении всего этого периода, по крайней мере тысячу лет, флот финикийцев славился как образец совершенства, и по этой причине финикийцы были желанными союзниками или наемниками для таких великих соперничающих держав, как греки и персы. В целом, несмотря на сравнительно незначительное место, которое всегда отводится финикийцам по сравнению с такими великими завоевательными державами, как Египет и Вавилония, есть много причин считать, что великие производители и торговцы древности были одними из самых замечательных народов, история которых сохранилась.

Рассказы о войнах и завоеваниях неизбежно всегда занимают первое место в записях историков, по крайней мере в наши дни, но не следует колебаться в том, чтобы отдать должное народу, идеалом которого было не самовозвеличивание через уничтожение других народов, а укрепление власти через гораздо более полезные каналы производства и торговли. Там, где другие народы разрушали, финикийцы строили. Они не занимали высокого положения как изобретатели в чистом виде, но они принимали изобретения других народов, и как образовательное влияние они не имеют себе равных среди восточных народов. И это верно просто потому, что финикийцы были великим прогрессивным и торговым народом древности.

МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Не требуется большой проницательности, чтобы понять причины, по которым финикийцы стали торговым и морским народом. Они были в некотором роде вынуждены этим своим положением, поскольку товары из внутренних районов Азии, накапливавшиеся в огромных количествах на их побережьях, требовали дальнейшей транспортировки. Тем не менее, было бы ошибкой считать это первым и единственным импульсом к их мореплаванию, которое, скорее всего, имело здесь то же происхождение, что и в целом среди торговых народов: оно возникло из пиратства. Кажущиеся преимущества, которые это дает, слишком близки и слишком очевидны, чтобы быть упущенными из виду нецивилизованными народами, в то время как выгоды, которые можно извлечь из мирной и регулярной торговли, слишком далеки, чтобы сначала войти в сферу их представлений. Именно так пиратские набеги норманнов дали первый импульс мореплаванию западных стран Европы. Но среди народов, которые, в отличие от африканского гнезда пиратов, не сдерживаются деспотизмом и другими неблагоприятными обстоятельствами, из этого первоначального зла постепенно вырастает добро. Даже незначительный прогресс в цивилизации скоро учит человечество тому, насколько преимущества торговли превосходят преимущества грабежа; и по мере того, как последний уменьшается, первое увеличивается.

Именно в таком состоянии мореплавание финикийцев впервые предстает перед нашим взором во времена Гомера — в самый ранний период, когда мы можем получить достоверное представление о нем из каких-либо определенных источников.

В этот период финикийцы посещали греческие острова и побережья континентов в качестве грабителей или торговцев, в зависимости от обстоятельств. Они привозили с собой безделушки, бусы и украшения, которые продавали по высокой цене неопытным и неосторожным грекам; таким образом они получали возможность похищать их мальчиков и девочек, которых с выгодой продавали на азиатских рабских рынках или которых за большие выкупы выкупали их родители и соотечественники. Наиболее достоверную и яркую картину состояния общества в этом отношении рисует сам греческий бард в рассказе, который он заставляет Эвмея поведать о своем рождении и ранних приключениях.

Однако такого рода отношения не могли длиться дольше, чем младенчество греческой цивилизации. По мере ее развития, когда этот народ стал грозным на морях, а афинские и ионийские эскадры покрыли Средиземное море, они сами по себе должны были принять иную форму, поскольку пиратство больше не могло терпиться. Но, несмотря на это, связи между Финикией и Грецией в период расцвета последней, по-видимому, не оставались столь крепкими, как можно было бы естественно ожидать. Нет никаких следов активных отношений между Тиром и Афинами или Коринфом; нет никаких следов торговых договоров, которые часто заключались между Карфагеном и Римом. В некоторой степени это явление объясняется коммерческой ревностью, присущей обеим нациям. (Насколько меньше было взаимодействие между Англией и Францией, чем могло бы быть, учитывая положение и величину этих двух королевств!) Однако я надеюсь, что следующие замечания будут сочтены удовлетворительными по этому вопросу.

Во-первых. Основной источник торговли всех великих морских держав всегда должен быть направлен на их колонии. Только там может осуществляться взаимный обмен товарами в широких масштабах; все остальные продажи осуществляются в розницу или в небольших количествах. Истина, которая подтверждается опытом величайших морских держав современности, была понятна как финикийцам, так и грекам: поэтому основная торговля обеих наций ограничивалась их колониями.

Во-вторых. Греки могли легче воздерживаться от покупок у финикийцев, поскольку они могли импортировать почти все необходимые им товары из своих колоний в Малой Азии, которые поддерживали такие же отношения со странами внутренней Азии, как Тир и Сидон, и в значительной степени получали и экспортировали те же азиатские товары.

В-третьих. В период своего наибольшего расцвета, то есть с начала Персидских войн, греки были не только соперниками финикийцев, но и их явными политическими врагами. Ненависть финикийцев к грекам ничто так ясно не демонстрирует, как их готовность предоставить свои флоты персам и активное участие в персидских экспедициях против всей Греции или отдельных государств. Как же можно ожидать, что в таких условиях между ними могла существовать очень оживленная или регулярная торговля?

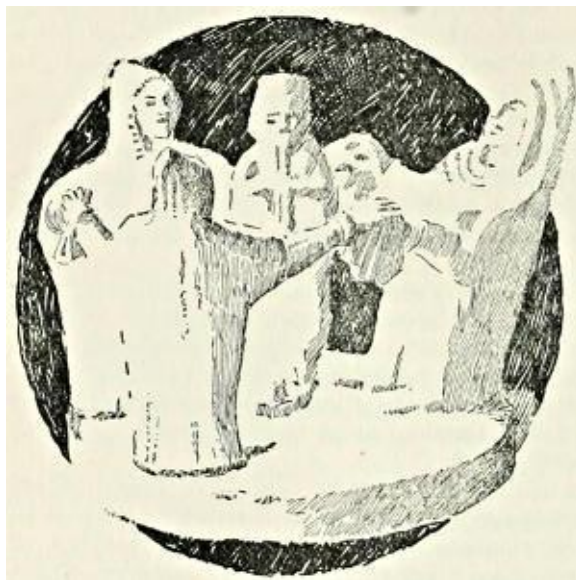
Однако финикийцы по-прежнему обладали преимуществом, поставляя грекам некоторые предметы самого дорогого сорта, пользующиеся большим спросом, которые они не могли получить из своих колоний и которые могли поставлять только финикийцы. К ним относятся, в частности, духи и пряности, которые они ввозили из Аравии и которые были абсолютно необходимы грекам для жертвоприношений богам. Они также поставляли им изделия Тира: пурпурные одежды, богатую одежду, драгоценности, украшения и другие украшения, которые нигде больше нельзя было получить в таком прекрасном исполнении или в таком явном соответствии с преобладающей модой.

Те же причины, которые ограничивали торговлю финикийцев с Грецией, привели к ее сокращению и с их колониями на побережье Малой Азии и в Сицилии. История не сохранила нам никакой конкретной информации по этому поводу, но к уже упомянутым причинам следует добавить тот факт, что по мере сокращения торговли финикийцев в западной части Средиземного моря, торговля карфагенян увеличивалась, пока в конце концов они не стали практически ее монополистами.

Говорят, что когда первые финикийцы посетили Испанию, они нашли там столько серебра, что не только загрузили им свои корабли до краев, но и изготовили из этого металла свои обычные предметы, включая якоря. Так загруженные, они вернулись в свою родную страну, которая немедленно захватила эту древнюю Перу и основала там колонии, название и расположение которых мы уже описали.

Когда финикийцы впервые поселились здесь, искусственные горные работы были совершенно ненужны. Серебряная руда лежала на поверхности, и им нужно было лишь слегка надрезать ее, чтобы добыть ее в изобилии. Сами жители были настолько мало знакомы с ее ценностью, что их самые обычные орудия труда были изготовлены из этого металла. Спрос со стороны финикийцев и их жажда обладать этим металлом впервые научили их ценить его, и вполне вероятно, что прибытие и поселение среди них этих чужестранцев, которые могли снабжать их столь многими полезными предметами в обмен на то, что они так мало ценили, было для них источником удовлетворения. Но когда запасы, которые у них были, иссякли, и ненасытные иностранцы сочли необходимым открыть рудники, судьба бедных иберийцев стала поистине жалкая. То, что испанские рудники эксплуатировались рабами, ясно из описания Диодора, который рассказывает об их жалкой судьбе; и даже если его утверждение относится ко времени римлян, то нет сомнений, что такая же практика существовала и задолго до этого. Были ли туземцы принуждены к этому труду, мы не знаем наверняка; но вряд ли они могли полностью избежать его, хотя обширная торговля финикийцев рабами облегчала им ввоз достаточного количества рабочих рук из-за границы. Даже если они работали только как свободные рабочие, их участь была достаточно тяжелой. Однако то, что шахты в Испании не эксплуатировались только путем копания, ясно из сочинений Диодора, которые сами по себе доказывают, что были прорыты шахты и подземные воды откачивались с помощью машин, даже если интересная аллюзия на горные работы в Книге Иова не должна рассматриваться как относящаяся к финикийцам.

Горные работы подлинных финикийцев, по-видимому, ограничивались территорией современной Андалусии. Согласно Страбону, самые старые из них находились на горе, где берет начало река Бетис или Гвадалкивир, в южной части Сьерра-Морены, которая на границе Андалусии и Мурсии носила название Сьерра-Сегура. До прихода карфагенян, которые приступили к завоеванию Испании с гораздо большей энергией и силой, они не распространялись за пределы этой территории.

Группа финикийских каменных фигур

В остальном серебро, безусловно, было основным, но вряд ли единственным добываемым предметом. Были обнаружены золото, свинец и железо; кроме того, финикийцы открыли оловянные рудники на северном побережье Испании, за Лузитанией. Все эти металлы упоминаются пророком Иезекииелем как продукция испанских рудников. «Испания

(Таршиш) [или Тартесс] торговала с тобой из-за множества твоих товаров; серебро, железо, олово и свинец она давала тебе в обмен на твои товары». Торговля соленой рыбой уже упоминалась как одна из самых ранних отраслей торговли Испании.

Торговля финикийцев в их испанских поселениях велась так же, как и в других местах; единственным способом, которым она могла вестись среди нецивилизованных народов, был бартер. Это не только описано в вышеприведенном отрывке из пророка Иезекииля, но и подтверждается Диодором. Со своей стороны, они привозили тирские товары — вероятно, лен, обычное одеяние в Испании; возможно, также безделушки и игрушки, а также такие предметы роскоши, которые горячо востребованы варварами. В обмен на них они получали вышеупомянутые природные продукты, а также серебро, не в качестве денег, а в качестве товара, на котором их прибыль, вероятно, удваивалась, если верно предположение, не лишенное вероятности, что они обменивали его в южных странах на золото.

Из сочинений Диодора следует, что их поселения в Сицилии и Карфагене были основаны с единственной целью — для удобства общения с Испанией; и что касается только Сицилии (), он, по-видимому, прав. В долгом путешествии от родных берегов до этой далекой страны им была необходима гавань, в которую они могли бы зайти в случае шторма или других непредвиденных обстоятельств. И хотя они установили здесь торговлю с местными жителями на основе бартера и таким образом сумели заполучить для себя богатые продукты острова, вполне вероятно, что греки, которые всегда расширяли свои владения, вскоре лишили их всего, кроме первоначальной цели их поселения.

Однако в случае с Африкой дело обстояло иначе. Если мы просто посмотрим на длинную цепь торговых поселений, образовавшихся на этом побережье, то будет трудно поверить, что все они были предназначены исключительно для поддержания связи с Испанией. Не отрицается, что таково могло быть происхождение самых ранних поселений, например Утики, но когда эти города начали процветать и привлекать к себе торговлю из внутренних районов Африки, нет сомнений, что финикийцы принимали в ней участие и получали товары из этой части земного шара, хотя в первую очередь только из вторых рук.

Показав таким образом направление и масштабы торговли и мореплавания финикийцев на запад, давайте теперь обратимся к востоку и проследим их прогресс в двух великих юго-западных заливах Азии — Аравийском и Персидском. Как уже было сказано, они частично поселились в этих заливах и таким образом получили безопасные гавани, из которых могли отправляться в еще более далекие предприятия.

Однако следует сразу же отметить, что их мореплавание здесь не могло быть таким же беспрепятственным, как в Средиземном море. Поскольку собственные владения финикийцев никогда не простирались до этих заливов, то, насколько они могли использовать имевшиеся у них гавани, зависело от их политических отношений. Ведь даже если путь для их караванов был открыт, доминирующие народы внутренней Азии не всегда были готовы допускать иностранные колонии на своих побережьях.

Офир было общим названием богатых стран юга, расположенных на африканском, аравийском и индийском побережьях, насколько это было известно в то время. Из этих стран финикийцы уже добывали огромные сокровища с помощью караванов, но теперь они открыли с ними морское сообщение, чтобы облегчить транспортные расходы и приобретать товары по лучшей цене. Название Офир было распространено еще во времена Моисея и тогда применялось к южным странам, известным только по общим рассказам. Поэтому теперь о нем говорили как о хорошо известном названии и стране; и можно с уверенностью предположить, что, когда финикийцы вступили на эту новую торговую линию, они только воспользовались ранее хорошо налаженной системой, поскольку это было регулярное, устоявшееся плавание по маршруту, а не путешествие с целью открытий. Судя по тому, что

путешествие длилось три года, можно предположить, что оно было направлено в отдаленный регион; но если учесть полугодовые муссоны и то, что суда посещали побережья Аравии, Эфиопии и Малабарского побережья Индии, а также то, что выражение «на третий год» может допускать толкование, которое значительно сокращает общую продолжительность, расстояние не будет казаться таким большим. Они ввозили такие товары, как слоновая кость, драгоценные камни, эбеновое дерево и золото, к которым можно добавить обезьян и павлинов; все это убедительно доказывает, что они посещали только что упомянутые страны, особенно Эфиопию и, вероятно, Индию.

До сих пор путешествия финикийцев имели фиксированный и регулярный маршрут, но помимо этого они имели обыкновение организовывать экспедиции с целью открытий, которые часто приводили к расширению их торговли, хотя иногда они не приносили никаких результатов, кроме расширения их географических знаний (). Случай сохранил для нас некоторые подробности о нескольких из этих предприятий, благодаря тому, что они были счастливо упомянуты Геродотом; но сколько еще могло быть предпринято и успешно осуществлено народом, который, без сомнения, как Великобритания и Португалия, имел своего Кука и своего Васко да Гаму!

В одном из таких путешествий к Геллеспонту, которое они предприняли в очень ранний период, чтобы исследовать Европу, они открыли остров Тасос, расположенный напротив фракийского побережья, и были щедро вознаграждены за свои труды его богатыми золотыми приисками, которые они разрабатывали с удивительным трудом и мастерством, как мы узнаем от Геродота, который видел их, пока они не были изгнаны с острова греками.

Тот же автор рассказал нам о еще более удивительном путешествии, которое этот народ предпринял и успешно осуществил; это было не что иное, как кругосветное плавание вокруг Африки. Мы приведем здесь перед читателем замечательное повествование, приведенное самим историком.

«То, что Африка явно окружена морем, за исключением того места, где она граничит с Азией, первым доказал, насколько нам известно, Неку II, царь египтян. Этот царь, закончив раскопки канала, ведущего из Нила в Персидский залив, отправил на корабле некоторых уроженцев Финикии с приказом проплыть обратно через Геркулесовы столбы в Северное (Средиземное) море и таким образом вернуться в Египет. Финикийцы, следовательно, выйдя из Эритрейского моря, продолжили свое путешествие по Южному морю: когда наступила осень, они высадились на берег и, засеяв землю, в какой бы части Ливии они ни оказались, ждали там до времени жатвы; собрав урожай, они продолжили свое путешествие; таким образом, по прошествии двух лет и проплыв через Геркулесовы столбы на третьем году, они возвращались в Египет и заявляли, что, хотя мне это и не верится, но, возможно, другим это верится, а именно, что во время своего кругосветного плавания вокруг Ливии они имели солнце по правую руку (то есть на севере)».

Но если не брать во внимание эти далекие открывательские путешествия, то масштабы, в которых этот предприимчивый народ осуществлял свои регулярные морские перевозки, поистине удивительны. Хотя путешествия по открытому морю стали следствием нашего знакомства с Новым Светом за Атлантическим океаном, их выносливый и авантюрный дух привел их к тому, что они нашли ему замену, простираясь от побережья до побережья в самые отдаленные регионы. Долгая череда веков, в течение которых они были исключительными хозяевами морей, дала им достаточно времени для постепенного прогресса, который, возможно, был тем более регулярным и уверенным, чем больше времени он занимал. Финикийцы довели морское искусство до высшей степени совершенства, необходимой в то время или возможной в то время, и дали гораздо более широкий размах своим предприятиям и открытиям, чем венецианцы или генуэзцы в

средние века. Их многочисленные флотилии были разбросаны по Индийскому и Атлантическому океанам (), а тирский флаг развевался одновременно на побережье Британии и на берегах Цейлона.⁴

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СУХОПУТНАЯ ТОРГОВЛЯ ФЕНИКИЙЦЕВ

Товары, экспортируемые финикийцами, частично состояли из продуктов их собственного производства и мастерства, но в гораздо большей степени из товаров, которые они получали или импортировали из стран Азии, с которыми поддерживали связи. Сырье, которое их искусство и труд превращали в товары, должно было поступать из-за границы, поскольку их собственная небольшая территория могла обеспечить лишь очень небольшую часть того, что было необходимо для удовлетворения потребностей их многочисленных и крупных клиентов, разбросанных по всему миру. Вся двадцать седьмая глава книги Иезекииля посвящена этой теме, и в частности сухопутной торговле Тира, которой теперь угрожает гибель из-за военных походов Навуходоносора. Эскиз еврейского поэта дает нам интересную картину великой международной торговли внутренней Азии, которая расширяет наши узкие представления о древней торговле, показывая нам, что она связывала почти все страны известного мира.

Прежде чем приступить к исследованию этой ветви внешней торговли финикийцев, давайте взглянем на продукты их собственного мастерства и труда, которые даже в самой далекой древности были так широко известны. Среди изобретений финикийцев их красители, несомненно, занимают первое место. Красиво окрашенная одежда Сидона была известна еще в гомеровскую эпоху, а тирский пурпур был одним из самых распространенных и главных предметов роскоши в древности. Совершенно неправильно считать этот пурпур одним конкретным цветом. Это выражение, по-видимому, означало у древних весь класс красителей, изготовленных из животного вещества, а именно из сока моллюсков. Таким образом, он составлял отдельный вид красителей, отличающийся от второго, растительного красителя, который состоял из различных растений. Первый вид включал в себя не один, а большое количество и разнообразие цветов: не только пурпурный, но и светло- и темно-пурпурный, а также почти все оттенки между ними.

Фиолетовые красители ни в коем случае не были исключительной прерогативой финикийцев, но благодаря своему большому трудолюбию и мастерству, а также превосходному качеству раковин, добываемых на их побережье, они смогли довести их до более высокой степени совершенства и сохранить свое превосходство. В частности, алые и фиолетовые пурпурные цвета нигде не окрашивались так хорошо, как в Тире; поэтому одежда этого цвета пользовалась наибольшим спросом среди знати и была преобладающей модой в высших слоях общества. Это сразу же дает нам объяснение безграничному размаху, с которым финикийцы развивали эту отрасль промышленности.

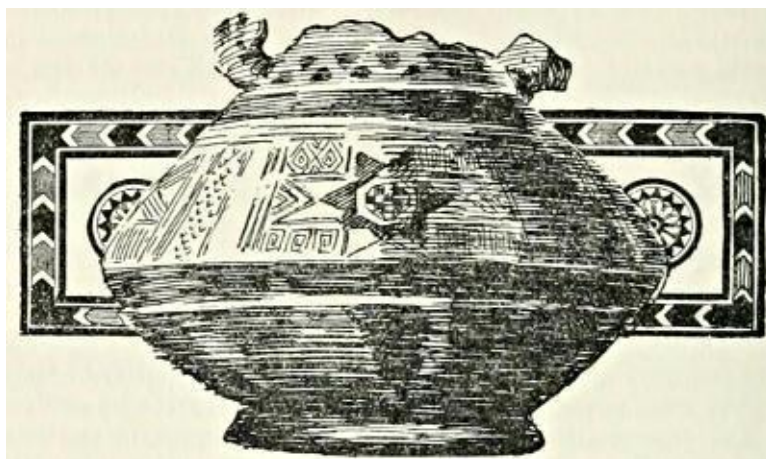
Окрашивание не может существовать без ткачества; из этого следует, что, поскольку финикийцы окрашивали шерсть, ткани, которые они экспортировали, должны были быть продуктом их собственного производства. В ранние времена основные мануфактуры такого рода находились в Сидоне: Гомер неоднократно восхваляет его одежду. Однако в более поздний период они были распространены и в других финикийских городах, особенно в Тире. Очень жаль, что история, которая так восхваляет одежду и шерстяные изделия этого города, не сохранила для нас прямой информации о них.

Еще одним продуктом финикийского мастерства было стекло; они были его изобретателями и долгое время пользовались исключительным правом на его производство. Песок, используемый для этой цели, добывался в южных районах страны,

недалеко от небольшой реки Белус, берущей начало у подножия горы Кармель. По словам Плиния, стекольные мануфактуры просуществовали на протяжении многих веков; их главные центры находились в Сидоне и соседней Сарепте. Судя по небольшому количеству стеклянных изделий (), использование стекла в древности было гораздо менее распространенным, чем у нас, а мягкий климат всех южных стран, а также всего Востока делал ненужным любое другое закрытие окон, кроме занавесок или жалюзи. В качестве сосудов для питья предпочитали использовать кубки из драгоценных металлов или камней.

К этой отрасли финикийской промышленности можно отнести также украшения для одежды, орудия труда, утварь, безделушки и украшения, которые они производили. Характер их торговли, которая в течение долгого времени ограничивалась бартерным обменом с грубыми, некультурными народами, среди которых такие товары всегда быстро и надежно продавались, должен был в очень ранний период обратить их внимание на эту отрасль промышленности.

Внешнюю торговлю, которую финикийцы вели с народами внутренних районов Азии, можно разделить на три отрасли в соответствии с тремя основными направлениями. Первая из них включает южную торговлю, или арабо-восточноиндийскую и египетскую; вторая — восточную, или ассирио-вавилонскую; и третья — северную, или армяно-кавказскую. Из различных подробностей, упомянутых еврейскими поэтами, а также светскими писателями, очевидно, что первая из этих трех отраслей торговли была самой важной. Мы называем ее арабо-восточноиндийской не потому, что считаем доказанным, что финикийцы сами путешествовали через Аравию в Индию, а потому, что они приобретали в Аравии товары из Восточной Индии, для которых она в то время была крупным рынком. Что же касается самой Аравии, то они поддерживали связи со всеми ее частями, как с восточным побережьем, так и с побережьем Аравийского моря.

ФИНИКИЙСКАЯ ВАЗА

(В Луврском музее)

Специи, золото и драгоценные камни явно перечислены среди природных богатств Счастливой Аравии. Золотые прииски, правда, там больше не встречаются, но свидетельства древности о них настолько общие и явные, что невозможно разумно сомневаться в том, что Йемен когда-то был богат золотом. Драгоценные камни находили в горах провинции Хадремаут; по крайней мере, те, которые древние считали драгоценными, а именно оникс, рубин, агат и т. д. Но помимо этих природных богатств Счастливой Аравии, в качестве арабских упоминаются и другие товары, которые, конечно, не являются продуктами этой

страны, а происходят из Эфиопии или Индии. К первым относится корица, или канелла, а ко вторым — слоновая кость и эбеновое дерево. Кроме того, кардамон, нард и другие специи, используемые в ароматических водах и маслах, Теофраст прямо указывает как происходящие из Индии.

Однако торговля финикийцев не ограничивалась только южной Аравией, но простиралась вдоль восточного побережья Персидского залива: «Люди из Дедана были твоими купцами; многие острова были товаром твоей руки: они приносили тебе в дар рога из слоновой кости и эбенового дерева». Дедан — один из островов Бахрейн в Персидском заливе, но если эти слова пророка доказывают существование связей между Финикией и Персидским заливом, то они также не менее неоспоримо доказывают связь финикийцев с Индией. Крупные страны, на которые распространялась финикийская торговля за пределами Дедана, не могли быть ничем иным, как Индией; если это не достаточно доказано географическим положением, то, без сомнения, доказано упомянутыми товарами. Слоновая кость и эбеновое дерево могли быть доставлены в Дедан только из Индии, поскольку в Аравии не было слонов.

Аравия была тогда великим центром финикийской сухопутной торговли. С этим была переплетена связь с богатыми странами юга, Эфиопией и Индией. Несмотря на обширные песчаные пустыни, которые защищали Аравию от нападений иностранных завоевателей, стремление купцов к наживе не ослабевало, а преодолеvalo все трудности. Караваны, состоящие из представителей различных племен, проникали через пустыни во всех направлениях, даже до южных и восточных побережий; здесь они торговали, прямо или косвенно, с финикийцами, чьи морские порты в конце концов стали крупными центрами сбыта их ценных товаров, откуда они отправлялись и распространялись по Западу, принося огромную прибыль этим купцам.

Эта торговля, должно быть, была тем более прибыльной, что, согласно очень четкому утверждению Иезекииля, она осуществлялась исключительно на основе бартера. Везде говорится о ней как об обмене товаров на товары, и даже драгоценные металлы рассматриваются только как таковые. Какую огромную прибыль финикийский купец, должно быть, получал от своих испанских серебряных рудников, обменивая их продукцию на золото в Йемене, где этот металл был так обилен! Какую прибыль он, должно быть, получал на других товарах, которые арабы были в некотором роде вынуждены покупать у него и в которых у него не было конкурентов!

Общение с Аравией, должно быть, значительно облегчалось сходством языков двух народов. Это были лишь диалекты одного и того же языка, и хотя между ними могли быть различия, вряд ли возникали какие-либо трудности в понимании друг друга. Какое преимущество для финикийского купца — иметь возможность в общении с этими отдаленными регионами использовать свой родной язык, вместо того чтобы полагаться на вероломных переводчиков! Одного этого преимущества было бы достаточно, чтобы обеспечить ему монополию на торговлю с Аравией, даже если бы положение страны не делало практически невозможным для любой иностранной нации конкурировать с ним.

Торговля финикийцев с Египтом должна рассматриваться как вторая ветвь их южной сухопутной торговли. Их отношения с этой страной были одними из самых ранних, поскольку Геродот прямо утверждает, что экспорт ассирийских и египетских товаров был первым видом деятельности, которым они занимались. И если вспомнить, что Египет всегда был главным центром сухопутной торговли в Африке, то было бы действительно удивительно, если бы между двумя такими великими соседними торговыми народами не существовало никаких отношений. Еще более достоверную информацию об их существовании дает Иезекииль, который в своем описании тирской торговли не забывает

об Египте, а даже перечисляет товары, которые Тир получал с берегов Нила. «Тонкое полотно с вышивкой из Египта было тем, что ты распростер, чтобы быть твоим парусом; синее и пурпурное из островов Элиша было тем, что покрывало тебя». Ткачество было одним из основных занятий египтян, а хлопок был уроженцем их почвы. Вышивка из хлопка и с хлопком была распространена в Египте и считалась шедевром искусства; кукуруза, другой важный продукт Египта, поставлялась из этой страны только в исключительных случаях, так как Палестина и Сирия поставляли ее отличного качества. Однако доказано, что в чрезвычайных случаях она привозилась оттуда караваном сыновей Иакова в Египет.

Одним из основных товаров, экспортируемых финикийцами в Египет, было вино, которое в то время не производилось в этой стране. Два раза в год из Финикии и Греции отправлялись большие партии этого товара. Вторая крупная ветвь финикийской сухопутной торговли простиралась на восток. Она включала в себя торговлю с Сирией и Палестиной, с Вавилоном и Ассирией, а также со странами Восточной Азии.

Палестина была житницей финикийцев. Их собственная гористая территория была мало приспособлена для сельского хозяйства, в то время как Палестина производила зерно в таком изобилии, что могла в полной мере снабжать их этим первоочередным предметом первой необходимости. Зерно Иудеи было самым известным. Оно превосходило даже египетское. Поэтому не только близость страны побудила финикийцев отдать предпочтение этому рынку. Палестина также снабжала их вином и маслом. Тот факт, что Палестина была житницей финикийцев, также самым ясным образом объясняет хорошие отношения и прочный мир, которые царили между этими двумя народами. Поразительной чертой еврейской истории является то, что со всеми другими народами, окружавшими их, они жили в состоянии почти непрерывной войны, а при Давиде и Соломоне даже стали завоевателями и подчинили себе значительные страны, но с самыми близкими соседями, финикийцами, они никогда не вступали в военные действия.

Сирия также поставляла различные продукты в зависимости от природы разных частей страны — пригодных для сельского хозяйства, выращивания винограда или просто для кочевой жизни и разведения скота. Шерсть из пустыни была одним из товаров, поставляемых кочевыми племенами, которые кочевали со своими стадами как по сирийским, так и по аравийским пустыням.

Если на мгновение задуматься о тирском производстве тканых изделий и красителей, читатель сразу поймет огромную важность этой отрасли торговли. Она превратила саму пустыню, по крайней мере для них, в богатую страну, которая давала им лучшее и самое ценное сырье для их важнейших производств. Это обстоятельство также было средством укрепления и сохранения хороших отношений между ними и этими кочевыми племенами, что имело немаловажное значение для финикийцев, поскольку именно через них богатые продукты южных регионов попадали в их руки.

Однако главным направлением торговли финикийцев на Востоке был Вавилон. Никто, кто знаком с положением и нравами этих двух народов, не может сомневаться в том, что с этим процветающим городом велась очень активная торговля еще до того, как он силой захватил власть над Азией и подчинил себе саму Финикию; и все же, как бы удивительно это ни казалось, мы имеем меньше сведений об этой очень важной отрасли торговли, чем почти о любой другой. Тем не менее, у нас есть достоверное свидетельство Геродота о том, что она была одной из самых древних. Вероятно, она часто прерывалась из-за великих революций во внутренней Азии, в которых сам Вавилон часто вынужденно участвовал; однако она, должно быть, вскоре возродилась, когда торговля самого Вавилона снова начала процветать. Однако, поскольку молчание истории по этому интересному вопросу заметно, укрепляется предположение, что торговый путь между Вавилоном и Тиром пролегал через

длинную непрерывную пустыню; естественным следствием этого было бы то, что, даже если бы это не было специально скрыто, эта торговля стала бы малоизвестной. Но даже в этой пустыне найдены следы, которые, по-видимому, указывают на ее ход и масштабы: руины Пальмиры и Баальбека, вероятно, являются звеньями торговой цепи, соединявшей Тир и Вавилон.

Третьим и наименее значительным направлением финикийской сухопутной торговли были страны севера. Ни один из известных мне греческих писателей не оставил ни малейшей информации об этом. Иезекииль упоминает Тувал, Мешех и Тогарма. Нет сомнений, что Тувал и Мешех обозначали регионы, расположенные между Черным и Каспийским морями; место обитания тибаренов и мосхов, а также, вероятно, каппадокийцев. Что касается Тогары, то предположение о том, что это Армения, выглядит весьма вероятным. Вероятность правдивости этих предположений значительно увеличивается тем фактом, что перечисленные товары в точности соответствуют тому, что производят эти регионы. Каппадокия, наряду с кавказскими районами, с самых ранних времен была главным центром работорговли и всегда оставалась таковой в древнем мире. Однако рудники этих регионов, вероятно, были еще большей привлекательностью, которой, как показывает вся их история, они не могли противостоять.

Наконец, Армения также узнаваема по своим товарам. Она описывается как страна, богатая лошадьми, и в этом отношении, а также в том, что пророк проводит различие между лошадьми низшей и более ценной породы, ни одна страна Азии не подходит так хорошо, как Армения.

Очевидно, что эта северная торговля также велась не с помощью денег, а путем бартера. Однако здесь не было необходимости прибегать к караванам, поскольку путь пролегал через заселенные и цивилизованные страны.^b

СЕРЕБРО И ЗОЛОТО В ДРЕВНОСТИ КАК ДЕНЬГИ

Изучая основные товары финикийской торговли, и особенно те, которые представляют интерес в силу их исторического влияния на культуру, мы сначала рассмотрим драгоценные металлы. Ведь серебро и золото занимают первое место по своему огромному влиянию на торговлю и по своему неопределимому воздействию на древнюю культуру.

Желание добыть эти драгоценные металлы из их источников привело финикийцев в самые отдаленные земли, дало толчок их смелым коммерческим предприятиям, привело их корабли в неизвестные моря, подсказало им идею открытий и заставило их основать колонии в самых отдаленных странах. Согласно древним историкам, серебро и золото далеких стран были источником их богатства и процветания в мире. Будучи первыми, кто начал торговать серебром, они заложили основу организованной торговли для своей страны, которая не была обеспечена природой достаточным количеством торговых товаров для торговли с другими странами. Что могла предложить Финикия гораздо более богатым и раньше освоенным странам Египта, Ассирии, Вавилонии, или что она могла дать в качестве эквивалентного обмена за богатые товары Индии, если бы у нее не было драгоценных металлов, которых в этих странах не было вовсе или было мало?

В древние времена серебро ценилось выше золота и в течение тысячи лет использовалось в качестве предмета торговли, прежде чем мы находим следы использования золота в тех же целях.

Использование серебра в качестве денег в древние времена было ограничено семитским миром и, безусловно, Финикией и соседними странами. Хотя в древнейших записях восточного мира, таких как Гомер и зендские писания, упоминаются другие предметы бартера, нет никаких следов использования серебра для этой цели, в то время как в более ранний период, чем тот, на который могут претендовать эти писания, мы видим, что финикийцы использовали деньги в качестве основы своих торговых отношений с другими странами.

Закон Моисея, особенно в его древнейшей и наиболее достоверной части, позволяет сделать вывод, что серебряные деньги были распространены даже во время образования израильского государства. Древние законы, касающиеся наказаний, часто указывают сумму искупительной суммы серебра. Люди оценивались по их стоимости в деньгах в зависимости от их возраста или ранга (Левит, 27); дома, земли, зерно и продовольствие оценивались в соответствии с их стоимостью в серебряных монетах. Вор, человек, причинивший вред своему соседу, глупый пастух и человек, похитивший любовника своей девушки, должны были искупить свои грехи пропорциональной платой. То же самое касалось и «священных вещей Господа»: жертвоприношение барана сопровождалось уплатой шекелей серебра; первенцы израильтян выкупались у левитов по пять шекелей за каждого по головам; когда народ подвергался переписи, с каждого мужчины взималась плата в размере половины шекеля; а за совет провидца платили серебряными монетами.

Использование драгоценных металлов в качестве предметов обмена не распространяется дальше на восток, чем семитское господство. В писаниях Зенда мы не находим никаких следов валюты; в качестве оплаты (*pecunia*) упоминается вол, а в Законе Зороастра мы находим, что вол взимается в качестве наказания. Согласно библейским свидетельствам, драгоценные металлы не имели никакого значения для мидийцев и парфян, за исключением украшений. Индия, даже включая золотые страны северной Индии, либо не знала об использовании драгоценных металлов в качестве платежного средства, либо применяла их в очень небольшом объеме в отношениях с иностранцами; и в то время как налоги взимались деньгами во всех персидских провинциях, индийцы платили свои налоги золотыми слитками.

В древнем Египте серебряные деньги были обычным средством платежа в его отношениях с семитами. Изображения на древнеегипетских памятниках, на которых взвешиваются золотые и серебряные серьги, не доказывают этого, но эти изображения фиксируют уплату налогов иностранцами; и классические источники и Священное Писание дают совпадающие свидетельства об их использовании денег. Ссылка делается на законы древних египетских царей о денежном обращении и подделке монет.

Когда мы обнаруживаем, что серебро используется в качестве денег каким-либо народом, это свидетельствует либо о том, что у него развита торговля, либо о том, что он достиг довольно высокого уровня культуры, а чаще всего это означает и то, и другое. Необработанные куски серебра, как и древнейшие деньги, могли иметь ценность только там, где были купцы, готовые принимать их в обмен на товары, или где люди знали, как их обрабатывать. Первое имело место у евреев и в соседних странах Финикии, где оно находилось почти исключительно в руках тех, кто поселился в этой стране, или финикийцев, которые приезжали туда. Но в Греции, где в гомеровский период искусство обработки драгоценных металлов было неизвестно, а торговля находилась в очень отсталом состоянии, необходимо было сделать прогресс в обоих направлениях, прежде чем деньги стали ходить в обращении. Это произошло только в IX веке, когда в Греции начали появляться важные торговые центры; а поскольку в то время торговля почти полностью

находилась в руках финикийцев, это привело к внедрению их способа торговли в стране. Использование серебряных денег в Италии началось еще позднее.

Таким образом, становится очевидным, где в древности использовалось серебро в качестве денег. Финикийцы торговали не только с упомянутыми странами, поскольку мы точно знаем, что они посещали Балеарские острова, Испанию, Британию, а также западную и северную Африку. Поэтому чем ближе страна находилась к Финикии, тем раньше она перешла на использование серебра в качестве денег, а чем дальше она находилась от этого центра древней торговли, тем позже серебро появилось в этой стране в качестве средства обмена, поскольку это, очевидно, зависело от наличия у страны торговых отношений с финикийцами.

Что касается происхождения серебра в древности, то следует отметить, что серебро встречалось гораздо реже, чем золото, и что большая часть упоминаемого древними серебра была настолько смешана с золотом, что только одна восьмая часть составляла серебро. В библейских книгах, хотя и упоминаются несколько мест, где находили золото, говорится только о серебре, привозимом из Таршиша или Турдитании, а также о серебре, привозимом в Ханаан в результате торговли с Офиром.

В Африке, откуда Западная Азия получала большие количества золота, древние не находили серебра. Во всей Западной Азии, где проживали семитские народы, серебра не было, а в Малой Азии добывалось лишь небольшое количество из рудников; и это единственные серебряные рудники, упоминаемые в Азии в древности, помимо незначительных рудников в Ханаане и северной Индии. Кроме того, в Европе, за исключением серебряной страны Турдитании, серебро находили лишь в очень немногих местах и в очень небольших количествах.

На Кипре было несколько серебряных и золотых рудников, но очень сомнительно, что оно также встречалось на Крите; и, хотя и незначительные, золотые и серебряные рудники были также на Сифносе. Греция и соседние страны были очень бедны серебром до Персидской войны, поскольку места, где его можно было найти, такие как рудники в Аттике и, вероятно, серебряные рудники в Эпире и Македонии, либо были неизвестны, либо разрабатывались финикийцами; то же самое было и с рудниками на Тасосе и во Фракии, которые были более известны своим золотом, чем серебром. За пределами этих мест, если не считать финикийский торговый район в северной Европе, упоминалось только о серебре Сардинии и Галлии, где этот металл был открыт относительно недавно, а также о Британии.

В этих условиях библейские записи, рассказывающие о сокровищах серебра Западной Азии, поступавших из финикийской колонии Таршиш, имеют большую ценность для истории древней торговли. В этих записях также упоминается Евфрат, и более того, показано, что, будучи центром торговли древности, он был складом металлов, добываемых в западных странах, и, поскольку финикийцы почти тысячу лет монополизировали торговлю с Турдитанией, они привозили серебро на рынок Азии.

Огромное количество серебра, которым владела Западная Азия даже в далекие времена, свидетельствует о большом объеме, обращавшемся в Финикии, поскольку оно почти исключительно получалось в результате торговли с этой страной.

Хотя серебро было труднее добыть, чем золото, и в основном сначала приобреталось за золото в небольших количествах, оно использовалось чаще, чем золото. Греки обычно считали, что золото стоило десятую часть серебра, и в библейских книгах VII века до н. э. есть признаки подобного сравнения; но в более далекие времена серебро, по крайней мере в Западной Азии, должно было стоить меньше, чем золото.

Согласно книгам Моисея, из серебряных и золотых даров, которые двенадцать вождей принесли в святилище, серебряные дары стоили в двадцать раз больше золотых, и поэтому можно предположить, что, поскольку древние были точны в своих утверждениях о священных вопросах, старая оценка золота и серебра все еще была в ходу. Кроме того, в более древние времена в Палестину ввозилось большое количество серебра и сравнительно небольшое количество золота, поскольку золото использовалось только для украшений, а не в качестве денег, поэтому вышеуказанная оценка не так уж удивительна.

Мы слышим о временах изобилия серебра при Соломоне, что сосуды в его доме были сделаны из чистого золота, ибо серебро «не считалось ничем в дни Соломона» (1 Царств х. 21), или что он «сделал серебро в Иерусалиме как камни» (1 Царств х. 27). Очевидно, что это гиперболические выражения, но они вряд ли были бы использованы, если бы не произошло определенное изменение в его оценке.

Как бы то ни было, в очень ранний период в Западную Азию поступило необычайное количество серебра; и чем дальше мы углубляемся в историю Финикии и ее окрестностей, тем больше становится очевидным богатство этих стран драгоценными металлами; отсюда и объясняется роль, которую играли там золото и серебро с VII века.

О большом богатстве золотом и серебром в Западной Азии свидетельствуют сведения о сокровищах, которые попали в руки завоевателей — египтян, ассирийцев, вавилонян и евреев во времена Давида и Соломона. Эти сокровища не были добыты из рудников, по крайней мере, нам не известно ни одного рудника в Западной Азии, но были получены частично из завоеванных стран в виде дани и добычи, а частично из торговли, которая в основном была направлена в столицы завоевательных царств. Записи о богатстве ассирийских царей намного превосходят почти сказочные рассказы о количестве серебра, найденного в Персии македонским завоевателем.

РАБОВОДСТВО В ФЕНИКИИ

Но самой важной отраслью финикийской торговли была работорговля. Многие тысячи этих несчастных людей были заняты на многочисленных фабриках и в промышленности финикийских городов, и почти все гребцы на больших военных и торговых судах этой морской нации были рабами. Говорят, что шестьдесят тысяч рабов обслуживали триста финикийских кораблей, которые присоединились к персидскому флоту. Кроме того, огромное количество рабов отправлялось в колонии для работы в горнодобывающей и промышленной отраслях. Таким образом, можно видеть, что спрос на рабов только на финикийских рынках должен был быть огромным. Но финикийцы не довольствовались поставками на внутренний рынок. Они искали рабов по всему миру, и финикийские работорговцы были известны в каждом крупном городе древности. Действительно, работорговцев стало так много, что в Библии говорится о тысяче из них, собравшихся в одно время и в одном месте, чтобы посетить рабочий рынок, как о не чем необычном явлении. В древние времена люди были самым важным предметом торговли.

Рабский труд так же древен, как и сама торговля. Рабы фигурируют в религиозных рассказах ассирийцев, лидийцев и финикийцев; о торговцах упоминается в библейских рассказах о древних отцах Израиля, а также в стихах и мифах гомеровского периода. Финикийские мореплаватели, которые продавали свои товары на дальних берегах, пользовались возможностью похищать мальчиков и девочек, чтобы продать их в других местах по высокой цене. Вспомним рассказ о Эвмее в «Одиссее»; Ио, а также хор девушек в «Елене» Еврипида были представлены как привезенные финикийскими купцами в Египет.

Торговцы, путешествующие по суше, также занимались торговлей людьми. Мы знаем, как Иосиф был продан за двадцать сиклей путешествующим мидианитским купцам.

С установлением регулярных торговых отношений между городами и народами похищение людей перестало практиковаться уважаемыми финикийскими купцами, но алчные люди по-прежнему тайно отправляли корабли с целью захвата человеческого товара. Эти грабители преследовали побережья и гавани Финикии, Малой Азии и Сирии и либо требовали высокий выкуп от родственников своих пленников, либо продавали их на публичных рабских рынках.

В самый процветающий период работорговли финикийские работорговцы были повсюду, даже на полях сражений, где они следовали за войной в качестве разносчиков и поставщиков. Добыча, попавшая в руки солдат, сразу же покупалась этими торговцами, а маленьких детей и женщин, которых было трудно перевозить (), продавали им по очень низкой цене или обменивали на вино или другие товары, ценные для солдат.

В этом двойном качестве поставщиков и работорговцев финикийцы появляются в ветхозаветном описании армий, напавших на евреев. После набега, возглавленного филистимлянами против евреев около 845 г. до н. э. (Иоиль iii. 3), пророк сказал: «Они бросили жребий о моем народе и отдали мальчика за блудницу, а девочку продали за вино, чтобы пить», и тот же пророк, упоминая о работорговле сирийцев и сидонян, пишет: «Вы продали детей Иуды и детей Иерусалима грекам, чтобы удалить их далеко от их границ. Вот, Я подниму их из того места, куда вы их продали, и воздам вам по заслугам: Я продам ваших сыновей и ваших дочерей в руки детей Иуды, и они продадут их сабеям, народу далекому».

Большинство финикийских рабов происходило из соседних стран Палестины и Сирии, и это не только из-за близости этих стран к Финикии, но и из-за политического положения их жителей. В большей части Сирии и Палестины старое население было порабощено народами, вторгшимися в эти страны. Как хананеи были вынуждены подчиниться евреям и иудеям на юге, так и сирийцы были вынуждены покориться хананеям на севере, где те не только владели побережьем, но и стали господствующим народом в глубине страны. Большое число еврейских жителей в районе финикийских приморских городов постигла та же участь, и, по многим свидетельствам, они были обращены в рабство. Отсюда и унаследованная вражда между финикийцами и сирийцами, и особенно между евреями и всеми соседними расами. Смешение стольких разных соседних маленьких государств приводило к непрерывным войнам, которые часто велись исключительно с целью получения рабов и обогащения за счет их продажи. Кроме того, рабство не было презренным состоянием среди народов, привыкших к нему с древнейших времен, чьи боги, такие как Сандон, Марна, Семирамида и Астарт, чьи предки, такие как Иаков и Иосиф, и чьи герои, такие как Самсон, были рабами или слугами. Таким образом, в Палестине было довольно распространенным обычаем, когда родители продавали своих детей в рабство, или когда люди добровольно вступали в рабство. Поэтому греки и римляне долгое время считали сирийцев и евреев рожденными для рабства, как европейцы когда-то считали негров.

Сирийцы, по-видимому, были очень популярны в качестве рабов, но, будучи довольно хрупкой расой, не привыкшей к тяжелому труду, они отличались преданностью своим хозяевам и ловкостью в ручной работе, отсюда и их ценность в качестве домашних и личных рабов (). Они также были отличными пекарями, поварами и садовниками, поскольку садоводство в Сирии не имело себе равных, и в этом отношении они пользовались большим спросом в Западной Азии, Европе и Африке. Женщины-рабыни из Сирии были не менее популярны — красивые, музыкальные и любящие петь, сирийки работали горничными и

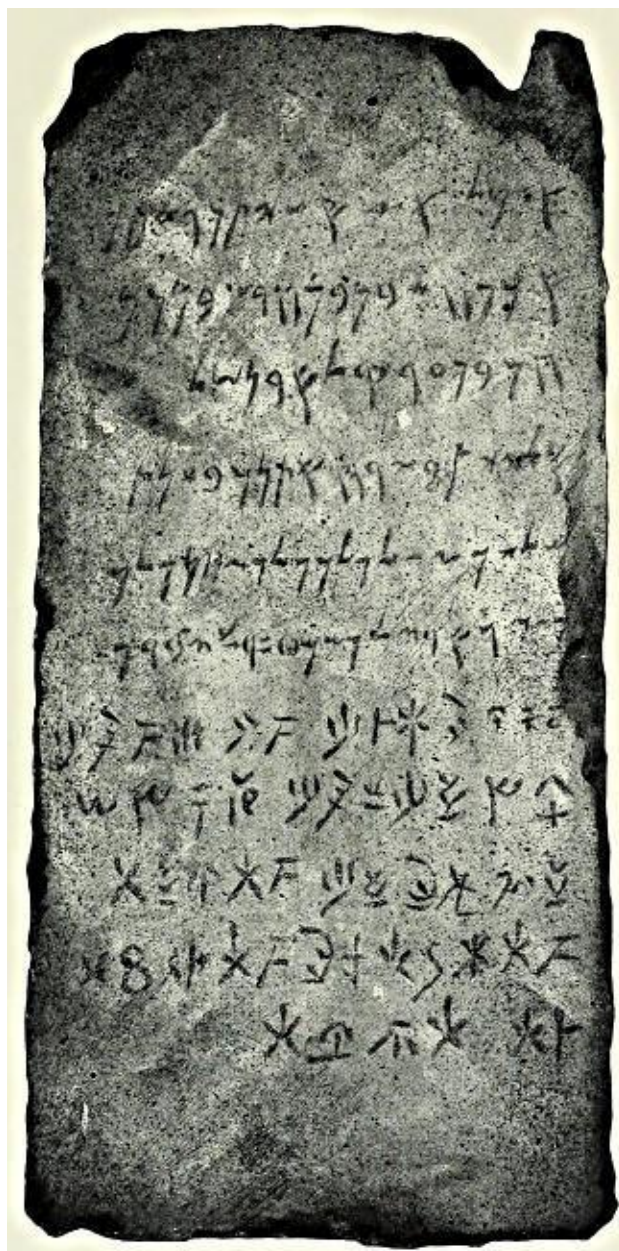
парикмахершами, а также танцовщицами, флейтистками и цитристками в Греции и Италии, где они были выгодным вложением для своих хозяев.

Еврейские рабы были важнейшей отраслью этой торговли, хотя об этом нет прямого упоминания. Во времена судей, когда северные еврейские племена были подчинены финикийцам и порой находились во власти филистимлян, которые занимались работорговлей, торговля приняла огромные масштабы и продолжалась до правления Соломона и Давида, когда политические и торговые отношения между финикийцами и израильтянами были поставлены на надлежащую основу и был заключен договор, запрещающий финикийцам вывозить еврейских рабов из страны. Но после упадка царства Давида и Соломона и последующего изменения политических и торговых отношений между обеими странами, мы находим жалобы на то, что финикийцы нарушили старый договор и перевозили еврейских рабов как на восток, так и на запад. Ассирийские войны впоследствии привели к тому, что евреи были увезены в рабство как в соседние, так и в далекие страны.

В маккавейских войнах мы видим, как финикийские работорговцы толпятся на полях сражений, где они покупают евреев по низкой цене. Этот период и период после войн Помпея в Сирии и Иудее были расцветом работорговли в Финикии. Делос был главным центром этой торговли, так как в то время он был главным местом отдыха финикийских купцов. Тысячи рабов ввозились и продавались там в один день, и с этого времени началось великое рассеяние евреев на Западе, которое состояло не столько из купцов, сколько из освобожденных рабов. Но финикийская торговля еврейскими рабами продолжалась до самых последних времен, когда мы видим финикийских купцов на оживленном работорговом рынке в Терebinте Хеврона, покупающих четырех евреев за меру ячменя после войны Адриана в Иудее.

Красивые женщины и мальчики из Греции с древних времен ввозились на Восток в качестве рабов. В гомеровские времена они стоили дороже, чем любой другой товар, и финикийские пираты привозили их в качестве военнопленных в Египет и Палестину.

Цены, по которым покупали рабов, были необычайно низкими, тогда как цены, по которым их перепродавали, были очень высокими. Наибольшую прибыль получали работорговцы, которые часто были пиратами и нередко получали большие суммы в виде выкупа за богатых или княжеских пленников. В Понте, который был главным складом для большинства этих рабов, Лукулл рассказывает нам, что раба можно было купить за 4 драхмы, что в английских деньгах составляло бы около 17 шиллингов 8 пенсов (4,25 доллара). Когда работорговцы имели возможность покупать военнопленных на полях сражений или когда солдаты выставляли на продажу свою добычу в виде женщин и детей, цены были столь же низкими. Пунические солдаты продавались римлянами за 3 талера 18 грошей. В книге Амоса мы читаем о том, что нуждающиеся продавались за пару обуви. В Исаии 52:3 упоминается, что евреи были «проданы за ничто». Цена, которую финикийцы платили за рабов, была высокой по сравнению с ценами в других странах; и даже те цены, которые упоминаются в Законе Моисея, несколько ниже финикийских рыночных цен того времени. Девочки в возрасте от 1 месяца до 5 лет оценивались в 3 сикля, мальчики того же возраста — в 5 сиклей. Цена повышалась с 5 до 20 лет; мальчики и юноши оценивались в 20–30 сиклей, девочки стоили в два раза меньше. Самая высокая цена была для возраста от 20 до 60 лет: для мужчин 50 сиклей, для женщин 30. На четвертом этапе, для возраста 60 лет и старше, цена снижалась для мужчин на три четверти, т. е. до 15 сиклей, а для женщин — на две трети, или до 10 сиклей.

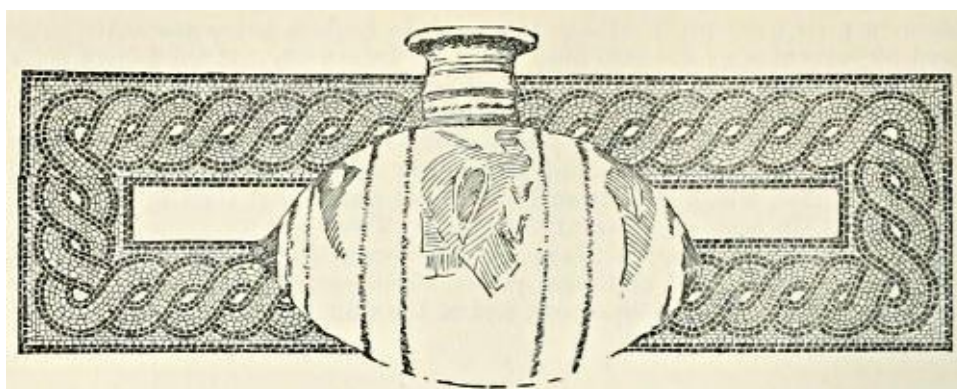

ФЕНИКИЙСКАЯ И КИПРИОТСКАЯ НАДПИСЬ

По сравнению с современными ценами на рабов, цены в древности были гораздо ниже; но цены, которые в наше время запрашивают работорговцы Центральной Африки, которые на 10-20% ниже, чем на побережье, примерно такие же, как и в древности. Два или три поколения назад на озере Чад десятилетний раб-мальчик стоил около 15 шиллингов, а девочка того же возраста — около 21 шиллинга, что вполне соответствует ценам, установленным работорговцами в древности, и оценке рабов, зафиксированной в Законе Моисея.^с

БАРЕЛЬЕФ ИЗ КАРФАГЕНА

ГЛАВА VIII. ФЕНИКИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Египет и Вавилония, без сомнения, были величайшими народами древности, но Финикия в некоторых отношениях была еще более удивительной. Здесь был народ, занимавший крошечную полосу побережья Средиземного моря, с населением, сосредоточенным в

нескольких разбросанных городах, но, движимый общим импульсом, простиравшийся на восток и запад, на север и юг, до самых пределов известного мира, и плывший своими торговыми кораблями и караванами паутину единства между всеми цивилизованными народами восточного полушария.

Сама Финикия имела длину не более ста пятидесяти миль, а ширина варьировалась от буквально нескольких ярдов до максимум тридцати пяти миль. Но территории, которые платили дань через купцов и исследователей, чьим домом был этот крошечный центр, были так же далеко друг от друга, как Индия, с одной стороны, и Атлантические острова у западного побережья Африки, с другой.

Финикийские исследователи плыли далеко за Геркулесовы столбы, которые для всех других народов древности представляли собой западную границу известного мира. На севере финикийская торговля останавливалась только на границах цивилизации, а на юге, по крайней мере в одном случае, предприимчивые исследователи прошли далеко за ее пределы, фактически обогнув Африку — подвиг, который не был повторен их преемниками в течение двух тысяч лет.

Это плавание вокруг Африки подвергалось сомнению, и, действительно, следует признать, что оно основано на довольно скудных доказательствах, поскольку у нас нет ничего, кроме авторитета Геродота. Но так случилось, что в своем рассказе Геродот неосознанно подтверждает правдивость этой истории, когда сообщает, что исследователи утверждали, что они плыли в регион, где солнце было справа от них, то есть на север. Сам Геродот, конечно, совершенно не понимает значения этого предполагаемого явления; он даже утверждает, что сомневается в точности этого утверждения. Однако, с точки зрения современных исследователей, ясно, что это утверждение само по себе практически доказывает, что исследователи, по крайней мере, пересекли экватор, и, учитывая этот факт, не кажется необоснованным поверить их утверждению о том, что они совершили полный круг вокруг континента.

Финикийцы не были завоевателями, за исключением коммерческого смысла; но, как торговцы древнего мира, они были средством распространения цивилизации в степени, не имеющей себе равных среди других народов. В частности, они колонизировали Средиземноморье, и греки, без сомнения, справедливо приписывали им заслугу в том, что они привнесли в эту нацию по крайней мере элементы египетской и вавилонской культуры. Их самым известным достижением в этом направлении было, конечно, введение алфавита, который, как гласят предания того времени и как готовы поверить современные ученые, финикийские торговцы привезли с собой из Востока.

ФОНИКИАНЦЫ И АЛФАВИТ

Что касается точного происхождения этого алфавита, современные ученые все еще находятся в некотором сомнении. Сами греки приписывали его происхождение египтянам, полагая, что финикийцы заимствовали модифицированный алфавит из иероглифического письма. Однако среди древних были и другие, которые приписывали происхождение финикийского алфавита не Египту, а Вавилонии, и, что любопытно, это расхождение между древними авторитетами точно соответствует противоречивым мнениям современных ученых. Все признают, что финикийцы не изобрели свой алфавит самостоятельно. Но до сих пор не установлено, было ли основой для его создания иероглифическое или иератическое письмо египтян или сложный клинописный слоговый алфавит Месопотамии.

Теория египетского происхождения в середине XIX века нашла способного и энергичного защитника в лице виконта де Руже, который разработал теорию, которая конкретно

объясняла или пыталась объяснить различные буквы финикийского алфавита как имеющие египетское происхождение. Он основывал свои сравнения не на иероглифах, а на модифицированных формах иератического письма, полагая, что финикийцы получили свой алфавит в очень ранний период — возможно, около 2000 года до нашей эры. Он логично ограничил свой анализ наблюдением за самыми древними образцами иератического письма, которые были доступны, в частности, используя папирус Присса, который, по счастливой случайности, был написан очень четким, выразительным почерком. Это иератическое письмо, как хорошо известно, следует за самими иероглифами, используя одновременно алфавит, слоговое письмо и модифицированную форму идеограмм. Одним из самых любопытных фактов в истории эволюции человечества является то, что египтяне, пройдя через различные стадии умственного развития, необходимые для эволюции алфавита, сохранили древние формы пиктографического письма и слогового представления звуков после того, как провели окончательный анализ, который дал им фактический алфавит, и что до самого конца они использовали смесь различных форм представления во всех своих письменных источниках. Согласно теории Де Руже, достижением финикийцев было то, что они отобрали из египетских символов те, которые были чисто или почти чисто алфавитными по своему характеру, и, признав, что только они являются достаточными, отвергли все остальные. Такой отбор кажется простым, если смотреть на него с точки зрения более поздних знаний, но на самом деле для его осуществления потребовалось воображение самого блестящего гения.

Теория Де Руже была настолько убедительно подкреплена сравнением самых древних известных надписей финикийцев с иератическим алфавитом египтян, что она почти сразу же была принята большим числом ученых и в течение многих лет считалась решением давней загадки происхождения финикийского алфавита. Однако в последнее время теория Де Руже была поставлена под сомнение, и современные археологи возродили старую теорию Плиния, который приписывал происхождение алфавита вавилонской письменности, а не египетской. Профессор Деке попытался вывести финикийский алфавит из более позднего ассирийского. Однако эта попытка была охарактеризована как опровергающая сама себя в самом выражении, поскольку вряд ли можно сомневаться в том, что финикийский алфавит использовался задолго до появления более позднего ассирийского. Однако была предпринята более логичная попытка провести сравнение между финикийским и древним аккадским языками, который был классическим языком Месопотамии и моделью, на которой был основан более поздний ассирийский язык. Эта теория, впервые выдвинутая, по-видимому, профессором Вуттке, нашла способного защитника в лице доктора Дж. П. Петерса, а в последнее время была одобрена авторитетным профессором Хоммелем. С другой стороны, их мнения были горячо оспорены сторонниками теории Де Руже, и этот вопрос пока остается слишком неясным, а данных слишком мало для окончательного решения.

Однако независимо от того, взяли ли финикийцы за образец Египет или Месопотамию, все стороны признают, что именно у этого народа зародился алфавит, который был передан грекам, а через греков — всем современным европейским народам. Этот факт сам по себе должен быть достаточным, чтобы отвести финикийцам первое место среди народов древности в оценке современных критиков.

ОБЫЧАИ И ПРИВЫЧКИ; РЕЛИГИЯ

Любопытно, что народ, которому вся Европа обязана своим алфавитом, оставил нам меньше всего письменных свидетельств из всех великих народов древности. Нет никаких сомнений в том, что финикийцы первыми разработали чисто алфавитное письмо и

передали его грекам, однако до нас не дошло ни одного письменного памятника самой Финикии, который был бы на пятьсот лет древнее самых старых записей Греции, найденных в руинах ее так называемого микенского периода. Действительно, самые древние известные в настоящее время записи о жизни финикийцев происходят не с территории самой Финикии, а из ее колоний. Эта аномалия объясняется тем, что финикийцы по сути не были народом, создававшим памятники. Они, по-видимому, мало заботились о сохранении записей о своей национальной жизни, и причина этого, без сомнения, заключалась в том, что такие записи среди древних народов были почти исключительно продиктованы желанием великого завоевателя-монарха сохранить память о своей славе. Поскольку у Финикии не было великих завоевательных монархов, а все ее завоевания были мирными и не отличались драматической живописностью, никто не был лично заинтересован в том, чтобы высекать надписи, рассказывающие о ее истории потомкам.

Даже такое великое достижение, как изобретение алфавита, финикийцы, вероятно, рассматривали как более или менее естественное развитие, вытекающее из их контактов с Египтом и Вавилонией. И действительно, не от самих финикийцев, а от греков мы узнаем о том, что наш алфавит имеет финикийское происхождение.

Насколько можно представить себе реальные нравы и обычаи финикийцев в период их наибольшего могущества, их следует рассматривать в основном как практичный производственный и торговый народ, проживавший в нескольких относительно крупных городах и отправлявший из этих городов колонии всякий раз, когда рост населения делал такое расширение необходимым. Сидон и Тир поочередно были городами, имевшими наибольшее влияние, но, по-видимому, ни один из них в какой-либо период не был действительно большим городом с точки зрения фактической численности населения. В частности, наиболее важная часть Тира была построена на небольшом острове Эккидос (), который предоставлял ему прекрасные возможности для обороны, о чем на собственном опыте убедились такие завоеватели, как Навуходоносор и Александр.

Однако, как показали исследования современных ученых, этот остров был настолько мал, что невозможно предположить, что его население когда-либо было многочисленным. И сразу становится ясно, насколько необходимо было время от времени отправлять колонии, поскольку население любой процветающей страны постоянно растет. Было даже высказано предположение, что основная часть населения Тира в любой период его процветания должна была обязательно покидать свой островной дом, отправляясь в военные или мирные плаванья, поскольку ограниченная площадь самого острова затрудняет объяснение иным образом распределения такого количества людей, которое было необходимо для оснащения финикийских военных и торговых флотов.

Народ торговцев должен обладать высоким уровнем практического интеллекта, но, похоже, культура финикийцев не продвинулась далеко за пределы этого. Их религия, по-видимому, всегда была очень примитивной восточной религией, сходной с религией вавилонян и ранних евреев. В литературе они, по-видимому, никогда не занимали такого же места, как соседние народы. Более того, если они когда-либо создавали значительную литературу, то все следы ее сейчас утрачены, за исключением некоторых фрагментов сомнительной подлинности, которые дошли до нас через греков; наиболее важными из них являются предполагаемые сочинения Санхониатона, переведенные на греческий язык Филоном Библийским и частично сохраненные Евсевием.

Те знания, которые мы имеем о религии финикийцев, происходят из сочинений иностранных авторов, греков, римлян и евреев, а также из упомянутого выше спорного произведения Санхониатона. За исключением этого сомнительного источника, вся местная

литература по этой теме была утрачена. Искусство также не может, как в случае с Египтом и Вавилонией, в какой-то мере восполнить эту утрату; несколько монет и идолов, найденных на Кипре, — это все, что помогает нам составить представление о том, как финикийцы представляли себе своих богов. [Ренан обнаружил остатки храма Адониса недалеко от Библа].

В финикийской космогонии началом всего было движущееся и безграничное хаос полной тьмы. По прошествии веков этот возбужденный воздух влюбился в свои собственные первоначальные принципы, и из этого объятия родился Мот, который некоторые интерпретируют как грязь, а другие — как гниение водной смеси. Из этого возникла вселенная, сначала живые существа без чувств, затем разумные существа (Зофасемин или созерцатели Солнца), по форме похожие на яйцо. Из этого же возникли солнце, луна и звезды, а тепло и свет породили облака, ветер и дождь. Под звуки бури пробудились мужские и женские существа, разумные, но слабые и робкие умом, поклоняющиеся плодам земли. Затем от Кол-пия (Ветра) и его жены Баау (Ночи) родились смертные, Эон и Протогонос, чьи дети, Генос и Гена, жили в земле Финикии и поклонялись Солнцу, Безлсамину, Господу Небес.

История Санхониатона рассказывает, как у Эона и Протогоноса родились три сына: Свет, Огонь и Пламя. Они породили гигантскую расу, чьи имена были даны горам, и из них произошли Мемрумус и Гипсураниус (если последнее имя не является просто греческой версией первого). Гипсураниус поселился на острове Тир, и благодаря ему и его расе были изобретены различные искусства человечества.

Из божеств нам известно, что прародителями рода были Элиун и его жена Берут, которые жили недалеко от Библа, старейшего города Финикии. Уран (Небо), сын Элиуна, женился на своей сестре Ге (Земля) и имел от нее четырех сыновей и трех дочерей. Кронос, старший сын, сверг своего отца и в конце концов убил его (), и именно он распределил между другими божествами их обязанности и места обитания в Финикии.

Финикийская религия была ярко выраженной национальной религией. Активные и пассивные силы природы символизировались мужскими и женскими божествами, как и в Египте, но финикийские боги были более тесно связаны с небесными телами, чем египетские. Сомнительно, что Осирис и Исида в первую очередь отождествлялись с Солнцем и Луной, но это несомненно было так в случае с Баалом и Ашторетом Финикии. Согласно Санхониафону, правильное имя Баала было Безлсемин, Господь Небес или Солнце. Он был главным финикийским божеством, и поэтому его имя стало эквивалентом Верховного Бога и чаще используется в этом смысле, чем в отношении его первоначального характера бога Солнца. В этом смысле оно также применялось к другим богам, которые на местном уровне считались верховными. Например, Мелькарт — это Баал Тира; поэтому трудно отличить характер и атрибуты Баала, Бела или Белуса от характера и атрибутов Кроноса, Урана и Молоха, которые также отождествлялись с Солнцем. Со временем более поздний характер настолько преобладал над более ранним, что Солнце стало объектом отдельного поклонения; аналогичный процесс мы наблюдаем в религиях Египта и Греции. Баал также отождествлялся с планетой Сатурн, которая председательствовала над остальными, и поэтому был их господином или Баалом.

Финикийский священник

(Из статуэтки в Музее Метрополитен, Нью-Йорк)

Имя Ашторет или Астарта не встречается у ранних греческих писателей, для которых главной богиней финикийцев была Афродита или Венера Урания (Небесная). Считается, что это финикийское имя, но из него мы не можем почерпнуть никаких сведений о первоначальном физическом или космическом характере богини, которая его носила. Ее отождествляли с Луной, в отличие от Солнца, и с Воздухом и Водой, в противоположность Огню. Геродот говорит, что древнейшим центром ее поклонения был Аскалон, и отождествляет ее с вавилонской Милиттой и Алиттой или Алилат арабских племен.

Поклонение Милитте в Вавилоне сопровождалось развратными обрядами, но по-видимому, сначала они не были связаны с характером Урании или Астарты, и в Священном Писании религия финикийцев осуждается скорее за жестокость, чем за разврат. Именно из поклонения богине Милитте в Вавилоне развращение нравов распространилось на поклонение Венере в Сирии, Финикии и на Кипре, заражая его нечистотой, которая изначально не была его частью.

Поклонение Венере, должно быть, было установлено на Кипре задолго до того, как греки начали колонизировать остров, хотя оно обязано своим большим развитием, по крайней мере частично, их пластичному воображению. Здесь также преобладала распущенность, которая характеризовала поклонение Милитте, и порты острова прославились количеством и красотой своих куртизанок. Большие группы *иеродул*, одновременно проституток и служительниц богини, были привязаны к храмам Венеры в Азии, а затем и в Греции. Происхождение этого обычая, каким бы злом он ни был, должно быть, изначально имело религиозный характер, поскольку дочери знатных армянских семей без упреков переходили от служения богине к браку с равными по рангу. Мы находим следы тех же обычаев в отдаленных финикийских поселениях.

Кронос или Сатурн упоминается греческими и латинскими писателями среди главных божеств Финикии и Карфагена, но совершенно не ясно, какой именно финикийский бог

соответствовал Кроносу греков. Наиболее характерным обстоятельством, которое мы узнаем о нем, является то, что в его честь приносились человеческие жертвы. «Финикийская история Санхониатона, — говорит Порфирий, — полна примеров, когда этот народ, страдая от великого бедствия, ... выбирал путем общественного голосования одного из самых дорогих ему людей и приносил его в жертву Сатурну». В сохранившейся до нас фрагментарной истории мы не находим упоминания о таких жертвоприношениях, но во время осады Александром было предложено возродить давно утраченный обычай и принести в жертву Сатурну мальчика. То, что такая практика была распространена в древние времена, не вызывает сомнений; мы прослеживаем ее в финикийских колониях, и прежде всего в Карфагене. При любом чрезвычайном бедствии приносилось необычно большое количество жертв, но человеческие жертвоприношения также были частью установленного ритуала, и каждый год по жребию выбиралась молодая жертва.

Младенцев сжигали заживо, и наиболее приемлемой из всех жертв была жертва единственного ребенка. Изображение Сатурна было сделано из латуни, вытянутые руки были выдолблены, чтобы принять тело ребенка, которое скользило оттуда в огненный сосуд вниз. Матери приносили своих младенцев на руках и успокаивали их ласками до того момента, когда их бросали в огонь, поскольку любое проявление нежелания сделало бы жертву неприемлемой для бога. Человеческие жертвоприношения совершались не только одному богу или богу, соответствующему Сатурну у греков и римлян; но поскольку Сатурн, по преданию, пожрал своих собственных детей, было естественно, что они называли любым богом, которому приносили младенцев, его имя. Везде, где преобладали человеческие жертвоприношения, предполагалось, что почитался Сатурн; но, хотя Чиун (упомянутый пророком Амосом) был, несомненно, планетой Сатурн, не похоже, что ему приносили в жертву младенцев.

Все упомянутые до сих пор боги принадлежали всей Финикии, но Мелькарт, «царь города», был покровителем Тира, и благодаря тирским колониям его почитание распространилось по всему древнему миру. Под именем Меликерт он появляется в греческой мифологии как бог моря и носит синоним «борец», эпитет Геракла. Египтяне почитали Геракла как одного из своих великих богов, но Геродот не нашел никаких следов, свидетельствующих о том, что его почитание было принесено из Египта в Тир.

Среди морского народа можно было бы ожидать поклонения богу, соответствующему греческому Посейдону, но, хотя Санхониатон упоминает нескольких морских божеств, в публичном поклонении Финикии очень мало следов такого бога. Возможно, это можно объяснить тем, что они принесли свою религиозную систему с собой на берега Средиземного моря. Мифология семитских народов, по-видимому, не содержала бога, соответствующего Нептуну. Божествами, которые действительно покровительствовали мореплаванию у финикийцев, были Кабиры, считавшиеся сыновьями Вулкана, которые изображались в одеждах кузнецов, а их изображения размещались на носах финикийских кораблей.

Если идолопоклонство определять как поклонение ложным богам, то финикийцы были идолопоклонниками, но они не поклонялись изображениям в том же смысле, что египтяне, ассирийцы и греки. В их храмах, по-видимому, не было изображений божеств или, в лучшем случае, были только грубые символы. То, что мы знаем об их религии, является лишь внешним; на более интересный вопрос о том, какие духовные представления они связывали с именами и атрибутами своих богов и обрядами, с помощью которых они поклонялись им, мы не можем дать ответа. Главной чертой этого народа была практическая деятельность, и свидетельства этого были зафиксированы иностранцами. Наше незнание не столь

прискорбно, поскольку финикийская религия в исторические времена оказала малое влияние на верования других народов или на искусство и литературу древнего мира. Ее подлинный характер сохранился в Карфагене, и даже после падения этой колонии она долгое время сохраняла свое влияние на тех частях Северной Африки, которые подчинялись карфагенскому господству.^{[b](#)}

КУЛЬТУРА; ИСКУССТВО

То, что придавало финикийской культуре периода, предшествовавшего египетскому господству, ее особый отпечаток, было обилие вавилонских элементов, которые, однако, были настолько тщательно ассимилированы, что цивилизация Финикии представлялась египтянам совершенной и независимой.

Здесь было удивительное количество городов и укрепленных мест. Многие отрасли промышленности и процветающая торговля увеличили богатство жителей и привели к значительной степени роскоши в их образе жизни. В то же время широко развивались сельское хозяйство и животноводство. Мы знаем, что египтяне импортировали большие количества зерна, вина и масла из земли Захи, *то есть* Сирии и Финикии.

Влияние Вавилона и Ассирии невозможно различить в деталях, но, по-видимому, многие заимствования в области религии пришли непосредственно из Вавилона. Имя Астарты уже было дано богине, почитаемой во многих местах Сирии. Финикийские жрецы, возможно, уже носили вавилонские одежды, в которых они изображаются позднее.

Религиозное искусство Месопотамии предоставило финикийцам образцы для изображения херувимов и других крылатых существ. Это наиболее явно прослеживается в изображении бога Илу, который не только имеет двойную пару крыльев, но и часто, как некоторые божества месопотамского пантеона, носит длинную одежду, похожую на кафтан.

Кроме того, легко увидеть, что заимствованию алфавита, должно быть, предшествовали длительные и многочисленные заимствования более материального характера, а также адаптации в искусстве.

Развитию искусства в Сирии способствовало большое количество мелких государств на этой территории. Любовь всех мелких князей к показной роскоши увеличила спрос на драгоценности и дорогие сосуды, особенно на изделия из золота и серебра. Огромные прибыли от этой торговли, несомненно, также привлекали финикийцев.

В предметах роскоши, которые поступали в Египет в виде дани или в результате торговли, искусство и промышленность долины Нила могли многому научиться. От них было получено большее количество дизайнов, подходящих для чисто декоративных целей, а также до сих пор неизвестный метод нанесения некоторых украшений. Таким образом, на рельефах время от времени появляются фигуры богов и людей в анфас, и проявляется большее предпочтение к крылатым фигурам. На самом деле, есть лишь несколько областей, в которых нельзя проследить противоположный эффект от беспрепятственных контактов с жителями Сирии.

С другой стороны, народы Сирии многое переняли от египтян и их цивилизации. В Финикии, конечно, это влияние не так очевидно, как на побережье Палестины, но оно не менее очевидно во все последующие периоды. Финикийская религия переняла египетских богов Гора, Техути, Птаха, Баст, Хапи и других. Миф об Осирисе получил значительное распространение среди финикийцев. В своих попытках определить отношения между различными богами финикийские жрецы, возможно, следовали египетским схемам,

поскольку и финикийская, и египетская теология устанавливают восемь божеств, или четыре пары богов, как мирообразующие силы под властью главного бога.

Но наиболее важное влияние контактов с Египтом прослеживается в искусстве, и особенно в религиозном искусстве, финикийцев. Широко используются различные знаки и иероглифы, *например*, символ полной луны, иероглиф «жизнь», змей Урей, ястреб Гора, глаз Узат. Также широко использовались скарабеи.

Финикийцы заимствовали из Египта как декоративные узоры, так и священные символы. Цветок и бутон лотоса, а также растение нечэф стали популярными мотивами для украшения капителей.

В конце концов, вполне вероятно, что финикийцы в своих отношениях как с Египтом, так и со своими соседями в Сирии заимствовали не только формы, но и методы во всех областях искусства и промышленности.

То, что искусство, ориентированное в основном на ассимиляцию и подражание, не смогло достичь какой-либо значительной последовательности в развитии или чувства единства стиля, не вызывает удивления. Найти язык форм, в котором азиатский стиль сочетался бы с египетским, чтобы создать что-то новое, было за пределами его возможностей; его способ выражения остается своего рода жаргоном, украшенным небольшим количеством греческого, но никогда не поднимавшимся выше уровня ломаного английского среди современных идиом. Когда финикийский художник дает волю изобретениям своего гения, он создает только произведения, которые демонстрируют отсутствие подлинного чувства формы, не в меньшей степени, чем грубая и абсурдная смесь совершенно разных стилей, в которой он так часто виновен.

В их славе изобретателей столько заимствованной славы, что сомнительно, можно ли действительно приписать им создание хотя бы одной отрасли промышленности. Их коммерческие способности следует считать гораздо выше, чем их творческие способности, чем все, что они когда-либо создали самостоятельно. Упорное стремление к обогащению за счет торговых прибылей, полное удовольствия от предпринимательства, проникательной решимости и расчета, ищущее выгоду, не поддаваясь никаким трудностям или опасностям, сочетается с образом мышления, который подчиняет обстоятельства себе: не знает консолидированных национальных интересов; который, несмотря на религиозные страхи, рисующие ужасающие картины судьбы души того, кто умер за границей без ритуальной защиты от демона часа смерти, и несмотря на преданную привязанность к месту рождения, всегда готов покинуть его, как только это окажется выгодным.⁴

ВЛИЯНИЕ ФЕНИКИЯН НА ИСТОРИЮ

Если мы подведем итог всему сказанному, чтобы определить место финикийцев в истории мира, то увидим, что их положение было обусловлено скорее распространением ими культур восточных стран в западные страны, чем их собственными творениями.

Своими изобретениями и техническими навыками, активностью и трудолюбием они обогатили и украсили внешнюю жизнь древних народов. Своими смелыми морскими путешествиями они расширили знания о мире и открыли новые объекты для открытий и новые области для духа предпринимательства. Благодаря своим обширным связям и всемирной торговле они познакомили наиболее отсталые народы с продуктами далеких культурных стран и тем самым побудили их к собственным творениям. И если эти преимущества носили материальный характер, и если удовлетворение желания наживы и

прибыли было целью и задачей этого эгоистичного торгового народа, они несли в себе семена прогрессивной культуры, которая вызывала подражание, которое в противном случае не было бы предпринято.

Исторические книги тирийцев, упомянутые Иосифом Флавием, с точным описанием того периода, не остались без влияния на израильтян и греков; а традиция, согласно которой финикийцы привнесли алфавитное письмо в европейские народы, были основателями многих религиозных форм и культовых практик и учили священным искусствам, показывает, что более глубокие элементы культуры были воспитаны и распространились вместе с материальными благами, и что торговля и общение в их руках были активными инструментами духовной эволюции, поскольку их внимание было обращено не только на материальное, но и на духовные преимущества.

Благодаря своим колониям финикийцы стали создателями упорядоченных государственных форм и правовых институтов, которые устанавливали границы и ограничения для обычных условий войны. Деятельность использовалась для благосостояния и спасения человечества, а искусства мира нашли подходящую почву для своего благотворного развития. Однако это и есть вся сумма их влияния. Было бы слишком высокой оценкой финикийцев считать их предшественниками греков в области религиозной мудрости, искусства и поэзии.

В религиозной доктрине они были более восприимчивы, чем продуктивны. Они приняли большинство природных символических божеств вавилонян, египтян и других культурных народов; смешивая различные представления и символы, они смешали идеи в бесформенное целое и завуалировали их мистической тьмой. Вместо того чтобы продолжать свободное размышление над тем, что понятно, или накладывать свой национальный отпечаток на то, что было чуждо, они свели основные элементы к сложной запутанной системе идей, лишенной четких форм и этического основания. Поскольку их жизнь была настолько проникнута духом торговли, они поставили своих божеств в прямую связь с проявлениями практического опыта и осквернили глубокие учения материальными значениями, развратным использованием и жестокими практиками.

Предавшись сладким привычкам жизни, они оплакивали в траурных обрядах нестабильность и бренность всего земного, не ища веры в бессмертие или в продолжение жизни души за пределами времени. Не осталось никаких следов или памятников финикийской поэзии или литературы.

Их культ, испорченный безудержными или неестественными практиками, не был способен выражаться в святом вдохновении и порождать религиозные гимны.

Их боги природы, происходящие от тирского Мелкарта, были бесцветными символическими фигурами, лишенными героических поступков или исторических мифов, подходящих для популярной эпопеи. Какое место, действительно, было для досуга и интереса к поэзии и героическим историям в беспокойной жизни промышленности и торговли?

Но ведь финикийцы совершили нечто великое в области архитектуры и скульптуры? Это правда, что храм в Иерусалиме был построен тирскими рабочими, художниками и строителями; что храмовые здания в Тире, Арадусе, Пафосе и Гадесе, в Карфагене и Утике вызвали восхищение в древности; что здания царя Хирама, разрушенные храмы на Мальте и Гозо, гигантские гробницы и круглые «нурхаге» на Балеарских островах и в Сардинии свидетельствуют об архитектурном мастерстве; но они намного уступают сооружениям египтян или культурных народов Евфрата и Тигра. Из того, что мы можем понять из

некоторых описаний, их храмы были более известны своим размером и великолепием, чем художественным вкусом.

Их материалы были в основном дерево и металл, и из описания драгоценностей, сокровищ и украшений всех видов, которые отличали прекрасные здания финикийцев, мы видим, что их слава была связана не с величественными формами простой каменной архитектуры, а с богатой орнаментацией и ярким разнообразием. Строительство кораблей, по-видимому, также имело тот же характер, что и здания. Финикийские здания не могут сравниться с ассирийскими, которые были обнаружены в ходе недавних раскопок; и многое из того, что до сих пор приписывалось финикийцам, теперь считается ниневийским искусством, а на Западе многие остатки старых финикийских произведений относят к этрускам.

Финикийская скульптура занимает еще более низкое место. Физические силы, которые действуют внешне и внутренне в создании и разрушении природы, которую они обожествляли, не могли быть представлены в искусстве в красивых формах, как это делали греки с этическими силами человеческого сердца. Их фетиши были демоническими искажениями, их изображения богов были ужасающими, а фигуры были перегружены символами и атрибутами. Человеческая форма, фундаментальный тип всего органического искусства, не находила свободного и естественного выражения, а фантастические формы животных и растений на их сосудах были заимствованы у ассирийцев и вавилонян. Чистая форма и естественная красота были совершенно отсутствующими.¹

«Степень развития, — говорит Герхард, — таких известных нам художественных памятников финикийцев, вместо того чтобы поставить их на более высокий уровень, показывает, что их слава в древности была обусловлена их техническим мастерством в работе с такими материалами, как железо, золото, слоновая кость, стекло и пурпур, а также их полезностью в качестве посредников, что приводило к тому, что их часто привлекали для исполнения или распространения высшего искусства внутренней Азии. Они оказали значительное влияние на греческое искусство в ранние времена, но в период его развития — очень малое. Нехудожественный характер и отсутствие пластического чувства, свойственные всем семитским расам, были заметны у финикийцев».²

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Косвенно Америка обязана своим открытием Финикии, поскольку ее смелые первопроходцы в новых океанах положили начало духу открытий для развития торговли, который дал искусству или спорту открытий прочную основу. Финикийцы основали школу морских исследований, которую португальцы возродили спустя несколько веков, а испанцы подхватили по инициативе итальянца Колумба. Таким образом, Америка в долгу перед финикийцами. Более того, не было недостатка в тех, кто утверждал, что финикийцы сами открыли и колонизировали Америку. Об этом будет сказано больше в томах, посвященных Америке. Между тем следует волнующий рассказ о путешествии Ганнона, который в пятом или шестом веке до нашей эры отправился по поручению правительства с целью расширить знания и торговлю Карфагена, главной колонии финикийского происхождения. Приводится собственный рассказ Ганнона, за которым следует комментарий Херена.а

«ПУТЕШЕСТВИЕ ГАННО ЗА ГЕРКУЛЕСОВЫ СТОЛБЫ, КОТОРЫЕ ОН ОСТАВИЛ В ХРАМЕ САТУРНА»

«Карфагеняне постановили, что Ганнон должен совершить путешествие за Геркулесовы столбы и основать ливийско-финикийские города. Он отплыл с шестьюдесятью кораблями по пятьдесят весел каждый, с отрядом мужчин и женщин в тридцать тысяч человек, а также с провизией и другими необходимыми вещами.

«Когда мы прошли столбы во время нашего путешествия и проплыли за ними два дня, мы основали первый город, который назвали Тимиатериум. Ниже него простиралась обширная равнина. Продолжая путь на запад, мы прибыли в Солеис, мыс Ливии, густо покрытый деревьями, где мы воздвигли храм Нептуну; и снова проплыли полдня на восток, пока не прибыли к озеру, лежащему недалеко от моря и покрытому обильным тростником. Здесь паслись слоны и множество других диких зверей.

«Проплыв мимо озера примерно за день, мы основали города у моря, названные Кариконтикос, Гитте, Акра, Мелитта и Арамбис. Оттуда мы прибыли к великой реке Ликсус, которая течет из Ливии. На ее берегах пасли стада ликситы, племя пастухов, с которыми мы некоторое время поддерживали дружеские отношения. За ликситами жили негостеприимные эфиопы, которые пасли скот в дикой местности, пересеченной большими горами, из которых, по их словам, вытекает река Ликсус. В окрестностях гор жили троглодиты, люди разного внешнего вида, которых ликситы описывали как более быстрых в беге, чем лошади.

«Найдя у них переводчиков, мы два дня плыли вдоль побережья пустынной страны на юг. Оттуда мы продолжили путь на восток в течение одного дня. Здесь, в углублении одной из бухт, мы обнаружили небольшой остров диаметром в пять стадий, где основали колонию и назвали ее Черне. По результатам нашего путешествия мы пришли к выводу, что это место находится на одной линии с Карфагеном, поскольку расстояние от Карфагена до Столпов было равно расстоянию от Столпов до Черне.

Затем мы пришли к озеру, к которому добрались, плывя вверх по большой реке под названием Хретес. В этом озере было три острова, больше, чем Черне, и, плывя от них в течение дня, мы пришли к краю озера, над которым возвышались большие горы, населенные дикими людьми, одетыми в шкуры диких зверей, которые прогнали нас, бросая камни, и не дали нам высадиться. Отплыв оттуда, мы приплыли к другой реке, большой и широкой, полной крокодилов и речных лошадей; оттуда, возвращаясь назад, мы снова приплыли в Черне.

«Оттуда мы плыли на юг двенадцать дней, огибая побережье, все которое было заселено эфиопами, которые не стали ждать нашего приближения, а бежали от нас. Их язык был непонятен даже ликситам, которые были с нами. На последний день мы приблизились к большим горам, покрытым деревьями, древесина которых была ароматной и пестрой. Плывя мимо этих гор в течение двух дней, мы пришли к огромному проливу, по обе стороны которого, в сторону материка, была равнина, с которой мы видели ночью огонь, возникающий с перерывами во всех направлениях, то сильнее, то слабее.

«Заправившись там водой, мы плыли пять дней вдоль берега, пока не достигли большой бухты, которую, по словам наших переводчиков, называли Западный Рог. В ней находился большой остров, а на острове — соленое озеро, а в нем — еще один остров, где, высадившись, мы днем не могли обнаружить ничего, кроме деревьев; но ночью мы увидели много горящих костров и слышали звуки труб, цимбал, барабанов и беспорядочные крики. Мы испугались, и наши гадатели приказали нам покинуть остров. Быстро отплыв оттуда, мы проплыли мимо страны, охваченной огнем и благовониями; потоки огня, исходящие от нее, падали в море. Страна была непроходима из-за жары. Мы быстро отплыли оттуда, будучи очень напуганы, и, проплыв четыре дня, ночью обнаружили страну, полную огня. В центре был высокий огонь, больше остальных, который, казалось, касался звезд. Когда наступил день, мы обнаружили, что это был большой холм, называемый Колесницей богов. На третий день после отплытия оттуда, проплыв мимо этих потоков огня, мы прибыли в бухту под названием Южный Рог; на дне которой лежал остров, похожий на предыдущий, с озером, а в этом озере был еще один остров, полный диких людей, большая часть которых были женщины с волосатыми телами, которых наши переводчики называли гориллами. Хотя мы преследовали мужчин, нам не удалось поймать ни одного из них; все они убежали от нас, спасаясь через обрывы и защищаясь камнями. Однако три женщины были пойманы; но они напали на своих проводников зубами и руками, и их не удалось уговорить сопровождать нас.

Убив их, мы сняли с них кожу и привезли ее с собой в Карфаген. Мы неплыли дальше, так как у нас закончились припасы».^b

Хеерен делает это замечание по поводу рассказа Ганнона о своем путешествии. «Мнения о «Перипле» Ганнона очень сильно расходятся друг с другом, как в отношении его подлинности, так и в отношении сопутствующих обстоятельств. Однако я не могу поверить, что в наши дни какой-либо критик усомнится в его подлинности в целом, хотя они могут усомниться в его полноте. Его краткость заставила многих предположить, что это лишь сокращенная версия более обширного труда, и это мнение поддерживает Реннелл и, по-видимому, подтверждается отрывком из Плиния, *Hist. Nat.* II, 67, где он говорит: «Ганно отплыл из Гадеса вокруг Африки в Аравию и дал описание этого путешествия». Но другой автор уже справедливо заметил, что Плиний сам не читал «Перипла», а полагался на неопределенное свидетельство другого человека, и что отрывок из Помпония Мелы, III, 9, ясно показывает, что Мела читал *наш* «Перипла». Gosselin, *Recherches*, I, 64. Перипл, конечно, не был описанием путешествия в нашем понимании этого слова, а публичным памятником экспедиции, представляя собой *надпись*, размещенную в одном из главных храмов Карфагена».^f

ПУТЕШЕСТВИЕ ХИМИЛКО

Примерно в то же время, когда Ганноп плыл на юг, другой карфагенянин, Химилко, прокладывал себе путь на север от Гадеса (Кадиса). Он был менее успешен в своих усилиях и жаловался, что отсутствие ветра и избыток водорослей мешали его продвижению. Римский поэт IV века н. э. Руф Фест Авиен использовал информацию Химилькона в своей поэтической географии «*Ora Maritima*», из которой взята следующая картина мира.

«Там, где океан вдавливается и широко распространяет воды Средиземного моря, лежит Атлантический залив; здесь стоит Гадейра [Гадес], в древности называвшаяся Тартессом [Тарсисом]; здесь находятся Геркулесовы столбы, Абила, слева от Ливии, и Кальпе. Здесь возвышается мыс, в древности называвшийся Эстримном [Корнуолл], а ниже — одноименная бухта и острова; они простираются на большую площадь и богаты металлами, оловом и свинцом.

«Там обитает многочисленный народ, наделенный духом и недюжинной трудолюбием, занятый исключительно торговлей. Они плавают по морю на своих баркасах, построенных не из сосны и дуба, а из кожи и кожаных полос. Два дня длится путешествие оттуда до Святого острова, когда-то так называемого, который простирается на море, где обитает народ ирландцев: рядом лежит остров Альбион. В древности торговые путешествия из Тартессуса доходили до Остримнид [Сциллийских островов]; но карфагеняне и их колонии у Геркулесовых столбов плавали по этому морю, по которому, по собственному свидетельству, Химилько находился в течение четырех месяцев; ибо здесь ни один ветер не гнал барку, так неподвижно стояли ленивые волны. В этом море, по его словам, в изобилии растут водоросли (), которые замедляют ход судна, а вокруг роятся морские чудовища. Вдали виден форт Гериона; здесь широко раскинулась бухта Тартессус, и от реки до нее один день пути; здесь лежит город Гадейра, в древности называвшийся Тартессус; тогда великий и богатый, теперь бедный и упавший, где я не видел ничего великого, кроме праздника Геракла.

«Крепость и храм Гериона возвышаются над морем; ряд скал венчает залив; возле второй скалы впадает в море река. Рядом возвышается гора Тартесс, покрытая лесом. Далее следует остров Эриффея, управляемый карфагенянами, ибо в древние времена карфагеняне основали

там колонию. Морской пролив, отделяющий его от материка и крепости, шириной всего пять стадий. Остров посвящен морской Венере; на нем находится ее храм и оракул.

«За Столпами, на побережье Европы, древние карфагеняне владели многими городами и местами. Они строили плоскодонные барки для удобства плавания по мелководью; но на западе, как рассказывает нам Гимилько, открытое море; ни один корабль еще не осмелился выйти в это море, где его не уносит сильный ветер и где на воде лежит густой туман. Это океан, который далеко шумит вокруг земли — безграничное море. Это видел сам карфагенянин Гимилько, и из пунических записей я взял то, что рассказываю тебе».¹

ПОМПОНИЙ МЕЛА О ФЕНИЦИАНАХ

Помпоний Мела, римский гражданин, но испанец по происхождению, был автором самого раннего из сохранившихся латинских трактатов по географии. Его работа датируется примерно серединой I века н. э., и его описание финикийцев показывает, с каким уважением к ним относились в то время. Здесь использован перевод Артура Голдинга, опубликованный в Лондоне в 1590 году.

«Финикия славится финикийцами, политически активным народом, не имеющим себе равных ни в военном деле, ни в мирной жизни. Они первыми изобрели письменность и другие искусства, такие как мореплавание на кораблях, ведение боевых действий на воде, управление народами, создание королевств и ведение боевых действий в порядке сражения. В ней находится Тир, когда-то бывший островом, но теперь соединенный с материком, с тех пор как Александр предпринял попытку его захватить. Дальше стоят несколько небольших деревень и город Сидон, до сих пор богатый, а в древности бывший величайшим из всех городов на побережье, прежде чем он был захвачен персами.

Между ним и мысом Эупросопон (что можно перевести как «прекрасный вид») находятся города *Библос* и *Ботрис*, а за ними — еще три, каждый из которых удален от другого на одну милю, поэтому это место было названо Триполис; далее следуют замок Симира и не менее известный город *Маратос*. Оттуда страна, не изгибаясь к морю, а простираясь прямо вдоль него, изгибает свой берег вглубь материка и образует большую бухту. Вокруг него живут богатые люди, что объясняется расположением этого места, поскольку страна плодородна и снабжена многими реками, по которым могут плавать корабли, что хорошо подходит для легкой торговли и доставки всех видов товаров как по морю, так и по суше. Внутри этой бухты находится сначала остаток Сирии, который называется Антиохия, а на ее берегу стоят города Селукия и Арадус».²

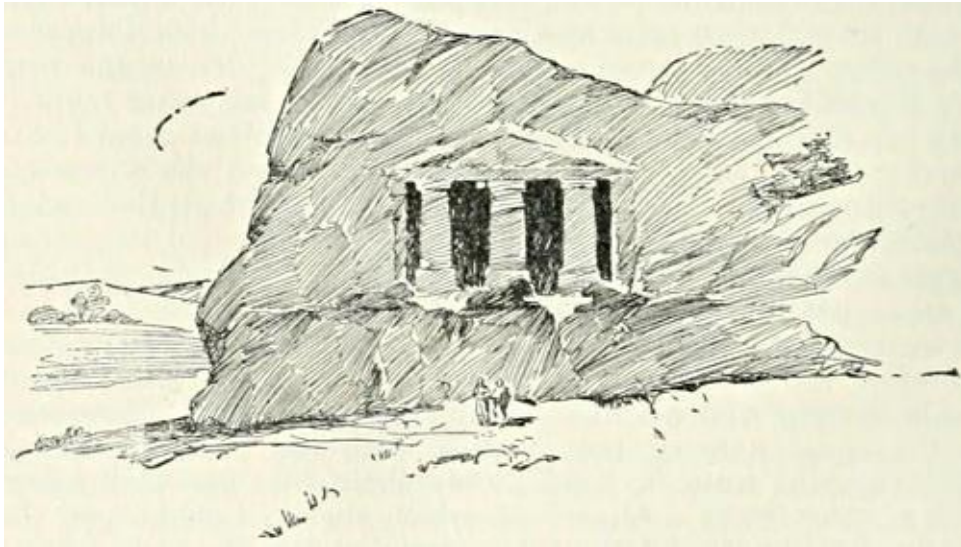
АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ О ОСНОВАНИИ КАРТАГИ ДИДОЙ

«Финикийцы построили Карфаген в Африке за пятьдесят лет до разграбления Трои. Он был основан Ксром и Кархедоном или, как считают римляне и сами карфагеняне, тирийской дамой по имени Дидона, которая (после того как ее муж был тайно убит Пигмалионом, тиран Тира, о чем ей было открыто во сне), перевезла на корабль все сокровища, которые смогла, и, отправившись в плавание вместе с некоторыми тирийцами, бежавшими от тирании, прибыла в Ливию, в то место, где сейчас стоит Карфаген; и когда жители той страны отказались принять их, они потребовали для своего проживания только столько земли, сколько можно было охватить бычьей шкурой. Это предложение показалось африканцам смешным, и они посчитали позором отказывать чужакам в столь незначительной просьбе, к тому же они не могли представить, как можно построить

жилище на столь маленьком участке земли, и поэтому, чтобы иметь удовольствие открыть для себя финикийскую хитрость, они удовлетворили их просьбу.

«Тогда тирийцы взяли бычью шкуру, обрезали ее по краям и сделали из нее такую тонкую ремешку, что смогли обвести ею место, где впоследствии построили цитадель Карфагена, которая с тех пор стала называться «Быrsa» [Byrsa по-гречески означает «шкура»].

Вскоре, постепенно расширяя свои границы и становясь сильнее своих соседей, поскольку они были более хитрыми, они заказали постройку кораблей для торговли по морю по образцу финикийцев, с помощью которых они построили город, примыкающий к их цитадели. Таким образом, усилив свою мощь, они стали хозяевами Ливии и прилегающих к ней морей; и, наконец, начав войну с Сицилией, Сардинией и всеми островами в море, и даже с самой Испанией, они отправили туда колонии, пока, наконец, из столь скромных начинаний не сформировали государство, сравнимое по мощи с греческим, а по богатству — с персидским.^{[e](#)} »

Руины гробницы в Пафлагонии

(по Хиршфельду)

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

б А. Н. L. HEEREN, *Historical Researches*.

с R. PIETSCHMANN, *Geschichte der Phoenizier*.

а Священное Писание.

е ФЛАВИЙ ИОСИФ, *Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία*.

г ГЕРОДОТ, *Ἱστορίαι*.

г ЮСТИН, *Historiarum Philippicarum libri XLIV* (краткое изложение Трога Помпея).

г К. К. Й. ФОН БУНСЕН, *Ägyptens Stelle in der Weltgeschichte*.

г МЕНАНДР ЭФЕССКИЙ, «*Анналы Тура*» (цитируется у Иосифа Флавия).

ГЛАВА II. Ранняя история и влияния

R. PIETSCHMANN, *Geschichte der Phoenizier*.

с О. МЕЛЬТЦЕР, *Geschichte der Karthager*.

а ГЕРОДОТ, «*Ἱστορίαι*».

е Б. Г. НИБУР, *Лекции по древней истории*.

† Священное Писание.

§ МЕНАНДР, «*Анналы Тира*» (цитируется в Иосифе Флавии).

ГЛАВА III. ПЕРИОД МОГУЩЕСТВА ФИНИКИЙЦЕВ

Ф. К. МОВЕРС, *Die Phoenizier*.

с МАКС ДУНКЕР, «*История древности*».

R. PIETSCHMANN, *Geschichte der Phoenizier*.

е ИОСИФ ФЛАВИЙ, «*Иудейская археология*».

† Священное Писание.

§ ГЕРОДОТ, «*Истории*».

h МЕНАНДР, «*Анналы Тира*» (цитируется в Иосифе Флавии).

i ДИУС, ХЭТУС, ФЕОФИЛ, ЭУПОЛЕМ, *Фрагменты*.

ГЛАВА IV. ФИНИКИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ПЕРСОВ

Джон Кенрик, «*Финикия*».

с ГЕРОДОТ, *История Геродота* (перевод с греческого Уильяма Белоу).

а КСЕНОФОНТ, «*Киропедия*» (перевод с греческого Дж. С. Уотсона и Генри Дейла).

е ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).

† АРРИАН, «*История походов Александра*» (перевод с греческого г-на Рука).

§ КВИНТ КУРЦИЙ, «*Войны Александра*» (перевод с латинского Джона Дигби).

h ИСОКРАТ, *Речи*.

ГЛАВА V. ФИНИКИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ГРЕКОВ, РИМЛЯН И САРАЦИН

Джон Кенрик, «*Финикия*».

с ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).

а СТРАБОН, «*География Страбона*» (перевод с греческого языка Дж. Фалконера и Х. К. Гамильтона).

е Э. ГИББОН, «*Упадок и падение Римской империи*».

† ВИЛЬГЕЛЬМ ТИРСКИЙ, «*История священной войны*».

§ САНХОНИАТОН (см. библиографию под Court de Gébelin).

h СВЯТОЙ ИЕРОНИМ (HIERONYMUS), *Commentarii in Iesaiam*.

ГЛАВА VI. ИСТОРИЯ КАРФАГЕНА

Джордж Гроут, «*История Греции*».

Джон Кенрик, «*Финикия*».

Т. МОММЗЕН, *Römische Geschichte*.

^e MEYER'S *Konversations-Lexikon*.

Е. ГИББОН, *Упадок и падение Римской империи*.

^g ФУКИДИД, *Συγγραφή*.

^h САЛЛЮСТИЙ, *Bellum Jugurthinum*.

ⁱ ЭРАТОСФЕН, *Γεωγραφικά*.

^j ИСОКРАТ, «Речи».

^k ПОЛИБИЙ, *Καθολικὴ κοινὴ ἱστορία*.

ГЛАВА VII. ФИНИКИЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ

А. Н. L. HEEREN, *Исторические исследования*.

F. C. MOVERS, *Die Phoenizier*.

^a СТРАБОН, *География Страбона* (перевод с греческого J. Falconer и Н. С. Hamilton).

^e ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).

^f СТРАБОН, *Γεωγραφικά*.

^g ГЕРОДОТ, *История Геродота* (перевод с греческого Уильяма Белоу).

^h ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, *Historia Naturalis*.

ГЛАВА VIII. ФИНИКИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ДЖОН КЕНРИК, «Финикия».

R. PIETSCHMANN, *Geschichte der Phoenizier*.

^a О. С. С. ЭММАНУЭЛЬ ДЕ РУЖЕ, «Мемуары о египетском происхождении финикийского алфавита».

^e В. ДЕЕКЕ, *Происхождение кипрской слоговой письменности*.

^f Х. ВУТТКЕ, «История письменности и письменности».

^g J. P. PETERS, *Nippur*.

^h Ф. ХОММЕЛЬ, «История Ассирии и Вавилонии».

GEORG WEBER, *Weltgeschichte*.

^j ГЕРОДОТ, «История Геродота» (перевод с греческого Уильяма Белоу).

^k ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, «Естественная история».

ⁱ ФИЛОН БИБЛИЙСКИЙ (см. библиографию).

ЭДУАРД ГЕРХАРД, «Избранные греческие вазы».

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

ГАННОН, «Перипл Ганнона».

^c ЮСТИН, «История мира» (перевод с латинского Г. Тернбулла).

«Священное Писание.

Аппиан Александрийский, *«История Аппиана Александрийского»* (перевод с греческого J. Dancer).

А. Х. Л. ХЕЕРЕН, *«Исторические исследования»*.

«Путешествие Химилько». Сохранилось благодаря *«Ora Maritima»* Руфа Феста Авиена.

Помпоний Мела, *Редкие и необычные произведения Помпония Мелы* (перевод с латыни Артура Голдинга).

АРИСТОТЕЛЬ, *Политика*.

ДЖЕЙМС РЕННЕЛЛ, *Географическая система Геродота*.

П. Ф. Дж. ГОССЕЛИН, *«Исследования по систематической и позитивной географии древних»*.

Л. АВИЕН, *«Ора Маритима»*.

ФИНИКИЙСКИЕ РАБОЧИЕ

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ФЕНИКИИ

НА ОСНОВЕ РАБОТ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ; С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ

Åkerblad, J. D., *Inscriptions Phœniciaë Oxoniensis nova Interpretatio*, Parisiis, 1802; *Notice sur deux inscriptions en caractères puniques, trouvées à Venise et sur les Varangues*, Paris, 1804.—**Appianus**, *Ῥωμαϊκὴ ἱστορία*, Leipsic, 1785, 3 vols. (Книга 7 посвящена Ганнибаловым войнам и содержит материалы, представляющие большую ценность для изучающих историю Карфагена, главным образом потому, что она основана на утраченных источниках.) —**Аристотель**, *Πολιτικῶν*, (под ред. J. G. Schlossa), Любек, 1798.—**Арри**, Джаннантонио, *Lapide fenicia di Nora in Sardegna dichiarata* (в *Memorie della Reale Acad. di Torino*, т. XXXVIII, с. 59-106); *Lettre à Quatremère sur une inscription latino-phénicienne de Leptis* (в *Journ. Asiat.*, Ser. III, т. 2, с. 142-176).—**Арриан**, *Ἱστορίαι αναβάσεως Ἀλεξάνδρου*, Лемго, 1792-1811.—**Авиен**, R. F., *Ora Maritima* (стихотворение, описывающее побережье Средиземного моря от Марселя до

Кадиса, сохранившееся лишь частично. Упоминание о путешествии Химилко придает ему актуальность в данном контексте. Авиен жил в IV веке н. э.).

Бабелон, Э. и **Ленорман, Ф.**, *Histoire ancienne de l'orient*, Париж, 1881-1888, 6 томов (см., в частности, том VI); *Manuel d'archéologie orientale*, Париж, 1888; *Carthage et l'archéologie punique en Tunisie* (в *Am. Journ. of Archæol.*, том I, стр. 173 и далее). (Все работы Ленормана обладают высокой степенью авторитетности и примечательны своим замечательным стилем.) — **Байер, Дж. Дж.**, *Dissertatio historica de Phoenicibus eorum studiis et inventis*, Йена, 1709.—**Балл, К. Дж.**, Происхождение финикийского алфавита (в *Proceedings of the Soc. of Bibl. Arch.*, Т. XV, стр. 392-408).—**Баржес, Ж. Ж. Л.**, *Mémoire sur le sarcophage et l'inscription funéraire d'Eschmunazar, roi de Sidon*, Париж, 1856; *Mémoires sur trente-neuf nouvelles inscriptions puniques*, Париж, 1852; *Temple de Baal à Marseilles, ou grande inscription phénicienne découverte dans cette ville dans le courant de l'année 1845*, Париж, 1847; *Mémoire sur deux inscriptions puniques découvertes dans l'île du port Cothon à Carthage*, Париж, 1849; Новое толкование финикийской надписи, обнаруженной г-ном Мариеттом в серапеуме Мемфиса (в *Revue de l'orient, nouv. sér.* III, стр. 190); Замечания о финикийских надписях в музее Наполеона III (в *Journ. Asiat., Sér. VI, Vol. 2*, 1863, стр. 161-195); Археологические исследования финикийских колоний, основанных на побережье Кельтигурии, Париж, 1878. (Хотя эти работы и несколько устарели, они по-прежнему представляют определенную ценность для студентов, изучающих палеографию. Интерес к описанным надписям во многом обусловлен тем фактом, что финикийский алфавит является «матерью всех существующих алфавитов».) — **Бартелеми** (аббат), *Réflexions sur quelques monuments Phéniciens et sur les alphabets qui en résultent* (в *Mémoires de littérature, tirés des registres de l'acad. royale des inscr.*, т. XXX, 1764, с. 405-426).— **Бодиссин, В. В. Ф. фон**, *Studien zur semitischen Religionsgeschichte*, Лейпциг, 1876-1878 (очень важный вклад в эту тему, основанный на оригинальных исследованиях) — **Беллерман, Дж. Дж. Л.**, *Phœniciaë linguæ vestigiorum in Melitensi specimen*, Берлин, 1809; *Versuch einer Erklärung der punischen Stellen im Pœnulus des Plautus*, Berlin, 1808; *Bemerkungen über die phönizischen und punischen Münzen*, Berlin, 1812.—**Bérard, Victor**, *Les Phéniciens et les poèmes homériques* (в *Revue de l'hist. des religions*, Vol. XXXIX, pp. 173-228, 419-460, Париж, 1899).—**Берже, П.**, *La Phénicie pour faire suite à l'écriture et les inscriptions sémitiques*, Париж, 1881 (Extrait de l'Encyclopédie des sciences religieuses); *Rapport sur les inscriptions puniques récemment découvertes à Carthage*, Париж, 1877 (Выдержка из *Archives des missions scientifiques et lit.*, Ser. III, Vol. 4, p. 145); *La Bible et les inscriptions* (Leçon d'ouverture), Париж, 1890.—**Бертен, Г.**, О происхождении финикийского алфавита (в *Orientalia Antiqua*, I, 1, 1882).—**Бертов**. Типография Тира.—**Бёле**, Повторные раскопки в Карфагене, Лейпциг, 1863.—**Библия, Священная** (авторизованная версия), Лондон, 1611.—**Блох, А.**, *Phœnic. Glossar*, Берлин, 1891.—**Бок, Ауг.**, *Urkunde über das attische Seewesen*, Берлин, 1840.—**Боннемер, Л.**, *L'influence orientale en Bretagne*, (в *Soc. d'anthropol. de Paris, Bulletins, Sér. IV, Vol. 10*, pp. 389-397).— **Бургад** (аббат) **Ф.**, *Inscriptions Phéniciennes*, Париж, 1852; *Toison d'or de la langue Phénicienne*, Париж, 1856.—**Бове, Ф.**, *Egypt, Palestine, and Phœnicia—a Visit*, Лондон, 1882.—**Бредов, Г. Г.**, *Untersuchungen über einzelne Gegenstände der alten Geschichte*, Альтона, 1800.—**Браун, Р.**, *Researches into the Origin of the Primitive Constellations of the Greeks, Phœnicians, and Babylonians*, Оксфорд, 1900, 2 тт.—**Бругш, Х.**, Географические надписи древнеегипетских памятников, Лейпциг, 1857-1860, 3 тома. — **Бадд, Т.**, От потопа до христианской эры, Норидж, 1890.

Кара, кавалер Гаэтано, «Об подлинности сардо-финикийских идолов, хранящихся в археологическом музее королевского университета Кальяри», Кальяри, 1875.—**Карнена, А. А.**, Отчет о финикийских и римских древностях на островах Мальты, Мальта, 1882. — **Чеснола**, генерал Луис Пальма ди: Кипр, его древние города, гробницы и храмы; рассказ об исследованиях и раскопках, Лондон, 1877; Саламиния, Кипр и др., Лондон, 1882.—**Шабас, Ф.**,

Исследования по исторической древности по египетским источникам, Париж, 1873, 2-е изд.—**Черч**, А. Дж., Карфаген, империя Африки, Лондон, 1886.—**Кларк**, Дж. К. К., Происхождение и разновидности семитского алфавита, Чикаго, 1887.—**Клерк**, де: Заметка о финикийско-хеттской стеле (в Acad. des inscr., Comptes rendus, 1901).—**Колонна Чеккальди**, Г., Древние памятники Кипра, Париж, 1882. (Предполагаемая финикийская история Санхониатона привлекла большое внимание как историков, так и литературоведов. Фрагменты того, что якобы является переводом этого произведения на греческий язык Филоном Библийским, жившим в I веке н. э., сохранились у Евсевия. Существует спор о том, действительно ли существовал такой автор, как Санхониатон, и не является ли предполагаемый перевод подделкой. Упоминание об этом произведении можно найти в других источниках, указанных в настоящей библиографии.) — **Креспин**, В., Catalogo illustrato della raccolta di antichita sarde del Signor Raimondo Chessa, Кальяри, 1868. — **Камберленд**, Б. Р., «Финикийская история» Санхониафона с продолжением Эратосфена, Лондон, 1720.— **Курций**, Квинт, История Александра Великого, Венеция, 1471.

Дэвис, Н., Надписи финикийским шрифтом, Лондон, 1863; Карфаген и его руины, Лондон, 1861; Разрушенные города на территории Нумидии и Карфагена, Лондон, 1862. — **Деке**, В., Происхождение кипрского слогового письма, Страсбург, 1877.—**Делатр**, Р. П., Карфаген и Тунис с археологической точки зрения, Тунис, 1883. — **Деренбург**, Ж. и Х., Финикийские надписи храма Сети в Абидосе, опубликованные и переведенные по неопубликованной копии М. Сейса (в Revue d'assyriol. I, 3, стр. 81-101).—**Дежарден**, Э., География, история и управление римской Галлии, Париж, 1878 (Пунические надписи).—**Дитрих**, Ф. Э. К., Две сидонские надписи: одна греческая из христианского периода и одна древнефиникийская царская надпись, Марбург, 1855.—**Диодор Сицилийский**, βιβλιοθήκη ἱστορική, Амстердам, 1746.—**Доноп**, В. Г. Л. фон: Das Magasanische Europa, Майнинген, 1819-1821, 3 тома.—**Доути**, Ч. М., Travels in Arabia Deserta, Кембридж, 1888, 2 тома.—**Драммонд**, сэр Уильям, An Essay on a Punic Inscription found in the Island of Malta, Лондон, 1810.—**Дункер**, М., Geschichte des Alterthums, Лейпциг, 5-е изд., 1878-1883, 7 тт. — **Дюро де ла Малле**, А. Дж. К. А., Recherches sur la topographie de Carthage, avec des notes par M. Dusgate, Париж, 1835.—**Дювивье**, Ф. Ф., «Les Inscriptions Phéniciennes, Puniques, Numidiques, expliquées par une méthode incontestable», Париж, 1846, и изд. Г. Наук, Лейпциг, 1871.

Еврипид, φοινισσαι, Флоренция, 1496.—**Евсевий**, Εὐσεβίου περὶ τῆς Θεοφανείας (под редакцией Ж. Минье), Париж, 1857.—**Эутинг**. Дж., Inschriftliche Mitteilungen (в Zeitschr. d. Deutschen Morgenl. Ges., т. XXIX, 1875); Sammlung der karthagischen Inschriften, herausg. mit Unterstützung der K. Academie d. Wissensch. zu Berlin, Страсбург, 1883; Phoenikische Inschriften aus Idalion, Страсбург, 1875; Nabatäische Inschriften aus Arabien, Берлин, 1885; Sinaitische Inschriften (в Verhdlg. d. Gesellschaft für Erdkunde), Berlin, 1886.—**Ewald**, G. H. A., Über das Phönikische der Inschriften und im Plautus (в Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, т. IV, с. 400-418); Erklärung der grossen phönikischen Inschrift von Sidon und einer ägyptisch-aramäischen, mit den zuverlässigen Abbildern beider (в Abhdlg. der Ges. d. Wiss. zu Göttingen, т. VII), Гёттинген, 1856; Über die phönikischen Ansichten von der Weltschöpfung und den geschichtlichen Wert Sanchuniathons, Göttingen, 1857. (Автор известен повсюду как один из величайших толкователей традиций евреев; поэтому его мнения об этом родственном соседнем народе представляют особый интерес.)

Фабрици, Г., De literaturæ Phœniciaë fontibus, Рим, 1803. — **Фальбе**, К. Т., Recherches sur l'emplacement de Carthage suivies de renseignements sur plusieurs inscriptions puniques inédites, Париж, 1833. — **Фишер**, К., De Hannonis Carthaginensis periplo, Лейпциг, 1893.—**Фонтане**, М., Histoire Universelle, Париж, 1883.—**Франкель**, Phöniz. Altertümer (в Monatschrift für Gesch. und Wissensch. d. Judenthums, т. V, 1856, с. 447 и далее).

Гезениус, Ф. Х. В., Палеографские исследования финикийской и пунической письменности, Лейпциг, 1835; Комментарий к недавно найденной в Киренаике финикийско-греческой надписи, относящейся к ереси карпократиан, Хале, 1825; *Scripturæ linguæque Phœniciaë monumenta quotquot supersunt edita et inedita*, Лейпциг, 1837. (Как и все работы этого автора, представляет большую ценность для студентов семитской филологии. Последнее из названных работ включает в себя первую важную коллекцию финикийских надписей, когда-либо опубликованную.) — **Гилберт**, О., *Rom und Karthago*, Лейпциг, 1876. — **Гиббон**, Э., Упадок и падение Римской империи (под ред. У. Смита), Лондон, 1872, 8 тт. — **Госселин**, Р. Ф. Ж., *Recherches sur la géographie systématique*, Париж, 1790-1813, 4 тт. — **Гро**, К., *Les fortifications de Carthage*, Париж, 1878. — **Гроте**, Г., История Греции, Лондон, 1871, 10 тт. — **Гротенфенд**, Г. Ф., *Die Sanchuniathonische Streitfrage nach ungedruckten Briefen gewürdigt*, Лейпциг, 1836. (Позиция Гротенфенда как первопроходца в области восточной филологии придает особый интерес его взглядам на широко обсуждаемый вопрос о подлинности предполагаемых сочинений Санхуниатона. Напомним, что Гротенфенд первым обнаружил фонетическое значение некоторых символов древнеперсидского клинописного письма, сделав тем самым первый шаг к интерпретации ассирийских и вавилонских записей.) — **Герен**, Х. В., Двухязычная надпись из Тугги (в *Voyage archéol. dans la régence de Tunis*, Париж, 1862). — **Гутшмид**, А. фон, *Beiträge zur Geschichte des alten Orients*, Лейпциг, 1858; *Neue Beiträge zur Geschichte des alten Orients*, Лейпциг, 1876; *Kleine Schriften*, под редакцией Рюля, Лейпциг, 1889-1894, 5 тт. (Второй том последнего упомянутого труда содержит оригинальную версию монументальной статьи о Финикии, написанной автором для девятого издания *Encyclopædia Britannica*.)

Halévy, J., *Mélanges d'épigraphie et d'archéologie sémitiques*, Париж, 1874; *Mélanges de critique et d'histoire relatifs aux peuples sémitiques*, Париж, 1883. (Мнение одного из самых оригинальных мыслителей и величайших авторитетов среди исследователей семитской филологии.) — **Hamaker**, Н. А., *Lettre à M. Raoul-Rochette sur une inscription en caractères phéniciens et grecs, récemment découverte à Cyrène*, Лейден, 1825. — **Хамди-Бей** и **Т. Рейнах**, *Une nécropole royale à Sidon*, Париж, 1892. — **Ганнон**, Ἀρριάνου περίπλους, к. т. λ., Ἀννωνος περίπλους Λιβύης к. т. λ., Базель, 1533.

(В этом замечательном документе, цитируемом здесь, рассказывается все, что известно потомкам о жизни исследователя Ганнона, жившего, вероятно, в V веке до н. э. Сам документ был найден в руинах Карфагена. Что касается того, был ли он написан самим Ганноном, у нас нет никаких доказательств, если только мы не согласимся с профессором Роулинсоном, что столь прямой и четкий отчет должен быть написан рукой человека действия, чьи подвиги в нем описаны. Как бы то ни было, это чрезвычайно важный исторический документ, свидетельствующий о раннем проявлении стремления выйти за пределы тогдашнего известного мира, которое почти две тысячи лет спустя достигло своего апогея в открытиях Колумба).

Хеерен, А. Х. Л., Исторические исследования, Оксфорд, 1834-1846, 5 тт. (Автор особенно удачно освещает тему финикийской и карфагенской цивилизаций.) — **Гегель**, Г. В. Ф., *Лекции по философии истории*, Лондон, 1857. — **Хенгстенберг**, Э. В., *Commentatio de rebus Tyriorum*, Берлин, 1832. — **Хенцен**, Г., *Iscrizione Greco-fenicia d'Atene* (в *Annali dell' istituto di corrisp. arch.* XXXIII, 1859, с. 321 и далее). — **Гердер**, Г., *Älteste Urkunde des Menschengeschlechts* (в его *Werke zur Theol.*). — **Эриссон**, граф, *Relation d'une mission archéol. en Tunisie*, Париж, 1881. — **Геродиан**, Ἡρωδianoῦ τῆς μετὰ Μάρκον βασιλείας ἱστοριῶν βιβλία ὀκτώ, Лейпциг, 1789-1805, 5 тт. — **Геродот**, *Historiæ*, Страсбург, 1816, 5 тт. — **Хиттелл**, Дж. Т., *История умственного развития человечества в древности* (*Mental Growth of Mankind in Ancient Times*), Нью-Йорк, 1893. — **Хициг**, Ф., *К древнейшей истории народов и мифов* (*Zur ältesten Volks-und Mythengeschichte*), Лейпциг, 1845; Эпиграфические мелочи (*Epigraphische*

Miscellen). (в Zeitschr. d. Deutschen Morganländ. Ges. Т. XII, 1858, с. 695).—**Хогг**, Дж., «О некоторых надписях с Кипра», скопированных командором Лейстером, Р. Н., Лондон, 1862. (Перепечатка из «Трудов Королевского литературного общества».)—**Гомер**, «Одиссея», Флоренция, 1488.—**Hommel**, F., Geschichte Assyriens und Babyloniens, Berlin, 1885. (Содержит достаточно полное изложение доводов автора в пользу теории вавилонского, а не египетского происхождения финикийского алфавита, по поводу которой мнения авторитетов расходятся.)

Jeremias, J., Tyrus bis zur Zeit, Nebukadnezars, Лейпциг, 1891. — **Иосиф Флавий**, κατὰ Ἀπίωνος, Базель, 1544. — **Judas**, A. C., Étude démonstrative de la langue Phénicienne et de la langue Libyque, Париж, 1847; Essai sur la langue Phénicienne avec deux inscriptions puniques inédites, Paris, 1842; Nouvelles études sur une série d'inscriptions numidico-puniques, Paris, 1857.—**Justinus**, *Historiarum Philippicarum Libri XLIV*, Venice, 1470. (Считается, что рассказ о ранней истории финикийцев, содержащийся в работе Трога Помпея, которую сократил Юстин, был основан на утраченной «Книге царей» Тимагана и был довольно обширным. Остатки работы Юстина очень скудны, но относительно ценны из-за недостатка других источников).

Кенрик, Дж., «Финикия», Лондон, 1855. (Работа, которая пытается сделать для финикийцев то же, что Уилкинсон сделал для египтян, и в значительной степени успешно. Все еще очень ценная работа.) — **Киддер**, Д. П., Тир: его возвышение, слава и разрушение, с общими сведениями о финикийцах, Нью-Йорк, 1852. — **Киперт**, X., Die geogr. Stellung der nördl. Länder in der phöniz.-hebr. Erdkunde (в Berl. Acad. d. Wiss. 1859, стр. 191 и далее). — **Копп**, Н. Ф., *Palæographia critica*, Мангейм, 1829 (см. стр. 90-240, Inscr. Semiticæ); *Bilder und Schriften der Vorzeit*, Мангейм, 1819-1821, 2 тома.—**Крузе**, Ф., Ulrich Jasper Seetzen's Reisen durch Syrien, Palästina, Phönizien, die Transjordanländer, Arabia, Petræa, und Unter-Ægypten, Берлин, 1854, 2 тома.

Лажар, Ф., Введение в изучение публичного культа и мистерий Митры на Востоке и Западе, Париж, 1847. — **Ланчи**, М., Замечания о финикийско-египетском барельефе, хранящемся в Карпентрассо, Рим, 1825; Священное Писание, иллюстрированное финикийско-ассирийскими и египетскими памятниками, Рим, 1827; *Paralipomeni alla illustrazione della sagra scrittura per monumenti assirii ed egiziani*, Париж, 1845; *Ragionamento di M. Lanci intorno a nuova stela fenicia scoperta in Malta*, Рим, 1855.—**Ландау**, В. фон: Beiträge zur Altertumskunde des Orients. Часть I: Belagerung von Tyros. Часть II: Die phöniz. Inscr., Лейпциг, 1899. — **Ланг**, Р. X., Cyprus: Its History, its Present Resources and Future Prospects, Лондон, 1878. — **Ласаль**, Ш., Origin of Western Nations and Languages showing the Construction and Aim of Punic, etc., Лондон, 1883.—**Лэйард**, А. X., Открытия в руинах Ниневии и Вавилона, Лондон, 1853.—**Лаваль**, Л. де, Путешествие по Аравийскому полуострову Синай и Среднему Египту, Париж, 1855-1859.—**Ледрен**, М., Курс семитской эпиграфики и ассирийской археологии, Париж, 1883; Краткое описание финикийских памятников Луврского музея, Париж, 1888. — **Леманс**, К., Памятники с финикийскими, карфагенскими, нумидийскими и ливийско-финикийскими надписями, Лейден, 1842.—**Lenormant**, F., Le légende de Cadmus et les établissements phéniciens en Grèce, Paris, 1867.—**Lenthéric**, Ch., La Grèce et l'Orient en Provence, Paris, 1878.—**Lessert**, Pallu de: Les fastes de la Numidie, Constantine, 1888.—**Levy**, M. A., Phöniz. Studien, Бреслау, 1856-1870, 4 части; Phöniz. Wörterbuch, Бреслау, 1864; Siegel und Gemmen mit aram., phöniz., althebr., himjar., nabataëischen und altsyrischen Inscr., Бреслау, 1869.—**Лихтенштейн**, А. А. X., Tentamen palæographiæ Assyrio-Persicæ, Хельмштадт, 1803.—**Лидзбарски**, М., Handbuch der semitischen Epigraphik, Weimar, 1898, 2 vols.; Ephemeris, Giessen, 1900.—**Livy**, Titus, *Historiarum Ab Urbe Condita libri*, London, 1600.—**Longpérier**, A. de: Inscriptions phéniciennes de Carthage (в Journ. Asiat. Ser. VI, т. XIII, с. 343).—**Лопте**, Л., La Syrie

d'aujourd'hui, Париж, 1884.—**Люин**, герцог де, Mémoire sur le sarcophage et l'inscription funéraire d'Esmunazar, roi de Sidon, Париж, 1856.

Мальте-Брун, К., Geschichte der Erdkunde von den ältesten bis auf die neuesten Zeiten, Лейпциг, 1816, 2 тома. — **Мальцан**, Х. Фрайхер фон, Reise auf der Insel Sardinien. Nebst einem Anhang über die phöniz. Inschr. Sardinien, Лейпциг, 1869. — **Масперо**, Г., Histoire ancienne de l'orient, Париж, 1886. — **Майер**, Э., Erklärung phöniz. Sprachdenkmäler, die man auf Cypern, Malta und Sicilien gefunden, Тюбинген, 1860. — **Мела**, Помпоний, De situ orbis libri III (в Dionysius Alex. et Pomp. Mela sit. orb. descr.), 1577, и «Редкие и необычные произведения», Лондон, 1590.—**Мельтцер**, О., «История карфагенян», Берлин, 1879. (Превосходное научное исследование ранней истории Карфагена, но вышел только первый том « », охватывающий период до 306 г. до н. э.)—**Meyer**, Ed., Geschichte des Altertums, Штутгарт, 1884-1902, 5 томов; Meyers Konversations-Lexikon, Лейпциг и Вена, 1894-1897, 17 томов.—**Michaeler**, К., Historisch-kritische Abhandlung von den Mysterien, Вена, 1796.—**Моммзен**, Теодор, Römische Geschichte, Берлин, 1853-1856—**Монтескье**, барон де, Esprit des lois, Париж, 1740.—**Монфоко**н, Б. де, Палеография греческая, Париж, 1708; Древность, объясненная и представленная в рисунках, Париж, 1719.—**Моверс**, Ф. К., Финикийцы. Т. I, Бонн, 1841; Т. II в трех частях, Берлин, 1849-1856; Phönizien (в Allg. Encyclop. von Ersch und Gruber, Ser. III, T. XXIV, стр. 319-443); Phönizische Texte erklärt, Бреслау, 1845-1847, 2 т.; Die punischen Texte im Poenulus des Plautus kritisch gewürdigt und erklärt, Бреслау, 1845.

Франц Карл Моверс родился в Кесфельде, Пруссия, 17 июля 1806 года; умер в Бреслау 28 сентября 1856 года. Профессор Моверс был, по сути, человеком одной идеи и одной книги; но идея эта была широкой, а книга — эпохальной. Моверс, по-видимому, еще в молодости выбрал историю Финикии в качестве предмета, которому он посвятил свою огромную энергию и научное внимание. Это была почти нетронутая область. Помимо смутных преданий греков, о этом народе, сыгравшем столь важную роль в распространении восточной культуры по всему западному миру, было известно сравнительно мало. Тема была особенно сложной, потому что, в отличие от египтян и вавилонян, финикийцы оставили очень мало памятников, которые могли бы рассказать потомкам об их величии. Но профессор Моверс с предельной усердностью отслеживал все найденные следы, и хотя он не дождался завершения своей работы, он подарил миру частичную историю финикийцев, которую ни один последующий исследователь их истории не может игнорировать. В целом его результаты выдержали испытание временем, и даже сейчас Моверс должен считаться ведущим авторитетом в области истории финикийцев.

Мюллер, Ф. Х., Commentatio de rebus Semiticis, Берлин, 1831. — **Мюллер**, В. М., Ein Phönik. König (в Mitteil. d. Vorderasiat. Ges. 1896), Берлин, 1896. — **Мунк**, С., L'inscription phénicienne de Marseilles, trad. et commentée, Paris, 1848.—**Мюнтер**, Ф., Die Religion der Karthager, Копенгаген, 1816; Der Tempel der himmlischen Göttin zu Raphos, Копенгаген, 1824; Om en nyling blandt ruinerne of Karthago opdaget Punisk gravskrift, Копенгаген, 1824. (Эти работы в настоящее время представляют интерес в основном только для антикваров.)

Оберхуммер, Э., «Финикийцы в Аркадии», Мюнхен, 1882. — **Онефальш-Рихтер**, Макс, «Кипр, Библия и Гомер. Beiträge zur Cultur-, Kunst-, und Religionsgeschichte des Orients im Altertume, Берлин, 1893, 2 тома.—**Olshausen**, J., Phöniz. Ortsnamen ausserhalb des semitischen Sprachgebietes (в Neues Rheinisches Museum, 1853, стр. 321 и далее).

Папир, А., и **Меликс**, Sur dix-huit inscriptions nouvelles communiquées à l'académie d'Hippone (в Bulletin de l'Acad. d'Hippone, 1886, № 21, с. 81-112).—**Павсаний**, Ἑλλάδος περιήγησις.—

Перро, Г., и Чипие, К., История искусства в Финикии, Лондон, 1885, т. III серии.—**Петерс, Дж. П.**, Вавилонское происхождение финикийского алфавита (в *Proceedings of the Soc. of Bibl. Archaeol.*, т. VI, с. 73 и далее); Заметки о современных теориях происхождения алфавита (в *Journal of the American Oriental Society*, т. XXII, с. 177, Нью-Хейвен, 1901); «Ниппур, или Исследования и приключения» и др., Нью-Йорк и Лондон, 1897, 2 тома. — **Филон Библийский**, «История финикийцев» в «*Fragmenta Hist. Græc.*» Мюллера, т. III, Париж, 1841-1851. (Это предполагаемый перевод Санхониафона, о котором уже упоминалось. Считается бесспорным, что автор опирался на местные источники и не выдумывал легенды, которые он рассказывает, независимо от того, существовал ли такой автор, как Санхониафон.) — **Филострат**, Цюрих, 1844. — **Пичман, Р.**, *Geschichte der Phönizier*, Берлин, 1889.

Книга профессора Пичмана, написанная для серии *Opusken*, является самой последней и наиболее авторитетной работой по данной теме. Она ни в коем случае не заменяет великие труды Моверса и Кенрика, но воплощает в себе результаты исследований, которые не были проведены на момент написания этих работ, и таким образом в относительно краткой форме обобщает практически все, что в настоящее время известно о финикийцах.

Плиний Младший, *Historiarum Mundi*, Лондон, 1826; История мира, перевод П. Холланда, Лондон, 1601.—**Полибий**, *Καθολικὴ κοινὴ ἱστορία*. (Полибий, личный друг Сципиона, был свидетелем разрушения Карфагена в 146 г. до н. э. Он является непревзойденным авторитетом в истории Пунических войн, но из его сорока книг сохранились только первые пять. Из них существует несколько английских переводов.) — **Пруц, Х.**, *Aus Phönizien: geographische Skizzen und historische Studien*, Лейпциг, 1876.

Кейпо, Дон В. Баскес, *Essai sur les systèmes métriques et monétaires des anciens peuples depuis les premiers temps historiques jusqu'à la fin du Khalifat d'Orient*, Париж, 1859.

Роулинсон, Г., «Руководство по древней истории», Оксфорд, 1869; «История Финикии», Лондон, 1889. — **Роулинсон, Х. К.**, «Двуязычные тексты — клинопись и финикийский язык». Заметки о некоторых табличках в Британском музее, содержащих двуязычные надписи (Ассирия и Финикия), (в *Журнале Королевского Азиатского общества*, новая серия I, стр. 187-247).—**Ренан, Ж. Э.**, Миссия в Финикии, Париж, 1865-1874, 9 частей; Каталог предметов, полученных в результате миссии в Финикии, Париж, 1862; Общая история и сравнительная система семитских языков, Париж, 1855.—**Руже**, виконт Эм. де: *Mémoire sur l'origine égyptienne de l'alphabet phénicien*, Париж, 1874. (Оригинал мемуаров был передан Академии примерно двадцатью годами ранее, но был случайно уничтожен и поэтому никогда не был опубликован. Настоящая статья придала популярность взглядам автора, согласно которым финикийский алфавит происходит от иератической формы египетской письменности).

Saalschütz, J. L., *Zur Geschichte der Buchstabenschrift, in besonderer Beziehung auf Hebräer, Phönizier, Griechen und Ägypter*, Königsberg, 1838.—**Saint-Martin**, Vivien de, *Le Nord d'Afrique dans l'antiquité*, Paris, 1863.—**Saulcy, F. de**, *Mémoire sur une inscription phénicienne déterrée à Marseilles*, Paris, 1847.—**Сэйс, А. Х.**, Древние империи Востока, Лондон, 1884; Новые финикийские и израильские надписи (в *Babylonian and Oriental Record*, т. I, с. 193, Лондон, 1886-1887).—**Шольц, П.**, Идолопоклонство и магия, Регенсбург, 1877.—**Шрёдер, А.**, «Обзор важнейших мест и география древних народов», Зундта, 1831. —**Шрёдер, П.**, «Финикийский язык», Галле, 1869; «О некоторых фрагментах финикийских надписей с Кипра» (в *Monatsber. d. Berl. Acad. d. Wiss.* 1872, стр. 330 и далее, Берлин, 1872); *Phönizische Miscellen*. (в *Zeitschrift d. Deutschen Morgenländ. Ges.*, т. XXXIV, стр. 675, Галле, 1880).—**Сефе, П.**, *Les marines de guerre de l'antiquité et du moyen age*, Париж, 1886.—**Смит, Р.**, *Kinship and Marriage in Early Arabia*, Кембридж, 1885.—**Смит, Р. Б.**, *Carthage and the Carthaginians*, Лондон, 1878.—**Социн, А. и Гучмид, А. фон**, *Phoenicia* (в *Encycl. Brit.*, т. XVIII, 9-е изд.).—**Спиро, Ф.**, *Les inscriptions et les*

stèles votives de Carthage, Лозанна, 1895. — **Стаде**, Б., Erneute Prüfung des zwischen dem Phönizischen und Hebräischen bestehenden Verwandtschaftsgrades ein Beitrag zur morgenländ. Sprachkunde (в Morgenländ. Forschg. 1875, стр. 167-232, Лейпциг, 1875).—**Штадтхаген**, Д., De quibusdam marmoribus Phœnicis præmisso specimine de Scripturæ alphabeticæ origine, Берлин, 1846. —**Страбон**, Geographica, Венеция, 1516.

Татиан, Oratio ad Græcos, под редакцией Уорта, Оксфорд, 1700.—**Темпл**, сэр Г., Phœnician Tombstone found in Maghrawah in Tunis (в Transactions of the Roy. Asiat. Soc., т. III, с. 548).—**Тиле**, К. П., La Religion des Phéniciens (в Revue de l'histoire des religions, т. III, Париж, 1881).—**Тиссо**, «Сравнительная география римской провинции Африка», Париж, 1884-1888, 2 тома.—**Тернер**, У. У., «Заметки о финикийских надписях Сидона» (в «Журнале Американского восточного общества», 1862, стр. 48 *и далее*, Нью-Хейвен, 1862); The Sidon Inscriptions, with a Translation and Notes (в Journal of Am. Oriental Soc., 1856, стр. 243 *и далее*, Нью-Хейвен, 1856).

Бассалло, К., Античные памятники на Мальте. Финикийский и египетский периоды, Валетта, 1851. — **Во**, В. С. В., Надписи финикийским шрифтом, хранящиеся в Британском музее, обнаруженные на месте Карфагена, Лондон, 1863.—**Vierthaler**, Philosoph. Gesch. der Menschen und Völker, Salzburg, 1787-1794, 4 vols.—**Vogüé**, M. de, Six inscriptions phéniciennes d'Idalion, Paris, 1875; Mélanges d'archéologie orientale, Paris, 1868.

Wachsmuth, К., Stadt Athen im Alterthum, Лейпциг, 1874-1890, 2 тома.—**Weber**, G., Allgemeine Weltgeschichte, Лейпциг, 1857-1880, 15 томов.—**Weinrich**, De Phœnicum literatura, Майнинген, 1714.—**Веллхаузен**, Й., «Skizzen und Vorarbeiten», Берлин, 1884. —**Уитни**, У. Д., «On de Rougé's Derivation of the Phœnician Alphabet from the Egyptian Characters» (в «Journ. of Am. Oriental Soc.», т. X, с. 131).—**Уильямс**, Х. С., The History of the Art of Writing, Нью-Йорк и Лондон, 1902. —**Винклер**, Х., Altorientalische Forschungen, Лейпциг, 1893. —**Вуттке**, Х., Geschichte der Schrift und des Schriftthums, Лейпциг, 1872.

Ксенофонт, Κύρου Ἀναβάσις, Оксфорд, 1735; Κυροπαδεία, Флоренция, 1516.

ЧАСТЬ VI

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ АЗИИ

Основана главным образом на следующих источниках

ЭРНСТ БАБЕЛОН, МАКС ДУНКЕР, ПАУЛЬ КАРОЛИДЕС, ЭДУАРД МЕЙЕР,
ПЕРРО И ШИПИЗ, ЖОРЖ РАДЕ, А. Х. СЭЙС,
А. СОЦИН, ЧАРЛЬЗ В. СУПЕР

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ ПЕНТАУРА, Х. К. БРУГШ, СТЕФАН
ВИЗАНТИНУС, ДЖ. А. КРЕЙМЕР, ДЕМЕТРИЙ СКЕПСКИЙ,
ДИОДОР, ДЖОРДЖ ГРОТ, ГЕРОДОТ, ФРИЦ
ХОММЕЛЬ, ЮСТИН, ПОМПОНИЙ МЕЛА, НИКОЛАЙ
ИЗ ДАМАСКА, Г. ШЛИМАН, ПЛИНИУС
СЕКУНД, СТРАБОН, ФУКИДИД,
КСАНФ, КСЕНОФОН

ВМЕСТЕ С ВВОДНОЙ СТАТЕЙ О
ПОЛОЖЕНИИ МАЛОЙ АЗИИ В ИСТОРИИ

АВТОРА

УИЛЬЯМА ДЖ. ХЭМИЛТОНА

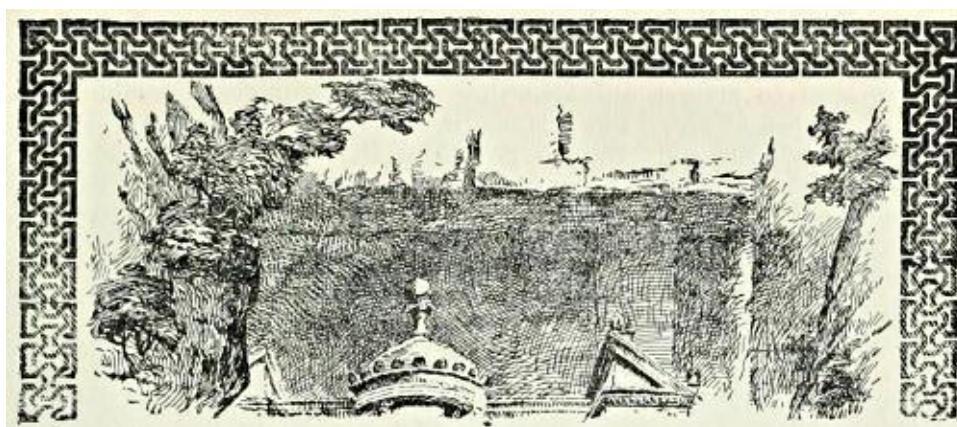
АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

ЧАСТЬ VI. — ЗАПАДНАЯ АЗИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Место Малой Азии в истории	373
Краткая история малых королевств Западной Азии	380
Глава I. Хетты	391
Глава II. Скифы и киммерийцы	400
Глава III. Некоторые народы Сирии, Малой Азии и Армении	413
Глава IV. Лидийцы	421
Приложение А. Классические традиции	438
Краткий справочный список авторитетных источников по главам	464
Общая библиография по истории малых народов Западной Азии	465

ПОЛОЖЕНИЕ МАЛОЙ АЗИИ В ИСТОРИИ

УИЛЬЯМ ДЖ. ХЭМИЛТОН

Из его работы «Исследования в Малой Азии, Понте и Армении»

Пожалуй, ни одна страна в мире не представляет такого интереса для географов, историков и антикваров, как Малая Азия. Не будет преувеличением сказать, что на этом

обширном полуострове едва ли найдется хоть один участок земли, пусть даже самый маленький, который не содержал бы каких-либо древних памятников или не был бы в той или иной степени связан с историей, которая на протяжении более чем тридцати веков без перерыва фиксировала самые волнующие события в судьбе человечества и в течение которых эта страна привлекала внимание всего мира как поле битвы могущественных наций.

Другие страны и другие народы процветали в течение некоторого времени и, возможно, оставили после себя более сильное чувство интереса к мыслям и размышлениям человечества. Но между ними существует заметное различие: в то время как они привлекали к себе первостепенное внимание в течение столетия или более, поднявшись на вершину величия, только чтобы впасть в еще большее варварство, Малая Азия с самого начала исторического периода продолжала оставаться главным объектом интереса и притяжения.

Возможно, это действительно так, когда мы листаем первые страницы анналов мира, что Малая Азия имела лишь второстепенное значение, когда в Египте правили династии фараонов. Когда сыновья Израиля отправились покупать зерно у египетских царей, мы не читаем о цивилизации Малой Азии, и она не создала в какой-либо период такие сооружения, как пирамиды или храмы Нила, чтобы запечатлеть таланты своих архитекторов или настойчивость своего народа; возможно, что исследователь истории с трудом найдет в самые процветающие периоды Ионийского союза созвездие талантов, патриотизма и мужества, равных тем, которые озаряют славные дни Афин, когда наука, литература и искусство процветали под эгидой Минервы, а величайшие из ее военных героев не гнушались брать уроки у философов или руководить работой скульпторов, художников и архитекторов.

Опять же, если мы посмотрим на историю Древнего Рима и рассмотрим события, которые происходили там в течение тысячи лет, мы, возможно, найдем большее восхищение и привлекательность, чем все, что может предложить история Малой Азии. Систематическое законодательство и конституция Римской республики, неограниченная власть императоров, завоевательные планы, осуществлявшиеся при обеих формах правления, и безграничное богатство, накопленное в первые годы империи, — вот некоторые из ее характерных черт, которые никогда не повторялись нигде больше.

И, чтобы упомянуть еще один пример, даже сама Сирия была объектом большего интереса, чем любой другой район в мире до или после нее. Рождение нашего Спасителя и события, которые произошли в Иерусалиме во время Его пребывания на земле, придали этой части Сирии степень интереса и возвышенных ассоциаций, которые не имеют себе равных.

Интерес к Малой Азии в той или иной степени сохраняется во все века, от первых рассветов истории, через классические периоды греческих республик и мрачные века византийского бесправия, вплоть до самых наших дней. Не претендуя даже на то, чтобы дать хотя бы слабый обзор ее истории, я остановлюсь здесь на нескольких наиболее интересных моментах, которыми отличается эта часть мира.

Здесь происходили те замечательные события, которые ученые или воображение ранних поэтов приписывали героической эпохе. Экспедиция аргонавтов, начавшаяся на побережье Фессалии, прошла через Пропонтиду и Эвксинский залив, вдоль берегов Вифинии, Пафлагонии и Понта, посетив различные народы, описания которых дошли до нас с достоинством восхищения. Но еще более интересная местность представлена нам на

берегах Малой Азии. Между Симеем и Скамандером, на равнинах Трои, мы можем посетить место, где, по воображению поэта, боги древности спустились с Олимпа и присоединились к развлечениям и состязаниям человечества. По мере приближения к периоду классической истории значение этой страны возрастает. Город Сарды был построен у слияния золотоносных рек Пактол и Гермус; и мы ослеплены рассказами о богатстве Креза, которое привлекло оружие и пало под храбростью персов, которые, перейдя Халис, основали свою столицу в Сардах в 548 году до нашей эры. Здесь они правили более двухсот лет, в течение которых Сарды были разграблены войсками Афин, а мириады Дария и Ксеркса тщетно пытались отомстить за оскорбление, наложив цепи на группу свободных людей.

После этого последовали походы младшего Кира и отступление Десяти тысяч; и многочисленные греческие города, главным образом на побережье Ионии, Эолии и Карии, основанные эмигрантами и изгнанниками из Греции, зародились, процветали и росли, то будучи независимыми, то подчиняясь персидскому правлению, но всегда поставляя ученых, которые в области философии, музыки, истории, скульптуры, живописи и архитектуры были достойными соперниками своих европейских учителей.

Но Малая Азия вновь стала ареной войн и завоеваний. Битва при Гранике стала благоприятным началом карьеры Александра, а его завоевание полуострова было закреплено битвой при Иссе. Но империя, которую он основал, развалилась, когда рука, которая ее создала, перестала ею управлять. Его завоевания перешли в руки соперничающих генералов, и равнины Малой Азии были среди трофеев, за которые они сражались. Антигон Эвмен и Лисимах установили свою власть в разных частях с разным успехом, но династия царей правила в Пергаме непрерывно, пока Аттал Филопатор в 133 г. до н. э. не завещал свое царство римскому народу.

Таким образом, в эту страну был внесен еще один элемент раздора. Прошло много лет, прежде чем Рим смог спокойно вступить во владение этим наследством. Со времени смерти Александра в отдаленной провинции Понт тихо росла сила, соперничавшая с властью царей Пергама. Последний царь Понта, Митридат Евпатор, приложил все свои необычайные силы и ресурсы своего народа, чтобы долгое время успешно противостоять продвижению римских войск. В Каппадокии и Понте, в Исаврии и горных районах Киликии скалистый и почти непроходимый рельеф местности позволял местным племенам долго сопротивляться захватчикам, и только во времена Юлия Цезаря и его преемника весь полуостров стал неотъемлемой частью территорий «госпожи мира». Описания этих длительных сражений составляют одни из самых интересных страниц в произведениях писателей эпохи Августа.

Теперь на эту часть мира надвигалась новая, более светлая эпоха; в первые годы имперского правления каждая провинция и каждый район ощутили на себе влияние высокой цивилизации и роскошных обычаев Рима. Новые города обязаны были своим величием и роскошью общественных зданий покровительству императоров, а те, которые пострадали во время войн, были восстановлены и обогащены теми же щедрыми руками. Им были предоставлены новые почести и привилегии, а продукты благоприятного климата получили новое стимулирование благодаря всеобщему миру. Даже те судорожные потрясения природы, которые в этот период уничтожили многие из ее городов и храмов, были лишь стимулом для новых актов щедрости, о чем свидетельствуют монеты и надписи, которые путешественник встречает почти во всех частях этого полуострова.

Но это процветание было недолгим; роскошь и обширность Римской империи принесли с собой сопутствующие язвы слабости и распада. Восстания внутри страны и мятежи на границах, сопровождавшиеся военным неповиновением, вскоре изменили прекрасные черты мира на искаженный облик войны; изобилие уступило место нищете, а религиозный фанатизм способствовал усилению зла. Нельзя было ожидать, что Малая Азия избежит

бедствия — более того, ей, по-видимому, выпала чрезмерная доля несчастий; поскольку создание первых христианских церквей на ее территории подлило масла в огонь противостояния между язычниками и христианами; и в то время как последние разрушали языческие храмы, не обращая внимания на красоту произведений искусства или мастерство строителей, они сталкивались с жестокостью и подвергались еще более жестоким преследованиям со стороны своих идолопоклоннических врагов.

Надежда на лучшие дни появилась, когда Константин, сражаясь под знаменем креста и победив Максенция, заложил фундамент Константинополя на месте Византия, столицы будущей Восточной империи. В этот период ранняя история церкви тесно связана с историей Малой Азии. Достаточно упомянуть знаменитый Никейский собор и его вероучение, а также имена Георгия Каппадокийского, Григория Назианзинского, Евсевия и святого Василия Кесарийского. Иллюзия скоро исчезла: отступник Юлиан, увлеченный любовью к спекуляциям и увлеченный философией язычников, своим либерализмом привел к созданию тех сект, которые долгое время возмущали Восточную империю и оказывали пагубное влияние на христиан Запада. На фоне этих бедствий () те же самые орды варваров, которые разграбили равнины Италии и Фракии, принесли опустошение и разруху в другие части империи, и в то время как народы Запада попадали в руки сменяющих друг друга северных вождей, Малая Азия не смогла избежать разорения, которое обрушилось на восточные провинции.

Летописи Византийской империи содержат печальный перечень фактов насилия, интриг, угнетения и пороков. В лице Сапора, царя Персии, к этим внутренним врагам присоединился могущественный и решительный противник, и против него велась война с переменным успехом; завоевание или защита Малой Азии было той богатой добычей, за которую они сражались. Но особенно больно осознавать, что некоторые из величайших жестокостей и бедствий, которые произошли в V веке, были вызваны распрями между христианскими сектами, в которых наиболее заметными фигурами были два патриарха, Несторий Константинопольский и Кирилл Александрийский, а городом Эфес стал ареной их позорных споров.

Во время правления Юстиниана продолжались споры с Персией, и золотые прииски Трапезунда стали предметом спора между греками и Хосроем I. Во время его правления имя «турк» впервые появляется на страницах истории. Изгнав аваров из своих северных пустынь, они достигли Кавказа, откуда послали послов к императору. Взаимные интересы диктовали союз между ними и Юстинианом против персов. Однако это не помогло надолго защитить Восточную империю от могущества Великого царя.

Ираклий взшел на престол в 610 году, а в следующем году Хосров II вторгся в империю; после завоевания Сирии, Палестины и Египта его войска прошли от Евфрата до Фракийского Босфора, опустошив побережье Понта, разграбив Анкиру и взяв штурмом Халкидон. Героизм Ираклия, проявившийся в середине его правления, спас столицу и империю. Переправив свою армию по морю в Исский залив и перенеся войну на территорию врага, он заставил персов эвакуировать Малую Азию и поспешить на защиту Дастагерда и Ктесифона; а битва при Ниневии (627 г. н. э.) превратила высокомерного Хосрова в беглеца.

В VIII веке восточный мир поразил новый повод для преступлений и безумия. Поклонение изображениям, проникшее в церковную практику, теперь начало рассматриваться как идолопоклонство; и колеблющиеся греки подвергались с одной стороны этому обвинению, а с другой — обвинению в безбожии, если отказывались от этой практики. В 718 году авантюрист из гор Исаурии, командовавший анатолийскими легионами, приняв имя Льва III, взшел на престол Константинополя. Энергия, с которой он принял взгляды и направил

меры народной партии, вскоре принесла ему имя иконоборца. Спор прекратился в 842 году, когда императрица Феодора окончательно утвердила поклонение образам.

Теперь появился более жестокий и стойкий враг; неустанные усилия были направлены против всего христианского мира, от Иерусалима до Геркулесовых столбов и берегов Атлантического океана; равнины Малой Азии стали легкой добычей для доблести и численного превосходства. В течение последнего столетия ислам быстро распространился по южному побережью Средиземного моря, и поклонники *Корана* пополнили ряды армии верующих множеством арабов, сарацин и мавров. Халиф Харун ар-Рашид дважды пересекал равнины Фригии и Вифинии, чтобы осадить высоты Скутари и Понтийской Гераклеи, и заставил Никифора I платить ему ежегодную дань. Феофил, сын Михаила II, отомстил за эти оскорбления и в своей пятой экспедиции проник в Сирию; но халиф Мутаззим вновь опустошил равнины Фригии и направил свои усилия против Амория, места рождения Михаила. Императорская армия была разгромлена и преследовалась до Дорилея, который попал в руки завоевателя.

Здесь нет необходимости останавливаться на подъеме и прогрессе турецкой нации или показывать, как Тогрул-бей, внук Сельджука, стал их лидером после поражения Махмуда Газневи. Алп Арслан, племянник Тогрула, завершил завоевание Армении и Грузии, но, проникнув во Фригию, его войска были отброшены к Евфрату императором Романом Диогеном, храбрым воином, за которого вышла замуж императрица Евдокия ради безопасности государства. Однако в августе 1071 года император неосторожно вступил в битву при Маласкерде и потерпел поражение, в результате чего была установлена власть дома Сельджуков; азиатские провинции Рима, теперь утраченные для христианского мира, вскоре были захвачены пятью сыновьями Кутулмиша, принца из дома Сельджуков, которые разбили свой лагерь в Кутахиях. После смерти Альп Арслана от руки убийцы его преемником стал его сын, знаменитый Малик Шах.

После его смерти в 1092 году его империя, простиравшаяся от Черного моря до границ Сирии и от Евфрата до Константинополя, была разделена между его пятью сыновьями, младший из которых вторгся в римские провинции Малой Азии, и после нескольких лет предательства и глупости со стороны греческих полководцев султан Сулейман [Сулайман] построил свой дворец и крепость в Никее, столице Вифинии, и резиденция династии сельджуков Рума была основана в ста милях от Константинополя.

Историк-генерал предоставляет подробные сведения об этих интересных событиях: Иерусалим, святой город, объект поклонения и паломничества, вскоре попал в руки этих сельджукских турок. Пустой союз между императором и султаном Никеи был разорван; от Константинополя до дальних берегов Британии пронесся дрожь ужаса от поведения неверных, и отряды воинов со всех концов христианского мира устремились на помощь Гробу Господню и на освобождение императора Византии из железных тисков турецкого завоевателя.

В первом крестовом походе их успех начался с осады и завоевания Никеи, и равнины Малой Азии вновь стали полем сражения народов. Здесь рыцари Европы встретили всадников султана и выдержали их удар, и Дорилей во второй раз стал ареной решающей битвы; города Антиохия Писидийская и Икония пополнили ряды крестоносцев после изнурительного марша по голым и засушливым равнинам Фригии. Оттуда они пересекли горный барьер Тавр, спустились в Киликию и продолжили завоевание Сирии и Святой Земли. Установление генуэзцев в Константинополе и во многих местах вдоль побережья и в глубине страны последовало за походом крестоносцев, и греческий император принял в свое доверие коварного врага вместо открытого врага у своих ворот, в то время как в

течение следующего полувека сельджукские турки вновь вторглись в Малую Азию и восстановили процветающее королевство Икониум.

Но вскоре на арене войны появилась новая сила. В начале XIII века Чингисхан повел своих монгольских последователей из родных пустынь на завоевание мира. Их продвижение не было остановлено его смертью в 1227 году, поскольку под руководством его сыновей и внуков их власть распространилась на Китай, Персию, Венгрию, Россию и Сирию; а когда они были остановлены в Египте (), они распространились на Армению и Малую Азию. Здесь султаны Икониума оказали некоторое сопротивление их продвижению, пока Ала-уд-Дин не нашел убежище в Константинополе. Но когда наконец волна завоеваний моголов откатилась обратно на Восток, династия Сельджуков Икониума была уничтожена; Ортогрул, один из последователей Ала-уд-Дина, последнего из их султанов, разбил свой лагерь из четырехсот семей в Сургуте на берегу Сангариуса; а его прямые потомки, проникнув в Вифинию в 1299 году, вскоре после этого обосновались в городе Бруса. Непосредственным результатом этого завоевания стало разделение Анатолии между турецкими эмирами; оставшиеся азиатские провинции, включая семь церквей Азии, были окончательно утрачены христианским императором, а турецкие правители Лидии и Ионии по-прежнему попирают руины христианских памятников.

Более 150 лет турки османской династии удерживали власть над Анатолией, и частые столкновения между ними и морскими силами христиан только усиливали мощь османов, облегчали их проникновение в Европу и способствовали их установлению власти в Фракии и окрестностях Адрианополя. За исключением королевства Трапезунд, Баязит I завоевал все азиатские провинции императора, и в Европе ему осталась лишь небольшая территория в окрестностях Константинополя. Из императорской резиденции в Брусе издавались приказы почти до Инда, и сам Константинополь казался в руках Баязета. Он уже подготовил свою экспедицию, и столица империи была готова стать его добычей, когда временное облегчение появилось из нового квартала, и сам Баязет был свергнут более сильной рукой.

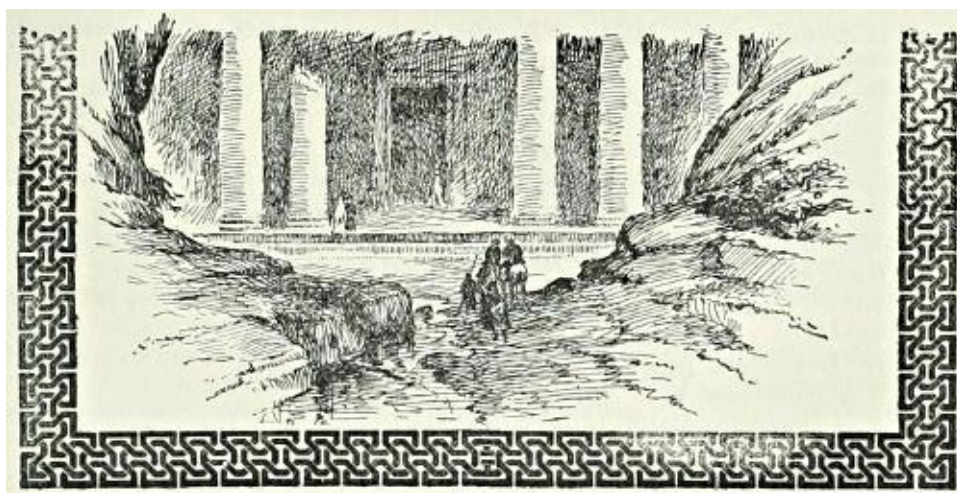
Эта соперничающая сила возникла в диких землях вокруг Самарканда, и мир вновь должен был быть завоеван армией татар и моголов под командованием Тимура, или Тамерлана. Персия, Татария и Индия уже подчинились его оружию, прежде чем он обратил его против Османской империи, под влиянием ссор и разногласий, возникших между Баязетом и его христианскими соседями. Гений Тамерлана восторжествовал в памятной битве при Ангоре; султан сразу же лишился своего королевства и свободы, а завоеватель обосновался в Кутахиях. Море положило конец его продвижению, и, не имея средств для переброски своей армии в Европу, он в Смирне обдумывал завоевание Китая, но умер во время похода в Поднебесную империю.

В 1403 году Бруса вновь стала столицей Османской империи и разделила с Адрианополем честь быть имперской резиденцией; но Анатолия почти сорок лет была раздираема гражданскими войнами сыновей и потомков Баязета, пока в 1451 году на престол не взошел Мухаммед II, положивший конец существованию Византийской империи. Ослабленный и истощенный каждым последующим правлением и потерявший одну за другой те богатые и плодородные провинции, которые составляли самые яркие жемчужины в императорской короне, Константинополь был доведен до последней стадии нищеты еще до того, как турецкое войско окружило его тройные укрепления. Он все еще дышал судорожными вздохами, как туловище, лишенное конечностей, страдая от последних пульсаций жизни. Некоторые греки в последние минуты проявили тщетную храбрость, даже после того, как враг взобрался на стены, но это только усугубило жестокость их завоевателей.

Падение Константинополя в 1453 году и потеря Трапезунда в 1461 году положили конец истории Восточной империи. С тех пор, находясь под властью и гнетом турецких деспотов,

города Малой Азии утратили свою торговлю и коммерцию, их население истощилось, а самые красивые и богатые равнины остались без ухода и возделывания. Власть янычар, деспотизм Порты и восстания местных правителей поддерживали вплоть до последних лет систему вражды между различными провинциями, в то время как неопределенность их власти и взаимная ревность мешали благонамеренным вождям сдерживать набеги кочевых племен туркменов и курдов, поселившихся в центральных равнинах. Эти совокупные причины на многие годы парализовали также энергию европейских путешественников. Опасности и трудности, которые нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить, сделали большую часть внутренних районов Малой Азии закрытой книгой для исследователей, и ее многочисленные интересные памятники древности, города, храмы, цитадели и гробницы, находящиеся в различной степени разрушения, долгое время оставались неизвестными. В этот мрачный период алчность и фанатизм турок систематически уничтожали их или отправляли под зубило или в известковую печь.

Но на Востоке наступает рассвет, пусть и слабый, более счастливых дней. Фанатизм турок уступил место более частым контактам с христианами, и многие из прежних трудностей были устранены благодаря установлению, по крайней мере на время, власти Порты во всех азиатских провинциях, от Эвксинского моря до берегов Карамании и от побережья Ионии до восточных границ Каппадокии. , и эффект этого частичного улучшения виден в толпах нетерпеливых и предприимчивых путешественников, которые направляют свои шаги к берегам Ионии и Карии и проникают в районы Фригии, Лидии и Галатии.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МЕЛКИХ ЦАРСТВ ЗАПАДНОЙ АЗИИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

ХЕТТЫ

Важное монголоидное племя Малой Азии, по преданию происходившее от Хета, сына Ханаана, сына Хама. Они были одним из семи основных ханаанских племен. В дни своей мощи их власть простиралась на большую часть Малой Азии и, возможно, на северную Сирию. Расширение власти Египта во время XVIII династии вскоре привело фараонов к контакту с хеттами, или кхетами, как их называли египтяне.

1528 г. до н.э. Хетты сражаются против Техутима III в битве при Мегиддо.

1400 г. Мощь хеттов становится грозной. Они угрожают египетским провинциям в Сирии и объединяют свои силы с вавилонскими и нахараинскими. Они основывают свою южную столицу в Кадеше.

1360 г. Хетты подверглись нападению Сети I в Кадеше.

1341 год. **Мау-тан-ар**, сын **Маро-сара**, убит своим братом **Хета-саром**, который наследует трон.

1340 Битва при Кадеше. Великая победа Рамсеса II над хеттами и их союзниками.

1325 г. Мирный договор между Хета-саром, царем хеттов, и Рамсесом II.

1110 г. Хетты, или хатты, как их называли ассирийцы, побеждены Тиглатпилесером I.

882 г. Хетты платят дань Ашшурназирпалу III, который уводит их князей в плен.

876 г. Ашшурназирпал входит в Каркемиш, некогда столицу хеттов, а теперь столицу мелкого государства Сангара.

854 Хетты вступают в союз, образованный Бен-Хададом II из Дамаска. Они терпят поражение при Каркаре. Большинство государств присоединяются к Ассирии.

717 К этому времени Сангара является единственным государством бывшей Хеттской империи, сохранившим независимость. Ее царь **Писирис** вместе с Митой из Моски отказывается платить дань Ассирии. Саргон II выступает против него. Жители Каркемиша переселяются в Ассирию, а город заселяется ассирийскими колонистами. Это конец последнего остатка Хеттской империи. В последние годы было обнаружено много памятников хеттов периода, наиболее важными из которых являются руины и скульптуры в Каппадокии к востоку от Халиса. Искусство, представленное в этих произведениях, носит грубый, примитивный характер, хотя на него последовательно влияли вавилонская, египетская и ассирийская культуры.

ЦАРСТВО МИТАННИ

Одним из важных царств древности было Митанни (называемое египтянами Нахараин, а в Библии — Арам-Нахараим), но в настоящее время у нас нет связного описания его истории. «Царство Митанни, — говорит Роджерс, — должно занять свое место среди небольших государств, которые оказали влияние на прогресс мира, но историю которых мы не можем проследить».

1580 год. Техутимос I из Египта достигает королевства Митанни в своей азиатской кампании. В сражении, произошедшем на границе, король Митанни терпит поражение. С этого момента между Нилом и Евфратом устанавливаются постоянные отношения.

1522 Техутимос III расширяет свои завоевания до Митанни, которая становится вассалом Египта.

1470-1400 Из писем из Тель-эль-Амарны мы знаем, что **Артатана**, **Арташума**, **Сутарна** и **Душратта** — имена некоторых из правящих царей этого периода. Между ними и

фараонами существуют семейные связи, поскольку несколько египетских правителей женились на принцессах из Митанни. Это показывает, что королевство теперь имеет некоторое значение.

1400 С этого момента мы видим, что силы Митанни вступают в союз с хеттами и, без сомнения, играют важную роль в хеттских завоеваниях. В последние годы XVIII династии Египта они играют важную роль в изгнании египтян из земли амореев. Мощь Митанни растет. Оно постоянно вступает в союз с ханаанскими и вавилонскими князьями против Египта.

1225 **Кушан-риш-атаим**, царь Митанни, захватывает Сирию и держит израильтян в рабстве в течение восьми лет. После этого мы видим, что Алеппо, Хамат и даже Дамаск находятся в руках арамейцев. В результате этой оккупации возникли царства Дамаска, Хамата, Зоба и т. д. Митанни и другие арамейские государства в Месопотамии начинают терять свою мощь по мере усиления Ассирии.

1120 Тиглатпилесер I завоевывает большую часть их территории, и ко времени Ашшурназирпала III она практически входит в состав Ассирийского царства.

АРАМЕИ

Арамейцы были народом семитской расы, языка и религии, который пришел из северной Аравии и поселился в регионе между западными границами Вавилонии и высокогорьем Западной Азии.

ЦАРСТВО ДАМАСКА

Завоевания арамейцев в Сирии привели к появлению ряда небольших государств, среди которых были Зоба, Хамат, Патин и Дамаск. Последний является единственным, который приобрел мировое историческое значение, и именно эта страна упоминается в Библии как царство Сирия. Цари Дамаска впервые появляются в истории во время правления Давида.

1000 Давид заставляет царя Дамаска платить дань.

950 Дамаск становится независимым от Соломона. Царем становится **Резон**. Его преемником, вероятно, становится **Хезион**, а затем сын последнего, **Табримон**, чьи имена известны нам только по Библии (1 Царств xv. 18), хотя есть все основания полагать, что Хезион и Резон — одно и то же лицо.

900 г. **Бен-Хадад I** наследует престол Дамаска. Аса из Иудеи, используя сокровища храма и дворца, покупает союз Бен-Хадада в его войне против Бааши из Израиля. Бен-Хадад вторгается в Израиль и положит конец конфликту.

870 г. **Бен-Хадад II (Хадад-Идри** из ассирийских памятников). Царство Дамаска теперь становится активным врагом Израиля. Омри и Ахав вступают в союз с Финикией, чтобы противостоять ему. Бен-Хадад осаждает Самарию, но отбивается Ахавом. В следующем году осада возобновляется, и Бен-Хадад снова терпит поражение в битве под Афеком. Ахав внезапно меняет свою политику и заключает дружественный союз с Бен-Хададом, чтобы противостоять растущей мощи Ассирии.

854 г. Бен-Хадад возглавляет союз Дамаска, Израиля, Хамата и других государств для сопротивления Салманасару II, который вторгается в Хамат. Битва при Каркаре и поражение союзников. Союз распадается, и Дамаск и Сирия вновь вступают в войну.

- 849 г. Бен-Хадад и Ирхулина из Хамата противостоят Салманасару, который вновь вторгся в последнюю страну. Результат, по-видимому, был неопределенным.
- 846 г. Салманасар в третий раз вторгается в Хамат, но Бен-Хадад не дает ему совершить какое-либо решающее завоевание.
- 845 **Хазаэль** наследует своего отца Бен-Хадада; вероятно, убил его.
- 842 Хазаэль, покинутый своими бывшими союзниками, решает в одиночку сражаться с Салманасаром, который в четвертый раз выступил против Сирии. Осада Дамаска, без решающего результата.
- 839 Шалманасер снова атакует Дамаск, но по-прежнему не может полностью его подчинить. Дамаск теперь переходит в наступление против Израиля. К концу века земли к востоку от Иордана и к северу от Арнона были аннексированы Хазаэлем и его преемником **Бен-Хададом III**. Но новое наступление Ассирии дает израильтянам возможность вернуть утраченные территории.
- 806-797 Адад-Нирари III совершает походы на запад и в Дамаск, под властью царя **Мари**, который сменил Бен-Хадада III, и в 797 году^[10] вынужден платить тяжелую дань.
- 773 г. Царь Ассирии (либо Ашшур-дан III, либо Салманасар III, вероятно первый) проводит кампанию против Дамаска. Царство Дамаска теперь находится в крайне слабом состоянии. Его упадок был стремительным. Помимо подчинения Ассирии, оно, вероятно, было вынуждено стать вассалом Израиля, который теперь находился на пике своей мощи. Вероятно, именно из-за этой связи
- 735 Пеках заключает союз с **Резином** (преемником, хотя и не непосредственным, Мари или Бен-Хадада III) против Ахаза Иудейского, который подвергается нападению. Начинается сирийско-эфремская война. Ахаз обращается за помощью к Тиглатпилесеру III, который охотно ее оказывает.
- 734 Тиглат-Пилесер вступает в Сирию и наносит поражение Резину, который заперся в Дамаске.
- 732 г. Падение Дамаска. Резин убит. Жители депортированы. Царство Дамаска присоединено к Ассирийской империи.

ХАМАТ И ЗОБА

В Сирии существовало два арамейских царства, которые существовали более или менее одновременно с Дамаском, хотя и не достигли такой же мощи, как последнее. Зоба находилась на северо-востоке Сирии и, вероятно, возникла на руинах хеттского и митаннийского царств. По-видимому, оно находилось в конфликте с Хаматом. Его последний царь, **Хадад-Эзер**, возглавил сирийские войска против Давида, но был свергнут (около 1000 г. до н. э.), и Зоба стала частью царства Иудеи.

Хамат находился к западу от Зовы. Рамсес III упоминает о захвате этой земли среди своих завоеваний около 1200 г. до н.э. По-видимому, тогда она находилась в руках хеттов, но позже перешла к арамеям.

1000 г. до н.э. До завоевания Давидом мы видим, что **Тои**, царь Хамата, находится в конфликте с Хадад-Эзером из Зовы. После свержения последнего Хамат всегда поддерживает дружеские отношения с Иудеей. Тои сменяет его сын **Иорам**.

854 г. **Ирхулина**, царь Хамата, присоединяется к сирийскому союзу против Салманасара II. Последний вторгается в Хамат, где происходит битва при Каркаре.

849-468 Шалманасер II вторгается в Хамат в эти годы, но совместные усилия Ирхулины и Бен-Хадада II не позволяют ассирийцам добиться решающего успеха. После этого Хамат остается верным союзником Ассирии, но не входит в состав империи.

720 г. Национальная партия выступает против уплаты дани Ассирии. Царь Хамата **Эни-Эль** свергнут, и на трон восходит узурпатор **Ил-Убиди** или **Я-Убиди**. Он готовится к сопротивлению Ассирии при помощи Ганнона из Газы. Другие государства присоединяются к конфедерации. Саргон II немедленно вторгается в Сирию. Город Хамат захвачен, и королевство становится частью Ассирийской империи.

Среди других государств Западной Азии, заслуживающих, по крайней мере, упоминания, можно назвать Эдом, Моав, Аммон и Финикию. Невозможно дать какое-либо связное изложение их истории.

Дети Исава поселились в Эдоме, изгнав хоритов. Они попадают под власть Иудеи, но предпринимают несколько попыток восстановить свою независимость.

Около 743 года Тиглат-Пилесер III заставляет царя Эдома **Кауш-Малика** платить дань. Во времена Эсархаддона царем является **Кауш-Габри**. Сеннахирим заставляет **Малик-Рамму** платить дань. Во времена Навуходоносора Эдом подвергается нападению вавилонян. Во время плена эдомиты переселяются в некоторые части Иудеи.

Моав имеет то же происхождение, что и Израиль. Он входит в состав царства Давида, но после его смерти в некоторой степени восстанавливает свою независимость. После этого более могущественные цари Израиля ведут против него войну. Около 890 года Омри заставляет **Сихона**, царя Моава, платить дань и разграбляет столицу Хешбон. Около 885 года **Каммуш-Гад** сменяет Сихона, а его, в свою очередь, сменяет его сын **Меша** (около 855 года), чья надпись, известная как «Моавитский камень», является одним из самых известных памятников древности и самым старым в семитском алфавите. Он сбрасывает иго Израиля, а затем заключается в Кир-Харешете союзными войсками Иудеи и Израиля, но нападавшие отступают, не одержав победы. Позже моавитский царь платит дань Ассирии. Некоторые из них, как упоминается, делают это: **Шаман**, **Каммуш-Надаб** и **Муссари**. Навуходоносор подчиняет моавитян в своей экспедиции в Египет.

История Аммона, столица которого была Раббат или Раббат-Аммон, похожа на историю других мелких царств, с которыми он постоянно союзничал. После Исхода израильтяне обнаруживают, что аммонитяне изгнаны со своей древней территории и поселились к востоку от верхнего Яббока. Здесь они развивают дух интенсивной вражды к израильтянам и объединяются с моавитянами и филистимлянами против них.

Во времена Озии и Иофама они платят дань Иудее и помогают Навуходоносору против Иоакима. Они продолжают существовать, всегда враждебно относясь к еврейской власти, по крайней мере до времени Юстина Мученика, который упоминает о них.

Происхождение филистимлян неизвестно, хотя предполагается, что они пришли из египетского дельты или, возможно, с Крита. Их главными городами были Аскалон, Ашдод, Газа, Гат и Экрон. Во время XVIII египетской династии они принадлежали Египту. Филистимляне, возможно, восстановили свою независимость после смерти Хун-Атена (около 1400 г.), но во времена Рамсеса II они снова оказались под властью Египта. Однако при Рамсесе III филистимляне присоединились к другим врагам Египта, выступившим против него. Саул вел с ними долгую борьбу, когда они были на пике своей мощи, и был убит в ходе филистимской победы. Давид победил их после упорной борьбы. Во времена Иорама, в 845 году до н. э., они и арабы вторглись в Иудею и напали на Иерусалим. В 797 году Адад-Нирари III получает дань от Филистии, которая является

новым завоеванием. В 734 году филистимские города были захвачены Тиглатпилесером III. Ханно, царь Газы, бежал в Египет. В 720 году Ханно и Ил-убиди из Хамата образовали конфедерацию против Саргона, но потерпели тяжелое поражение при Рафии. Ханно был захвачен и увезен в Ассирию. Филистия стала ассирийской провинцией.

МЕНЬШИЕ НАРОДЫ МАЛОЙ АЗИИ

ФРИГИЯ

Насколько нам известно, фригийцы были народностью, близкой по происхождению к некоторым племенам Македонии и Фракии. Их страна располагалась на центральном плато Малой Азии и простиралась на восток до реки Халис. Дата возникновения королевства неизвестна, но греческие предания рассказывают о правителях Гордия, на Гангери, среди которых часто встречаются имена **Гордий** и **Мидас**. В IX веке до н. э. его могущество достигло своего апогея. Примерно в конце VIII века до н. э. **Мидас**, царь Фригии, по преданию, женился на Дамодике, дочери Агамемнона, последнего царя Кимы. После этого времени могущество Фригии уступает могуществу Лидии. Около 660 года до н. э. киммерийцы захватывают Фригию, и царь **Мидас** кончает жизнь самоубийством. Киммерийцы удерживают страну до конца VII века, когда она переходит под власть Лидии, что окончательно закрепляется договором 585 года. После этого страной правят местные князья, подчиненные Лидии, до падения Креза в 546 году, когда она становится частью Персидской империи.

Фригийская культура явно не имеет восточного характера и имеет явное сходство с культурой ранней Греции.

Александр Македонский передал Фригию под командование Антигона, затем она перешла к Селевку. Западная половина страны вошла в состав Пергамского царства. При Римской империи Фригия входила в состав провинции Азия.

ЛИКИЯ

Ликийцы были небольшим народом на юго-западе Малой Азии, между Карией и Памфилией. Они были единственным народом в этом регионе, сохранившим свою независимость от лидийских царей, но в 545 году до н. э. они подчинились Харпагу, генералу Кира.

Спустя некоторое время они восстановили свою независимость и в некоторой степени сохранили ее, присоединившись к Афинскому морскому союзу. Александр без труда покорил этот народ, и в его империи им иногда правили Птолемеи, а иногда Селевкиды. Тем не менее, им удалось сохранить свои федеративные институты, даже когда они подчинялись и контролировались Римом. Лишь во времена Клавдия Ликия была официально присоединена к Римской империи.

МИСИЯ

Мисийцы были народом, союзным лидийцам. Они были частью завоеваний Алиатта и Креза и вместе с Лидией вошли в состав Персидской империи.

После смерти Александра страна была присоединена к Сирийской монархии, частью которой она оставалась до поражения Антиоха Великого. Римляне передали страну в

владение Эвмена Пергамского в награду за его заслуги во время войны. Пергам был самым важным городом Мизии и при преемниках Александра стал резиденцией процветающей греческой монархии. Он приобрел известность при **Аттале I** в III веке до н. э. Преемник Аттала, **Эвмен II**, значительно расширил и украсил город. Когда **Аттал III** умер в 133 году до н. э., он завещал королевство Риму, и таким образом вся Мизия стала частью провинции Азия.

КАППАДОКИЯ

Каппадокийцы были изначально семитским народом. В VIII веке до н. э. они ассимилировали часть вторгшихся киммерийцев.

Наши реальные знания о них восходят только к персидскому завоеванию в середине VI века. Она была включена в третью сатрапию империи Дария, хотя сатрапы сумели сделать себя практически независимыми. **Ариарат I** удержался на троне после завоевания Александром. Но после смерти последнего Пердикка взял его в плен и казнил. Его сын вернул себе трон, и его потомки правили, более или менее полностью владея королевством. Они сражались против римлян, а затем вместе с ними, принимая участие в борьбе в Вифинии и Понте. После смерти **Архелая** (17 г. н. э.) королевство Каппадокия было превращено в римскую провинцию.

КИЛИКИЯ

Киликийцы, как и каппадокийцы, были семитским или арамейским народом, управляемым царем с титулом Сеннезис еще во времена Алиатта Лидийского (около 600 г. до н. э.). Киликия последовательно переходила под власть Персидской и Македонской империй и входила в состав владений Селевкидов. Из-за слабого правительства западная часть Киликии стала оплотом большой пиратской конфедерации, которая была уничтожена Помпеем в 66 г. до н. э. Цицерон управлял страной в качестве проконсула в 51-50 гг. до н. э., но она официально стала провинцией только во времена Веспасиана.

ПАМФИЛИЯ И ПИСИДИЯ

Народы этих стран впервые появляются в истории в «*Анабасисе*» Ксенофонта. Фактически, Кир Младший оправдывал создание армии, с помощью которой он пытался захватить трон своего брата, необходимостью подавить писидийцев, которые постоянно грабили своих соседей. Во времена Александра Македонского они оказали решительное, но безуспешное сопротивление продвижению великого завоевателя. Они спокойно перешли под власть Рима, хотя и продолжали управляться своими мелкими вождями.

КАРИЯ

О происхождении и ранней истории карийцев практически ничего не известно. Они без особого сопротивления перешли под персидское иго, но присоединились к ионическому восстанию и были вновь подавлены с большим трудом. До македонского завоевания, хотя и подчиняясь Персии, страна имела своих правителей в Галикарнасе, которые находились под сильным влиянием эллинской цивилизации. Последним местным князем был **Пексодар**, а после его смерти трон захватил перс **Оронтобат**, который

оказал Александру энергичное сопротивление. Последний подарил страну **Аде**, местной принцессе, но вскоре она стала частью Македонской империи, управляемой Сирией и Пергамом. После исчезновения Пергамского царства Кария вошла в состав римской провинции Азия.

БИТИНИЯ

Бифиния была впервые заселена племенем фракийского происхождения, сначала покоренным Крезом, а затем вошедшим в состав Персидской империи, когда страна стала частью сатрапии Фригии. Когда монархия Селевкидов пришла в упадок, возникло царство Бифиния. **Никомед I** (), первый царь, основал Никомедию во время своего долгого правления (278-250 гг. до н. э.). Его преемниками были **Прусий I**, **Прусий II**, **Никомед II** и **Никомед III**. Последний царь не смог противостоять Понту и был удержан на троне римлянами. После своей смерти (74 г. до н. э.) он завещал свое царство Риму.

ПАФЛАГОНИЯ

Пафлагонцы играют небольшую роль в истории, хотя они были одним из древнейших народов Малой Азии и, по всей вероятности, принадлежали к той же семитской расе, что и каппадокийцы. Говорят, что под властью Персии у них был свой собственный князь, и они не зависели от сатрапов. После смерти Александра страна была передана вместе с Каппадокией Эвмену, но по-прежнему управлялась местными правителями, пока не была поглощена Понтом (183 г. до н. э.).

ГАЛАТИЯ

Первоначальные галаты были группой галлов, вторгшихся в Малую Азию около 277 г. до н. э. Они входили в состав армии Бренна, но отделились от него, переправились в Малую Азию и опустошили ее западную часть. Аттал Пергамский победил этот народ в 239 г. и заставил его поселиться в Галатии, где он сохранил независимость и доставил римлянам много хлопот в войнах против Антиоха. Но против них была направлена армия, и в 189 г. до н. э. они были полностью подчинены Риму. Сначала местные вожди удерживали власть под властью тетрархов. Эта система не удержалась, и вскоре остался только один правитель. Один из тетрархов, Деотар, был провозглашен королем римским сенатом за помощь, оказанную в Митридатовых войнах. Впоследствии Галатия была объединена с Ликаонией, Исаурией и прилегающими к ним районами под властью короля по имени **Аминтас**, а после его смерти (25 г. до н. э.) страна стала римской провинцией.

ЛИКАОНИЯ

Ликаонские племена населяли внутреннюю часть Малой Азии в районе, ограниченном Галатией, Каппадокией, Киликией, Фригией и Писидией. Впервые эта страна упоминается Ксенофоном. Ее жители, по-видимому, были диким и незаконным народом разбойников, практически независимым от Персидской и Македонской империй. Однако они стали подданными царя Аминта, правившего в Галатии, и после его смерти вместе с этой страной вошли в состав Римской империи.

ИСАВРИЯ

Исаврия располагалась к западу от Ликаонии. Она не упоминается в ранней истории Малой Азии, но ее жители, несомненно, были похожи по своим нравам и обычаям на ликаонцев. Их единственная известность в древней истории связана с тем, что они приняли столь активное участие в войне Рима против киликийских пиратов, что проконсул П. Сервий счел необходимым преследовать их в их собственной стране и подчинить себе, что принесло ему титул Исаврика.

ПОНТ

Понт находился в северо-восточном углу Малой Азии, гранича с Арменией и Колхидой. Первоначально это была часть Каппадокии, известная как «Каппадокия на Понте», и ее существование как отдельной территории, вероятно, началось только после времени Александра Македонского. При Персидской империи провинция управлялась как сатрапия, хотя и была практически независимой. В конце концов сатрапы начали называть себя царями. Первым из них был **Ариобарзан**, примерно в середине IV века до н. э. Его преемник, **Митридат II**, первый действительно независимый монарх, начал свое правление в 337 году до н. э. Затем последовала линия царей, в основном называвшихся Митридатами, которые сумели править независимо от македонских монархов и расширили свои владения вдоль берегов Эвксинского или Черного моря. Когда Синопа пала (183 г. до н. э.), захваченная **Фарнаком I**, Вифиния стала западной границей страны, а при **Митридате VI** «Великом» почти вся Малая Азия признала власть могущественного монарха. Понт играет роль в мировой истории только в войнах Митридата и Рима, полное описание которых можно найти в истории последней страны. Когда Помпей окончательно подчинил Митридата (65 г. до н. э.), Понт был ограничен своими первоначальными границами, а затем объединен с Вифинией в качестве римской провинции. Марк Антоний передал управление частью провинции в руки греческого ритора по имени **Полемон**, чьи потомки продолжали править до времени Нерона, когда она была окончательно присоединена к империи.

АРМЕНИЯ

Это был Урарту из ассирийских надписей, Арарат из Библии. По-видимому, изначально он был одной из стран Наири, но постепенно приобрел превосходство над другими. Он простирался на север от озера Ван, между Верхним Евфратом и Мидией. Ассирийцы начали свои нападения на Урарту во времена Тиглатпилесера I (около 1100 г. до н. э.). Ашшурназирпал прошел через южные районы страны, но не предпринял попыток присоединить ее к своим владениям. Шалманасер II разработал первый план завоевания. В 860 и 857 годах он вторгся в Урарту, когда царем был **Араме**, победил этого монарха и положил конец его династии. На престол вступила новая династия, основанная **Сардурисом I**, сыном Лутиприса. Он немедленно расширил свои границы за счет завоеваний и укрепил свое царство, поэтому, когда ассирийцы вновь вторглись в 850, 833 и 829 годах, они ушли домой, не добившись реального прогресса на севере и западе. Салманасар III (782-773) провел шесть безуспешных кампаний против Урарту, которое теперь представляло реальную угрозу для Ассирийской империи. **Аргистис** из Урарту отвоевал у ассирийцев значительную территорию, а его преемник, **Сардурис II**,

продолжил завоевание соседних территорий и, сформировав коалицию северных князей, приступил к завоеванию Сирии. В этот момент перспективы Армении стать великой мировой державой были очень радужными, но Тиглатпилесер III из Ассирии, имевший те же амбиции, встретился с Сардурисом и нанес ему тяжелое поражение. Границы Урарту были постепенно сужены до своих первоначальных пределов ассирийским завоевателем около 735 г. до н.э. Столица, Туруспа (Ван), была осаждена, но не взята; дух Урарту был теперь полностью сломлен. **Урса** или **Русас** сменил Сардуриса. Саргон II из Ассирии много раз вступал с ним в конфликт, и когда его сын **Аргистис II** вступил на престол, ему осталась лишь небольшая территория вокруг озера Ван. **Тигран I** был современником Кира. После падения Ассирии Армения стала частью Персидской империи. Александр Македонский завоевал ее, победив царя **Вахи**, но македонское иго было сброшено в 317 г. до н. э. **Ардват** был избран царем, но после его смерти власть вновь перешла к Селевкидам. Когда Антиох Великий был побежден римлянами, **Артаксиас**, правитель Великой Армении, провозгласил независимость. Именно у этого князя нашел убежище изгнанный Ганнибал. **Задриад** в Малой Армении последовал примеру Артаксиаса, и его потомки сохраняли свою власть до времени Тиграна II, когда эта страна была присоединена к Великой Армении.

Около 150 г. до н. э. вступили в дело парфяне, и Митридат I посадил своего брата **Валарсака** в Армении. Так была основана новая ветвь династии Асарцидов.

Тигран II обещал создать великую империю, но его тесть, Митридат Понтийский, втянул его в конфликт с римлянами. Помпей позволил ему сохранить Армению и создал новое царство Софены и Гордиены, но другой сын, **Артавазд**, попытался освободиться от Рима, и Марк Антоний увез его в плен в Александрию, где он был обезглавлен Клеопатрой (30 г. до н. э.).

лидийцы

Территория Лидии первоначально ограничивалась равниной Сарды у подножия Тмола и Сипила. Позже она расширилась, включив Троаду, и стала морской, а также внутренней державой. Побережье Ионии попало под ее власть, и во времена Креза вся Малая Азия к западу от Халиса, за исключением Ликийи, составляла Лидийское царство.

До н. э. Лидийские правители ведали свое происхождение от бога солнца Геракла, но существовала и более ранняя династия, которая, однако, является чисто мифической, основанной Аттисом, другой формой бога солнца. Династия Гераклидов демонстрирует хеттское или, возможно, семитское влияние и была основана сыном Нина и потомком Геракла и Омфалы. Примерно в конце XIII века до н. э. Лидия была завоевана хеттами, и династия Гераклидов, по-видимому, возникла с упадком хеттского правления. Говорят, что она просуществовала 505 лет и закончилась в 690 году с Садияттом — **Кандаулом** Геродота — который был убит одним из своих пастухов, Гигесом, с молчаливого согласия королевы. **Гигес** основал династию Мермнадов.

660 Царство захвачено киммерийцами. Они берут в плен Сарды. Гиг просит помощи у Ашшурбанапала. Последний умоляет богов Ашшура и Иштар помочь Гигу, который одерживает великую победу над захватчиками. Но Гиг обращается против Ашшурбанапала. Он посылает помощь Псамтеку против ассирийцев (655 г. до н. э.).

652 г. Киммерийцы возвращаются, отвоевывают Сарды, а Гиг погибает в бою. Его преемником становится сын **Ардис**. Он сразу же присягает на верность Ассирии.

- 617 г. **Садияттс** наследует своего отца Ардиса. Он заканчивает одиннадцатилетнюю войну с Милетом.
- 612 г. **Алиаттс** наследует своего отца Садиятта. Под его руководством завоевана Фригия и захвачены греческие города на побережье. Последние платят лидийскому царю тяжелые пошлины, и он становится самым богатым монархом того времени.
- 585 Заключен договор с фригийцами, устанавливающий границы двух стран. Лидия теперь находится под угрозой растущей мощи мандов, или восточных скифов, и шестилетняя борьба заканчивается браком дочери Алиатта, Ариенис, с Астиагом, царем мандов. Два царства становятся друзьями.
- 560 год. **Крез** вступает на престол после смерти своего отца Алиатта. Он дружит с Мильтиадом, тираном фракийского Херсонеса.
- 546 год. Крез возглавляет союз с Ахмесом II из Египта, Набонидом из Вавилона и спартанцами против Кира из Элама, который сверг своего сюзерена Астиага из Манды. Он входит в Каппадокию по пути к встрече с Киrom, терпит поражение в двух сражениях и отступает в Сарды. Союзники не присылают помощь, и город падает. Лидия поглощается Персидской империей, а затем Греческой. После смерти Александра Лидия перешла к Антигону; затем Ахеус провозгласил себя царем Сард, но Антиох казнил его. Эвмен подарил страну римлянам, и впоследствии она вошла в состав провинции Азия.

СНОСКИ

[\[10\]](#) [До сих пор существует неопределенность относительно хронологического порядка этих двух царей. Мейер ставит Мария первым, хотя библейское повествование указывает на обратный порядок как на истинный.]

ГЛАВА I. ХЕТТЫ

Когда мы переходим к северу и западу от Сирии и Месопотамии, мы попадаем в регион, который отнюдь не так хорошо известен как родина семитов. Полуостров Малая Азия расположен географически так, что является единственной магистралью между Азией и Европой, так же как Палестина является магистралью между Азией и Африкой. Поэтому народы, населявшие его, в некотором смысле были буфером между великими нациями двух континентов. В большинстве случаев роль, которую они играли, по крайней мере в более поздней истории, была сравнительно незначительной. Однако становится все более очевидным, что в древней истории — в обычном или относительном смысле этого слова — был период, когда народы, населявшие Малую Азию, занимали ведущее место среди народов своего времени как воинственная и завоевательная раса.

Этот народ известен как хетты: кто они были и откуда пришли, мы в настоящее время не имеем возможности установить. В библейских записях они смутно упоминаются как потомки Хета, сына Ханаана, сына Хама, и даже упоминаются как одно из семи ханаанских племен, но в настоящее время никто не придает большого исторического значения этим еврейским записям.

Только недавно исследователи древней истории признали важность племени, носившего имя хеттов; более того, насколько библейские записи проливают на них свет, теперь кажется, что впечатление, которое они создавали, было совершенно ошибочным, поскольку хетты были представлены как народ, над которым евреи могли с большой легкостью одержать верх. Теперь же выяснилось, что на самом деле они были одним из самых могущественных и воинственных древних народов. В Библии есть одно известное всем повествование, которое может навести на мысль, что хетты порой были союзниками или подчиненными евреев. Напомним, что Вирсавия, мать Соломона, была женой человека по имени Урия Хеттеянин в то время, когда она была соблазнена Давидом, и дальнейшие подробности этой постыдной истории, в которой Давид защитил себя от последствий своего проступка, организовав фактически убийство Урии, слишком хорошо известны всем читателям библейской истории. Однако, если этот Урия действительно был хеттом, то

совершенно очевидно, что он должен был быть человеком, обладавшим неким авторитетом, и в любом случае вероятно, что присутствие хетта в армии Давида было весьма исключительным обстоятельством, поскольку в то время хетты все еще были могущественной нацией, по крайней мере равной, если не превосходящей самих евреев.

Однако период наибольшей мощи хеттов пришелся на несколько веков ранее, поскольку сейчас известно, что этот народ следует отождествлять с хетами (Ḫet) египтян и хатти (Khatti) ассирийцев. Следует напомнить, что египтяне под руководством Тухутимеса III вели войну против хеттов, как и Сети в более позднем поколении. Но в египетских анналах хета особенно запомнились благодаря великой битве при Кадеше, их городе на Оронте, в которой так отличился Рамсес II. Напомним, что именно эта битва воспевается в известном описании, сохранившемся до наших дней, в котором Рамсес изображается сражающимся в одиночку против целых полчищ врагов и лично уничтожающим сто тысяч своих противников. С учетом явного преувеличения, обычного для восточных надписей, признается, что Рамсес действительно одержал победу в этом сражении; но из надписей также ясно, что народ, против которого велась эта война, считался одним из самых могущественных, если не самым важным, из современных народов.

Чуть позднее, когда новая Ассирийская империя набирала силу, хетты обрели врага в лице Тиглатпилесера, который нанес им поражение в памятной битве, как и несколько веков спустя Ашшурназирпал. Последний, по-видимому, полностью подчинил их и увёл их князей в плен. Однако они вновь укрепились и в 855 году вступили в союз с Бен-Хададом из Сирии против Салманасара II; и хотя они вновь потерпели поражение, их власть не была полностью сломлена до 717 года до н. э., когда Саргон полностью подчинил их и депортировал жителей их города Каркемиша в город Ассирии, заселив его своими подданными.

Все эти подробности о борьбе хеттов с египтянами, с одной стороны, и ассирийцами, с другой, были совершенно неизвестны до тех пор, пока записи на памятниках Египта и Ассирии не стали доступны благодаря усилиям современных ученых. Но теперь, судя только по записям их врагов, кажется, что хетты были очень могущественной и важной нацией на протяжении многих веков, а более поздние исследования Малой Азии выявили различные памятники, которые, как полагают, являются записями, сделанными самими хеттами. К радости и недоумению восточных ученых было обнаружено, что эти памятники содержали надписи иероглифическими знаками, совершенно отличными от всех известных до сих пор. Эти надписи были тщательно изучены, в частности, профессором Сэйсом, который стал крупнейшим авторитетом в этой области. Однако пока что в расшифровке этой новой формы письменности достигнут очень небольшой прогресс. Тем не менее, по крайней мере, таково мнение профессора Сэйса и других наиболее компетентных экспертов, кажется, что эта хеттская письменность совершенно не зависит от любой другой формы письменности, о которой нам известно.

Ученые давно считают, что искусство письма возникло совершенно независимо по крайней мере в четырех разных центрах: в Китае, Центральной Америке, Египте и Месопотамии; но открытие хеттских памятников, по-видимому, добавляет к ним пятую форму. Было бы большим преувеличением утверждать, что эти пять иероглифических письмен действительно имели абсолютно независимое происхождение. То, что мы уже сказали о неопределенности наших знаний о ранней истории человечества, в полной мере применимо и в данном случае, но с той оговоркой, что хеттские иероглифы являются чем-то совершенно отдельным, и если, возможно, в какой-то очень отдаленный период они имели ту же точку отсчета, что и любые другие письменности, то в настоящее время нет никаких средств доказать этот факт. Профессор Сэйс и другие считают, что иероглифическая

слоговая письменность, найденная на памятниках кипрского народа элладос-долос (), основана на хеттской системе иероглифов, а не на египетской и месопотамской.

Помимо загадочных иероглифов, недавно обнаруженные памятники хеттов представляют особый интерес благодаря своим грубым скульптурам, которые, несмотря на свою примитивность как произведения искусства, являются совершенно уникальными и очень индивидуальными. Фигуры на этих скульптурах всегда изображены в обуви особой формы с загнутыми вверх носками; их головные уборы также очень характерны и обычно представляют собой высокие конические шапки. Эти черты, наряду с другими, менее заметными, свидетельствуют о том, что художник всегда стремился изобразить характерный этнический тип.

Ученые считают, что их язык был столь же характерным и более резко отличался от любого известного современного языка, и хотя этот вопрос еще не полностью решен, как хотелось бы, имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что хетты не были семитской расой. Было даже высказано предположение, что они имели монголоидные черты. Если это так, то хетты были скорее родственны народам севера и северо-востока — скифам, возможно, даже китайцам — чем своим южным соседям. Но все эти вопросы должны дожидаться результатов будущих исследований. На данный момент хетты только начинают раскрываться перед нами как великая завоевательная нация Западной Азии, которая в свое время соперничала с египтянами и месопотамцами, но память о подвигах которой почти полностью исчезла из сознания последующих поколений.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХЕТТОВ

Результаты недавних исследований хеттов были обобщены Чарльзом У. Супером. По сути, он говорит, что за последние два десятилетия ни одна из проблем древности не была предметом более тщательного изучения и тщательного исследования, чем те, которые связаны с историей и цивилизацией народа, ныне известного как хетты; и все же никакие исторические данные не были установлены с достаточной степенью достоверности, чтобы осторожный исследователь мог сделать даже достаточно определенные выводы. Из прежнего хаоса истории этого народа удалось вывести нечто похожее на порядок и установить несколько простых фактов; однако результаты всех этих исследований в основном носят предположительный характер, а детали исследований, какими бы увлекательными они ни были для историков и антикваров, представляют лишь небольшой интерес или ценность для других исследователей. То, что известно в историческом смысле об этом древнем народе, можно кратко изложить.

Мы совершенно уверены, что за несколько веков до нашей эры хетты основали могущественную империю в Западной Азии, вероятно, с отдаленными провинциями в Африке и даже в Европе, простирающейся на запад до Италии. О величии этой нации мы можем судить по многочисленным упоминаниям о ней в Библии и египетской истории, а также по могущественным памятникам ее могущества, которые сохранились до наших дней. Изображения на этих памятниках и представления египтян доказывают, что хетты были совершенно иного физического типа, чем семиты, и, следовательно, принадлежали к другой расе, но их происхождение до сих пор не установлено. Доказательства указывают на монгольское происхождение и подтверждаются физическими и языковыми характеристиками, общими для обеих рас.

Считается, что их первоначальная родина находилась в той части Армении, где Евфрат, Халис и Ликус сближаются друг с другом; и даже утверждается, что современные армяне являются потомками древних хеттов (). Отсюда они начали свою серию завоеваний, вероятно, под руководством какого-то способного и энергичного вождя, чья амбиция выходила за пределы его родных границ. Одно завоевание вело к другому. Их вожди собрали большие армии и покорили многие народы, пока хетты не стали одним из самых могущественных народов древности, а их цари смогли успешно противостоять даже Египту, в то время самой сильной державе на земном шаре. Затем начался их упадок. Они вступили в конфликт с более прогрессивной семитской расой и в конце концов были покорены или истреблены ею.

Это, вкратце, дает скудные результаты современных исследований хеттов; но подробности предположений и теорий, выдвинутых антикварами в отношении этого замечательного народа, заполнили бы многие тома и были бы интересны только историкам и антикварам. Однако можно упомянуть несколько наиболее важных фактов.

Следы влияния хеттов были обнаружены по всей Малой Азии, и самые древние жители полуострова, по-видимому, были тесно связаны как по расе, так и по языку с этим несемитским народом северной Сирии. Более чем за две тысячи лет до Рождества Христова хетты, как свидетельствуют клинописные надписи, были северо-западными соседями территории Евфрата. Великое астрологическое произведение старого царя Саргона из Агаде содержит следующую запись:

«16-го (месяца Абу) произошло затмение; умер царь Агаде; бог Нергал (*т. е.* война) поглотил землю.

20-го (дня месяца Абу) произошло затмение; царь земли Хатти совершил нападение (?) и завладел тронном».

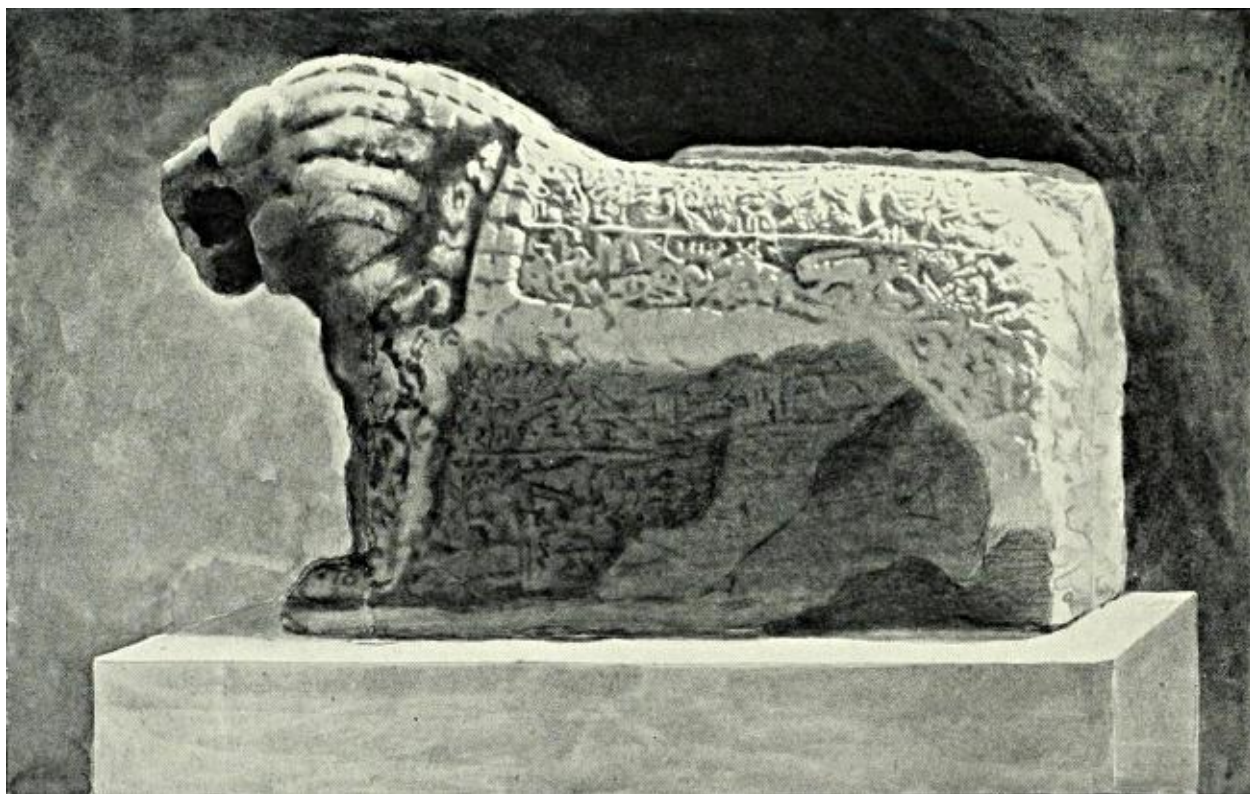
ХЕТТЫ И ЕГИПТЯНЕ

Мы больше не слышим о хеттах до конца XVII века до нашей эры, но тогда это происходит из современных египетских записей. Рамсес I заключил с ними договор о нападении и обороне, который их чувство собственной мощи побудило нарушить, и таким образом они вступили в войну с Сети I, в которой последний одержал победу.

На пятом году правления Рамсеса Великого между хеттами и египтянами разразилась великая война, и царь врагов, Хета-сар, собрал свои войска и вспомогательные силы в Кадеше. Различные тексты, среди которых находится знаменитая героическая поэма, когда-то приписываемая переписчику Пентауру, увековечили великую битву при Кадеше; таким образом, мы можем легко прочитать между строк, что триумф, одержанный там Рамсесом, был пирровой победой.

За ней последовал мир между Рамсесом и Хета-саром, копия которого до сих пор хранится на стеле южной стены великого гипостильного зала Карнака. Этот чрезвычайно интересный документ «вызывает», как говорит Эберс, «величайшее уважение к высокому уровню цивилизации азиатского царства и развитой политической организации двух народов, связанных этим документом». Этот договор, который в переводе Бругша занимает семь больших страниц в формате октаво, исходил от царя Хета, который представил его проект на серебряной табличке Рамсесу в двадцать первом году его правления. В центре этой таблички был рельефный портрет главного бога Хета, «Сутеха, царя неба и земли». Рамсес был рад возможности закончить долгую войну столь почетным образом и с готовностью принял предложение великого царя Хета, «могущественного». Мы даже знаем

характер символов, выгравированных на этой серебряной табличке, и можем из множества собственных имен получить ключ к семье, к которой принадлежал хеттский язык, или, что почти так же хорошо, к той, к которой он не принадлежал. Мы узнаем, что в любом случае это не мог быть семитский язык, и, наконец, мы можем составить хорошее представление о том, как выглядели одежды и даже цвет кожи этого древнего цивилизованного народа, благодаря изображениям на стенах египетских храмов, а также недавно обнаруженным хеттским памятникам. Но сначала давайте кратко изложим остальную часть его истории.

ХЕТТСКИЙ ЛЕВ С НАДПИСЬЮ

(Сейчас находится в Британском музее)

Теперь мы подошли к самой древней надписи ассирийских царей, и там, на каменной табличке Адад-нирари I (около 1340 г. до н. э.), мы видим, что этот правитель вел войну с народами лулуми и шубари, двумя племенами в северной Сирии. Эти северные страны напрямую связаны с хеттами в великих королевских анналах Тиглатпилесера I (около 1100 г. до н.э.), где в колонке II. 89 говорится: «Я покорил землю Шубари, непокорных и непослушных; на землю Альзи и землю Пурухуми, которые отказались платить дань, я, , наложил иго моего господства; ... четыре тысячи жителей Кашки, Урумы, народ земли Хатти, непокорные, которые в гордости своей силы захватили города земли Шубарту, подчиненные моему господину Асшуру; они слышали о моем походе против Шубарту, великолепие моей силы повергло их; они избежали сражения и пали к моим ногам».

Далее, в колонке V, строка 48 и далее: «[Территорию] региона земли Сухи до Каргамиша [здесь написано так, как в Библии — Каркемиш] в земле Хатти я разграбил за один день», и, наконец, в качестве резюме в колонке VI, 39 и далее: «С начала моего правления до пятого года моего царствования моя рука завоевала в общей сложности сорок две страны и победила их князей от Нижнего Заба до Ефрата и земли Хатти и Верхнего моря в направлении заката (т. е. Финикии)».

Из этих надписей следует, что термин Шубарту (земля шубари) имел общее значение и обозначал всю горную территорию на севере собственно Месопотамии, то есть к востоку от Куммуха и на этой стороне Евфрата. Таким образом, ни Ашшур-убаллит, ни Адад-нирари I не проникли в более узкую сферу влияния хеттов, и только в конце XII века до н. э. Тиглатпилесер I непосредственно и успешно вел против них войну.

Это еще раз подтверждает мнение, что самый расцвет могущественного царства хеттов и их цивилизации пришелся на XIV и, возможно, XIII век до нашей эры.

ХЕТТЫ И ЕВРЕИ

Еврейская литература дает нам дополнительную информацию. Из нее мы узнаем, что в 1000 году до н. э. и позднее (во времена Давида и Соломона) хетты были соседями Израиля на северной границе и что между хеттами и израильтянами даже заключались смешанные браки. Ведь Вирсавия, жена хетта Урии, была израильтянкой из хорошей семьи. Таким образом, в древнейший период существования израильского царства власть хеттов простиралась так далеко на юг, хотя она уже была серьезно угрожена вторжением нового народа, арамейев, которые, вероятно, кочевали туда с восточного берега Евфрата.

Короче говоря, те хетты, которых мы до сих пор считали более или менее туманными фигурами, внезапно предстали перед нами в новом свете, и почти невозможно сказать, в какой области науки об древности они не окажутся чрезвычайно важными. Что касается семитской древности в частности, они, возможно, имеют такое же значение для правильной оценки реликвий цивилизации северных хананеев и западных сирийцев, как шумеры и аккадцы в отношении цивилизации семитских вавилонян и ассирийцев, а также евреев. Дальнейшие исследования и, безусловно, пополнение материалов прояснят многие моменты, о которых в настоящее время можно только догадываться; и, возможно, ближайшее будущее принесет самые интересные выводы, особенно в отношении их лингвистического положения, а также в отношении их религиозной истории.⁴

ХЕТТСКОЕ ИСКУССТВО

В хеттском искусстве Сирии нет оригинальности. Это ассирийское искусство, интерпретированное варварами и упрощенное в процессе. За исключением одного грубого торса, найденного в Киликии, и статуи льва с надписью из Мараша, все произведения выполнены в технике барельефа, в соответствии с ассирийским прецедентом, а костюмы и позы фигур явно скопированы с ассирийских, хотя мы замечаем некоторые различия в деталях. Например, хеттская Астарта, соответствующая вавилонской Истар и изображаемая аналогичным образом, имеет особые черты: она крылатая и носит коническую тиару.

Упадок искусства в руках хеттов продемонстрирован серией барельефов, найденных в Синджерли, и еще одной серией в кургане в том же районе. Последние изображают охоту на льва, очевидно скопированную с какого-то ниневийского образца, но без той энергии, которую ассирийцы вкладывали в свои скульптуры. Животное, кажется, подчиняется с полным спокойствием, пока его закалывают копьями.

Далее на запад, и особенно в Киликии, скульптуры становятся более оригинальными, но и более грубыми. Особыми атрибутами хеттов, как показано на этих памятниках, являются диадема, высокая женская шапка с длинной вуалью и остроконечные туфли. Последние, однако, являются обычной обувью современного населения Малой Азии.

Один из кантонов Каппадокии, Птерия Геродота, содержит много руин хеттов. Древняя Богаз-Кей, ее древняя столица, имеет барельефы, высеченные в скале, и остатки королевского дворца, имеющего много общего с ассирийскими. То же самое можно сказать и о дворце Эуюк, но сфинкс, расположенный у входа, свидетельствует о влиянии Египта, хотя детали его скульптуры заимствованы из Ассирии.

Оба влияния также заметны в скальной скульптуре Богаз-Кей, называемой Иасили-Кайя, «написанный камень», и с ними скульптуры дворца Эуюк имеют много общего. Но в то время как ассирийские памятники посвящены правителям, хеттские имеют религиозное значение и относятся к поклонению богу Мену или богине Ма или Энио, которая соответствует Анаитис или Астарте.

Гробницы Гердек-Каиаси, расположенные недалеко от Богаз-Кей и Эуюка, также, по-видимому, принадлежат к этой каппадокийской цивилизации. Фасад главного склепа имеет портик с тремя короткими колоннами, что в некоторой степени напоминает дорический стиль. Эти гробницы, вероятно, относятся к периоду не ранее 549 года до н. э., когда Крез разграбил Птерию.

Подводя итог, мы можем согласиться с М. Перро, что памятники Богаз-Кей и Эуюк, свидетельствующие о первобытной каппадокийской цивилизации, все, как и памятники северной Сирии, находились под влиянием Ассирии. Дворцы похожи на «уменьшенную копию великих королевских зданий на берегах Тигра и Евфрата». Крылатые фигуры, чудовища с головами орлов или львов, являются ассирийскими, как и божества, которых несут на спинах различные четвероногие животные, цветы в руках изображенных людей и крылатый глобус, изображение Ашшура.

Некоторые черты каппадокийской скульптуры, по всей видимости, заимствованы из Египта, Персии и даже из греческой Малой Азии, но это исключение. В любом случае, в хеттском искусстве Птерии нет ничего оригинального или индивидуального, если не считать двуглавого орла, который, очевидно, связан с древнейшими азиатскими формами поклонения и напоминает нам сирен; а также длинный изогнутый *литуус*, платье, скроенное в форме казулы, остроконечную тиару и остроконечные туфли: детали костюма, более интересные с точки зрения моды, чем с точки зрения искусства.

Что касается отношений между скульптурами Птерии и хеттской Сирии, то они очевидны: у нас есть те же иероглифы, те же короткие туники, те же длинные одежды, та же обувь, те же остроконечные тиары и те же круглые шапки. Женская одежда почти идентична в Мараше и Ясили-Кайе; божества имеют одинаковые атрибуты; лев и бык — животные, которые предпочтительно фигурируют в обоих местах.

Можно сделать вывод, что один и тот же полуварварский народ, не имевший возможности освободиться ни в художественном, ни в политическом плане от ига Египта и Ассирии, населял оба склона Тавра.

ХЕТТСКИЕ ПАМЯТНИКИ В МАЛОЙ АЗИИ

К северу от Тавра и за Халисом памятники, связанные с хеттской цивилизацией, как и в Каппадокии, представляют собой барельефы, высеченные на склонах скал или в других местах. В Ивресе, в Ликаонии, есть надпись на хеттских иероглифах, а также две колоссальные фигуры с несомненными ассирийскими чертами, а в Ифлатуне, также в Ликаонии, на фрагменте разрушенного здания все еще можно разглядеть крылатый глобус, божественный символ как в Египте, так и в Ассирии.

Далее на запад хеттские памятники становятся более редкими. В Лидии были обнаружены два барельефа, которые, по упоминанию Геродота, были высечены по приказу Рамсеса II. На них изображен воин в конической тиаре, короткой тунике и остроконечных ботинках. Он вооружен копьем и луком. Стиль барельефов такой же, как и у барельефов Киликии, Ликаонии, Каппадокии и Сирии.

Змеевидные формы, которые использовались для изготовления металлических украшений или амулетов, отличаются высоким качеством исполнения, хотя и здесь представленные идеи явно ассирийские. Но лучшие работы хеттов были посвящены глиптическому искусству, о чем свидетельствуют их печати и цилиндры. Цилиндр, найденный в Айдине в Лидии, даже демонстрирует некоторую оригинальность в своей орнаментальной окантовке, хотя изображенная сцена является ассирийской.^e

Районы Малой Азии неоднократно подвергались нападениям и, вероятно, на значительные периоды времени подчинялись хеттским царям. По всей Малой Азии они оставили памятники своих походов, которые точно соответствуют по стилю памятникам Джерабиса и частично также содержат остатки хаматитских надписей. С момента открытия Джерабиса не может быть никаких сомнений относительно их происхождения. Среди их характерных особенностей — костюм с высокой остроконечной шапкой и остроконечными туфлями; фигуры обычно вырезаны в профиль, с широко расставленными ногами.

Первый из этих памятников — рельеф с надписью в Иврисе на северном склоне Тавра, на котором изображен принц в богатом ассирийском костюме, поклоняющийся богу, стоящему и держащему виноград и колосья.

Затем идут скульптуры на стене древнего здания в Ифлатуне на озере Каралити в Исаурии и фигура воина в Иконии.

Отсюда хетты проникли во Фригию и на побережье Эгейского моря. На утесе под древней крепостью Гиаркалеси во Фригии (к юго-западу от Анкиры) находятся фигуры двух хеттских воинов, носящих модификацию египетского змея *уреуса* на передней части своих шапок. Два знаменитых рельефа Нимфеума на скалах Сипилуса, упомянутые Геродотом и на которых сохранились остатки хаматитских надписей, весьма похожи. На Сипилусе, недалеко от Магнесии, также находится грубая скальная скульптура с символами того же алфавита, которая, возможно, изображает богиню и рассматривалась греками как Ниоба.

Но наиболее важными и обширными являются руины и скульптуры, найденные в Эююке и Богаз-Кеуи, к востоку от Халиса, на территории Каппадокии. В первом месте находятся руины великого дворца с входом, охраняемым двумя сфинксами; на стенах — многочисленные скульптуры богов и людей, львов, быков и существ смешанной формы, среди которых двуглавый орел. В Богаз-Кеуи находятся руины древней крепости (Птерия Геродота?), а на стенах скалистого ущелья изображена длинная процессия, предположительно религиозного характера. Наиболее важными символами на всех этих памятниках являются модификации крылатого солнечного диска.

Эти памятники позволяют нам ясно представить себе масштабы завоеваний хеттов. Отныне Каркемиш, а не долина Оронта, становится центром хеттского царства и, очевидно, резиденцией царей. Однако, помимо этого, до нас дошли только очень неопределенные сведения об этих войнах.

В одном из отрывков «Одиссеи» говорится, что Неоптолем убил Эврипила, сына Телефа, принца Κήτειοι, которого впоследствии всегда называют принцем Теутрании; очевидно, здесь сохранился след имени хеттов.

Возможно, мы также можем обнаружить отголоски их походов в греческой легенде об эфиопском Мемноне, сыне зари, который предпринял великие походы и поспешил на помощь Приаму. Геродот (II, 106) говорит, что рельефы Нимфеума, которые он приписывает Сесострису, были объявлены другими портретами Мемнона. Однако в других отношениях туманная традиция, сохраненная греками об этих завоеваниях, была перенесена на египтян (экспедиции Сесостриса в Малую Азию и Фракию) и ассирийцев. Более того, когда лидийская традиция связывает царскую семью Гераклидов с Нином, сыном Бела, легендарные представители ассирийцев, возможно, заняли здесь место хеттов, поскольку ассирийцы не вступали в прямой контакт с лидийцами до VII века.

Еще одно воспоминание о войнах лидийцев и хеттов, возможно, содержится в двух фрагментах лидийского Ксанта, которые относятся к экспедициям лидийского героя Мопса (Моксоса?) и Аскала, брата Тантала, в Сирию и особенно в Аскалон.

Последствия завоевания Сирии для Малой Азии были необычайно долгосрочными. Давно известно, что имена лидийских царей Садиятта и Алиатта, а также Миатта являются семитскими формами; теперь мы, возможно, можем высказать предположение, что лидийская царская семья Гераклидов была хеттского происхождения. Кроме того, теперь мы можем непосредственно отождествить бога Аттеса (Аттиса) из Малой Азии с сирийским Ате и приписать ему иностранное происхождение. Фактически, религия Малой Азии демонстрирует очень тесную связь с религией семитов, что, однако, до сих пор не могло быть объяснено с уверенностью.⁴

ХЕТТСКИЙ БАРЕЛЬЕФ В ИБРИЗЕ, ЛИКАОНИЯ

ГЛАВА II. СКИФЫ И КИММЕРИЙЦЫ

СКИФЫ

Слово «скифы» имеет несколько неопределенное значение и обозначает варварские племена Средней Азии и Северной Европы, которые время от времени вторгались на территории своих более цивилизованных соседей на юге. Они наиболее заметны в азиатской истории благодаря завоеваниям Дария I, который совершил памятное вторжение в Скифию, как записал Геродот несколько веков спустя. Скифы были настолько сильны, что потребовали внимания Александра Македонского, прежде чем он смог свободно приступить к своему азиатскому вторжению. Еще позднее скифские орды вторглись в саму Грецию и даже захватили Афины. Одним словом, мы должны помнить, что почти в каждый исторический период древности скифские орды бродили по северным границам восточного цивилизованного мира и время от времени беспокоили даже такие могущественные народы, как ассирийцы и персы.

Однако, если мы пытаемся поместить скифов в этническую шкалу, мы обнаруживаем, что не в состоянии этого сделать. Скифы были варварами, а варвары не имеют истории в узком смысле этого слова. То, что эти самые варвары были прямыми предками народов, которые прославились в более поздние периоды истории, вряд ли подлежит сомнению, но этот факт не поддается доказательству.

Для наших целей будет достаточно, после краткого цитирования двух современных авторитетов, взглянуть на скифов глазами древних греков, главным образом Геродота, признавая, что их роль в древней истории была подчиненной, и помня, что современные историки мало что смогли сделать, кроме как пересказать древние рассказы и критиковать их с различных личных точек зрения.

Скифы, мигрируя в Азию, старались избегать могущественной страны Ассирии. Поток расделился на северной границе, одна ветвь прошла на восток, другая — на запад. Восточная ветвь станет заметной позже, когда мы будем рассматривать манда в истории Персии.^a

Мощное вторжение скифского влияния в историческую жизнь и историческое развитие, а также его огромное влияние на интеллектуальную жизнь народов Малой Азии (, что можно проследить в так называемых хеттских памятниках, в мифах амазонок, в поклонении халибскому Юпитеру или Аресу, а также в трансформации греческого героя Геракла в героя Малой Азии, смешанного с богом солнца скифов и полуострова) не может не оказать влияния на область истинной истории. Невозможно думать, что халибско-киммерийские или амазонские экспедиции привели к временному разрушению, но не оставили следа в исторической жизни народов. Напротив, все указывает на то, что помимо этих военных экспедиций в Малой Азии сложилась постоянная ситуация.

Новые условия сформировали жизнь и характер постгомеровского периода древней истории Малой Азии до появления Персидской империи. И в связи с этими новыми условиями в восточной половине полуострова мы находим там могущественные царства Моски и Тубал, которые простирались от Понта до Киликии и Месопотамии и на протяжении веков упорно отстаивали свою независимость от подавляющей мощи Ассирии. Еще более важными, хотя и более сложными, являются этнологические, политические и общие исторические условия постгомеровского мира в западной половине Малой Азии.

Не говоря уже об изменениях, произошедших в прибрежных странах в результате основания многочисленных греческих колоний, мы видим, что гомеровская Малая Азия древних пеласгийских народов (), троянцев, асканцев, меонов, эзионов и догомеровских или гомеровских фригийцев, в постгомеровском мире приобретает форму, которая во многих аспектах отличается от прежней. Так, мы встречаем новые названия народов и стран, такие как лидийцы, тинийцы, вифинийцы, ласонийцы, халибы, гигенны; названия новых династий, такие как Сандониды (Гераклиды) и Мермнады Лидии; новые названия царств и городов, такие как Лидия, Сарды, Смирна, Эфес, а также новые имена богов, новые культы, новые имена демонов-богов или жрецов. «Равные мужчинам» амазонки, которые у Гомера упоминаются как народ, обитающий за Фригией и враждебный народам западной Малой Азии, теперь появляются как коренные жители западной Малой Азии, союзники Трои и основатели городов в этой части полуострова.

Этот новый постгомеровский мир западной Малой Азии наконец находит свой центр и кульминацию на почве реальной истории, в основании и развитии Лидийской империи. В этом мире скифские экспедиции играют почти такую же роль, как и дорическая иммиграция в постгомеровской Греции; и так же, как там иммиграция заканчивается созданием новых государств, так и скифская иммиграция в Малую Азию имеет важный результат в основании великого царства на западе этого полуострова, а именно Лидийского царства.^b

Скифские перемещения

Скифы на протяжении нескольких столетий составляли важную часть современного им греческого мира. Их название, незамеченное Гомером, впервые встречается в поэмах Гесиода. Когда гомеровский Зевс в «Илиаде» отводит взгляд от Трои к Фракии, он видит, помимо фракийцев и мисийцев, другие племена, названия которых невозможно разобрать, но которых поэт знает как «пьющих молоко» и «доющих кобыл»; и те же характерные атрибуты, в сочетании с «имеющими повозки вместо жилищ», появляются у Гесиода в связи с именем скифов: и самое раннее свидетельство о Скифии как территории, знакомой греческим идеям и чувствам, мы находим в фрагменте поэта Алкея (около 600 г. до н. э.), в котором он обращается к Ахиллу как к «правителю Скифии». Кроме того, на Таврическом Херсонесе (Крым) или в его окрестностях существовало несколько других милетских поселений, которые сблизили греков со скифами — Гераклея, Херсонес и Феодосия на

южном побережье и юго-западном углу полуострова — Пантикаперна и тейская колония Фанагория (эти две колонии находились соответственно на европейской и азиатской сторонах Киммерийского Босфора), а также Кепи, Гермонасса и др., недалеко от Фанагории, на азиатском побережье Эвксинского моря; наконец, даже на самом краю Палуса Меотиса (Азовского моря) существовало греческое поселение Танаис.

Все или большинство из них, по-видимому, были основаны в течение VI века до н. э., хотя точные даты создания большинства из них установить невозможно; вероятно, некоторые из них предшествовали времени мистического поэта Аристея Проконнеского, около 540 года до н. э. Его долгое путешествие из Палуса Меотиса (Азовского моря) вглубь Азии до страны исседонов (описанное в утраченной поэме под названием «Аримаспские стихи») предполагает регулярные контакты между скифами и греками, которые вряд ли могли бы существовать без греческих поселений на Киммерийском Боспоре.

Гекатей из Милета, по-видимому, дал много географической информации о скифских племенах; но Геродот, который лично посетил город Ольвию, а также прилегающие к нему внутренние районы и, вероятно, другие греческие поселения в Эвксине (в период, который, как мы можем предположить, был около 450-440 гг. до н.э.) и беседовал со скифами и греками, которые могли предоставить ему информацию, оставил нам гораздо более ценные сведения о скифском народе, его владениях и обычаях, какими они были в его время. Его представление о скифах, как и представление Гиппократ, является точным и четким — в отличие от представлений более поздних авторов, которые используют это слово почти без разбора для обозначения всех варварских кочевников. Его территория, называемая Скифией, представляет собой квадратную область, равную двадцати дням пути или четырем тысячам стадий (немногим менее пятисот английских миль) в каждом направлении, ограниченную Дунаем (течение которого он представляет себе в направлении от северо-запада к юго-востоку), Эвксинским морем и Палусом Меотисом с рекой Танаис, соответственно, с трех сторон, а с четвертой, северной стороны — народами, называемыми агафирсами, нерами, андрофагами и меланхленами. Как бы несовершенно ни было его представление о форме этой территории, если сравнить его с хорошей современной картой, границы, которые он нам дает, не вызывают никаких споров: от Нижнего Дуная и гор к востоку от Трансильвании до Нижнего Танаиса вся территория была либо занята скифами, либо подчинялась им. И это название включало в себя племена, существенно различавшиеся по своим обычаям и уровню цивилизации. Большая часть народа, носившего это имя, вела строго кочевой образ жизни — они не сеяли и не сажали, а питались только продуктами животного происхождения, особенно кобыльим молоком и сыром, — перемещались с места на место, перевоза свои семьи в повозках, покрытых плетением и кожей, а сами всегда ездили верхом на лошадях со своими стадами и стадами между Борисфеном и Палусом Меотисом. Они едва ли доходили так далеко на запад, как Борисфен, поскольку река (которую трудно идентифицировать), которую Геродот называет Пантикапес, впадающая в Борисфен с востока, составляла их границу. Эти кочевники были настоящими скифами, обладающими ярко выраженными чертами этой расы, и включали в себя царских скифов — племена, которые были гораздо более многочисленными и более эффективными в войне, чем остальные, что позволяло им сохранять бесспорное господство и считать всех других скифов не более чем своими рабами (). К ним принадлежали скифские цари, которые поддерживали религиозное и политическое единство народа, причем каждая орда имела своего вождя и в определенной степени свои культы и обычаи. Но помимо этих кочевников существовали также земледельческие скифы, имевшие постоянные жилища, питавшиеся в основном хлебом и выращивавшие зерно на экспорт, которые жили на берегах Борисфена и Гипаниса. И такое было влияние греческого поселения Ольбии в устье последней реки на формирование новых вкусов и привычек, что два племени на ее западных берегах,

каллипиды и алазоны, полностью привыкли как к земледелию, так и к растительной пище, и в других отношениях настолько отошли от своей скифской грубости, что их стали называть эллинскими скифами, поскольку среди них, по-видимому, проживало много греков. К северу от алазонов жили так называемые земледельческие скифы, которые сеяли зерно не для пропитания, а для продажи.

Такие оседлые земледельцы, несомненно, считались преобладающей массой скифов дегенеративными братьями. Некоторые историки даже утверждают, что они принадлежали к чужому народу, находясь по отношению к скифам лишь в положении подданных — гипотеза, которая косвенно, если не прямо, опровергается словами Геродота и ни в коем случае не является необходимой в данном случае. Однако Геродот черпает свои яркие образы этого народа с его бесчеловечными обрядами и отталкивающими чертами внешности не из них. Он описывает чисто кочевых скифов, самых ранних представителей монгольской расы (как представляется вероятным), известных истории, и прототипов гуннов и болгар более поздних веков. Меч, в буквальном смысле этого слова, был их главным богом — железный ятаган, торжественно возвышающийся на широкой и высокой платформе, поддерживаемой массой хвороста, сложенного под ней, — которому приносили в жертву овец, лошадей и часть пленных, взятых в войне: Геродот рассматривает этот меч как образ бога Ареса, тем самым давая эллинистическую интерпретацию тому, что он буквально описывает как варварский обряд. Скальпы и шкуры убитых врагов, а иногда и черепа, превращенные в кубки для питья, составляли украшение скифского воина: тот, кто не убил врага (), был исключен из участия в ежегодном празднике и чаше с вином, приготовленной вождем каждой отдельной орды. Церемонии, которые проводились во время болезни и похорон скифских царей (которых хоронили в Герри, в крайней точке, до которой простиралось судоходство по Бористхену), отличались той же кровожадностью. Скифы имели обыкновение выкалывать глаза всем своим рабам; и неуклюжесть скифского телосложения, часто перегруженного жиром, в сочетании с крайней грязью тела и отсутствием каких-либо отличительных черт между людьми, завершают этот зверский портрет. Кобылье молоко (и изготовленный из него сыр) было, по-видимому, их главной роскошью и, вероятно, служило той же цели, что и сейчас у башкир и калмыков, — для получения опьяняющего напитка, называемого *кумыс*.

Если привычки скифов вызывали у ближайшего наблюдателя только отвращение, то их сила, по крайней мере, внушала ужас. В глазах Фукидида они казались настолько многочисленными и грозными, что он провозгласил их непобедимыми, если бы они только смогли объединиться, по сравнению с любой другой нацией, известной ему. [Он говорит о них, цитируя перевод Гоббса (1676): «Ибо нет народа, не говоря уже о Европе, но и в Азии, который был бы сопоставим с этим, или который, если бы они объединились, был бы способен, один народ против одного, противостоять скифам: и все же в вопросах совета и мудрости в нынешних жизненных обстоятельствах они не похожи на других людей».

Геродот также придерживался той же идеи о народе, в котором каждый мужчина был воином и опытным конным лучником, и который благодаря своему образу жизни был недостижим для вражеских атак. Более того, Геродот не говорит плохо об их интеллекте, сравнивая их в благоприятном свете с общей глупостью других народов, граничащих с Эвксинским морем. В этом отношении Фукидид, кажется, расходится с ним.^c

ГЕРОДОТ О ПРИВЫЧКАХ СКИФОВ

Скифы утверждают, что их страна была последней из всех, образовавшихся, что произошло следующим образом: когда эта область была в первозданном и пустынном состоянии, первым ее обитателем был Таргитаус, сын, как они говорят (но что мне кажется невероятным), Юпитера и дочери Борисфена. У этого Таргитая было три сына: Липоксай, Арпоксай и, наконец, Колаксай. Пока они владели страной, с неба на скифскую землю упали плуг, ярмо, топор и кубок, все из золота. Первым их увидел старший из братьев, который, бросившись за ними, был обожжен золотом. Когда он отступил, подошел второй брат и тоже был обожжен. Когда эти двое были отпугнуты горящим золотом, последним подошел младший брат; на него золото не подействовало, и он отнес его в свой дом. Два старших брата, наблюдая за тем, что произошло, передали всю власть младшему.

От Липоксая произошли скифы, называемые аухатами; от Арпоксая, второго брата, произошли те, кого называют катиарами и траспиями; от младшего, который был царем, произошли паралаты. Вообще говоря, этот народ называется скелотами, по прозвищу своего царя, но греки называют их скифами.

Таково объяснение своего происхождения дают скифы; они добавляют, что от их первого царя Таргитая до вторжения в их страну Дария прошло не более тысячи лет. Священное золото хранится их царями с величайшей осторожностью; и каждый год проводятся торжественные жертвоприношения, на которых присутствует принц. У них есть традиция, что если человек, который хранит это золото, спит под открытым небом во время их ежегодного праздника, он умрет до конца года; по этой причине они дают ему в столько земли, сколько он может пересечь верхом на лошади за день. Поскольку эта область обширна, царь Колаксайс разделил страну на три части, которые он отдал трем сыновьям, сделав ту часть, в которой хранилось золото, самой большой. Что касается района, лежащего дальше на север, за пределами крайних жителей страны, то они говорят, что его нельзя ни пройти, ни разглядеть, из-за постоянно падающих перьев: они настолько заполняют землю и воздух, что полностью закрывают вид.

Так скифы описывают себя и страну, лежащую за их пределами. Греки, населяющие Понт, говорят об обоих следующее: Геракл, когда он уводил телок Гериона, пришел в эту область, которая сейчас населена скифами, но тогда была пустыней. Этот Герион жил за Понтом, на острове, который греки называют Эрития, недалеко от Гадеса (Кадиса), расположенного в океане, за Геркулесовыми столбами. Они говорят, что океан, начинающийся на востоке, омывает всю землю; однако они утверждают это, не доказывая. Геркулес, придя оттуда, прибыл в эту страну, ныне называемую Скифией, где, застигнутый сильной бурей и сильно замерзший, он укутался в свою львиную шкуру и уснул. Они добавляют, что его кобылы, которых он отцепил от колесницы, чтобы покормить, по какому-то божественному вмешательству исчезли во время его сна.

Как только он проснулся, он бродил по всей стране в поисках своих кобыл, пока наконец не пришел в район, который называется Гилея: там, в пещере, он обнаружил женщину с самым неестественным внешним видом, похожую на женщину до бедер, но чья нижняя часть тела была похожа на змею. Геракл смотрел на нее с изумлением, но не удержался от вопроса, видела ли она его кобыл. Она ответила, что они находятся у нее, но отказалась вернуть их, поставив условие, что он должен сойтись с ней. Предложенные условия побудили Геракла согласиться, но она все еще откладывала возвращение кобыл, желая удержать его у себя подольше, в то время как Геракл был одинаково заинтересован в том, чтобы получить их и уйти. Через некоторое время она вернула их со словами: «Я сохранила твоих кобыл, которые заблудились здесь; ты заплатил за мою заботу, я зачала от тебя трех сыновей; я хочу, чтобы ты сказал, как мне поступить с ними в дальнейшем: оставить их здесь, где я единственная владычица, или отправить их к тебе». Геракл ответил следующим

образом: «Как только они вырастут до мужского возраста, посмотри на это, и ты не ошибешься: того из них, кто сможет натянуть этот лук и носить этот пояс, как я, оставь в этой стране; других, кто не сможет этого сделать, можешь отправить прочь. Послушавшись моего совета, ты сама получишь удовольствие и удовлетворишь мои желания».

Сказав это, Геракл взял один из своих луков, ибо до сих пор он носил с собой два, и, показав ей также свой пояс, на конце которого висел золотой кубок, он отдал их ей и ушел. Как только мальчики, которых она родила, выросли, она назвала старшего Агафирсом, второго Гелоном, а младшего Скифой. Она также помнила о полученных указаниях, и двух своих сыновей, Агафирса и Гелона, которые были неспособны пройти предложенное испытание, мать отправила из этой страны. Младший Скифа преуспел в своих усилиях и остался. От этого Скифы, сына Геракла, происходят скифские монархи; а от золотого кубка скифы до сих пор носят кубок на конце своих поясов.

Это история, которую рассказывают греческие жители Понта; но есть и другая, которой я более склонен верить: скифские кочевники Азии, подвергавшиеся преследованиям со стороны массагет в войне, перешли Аракс и поселились в Киммерии; ибо следует заметить, что страна, ныне принадлежащая скифам, ранее принадлежала киммерийцам. Этот народ, подвергшийся нападению скифов, обсуждал, что лучше всего сделать против вторжения столь многочисленного врага. Мнения разделились; оба были резкими, но мнение царей казалось более предпочтительным. Народ был того мнения, что лучше не рисковать вступить в сражение, а отступить в безопасное место; цари же были, в любом случае, за то, чтобы сопротивляться врагу. Ни одна из сторон не хотела отступать от своего мнения, народ и князья взаимно отказывались уступать; народ хотел отступить перед захватчиками, князья же были решительно настроены умереть на месте, вспоминая о том, чем они наслаждались раньше, и испугавшись будущих бедствий. Словесные споры вскоре перешли в реальное сражение, и оказалось, что по численности они были почти равны. Всех, кто погиб от рук своих соотечественников, киммерийцы похоронили у реки Тирас, где до сих пор можно увидеть их монументы. Выжившие бежали из своей страны, которая в заброшенном состоянии была захвачена и оккупирована скифами.

В Скифии до сих пор можно найти стены и мосты, которые называются киммерийскими; то же название дано и всему району, а также узкому морю. Несомненно, что когда киммерийцы были изгнаны из своей страны скифами, они бежали в Азиатский Херсонес, где в настоящее время находится греческий город Синопа. Также очевидно, что во время преследования скифы отклонились от своего курса и вошли в Мидию. Киммерийцы в своем бегстве держались ровно по побережью, но скифы, имея Кавказскую гору справа, продолжали преследование, пока, следуя по суше, не вошли в Мидию.

Скифы имеют преимущество всех этих знаменитых рек [Дунай, Дон, Тирас, Гипанис, Борисфен и т. д.]. Трава, которая растет в этой стране, является самой влажной из всех, что мы знаем, что очевидно видно по вскрытию их скота.

Мы показали, что этот народ обладает величайшим изобилием; их особые законы и обряды таковы: из их божеств Веста бесспорно занимает первое место, затем Юпитер и Теллус, которую они считают женой Юпитера; за ними следуют Аполлон, Небесная Венера, Геракл и Марс. Все скифы почитают их как божеств, но скифские цари также совершают божественные обряды в честь Нептуна. На скифском языке Веста называется Табити; Юпитер, и, как мне кажется, очень правильно, Папеус; Теллус — Апия; Аполлон — Оетосир; Небесная Венера — Артимпаса; а Нептун — Тамимасадас. Среди всех этих божеств Марс — единственный, которому они считают уместным воздвигать алтари, святилища и храмы.

Их способ принесения жертвы в каждом месте, предназначенном для этой цели, абсолютно одинаков и заключается в следующем: жертву связывают веревкой за две передние ноги; человек, приносящий жертву, стоя сзади, бросает животное на землю с помощью этой веревки; когда оно падает, он призывает имя божества, которому приносится жертва; затем он обвязывает шею жертвы веревкой и душит ее, обмотав веревку вокруг палки; все это делается без огня, без возлияний и без каких-либо церемоний, принятых у нас. Когда животное задушено, жертвователь снимает с него шкуру и готовится к разделыванию.

Поскольку в Скифии очень мало лесов, они используют следующий прием для приготовления мяса жертвы: содрав с животного шкуру, они снимают мясо с костей и, если оно у них под рукой, бросают его в определенные горшки, изготовленные в Скифии и напоминающие лесбийские котлы, хотя и несколько больше по размеру; под ними разводят огонь с костями. Если такие горшки недоступны, они помещают мясо с определенным количеством воды в желудок жертвы и разводят огонь с костями, как и прежде. Кости очень легко воспламеняются, а в желудок без труда помещается мясо, отделенное от костей, и таким образом бык сам себя готовит, как и другие жертвы. Когда все готово, тот, кто приносит жертву, с некоторой торжественностью бросает перед собой внутренности и лучшие куски. Они приносят в жертву разных животных, но в особенности лошадей.

Таковы жертвоприношения и церемонии, проводимые в отношении других божеств; но богу Марсу воздаются следующие особые почести: в каждом районе сооружают храм этому божеству; связки мелких дров складывают в кучу длиной в три стадии и такой же ширины, но не такой высоты; верхняя часть имеет форму правильного квадрата, три стороны крутые и обрывистые, а четвертая представляет собой наклонную плоскость, образующую подъем. Каждый год в это место привозят сто пятьдесят повозок, полных таких связок дров, чтобы отремонтировать сооружение, которое суровый климат склонен разрушать. На вершине такой кучи каждое скифское племя помещает древний ятаган, который считается святыней Марса и ежегодно почитается жертвоприношением овец и лошадей; действительно, этому божеству приносят больше жертв, чем всем другим божествам. Они также имеют обыкновение приносить в жертву каждого сотого пленника, но иным образом, чем других жертв. Пролив на их головы возлияния, они перерезают им горло в сосуде, предназначенном для этой цели. С этим, отнесенным на вершину костра, они обмазывают вышеупомянутый ятаган. Пока это делается наверху, внизу проводится следующая церемония: у этих человеческих жертв отрезают правые руки близ плеча и бросают их в воздух. После того как эта церемония проводится с каждой жертвой по отдельности, они уходят; руки остаются там, где они упали, а тела — в другом месте.

Выше описаны их жертвоприношения. Свиньи никогда не используются для этой цели, и они не позволяют держать их в своей стране.

Их военные обычаи таковы: каждый скиф пьет кровь первого человека, которого он убивает; головы всех врагов, павших от его руки в бою, он представляет своему царю: это подношение дает ему право на долю добычи, на которую он иначе не мог бы претендовать. Они снимают кожу с головы следующим образом: делают круговой разрез за ушами, затем, взявшись за верхнюю часть головы, постепенно сдирают кожу, тянущуюся к ним. Затем они размягчают ее в руках, удаляя все оставшиеся части плоти, потирая ее бычьей шкурой; после этого они вешают ее, подготовленную таким образом, на уздечки своих лошадей, где она служит им как салфетка и является предметом гордости как трофей. Тот, кто обладает наибольшим количеством таких трофеев, считается самым прославленным. Некоторые сшивают несколько таких частей человеческой кожи и превращают их в своего рода одежду пастуха. Другие сохраняют кожу правой руки, с ногтями и всем остальным, своих убитых

врагов и используют ее в качестве покрытия для своих колчанов. Человеческая кожа, безусловно, белее всех других и имеет очень прочную текстуру; многие скифы берут всю кожу человека, растягивают ее на дереве и используют в качестве покрытия для своих лошадей.

Таковы обычаи этого народа: однако такое обращение с головами своих врагов не является всеобщим; оно применяется только к тем, кого они больше всего ненавидят. Они отрезают череп ниже бровей и, тщательно очистив его, если они бедны, просто покрывают его куском кожи; если они богаты, то в дополнение к этому украшают внутреннюю часть золотом; впоследствии он используется в качестве кубка для питья. То же самое они делают со своими ближайшими родственниками, если между ними возникли разногласия, и они побеждают их в бою перед царем. Если к ним приезжает какой-нибудь незнакомец, которого они считают важным, они выставляют эти головы на всеобщее обозрение и рассказывают обо всех обстоятельствах прежней связи, о полученных оскорблениях и своей последующей победе: они считают это свидетельством своей доблести.

Раз в год князь или правитель каждого района смешивает кубок вина, из которого пьют те скифы, которые уничтожили общественного врага. Но те, кто не сделал такого, не имеют права пробовать его; они обязаны сидеть отдельно, что считается знаком величайшего позора. Те, кто убил большое количество врагов, имеют право в этом случае пить из двух соединенных вместе чаш.

Среди них есть много тех, кто практикует искусство гадания; для этой цели они используют несколько ивовых веток следующим образом: они собирают большие пучки этих веток, развязывают их и раскладывают по одной на земле, каждый пучок на расстоянии от остальных. Сделав это, они притворяются, что предсказывают будущее, во время чего берут пучки по отдельности и снова связывают их вместе. Этот способ гадания передается у них по наследству. Энарии, или «женственные мужчины», утверждают, что искусству гадания их научила богиня Венера. Они также берут листья липы, делят их на три части и обматывают вокруг пальцев; затем они развязывают их и практикуют искусство, которым притворяются.

Когда скифский монарх заболевает, он приглашает трех самых известных из этих гадателей. Когда скифы желают принести самую торжественную клятву, они клянутся королевским тронem: поэтому эти гадатели без колебаний утверждают, что тот или иной человек, указывая на него по имени, нарушил клятву, данную королевским тронem. Незамедлительно указанный человек арестовывается и ему сообщают, что, согласно их искусству гадания, которое непогрешимо, он косвенно стал причиной болезни царя, нарушив упомянутую клятву. Если обвиняемый не только отрицает обвинение, но и выражает ярость по поводу этого обвинения, царь созывает вдвое больше гадателей, которые, изучив способ, которым его обвинили, принимают соответствующее решение. Если он признается виновным, он немедленно лишается головы, а три гадателя, к которым обращались в первую очередь, делят его имущество. Если последние гадатели оправдывают обвиняемого, привлекаются другие, и если большинство из них оправдывают его, первые гадатели казняются.

Способ казни следующий: несколько волов запрягают в повозку, наполненную хворостом, в середину которой, со связанными ногами, завязанными за спиной руками и заткнутыми ртами, помещают гадателей; затем поджигают хворост, и волы в панике убегают. Иногда бывает, что сами волы сгорают; и часто, когда телега сгорает, волы спасаются, сильно обожженные. Таким образом казнят за вышеупомянутые или подобные преступления тех, кого называют ложными гадателями.

Из тех, кого царь приговаривает к смерти, он всегда убивает мальчиков, оставляя девочек в покое. Всякий раз, когда скифы заключают союзы, они соблюдают следующие обряды: большой глиняный сосуд наполняют вином; в него вливают кровь заключающих договор сторон, полученную путем небольшого надреза ножом или мечом; в этот кубок окунают ятаган, несколько стрел, топор и копье. После этого они произносят торжественные молитвы, и стороны, заключающие договор, вместе со своими друзьями, обладающими высшим достоинством, окончательно выпивают содержимое сосуда.

Гробницы царей находятся в районе Герри. Как только умирает царь, выкапывается большой ров четырехугольной формы, недалеко от места, где Борисфен становится судоходным. Когда это сделано, тело, тщательно очищенное и лишенное внутренностей, помещают в воск; перед тем как зашить, его наполняют анисом, семенами петрушки, измельченным кипарисом и различными ароматическими веществами. Затем его кладут на повозку и увозят в другой район, где принимающие его люди, подобно царственным скифам, отрезают часть уха, бреют голову по кругу, вырезают круглый кусок плоти из руки, ранят лоб и нос и пронзают левую руку стрелами. Тело снова перевозят в другую провинцию царства умершего царя, а жители прежнего района сопровождают процессию. После того как тело умершего таким образом перевозят через различные провинции царства, они наконец приходят к геррам, которые живут в самых отдаленных частях Скифии и среди которых находятся гробницы. Здесь тело кладут на ложе, вокруг которого на разном расстоянии втыкают кинжалы; сверху укладывают куски дерева, покрытые ветвями ивы. В другой части этой ямы хоронят одну из наложниц покойного, которую предварительно задушают, вместе с пекарем, поваром, конюхом, его самым доверенным слугой, его лошадьми, лучшими из его вещей и, наконец, несколько золотых кубков, поскольку у них нет ни серебра, ни меди: в заключение они засыпают яму землей и, кажется, соревнуются в своих усилиях построить как можно более высокий курган.

Церемония на этом не заканчивается. На следующий год они выбирают из слуг покойного царя тех, кто был ближе всего к его персоне; все они являются коренными скифами, поскольку в Скифии нет купленных рабов, а царь выбирает себе слуг по своему усмотрению: пятьдесят из них задушают, а также столько же его лучших лошадей. Они вскрывают и очищают тела всех убитых, наполняют их соломой и зашивают. Затем на два куса дерева кладут третий, полукруглый, вогнутой стороной вверх, второй располагают таким же образом, затем третий и так далее, пока не будет возведено достаточное количество. На эти полукруглые куски дерева кладут лошадей, продев через них большие шесты от ног до шеи. Одна часть конструкции, сформированная так, как мы описали, поддерживает плечи лошади, другая — ее заднюю часть, а ноги остаются торчать вверх. Затем лошадям надевают уздечки, а поводья привязывают к ногам; на каждую из них затем кладут одного из задушенных юношей следующим образом: через каждого продевают шест до самой шеи, через спину, конец которого прикрепляют к куску дерева, на который насадили лошадь; сделав это с каждым, они оставляют их так.

Вышеописанные церемонии соблюдаются при погребении их царей; что же касается народа в целом, то когда кто-либо умирает, соседи кладут тело на повозку и возят его по разным знакомым покойного; те готовят угощение для сопровождающих труп, ставя его перед телом, как и в предыдущем случае. Частные лица, после того как их так возят в течение сорока дней, затем хоронят. Те, кто участвовал в выполнении этих обрядов, затем используют следующий способ очищения: тщательно вымыв голову и высушив ее, они поступают так же с телом; они втыкают в землю три кола, наклоненные друг к другу; вокруг них они обвязывают как можно более плотно шерсть, и, наконец, в пространство между кольями бросают раскаленные камни.

У них есть вид конопли, похожий на лен, за исключением того, что он более толстый и крупный; он действительно превосходит лен, независимо от того, выращивается ли он или растет самопроизвольно. Из него фракийцы делают себе одежду, которая настолько похожа на льняную, что для ее различения требуется опытный глаз: те, кто никогда не видел эту коноплю, заключили бы, что эти одежды сделаны из льна.

Скифы берут семена этой конопли и, поместив их под шерстяные руна, которые мы описали выше, бросают их на раскаленные камни, и сразу же поднимается ароматный пар, более сильный, чем из любой греческой печи. Для скифов это заменяет баню и вызывает у них крики восторга. Следует отметить, что они никогда не купаются: скифские женщины разминают под камнем древесину кипариса, кедра и ладана (), на которую затем выливают большое количество воды, пока она не приобретет определенную консистенцию, и которой они мажут тело и лицо; это придает коже приятный запах (), а на следующий день, когда мазь удаляется, кожа становится мягкой и красивой.

Скифы не только испытывают сильное отвращение ко всем иностранным обычаям, но и каждая провинция, кажется, неизменно придерживается своих собственных.^d

КИММЕРИЙЦЫ

Киммерийцы принадлежат отчасти к легенде, отчасти к истории. Мы знаем о них даже меньше, чем о скифах. Имя киммерийцев встречается в «Одиссее» — в мифе они описаны как народ, живущий за океаном, погруженный в темноту и не освещаемый лучами Гелиоса. Мы не можем подтвердить существование этого народа, поскольку он исчез или утратил свою идентичность и стал подчиненным еще до появления достоверных источников; однако, по-видимому, они были основными обитателями Таврического Херсонеса (Крыма) и территории между этим полуостровом и рекой Тирасом (Днестром) в то время, когда греки впервые начали свое постоянное заселение этих побережий в VII веке до н. э. Многочисленные населенные пункты, которые носили их имя даже во времена Геродота, после того как они перестали существовать как народ, а также гробницы киммерийских царей, которые тогда были показаны недалеко от Тираса, в достаточной мере подтверждают этот факт; и есть основания полагать, что они были (как и их завоеватели и преемники скифы) кочевым народом, доящими кобыл, перемещавшимися со своими палатками и стадами, в соответствии с природой тех нетронутых степей, которые представляла их территория и которые предлагали мало, кроме обильной травы. Страбон сообщает нам (на каком основании, мы не знаем), что они, как и треры и другие фракийцы, не раз опустошали Малую Азию до времени Ардиса и даже до Гомера.^e Исторические сведения о киммерийцах можно кратко резюмировать следующим образом:

Около 660 г. до н. э. Ассирийская империя была могущественнее, чем когда-либо. Брат царя правил в Вавилоне; множество мелких князей в Египте были вассалами; Сирия, Месопотамия, восточные горные земли и даже границы Армении и Малой Азии были непосредственно включены в состав империи. Казалось, не было никаких причин опасаться опасного восстания где-либо. Спустя несколько десятилетий это величественное сооружение исчезло с лица земли. Хотя завоеванные народы отчасти способствовали его падению, первоначальный импульс и решающие удары были нанесены извне в результате великого переселения народов. Мы видим явные последствия этого повсюду, но подробности этого процесса почти полностью скрыты в темноте.

Первое великое переселение началось с северного побережья Черного моря. Примерно в VIII веке скифы-сколоты, одно из иранских кочевых племен, якобы вытесненные массагетами, пересекли Волгу и Дон и изгнали киммерийцев из их обители. По-видимому,

остатки первоначального населения остались в Крыму (само это название происходит от названия киммерийцев), но большая часть покинула родные места вместе с женами и детьми. По всей вероятности, они перешли Дунай в Фракию, по пути к ним присоединились фракийские племена; с этими перемещениями связаны также переход тинийцев и вифинийцев через Босфор и их поселение на древней территории бебриков (вплоть до Сангария).

Около 700 года до н. э. киммерийцы вместе с присоединившимися к ним фракийскими племенами вторглись в Малую Азию, опустошая и грабя земли на большом пространстве. Это была миграция, подобная миграции северных племен, прошедших через Сирию в XII веке, и миграции галатов в Малую Азию в III веке, которые опустошили эту землю так же, как и киммерийцы. Вторгшиеся племена, несомненно, сопровождали жены и дети, и они унесли с собой все свое имущество.

Единственные имеющиеся у нас отрывочные сведения о вторжении не позволяют установить его хронологию. Аристотель сообщает, что Антандр, город лелегов на южном склоне горы Ида, в течение ста лет находился во владении киммерийцев. Говорят также, что фракийцы занимали Абидос до его колонизации милетцами.

Они также продвинулись дальше на восток. Синопа называется главной резиденцией киммерийцев; говорят, что здесь они убили лидера милетского поселения Абронадаса (?). Говорят, что когда они вторглись во Фригию, последний царь Мидас, сын Гордия, покончил с собой, выпив кровь быка. После этого фригийское царство исчезает из истории.

Отсюда, по-видимому, они впервые вступили в контакт с ассирийцами. Царь Эсархаддон перед своей киликийской кампанией рассказывает о сражении в неизвестном районе Хубушна с «теусами Гимира [еврейский Гомер], ... чье жилище находится далеко». Это сражение, место которого можно искать только в Каппадокии, должно быть датировано примерно 675 годом до н. э.

Движения были направлены как на Лидию, так и на Фригию. Здесь в это время последний из Гераклидов, Кандаул или Садиятт, пал жертвой дворцового переворота, и его убийца, Гиг, сын Даскила, из знатной семьи Мермнадов, которая на протяжении поколений враждовала с Гераклидами, занял трон. Дельфийский оракул вынес решение в его пользу, и он был признан лидийцами. Новый правитель, по-видимому, был способным воином. Согласно Страбону, вся Трояда подчинялась ему; следовательно, он, должно быть, владел и побережьем Теутрании. Несомненно, что районы Карики находились под его властью, если не под властью его предшественников. Он также напал на греческие прибрежные города и захватил Колофон. Чтобы защититься от киммерийцев, он присягнул на верность ассирийскому царю Ашшурбанапалу, который записывает, что Гиг (ассирийский Гугу) в результате одержал великую победу над киммерийцами и отправил двух их вождей в плен в Ниневию.

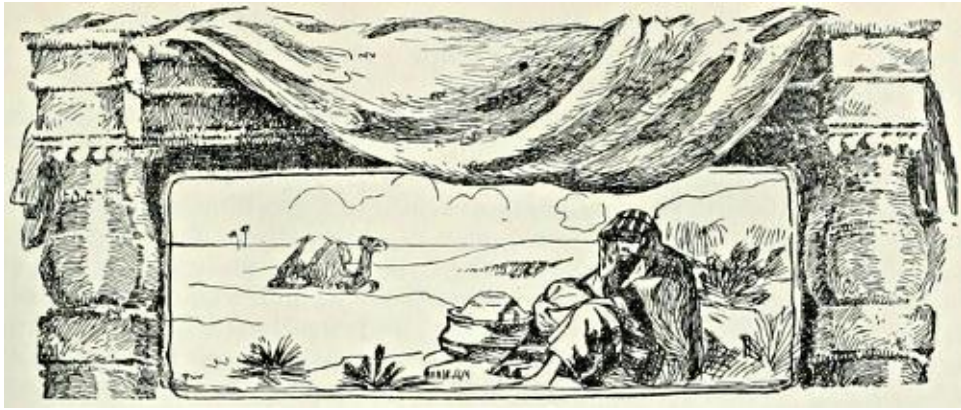
Присяга на верность ассирийскому царю была не более чем временной мерой. Как только он почувствовал себя в безопасности от киммерийцев, Гиг начал подготовку к нападению на ассирийское господство, которое могло стать опасным для до сих пор нетронутых стран Малой Азии. С этой целью он заключил союз с Псамтеком из Саиса, который восстал против Ассирии, и послал ему на помощь греческих и карийских наемников. Ашшурбанапал, полностью занятый войнами с Эламом, не мог предпринять против него никаких действий.

Но вскоре после этого киммерийцы снова появились в Лидии; сам Гиг погиб в бою; вся земля была захвачена дикими ордами, а Сарды были взяты. Затем они напали на греческие прибрежные города. В Эфесе поэт Каллин вдохновил сопротивление, которое успешно отразило нападение киммерийского князя Лигдамиса ([\[11\]](#)), но храм Артемиды за пределами города () был сожжен. С другой стороны, процветающий город Магнезия на Меандре был захвачен и разрушен. Однако дикие орды не смогли удержать разграбленную территорию надолго, как и осадить укрепленные города. Ардис, сын Гигеса, наконец восстановил власть царства своего отца; и, поскольку нам известно, что он напал на греков, он, должно быть, сначала отразил киммерийцев и прикрыл свои тылы. Ашшурбанапал сообщает, что он раскаялся в грехах своего отца и послал посольство, чтобы возобновить свою верность (646 г. до н. э.); однако это, безусловно, означает не более чем восстановление дружеских отношений с Ассирией.^e

СНОСКИ

[\[11\]](#) [Возможно, что этот Лигдамис — это «Туктаму из Манды», за поражение которого, согласно недавно расшифрованной надписи, Ашшурбанапал возблагодарил ассирийских богов].

ГЛАВА III. НЕКОТОРЫЕ НАРОДЫ СИРИИ, МАЛОЙ АЗИИ И АРМЕНИИ

АРАМЕИ

После хеттов арамейцы были народом, который владел самыми важными городами Сирии, постепенно продвигаясь вперед, пока, наконец, не занял всю страну. О арамейских племенах, упомянутых в Книге Бытия х. 23; xxii. 21 sq., известно очень мало, но несомненно, что в ранний период арамейцы жили недалеко от северной границы Палестины (в Маахе). Большую роль в истории Израиля сыграло государство Арам Даммесек, *то есть* территория древнего города Дамаска; оно на короткое время было подчинено Давиду. Главным предметом столетнего спора между двумя царствами было владение землями к востоку от Иордана (Хауран и особенно Галаад). Другое арамейское государство, часто упоминаемое в Библии, — это Арам-Зоба. Несомненно, что Зоба находилась на территории Сирии, хотя неизвестно, насколько далеко к западу или северу от Дамаска; в любом случае, она была недалеко от Хамата. Хамат в долине Оронта, у устья долины Бека, с раннего периода был одним из важнейших мест в Сирии; согласно Библии, его первоначальными жителями были хананеи. Принадлежавший ему район, включавший, среди прочего, Риблу (важную благодаря своему расположению), не был очень обширным. В 733 г. до н. э. Тиглатпилесер III сверг царство Дамаска; он также захватил Арпад (Тель-Арфад), важное место в трех часах езды к северу от Алеппо. Хамат был захвачен Саргоном в 720 году. С тех пор мелкие государства Сирии всегда подчинялись той или иной великой мировой империи, даже если в некоторых случаях сохранялась определенная степень независимости.^c

Точные сведения о небольших народах Малой Азии настолько ограничены и расплывчаты, смешение небольших племен и правящих династий настолько хаотично, а сохранившаяся литература настолько скудна и неопределенна, что мы можем лишь кратко обобщить судьбы каждого из этих небольших сообществ.

ФРИГИЯ

Фригия — страна с множеством гор и многочисленными речными долинами. Плодородие последних всегда было замечательным, а на северной границе, у истоков реки Сангарий, широкие пастбища давали пропитание овцам. Также широко культивировались виноградники.

Древние фригийцы были земледельческим народом, и все их странные религиозные обряды были связаны с обновлением и увяданием природы. «Фригийская мать», которую

греки называли Реей или Кибелой, а по-фригийски, как говорят, звали Амма, имела свой храм у подножия горы Агдус, недалеко от Пессинуса, где ей служили множество жрецов. Ее почитали в храме под видом бесформенного камня, который, как говорили, упал с неба, и представляли себе, как она мчится по горам на колеснице, а на голове у нее корона из башен. Возлюбленным Кибелы был Аттис, и праздники его рождения и смерти отмечались с диким горем и безумной радостью и сопровождались варварскими и неприглядными обрядами, очень похожими на те, что проводились при поклонении Адонису в Библие. Кибела олицетворяет природу, или природу как создательницу жизни, а рождение и смерть Аттиса символизируют весну и осень года.

Говорят, что правители Фригии происходили из крестьянского сословия. Гордий, первый царь, был призван управлять Фригией после того, как последовал за своей повозкой. Его сын Мидас был героем многих греческих легенд. История о том, как он получил дар превращать все, к чему прикасался, в золото, свидетельствует о его огромном богатстве. Это имя встречается в различных контекстах, и, по-видимому, цари древней фригийской династии носили поочередно имена Гордий и Мидас. Их гробницы до сих пор можно увидеть в долине Доганлу, на них есть надписи греческим шрифтом, но на фригийском языке. Династия прекратила свое существование в результате вторжения киммерийцев около 675 года до н. э., а после изгнания последних примерно столетие спустя королевство было аннексировано Лидией.

История, рассказанная Геродотом, показывает, что египтяне считали фригийцев самым древним народом мира. Греки полагали, что они пришли из Фракии и первоначально назывались бригами, но фригийцы, хотя и признавали родство с фракийскими бригами, заявляли о себе как о более древнем народе. Современные авторы склонны приписывать армянское происхождение обеим расам. Есть признаки, которые свидетельствуют о том, что фригийцы когда-то распространили свое правление на гораздо более обширную территорию, чем та, которая отведена их стране на наших картах древнего мира; что они владели побережьем и даже были обнаружены за пределами Эгейского моря. Но эти признаки не являются доказательством.

Жители Фригии когда-то обитали в скальных жилищах, которые существуют до сих пор, расположенных рядами друг над другом. Впоследствии они построили города — некоторые из них приписываются первому Гордию и Мидасу — и развили высокий уровень цивилизации. Им приписывают изобретение вышивки, а из шерсти своих многочисленных отар овец они изготавливали тонкое сукно. Котиум во Фригии — один из городов, который претендует на звание родины Эзопа, и хотя греки делали вид, что презирают фригийскую музыку, как показывает история Аполлона и Марсия, тем не менее факт, что эллины заимствовали фригийскую флейту и пастушью дудку, а также фригийскую форму поэзии. В области скульптуры, хотя они и не создали собственной школы, фригийцы, должно быть, проявили значительную оригинальность, поскольку наложили ярко выраженный национальный отпечаток на свои памятники, хотя общий стиль был заимствован из-за рубежа.

КАППАДОКИ

Основной интерес к этому народу вызывает их религиозное поклонение. Его главными центрами были два города Комана, один из которых расположен на реке Ирис, впадающей на севере в Эвксинский залив, а другой — в южной части страны, на склонах Анти-Тавра, недалеко от реки Сарус. Высшие жрецы, как правило, были королевской крови и

пользовались большим уважением, даже носили королевскую диадему на великом религиозном празднике, и их значение, по-видимому, не уменьшилось после персидского завоевания.

Каппадокийцы имели репутацию храбрых, но ненадежных людей, что соответствовало характеру народа, поклонявшегося воинственной богине Луны. Помимо бога Луны Мена, они поклонялись Ма, или Мене, отождествляемой с Энио, или Беллоной, а также с Артемидой. Ма обслуживали многочисленные жрецы и храмовые слуги, которые составляли основное население южной Команы, а множество девушек, одетых в воинские одежды и вооруженных таким же оружием, как и их божественная госпожа, участвовали в ее диких обрядах. Считается, что именно существование этих женщин породило легенду об амазонках, или народе женщин-воинов, которые, по мнению греков, жили в мифическом городе Фемискира на берегах Термодона в Понте.

Главным праздником был так называемый «Исход» богини, на который съезжались многочисленные паломники из ближних и дальних мест. Поклонники наносили себе порезы и участвовали в самых диких чувственных излишествах. Эти обряды, а также личные жертвоприношения, требуемые от поклонников Ма, свидетельствуют о семитском происхождении народа, который их практиковал, и напоминают обряды, связанные с поклонением «фригийской матери».

Греческое название каппадокийцев было «леукосирийцы», *то есть* белые сирийцы, и миф прослеживал их происхождение от Сироса, сына Аполлона. Первоначальное семитское население получило иностранную примесь в VIII веке до н. э., когда некоторые из киммерийцев, вторгшихся в Малую Азию, поселились среди них и полностью ассимилировались с населением. Катаоны, населявшие район на юго-востоке страны, считались отдельной расой, но личные наблюдения Страбона в веке до нашей эры не выявили никаких различий между этими двумя народами. Еще одно свидетельство семитского происхождения можно найти на монетах северной Каппадокии, которые датируются IV веком до нашей эры и несут изображение сирийского бога Баала с надписями на арамейском языке.

Южная часть Каппадокии занимает самое высокое плато Малой Азии, и ее холодный климат является причиной того, что она никогда не могла быть очень продуктивной, хотя в некоторых районах выращивали вино и масло. Однако она обеспечивала обширные пастбища для овец и лошадей, но главным богатством народа, по-видимому, были рабы. Серебро, железо и сталь в древности добывались в северо-восточных районах, граничащих с Арменией, где проживали тибарены, халибы и другие дикие племена неизвестного происхождения. Минеральные ресурсы их территории использовались греками, которые основали колонии вдоль всего побережья Каппадокии.

Наши реальные знания о истории Каппадокии не уходят дальше персидского завоевания, а название «каппадокийцы» является персидским обозначением — Катапатука. Персы разделили страну на две провинции: Каппадокия на Понте (позже называвшаяся просто Понтом) и Великая Каппадокия, простиравшаяся от гор Тавр на юге и включавшая в себя страну Амазонов () на верховьях реки Халис. Каждая из них составляла отдельную сатрапию, правители которой пользовались фактической независимостью и королевскими титулами.

КИЛИКИЯ

Между горами Тавр и хребтом, который древние называли Аманус, лежит плодородная и изолированная равнина, которая составляла основную часть древнего царства Киликия.

Ксенофонт описывает ее как «большую и красивую равнину, хорошо орошенную и полную всевозможных деревьев и виноградников, изобилующую кунжутом, просом, пшеницей и ячменем» и «окруженную крепким и высоким хребтом холмов от моря до моря». Эта равнина отнюдь не была всей территорией, занятой киликийцами, которая простиралась далеко на запад среди диких гор Тавр до Коракезия на границе Памфилии и, судя по утверждениям Геродота, доходила до Евфрата и включала в себя также большую часть Каппадокии.

Киликийцы были семитской расой и, как и каппадокийцы, были близко связаны с сирийцами. Они, очевидно, поклонялись сирийским богам, поскольку последние изображены на киликийских монетах, относящихся к персидской эпохе, особенно бог солнца Баал, сидящий на троне и держащий в руке виноград и колосья. Но на этих монетах мы также находим изображения Геракла, а также греческие и арамейские надписи, что свидетельствует о том, что эта семитская раса находилась под влиянием эллинов, которые действительно имели много поселений на западе Киликии.

Говорят, что киликийские города Тарс и Анхиале были построены за один день Сарданапалом, царем Ассирии. В ассирийских памятниках нет упоминаний о правителе с таким именем, но в них говорится о нескольких вторжениях Ассирии, по-видимому, носивших разрушительный характер, характерный для таких экспедиций. Саргон передал власть над Киликией Амбрису, царю Тубала, которого он впоследствии сверг. Однако Киликия продолжала иметь своих собственных царей, которые несколько раз восставали против Ассирии и в конце концов восстановили свою полную независимость после падения империи. Мы слышим о более чем одном царе Киликии в персидские времена, всех которых называли Сиеннесис, что, по-видимому, было скорее титулом, чем именем. Ксенофонт описывает прохождение Кира Младшего через Киликию, царь которой принес ему дань уважения и впоследствии был наказан за свою нелояльность лишением власти, после чего страной правили персидские наместники.

Александр прошел через Киликию по пути к великой битве при Иссе, которая произошла сразу за горным хребтом Аманус, и страна перешла под власть Македонии; но в смутные годы, последовавшие за смертью великого завоевателя, мы видим, что дикая страна Киликия Тракея успешно сохраняла независимость благодаря ордам киликийских пиратов.

ПАМФИЛИЯ И ПИСИДИЯ

Киликия Тракейская была западной частью страны; она граничила с Памфилией и Писидией, и к грабительским походам киликийских пиратов присоединились два соседних народа, из которых памфилийцы обладали удобной гаванью в Сиде, которая, по-видимому, была их главным центром. Писидийцы населяли страну к северу от Памфилии и не имели собственного побережья. Они были храбрым и выносливым народом, жили в городах, построенных в основном на высоких хребтах, и, как отмечает Эндрю Эллис (), оказывали упорное сопротивление Александру. Мы ничего не знаем об их происхождении или языке, но по внушительным руинам их городов видно, что, несмотря на то, что они были известны как грабители, они достигли высокого уровня цивилизации.

КАРИИ

Когда дорийские греки поселились на побережье Карики около 1000 года до нашей эры, они вытеснили древний народ, который считал себя поселенцами этой страны с незапамятных времен. Греки, однако, считали, что эти карийцы изначально назывались лелегами и были

подданными Миноса Критского, которому они служили моряками. Независимо от того, были ли они родом с Эгейских островов или нет, похоже, что они основали колонии на Кикладских островах, Самосе и т. д., но были изгнаны оттуда финикийцами за несколько веков до вторжения дорийцев на их материковую родину.

Хотя теперь они были вынуждены покинуть побережье и укрыться в горах внутренних районов, карийцы, тем не менее, были особенно воинственным народом. Греки подражали их моде носить шлемы с гребнями и украшения на щитах, а также их способу ношения щита, и они часто нанимались в качестве наемников. С середины VIII до VII века до н. э. карийские пираты были ужасом морей, а их богом был бог войны, Зевс с боевым топором, изображение которого было на их монетах. В соответствии с их связью с морем, мы также обнаруживаем, что они считали Зевса повелителем как океана, так и небес, и в этом качестве он почитался в Миласе в храме, где лидийцы и мисийцы имели право поклоняться вместе с карийцами, что последние приводили в качестве доказательства родства трех народов.

Карийский народ в своей горной родине не управлялся единым царем; различные города под властью своих аристократических правителей были объединены в своего рода федеративный союз, форма правления, которая сохранилась даже после их завоевания персами. Общий совет собирался под покровительством Зевса Хрисаориса у «белых столбов» на реке Марсияс. Иногда одно, а иногда другое место занимало доминирующее положение. Самым известным из городов Карики является Галикарнас, город Геродота, первоначально греческий город, принадлежавший дорийской гексаполии, в которую также входили Кос, Книд, Линд, Камирус и Иалис. После того как Галикарнас отделился от союза, он присоединил к себе карийский город Салмакис. Несколько его правителей являются заметными фигурами в истории. Артемизия, царица Галикарнаса, была с Ксерксом в Саламине, и Геродот представляет ее в качестве ценного советника персидского правителя. Другая Артемизия была женой Мавсола, жившего в IV веке до н. э. Хотя он был персидским сатрапом, его власть практически равнялась власти независимого монарха и перешла по наследству к его вдове. Гробница, которую она воздвигла в его память, до сих пор считается одним из самых замечательных памятников мира.

ЛИКИЯ

К юго-востоку от Карики находится гористый полуостров, который был заселен народом, которого греки называли ликийцами, но который называл себя трамильцами или, согласно Геродоту, термильцами. На северо-востоке полуострова проживало племя, которое носило имя мильянцев. Геродот утверждает, что эти мильянцы ранее назывались солимцами и были коренными жителями этой страны. Геродот также утверждает, что термильцы были изгнаны с Крита вместе со своим вождем Сарпедоном в результате ссоры последнего со своим братом Миносом. Современные историки, однако, отвергают идею критского происхождения, а также происхождение названия «ликийцы», которое дает Геродот. Древний писатель утверждал, что оно произошло от имени Лика, афинского изгнанника, который нашел убежище у Сарпедона; но более вероятно, что оно произошло от Аполлона Ликейя, и если это действительно так, то ликийцы, вероятно, поклонялись богу света. Другое утверждение Геродота, а именно, что ликийцы считали происхождение по материнской линии, не подтверждается памятниками.

Их было найдено большое количество, и они показывают, что этот народ разработал свою собственную архитектуру, но впоследствии поддался художественному влиянию Греции,

хотя и не копировал ее модели слепо. Ликийские гробницы очень многочисленны; большинство из них построены на склонах или высечены в изолированных фрагментах и вершинах скал. Очевидно, что к умершим относились с величайшим почтением, и их места упокоения часто располагались в непосредственной близости от домов живых. Надписи сделаны на языке, свойственном этой стране, и письменностью, напоминающей пелопоннесскую, но отличающейся от нее. Ни одна из очень древних надписей пока не была расшифрована.

Независимость ликийского характера проявлялась не только в особом национальном отпечатке, который они накладывали на все, что заимствовали у греков, но и в том, что, когда Лидийское царство расширило свои границы, включив в себя большинство соседних народов, ликийцы по-прежнему сохраняли свои свободы, и Геродот записывает о доблестном сопротивлении жителей Ксанфа подавляющим силам перса Харпага. Несмотря на значительное численное превосходство противника, они вступили с ним в сражение, но, несмотря на их героические усилия, ему в конце концов удалось победить их и загнать в город Ксант, где они сначала собрали свои семьи и все свои сокровища в стенах цитадели, а затем сожгли ее дотла. После этого они вышли навстречу врагу и были все убиты, сражаясь до последнего.

Город Ксант был впоследствии восстановлен и принял население из других стран, к которому, как утверждает Геродот, присоединились восемьдесят семей ксантцев, которые в момент катастрофы случайно находились за границей. Обширные руины Ксанта свидетельствуют о том, что он был главным городом ликийцев, но существовало и много других городов. Плиний даже утверждает, что их когда-то было семьдесят. Страбон говорит о двадцати трех городах Ликийского союза. Они были в основном построены на высоких хребтах и управлялись сенатом и общим собранием народа. Каждый из городов имел определенное количество голосов в федеративном собрании, количество голосов определялось важностью отдельного города. Высшая власть принадлежала ликиарху, должностному лицу, избираемому собранием. Эта форма правления сохранилась после персидского завоевания, и, хотя впоследствии страна была завоевана Александром и затем перешла под власть то Птолемеев, то Селевкидов, ее институты не были разрушены, а продолжали существовать даже под сюзеренитетом Рима и вплоть до времени Клавдия.

Ликия была ареной разрушений, причиненных легендарной Химерой, которую убил Беллерофонт; последний, как говорят, также победил солумов для ликийского царя. Химера является излюбленным предметом изображения в ликийской скульптуре, и предполагается, что происхождение легенды можно найти в потоках воспламеняющегося газа, выходящих из боковой части горы хребта Солима, в окрестностях Деликташа.

МИСИЙЦЫ

Карийцы говорили, что Мис, предок мисийского народа, был братом Кара и Лида, и что именно по этой причине мисийцы и лидийцы имели привилегию поклоняться в храме карийского Юпитера. Ксант из Лидии утверждал, что они говорили на языке, состоящем из фригийского и лидийского. Поскольку у нас есть только один образец мидийского языка, причем довольно сомнительный, наши средства для проверки этого вопроса несколько недостаточны, да и наши знания о ранней истории мидийцев не гораздо более удовлетворительны. Некоторые древние писатели говорили, что они пришли из Фракии, и предполагалось, что между ними и моэсами на Дунае существовала связь, причем последние считались эмигрантами из Азии теми, кто верил в родство между мидийцами и лидийцами.

Мисийцы, по-видимому, были вытеснены вглубь материка греческими поселенцами, которые обосновались вдоль побережья, и остались в этой горной местности, где, по-видимому, даже в персидские времена не достигли большого прогресса в цивилизации.

В гомеровском каталоге мисы фигурируют как союзники Трои, и мы слышим о том, что они были завоеваны Лидией. Их последующая судьба была обычной для подчиненных монархов древнего мира. Они вошли в состав Сирийской монархии, а после 190 г. до н. э. их страна была присоединена к территории царя Пергама. В 130 г. до н. э. они были включены в римскую провинцию Азия, после чего мы больше не слышим о них как о нации.

ВИТИНИИ И ПАФЛАГОНИИ

Между горами Олимп на северо-востоке Мизии и рекой Халис, которая образовывала западную границу Каппадокии на Понте, лежала территория бифинийцев и пафлагонийцев. Мы мало знаем о ранней истории обеих наций.

Пафлагонцы упоминаются у Гомера как союзники троянцев. Геродот включает их в число народов, завоеванных Крезом, и описывает снаряжение пафлагонцев в армии Ксеркса, а Ксенофонт также говорит о многочисленных солдатах, которых они могли выставить на поле боя. Как и другие народы Малой Азии, пафлагонцы последовательно переходили под власть Персии и Македонии и были включены вместе с Каппадокией в территорию Эвмена; но только когда их страна была присоединена к царству Понта, они перестали находиться под властью местных князей. (III век до н. э.)

Вифиния получила свое название от племени вифинов, которые, как считается, вместе с тинами переселились сюда из Фракии. Здесь проживало более древнее население, которое они изгнали, но племя мариандинов продолжало удерживаться в северо-восточных горах. Вифиния разделила судьбу своего соседа, будучи завоеванной как лидийцами, так и персами, но в IV веке до н. э. мы видим начало местной монархии, которая укрепляла свою власть, пока под руководством Никомеда I, основателя города Никомедии, она не стала важным царством. Это царство продолжало существовать до тех пор, пока растущая мощь Понта не заставила его правителя обратиться за защитой к римской власти. Затем оно стало римской провинцией и в течение некоторого времени было объединено с Пафлагонией.

Большая часть обеих этих стран является дикой и гористой, и они обладают обширными лесами, но во многих районах пересеченная местность сменяется плодородными равнинами и долинами. Греки основали города вдоль всего побережья, из которых Синопа в Пафлагонии была самой важной и последней в этой стране, подчинившейся владычеству Понта (183 г. до н. э.).

АРМЕНИЯ

На родном языке Армения называется Хайк, и соответственно в местных легендах мы находим имя Хайк, приписываемое основателю первого армянского царства. Говорили, что этот герой был четвертым потомком Иафета и бежал с группой последователей в горы Арарат в результате тирании Белуса, царя Вавилона, которого он впоследствии победил в битве на берегах озера Ван. Надписи показывают близкое сходство между вавилонской письменностью и письменностью, использовавшейся народом Урарту, название которого употребляется в ассирийских надписях для обозначения страны Арарат. Однако следует проводить различие между двумя народами: собственно армянами, которые имеют арийское происхождение и, вероятно, впервые появились около VI века до н. э., и алародийцами, которые ранее поселились в этой стране и в конечном итоге были

полностью поглощены пришельцами. Именно алародийцы, упоминаемые только Геродотом, по-видимому, имели родство с вавилонянами.

Говорят, что потомок Хаика распространил свою власть даже на Сирию и Каппадокию и заключил союз с Нинусом Ассирийским. Легенда также гласит, что Семирамида (Шамирам), царица Ассирии, вела войну с Араджем Армянским, который отверг ее любовь, и что она победила и убила его в битве, после чего отдала Армению Кардусу. Но Кард восстал против нее и постигла его та же участь, что и его предшественника, хотя его потомкам было позволено сохранить трон в качестве вассалов Ассирии, пока после распада империи они не восстановили свою независимость. Более поздний царь Тигранс появляется как союзник Кира и убийца его соперника Астиага. Тигранс упоминается Ксенофоном, но достоверность остальной части легендарной истории весьма сомнительна. В ассирийских надписях часто упоминаются походы на армянскую территорию. Она была разделена на различные княжества. Династия Хайкианцев имела свою резиденцию в Армавире за Араксом, а Ван на озере с тем же названием был очень древней столицей. Династия Хайкидов продолжала править до тех пор, пока Александр Македонский не победил Вахи в 317 г. до н. э. Восточная часть Армении была образована в качестве независимого королевства Артаксом в 190 г. до н. э., и под властью более поздней династии, Аршакидов, она, по-видимому, могла бы стать центром великой империи. Однако в дело вмешались римляне, и ее царь Артавазд, взятый в плен Антонием, был обезглавлен в 30 году до н. э. по приказу Клеопатры, а страна была раздроблена на множество соперничающих княжеств.

ГЛАВА IV. ЛИДИЙЦЫ

Из довольно многочисленных народов, населявших Малую Азию после исчезновения хеттов, только лидийцы достигли такой степени известности, что до сих пор представляют особый интерес для исследователей древней истории. И даже этот интерес носит скорее негативный характер из-за их связей с греками, с одной стороны, и персами, с другой.

Что касается происхождения лидийцев и их ранней истории, то все совершенно неясно. Даже не совсем ясно, следует ли считать их семитским, арийским или туранским народом; скорее всего, они были смешанной расой и именно этому факту обязаны относительной мощью, которой они достигли. Традиция, которая здесь служит истории, приписывает им три династии царей, которые обычно называют Аттиадами, Гераклидами и Мермнадами.

Первая из этих династий является полностью мифической, а вторая — в значительной степени. Однако есть около полудюжины царей более позднего периода второй династии, имена которых нам известны: это Алиатт I, Ардис I, Алиатт II, Мелес, Мирс и Кандаул, которые правили примерно с 814 по 691 год до нашей эры. Последний из этих царей, по имени Кандаул, известен благодаря страницам Геродота и других писателей, и с его свержением Гигесом началась третья и последняя, единственная действительно историческая династия Лидии.

История свержения Кандаула, рассказанная Геродотом, является одной из самых волнующих и известных повестей этого автора. Однако то, что ее следует считать полумифической, очевидно из того факта, что другие греки имели другие предания об этом же событии. Так, Платон рассказывает сказочную историю о том, как Гиг нашел кольцо, которое имело свойство делать его невидимым по желанию, и с помощью этого кольца ему удалось завоевать расположение жены Кандаула и в конечном итоге свергнуть этого монарха. Все эти рассказы, имеющие характерные черты древних повествований, сходятся, однако, в одном существенном пункте, а именно в свержении династии Гигесом и установлении себя и своих преемников на троне.

Если верить преданию, Гиг был человеком, имевшим немалые заслуги как администратор; в частности, считается, что он первым изобрел систему чеканки монет. Это утверждение основано на несколько ненадежных свидетельствах, но в отсутствие других претендентов оно обычно принимается современными историками, и одного этого должно быть достаточно, чтобы имя Гига сохранилось для самых дальних потомков.

Однако имя Гигеса не достигло такой же популярности, как имя его преемника Креза, жившего примерно столетием позже. Именно история Креза и его свержения Киром, рассказанная Геродотом, больше всего способствовала сохранению имени Лидии. Благодаря отцу истории имя Креза на протяжении всех веков с момента жизни этого монарха было синонимом богатства, а трагическая история свержения могущественного автократа из-за чрезмерной уверенности в себе и недооценки своего врага, без сомнения, будет и впредь служить моралью для последующих поколений читателей, пока читают историю.

Среди всех имен древности, пожалуй, нет другого, более широко и популярного, чем имя Креза, и, безусловно, нет другого имени в древней или современной истории, столь же известного, обладатель которого достиг так мало. Богатство Креза было в основном наследством его предшественников, а его участие в единственной важной лидийской войне, о которой у нас есть записи, было далеко не славным. Поэтому место этого знаменитого монарха в истории столь же уникально, сколь и интересно.

ЗЕМЛЯ

Трудно точно определить границы Лидии, отчасти потому, что они менялись в разное время, отчасти потому, что мы до сих пор не до конца знакомы с географией западной Малой Азии.

Название впервые встречается в форме Luddi в надписях ассирийского царя Ашшурбанапала, который получал дань от Гигеса около 660 г. до н. э. У Гомера мы читаем только о меонянах, а место лидийской столицы Сарды занимает Гайд, если только это не было названием района, в котором находились Сарды. Самым ранним греческим писателем, упоминающим это название, является Мимнерм из Колофона, живший в 37-й Олимпиаде. Согласно Геродоту, меоны (называемые другими писателями меонами) были названы лидийцами в честь Лида, сына Аттиса, в мифическую эпоху, предшествовавшую возникновению династии Гераклидов. Однако в исторические времена меоны были

племенем, населявшим район Верхнего Гермуса, где существовал город под названием Меония (ныне Меннен). Лидийцы, по-видимому, изначально были союзным племенем, которое граничило с ними на северо-западе и занимало равнину Сарды или Магнезию у подножия Тмола и Сипила. Они были отрезаны от моря греками, которые владели не только заливом Смирны, но и страной к северу от Сипила до Темнуса, в Богазе, или перевале, через который Эрмус пробивается из равнины Магнезии в свою нижнюю долину. В гомеровском эпиграмме хребет к северу от Эрма, на котором лежат руины Темнуса, называется Сардене. На севере лидийцы простирались по крайней мере до озера Гига (озеро Коле, ныне Мермерех) и хребта Сардене (ныне Думанлы Даг). Плато Бин Бир Тепе на южном берегу озера Гига было главным местом захоронения жителей Сард и густо усеяно курганами, среди которых «гробница Алиатта» возвышается на высоту 260 футов.

Рядом с Сардами главным городом страны была Магнезия Сипилум, заменившая древний Сипилус, который, вероятно, представляет собой почти недоступный акрополь, обнаруженный г-ном Хуманном недалеко от Магнезии на северном утесе горы Сипилус. В его окрестностях находится знаменитая сидящая фигура «Ниоба», высеченная из скалы и, вероятно, предназначенная для изображения богини Кибелы, к которой греки привязали свою легенду о Ниобе. Согласно Плинию, Танталис, впоследствии поглощенный землетрясением в озере Сале или Салоз, был древним названием Сипила и «столицей Меонии».

При династии Гераклидов границы Лидии, вероятно, уже были расширены, поскольку, согласно Страбону, власть Гигеса простиралась до Троады, а из ассирийских надписей мы узнаем, что тот же царь посылал дань Ашшурбанапалу, чьи владения на западе ограничивались рекой Халис.

Но при Мермнадах Лидия стала морской, а не только сухопутной державой. Греческие города были завоеваны, а побережье Ионии вошло в состав Лидийского царства. Успехи Креза окончательно превратили Лидийское царство в Лидийскую империю, и вся Малая Азия к западу от Халиса, за исключением Ликий, признавала верховенство Сард. Лидия больше никогда не сокращалась до своих первоначальных размеров. После персидского завоевания Меандр считался ее южной границей, а в римский период она включала в себя территорию между Мизией и Карией с одной стороны и Фригией и Эгейским морем с другой.

Сама Лидия была чрезвычайно плодородной. Склоны холмов были покрыты виноградниками и елями, а богатая широкая равнина Эрмуса давала большие урожаи пшеницы и шафрана. Климат равнины был мягким, но здоровым, хотя страна подвергалась частым землетрясениям. Считалось, что река Пактол, берущая начало из источника Тарне в горах Тмол, протекающая через центр Сард и впадающая в Гермус, полна золотого песка; золотые прииски были в самом Тмоле, хотя ко времени Страбона добыча стала настолько незначительной, что едва покрывала расходы на их эксплуатацию. На востоке Меонии находилось любопытное бесплодное плато, известное грекам как Катацекаумене или «Сгоревшая страна», когда-то бывшее центром вулканической активности. В озере Гигае, где были найдены остатки дома на сваях, до сих пор водится карп, который часто достигает очень больших размеров.^d

Страбон отмечает, что это озеро, которое впоследствии было названо Колоэ, находилось в сорока стадиях от Сард. Говорили, что оно было выкопано руками человека, чтобы служить бассейном для сбора воды, переливающейся с соседних равнин. Рядом с озером, в направлении Сард, находилась гробница или курган Алиатта, упомянутый Геродотом как одно из чудес Лидии; он говорит, что фундамент этого памятника был из огромных камней, а надстройка представляла собой земляной холм. Он был возведен ремесленниками и

куртизанками Сард. Историк добавляет, что в его время на вершине кургана сохранилось пять колонн, на которых были высечены надписи о различных частях работы, выполненных разными ремесленниками; из них следовало, что куртизанки имели в ней наибольшую долю. Окружность этого огромного холма составляла шесть стадий и две плефры, а ширина — тринадцать плефр. Некоторые авторы утверждают, что он назывался «гробницей куртизанки» и был построен любовницей царя Гигеса. Страбон сообщает, что помимо гробницы Алиатта существовали и другие гробницы лидийских царей, что подтверждается современными путешественниками.⁴

НАРОД

Геродот утверждает, что Лид был братом Миса и Кара, что подтверждается несколькими сохранившимися лидийскими, мисийскими и карийскими словами, а также характером цивилизации этих трех народов. Насколько можно судить по скудным остаткам, язык был индоевропейским, и более близким к западной, чем к восточной ветви этой семьи. Раса, вероятно, была смешанной, состоящей из аборигенов и арийских иммигрантов. Она отличалась трудолюбием и коммерческим духом, а до персидского завоевания — еще и храбростью.

Религия лидийцев напоминала религию других цивилизованных народов Малой Азии. Это было поклонение природе, которое порой принимало дикие и чувственные формы. Наряду с верховным богом Медеем, главным объектом народного культа был бог солнца Аттис, как и во Фригии. Он был одновременно сыном и женихом Кибелы или Кибебе, матери богов, чье изображение, высеченное Бротасом, сыном Тантала, почиталось на скалах Сипилуса. Как и семитский Таммуз или Адонис, он был прекрасным юношей, который изуродовал себя в момент безумия или отчаяния, и чьи храмы обслуживали евнухи-жрецы. Или же он был умирающим богом солнца, убитым зимой и оплакиваемым Кибелой, как Адонис был оплакиваем Афродитой () в древнем мифе, который греки заимствовали у финикийцев. Это поклонение Аттису в значительной степени было обусловлено иностранным влиянием. Несомненно, существовал древний местный бог с таким именем, но связанные с ним мифы и обряды почти полностью пришли из-за границы. Хетты в своей крепости Каркемиш на Евфрате приняли вавилонский культ Иштар (Ашторет) и Таммуза-Адониса и передали его племенам Малой Азии.

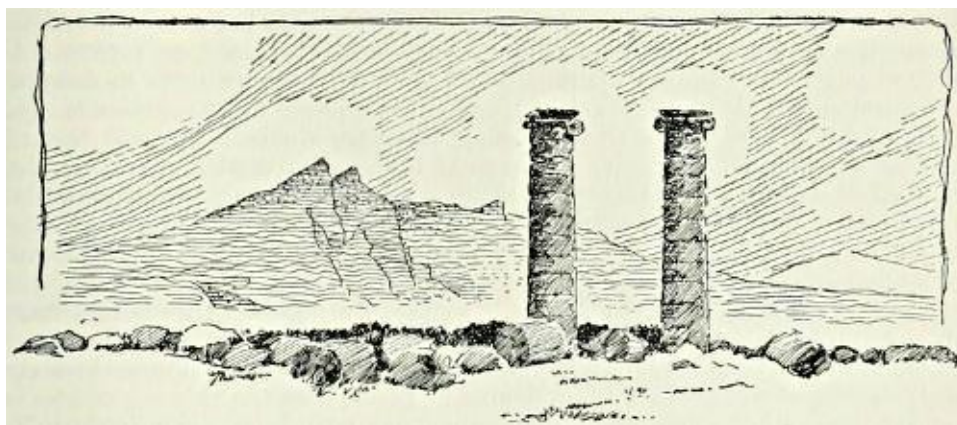
Близкое сходство между историей Аттиса и Адониса было результатом общего происхождения. Старые легенды семитского Востока пришли на Запад двумя путями. Финикийцы принесли их по морю, а хетты — по суше. Но хотя поклонение Макару или Мелькарту на Лесбосе показывает, что финикийская вера обрела пристанище в этой части побережья Малой Азии, она не могла оказать влияния на Лидию, которая, как мы видели, была отрезана от моря до восхождения Мермнадов. Скорее, Лидия, как и Фригия и Каппадокия, обязана хеттам своей верой в Аттиса и Кибелу. Последняя стала «матерью Азии», и в Эфесе, где ее почитали в образе метеоритного камня, ее отождествляли с греческой Артемидой. Ее корона впервые появляется в хеттских скульптурах Богаз-Кей в Халисе, а пчела была для нее священным животным. Драгоценный камень, найденный недалеко от Алеппо, изображает ее хеттскую двойницу, стоящую на этом насекомом. Жрицы, которые ей служили, изображаются в раннем искусстве вооруженными двуглавым топором, а танцы, которые они исполняли в ее честь со щитом и луком, дали начало мифам, которые видели в них амазонок, народ женщин-воинов. Доэллиинские города побережья — Смирна, Саморна (Эфес), Мирина, Кима, Приена и Питана — все были амазонского происхождения, и первые три из них имеют то же название, что и амазонка Мирина, чья могила была указана в Троаде. Проституция, с помощью которой лидийские девушки

зарабатывали приданое, была религиозным обрядом, как и у семитов, который символизировал их преданность богине Кибеле. В легенде о Геракле Омфала занимает место Кибелы и, возможно, была ее лидийским титулом. Геракл здесь является богом солнца Аттисом в новой форме; его лидийское имя неизвестно, поскольку Э. Мейер показал, что Сандон принадлежит не Лидии, а Киликии. Рядом с Аттисом стоял бог луны Манес или Мен.^{[d](#)}

САРДИ И НАЗВАНИЕ АЗИЯ

Торговое и стратегическое превосходство места расположения Сард дает нам основание полагать, что оно всегда было резиденцией королей. Но не похоже, что это место всегда носило одно и то же имя. Лишь в довольно поздний период великий город Тмолус получил название, которое носит до сих пор. Когда Страбон упоминает его как последующий за Троянской войной, он имеет в виду не то, что это место было заброшено в гомеровскую эпоху, а то, что тогда оно носило другое название. Насколько можно судить, город имел три последовательных названия: Азия, Гиде, Сарды, которые соответствуют трем великим периодам его истории.

Согласно Стефану Византийскому, у подножия Тмола находился город под названием Азия, и Азия получила свое название либо от этого города, либо от Асиеса, местного героя. Тот же географ утверждает, что территория Сард называлась Эсиония или Азия. Геродот свидетельствует, что, согласно Гермусу, местные предания связывают название Азия с Асиесом и что в его время одно из сардских племен называлось азиатским. Поскольку, говоря о вторжении киммерийцев, в ходе которого был захвачен Сарды, Каллин говорит о нем как о направленном против эсионов, Деметрий из Скепсиса предполагает, что эсионны были ионической формой асионов, поскольку, по его мнению, Меония изначально называлась Асией. Наконец, автор *«Илиады»* применяет термин «Азия» к равнине, расположенной в долине Кайстера на пути из Эфеса в Сарды. Страбон сообщает, что на берегу реки было показано здание, посвященное герою Асиесу.

Руины Акрополя Сард

Если соединить эти различные свидетельства и, с другой стороны, учесть, что герой Асий, согласно легенде, является внуком Манеса и, следовательно, братом или племянником Аттиса, эпони́ма Аттиадов, что возвращает нас к самой ранней лидийской династии, можно с разумной уверенностью предположить: (1) что Азия была самым древним названием Сард; (2) что это название, постепенно теряя свою первоначальную окраску, сначала распространилось на район, столицей которого был этот город, затем на всю провинцию, а затем и на большую часть континента; (3) что оно сохранялось до того дня, когда новый

народ, без сомнения, меоны, стал хозяином страны и заменил его другим; (4) что даже тогда оно не исчезло полностью, но в соответствии с установленным законом сохранялось в неясной и ограниченной форме как обозначение незначительных частей того организма, который ранее составлял его целое.

Неизвестно, когда название «Гид» уступило место названию «Сарды», лидийскому слову, означающему «год». Но это изменение вряд ли могло произойти до 687 года. Оно понятно только в том случае, если оно совпадает с падением власти меонов и приходом лидийского народа (). Меоны, пока длилась их гегемония, не имели причин менять название своего города. Напротив, можно предположить, что Гиг, стремясь разорвать все связи с прошлым, дал бы столице, которую он завоевал, новое имя, приемлемое для его людей. Возможно, термин «Сарды», или «год», который с тех пор обозначал резиденцию Мермнадов, был выбран первым из них, чтобы увековечить ту памятную дату, когда принц Тиры, победитель Кандаула и узаконенный Дельфами, вступил на восточный трон.

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЛИДИИ

Помимо этих преданий, о которых мы только что говорили, ранняя история Лидии предлагает только сказки, настолько чисто легендарные, что было бы тщетно искать для них рациональное обоснование. Камблес, в приступе ненасытности, вызванном любовными зельями, пожирает свою жену. Мелес имеет льва в качестве наложницы. Прорицатели Телмесса предсказывают ему, что Сарды будут неприступны, если животное будет пронесено вдоль стен. Поэтому Мелес заставляет его обойти Акрополь во всех тех местах, где его можно было бы застать врасплох или загнать в угол. Что же касается той части цитадели, которая выходит на Тмол, он ее игнорирует, считая ее недоступной. При правлении Альцима Лидия пережила Золотой век, наслаждаясь глубоким миром и накапливая огромные богатства. Возможно, в этой последней истории есть доля правды. Ничто не мешает верить, что этот Алким действительно представляет собой время, когда Лидия заложила основу своего огромного экономического процветания, будь то за счет эксплуатации рудников, открытия великой дороги из Сард в Птерию или других промышленных или торговых инициатив.

Но это только гипотезы. Более твердая почва под ногами появляется в VIII веке. Последние Гераклиды выходят из облака тайны, в котором смутно собрались их предшественники. Мы знаем даты их правления и обладаем некоторыми подробностями их жизни.

Христианские летописцы упоминают о них очень кратко. В дополнение к этим упоминаниям у нас есть документ первого порядка, отрывок из «Всеобщей истории», составленной во времена Августа по просьбе Ирода перипатетиком Николаем Дамасским, секретарем еврейского царя.

Выдержки из Николая Дамасского имеют исключительную ценность. Под украшениями рассказа и хотя факты облечены в конкретные, сказочные и символические формы, можно найти серьезную информацию, едва затронутую мифами, черты поразительной реальности, которые не являются результатом народного воображения или романтического *порыва* историков, но несут отпечаток далекого происхождения и неоспоримой подлинности. Ксант и его сократители далеки от понимания традиций, эхом которых они являются. Но сама точность, с которой они их записывают, помогает нам восстановить их истинное значение.

Поскольку фрагмент 49 относится к периоду, предшествующему и подготавливающему возвышение Гигеса, он является ведущим документом — фактически единственным, который позволяет реконструировать политическую ситуацию в Азии в конце VIII века —

поэтому здесь будет лучше перевести первую часть, которая показывает предшествующие события лидийской революции.

«Алиатт, царь лидийцев, имел двух сыновей-близнецов, Кадиса и Ардиса. Он оставил им управление государством, и они правили вместе, любя друг друга и обожаемые народом. Но жена Кадиса, Дамонно, вступила в прелюбодеяние с неким Спермосом, двоюродным братом своего дяди. Двое преступников решили убить царя. Для этого Дамонно дала ему яд. Кадис заболел, но не умер. Врач вылечил его, и он стал еще здоровее, чем раньше. В ярости Дамонно решила избавиться от врача. Полагая, что если она даст ему яд, он сможет избежать его воздействия благодаря своим знаниям, она велела выкопать в своем дворце глубокую яму, сделала ее невидимой снаружи, поставила над ней кушетку, а рядом с ней — еще несколько. Затем, пригласив своего врага на праздник, она заставила его лечь на место, где была спрятана ловушка. Он упал на дно, а она засыпала яму землей и таким образом заставила его исчезнуть.

«Так случилось, что в свою очередь умер и Кадис. Тогда Дамонно, подкупив большое количество лидийцев, в сговоре со Спермосом изгнала царя Ардиса, своего зятя. Затем она вышла замуж за своего любовника и провозгласила его царем.

АРДИС

«Ардис, который поспешно бежал со своей женой и дочерью, оказался в Киме в такой нищете, что был вынужден сначала стать пахарем, а затем трактирщиком. Каждый раз, когда в его гостиницу приходили лидийцы, он принимал их с чрезвычайной вежливостью и не успокаивался, пока они не становились его друзьями. Такое поведение беспокоило Спермоса. Поэтому он послал в Ким бандита по имени Керс, поручив ему убить изгнанника. В награду Керс должен был жениться на дочери узурпатора и получить в подарок тысячу статеров.

«Прибыв в Ким, разбойник явился в гостиницу Ардиса. Королевский трактирщик был с ним так же вежлив, как и со всеми остальными. Керс был очарован его манерами и влюбился в его дочь, которая занималась домашними делами. Он попросил ее руки, пообещав ее отцу в ответ оказать ему исключительную услугу. Сначала Ардис, который презирал низкое происхождение жениха и был истинным аристократом, отказался отдать ему свою дочь. Но в конце концов, увлеченный заверениями жениха, он согласился на его просьбу. После заключения соглашения Керсес раскрыл цель своего путешествия. Спермос в обмен на голову Ардиса предложил ему свою дочь, но Керсес хотел дочь Ардиса, и чтобы завоевать ее, он собирался принести изгнаннику голову своего врага. Ардис одобрил это. Керсес отрезал свои длинные волосы, которые он носил до сих пор. Затем, снабдившись деревянной головой, вырезанной по образу преступника, и надев на нее парик, он отправился в Лидию. Спермос, узнав о возвращении своего посланника, побежал к нему, чтобы расспросить его.

«Все сделано», — заверил его Керсес. (Он предусмотрительно спрятал голову в маленькой комнате.) «Хорошо», — ответил тот, — «покажи мне голову, которую ты принес». «Нет», — сказал бандит, — «не перед этой толпой. Приходи посмотреть ее в тайне в доме». «Да будет так», — ответил Спермос. Деревянная фигура лежала на земле. Керсес показал ее своему сообщнику, который наклонился, чтобы ее опознать. Немедленно разбойник ударил Спермоса мечом, сбил его с ног, отрезал ему голову, открыл дверь и пошел к Ардису.

«Через некоторое время лидийцы, которые ждали Спермоса, не видя его, вошли в дом и увидели обезглавленный труп. Это зрелище, вместо того чтобы вызвать у них огорчение, доставило им удовольствие, ибо узурпатор был плохим человеком, и во время его правления засуха опустошила землю. Так погиб Спермос, продержавшись у власти два года.

Он не внесен в список королевских. Однако Керс, бежав, наткнулся на гостиницу. Он вошел в нее и, радуясь успеху своего предприятия, напился до бесчувствия. В пьяном состоянии он доверился хозяину таверны и показал ему голову Спермоса. Тот, судя по этому, что Ардис вернет себе трон, сумел напоить бандита до бесчувствия и убил его; затем, взяв его голову и голову Спермоса, пошел искать павшего принца.

«Когда он подошел к нему, он воскликнул: «Я приношу тебе величайшее благословение». «Что это?» — спросил тот. «То, что Спермос мертв, а Керсес не является моим зятем? Для меня не может быть большего благословения». Тиессос — так звали трактирщика — ответил: «Именно это я и приношу», — и показал две головы. «Что ты хочешь за эту услугу?» — спросил его Ардис. «О, что касается меня, — ответил Тиессос, — я не прошу ни твоей дочери, ни твоего золота. Но я желаю, чтобы, когда ты станешь царем, ты освободил мою таверну от налогов». «Я обещаю», — ответил Ардис.

Со временем Тиессос разбогател на доходах от своей гостиницы. Он открыл рынок рядом со своим домом и освятил там храм Гермеса. С тех пор это место стало называться Гермайон-Тиессоу.

Что касается Ардиса, то он был возвращен на трон лидийцами, которые послали посольство, состоящее частично из Гераклидов. После своего восстановления он вернул Лидии счастливые дни Альцима. Он был справедливым человеком, и его подданные обожали его. Именно он провел перепись армии, которая состояла в основном из кавалерии. Говорят, что он обнаружил, что в ней насчитывалось до тридцати тысяч всадников.

В старости Ардис имел фаворита из рода Мермнаданов, Дасцила, сына Гигеса. Этот Дасцил постепенно сосредоточил всю власть в своих руках. Поэтому сын царя, Алиатт, опасаясь, что после смерти отца он захватит верховную власть, тайно убил его. Опасаясь за свою жизнь, вдова жертвы, которая была беременна, укрылась во Фригии, откуда она была родом. Узнав об убийстве, Ардис, охваченный гневом, созвал лидийцев на собрание. Поскольку его преклонный возраст делал его беспомощным, его донесли до места собрания на носилках. Перед всем народом он осудил преступление, обрушился с проклятиями на виновных и дал право убить их тому, кто их обнаружит. Ардис умер, процарствовав семьдесят лет.

«Во время правления Мелеса Лидию поразил голод, и жители отправились просить совета у оракула. Бог ответил, что цари должны искупить убийство Даскила. Узнав от гадателей, что преступление должно быть искуплено трехлетним изгнанием, Мелес добровольно удалился в Вавилон. Кроме того, он послал во Фригию сыну Даскила (тому самому, который был проклят еще до рождения и, как и его отец, был назван Даскилом) сообщение, в котором советовал ему вернуться в Сарды, уверяя, что за убийство будет выплачена компенсация. Молодой человек отказался, мотивируя это тем, что он никогда не видел своего отца, что на момент преступления он еще не родился и, следовательно, не обязан вмешиваться в урегулирование этого дела.

«Во время своего изгнания Мелес доверил управление Садиятту, сыну Кадиса. Этот принц, потомок далекого предка по имени Тилон, был регентом от имени своего господина, и когда три года прошли и Мелес вернулся из Вавилона, он верно восстановил власть. При правлении Мирса Даскил, сын того самого Даскила, убитого Садияттом, опасаясь заговора против себя со стороны Гераклидов, покинул Фригию и укрылся среди сирийцев, населявших провинцию Понт вокруг Синопы. Там он женился на местной жительнице, и от этого брака родился Гиг».

Это повествование дает повод для различных комментариев. Во-первых, содержит ли оно полный список последних Сандонидов в порядке преемственности? Если да, то каталог в

фрагменте 49 следует предпочесть всем остальным, поскольку замечание в ходе повествования о том, что Спермос не был внесен в королевские анналы, показывает, что автор черпал информацию из официальных регистров.^c

В ярком контрасте с этим рассказом о происхождении лидийской монархии стоит драматическое повествование Геродота, которое можно найти в Приложении А, посвященном классическим традициям. Из этой истории об Ардисе и его преемниках мы можем взять краткое резюме профессора Сейса всей истории Лидии.^a

РАННИЕ ДИНАСТИИ

Согласно местному историку Ксанту (460 г. до н. э.), Лидией последовательно правили три династии. Первая, династия Аттидов, является полностью мифической. Ее возглавлял бог, и в нее входили такие географические персонажи, как Лид, Асий и Мелес, или такие герои фольклора, как Камблет, пожравший свою жену. К этому мифическому веку относится колония, которую, согласно Геродоту, Тирсен, сын Аттиса, привел в Этрурию. Ксант, однако, ставит Торреба на место Тирсена и делает его эпонимом района в Лидии. Между этрусками и лидийцами не было никакой связи ни в языке, ни в расе, и рассказ Геродота основан исключительно на предполагаемом сходстве Тиррена и Торреба. Сомнительно, признавал ли Ксант греческие легенды, которые привели Пелопа из Лидии, или, скорее, из Меонии, и сделали его сыном Тантала. Легенды, вероятно, возникли после греческой колонизации Эолии и Ионии, хотя открытия доктора Шлимана в Микенах показали определенное сходство между искусством ранней Греции и искусством Малой Азии, а найденное там в таком изобилии золото, возможно, происходило из рудников Тмола.

Вторая династия также была божественного происхождения, но имена, стоящие во главе ее, доказывают ее связь с далеким Востоком. Ее основатель, потомок Геракла и Омфалы, был, как сообщает Геродот, сыном Нина и внуком Бела. Ассирийские надписи показывают, что ассирийцы никогда не пересекали реку Халис и тем более не знали имени Лидия до эпохи Ашшурбанапала, и, следовательно, старая теория, согласно которой Гераклиды из Ниневии были, должна быть отвергнута. Но теперь мы знаем, что дело обстояло иначе с другим восточным народом, который был глубоко проникнут элементами вавилонской культуры. Хетты завоевали Малую Азию и обосновались на побережье Эгейского моря еще до правления египетского царя Рамсеса II. Среди союзных народов, сражавшихся под их знаменами, были насу или мисийцы и дарданы из Троады из Илуны или Илиона и Пидасы (Педасуса); и, если следовать Бругшу, Илуна должна читаться как Мауна и отождествляться с Меонией. В то же время хетты оставили памятники о себе в Лидии. Г-н Г. Деннис обнаружил надпись на хеттских иероглифах, прикрепленную к фигуре «Ниоби» на Сипиле, и аналогичная надпись сопровождает фигуру (в которой Геродот хотел увидеть Сесостриса или Рамсеса II), высеченную на скале Карабель, перевале, ведущем от равнины Сард к равнине Эфеса. Из Евсевия мы узнаем, что Сарды были впервые захвачены киммерийцами в 1078 году до н. э.; и, поскольку прошло четыре столетия, прежде чем настоящие киммерийцы появились на горизонте истории, мы, возможно, можем найти в этом утверждении предание о хеттском завоевании. Возможно, Нинус Геродота указывает на тот факт, что Каркемиш назывался «старым Нинусом», а упоминание о Белу может означать, что хеттская цивилизация пришла из земли Бела. В любом случае, именно тогда, когда власть хеттских сатрапов в Сардах начала приходить в упадок, возникла династия Гераклидов. Согласно Ксанту, Садиятт и Ликс были преемниками Тилона, сына Омфалы.

ГИГЕС

Просуществовав пятьсот пять лет, династия закончила свое существование с Садияттом, как его называет Николай Дамасский, чье повествование, несомненно, основано на рассказе Ксанфа. Имя Кандаул, данное ему Геродотом, означало «убийца собак» и было титулом лидийского Гермеса. Гиг, называемый Гугу в ассирийских надписях и Гог в Ветхом Завете, казнил его и основал династию Мермнадов в 690 году до н. э. Гиг начал проводить новую политику, направленную на превращение Лидии в морскую державу, но его попытка захватить старую Смирну не увенчалась успехом. К середине его правления королевство было захвачено киммерийцами, называемыми Гимирра в ассирийских текстах, Гомер в Ветхом Завете, которые были изгнаны со своих старых мест на Азовском море вторжением скифов и вытеснены в Малую Азию поражением, которое они потерпели от рук Эсархаддона. Нижний город Сарды был захвачен ими, и Гиг обратился за помощью к Ассирии, согласившись стать вассалом Ашшурбанапала или Сарданапала и отправив ему, среди прочих подарков, двух киммерийских вождей, которых он сам пленил в битве (около 660 г. до н. э.). Сначала в Ниневии не нашлось никого, кто понимал бы язык послов.

Через несколько лет Гиг присоединился к восстанию против Ассирии, возглавляемому наместником Вавилонии, братом самого Ашшурбанапала. Ионийские и карийские наемники, которых он отправил в Египет, позволили Псамтеку обрести независимость. Однако Ассирия вскоре отомстила. Киммерийские орды вернулись, Гиг был убит в бою после тридцати восьми лет правления, а его сын и преемник Ардис вернулся к верности Ниневии.

Второй захват Сард в этот раз упоминается Каллисфеном. Алиатт, внук Ардиса, наконец, сумел истребить киммерийцев, а также захватить Смирну, обеспечив таким образом свое царство портом. Торговля и богатство Лидии быстро росли, и греческие города один за другим падали под натиском лидийских царей. За время долгого правления Алиатта, длившегося пятьдесят семь лет, была основана Лидийская империя. Вся Малая Азия к западу от Халиса находилась под его властью, и шестилетняя борьба, которую он вел с мидянами, завершилась браком его дочери Ариенис с Астиагом и тесным союзом между двумя империями. Греческим городам было позволено сохранить свои собственные учреждения и правительство при условии уплаты налогов и пошлин лидийскому монарху, и доходы от их торговли таким образом поступали в имперскую казну. В результате царь Лидии стал самым богатым правителем своего времени. Преемником Алиатта стал Крез, который, вероятно, уже несколько лет делил царскую власть со своим отцом или, возможно, дедом, как полагает Флойгль (*Geschichte des Semitischen Alterthums*). Он правил единолично всего пятнадцать лет.^d

ТРИУМФ ПЕРСИИ

Крезу удалось создать то, к чему стремились его предшественники — мощную монархию, имевшую тесные финансовые связи с эллинским миром и правившую благодаря могуществу золота. Благодаря его усилиям Сарды поднялись на вершину богатства и стали общим местом встречи и своего рода излюбленной столицей греков. Он достиг этого без насилия; все его поступки свидетельствуют о щедром характере, склонном к доброжелательности и прощению. Несмотря на все это, к нему относились как к варвару; но он был утонченным и очаровательным варваром, лидийцем по своему таланту к делам, греком по своим эстетическим вкусам — таким же филэллинским варваром, как некоторые цари Македонии. У него был только один недостаток — иррациональный оптимизм и чрезмерная вера в дипломатические интриги, силу союзов и могущество золота. Эта чрезмерная уверенность, побудившая его бросить вызов Киру, стала его гибелью.

Не то чтобы идея противостоять Персии была сама по себе неправильной; Крез руководствовался чувством большой дальновидности, когда в 549 году до н. э. начал подготовку к войне. К этому времени Астиаг был свергнут с престола, Мидийская империя была разрушена, а равновесие на Востоке нарушено. Владения Кира простирались до реки Галис, и Персия таким образом вступила в контакт с Лидийским царством.

Помимо раздражения от наличия такого соседа, Крез не мог забыть, что Астиаг был его зятем и что как чувства, так и интересы обязывали его отомстить за мидийского царя.

Кроме того, на него влияли экономические причины. Персы были бедными горцами, которые ничего не знали о бизнесе, ценили только торговлю оружием и испытывали глубокое презрение ко всему, что было связано с торговлей, комфортом и культурой. Эти предрассудки военного народа вызывали особую тревогу среди торговых государств долин Эрма и Евфрата. С того дня, когда дикие банды из Ирана заменили мидийские гарнизоны в Каппадокии, было легко предвидеть уничтожение богатой торговли по древнему пути Птерии.

Таким образом, личные чувства, политические опасения и коммерческие необходимости побудили Креза бросить вызов Персии. С этой целью он заключил ряд союзов. Набонид из Вавилона и Аахмес II из Египта, которым, как и самому Крезу, угрожала амбиция Кира, пообещали ему свою помощь. Предвидя конфликт с той или иной державой Востока, Крез заранее обеспечил себе помощь величайшей военной державы того времени — Спарты. Теперь, когда война была неизбежна, он послал посольство, которое с помощью лести и заявлений о том, что это предприятие одобрено Дельфийским оракулом, легко убедило спартанцев подписать договор о союзе и дружбе.

После этой блестящей дипломатической кампании Крез был уверен в успехе. Лакедемония оснащала корабли и вооружала войска. Аахмес отправил свой контингент. Набонид ждал только сигнала, чтобы выйти в поле; его вассалы, финикийцы, были готовы подчиниться. Лидийские агенты набирали наемников во Фракии. Если бы силы союза смогли объединиться, Кир оказался бы в серьезной опасности.

Но он был предупрежден вовремя. Эфесец, которого Крез отправил на Пелопоннес для набора солдат, перешел на сторону Кира и сообщил ему о коалиции, которая формировалась против него. Персидский царь поспешил действовать, пока его враги не были готовы. Вавилон был его ближайшим противником, и он сразу же атаковал город.

Не дожидаясь объединения всех своих сил, без чего такое предприятие было совершенно безнадежным, Крез поспешил на помощь своему союзнику. Он пересек реку Халис и без особого труда взял город Птерию. Но он не рассчитал на страшную энергию своего врага. Кир сразу же выступил на север со всей своей армией. Пройдя через ущелья Каппадокии, он быстро овладел Анти-Тавром и оказался в положении, из которого мог нанести удар в любом месте по своему выбору. Затем он предложил мирное урегулирование, предложив Кресу, если тот станет вассалом Персии, сохранить свое царство с титулом и достоинством сатрапа. Лидийский царь вызывающе ответил, что он никогда никому не служил, в отличие от персов, бывших рабов мидийцев и будущих рабов лидийцев.

Но эти хвастливые слова не оправдались в последующей кампании. Крез не только продемонстрировал, что не обладает качествами хорошего полководца, но и его разнородная армия из наемников и иностранных вспомогательных войск оказалась совершенно неспособной противостоять опытным войскам Кира. Состоялась одна яростная и кровопролитная битва, которая, по словам Геродота, не принесла решающего результата, но другие авторы, вероятно, с большей точностью, заявляют, что она закончилась победой

персов. Крез эвакуировал Птерию, покинул изгиб реки Халис, хотя он представлял собой отличную линию обороны, и вернулся в Сарды. Здесь он чувствовал себя в полной безопасности, поскольку и не подозревал, что Кир сразу же последует за ним.

Но Кир последовал за ним очень быстро, устранив опасность нападения с тыла благодаря договору с Набонидом. Внезапное появление персов перед воротами Сард удивило Креса, но не привело его в смятение.

Короткая кампания, которая последовала за этим, завершилась великой битвой на равнине Тимбриум (Геродот говорит «равнина перед Сардами»). Силы Креза были значительно ослаблены рассеянием его наемников, особенно греческих гоплитов. Из его союзников только Аахмес прислал свой контингент. Большая надежда Креса была связана с его знаменитой кавалерией, которая считалась самой храброй и искусной в мире. Персы тоже не были без страха перед этими ужасными копейщиками, которые могли бы создать непоправимый беспорядок, если бы им удалось прорвать персидские линии и проникнуть в квадраты пехоты. Чтобы избежать этой опасности, Кир применил уловку, предложенную мидянином. Он прикрыл фронт своей армии линией верблюдов. Напав на этих огромных животных, которые противостояли им, лидийские лошади были настолько напуганы их видом и раздражены их запахом, что впали в замешательство, а всадники были вынуждены спешиться. Но, несмотря на свою храбрость, они были разгромлены и рассеяны грубыми пехотинцами Ирана. Выжившие достигли Сард в безопасности и были там осаждены Киром.

Поражение при Тимбриуме поставило Креза в крайне критическое положение. Он разослал по всему миру курьеров, особенно в Спарту, чтобы просить союзников о помощи. Лакедемоняне, чьи солдаты были готовы, а корабли оснащены, уже собирались отдать приказ отплывать, когда новое сообщение принесло в город смятение. Сарды были взяты, а царь попал в плен. [546 г. до н. э.]

Среди противоречивых рассказов о падении Сард наиболее достоверным представляется рассказ Геродота. По его словам, стены были взяты штурмом в уязвимом месте, которое случайно обнаружил персидский солдат.

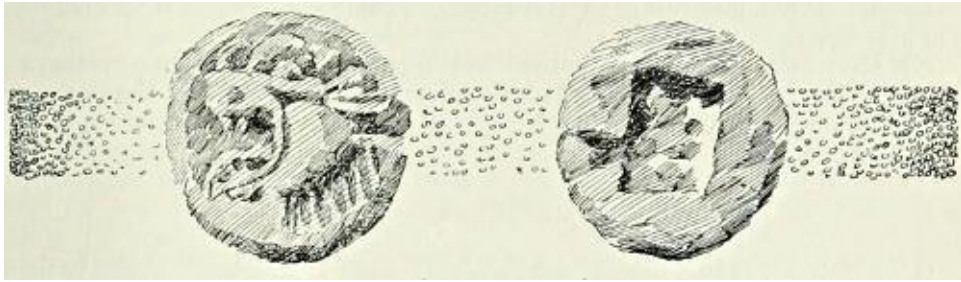
Хотя традиция погребального костра Креза часто подвергалась нападкам со стороны современных критиков, главным образом на том основании, что это противоречило бы религии персов (), в конце концов, против нее не было выдвинуто ни одного весомого возражения. Осуждая Креза на сожжение, персы не действовали по собственной инициативе; они просто терпели обычай, распространенный в семитских религиях. Смерть через сожжение была одной из характерных черт лидийской цивилизации. Каждый год в Сардах отмечался торжественный праздник, во время которого главный бог лидийцев, Геракл-Сандон, изображался погибающим на погребальном костре. Отдаваясь пламени, последний царь Лидии лишь уподоблялся богу и обеспечивал себе славный конец. [См. легенду в Приложении А.]

Затем каким-то неизвестным нам образом, возможно, просто обычной ливневой бурей, завершение жертвоприношения было предотвращено.

Крез, спасшийся от смерти, обрел благосклонность Кира, который относился к нему с большим почтением, сделал его своим советником и брал с собой в походы. Последнее, что о нем известно, — это то, что он сопровождал Камбиза в его египетском походе в 525 г. до н. э.

Таков был конец дома Гигеса. Это внезапное падение могущественной империи ошеломило греков. Крез ослепил их своей властью, богатством и щедростью, и они сожалели о нем. По словам Юстина, его падение считалось во всей Элладе общественной бедой. Не были забыты радушный прием и почести, оказанные греческим купцам, солдатам

и художникам при его дворе. Его имя стало знакомым, и греческое воображение с удовольствием украшало его легенду.^с

ЛИДИЙСКИЕ МОНЕТЫ

(ныне в Британском музее)

ЛИДИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Лидийскую империю можно охарактеризовать как промышленную державу древнего мира. Лидийцы считаются изобретателями не только таких игр, как кости, кости и мяч, но и чеканенных монет. Самыми старыми из известных монет являются монеты из электрума ранних Мермнадов, на одной стороне которых отчеканена голова льва или фигура короля с луком и колчаном; они были заменены Крезом монетами из чистого золота и серебра. Вероятно, именно этому монарху принадлежат самые ранние золотые монеты Эфеса.^[12] Г-н Хед показал, что монеты из электрума Лидии были двух видов: одни весили 168,4 грана и использовались для внутренней торговли, а другие — 224 грана и использовались для торговли с Ионией. Стандартом была серебряная «мина Каркемиша», как ее называли ассирийцы, которая содержала 8656 гранов.

Первоначально заимствованный хеттами из Вавилонии, но модифицированный ими самими, этот стандарт был передан народам Малой Азии в период хеттского завоевания, но в конечном итоге был заменен финикийской миной весом 11 225 гранов и продолжал существовать только на Кипре и в Киликии. Гостиницы, которые, как считается, первыми основали лидийцы,^[13] были связаны с их интересом к коммерческой деятельности. Их литература полностью утрачена, и единственный образец их письменности, который мы имеем, находится на мраморном основании, найденном г-ном Вудом в Эфесе.^[14]

Они славились своей музыкой и гимнастическими упражнениями, а их искусство стало связующим звеном между искусством Малой Азии и Греции. Мраморный лев в Ахметли представляет собой модифицированную форму ассирийского типа, а гравированные драгоценные камни, найденные в окрестностях Сард и Старой Смирны, напоминают грубые подделки ассирийского мастерства, встречающиеся на Кипре и побережьях Малой Азии. Описание нагрудного украшения из белого золота, украшенного головами животных, человеческими лицами и фигурой богини, обнаруженного в гробнице на Тмоле, см. в журнале «Academy», 15 января 1881 г., стр. 45. Лидийская скульптура, вероятно, была похожа на скульптуру фригийцев, представленную в Доганлу, Кумбете и Аязине, некрополе, недавно обнаруженном г-ном Рамзи. Фаллические символы, служащие для отвращения зла, были очень распространены; даже вершина гробницы Алиатта увенчана огромным каменным символом диаметром около 9 футов. Сам курган имеет диаметр 281 ярд и окружность около полумили. Он был частично раскопан Шпигельталем и Деннисом, и в его центре была обнаружена погребальная камера, сложенная из больших, хорошо обтесанных и тщательно отполированных мраморных блоков, длиной 11 футов, шириной почти 8 футов и высотой 7 футов. В ней не было найдено ничего, кроме нескольких пепельных останков и разбитой вазы из египетского алебаstra. Каменный фундамент, который, по словам Геродота, ранее окружал курган, в настоящее время исчез.^d

Было бы хорошо иметь изображение великолепия лидийской цивилизации. Ничто не может быть ярче, чем восторженное воскрешение Радетом вероятного великолепия такой сцены.

КАРТИНА ЖИЗНИ В ЛИДИИ

Хотелось бы узнать больше о Сардах, этой славной столице Лидийского государства, этом странном городе, который был аванпостом эллинизма на пути вглубь страны и в то же время последней остановкой семитского мира на пути на запад: представить себе это несложно. С его сложной физиономией он отражал характер населения, которое там проживало. Это был город контрастов. Путешественник, прибывавший по леуко-сирийскому маршруту, узнавал о странных зрелищах, которые его ждали, по памятникам всех стилей, расположенным вдоль дороги. На скалах были высечены колоссальные фигуры, изображавшие странных богов, процессии жрецов в остроконечных тиарах и солдат в сапогах с загнутыми носками, а у подножия горы разворачивались бои львов и быков. Иногда эти высеченные в скалах барельефы сопровождались иероглифами, свидетельствующими об их птерианском происхождении; в других случаях алфавит надписей показывал, что они были созданы фригийскими скульпторами. В некоторых местах были огромные конические курганы, гробницы в фракийском стиле, высокие, как небольшие холмы, увенчанные фаллосами. Самые поздние из этих погребальных курганов были украшены фризами. На них были изображены сцены охоты, ряды воинов, группы животных, все они носили отпечаток восточного вдохновения, но по стилю были явно греческого происхождения. Это было похоже на пребывание в переходной стране, где пересекались и смешивались самые разные влияния.

Независимо от того, шёл ли человек со стороны Сипила или из ущелий Катакекаумении, первое, что поражало при входе в огромный горный амфитеатр, в центре которого возвышаются Сарды, — это его внушительная масса. Официальный и военный город, крепость, акрополь с его изломанными очертаниями, его крутой фасад, возвышающийся над равниной как мыс, огромный круг валов; затем, за стенами, над зубцами, храмы, такие как храм Аполлона, величественные общественные здания, такие как королевская казна — беспорядочная масса крыш, фронтонов и башен, выделяющихся на фоне Тмола, чьи вершины уходили вдаль, мрачные и неясные, в поразительном беспорядке пиков, ущелий и лесов.

Впечатление величия, которое столица Малой Азии производила издалека, представление о ней как о центре роскоши и богатства исчезали по мере приближения. В пригородах, выходящих из огромной равнины, которая их окружает, картина переставала быть величественной и становилась живописной, приобретая дикостью то, что теряла в великолепии. Город с этой стороны, с его садами, лугами, полями, группами деревьев, соломенными хижинами, увитыми розами, имел вид дикой лесной местности. Он сохранил в себе что-то от гомеровского Гида, дикой и зеленой земли, чьи мрачные дубовые рощи часто опустошались молниями. Это был квартал бедняков. Соломенные хижины, грубые домики из досок, полуразрушенные усадьбы, заросшие высокой травой или скрытые деревьями, давали приют всему населению рабочих, владельцев мулов или погонщиков, проводников караванов, несчастных конеководов.

Выше, на полукруглых террасах, виднеющихся у подножия акрополя, располагалась торговая часть с базарами, магазинами, рынками, караван-сараями и банями. Крайний запад был отмечен агорой, которая простиралась вдоль двух берегов Пактола вокруг храма

Кибелы. Вероятно, дальше на восток, напротив равнины, стоял дворец Креза, его прочные кирпичные стены возвышались над беспорядочной массой плохо построенных маленьких домов.

Эта часть города всегда была чрезвычайно оживленной. Осторожно управляемые колесницы с удивительной быстротой мчались по узким и извилистым улочкам. Лошади, невысокие, сильные, хорошо сложенные, без хомутов и быстрые, легко перевозили людей или грузы. То тут, то там караваны с товарами исчезали в караван-сараях. Через открытую дверь можно было увидеть огромный двор, группу платанов, затеняющих колодец, и ряды келий с дверями, выходящими под деревянную галерею.

На базаре были крошечные лавки, длинные и узкие, построенные друг к другу, как ячейки в улье. Здесь продавались все продукты Востока. Различные ремесла были собраны в группы. Здесь был кожаный рынок со всеми изобретениями из красной, синей, желтой, сшитой, украшенной блестками и вышитой кожи, которые можно было найти у азиатского продавца кожи; яркие кошельки, шнурованные сандалии, остроконечные туфли, окрашенные и вышитые ремни, ножны и ремни, все это источало приятные запахи в тяжелом воздухе. В другом месте находился квартал ткачей, где были представлены пурпурные ткани, роскошные занавеси, украшения нежных оттенков и ковры ярких цветов. Дальше блестели изделия ювелиров: чудеса ассирийских украшений, ожерелья, браслеты, кольца, целые наборы из электрума и серебра, а также игрушки из слоновой кости. Одним из самых любопытных уголков был отдел парфюмерии. Там были сложены бесчисленные лекарства, порошки, выложенные в мешках или кучах, сундуки и ящики, полные пастилок, саше, нюхательных солей; эссенции окрашивали флаконы; были горшки с помадами или мазями. Многие из этих бальзамов и ароматических веществ имели в основе шафран. Именно из шафрана изготавливалось самое знаменитое лидийское соединение, *баккарис*, запах которого, пьянящий и ошеломляющий, превосходил все остальные, наполнявшие атмосферу.

Покупатели, продавцы и прихлебатели принадлежали к самым разным народам. Лидийцы продавали все, в том числе и евнухов. Птерийцы привозили шерсть и зерно; фригийцы — скот; греки — керамику, драгоценности, предметы искусства, созданные по азиатским образцам, но выполненные с гораздо большей элегантностью и изяществом; карийцы — оружие, шлемы с перьями и резные щиты, а халдеи — амулеты с загадочным видом.

В таком космополитичном городе, где промышленность и торговля приносили столько богатства, нравы были, естественно, очень распущенными. Люди стремились к роскоши, показной роскоши и удовольствиям. Все носили яркую одежду, длинные и струящиеся туники, подобные бассаре, которые доходили до ног. Принцы носили кафтаны пурпурного цвета с золотой вышивкой. Что касается причесок, то они обычно состояли из простой ленты из ткани или золота, которая связывала волосы и не давала им падать на лицо. Это был ампикс, который использовали прежде всего любящие греков лидийцы. Сторонники старых восточных мод предпочитали митру. В проколотых ушах качались кольца. На одежде сияло множество драгоценностей, ожерелий, браслетов, ножных браслетов и подвесок. Все были надушены, локоны блестели от ароматических масел, лица имели болезненный вид от румян и косметики.

Все мысли были постоянно сосредоточены на удовольствиях. В Колофоне, где широко копировали лидийские обычаи, флейтисты и цитристы получали официальную зарплату за то, что играли от рассвета до заката. Вероятно, такой же обычай существовал и в Сардах. Лидиянам приписывают изобретение большинства игр, таких как игра в кости и мяч. Их банкеты были образцом изысканного вкуса. Это контрастировало с банкетами в

Фессалониках, которые были оргиями пьяниц с горами еды, единственным достоинством которой было то, что она могла заполнить колесницы. В своей «Гастрономии» поэт Архестрат, знаток и любитель хорошей жизни, рекомендует настоящим ценителям деликатесов иметь лидийского кондитера. Геродот также хвалится кондитерскими изделиями Каллатеба. В Сардах любимыми блюдами были *каруке* и *кандаулос*, рагу, настолько сложные, что рецепты, переданные нам авторами, столь же непонятны с грамматической точки зрения, сколь и удивительны с кулинарной. Что наиболее ясно известно об этих странных композициях, так это то, что они были приготовлены из афродизиаков и имели репутацию возбуждающих любовь. Их действие на организм сравнивали с действием кнута.

В Сардах было место встречи для всех развратников. Это был своего рода парк, засаженный деревьями с такой густой листвой, что звезды не могли пробиться сквозь их непроницаемые ветви. Согласно имитации, которую Поликрат создал в Самосе, это был не просто сад, украшенный беседками и кустарниками, клумбами и фонтанами, редкими животными и экзотическими растениями, а настоящий город, полный зданий и улочек, небольших отелей и магазинов.

Это место пиршеств и оргий называлось Счастливым уголком или Женским театром.

Именно во время грандиозных религиозных церемоний лидийская натура давала волю своим двум любимым страстям — параду и восторгу. Во время кибелевских оргий на склонах Тмоласа разворачивались дикие вакханалии. Ночью, чтобы оплакивать смерть Аттиса, люди бродили в темноте. Печальные стенания смешивались со звуками приглушенных барабанов и пронзительными нотами флейты. Среди горных вершин двигались и выли фантастические тени, непропорционально увеличенные светом мерцающих факелов. Затем, с наступлением рассвета, когда божественный возлюбленный вернулся к свету, ужас и муки сменились безумной радостью. Огромная процессия прошла по городу в великолепном шествии, каждый соперничая со своим соседом в великолепии и демонстрируя свои самые роскошные сокровища.

Таким был Сарды. Как и все города, расположенные на стыке нескольких миров, он предлагает нам противоречивые черты. Здесь царил чувственный материализм, соединенный с горячим мистицизмом. В этом центре, полном сюрпризов, любовь к реальности соединялась со вкусом к искусству. Лихорадка наслаждения не умаляла практического смысла. Легкость шла рука об руку с смелостью. Когда, возвращаясь из экспедиции вглубь страны, эскадрон лидийской кавалерии въезжал под звуки сиринкса и двойной флейты, грек — Солон или Фалес — философствуя на улицах и видя лес копий высоко над крышами, не мог не задаться вопросом, действительно ли купцы, такие бледные, вялые и накрашенные, которых он видел в облаке духов в тенистых лавках, действительно принадлежали к той же расе, что и эти мужчины, такие гордые, крепкие, закаленные ветрами фригийских гор и загорелые от жары высокогорных плато, демонстрирующие славные раны и кувыркающиеся на мощных лошадях. Однако не было ни одного из этих небрежно выглядящих купцов, который бы много раз в своей жизни не испытал тяжелого труда караванного движения — вставать до рассвета, идти в любую погоду, спать на твердой земле, часто сталкиваясь с неожиданностями и вынужденный быть всегда начеку.

Дух предпринимательства был главной движущей силой лидийского характера. Греки не всегда понимали это и слишком часто рассматривали лидийцев просто как учителей порока. Несомненно, они не проявляли склонности к интеллектуальным исследованиям, моральным наблюдениям или философским размышлениям. Но если они и не были метафизиками, то были замечательными экономистами, преуспевавшими в производстве и распространении богатства. Прежде всего, они были благоразумными, терпимыми,

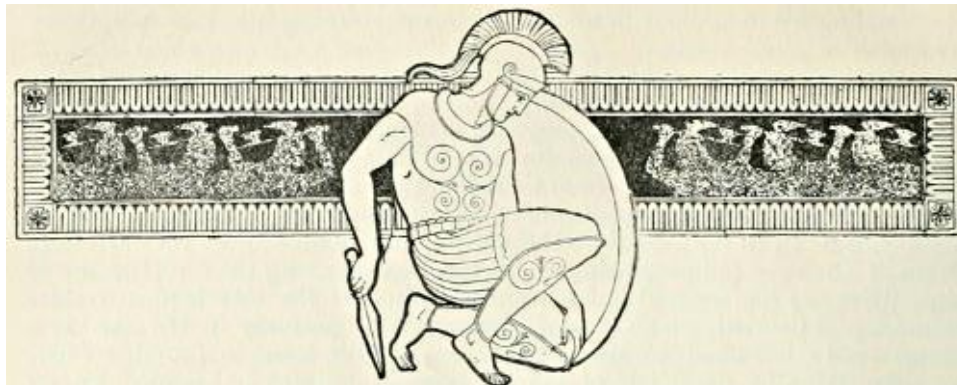
дружелюбным, приветливыми и откровенными, хорошо подходящими для задачи служить связующим звеном между Востоком и Западом.^с

СНОСКИ

[12] Хед, «Монеты Эфеса», стр. 16.

[13] Геродот, I, 94.

[14] Шлиман, Илиос, стр. 698.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. — КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

В отношении Малой Азии необходимость широко цитировать классиков является как императивной, так и приносящей большое удовольствие. Здесь мы можем прочесть об амазонках, о Гиге и странной судьбе, которая подняла его с пастуха до короля, и, наконец, о богатстве и падении царя Креза, который стал настоящим символом богатства. Итак, мы будем цитировать Юстина, Помпония Мелу, Диодора и всегда драматичного Геродота, в основном сохраняя античный колорит старых английских версий.^а

РАССКАЗ ЮСТИНА О СКИФАХ И АМАЗОНАХ

Скифия, простирающаяся далеко на восток, граничит с одной стороны с Понтом, с другой — с горами Рипей, сзади — с Азией и рекой Фазис. Она очень длинная и не менее широкая. У жителей нет границ для своих владений, нет домов или определенных мест проживания. Все их дело состоит в том, чтобы кормить огромные стада скота, бродя по некультивированным пустыням. Они везут с собой своих жен и детей в повозках, покрытых шкурами, чтобы защитить их от холода и дождя, и эти повозки служат им вместо домов.

Их справедливость скорее обусловлена их собственным естественным характером, чем законами. Ни одно преступление не считается ими столь же отвратительным, как воровство; ведь поскольку их стада и стада не имеют жилья или ограды, чтобы их защитить, что они могли бы назвать своим на такой обширной территории леса, если бы воровство было разрешено? Они презируют золото и серебро так же, как остальные люди жаждут их. Их пищей являются молоко и мед. Им неизвестно использование шерсти для одежды, и хотя холодная погода никогда не покидает их, они носят только меха различных животных. Это естественное безразличие к богатству настолько улучшило их справедливость, что они не жаждут того, что принадлежит другому, потому что богатство желаемо только в тех местах, где его можно использовать. Хотелось бы, чтобы остальные люди были наделены таким же щедрым принципом умеренности и воздерживались от того, что принадлежит нашим соседям, потому что тогда у нас не было бы столько кровавых войн во все времена и во всех странах мира, и меч не уничтожил бы больше людей, чем естественная смертность. Поэтому действительно достойно восхищения то, что природа откровенно дала этим людям то, чего греки со всем своим мудрецким знанием () и всеми повторяющимися наставлениями своих философов никогда не смогли достичь, и что такая утонченная и утонченная нация в этом отношении уступает варварскому некультурному народу; столь большее влияние оказывает незнание порока на жизнь последних, чем знание добродетели на жизнь первых.

Они трижды пытались завоевать Азию, но сами всегда оставались нетронутыми иностранными державами или выходили победителями из вторжений. Они заставили Дария, царя Персии, с большим, но позорным поспешностью покинуть их страну. Они разгромили Кира со всей его армией. С таким же успехом они нанесли полное поражение Зопириону, одному из полководцев Александра Македонского. Они слышали о римском оружии, но никогда не испытывали его на себе.

Они основали Парфянскую и Бактрийскую империи. Люди, постоянно воюющие и трудящиеся, являются свирепыми и выносливыми, обладают огромной силой, не хранят ничего, что боятся потерять, и, когда побеждают на поле боя, не желают ничего, кроме чести.

Вексорис, царь Египта, был первым, кто начал войну со скифами и первым послал к ним послов, чтобы сообщить им, на каких условиях они должны подчиниться ему. Но скифы, заранее проинформированные соседями о том, что царь движется на них, ответили послам, что их господин, который был главой столь богатого народа, явно неразумно решил напасть на кучку бедных несчастных, которых ему было больше оснований ожидать у себя дома; что опасности войны велики, а награды за победу в их случае ничтожны, а потери очевидны; по этой причине скифы не будут ждать, пока царь подойдет к ним, поскольку у врага есть столько богатой добычи, а поспешат захватить ее для себя. Как только это было сказано, так и было исполнено; но царь, услышав, с какой скоростью они наступают на него, бросается бежать, оставляя свою армию и все военные припасы, и в великом страхе отступает в свое царство. Болота помешали скифам вторгнуться в Египет; однако, возвращаясь оттуда, они завоевали Азию, наложив на жителей умеренную дань, скорее в знак признания своего права, чем в награду за победу. Проведя пятнадцать лет в покорении Азии, они были отозваны домой настойчивыми просьбами своих жен, которые специально послали к ним

послов, чтобы сообщить им, что, если они не вернутся в кратчайшие сроки, они обратятся к соседям за помощью и что никогда не должно случиться, чтобы по вине женщин вымерла скифская раса. Так Азия стала их вассалом на тысячу пятьсот лет. Нинус, царь Ассирии, положил конец уплате этой дани.

Но в этот промежуток времени два юноши царского происхождения, по имени Хилинос и Сколопитос, изгнанные из своей родной страны группой знати, увлекли за собой огромное количество молодых людей и поселились в Каппадокии, недалеко от реки Тирмодон, и, захватив силой равнины Фемискиры, обосновались там (). Здесь они в течение нескольких лет продолжали грабить своих соседей. Наконец, благодаря объединению местных жителей, все они были убиты в засаде. Их жены, перенесшие столь жестокую утрату в дополнение к изгнанию, взяли в руки оружие и сумели защитить свои границы, сначала изгнав врага оттуда, а затем перенесли войну на его территорию. Они отказались от всяких намерений вступать в брак со своими соседями, называя это рабством, а не браком, и, что не имеет аналогов в истории (), они расширили свои владения без союза с мужчинами, а затем, в полном пренебрежении к ним, защищали свои завоевания. Чтобы предотвратить зависть, чтобы кто-то не казался счастливее остальных, они справедливо убивали всех мужчин, которые остались дома, и мстили за потерю своих убитых мужей, мстя соседям. Когда они добились мира с помощью оружия, они соединились с соседними народами, чтобы сохранить свою расу и имя.

Они убивали всех своих мальчиков; а девочек воспитывали не в праздности и не в прядении, а в военном деле, охоте и верховой езде; и сжигали им правую грудь в младенческом возрасте, чтобы она не мешала стрельбе из лука, откуда и произошло их название «амазонки». У них было две царицы, Марпесия и Лампедо, которые, будучи теперь значительными по своему богатству и власти, разделили свои войска на две части, ведя войну и защищая свои границы по очереди, и чтобы придать больший авторитет своим победам, они объявили, что они дочери Марса. Таким образом, покорив большую часть Европы, они завладели некоторыми городами в Азии: Основав Эфес и несколько других городов, они отправили часть своей армии с большой добычей домой. Остальные, которые остались, чтобы защитить свои завоевания в Азии, были атакованы варварами и все убиты вместе со своей царицей Марпесией. Ее дочь Орития унаследовала корону и, помимо своих замечательных навыков в военном деле, прославила свое имя на все времена, предпочтя девственность.

Благодаря ее доблести и храбрости амазонки приобрели такую репутацию в мире, что царь, поручивший Гераклу выполнить двенадцать подвигов, приказал ему, как будто это было совершенно невозможно, принести ему доспехи царицы амазонок. Итак, он отплыл туда на девяти кораблях, сопровождаемый несколькими молодыми греческими принцами, и напал на них врасплох. В то время амазонками совместно правили две сестры: Антиопа и Орития. Но последняя в то время была занята войнами за границей, так что, когда Геракл высадился на берег, там было лишь небольшое количество амазонок с их королевой Антиопой, которые не имели ни малейшего представления о вражеском вторжении. Поэтому лишь немногие, которые в спешке успели вооружиться, смогли дать сражение, и это принесло врагу легкую и дешевую победу. Многие были убиты и взяты в плен. Среди прочих в плен были взяты две сестры Антиопы: Меналиппа — Гераклом, а Гипполит — Тесеем. Но Тесей, получив ее в награду, взял ее в жены и зачал от нее Ипполита. Геракл после своей победы вернул пленницу Меналиппу ее сестре и получил в награду доспехи королевы. Выполнив то, что ему было велено, он вернулся к царю.

Но Орития, как только поняла, что на ее сестру была объявлена война и что в этом главную роль играл принц афинян, убедила своих спутниц отомстить за это оскорбление,

сказав им, что они напрасно завоевали Понт и Азию, если будут так беззащитны не столько перед войнами, сколько перед грабежами греков. Затем она обратилась к Сагиллу, царю Скифии, с просьбой помочь ей войсками, объяснив ему, что они были скифского происхождения, что потеряли своих мужей, что им необходимо взяться за оружие и объяснив причины войны; наконец, что благодаря своей храбрости скифские женщины не уступали мужчинам. Этот принц, тронутый славой своего народа, послал ей на помощь своего сына Панасагора с большим отрядом всадников, но перед битвой между ними произошла ссора, и их союзники покинули их, и они были скоро побеждены афинянами. Однако они укрылись в лагере своих бывших союзников, под чьей защитой, поскольку другие народы не осмеливались вмешиваться, они благополучно вернулись в свою страну.

После Орифии царствовала Пентесилея, которая прославилась несколькими доблестными поступками в Троянской войне, в которой она помогала троянцам против греков. Но в конце концов она была убита, а ее армия полностью уничтожена. Несколько человек, которые остались дома, с большим трудом защищались от нападений соседей и продержались до времени Александра Македонского. Тогда их царицей была Минития или Талестрис, которая тринадцать ночей подряд спала с Александром, чтобы зачать от него ребенка, а затем вернулась в свое царство, где и умерла, а вместе с ней исчезло и само имя амазонок.

Но скифы, совершившие третью экспедицию в Азию, пробыв вдали от своих жен и детей восемь лет, по возвращении были встречены войной со своими же рабами. Их жены, устав ждать их возвращения так долго и полагая, что они не задержались из-за войны, а были все уничтожены, вышли замуж за своих рабов, которые остались дома, чтобы присматривать за скотом, и эти парни, услышав, что их хозяева возвращаются с победой, вышли на границу и не позволили им пройти дальше, как будто они были чужаками в этой стране. Произошло несколько стычек с обеих сторон с разным исходом.

Наконец, скифам посоветовали изменить свой метод ведения боя, напомнив им, что они имеют дело не с врагом, а со своими рабами, которых нельзя победить силой оружия, а только авторитетом хозяев: поэтому им следует взять с собой на поле боя кнуты, розги и другие инструменты, которыми обычно пугают рабов. Все одобрили этот совет и, снарядившись соответствующим образом, когда они наткнулись на врага, удивили его, показав свои кнуты, так что тех людей, которых они не могли победить силой меча, они разгромили одним лишь страхом перед поркой, так что те бежали не как побежденные враги, а как сбежавшие рабы. Всех, кого удалось поймать, за эту дерзость наказали виселицей. Женщины, осознавая, что поступили неправильно, частично закололи себя, а частично повесились.

После этого скифы жили в мире до времени своего царя Янцира. Как мы уже рассказывали, Дарий, царь Персии, не сумев взять его дочь в жены, объявил ему войну и вторгся в Скифию с армией в семьсот тысяч воинов. Но, не сумев вступить с ними в открытую битву и опасаясь, что если его мост через Истер будет разрушен, он не сможет отступить после потери восьмидесяти тысяч человек, что, однако, не было заметно в столь огромном множестве, он поспешно отступил. Затем он завоевал Азию и Македонию, победил ионийцев в морском сражении и, обнаружив, что афиняне помогали им против него, обратил всю силу и ярость войны на них.^b

ПОМПОНИЙ МЕЛА О СКИФАХ И ДРУГИХ ПЛЕМЕНЯХ

Границы и расположение Азии, простирающейся до нашего моря и реки Танаис, таковы, как я показал выше. Теперь тем, кто плывет обратно по той же реке в Меотис, справа находится Европа, которая была прямо по левую сторону от них, когда они плыли вверх по

течению, она примыкает к горе Рипе, так как та тоже простирается досюда. Снег, который падает непрерывно, делает эту страну настолько непроходимой, что человек не может видеть в ней ничего на расстоянии.

За ней находится страна с очень плодородной почвой, но, тем не менее, непригодная для проживания, потому что грифоны (жестокие и кровожадные дикие звери) необычайно любят золото, которое лежит на поверхности земли, и тщательно его охраняют, и очень свирепы по отношению к тем, кто к нему прикасается. Первыми людьми являются скифы, а из скифов первыми являются аримаспы, которые, как говорят, имеют по одному глазу. Оттуда идут эседоны до Меотиса. Река Буг пересекает озеро, а вокруг него живут агафирсы и савроматы, которые, поскольку они живут в картах, называются гамаксобами. Затем побережье, которое тянется под углом к Босфору, окружено Понтом и Меотисом. Сторона, обращенная к озеру, принадлежит сатархам. На берегу, обращенном к Босфору Киммерии, находятся города Мирмеций, Пантикапей, Феодосия и Гермисий. Другая сторона, обращенная к Понту Эвксинскому, принадлежит таврам. Над ними находится бухта, полная гаваней, и поэтому она называется Прекрасная Гавань, и она окружена двумя мысами, один из которых называется Раммес-Хед и упирается в мыс Карамбис, который, как мы уже говорили, находится в Азии; а другой, называемый Парфением, имеет рядом с собой город под названием Херсонес, построенный (если можно верить) Дианой и очень известный благодаря пещере Нимфеум на его вершине, посвященной нимфам. Когда море течет под берегом и непрерывно следует по берегам, отступая назад (которые занимают сатархи и сауры), пока не доходит до пяти миль от Меотиса, оно делает отступление. То, что находится между озером и самой бухтой, называется Тафра, а сама бухта называется Карцинит. В ней находится город Карцине, мимо которого протекают две реки, Герхус и Гипацирис, которые впадают в море одним устьем, но берут начало в нескольких истоках и из двух разных мест. Герхус протекает между Басиладами и Номадами. Затем идут леса, которых в этих краях очень много, и река Пантикапес, которая разделяет Номадов и Грузин. Оттуда земля значительно расширяется и, заканчиваясь узким мысом, соединяется с морским побережьем, а затем снова значительно расширяется, постепенно сужаясь и собирая свои длинные стороны как бы в одну точку, приобретая вид лезвия меча, лежащего плоско.

Говорят, что Ахилл, войдя в Понтийское море с флотом, подобным вражескому, после победы устроил в этом месте игры в знак радости и тренировал себя и своих людей в беге, пока они отдыхали от войны, и поэтому это место называется «бегом Ахилла». Там протекает Бористен, названный в честь одноименного народа, самый приятный из всех рек Скифии. Поскольку все остальные реки густые и мутные, он течет чрезвычайно чистый, более мягкий, чем остальные, и очень приятный для питья. Он питает самые прекрасные и жирные пастбища и больших рыб, которые имеют очень нежный вкус и не имеют костей. Она течет издалека, беря начало из неизвестного источника, и несет в своем русле сорок дней пути; и, будучи на всем этом пути пригодной для судоходства, она впадает в море, недалеко от Борисфена и Ольвии, греческих городов.

Гипанис, берущая начало из великого озера, которое жители называют матерью Гипаниса, омывает Каллипедов и течет вместе с ним, как будто он был его истоком. Наконец, недалеко от моря, она принимает горькие воды из небольшого источника под названием Эксампеус, и с этого момента течет, как самая себя, и совершенно непригодная для питья. Следующая река, называемая Аксиацес, спускается между Каллипедами и Аксиаками. Река Тирас отделяет этих Аксиаков от истрийцев: она берет начало среди неров и впадает в море у

города с таким же названием. Но та знаменитая река, которая отделяет народы Скифии от следующих за ними народов, беря начало в Германии, имеет другое название в своем истоке, чем в месте впадения в море. Ибо, протекая через огромные страны великих народов, она долгое время носит название Данов. Затем, получив различные названия от жителей, она принимает название Истер и, принимая в себя много рек, становится огромной и уступает по величине только Нилу из всех рек, впадающих в наше море, и впадает в море с таким же количеством устьев, как и он, из которых только три являются конечными. Остальные способны нести корабли.

Природа и поведение народов различаются. Эсседоны торжественно отмечают смерть своих родителей, устраивая жертвоприношения и пиры для своих соседей и знакомых. Они разрезают их тела на куски, мелко нарезают их вместе с внутренностями животных, устраивают из них пир и съедают их. Головы, тщательно отполированные, они обвязывают золотом и используют в качестве чаш. Это последние обязанности естественной любви между ними. Агафиры раскрашивают свои лица и конечности: и чем лучше родословная кого-либо из них, тем больше он сам умирает; но все, кто принадлежит к одному роду, умирают с одним и тем же знаком, который невозможно удалить. Сарматы, совершенно не знакомые с золотом и серебром, величайшими бедствиями в мире, вместо этого часто обменивают одну вещь на другую. А из-за жестокой холодности зимы, которая длится непрерывно, они строят себе дома под землей и живут вместе в пещерах или в погребках. Они носят длинные одежды до земли и покрывают все тело, кроме глаз. Тавриты (которые в основном известны благодаря прибытию Ифигении и Ореста) имеют ужасный нрав и о них ходят страшные слухи, а именно, что они привыкли убивать чужестранцев и приносить их в жертву.

Происхождение народа базилидов восходит к Гераклу и Эхидне. Их манеры принцовы, их оружие — только стрелы. Кочевые номады следуют за пастбищами для своего скота, и пока есть что кормить скот, они остаются на одном месте. Георги занимаются земледелием и скотоводством. Аксиаки не знают, что такое воровство, и поэтому не хранят ни свое, ни чужое. Те, кто живет в более высоких местах, ведут тяжелый образ жизни и имеют менее возделанную землю. Они любят войну и убийства, и у них есть обычай высасывать кровь из ран тех, кого они убивают первыми. Тот, кто убил больше всех, считается самым храбрым среди них. Но не участвовать в убийствах — это самое большое позорище. Даже их праздники любви не обходятся без кровопролития. Те, кто берется за это дело, ранят себя и, проливая кровь в сосуд, где они ее перемешивают, пьют ее, считая это самым надежным залогом выполнения обещания. Во время пира их величайшая радость и обычная тема разговоров — рассказы о том, кого каждый из них убил, и те, кто рассказал о большем количестве, садятся между двумя чашами, полными напитка, ибо это главная честь среди них. Как эсседоны делают чаши из голов своих родителей, так и эти — из голов своих врагов.

Среди людоедов самые изысканные блюда готовятся из человеческого мяса. Гелоны одевают себя и своих лошадей в шкуры голов своих врагов, а себя — в шкуры остальных частей их тел. Меланхланы ходят в черной одежде, откуда и происходит их название. Невры имеют определенное время, в течение которого они могут (если захотят) превращаться в волков и снова возвращаться к своей прежней форме. Их общим богом является Марс, которому вместо икон они посвящают мечи и палатки и приносят в жертву людей. Эти земли очень обширны, и благодаря тому, что реки часто выходят из берегов, повсюду есть много хороших пастбищ. Но некоторые места настолько бесплодны, что жители из-за нехватки дров вынуждены разводить огонь из костей.⁴

ДИОДОР О АМАЗОНАХ И ГИПЕРБОРЕЯНАХ

В древности скифы владели лишь небольшим участком земли, но (благодаря своей доблести) постепенно усиливаясь, они расширили свои владения далеко и широко и в конце концов достигли огромной и славной империи.

Сначала их было очень мало, и они были презираемы за свое низкое происхождение, но поселились они вблизи реки Аракс. Впоследствии один из их древних царей, воинственный принц и искусный воин, присоединил к их стране все горные районы вплоть до Кавказа, а также всю равнинную местность до океана, озера Меотис и всю остальную равнину до реки Танаис. Затем они рассказывают историю о том, что среди них родилась дева из земли, имевшая форму женщины от пояса и выше, а от пояса и ниже — форму змеи, и что Юпитер зачал от нее сына по имени Скиф. Они говорят, что от этого князя (бывшего более выдающимся, чем любой из его предков) народ получил название скифов. У этого царя было два брата, которые отличались доблестью, один звали Палус, а другого Напас. Эти два брата, совершив много славных подвигов, разделили между собой страну и назвали одну часть жителей по своим именам палианами, а другую — напанами.

Спустя некоторое время их потомки, прославившиеся своей доблестью и военными подвигами, подчинили себе многие территории за Танаем.

Затем они повернули свои войска в другую сторону и дошли до реки Нил в Египте, покорив многие народы, жившие между ними, и расширили империю скифов до Восточного океана с одной стороны и до Каспийского моря и озера Меотис с другой.

Этот народ процветал все больше и больше и имел очень известных царей, от которых происходят саки, массагеты, аримаспаны и многие другие, называемые другими именами. Среди прочих были две замечательные колонии, которые были выведены из завоеванных народов этими царями: одну они вывели из Ассирии и поселили в стране, лежащей между Пафлагонией и Понтом; другую — из Мидии, которую они разместили возле реки Танаис. Этот народ называется савроматами, которые через много лет, увеличив свою численность и силу, опустошили большую часть Скифии и искоренили все, что завоевали, полностью разрушив весь народ. После того как королевская династия прервалась, говорят, вместо царей правили женщины, отличавшиеся мужеством и силой тела. Ибо в этих народах женщины, как и мужчины, обучаются военному делу и ничем не уступают мужчинам в мужестве.

С тех пор многие великие дела были совершены знаменитыми женщинами не только в Скифии, но и в соседних народах. Ибо когда Кир, царь Персии, самый могущественный правитель своего времени, ввел могучую армию в Скифию, царица Скифии разгромила персидскую армию, и, взяв в плен самого Кира в сражении, впоследствии распяла его. И такова была доблесть амазонок, после того как они укрепили свою силу, что они не только завоевали соседние народы, но и покорили большую часть Европы и Азии. Но поскольку мы уже заговорили об амазонках, мы считаем уместным кратко рассказать о них то, что из-за странности этого дела может показаться романтической сказкой.

Когда-то на реке Термодон существовало могущественное государство, которым всегда правили женщины, как их королевы; в этом государстве женщины, как и мужчины, управляли всеми военными делами. Среди этих женщин-правительниц (говорят) была одна, которая превосходила всех остальных силой и доблестью, собрала армию женщин, обучила их военной дисциплине и сначала покорила некоторые соседние народы; после чего, став еще более знаменитой и прославленной благодаря своей доблести, она повела свою армию против остальных, и удача благоволила ее оружию, она так возгордилась, что назвала себя дочерью Марса и приказала мужчинам прясть шерсть и выполнять женскую работу в доме.

Она также издала законы, согласно которым женщины должны были идти на войну, а мужчины должны были быть рабами и выполнять всю черную работу по дому. Поэтому, когда рождался мальчик, ему ломали бедра и руки, чтобы сделать его бесполезным и непригодным для войны, а девочкам выжигали правую грудь, чтобы она не мешала им в бою. Поэтому их называли амазонками. В конце концов, прославившись своей политикой и умением в военных делах, она построила большой город под названием Темискира у устья реки Танаис, а после всех этих благородных подвигов (как говорят) в сражении она сражалась (проявив свою доблесть) и закончила свои дни как героиня. После ее смерти ее дочь унаследовала королевство и, подражая доблести своей матери, превзошла ее в некоторых подвигах: она заставляла девочек с самого раннего детства заниматься охотой и ежедневно тренироваться в военном деле. Затем она учредила торжественные праздники и жертвоприношения Марсу и Диане, называемые Таврополи. Она продвинула свои войска за Танаис и подчинила себе все народы вплоть до Фракии. Затем, вернувшись в свою страну с богатыми трофеями, она воздвигла величественные храмы вышеупомянутым божествам и завоевала сердца своих подданных своим мягким и доброжелательным правлением. Впоследствии она предприняла поход против тех, кто жил по другую сторону реки, и присоединила к своим владениям большую часть Азии, распространив свою власть вплоть до Сирии.

После ее смерти корона перешла к ближайшим родственникам, и каждый из них в свое время правил с большой похвалой и прославлял честь и славу царства амазонок.

Много веков спустя (когда слава и известность амазонок распространилась по всему миру) говорят, что Геракл, сын Юпитера и Алкмены, получил от Эврисфея приказ сразиться с Гипполитой, царицей амазонок, и отнять у нее пояс. После этого он начал войну с амазонками, разгромил их в великой битве, захватил Ипполиту и ее пояс, что так ослабило их, что соседние варвары, зная об их бедственном положении, презирали их и, вспомнив, какое разорение и разрушение они ранее причинили им, так измотали их непрерывными войнами, что теперь нигде в мире не найти даже названия «амазонки» (). Через несколько лет после времени Геракла разразилась Троянская война, и в это время Пентесилия, царица оставшихся амазонок и дочь Марса (совершившая жестокое убийство среди своего народа), из-за ужасности своего поступка бежала и после смерти Гектора пришла на помощь троянцам; и хотя она вела себя храбро и убила многих греков, в конце концов она была убита Ахиллом и таким образом закончила свои дни героическими деяниями. Говорят, что она была последней царицей амазонок, храброй и энергичной женщиной, после которой народ (постепенно слабея и слабея) в конце концов полностью вымер: так что в более поздние века все эти старые истории о доблестных деяниях амазонок считаются лишь вымыслом и баснями.

Теперь, когда мы так подробно рассказали о северных частях Азии, уместно сказать несколько слов о древности гипербореев.

Среди тех, кто писал старые истории, очень похожие на басни, Гекатей и некоторые другие говорят, что в океане напротив Галлии (величиной с Сицилию) под Северным полюсом есть остров, где живут гиперборейцы, названные так потому, что они находятся за пределами северных ветров. Земля здесь очень плодородна и урожайна, а климат умеренный, так что в году бывает два урожая.

Говорят, что здесь родилась Латона, и поэтому они поклоняются Аполлону больше всех других богов; и поскольку они ежедневно поют песни в честь этого бога и воздают ему высшие почести, говорят, что эти жители ведут себя так, как будто они жрецы Аполлона, у

которого там есть величественная роща и знаменитый храм круглой формы, украшенный множеством богатых даров.

Есть также город, посвященный этому богу, жители которого в большинстве своем являются арфистами, которые, играя на арфе, поют священные гимны Аполлону в храме, воспевая его славные деяния. Гиперборейцы используют свой собственный природный язык, но с давних времен испытывают особую симпатию к грекам, и в особенности к афинянам и жителям Делоса. Некоторые греки переселились к гиперборейцам и оставили после себя различные подарки с надписями греческими буквами; Аварис ранее путешествовал оттуда в Грецию и возобновил древний союз дружбы с делонянами.

Кроме того, они говорят, что Луна на этом острове кажется близкой к Земле и имеет на своем лице выросты, похожие на пятна на Земле. И что Аполлон раз в девятнадцать лет приходит на остров; за это время звезды совершают свой круг и возвращаются в ту же точку; поэтому греки называют девятнадцатилетний цикл Великим годом. В это время своего появления (говорят они) он играет на арфе, поет и танцует всю ночь от весеннего равноденствия до восхода Плеяд, утешая себя хвалой своим успешным приключениям. Суверенитет этого города и забота о храме (говорят) принадлежат Бореадам, потомкам Борея, которые удерживают княжество по прямой линии от этого предка.⁴

ГЕРОДОТ О ЛЕГЕНДАРНОМ ГИГЕ

Семья Креза называлась Мермнадами, и, возможно, уместно рассказать, каким образом империя перешла к ним от Гераклидов. Кандаул, которого греки называют Мирсилом, был царем Сард и принадлежал к семье Алкея, сына Геракла. Первым из Гераклидов был Агронас (), который также правил в Сардах; он был сыном Нина, внуком Бела и правнуком Алкая. Кандаул, сын Мирсила, был последним из этого рода. В древности жители этой области назывались меонянами, а позже — лидийцами, по имени Лида, сына Атты. От него, до времени Агрона, происходили князья этой страны. Гераклиды, потомки Геракла и рабыни Ярдана, пользовались делегированной властью от этих князей, а впоследствии получили высшее достоинство по решению оракула. Они сохраняли свою власть в регулярной и непрерывной преемственности от отца к сыну до времени Кандаула, что соответствует двадцати двум человеческим векам, то есть не менее пятистам пяти годам.

Кандаул был настолько привязан к своей жене, что в своей страсти считал ее красоту непревзойденной.^[15] Среди тех, кто находился рядом с ним, Гиг, сын Даскила, оказал ему существенную услугу и был удостоен его особого доверия. Ему он часто восхвалял красоту своей жены в преувеличенных выражениях. Под влиянием рокового заблуждения он воспользовался случаем, чтобы обратиться к нему со следующими словами:

«Гигес, я убежден, что мы меньше доверяем тому, что слышим, чем тому, что видим, и поскольку ты, похоже, не веришь всему, что я говорю тебе о личных достоинствах моей жены, я решил, что ты должен увидеть ее обнаженной».

Гиг, сильно взволнованный, ответил: «То, что вы предлагаете, крайне неподобающе. Помните, господин, что вместе с одеждой женщина снимает свою скромность. Мудрецы записали для нашего обучения множество наставлений, но ни одно из них не заслуживает большего уважения, чем то, что «мужчине подобает смотреть только на то, что касается его самого». Я безоговорочно верю вашим утверждениям; я готов поверить, что моя госпожа — самая красивая из женщин; но я умоляю вас воздержаться от повторения незаконной просьбы».

Гиг, опасаясь последствий, намеревался упорствовать в своем отказе, но король не мог быть отговорен от своего намерения.

«Гигес, — продолжил он, — тебе нечего бояться ни меня, ни твоей госпожи; я не хочу проверять твою верность, и я сделаю так, что королева не сможет тебя обнаружить. Я сам поставлю тебя за открытой дверью комнаты, в которой мы спим. Как только я войду, появится моя жена. Она обычно не спешит раздеваться и кладет свою одежду по одной вещи на стул у входа. У тебя будет отличная возможность полюбоваться ее телом. Как только она подойдет к кровати и отвернется от тебя, ты должен осторожно выйти из комнаты, чтобы тебя не заметили».

Гигес не имел другого выбора, кроме как согласиться. Когда пришло время ложиться спать, он сопровождал Кандаула в его спальню, и вскоре появилась царица. Он видел, как она вошла и постепенно разделась. Она подошла к кровати, и Гигес попытался уйти, но царица увидела его и узнала. Она сразу же решила, что ее муж является причиной ее позора, и решила отомстить. Она сохранила самообладание, сдержала эмоции, вызванные ее уязвленной чувствительностью, и сделала вид, что совершенно не знает о том, что произошло, хотя среди всех варварских народов, и в частности среди лидийцев, даже для мужчины считается величайшим позором быть увиденным обнаженным.

Королева сохраняла строжайшую тишину, а утром, подготовив нескольких доверенных слуг к этому случаю, послала за Гигесом. Нисколько не подозревая, что она знает о случившемся, он, как и в других случаях, выполнил приказ и явился перед своей госпожой. Как только он вошел в ее присутствие, она обратилась к нему со следующими словами:

«Гигес, я предлагаю тебе два варианта на выбор: уничтожить Кандаула и завладеть мной и Лидийским царством или ожидать немедленной смерти. Благодаря твоему безоговорочному повиновению моему господину, ты снова можешь стать свидетелем того, что запрещает скромность: царь стал виновником моего позора; ты же, увидев меня обнаженной, нарушил приличия; и один из вас должен умереть».

Гиг, несколько оправившись от удивления, умолял ее не ставить его перед таким деликатным и трудным выбором. Но когда он понял, что его протесты тщетны и что он должен либо убить Кандаула, либо сам погибнуть от рук других, он предпочел остаться в живых.

«Поскольку мой господин должен погибнуть, — ответил он, — и, несмотря на мое нежелание, от моей руки, скажи мне, как будет осуществлено твое намерение?»

«Это будет сделано, — ответила она, — в том самом месте, где он показал меня обнаженной, но ты убьешь его во сне».

Их планы были согласованы: у Гигеса не было возможности сбежать или уклониться от предложенного выбора. С наступлением ночи царица провела его в свою комнату и посадила за той же дверью с кинжалом в руке. Кандаул был убит во сне, и Гигес немедленно завладел его женой и империей. Об этом событии упоминает Архилох из Пароса, живший примерно в то же время, в своих ямбах.

Заявление Дельфийского оракула подтвердило право Гигеса на власть. Лидийцы возмутились судьбой Кандаула и прибегли к оружию. В конце концов между разными сторонами было заключено соглашение, что если оракул примет решение в пользу Гигеса, он останется на троне, а в противном случае власть вернется к Гераклидам. Хотя Гиг сохранил верховную власть, слова оракула ясно давали понять, что Гераклиды должны быть отомщены в лице пятого потомка Гига. До того момента, пока это предсказание не сбылось,

ни князья, ни народ не обращали на него ни малейшего внимания. Так Мермнады получили империю, несправедливо исключив Гераклидов.

ИСТОРИЯ КРЕСА, РАССКАЗАННАЯ ГЕРОДОТОМ

После смерти своего отца Крез вступил на престол; он начал править в возрасте тридцати пяти лет и сразу же начал военные действия против эфесцев. Пока он осаждал Эфес со своей армией, жители торжественно посвятили свой город Минерве, соединив своими стенами храм богини с помощью веревки (). Этот храм находится на расстоянии около семи стадий от старого города, который тогда был осажден. Крез напал на него первым. Вскоре после этого он начал войну со всеми государствами, как ионийскими, так и эолийскими: мотивы, которые он приводил, были различны, в некоторых случаях важными, но когда таких мотивов не удавалось найти, ему хватало и несерьезных предлогов.

Не удовлетворившись тем, что заставил азиатских греков платить ему дань, он решил построить флот и напасть на тех, кто жил на островах. От этого намерения его удержал, несмотря на то, что он уже сделал большие приготовления, памятный ответ Биаса из Приены, который в то время находился в Сардах, или, как говорят другие, Питтака из Митилены. Царь спросил этого человека, есть ли какие-нибудь новости из Греции: «Островитяне, господин, — ответил тот, — собирают десять тысяч всадников, чтобы напасть на вас и Сарды». Царь, полагая, что тот говорит серьезно, сказал, что надеется, что боги внушат островитянам мысль вторгнуться в Лидию с кавалерией. Тот прервал его: «Ваше желание, чтобы жители островов приняли такие меры, безусловно, разумно; но разве вы не думаете, что строительство вами флота для нападения на островитян доставит им такое же удовольствие? Они не могут желать лучшей возможности отомстить за греков на материке, которых вы обратили в рабство, чем встретиться с лидийцами на океане». Мудрость этого замечания была приемлема для Креза; он отказался от всех мыслей о строительстве флота и заключил дружественный союз с ионийцами с островов.

Впоследствии он постепенно подчинил себе почти все народы, проживавшие на этой стороне реки Халис. Только киликийцы и ликийцы не подчинились его власти, но он полностью победил лидийцев, фригийцев, мисийцев, мариандинов, халибов, пафлагонцев, фракийцев, тинийцев, вифинийцев, карийцев, ионийцев, дорийцев, эолийцев и памфилийцев.

После того как Крез одержал все эти победы и расширил власть лидийцев, Сарды стали местом отдыха великих и богатых, а также тех, кто прославился в Греции своим талантом и мудростью. Среди них был Солон: по просьбе афинян он разработал для них свод законов. Затем он отправился в путешествие, которое должно было длиться десять лет; его заявленная цель была философского характера, но на самом деле он хотел избежать необходимости отмены принятых им законов. Афиняне не могли этого сделать, поскольку обязались торжественной клятвой сохранять в неприкосновенности в течение десяти лет учреждения Солона.

Крез и Солон

В связи с этими законами, а также для того, чтобы увидеть мир, Солон в своих путешествиях посетил Амасиса [Аахмеса] в Египте и теперь прибыл к Кресу в Сарды. По прибытии он был встречен с самым радушным гостеприимством и принят во дворце Креса. Через несколько дней царь приказал своим слугам сопроводить Солона в различные

хранилища его богатств и показать ему их великолепное и ценное содержимое. Когда он осмотрел все, Крез обратился к нему со следующими словами:

«Мой афинский гость, слава о твоей мудрости разносится далеко. Я много слышал о твоих путешествиях; о том, что истинный философский дух привел тебя в многие уголки земного шара. Поэтому я хочу спросить тебя: кто из всех людей, которых ты видел, показался тебе самым счастливым?»

Ожидание, что его самого сочтут самым счастливым из людей, побудило его задать этот вопрос. Солон своим ответом доказал свою приверженность истине и отвращение к лести.

«Я думаю, — сказал он, — о царь, что Теллус из Афин больше всех заслуживает звания счастливого». Крез был удивлен. «На чем, — спросил он, — основывались претензии Теллуса на это звание?»

«Потому что, — ответил Солон, — под защитой превосходной формы правления Теллус имел много добродетельных и милых детей; он видел их потомство, и все они пережили его: в конце его благополучной жизни мы отпраздновали его похороны со всеми почестями. В сражении с некоторыми из своих соседей в Элевсине он пришел на помощь своим соотечественникам: он способствовал поражению врага и встретил смерть на поле славы. Афиняне публично похоронили его на том месте, где он пал, и его похороны были великолепны».

Солон продолжал с уважением упоминать Теллуса, когда Крез с нетерпением прервал его и пожелал узнать, кого, помимо Теллуса, он считает самым счастливым, не сомневаясь, что теперь ответ будет благоприятным для него самого.

«Клеобис и Бито», — ответил Солон, — «они были аргивянами по происхождению, счастливыми в своих обстоятельствах и настолько замечательными по своей физической силе, что оба были коронованы как победители в публичных играх. Кроме того, рассказывают о них, что на одном из праздников Юноны их мать должна была быть доставлена в храм на колеснице, запряженной волами. Животные не были готовы к этому, но молодые люди сразу же взяли на себя ярмо и повезли свою мать в колеснице в храм, преодолев расстояние в сорок пять стадий. Совершив это в присутствии бесчисленных зрителей, они закончили свою жизнь необычайно счастливым образом. В этом случае божество показало, что смерть является для человечества большим благом, чем жизнь. Окружающая толпа прославляла их; мужчины хвалили их доблесть; женщины завидовали их матери, которая была в восторге от самого поступка и сопутствовавшей ему славы. Стоя перед святилищем, она умоляла божество, в честь которого были совершены подвиги ее сыновей, даровать им величайшее благо, которое может получить человек. После молитвы, когда закончились последующие жертвоприношения и празднества, молодые люди ушли отдыхать в храм, но больше не проснулись. Аргивяне сохранили в Дельфах фигуры Клеобиса и Бито как людей, заслуживающих особого уважения. По оценке Солона, это было счастье второй степени».

Крез все еще был недоволен. «Человек из Афин, — продолжил он, — ты так низко оцениваешь мое благосостояние, что ставишь меня даже ниже людей частного и неизвестного положения?»

«Крез, — ответил он, — ты спрашиваешь меня о моих чувствах к человеческой природе; меня, который считает, что божественные существа смотрят на людей с неприязнью и злобой. За долгую жизнь происходит столько вещей, которые мы видим с неохотой и переносим с мучением. Я предположу, что продолжительность человеческой жизни

составляет семьдесят лет; этот период, если не считать високосные месяцы, будет равен двадцати пяти тысячам двести дням: чтобы сделать наши вычисления регулярными и точными, предположим, что мы добавляем этот месяц к каждому второму году, тогда мы получим тридцать пять дополнительных месяцев, или тысячу двести пятьдесят дней. Таким образом, все семьдесят лет будут состоять из двадцати шести тысяч двухсот пятидесяти дней, но каждый день из этого числа будет приносить какие-то новые события. Таким образом, Крез, наша природа представляется непрерывной чередой бедствий. Я вижу вас, Крез (), как правителя многих народов, обладающего необычайным богатством и властью. Но я не смогу дать удовлетворительного ответа на ваш вопрос, пока не узнаю, что ваша жизнь закончилась спокойно. Богатый человек, по сути, не счастливее того, кто обладает лишь самым необходимым, если, помимо богатства, его жизнь не закончилась счастливо. Мы часто видим несчастье среди великолепного изобилия, в то время как настоящее счастье можно найти в более скромных условиях. Богатый человек, который не знает счастья, превосходит более скромного, но более счастливого человека, с которым мы его сравниваем, только в двух вещах. Однако есть множество случаев, в которых последний превосходит первого. Богатый человек может удовлетворять свои страсти и мало чего опасается от случайных обид. Бедный человек полностью избавлен от этих источников страданий. Кроме того, он обладает силой и здоровьем; он не знает несчастий, он счастлив своими детьми и сам по себе привлекателен. Если в конце такой жизни его смерть будет счастливой, то это, о царь, и будет по-настоящему счастливый человек, объект твоего исследования.

«Не называй человека счастливым, пока не узнаешь о природе его смерти; в лучшем случае он просто удачлив. Ни один человек не в силах обрести все эти необходимые условия для счастья, поскольку ни одна область не может их обеспечить; она, возможно, дает возможность наслаждаться некоторыми из них, но при этом отличается отсутствием других. То, что дает больше источников удовлетворения, является лучшим: таково и несовершенство человека, превосходного в одних отношениях, слабого и несовершенного в других. Только тот, кто обладает наибольшими преимуществами и затем покидает этот мир со спокойствием, о Крез, заслуживает нашего восхищения. Мудрость заключается в том, чтобы смотреть на исход событий, ибо божество часто обрушивает несчастья на тех, кто ранее находился на вершине счастья».

Кроис не оценил и не похвалил эти слова Солона, а затем с безразличием отпустил философа. Чувство, которое побуждает нас не возноситься от временного блаженства, а смотреть дальше настоящего момента, показалось Кроису ни мудрым, ни справедливым.

Видение Креза

Как только Солон ушел, словно для того, чтобы наказать Креза за его высокомерие, считая себя самым счастливым из людей, с ним произошло удивительное событие, которое казалось посещением с небес. Он увидел во сне видение, предвещавшее беду, которая впоследствии лишила его сына; у Креза было два сына: один был отмечен природным недостатком, будучи немым; другой, которого звали Атис, отличался своими выдающимися способностями. Видение, которое увидел Крез, предвещало, что Атис умрет от острия железного копья. Пробудившись и испугавшись своего сна, он серьезно обдумал этот вопрос. Первым делом он решил выдать сына замуж, а затем лишил его командования лидийскими войсками, которыми тот ранее руководил в военных походах. Копья, дротики и все другие виды оружия он перенес из комнат мужчин в комнаты женщин, чтобы его сын не пострадал от падения этих предметов, которые висели на стене.

В то время как свадьба сына занимала все его внимание, в Сарды прибыл несчастный убийца, фригийца по национальности и член королевской семьи. Он явился во дворец Креза, от которого потребовал и получил искупление с помощью обычных церемоний. Лидийский способ искупления очень похож на греческий. Когда Крез выполнил то, что требовал обычай, он спросил, кто он и откуда.

«Из какой части Фригии ты родом? Почему ты просишь у меня помощи? Кого ты убил?» — «О царь, — ответил незнакомец, — я сын Гордия, сына Мидаса. Меня зовут Адраст. Я невольно убил своего брата, за что отец изгнал меня и лишил всего. — Ты производишь, — ответил Крез, — из семьи, которую я считаю своими друзьями. Взамен я предоставлю тебе свою защиту. Ты будешь жить в моем дворце, и тебе будет предоставлено все необходимое. Тебе не следует слишком сильно огорчаться своим несчастьем». Затем Крез принял его в свою семью.

Примерно в это же время в Мисии, недалеко от Олимпа, появился дикий кабан необычайных размеров, который, выйдя из гор, нанес мисийцам большой ущерб. Они часто нападали на него, но их попытки уничтожить его не только не увенчались успехом, но и принесли им убытки. Поэтому, находясь в крайнем отчаянии, они послали Кресу следующее сообщение: «О царь, среди нас появился дикий кабан необычайных размеров, который причиняет нам большой вред, но все наши самые упорные попытки уничтожить его оказались безрезультатными. Поэтому мы умоляем тебя послать к нам своего сына во главе отборного отряда с большим количеством собак, чтобы избавить нас от этого грозного животного». Крез, вспомнив свой сон, ответил им так: «Не упоминайте о моем сыне; я не могу послать его; он недавно женился, и все его время и внимание заняты этим. Но отборная группа лидийцев, охотников и собак, будет сопровождать вас; и я поручу им принять все возможные меры, чтобы как можно скорее избавить вас от нападений кабана».

Этот ответ Креза удовлетворил мисийцев, но молодой человек, услышав об этом деле и о том, что его отец отказал мисийцам в просьбе, чтобы он сопровождал их, поспешил к царю и сказал ему следующее: «Раньше, господин, в нашем народе считалось превосходным и почетным искать славы на войне или в охоте на диких зверей; но теперь вы лишаете меня обеих этих возможностей прославиться, не имея оснований обвинять меня ни в трусости, ни в лени. Когда меня теперь увидят на публике, каким ничтожным и презренным я буду выглядеть! Как будут относиться ко мне мои сограждане или моя новая жена? Что она будет думать о человеке, за которого вышла замуж? Позвольте мне, господин, либо отправиться в этот поход, либо убедите меня, что причины вашего отказа разумны и достаточны».

«Сын мой, — ответил Крез, — я ни в коем случае не отношусь отрицательно к твоему мужеству или поведению. На мое отношение к тебе повлияло видение, которое недавно предупредило меня, что твоя жизнь будет короткой и что ты погибнешь от ранения железным копьем. Это, в первую очередь, побудило меня ускорить твою свадьбу, а также отказать тебе в участии в предлагаемой экспедиции, желая своей осторожностью сохранить тебя, по крайней мере, до тех пор, пока я буду жив. Я ценю тебя как своего единственного сына, ибо твой брат, из-за своей немоги, в некотором смысле потерян для меня».

«Увидев такое видение, — ответил Атис своему отцу, — я легко могу простить твою тревогу за меня; но, поскольку ты, по-видимому, неправильно понял дело, позволь мне объяснить то, что, кажется, ускользнуло от твоего внимания. Видение, как ты утверждаешь, предсказывало, что моя смерть будет вызвана острием копья; но какое оружие или копье есть у дикого кабана, чтобы ты его боялся? Если бы тебе действительно сказали, что я погибну от клыка или чего-то подобного, твое поведение было бы вполне оправданным; но

поскольку предметом твоего беспокойства является острое копье, а мы не собираемся сражаться с людьми, я надеюсь на твое разрешение присоединиться к этой группе».

«Сын мой, — ответил Крез, — твои рассуждения о моем сне заставили меня изменить свое мнение, и я разрешаю тебе пойти на эту охоту».

Крез теряет сына

Затем царь послал за Адрастом Фригийским, и когда тот явился, обратился к нему со следующими словами: «Я не хочу напоминать тебе о твоих прежних бедах, но ты должен помнить, что я искупил твои страдания, принял тебя в свою семью и обеспечил все твои нужды. Теперь я должен просить тебя о том, что полагается в ответ на мою доброту. В этой предполагаемой охоте ты должен быть охранником моего сына: защити его в пути от любого тайного предательства, которое может угрожать вашей общей безопасности. Ты должен отправиться туда, где можно проявить храбрость и завоевать репутацию; доблесть была отличительной чертой твоей семьи и передалась тебе вместе с личной энергией».

«По вашей просьбе, о царь, — ответил Адраст, — я соглашусь на то, что в ином случае я бы отказался. Человеку, подобному мне, подавленному столь великим несчастьем, не пристало появляться среди моих более удачливых сверстников; я никогда не желал этого и часто избегал. В данном случае моя благодарность побуждает меня подчиниться твоим приказам. Поэтому я обязуюсь сопровождать и охранять твоего сына и обещаю, насколько это в моих силах, вернуть его тебе невредимым».

Сразу же была отобрана группа молодых людей, подготовлены охотничьи собаки, и отряд отправился в путь. Прибыв в окрестности Олимпа, они стали искать зверя; найдя его логово, они окружили его и напали на него с копьями. Так случилось, что незнакомец Адраст, который был очищен от греха убийства, нанеся удар по кабану, промахнулся и убил сына Креза. Таким образом, он был убит острием копья, и видение оказалось пророческим. Посланник немедленно поспешил в Сарды, чтобы сообщить Крезу о событии, которое привело к смерти его сына.

Крез, хотя и был очень опечален своей семейной утратой, переносил ее с еще большим трудом, потому что она была причинена тем, кого он сам очистил и защищал. Он громко сетовал на свою беду и взывал к Юпитеру, богу искупления, в подтверждение причиненного ему вреда. Он взывал к нему также как к покровителю гостеприимства и дружбы: гостеприимства, потому что, принимая странника, он принял убийцу своего сына; дружбы, потому что человек, от которого он мог ожидать помощи, оказался его величайшим врагом.

Пока его мысли были заняты этим, лидийцы появились с телом его сына; за ними следовал убийца. Он подошел к Кресу и, протянув руки, умолял, чтобы ему было позволено умереть на теле того, кого он убил. Он перечислил свои прежние бедствия, к которым теперь добавилось то, что он стал убийцей человека, который искупил его вину; следовательно, он больше не был достоин жизни. Крез внимательно выслушал его и, хотя был подавлен собственным отцовским горем, не мог отказать в сострадании Адрасту, которому сказал следующее: «Друг мой, я достаточно отомстил за тебя твоим добровольным осуждением самого себя. Ты не виновен в этом событии, потому что ты сделал это без умысла. Оскорбленное божество, которое предупредило меня о беде, осуществило ее». Поэтому Крез похоронил своего сына с надлежащими церемониями; но несчастный Адраст (), потомок Мидаса, убивший своего брата и своего друга, глубокой ночью удалился в место, где был похоронен Атис, и, признав себя самым несчастным из людей, покончил с собой на могиле.

Крез обращается к оракулам

Два года, последовавшие за смертью его сына, Крез провел в крайнем горе. Его скорбь наконец была прервана растущей величию Персидской империи, а также величию Кира, сына Камбиза, который лишил Астиага, сына Киаксара, его владений. Сдержать мощь Персии, прежде чем она станет слишком великой и обширной, было целью его заботы. Прислушавшись к этим советам, он решил обратиться к различным оракулам Греции, а также к оракулу Ливии; для этой цели он послал послов в Дельфы, в Абею Фокидскую и в Додону; он также послал послов к Амфиараю, Трофонию и Милетским Бранхидам. Вышеупомянутые оракулы были теми, к которым Крез обратился в Греции; он также послал послов к ливийскому Аммону. Его мотивом в этих консультациях было сформировать представление о правдивости оракулов, чтобы впоследствии получить от них окончательное мнение относительно похода против персов.

Он прибег к этому методу, чтобы проверить правдивость их различных сообщений. Он договорился со своими лидийскими посланниками, что каждый из них должен обратиться к разным оракулам на сотый день после отправления из Сард и спросить, что делает Крез, сын Алиатта; они должны были записать и сообщить Крезу ответ каждого конкретного оракула. Общих ответов оракулов нам не сохранилось, но едва лидийцы вошли в храм Дельф и задали свои вопросы, как пифийский оракул ответил им героическими стихами:

Я считаю песок, я измеряю море;

Я слышу молчаливых и немых;

Даже сейчас запахи, поднимающиеся к моим чувствам,

Поставляет вареная черепаха с ягненком,

Где медная крышка сверху и медная крышка снизу.

Они записали сообщение Пифийского оракула и вернулись в Сарды. Из ответов, которые принесли другие его посланцы по возвращении, Крез не нашел ни одного удовлетворительного. Но как только он узнал об ответе Пифийского оракула, в нем пробудилась горячая благодарность и благочестие, и он без колебаний воскликнул, что нет другого истинного оракула, кроме Дельфийского, ибо только он объяснил его занятие в оговоренное время. Похоже, что в день, назначенный для того, чтобы его слуги обратились к различным оракулам, решив сделать то, что было бы одинаково трудно обнаружить или объяснить, он порезал на куски черепаху и ягненка и сварил их вместе в закрытом медном сосуде.

После этого Крез решил примирить божество Дельф великим и великолепным жертвоприношением. Он принес в жертву три тысячи избранных животных; он собрал большое количество украшенных золотом и серебром кушеток, много золотых кубков и пурпурных одежд; все это он сжег вместе на одном огромном костре, думая, что таким образом божество будет более благосклонным к его надеждам; он также убедил своих подданных принести в жертву подобным образом те предметы, которые они соответственно имели. Поскольку по окончании вышеупомянутой церемонии собралось значительное количество золота, он сформировал из него ряд плиток. Самые большие из них были длиной шесть ладоней (), самые маленькие — три, но ни одна из них не была толще ладони, и их было сто семнадцать: четыре были из чистого золота, весом по полтора таланта каждая; остальные были более низкого качества, но весом в два таланта. Он также изготовил льва из чистого золота, весом в десять талантов. Первоначально он был установлен в Дельфийском храме, на вышеупомянутых золотых плитах, но когда это здание сгорело, он упал со своего места и теперь находится в коринфской сокровищнице: однако в результате пожара он потерял три с половиной таланта от своего прежнего веса.

Кроме того, Крез послал в Дельфы две большие цистерны, одну из золота, а другую из серебра: золотая была поставлена справа, в притворе храма, а серебряная — слева. Они также были унесены, когда храм был уничтожен пожаром: золотой кубок весил восемь талантов и половину и двенадцать мин, и впоследствии был помещен в клазоменскую сокровищницу; серебряный кубок вмещает шестьсот амфор; он находится у входа в храм и используется жителями Дельф в их празднике Теофания; они утверждают, что он был создан Феодором из Самоса, и я склонен согласиться с этим мнением, поскольку он явно является произведением не посредственного художника. В сокровищнице Коринфа также хранятся четыре серебряных бочонка, которые были отправлены Крезом в Дельфы в дополнение к вышеупомянутым. Его щедрость на этом не закончилась: он также подарил две чаши, одну из золота, другую из серебра. Надпись на золотом бассейне утверждает, что он был подарком лакедемонян, но это неправда, так как он также был подарком Креза.

Чтобы угодить лакедемонянам, некий дельфиец написал эту надпись: я знаю его имя, но воздерживаюсь от его раскрытия. Мальчик, из рук которого течет вода, был подарен лакедемонянами; бассейны, несомненно, не были. К ним прилагалось много других подарков поменьше, среди которых были серебряные блюда и золотая фигура женщины высотой в три локтя, которая, по словам дельфийцев, была той самой, кто пек хлеб для семьи Креза. Этот царь, помимо всего перечисленного, посвятил в Дельфах ожерелья и пояса своей жены.

Амфиараю, услышав о его доблести и несчастьях, он послал щит из чистого золота и крепкое копье, полностью сделанное из золота, как древко, так и наконечник. Все это, насколько я помню, хранилось в Фивах, в храме Исменского Аполлона.

Ответ оракулов

Лидийцам, которым было поручено позаботиться об этих дарах, было велено узнать, может ли Крез благополучно предпринять поход против персов и следует ли ему заручиться помощью союзников. По прибытии в назначенные места они оставили подарки и задали оракулам следующие вопросы: «Крез, правитель Лидии и многих народов, считает эти оракулы единственными подлинными; в благодарность за мудрость, с которой вы высказались, он посылает вам эти доказательства своей щедрости: он хочет знать, может ли он начать войну против персов и следует ли ему искать союзников». Ответы оракулов были одинаковыми: оба уверяли Креза, что, если он начнет войну с Персией, он свергнет могущественную империю, и оба рекомендовали ему заключить союз с самыми сильными государствами Греции.

Сообщение об этих ответах привело Креза в восторг: воодушевленный идеей стать победителем Кира, он снова послал Агартаса () в Дельфы, поинтересовался количеством жителей этого города и подарил каждому из них по два золотых статера. В знак признательности за его щедрость дельфийцы предоставили Кресу и лидийцам привилегию первыми обращаться к оракулу, в отличие от других народов, а также почетное место в их храме и неизменное право для тех из них, кто пожелает его принять, быть зачисленными в число граждан Дельф.

После вышеупомянутых проявлений своей щедрости по отношению к дельфийцам Крез в третий раз обратился к их оракулу. Его опыт его правдивости усилил его любопытство; теперь он хотел узнать, будет ли его власть вечной. Вот какой ответ дал Пифийский оракул:

Когда над мидянами на высоком престоле воссядет мул,

Тогда над каменистым Гермом, мягкий лидийский, лети;

Лети со всей скоростью; ради безопасности пренебреги славой,

И не стесняйся заслужить имя труса.

Когда вышеприведенные стихи были переданы Кресу, он был более чем когда-либо восхищен: он был уверен, что мул никогда не станет правителем мидийцев и что, следовательно, ему нечего бояться ни за себя, ни за своих потомков. Его первоочередной целью было выяснить, какие из греческих государств были самыми могущественными, и заключить с ними союз.

Крез заключает союз со Спартой

Крез отправил в Спарту послов с подарками, поручив им заключить с этим народом союз для ведения войны. Они передали следующее послание: «Крез, правитель Лидии и многих народов, обращается к Спарте со следующими словами: Оракулы велют мне заключить греческий союз, и, зная, что вы превосходите все другие государства Греции, я, без каких-либо уловок, желаю стать вашим другом и союзником». Лакедемоняне, услышав о пророчестве оракула Крезу, обрадовались его предпочтению в их пользу и немедленно согласились на предложенные условия союза. Следует отметить, что Крез ранее оказал лакедемонянам услугу: они послали в Сарды, чтобы купить золото для возведения статуи Аполлона, которая до сих пор стоит на горе Торнакс; Крез предоставил им все, что они хотели.

Под влиянием этого, а также его явной привязанности к ним, они согласились со всеми его взглядами: они заявили о своей готовности оказать ему любую необходимую помощь и, чтобы еще больше подчеркнуть свою привязанность, подготовили в подарок королю медный сосуд, вмещающий триста амфор и украшенный по краю фигурками различных животных. Однако этот сосуд так и не достиг Сард; причина этого объясняется по-разному. Лакедемоняне утверждают, что их сосуд был перехвачен у Самоса по пути в Сарды самайцами, которые специально для этой цели оснастили несколько военных кораблей. Сами, напротив, утверждают, что лакедемоняне, занятые этим делом, не прибыли вовремя, но, услышав, что Сарды потеряны, а Крез пленен, передали свой груз некоторым частным лицам из Самоса, которые преподнесли его в дар храму Юноны. Те, кто выполнял эту роль, возможно, по возвращении в Спарту заявили, что сосуд был насильно отобран у них сами. Такова история этого сосуда.

Крез, обманутый словами оракула, готовился вести свои войска в Каппадокию, полный надежды стать завоевателем Кира и Персии. Пока он занимался подготовкой к этой экспедиции, некий лидиец по имени Сарданис, который всегда пользовался среди своих соотечественников репутацией мудрого человека и стал еще более известен благодаря этому случаю, обратился к Крезу со следующими словами: «Ты замышляешь, о царь, напасть на людей, которые одеваются в шкуры животных, которые, населяя мало возделанную землю, живут тем, что могут добыть, а не тем, что хотят; они не знают вкуса вина, пьют только воду; даже инжир для них — неизвестное лакомство, и все наши роскоши им совершенно незнакомы. Если ты победишь их, что ты сможешь взять у тех, у кого ничего нет? Но если ты потерпишь поражение, тебе следует подумать о том, чего ты, со своей стороны, будешь лишен. Когда они однажды попробуют наши деликатесы, мы никогда больше не сможем избавиться от них. Я действительно благодарен богам за то, что они не вдохновили персов желанием завоевать Лидию». Крез проигнорировал это предупреждение: тем не менее, несомненно, что персы до завоевания Лидии были чужды всякой роскоши.

Каппадокийцы называются греками сирийцами. До возникновения Персидской империи они находились под властью мидийцев, хотя в этот период были подчинены Киру. Империи лидийцев и мидийцев были разделены рекой Галис, которая берет начало в горах Армении, протекает через Киликию, оставляя по правую сторону Матиенцев, а по левую — Фригию, а затем, простираясь на север, отделяет каппадокийских сирийцев от Пафлагонии, которая находится по левую сторону от реки. Таким образом, река Галис отделяет все нижние части Азии от моря, которое протекает напротив Кипра, вплоть до Эвксинского моря, пространство, которое активный человек не мог бы преодолеть менее чем за пять дней.

Крез вторгается в Каппадокию

Крез продолжал продвигаться в сторону Каппадокии; он желал присоединить эту страну к своим владениям, но главным образом на него влияли его вера в оракул и его стремление отомстить Киру за Астиага. Астиаг был сыном Киаксара, царя мидийцев, и зятем Креза; теперь он был побежден и удерживался в плену Киром, сыном Камбиза. Связь между Крезом и Астиагом была такова: среди скифских кочевников возникли беспорядки, и многие из них тайно укрылись на территории мидийцев, где в то время царствовал Киаксар, сын Фраорта и внук Дейока. Он принял беженцев под свою защиту и, проявив к ним много знаков благосклонности, доверил им нескольких мальчиков, чтобы те научились языку и скифскому искусству стрельбы из лука. Эти скифы проводили большую часть времени на охоте, которая, как правило, была успешной, хотя и не всегда. Киаксар, по-видимому, был вспыльчивым человеком, и однажды, встретив их, когда они вернулись без добычи, он обошелся с ними очень грубо и резко. Они почувствовали себя оскорбленными и решили не мириться с этим унижением. После некоторого совещания между собой они решили убить одного из детей, вверенных их заботе, приготовить его, как они обычно делали с добычей, и подать Киаксару. Сделав это, они решили бежать в Сарды, где царем был Алиатт, сын Садиятта. Они осуществили свой замысел. Киаксар и его гости съели человеческое мясо, и скифы немедленно обратились за защитой к Алиатту.

Киаксар потребовал выдать ему этих людей, но получил отказ, в результате чего между лидийцами и мидянами началась война, которая продолжалась пять лет. Это была война с переменным успехом (), и примечательно, что одно из сражений произошло ночью. На шестой год, в разгар сражения, когда ни одна из сторон не могла претендовать на превосходство, день внезапно погрузился в темноту. Это явление и конкретный период, в который оно должно было произойти, были предсказаны ионийцам Фалесом из Милы. Внушенные торжественностью события, стороны прекратили сражение, и это еще больше повлияло на них, чтобы прислушаться к определенным предложениям о мире, которые были сделаны Сиеннесисом из Киликии и Лабинетом из Вавилона. Чтобы укрепить договор, эти лица также рекомендовали заключить брачный союз. Они посоветовали Алиатту отдать свою дочь Ариенис замуж за Астиага, сына Киаксара, исходя из справедливого убеждения, что никакие политические союзы не могут быть прочными, если они не укреплены самыми тесными из всех возможных связей. Церемония заключения союзов в этой стране такая же, как и в Греции, с тем дополнением, что обе стороны ранят себя в руку и облизывают кровь друга.

Таким образом, Астиаг был дедом Кира, хотя в то время он был побежден им и стал его пленником. Именно это вызвало первоначальную вражду Креза и побудило его обратиться к оракулу с вопросом, следует ли ему вести войну с Персией. Он истолковал обманчивый ответ, который ему был дан, наиболее благоприятным для себя образом и приступил к осуществлению своего задуманного похода. Когда он прибыл к реке Халис, он переправил свои войска по мостам, которые он там обнаружил, хотя греки в целом утверждают, что эту услугу ему оказал Фалес Милетский. Пока Крез колебался, через какую часть реки ему следует пытаться переправиться, поскольку тогда мостов еще не было построено, Фалес разделил ее на две ветви. Он прокопал глубокий ров, который начинался выше лагеря, от реки, и огибал его в форме полукруга, пока снова не соединялся со старым руслом. Таким образом, реку можно было легко перейти вброд с обеих сторон. Некоторые говорят, что старое русло было полностью пересохшим, но я ни в коем случае не могу согласиться с этим мнением, поскольку в таком случае их возвращение было бы столь же трудным.

Переправившись со своей армией, Крез прибыл в ту часть Каппадокии, которая называется Птерия, наиболее удобную с точки зрения обороны во всей этой области и расположенную недалеко от города Синопа на Эвксинском побережье. Здесь он обосновался и, разорив сирийские земли, осадил и взял главный город птерийцев. Он также разрушил соседние города и почти истребил сирийцев, от которых он, безусловно, не получил никакого вреда. Кир наконец собрал свои войска и, взяв с собой те народы, которые лежали между ним и захватчиком, выступил ему навстречу. Прежде чем начать поход, он послал послов к ионийцам с целью отделить их от Креза. Поскольку это не удалось, он двинулся вперед и атаковал Креза в его лагере; они сражались на равнинах Птерии с величайшим упорством с обеих сторон. Сражение продолжалось с одинаковой яростью и потерями, пока ночь не разделила сражающихся, не оставив никому победы.

Армия Креза была меньше по численности, и на следующий день Кир не проявил желания возобновить сражение, поэтому лидийский принц решил вернуться в Сарды, намереваясь обратиться за помощью к египтянам, с королем которых, Амасисом, он заключил союз до заключения договора с лакедемонянами. Он также заключил наступательный и оборонительный союз () с вавилонянами, над которыми тогда правил Лабинет. С их помощью, в дополнение к помощи лакедемонян, которые должны были быть готовы в оговоренный срок, он решил, после некоторого времени пребывания в зимних кварталах, атаковать персов ранней весной. Полный этих мыслей, Крез вернулся в Сарды и немедленно послал послов к своим различным союзникам с требованием собраться в Сардах в течение пяти месяцев. Войска, которые он вел против персов, состоявшие в основном из наемников, он распустил и уволил, не предполагая, что Кир, который, безусловно, не имел никаких шансов на победу, решит последовать за ним в Сарды.

В то время как ум Креза был занят этими мыслями, земли около его столицы были заражены множеством змей; и было замечено, что, питаясь ими, лошади пренебрегали пастбищами и покидали их. Крез, полагая, что это имеет таинственное значение, что, безусловно, и было так, послал запрос к телмесским жрецам по поводу этого. Ответ, который получили его посланцы, объясняющий это чудо, они не имели возможности сообщить Кресу, потому что, прежде чем они смогли вернуться в Сарды, он был побежден и взят в плен. Телмесские жрецы истолковали это явление следующим образом: иностранная армия собиралась напасть на Креза, и по ее прибытии местные жители, несомненно, будут поработены; поскольку змеи появились из земли, лошади можно было считать и иностранцами, и врагами. Когда жрецы оракула доложили этот ответ Крезу, он уже находился в плену, о чем, как и о сопутствующих событиях, они в то время не знали.

Кир был хорошо осведомлен о том, что Крез после битвы при Птерии намеревался распустить свои войска; поэтому он счел целесообразным как можно скорее продвинуться к Сардам, пока лидийские войска не успели вновь собраться. Решение было принято и немедленно выполнено; он немедленно ввел свою армию в Лидию и сам сообщил о своем прибытии. Крез, хотя и огорченный событием, столь противоречащим его предвидению и ожиданиям, не терял времени и готовил лидийцев к сражению. В то время ни один народ Азии не был более выносливым и отважным, чем лидийцы. Они сражались в основном верхом на лошадях, вооруженные длинными копьями, и были очень искусны в управлении лошадьми.

Поле сражения была просторная и открытая равнина в окрестностях Сард, пересеченная множеством ручьев, в частности, Гиллом, которые все сходились в одну реку, более крупную, чем остальные, называемую Гермус. Эта река, берущая начало в горах, священных для Кибелы, впадает в море недалеко от города Фокея. Здесь Кир застал лидийцев готовыми к сражению; и, поскольку он очень опасался их кавалерии, по совету Харпага Мидийского он

принял следующие меры, чтобы предотвратить опасность. Он собрал всех верблюдов, которые следовали за его лагерем, неся провизию и другой багаж; сняв с них грузы, он посадил на них людей, одетых как всадники. Так подготовленные, он приказал им выдвинуться против лидийской конницы; его пехота должна была следовать за верблюдами, а его собственная конница замыкала порядок атаки. Расположив таким образом свои силы, он приказал не давать пощады лидийцам, а всех, кто сопротивлялся, казнить, за исключением самого Креза, которого, какое бы сопротивление он ни оказывал, в любом случае следовало взять живым. Он поставил верблюдов в авангард, зная о ненависти лошадей к этим животным, которые не выносят ни их запаха, ни вида. Он был уверен, что Крез полагался в основном на свою кавалерию, которую он надеялся с помощью этой уловки сделать неэффективной. Как только началось сражение, лошади, увидев и почувствовав запах верблюдов (), впали в беспорядок, что привело к полному разгрому Креза. Тем не менее, лидийцы не сдались сразу: они раскрыли уловку, сошли с лошадей и вступили в бой с персами пешком; с обеих сторон пало много людей, но в конце концов лидийцы были вынуждены бежать и, отступив за свои стены, оказались в осаде.

Осада Сард

Крез, полагая, что осада значительно затянется, послал других послов к своим союзникам. Цель его предыдущей миссии заключалась в том, чтобы потребовать их присутствия в Сардах в течение пяти месяцев. Теперь он просил о немедленной помощи других союзников, наряду с лакедемонянами.

В то время как спартанцы находились в нестабильном положении, прибыл сардский гонец, сообщивший об крайней опасности, грозящей Кресу, и попросивший о немедленной помощи. Они без колебаний решили ее оказать. Пока они готовились к этому, собирая людей и корабли, второй гонец принес известие, что Сарды взяты, а Крес взят в плен. Сильно потрясенные этим чудесным бедствием, лакедемоняне не предприняли дальнейших усилий.

Сарды были взяты следующим образом: на четырнадцатый день осады Кир послал нескольких всадников вокруг своего лагеря, пообещав награду тому, кто первым взобрался бы на стену. Попытка была предпринята, но без успеха. После этого некий Мардиан по имени Гиреадс предпринял смелую попытку на той части цитадели, где не было часовых, поскольку она была настолько крепкой и труднодоступной, что, казалось, не поддавалась никакому нападению. Только в этом месте Мелес не пронес своего сына Леона, которого он имел от наложницы, поскольку телмесские жрецы заявили, что Сарды никогда не будут взяты, если Леон будет пронесен вокруг стен. По-видимому, Леон был пронесен отцом вокруг всех частей цитадели, которые были подвержены нападению. Он не пронес его вокруг той части, которая находится напротив горы Тмол, полагая, что ее естественная прочность делает ненужными все способы защиты. Однако здесь мардиец накануне заметил, как лидиец спустился, чтобы поднять свой шлем, упавший в обрыв. Он обдумывал этот случай. Он попытался взобраться на обрыв; ему помогали другие персы, и их примеру последовало еще большее число людей. Таким образом Сарды были взяты штурмом, а затем преданы разграблению.

Судьба Креза

Теперь мы должны поговорить о судьбе Креза. У него был сын, как я уже рассказывал, который, хотя и был одарен во всех других отношениях, к сожалению, был немым. Крез в

былые дни своей удачи предпринимал все попытки излечить эту болезнь. Среди прочего, он послал запрос в Дельфийское оракулу. Пифийский оракул дал следующий ответ:

Широкоправящий лидийский царь, в своих безумных желаниях

Не проси услышать голос своего ребенка;

Лучше для твоего покоя будет его молчание,

И печальным будет день, когда оно прекратится.

Во время штурма города перс, встретив Креса, по незнанию его личности, собирался убить его. Царь, подавленный своим несчастьем, не пытался уклониться от удара или спастись от смерти; но его немой сын, увидев жестокие намерения перса, охваченный изумлением и ужасом, воскликнул: «О, человек, не убивай Креса!» Это был первый раз, когда он произнес слова, но с тех пор он сохранил способность говорить до конца своих дней.

Таким образом, персы захватили Сарды и взяли в плен Креза, который правил четырнадцать лет, после четырнадцатидневной осады; могущественная империя, в соответствии с предсказанием, которое обмануло его, была тогда разрушена. Персы привели его к Киру, который приказал поместить его в цепях на вершине огромного деревянного костра, окруженного четырнадцатью лидийскими юношами. Он сделал это либо из желания принести в жертву какому-то божеству первые плоды своей победы, в соответствии с обетом, который он дал, либо, возможно, из желания узнать, освободит ли какое-нибудь божество Креза, о благочестии которого он много слышал, от опасности быть пожранным огнем. Когда Крез стоял на костре, несмотря на свое крайнее несчастье, он не забыл слова Солона, которые теперь казались ему божественным вдохновением, что ни один смертный не может считаться счастливым. Говорят, что, вспомнив эти слова, Крез вырвался из глубокой тишины своего страдания и трижды громко произнес имя Солона. Кир, услышав это, пожелал узнать у своих переводчиков, кого он призвал. Они подошли и спросили его, но он продолжал молчать. Наконец, будучи вынужден объясниться, он сказал: «Я назвал человека, с которым я предпочел бы, чтобы все цари общались, чем быть владельцем величайших богатств». Не будучи достаточно понятым, его попросили быть более ясным; на их повторяющиеся и настойчивые вопросы он ответил следующим образом: что к нему когда-то приезжал афинянин Солон, человек, который, увидев все его огромные богатства, отнесся к ним с презрением; чьи слова в тот момент подтвердились в его судьбе — слова, которые он применил не к нему лично, а ко всему человечеству, и особенно к тем, кто считал себя счастливым. Пока Крез говорил, костер был зажжен, и пламя начало подниматься. Кир, узнав о том, что произошло, почувствовал раскаяние за содеянное. Его сердце упрекало его за то, что, будучи сам смертным, он приговорил к жестокой смерти на костре человека, который раньше не уступал ему. Он боялся гнева богов и, размышляя о том, что все человеческие дела нестабильны и неопределенны, приказал немедленно потушить огонь и спасти Креса с его спутниками. Однако, несмотря на все их усилия, им не удалось потушить пламя.

В этой крайней ситуации, как утверждают лидийцы, Крез, узнав об изменении настроения царя в его пользу, увидев суетливые, но, казалось бы, бесполезные попытки толпы потушить пламя, взмолился о помощи Аполлона, умоляя его, если он когда-либо приносил ему приемлемые жертвы, вмешаться и избавить его от надвигающейся опасности. Когда Крез со слезами на глазах воззвал к богу, небо, которое до этого было ясным и спокойным, внезапно потемнело и похмурило, разразилась сильная гроза, и огонь на костре погас. Это событие убедило Кира в том, что Крез был и хорошим человеком, и любимцем Небес: он велел спустить его с костра и обратился к нему со словами: «Крез, что побудило тебя вторгнуться в мои владения и стать моим врагом, а не другом?» «О царь, — ответил Крез, —

это было преобладание твоей удачи и моей неудачи, что подтолкнуло меня к этой попытке. Я напал на твои владения, подталкиваемый и обманутый божеством греков. Ни один человек не может быть настолько увлечен, чтобы не предпочесть спокойствие войне. В мирное время дети хоронят своих родителей; война нарушает порядок природы и заставляет родителей хоронить своих детей. Богам, должно быть, понравилось, что все так сложилось».

Кир немедленно приказал развязать его, поместил рядом с собой и обращался с ним с большим уважением; он вызвал восхищение всех присутствующих. После некоторого молчаливого раздумья Крез заметил, что персы заняты грабежом города. «Следует ли мне, Кир, — сказал он, — продолжать молчать в этой ситуации или высказать то, что на душе?» Кир убедил его говорить без опасений и стеснения. «Чем же, — ответил он, — так увлечено это множество людей?» — «Они грабят твой город, — ответил Кир, — и овладевают твоим богатством». — «Нет, — ответил Крез, — они не грабят *мой* город и не овладевают *моим* богатством; я не имею отношения ни к тому, ни к другому; это ваша собственность, которую они таким образом уничтожают».

Эти слова встревожили Кира; поэтому он попросил присутствующих удалиться и спросил Креза, какие меры он рекомендует принять в сложившейся ситуации. «Боги, — ответил Крез, — сделали меня вашим пленником, и поэтому вы по праву имеете право на плоды моих размышлений. Природа сделала персов гордыми, но бедными. Если вы позволите им без ограничений предаваться этому духу разрушения, благодаря которому они могут разбогатеть, то, вероятно, ваше согласие может таким образом породить дух восстания против вас. Я бы рекомендовал принять следующий способ, если он соответствует вашей мудрости: разместите часть вашей стражи у каждого ворот; пусть их задачей будет останавливать грабителей с их добычей и приказывать им объяснять, что одна десятая часть должна быть посвящена Юпитеру. Таким образом, вы не навлечете на себя их вражду каким-либо кажущимся насилием; они даже без сопротивления согласятся с вашей точкой зрения, под впечатлением того, что вы руководствуетесь благочестивыми мотивами».

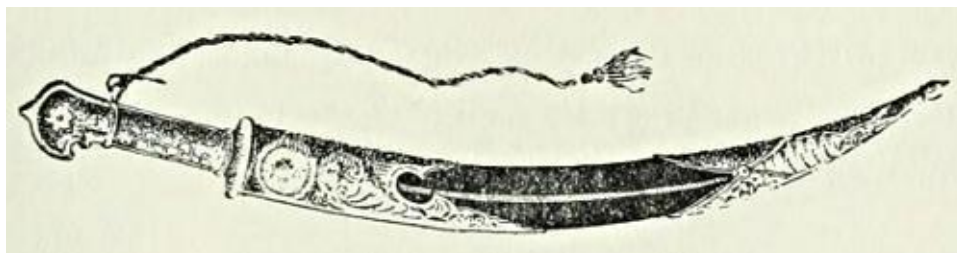
Кир был в восторге от этого совета и немедленно принял его; он разместил стражников так, как рекомендовал Крез, а затем обратился к нему со следующими словами: «Крез, твое поведение и твои слова свидетельствуют о твоём княжеском характере. Поэтому я прошу вас, просите у меня все, что вам угодно, и ваше желание будет немедленно исполнено». — «Господин, — ответил Крез, — вы окажете мне большую услугу, если позволите мне отправить эти оковы богу Греции, которого я почитаю выше всех других богов, и спросить его, является ли его обычаем обманывать тех, кто претендует на его доброту». Когда Кир выразил желание узнать причину этого упрека, Крез искренне объяснил каждое подробность своего поведения, оракулы, которые он получил, и подарки, которые он преподнес, заявив, что только эти вдохновленные сообщения побудили его начать войну с персами. Он закончил свой рассказ, снова прося разрешения отправить и упрекнуть божество, которое обмануло его. Кир улыбнулся: «Я не только разрешу это, — сказал он, — но и все, что ты еще попросишь». Крез отправил в Дельфы нескольких лидийцев, которым было поручено положить его оковы на пороге храма и спросить, не стыдится ли божество того, что своими оракулами побудило Креза начать войну с Персией в надежде свергнуть империю Кира, первым плодом которой стали эти цепи, а также поинтересоваться, не бывают ли боги Греции обычно неблагодарными.

Лидийцы отправились в путь и выполнили поручение; говорят, что они получили следующий ответ от пифийской жрицы: «Что избежать решения судьбы невозможно даже божеству; что Крез лично искупил преступления своего предка в пятом поколении, который, будучи стражником Гераклидов, был соблазнен хитростью женщины, чтобы убить

своего господина, и без малейших претензий унаследовал его достоинства; что Аполлон желал, чтобы это разрушение Сард обрушилось на потомков Креза, но не мог противодействовать решениям судьбы; что он действительно предотвратил их, насколько это было возможно, и, чтобы показать свою пристрастность к Крезу, отсрочил разрушение Сард на три года; что Крез мог быть уверен, что если бы воля судьбы была выполнена в точности, он оказался бы в плену на три года раньше; он также не должен забывать, что, когда ему грозила гибель в огне, Аполлон оказал ему помощь; что в отношении заявления оракула Крез не имел оснований для своих жалоб, поскольку Аполлон заявил, что, если он начнет войну с персами, могущественная империя будет свергнута; и если он хотел понять истинный смысл этого сообщения, ему следовало спросить, имел ли бог в виду его империю или империю Кира; но, не поняв данного ответа и не удосужившись задать второй вопрос, он сам стал причиной своего несчастья: он совершенно не понял последнего ответа оракула, который касался мула; поскольку этот мул был Киром, рожденным от родителей двух разных народов, из которых мать была благородной, а отец — низким; его мать была мидянкой, дочерью Астиага, царя мидян; его отец был персом и данником мидян, который, хотя и был человеком самого низкого сословия, женился на принцессе, которая была его любовницей». Этот ответ Пифийского оракула лидийцы по возвращении передали Кресу. Крес, услышав его, оправдал божество и признал себя виновным. Таков был конец империи Креса, и таково повествование о первом завоевании Ионии.^e

СНОСКИ

[15] История Розамунды, королевы лангобардов, рассказанная г-ном Гиббоном, настолько точно напоминает историю Кандаула, что я не могу удержаться от удовольствия переписать ее: «Королева Италии сошла со своего трона в объятия подданного, и Хельмихис, оруженосец короля, был тайным исполнителем ее желаний и мести. Против предложения об убийстве он больше не мог выдвигать соображения верности или благодарности, но Хельмихис дрожал, когда думал об опасности и вине. Он настаивал и добился, чтобы один из самых храбрых воинов лангобардов присоединился к предприятию, но от галантного Перидея удалось добиться лишь обещания сохранить тайну.—Способ соблазнения, примененный Розамондой, выдает ее бесстыдную бесчувственность как к чести, так и к любви. Она заменила одну из своих служанок, которую любил Перидей, и придумала какое-то оправдание для темноты и тишины, пока не смогла сообщить своему спутнику, что он наслаждался королевой лангобардов и что его собственная смерть или смерть короля будет следствием такого изменнического прелюбодеяния. В этой ситуации он предпочел стать соучастником, а не жертвой Розамунды, чей неустрашимый дух был неспособен к страху или раскаянию». — ПЕРЕВОДЧИК.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ХЕТТЫ

^b ЧАРЛЬЗ У. СУПЕР, из статьи «Десятилетие исследований хеттов» в журнале *American Antiquarian*. Чикаго, 1891. Том XXI.

ФРИЦ ХОММЕЛЬ, *Die Semitischen Völker und Sprachen*.

ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.

^e ЭРНЕСТ БАБЕЛОН, «Руководство по восточной археологии».

^f ПАУЛЬ КАРОЛИДЕС, «Так называемые ассиро-халдеи и хетты Малой Азии».

^g А. Х. СЭЙС, «Памятники хеттов».

^h Анонимное так называемое «Стихотворение Пентавра».

ⁱ Х. К. БРУГШ, «Тезаурус египетских надписей».

^j ПЕРРО и ШИПИЕ, «История искусства в древности».

^k КСАНТ, «Лидия».

ГЛАВА II. СКИФЫ И КИММЕРИЙЦЫ

PAUL KAROLIDES, *op. cit.*

^c ДЖОРДЖ ГРОУТ, «История Греции».

ГЕРОДОТ, *История Геродота* (перевод с греческого Уильяма Белоу).

^e ЭДУАРД МЕЙЕР, указ. соч.

^f ФУКИДИД, «История Пелопоннесской войны» (перевод с греческого Хоббса).

^g СТРАБОН, *Γεωγραφικά*.

ГЛАВА III. НЕКОТОРЫЕ НАРОДЫ СИРИИ, МАЛОЙ АЗИИ И АРМЕНИИ

^b МАКС ДУНКЕР, «История древности».

^c А. СОСИН, статья «Сирия» в *Encyclopædia Britannica*.

^d Священное Писание.

^e СТРАБОН, указ. соч.

^f ГЕРОДОТ, указ. соч.

^g КСАНТ, указ. соч.

^h КСЕНОФОНТ, «Анабасис».

ГЛАВА IV. ЛИДИЙЦЫ

^b ПАВЕЛ КАРОЛИДЕС, указ. соч.

ДЖОРДЖ РАДЕ, «Лидия и греческий мир во времена Мермнадов».

А. Н. SAYCE, из статьи «Lydia» в *Encyclopædia Britannica*.

^e НИКОЛАС ДАМАССКИЙ, в «*Fragmenta Historicorum Græcorum*», фрагмент 4.

^f ДЖ. А. КРАМЕР, «*Описание Малой Азии*».

^g ГЕРОДОТ, указ. соч.

^h ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, «*Естественная история*».

ⁱ СТРАБОН, указ. соч.

^j СТЕФАН ВИЗАНТИЙСКИЙ, *Ethnica*.

^k ДЕМЕТРИЙ ИЗ СКЕПСИСА, Τρωικὸς διάκοσμος.

^l КСАНТ, указ. соч.

^m Х. К. БРУГШ, *Geschichte Ägyptens unter den Pharaonen*.

ⁿ Г. ШЛИМАН, *Илиос*.

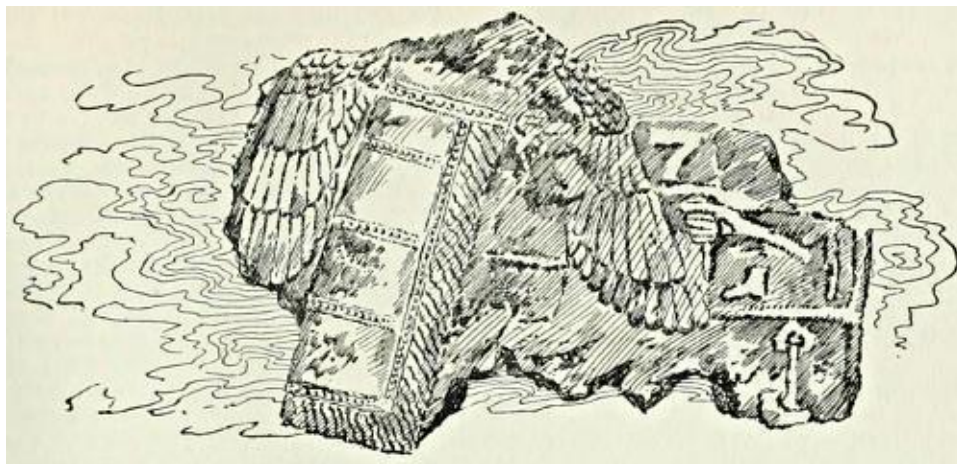
ПРИЛОЖЕНИЕ А. КЛАССИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ

Юстин, «*История мира*» (перевод с латинского Т. Брауна).

^c ПОМПОНИЙ МЕЛА, *Редкие и необычные произведения Помпония Мелы* (перевод с латинского А. Голдинга).

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, *Историческая библиотека* (перевод с греческого Г. Бутом).

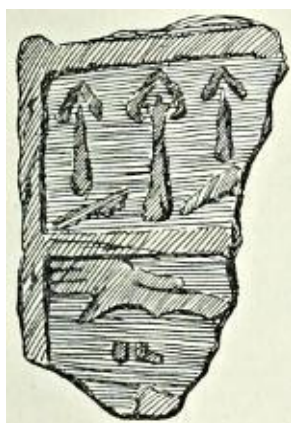
^e ГЕРОДОТ, указ. соч.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ МЕЛКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ АЗИИ НА ОСНОВЕ РАБОТ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ

Народы Малой Азии, занимавшие относительно незначительное положение, естественно, не привлекали внимания историков в той же степени, что их более важные современники.

Хетты, как уже отмечалось, несколько раз упоминаются в еврейских писаниях и прямо упоминаются в египетских записях Рамсеса Великого. Но они исчезли со сцены до появления греческих историков, что в значительной степени объясняет редкие упоминания о них в современности, пока расшифровка египетских и ассирийских записей не привлекла к ним внимание вновь. Сейчас к хеттам проявляется особый интерес, поскольку их собственные памятники показали, что они обладали уникальной формой иероглифической письменности. Профессор Сэйс исследовал это, пожалуй, более полно, чем любой другой ученый, но многие другие вступили в споры о его точном характере — споры, которые пока не привели к какому-либо определенному выводу.

ХЕТТСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ

Из других народов Малой Азии наибольшее внимание историков привлекли лидийцы. Основными известными источниками по истории Лидии были местный историк Ксантипп, чьи труды в основном не дошли до нас, и Геродот, чьи рассказы о лидийских царях, несомненно, несколько приукрашенные, вызвали интерес у всех последующих исследователей. В последнее время специальные работы по лидийцам были написаны Радетом и Шубертом. Многие путешественники оставили нам более или менее ценные записки о Малой Азии, в основном географического и археологического характера. Лучшее общее изложение этой темы можно найти в историях древности Данкера и Эдуарда Мейера. Изложение Данкера более популярно, но в некоторых отношениях не совсем соответствует современным представлениям. Работа Эдуарда Мейера является одновременно научной и философской, но первый том его работы уже давно распродан, а обещанное новое издание еще не вышло. Новые археологические находки вызвали новый интерес к народам Малой Азии, что, вероятно, приведет к появлению гораздо более обширной литературы по этой теме в ближайшем будущем.

Эйнсворт, У. Ф., «Путешествия и исследования в Малой Азии», Лондон, 1842.

Бабелон, Э. Мануэль, *d'archéol. orientale*, Париж, 1888.—**Бэр**, К. Э. фон, Исторические вопросы, 1873.—**Баркли**, Путешествие по Малой Азии и Армении, Лондон, 1891.—**Белк**, В., Вклад в древнюю географию и историю Vorderasiens, Лейпциг, 1901.—**Belgiojoso**, C. di T., *Asie mineure et Syrie: Souvenirs de Voyages*, Париж, 1858.—**Bergmann**, F. H., *Les Amazones dans l'histoire et dans la fable*, Кольмар, 1858.—**Bertacchi**, C., *Малая Азия: Восток и армяне*, Мессина, 1896.—**Биллербек**, А., *Исследование древней истории Западной Азии*, Лейпциг, 1893.—**Броккес**, Ф., *Quer durch Kleinasien*, Гюттерсло, 1900.—**Бруннхофер**, Х., *Vom Pontus bis zum Indus*, Лейпциг, 1890.—**Буковски**, И. фон, *Die geologischen Verhältnisse der Umgebung von Balia Maaden im nordwestl. Kleinasien (Mysien)*, Лейпциг, 1892.—**Буреш**, К., *Из Лидии: эпиграфико-географические путевые заметки* (под ред. О. Риббека), Лейпциг, 1898.—**Бернаби**, Ф., *Верхом через Малую Азию*, Лондон, 1898.

Кэмпбелл, Джон, *Хетты: их надписи, их история*, Торонто, 1890, и Лондон, 1891. — **Кара**, П. Чезаре А. де, *Гли Хетхей-Пеласги*, Рим, 1894. — **Шуази**, А., *L'Asie Mineure et les Turcs en 1875* (в *Revue Archéol.*, nouv. sér., Vol. XXXII, Paris).—**Conder**, C. R., *Heth and Moab*, London, 1885; *The Hittites and their Language*, Edinburgh, 1898.—**Cramer**, J. A., *A Geographical and Historical Description of Asia Minor*, Oxford, 1832, 2 vols.—**Curtius**, E., *Beiträge zur Geschichte und Topographie Kleinasiens*, Berlin, 1872.

Davis, E. J., *Anatolica*, Лондон, 1874.—**Diodorus Siculus**, *The Historical Library*, Лондон, 1700.—**Duncker**, Max, *Geschichte des Alterthums*, Лейпциг, 1855-1877, 6 тт.

Феллоуз, Чарльз, «Отчет об открытиях в Ликии», Лондон, 1841; «Путешествия и исследования в Малой Азии», Лондон, 1852. — **Фраденбург**, Дж. Н., «Древние герои: хетты», Нью-Йорк, 1899. — **Фрепе**, Н., «Исследования по хронологии истории Лидии» (в *Mém. Acad. Inscr.*), Paris, 1725.—**Fressl**, J., *Skythen Saken*, Munich, 1886.

Gelzer, J. H., *Das Zeitalter des Gyges* (в *Rhein. Museum*, Vol. XXXV), 1880.—**Georgiades**, Smyrne et l'Asie Mineure, Paris, 1885.—**Goltz**, C. von der, *Anatolische Ausflüge*, Berlin, 1896.—**Grote**, G., *History of Greece*, Лондон, 1871, 10 томов.—**Guillaume**, E., и **Perrot**, G., *Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie, d'une partie de la Mysie, de la Phrygie, de la Cappadocie, et du Pont*, Париж, 1872.

Halévy, J., *Introduction au déchiffrement des inscriptions pseudo-hittites*, Paris, 1893.—**Hamilton**, W. J., *Researches in Asia Minor*, London, 1842, 2 vols.—**Head**, B. V., *The Coinage of Lydia and Persia*, London, 1874; *Historia Nummorum*, Oxford, 1887.—**Hennig**, R., *Symbolæ ad Asiæ Minoris Reges, Sacerdotes, Ptolemonemque, Ponti reges*, Лейпциг, 1893.—**Herbedey**, R. (в соавторстве с А. **Wilhelm**), *Reisen in Cicilien, durchgeführt 1891-1892* (по заказу k. Acad. d. Wiss.), Вена, 1897; (в соавторстве с Э. **Калинкой**), *Ein Bericht über zwei Reisen im südwestl. Kleinasien*, Вена, 1896.—**Геродот**, *Historiæ*, Страсбург, 1816, 5 томов.—**Хервер**, Д., *Cogitationes philologicæ circa voces Scythicas etc. exhibitæ*, Упсала, 1743.—**Герцог**, Р., *Koische Forschungen und Funde*, Leipsic, 1899.—**Hirschfeld**, G., *Paphlagonische Felsengräber*, Berlin, 1885; *Die Felsenreliefs in Kleinasien und das Volk der Hittiter*, Berlin, 1887.—**Hommel**, F., *Notes on the Hittite Inscriptions* (в *Proc. Soc. of Bibl. Archæol.*, Vol. XXI); *Die semitischen Völker und Sprachen*, Leipsic, 1883.—**Humann**, K. (в соавторстве с О. **Puchstein**), *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien*, Berlin, 1890.

Йенсен, Петер, *Хетты и армяне*, Страсбург, 1898.—**Юстин**, *Historiarum Philippicarum Libri XLIV*, Венеция, 1470. Краткое изложение Трога Помпея.

Кергер, Малая Азия, Берлин, 1892.—**Каролидес**, Павел, Так называемые ассиро-халдеи и хетты Малой Азии, Афины, 1898.—**Киперт**, Х., Специальная карта западной Малой Азии, Берлин, 1890.—**Кречмер**, П., Введение в историю греческого языка, Гёттинген, 1896.

Ланкоронский, К., Города Памфилии и Лидии, Париж, 1890.—**Ланглоа**, С. А., Путешествие по Киликии и горам Тавр, Париж, 1861; Rapport sur l'exploration archéologique de la Cilicie et de la Petite-Arménie, Paris, 1854.—**Lantsheere**, L. de, De la race et de la langue des Hittites, Brussels, 1891.—**Leemans**, С., Grieksche Opschriften uit Klein-Azie, Amsterdam, 1890.—**Lennepe**, H. J. van, Travels in Little Known Parts of Asia Minor, London, 1870, 2 vols.—**Lenormant**, F., Monnaies royales de la Lydie, Paris, 1876; La monnaie dans l'antiquité, Париж, 1863; (в соавторстве с Э. **Бабелом**), Histoire ancienne de l'orient jusqu'aux guerres médiques (9-е издание), Париж, 1881-1888.—**Lindau**, P., An der Westküste Kleinasiens, Берлин, 1899.

Maerkher, C., Das Stromgebiet des untern Kyzyl-Yrmak (Halys), (в Zeitschr. d. Gesellschaft für Erdkunde, Vol. XXXIV, Berlin, 1899).—**Mahaffy**, J. P., The Greek World under Roman Sway, London, 1890.—**Meinhard**, F., Железные дороги в Турецкой Азии (в Deutsche Rundschau für Geogr. und Statistik, т. XXIV, Вена, 1901).—**Мела**, Помпоний, De situ orbis libri III (в Dionysius Alex. et Pomp. Mela sit. orb. desc. 1577); Rare and Singular Works, Лондон, 1590.—**Менан**, Ж., Éléments du syllabaire Hetéen, Paris, 1895.—**Менке**, Lydiaca, Berlin, 1843.—**Мессершмидт**, Л., Bemerkungen zu den hittitischen Inschriften (в Mitteil. d. Vorderasiat. Ges., Berlin, 1898); Corpus Inscriptionum Hetticarum (в Mitteil. d. Vorderasiat. Ges., Берлин, 1901).—**Meyer**, E., Geschichte des Alterthums, Штутгарт, 1884-1902, 5 томов; Geschichte des Königreichs Pontos, Лейпциг, 1879.—**Mitford**, W., History of Greece, Лондон, 1841.—**Mordtmann**, Die Amazonen, Ганновер, 1862.—**Müller**, W. Max, Ein neuer Hetiterkönig (в Mitteil., Berlin, 1896).

Науманн, Э., От Золотого Рога к истокам Евфрата, Мюнхен, 1893.—**Нойманн**, Эллины в Скифии, Берлин, 1855.—**Ньютон**, К. Дж., Путешествия и открытия в Леванте, Лондон, 1865.

Оберхуммер, Р. (в соавторстве с Х. **Циммерером**), «Через Сирию и Малую Азию: путевые заметки и исследования 1896 года», Берлин, 1898.—**Онефальх-Рихтер**, Макс, «Кипр, Библия и Гомер», Берлин, 1893, 2 тома.—**Оппенгейм**, М. фон, Отчет об исследовательской экспедиции в Азиатскую Турцию в 1899 году (в журнале Ges. f. Erdkunde, т. XXXVI); От Средиземного моря до Персидского залива, Берлин, 1899-1900, 2 т.

Паргуар, И., Надписи Малой Азии (в Bull. de corresp. hellénique, т. XXIII, Париж, 1899).—**Пейзер**, Ф. Э., Хеттские надписи, Берлин, 1892.—**Пеппо**, Г. (в соавторстве с С. **Chipiez**), Histoire de l'art dans l'antiquité, Париж, 1882-1898.—**Prokesch**, Osten A. von, Denkwürdigkeiten und Erinnerungen aus dem Orient, Штутгарт, 1836.—**Puchstein**, O., Pseudohethitische Kunst, Берлин, 1890.

Раде, Джордж, Лидия и греческий мир во времена Мермнадов, Париж, 1893.—**Рэмзи**, У. М., Историческая география Малой Азии (в Journ. of Hellenic Studies, Лондон, 1890); Города и епископства во Фригии, Оксфорд, 1895-1897; Фриго-галатские рабы (в Classical Review, Лондон, 1898); Исследование фригийского искусства (в Journal of Hellenic Studies, 1889); Раннехристианские памятники во Фригии, там же; Сиро-каппадокийские памятники в Малой Азии, там же; Древности южной Фригии (в Amer. Journal Arch., т. III-IV).—**Rawlinson**, George, A Manual of Ancient History, Oxford, 1869.—**Reber**, F. von, Die phrygischen Felsendenkmäler (в K. Bayr. Acad. d. Wiss., т. XXI, Munich, 1898); Kunstgeschichte des Altertums, Leipsic, 1871.—**Reinach**, S., Voyage archéologique en Grèce et en Asie mineure, Paris, 1890.—**Ritter**, Kleinasien, Berlin, 1858-1859.—**Rylands**, W. H., Полный сборник хеттских надписей (в W. Wright's The Empire of the Hittites, Лондон, 1884); Хеттские надписи (в Proc. Soc. of Bibl. Archæology, Лондон, 1887, т. IX; 1898, т. XX).

Сен-Мартен, Вивьен де, «Малая Азия», Париж, 1845, 2 тома. — **Сэйс**, А. Х., «Заметки из путешествий по Троаде и Лидии» (в «Журнале эллинских исследований», Лондон, 1880); «Карийский язык и надписи» (в «Трудах Библейско-археологического общества», т. IX); Decipherment of Hittite Inscriptions (в W. Wright's The Empire of the Hittites, Лондон, 1884); The Hittites, or the Story of a Forgotten Empire, Лондон, 1890; Hittite Notes (в Proc. Soc. Bibl. Arch., Vol. XXI, Лондон, 1899).—**Sarre**, Reise in Kleinasien (в Forschungen zur seldjukischen Kunst und Geogr. des Landes, Berlin, 1896).—**Savelsberg**, Beiträge zur Entzifferung der lykischen Sprachdenkmäler, Bonn, 1874.—**Schaffer**, F., Geologische Studien im südöstl. Kleinasien (Kais. Acad. d. Wiss., Vol. CIX, pt. I, Vienna, 1900); Исследования и маршруты в районе Кызыл-Ирмак и Ешит (в Zeitsch. d. Ges. f. Erdkunde., Vol. XXXIV); Современная Киликия (в Anthropol. Ges. Mitteil., Vol. XXXI).—**Шерцер**, К. фон, Смирна, Вена, 1873.—**Шмидт**, М., Новые ликийские исследования, Йена, 1869.—**Шуберт**, Р., История царей Лидии, Бреслау, 1884.—**Зейф**, Путешествия по азиатской Турции, Лейпциг, 1875.—**Себин**, Ф., Исследования о царях Лидии (в Мém. Acad. Inscr., Париж, 1719-1724).—**Скел**, К. А., Путешествие в I веке н. э. с особым упором на Малую Азию, Кембридж, 1901.—**Солтан**, Ф., Объяснение языка народа скифов, Берлин, 1887.—**Stark**, К. В., Из царства Тантала и Креза, Берлин, 1872; Nach dem griechischen Orient, Heidelberg, 1874.—**Sterrett**, J. R. S., The Wolfe Expedition to Asia Minor, Boston, 1888.—**Super**, C. W., A Decade of Hittite Research (in American Antiquarian, Vol. XXI, Chicago, 1899).

Тейлор, Б., Земли сарацин, или Картины Палестины, Малой Азии, Сицилии и Испании, Нью-Йорк, 1881. — **Тексье**, К. Ф., Малая Азия, Париж, 1838, 6 тт. — **Томашек**, В., Die alten Thraker, Übersicht der Stämme: Eine Ethnolog. Untersuchung, Leipsic, 1893.—**Tchihatchef**, Pierre de, l'Asie mineure, description physique, statistique et archéologique de cette contrée, Paris, 1853-1856, 2 vols.

Унгер, Г. Ф., Кяксар и Астиаг, Мюнхен, 1882.

Во, В. С., Греческие города Малой Азии, Лондон, 1877. — **Вольней**, К. Ф., Хронология лидийских царей (в Recherches nouv. d'histoire ancienne, Париж, 1814).

Ward, W. H., The Hamath Inscriptions (в Palestine Explor. Soc., 2nd Ser., 1873); Some Hittite Seals (в Amer. Jour. of Archæol., Princeton, 1894); On Some Hittite Seal Cylinders (в Amer. Orient. Soc. Jour., Нью-Хейвен, 1896).—**Вебер**, Г., Реки Лаодикии: Ликос, Кадмос, Капрос, Элнос и Асопос (в Kais. Dtsch. Archäol. Inst. Mitteil. Athen, Vol. XXIII).—**Wilson**, C., Handbook for Asia Minor, Transcaucasia, Persia, London, 1895.—**Wroth**, W., Catalogue of Greek Coins: Pontus, Paphlagonia, Bithynia, and the Kingdom of Bosphorus, London, 1890; Catalogue of the Greek Coins of Mysia, London, 1892.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Основанная главным образом на следующих источниках

АРРИАН, ГУСТАВ ЛЕ БОН, ЭЖЕН БУРНУФ, МАУНТСТУАРТ
ЭЛФИНСТОУН, А. Х. Л. ХИРЕН, В. В. ХАНТЕР,
СИР В. ДЖОНС, ФЕРДИНАНД ЮСТИ, САЛОМАН
ЛЕФМАН, ДЖЕЙМС МИЛЛ, ВЕДЫ,
Х. Х. УИЛСОН

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

ЧЕЗАРЕ КАНТУ, Х. Т. КОЛБРОК, Т. В. РИС ДЭВИДС, МАКС
ДАНКЕР, ФА-ХИАН И ХВЭН ЦАН, ДЖ. ФЕРГЮСОН,
ХАННО, ГЕРОДОТ, Б. Х. ХОДЖСОН, КРИСТИАН
ЛАССЕН, ПЛИНИЙ ВТОРОЙ, ГЕОРГ ВЕБЕР

COPYRIGHT, 1904,

АВТОР: ХЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

ЧАСТЬ VII. ДРЕВНЯЯ ИНДИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Краткая история Индии	475
Глава I. Страна и народ	482
Глава II. История Индии — легенда и реальность	493
Глава III. Обычаи и традиции древних индусов	508
Глава IV. Брахманизм и буддизм	525
Краткий список источников по главам	549
Общая библиография по истории Индии	550

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИНДИИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

Важное место, которое Индия занимает в новейшей истории, в сочетании с очарованием ее тайн придает этой стране интерес в глазах современных историков, которого она никогда не имела до прошлого века. Так, в самой последней немецкой *Weltgeschichte* истории древней Индии уделено почти столько же места, сколько всей истории древней Греции или Рима. В то же время, для сравнения, можно отметить, что в классической *Weltgeschichte* Шлоссера, написанной полвека назад, истории Индии отведено всего около дюжины страниц. Справедливо можно утверждать, что в каждом из этих случаев отсутствует истинная историческая перспектива, поскольку, хотя было бы абсурдно утверждать, что Индия получает что-то вроде справедливого отношения в сжатом резюме Шлоссера, было бы столь же абсурдно утверждать, что фактическая мироисторическая значимость Индии сопоставима — с европейской точки зрения — со значимостью Греции или Рима. Но, если

отбросить в сторону вопросы точной важности, только что приведенные факты свидетельствуют о растущем осознании важности восточной ветви великого арийского дерева. Они показывают, среди прочего, что западный ум пробуждается от того островного догматизма, на который он поставил себя с такой кажущейся уверенностью.

Это обнадеживающий знак времени, поскольку он предполагает, что приближается час, когда от историка, пытающегося заниматься общей историей, будет требоваться, чтобы он смотрел на мир не глазами узкого европейского партийного деятеля, а с истинным космополитизмом. Когда это будет сделано, станет все более и более очевидным, что великий народ Востока, достигший высшей ступени культуры, развивший необыкновенную литературу и достигший вершин удивительной практической философии по крайней мере за полтысячелетия до начала нашей эры, не должен подвергаться презрению только потому, что его представления о религии и его оценка правильных идеалов практической цивилизации отличаются от наших. К такому проясненному взгляду, очевидно, должна стремиться позиция, занятая историей Индии в только что упомянутом труде.

Однако следует признать, что, каким бы ни был интерес к истории Индии, на пути к ее четкому толкованию стоят почти непреодолимые трудности. Сама страна имеет огромные размеры, занимая около полутора миллионов квадратных миль и являясь местом проживания населения, численность которого оценивается примерно в двести сорок миллионов человек. Это огромное население состоит из множества различных рас, происхождение которых совершенно неясно. Когда речь заходит об истории древней Индии, то, , практически игнорируются все эти коренные расы, и упоминаются лишь вторгшиеся в страну с северо-запада и в конечном итоге ставшие там доминирующими так называемые арии. Насколько сильно эти завоеватели изменились как раса под влиянием контактов с коренными племенами Индии, свидетельствует огромная пропасть, разделяющая современных ариев Индии и ариев Европы.

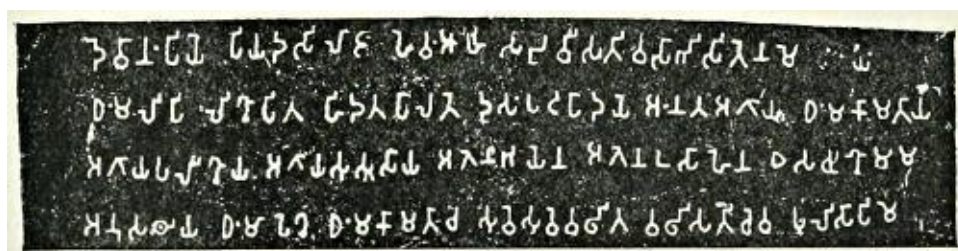
Что касается точного времени арийского вторжения, то все остается неясным. Ничего определенного не известно и об истории завоевания и последующем развитии этой расы в Индии, за исключением тех предположительных сведений, которые можно почерпнуть из изучения Вед. Индия была известна западному миру с очень раннего периода. Мы видели, что ассирийские памятники изображают животных, несомненно индийского происхождения, привезенных в дань двору Салманасара II. Но ни эти, ни какие-либо другие записи западного мира не дают достаточного представления о реальной истории Индии и не дают нам никаких сведений о стране, кроме простого доказательства того, что о ее существовании было известно до относительно позднего периода завоевания Александром. После этого времени Запад и Восток стали поддерживать более тесные контакты.

Селевк, генерал Александра и наследник большей части его азиатских территорий, установил дипломатические отношения с индийским раджей по имени Чандрагупта, который изгнал македонские гарнизоны из Пенджаба и доказал, что он слишком силен, чтобы его можно было покорить. Послом, посланным Селевком ко двору раджи, был Мегасфен. Грек, по-видимому, был очень впечатлен тем, что он увидел в индийской жизни, потому что он написал восторженное описание нравов и обычаев индийского народа. Это описание, по-видимому, широко распространилось в греческом мире и послужило одним из источников для описаний Индии, данных позднее Диодором и Аррианом; но, к сожалению, оригинал не дошел до нас. Его утрата, по крайней мере частично, вероятно, была связана с превосходством работы Арриана. Арриан также опирался на рассказ об Индии, написанный Непархом, генералом, командовавшим флотом Александра.

Несомненно, были и другие писатели времен Александра и непосредственно последующего периода, которые писали об Индии, но если это и так, то их работы, как и

работы Мегасфена и Непарха, были вытеснены знаменитым трудом Арриана, который, как было отмечено профессором Лефманом, на протяжении многих веков считался наиболее авторитетной книгой по этой теме. Арриан, как известно, был также автором наиболее авторитетной биографии Александра Македонского. Не совсем ясно, было ли его *сочинение «Индика»* изначально задумано как отдельное произведение; в любом случае, оно естественным образом выросло из истории Александра. Нет оснований предполагать, что Арриан посещал Индию, но его признанные заслуги как тщательного историка придают его работе высокую степень достоверности, свидетельствуя о лучших знаниях его времени. Однако следует понимать, что эти знания касались почти исключительно нравов и обычаев Индии, практически не проливая свет на ход исторических событий.

Обращаясь к самой Индии, мы обнаруживаем, что из древности до нас дошли почти никакие исторические документы, кроме религиозных книг. Единственным ярким моментом в индийской истории относительно раннего периода является правление царя Ашоки.^[16] Ашока жил примерно в середине III века до н. э. Он был великим завоевателем и, по-видимому, подчинил своей власти большую часть Индии. Его знаменитый эдикт был высечен на скалах и столбах по всей его территории. Эти эдикты в основном касаются практического выполнения обязанностей, предписываемых буддийской верой.

ОБРАЗЕЦ НАДПИСИ АШОКИ: СТОЛБ МАТИЯ

«Было обнаружено семнадцать версий указов Ашоки, — говорит Тейлор. — Они высечены на скалах и столбах по всей Индии, а также есть несколько посвяtitельных надписей на пещерах или высеченных в скалах храмах, построенных им. Есть также шесть надписей на столбах, из которых наиболее известны те, что находятся в Дели и Аллахабаде. На пяти столбах высечены шесть указов, обнародованных в 236 году до н. э., а наскальные надписи содержат более или менее полные копии четырнадцати более ранних указов, датированных 251 годом до н. э. Одна из самых совершенных надписей покрывает поверхность огромного гранитного валуна длиной семьдесят пять футов и высотой двенадцать футов в Гирнар, недалеко от Джунагарха, в Гуджарате. Еще одна копия находится в Дхаули; четвертая, написанная другим алфавитом, — в Капур-ди-гири, на границе с Афганистаном; и пятая — в четыреста милях к юго-востоку, в Халси. Есть также шесть надписей на скалах, содержащих отдельные указы. Неполный фрагмент, на котором, однако, можно прочитать известное имя Ашоки, был привезен из Цейлона.

«Широкий диапазон этих надписей показывает масштабы владычества или верховенства Ашоки. Они найдены от Гуджарата на западном побережье до Ориссы на востоке; на севере до Пешавара, на юге до границы Мадрасского президентства, если не даже на Цейлоне. Они охватывают пятнадцать градусов долготы и двадцать семь градусов широты».^[17]

Помимо своего интереса как исторических документов, эти надписи Ашоки имели огромное значение для понимания литературы Индии, поскольку именно благодаря им индийский алфавит был расшифрован Принцем. «Делийский столб и гранитный валун в Гирнар, — говорит Тейлор, — могут по праву занять свое место в истории эпиграфики наряду с двуязычной надписью на Мальте, Розеттским камнем и скалой Бехистун». К

сожалению, последующие правители Индии не последовали примеру Ашоки, и его надписи являются практически единственными среди эпиграфических памятников Индии.

Очевидно, что классическая литература и монументальные памятники дают лишь краткий обзор реальной истории древней Индии. Из этого следует, что полного знания по этому предмету нет и, возможно, никогда не будет.

2000 г. до н.э. Индийцы — это та ветвь индоевропейской семьи, которая переселилась с запада на плато Ирана, в долину Инда и Пенджаб. Здесь они были первыми из своей семьи, кто достиг более высокой цивилизации, чем их братья. Члены этой ветви называли себя ариями, «благородными» или «правлящими». В своей новой родине () они обнаружили расу чернокожих людей, которых поработили или изгнали.

Единственным свидетельством их ранней жизни является Ригведа, из которой следует, что знание эффективных заклинаний и жертвоприношений богам было в распоряжении определенных семей.

1500 Они медленно продвигаются по отрогам Гималаев в долину Ганга, коренные жители которой были поработаны или изгнаны в Гималаи на севере и Декан на юге.

В борьбе с коренными жителями отдельные племена объединяются в более крупные сообщества; небольшие союзы племен становятся нациями, которые делят между собой земли Ганга; вожди племен превращаются в военачальников, а успешные лидеры становятся главами важных государств. Это заняло значительное количество времени. На западном берегу Джумны жили матсьи; сурасены, которые жили в городах Матхура и Кришнапура, а также впоследствии объединившиеся царства бхарат и панчала на Джумне и Ганге. Ими управляли из Хастинапуры. Дальше на восток и север жили косалы, столица которых была Айодхья; видехи из Митхилы. На Ганге были каси, столица Варанаси (Бенарес), анги в Чампе (Бхагалпур), а к югу от реки было царство магадхов, самое важное на Ганге, со столицей в Раджагрихе.

1400 Это примерное начало династических периодов для большинства царств на Ганге. О царстве Магадха:

Брихадратха считается первым царем.

Его третьим преемником был **Сомани**, первый из династии Бархадратов.

1300 Сомани, первый из династии Бархадратхов.

В этой династии насчитывается около тридцати царей. Последний из них, **Рипунджая**, умирает около 800 г. до н. э. Они правят в Раджагрихе.

1400 **Куру**, очевидно, первый династический царь Бхарат.

Имя королевской семьи переходит к народу, и отныне они известны как Куру.

Куру были первыми, кто установил обширное господство над племенами Верхнего Ганга, и они изгнали на восток племена, которые когда-то были с ними объединены и последовали за ними в долину Джумны, — косалов, ангов, видехов и магадхов.

Именно борьба этих племен против Куру описана в «*Махабхарате*».

Панду, более молодая раса, чем Куру, которая стала заметной среди панчалов, поднимает восстание. У Панду много союзников. Куру исчезают в великой войне незадолго до 1200 года до н. э., и цари Панду вступают на трон Хастинапуры. Они удерживают его в течение тридцати поколений, правя в Хастинапуре.

1200 Вскоре после великой войны **Парикшит** вступает на объединенный трон Куру (Бхарата) — Панду (Панчала). Он правит в Хастинапуре шестьдесят лет и умирает (согласно традиции) от укуса змеи.

Происхождение царства Косала, вероятно, было несколько позднее, чем Магадхи и Бхараты. Народ считал **Ману** своим первым царем и насчитывал сто шестнадцать царей от него до **Прасенаджита** (600-550 гг. до н.э.). Период 1400-1200 гг. до н.э. — это время формирования царств, установления положения знати, подъема кшатриев — касты воинов.

Их организованные царства резко контрастируют с положением тех ариев, которые остались в регионе Инда. Мы ничего не знаем об их судьбах, кроме того, что большинство из них сохранили свою племенную жизнь без царей. «Люди, — говорит Данкер, — не проявляют ни малейшего интереса к сохранению памяти о своих действиях или судьбах».

1200-1000 гг. — это примерно период формирования каст. Ими были:

- (1) Жрецы или брахманы — семьи, которые с древних времен хранили для себя знания о молитвах, обрядах и жертвоприношениях религии.
- (2) Кшатрии — или воины (современные раджпуты), среди которых были правители королевств.
- (3) Вайшьи — или земледельцы.
- (4) Шудры — неарийский рабский класс (дасы Риг-Веды), остатки аборигенных племен.

Эти касты постепенно становятся отдельными и различимыми. Межкастовые браки прекращаются, и каждая каста придерживается своих наследственных занятий. Пока что кшатрии являются наиболее важными, но жрецы постепенно внушают людям идею, что отношения людей с богами превосходят все другие отношения в жизни, тем самым выдвигая себя на первое место.

Королевства на Ганге продолжают существовать, как и в предыдущую эпоху. При царе **Ничахре** столица Пандусов (Бхаратов) переносится из Хастинапуры в Каусамби, расположенный ниже по течению Ганга.

В Пенджабе и на землях Инда среди племен, не имеющих царей, возникло значительное количество княжеств. Есть также некоторые народы, управляемые надзирателями кантонов, главами городов и округов. Среди этих государств наиболее важным является Кашмир. Мы знаем, что около 1000 года до н. э. между Верхним и Нижним Индом велась оживленная торговля. Финикийские корабли привозят домой золото и сандаловое дерево, добытые в Верхнем Индии. Процесс формирования каст в этих регионах не продвинулся далеко, и в настоящее время нет никаких связей между народами Индии и Ганга. 1000-800 Эпоха борьбы за господство между жрецами и дворянами. В конце этой эпохи брахманы были возвышены до первого ранга, и были установлены самые строгие классовые различия в истории, которые действуют и по сей день. Верховенство священства обусловлено новым религиозным мировоззрением, которое оно развило — открытием идеи Брахмы, произошедшим около 1000 года до н. э. Эта идея возникла из таинственного секрета поклонения, духа молитвы и явлений рождения и увядания. За этими явлениями стоит единая душа — душа мира. От этой души они приходят к божеству, причине и основе мира. Это божество — Брахма. Оно изгоняет древних богов. Развивается жесткая система вселенной, в которой самые духовные существа находятся ближе всего к Брахме, а самые материальные — дальше всего. Мы не имеем сведений о

сопротивлении кшатриев этим идеям, но они принимаются народом, и брахманы, как самые духовные из людей, занимают первое место, и вступает в силу вся ужасная система брахманизма, предполагающая возвышение народа к духовности через непрерывное возрождение и сложную систему вознаграждений и наказаний. Хотя они занимают первое место, брахманы не вмешиваются в правящую власть, находящуюся в руках кшатриев. Монархи обладают полной деспотической властью и используются священниками для удержания своей власти. Брахманы устанавливают обычаи семейного права, брака и наследования, прав и обязанностей каст. Новая система не была принята повсеместно. Даже на Ганге некоторые районы сопротивлялись новой системе и придерживались своих древних законов и обычаев. В долине Инда только несколько регионов последовали за развитием.

800 Территория Джумны и Ганга стала «Священной землей».

800-600 Эпоха развития индийской философии. Люди посвящают себя изучению культа и догм в рамках брахманической системы.

800 Династия Прадьюта сменяет Бархадратхов на троне Магадхи.

Правители этого и других царств являются жестокими деспотами, которые сильно угнетают свой народ и взимают с него тяжелые налоги и поборы.

665 Династия Сайсунага сменяет Прадьюту на троне Магадхи.

Первыми двумя царями были **Кшемадхармана** и **Бхаттья**.

603 г. **Бимбисара** наследует трон.

Во время его правления в Магадхе и соседних государствах в соответствии с брахманической системой регулируются вопросы правосудия, морали и религии.

560 г. Рождение принца Сарватасиддхи (Сиддхартхи), сына Суддходаны, царя небольшого княжества Капилавасту.

Он принадлежал к роду Сакьев, который эмигрировал из дельты Инда в землю Косала.

550 год. **Аджатасатру** наследует Бимбисару — как говорят, казнив его.

Прасенаджит, двадцать третий правитель Косалов после великой войны, является их царем и правит в Шравастии, новом городе, построенном к северу от Айодхьи, древней столицы.

Ватса, сын Сатаники, двадцать пятый преемник Парикшита, является царем Бхаратов (Панчала-Панду) в их новой столице Каусамби.

Жизнь этих царей отличается великолепием и роскошью. Их дворцы великолепны, а гаремы многочисленны.

540 По словам Арриана, Кир Великий достигает Инда во время своего похода. Это никогда не было подтверждено, хотя вполне вероятно, что он заставил народы на правом берегу реки платить дань, когда достиг Гедросии (Белуджистан).

532 Отказ от мира Сиддхартхой.

522 Он начинает проповедовать свои учения в Варанаси (Бенарес).

С этого момента он известен как Будда «Просветленный». Он проповедует реформированную доктрину, известную как буддизм. Она указывает путь спасения от ужасных последствий брахманической системы путем подавления желаний. Она заканчивается отрицанием существования — нирваной.

Она не процветает в Индии из-за своей абстрактности и мрачного взгляда на жизнь, а также из-за конкуренции со стороны шиваизма и вишнуизма. Но в измененном виде она процветает в Афганистане, Тибете и Китае.

519 **Удаябхадра** убивает своего отца, Аджатасатру, и наследует его.

512 год. Дарий подчиняет племена на правом берегу Инда к северу от Кабула. В ходе реорганизации Персидской империи территория становится сатрапией и, как говорят, платит самую высокую дань во всей империи. Персидское господство, по-видимому, не оказало глубокого влияния на жизнь ариев, и неясно, продолжалось ли оно до прихода Александра Македонского.

503 **Ануруддхака** убивает своего отца Удаябхадру и наследует его.

495 **Нагадасака** убивает своего отца Ануруддхаку и наследует его.

480 Смерть Будды.

471 Нагадасака свергнут народом, и на его место поставлен **Сисунага**, сын Аджатасатру, бывший вассальный царь Вриджеев.

453 Его сын **Каласока** наследует ему престол. Он покидает столицу Раджагриху и переселяется в новую столицу, которую он построил — Паталипутру (Палиботру Мегасфена) на слиянии рек Сону и Ганга.

После правления Аджатасатру цари Магадхи увеличивают свою власть и владения, и государства к северу и западу от Магадхи постепенно становятся частью этого царства.

450 Династия Панду из Бхараты приходит к концу, в результате чего панчалы и сурасены подчиняются царю Магадхи.

500-400 Завоевания и эмиграции ариев распространяются на Декан и Цейлон.

Жемчуг и кораллы, найденные в этих местностях, дают новый импульс торговле.

425 Каласока умирает, и его преемниками становятся три сына, правившие поочередно.

403 **Нанда**, глава банды разбойников, организует армию, нападает и захватывает Паталипутру, убивает царя **Пинджамакху** и вступает на престол. Он и его потомки сохраняют царство в целости и правят до 340 года, когда **Дасасиддхика** убит любовником своей жены, Индрадаттой, который сажает на престол своего сына **Дханананду**. Этот царь является **Ксандрамесом** или **Аграмесом** греческих писателей, а его царство называется царством прасийцев (прачйев или гангаридов). Говорят, что он приобрел огромное богатство и содержал огромную армию.

Власть Магадхи достигает своего апогея.

327 Александр Македонский начинает завоевание ариев на правом берегу Инда. Он захватывает Пушкалу после тридцатидневной осады и побеждает гандаров.

После упорного сопротивления асваки (ассаканы, аспасианы или гиппасианы у греков) подчиняются в течение зимы.

326 В начале года Александр готовится пересечь Инд. **Мофис**, правитель Такахасила (греческий Таксилес), сдается без сопротивления. Король Кашмира посылает своего брата объявить о подчинении, а несколько мелких князей приезжают лично, чтобы выразить свою покорность.

Александр продвигается к реке Витаста (Гидасп, современная Джелам) и встречает армию **царя Пора**, чья территория простирается до Асикни. Пору обещана помощь царя Кашмира, несмотря на то, что последний подчинился македонцу. До того, как эта

помощь прибывает, Александр побеждает Пора, но восстанавливает его на троне и увеличивает его власть, присвоив ему часть завоеванных территорий. Теперь король Кашмира лично приезжает, чтобы выразить свою преданность. Асваки восстают, а кхатти, при поддержке кшудрак и малавов, оказывают упорное сопротивление, но все они подчиняются. Другие князья подчиняются. Агаласцы терпят тяжелое поражение.

325 Александр плывет по Асикни к Инд. Племена Пенджаба и Инда легко покоряются.

Княжества на нижнем течении Инда захватываются без труда. Александр укрепляет завоеванные территории и учреждает сатрапии. В августе он возвращается в Персию с восемьюдесятью тысячами человек. В сентябре Неарх отправляется в Персию с флотом. После отъезда Александра сатрап Пенджаба **Филипп** убит мятежными наемниками. **Эвдем** и **Мофис** из Такшисалы назначаются временными сатрапами.

323 11 июня, смерть Александра.

321 год. Антипатр назначает **Пейтона** сатрапом Верхней Индии, а **Пора** — Нижнего Инда. Убийство Пора Эвдемом.

320 Это преступление побуждает **Чандра Гупту** (Сандрокотта), человека скромного происхождения, вероятно уроженца Пенджаба, поднять своих соотечественников против греков. Они стекаются под его знамя.

317 Чандра Гупта изгоняет сатрапов из земель Инда. Он продолжает наступление на царство Магадха.

315 Завоевание Магадхи Чандра Гуптой. Вероятно, убит Дханананда.

312 Он вступает на престол Магадхи. Начало династии Маурьев.

305 Селевк пытается восстановить греческое господство в Пенджабе и долине Инда. Он сталкивается с армией Чандра Гупты, вынужден заключить невыгодный договор и союз с ним.

300 Под влиянием буддизма в брахманическую систему внесены изменения. Вишну (хранитель) и Шива (разрушитель) образуют трилогию с Брахмой (творцом). Появляется освобождение от регенерации.

291 Смерть Чандра Гупты. Его преемником становится сын **Виндусара**. Он сохраняет королевство. Мегасфен является послом Селевка при дворе Магадхи.

263 **Ашока**, «буддийский Константин», сын Виндусары, наследует трон Магадхи.

256-254 Договор с Антиохом Теосом. Ашока, бывший жестоким человеком, обращается в буддизм. Строит монастыри и многие великолепные сооружения для новой веры. Привлекает буддийских священников к участию в управлении государством. Благодаря тому, что буддизм исповедуют король и его семья, он быстро распространяется по всей Индии.

Цейлон под властью **короля Деванамприя-Тишьи** (245-205) также принимает буддизм.

Королевство Магадха распространяется на Сураштру (Гуджарат), Ориссу, Калингу и на юг за Годавари.

Начинается монументальная история Индии.

226 **Субхагасена** наследует своего отца, Ашоку. Во время его правления или правления его отца были возведены колонны в Бхархуте, Санчи и Будда-Гае.

180 Евкратид, царь Бактрии, завоевывает Индус до Паталы.

ГРЕКО-БАКТРИЙСКОЕ ПРЕВОСХОДСТВО В РЕГИОНЕ ИНДА

178 Падение династии Маурьев.

На престол вступают Сунги.

Два царя, **Пуспамитра** и **Агнимитра**, правят тридцать лет.

148 На смену приходит династия Гуптов.

125 Татарское племя Су изгоняет греков из Бактрии, а греко-бактрийские поселения в Пенджабе разрушаются Туэ-Чи.

Масштабы вторжения скифов оцениваются по-разному. Некоторые ученые считают, что они практически вытеснили прежнее население Индии, и, по-видимому, нет сомнений в том, что наиболее многочисленная часть населения Пенджаба имеет скифское происхождение. В любом случае, скифы играют важную роль в последующей истории северной Индии и являются посредниками в проникновении буддизма в Центральную и Восточную Азию.

57 Начало эры, основанной в честь царя Викрамадитьи. Это имя носили несколько царей в истории Индии, все они прославились борьбой со скифами, что вызвало большую путаницу.

2-78 гг. н. э. К этому времени скифы создали империю, которой правит семья Канишки.

78 **Саливахана**, царь южной Индии, предположительно остановил продвижение скифов на юг. После этого судьба завоевателей претерпевает многочисленные неудачи. С этого момента и до времени мусульманского завоевания наши знания об индийской истории весьма неполны. Но среди противников скифов можно выделить следующих:

60-235 Цари Сах (или Ксатрапа), жившие к северо-западу от Бомбея.

319-470 Цари Гупты из Удха и северо-западных провинций.

480-722 Цари Валабхи в Катче, северо-западных районах Бомбея и Малве.

510-560 В этот период произошла великая битва при Коруре, в которой царь Викрамадитья из Удджайна в Малве уничтожил скифскую армию.

636 Первое появление мусульман в Индии.

Осман отправляет морскую экспедицию к побережью Бомбея.

712 Касим вторгается в Синд и устанавливает свою власть в долине Инда.

722 Захватчики свергают династию Валабхи.

828 Индусы изгоняют мусульман и вновь захватывают Синд.

977-1176 Эпоха мусульманских вторжений.

Часть Пенджаба присоединяется к империи сарацин.

1199 г. Завоевание Бехара мусульманами.

1203 г. Завоевание мусульманами Нижней Бенгалии.

1295-1315 Завоевание южной Индии.

1398 г. Татарское вторжение Тимура (Тамерлана).

1482 Вступление на престол **Бабара**. (Династия Великих Моголов.)

1556 Восхождение на престол **Акбара Великого**. Основание мусульманской империи в Индии.

СНОСКИ

[16] Это слово пишется с различными изменениями второй буквы, которая обычно произносится как s в слове sure.

[17] Айзек Тейлор: *История алфавита*.

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

Индия, как и Китай и Египет, считается страной загадочной и недоступной. Как и они, она имела самодостаточную цивилизацию, которая, по-видимому, не стремилась выйти за ее пределы в большой мир. Конечно, Индия не была так полностью закрыта от внешнего мира, как Китай, поскольку финикийцы уже в древности были привлечены ее легендарными сокровищами и посещали ее в коммерческих целях, а традиция гласит, что, по крайней мере один раз, ассирийские войска вторглись в ее пределы с менее мирной миссией. Но, тем не менее, участие самих индийцев в таких контактах было в основном пассивным. В отличие от древних египтян, они принимали иностранных торговцев и отбивали иностранных захватчиков, но сами, как и раньше, не проявляли склонности к расширению своих границ. Даже египтяне имели периоды завоеваний, когда они проникали в Азию, по крайней мере, до Тигра, но если индусы когда-либо поддавались подобному импульсу, то об этом не сохранилось никаких записей. Тем не менее, их влияние на народы, которые торговали с ними, должно было быть значительным, и поэтому они занимают более важное место в истории древности, чем Китай. Однако даже в этом случае их место является второстепенным по сравнению с Египтом и Вавилонией. Даже если бы оно было более значительным, источники, на основании которых можно было бы восстановить их историю, скудны, и мы вынуждены довольствоваться в лучшем случае лишь фрагментарным описанием.

Есть еще одна точка зрения, с которой индусы представляют интерес, превосходящий даже самые важные из древних народов, которые мы изучали до сих пор. Ведь с ними мы впервые сталкиваемся с великой арийской расой. До сих пор мы прослеживали историю хамитской, семитской и туранской рас, но теперь, с арийской расой, мы вступаем в то, что можно считать прямым каналом европейской истории, поскольку практически вся последующая история связана с этой расой.

Обращаясь к индусам, самой восточной ветви великой индогерманской или арийской расы, мы обнаруживаем, как и следовало ожидать, ту же полную неясность в отношении происхождения, которая, как мы видели, охватывает все вопросы о расовых истоках в других местах. Однако, возможно, оправдано считать, что в случае индусов надежные традиции уносят нас на один этап дальше, чем, например, в случае таких рас, как египтяне и китайцы. Ведь общепризнанным историческим фактом является то, что арийская раса,

которая очень рано, по крайней мере в 1000 году до нашей эры, стала абсолютно доминирующей силой практически на всей обширной территории Индии, вторглась на эту территорию с северо-запада; короче говоря, пришла из того центральноазиатского центра распространения, о котором мы только что говорили как о давно признанной традиционной колыбели арийских рас. Была ли эта миграция в еще более ранний период связана с более отдаленными землями, включая в конечном итоге атлантические границы Европы, остается совершенно проблематичным, но то, что непосредственным источником вторжения была Центральная Азия, не вызывает сомнений.

Начало этого вторжения, в ходе которого арийские народы Центральной Азии вторглись в северо-западные регионы земли, которую мы сейчас называем Индией, датируется неопределенно установленным периодом, который вряд ли может быть более поздним, чем 2000 год до нашей эры. С этого момента захватчики распространялись все дальше и дальше за пределы Ганга, занимая великие плодородные равнины Центральной Индии и, в конечном итоге, плато Декан, вытесняя коренных жителей в отдаленные уголки страны, пока те не оказались почти полностью истреблены. Однако это истребление коренного или неарийского населения Индии было лишь относительным, поскольку даже сейчас в Индии проживают многие миллионы их потомков; но захватчики стали настолько доминирующими и настолько превосходили по численности, что коренные жители практически не учитываются при рассмотрении истории Индии.

Точные детали ранней истории ариев в Индии совершенно неизвестны. Насколько история этого периода может быть восстановлена, материалы для нее, как и в случае с ранней историей почти всех других народов, поставляются исключительно традициями, которые в конечном итоге, и то в очень ранние времена, были вплетены в систему теологии. Здесь, как и в других местах, те сказки и мифы о божественных героях и героях-богах, которые балзамировали дух многих поколений, в конечном итоге, когда они были собраны в книги, стали восприниматься как божественное откровение, данное одному из ранних пророков. Здесь, как и среди нескольких других народов, была также создана великая система национальной эпической поэзии. Части этой поэзии сохранились до наших дней под названиями «*Махабхарата*» и «*Рамаяна*» и, как это всегда бывает с великими национальными эпосами, являются важными источниками истории, если их правильно интерпретировать.

Великие религиозные книги носили название Веды, и на относительно позднем этапе национального развития, но, возможно, уже в 800 или 900 году до нашей эры, они были собраны в документ, который стал известен как Кодекс Ману, Ману — имя, которое в этнологическом смысле означало первого человека, а кодекс, конечно, был предполагаемым божественным откровением, переданным этому первому человеку. Этот кодекс в его различных разделах является основным источником, на который должны опираться историки при интерпретации ранней истории Индии. В то время, когда был написан этот кодекс, общество Индии уже достигло относительно высокого уровня цивилизации; в частности, священники прочно укрепили свое влияние на национальную жизнь, и странная система каст, которая является столь типичной чертой индийской жизни, прочно устоялась.

Спустя несколько веков власть брахманов на время оказалась под угрозой из-за появления нового пророка и философского учителя в лице принца Будды. Этот реформатор жил примерно в VI веке до нашей эры. Он был королевской крови, но в раннем возрасте отказался от привилегий своего происхождения и стал странствующим философом. Его цель была по сути той же, что и у другого арийца по имени Сократ, жившего в далекой Греции немного позднее. Он стремился привить людям уроки правильной жизни, практической

морали. Он заявлял, что религия как таковая его мало интересует, но вскоре после его смерти его учение послужило основой для новой религиозной системы, которая быстро распространилась под влиянием преследований и вела долгую и ожесточенную войну с устоявшимися верованиями брахманизма.

Что касается самой Индии, то это религиозное восстание не привело к революции, поскольку устоявшаяся религия брахманизма осталась в силе, изгнав потенциального узурпатора. Но учения Будды, отвергнутые на родине, быстро распространились на восток, в Тибет, Китай, и сегодня приняты как единственно истинная вера десятками миллионов людей — значительной частью всего населения Земли: возможно, столь же многочисленной, сколько и последователи любой другой религиозной веры.

Что касается политической истории Индии в более узком смысле, то о ней можно сказать сравнительно немного, поскольку эта история тесно связана с развитием и борьбой религиозных доктрин. Земля была рано разделена на небольшие княжества, управляемые мелкими правителями, которые сами были в той или иной степени подчинены духовенству. Конечно, были времена, когда одно или другое из этих княжеств расширялось благодаря усилиям необычного правителя, и, как мы увидим, были периоды и места, где памятники власти князей и священников остались в виде необыкновенных храмов и гротов уникального дизайна и исполнения. Но помимо факта постепенного распространения арийской цивилизации с северо-запада на юг и восток, пока она постепенно не охватила весь Индийский полуостров, и факта дальнейшего роста брахманизма со всеми вытекающими отсюда последствиями, пока он не стал доминировать над всей расой, в эволюции народа древней Индии нет ни одного основного течения, которое современный историк мог бы проследить столь же четко, как, например, он может проследить смену доминирующих династий в Египте или в Ассирии-Вавилонии. а

ЗЕМЛЯ

На южной границе того центрального нагорья, которое, как «высокий твердый скалистый остров в бурном море», образует центр азиатского континента, возвышаются Гималаи, самый высокий горный хребет на земле, состоящий из параллельных цепей, разорванных дикими безднами. Безграничные поля снега и льда, на которые не может повлиять даже сила тропического солнца, и белые вершины гор, сияющие блеском, окружают Химават, «короля скал», как его называют в индийском эпосе, где «ничто не цветет, ни одна травинка не прорастает, ни одна птица не парит в воздухе, где не шевелится ни одно живое существо, кроме ветра». Мертвая тишина ледяной природы царит повсюду, ни одно растение, ни один мох не произрастает на крутых заснеженных склонах. Растительность начинается только на третьем горном хребте и, впервые появляясь в виде дубов, берез и сосен, а также в виде скудных посевов кукурузы, вскоре показывает всю свою мощь в виде могучих деревьев нижней лесной зоны, которая затем переходит в высокогорье на западе и в богатую водой равнину на востоке, где в высокой как деревья джунглях непроходимого первобытного леса в изобилии водятся тигры, слоны и огромные змеи, а в стоячих водах и болотах гниют растения, и «воздух наполнен зловонным заразой». «Эта горная стена, — говорит Данкер, — которая простирается примерно на 1750 миль с запада на восток, определяет природу и жизнь страны, которая простирается к югу от нее, как полуостров Италия от европейских Альп», и придает ей характер «континента, изолированного географически, климатически и исторически».

Горы Гималаев защищают высокогорье и равнины от суровых северных ветров, которые дуют холодными и разрушительными над высокогорьем Центральной Азии; но они также сдерживают дождевые облака, накопленную влагу океана, которую муссоны приносят сюда

с южного моря. Таким образом, эти облака вынуждены выливать свои запасы воды на равнины у подножия Гималаев, «превращая солнечное тепло в прохладу, а иссушенную растительность в пышную зелень». Отсюда возникает разнообразие климата и растительности, которое всегда делало Индию самой благословенной частью земли, фруктовым садом мира.

Форму Индии можно сравнить с двумя треугольниками, которые, совпадая по основанию, простираются двумя вершинами к противоположным точкам компаса, на север и на юг. Северный треугольник, стороны которого пересекаются высокими горными цепями, а широкие низменности и равнины простираются по середине, является собственно Индостаном. Через него протекают самые могучие реки страны: Инд на западе, Брахмапутра на востоке и Ганг в середине, которые, вырываясь из ледяных полей Гималаев, следуют своим извилистым путям к Индийскому океану и Бенгальскому заливу.

Южный треугольник, стороны которого состоят из плоского побережья, а середина — из широких плато и горных цепей, образован Деканом, средним из трех великих полуостровов, простирающихся от материковой части Азии на юг.

Хиндустан состоит из двух речных долин Инда и Ганга, которые совершенно различны по своему характеру и истории. Обе реки берут свое начало в северных горах, в окрестностях священных озер, где Кайласа, гора богов, возвышается до неизмеримой высоты, в том же районе, где берут свое начало три других великих реки Индии: Сутледж, Брахмапутра и Джумна.

Инд сначала поворачивает на запад, затем, недалеко от знаменитой долины Кашмира, принимает южное направление и, увеличившись за счет Джелума, Сутледжа и трех других притоков, течет через Пенджаб («Земля пяти рек») в Индийский океан.

Ганг, напротив, который вместе со своим притоком Джумной течет на юг, скоро достигает индийских равнин, но, сдерживаемый в своем течении изрезанными горами Виндхья, поворачивает на восток и, пополнившись многими притоками с севера и юга, изливает свои плодородные воды на низкие берега, производя ту роскошную растительность, которая проявляется как в могучих деревьях с их тенистыми ветвями и верхушками, так и в богатстве великолепных продуктов и тропической флоры.

Однако эта плодородность сочетается с изнурительной душной атмосферой и гнилостным воздухом, возникающим из-за жары и влажности климата, что имеет самые катастрофические последствия в аллювиальном районе Бенгалии, где воды Брахмапутры в своем южном течении приближаются к широкому потоку Ганга.

«Район выше дельты, — говорит Лассен, — где еще неразделенный Ганг настолько широк, что от берега до берега почти не видно, — это богатая и плодородная страна, но с изнурительным и душным климатом. В самой дельте проявляется еще более пышная сила производства. Земля дает такие мощные, непроходимые заросли деревьев и вьющихся растений, что человек, неспособный с ними бороться, вынужден отдать их в жилище диким зверям, а тигру — в владение».

Инд сначала течет в западном направлении по большому скалистому ущелью, которое проходит на глубине десяти тысяч футов между параллельными горными цепями Каракорума (Муз-Таг) и Гималаев. Прорвавшись через горы Гиндукуш в узком русле, он течет в южном направлении от точки, где, недалеко от города Атток, к западу от цветущей долины Кашмира, его воды пополняются рекой Кабул.

Долина Кашмира, ширина которой от снежного поля до снежного поля составляет всего десять-двенадцать миль, когда-то пользовалась большой славой как место первоначального

рая человеческого рода. И хотя более точные исследования лишили его большей части его поэтического очарования, он, тем не менее, благодаря плодородию своей почвы (), прекрасному климату и красоте горных пейзажей, может считаться одним из самых благословенных мест на земле. Он образует изолированный мир сам по себе, удачно расположен для торговли с севером и западом и в древнейшие времена был одним из главных центров индийской культуры. В горах Кашмира берет начало Джелам (Гидасп) [древний Витаста], одна из тех четырех знаменитых рек, которые вместе с Инд дали стране название Пенджаб (или Земля пяти рек). Самая восточная река — Сутледж, называемая в своем нижнем течении Гарра, а греками — Гифасис.

После того как Инд принимает эти реки, его долина ограничена на западе горными цепями Персии, а на востоке — широкой безводной степью, которая простирается от предгорий Гималаев до моря и дает лишь скудное пропитание стадам буйволов, ослов и верблюдов. Вблизи устья реки наводнения, густой рост камыша и тростника, а также нехватка пресной воды препятствуют более интенсивному земледелию и более плотному заселению.

К западу от верхнего течения Инда лежат богатые и красивые горные земли Афганистана, пересеченные ветвями гор Гиндукуш, и с древнейших времен являющиеся великим караванным путем — «длинными воротами между Ираном и Индией, через которые проходили для обмена как продукты земли, так и продукты духа». На юге Афганистана западная граница Индии образована несколькими горными цепями, возвышающимися над низкими узкими берегами Инда; сначала цепью Сулайман с «троном Соломона» высотой 11 317 футов, множеством узких перевалов и голых вершин, а затем горами Брахуи с южной ветвью, простирающейся до моря и укрывающей в своих бездорожных, уединенных долинах черную расу со странной внешностью и языком. На западе эти горы пересекают плато Келат, узкие скалистые ущелья которого являются единственным проходом для путешественника, желающего попасть из центральной долины Инда в Персию. Восточная сторона гор до берега Инда, Севестан и Каха Гардара с их великолепными финиковыми пальмами по-прежнему считаются индийской территорией.

Южный треугольник, Декан, тропическое плато, сильно отличается от Индостана, который, за исключением горных районов на юге Гималаев и на севере Виндхьев, в основном охватывает равнины в двух речных долинах Инда и Ганга.

От пояса гор Виндхья, которые лежат как великий бастион перед Деканом, смелая изрезанная цепь Аравали, богатая мифами, ответвляется на северо-запад, в то время как Гхаты простираются вдоль западного побережья, оставляя только узкую полосу земли с небольшими реками, текущими на запад. Плоскогорье постепенно понижается к востоку, образуя богатую, хорошо орошаемую, омываемую морем долину у Бенгальского залива, в которую впадает большинство рек, таких как Маханади, Годавари, Кришна [Кистна], Кавери и др. Только две реки Виндхья, Нарбада и Тапти, текут на запад.

Как говорит Лассен: «Декан можно описать как полосу побережья на западе, еще одну на востоке и в середине среди Гатов, горную местность, разделённую ручьями на несколько небольших районов». Высокогорье в центре, пересеченное множеством речных долин и диких ущелий, «в целом не имеет большой высоты, но все же находится полностью в более прохладном горном районе и удалено от знойной жары низменностей; только на самом юге оно достаточно высокое для образования снега».

Таким образом, полуостров представляет собой чрезвычайно разнообразный природный ландшафт, « » «величественное чередование пустынных песков и богатых аллювиальных отложений, голых горных склонов и густо заросших лесом болотистых низменностей, узких

ущелий и открытых русел рек; и все же ему не хватает многочисленных заливов моря с их судоходными реками, которые сделали Западную Европу такой густонаселенной страной».

Горы Виндхья, хотя и невысокие, образовали широкий барьер между Индостаном и Деканом, а их непроходимая пересеченность, густые леса и дикие звери обеспечивали аборигенам безопасное убежище от северных завоевателей. И таким образом, даже в период расцвета брахманизма, непокоренные народы сохраняли свою независимость в этих непроходимых ущельях и диких лесах центральной части страны и не отказывались от своего языка, дикой природы и грубого религиозного культа с его человеческими жертвоприношениями ради упорядоченной жизни, оседлого образа жизни и мягкой брахманической религии арийских индусов.

Чередование высокогорья и долин, приятное сочетание горного воздуха и тропической жары, бодрящее влияние влаги, которую близость моря, бесчисленные ручьи и регулярно повторяющиеся дожди сезона муссонов распространяют по всей земле, создали богатство растительности, плодородие почвы и ту полноту и разнообразие всех видов природных продуктов, которые еще в древности привели к тому, что Индия была прославлена как земля счастья и благословения, сделали ее целью мировой торговли, но в то же время пробудили алчность завоевателей.

В то время как снежные долины и горные районы Гималаев с их умеренным климатом производят растения и зерновые, фрукты и лесные деревья, соответствующие южноевропейским видам, на равнинах Джумны и Ганга растительность тропического климата растет наряду с растительностью умеренных зон. Наряду с кукурузой, бобовыми и фруктами в самом роскошном изобилии здесь растут рис и хлопок, сахар и индиго, а также чудесная южная флора с удивительным богатством цветов; а в районах Декана, где, как и на побережье Малабара, муссоны и горные ручьи приносят обильную влагу, благородные продукты Индии созревают до тройного урожая.

Здесь в редком изобилии процветают самые разнообразные тропические растения, здесь благодаря трудолюбию можно получить три урожая риса, здесь растут сахарный тростник и перец, бананы и манго; здесь возвышаются величественные леса индийского дуба, называемого тиком, драгоценного сандалового дерева, пальм и фиговых деревьев с их прохладными тенистыми аллеями; это родина бетеля и мускатного ореха; здесь земля благоухает специями и сладкими ароматами; здесь цветет разноцветная водяная лилия, священное растение лотос, в семенах которого видна форма будущего растения, поэтому для индийцев оно было символом эволюции мира от его первоначального зародыша.

Ручьи несут золотой песок, в горах находятся алмазные прииски, драгоценные камни и кристаллы величайшего блеска, моря дают жемчуг для украшения храмов и ювелирных изделий. Многочисленная фауна, в частности коровы, лошади и слоны, имеет самые разнообразные отношения с человеком и поэтому также занимает важное место в религиозных представлениях индусов; козы Гималаев дают тонкую шерсть для кашемировых шалей, мускусные олени дают духи, шелкопряды прядут благородную нить для самых дорогих тканей; а большие собаки некоторых западных штатов были обучены индейцами и персами для охоты и войны. Яркие оперенные птицы (попугаи), которые даже учат языку человека, павлины с их широкими хвостами темно-синего и изумрудного цвета, а также бесчисленное семейство обезьян вызывали восхищение древних греков, от Геродота и Ктесия до авторов александрийского периода [Мегасфен]. Индия всегда была страной чудес, где воображение установило свое царство, где легенды и поэзия любили задерживаться.^b

Таков же театр истории Индии. Что же касается странных народов, которые жили там, почти не изменившись со временем? Этнология индийцев была предметом ожесточенных и длительных споров.

РАННИЕ НАРОДЫ ИНДИИ

Население Индии составляет около четверти населения земного шара и состоит из различных рас. В Виндхьях племена мунда до сих пор в значительной степени сохранили свой первоначальный образ жизни и не знают, как использовать металл. Они, по-видимому, являются коренными жителями, родственными другим цветным народам Южной Азии, и, судя по всему, были изгнаны с равнин в горы народами, иммигрировавшими в более поздний период. Их религия — фетишизм. Их одежда ограничивается тем, что абсолютно необходимо.

К ним относятся колы, населяющие высокогорье Чота-Нагпур в южной части Бехара, к северо-западу от Калькутты: они делятся на различные группы, санталы, колы из Синбума или ларка-колы, колы из Бхумиджа и мунда-колы к югу от Ранчи в Колхане и другие; родственный народ кхамти живет на границах дальней Индии: рамуси, которые живут между Пуной и Колапуром, и варали, к юго-востоку от Дамауна (между Бомбеем и Суратом), говорят на санскритском языке маратхов; бхилы живут в лесах на Тапти и Нербудде и в Гуджарате, но также приняли цивилизацию вместе с арийским языком. Майры в холмах Аравали к юго-западу от Аджимира и мина в окрестностях Джумны также являются племенами мунда.

Декан населен в основном дравидами, языки которых полностью отличаются от языков мунда и санскрита. Как и мунды, они имеют темную кожу, но, за исключением нескольких горных народов, они цивилизованны и обладают обширными письменными памятниками. К ним относятся тамилы в самой южной части Декана, простирающейся от Паликата (к северу от Мадраса) до мыса Коморин и к востоку от линии, проведенной от Бангалора через Коимбатур до того же мыса. Телинга или телугу (санскрит, андхра) населяют страну между Паликатом и Ориссой и граничат на северо-западе со страной маратхов. Надписи рассказывают нам о царях Андхры I века до н. э. Телугу названия многих городов на восточном побережье показывают, что этот народ когда-то проживал на территории, которая простиралась гораздо дальше на север и даже до Бенгалии. Как и тамилы, они имеют как народный, так и литературный язык. Тулу в окрестностях Мангалора ранее также простиралась до побережья, где сейчас проживают малабары; последние в ранний период приняли христианство из Персии и писали на своем языке сирийскими буквами, называемыми каршуниш.

К северу от них проживают канары, населяющие побережье и внутренние районы в направлении Майсура, где они соседствуют с нецивилизованными горными народами кота, бадага и кодуга (коорг). Тогда в Нилгири к северу от Коимбатура представляют собой не смешанный тип расы; они выше ростом, чем другие народы, и практикуют полиандрию. Их религия состоит в страхе перед духами, злобность которых противостоит магия; главная функция деревенского жреца — доение коров. Ураон-колы и раджмахал-колы из нижней части Ганга до Гондвана также имеют дравидийское происхождение. Они являются изгоями социальной системы; гонды говорят на хинди, а ко т на санскрите. Они поклоняются двум богам, от которых исходит добро и зло в творении.

Другими дравидийскими народами являются ку или кандхи в горах Ориссы и, наконец, брахуи в горах Белуджистана, к югу от Келата в восточном Иране — эфиопы греков. Их присутствие на этой отдаленной территории свидетельствует о широком распространении

этой расы в древние времена, и, возможно, они мигрировали из высокогорных районов Азии.

Еще одна национальность представлена коренными жителями Цейлона (на санскрите называемого Сингхаладжива, или Остров сингалов), ваддами, *то есть* охотниками, к востоку от Махаваллиганги, которые до сих пор сохранились от смешения с иностранной кровью; этнологически они похожи на древние дравидийские народы, но их язык, элу, является совершенно своеобразным.

Предполагается, что около 2000 года с северо-запада началась иммиграция арийских (индоевропейских) племен. В какой-то неопределенный период эти арийцы образовали один народ с иранцами, и их язык, санскрит, тесно связан с иранским. Около 1500 года до нашей эры они распространились по территории Инда, но только через пятьсот лет они начали завоевывать равнину Ганга, и тяжелые борьбы, которые им пришлось вести против населения, отражены в эпосе, а также в бесчисленных легендах; поскольку в силу своеобразной любви к фантастическому и благодаря усердию брахманских жрецов арийские индийцы окутали свою древнюю историю облаком мифов и буквально наслаждались построением хронологических систем, охватывающих неизмеримые периоды времени.

Во время путешествия Офира, когда Соломон послал в Индию за слоновой костью, обезьянами и павлинами, в южной Индии еще не было ариев, поскольку название обезьян на иврите «qof» и на санскрите «карі» не может быть арийским словом; впервые оно встречается в последней книге Риг-Веды, но также появляется в форме «qaf» еще в IV династии в Египте, а название павлинов, «tuki», было заимствовано из малабарского «togeі». С этнологической точки зрения арии Индии не являются чистой расой, как они, по-видимому, были, когда жили в долине Инда; ведь в Ведах часто проводится контраст между светлым цветом кожи и темной кожей коренных народов. Напротив, они, должно быть, смешались с коренными жителями в какой-то период, когда развивалась особая цивилизация и, как следствие, усиливалось разделение между различными классами; и не только физический тип сильно изменил свой первоначальный индоевропейский характер, но и вся цивилизация индийцев получила отпечаток южной и восточной Азии, что делает их для нас еще более странными, чем азиатские семиты или египтяне. Этот факт часто упускается из виду, потому что использование арийского языка постоянно напоминает нам о тесной связи между индийскими ариями, персами и европейцами. И дело не только в том, что арии приняли расовые черты дравидов, но и в том, что чистый тип коренного населения сохранился только у нецивилизованных горных народов. В последующие века ход истории привнес еще больше элементов, таких как индо-скифы на северо-западе, персы и арабы и, наконец, европейцы, включая мусульман, которые оказали столь большое влияние на развитие религии.

На территории, где преобладало арийское население, санскритский язык вытеснил местный. Наиболее распространенным языком Индии является хинди, сфера влияния которого ограничена на западе языками Пенджаба и Синдха с языком Катча, на юге — языками гузерати, маратхи и телинга, а на востоке — языками Ориссы и Бенгалии, к которым добавляется ассамский язык. За исключением телинга, все эти языки являются арийскими.

На севере хинди распространяется до Терая, обширной прерии и леса, населенного слонами, носорогами, тиграми и другими дикими животными, за которым, на южном склоне Гималаев, проживает целая серия народов. В высоких горах и за ними эти народы соседствуют с тибетцами; ронг или лепча в Сиккиме, чей язык, тибетский диалект, стал известен несколько лет назад; кирати и лимбу в восточном Непале; мурми и невар в Непале; кумауни и другие.

Мусульманские индийцы обогатили хинди арабскими и персидскими словами и используют арабскую письменность. Этот язык, который сильно отличается от хинди по грамматике и синтаксису, называется хиндустани и является основным языком в Индии. В рамках хинди Келллогг выделяет одиннадцать идиом, которые в свою очередь подразделяются на диалекты. Помимо уже упомянутых санскритских языков, граничащих с хинди, есть также некоторые, которые можно найти в Гималаях, особенно в Кашмире и в Дардистане, стране, граничащей на севере с Музтагом (Каракорумом), на западе с горной цепью, которая отделяет ее от страны Читрал на севере, на востоке с аналогичной цепью между Индом и Кришнагангой, а на северо-востоке с территориями Ронгдо и Балтистан. По мнению Уйфальви, жители последней также являются ариями, которые приняли тибетский язык. Дардистан населен различными народами, которые иммигрировали только в средние века и в еще более поздний период и даже сейчас находятся в нестабильном положении. До недавнего времени он не был исследован Шлагинтвейтом, Лейтнером, Хейвордом и Биддулфом. В древности дарада (дарды) были рассеяны по долине Инда вплоть до золотых приисков Ток Джалунг, но имя Дард было найдено Биддулфом только напротив входа в долину Кандия, где Инд поворачивает на юг.

Еще одним широко распространенным народом являются шины, чьим особым местом проживания является Гилгит, а их язык — санскритский, близкий к языкам Пенджаба и Кашмира, а также к хиндустани. Эти люди пришли из Шинкари, расположенного между Индом и Кришнагангой, и составляют основное население долины Инда от Гора до Горбанда: их язык имеет несколько диалектов, и в Балтистане они называют себя ромами, как цыгане.

Еще один дочерний язык санскрита используется племенами на юго-западе Дардистана, которые утверждают, что пришли из Свата. Этот язык также имеет различные диалекты, такие как говро, нарисати и язык сиях-пош в Вамастане. С другой стороны, жители Хунзы, Нагара и Яссина говорят на буришки, который Биддульф считает языком юэчи. Йидга, персидский диалект, также встречается в Дардистане.

Самые древние памятники индоарийской литературы, а именно гимны Вед, содержат много аллюзий на исторические условия, которые, однако, поэт считал хорошо известными, или они могли быть связаны с прозаическими отрывками, вставленными между стихами, которые и сохранились до наших дней. В них упоминаются пять народов: турваса, джаду, ану, друхджу и пуру, которые в конце концов одержали верх после битвы десяти царей и в эпосе называются куру. Кроме того, в них упоминается ряд царей и жрецов, которые, однако, не могут быть отнесены к какому-либо определенному времени или месту.

Социальные условия были примитивными, и в то время как коренные жители достигли такого уровня цивилизации, что обладали укрепленными городами и большим богатством в виде стад, мебели, металлических украшений и хорошего оружия, арийцы все еще находились в состоянии скотоводов, для которых владения врага были желанной добычей. Даже в эпосе Данава Маджа, дайджа, или враг (арийских) богов, и архитектор асуров, строит дворец для сыновей Панду; ведь именно от туземцев арийцы научились искусству строительства из камня, сами же, как и другие индоевропейцы, они умели строить только из дерева и свай, или жили в пещерах.

Молитвы ариев о процветании своих коров, о богатом урожае масла, травы и зерна были обращены к божественным существам, в которых олицетворялись природные явления и стихии, но которые также воплощали моральные концепции. Но песни Ригведы относятся к таким разным периодам, что наряду с этими идеями простого века мы также различаем подробную картину жертвенных обрядов и развитой культуры, и даже появление сомнений в религиозных истинах; вполне понятно, что в любой момент могли появляться новые

стихотворения или новые семьи певцов (риши) со своим запасом гимнов для жертвенных целей, пока не был составлен общий сборник песен и адаптирован к форме поклонения, регулируемой на постоянной основе по соглашению между всеми семьями риши, которых их классовые интересы заставляли стремиться к примирению друг с другом.

Четыре Веды (или сборники церемониальных песен) были дополнены огромным массивом литературы, исходящей из различных секций или школ. Сюда входят, во-первых, брахманы, произведения, служащие руководством для жрецов в процедуре, связанной с жертвоприношениями, а затем те, которые объясняют и оправдывают применение стихов к каждой отдельной части службы на мифологических или символических основаниях. Здесь представленная точка зрения достигает области философских спекуляций, так что в этих Упанишадах, числом около ста пятидесяти, заложены начала философии религии, а более поздние работы этого класса содержат регулярную философскую систему. Неисчерпаемые знания, накопленные в этих многочисленных произведениях, были в конечном итоге обобщены в кратчайшей возможной форме в так называемых сутрах (руководствах), которые, однако, часто написаны только на языке технических символов, так что они требуют объяснения от учителя или комментария. Они предназначены для заучивания наизусть.

Веды не могли быть зафиксированы в индийской письменности в очень ранний период, поскольку мы не знаем ни одной надписи, более древней, чем надписи Ашоки, которые датируются серединой III века до н. э.; один из видов письменности, который здесь встречается и читается слева направо, — это алфавит ваттута, происходящий от арабских алфавитов, которые можно увидеть в надписях, найденных в Харре или Сафе в восточной части Хаурана и расшифрованных Халеви в 1877 году. Этот алфавит относится к александрийскому периоду. На северо-западе Индии второй алфавит встречается на надписях Ашоки и на монетах. Он читается справа налево и считается тем же, что был привезен сюда в персидскую эпоху и был заимствован из арамейского языка, использовавшегося в Персидской империи; однако он тоже мог быть введен позднее, поскольку очень похож на алфавит папируса Блакаса (относящегося к эпохе Птолемея или, что более вероятно, к позднейшей персидской эпохе) и других папирусов александрийской эпохи. Невозможно представить, что Ашока и те, кто выпускал монеты, использовали бы эти алфавиты, если бы в Индии существовал более древний и совершенный алфавит, который использовался для Вед; но для того, чтобы зафиксировать Веды в письменной форме и закрепить их форму во всех деталях фонетики и акцентуации, требовался символ, совершенство которого достигается только в культурной письменности деванагари, которая, по-видимому, впервые была использована в Малве, королевстве Викрамадитьи: еще менее вероятно, что, например, пратисакхья-сутры четырех Вед имели перед собой произведение, написанное более несовершенным письмом, поскольку эти сборники фонологии спускаются до самых крайних тонкостей и тем самым предполагают наличие точного текста, которым мы сейчас располагаем и который, следовательно, должен был получить фиксированную форму по крайней мере в эпоху этих грамматических произведений.

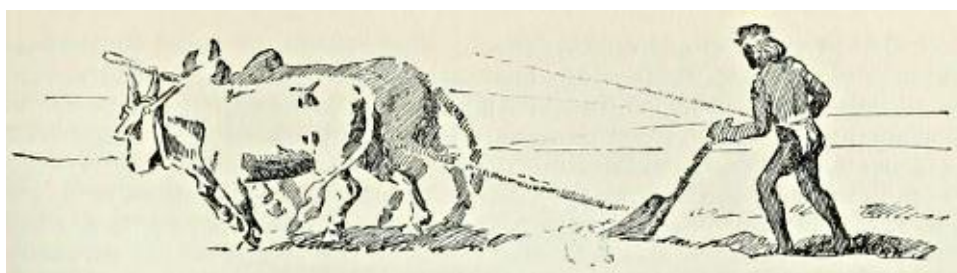
Если мы фиксируем завоевание территории Ганга в период в начале первого тысячелетия до нашей эры, то мы делаем это не на основании исторических свидетельств, а только на основании вероятности того, что это завоевание продолжалось сотни лет и что в первые века до нашей эры оно было свершившимся фактом. *Махабхарата*, этот обширный эпос, по сравнению с которым Гомер кажется просто карманной книжкой, приобрел свою нынешнюю форму только через несколько веков после Рождества Христова, а списки царей тех народов, которые фигурируют в поэме, особенно царей страны Магадха (Бехар), ненадежны и различаются в разных копиях, в которых они встречаются.

Распространение ариев вдоль побережья Декана и вплоть до Цейлона, о котором рассказывает «*Рамаяна*», также не поддается хронологическому определению, поскольку эта поэма, состоящая из двадцати четырех тысяч дистихов, также является очень поздним произведением, а это расширение произошло гораздо позже, поскольку у древних географов мы уже находим арийские названия, приданные городам на юге Индии.

Первая достоверная информация об истории Индии относится к завоеванию Дарием территории Инда, которая образовала персидскую сатрапию. С тех пор западные страны Индии находились под властью иностранных правителей, сначала под властью бактрийских и индо-скифских царей, а позже под властью Сасанидов, о чем свидетельствуют как индийские монеты современных царей с сасанидским штампом и надписями на пехлеви и санскрите, так и исторические сведения об отношениях царей Марвара с Перозом и Аношарваном, так что завоевание Махмуда Газневи и более поздних правителей лишь возобновило древние притязания Ирана на индийские владения.⁴

Руины древнего индийского храма в Бомбее

ГЛАВА II. ИНДИЙСКАЯ ИСТОРИЯ — ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

Защищенная высочайшими горами мира и пересеченная прекрасными плодородными холмами, Индия ограничена с одной стороны Тихим океаном, а с другой — Гималаями, орошается тысячами ручьев и большими реками, на берегах которых солнце созревает все виды вкусных фруктов, которые растут сами по себе.

На вечно зеленых, бескрайних равнинах, спускающихся к морю, процветает многочисленное население; по каналам часто курсируют судоводители, которые с древнейших времен получают в обмен на деньги чудесные природные продукты этой страны.

Здесь ежегодно собирают пять урожаев, а пальмы, ананасы, коричные деревья, перец и т. д. созревают три раза в год. Но рядом с такой красотой в небо возвышаются крутые скалы, многие из которых по высоте равны Чимборасо, а также есть обширные участки засушливых безводных песков. Здесь бури более сильные, чем где-либо еще, а горные ручьи спускаются в виде пенящихся потоков, неся разрушение и гибель, когда они пересекают бесконечные равнины на своем пути к морю.

— ЧЕЗАРЕ КАНТУ.

ХРОНОЛОГИЯ И ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ИНДУСОВ

Грубые народы, кажется, получают особое удовольствие от притязаний на далекую древность. Поскольку восточные народы отличаются хвастливой и напыщенной тщеславностью, в большинстве случаев они завышают свои притязания до абсурда. В одном из фрагментов халдейской истории мы узнаем, что в Вавилоне с величайшей тщательностью хранились письменные свидетельства, охватывающие период в пятнадцать мириад лет. Еще более необычна предполагаемая продолжительность китайской монархии. Считалось, что один из египетских царей правил три мириады лет.

Согласно индуистской системе, нынешний век мира делится на четыре больших периода, называемых югами. Первый — это сатья-юга, охватывающая 1 728 000 лет; второй — трета-юга, охватывающая 1 296 000 лет; третий — двапара-юга, охватывающая 864 000 лет; и четвертый — кали-юга, которая продлится 432 000 лет. Из этих периодов первые три уже истекли, а в 1817 году по христианскому летоисчислению истекло 4911 лет последнего. Таким образом, с начала Сатья-юги до 1817 года прошло 3 892 911 лет, на которые этот народ претендует как на свою древность.

С презрением, с которым разумные историки сейчас относятся к историческим басням раннего общества, следует относиться с осторожностью, когда мы исследуем древнее состояние Индостана; потому что легендарные рассказы индусов до сих пор пользовались особым уважением среди европейских исследователей; и потому что без знания их многое из того, что было написано в Европе о народе Индии, невозможно понять. Поэтому необходимо рассказать, что в начале Сатья-юги, или 3 892 911 лет назад, жил Сатьяврата, иначе называемый Вайвасвата, а также седьмой Ману. Он спасся со своей семьей от всемирного потопа, который уничтожил остальную часть человеческого рода. Среди его потомков было две королевские ветви: одна называлась детьми солнца, другая — детьми луны. Первая правила в Адждохье или Удхе, вторая — в Пратиштхане или Виторе. Эти семьи, или династии, просуществовали до тысячного года нынешней эпохи, или Кали-юги, когда обе вымерли; список имен последовательных принцев приводится в санскритских книгах.

Сатьяврата, прародитель, продлил свое существование и правление на весь период Сатья-юги, или 1 728 000 лет. От этого патриархального монарха в солнечной линии его потомков насчитывается пятьдесят пять принцев, которые унаследовали власть до времени Рамы. Все брахманы сходятся во мнении, что Рама занял трон Айодхьи в конце Трета-юги. Таким образом, правление этих пятидесяти пяти принцев, продлившееся от начала до конца этой эпохи, составило 1 296 000 лет, что в среднем составляет более 23 000 лет на каждое правление. В течение следующей, или Двапара-юги, продолжительностью 864 000 лет, перечисляется двадцать девять принцев, которые, в среднем, должны были править по 29 793 года. С начала нынешней, или Кали-юги, до времени, когда род солнечных принцев вымер, насчитывается 1000 лет и тридцать принцев. Таким образом, в последнем веке произошло удивительное изменение, в результате которого на каждое правление приходится в среднем только тридцать три года.

Помимо двух линий солнечных и лунных царей, в четвертом веке появляется другая династия, правившая в Магадхе, или Бехаре. Двадцать из них, являвшиеся прямыми

потомками своего предка Джарасандхи, правили до конца первой тысячи лет нынешней юги и были современниками последних тридцати принцев солнечной и лунной династий. В памятную эпоху исчезновения этих ветвей дом Джарасандхи также пришел в упадок, поскольку правящий принц был убит своим премьер-министром, который посадил на трон своего сына Прадьюту. Пятнадцать потомков этого узурпатора пользовались суверенитетом и правили со дня его вступления на престол 498 лет, до времени Нанды, последнего принца дома Прадьюты. После 100 лет правления он был убит брахманом, который возвел на трон человека из рода Маурьев по имени Чандра Гупта. Этот принц считается нашими восточными антикварами тем же самым Сандракоттом или Сандракуптосом, современником Александра Македонского. Его сменили только девять принцев из его рода, которые держали скипетр в течение 137 лет. После смерти последнего его главнокомандующий взшел на престол и вместе с девятью потомками, которым он передал власть, правил 112 лет. После этого периода правящий принц был убит, и его преемником стал его министр Васудева. Из его семьи упоминаются только четыре принца, но, как говорят, они правили 345 лет. Затем трон узурпировала раса шудр, первый из которых убил своего господина и захватил власть. Двадцать один представитель этой касты, последним из которых был Чандрабиджа, правил в течение 456 лет. Окончание правления этого принца соответствует, таким образом, 2648 году Кали-юги и 446 году до рождения Христа. И с ним, по словам сэра Уильяма Джонса, заканчивается достоверная система индуистской хронологии.

Наиболее подозрительным обстоятельством в мнимых записях о народе является то, что мы находим точные утверждения о регулярной и огромной серии лет в далекой бездне времени, но они полностью исчезают, когда мы спускаемся к векам, более близким к нашему времени. Там, где анналы являются реальными, они становятся косвенными по мере того, как они становятся более поздними; там, где сказка занимает место факта, времена, на которые память имеет какое-либо влияние, отвергаются, а воображение буйствует в тех, в которых оно не сдерживается. В то время как мы получаем самые точные и достоверные сведения о временах далекой древности, в индуистских записях не встречается ни одного имени правителя более поздних веков. Говорят, что великий принц по имени Викрамадитья широко распространил свои завоевания и владения и правил в Магадхе 396 лет после Чандрабиджи. С того времени даже вымысел молчит. Мы больше не слышим о индусах и их делах до эпохи мусульманского завоевания, когда нашими учителями становятся только персы.

После того как в Европе всегда с презрением относились к чрезмерным претензиям халдеев и египтян на древность, любовь к чудесному любопытно иллюстрируется уважением, которое оказывалось хронологии индусов. Мы получили сведения об индуистской хронологии не от недоверчивых историков Греции и Рима, а от людей, которые видели этот народ; чье воображение было сильно поражено зрелищем новой системы нравов, искусств, учреждений и идей; которые, естественно, ожидали укрепить мнение о своей собственной значимости величию чудес, которые им посчастливилось увидеть; и чье изумление, восхищение и энтузиазм на время успешно распространились. Индийские утверждения, если они и не вызвали буквального доверия, то почти повсеместно считались чем-то совсем иным, чем выдумки неразвитого и легковверного народа, и заслуживающими очень серьезного и глубокого изучения. Однако они не только доведены до крайней степени экстравагантности, но и совершенно несовместимы как между собой, так и с другими устоявшимися мнениями брахманов.

Достаточно привести один пример. Характер, который брахманы присваивают различным югам, является важной частью их системы. Сатья-юга отличается эпитетом «золотая», Трета-юга — «серебряная», Двапара-юга — «медная», а Кали-юга называется «глиняной». В

эти несколько эпох добродетель, жизнь и рост человека демонстрировали замечательное разнообразие. В Сатья-юге весь род человеческий был добродетелен и чист; жизнь человека составляла 100 000 лет, а его рост — 21 локоть. В Трета-юге одна треть человечества была развращена, а продолжительность жизни человека сократилась до 10 000 лет. В Двапара-юге половина человечества была развращена, а продолжительность жизни ограничивалась 1000 годами. В Кали-юге все люди развращены, а продолжительность жизни ограничивается 100 годами. Но хотя в Сатья-юге люди жили только 100 000 лет, Сатьяврата, согласно хронологической выдумке, правил 1 728 000 лет; в Трета-юге продолжительность человеческой жизни составляла только 10 000 лет, но пятьдесят пять принцев правили, каждый в среднем, более 23 000 лет; в Двапара-юге, хотя продолжительность жизни человека сократилась до 1000 лет, продолжительность правления даже увеличилась, поскольку двадцать девять принцев в этот период держали скипетр в руках в течение 29 793 лет.¹

Если мы отвернемся от таких традиций и будем искать более надежные записи, наши поиски окажутся тщетными. Древняя Индия не имеет собственно истории. Ее книги не содержат никаких документов о ее прошлом, а ее памятники не могут заменить книги, поскольку самые древние из них датируются едва ли более чем тремя веками до нашей эры. Если бы не небольшое количество религиозных книг, в которых исторические факты завуалированы массой легенд, прошлое Индии было бы столь же неизвестно, как и прошлое затерянной Атлантиды, которая была разрушена геологическим катаклизмом и история которой рассказана в древних традициях, сохраненных Платоном.

АВТОРИТЕТ ВЕД

Единственные древние документы, к которым мы можем обратиться с целью восстановить некоторые следы этого исчезнувшего прошлого, представлены Ведами, религиозными стихотворениями, написанными в разные эпохи, самые древние из которых, по-видимому, датируются пятнадцатью веками до нашей эры. За ними, но гораздо позднее, следуют эпические поэмы, известные под названиями «*Махабхарата*» и «*Рамаяна*», а также религиозный и социальный кодекс Ману.

С чисто исторической точки зрения, индуистская литература нашей эпохи не богаче той, которая предшествовала ей. Фактически, Пураны являются единственными источниками, к которым можно обратиться, и они состоят из сборников, составленных в разные периоды, самые древние из которых датируются не ранее VIII века нашей эры. Кроме того, они слишком переполнены чудесными легендами и лишены хронологической последовательности, чтобы современная наука могла извлечь из них большую пользу. Практически только после мусульманских завоеваний XI века, благодаря мусульманским писателям, начинается исторический период Индии.

К перечисленным выше весьма недостаточным источникам письменной информации мы должны добавить рассказы путешественников, посетивших Индию в древние времена. Этих рассказов очень мало, поскольку для периода, предшествующего Иисусу Христу, мы располагаем лишь некоторыми выдержками из повествования греческого посланника Мегасфена, который находился при дворе Магадхи около 300 года до нашей эры. За период более тринадцати веков, отделяющий эту далекую эпоху от мусульманских завоеваний, мы располагаем, помимо скудных упоминаний классических авторов, только рассказами двух китайских паломников, Фа-Хяня и Хвен Цанга, которые посетили Индию, первый в V, второй

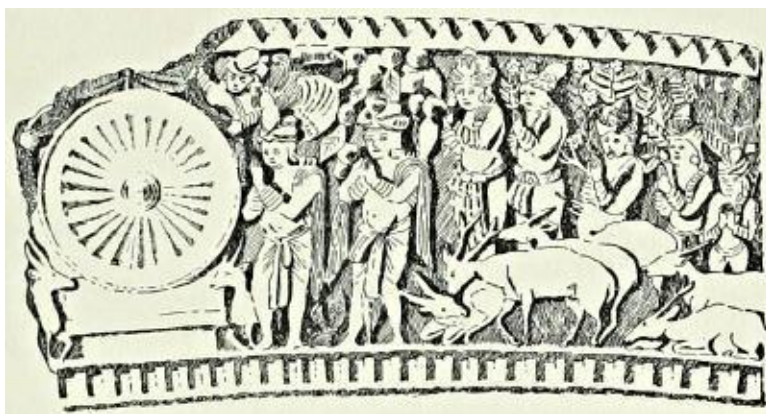
в VII веке. Их труды, особенно работы второго, несомненно, являются наиболее ценными документами, которые мы имеем об Индии до мусульманских завоеваний.

ПАМЯТНИКИ

Крайняя неадекватность исторических книг об Индии придает огромное значение пластическим произведениям, памятникам, медалям и статуям, которыми обладает полуостров. Самыми древними являются колонны, на которых Ашока выгравировал свои указы за 250 лет до Рождества Христова. За ними следуют барельефы великих памятников в Бхархуте, Санчи и т. д., построенных в начале нашей эры или в течение двух-трех веков, предшествовавших ей. Они дают интересные подробности о нравах, обычаях, верованиях и искусстве народов, которые их построили, и показывают нам степень цивилизации, которой достигли эти народы.

Помимо этих памятников, самые древние из которых датируются едва ли не тремя веками до нашей эры, существуют подземные храмы, статуи, монеты, которые в совокупности проливают некоторый свет на историю каждого из регионов, где они появились. Только остатки зданий и статуи раскрыли нам глубокое влияние греков в некоторых странах через несколько веков после того, как сначала Александр, а затем и все греки были изгнаны из Индии. Точно так же только *барельефы* храмов могут рассказать нам об истории происхождения и преобразования верований, сменявших друг друга в древней Индии.^d

Индийцы освоили искусство письма, и хотя брахманы по-прежнему передавали традиции своих школ устно, они, тем не менее, не колебались записывать пожертвования и передачи разборчивыми буквами на камне, как это делали другие. За последние несколько лет исследования и расследования, направленные на изучение этих записей, пролили свет на многие вопросы, прояснили многое, что было неясно, достоверно установили то, что было сомнительным, и вынесли суждение о том, что было ложным; легенды более древних времен и версии более поздних времен в различных случаях прошли проверку на подлинность и правдивость. Но эти исследования на самом деле только начинаются.

Древний индийский барельеф с изображением людей и животных

На основании монет и надписей было решено, что преемником Канишки или Канерки был некий Хувишка или Ховерки (Доерки), а последний имел современника или соправителя (Базодео или Васудева). Даты надписей Матхуры подтверждают это последнее отношение. Но Васудева, «имеющий Васу в качестве богов», указывает этим именем, столь известным в легендах, на брахманическое верование в богов. Его монеты Окро, похожие на некоторые, которые уже существовали во времена Канерки, и с изображением тройного, трехглавого или шестирукого божества Окра, сильно напоминают нам образы той Троицы, бога, создающего мир, сохраняющего мир и разрушающего мир, — Брахмы, Вишну, Шивы, — так называемой *Тримурти* в скальных храмах Элоры и Элефанты. Царь Турушка, который, правильно или неправильно, согласно этому, последовал за Базодео, уже демонстрирует в изображениях на своих монетах тип правления Сасанидов.

К концу века скифская власть в Индии была сломлена и постепенно оттеснена на территорию, откуда она пришла, за северные горные вершины, а в самой Индии — на запад и юг от Пенджаба до Гузерата. Но последствия этой власти и столетнего вторжения продолжали сказываться. Скифское население, объединившееся с коренными горными народами, которые были оттеснены в более ранний период, осталось и в значительной степени остается в этих регионах. Джаты и кочевые племена сикхов, которые принадлежат к ним, считаются неарийского происхождения и по религии, языку и обычаям отличаются от брахманов и противостоят им. Раджпутские семьи «сыновей короля», которые впоследствии основали независимые королевства на юге, также считаются чужеродными элементами в кастовой системе и преемниками скифской власти. Маршрут этих миграций и завоеваний с севера на юго-запад отмечен руинами, и именно на местах таких руин позднее сарацины возвели свои цитадели, дворцы и мечети. Сейчас и они представляют собой лишь величественные руины. Но здесь мы можем рассмотреть только более древние условия, и то лишь вкратце.

ЛЕГЕНДЫ О РАННИХ ГЕРОЯХ

Существуют легенды о переселении сакских князей в Сураштру или Гуджарат, а также рассказы о предполагаемом освобождении от иностранного владычества. Известным героем таких легенд является Викрамадитья, царь Удджайна в Малве, а другим, с рождением которого связана эпоха саков, является Саливахана, противник первого, не менее известный в легендах, который победил его в борьбе. Но хотя легенды так много рассказывают об этих двух, история мало что или вообще ничего не сообщает нам о них.

На западной стороне скалы Гирнар недалеко от Джунагарха, на восточной стороне которой находятся надписи Ашоки, а на северной — надписи некоего Сканды Гупты, мы можем прочитать надписи некоего Рудры Дамы. Она рассказывает о зданиях, возведенных этим царем, или великим сатрапом, для защиты страны от разрушительной силы вод реки Паласини, а другая надпись, прославляющая его имя среди имен четырех других, его предшественников и преемников, находится на столбе в Джасдане в Катияваре или Сураштре, части современного Гуджарата. Имена других — с одной стороны от его имени — Чаштана и Джая Дама, а с другой стороны — Рудра Синха и Рудра Сена, и надпись относится к 127 году эры этих князей.

Эти цари, или великие сатрапы, о которых у нас есть как надписи, так и монеты, помимо многих других, чьи имена здесь не могут быть приведены, назывались царями Саха, Саха или Синха, по окончанию, добавленному ко многим из их имен. Возможно, лучше всего было бы, в соответствии с хорошим прецедентом, называть их царями-сатрапами (сатрапами), поскольку они не только называли себя так, но и фактически были, по крайней мере по названию, правителями Маурьев и их преемников.

Серия начинается с некоего Нахапаны, который вместе с одним или двумя другими предшествовал Чаштане и его сыновьям и внукам, и заканчивается одним Свами Рудра Сена, двадцать шестым по счету. Они правили, грубо говоря, триста лет с начала эры Сака (в которую мы можем с уверенностью отнести Чаштану) до где-то между 284 и 272 годами нашей эры. В свои лучшие дни (которые, судя по надписи, пришлось на правление Рудры Дамы) их владения охватывали полуостров Гузерат, Сураштра и Малва, простираясь на север до середины долины Инда и далее до моря.

Надписи и монеты, безусловно, являются надежными источниками истории, но они несколько недостаточны, когда, как в данном случае, к ним не добавляется ничего другого и ничего определенного. Таким образом, мы знаем очень мало об истории этого великого западного или Шатрапского царства, не намного больше, чем легенда, которая сложилась вокруг его первых начинаний и его окончательного свержения властью Гуптов.

Согласно легенде, цари Сах или Ксатрапа были свергнуты Гуптами, которые правили между Джумной и Гангом. То есть они имели независимые и вице-королевские почести, а человек, который подготовил их падение, назывался Камара Гупта, и его сменил его сын Сканды Гупта, чью надпись мы читаем на северной стороне скалы Гирнар. Но мы должны начать с самого начала.

НАДПИСЬ АСОКИ

Надпись на столбе Ашоки в Аллахабаде, принадлежащая Самудра Гупте, упоминает предков его семьи. Шри Гупта, «величественный, благородный, великий царь» и «великолепие мира», был мелким правителем, который успешно поднялся до правительства из вайшьи, или среднего класса, и с 319 года проживал в Аллахабаде или Аджодхье, а его владения простирались к востоку от реки.

После пятнадцати лет правления его преемником стал его сын Гатоткача. На монетах последнего была найдена ссылка на его тезку, сына Бхимы из эпической легенды. Он гордо называет себя «Разрушителем всех царей» и, вероятно, действительно был «Увеличителем царства» на западе вплоть до территории Инда. Еще через пятнадцать лет его сменил его сын Чандра Гупта, и надпись, принадлежащая последнему, была найдена в ступе Санчи в Билсе, помимо монет с его портретом в полный рост — самыми ранними из тех, что у нас

есть, принадлежащими этим царям. Впоследствии его царство было расширено до Малвы, и его правление было также дружелюбным по отношению к детям Сакья. Он, вероятно, правил в течение тридцати лет, но его сын Самудра Гупта, о котором говорится в великой надписи на львином столбе Аллахабада, значительно превзошел его по славе, власти и великолепию.

Эта надпись является великим историческим документом, одним из величайших, которые мы имеем для этого периода. В ней упоминаются имена царей, которых Самудра Гупта сверг, других, которых он сделал своими вассалами, а также размеры и границы его владений. Поскольку мы не можем вдаваться в подробности, здесь мы только упомянем, что он подчинил своему непосредственному правлению почти всю Арияварту между северными и южными хребтами, подчинил горных князей на севере, Ваудхью, Мадраку и Абхиру в Стране пяти рек и в Малве, взял под свою опеку царей к югу от Виндхьи и правил на востоке вплоть до моря. Во всем этом, вероятно, есть немало хвастовства — надпись была сделана после его смерти, — но несомненно, что в ней есть и немало правды. Он также известен как правитель с высоким и благородным характером, покровитель искусств и наук, музыки и поэзии, которыми он сам занимался. Его монеты, которые были найдены в большом количестве и разбросаны по обширной территории, некоторые с изображением льва-героя, а другие — короля, играющего на вине (арфе), в некоторой степени подтверждают то, что утверждает длинная похвала.

После тридцатилетнего правления его сменил другой Чандра Гупта, его сын, который правил около десяти лет. Затем власть Гуптов перешла к его сыну, «прославленному повелителю земли» Кумара Гупте, который, согласно датам на монетах и традиции, правил двадцать три года, примерно до 130 года эры этой династии царей. А после него пришел его сын Сканд Гупта, с которым также упоминается некий Будда Гупта, который был седьмым и последним царем своего знаменитого рода. Это тот Гупта, о котором мы упомянули вначале и который достиг господства, о чем свидетельствует надпись на западном полуострове. После него, по-видимому, упоминается некий Махендра Гупта, возможно, его соправитель или преемник части его империи, а также некий Нараяна Гупта. Но монолит в Кухане, в округе Горакхпур на северо-западе Индии, утверждает, что «в году или ближе к концу 141 года (*т. е.* 470 года нашей эры) империя Сканд Гупты, в зале которой сотни королей склоняли головы в знак почтения, империя королевской династии Гуптов была отнята у тех, кто до сих пор был известен, богаче всех людей, сравнимый с Индрой, повелителем сотен королей».

ТРАДИЦИОННЫЕ КОРОЛИ

Традиция рассказывает о царях в различных местах на юге и севере, которые провозгласили свою независимость от правления Гуптов. Она рассказывает о потомке древнего рода, предки которого в былые времена поселились на берегах Ганга, некоем Панду-Сакья, который в то время занял трон Маурьев в Паталипутре (современная Патна). Но утверждается, что один из генералов Сканд Гупты, Бхаттарака из семьи Баллабхи или Валабхи, сверг этого человека в Катхиаваре, *то есть* в Гуджарате, и захватил власть для себя. Он стал основателем новой династии царей Сураштры, третьей по счету, которая была названа в его честь династией Валабхи. Начало этой династии можно датировать примерно 480 годом нашей эры.

Имея это в виду, мы, конечно, можем снова обратиться к хроникам и рассказать что-нибудь о царях Кашмира и о двух царях Синхаладвы. Из первой мы могли бы рассказать об одном Дамодхаре, который сменил Турушку, затем об одном Мегхавахане, Среште или Праварасене и его двух сыновьях, Хиранье или Торамане, пока не наступило время, когда

трон Кашмира остался пустым, и «благородный» Харша Викрамадитья послал одного из своих последователей, брахмана по имени Матри Гупта, который был назначен царем. Но мы не будем перебирать историю династий и династические списки, по крайней мере, пока источники так неопределенны. А что касается двух других, то в истории буддизма рассказывается, как после Вришабхи наступило столетие, в которое строились и перестраивались святилища, как при короле Тишье возникли ересь, раздоры и расколы, что затем последовало несколько коротких правлений вплоть до Абхаянаги и снова до Махасены, с которым заканчивается более поздняя хроника. Опять же мы читаем о более чем одном Мегхаварне, об Упатишье, который сменил Маханамана, при котором некий Фа Хянь прибыл на Цейлон, а буддийские отшельники жили и трудились. Достаточно здесь дать краткий обзор того, что важно.

На руинах древнего Валабхи (современный Вала) было найдено несколько латунных табличек или медных пластин с записями о жертвоприношениях брахманам и буддийским монахам, которые дают довольно достоверную информацию о периоде и порядке правления первых царей Сураштры или Валабхи. Согласно этим записям, Бхатарка или Бхаттарака был смещен своими четырьмя сыновьями: Дхарасеной, старшим, Дронасеной, который уже назывался Великим Царем и был торжественно коронован как правитель земли, Дхрувасеной, третьим, и Дхарапаттой, младшим сыном. Они подчинили своему правлению полуостров и большую часть побережья и материка вплоть до Малвы, что в случае третьего сына, безусловно, продолжалось до 534 года. Младшего сменил его сын Гухасена, который подарил целые деревни ученикам Сакья и их монастырям, его сменил его сын Шри Дхарасена, второй по счету, не позднее конца VI века (595 г.), а его сменил его сын Силадитья или Дхармадитья, который продолжал править в VII веке. Но нам не нужно дальше следить за чередой этих царей.

Во время правления племянника последнего, другого Дхрувасены (632-640), китайский паломник Хвен Цан пришел в Индию (627-645) и в королевство Валабхи на западе. В его рассказе о путешествии удивительно много говорится о богатстве страны, о ее многочисленных жителях, о многочисленных монастырях с тысячами монахов, — некоторые из них были буддистами, но он также упоминает и других, в том числе джайнистских монахов, которых он видел, — а также о множестве колонн, великолепных ступах и т. д. Один путешественник сообщает, что короли того времени — это кшатрии, все родственники короля Силадитьи () из Малвы; зять правящего короля Силадитьи в Каньякубдже (Канаудж) называется Ту-лу-по-по-ту (Dhruvabhata). И здесь наш паломник между прочим описывает этого правителя как благочестивого, мудрого и добродетельного, а также настолько щедрого, что он возмещал свои благотворительные жертвоприношения в двойном размере. Он с большим почтением и уважением отзывается об этом принце, в чей блестящий двор он был приглашен.⁴

Отношения индийских династий с последовательными ордами скифов, которые наводняли северную Индию, остаются неясными. Существует множество свидетельств длительной борьбы, но попытки установить даты ее основных эпизодов пока не привели к результатам, которые можно было бы считать окончательными. Для целей хронологии необходимо два Викрамадитья *Сакари*, или победителя скифов. По всей видимости, в течение первых шести веков нашей эры судьба скифских или татарских племен в северной Индии то поднималась, то падала. Они не раз терпели крупные поражения и не раз свергали местные династии.⁵

Современные авторитетные источники сходятся во мнении, что великий и победоносный царь Викрамадитья, который, по словам Лефмана, «вместе со своей битвой при Коруре до сих пор блуждал без остановки, как колеблющаяся и беспокойная тень» с 57 г. до н. э. по 560

Г. Н. Э., теперь может быть окончательно отнесен к периоду правления с 510 по 560 г. н. э., когда он уничтожил скифскую армию в Коруре.а

БРАХМАНСКОЕ УЧЕНИЕ

Вплоть до времени Будды и после него брахманские школы все еще находились в процессе завершения и доработки своего священного знания (Веды), тройной науки. Их поздние Упанишады доработали Веданту, «конец или заключение» Веды. Несомненно, брахманы также учились вместе со своими противниками и у них. Об этом, как ни о чем другом, свидетельствуют их системы умственного исследования (ньяя, миманса) и благочестивые упражнения (йога). И так же, как сыновья Сакья учили на языке народа, а Ашока высек свои наставления на каменных табличках, так и брахманы задолго до этого начали демонстрировать законы и искусство своего священного языка наряду с логикой и грамматикой.

Схоластика, спекулятивные исследования, узкие или строгие науки в целом во все века проявляли себя как противоположные и враждебные свободному художественному творчеству. Это продемонстрировали и брахманы. На протяжении веков они не создавали действительно новых поэтических произведений. С заботой и усердием, не имеющими себе равных, они сохраняли и хранили наследие и достояние древности, подражая им, но не создавая ничего нового. Им нужно было пройти через период иностранного господства, чтобы получить новый импульс.

Затем наступил сравнительно короткий, но блестящий период правления Гуптов, при котором на монетах впервые стали делать надписи на санскрите. К этому периоду относится многое из того, что раньше считалось древним и даже примитивным, но, вероятно, было действительно новым, хотя и построено на древних основах. Единственным, но красноречивым примером является сборник законов Ману в том виде, в каком он дошел до нас. Об этом можно сказать многое. Здесь мы только заметим, что в это время брахманический дух получил новый импульс и вновь расцвел.

При дворе царя Викрамадитьи из Удджайна было девять человек, которых называли жемчужинами его эпохи и царства. Их имена воспеваются в старинном и известном стихотворении « ». Среди них были Дханвантари, великий врач и целитель, Амарасингха, известный филолог и лексикограф, Варахамихира, астроном и архитектор, а некоторые добавляют еще и Калидасу, поэта «Сакунталы».

Вскоре после заключения мира в Мангалоре в 1783 году сэр Уильям Джонс стал судьей Верховного суда Бенгалии и первым президентом Азиатского общества в Калькутте. В «поучительных письмах» французских иезуитов он прочитал, что на севере Индии было много книг, которые назывались Натак, и о которых брахманы говорили, что они содержали много древней истории без примеси мифов. Он очень захотел заполучить эти книги, чтобы ознакомиться с ними либо с помощью переводов, если таковые существовали, либо самостоятельно выучив их язык; но едва он договорился с брахманами, как узнал от них, что эти утверждения были похожи на многие другие, сделанные в тех письмах.

Ему заверили, что Натак вовсе не были историческими сочинениями, а были баснями, популярными книгами, прозаическими и стихотворными произведениями, которые ранее были написаны на различных языках при дворах раджей. Джонс полагал, что это, вероятно, трактаты по вопросам морали или образования; другие его соотечественники, исходя из того, что они слышали, пришли к выводу, что, возможно, они касаются танцев, музыки и поэзии, когда один умный брахман заметил, что у англичан тоже есть нечто, похожее на натак, что публично исполняется в холодное время года (имея в виду драмы).

Этого было достаточно. На вопрос, какой из этих Натак ценится больше всего, мужчина без колебаний ответил «Сакунтала» и, как и подобает брахману, также приготовил стихотворение, которое, как говорили, «раскрывало все превосходные богатства гения Калидасы». После того как была приобретена копия, она была буквально переведена на латынь с помощью его пандита Рамалокана — конечно, через персидский язык — и с латыни на английский. От этого до публикации оставалось дело одного свободного момента, и миру был представлен благородный пример индийского гения из оригинала на санскрите и пракрите.

Английская «Сакунтала» Джонса появилась в 1789 году, в год Французской революции. Почти невозможно описать энтузиазм, вызванный, особенно среди романтической школы в Германии, «девой из-за границы» в иностранном платье на чужой земле и «экстатическим восторгом» по поводу нежного ребенка из покаянных рощ древней Индии. И именно под влиянием этого энтузиазма был зажжен огонь, который проник все дальше и глубже в потаенные уголки индийского духа, индийского языка, искусства и науки. И это произошло сто лет назад благодаря очарованию Сакунталы.^c

ЭПОХИ ИНДИЙСКОЙ ИСТОРИИ

История Индии была удобно, хотя и несколько произвольно, разделена на эпохи Ле Боном. Его классификация, которая, естественно, является очень общей и в которой эпохи далеко не четко определены, поскольку они пересекаются друг с другом или существуют параллельно, охватывает следующие периоды:

1. Ведический период; 2. Брахманический период; 3. Буддийский период; 4. Период возрождения брахманизма или нео-брахманический период; 5. Мусульманский период; 6. Европейский период.

ВЕДИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Начало ведического периода приходится примерно на пятнадцать веков до нашей эры. Оно ознаменовано вторжением ариев в Индию.

Ведический период — это эпоха индийской истории, которая полностью овеяна легендами. То немногое, что мы знаем о ней, известно исключительно из религиозных книг, известных под названием Веды, самая важная из которых, Риг-Веда, по праву называется Библией ариев северо-запада Индии.

Первоначально поселившись в районе Гималаев, вплоть до гор Виндхья, первобытные арии жили в виде кочующих скотоводческих племен, и можно предположить, что их вторжение происходило постепенно. Их древнейшие книги, по-видимому, были написаны примерно за пятнадцать веков до нашей эры. В ту далекую эпоху у них не было каст, они поклонялись силам природы и не строили ни храмов, ни статуй; людям, от которых они произошли, они принесли новый язык и новую религию, но не принесли архитектуру. Эти первобытные арийские народы умели писать книги, но не умели строить каменные памятники, и ничто в самых древних из их произведений не указывает на то, что они строили храмы или дворцы.

Мы не будем здесь задерживаться на арийской цивилизации, как и на брахманическом периоде, который ее завершает. Для обоих периодов отсутствуют исторические документы в полном смысле этого слова. Эпосы, связанные с брахманическим периодом,

подтверждаются рассказами Мегасфена и доказывают, что Индия тогда начинала покрываться городами, храмами и дворцами; но от памятников этого периода до нас не дошло ни одного остатка.

БУДДИСТСКИЙ ПЕРИОД

Эпоха зарождения буддизма в Индии в значительной степени относится к легенде и очень мало к истории. Мы ничего не знаем о начале этого периода, кроме того, что рассказывается в фантастических историях буддийских книг. Только после вторжений Александра, и особенно когда, примерно через 250 лет после Рождества Христова, буддизм стал официальной религией, вырисовываются определенные факты и мрак начинает рассеиваться. К сожалению, он вскоре появляется снова и царит на протяжении долгих веков.

Вторжение Александра произошло за 327 лет до нашей эры. Завершив завоевание Персии, македонский герой решил предпринять завоевание Индии, чтобы достичь господства над Азией.

Разделение Пенджаба на небольшие независимые и соперничающие государства, должно быть, с самого начала облегчило завоевание. Александр появился со ста двадцатью тысячами человек, из которых ядро составляли греки, а остальные были персами. У него были индийские проводники и договоренность с некоторыми местными вождями, в частности с царем Таксилы, государства, расположенного на левом берегу Инда и простиравшегося между этой рекой и рекой, известной тогда под названием Гидасп, а сегодня — Джелам.

Александр выступил из Бактрии на город, который сегодня носит название Кабул. Продолжая свой путь в Индию, он пересек Инд и встретил Пора, правителя государства, расположенного между Гидаспесом и Ченабом: он победил его, но сделал своим союзником, оставив ему его царство. Различные правители, в частности правитель Кашмира, затем прислали ему свои знаки подчинения.

После нескольких сражений с местными вождями он двинулся на Гифас (нынешний Биас), но армия отказалась следовать за ним дальше, и он воздвиг на берегу этой реки двенадцать памятных алтарей, чтобы отметить конец экспедиции. Вернувшись на берега Гидаспа, он построил флот, который спустился по этой реке до Инда, в который она впадает. Непрерывно сражаясь, Александр прибыл в Паталу, у устья Инда, а затем отправил свой флот под командованием Неарха вдоль побережья в Персидский залив, после чего разделил свою армию на два корпуса. Один из них был отправлен обратно в Персию через Караманию под командованием Кратера, а другой, под его собственным руководством, отступил через Гедросию. Когда флот достиг Персидского залива, а сам Александр присоединился к Кратеру, возвращение экспедиции было отмечено торжествами.

Если рассматривать исключительно с точки зрения завоевания, то можно сказать, что результаты вторжения Александра были абсолютно нулевыми, поскольку через несколько лет после его отъезда в Индии не осталось ни одного из греческих гарнизонов, которые он оставил там. Но эта экспедиция, которая впервые установила связь между Европой и Индией, имела косвенные последствия, которые были не без значения.

ЧАНДРА ГУПТА

После отъезда Александра индуистский царь Чандра Гупта, Сандракотт по-гречески, сын одного из мелких вождей Пенджаба, которых Александр рассеял, постепенно распространил

свою империю на всю северную часть полуострова и изгнал или полностью уничтожил македонские гарнизоны. Он установил столицу своей империи в Паталипутре (современная Патна), столице царства Магадха. Вскоре его слава стала настолько велика, что около 200 года до нашей эры Селевк Никатор, который после смерти Александра правил в Сирии, Вавилонии и всех провинциях между Евфратом и Индом, послал к нему греческого посла по имени Мегасфен с целью заключить с ним союз. Этот посол долгое время пробыл в Паталипутре, и именно из его повествования, часть которого сохранилась, мы получаем первые точные представления о нравах и обычаях индусов той эпохи.

Но отношения между греками и индусами не ограничивались вторжением Александра и посольством Мегасфена; в отсутствие свидетельств историков мы теперь знаем из монет и руин памятников, что преемники греко-бактрийской империи Селевка Никатора завоевали Пенджаб, основали несколько царств и проникли вплоть до Муттры. За сто двадцать шесть лет до Рождества Христова авантюрист по имени Менандр основал царство, простиравшееся от Джумны до устья Нербудды.

Скульптуры и медали — единственные реликвии, которые дошли до нас от греческих царств Индии. Эти царства исчезли примерно в начале нашей эры, до вторжений скифов. Эти вторжения начались в веке до нашей эры. Скифы вторглись на северо-запад Индии и основали царство, включавшее Бактриану, берега Инда, Пенджаб и часть Раджпутаны. Это царство просуществовало очень недолго, поскольку скифы, вероятно, были изгнаны из Индии в начале нашей эры.

Оставив в стороне эту малоизвестную часть истории Индии, которую возродили недавние исследования, вернёмся к Чандра Гупте и его преемникам.

Внуком Чандра Гупты был знаменитый Ашока, правивший примерно за 250 лет до нашей эры. Согласно некоторым буддийским легендам, он убил сотню сыновей, которых его отец имел от шестнадцати разных жен, и таким образом предотвратил соперничество, после чего распространил свою империю на всю северную Индию. Ее границы отмечены надписями, которые сохранились до наших дней. Их можно найти от Афганистана до Бенгалии и от Гималаев до Нербудды. На западе империя Ашоки граничила с греческим царством Бактрия.

С этого правителя начинается архитектурная история Индии. Несколько колонн, которые он велел воздвигнуть, стоят до сих пор, а самые знаменитые памятники, такие как Бхархут, Санчи и Будда Гая, чьи барельефы имеют огромную ценность для истории буддизма, относятся к его правлению или к очень небольшому периоду после него. От дворцов, построенных им самим, ничего не осталось, но можно предположить, что они были очень красивыми, поскольку паломник Фа-Хянь, который в V веке видел руины зданий и башню, принадлежавшую ему в Паталипутре, утверждает, что она была слишком великолепна, чтобы быть делом рук смертного.

Именно этот Ашока сделал буддизм официальной религией Индии. Его религиозный фанатизм был очень велик, поскольку он посылал миссионеров во всевозможные места, на Цейлон и даже к Птолемею Филадельфу в Египет.

Династия Маурьев, самым выдающимся представителем которой был Ашока, просуществовала около полутора веков, с 312 по 178 год до нашей эры. Впоследствии империя, основанная Ашокой, вскоре разделилась на мелкие независимые королевства под властью разных правителей. Однако королевство Магадха продолжало существовать вплоть до XVI века нашей эры, но теперь оно включало в себя только очень ограниченный район, соответствующий современному Бехару. Пураны приводят списки царей Магадхи за тысячелетие, но они очень ненадежны.

ДВЕНАДЦАТЬ ВЕКОВ МРАКА

После Ашоки единственными индуистскими источниками, которые мы имеем об Индии до времени мусульманского вторжения, помимо легендарных повествований Пуран, являются памятники. Они, наряду с рассказами китайских паломников, о которых мы уже говорили, являются единственными источниками, из которых мы можем в некоторой степени воссоздать цивилизацию Индии в течение этого долгого периода.

За эти двенадцать веков индуистские летописцы сохранили память лишь о нескольких важных личностях. Самым известным из них является легендарный Викрамадитья, принц Малвы, живший в Удджайне, недалеко от Нербудды. Согласно хроникам, он распространил свою империю на всю Индию, вплоть до южной оконечности Декана. Хотя его история — не более чем сотканная из сказочных легенд, он, несомненно, сыграл важную роль, поскольку индусы отмечают новую эру, эру Самват, с момента его вступления на престол, которое, по их предположению, произошло в 57 году до нашей эры.

К сожалению, индуистские летописи, как обычно, мало внимания уделяют хронологии, поскольку внимательное изучение надписей и памятников, по-видимому, доказывает, что Викрамадитья правил шестьсот лет после эпохи, указанной в книгах.^[19]

Именно этому герою индуистские легенды приписывают изгнание скифов из Индии. Этот народ проник к грекам Бактрии за два века до нашей эры и постепенно подчинил их себе. Один из их царей, Канишка, обратившийся в буддизм, незадолго до нашей эры основал империю, включавшую Афганистан, Пенджаб и Раджпутану. Мы ничего не знаем об истории скифов в Индии, кроме того, что они распространяли художественное влияние греков, как мы видим по некоторым статуям в Муттре.

Согласно надписям, интерпретированным Каннингемом, мы, вероятно, должны включить в число современников Викрамадитьи [см. сноску] раджу Харшавардхару, который правил с 607 по 648 год и о котором китайский паломник Хвен Цан, посетивший Индию в 634 году, говорит как об одном из самых могущественных правителей северной Индии. Его столицей был Канаудж, один из древнейших городов Индии, долгое время являвшийся резиденцией династии Гуптов и, как предполагается, одной из колыбелей арийской цивилизации. Птолемей упоминает его через 140 лет после Рождества Христова под названием Каногия. Королевство, столицей которого он был во времена Хвен Цанга, простиралось от Кашмира до Ассама и от Непала до Нербудды.

Канаудж расположен к востоку от Агры, в нескольких милях от Ганга. Все предания сходятся в восхвалении его великолепия. Он вызвал восхищение Махмуда Газневи, когда тот напал на него в 1016 году нашей эры. Феришта говорит, что, приблизившись к нему, он увидел «город, возвышавшийся до небес и который по своим укреплениям и архитектуре мог по праву гордиться тем, что не имел себе равных».

От этой древней столицы, которая, если верить Хвен Цангу, имела длину три мили, не осталось ни одного камня, который мог бы рассказать о ее истории. Как и в случае со многими известными древними столицами, разрушение памятников до мусульманского вторжения было настолько полным, что, несмотря на все свои исследования, Каннингем не смог найти ни одной реликвии. Самая старая вещь, которую он обнаружил в Канаудже, — это надпись, датированная только 1136 годом, а значит, более позднего времени, чем мусульманское вторжение. Все существующие памятники этого города являются исключительно мусульманскими, хотя иногда они были построены из обломков древних индуистских памятников.

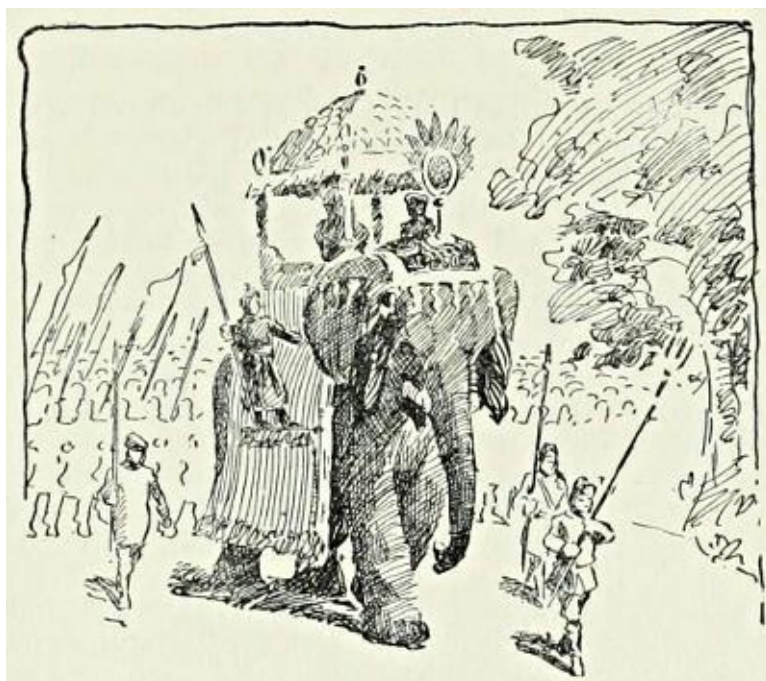
Канаудж — одна из тех великих древних столиц, историю которых мы знаем только по смутным преданиям и нескольким надписям. Тем, кто видел остатки небольшого числа памятников, уцелевших от разрушения, как, например, Хаджурао, невозможно приписать восторженные описания великолепия этих античных городов исключительно воображению писателей.

Канаудж, Хаджурао, Махоба и многие другие известные города, от которых сохранились только названия и руины, были столицами могущественных империй. Наиболее известные из них управлялись королями из рода раджпутов, единственного, чьи династии существуют до сих пор и который сохранил, если не свою независимость, то, по крайней мере, свои институты и обычаи. К сожалению, мы почти ничего не знаем об истории раджпутов до того времени, когда они вступили в конфликт с мусульманами. Последним удалось разрушить их столицы и оттеснить их в крутые и гористые районы Раджпутаны, но они добились от них лишь чисто номинального подчинения.

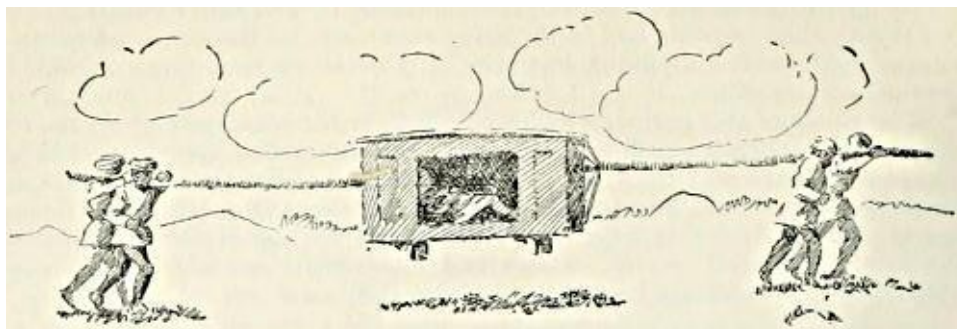
Весь этот период, простирающийся от преемников Ашоки до возрождения брахманизма и даже до мусульманских завоеваний, является таким же малоизвестным, как и предшествующий ему, и если бы не памятники, которые он оставил нам, мы практически ничего бы о нем не знали. Исторические документы о периоде возрождения брахманизма, или нео-брахманическом периоде, также отсутствуют. Монеты и памятники — это практически единственные источники, к которым мы можем обратиться для получения информации об этом периоде.^d

СНОСКИ

[18] [«Имя Викрамадитья, — говорит сэр У. У. Хантер в своей *«Краткой истории индийского народа»* (стр. 81), — это титул, означающий «Солнце в доблести», который носили несколько королей в истории Индии. Но Викрамадитья I века до нашей эры был величайшим из них — великим как защитник своей страны от скифских орд, как покровитель ученых и как хороший правитель своих подданных». Это объясняет путаницу, которая окружает это имя. См. также предыдущий раздел «Традиционные цари».]

Свита индийского принца во времена Александра Македонского

ГЛАВА III. НРАВЫ И ОБЫЧАИ ДРЕВНИХ ИНДУИСТОВ

Первое полное представление о состоянии индуистского общества дает свод законов, носящий имя Ману и, вероятно, составленный в IX веке до нашей эры. Но чтобы получить точное представление даже о современниках предполагаемого Ману, мы должны помнить, что свод законов никогда не является произведением одной эпохи, поскольку некоторые из самых ранних и грубых законов сохраняются и включаются в свод вместе с усовершенствованиями самых просвещенных времен. Возьмем знакомый пример: в Блэкстоуне есть много законов, существование которых свидетельствует о высоком уровне развития нации, но те из них, которые касаются колдовства и судебного поединка, не дают соответствующих доказательств продолжения варварства вплоть до эпохи, когда были написаны комментарии.

Даже если бы весь кодекс относился к одному периоду, он не отражал бы реального состояния нравов. Его предписания взяты из модели, к которой хотелось бы поднять общество, а его запреты — из худшего состояния преступности, которое можно было представить. Поэтому мы должны искать дух эпохи в общем духе кодекса; и даже тогда мы должны смягчить его черты, прежде чем мы достигнем реального состояния народа. Мы придерживались обычной терминологии, говоря об этом сборнике, но, хотя он был рано принят в качестве бесспорного авторитета в области права, мы вряд ли осмелились бы рассматривать его как кодекс, составленный для регулирования конкретного государства под санкцией правительства. Скорее, он представляется трудом ученого, призванным изложить его представление об идеальном государстве в рамках индуистских институтов. Исходя из этого предположения, оно отражает состояние общества так же точно, как и свод законов, поскольку очевидно, что оно включает в себя существующие законы, и любые изменения, которые в него могли быть внесены с целью приведения их в соответствие с заранее установленным стандартом совершенства, все равно должны были быть взяты из мнений, которые преобладали на момент его написания. Исходя из этих соображений, мы теперь приведем краткое изложение информации, содержащейся в Ману.

РАЗДЕЛЕНИЕ И ЗАНЯТОСТЬ КЛАССОВ

Первая особенность, которая бросается в глаза в обществе, описанном Ману, — это разделение на четыре класса или касты (священническую, военную, промышленную и рабскую). В них нас поражает поразительное возвышение и святость брахманов, а также тщательно продуманное унижение низшего класса.

Три первых класса, хотя и не равны между собой, все же относятся к одной категории: все они участвуют в определенных священных обрядах, которым в кодексе придается особое значение, и, по-видимому, составляют все сообщество, для управления которым и были разработаны законы. Четвертый класс и изгои рассматриваются только с точки зрения их вклада в благосостояние высших каст.

Брахман является главой всех созданных существ; мир и все в нем принадлежат ему: благодаря ему другие смертные наслаждаются жизнью; своими проклятиями он может уничтожить царя с его войсками, слонами, лошадьми и колесницами; он может создавать другие миры и правителей миров, а также давать жизнь новым богам и новым смертным. К брахману следует относиться с большим уважением, чем к царю. Его жизнь и личность защищены самыми строгими законами в этом мире и самыми суровыми наказаниями в следующем. Он освобожден от смертной казни даже за самые тяжкие преступления. Его правонарушения против других классов рассматриваются с замечательной мягкостью, в то время как все правонарушения против него наказываются с десятикратной строгостью.

Однако на первый взгляд может показаться, что брахманы, довольствуясь удовлетворением своей духовной гордости, не имеют намерения извлекать выгоду из мирских богатств или власти. Им предписана жизнь, полная усердных занятий, а также аскетизма и уединения.

Первую четверть своей жизни брахман должен провести в качестве ученика, ведя жизнь, полную воздержания и унижения. Его внимание должно быть неуклонно направлено на Веда и ни в коем случае не должно тратиться на мирские занятия. Он должен относиться к своему наставнику с беспрекословным послушанием, смиренным уважением и привязанностью, которые должны распространяться и на его семью. Он должен выполнять различные подчиненные обязанности для своего наставника и должен трудиться, добывая дрова и другие материалы для жертвоприношений, а также воду для возлияний. Он должен проживать исключительно за счет попрошайничества от двери к двери.

Вторую четверть своей жизни он живет с женой и семьей и выполняет обычные обязанности брахмана. Вкратце они заключаются в чтении и преподавании Вед, совершении жертвоприношений и помощи другим в их совершении, раздаче милостыни и принятии подарков.

Наиболее почетным из этих занятий является преподавание. Примечательно, что, в отличие от других религий, где достоинство священства проистекает из их служения в храмах, брахман считается униженным, если он выполняет обряды поклонения или помогает в жертвоприношениях в качестве профессии. Всем брахманам строго и неоднократно запрещается принимать подарки от низкородившихся, злых или недостойных людей. Они не должны принимать даже много подарков от безупречных дарителей и должны тщательно избегать привычки принимать ненужные подарки. Когда иссякают обычные источники дохода, брахман может, чтобы просто прокормиться, собирать урожай, просить милостыню, возделывать землю или даже (в случае крайней необходимости) заниматься торговлей; но он ни в коем случае не должен вступать в службу; он не должен прибегать к популярным разговорам, должен воздерживаться от музыки, пения, танцев, азартных игр и вообще от всего, что несовместимо с серьезностью и спокойствием.

Он должен, действительно, воздерживаться от всех чувственных удовольствий, избегать всего богатства, которое может помешать ему читать Веда, и избегать всех мирских почестей, как он избегал бы яда. Однако он не должен подвергать себя постам или другим ненужным суровостям. Все, что требуется, это чтобы его жизнь была пристойной и занятой предписанными занятиями и обрядами. Даже его одежда () описана с мельчайшими подробностями; и его легко представить (так же, как и ученых брахманов в наши дни):

тихим и сдержанным, чистым и приличным, «с подстриженными волосами и бородой, с подавленными страстями, в белом плаще и с чистым телом»; с посохом и экземпляром Вед в руках и яркими золотыми кольцами в ушах. Когда он погасил три долга, прочитав священные писания, зачав сына и совершив регулярные жертвоприношения, он может (даже во второй половине своей жизни) передать все своему сыну и остаться в семейном доме, не занимаясь ничем, кроме роли арбитра.

Третью часть своей жизни брахман должен провести как отшельник в лесу. Одетый в кору или шкуру черной антилопы, с нестриженными волосами и ногтями, спя на голой земле, он должен жить «без огня, без дома, в полной тишине, питаясь корнями и фруктами». Он также должен подвергаться многим и суровым искушениям, обнажаться под проливным дождем, носить влажную одежду зимой, а летом стоять посреди пяти костров под палящим солнцем. Он должен тщательно выполнять все жертвоприношения и обряды и считать своим особым долгом выполнение предписанных форм и церемоний религии.

В последний период своей жизни брахман почти так же уединен и отрешен, как и в третьем. Но теперь он освобожден от всех форм и внешних обрядов: его дело — созерцание; его искушения прекращаются. Его одежда больше похожа на одежду обычных брахманов, и его воздержание, хотя и остается значительным, но не таким строгим, как раньше. Он больше не должен привлекать страдания, а должен культивировать равнодушие и наслаждаться медитацией о Божестве, пока, наконец, не покинет тело «как птица покидает ветку дерева по своему желанию».

Таким образом, оказывается, что в течение трех четвертей своей жизни брахман был полностью изолирован от мира, а в течение оставшейся четверти, помимо того, что все его время было полностью занято церемониями и чтением Вед, ему было категорически запрещено наслаждаться богатством или удовольствиями и преследовать амбиции. Но при более близком знакомстве с кодексом становится очевидным, что эти правила основаны на прежнем положении брахманов и что, хотя они по-прежнему считаются образцом для подражания, на них уже повлияли соблазны власти и богатства.

Король должен иметь брахмана в качестве своего самого доверенного советника; и брахманы должны наставлять его в вопросах политики, а также в вопросах правосудия и всех наук. Вся судебная власть (за исключением той, которую осуществляет сам царь) находится в руках брахманов; и хотя чтение священных писаний не запрещено двум ближайшим к царю сословиям, их смысл можно понять только через толкование брахмана.

Толкование законов явно ограничено брахманами; и из самого кодекса мы можем понять, насколько большая часть законодательной работы находилась в руках этого сословия.

СОБСТВЕННОСТЬ БРАХМАНОВ

Собственность священного сословия защищена законом так же, как и его власть. Щедрость по отношению к брахманам является обязанностью каждого добродетельного человека и особым долгом царя. Жертвоприношения, подношения и все религиозные церемонии сопровождаются пирами и подарками брахманам, и эти дары всегда должны быть щедрыми: « » — «органы чувств и действий, репутация в этой жизни, счастье в следующей, сама жизнь, дети и скот — все это уничтожается жертвоприношением, принесенным священникам с незначительными дарами». Многие наказания могут быть заменены крупными штрафами, которые в полном объеме поступают священному сословию. Если брахман находит сокровище, он оставляет его себе; если его находит другой человек, король забирает его, но должен отдать половину брахманам. При отсутствии наследников имущество других лиц переходит королю, но имущество брахманов делится

между членами их сословия. Ученый брахман освобождается от всех налогов и, в случае нужды, должен содержаться королем.

Кража золота брахманов влечет за собой чрезвычайное наказание, которое назначается лично царем и в большинстве случаев, вероятно, является смертным. Их имущество защищается многими другими запретами: за нанесение вреда их скоту человек подвергается ампутации половины стопы.

Военный класс, хотя и далек от равенства с брахманами, все же пользуется почетом. Действительно, признается, что священнический орден не может процветать без военных, а военные — без священников, и что процветание обоих в этом мире и в следующем зависит от их сердечного союза.

Костюм индийского воина

(По материалам Солузена и Дрегера)

Военный класс в меньшей степени, по сравнению с вайшьями, пользуется тем же неравенством в уголовном праве, которое брахманы имеют по отношению ко всем другим классам. Король принадлежит к этому классу, как, вероятно, и все его обычные министры. Командование армиями и военными подразделениями, короче говоря, вся военная профессия и, строго говоря, все командные должности, также являются их родовым правом. Действительно, очень заметно, что даже в кодексе, составленном ими самими, за исключением толкования закона, брахманам никогда не разрешается вмешиваться в исполнительную власть.

Обязанности военного сословия заключаются в защите народа, милостыне, жертвоприношениях, чтении Вед и отказе от соблазнов чувственных удовольствий.

Ранг вайшьев не высок; ведь если брахману предписывается проявлять гостеприимство к незнакомцам, то ему предписывается проявлять доброжелательность *даже к купцу* и кормить его вместе со своими слугами. Помимо щедрых подарков, жертвоприношений и чтения Вед, обязанности вайшьи заключаются в том, чтобы держать стада скота, заниматься торговлей, давать в долг под проценты и возделывать землю.

Практические знания, требуемые от вайшьи, более общие, чем у других классов; помимо знания способов разведения скота и глубокого знакомства со всеми товарами и всеми почвами, он должен понимать продукцию и потребности других стран, заработную плату слуг, различные диалекты людей и все, что имеет отношение к покупке и продаже.

ПРЕЗРЕННЫЙ СУДРА

Обязанность шудры кратко сформулирована как служение другим классам, но в разных местах более подробно объясняется, что его главная обязанность — служить брахманам; и

ему специально разрешается, в случае нужды в средствах к существованию и невозможности получить службу от этого класса, служить кшатрию; или, если даже эта служба не может быть получена, обслуживать богатого вайшью. Общее правило гласит, что в бедственные времена каждый из классов может проживать за счет занятий, отведённых классам, стоящим ниже него, но никогда не должен посягать на занятия классов, стоящих выше него. У шудры нет класса ниже него, но если другие занятия не удаются, он может проживать за счёт ремесел, особенно столярного и каменного дела, живописи и письма.

Шудра может совершать жертвоприношения без чтения священных текстов, но для брахмана помощь ему в жертвоприношении является преступлением, требующим искупления. Брахман не должен читать Веды даже про себя в присутствии шудры. Обучение его закону или наставление его в способах искупления грехов погружает брахмана в ад, называемый Асамврита.

Ему даже запрещено давать ему временные советы. Нет преступления, которое бы так часто и так сильно осуждалось, как то, что брахман принимает подарок от шудры: оно не может быть искуплено даже покаянием, пока подарок не будет возвращен. Голодающий брахман может взять сухое зерно у шудры, но никогда не должен есть приготовленное им мясо. Шудра должен питаться остатками своего хозяина или его отброшенным зерном и одеваться в его изношенную одежду.

Он не должен накапливать богатство, даже если у него есть такая возможность, чтобы не стать гордым и не причинять боль брахманам.

Если шудра использует оскорбительные выражения по отношению к представителю высшего сословия, его язык должен быть перерезан. Если он сидит на одном сиденье с брахманом, ему должны нанести порез на той части тела, которая совершила оскорбление. Если он дает ему советы по поводу его религиозных обязанностей, ему должны капнуть горячее масло в рот и уши.

Это примеры законов, столь же нелепых, сколь и бесчеловечных, которые были приняты в пользу других классов против шудр.

Название «шудра» должно выражать презрение, а религиозное покаяние за его убийство такое же, как за убийство кошки, лягушки, собаки, ящерицы и различных других животных.

Однако, хотя униженное положение шудры достаточно очевидно, его точное гражданское положение отнюдь не так ясно. Шудры повсеместно называются *рабочим* классом; и в одном месте заявлено, что шудра, хотя и освобожденный своим хозяином, не освобождается от рабского положения, «потому что, — добавляется, — кто может лишить его положения, которое является для него естественным?».

Однако не каждый шудра обязательно является рабом отдельного человека, поскольку, как было замечено, им разрешается предлагать свои услуги кому угодно и даже заниматься торговлей за свой счет: нет никаких оснований полагать, что они являются рабами государства; и действительно, освобождение шудр от законов, запрещающих эмиграцию, показывает, что нигде не считалось, что существует полное право на их услуги.

Их право на собственность (которое было отказано рабам) признается во многих местах. Их личность защищена даже от их хозяев, которые могут наказывать их только в соответствии с законом, который в равной степени применим к женам, детям, ученикам и младшим братьям.

То, что существовали некоторые рабы-шудры, неоспоримо; но есть все основания полагать, что люди из других классов также могли попасть в рабство.

Таким образом, положение шудр было намного лучше, чем положение публичных рабов в некоторых древних республиках и, по сути, чем положение крепостных средневековья или любого другого рабского сословия, с которым мы знакомы.

СМЕШАНИЕ КЛАССОВ

Хотя граница между различными классами была очень четко обозначена, меры, принимавшиеся для предотвращения их смешения, по-видимому, не были столь строгими, как в более поздние времена. Законы в этом отношении, по-видимому, были продиктованы скорее ревностью к чести женщин из высших классов, чем заботой о чистоте рода.

Мужчины из первых трех классов могут свободно выбирать женщин из любой низшей касты, при условии, что они не отдадут им первое место в своей семье. Но браки с женщинами из более высокого класса не допускаются; преступные связи с ними караются самыми суровыми наказаниями, а их потомство понижается в статусе гораздо ниже, чем у любого из родителей. Сын брахмана от женщины из класса, стоящего ниже него, занимает положение между своим отцом и матерью; а дочери от таких союзов, если они в течение семи поколений выходят замуж за брахманов, восстанавливают чистоту своего рода до первоначальной чистоты священнического класса; но сын шудры от брахманской женщины является чандалой, «самым низким из смертных», и его отношения с женщинами из высших классов порождают «расу, более гнусную, чем их родоначальник».

Похоже, что даже во времена Ману представители разных классов не общались во время еды; и существует разительный контраст между сердечным праздником, рекомендованным брахманам с представителями их собственного класса, и сдержанным гостеприимством, с которым они должны готовить еду после брахманов для военного, приходящего в качестве гостя.

Однако в кодексе нет запрета на совместные трапезы с представителями других классов или на употребление пищи, приготовленной ими (что в настоящее время является серьезным поводом для потери касты), за исключением случаев с шудрами; и даже в этом случае преступление искупается семидневным питанием одной только жидкой кашей.

Потеря касты, как правило, наступала в результате преступлений или невыполнения предписанных искуплений за правонарушения.

Примечательно, что в четырех классах нет места для ремесленников: шудрам, конечно, разрешается заниматься механическими ремеслами в период нехватки другой работы, но не говорится, кому обычно принадлежит эта работа.

Из некоторых распределений следует, что ремесленники, как и сейчас, поставлялись из смешанных классов: это обстоятельство дает основание предполагать, что деление на касты произошло в то время, когда искусства находились в слишком простом состоянии, чтобы требовать отдельных рабочих для каждого из них; а также что между этим разделением и кодексом прошло много поколений, что позволило столь важной части занятий общины быть заполненной классами, сформированными после первоначального распределения народа.⁶

Это разделение всего народа только на четыре класса и их распределение по четырем видам занятий — устройство, которое в очень простом состоянии общества, в котором оно, должно быть, было введено, было большим шагом вперед, — должно было привести к возникновению бесчисленных неудобств по мере умножения потребностей общества. Самое необходимое для жизни, с небольшим количеством самых простых удобств, — это все, что

оно готово предложить для удовлетворения желаний человека. Поскольку эти желания быстро выходят за такие узкие рамки, вскоре должна была начаться борьба между первоначальными принципами человеческой природы и принципами политического устройства. Различным кастам было строго предписано вступать в брак только с представителями своего класса и профессии; смешение классов в результате союза полов предотвращалось самыми суровыми законами.^[19] Однако это было явление, которое законы не могли предотвратить. Происходили нарушения; рождались дети, которые не принадлежали ни к одной касте и для которых не было занятия. Ничто не могло быть более катастрофическим для общества, чем это. Нечестивые и позорные из-за нарушения священного закона, которому они обязаны своим нежеланным рождением, эти несчастные изгои не имели никаких средств к существованию, кроме милости со стороны устоявшихся классов, для которых они были предметом проклятия и отвращения, или грабеж этих же классов, к которому они прибегали со всей изобретательностью нуждающихся и со всей жестокостью сильно обиженных людей. Когда класс такого рода становился многочисленным, он, должно быть, наполнял общество величайшими беспорядками. В предисловии к сборнику индуистских законов, переведенному г-ном Халхедом, говорится, что после целой череды добрых царей, которые обеспечивали соблюдение законов и при которых народ жил в счастье, пришел злой и коррумпированный монарх, при котором законы нарушались, происходило смешение классов и появлялась новая безбожная раса. Брахманы казнили этого злобного царя и, приложив чудесную силу, создали преемника, наделенного самыми прекрасными качествами. Но королевство не процветало из-за буррен-сункеров, так называли эту нечистую расу, и потребовалась мудрость этого добродетельного царя, чтобы найти средство от этого зла. Он решил классифицировать смешанную расу и назначить ей занятия. Это, соответственно, стало началом искусств и ремесел. Буррен Сункер стали всевозможными ремесленниками и мастерами; одно племя из них стало ткачами, другое — кузнецами и так далее, пока не были исчерпаны все подразделения класса или не были удовлетворены потребности общества.

Таким образом, были устранены сразу два зла. Были удовлетворены растущие потребности развивающегося общества, а класс людей, являвшийся бичом общества, был обращен на его службу. Это еще одна важная эпоха в истории индуистского общества; достигнув этой стадии, оно, по-видимому, не сделало и не способно сделать большого прогресса. В священных книгах указаны тридцать шесть ветвей нечистого класса, описание которых и их занятий было бы утомительным и бесполезным. Самый высокий — это класс, произошедший от союза брахмана с женщиной из класса кшатриев, чья обязанность — обучение военным упражнениям. Самый низкий — это потомки шудры и женщины из священного класса. Это племя называется чандалами и вызывает сильное отвращение. Их профессия заключается в вывозе трупов, казни преступников и выполнении других обязанностей, считающихся в высшей степени нечистыми и унижительными. Если по законам Индостана шудры находятся в низком и презренном положении, то нечистые и смешанные классы находятся в еще более отвратительном и унижительном положении. Ничто не может сравниться с презрением и наглостью, которым подвергаются самые низшие из них. Они обречены жить в уединенном месте, чтобы не осквернять сам город, в котором проживают. Если они встречают человека из высших каст, они должны уступить ему дорогу, чтобы он не был заражен их присутствием.

«Избегайте, — говорит Тантра, — прикосновения чандалов и других низших классов. Тот, кто общается с ними, несомненно, падает из своего класса; тот, кто купается или пьет из колодцев или бассейнов, которые они создали, должен быть очищен пятью продуктами коров».^[20] Исходя из этого краткого описания классификации и распределения людей,

взятого из книг индусов, некоторые из наиболее умных наших британских наблюдателей ссылаются на нынешнюю практику людей, которая, по их утверждению, гораздо больше соответствует законам человеческого благосостояния, чем институты, описанные в древних книгах. Автор осознает это; институты, описанные в древних индуистских книгах, настолько несовместимы с законами человеческого благосостояния, что они никогда не могли соблюдаться с какой-либо точностью; в то же время совершенно очевидно, что институты, описанные в древних книгах, являются моделью, на основе которой сформировалась нынешняя структура индуистского общества; и когда мы рассматриваем мощные причины, которые так долго действовали, чтобы отвлечь, или, скорее, заставить индусов отказаться от своих неудобных институтов и обычаев, единственное, что вызывает удивление, — это то, что состояние общества, которое они сейчас демонстрируют, так сильно похоже на то, которое описано в их книгах. Президент де Гоге считает, что разделение народа на племена и наследственные профессии, подобное индуистскому, существовало в древней Ассирийской империи и что оно преобладало с древнейших времен почти во всей Азии. Кекропс разделил всех жителей Аттики на четыре племени. Позже Тесей объединил их в три, по-видимому, соединив священнический класс с классом дворян или магистратов. Тогда они состояли из знати и священников, рабочих или земледельцев и ремесленников; и нет сомнения, что, как у египтян и индийцев, они были наследственными. Аристотель прямо сообщает нам, что на Крите народ был разделен законами Миноса на классы по образцу египтян. У нас есть самое замечательное доказательство того, что в древности среди персов существовало деление, такое же, как у индусов. В «Зендавесте», переведенной Анкетилом Дюперроном, есть следующий отрывок: «Ормузд сказал: Есть три меры (буквально веса, то есть испытания, правила) поведения, четыре сословия и пять мест достоинства. Сословия: священников, солдат, земледельцев, источника богатства, и ремесленников или рабочих». Существует достаточно следов, доказывающих древнее существование аналогичной системы среди буддистов Цейлона, и, следовательно, можно сделать вывод о ее существовании среди других буддистов на такой обширной территории Азии.^d

УПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЕМ

Поскольку кодекс Ману подробно описывает жизнь индусов, он дает особенно четкие правила для законов и судов. Правосудие должно осуществляться лично королем при содействии брахманов и других советников; либо эта функция может быть делегирована одному брахману при содействии трех помощников того же класса.

Король имеет право на пять процентов от всех долгов, признанных ответчиком на суде, и на десять процентов от всех долгов, отрицаемых и доказанных. Эта плата, вероятно, шла напрямую судьям, которые таким образом получали вознаграждение, не нарушая закон, запрещающий брахманам работать за плату. Король или судья при рассмотрении дел должен внимательно наблюдать за выражением лица, жестами и манерой речи сторон и свидетелей. Он должен учитывать местные обычаи районов, особые законы классов и правила семей, а также обычаи торговцев: если это не противоречит вышеуказанному, он должен соблюдать принципы, установленные предыдущими судьями. Ни он, ни его чиновники не должны поощрять судебные тяжбы, хотя они не должны проявлять небрежности при рассмотрении любого регулярно возбужденного иска.

Царь, получающий доходы от своих подданных, но не предоставляющий им в ответ должной защиты, считается одним из худших преступников. Царь обязан терпеливо сносить грубые высказывания раздраженных истцов, а также старых или больных людей, которые предстают перед ним. Ему также запрещается выносить решения по собственному

усмотрению, не консультируясь с людьми, знающими закон, и категорически запрещается вмешиваться в любые сделки, которые были заключены в соответствии с законом. В ходе судебных процессов он должен придерживаться установленной практики.

Уголовное право

Уголовное право очень жестоко, и эта часть кодекса, наряду с религиозными наказаниями, оставляет более неблагоприятное впечатление о ранних индусах, чем любая другая часть институтов.

Однако оно не является кровожадным, за исключением случаев, когда на него влияют суеверия или предрассудки касты; и если в некоторых случаях наказания слишком суровы, то в других они слишком мягки. Каллиграфия (в основном руки) входит в число наказаний, как и во всех азиатских кодексах. Сожжение заживо является одним из наказаний для нарушителей священнического порядка; но отличием от большинства древних кодексов является то, что пытки никогда не применяются ни к свидетелям, ни к преступникам.

Наказания, хотя и не всегда суровые сами по себе, часто несоразмерны преступлению и зачастую формулируются настолько нечетко или противоречиво, что судьба преступника остается совершенно неопределенной; таковы наказания за прелюбодеяние и так называемые явные проявления склонности к прелюбодеянию. К последним относятся: разговор с женой другого мужчины в месте паломничества, в лесу или на слиянии рек; отправка ей цветов или духов; прикосновение к ее одежде или украшениям и сидение с ней на одной кушетке; однако наказанием является изгнание с нанесением на теле следов, которые могут вызвать отвращение.

Что касается самого прелюбодеяния, то сначала без оговорок объявляется, что женщина должна быть съедена собаками, а мужчина сожжен на железной постели; однако в следующих стихах оказывается, что наказанием за прелюбодеяние безотягчающих обстоятельств является штраф от 500 до 1000 пана.

Наказание, действительно, увеличивается пропорционально достоинству обиженной стороны. Даже солдат, совершивший прелюбодеяние с брахманской женщиной, если она обладает выдающимися качествами и должным образом охраняется, должен быть сожжен заживо в огне из сухой травы или камыша. Эти явные противоречия можно объяснить только тем, что составитель записал законы разных периодов или законы, поддерживаемые разными властями, не учитывая, как они соотносятся друг с другом.

За убийство не предусмотрено прямого наказания. Из одного отрывка можно заключить, что оно (так же как поджог и грабеж с применением насилия) карается смертной казнью, а более мягкие наказания, упомянутые в других местах, применялись в случаях, когда не было умысла; однако, поскольку убийство определенных категорий лиц впоследствии объявлено караемым смертной казнью, остается неясным, какое наказание предусмотрено за это преступление в простых случаях.

Кража на небольшую сумму наказывается штрафом, на большую сумму — отсечением руки, но если вор пойман с похищенным имуществом, то наказание смертное. Собранцы краденного и лица, укрывающие воров, подлежат такому же наказанию, как и вор. Примечательно, что в случаях мелкой кражи штраф для преступника-брахмана по крайней

мере в восемь раз превышает штраф для шудры, и шкала варьируется аналогичным образом и пропорционально между всеми классами. Царь, совершивший преступление, должен заплатить штраф, в тысячу раз превышающий штраф, который был бы наложен на обычного человека. За грабеж, по-видимому, назначается ампутация конечности, которая в основном используется для работы. Если грабеж сопровождается насилием, он карается смертной казнью; все, кто укрывает грабителей или снабжает их едой или орудиями, подлежат наказанию смертной казнью.

Нецензурная лексика еще более отличается неравенством наказаний между кастами, но даже в этой области права прослеживаются следы цивилизованного духа. Мужчины, упрекающие своих соседей в хромоте, слепоте или любой другой физической немощи, подвергаются небольшому штрафу, даже если они говорят правду. Нападения, если они происходят между равными, наказываются штрафом в 100 пана за пролитую кровь, более крупной суммой за ранение и изгнанием за перелом кости. Уже отмечалось огромное неравенство в наказаниях между мужчинами разных классов.

Преступления врачей или хирургов, которые вредят своим пациентам из-за недостатка навыков; разрушение изгородей, частоколов и земляных идолов; смешивание чистых товаров с нечистыми и другие обманы покупателей — все это подпадает под наказание от 250 до 500 пана. Однако продажа плохого зерна вместо хорошего влечет за собой суровое телесное наказание; и, что гораздо больше выходит за пределы справедливого различия, ювелир, виновный в мошенничестве, подвергается наказанию в виде порезания бритвами.

Некоторые правонарушения, не упомянутые в других кодексах, в этом кодексе наказываются с причудливым пренебрежением к их относительной важности; например, забросание родителей, сына или жены наказывается штрафом в 600 пана, а не приглашение соседа на развлечения в определенных случаях — штрафом в одну машу серебра.

Игроки, публичные танцоры и певцы, хулители Священного Писания, открытые еретики, люди, не выполняющие обязанности своего сословия, и продавцы спиртных напитков подлежат немедленному изгнанию из города.

Гражданское право

Законы гражданского судопроизводства значительно превосходят уголовный кодекс и, по сути, гораздо более рациональны и зрелы, чем можно было бы ожидать от столь раннего периода.

Закон о доказательствах во многих деталях напоминает английский: лица, имеющие материальную заинтересованность в деле, лица с плохой репутацией, слуги, близкие друзья, а также другие лица, лишённые права давать показания по менее веским основаниям, в первую очередь исключаются из числа свидетелей; однако при отсутствии других доказательств почти все категории лиц могут быть допрошены, при этом судья должным образом учитывает причины, лишаящие их права давать показания.

Два исключения, которые порочат эти в остальном благонамеренные правила, привлекли в Европе больше внимания, чем сами правила. Одно из них гласит, что дающий ложные показания с целью спасти жизнь человека любого сословия, который подвергся смертной казни, не лишится места в раю и, хотя и обязан совершить искупление, в целом совершил заслуживающее похвалы действие.

Другое исключение не касается судебных показаний, но гласит, что при ухаживании за женщиной, в случае, когда корова съела траву или фрукты, и в случае обещания, данного для защиты брахмана, не является смертным грехом дать легкую клятву. Из этих отрывков было сделано предположение, что индуистский закон прямо санкционирует лжесвидетельство; и этому приписывают распространенность ложных показаний, которая характерна для людей всех религий в Индии: однако в этом кодексе больше места уделено запрету ложных показаний, чем любому другому преступлению, и это преступление осуждается в таких же страшных выражениях, как и в любом европейском трактате по религии или праву.

«Обнаженный и остриженный, мучимый голодом и жаждой, лишенный зрения, человек, давший ложные показания, должен будет с черепком в руках просить милостыню у дверей своего врага». — «С головой вперед, в полной темноте, нечестивый негодяй, ответивший ложно на один вопрос во время судебного допроса, упадет в ад».

Кредитор имеет право, прежде чем обращаться в суд, вернуть свою собственность любыми доступными ему средствами, прибегая даже к силе в определенных пределах. Этот закон до сих пор действует в некоторых индуистских штатах настолько строго, что кредитор заключает своего должника в своем частном доме и даже держит его в течение определенного времени без еды и под палящим солнцем, чтобы заставить его вернуть долг. Проценты варьируются от двух процентов в месяц для брахмана до пяти процентов для шудры.

Правила, касающиеся мужа и жены, полны нелепостей; наиболее важные из них будут изложены после краткого описания законов, касающихся брака. Шесть форм брака признаны законными. Из них только четыре разрешены брахманам, которые (хотя и различаются в мелких деталях) все сходятся в том, что отец должен отдать свою дочь без получения вознаграждения. Остальные две формы разрешены только военному сословию и даже с этим ограничением являются весьма либеральными. Одна из них — когда солдат уводит женщину после победы и женится на ней против ее воли; другая — когда соитие происходит по обоюдному согласию, без какой-либо формальной церемонии. Два вида брака запрещены: когда отец получает свадебный подарок и когда женщина из-за опьянения или по другой причине неспособна дать реальное согласие на союз.

Девочка может выйти замуж в восемь лет или даже раньше; и если ее отец не дает ей мужа в течение трех лет после того, как она достигла брачного возраста (*т. е.* способна стать родителем), она имеет право выбрать себе мужа самостоятельно. Мужчины могут жениться на женщинах из классов, стоящих ниже них, но ни в коем случае не на тех, кто выше их по классу. Мужчина не должен вступать в брак с женщиной, которая является его родственницей в шести известных степенях с любой стороны, а также с женщиной, чья фамилия, будучи такой же, как его, указывает на то, что она принадлежит к той же расе, что и он. Брак между людьми равного класса заключается путем соединения рук; но женщина из военного класса, выходя замуж за брахмана, держит в руке стрелу; женщина из класса вайшьев — кнут; а женщина из класса шудр — подол плаща. Брак между равными наиболее рекомендуется, по крайней мере, для первой жены: брак брахмана с шудрой не приветствуется, а в качестве первой жены он категорически запрещен.

Брак нерасторжим, и стороны обязаны соблюдать взаимную верность. Из нескольких случаев, указанных ниже, в которых муж может взять вторую жену, можно сделать вывод (), что, за исключением этих случаев, он должен иметь только одну жену. Мужчина может жениться снова после смерти своей жены, но брак вдов не приветствуется, если не запрещен (за исключением случаев с шудрами). Жена, которая не может зачать ребенка в течение

восемью лет, или та, которая не родила мальчика в течение одиннадцати лет, может быть заменена другой женой.

Несмотря на это выражение, кажется, что первая жена сохраняет за собой высший ранг в семье. Пьяные и безнравственные жены, те, кто питают злобу к своим мужьям или виновны в очень большой расточительности, также могут быть заменены. Жена, которая покидает дом мужа или пренебрегает им в течение двенадцати месяцев без причины, может быть полностью покинута.

Мужчина, уезжающий за границу, должен оставить пропитание для своей жены. Жена обязана ждать своего отсутствующего мужа в течение восьми лет, если он уехал по религиозному долгу; шести лет, если он уехал в поисках знаний или славы; и трех лет, если он уехал только для удовольствия. Практика, позволяющая мужчине воспитывать детей своего брата, если тот умер бездетным или даже если (хотя и остался в живых) не имеет надежды на потомство, осуждается, за исключением судры или в случае вдовы, потерявшей мужа до вступления в брак.

Естественными наследниками мужчины являются его сыновья, их сыновья и сыновья его дочерей, когда они назначены в отсутствие наследников мужского пола, чтобы произвести на свет потомство для него. Сын его жены, зачатый близким родственником в то время, когда его собственная жизнь была обречена, в соответствии с ранее упомянутой практикой (которая, хотя и осуждается как еретическая, по-видимому, признается, когда она действительно имела место), также имеет право наследовать как сын. При отсутствии потомков, описанных выше, наследником становится приемный сын: такой сын теряет все права на наследство своего биологического отца и имеет право на шестую часть имущества своего приемного отца, даже если после его усыновления у того родились сыновья от его женой. При отсутствии вышеуказанных наследников следуют десять категорий сыновей, о которых могли подумать только индусы, для которых важность потомка с целью проведения погребальных обрядов превосходит большинство других соображений. К ним относятся сын жены мужчины от неизвестного отца, зачатый в то время, когда он сам долгое время отсутствовал, и сын его жены, которого она зачала без его ведома во время брака. Незаконнорожденный сын его дочери от мужчины, за которого она впоследствии вышла замуж, сын мужчины от замужней женщины, которая бросила своего мужа, или от вдовы, также относятся к этой категории; как и, наконец, его собственные сыновья от жены-шудры. Эти и другие (всего десять) признаются, по фикции закона, сыновьями, хотя сам автор кодекса пренебрежительно отзывается об отцовстве, даже как о средстве для проведения эффективных похорон.⁴

ИНДУИСТСКАЯ ТОРГОВЛЯ

В древнейших поэтических произведениях индусы представлены как торговый народ. И одним из признаков процветания и благополучия страны является то, что ее купцы могут путешествовать из одного места в другое, не опасаясь за свою безопасность и безопасность своих товаров. Более того, по-видимому, общественные нормы придавали высокий статус людям, занимавшимся торговлей. В *«Рамаяне»* мы узнаем, что при триумфальном въезде Рамы в столицу «все знатные люди, вместе с купцами и вождями народа» вышли ему навстречу; а замыкали процессию воины, торговцы и ремесленники.

Внутренняя торговля Индии не могла быть незначительной, поскольку в определенной степени она была обусловлена самой природой. Поскольку песчаные берега полуострова не производили в достаточных количествах продукты первой необходимости, в частности рис

(), импорт этих товаров из стран, граничащих с Гангом, стал абсолютно необходимым. В обмен на последние получали в основном специи, а также другие ценности, драгоценные камни и прекрасные жемчужины, которые можно было добыть только в океане, окружающем первых. Хотя хлопок, один из важнейших материалов, используемых для производства одежды, распространен по всей Индии и производится с одинаковой активностью как на побережье полуострова, так и в стране Ганга, тем не менее ткани этих двух стран настолько различаются по текстуре, что естественным образом возникла торговая взаимозаменяемость обоих видов.

Драгоценные металлы

Большое количество драгоценных металлов, особенно золота, которым обладает Индия, может вызвать наше внимание и удивление. Хотя в ней не было ни золотых, ни серебряных рудников, она всегда славилась своим богатством даже в самые ранние времена. В «Рамаяне» часто упоминается, что золото широко распространено по всей стране. И, как нам рассказывают, свадебный подарок Сите состоял из целой меры золотых монет и огромного количества того же драгоценного металла в слитках. Золотые колесницы, золотые упряжи для слонов и лошадей, а также золотые колокольчики также упоминаются как предметы роскоши и великолепия; и в ходе нашего исследования финикийской торговли уже было показано, что индусы были единственным народом, подчиненным этой империи, который платил дань золотом, а не серебром. Количество этого металла, бывшего в то время в обращении в Индии, позволяет нам с полным основанием сделать вывод о существовании значительной внешней торговли и торговли со странами, богатыми золотом.

Без сомнения, торговые операции с Индией во времена римлян и в течение некоторого времени после этого в основном осуществлялись за наличные деньги, которые не раз упоминаются как предмет импорта. И кто не помнит жалобы старшего Плиния на огромные суммы, ежегодно поглощаемые торговлей с Индией? Как, в самом деле, могло быть иначе, когда страна, которая производила в избытке всевозможные товары, необходимые для жизни или для утонченных удовольствий, конечно же, экспортировала много, а импортировала мало или ничего взамен, так что торговый баланс всегда был в ее пользу. Отсюда следовало, что с момента появления внешней торговли Индия обогащалась драгоценными металлами в силу самой природы вещей, а не в результате случайного стечения обстоятельств.

Монетная система; драгоценные камни; ткачество

Это естественным образом подводит нас к вопросу, имели ли индусы регулярную монету и как далеко уходит в прошлое ее использование. Нет сомнений в том, что драгоценные металлы, золото и серебро, особенно золото, были в очень древние времена установленным средством обмена в Индии; однако это не доказывает, что они чеканились. Если мы можем доверять опубликованным переводам местных произведений, то использование чеканных денег, по-видимому, было распространено в очень давние времена, поскольку об этом прямо упоминается в басне о Кришне.

Драгоценные камни и жемчуг, оба из которых являются местными продуктами, можно отнести к самым древним предметам индуистской роскоши и, следовательно, торговли; они даже прямо рекомендуются Ману вместе с кораллами и ткаными изделиями как наиболее важные товары, о цене и т. д. которых вайшьи должны были тщательно информировать себя. Было бы излишним приводить доказательства по этому вопросу из местных

источников, поскольку даже самые древние образцы индуистской скульптуры, найденные в скальных храмах, вполне подтверждают это. Согласно «Периплусу», драгоценные камни всех видов доставлялись из внутренних районов в порт Нелкинда; среди них особо отмечают алмазы и рубины; и поскольку первые являются родными для Индии, мы можем разумно заключить, что некоторые из рудников, где они добываются, должны были эксплуатироваться в очень далеком прошлом.

Использование и изготовление украшений из слоновой кости также имеет древнюю историю во всей Индии. Серьги и ожерелья из этого материала являются обычным украшением божеств Элефанты, как это наблюдалось еще во времена Александра. Прежде всего, искусство работы со слоновой костью, должно быть, достигло высокой степени совершенства, судя по тому, что упомянутые выше украшения, по-видимому, были вырезаны из одного куска.

Согласно единодушным свидетельствам истории и традиции, ткачество считается одним из важнейших видов производства в древней Индии, стране, которую природа щедро наделила всеми видами сырья для этой цели, особенно хлопком. Однако нам не известно, кто был изобретателем простого ткацкого станка, используемого индусами, который, по-видимому, с момента своего появления не претерпел никаких изменений. Разнообразие тканей, упоминаемых даже автором «Перипла», как предметы торговли, настолько велико, что вряд ли можно предположить, что их количество увеличилось впоследствии. Там мы читаем о тончайших бенгальских муслинах; о грубых, средних и тонких тканях, однотонных или полосатых; о грубых и тонких ситцах; о цветных шаялях и поясах; о грубых и тонких пурпурных изделиях, а также о кусках золотой вышивки; о пряженом шелке и мехах из Серики. Хлопчатобумажная одежда индусов была первой, что привлекла внимание греков, благодаря необычайной белизне ткани; она описывается как изготовленная и носящаяся так же, как и в наши дни. Сведения об этой ткани, которые мы находим у пророка Иезекииля, приводят нас к аналогичным выводам. То, что «цветные ткани и богатая одежда», привезенные в Тир и Вавилон из дальних стран, были частично индийского производства, вряд ли вызывает сомнения после того, что уже было сказано о масштабах финикийской и вавилонской торговли.

Одурманивающие напитки; специи; парфюмерия

Древняя Индия знала более одного вида крепких и опьяняющих напитков; однако их употребление было отнюдь не повсеместным. *Рамаяна* различает суров, которые баловались этими напитками, и асуров, которые воздерживались от них; две секты, которые даже в то время, должно быть, существовали довольно давно, поскольку они упоминаются в старой басне о потомках Адити (которые являются сурами) и Дити (которые являются асурами).

В разделе о крепких напитках вино упоминается в «*Рамаяне*» более одного раза. Если мы предположим, что речь идет о вине из винограда, то в таком случае оно должно было быть импортным, поскольку, насколько нам известно, в Индии виноград не прессуют. Однако весьма сомнительно, что в упомянутых отрывках имеется в виду именно этот вид вина; и даже если допустить, что оно было завезено в страну еще во времена «*Рамаяны*», вряд ли оно было обычным напитком простых солдат, как и в наши дни. На самом деле гораздо более вероятно, что под этим выражением подразумевается пальмовое вино, поскольку его можно было легко приготовить в любой части Индии (), а кроме того, во времена «*Перипла*» оно импортировалось из Аравии, что и является причиной его названия «арабское вино».

Однако крепкие спиртные напитки, наиболее распространенные в Индии, по-видимому, были получены путем дистилляции. В *«Рамаяне»* упоминается напиток такого рода, получаемый из фруктов и сахарного тростника; а в *«Ману-законах»* мы находим три основных вида, различающихся в зависимости от того, были ли эти напитки получены путем дистилляции из мелассы, измельченного риса или цветков мадухи. О последнем мы ничего не знаем, кроме самого названия; два первых, скорее всего, соответствуют современным арак и ром. Брахманам запрещено употреблять все три вида.

Индия является родиной специй; и мы уже показали в ходе нашего исследования финикийской торговли, что с древнейших времен она поставляла этот товар во весь западный мир. Хотя в немногих имеющихся в нашем распоряжении местных источниках нет особого упоминания о специях, мы не можем сомневаться в их потреблении в самой стране. Однако это молчание является лишь следствием случайных причин, поскольку ни Ману, ни *Рамаяна* не имели особых поводов упоминать об этом предмете. Но совершенно точно известно, что перец был очень рано известен западному миру как товар, поскольку Теофраст даже различает несколько его разновидностей. Вместе с самой специей, название «перец» также, по-видимому, мигрировало, вероятно, через Персию, в страны Запада. Нет сомнений, что он первоначально происходил из южных частей Малабара, из Кочина и его окрестностей, которые были отмечены Космасом в VI веке как место произрастания перца и остаются таковыми и по сей день.

Что касается парфюмерных изделий, то здесь мы можем высказаться более определенно. Они бывают разных видов, частично иностранного происхождения, как ладан, а частично местного, как сандаловое дерево, которое часто упоминается в *«Рамаяне»* и *«Гитаговинде»* и было широко распространено как в Индии, так и в Китае.

Духи в целом, и ладан в частности, с древнейших времен использовались не только для жертвоприношений; они были также незаменимыми атрибутами частной жизни индусов, и прежде всего во время праздников; пример этого можно найти в *«Рамаяне»*, где поэт описывает торжественное вступление Бхараты в столицу своего деда: «Жители, полив улицы, посыпали их песком и украсили цветочными горшками, выстроенными в ряд и содержащими ароматные растения в полном цвету. Город был украшен гирляндами и источал ароматы ладана и сладко пахнущих духов». Особого внимания заслуживает количество ладана, потребляемого в Индии, поскольку он не является местным продуктом, а импортируется из Аравии. Многие другие виды духов упоминаются в *«Перипле»* как местные, поэтому мы вряд ли можем сомневаться в том, что они использовались в очень далекой древности.

Здесь не место для подробного перечисления всех предметов торговли, упоминаемых в самых ранних описаниях Индии, таких как, например, рабыни, предназначенные для пополнения гаремов; различные виды красок, такие как шеллак и индиго; а также неблагородные и драгоценные металлы; не забывая о знаменитой индийской стали и многих других ценных продуктах. Но уже сказано достаточно, чтобы показать масштабы древней индуистской торговли с учетом ее основных предметов.

Торговые пути

Однако характер страны делал внутреннюю торговлю Индии отличной от торговли в остальной Азии в отношении транспортировки, поскольку не было необходимости, да и не всегда было возможно, использовать караваны, как в обширных районах внутренней Азии.

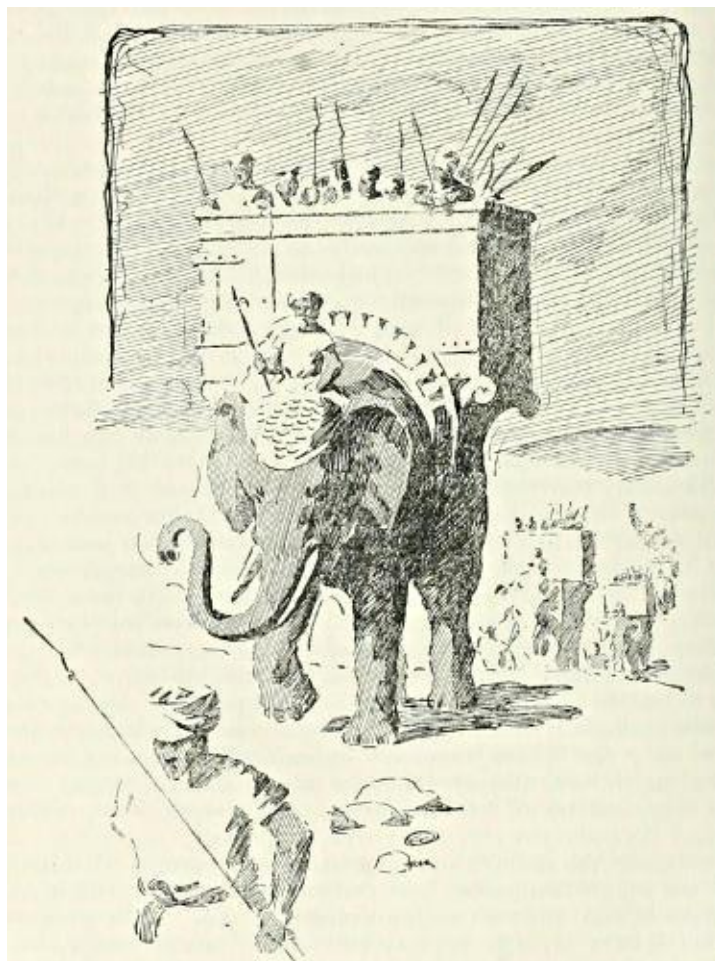
О том, что к этому способу перевозки все же иногда прибегали, мы узнаем из прекрасного эпизода « » о Нале, где Дамаянти в своем бегстве, как показано, присоединилась к каравану купцов. Но в данном случае в качестве вьючных животных использовались ручные слоны, которые поэтому были атакованы ночью и рассеяны своими дикими собратьями из леса; кроме того, упомянутый караван, по-видимому, принадлежал какому-то королевскому особу, а не компании частных купцов. Большая часть Индии, то есть весь полуостров, пересеченный скалистыми горами, едва ли позволяла использовать верблюдов, а умеренные расстояния между городами и общее распространение цивилизации позволяли купцам путешествовать в полной безопасности, в то время как речное судоходство и прибрежная торговля предоставляли необычные возможности для транспортировки товаров.

Ганг и его притоки были главными торговыми путями северной Индии; упоминается также о судоходстве по рекам полуострова на юге. Вполне вероятно, что искусственные пути между Гангом и Индом, как мы видим в более поздние времена, существовали даже в более ранний период. Великие магистрали, пересекающие страну, не только часто упоминаются в «*Рамаяне*», но мы также читаем об особом классе людей, которые были уполномочены поддерживать их в исправном состоянии. Согласно Арриану, торговые связи между восточным и западным побережьями осуществлялись на судах, построенных в стране; и если учесть древность жемчужного промысла в проливах Цейлона, а также необходимые для этого условия, то можно с уверенностью сказать, что так было и за много сотен лет до его времени. Похоже, что перевозка товаров караванами, как в других странах Востока, всегда оставалась чуждой практике Индии, если только многочисленные паломники и кающиеся, которые постоянно прибегали к святым местам, не компенсировали ее отсутствие. Почти бесчисленные толпы, ежегодно стекающиеся в Бенарес, Джаганнатх и другие места, насчитывающие многие сотни тысяч душ, очевидно, давали бы начало своеобразной торговле, соединенной с религиозным поклонением; а рынки и ярмарки были бы естественным и действительно незаменимым условием для удовлетворения потребностей таких толп людей. Следовательно, можно сказать, что учреждения, называемые «чултри», строительство которых считалось религиозным долгом и которые нередко демонстрировали все великолепие местной архитектуры, имели сходное назначение с караван-сараями других восточных стран, хотя сходство между ними не было абсолютно полным.

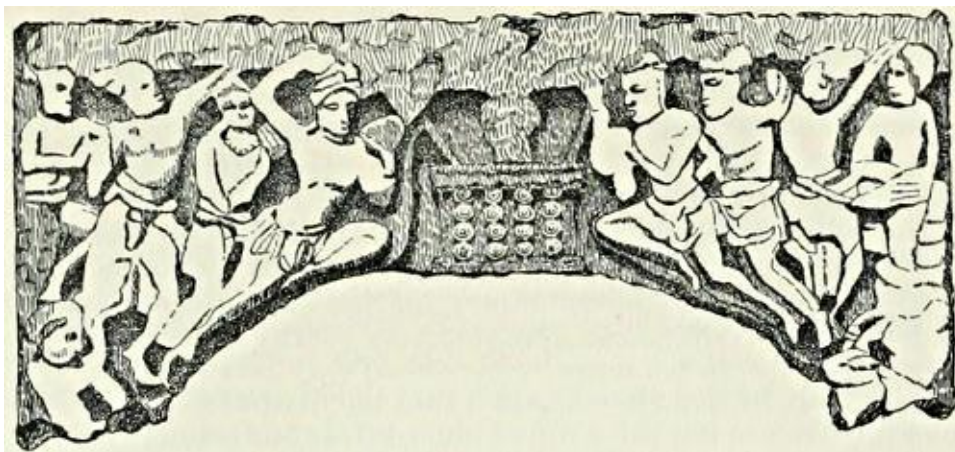
Природа страны и ее продукция, а также особый характер самого народа способствовали тому, что индуистская торговля носила скорее пассивный, чем активный характер. Поскольку продукция Индии всегда пользовалась большим спросом в западном мире, индусы явно не имели необходимости сами перевозить ее в другие страны; они, конечно, ожидали, что жители этих стран сами приедут и заберут то, что им нужно. Кроме того, индуистский национальный характер не претендует на тот смелый дух приключений, который способен достигать самых необыкновенных целей. Хотя их басни изобилуют удивительными подвигами, сам народ доволен тихой и мирной жизнью, с той активностью, которая необходима для управления плугом или челноком, без риска опасных и ненужных приключений. Их Индия — их Джамбу-двипа — по их оценкам, составляла пределы известного мира. Отделенная от остальной Азии цепью непроходимых гор на севере, а со всех других сторон океаном, который, хотя их законы и молчат на этот счет, но, по крайней мере, их привычки и обычаи не позволяли им пересекать; мы не можем найти никаких достоверных доказательств того, что индусы когда-либо были мореплавателями.^b

[19] Первоначальная система, по-видимому, была очень либеральной в этом отношении, и каждая каста могла брать в жены представителей касты или каст, стоящих ниже них, а также представителей своей собственной касты. «Только женщина из касты шудр может быть женой шудра; она и вайшья из касты вайшья; они тоже и кшатрий из касты кшатриев; те тоже и брахмани из касты брахманов». Ману, iii. 13. И хотя для брахмана было грехом жениться на женщине из касты шудр, такие вещи все же происходили.

[20] Коулбрук об индийских классах, *Asiat. Research.*, Vol. LIII.

Индийская армия на марше

Древний индийский барельеф

ГЛАВА IV. БРАХМАНИЗМ И БУДДИЗМ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БРАХМАНИЗМА

В обширных высокогорьях, образованных соединением великих горных цепей Болор-Таг на северо-западе Гималаев, где, недалеко от истоков Оксуса и других великих рек, простирается плато Памир, «крыша мира», проживает крепкая кочевая раса, обладающая зачатками цивилизации и называющая себя «превосходными» арийцами, в доисторические времена пасла своих лошадей и стада. Отрезанная на севере и востоке непроходимыми горами от Центральной Азии, страна на западе и юге была предназначена для развития их природных способностей. Когда арии, следуя врожденному кочевому инстинкту всех скотоводческих народов, покинули свои дома, одна часть из них поселилась в горных районах к северу и западу от Гиндукуша (Паропамис), которые в греческих писаниях носили названия Согдианы, Бактрии, Гиркании и Арахосии; другая часть ушла дальше, пересекла юго-западные перевалы этих гор и заняла богатую, плодородную землю на берегах Инда (Синд). Первые, называемые иранцами или, согласно их священному языку, народом зенд, со временем развились до уровня культуры, который их завоеватели — мидийцы и персы — переняли у них. Вторая часть, называемая среди других народов древнего мира индийцами или индусами по имени главной реки их земли, стала создателем той совершенной религиозной системы, тех своеобразных политических и правовых форм и той санскритской литературы, которые мы до сих пор восхищаемся в их остатках и традициях.

Коренные жители, темнокожие расы с грубыми обычаями и диким образом жизни, были частично истреблены или оттеснены в леса арийскими переселенцами, частично порабощены и обращены в рабство, и таким образом между двумя расами был воздвигнут непреодолимый барьер.

Глубокое презрение, с которым завоеватели смотрели на завоеванных, усилило в индийском сознании ту самодовольную заносчивость, которая привела брахманов к тому, что они считали всех людей, говорящих на другом языке или подчиняющихся другим законам, варварами, называемыми ими млечча (*т. е.* слабыми), с которыми они должны избегать всякого смешения и всяких социальных контактов.

Нет достоверных исторических сведений древности, которые пролили бы свет на развитие и постепенную эволюцию культуры ариев, и поэтому до появления хроник « » и легенд буддистов в шестом и пятом веках, а также записей греков в четвертом и третьем

веках, ее можно восстановить только по нескольким следам и аналогиям. Брахманы не проявляли ни малейшего интереса к записям; напротив, они стремились стереть все воспоминания о более ранних временах и других условиях, чтобы условия и взгляды, которые развились позднее, казались людям первоначальными. Поэтому хронологический порядок повествований, взятых из национальных поэм и религиозных писаний, неизбежно очень неполный и прерывистый, так что о более древних периодах можно только догадываться.

С момента их переселения в район Инда, которое, вероятно, произошло в третьем тысячелетии до нашей эры, и до пятнадцатого века арии жили в Стране пяти рек, вплоть до священной Сарасвати. Разделенные на многочисленные племена, они вели оседлый скотоводческий и земледельческий образ жизни под руководством старейшин, вождей и царей, поклоняясь богу солнца Индре и другим силам природы с помощью песен и жертвоприношений, а также закаляя себя в сражениях и межплеменных распрях. В древнейших частях Вед до сих пор сохранились некоторые песни и заклинания, которые пели на праздниках богов или на жертвенных пирах покойников.

В ходе постепенной экспансии на юг они, возможно, достигли устья Инда к XIV или XIII веку, а на южном побережье, возможно, заключили торговые союзы с вавилонянами и финикийцами. Рассказ Диодора, взятый из сочинений греческого историка Ктесия, о путешествии царицы Семирамиды к Инду и ее сражении с «повелителем земли» (Стабробат-Стхаварапатис), несмотря на его сказочную преувеличенность, кажется, основан на исторической традиции, которая в сочетании с сообщением о том, что Семирамида основала город Кофен на реке Кабул, склоняет к доказательству того, что в это время страна на правом берегу Верхнего Инда была подчинена ассирийцам и платила им дань.^[21]

Второй этап эволюции связан с завоеванием земель Ганга, начавшимся примерно в XIV веке до нашей эры, когда начался героический период, полный воинственных подвигов, следы которых сохранились в древнейших легендах национального эпоса «*Махабхарата*» и «*Рамаяна*», а также в именах некоторых племенных князей и правящих семей. Мы имели бы более точную информацию об этом периоде героической деятельности, если бы героические поэмы позже не претерпели полной трансформации под рукой брахманов, но даже в их нынешнем виде они все еще сохраняют ядро исторической правды, хотя и более скрытое и завуалированное, чем у других народов. Чем дальше арии продвигались на восток, тем больше их покинутая родина на Инде и его притоках рассматривалась как священная родина, где арийская раса не смешивалась с иностранными элементами и где священный санскритский язык сохранял свою первоначальную чистоту. Но патриархальные институты и старая природопоклонническая религия со временем были настолько вытеснены из памяти расы, что оставшиеся племена, которые не поспевали за эволюцией народа Ганга или придерживались старых форм, были исключены из религиозного сообщества и правовой системы поклонников Брахмы как нечистые и низшие. Некоторые из этих племен в верховьях Инда находились под властью Персии и прошли в составе армии Ксеркса до равнин Элевсина.

Национальная сила индийцев, по-видимому, была подорвана веками длительных борьбы, сначала против коренного населения, а затем, после его порабощения или изгнания, между самими арийскими расами, когда первые поселенцы стремились защитить завоеванную территорию от более поздних иммигрантов. Поэтому, когда оружие наконец было сложено, священникам не составило труда подавить воинственную часть населения, которая была господствующей в героический период, но потеряла свои лучшие силы и самых способных лидеров в кровопролитных сражениях, тем более что изнурительный климат и плодородие

их нового места обитания на Ганге и Джумне были более благоприятны для религиозного созерцания и мирного образа жизни, чем для воинственного азарта и военной жизни.

Эти обстоятельства в сочетании с более пассивным и вегетативным характером народа благоприятствовали усилиям брахманов по подчинению всей внешней и внутренней жизни нации священническому господству. Они вытеснили старую религию природы пантеистической доктриной эманации Брахмы как души мира и отвели героическому Индре и его множеству богов подчиненное место хранителей мира. Они ограничили свободное развитие национальной мощи строгим исключительным порядком каст, в котором они занимали первое место, и подавили всю естественную деятельность бесконечными церемониальными и ритуальными законами, жертвоприношениями и очищениями. Они наложили мрак на жизнь на земле и подавили все удовольствия жизни и радостные порывы ужасающей доктриной перерождения и наказания в аду. Они проповедовали мрачный аскетизм, полный искуплений и покаяний, умерщвление плоти и всех чувственных удовольствий посредством погружения в воображаемое Божественное Существо как самый верный способ освободить душу от оков тела и вернуть ее в небесный дом из этой жалкой земной жизни.

Более того, брахманы не только получили власть над сферой религии и наделили ее своеобразным спиритуалистическим характером, но и пытались получить власть над государством и законом, а также регулировать их своими предписаниями, а также гражданскую жизнь во всех ее проявлениях. С этой целью они ввели в действие свод законов, якобы исходящий от Ману, который должен был иметь силу во всех индийских государствах и который с помощью суровых наказаний и строгого королевского деспотизма, основанного на власти чиновников и полиции, держал народ в состоянии покорного подчинения.

Брахманы были более заинтересованы в том, чтобы индийцы вели однообразную жизнь в соответствии с предписаниями закона, чем в том, чтобы отдельные королевства объединились в одно политическое целое и сформировали державу с сильными внешними связями. Поэтому индийская нация никогда не была объединена общим союзом, но, так же как различные касты существовали бок о бок, но отдельно и без каких-либо общих интересов, так и индийская страна была разбита на множество более или менее крупных государств, не имеющих никакой внешней связи. Они никогда не образовывали федеративного государства и даже конфедерации государств. Разделенные и разобщенные, и нередко находясь в враждебных отношениях, различные царства были столь же различимы, как и касты, а сами царства, в свою очередь, состояли из множества разобщенных деревень и городских общин, слабо связанных между собой только для удобства налогообложения и надзора.

Эти политические и социальные разделения и разрывы не были рассчитаны на то, чтобы обратить внимание индейской расы на политическую жизнь, поэтому она отвернулась от жалкого режима, в котором мрачная тирания подавляла всякую радость жизни, следила за всякой духовной деятельностью и искала свое счастье и спасение в сфере веры и фантазии, в мире воображения и грез. Она погрузилась в божественное, наполнила небо и землю духами и высшими существами всех видов, и в увлекательном мире легенд и рассказов о святых, басен о чудесах и мифов о кающихся она забыла о реальном мире с его угнетением каст, деспотизмом князей и чиновников и кровососущей системой налогообложения. Таким образом, индийцы на Ганге более чем любая другая раса ушли от реальной практической жизни, потому что «царство фантазии было их родиной, а небо — их домом».

Такова была линия поведения индийской культуры до VI века до нашей эры, и она распространилась на большую часть полуострова Декан скорее благодаря миссионерской

деятельности и колонизации брахманов, чем силой оружия. Затем из брахманизма развился буддизм, который стал мощным катализатором для всей Восточной Азии. Более того, новая доктрина не осталась без влияния на брахманическую религиозную систему. Понимание того, что люди были так привязаны к учению Будды, потому что оно лелеяло веру в то, что бог явился на земле в человеческом обличье, привело брахманов к разработке учения о воплощениях. Они разделили творца Брахму, который всегда оставался непостижимым понятием для народного сознания, на три формы и учили, что самая популярная и благотворная форма этого триединого божества, Вишну, оживляющий, поддерживающий дух природы, время от времени появлялся на земле в человеческом обличье, чтобы восстановить порядок в нарушенном устройстве мира и вернуть заблудшее человечество на правильный путь. Рама и Кришна, герои национальных эпосов, были представлены как такие воплощения Вишну, и песни о героях были переработаны в соответствии с этой идеей. Поэтому глубокая речь Бхагавад-гиты была включена в *Махабхарату*, в которой очевидна попытка примирить веру буддистов с доктриной Брахмы.

Затем в Индию проникла эллинская культура, и, возможно, именно под влиянием Греции многие науки и искусства, такие как знание зодиака, научная астрономия, чеканка монет и т. д., были впервые приняты на земле Ганга. Эллинский дух, по-видимому, оказал влияние на развитие поэзии и пластических искусств, по крайней мере, в области драматургии и архитектуры. Греческая культура также привела к раннему проникновению христианских взглядов в Индию; в идее личного бога, которая позже стала доминирующей, и в эволюции учения Вишну-Кришны нельзя игнорировать влияние христианских идей.

В македонский и александрийский периоды, когда Индия вступила в контакт с западной азиатской и греческой культурой, духовная жизнь Индии зашла в тупик, творческий дух угас. Спекулятивный и пытливый ум породил множество теорий и систем и применил их к жизни с удивительной последовательностью; теперь он был исчерпан и оставил потомкам чудесные образы в виде строгих форм и категорий для внутренней и внешней жизни.

С присущей восточной природе упорством индийцы на протяжении всех веков, вплоть до наших дней, сохранили религиозные представления, фантастическую доктрину богов, угнетающий порядок каст, строгий аскетизм, веру во второе рождение, короче говоря, все формы и теории, которые парализовали и сломали моральную и производительную силу нации. Сколько бы завоевателей ни давили железным каблуком на шею народа, сколько бы бурь и войн ни сеяли смерть и опустошение на священной земле, эти принципы индийской жизни пережили все изменения и выдержали все угнетения, преследования и попытки обращения в другую веру.

Деспотизм и власть каст, проникшие в индийскую природу, наделили ее силой выносливости и пассивного сопротивления, которую не могла сломить никакая внешняя сила (). Хитрость, уловки, притворство, ложь и обман, оружие и пороки всех слабых и угнетенных, помогали индийцам выносить свое мучительное положение. Они склонялись под гнетом власти, не теряя своего характера; и поскольку смерть всегда казалась им выгодой, а аскетизм притуплял их страдания, они всегда принимали смерть со спокойствием и стоицизмом.^b

Прочитав рассказ о возникновении брахманизма, мы можем более подробно изучить его моральный кодекс, прежде чем перейти к буддизму.

Религия, преподаваемая в институтах, происходит из Вед, на которые они ссылаются на каждой странице. Существует четыре Веды, но четвертая отвергается многими учеными индустрами, и их число сокращается до трех.

Основная доктрина Вед — единство Бога. «В действительности, — повторяется в текстах, — существует только одно Божество, Высший Дух, Господь Вселенной, чьим творением является вселенная».

Среди созданий Высшего Существа есть некоторые, превосходящие человека, которых следует почитать и от которых можно получить защиту и милость через молитву. Наиболее часто упоминаются боги стихий, звезды и планеты, но также появляются и другие олицетворенные силы и добродетели. «Три главных проявления Божества (Брахма, Вишну и Шива) с другими олицетворенными атрибутами и энергиями, а также большинство других богов индуистской мифологии действительно упоминаются или, по крайней мере, указываются в Ведах, но поклонение обожествленным героям не является частью этой системы». Брахма, Вишну и Шива редко упоминаются, не пользуются превосходством и никогда не являются объектами особого поклонения; и г-н Коулбрук не смог найти ни одного места, где бы упоминалось об их воплощениях. По-видимому, не существовало никаких изображений и видимых образов объектов поклонения. Доктрина монотеизма преобладает во всех институтах; и в конце заявлено, что из всех обязанностей «главная — получить из Упанишад истинное знание об одном верховном Боге». Но хотя Ману сохранил идею единства Бога, его мнения о природе и действиях Божества отклонились от чистоты их первоначального вида. Это особенно очевидно в его описании сотворения мира. В Ведах есть отрывки, в которых говорится, что Бог является «материальной, а также действенной причиной вселенной; гончаром, который лепит глиняную вазу; глиной, из которой она изготовлена»: однако те, кто лучше всего подходит для интерпретации, полагают, что эти выражения не следует понимать буквально и что они означают не более, чем утверждение происхождения всех вещей от одной и той же первопричины. Общая тенденция Вед заключается в том, чтобы показать, что как субстанция, так и форма всех созданных существ происходят от *воли* Самосуществующей Причины.

Напротив, «Институты», хотя и не очень четко, по-видимому, рассматривают вселенную как сформированную из субстанции Творца и имеют смутное представление о вечном существовании материи как части божественной субстанции. Согласно им, «Самосуществующая Сила, сама по себе неразличимая, но делающая этот мир различимым, с пятью элементами и другими принципами, явилась с не уменьшенной славой, рассеивая мрак».

«Он, пожелав создать различные существа из своей божественной субстанции, сначала мыслью создал воды и поместил в них плодотворное семя».

Из этого семени возникло мирское яйцо, в котором Верховный Существо родилось в образе Брахмы. Подобным мифологическим образом он, в образе Брахмы, создал небо и землю, а также человеческую душу; и всем существам он дал отдельные имена и отдельные занятия. Он также создал божества «с божественными атрибутами и чистыми душами» и «низших гениев, изысканно утонченных». Все это творение существует только в течение определенного периода; когда он истекает, божественная энергия уходит, Брахма поглощается высшей сущностью, и вся система исчезает. Эти исчезновения творения с соответствующими возрождениями происходят периодически, с огромными промежутками времени.

Низшие божества являются представителями стихий, таких как Индра — воздух, Агни — огонь, Варуна — вода, Притхиви — земля; или небесных тел, таких как Сурья — солнце, Чандра — луна, Вриспати и другие планеты; или абстрактных идей, таких как Дхарма — бог справедливости, Дханвантари — бог медицины. Ни один из героев, которые не упоминаются в Ведах, но которые сейчас занимают столь видное место в индуистском пантеоне (Рама, Кришна и т. д.), никогда не упоминается. Даже божества, воплощениями которых они являются, никогда не упоминаются. Брахма упоминается более одного раза, но Вишну и Шива — никогда. Эти три формы Божества не занимают заметного места среди божеств Вед; и их мистический союз или триада никогда не упоминается в Ману, и, вероятно, в Ведах. Три формы, в одну из которых, как там говорится, могут быть решены все другие божества, — это огонь, воздух и солнце.

Совершенно отличными от богов являются добрые и злые духи, которые в творении упоминаются скорее среди животных, чем среди божеств: «доброжелательные духи, свирепые великаны, кровожадные дикари, небесные хористы, нимфы и демоны, огромные змеи и птицы с могучими крыльями, а также отдельные группы питри, или прародителей человечества».

Человек наделен двумя внутренними духами: жизненной душой, которая приводит в движение тело, и разумной, которая является источником страстей и хороших и плохих качеств; и обе эти души, хотя и являются независимыми сущностями, связаны с божественной сущностью, которая пронизывает все существа. Именно жизненная душа искупает грехи человека. Она подвергается мучениям в течение периода, соразмерного ее проступкам, а затем отправляется в переселение через людей и животных, и даже растения; чем ниже ее жилище, тем больше ее вина, пока она, наконец, не очистится страданиями и унижениями, не воссоединится со своими более чистыми товарищами и не начнет снова путь, который может привести к вечному блаженству.

Практическая часть религии может быть разделена на ритуальную и моральную. Ритуальная часть занимает слишком большую часть индуистского кодекса, но не исключает моральную. Существуют религиозные церемонии во время беременности матери, при рождении ребенка и по различным последующим поводам, главным из которых является бритье головы, за исключением одной пряди, в первый или третий год. Но, безусловно, самой важной церемонией является посвящение в священную нить, которое не должно откладываться дольше шестнадцати лет для брахмана или двадцати четырех лет для купца. Эта великая церемония называется вторым рождением и дает трем классам, которые допускаются к ней, титул «дважды рожденных людей», по которому они всегда отличаются во всем кодексе. Именно по этому случаю посвященным преподают таинственное слово «ом» и «гаятри», который является самым священным стихом Вед, который предписывается повторять в бесчисленных частях кодекса либо в качестве преданности, либо в качестве искупления; и который, действительно, в сочетании с всеобщей доброжелательностью, может поднять человека до блаженства без помощи каких-либо других религиозных упражнений. Этот таинственный текст, хотя в настоящее время он ограничен брахманами- и его уже не так легко выучить, был хорошо изучен учеными европейцами и переведен г-ном Коулбруком следующим образом: «Давайте медитировать на восхитительный свет Божественного Правителя; пусть он направляет наш интеллект».

Из более полных форм того же стиха становится очевидным, что упомянутый свет является Верховным Создателем, хотя он также может означать солнце. Нелегко понять, на чем основана его высшая святость, если только он когда-то не раскрывал, хотя и в двусмысленной форме, тайну истинной природы Бога посвященным, когда материальное солнце было популярным объектом поклонения.

Каждый брахман, и, возможно, каждый дваждырожденный человек, должен ежедневно купаться; должен молиться на рассвете и в сумерках, в каком-нибудь малопосещаемом месте рядом с чистой водой; и должен ежедневно совершать пять таинств, а именно: изучать Веды; приносить жертвы манам и огню в честь божеств; давать рис живым существам; и с почестями принимать гостей. Боги почитаются с помощью сожжения очищенного масла и возлияний сока лунного растения, во время этих церемоний их призывают по имени; но хотя и упоминаются идолы, и в одном месте выражается желание уважать их, поклонение им никогда не упоминается без осуждения; также никогда не упоминается нынешняя практика подношения им благовоний и цветов.

Чтение Вед — серьезное занятие. Их нужно читать отчетливо и вслух, со спокойным умом и в почтительной позе. Чтение может быть прервано многими предзнаменованиями, а также должно быть приостановлено при возникновении различных непредвиденных обстоятельств, которые, возмущая ум, могут сделать его непригодным для такого занятия. Ветер, дождь, гром, землетрясения, метеориты, затмения, вой шакалов и многие другие явления относятся к первому типу; запрет на чтение там, где звучат лютни или свистят стрелы, когда город осаждают разбойники или когда странные явления вызывают страх, явно относится ко второму типу. Последнее таинство, таинство гостеприимства, рассматривается подробно и содержит предписания вежливости и самоотречения, которые были бы очень приятны, если бы они не были столь ограничены брахманами, принимающими людей своего класса.

Помимо ежедневных подношений, существуют ежемесячные поминальные обряды в честь предков каждого человека. Они должны проводиться «на пустых полянах, естественно чистых, или на берегах рек, и в уединенных местах». Жрец сжигает там определенные подношения и с помощью многих церемоний кладет лепешки из риса и топленого масла, призывая предков прийти и вкусить их. Затем он должен устроить пир для небольшого числа брахманов (однако не для своих обычных друзей или гостей). Он должен обслуживать их с уважением, а они должны есть в тишине. «Умершие предки, без сомнения, сопровождают таких приглашенных брахманов, витают вокруг них как чистые духи и сидят рядом с ними, когда те садятся». Существует бесчисленное множество продуктов, от которых должен воздерживаться дваждырожденный человек: некоторые по понятным причинам, такие как плотоядные птицы, домашние свиньи и другие животные, внешний вид или образ жизни которых вызывают отвращение; но другие установлены настолько произвольно, что петух, гриб, лук-порей или лук-репчатый приводят к немедленной потере касты; в то время как ежи, дикобразы, ящерицы и черепахи явно объявлены законной пищей. Брахману под страхом сурового наказания запрещено есть пищу охотника или нечестного человека, работника, занимающегося золотом или тростником, прачки или красильщика. Жестокость охотничьего ремесла может приравнивать его, в глазах брахмана, к нечестному человеку; но среди многих других произвольных запретов удивляет то, что врач, эта ученная и благотворная профессия, всегда относится к числу самых нечистых. Нас удивляет прежде всего то, что брахманам разрешено употреблять в пищу большинство видов мяса, и даже мясо быков, которое особенно рекомендуется на торжественных праздниках. Брахманы, конечно, не должны есть мясо, за исключением жертвоприношений, но, как мы видели, жертвоприношения входят в число ежедневных обрядов, а рисовый пудинг, хлеб и многие другие столь же невинные продукты подпадают под тот же запрет.

Правда, гуманное отношение к животным повсеместно внушается очень сильно, и воздержание от животной пищи считается очень заслуживающим похвалы, поскольку оно способствует уменьшению их страданий; но, хотя употребление животной пищи не рекомендуется по этим причинам, оно ни разу не запрещается и не считается нечистым, а во многих местах даже прямо объявляется законным. Разрешение есть говядину тем более

примечательно, что корова, по-видимому, была в те времена такой же священной, как и сейчас. Спасение жизни коровы считалось искуплением за убийство брахмана, а убийство коровы требовало искупления тремя месяцами аскезы и рабского ухода за стадом скота.

Помимо этих ограничений в еде, брахман подчиняется множеству мельчайших правил, касающихся самых обычных занятий в жизни, нарушение любого из которых, тем не менее, считается грехом. Употребление спиртных напитков относится к преступлениям первой степени. Принесение жертв с целью уничтожения невинных относится только к третьей степени. К такому же покаянию, как и некоторые реальные преступления, относятся причинение боли брахману и «вдыхание запахов, не пригодных для вдыхания». Некоторые виды покаяния, если бы они были обязательными, были бы наказаниями самой жестокой жестокости. Они достаточно абсурдны, когда оставляются, как и есть, на усмотрение правонарушителей, чтобы быть использованными для предотвращения исключения из общества в этом мире или возмездия в следующем. За инцест с женой отца, родного или духовного, или с сестрой, связь с ребенком, не достигшим половой зрелости, или с женщиной низшего сословия, наказанием является смерть через сожжение на железной кровати или объятие раскаленного металлического изображения. За употребление спиртных напитков наказанием является смерть через выпивание кипящей мочи коровы.

Другие искупления в основном совершаются посредством штрафов и аскезы. Штрафы почти всегда выплачиваются в виде скота, который должен быть передан брахманам, а некоторые из них достигают стоимости быка и тысячи коров. Они также, как ни странно, пропорциональны: за убийство змеи брахман должен отдать мотыгу, за убийство евнуха — груз рисовой соломы. Слова «тише» или «пши» в адрес вышестоящего лица, а также победа в споре с брахманом влекут за собой небольшое покаяние. Убийство насекомых и даже срезка растений и травы (если это не делается в полезных целях) требуют покаяния, поскольку растения также считаются наделенными чувствами. Один отрывок о покаянии является характерным во многих отношениях. «Жрец, который запомнил весь Ригведу, будет освобожден от всякой вины, даже если он убил жителей трех миров *и ел пищу из самых грязных рук*».

Влияние религии Ману на нравственность в целом является положительным. Как было показано, существенное различие между добром и злом четко обозначено с самого начала и в целом хорошо сохраняется. Известные отрывки, касающиеся ложных показаний, один или два, в которых имущество другого может быть присвоено для целей жертвоприношения, и некоторая слабость в средствах, с помощью которых царь может выявлять и арестовывать правонарушителей, являются единственными отмеченными исключениями. С другой стороны, существует множество предписаний о справедливости, правде и добродетели; и много зла, как в этом мире, так и в следующем, которое, как говорят, следует из порочного поведения. Честный человек не должен унывать, даже если он угнетен нищетой, в то время как «несправедливый человек не достигает счастья, как и тот, чье богатство происходит от ложных показаний».

В одном месте моральные обязанности явно объявляются выше церемониальных. Наказания в будущем состоянии направлены как против преступлений, нарушающих общественный порядок, так и против грехов, затрагивающих религию. Однако одна максима по этому вопросу имеет менее похвальное значение, поскольку она гласит, что люди, которые получают от правительства наказание за свои преступления, идут в рай чистыми и становятся такими же чистыми, как и те, кто поступал хорошо.

В заключение можно заметить, что мораль, предписываемая законом, не была, как сейчас, подорвана примером мифических богов или развратом, допускаемым в религиозных обрядах некоторых сект. Из многих цитат, приведенных в разных местах, видно, что кодекс

ни в коем случае не испытывает недостатка в великодушных принципах или возвышенных чувствах; однако общая тенденция брахманской морали скорее направлена на невинность, чем на активную добродетель, и ее главными целями являются наслаждение спокойствием и предотвращение боли или зла для любого живого существа.^с

Переселение душ

Хорошо известно, что метемпсихоз, или переселение души в различные формы бытия, возрождаясь в одной форме, когда она перестает существовать в другой, является догматом индусов. Брахманы, как обычно, придали ей ряд фантастических уточнений и придали своим представлениям по этому вопросу более систематическую форму, чем это обычно бывает у этих эксцентричных теологов. Они описывают ум как характеризующийся тремя качествами — добротой, страстью и тьмой. В зависимости от того, каким из этих качеств отличается душа в своей нынешней жизни, она переселяется в тот вид существа, которым будет в следующей жизни.

Души, наделенные добротой, достигают состояния божеств; те, которые наполнены страстью, получают состояние людей; те, которые погружены в тьму, обречены на состояние зверей. Каждое из этих состояний, в свою очередь, делится на три степени — низшую, среднюю и высшую. Из душ, отличающихся тьмой, самые низшие погружаются в минеральные и растительные вещества, в червей, рептилий, рыб, змей, черепах, крупный рогатый скот, шакалов; средние переходят в слонов, лошадей, шудр, млеччх (слово с очень уничижительным значением, обозначающее людей всех других рас, кроме индусов), львов, тигров и кабанов; высшие одухотворяют формы танцоров, певцов, птиц, лживых людей, великанов и кровожадных дикарей.

Из душ, которые получают свое будущее состояние от качества страсти, самые низшие переходят в дубиноносцев, боксеров, борцов, актеров, тех, кто учит пользоваться оружием, и тех, кто пристрастился к азартным играм и пьянству; средние входят в тела царей, людей воинствующего сословия, домашних жрецов царей и людей, искушенных в войне споров; самые высокие становятся гандхарвами (видом предполагаемых воздушных духов, чьим занятием является музыка), гениями, обслуживающими высших богов, вместе с различными компаниями апсар, или нимф. Из душ, которые характеризуются качеством добродетели, самые низшие переселяются в отшельников, религиозных нищих, других брахманов, такие ордена полубогов, которые парят в воздушных колесницах, джиннов знаков и лунных особняков, а также дайтьев, еще один из их многочисленных орденов высших духов; средние достигают состояния жертвоприносителей, святых мудрецов, божеств нижнего неба, гениев Вед, правителей звезд, божеств лет, питри и садхьев, двух других видов возвышенного разума; высшие поднимаются до состояния Брахмы с четырьмя лицами, создателей миров « », гения добродетели и божеств, управляющих двумя принципами природы.

Помимо этого общего описания будущего распределения различных душ, указаны различные конкретные наказания, некоторые из которых можно привести в качестве примера. «Грешники первой степени, — гласит постановление Ману, — прошедшие через ужасные мучения в течение многих лет, по окончании этого периода обречены на следующие перерождения. Убийца брахмана должен войти в тело собаки, кабана, осла, верблюда, быка, козла, овцы, оленя, птицы, чандалы или пукассы. Тот, кто украл золото священника, тысячу раз переродится в телах пауков, змей и хамелеонов, крокодилов и других водных чудовищ или злобных кровососущих демонов. Тот, кто нарушает ложе своего естественного или духовного отца, сто раз переселяется в формы трав, кустарников с

густыми стеблями или ползучих и вьющихся растений, плотоядных животных, зверей с острыми зубами или жестоких зверей». После ряда других случаев объявляется общее правило для тех из четырех каст, кто пренебрегает обязанностями своего сословия: «Если брахман упустит свой особый долг, он превратится в демона с ртом, подобным горящему углю, который пожирает то, что было извергнуто; кшатрий — в демона, питающегося нечистотами и падалью; вайшья — в злое существо, питающееся гниющими трупами; а шудра, пренебрегающий своими занятиями, — в мерзкого воплощенного духа, питающегося вшами». Награда за высочайшую набожность, за глубочайшую медитацию, за то изысканное воздержание, которое иссушает смертное тело, является особенной; такая совершенная душа поглощается Божественной сущностью и навсегда освобождается от перерождения.

Исходя из известных законов человеческой природы, мы могли бы очень легко прийти к выводу, несмотря на утверждения индусов о связи между будущим счастьем и добродетелью в настоящей жизни, что награды и наказания, очень отдаленные и очень неясные, будут совершенно бессильны против искушений совершить преступление, хотя по подстрекательству священников они могут вовлечь людей в бесконечную череду жалких церемоний. Факт в точности соответствует ожиданиям. Один замечательный свидетель сказал: «Доктрина о будущих наградах и наказаниях, как утверждают некоторые, всегда считалась имеющей сильное влияние на общественную мораль: индусы не только имеют эту доктрину в своих писаниях, но и учатся рассматривать каждую болезнь и несчастье в жизни как несомненный симптом моральной болезни и ужасающее проявление ее близкого наказания. Разве это не может вызвать страх перед пороком и желание заслужить благосклонность Божества? Я пойду еще дальше, — добавляет он, — и сообщу возражающему, что индуистские писания гласят: пока не будет удалено каждое безнравственное пятно, не будет искуплен каждый грех и ум не обретет полного отречения от материальных объектов, невозможно воссоединиться с великим духом; и что для достижения этого совершенства грешник должен пребывать во многих адах и переселяться почти во все формы материи». Затем наш информатор заявляет: «Как бы велики ни были эти ужасы, нет ничего более очевидного, чем то, что для большинства индусов они не весят и пера по сравнению с потерей рупии. Причина очевидна: каждый индус считает все свои поступки следствием своей судьбы; он, возможно, сетует на свою жалкое положение, но смиряется с ним без борьбы, как преступник в камере смертников». Этот опытный наблюдатель добавляет, что доктрина будущих наград и наказаний ни в одной ситуации и ни у одного народа не имеет силы сделать людей добродетельными.^d

Судьба, как ее понимают индусы, сильно отличается от того, как ее понимают другие народы. Это необходимость, следствие прошлых поступков; то есть положение и судьба человека в его нынешней жизни являются необходимым следствием его поведения в прошлой жизни. Он должен подчиниться этому, но не из отчаяния. Он сам владеет своим будущим состоянием, и от него самого зависит, в каком качестве он родится снова. Поэтому он не является беспомощной жертвой непреодолимой и непостижимой судьбы, а страдает за свои собственные проступки или обладает добром, которое обеспечили ему его собственные заслуги.^e

БУДДИЗМ

Когда буддизм был впервые представлен Европе, не так давно, посредством переводов философских сочинений, датированных шестью веками после Будды, было выражено глубокое удивление по поводу того, что религия, подчинившая своему закону триста

миллионов душ, не признает никакого бога, рассматривает мир как тщетную иллюзию и не предлагает ничего, кроме уничтожения, для стремлений человека.

Изучение барельефов, которыми покрыты древние памятники Индии, доказывает, что религия Будды, которой исповедовали индусы в течение тысячи лет, полностью отличается от того представления о ней, которое дают нам письменные документы. На самом деле, не из книг, а из тщательного изучения самих памятников можно узнать, чем был буддизм в прежние времена; и послание, которое несут нам эти памятники, совершенно отличается от того, что содержится в книгах. Памятники показывают, что эта религия, которую современные ученые исказили, превратив в атеистическое верование, была, напротив, самой политеистической из всех религий.

Правда, в первых буддийских памятниках, возрастом от восемнадцати до двадцати веков, таких как балюстрады Бхархута, Санчи, Будда-Гая и т. д., реформатор фигурирует исключительно как эмблема. Поклонение воздается отпечатку его стоп и изображению дерева, под которым он вступил в состояние высшей мудрости; но вскоре мы начинаем видеть Будду, изображенного как бога, занимающего место во всех святилищах. Сначала он изображается один или почти один, как в древнейших храмах Аджунты; затем постепенно он появляется в компании брахманских богов: Индры, Кали, Сарасвати и т. д., как это можно видеть в буддийских храмах серии памятников Эллары. Чуть позже, полностью потерявшись в толпе богов, над которыми он сначала доминировал, через несколько веков он стал рассматриваться как не более чем воплощение Вишну. С того дня буддизм в Индии исчез.

Исчезновение, или, вернее, трансформация, о которой только что было сказано в нескольких строках, потребовала тысячи лет для своего завершения. Многочисленные памятники, которые воспроизводят его историю, были воздвигнуты в период с III века до нашей эры по VII век нашей эры. В течение этого долгого промежутка времени Будда постоянно почитался своими последователями как всемогущий бог. Легенды показывают нам, как он появляется перед своими учениками и оказывает им милость. Один из самых глубоко осведомленных в буддийских практиках людей, паломник Хвен Цзан, который посетил полуостров в седьмом веке и прошел длительный период послушничества, рассказывает, что видел Будду, явившегося перед ним в священной гроте. Легенды и памятники совершенно ясны в своих учениях, и если бы изучение буддизма основывалось в первую очередь на них, то о религии сложилось бы совершенно иное впечатление, чем то, которое преобладает сейчас. К сожалению, европейские писатели, писавшие об Индии, никогда не посещали эту страну, получая все свои знания о буддизме из книг (); и несчастный случай направил их к трудам некоторых философских сект, написанным через пять или шесть веков после смерти Будды и содержащим мало или ничего о религии, как она практикуется на самом деле.

Метафизические спекуляции, которые так поразили Европу своей глубиной, также не содержали ничего нового. Теперь, когда произведения индийских писателей стали более известны, те же теории были обнаружены в трудах философских сект, которые развивались в брахманический период. Атеизм, презрение к жизни, мораль, существующая отдельно от религии, мир, рассматриваемый как иллюзия — все это уже появлялось в некоторых философских трудах, известных под названием Упанишады, которых существует около двухсот пятидесяти, относящихся ко всем эпохам. В некоторых из них встречаются те же доктрины, которые представлены в философских трудах буддистов. Их авторы также исповедуют доктрину кармы, фундаментальное верование буддизма, как и всех религий Индии, — доктрину, согласно которой поступки, совершенные человеком в этой жизни, определяют его состояние в будущем существовании, что также составляет основу кодекса

Ману. Конечной целью этих последовательных реинкарнаций является поглощение вселенским принципом вещей, Брахмой, о котором говорит Ману, предшественник нирваны буддизма. Тогда, и только тогда, душа освобождается от реинкарнации.

Для достижения этого конечного состояния поглощения буддисты и брахманисты устанавливают одни и те же правила, а именно: подавление всех желаний, отречение от вещей этого мира и жизнь, прожитая в одиночестве и созерцании.

Таким образом, философские теории эпохи буддизма были такими же, как и в предшествовавшую ей брахманическую эпоху. Эти теории развивались параллельно с религией, которую проповедовали священники и практиковали люди, но при этом существенно от нее отличались. Считать эти учения идентичными буддизму было бы такой же большой ошибкой, как смешивать теории некоторых Упанишад с брахманизмом; тем не менее, именно эти философские высказывания некоторых учеников Будды были восприняты в Европе как сам буддизм.

Сразу же напрашивается мысль, что вряд ли религия, насчитывающая пятьсот миллионов верующих, могла быть основана исключительно на холодных философских рассуждениях; но, возможно, такая ошибка прощительна в случае ученых людей, которые, посвятив свою жизнь изучению книг, не имели времени для более глубокого изучения людей. Через две или три тысячи лет, когда центр цивилизации снова сместится, а наши нынешние языки и книги, написанные на них, будут забыты, вполне вероятно (), что какой-нибудь профессор, который в ходе своих исследований наткнется на английский язык, переведет первые попавшиеся ему в руки работы, такие как *«Первые принципы»* Спенсера или *«Происхождение видов»* Дарвина, и представит их миру как верования, исповедуемые христианскими народами в девятнадцатом веке.

Достаточно внимательно понаблюдать за индусами, чтобы понять, что они не готовы принять учение любой религии, в которой нет божества. Индусы не верят в богов? Но ведь для них мир полон богов. Они молятся тигру, пожирающему их стада, железнодорожному мосту, построенному европейцами, и самим европейцам, если в этом возникает необходимость. Заставьте его выучить наизусть катехизис южных буддистов, недавно составленный при помощи европейцев, который учит, что вселенной нет создателя, что все является иллюзией, и вы увидите, что это не мешает ему чувствовать потребность по-прежнему поклоняться великому Будде и всем богам своего святилища. Самая древняя из всех книг о буддизме, *«Лалита Вистара»*, написанная около восемнадцати веков назад, через шесть веков после самого Будды, содержит ряд рассуждений об иллюзорности и тщетности вещей этого мира. Но кому Будда преподает эти истины? В основном богам, тем бесчисленным богам, о которых упоминается на каждой странице и которые, во главе с Брахмой, присутствовали при рождении реформатора, который должен был стать богом в свою очередь, сопровождали его везде, куда бы он ни пошел, и в конце концов пришли, чтобы поклониться ему. Естественно, в этой книге много противоречий, но для индуистов это не противоречия. Его мышление сформировано по совершенно иной модели, чем наше, для него не существует нашей европейской логики. Ни одна из его книг, от древних эпосов *«Рамаяна»* и *«Махабхарата»* до упомянутых выше философских трудов, не свободна от явных противоречий. Несомненно, логика не всегда отсутствует, но это женская форма, которая доводит свои выводы до крайней степени, не заботясь о противоречиях.

Если кто-то хочет понять буддизм, ему необходимо учитывать наряду с наложенными на него философскими спекуляциями множество богов, без которых не обходится ни одна религия Индии. Будда не пытался поколебать основы брахманического пантеона, как и не пытался — несмотря на часто повторяемую ошибку — отменить законы касты.

Действительно, никогда не было реформатора, достаточно сильного, чтобы сместить этот краеугольный камень социального устройства Индии.

Из вышесказанного становится очевидным, что буддизм является просто эволюцией брахманизма, сохраняющей его многобожие и изменяющей лишь его нравственные учения. И только по прошествии нескольких столетий он начал явно отличаться от древней веры; вероятно, вначале он даже не рассматривался как новый культ. Ничто не указывает на то, что Ашока считал себя приверженцем доктрин, которые до того не преподавалось; во всех религиозных эдиктах, которые этот царь распространил по Индии и многие из которых сохранились до наших дней, Будда упоминается лишь один или два раза. Он рекомендует максимальную терпимость ко всем религиозным сектам, и буддизм, должно быть, представлялся ему просто одной из них, заслуживающей уважения в основном благодаря духу милосердия, проявленному сыном царя, который его основал.

Вскоре мы докажем, что буддизм исчез из Индии, постепенно впитавшись в древний брахманизм. В других странах, кроме Индии, где он утвердился, таких как Камбоджа и Бирма, брахманический пантеон был его частью; но поскольку брахманические боги никогда ранее не почитались в этих странах, не было сект, заинтересованных в поддержании своего господства, и Будда всегда сохранял там доминирующее положение, которое он должен был утратить в Индии.

Долгое время велись дискуссии о том, были ли знаменитые памятники Ангкора буддийскими или брахманическими из-за смешения на них символов Будды и Шивы. Споры по этому поводу не возникло бы, если бы ученые, изучавшие памятники Камбоджи, сначала изучили памятники Индии, в частности Непала. На них они обнаружили бы такое же смешение двух наборов символов; они также заметили бы ту же особенность в соседней стране, Бирме. Г-н Уилер, бывший английский чиновник в этой стране, обращает внимание на тот факт, что бирманцы, как известно, будучи буддистами, также поклонялись ведическим богам, в частности Индре и Брахме, и что при дворе короля Бирмы было много брахманов. Он также отмечает, что могольские ханы Азии, проживающие в окрестностях горы Алтай, поклоняются ведическим богам и по сей день.

Приведенные нами факты убедительно показывают, что широкая пропасть, которая, как предполагалось в то время, когда о первом было известно исключительно из книг, разделяла буддизм и брахманизм, никогда не существовала, и только предвзятое представление об этом разделении мешало увидеть тесную связь, которая на самом деле их объединяет. Один из самых проникательных европейских наблюдателей, когда-либо поселившихся в Индии, Ходжсон, цитируя некоторые шиваитские изображения, которые можно увидеть в буддийских храмах Индии, прилагает все усилия, чтобы объяснить их присутствие. Он говорит, что ни на мгновение нельзя допустить, что между культами, столь же далекими друг от друга, как небо и земля, могло произойти слияние. Однако Ходжсон проживал в Непале и ему достаточно было оглянуться вокруг, чтобы увидеть, насколько брахманические и буддийские божества смешались в храмах той страны, в которой он жил. В ту эпоху эти две религии считались настолько разными, что ни у кого не могло возникнуть мысли о том, что между ними есть хоть что-то общее.

Этот пример, показывающий, как предвзятое убеждение может ослепить человека, тем более любопытен, что существует работа (о крайнем сходстве между многими символами буддизма и шиваизма), в которой автор на многочисленных примерах показывает, как часто индуистские писатели и ученые сами путают буддийские и брахманические образы, содержащиеся в древних храмах; путаница, которая сразу становится понятной, если принять во внимание то, что мы сказали о конечном слиянии буддизма и брахманизма.

Никому не известно, что после распространения из Индии по всей остальной Азии, Китаю, русской Татарию, Бирме и т. д., буддизм, ныне являющийся религией трехсот миллионов человек, то есть одной пятой населения мира, почти полностью исчез к седьмому или восьмому веку нашей эры из страны, которая дала ему жизнь. В Индии он сохранился только на двух крайних границах этой обширной империи: Непале на севере и Цейлоне на юге. Поскольку индуистские книги абсолютно молчат на тему этого исчезновения, до сих пор для его объяснения прибегали к гипотезе о жестоких гонениях. Допустим, что терпимый характер индуистов совместим с идеей религиозных гонений, и допустим также, что гонения приводят к уничтожению религии, а не способствуют, как учит история, ее распространению, но все равно остается следующая трудность: почему в стране, разделенной, как в прежние времена Индия, на сотню мелких королевств, все правящие князья вдруг одновременно решили отказаться от религии, исповедуемой веками их предками, и заставить свой народ принять другую?

Приступая к изучению памятников Индии, начинаешь понимать причину трансформации буддизма. Внимательно изучив большую часть важных памятников Индии, приходишь к выводу, что буддизм исчез просто потому, что постепенно вновь впитался в религию, из которой он изначально возник.

Эта трансформация происходила очень медленно, но в стране, не имеющей истории, где встречаются периоды в пять или шесть веков, о которых не сохранилось никаких сведений, невозможно соединить воедино разрозненные фрагменты, которые кажутся нам и несвязанными. В отношении этого мы находимся в положении древних геологов, которые, видя преобразования, произошедшие в различных слоях земли и ее обитателях, и не зная ничего о периодах, прошедших между этими преобразованиями, полагали, что все они были результатом сильных катаклизмов. Более развитая наука показала бы им, что эти гигантские изменения произошли в результате серии незаметных эволюций.

Памятники Индии, когда мы внимательно изучаем статуи и барельефы, которыми они покрыты, ясно рассказывают нам историю трансформации буддизма. Они показывают нам, как основатель, который презирал всех богов, в конце концов сам стал богом и, после того как был отсутствующим во всех святилищах, стал присутствовать во всех. Как, будучи главой сонма брахманских божеств, он постепенно слился с ними, пока наконец не исчез из поля зрения среди них.

Чтобы окончательно подтвердить теорию, только что выдвинутую в объяснение этой трансформации и исчезновения буддизма из Индии, необходимо вернуться в VII век нашей эры или найти страну, которая переживает фазу, подобную той, через которую прошла Индия в ту эпоху. Непал, одна из колыбелей буддизма, является регионом, который оказал самое сильное сопротивление преобразующим силам, угрожавшим ему, как только он вступил в контакт с древним брахманизмом, и теперь достиг того самого момента преобразования, когда буддизм смешался с брахманизмом, не будучи полностью поглощенным. Индуистские и буддийские боги настолько тесно переплетены в храмах Непала, что часто невозможно определить, к какой религии принадлежит тот или иной храм. Эта особенность была отмечена, хотя английские ученые, изучавшие Непал, не предложили никакого объяснения. Этот факт, столь необъяснимый, если не прояснить его изучением древних памятников Индии, становится совершенно очевидным после их тщательного исследования. Как было сказано ранее, можно заметить, что в определенный период везде царила одинаковая путаница в божествах, и легко понять, как древние храмы могли быть отнесены даже учеными индуистами сначала к одной религии, а затем к другой.

То же объяснение проясняет для нас тот факт, столь странный на первый взгляд, что буддийско-джайнские и брахманические храмы строились бок о бок в один и тот же период. Глядя теперь на этап, когда две смешанные религии были на грани слияния в одну, сразу становится понятно, как правитель мог распределять свои щедрые пожертвования между ними с такой же беспристрастностью, как король средневековья по отношению к церквям, посвященным разным святым.

Нам остается только рассказ одного путешественника, относящийся к эпохе, о которой мы говорим, — китайского паломника Хвен Цанга; в нем рассказывается, как индуистский правитель по случаю какого-то праздника делит свою щедрость поровну между двумя доминирующими религиями того времени, даря подарки буддистам в первый день, а брахманам — во второй. Уже наступила фаза, когда культы были полностью примиримы, фаза, которая предшествовала их объединению в одно целое. Изучение религии Непала в настоящее время показывает, как именно произошло это слияние.

Дата введения буддизма в Непале очень древняя. Согласно традиции, сам Будда посетил эту землю. В любом случае именно в древних монастырях Непала были обнаружены самые старые известные письменные источники о буддизме. Согласно той же традиции, Ашока, царь Магадхи, правивший за три века до Рождества Христова, совершил паломничество в Непал с целью посетить храмы Симбхуната, Пашупатти и др. Говорят, что он также основал город Патан, название которого на языке неварцев — Лалита Патан, что, вероятно, является искажением Паталипутра, названия, данного в Индии столице Ашоки. С незапамятных времен ему приписывают несколько храмов в форме курганов.

В Непале, одной из колыбелей буддизма, эта религия царила более двух тысяч лет. Изолированность этого региона Индии, возможно, позволила буддизму сохраниться здесь дольше, чем в остальной части полуострова, но это не помешало ему пройти — как причины, всегда приводящие к одним и тем же последствиям, — процесс трансформации, аналогичный тому, который предшествовал его исчезновению в других местах. В силу определенных обстоятельств постепенное поглощение происходило в Непале более медленно, и именно благодаря этой медлительности мы можем узнать, чем был буддизм в Индии в VII или VIII веке нашей эры, когда исчезли его древние монашеские учреждения, когда его священнические функции вновь стали наследственными, а древние божества возобновили свое господство.

Буддизм и брахманизм составляют сегодня в Непале, как и в Индии в седьмом веке, две религии, номинально отличные друг от друга, но проявляющие друг к другу ту терпимость, которая, согласно уже приведенным фактам, должна была существовать и в остальной Индии до исчезновения буддизма. Эта терпимость, вполне объяснимая аналогией между двумя верованиями, доходит до такой степени, что их последователи имеют в общем пользовании определенное количество пагод, божеств и праздников.

Вместо того чтобы, как некоторые философские буддийские секты, утверждать, что мир состоит только из материи, нетленной, обладающей созидательной силой и составляющей единственное божество вселенной, буддизм Непала предлагает своим последователям поклоняться высшей троице. Она состоит из 1) Али-Будды, который является ее главной фигурой, олицетворяющей дух; 2) Дхармы, олицетворяющей материю; 3) Сангха, представляющий видимый мир, созданный союзом духа и материи. Эта троица, достаточно близкая, как видно, к троице брахманизма — Брахма, Вишну и Шива, имеет в качестве символа треугольник с вершиной в центре. Эта вершина является эмблемой Али-Будды, который считается первопричиной.

Ниже этой высшей троицы находятся боги старого брахманического пантеона — Вишну, Шива, Ганеша, Лакшми и т. д. Являясь простыми эманациями высшей силы, они были

созданы ею для управления миром. Несколько утратив высокий статус, который они занимали в брахманической религии, они все еще достаточно высоки, чтобы иметь право на поклонение смертных.

Теории непальских буддистов о человеческой душе не отличаются существенно от старых брахманических теорий. Она рассматривается, как и душа всех животных, как эманация Али-Будды, которая после многочисленных перерождений возвращается в лоно высшего существа, давшего ей жизнь. Избавление от этой длинной череды перерождений путем поглощения Али-Буддой является высшей целью, предлагаемой в качестве награды всем верующим. Количество и характер этих перерождений полностью зависят от поведения в течение жизни, а поступки людей окончательно определяют их будущую судьбу.

Что касается самого основателя буддизма, то он, как и все другие будды, которые предшествовали ему, рассматривается как святая личность, очищенная долгими предыдущими существованиями и находящаяся на грани достижения высшего поглощения.

Наиболее важные храмы Непала, в частности храм Симбхуната, посвящены Али-Будде. В целом, буддийская троица (Будда, Дхарма, Сангха) представлена в виде сидящей статуи с ногами, скрещенными на лотосовом листе; Будда имеет две руки, Дхарма и Сангха обычно четыре. Из этой троицы только Дхарма, богиня материи, имеет форму женщины.

После буддийской троицы наиболее распространенными объектами поклонения являются изображения основателя буддизма и его предшественников, как смертных, так и божественных. Затем следуют боги индуистского пантеона: Махенкал, аватар Шивы; Кали, жена Шивы; Индра, царь небес; Гаруда, бог птиц, имеющий голову птицы; Ганеша, божество мудрости, имеющее голову слона, и т. д. Последний является самым почитаемым, его изображение находится у входа в каждый храм, и именно с поклонения этому чисто брахманскому божеству начинаются все буддийские церемонии.

Индуистский лингам также был принят непальскими буддистами, но с полным изменением его значения. Вместо того, чтобы рассматривать его как мужскую созидательную силу Шивы, он считается символом лотоса, в котором Али-Будда проявил себя в виде пламени. Его форма также изменена. На его боковых частях высечены четыре фигуры Будды, а вершина увенчана в стиле буддийских чайтий.

Из вышесказанного видно, насколько буддизм в Непале смешан с брахманизмом. Религия той части населения, которая называет себя брахманической, в равной степени окрашена буддизмом. Будда часто изображается в храмах, посвященных Шиве, а несколько храмов, содержащих божеств, общих для обеих религий, посещаются как брахманами, так и буддистами.

Это слияние двух религий, наблюдаемое в храмах, также встречается в легендах, которыми изобилует литература Непала во время религиозных праздников. В случае некоторых из них действительно невозможно определить, относятся ли они к буддизму или брахманизму. Паломники с одинаковой уверенностью посещают святыни обеих религий.

Таков буддизм в настоящее время в Непале, и, исходя из того, что происходило в прошлом, легко предсказать, что через два или три столетия он будет поглощен брахманизмом. Путешественник будущего, не знающий о фазе эволюции, которую сейчас переживает Непал, будет объяснять его исчезновение насильственными причинами, как это делают современные писатели, которые рассматривают буддизм в Индии. Руины храмов, которыми, без сомнения, будет усыпан Непал в то время, также будут приведены в качестве доказательства безжалостности преследований.

Но если путешественник, существование которого мы предположили, не ограничился изучением одного региона Индии, а имел терпение объездить все разнообразные земли огромного полуострова, то идея о произошедшей религиозной эволюции проникнет в его сознание слишком глубоко, чтобы позволить ему совершить такую ошибку. В этом отношении изучение самой Индии по своей ценности неизмеримо превосходит изучение истории по книгам; это единственная страна в мире, где, просто перемещаясь из одного места в другое, можно заново увидеть последовательные формы, которые принимало человечество с доисторических времен до наших дней. Это живое изучение быстро раскрывает наблюдателю прежние преобразования, пережитые институтами и верованиями, о которых книги показывают нам только самые крайние фазы.¹

Новый взгляд на буддизм

Недавние открытия и исследования значительно изменили наши представления о древней Индии. За последние несколько лет почти все произведения, написанные в самый ранний период буддизма, были изданы на оригинальном языке пали, в основном благодаря деятельности Общества палийских текстов. Несколько произведений второго периода были изданы на оригинальном языке пали или санскрите, а ряд книг по позднему буддизму появился на различных языках Восточной Азии. Чтобы оценить эти дополнения к нашим знаниям, необходимо помнить, что Будда, как и другие индийские учителя его времени, учил только посредством бесед. Будучи высокообразованным человеком (по меркам того времени), он постоянно общался с людьми, имевшими схожее образование, и следовал литературной традиции своего времени, воплощая свои учения в установленных фразах (*сутрах*), которые он расширял в разных случаях и разными способами. Письменность была тогда широко распространена. Но отсутствие подходящих материалов для письма делало невозможным создание длинных книг. Поэтому такие сутры были признанной формой сохранения и передачи мнений. Они были, так сказать, ключевыми словами, *memoria technica*, которые легко запоминались и напоминали более полные изложения, основанные на них.

Во времена Будды брахманы имели свои сутры на санскрите, который уже был мертвым языком. Он намеренно изложил свои сутры на обычном разговорном языке того времени, то есть на пали. Когда Будда умер, эти изречения были собраны его учениками в то, что они называют Четырьмя Никаями, или «сборниками». Они не могли достичь своей окончательной формы до тех пор, пока не прошло около пятидесяти или шестидесяти лет. Другие изречения и стихи, большинство из которых приписывались не Будде, а самим ученикам, были включены в дополнительную Никаю. Мы знаем о небольших дополнениях, внесенных в эту Никаю еще во времена Ашоки, в III веке до н. э. А развитая доктрина, содержащаяся в некоторых ее частях, показывает, что они позднее, чем четыре старые Никаи. В течение одного или двух поколений книги, составленные таким образом, передавались по памяти, хотя, вероятно, использовались и письменные записки. И, без сомнения, с самого начала, когда их преподавали, они сопровождались текущими комментариями.

Примерно через сто лет после смерти Будды в общине произошел раскол. Каждая из двух школ сохранила свою версию канона — все еще на пали или каком-то родственном

диалекте. Санскрит не использовался для буддийских работ до тех пор, пока не прошло много времени, и, насколько известно, никогда не использовался для канонических книг. Каждая из этих двух школ в последующие века разделилась на другие. Некоторые из них имели свои собственные варианты канонических книг, отличающиеся также в мелких деталях. Эти книги оставались единственными авторитетными источниками в течение примерно пяти веков, но все они, за исключением сохранившихся палийских текстов, были утрачены в Индии. Итак, это наши авторитетные источники о самом раннем периоде буддизма. Что же это за книги?

Мы говорим, конечно, о палийских *книгах*. Это не книги в современном понимании. Это памятные фразы или стихи, предназначенные для заучивания наизусть.

По глубине философского проникновения, по часто используемому методу сократовского вопрошания, по серьезному и возвышенному тону в целом, по свидетельству, которое они дают о наиболее культурной мысли того времени, эти диалоги постоянно напоминают читателю диалоги Платона. Но не по стилю. У них действительно свой собственный стиль; всегда достойный, а иногда поднимающийся до красноречия. Но он совершенно отличается от стиля западных произведений, которые всегда предназначены для чтения.

Поразительные археологические открытия последних нескольких лет подтвердили и дополнили наши знания.

Основные моменты, по которым это большое число более старых и авторитетных источников изменило наши знания, следующие: 1. Мы узнали, что разделение буддизма, происходящее от Бернуфа, на северный и южный, вводит в заблуждение. Он обнаружил, что буддизм в его палийской рукописи, которая пришла из Цейлона, отличался от буддизма в его санскритской рукописи, которая пришла из Непала. Теперь, когда использованные им работы стали доступны в печатных изданиях, мы обнаруживаем, что, независимо от происхождения существующих рукописей, сами оригинальные работы были составлены в одной и той же местности, то есть в долине Ганга. Различия во мнениях, выраженных в рукописях, обусловлены не местом, где они были найдены, а разницей во времени, когда они были первоначально составлены. Ни одна из вышеупомянутых книг не является ни северной, ни южной. Все они, и вполне обоснованно, утверждают, что по месту своего происхождения принадлежат к Маджхима Деса, средней стране. Нежелательно основывать основное деление нашего предмета на случайных обстоятельствах, особенно когда введенная таким образом номенклатура (ее нет в самих книгах) пересекает истинную линию раздела. Использование терминов «северный» и «южный» не в отношении существующих рукописей, а в отношении оригинальных книг или буддизма, которому они учат, не только не помогает нам, но и является источником серьезных недоразумений. Это неизбежно приводит небрежных авторов к тому, что они считают само собой разумеющимся, что исторически у нас есть два буддизма — один созданный на Цейлоне, другой в Непале. Теперь это, безусловно, неверно. Мы должны учитывать, что буддизм с течением веков незначительно менялся почти в каждой книге. Мы можем называть его одним или многими. Совершенно точно, что его не два. И наиболее полезным различием, которое следует подчеркнуть, является не двусмысленное и вводящее в заблуждение географическое различие, основанное на местах, где были найдены современные копии рукописей, и даже не лингвистическое различие, хотя оно было бы лучше, а хронологическое. Поэтому использование неточных и вводящих в заблуждение терминов «северный» и «южный» больше не должно встречаться в научных работах по буддизму.

2. Наши представления о социальных условиях, которые преобладали во время жизни Будды в восточной долине Ганга, изменились. Люди были разделены на кланы, многие из

которых управлялись как республики, более или менее аристократические. В нескольких случаях несколько таких республик образовали конфедерации, и в четырех случаях такие конфедерации уже превратились в наследственные монархии. Правильной исторической аналогией является не государство Германия в средние века, а государство Греция во времена Сократа. Сакья были по-прежнему республикой. Их соседями на востоке и юге были республики, но на западной границе находилось королевство Косала, современный Удх, которое они признавали в качестве сюзеренной державы. Готама, отец Будды, не был королем. В клане были раджи, но это слово означало, в лучшем случае, что-то вроде консула или архонта. Всех четырех настоящих королей называли Маха-раджа. А Суддходана, отец учителя, даже не был раджей. Один из его двоюродных братьев по имени Бхаддия называется раджей, но о Суддходане, как и о других гражданах, говорят как о Суддходане из рода Сакья. Поскольку древние книги очень подробно описывают этот вопрос о титулах, это является решающим фактором.

3. Не было каст — то есть каст в современном понимании этого термина. Мы давно знаем, что *conspicuum* было причиной долгой и упорной борьбы между патрициями и плебеями в Риме. Ежегодно накапливаются свидетельства о существовании ограничений в отношении смешанных браков () и права совместного питания (*commensality*) среди других арийских племен, греков, германцев, русских и т. д. Даже если бы в настоящее время среди современных потомков древних ариев в Индии не существовало таких ограничений, было бы вероятно, что они также придерживались бы подобных обычаев. Несомненно, что понятие таких обычаев было достаточно знакомо по крайней мере некоторым племенам, предшествовавшим ариям в Индии. Правила эндогамии и экзогамии; привилегии, ограниченные определенными классами, совместного питания — это не только индийские или арийские, но и всемирные явления. Как дух, так и в значительной степени фактические детали современных индийских кастовых обычаев идентичны этим древним и, без сомнения, универсальным обычаям. Именно в них мы находим ключ к происхождению каст.

В любой момент истории нации такие обычаи кажутся поверхностному наблюдателю неизменными и неподвижными. На самом деле они никогда не бывают одинаковыми в последующих столетиях или даже поколениях. Многочисленные и сложные детали, которые мы обобщаем под удобным, но часто вводящим в заблуждение единым названием «каста», зависят исключительно от общественного мнения. Это мнение кажется стабильным. Но оно всегда имеет тенденцию меняться в зависимости от степени важности, придаваемой той или иной детали, а также от размера и сложности конкретных групп, в которых каждая деталь должна соблюдаться.

В связи с тем, что конкретная группа, которая в Индии пробилась на вершину, основывала свои притязания на религиозных основаниях, а не на политической власти или богатстве, эта система, без сомнения, просуществовала в Индии дольше, чем в Европе. Но общественное мнение по-прежнему настаивает, в значительных кругах, даже в Европе, на более или менее четких ограничениях, как в отношении брака, так и в отношении совместного питания. А в Индии по-прежнему остается проблемой проследить в литературе постепенный рост системы — постепенное формирование новых слоев населения, постепенное распространение института на семьи людей, занимающихся определенными ремеслами, принадлежащих к одной и той же группе, секте или племени, прослеживающих свое происхождение, правильно или неправильно, от одного и того же источника. Все эти и другие факторы являются реальными факторами. Но они являются этапами расширения и роста, а не объяснениями происхождения системы.

Нет никаких доказательств того, что во время возникновения буддизма существовала какая-либо существенная разница в отношении рассматриваемых барьеров между

народами, проживавшими в долине Ганга, и их современниками, греками или римлянами, проживавшими на берегах Средиземного моря. Вопрос, имевший наибольшее значение для последующего развития, — верховенство жрецов в Индии — все еще горячо обсуждался. Все новые свидетельства указывают на то, что борьба решалась скорее против, чем в пользу брахманов. То, что мы видим во времена Будды, — это каста в стадии становления. Большая масса народа была довольно грубо разделена на четыре класса, социальных слоя, границы между которыми были размытыми и неопределенными. На одном конце шкалы находились отдельные отдаленные племена и некоторые наследственные ремесла грязного или презируемого рода. На другом конце аристократы претендовали на превосходство. Но брахманы по рождению (не обязательно жрецы, поскольку они занимались всевозможными профессиями) пытались вытеснить аристократов из высшего сословия. Им это удалось только много позже, когда власть буддизма ослабла.

4. На основании поздних священнических текстов, в которых хвастаются преследованиями, предполагалось, что причиной упадка буддизма в Индии были преследования со стороны брахманов. В доступных сейчас более древних источниках () за одним сомнительным исключением не упоминается о преследованиях. С другой стороны, сравнение, которое мы теперь можем провести между каноническими книгами древнего буддизма и более поздними текстами последующих веков, показывает постоянный отход от старой точки зрения, постоянное сближение буддийских взглядов с взглядами других философских течений и религий Индии. Теперь мы видим, что именно то событие, которое в глазах мира казалось самым ярким доказательством успеха нового движения, — обращение и энергичная поддержка в III веке до н. э. Ашоки, самого могущественного правителя, которого когда-либо имела Индия, — только ускорило упадок. Присоединение большого числа номинальных новообращенных, особенно из недавно присоединенных и менее развитых провинций, привело к ослаблению, а не к укреплению движения за реформы. Настал день компромисса. Любое смягчение старой радикальной позиции приветствовалось и поддерживалось новообращенными, которые были обращены лишь наполовину. И так разница между буддистами и их противниками постепенно почти полностью исчезла. Теория души шаг за шагом вновь взяла верх. Популярны боги и суеверия вновь стали пользоваться популярностью у самих буддистов. Философская основа старой этики была затмевана новыми спекуляциями. И даже старый идеал жизни, спасение арахата, которое можно было обрести в этом мире и только в этом мире, посредством самовоспитания и самоконтроля, был забыт или упоминался только для того, чтобы быть осужденным. Конец был неизбежен. Необходимость в отдельной организации становилась все менее очевидной. Весь пантеон ведических богов, с связанными с ними церемониями и жертвоприношениями, действительно исчез. Но древний буддизм, партия реформ, также потерпел поражение, и современный индуизм возник на руинах обоих.⁴

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ НАБОЖНОСТЬ ИНДУИСТОВ И ОТДЕЛЕНИЕ РЕЛИГИИ ОТ ВЫСОКОЙ МОРАЛИ

Мы довольно подробно рассмотрели сложные доктрины индуизма. Остается выяснить, насколько они повлияли на реальную жизнь людей.

Современная наука пока не смогла развеять ложные представления, которые преобладают в отношении религий Индии. Только изучив практику этих религий на самой территории полуострова, можно начать понимать их противоречия, которые кажутся нам столь странными, и осознать, что слово «религия» имеет совершенно разные значения для индуизма и европейцев. В жизнерадостной, нелогичной, мечтательной душе индуиста самые противоположные верования сочетаются совершенно непонятным для нас образом. Тот же человек, который твердо верит в самые смелые атеистические теории, с такой же убежденностью будет падать ниц перед тысячами странных, гротескных или ужасающих божеств или с почтением целовать отпечаток стопы Будды или Вишну. В Индии не только все религии сосуществуют в полной гармонии, но и самые противоречивые догмы сосуществуют в одной и той же религии.

Бесчисленные секты нео-брахманизма или индуизма разделяют два доминирующих культа: Шивы-разрушителя и Вишну-хранителя, двух великих божеств, почитаемых каждым набожным индуистом, которые вместе с великим творцом Брахмой составляют индуистскую троицу или *тримурти*. Хотя Брахма считается самым могущественным из этих трех богов, у него нет особых поклонников, и во всей Индии едва ли найдется храм, посвященный ему. В то время как символы Шивы и воплощения Вишну наполняют храмы множеством форм и образов, Брахма не представлен в видимой форме и остается великой

неосязаемой душой, которая оживляет все существа и в чьем лоне индуисты мечтают раствориться.

Шива, бог разрушения, или, скорее, преобразования, бог рождения и смерти, символом которого является лингам, или фаллос, и которому приносят жертвы, бог семени, производящего существ, и смерти, растворяющей их, — Шива является истинным богом Индии, истинным творением ее расового гения.

Женским противоположностью Шивы является его супруга Парвати или Кали, богиня жизни и смерти, великая мать, из которой родилась вселенная и которой она в конце концов будет поглощена. Ни один культ не был источником более чудовищных сцен, чем культ ужасной Кали. Ее поклонение было смесью непристойности и жестокости. На ее алтарях текла кровь последних человеческих жертв, которые теперь навсегда упразднены среди брахманского населения. Сцены разврата, которые невозможно описать, мрачные или непристойные мистерии все еще практикуются в ее храмах, особенно в тех, которые посещают последователи секты, называемой «шиваиты левой руки».

В то время как Шива обращается скорее к интеллекту и представляет собой особую форму, в которой индуистский гений воплотил вселенную, Вишну отвечает вечным потребностям сердца. Он — бог любви и веры. Он, без сомнения, является монистическим богом, но чтобы проявить себя смертным, он принял столько различных форм, что их невозможно определить или даже просто перечислить. Эти воплощения, называемые аватарами Вишну, представляют собой множество особых божеств, поклонение каждому из которых принадлежит к определенной стране, эпохе или социальному положению. Хотя основных из них всего десять, количество остальных не ограничено. Можно без опаски проповедовать индусам любого бога, каким бы возвышенным или грубым он ни был в воображении человека; они, скорее всего, примут его, сразу сделав аватаром Вишну. Так, Христос, история которого имеет некоторое сходство с историей Кришны, стал одним из этих аватаров; и на все представления миссионеров индусы отвечают, что им нечему учиться у них, поскольку они уже более христианские, чем сами христиане.

Что касается внешних форм, то они всегда менялись и продолжают меняться. Поразительное воображение индусов, которое так умножило их, постоянно изменяет их. Индусы любят образы и материальные символы; они большие формалисты в практике своей религии, какой бы она ни была. Их храмы полны эмблем, главными из которых являются лингам и йони, символы мужской и женской природы. Обеты, покаяния, умерщвления плоти, чтение священных книг, литании, молитвы, паломничества считаются очень заслуживающими похвалы и очень скрупулезно соблюдаются. Ни один другой народ никогда не проявлял такой строгости в исполнении религиозных обязанностей.

Число паломников в Бенарес, Джаганнатх и великие пагоды на юге Индии по-прежнему исчисляются сотнями тысяч ежегодно. Известные места паломничества чаще всего являются общими для двух великих сект. Вишнуиты и шиваиты смешиваются в торжественный день; даже мусульмане иногда приезжают, не из любопытства, а с благочестивой целью и для совершения заслуживающего похвалы дела.

Ни одно место в Индии не славится паломничеством больше, чем Джаганнатх (известный как Джаггернаут) или Пури на побережье Ориссы; кроме того, нигде больше нельзя так хорошо продемонстрировать необычное братство индийских культов и в то же время их огромное разнообразие. Здесь представлены все культы, за исключением одного (). К какой бы религии ни принадлежал индус, как бы далеко ни находилось его жилище и какими бы трудностями ни сопровождалось путешествие, он стремится хотя бы раз в жизни побывать в Джаганнатхе. В обрядах этого храма Вишну (здесь называемый Джаганнатхом) делит с мрачным и роковым Шивой поклонение толпы, чья чрезмерная набожность доходит до

бреда. Его пагода на колесах проходит по городу, и в груди шумной толпы пробуждается такой энтузиазм, что фанатики бросаются под колеса с криками радости.^[22]

В Индии есть много других мест паломничества, как правило, менее значимых, чем Бенарес и Джаганнатх. Берега Ганга священны от истока до устья, и многие верующие приезжают издалека, чтобы посетить их. Вода реки священна и с большими затратами переносится с одного конца полуострова на другой. Индусы придают священный характер всем водотокам, но ни один из них не приближается к святому Гангу по степени почитания, которое он вызывает. Этот культ воды, как и культ облаков и муссонов, восходит к очень далекой древности; он вполне естественен в стране засухи, где вода приносит жизнь, а при ее недостатке целые народы умирают от голода.

Между религией и моралью индусов существует пропасть, которую западный ум с трудом может понять. По праву говорят, что индусы — самый религиозный из всех народов. С точки зрения европейских представлений можно с не меньшей справедливостью сказать, что они, пожалуй, наименее нравственные.

Угодить богам и завоевать их благосклонность — вот цель, которую индус всегда держит перед глазами. Но он был бы очень удивлен, если бы кто-то попытался убедить его, что боги хоть немного интересуются честностью его отношений с ближними, целомудрием его жизни или непоколебимостью его слова и поведения, или что эти всемогущие существа хоть немного склонны гневаться, когда он крадет имущество соседа или практикует детоубийство.

Их месть обрушится на него, если он пренебрегает молитвами, не читает священные книги, не посещает религиозные церемонии, убивает корову или не выполняет требуемые очистительные обряды. Именно эти проступки вызывают гнев богов. Они требуют жертвоприношений, паломничеств, покаяний, молитв, выполнения тысячи внешних обрядов; они не заботятся ни о чем другом. Остальное — дело человека, материальная, утилитарная, практическая сторона жизни, совершенно не подпадающая под божественную заботу.

Если мы обратимся к законам Ману, то обнаружим, что нарушение, казалось бы, невинных обрядов является для индусов страшным преступлением, которое можно искупить только пытками или даже смертью, в то время как грабежи и убийства могут быть искуплены самыми легкими наказаниями. За исключением прелюбодеяния, которое так глубоко нарушает уклад семейной жизни и, следовательно, уклад всего народа, все грехи плоти не имеют большого значения для индусов. Возбуждающие чувства культы, которые они практикуют, скорее побуждают их к распущенности, и любовь становится преступлением только тогда, когда ее объектом является существо низшей касты. Убийство получает свою вину от ранга человека, на которого оно совершено. Если жертва — корова или брахман, преступление является тяжким; в любом другом случае оно становится мелким проступком. Некоторые убийства, такие как детоубийство девочек, даже не считаются проступками.

Единственным важным моральным элементом, проникшим в природу индуса, является дух буддийской милосердия. Этот дух проник даже в жесткий кодекс, придуманный для удовольствия фантастических и жестоких богов, а не для истинного блага человечества. Он смягчил его и добавил заповеди любви и щедрости к его суровым и строгим предписаниям. Буддийский период был самым нравственным в истории Индии, и его благотворное влияние ощущается до сих пор. Хорошие качества, которыми обладает индус, такие как мягкость, верность своим хозяевам, любовь к семье, замечательный дух терпимости, принадлежат его характеру и не зависят от его морали. Более того, большинство его

добродетелей являются совершенно пассивными; он может подчиняться, и он никогда не бывает так хорош, как когда подчиняется игу хозяина. Пусть он повелит в свою очередь, и он быстро станет несправедливым, высокомерным и тираничным. Нельзя сказать ни об одной из его добродетелей, что она является плодом морали, основанной на мощной основе религиозной веры и укрепленной веками развития.

Итак, индус — по сути своей религиозное существо, но он не является нравственным существом. Его покорная и кроткая натура привыкла подчиняться силе климата, который истощил всю его энергию, и долгому рабству. Если бы у него не было сдерживающего фактора, кроме его нравственной совести, он, возможно, был бы одним из самых жестоких и опасных народов на земном шаре. Один только его характер сделал его одним из самых безобидных.^f

СНОСКИ

[21] [Этот живописный рассказ Диодора уже приводился в истории Месопотамии].

[22] [Что касается знаменитой процессии «Джаггернаут», которая стала прообразом безжалостности и фанатизма, важно отметить, что сэр У. У. Хантер в своей истории *Индийской империи* категорически отрицает традиции, касающиеся Джаганнатха, заявляя, что его религия противостоит самоубийству или убийству и что смертей, происходящих на его праздниках, немного, меньше, чем на обычных политических парадах, и они являются результатом несчастных случаев или истерии, а вовсе не религиозного безумия.]

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

Буква «а» зарезервирована для редакционных материалов.

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

GEORG WEBER, *Allgemeine Weltgeschichte*.

^c ФЕРДИНАНД ЮСТИ, *Geschichte der Orientalischen Völker im Alterthum*.

^d «Махабхарата» и «Рамаяна».

^e *Веды*.

^f МАКС ДУНКЕР, *Geschichte des Alterthums*.

^g КРИСТИАН ЛАССЕН, *Commentatio geographica atque historica de Pentapotamia Indica*.

^h ГЕРОДОТ, «Истории».

ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ИНДИИ — ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

ДЖЕЙМС МИЛЛ, «История Британской Индии».

СОЛОМОН ЛЕФМАНН, *Geschichte des alten Indiens*.

ГУСТАВ ЛЕ БОН, «Цивилизации Индии».

W. W. HUNTER, из статьи «Индия» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.

^f W. W. ХАНТЕР, *Краткая история индийского народа*.

^g ДЖ. ФЕРГЮСОН, «О эпохах Сакаа, Самват и Гупта» (Журнал R. As. Soc., N. S. XII).

^h ЧЕЗАРЕ КАНТУ, «Всеобщая история».

ⁱ СЭР У. ДЖОНС, «Диссертации».

^j ФА-ХЯНЬ и ХВЕН-ЦЗАН, *Хроники путешествий по Индии*.

ГЛАВА III. ОБЫЧАИ И НРАВЫ ДРЕВНИХ ИНДУСОВ

A. N. L. HEEREN, *Исторические исследования политики, взаимоотношений и торговли основных народов древности (Азиатские народы)*.

^c МАУНТСТЮАРТ ЭЛФИНСТОУН, «История Индии».

ДЖЕЙМС МИЛЛ, указ. соч.

^e Х. Х. УИЛСОН, редактор книги Джеймса Милла «История Британской Индии».

^f Х. П. КОУЛБРОК в «Азиатских исследованиях», т. LIII.

^g ГАННОН, «Перипл».

^h ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, «Естественная история».

ⁱ АРРИАН, «Индика».

^j КОУЛБРОК, в «Трудах Азиатского общества».

ГЛАВА IV. БРАХМАНИЗМ И БУДДИЗМ

ГЕОРГ ВЕБЕР, указ. соч.

МАУНТСТЮАРТ ЭЛФИНСТОУН, указ. соч.

ДЖЕЙМС МИЛЛ, указ. соч.

^e H. N. WILSON, *op. cit.*

^f GUSTAVE LE BON, *op. cit.*

^g T. W. RHYS DAVIDS, из статьи «Буддизм» в новых томах девятого издания *Encyclopædia Britannica*.

^h ЭЖЕН БУРНУФ, «Введение в историю индийского буддизма».

ⁱ W. W. ХАНТЕР, указ. соч.

^j Б. Х. ХОДЖСОН, *Очерки по индийской тематике*.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИНДИЙСКОЙ ИСТОРИИ

НА ОСНОВЕ РАБОТ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ

Следующая библиография содержит в основном только работы, относящиеся к древней Индии, поскольку библиография современной Индии, и в частности Индии под британским правлением, будет специально рассмотрена в следующем томе. Однако здесь включено несколько работ о современной Индии, поскольку они имеют определенное отношение к историческому, политическому и религиозному развитию древней Индии.

Следует отметить, что большое количество цитируемых здесь работ касается скорее социальных и религиозных условий, чем собственно истории. Такой выбор является вполне естественным следствием обстоятельств: с одной стороны, неясности истории, а с другой — увлекательного интереса, который вызывают обычаи и эзотерическая религия индусов. Уже упоминались классические историки Мегасфен и Арриан. Среди современных авторов, которые интерпретировали для нас имеющиеся воспоминания, самым ранним был Джеймс Милль, известный автор *«Анализа человеческого разума»*, который в 1817 году опубликовал *«Историю Индии»*, над которой он работал в течение двенадцати лет. Философ, ставший историком, остается не менее философом, и *«История Индии»* Милля, наряду с личными усилиями автора на государственной должности, на которую он вскоре был назначен, практически революционизировала метод управления Индией. Несмотря на то, что с тех пор было написано почти бесчисленное количество книг на эту тему, работа Милля ни в коей мере не утратила своей актуальности.

Следующим важным вкладом в эту тему был вклад Маунтстюарта Элфинстоуна. Если Милль рассматривал историю Индии с точки зрения философа, то Элфинстоун рассматривал ее с точки зрения государственного деятеля. Его работа имела особое достоинство, поскольку была написана человеком, обладавшим самыми полными знаниями из первых рук по данному предмету, поскольку Элфинстон поступил на государственную службу в Ост-Индскую компанию, когда был едва ли не мальчиком, и продолжал проживать в Индии в том или ином официальном качестве на протяжении большей части своей жизни, в конце концов заняв на долгие годы должность губернатора Бомбея. Поэтому его история сразу же была признана как имеющая особый авторитет, и даже сейчас нет работы, к которой можно было бы обратиться с большей уверенностью.

Общие истории Данкера и Херена также следует прочитать всем, кто желает ознакомиться с этой темой. Взгляды Херена представляют особый интерес, поскольку он отстаивает теорию, согласно которой египетская раса на самом деле была индийского происхождения. Не претендуя на то, что он может доказать истинность этой теории, Херен приводит множество аргументов, основанных частично на физиологических особенностях двух рас, а частично на сходстве их обычаев и религий. Можно добавить, что с момента написания книги Херена не было достигнуто заметного прогресса в решении этой проблемы; однако эта теория не поддерживается ни одним из современных авторитетов. Среди других работ по истории Индии, занявших высокое место, можно отметить книги сэра У. У. Хантера и прекрасно написанные работы Ле Бона; последний, однако, скорее относится к цивилизации, основанной на памятниках, чем к политической истории страны.

Среди более старых работ, посвященных языку и религиям Индии, очень высокий авторитет имеют труды Эжена Бурнуфа и У. Уорда; среди более поздних работ, возможно, более широкое распространение получили труды Макса Мюллера и сэра Монье-Уильямса, которые внесли большой вклад в общее распространение знаний о брахманизме и буддизме, чем почти все другие.

Адамс, Х. Д., «Эпизоды индийской истории», Лондон, 1891. — **д'Альвиелла, Г.**, «Ce que l'Inde doit à la Grèce», Париж, 1898. — **Анкетиль-Дюперрон**, «La religion des Indous», Париж, 1823.—**Анкетиль-Дюперрон, А. Х.**, «Исторические и географические исследования Индии», Берлин и Париж, 1876. —**Арриан**, «Анабасис Александра», к которому добавлена «Индийская история» Арриана — «Индика» (перевод г-на Рука), Лондон, 1729.—**Ассманн, В.**, Handbuch der Allgemeinen Geschichte, Брауншвейг, 1853.

Баджнат, Лала, Некоторые проблемы социальной реформы в индуистском обществе, Алигарх, 1891 г. — **Балфур, Э.**, Энциклопедия Индии и Восточной и Южной Азии, Мадрас, 1857-1858 гг., 2 тома. — **Барт, А.**, Религии Индии, Париж, 1879; Религии Индии, Лондон, 1890. — **Бастиан, А.**, Мировоззрение буддистов, Берлин, 1869; Буддизм как религиозно-философская система, Берлин, 1893; Буддизм в его психологии, Берлин, 1882.—**Бил, Сэмюэл**, «Outline of Buddhism from Chinese Sources», Лондон, 1876; «The Buddhist Tripitaka as it is known in China and Japan», Лондон, 1876.—**Белл, Дж.**, «Compendious View of Universal History and Literature», Лондон, 1820.—**Бенфей, Т.**, «Vedic und Verwandtes», Страсбург, 1887.—**Берген, А.**, Ведическая религия по гимнам Риг-Веды, Париж, 1878-1883, 3 тома.—**Беттани, Г. Т.**, Великие индийские религии, Лондон, 1892.—**Бейер, К.**, Восточные новеллы по самым красивым сказаниям Индии и Ирана, Лейпциг, 1890.—**Бхандаркар, Э. Г.**, «Ранней истории Декана», Бомбей, 1895. —**Бхаттачарья, Йогенда Нат**, «Индуистские касты и секты», Калькутта, 1896. —**Бхимачарья**, «Ньяякоса, или Словарь технических терминов философии ньяя», Бомбей, 1875.—**Берд, Дж.**, Об исторической географии Индостана и происхождении социального государства среди индусов (в Journ. Asiat. Soc. of Bengal, Калькутта, 1840).—**Блаватская, Елена П.**, Die Grundlage der indischen Mystik, Лейпциг, 1893.—**Болен, П. фон**, Опыт определения происхождения и возраста буддизма, Региомонт, 1827; Древняя Индия, Кенигсберг, 1830, 2 тома; Древняя Индия с особым вниманием к Египту, Кенигсберг, 1830-1831, 2 тома.—**Ле Бон, Г.**, Les civilisations de l'Inde, Paris, 1887; Les monuments de l'Inde, Paris, 1892.—**Бродбек, А.**, Leben und Lehre Buddhas, Цюрих, 1895.—**Бросс, Э.**, L'Inde inconnue, Лион, 1898.—**Брунхофер, Х.**, Iran und Turan. Историко-географические и этнологические исследования древнейшего места индоевропейской предыстории, Лейпциг, 1890; Предыстория ариев в Передней и Центральной Азии, Лейпциг, 1893, 3 тома. — **Бюлер, Г.**, Сборник индуистских законов, Лондон, 1867-1869.—**Бюлер, Г.**, и **Кирсте**, Индийские исследования, Вена, 1892, 2 тома.—**Берджесс, Дж.**, Древние памятники, храмы и скульптуры Индии, Лондон, 1897.—**Бурнуф, Э.**, «Очерк о пали», Париж, 1826; «Вендидад-Саде, одна из книг Зороастра», Париж, 1830; «Комментарии к Яшне», Париж, 1835; «Введение в историю индийского буддизма», Париж, 1844; Лотос Доброго Закона, Париж, 1852; Очерк о Веде, или Исследования о религиях, литературе и социальном устройстве Индии, Париж, 1863.—**Бурнуф, Э.** (в соавторстве с Э. В. С. **Жаке**), Французская Индия, Париж, 1827-1835, 2 тома.

Кейн, У. С., «Живописная Индия», Лондон, 1890; **Каланд, В.**, «Altindischer Ahnencult», Лейден, 1893; **Карус, П.**, «Карма, история раннего буддизма»; «Нирвана, история буддийской философии».—**Каунтер, Дж. Х.** Живописные картины Индии (перевод с английского А. Урбена), Париж, 1836, 3 т. —**Шабозо, А.**, Очерк буддийской философии, Париж, 1891.—**Коулбрук, И. Т.**, «О философии индусов» (в сборнике «Разные очерки»), Лондон, 1873; «Очерк о религии и философии индусов», Лондон, 1858. —**Коплстон, Б. П.**, «Буддизм, первобытный и современный, в Магхаде и на Цейлоне», Лондон, 1892. —**Крэнфорд, К.**, «Очерки, главным образом касающиеся истории, религии, образования и нравов индусов», Лондон, 1791; «Исследования, касающиеся законов, теологии, образования, торговли и т. д. древней и современной Индии», Лондон, 1817, 2 тома. — **Ктесий**, «Фрагменты из Ἰνδικᾶ», его опера, Франкфурт, 1824.— **Каннингем, сэр А.**, Билса Топес, или буддийские памятники Центральной Индии, Лондон, 1854; Ступа Бархута, Лондон, 1879; Монеты древней Индии с самых ранних времен до VII века н. э., Лондон, 1891.

Дальманн, Дж., Будда, культурный образ Востока, Берлин, 1898; Древнеиндийский народ и его значение для социологии, Кельн, 1899. — **Ле Дэн**, Древняя Индия, Париж, 1895. — **Дэниэлл**, Т., Восточные пейзажи, древности Индии, Лондон, 1795-1808, 4 тома; Индийские раскопки в горах Эллары, Лондон, 1804; Живописное путешествие в Индию через Китай, Лондон, 1810. — **Дэвидс**, Т. В. Рис, Буддийские истории о рождении, Лондон, 1880; Лекции о происхождении и развитии религии на примере индийского буддизма, Лондон, 1881; Буддизм, Лондон, 1899; Буддизм, статья в *новых томах* девятого издания *Энциклопедии Британника*; соавтор *Виная-текстов*, 1881-1885; *Дигаха Никая*, 1890; *Сумангала Виласини*, 1886; «Священные книги буддистов»; «Диалоги Будды», 1899. — **Деуссен**, П., «Система Веданты», Лейпциг, 1883; «Сутра Веданты», Лейпциг, 1884; «Философия Вед до Упанишад», Лейпциг, 1894. — **Дистель**, К., *Buddhismus und Christentum*, Брауншвейг, 1885. — **Диодор Сицилийский**, Βιβλιοθήκη ἱστορική, Лондон, 1700. — **Досабхай**, Хан Б. Э., История Гуджарата с древнейших времен до наших дней, Ахмедабад, 1884. — **Дауз**, Алекс., История Индостана с древнейших времен до смерти Акбара (перевод с персидского Мухаммада Касима Феришта), Лондон, 1768; Диссертация о обычаях, нравах, языке, религии и философии индусов, Лондон, 1773. — **Дюбуа**, Ж. А., Индуистские нравы, обычаи и обряды, Лондон, 1899. — **Датт**, К. М., Хронология Индии с древнейших времен до начала XVI века, Лондон, 1899; — **Датт**, М. Н., Героини Индии, Калькутта, 1893; Пророки Индии, Калькутта, 1894. — **Датт**, Р. К., Древняя Индия, 2000 г. до н. э. — 800 г. н. э., Калькутта, 1893; История цивилизации Древней Индии на основе санскритской литературы, Калькутта, 1894; Цивилизация Индии, Лондон, 1900.

Эхни, Дж., «Ведический миф о Яме в сравнении с аналогичными типами персидской, греческой и германской мифологии», Страсбург, 1890. — **Эйтель**, Э. Дж., «Справочник по китайскому буддизму», Лондон, 1888. — **Элфинстоун**, Маунтстюарт, История Индии; индуистский и мусульманский периоды, Лондон, 1859, 2 тома.

Фальке, Р., Будда, Мухаммед, Христос, Гютерсло, 1897. — **Фергюсон**, Дж., История Индии и восточной архитектуры, Лондон, 1891; О эпохах Сакаа, Самват и Гупта (*Журнал R. As. Soc.*, N. S. xii.) — **Фонтане**, М., Всеобщая история, Париж, 1881-1889, 6 тт. — **Франк**, В., Вьеса о философии, мифологии, литературе и языке индусов, Лейпциг и Вюрцбург, 1826. — **Фрейзер**, Р. В., Литературная история Индии, Лондон, 1898.

Гарбе, Р., Философия древней Индии, Чикаго, 1897; *Die Samkhya-Philosophie. Eine Darstellung des indischen Rationalismus*, Лейпциг, 1894. — **Гейн**, Дж. ван ден, Пантеизм в Индии, Гент, 1890. — **Гомара**, Ф. Л. де, Общая история Индии, Антверпен, 1554. — **Гомес**, Ф. Л., Брахманы (перевод с португальского Дж. де Сильва), Бомбей, 1889. — **Гоф**, А. Э., Философия Упанишад и древнеиндийская метафизика, Лондон, 1882. — **Гриббл**, Д. Б., История Декана, Лондон, 1895. — **Гюйон**, аббат, История древних и современных Восточных Индий, Париж, 1744.

Хаак, Дж., «Ботаника Индии», Амстердам, 1892. — **Алаве**, Дж., «Критические соображения по некоторым вопросам древней истории Индии», Париж, 1899. — **Холл**, «Рациональное опровержение индуистских философских систем», Калькутта, 1862. — **Хаппель**, Дж., Религиозные и философские основные взгляды индийцев. Из санскритских источников с точки зрения истории народов христианства, представленные и оцененные, Гиссен, 1902. — **Харди**, Э., Руководство по буддизму, Лондон, 1860, 2-е издание; Восточный монашество, Лондон, 1868; Ведическо-брахманический период религии древней Индии, Мюнхен, 1893; История индийской религии, Лейпциг, 1898. — **Хёрн**, Э., Сборник из полей Будды, Нью-Йорк, 1897. — **Хекер**, М. Ф., Шопенгауэр и индийская философия, Кельн, 1897. — **Хеерен**, А. Х. Л., «*Commentatio de Græcorum de India notitia et cum Indis Commerciis*», Гёттинген, 1791; «Исторические исследования», Оксфорд, 1834-1846, 5 тт. — **Хиллебрандт**, А., «Ведическая мифология», Бреслау, 1891; «Древняя Индия. *Culturgeschichtl. Skizzen*», Бреслау, 1899. —

Ходжс, Уильям, *Travels in India in 1780-1783*, Лондон, 1793.—**Ходжсон**, Б. Х., *On the Aborigines of India*, Калькутта, 1847, 3 тт.—**Холвелл**, Дж. З., *Interesting Historical Events Relative to the Provinces of Bengal and the Empire of Hindustan*, Лондон, 1766.—**Хопкинс**, Э. В., *Религии Индии*, Бостон, 1895.—**Хантер**, У. В., *Краткая история индийских народов*, Лондон, 1892; *Правители Индии*, Оксфорд, 1890; *Атлас Индии*, Лондон, 1893; статья «Индия» в девятом издании *Британской энциклопедии*.

Ихеринг, Р. фон, *Les Indo-Européens avant l'histoire*, Париж, 1895.—**Ит**, Дж., *Sittenlehre der Braminen, oder die Religion der Indier*, Берн и Лейпциг, 1794.

Дженнингс, Х., «Индийские религии, или Результаты таинственного буддизма», Лондон, 1890. — **Джонс**, У., и др., «Диссертации и разные статьи, относящиеся к истории и древностям, искусству, наукам и литературе Азии», Лондон, 1792-1798, 6 тт.—**Жюльен**, С., «Путешествия буддийских паломников», Париж, 1853-1857, 2 тома; **Юсти**, Фердинанд, «История восточных народов в древности», Берлин, 1884.

Карагеоргиевич, князь Б., «Очарованная Индия», Нью-Йорк, 1899; «Заметки об Индии», Париж, 1900. — **Кин**, Х. Г., «История Индии с древнейших времен до наших дней», Лондон, 1893, 2 т. — **Керн**, Дж. Х. К., *Der Buddhismus und seine Geschichte*, Лейпциг, 1882-1884, 2 т. — **Кистнер**, Будда и его учение, Лондон, 1859. — **Клингеманн**, К., Буддизм, пессимизм и современное мировоззрение, Эссен, 1898. — **Найт**, А. Э., *India, from the Aryan Invasion to the Great Sepoy Mutiny*, Лондон, 1892.—**Кёппен**, К. Ф., *Die Religion des Buddha und ihre Entstehung*, Берлин, 1857; *Die Lamaische Hierarchie und Kirche*, Берлин, 1859.—**Кунте**, М. М., *The Vicissitudes of Aryan Civilisation in India*, Бомбей, 1880.

Лафон, Г. де, Буддизм, Париж, 1895.—**Ламайресс**, Э., *L'Inde avant le Bouddha*, Париж, 1891; *La vie du Bouddha, suivie du Bouddhisme dans l'Indo-Chine*, Париж, 1892.—**Лейн-Пул**, Стэнли, *The History of the Moghul Emperors of Hindustan*, Лондон, 1892.—**Лассен**, К., «*Zur Geschichte der griechischen und indoskytischen Könige in Baktrien, Kabul und Indien*», Бонн, 1838; «*Indische Alterthumskunde*», Бонн, 1844-1861, 4 тома.—**Латиф**, Шад Мухаммед, «*History of the Panjab from the Remotest Antiquity to the Present Time*», Калькутта, 1891.—**Лефманн**, С., *Geschichte des alten Indiens*, Берлин, 1890. — **Летбридж**, сэр Р., *A Short Manual of the History of India*, Лондон, 1881; *The Golden Book of India*, Лондон, 1893. — **Леви**, С., *Le théâtre Indien*, Париж, 1891. — **Лилли**, А., Будда и его притчи, Лондон, 1891. — **Ллойд**, А., Высший буддизм в свете Никейского символа веры, Токио, 1893; *Очерки индийской жизни*, Лондон, 1890. — **Лялл**, сэр А., *Естественная религия в Индии*, Лондон, 1891.

Макдонелл, А. А., *История санскритской литературы*, Лондон, 1900.—**Макнагтен**, У. Х., *Принципы индуистского и мусульманского права*, Лондон, 1884.—**Макриндл**, Дж. В., *Вторжение Александра Македонского в Индию, как описывают Арриан, К. Куртий, Диодор, Плутарх и Юстин*, Лондон, 1893. — **Майер**, Ф., *Брахма, или Религия индийцев как брахманизм*, Лейпциг, 1818. — **Мэннинг**, миссис К., *Древняя и средневековая Индия*, Лондон, 1869.—**Мариано**, Р., *Буддизм и христианство*, Неаполь, 1890.—**Маррат**, Дж., *Земля Ганга, или Очерки Северной Индии*, Лондон, 1892.—**Маршман**, Ф. К., *Краткая история Индии*, Лондон, 1893.—**Морис**, Т., *История Индостана*, Лондон, 1795.—**Менан**, Д., «Парсы, история зороастрийских общин Индии», Париж, 1898. — **Милл**, Дж., «История Британской Индии». — **Миллуэ**, де, «Буддизм в мире», Париж, 1893. — **Минаев**, Дж. П., «Исследования по буддизму», Париж, 1894.—**Моншуази**, «Индия и индусы», Базель, 1892. — **Монье-Уильямс**, М., «Брахманизм и индуизм», Лондон, 1891; «Индийская мудрость», Лондон, 1893, 4-е издание; «Индийская эпическая поэзия: содержание лекций», Лондон, 1863; «Руководство по санскриту», Лондон, 1868; *Buddhism in its Connection with Brahmanism and Hinduism*, Лондон, 1889. — **Мозес**, Х., *Sketches of India*, Лондон, 1850. — **Мьюир**, Дж., *Original Sanscrit Texts on the Origin and History of the People of India, their Religion and Institutions*, Лондон,

1858-1872, 5 томов; Религиозные и нравственные чувства, метрически переложенные с санскритских писателей, Лондон, 1875; Натапарикша, или Исследование религий, Калькутта, 1854. — **Малленс**, Религиозные аспекты индуистской философии, Лондон, 1860.—**Мюллер**, Макс, История древней санскритской литературы, Лондон, 1860; Индия, чему она может нас научить? Лондон, 1883; Шесть систем индийской философии, Лондон, 1899.—**Мюллер**, Н., Вера, знание и искусство древних индусов, Майнц, 1822.

Ольденберг, Х., Будда, его жизнь, его учение, его община, Берлин, 1890; Гимны Ригведы, Берлин, 1888; Религия Вед, Берлин, 1894.

Филострат, τὰ ἐς τὸν Τυανέα Ἀφολλώνιον, Венеция, 1502.—**Пикар**, Ш., Sémites et Aryens, Париж, 1893.—**Пишель**, Р., и **Гельднер**, К. Ф., Vedische Studien.—**Польер**, Mythologie des Indous, Рудольштадт и Париж, 1809.—**Пуор**, Sanskrit and its Kindred Literatures, Лондон, 1890.—**Поуп**, Г. М., A Textbook of Indian History, Лондон, 1880.

Раффлз, Томас Стэмфорд, История Явы, Лондон, 1817. — **Раджендралала**, Митра, Индоарии. Вклад в изучение их древней и средневековой истории, Калькутта, 1881, 2 тома. — **Реа**, Южноиндийские буддийские древности, Мадрас, 1894, и Лондон, 1895.—**Рид**, Э. А., «Индуистская литература или древние книги Индии», Чикаго, 1891. — **Рейнах**, «Происхождение ариев», Париж, 1892. — **Рикардс**, Р., «Индия», Лондон, 1829-1832, 2 тома. — **Рисли**, «Племена и касты Бенгалии», Калькутта, 1891, 2 тома; Этнографический глоссарий, Калькутта, 1891. — **Робертсон**, У., Историческое исследование знаний древних о Индии, Лондон, 1791. — **Робсон**, Дж., Индуизм и его отношение к христианству, Лондон, 1893.

Сен-Илер, Ж. Б., Будда и его религия, Лондон, 1895. — **Сайзау**, М., Будда и буддизм, Париж, 1890. — **Самуэльсон**, Ф., Индия, прошлое и настоящее, история, общество и политика, Лондон, 1890.—**Шлегель**, Ф., «Über die Sprache und Weisheit der Inder» (О языке и мудрости индийцев), Гейдельберг, 1808; «Indische Bibliothek» (Индийская библиотека), Бонн, 1820.—**Шрадер**, О., «Prehistoric Antiquities of the Aryan Peoples» (Доисторические древности арийских народов), Лондон, 1890.—**Шрёдер**, Л. фон, «Пифагор и индийцы», Лейпциг, 1884; «Литература и культура Индии в историческом развитии», Лейпциг, 1887; «Буддизм и христианство», Ревель, 1893. —**Скотт**, А., «Буддизм и христианство», Эдинбург, 1890.—**Сенар**, Э., «О некоторых буддийских терминах», Париж, 1877; «Надписи Пиядаси», Париж, 1881-1888, 2 тома; «Очерк о легенде Будды, его характере и происхождении», Париж, 1882; «Касты в Индии», Париж, 1896.—**Шерринг**, М. А., «Индуистские племена и касты», Калькутта, 1881, 3 т.; —**Симон**, Р., «Beiträge zur Kenntniss der vedischen Schulen», Киль, 1890; —**Смит**, Г., «Обращение Индии от Плантена до наших дней, 193-1893 гг. н. э.», Лондон, 1893.—**Страбон**, География, Лондон, 1800. —**Страчи**, сэр Дж., Индия, Лондон, 1894. — **Стронг**, Д. М., Метафизика христианства и буддизма: симфония, Лондон, 1899.

Тасси, Гарсен де, «История индуистской и хиндустани литературы», Париж, 1839-1847, 2 тома; «Хиндустани язык и литература», Париж, 1850-1869 — **Троттер**, Л. Дж., «История Индии с древнейших времен до наших дней», Лондон, 1890.

Уйфальви, К. де, «Колыбель ариев», Париж, 1884; «Арийцы к северу и югу от Гиндукуша», Париж, 1897.

Валле Пуссен, Л. де ла, Буддизм. Исследования и материалы. — **Виква Митра**, Шамиты. Доарийские Индии, Париж, 1892. — **Винсон**, Дж., Эволюция буддизма, Париж, 1892.

Уодделл, Л. А., Буддизм Тибета или ламаизм, Лондон, 1898. — **Уорд**, У., Взгляд на историю, литературу и религию индусов, включая подробное описание их нравов и обычаев и переводы из их основных произведений, Лондон, 1817-1820, 4 тома. — **Василиев**, В., Der Buddhismus, Seine Dogmen, Geschichte und Litteratur, Петербург, 1860. — **Вебер**, А., Indische Litteraturgeschichte, Берлин, 1852; Indische Skizzen, Берлин, 1857; Indische Streifen, Берлин,

1868-1879, 3 тома; Die Kastenverhältnisse in den Brahmanen und Sutra (в «Indische Studien», Берлин и Лейпциг).—**Вебер** Г., Allgemeine Weltgeschichte, Лейпциг, 1857-1880.—**Уикс** Г. М., Indian Idyls, Лондон, 1865.—**Вестергард**, Н. Л., Über den ältesten Zeitraum der indischen Geschichte mit Rücksicht auf die Litteratur, Бреслау, 1862.—**Визе**, Ф. А., Indien oder die Hindus, Лейпциг, 1836, 2 т.—**Уилсон**, Х. Х., редактор книги Джеймса Милла «История Британской Индии».—**Вимпффен**, Макс фон, Критические слова о буддизме, Вена, 1890. —**Виндиш**, Э., О значении индийской древности, Лейпциг, 1895. —**Вурм**, История индийской религии, Базель, 1874.

Ясуда, М., «Значение общей этики буддизма», Йена, 1893.

Ziegenbein, Beschreibung der Religion und Gebräuche der malabarischen Hindus, Berlin, 1791.—**Zimmermann**, J. Ch., De India antiqua dissertatio historica, Erlangæ, 1811.

ЧАСТЬ VIII

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ПЕРСИИ

Основана главным образом на следующих источниках

КТЕСИАС, А. Х. Л. ХИРЕН, ГЕРОДОТ, Г. К. К. МАСПЕРО, ЭДУАРД
МЕЙЕР, ТЕОДОР НЁЛДЕКЕ, Х. К. РАУЛИНСОН

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

СВЯЩЕННОЙ БИБЛИИ, БЕРОСА, МАКСА ДУНКЕРА, ВИКТОРА ФЛОЙГЛА, ДЖ.
МОРЬЕ, ПОЛИАН, Р. К. ПОРТЕР, ДЖ. В. ПРАСЕК, Р. В.
РОГЕРС, А. Х. СЭЙС, КСАНТ, КСЕНОФОН

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

ЧАСТЬ VIII. ДРЕВНЯЯ ПЕРСИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
Краткая история Персии	559
Глава I. Земля и народ	565
Глава II. Мидийская или Скифская империя	573
Глава III. Ранние Ахемениды и Эламиты, Кир и Камбиз	587
Глава IV. Персидская династия: от Дария I до Дария III	605
Глава V. Персидская цивилизация	634
Краткий список источников по главам	662
Общая библиография по истории Персии	663

ОБЩИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ПЕРСИИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, СОДЕРЖАЩИЙ КРАТКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКУЮ ТАБЛИЦУ

МЕДИЙСКАЯ ИЛИ СКИФСКАЯ ИМПЕРИЯ

Скифы или манды, народ, которого греки путали с мадами или мидянами, были частью кочевых индоевропейцев, мигрировавших в Западную Азию из южной России. Они вторглись в древнее царство Эллипи, расположенное к востоку от Ассирии и простирающееся до Каспийского моря, и практически полностью уничтожили его. В столице Эллипи Экбатане они, по-видимому, быстро организовали государство, которое еще во времена правления Эсархаддона считалось угрозой для Ассирии.

О ранних правителях Экбатаны у нас нет никаких сведений, кроме тех, что приводятся Геродотом и Ктесием. Исходя из них, мы можем предположить следующее:

700 г. до н. э. **Дейокес**, первый лидер или принц, упомянутый греками. Он жил в период великой мощи Ассирии и, по-видимому, был вассалом царства, но, вероятно, был основателем своей империи. По-видимому, он не правил в Экбатане, поскольку царство Эллипи все еще существовало.

647 г. **Фраорт (Фраварти)** становится преемником. Он расширяет власть Манды, и во время его правления цари Персии и Элама становятся его вассалами.

625 год. Преемником становится **Киаксар**. Примерно в это время скифы впервые вторгаются в Ассирию. Они сжигают Калах, но не могут взять Ниневию. Они проносятся по земле до границы Египта, где Псамтек платит им, чтобы они повернули назад.

610 г. Синь-шар-ишкун, царь Ассирии, нападает на Набополассара из Вавилона. Последний призывает манда на помощь, чтобы отразить захватчиков. Манда немедленно откликаются и нападают на Ниневию.

607 год. Падение Ниневии перед мандами. Они захватывают старое царство Ассирии вплоть до границы с Вавилоном и начинают завоевание стран севера. Киаксар ведет войну с лидийцами, народом Урарту, Мидией, Минни и другими.

585 г. **Иштувегу (Астиаг)** наследует престол. Его империя простирается на севере и западе до реки Халис.

553 По каким-то пока неясным причинам Иштувегу выступает против своего вассала Кира, царя эламской провинции Аншан.

550 год. Иштувегу предан своими солдатами Киру и взят в плен. Эламский царь захватывает Экбатану и становится царем Манды.

Конец Мидийской или Скифской империи.

ПЕРСИДСКАЯ ИМПЕРИЯ

Страна Парсуа или Персия была впервые заселена иранскими племенами индоевропейского происхождения. Ведущими из них были пасагады, марафяне и маспаны. Они жили сельским хозяйством, скотоводством и коневодством, но в горах и пустынных степях проживало много кочевых племен, таких как марданы, коссаны и сагартийцы. Наши самые ранние сведения о персидской истории получены из ассирийских памятников, и, по-видимому, страна находилась в вассальной зависимости от более могущественных завоевателей и, по крайней мере, в некоторой степени восстанавливала свою независимость всякий раз, когда на ниневийский трон вступал более слабый монарх. Первой исторической династией, по данным греческих историков, является династия Ахеменидов, о происхождении которой мы ничего не знаем; ее основатель, Ахеман, вероятно, является мифическим персонажем.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД — РАННИЕ АХЭМЕНИДЫ И ЭЛАМИТСКАЯ ДИНАСТИЯ (730-521 гг. до н.э.)

730 Первый исторический царь, **Тейсп**, правит примерно в это время. Его приход к власти, вероятно, связан с некоторым ослаблением ассирийского влияния. Его преемниками, согласно Геродоту, являются **Камбиз**, **Кир** и **Тейсп II**. Последний, по-видимому, завоевал эламскую провинцию Аншан, которая после его смерти перешла к его сыну Киру, а престол Персии — к **Ариарамну**. Со второй половины VII века до н. э. независимо друг от друга правили две линии Ахеменидов, о которых говорит Дарий: одна в Аншане, где в результате завоеваний было поглощено все древнее царство Элам, другая в Персии. Обе династии стали вассалами императора Экбатаны. На престол Ариарамна вступил **Арсак**, а затем **Гистасп**, а в Эламе, согласно рассказам его внука, на престол **Кира I** вступил **Камбиз**, отец Кира Великого.

559 **Кир Великий** наследует Камбизу на троне Элама.

553 Он подвергается нападению со стороны своего сюзерена Иштувега (Астиага).

550 год Иштувегу предан Киру и взят в плен. Эламцы захватывают Экбатану и получают власть над Мидийской или Скифской империей.

Начинается его завоевательная карьера.

549 год Кир входит в Ассирию и захватывает район, принадлежащий Вавилонии.

547 Царь Лидии Крез, опасаясь могущества Кира, решает напасть на него и образует коалицию с Ахмесом II из Египта, Набонидом из Вавилона и спартанцами.

546 год. Кир встречается с Кресом в Каппадокии. Последний, потерпев поражение в двух сражениях, отступает в Сарды и посылает за своими союзниками, которые не появляются. Осенью Сарды падают. Кир теперь называет себя царем Персии. Гистасп, вероятно, остается его вассалом, как он был вассалом Иштувега.

545 Вся Малая Азия находится в руках Кира. Она разделена на сатрапии с хорошо организованными правительствами. Греческие города в Малой Азии постепенно подчиняются.

- 549-539 Кир аннексирует Бактрию и совершает многочисленные успешные походы на Восток.
- 539 Кир отправляется в Вавилон. Он встречает сопротивление в Упи, но одерживает победу и движется на юг.
- 538 г. Вавилон открывает свои ворота Киру. Набонид бежит. Сирийско-финикийские провинции подчиняются. Кир дает разрешение изгнанникам-евреям вернуться. Новая территория реорганизуется.
- 529 Смерть Кира в битве. **Камбиз**, наследник престола, казнил своего брата Смердиса.
- 526 Начинаются военные приготовления к завоеванию Египта. Финикия предоставляет флот.
- 525 Битва при Пелусии. Поражение Псамтека III. Египет становится персидской провинцией. Поликрат из Самоса также подчиняется. Камбиз планирует нападение на Карфаген, но его армия гибнет в ливийской пустыне.
- 524-523 Экспедиция против Эфиопии, которая, по-видимому, свергла царство Напата. Армия несет большие потери на обратном марше. Камбиз, разгневанный этим, оскорбляет египетских богов и быка Аписа.
- 522 Он отправляется домой, но в Сирии узнает, что **Гаумата**, маг, выдал себя за убитого Смердиса и захватил трон. Камбиз совершает самоубийство.
- 521 Ахеменид Дарий Гистасп из Персии и шесть других принцев образуют заговор против Гауматы, который убивают.

ВТОРОЙ ПЕРИОД — ПЕРСИДСКАЯ ДИНАСТИЯ (521-331 гг. до н.э.)

- 521 **Дарий** становится царем. Трон теперь переходит к «второй линии» потомков Тейспеса II. Дарий женится на Атоссе, жене Камбиза и дочери Кира. Конец династии Элама становится сигналом к восстанию во всех провинциях. Вавилон восстает, и сын Набонида провозглашается царем под именем Навуходоносор III. Восстает Сузиана. Дарий вынужден начать завоевание империи Кира.
- 519-518 Вавилон осаждается, захватывается, а узурпатор казнен. Еще один узурпатор также казнен. Скифские провинции, Парфия, Гиркания, Урарту и Маргиана умиротворены. Еще один ложный Смердис в Персии свергнут. Орет в Сардах становится слишком независимым и казнен. В Египте губернатор Ариандс проявляет нелояльность и казнен. Дарий оказывает благосклонность египетским жрецам.
- 515 К этому времени империя полностью реорганизована, разделена на сатрапии, а налоги урегулированы. Азиатские греки вступают в заговор с европейскими. Поход Дария в Скифию. Он пересекает Босфор с 800 000 солдат, а его генералы захватывают города во Фракии и заставляют царя Македонии платить дань.
- 512 Дарий отправляется в поход на Инд, подчиняя себе племена на правом берегу к северу от Кабула. Этот регион превращается в сатрапию.
- 506 Свергнутый афинский тиран Гиппий обращается к Артаферну, сатрапу Сард, с просьбой о восстановлении. Афиняне отказываются удовлетворить просьбу о восстановлении.

- 499 Аристагор, сатрап Милета, поднимает восстание и получает поддержку греков на Эгейском море. Персы атакуют Наксос. Ионийцы поднимают восстание.
- 498 г. Сарды сожжены Аристагором. Начинается Ионийская война.
- 494 Ионийцы потерпели поражение у Лады. Падение Милета и конец войны.
- 492 Мардоний отправляется на повторное завоевание Греции. Он захватывает несколько городов в архипелаге, но его флот терпит крушение у Афона.
- 491 Персидские войска сосредотачиваются в Киликии для второго нападения на Грецию.
- 490 Вторжение в Грецию под командованием Датиса и Артаферна. Захвачены Наксос и Эретрия. Поражение при Марафоне. Дарий начинает сбор новой армии, но его планы внезапно 486 прерываются из-за восстаний в Египте, персы изгнаны, а Хаббаш возведен на престол.
- 485 Смерть Дария, его преемником становится сын **Ксеркс I**.
- 484 Поражение Хаббаша в морском сражении. Ахемен, брат Ксеркса, становится сатрапом Египта.
- 481 Подавление восстания в Вавилоне; разграбление храмов.
- 480 Вторжение в Грецию. Персы одерживают победу при Фермопилах и Артемисии. Афины оккупированы. Битва при Саламине. Поражение персов. Афины эвакуированы.
- 479 Вторжение в Аттику под командованием Мардония. Поражение Платы. Персидский флот также потерпел поражение при Микале.
- 479-478 Иония и острова утрачены в пользу Персии.
- 476 Персы изгнаны из Фракии.
- 470 Падение Эона.
- 465 Победа Кимона над персами в устье Эвримедона. Ксеркс убит Артабаном в сговоре с Артаксерксом, который также казнил своего старшего брата Дария.
- 464 г. **Артаксеркс I** вступает на престол.
- 462 Восстание в Бактрии подавлено после двух сражений.
- 460 Восстание в Египте под руководством Инара, царя Ливии, при поддержке афинян.
- 459 Победа Инара при Папремисе. Он осаждает персов в Мемфисе.
- 455-454 Мегабиз с большой армией окончательно подчиняет Египет в Просфите. Таннир становится царем Ливии вместо своего отца. Некоторые египтяне провозглашают Амиртая царем в Саиде.
- 449 Персы пытаются вернуть Кипр. Кимон из Афин противостоит им. Смерть Кимона. Персидский флот и армия потерпели поражение при Саламине на Кипре. Каллиас заключает мирный договор между Персией и Афинами.
- 448 Мегабиз, правитель Сирии, поднимает восстание. Он подавлен и помилован.
- 424 Смерть Артаксеркса. Его старший сын **Ксеркс II** правит сорок пять дней и убит внебрачным сыном Артаксеркса **Согдианом**, который после шести месяцев правления, в свою очередь, 423 убит другим внебрачным сыном Охом, который принимает имя **Дария II (Нота)** и женится на своей тете Парисатис.

Брат царя Арсит и Артифий, сын Мегабиза, поднимают восстание. Они побеждены, а Арсит казнен.

418 г. Восстание Писутнена, сатрапа Лидии. Оно подавляется Тиссаферном.

412 год. Аморг, сын Писсуфена, который продолжил восстание в Карии, наконец побежден. Заключен договор со Спартой, признающий верховную власть Дария над греческими городами в Малой Азии. Возвращены города в Ионии и Карии. Спартанцы вступают в сговор с Тиссаферном.

408 г. Кир, сын царя, становится сатрапом Лидии, Фригии и Каппадокии. Тиссаферн сохраняет за собой только прибрежные города. Кир жаждет мести афинянам.

405 Кир вступает в союз со спартанцами и обвиняется в измене. Он стремится заполучить трон для себя.

Амиртей (Амен-Рут) провозглашает независимость Египта.

404 Смерть Дария. Кир пытается убить Арсака, старшего сына и наследника, но терпит неудачу. Арсак вступает на престол как **Артаксеркс II**.

401 Кир отправляется в Персию с армией, но встречается с имперскими войсками и терпит поражение при Кунаксе. Кир погибает в сражении. Отступление десяти тысяч греков, его наемников.

Союз Персии и Афин против Спарты.

399 Амиртеус (Амен-Рут) в Египте сменяется Ниафаарутом I. Египет восстанавливает свою прежнюю активность; он вступает в интриги с Сирией и Кипром против Персии.

Артаксеркс вынужден отправить в Малую Азию армию, собранную для подавления Египта.

394 Конон во главе персидского флота наносит поражение спартанцам при Книде.

391 г. Артаксеркс и Эвагор Кипрский вступают в открытую войну.

387 Мир Анталцида. Азиатские греки возвращаются под власть Персии.

386-385 Война между Кипром и Персией. Поражение Эвагора. Хакер из Египта вступает в союз с писидийцами. Поход Артаксеркса против кадусийцев.

383 Сдача Эвагора Персии.

378 Нектанебо I вступает на престол Египта. Афинянин Хабриас реорганизует египетскую армию.

374 Неудача из-за мятежа наемников персидской экспедиции против Нектанеба.

370-365 Сатрапы Малой Азии поднимают восстание. Это значительно ослабляет империю.

364 Тахус сменяет Нектанебо I в Египте.

361 Тахус вторгается в Сирию.

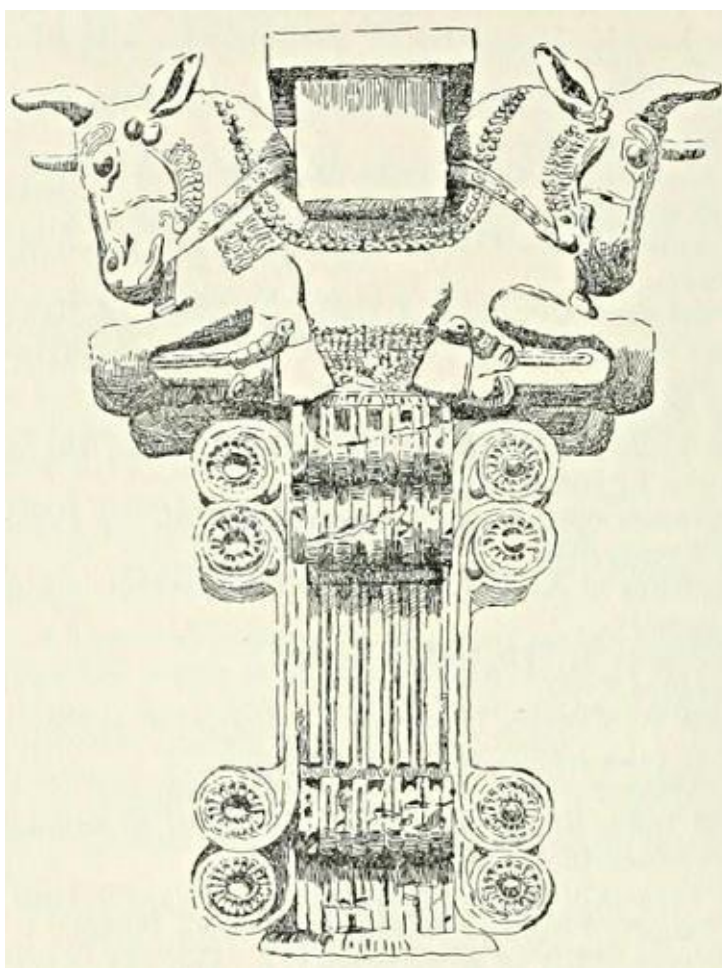
359 Его племянник Нектанебо II захватывает египетский трон, и Тахус вынужден укрыться у персов.

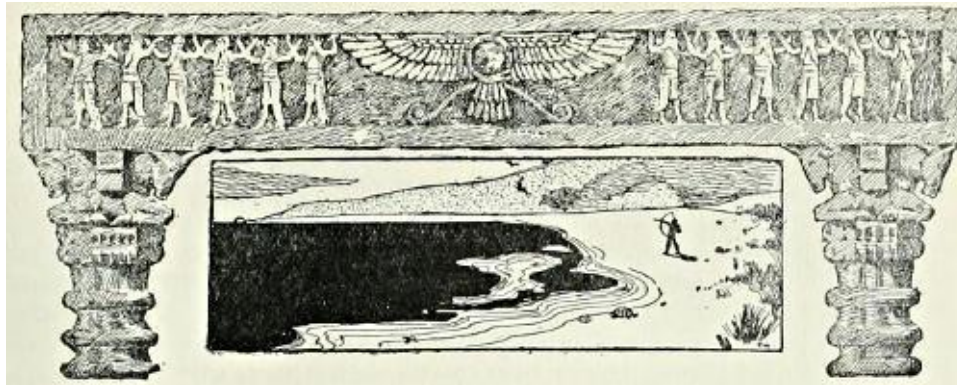
358 Смерть Артаксеркса II. Его сын Ох убивает всех возможных претендентов на трон и занимает трон под именем **Артаксеркс III**. Поражение персов в Египте.

352 Восстание Теннеса Сидонского против Персии. Кипр присоединяется к нему.

347 Исократ призывает Филиппа Македонского напасть на Персию.

- 345 Теннес предает Сидон Артаксерксу III. Город подвергается жестокому наказанию. Кипр покорен.
- 340 Завоевание Египта Артаксерксом.
- 338 Убийство Артаксеркса премьер-министром, евнухом Багоасом. На трон восходит **Арсес**, младший сын царя.
- 336 Македонская армия переходит в Азию. Смерть Филиппа.
- 335 Багоас казнит Арсеса и его детей. Кодоманн, правнук Дария II, восходит на престол как **Дарий III**. Он казнит Багоаса.
- 334 Александр пересекает Геллеспонт. Битва при Гранике. Мизия, Лидия, Кария и Ликия подчиняются грекам.
- 333 Сражения при Иссе и Аманусе. Фригия, Каппадокия и Киликия подчиняются грекам, а также вся северная Сирия.
- 332 Александр захватывает Тир — подчиняются Финикия, Иудея и Самария. Египет переходит на сторону греков. Попытка Дария вернуть Малую Азию терпит неудачу.
- 331 Александр вторгается в Ассирию. Битва при Арбеле, в результате которой свержается династия Ахеменидов. Дарий бежит в Мидию. Падение Вавилона и Суз. Захват Пасагарды и Персеполя.
- 330 г. Бесс, сатрап Бактрии, захватывает Дария и убивает его. Он провозглашает себя **Артаксерксом IV**, но в конце концов попадает в руки Александра и казнен.

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

Персы были первыми ариями, которые в исторические времена создали великую мировую империю. С ними арийская раса стала доминирующей в западном мире и остается таковой до настоящего времени. Сами персы удерживали первое место среди народов лишь около двух веков, с времени Кира до азиатских завоеваний Александра Македонского. И скипетр, который они сложили, был поднят западными народами, родственными им по языку, и передавался от одного к другому народу той же великой индогерманской расы на протяжении двух с половиной тысячелетий, отделяющих время Кира от нашего. Но персы интересны не только из-за своего родства с европейскими народами. Их история имеет внутреннее значение. Их империя была, без сомнения, самой могущественной из всех, которые мир видел с начала достоверной истории. Она простиралась от Индии на востоке до самых границ Азии на западе и северо-западе, а за ними включала и Египет. В одно время она даже угрожала, подчинив Грецию, вторгнуться и в Европу, и бесчисленные писатели размышляли о том, как изменилась бы судьба западной цивилизации, если бы эта угроза была реализована. Все эти размышления, конечно, являются лишь догадками, и можно усомниться в том, что большинство из них имеют какую-либо обоснованность. Потому что, по-видимому, персы были гораздо ближе к европейскому интеллекту, чем можно было бы предположить, изучая их потомков последних поколений. Везде признается, что они происходили из одного рода, и их наиболее фундаментальные черты во многом схожи. Так, известно, что персы сильно отличались от хамитских или семитских завоевателей как по своим методам ведения войны, так и по отношению к побежденным врагам. Семиты, в частности, были известны своей жестокостью и отсутствием воображения в обращении с поверженными врагами. Слово «безобразные» здесь использовано не случайно, поскольку, казалось бы, только странно ограниченное воображение могло позволить одному человеку обращаться с другим таким жестоким образом, который был характерен для завоевателей семитской расы — не только вавилонян и ассирийцев, но и евреев, как это слишком хорошо иллюстрирует история Давида.

Абзац, в котором описывается отношение Давида к жителям завоеванного города Раббы, является хорошим примером обычной судьбы, которая выпадала на долю жертв семитских народов.

«И он вывел людей, которые были в нем, и подверг их пилам, железным боронам и железным топорам, и прогнал их через кирпичные печи, и так поступил со всеми сынами Аммона».

Но персы, с другой стороны, что следует записать в их заслугу, как правило, не прибегали к таким зверствам. Такие правила, как это, действительно, всегда следует принимать с определенными оговорками, поскольку, к сожалению, были случаи, когда персидский завоеватель мстил врагу почти так же, как семиты. Но это было редкостью, за исключением случаев с мятежниками, и даже в этих случаях это было не обычным явлением, и с другой стороны, следует помнить, что записи западных народов не совсем свободны от подобных обвинений в жестокости. В целом, поведение таких великих персидских лидеров, как Кир Великий и Дарий I, возможно, выгодно отличается от поведения любого европейского завоевателя.

Еще один очень важный момент, в котором персы раннего периода были очень похожи на европейцев более позднего поколения, касается их религии. Все признают, что в своей первоначальной, неискаженной форме религия персов была очень высокого уровня. Она была воплощена в вероучении в очень ранний период, возможно, не позднее 1000 года до нашей эры, великим пророком Заратустрой. Как и другие великие религии, она развивалась постепенно и со временем с ней связался ряд мифов и басен, которые трудно отнести к конкретным периодам их возникновения. Мы даже не можем с точностью определить, когда именно, в пределах пятисот лет, жил Заратустра, но это не имеет большого значения, если учесть, что великая религия всегда развивается медленно и что любой конкретный религиозный учитель, которому она может быть приписана, в конце концов, не сделал ничего больше, чем сфокусировал национальную тенденцию или сформировал центр, вокруг которого могли кристаллизироваться идеи и тенденции эпохи.

В случае зороастрийской религии она в конечном итоге получила осязаемое и постоянное выражение на страницах Зендавесты, или священной книги персов. Национальный дух, получивший выражение, как уже было сказано, во многих отношениях является высокоразвитым. Иногда высказываются сомнения в том, что любая религия в конечном итоге может быть иной, чем монотеистической. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что ранняя религия персов была почти чистым монотеизмом и на более поздних этапах своего развития не отклонялась от монотеистического типа больше, чем это было на каком-то этапе развития с любой другой великой религией, о которой нам известно. Так, зороастрийская система допускает существование бога солнца Митры, который является создателем бога света Ормузда и бога тьмы Аримана. На первый взгляд, здесь явно присутствует триада богов, обладающих практически равной силой. Но когда мы пытаемся приблизиться к сути этого вероучения, мы обнаруживаем, что Ормузд считается равным Митре, хотя и был им создан, и что, с другой стороны, Ариман, в конечном счете, должен быть побежден Богом Света, несмотря на то, что на протяжении веков он обладает злобной властью.

Если беспристрастно рассмотреть основной характер христианских вероучений, то становится очевидным их странное сходство с зороастрийским вероучением. Для перса, который пытается понять это вероучение западного мира, концепция всемогущего отца, создавшего сына, который, в конце концов, считается совечным отцу, должна показаться ему наиболее близкой аналогией с его собственными Митрой и Ормуздом, в то время как

ничто не может быть яснее, чем то, что сатана, обладающий такой божественной силой, что способен веками успешно бороться с силами добра, не может быть ни кем иным, как Ариманом или его двойником. Таким образом, для этого зороастрийского исследователя должно быть ясно — даже если он не принимает во внимание третьего члена ортодоксальной троицы и святых, которые для иностранного интеллекта должны казаться второстепенными богами, — что эта западная религия является политеизмом, очень похожим на вероучение Зороастра, и, как и оно, несмотря на множество божеств, демонстрирует признаки базовой концепции монотеизма. Действительно, при любом объективном рассмотрении этого вопроса должно быть ясно, что эта ранняя арийская вера, о которой у нас есть какие-либо записи, в своих основах очень похожа на веру, которую до сих пор исповедует основная часть ариев западного мира; и этот факт, как уже было сказано, обеспечивает тесную связь между Персией и Европой и придает дополнительный интерес истории этого великого народа.

РАСОВОЕ И ДИНАСТИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Что касается происхождения мидян и персов, то к тому, что уже было сказано о происхождении индийцев, нечего добавить. Должно быть, было время, вероятно, относительно позднее, когда предки индийцев и предки персов образовали единую колонию или группу колоний, которая, как можно с разумной долей вероятности предположить, находилась где-то в регионе, который впоследствии стал известен как Бактрия. Оттуда, как мы уже видели, поток миграции устремился на юго-восток, в Индию, и на юго-запад, через плоскогорье Ирана, или, как мы его обычно называем, Персии. Обширная территория Ирана вскоре была разделена между двумя народами одной и той же расы, из которых один, населявший северо-восточную часть территории, назывался греческими писателями мидянами, хотя недавние исследования склоняются к тому, что так называемый мидийский народ на самом деле был народом скифов, а не мидян, которые жили дальше на запад. Тем не менее, кажется целесообразным сохранить термин «Медо-Персидская империя». Другой народ, проживавший на юго-востоке, назывался персами. Скифы впервые приобрели мировое историческое значение и вошли в историю благодаря своему участию в свержении Ассирийской империи, в котором, как мы уже видели, они действовали совместно с вавилонянами. В течение короткого периода после этого скифы делили с вавилонянами почести мирового империализма; затем их власть была отнята у них их сородичами на юге и западе, и возникла великая Медо-Персидская империя.

Создателем этой империи был могущественный Кир, один из самых сильных и, если верить преданиям, один из лучших великих завоевателей в истории. Он был эламским принцем, но в истории более известен как царь Персии, которую он присоединил к своим владениям в начале своей завоевательной карьеры. Когда Кир родился, Персия была незначительной территорией, название которой еще не вошло в историю; а перед смертью Кир стал абсолютным повелителем всей южной Азии к западу от Ганга, и название небольшой пограничной страны, Персии, было дано величайшей империи в мире. Камбиз, сын Кира, распространил власть этой империи на Египет, а его преемник и родственник Дарий пересек Геллеспонт и спровоцировал конфликт между Востоком и Западом, который на протяжении двух столетий оставался, пожалуй, самым важным фактором в мировой истории. Но прежде чем мы перейдем к конкретным событиям этой великой драмы, мы должны более подробно рассмотреть эту родину арийской цивилизации и ее одаренный народ. а

ЗЕМЛЯ

Центр иранского нагорья представляет собой огромную солончаковую степь, лишенную растительности и пресной воды, жаркую и почти непроходимую для человека летом. Единственные места, пригодные для постоянного проживания и ведения сельского хозяйства, находятся там, где дожди, выпадающие на высоких горных хребтах, собираются, образуя короткие водотоки, как в провинциях Керман и Джезд, а также на северо-востоке, где реки, стекающие с Гиндукуша, Этимандр (Хелмунд) и многие другие подобные ей, несут жизнь дальше вглубь страны, пока не впадают в мелкое и болотистое озеро (Зирех или Хамун) на земле драгиев. За исключением этих мест, пригодными для проживания являются только приграничные районы Ирана. Он окружен высокими горными хребтами на севере и юге, а от Гиндукуша до заснеженных вершин горы Эльбрус к югу от Каспийского моря простирается холмистая местность Хорасан, в древности () бывшая обителью племен гирканцев, парфян, ариев и драгян. Она образует водораздел многочисленных рек, которые текут по обе стороны, образуя оазисы в центральной пустыне и туранских низменностях, пока не уступают в борьбе с песчаными пустынями. Хорасан является мостом между горной страной Бактрия и Согдианой на востоке, регионом вокруг Оксуса и Яксарта, и Мидией на западе, где горные хребты, поднимающиеся с юга, все ближе подходят к горам северной границы, окружая плодородные высокогорья, богатые озерами и водотоками, где лето умеренное, а зима суровая. Здесь, в конфликте с ассирийцами, иранцы впервые разработали свою политическую систему. От Мидии горы Загрос простираются на юго-восток до Персидского залива.

Иранские берега этого залива моря выглядят не менее уныло, чем аравийские. Судоходству мешают рифы и отмели, побережье низкое и плохо снабжено гаванями. Жаркое солнце палит его, делая его почти непригодным для жизни людей и животных; здесь растут только пальмы. В сезон дождей бурные ручьи, спускающиеся с высокогорья, лишь ускоряют поступление более обильной воды в море и не служат для орошения или судоходства. На востоке, на побережье Мекрана, бедные рыбаки (ихтиофаги) с трудом зарабатывают на жизнь, в то время как даже на более высоких землях внутренних районов, Гедросия, простирающаяся до регионов вокруг Этимандера (Белуджистан), абсолютно пустынна, за исключением нескольких хорошо орошаемых и плодородных долин, и лежит так далеко от всех цивилизованных народов, что с времен Александра до нынешнего века ею почти не ступала нога европейца. Это место обитания кочевых племен, таких как микианцы и париканцы, некоторые из которых даже не имеют иранского происхождения, а более близки к самым ранним жителям Индии, предкам современных брахуев, которых греки иногда называли эфиопами.

Запад, земля персов, имеет иной характер. В нескольких милях от побережья поднимаются один над другим отроги гор Загрос, а долины и равнины между ними, расположенные на высоте от 1500 до 2000 метров над уровнем моря, отличаются более умеренным климатом и более обильными осадками. «Здесь преобладает мягкий климат, — говорит Неарх, — земля богата травами и хорошо орошаемыми пастбищами, она дает обильное вино и все другие плоды, кроме оливок. Здесь процветают парки развлечений; реки с чистой водой и озера, богатые водоплавающими птицами, орошают страну. Процветает разведение лошадей и вьючных животных; леса полны диких животных», — пишет он (). Леса исчезли с гор; ручьи и розовые сады Шираза выглядят довольно убого для путешественника из более благодатного климата, но персидские поэты не устают восхвалять красоту своей родной земли, а царь Дарий хвастается, что это «прекрасная земля

с превосходными лошадьми и превосходными людьми, которая под защитой Ахурамазды и моей не трепещет перед никаким врагом». Персия граничит с морем на юге, с пустыней на востоке и севере; северо-запад — единственный выход на другие страны. Дорога ведет через горные перевалы в Элам (Сузиана) и Вавилон; а вдоль гор Загрос пролегает путь, почти непроходимый в зимние снежные бури, через суровые высокогорья Паретацена (около Исфахана), которые уже считаются частью Мидии (Геродот I. 101), до Экбатаны.

НАРОД

Ведущими племенами Персии были пасаргады, марафяне и маспаны, которые группировались вокруг κοῦλῆ Πέρσις, то есть широких и плодородных долин Аракса (Кур или Бендамир) и его главного притока Медоса или Кироса (Палвар) — прекрасный и энергичный народ, живший сельским хозяйством и скотоводством и искусный в обращении с копьем и луком. Лошадиное разведение, которым гордились племена Ирана, велось усердно, а охота в горах приносила богатые добычи и закаляла мускулы мужчин для войны. Другими земледельческими племенами были пантиалы и дерусианы, которые, вероятно, жили дальше на восток, германцы или карманцы в высокогорьях Кермана. Более дикие районы гор, а также степи и пустыни побережья были заняты грабительскими кочевниками, некоторые из которых были очень варварскими, но большинство которых следует отнести к персам. Такими были марданы, соседи элимов [эламитов], уксианы (перс. Увадза, ныне Хузистан) и коссаны в Загросе; сагартийцы (перс. Асагарт) в центральной пустыне, утианцы (перс. Джутия) в прибрежных районах Кармана и дропики; название Дахе, или «разбойники», также встречается здесь, как и в туранской степи. Эти племена не составляли политического единства, как и племена Мидии; разделенные между различными районами, крестьяне жили в патриархальных условиях под властью наследственных князей и постоянно воевали с разбойниками и кочевниками, в то время как их защищали «домашние боги», которые оберегали их от бесплодия и врагов. Влияние вавилонской культуры, безусловно, уже проникло через Сузы [Шушан] в горные районы Персии, но влияние родственного народа мидийцев было гораздо более сильным. Возможно, племена достигли своих обителей в далекой древности по горной дороге Паретакения. По этому же маршруту к ним пришла религия Заратустры [Зороастра], которая является достоянием всех оседлых племен Ирана. В Мидии учение Мазды уже завоевало господство еще в VIII веке, а возможно, и гораздо раньше; предположительно, кочующие жрецы мидийской жреческой касты магов принесли его оттуда к персам. В результате мы находим магические имена среди персов в противовес «разжигателям огня» (атхраван) Востока. В Персии маги соблюдали многие обычаи, предписанные религией, которые были заимствованы у персидского народа, такие как истребление всех нечистых животных и варварский обычай позволять собакам и хищным птицам пожирать трупы. Персидские цари, с другой стороны, хоронили свои тела.

ХАРАКТЕР ИМПЕРИИ АХЭМЕНИДОВ

Наша оценка значения империи Ахеменидов в мировой истории была значительно ухудшена тем, что ее сравнивали в основном с Грецией и оценивали по греческой цивилизации, а не по более ранним и более поздним царствам Востока. К этому добавляется тот факт, что наша информация часто скудна и неопределенна и в значительной степени происходит из периода упадка. Беспристрастный взгляд не может не заметить, что Персидская империя была великим цивилизованным государством. Это согласуется с

глубоким впечатлением, которое она произвела на своих современников и врагов, таких как Эсхил, Геродот и Ксенофонт. Болезненный деспот, такой как Камбиз, мог позволить себе увлекаться дикими прихотями — персидская традиция достаточно резко осуждает его действия, хотя и не забывает, что он был наследственным правителем, — но персы всегда оставались верными примеру великого основателя империи. Они вели войны энергично, но не кровожадно, и хотя иногда увозили побежденных врагов из их собственных стран, до времени Артаксеркса III их имя никогда не было запятнано уничтожением великих центров цивилизации, хотя такие города, как Сарды, Мемфис, Вавилон и Шушан, неоднократно поднимали восстания; сожжение заброшенного города Афины было политической и военной необходимостью, которой нельзя было избежать во время войны. Империя Ахеменидов отличалась широтой взглядов, великим и гуманным духом. Под ее властью Ближний Восток более века мог наслаждаться почти ненарушаемым миром (за исключением нескольких пограничных войн, таких как борьба с греками и восстания в Египте), благожелательным и справедливым правительством и надежным процветанием; а начавшийся затем распад империи был вызван не восстаниями подданных, а распрями между самими правителями и влиянием более развитой цивилизации и военной мощи греков.

Империя Ахеменидов — первое из всех государств, известных истории, которое претендовало на универсальный характер. «Быть правителем всей этой великой земли, единственным, быть господином над многими», «быть царем над многими землями и народами», «над горами и равнинами по эту сторону и за морем, по эту сторону и за пустыней» — для этого Ахурамазда, создатель неба и земли, назначил персидского царя. Он может называть себя «господином всех людей от восхода до заката солнца». Все народы, чьи представители изображены на его троне, подчиняются ему, приносят ему дань и несут военную службу.

В то же время говорится, что империя осознает себя цивилизованным государством. Царь должен выполнять задачу, возложенную на него Ахурамаздой, — осуществлять правосудие, наказывать несправедливость и ложь, вознаграждать друзей, наказывать врагов и «под покровом Ахурамазды навязывать свои законы странам». «Царь стран» (*Khshajathija dahjunam*, *Bab sar matati*) — его наиболее характерный титул. Еще более распространенным является титул «царь царей», хотя, за исключением царя Киликии, у него нет вассалов в полном смысле этого слова, поскольку городские князья и вожди племен, которых не мало среди подданных Персидской империи, стоят настолько ниже него, что не придают этому титулу истинного значения. Поэтому вполне возможно, что это обозначение, которое, как хорошо известно, осталось обычным названием персидского царя, вовсе не имеет мидийского происхождения (ассирийцы и вавилоняне также не знали его); скорее оно выражает вершину царской власти, подобно греческому названию *Basileus* без артикля, которое выражает идею о том, что эта концепция имеет только одного представителя в мире. Именно по этой причине разделение империи между сыновьями царя, столь частое в другие века, не могло иметь место здесь; и попытка Кира дать своему младшему сыну собственное положение, наделив его несколькими провинциями под сюзеренитетом старшего, не повторялась в той же форме после ее неудачных результатов. Всемирная империя была единым государством и знала только одного господина.

С точки зрения Востока, всемирность достигла благодаря завоеваниям Кира и Камбиза такого же масштаба, как и в имперском владении Рима. Если на границах земли жили буйные народы, находившиеся на более низком уровне цивилизации или непонятном для Востока, это не имело для Персидской империи большего значения, чем независимость германцев и геттов или Парфянского царства для римского *Orbis terrarum*. Все цивилизованные народы Востока были объединены в одно государство. Со времени

восстановления единства империи Дарием власть Ахеменидов перестала быть завоевательной: все, что осталось последующим векам, — это задача организации, завершения и поддержания того, что было приобретено.

В цивилизованных государствах, которые они подчинили, персидские цари по возможности сохраняли древние формы, освященные тысячелетней традицией. Кир в Вавилоне и Камбиз в Египте представляли как божественно назначенные преемники местных правителей, и номинально оба царства продолжали существовать под властью их преемников. Правда, это было не более чем формальностью; аннексированные царства не имели ни привилегий, ни особой администрации; персидские наместники проживали в Вавилоне и Мемфисе, как и в любой другой провинции империи. В Западной Азии нет никаких следов подобного духа уступок, как и в Лидии. С другой стороны, гораздо большее внимание уделялось мидянам [скифам] и остальным иранским народам. Именно благодаря предательству мидийских вельмож и дезертирству мидийской армии Астиага стала возможной победа Кира. Поэтому в империи мидийцы занимают место сразу после персов. «Персия, Мидия и другие страны» — так Дарий называет свою империю; а в Вавилоне Ксеркс упоминается как «царь Персии и Мидии».^[23]

Ядро армии состояло из персов и мидийцев, из них набирались имперские чиновники, а при Кире и Дарии мидийцы занимали самые высокие посты в армии. Королевская одежда и порядок при дворе были заимствованы Киром у мидийцев, а Экбатана была одной из резиденций Великого царя. Таким образом, Мидийское царство продолжает существовать, но не как Вавилония и Египет, как тень некогда независимого государства, а преобразованное в Персидскую империю. Те, кто находился на расстоянии, едва ли осознавали внутренние изменения перед лицом продолжающегося существования могущественной иранской империи: в результате греки, как и другие народы, перенесли мидийские названия на Персидскую империю.

Другие иранские народы, которые были частично уже подчинены мидянам, а частично только покорены Киром, находились в положении, схожем с положением остальных иранских племен. Теперь они все были объединены в одно царство; восстание мидийцев, сагартийцев, парфян, гирканийцев, маргианцев, саттагидов и части персов после убийства Магиана было последней попыткой сохранить древнюю независимость народа. Все оседлые и многие кочевые иранские, или, как они себя называют, арийские племена, говорят на одном и том же арийском языке, мало отличающемся по диалектам, поклоняются одному и тому же чистому и истинному богу Ахурамазде, «богу ариев», как его называет сусанский перевод Бехистунской надписи.

Список подчиненных округов, который перечисляет Дарий, показывает, насколько больше его интересы были направлены на эти народы, чем на его подданных на западе. В надписи на своей гробнице он с гордостью называет себя не только персом, но и «арийцем арийской расы». Примечательно, что в вавилонском переводе это дополнение опущено, в то время как в сусанском переводе персидские слова сохранены: он хвастается, что был первым, кто составил арийские надписи и разослал их во все страны [сохранен только в сусанском переводе]. Таким образом, племенные различия еще не были упразднены, но были подавлены; империя Ахеменидов не была, как империя Сасанидов, «империей Ирана и внеиранских земель», но она подготовила почву для того, что арийцы Ирана, в отличие от своих братьев в Индии, стали единой нацией.^b

СНОСКИ

^[23] [См. гл. II.]

Барельеф из дворца в Персеполе

ГЛАВА II. МЕДИЙСКАЯ ИЛИ СКИФСКАЯ ИМПЕРИЯ

Прежде чем приступить к истории собственно Персии, необходимо рассказать о мидянах. Наше изложение истории Мидийской империи даст читателю отличное представление о том, как современные историки скоординировали и систематизировали свидетельства античных авторов. Только двое из них писали о мидянах — Геродот и Ктесий; и хотя последний утверждает, что основал свою *«Персику»* — написанную для опровержения Геродота — на королевских архивах Персии, современная критика и свидетельства памятников доказали, что его рассказ гораздо менее достоверен из двух.

Итак, мы начнем с древнего рассказа Геродота, после чего читатель найдет мастерскую критику «отца истории» со стороны доктора Теодора Нёльдеке, величайшего современного авторитета в области персидской истории. Однако последнее слово о мидянах еще не сказано, о чем свидетельствует заключительная часть главы, в которой излагаются результаты недавнего расшифровки ассирийских и персидских памятников. Полученные знания настолько поразительны и революционны, а исторический аспект, который они раскрывают, настолько иной, что термин «Мидийская империя», вероятно, обречен исчезнуть из лексикона историков. Действительно, профессор Сэйс в своих последних работах уже отказался от его использования.^а

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПАДЕНИЕ МЕДСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ГЕРОДОТУ

[около 700-607 гг. до н. э.]

Ассирийцы владели Верхней Азией в течение пятисот двадцати лет. Первыми от их власти откололись мидяне, которые с такой упорной храбростью сражались со своими господами, что в конце концов добились успеха и обменяли рабство на свободу.^[24] Вскоре их примеру последовали другие народы, которые, прожив некоторое время под защитой своих собственных законов, вновь были лишены свободы по следующему поводу.

Среди мидийцев был человек по имени Дейокес, сын Фраорта, известный своей мудростью, чьи амбициозные взгляды были замаскированы и реализованы следующим образом: мидийцы были разделены на разные округа, и Дейокес отличался в своем округе бдительным и беспристрастным отправлением правосудия. Он практиковал это в противовес общей развращенности и слабости правительства своей страны, осознавая, что развратные и справедливые всегда будут находиться в состоянии войны друг с другом. Мидяне, жившие ближе всего к нему, в знак одобрения его честности, сделали его своим судьей. В этой ситуации, имея в виду более высокую цель, он вел себя с самой строгой справедливостью. Его поведение вызвало высочайшие аплодисменты со стороны его соотечественников, и его слава распространилась на соседние районы, где люди сравнивали его справедливые и беспристрастные решения с неправомерными действиями своих собственных коррумпированных правителей и единодушно обращались в его суд, не позволяя никому другому решать их споры.

Растущая слава его честности и мудрости постоянно увеличивала число тех, кто приходил к нему за советом. Но когда Дейокес увидел, какое всеобщее признание он получил, он перестал появляться в своем привычном суде и объявил, что больше не будет заседать в качестве судьи, намекая, что для него несовместимо регулировать дела других, полностью пренебрегая и нанося ущерб своим собственным. После этого, когда насилие и грабежи стали еще более распространенными в различных районах Мидии, они созвали общее собрание, чтобы обсудить дела государства. Насколько я смог понять, те, кто был привязан к Дейокесу, высказывали следующие мысли: «Наше нынешнее положение действительно невыносимо, поэтому давайте выберем царя, чтобы мы могли пользоваться преимуществами регулярного правительства и продолжать наши обычные занятия, не

опасаясь никаких угроз или опасностей». В соответствии с этими мыслями мидяне решили избрать царя.

После некоторого обсуждения того, кого им выбрать, был предложен и избран Дейокес, который получил всеобщее одобрение. После своего возвышения он потребовал построить для него дворец, соответствующий его достоинству, и назначить охрану для обеспечения его безопасности. Мидяне, выполнив его просьбу, построили ему крепкое и величественное здание в месте, которое он сам выбрал, и позволили ему назначить охранников из числа всего народа. Как только Дейокес обрел верховную власть, он обязал мидян построить город, который должен был занимать их внимание больше, чем все другие места. Они подчинились ему и в этом и построили то, что мы теперь называем Экбатаной.^[25] Ее стены были крепкими и широкими, построенными по кругу, одна внутри другой, каждая из которых возвышалась над предыдущей на высоту своих зубцов. Такой способ строительства был обусловлен расположением места, которое представляло собой полого поднимающуюся местность. Но они сделали еще больше: город, состоявший из семи кругов, королевский дворец и королевская казна находились в последнем. Самая большая из этих стен почти равна по протяженности окружности Афин; она белого цвета, следующая за ней — черная, следующая — пурпурная, четвертая — синяя, пятая — оранжевая: таким образом, зубцы каждой стены отличались разным цветом. Две самые внутренние стены украшены по-разному: зубцы одной покрыты серебром, другой — золотом.

Таковы были укрепления и дворец, возведенные под руководством Дейока, который приказал народу селиться за стенами, защищавшими его резиденцию. После этого он первым ввел тот вид пышности, который запрещает доступ к королевской особе и допускает общение с ним только через посредников, причем сам король никогда не появляется на публике. Его указ также означал, что улыбаться или плевать в присутствии короля или в присутствии друг друга было актом непристойности. Мотивом для такого поведения была безопасность его власти; он считал, что если его будут видеть в дружеском обстановке те, кто был воспитан вместе с ним, родился с равными правами и не уступал ему в добродетели, это может вызвать их зависть и спровоцировать их на мятеж. Напротив, он полагал, что, устранившись из поля зрения, он усилит их уважение к себе.

Приняв эти меры для усиления великолепия своего положения и безопасности своей власти, Дейоц стал чрезвычайно строг в отправлении правосудия. Те, у кого были дела, подлежащие рассмотрению, направляли их ему в письменном виде через его официальных слуг, и он регулярно возвращал их вместе с решениями по каждому из них. Такова была форма, которой он придерживался в судебных делах. Его порядок действий в отношении уголовных преступлений был следующим: всякий раз, когда он слышал о каком-либо преступлении, и для этой цели он назначал шпионов и осведомителей в разных частях своих владений, преступник сначала приводился к нему, а затем наказывался в соответствии с его преступлением.

Таким образом, Дейокес объединил мидийцев в один народ, которым он правил: он состоял из бусов, паретакенов, струхатов, аризантов, будиев и магов.

Дейоц правил пятьдесят три года, и после его смерти трон унаследовал его сын Фраорт. Не удовлетворившись правлением только мидянами, он выбрал персов объектом своих амбиций и сначала подчинил их владычеству мидян. Став верховным правителем этих двух великих и могущественных народов, он завоевал Азию, поочередно подчиняя себе народы, составлявшие ее. В конце концов он дошел до ассирийцев и приступил к нападению на ту часть их народа, которая жила в Ниневии.^[26] Раньше они были самым могущественным народом Азии: в этот период их союзники отделились от них, но они по-прежнему

оставались сильной силой, если говорить о внутренней мощи. На двадцать втором году своего правления Фраорт погиб вместе с большей частью своей армии во время похода против этого народа.

Его преемником стал его сын Киаксар, внук Дейокеса. Сообщается, что он превосходил своих предков в доблести и был первым, кто регулярно обучал азиатов военному делу, разделив их, которые ранее были объединены в одну армию, на роты копейщиков, кавалеристов и лучников. Именно он вел войну с лидийцами, когда сражение, происходившее днем, было внезапно прервано ночной тьмой. Установив дружеские отношения с различными народами Азии за Халисом, он с всеми своими силами приступил к атаке Ниневии, желая отомстить за своего отца и стать хозяином города. Он победил ассирийцев в сражении, но когда он был занят осадой Ниневии, он был застигнут врасплох армией скифов под командованием Мадзаса, сына Прототия.^[27] Изгнав киммерийцев из Европы, скифы проникли в Азию и, продолжая преследовать беглецов, достигли территорий мидийцев.

[около 607-585 гг. до н. э.]

После двадцати восьми лет господства в Азии скифы потеряли все, что они приобрели, из-за своей распущенности и халатности. Их чрезмерные публичные поборы могли сравниться только с их алчностью, с которой они грабили отдельных людей. На пиру, на который их пригласили Киаксар и мидяне, большая часть из них была убита в состоянии опьянения. Меды таким образом вернули себе свои владения и всю свою прежнюю значимость; после чего они взяли Ниневию; подробности этого события мы расскажем ниже. Кроме того, они покорили ассирийцев, за исключением тех, кто населял вавилонский район. Киаксар правил сорок лет, а затем умер; но в этот период следует включить время, в течение которого скифы владели империей.

Его сын Астиаг унаследовал трон: у него была дочь, которую он назвал Мандана; она во сне явилась ему и создала такое количество воды, что затопило не только его главный город, но и всю Азию. Смысл этого видения, когда оно было подробно объяснено магами, обычными толкователями, чрезвычайно напугал его. Под впечатлением этого он отказался выдать свою дочь замуж, когда она достигла подходящего возраста, за любого мидянина, чей ранг оправдывал претензии на нее. Он предпочел отдать ее замуж за Камбиза, перса из уважаемой семьи, но миролюбивого нрава, хотя и уступающего, по его мнению, даже самым низшим из мидян.

В первый год после свадьбы своей дочери Астиаг увидел другое видение. Из чрева Манданы выросла лоза, которая покрыла всю Азию. И в этом случае он также обратился к своим толкователям: в результате он послал за своей дочерью из Персии, когда приблизился срок ее родов. По ее прибытии он держал ее под строгим присмотром, намереваясь убить ее ребенка. Маги объявили, что видение означает, что ребенок его дочери должен занять его трон. Чтобы предотвратить это, Астиаг, как только родился Кир, послал за Харпагом, человеком, с которым он был близок, на чье доверие он полагался и который действительно управлял всеми его делами. Он обратился к нему со следующими словами: «Харпаг, я собираюсь поручить тебе дело, в котором, если ты злоупотребишь моим доверием или поручишь другим сделать то, что я хочу, чтобы ты сделал сам, ты непременно пожалеешь о последствиях. Ты должен взять мальчика, которого родила Мандана, увезти его в свой дом и убить; потом похорони его так, как сочтешь нужным». «Господин, — ответил тот, — до сих пор у вас не было повода упрекать меня в моем поведении, и мое будущее поведение также не даст вам повода для обиды: если выполнение этого поручения необходимо для вашего спокойствия, то я должен быть верным и послушным».^h

Согласно Геродоту, Харпаг, понимая, что у Астиага не было сыновей и Кир был его единственным потомком мужского пола, боялся мести Манданы после смерти царя. Поэтому, решив не мारать свои руки кровью ребенка, он отдал его пастуху по имени Митридат с указанием выставить молодого Кира на съедение диким зверям в малопосещаемой части гор, где жил пастух. Так случилось, что жена Митридата накануне родила мертвого ребенка (), и когда женщина увидела красивого младенца и узнала его происхождение, она предложила выставить своего мертвого ребенка на горе, а того, которого ей дали, оставить себе, чтобы уничтожить. Митридат согласился. Его собственный ребенок, «одетый в дорогую одежду другого», был выставлен на пустынной горе. Доказательство этого было представлено Харпагу, и тогда «ребенок пастуха был похоронен, а другой, которого позже называли Киром, был тщательно воспитан женой пастуха и получил другое имя».

[около 585 г. до н. э.]

Когда мальчику исполнилось десять лет, Астиаг заподозрил, что его обманули. Случай свел ребенка и его приемного отца с королем, и из испуганного Митридата вырвали признание. Был вызван Харпаг, который рассказал то, что считал правдой. Продолжение лучше всего рассказать словами Геродота.^{[a](#)}

Костюм персидского царя.

Харпаг рассказал об этом без утайки, но Астиаг, скрывая свой гнев, сообщил ему о признании пастуха и закончил свой рассказ следующими словами: «Ребенок жив, и все в порядке. Я очень переживал за судьбу мальчика и с трудом переносил упреки моей дочери. Но так как все обошлось, ты должен отправить своего сына к нашему молодому незнакомцу, а сам присоединиться ко мне за ужином. В благодарность за спасение ребенка я решил устроить праздник в честь тех божеств, которые вмешались, чтобы спасти его».

Услышав это, Харпаг поклонился царю и весело вернулся домой, счастливый от того, что его не только не наказали за непослушание, но и удостоили чести пригласить на царский праздник. Как только он пришел домой, он поспешно позвал своего единственного сына, мальчика лет тринадцати, и приказал ему поспешить во дворец Астиага и выполнить все, что ему прикажут. Затем он с большим ликованием рассказал своей жене обо всем, что произошло. Как только мальчик прибыл, Астиаг приказал разрезать его на куски, часть его плоти зажарить, а другую часть сварить и приготовить все к подаче на стол. В час ужина среди других гостей присутствовал и Харпаг. Перед остальными, а также перед самим Астиагом, были поставлены блюда из баранины, но Харпагу подали все тело его сына, за исключением головы и конечностей, которые хранились отдельно в закрытой корзине. Когда он, казалось, остался доволен тем, что съел, Астиаг спросил его, как ему понравилась еда. Харпаг выразил большое удовольствие, и слуги принесли ему корзину с головой и конечностями его ребенка и предложили ему взять то, что он сочтет нужным. Харпаг согласился, открыл корзину и увидел останки своего сына. Однако он сохранил самообладание и не проявил никаких необычных эмоций. Когда Астиаг спросил его (), знает

ли он, мясо какого дикого зверя он съел, он ответил, что знает, и что воля царя всегда ему угодна. Сказав это, он взял останки тела и вернулся в свой дом, намереваясь, как я полагаю, похоронить их вместе.

[около 555 г. до н. э.]

Когда Кир вырос, он превосходил всех молодых людей силой и грацией. Харпаг, который жаждал отомстить Астиагу, постоянно пытался завоевать его расположение, делая ему подарки. В своем личном положении он не мог надеяться на то, что сможет осуществить свою месть, но, увидев в Кире человека, чья судьба в чем-то напоминала его собственную, он очень привязался к нему. Некоторое время назад он принял следующее решение: поскольку Астиаг обращался с мидянами очень жестоко, Харпаг позаботился о том, чтобы установить контакт с самыми влиятельными среди них людьми, пытаясь своими намеками способствовать возвышению Кира и свержению своего господина. Подготовив таким образом почву, он придумал следующий способ, чтобы познакомить Кира в Персии со своими личными чувствами и положением дел. Поскольку связь между двумя странами строго охранялась, он взял зайца, вскрыл ему живот, вставил туда письмо с информацией, которую хотел передать, а затем ловко зашил его. Зайца вместе с охотничьими сетями он доверил одному из своих слуг-охотников, на которого мог положиться. Человека отправили в Персию с приказом передать зайца самому Киру, которого просили открыть его своими руками и без свидетелей.

Слуга выполнил поручение; Кир получил зайца, вскрыл его, как было велено, и нашел письмо со следующим содержанием: «Сын Камбиза, небо явно благоволит тебе, иначе ты никогда не смог бы подняться так высоко. Астиаг замыслил твою смерть и заслуживает твоей мести; он, несомненно, решил, что ты должен погибнуть, но боги и моя человечность спасли тебя. Я полагаю, что ты знаком с событиями твоей жизни, а также с обидами, которые я получил от Астиага за то, что я отдал тебя пастуху, а не убил. Послушай меня, и власть и владения Астиага будут твоими: сначала убеди персов поднять восстание, а затем предприми поход против мидийцев. Если Астиаг назначит меня главнокомандующим войсками, которые будут сражаться против тебя, наша цель будет немедленно достигнута, что я могу с уверенностью утверждать и в отношении каждого из наших первых вельмож; они уже благосклонны к твоему делу и ждут только повода, чтобы восстать против Астиага. Когда все будет готово, без промедления выполни мой совет».

Кир, получив эту информацию, обдумывал, каким образом наиболее эффективно побудить персов к восстанию. После долгих раздумий он решил прибегнуть к следующей уловке: он продиктовал условия публичного письма и созвал собрание своих соотечественников. Там оно было представлено и зачитано, и в нем, как оказалось, содержалось назначение его Астиагом генералом персов: «И теперь, о персы, — воскликнул он, — я должен ожидать, что каждый из вас явится ко мне с топором». У персов есть много племен: Кир собрал некоторые из них и убедил их поднять восстание против мидийцев. Это те племена, от которых зависят все остальные персы, а именно: пасаргады, марафы и маспии. Из них пасаргады являются самыми значительными; ахемениды — это те, от кого происходят персидские монархи. Панфиалы, дерусии и германцы занимаются тяжелым трудом; даи, марды, дропики и сагартяны — скотоводы.

Все они собрались, как им было велено, и Кир приказал им за день расчистить определенный лесной участок площадью в восемнадцать или двадцать стадий. Когда они выполнили свою задачу, им было велено явиться на следующий день, чтобы пировать и веселиться. Для этой цели Кир собрал и забил всех коз, овец и волов, которые принадлежали

его отцу; а чтобы еще больше развлечь персов, он добавил к этому богатые вина и изобилие деликатесов. На следующий день, когда они собрались, он предложил им лечь на траву и развлекаться. Когда они насытились, он спросил их, какой день им понравился больше: они ответили, что контраст между двумя днями был действительно сильным, так как в первый день у них не было ничего, кроме плохого, а во второй — все было хорошим. Услышав этот ответ, Кир не стал больше колебаться и объяснил свою цель: «Люди Персии, — воскликнул он, — ваше положение таково: если вы подчинитесь мне, вы будете наслаждаться этими и еще большими преимуществами, не подвергаясь рабскому труду; если вы откажетесь от моего предложения, вам придется готовиться к еще большим трудностям, чем вчера. Следуя моему совету, вы обретете свободу; Провидение, по-видимому, предназначило меня быть орудием вашего процветания; вы, без сомнения, равны мидянам во всем и, несомненно, столь же храбры: так как это так, немедленно восстаньте против Астиага».

Персы, которые долгое время презирали иго, наложенное на них мидянами, были рады такому лидеру и горячо откликнулись на призыв к свободе. Астиаг вскоре был проинформирован о действиях Кира и приказал ему явиться к нему. Тот ответил, что, вероятно, опередит желание Астиага увидеть его. Астиаг собрал мидийцев и, под влиянием какого-то рокового порыва, назначил Харпага командующим своими войсками, не помня о том, что тот ранее причинил ему обиду. Его армия была сформирована, мидийцы встретились с персами и вступили с ними в бой; те, кто не был посвящен в заговор, сражались с доблестью, остальные перешли на сторону персов; большая часть не проявила желания продолжать сражение и поспешно отступила.

[около 553 г. до н. э.]

Астиаг, узнав о позорном поражении своей армии, продолжал угрожать Киру и восклицал, что у того еще нет повода для ликования. Первым делом он распял магов, толкователей снов, которые убедили его отправить Кира прочь. Затем он вооружил всех своих граждан, молодых и старых, без разбора. Он повел их против персов и был побежден: он сам был взят в плен, а большая часть его армии уничтожена.

В плену Харпаг присутствовал, чтобы оскорблять и упрекать его. Среди прочего, он спросил его, что он думает об ужине, на котором он заставил отца съесть плоть своего ребенка, ужине, который превратил его из монарха в раба. В ответ Астиаг спросил, приписывает ли он себе успех Кира. Тот признался, что да, объяснил средства и оправдал свое поведение. Астиаг сказал ему, что он был самым глупым и злым из людей: самым глупым, потому что приобрел для другого власть, которой мог бы наслаждаться сам; самым злым, потому что обратил своих соотечественников в рабство, чтобы удовлетворить свою личную месть. Если он считал, что смена правительства действительно необходима, и по-прежнему был решительно настроен не брать на себя верховную власть, то справедливость должна была побудить его возвысить до этой чести мидянина, а не перса. Мидяне, которые, безусловно, не были соучастниками данной провокации, поменялись местами со своими слугами; персы, которые раньше были слугами, теперь стали хозяевами.

После тридцати пяти лет правления Астиаг был таким образом свергнут. Своей жестокостью мидяне утратили свою власть, после того как в течение ста двадцати восьми лет владели всей той частью Азии, которая лежит за рекой Галис, за исключением короткого периода скифского господства. В последующие времена, недовольные своим положением, они подняли оружие против Дария; их попытка оказалась неудачной, и они во второй раз были обращены в рабство. С этого периода персы, которые под руководством Кира сбросили власть мидийцев, оставались в спокойном владении Азией. Кир держал Астиага в плену до

конца его жизни, но в остальном не обращался с ним сурово. Такова история рождения, воспитания и успехов Кира. Впоследствии, как я уже рассказывал, он покорил Крез, который несправедливо напал на него; с этого момента он остался без соперников, правителем Азии.^b

Таково живописное повествование Геродота, на котором в значительной степени основаны все последующие исследования по этой теме. Теперь мы приступим к критическому анализу этой знаменитой истории.

МЕДИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Серия великих иранских монархий начинается для нас с Мидийской империи Экбатаны. Согласно Геродоту, мидийцы освободились от ассирийцев и некоторое время жили без правителя, пока Дейокес не получил царскую власть с помощью хитрости. Затем царствовал

Дейоц	53 года		
Фраорт	22 года		
Киаксар	40 лет	} 75 лет	} 150 лет.
Астиаг	35 лет		} 75 лет

Итоговые цифры показывают, как данные сгруппированы по искусственной системе. Продолжительность царства составляет ровно полтора века, разделенных на две равные части, каждая из которых занимает правление двух царей. Но далее, согласно Геродоту, власть мидийцев над Верхней Азией, *то есть* землями к востоку от Халиса, длилась сто двадцать восемь лет, за исключением (πάρεξ) двадцати восьми лет, в течение которых правили скифы. Легко понять, что «за исключением» означает «минус», и что, таким образом, иностранное господство мидийцев рассчитывается ровно в сто лет, или две трети от общей продолжительности царства. Очевидно, что такие цифры могут быть, в лучшем случае, только приблизительно верными. Но имена царей у Геродота теперь все подтверждены, прямо или косвенно, недавно обнаруженными надписями. Вероятно, и расчет общей продолжительности империи в полтора века в целом верный. Действительно, такие хронологические системы иногда в целом лучше соответствуют фактам, чем можно было бы ожидать, учитывая их искусственность.

Мы выслушали наивную историю Геродота об основании Мидийского царства Дейоком, сыном Фраорта, историю, в которой очаровательно смешались греческие и восточные мотивы. Можно с уверенностью предположить, что Дейокс владел княжеством, центром которого была Экбатана (или Агбатана; древнеперсидская Хагматана, ныне Хамадан), место, которое на протяжении тысячелетий занимало положение столицы. Это княжество, вероятно, никогда не охватывало всю Мидию (т. е. почти все современные провинции Ирак-Аджеми и Азербайджан с частью турецкого Курдистана), но его преемники расширили его до великой Мидийской империи. Конечно, не было гладкой и формальной конституции, не было фиксированных границ, не было точного определения прерогатив различных вождей в отдельных районах. С древних времен ассирийцы часто предпринимали попытки подчинить себе страну мидийцев, но, вероятно, так и не смогли полностью овладеть всей территорией с ее многочисленными недоступными горами и воинственными племенами разбойников. Тем не менее, они проводили успешные экспедиции вглубь Мидии даже до того времени, когда Геродот считает Мидию независимой. Ни освобождение Мидии, ни основание монархии не являются событиями, которые можно ограничить конкретным годом, все происходило постепенно. В период незадолго до правления Дейока, по подсчетам

Геродота, в ассирийских надписях упоминается очень много вассальных мидийских вождей; это в некоторой степени подтверждает утверждение о том, что в то время царил «анархия». В 715 г. до н. э. был взят в плен некий Дайаукку; это, безусловно, то же имя, возможно, тот же человек (ведь его пленение могло быть кратковременным), что и Дайокс, который упоминается у Геродота в ионической форме Дейокс. Мы можем с уверенностью отождествить первого царя Геродота с князем, чью землю, называемую Бит Дайаукку (*т. е.* земля Дайаукку), завоевал в 713 г. до н. э. ассирийский царь Саргон. Человек, давший свое имя этой земле, должен был занимать высокое положение. Эта дата не очень далека от той, которую Геродот присвоил Дейоку; ведь у Геродота мы получаем дату правления Дейока 709-656, или, если исправить его ошибку в датировке конца империи, 700-647. Дейок не был царем царей; он был вынужден неоднократно склоняться перед ассирийцами, но он был основателем империи. За ним последовали три царя. Возможно, что на самом деле их было больше, и что в кратком списке более короткие периоды правления были пропущены. Мы также не можем полностью доверять утверждению Геродота о том, что каждый последующий правитель был сыном своего предшественника.

[около 700-625 гг. до н.э.]

В полной гармонии с условиями развития небольшого государства в великую державу находится утверждение Геродота о том, что второй царь мидийцев, Фраорт (Фраварти; по подсчетам Геродота 656-634 [647-625]), распространил свое влияние за пределы Мидии и в первую очередь подчинил Персис, или собственно Персию, уединенную горную страну к юго-востоку от Мидии. В течение всего этого времени, как мы узнаем из великой надписи Дария, Персис имела своих собственных царей, но они были просто вассалами султана, который имел свою резиденцию в Экбатане. После завоевания персов, по словам Геродота, Фраорт постепенно подчинил себе всю Азию, пока не потерпел поражение и не был убит при попытке завоевать ассирийцев в Ниневии, чья империя к тому времени была полностью утрачена. Если не считать некоторых преувеличений в отношении размеров империи, в этих утверждениях нет ничего, что могло бы вызвать подозрения. Независимые свидетельства, по-видимому, показывают, что к середине VII века Ассирийская империя пришла в упадок, и вполне естественно, что жители группы огромных городов, к которым принадлежала Ниневия, смогли отразить первую атаку врага, который едва ли мог сравниться с ними в искусстве осады. Кроме того, стабильность военных, политических и придворных институтов Мидии, которые впоследствии были без изменений переняты персами, наверняка требовала для своего развития большего времени, чем предполагают некоторые современные исследователи, опираясь исключительно на клинописные надписи, в отношении фактической продолжительности существования Мидийской империи.

Преемник Фраорта, Киаксар (Хувахшатара; по подсчетам Геродота 634-594 [625-585]), привел империю к наивысшему расцвету. Говорят, что он ввел в армии фиксированные тактические построения. Именно к нему, как он сам рассказывает, восходили претенденты на престол, которых Дарий был вынужден победить. По словам Геродота, Киаксар выступил против Ниневии, но, когда он осаждал город, вторжение «скифов» заставило его на время отказаться от всех плодов победы. Кем были эти скифы, неизвестно. Геродот считал их народом, достаточно знакомым грекам, чье настоящее имя было сколоты; но его свидетельство не имеет большого значения, поскольку он часто впадает в распространенное неправильное использование термина «скифы» как названия всех народов степей и связывает вторжения этих скифов с маловероятными опустошительными набегами фракийских племен (траров или треров, обычно называемых киммерийцами) в Малой Азии. Мы должны довольствоваться предположением, что здесь мы имеем одно из тех вторжений северных варваров в Иран, о которых мы так часто слышим в более поздние

времена. Вероятно, эти кочевники пришли, как указывает Геродот, через естественные ворота между Кавказом и Каспийским морем, перевал Дербенд, хотя вполне возможно, что они пришли с востока Каспия, из степей Туркестана. Действительно ли эти скифы — тот же народ, который проник в Палестину и Египет, — далеко не так очевидно, как обычно предполагается, и дату вторжения в эти страны также невозможно определить. В любом случае, варвары свергли мидийцев и захлестнули всю империю. Из того, что мы знаем о деяниях гуннов, хазар, тюрков и монголов в более поздние времена, можно сделать вывод о том, как эти скифы вели себя в Иране. Киаксар, должно быть, пришел с ними к какому-то соглашению, а в конце концов избавился от них по-восточному, пригласив большинство из них (*то есть* их вождей) на пир, где напоил их и убил за столом. Ничуть не удивительно, что впоследствии Киаксар нанял скифов на службу; такие дикари не имеют устойчивого национального чувства и служат любому властителю за плату.

[около 625-600 гг. до н. э.]

С беспорядками скифов можно соотнести сражения, которые, по словам Ктесия, парфяне и саки (*то есть* жители туркменской пустыни, которых греки также называли «скифами») вели с Киаксаром, или Астибаром, как его называет Ктесий. Но делать это небезопасно, поскольку все повествование является лишь основой для красивой романтической истории.

Киаксар во второй раз выступил против Ниневии и разрушил ее около 607 года. Не только Ктесий, но и Берос утверждают, что царь мидийцев достиг этого великого успеха в союзе с царем Вавилона. Чтобы защитить себя от своего союзника, который к моменту падения Ассирийской империи стал слишком могущественным, халдеец прибег к двойной мере предосторожности: он выдал своего сына, впоследствии могущественного Навуходоносора, замуж за Амиту или Амитис, дочь мидийского царя, но также построил обширные укрепления. После падения Ниневии Навуходоносор стал властелином Сирии и Палестины, а Киаксар приобрел большую часть остальной территории Ассирии. Вероятно, ему принадлежала и сама Ассирия, что объясняет ошибку Ксенофонта, который утверждал, что ассирийские города до своего разрушения принадлежали мидянам (*Anab.*, III, 4, 7-10). Когда Киаксар впоследствии начал войну с лидийцами, он уже был хозяином Армении и Каппадокии, хотя, вероятно, он приобрел их только после того, как избавился от скифов и разрушил Ниневию.

[около 600-550 гг. до н. э.]

Предлогом для войны послужило бегство некоторых скифов, служивших Киаксаресу, к Алиатту, царю Лидии, но настоящей причиной, несомненно, была жажда завоеваний. Война длилась пять лет с переменным успехом и закончилась сражением, во время которого произошло солнечное затмение, которое, как говорят, предсказал Фалес. Испуганные воины увидели в этом божественное предупреждение и поспешно заключили мир. Такое глубокое впечатление могло произвести только полное затмение. Согласно расчетам Эйри, из всех затмений того периода единственным полным затмением на востоке Малой Азии (где мы обязательно должны искать место войны) было затмение 28 мая 585 года. 28 мая 585 года до н. э. — это, пожалуй, самая древняя дата великого события, которую можно установить с абсолютной точностью до дня месяца. Заключение мира, которое последовало за этим, дает нам замечательный пример дипломатического посредничества в очень древние времена. Мир был заключен Сиеннесисом, принцем Киликии, и Навуходоносором, царем Вавилона. Астиаг, сын Киаксара, женился на Ариени, дочери Алиатта. Но согласно расчетам Геродота, вышеуказанная дата не попадает в период правления Киаксара; и даже с необходимой поправкой Астиаг вззошел на престол в том же году. Можно предположить, что сражение

произошло во время правления отца, а мир — во время правления сына. Но, как мы видели выше, даты этих правлений не вызывают большого доверия, и более вероятно, что правление Астиага не длилось так долго, как утверждает традиция. Таким образом, Киаксар, вероятно, умер после 585 года.

О правлении его сына Астиага (у Ктесия — Астигас, в вавилонской надписи — Иштувегу) у нас нет подробных сведений. Даже не известно наверняка, был ли он жестоким, поскольку рассказ Геродота о нем и о восстании Кира не является беспристрастным, поскольку основан на повествованиях потомков Харпага, которые были заинтересованы в том, чтобы представить в невыгодном свете принца, которого предал их предок. С другой стороны, авторитетный источник Ктесия о Мидии (Николай Дамский, 64 *и далее*), который представляет Астиага в очень благоприятном свете, не вызывает большого доверия в этом вопросе.⁴

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕДОВ

В нашем рассказе о захвате Ниневии упоминалась филологическая ошибка греков, которая сохранялась до самого конца XIX века. Теперь, когда этот вопрос прояснился, мы располагаем несколько удивительным фактом, что Киаксар не был мидийским принцем и что мидийцы не имели никакого отношения к трагической гибели ассирийской столицы. Меди действительно были народом, чьи города были разорены Салманасаром II и с которого он взимал дань; против которого Тиглатпилесер III провел экспедицию в 737 году; чьи князья просили помощи у Эсархаддона, чтобы отразить вторжение кочевников, угрожавших их земле и соседнему царству Урарту; но они не были тем народом, который с готовностью пришел на помощь Набополассару. На самом деле они были близко родственны тому народу, которого Эсархаддон был вынужден отбивать, и известны как манда.

Таким образом, в последние несколько лет стало возможным переосмысление очень важного периода древней истории; и здесь предлагается ориентировать читателя и обрисовать то, что в настоящее время считается истинным состоянием дел. Полностью отказываться от широко используемого выражения «Мидийская империя» представляется нецелесообразным, и в определенной степени его сохранение () оправдано, но не менее важно тщательно объяснить замечательные результаты недавних исследований и полностью развеять древние заблуждения относительно мидийцев.

Прежде всего, необходимо понимать, что политическая ситуация в Западной Азии даже в период правления Эсархаддона значительно отличалась от ситуации во времена Набонида, всего лишь чуть более чем столетие спустя. Вавилония находилась под жестким гнетом Ассирии. Мощь Элама еще только предстояло обрести. Но к северу и востоку от Ассирии находилось несколько стран, которые, несмотря на то, что были вассалами правительства в Ниневии, все же оставались королевствами, обладавшими определенной властью и значимостью.

Урарту, о истории которого уже многое было сказано, в районе озера Ван, было одним из них, а за ним, на севере и востоке, лежала земля, известная в древней географии как Мидия. Ее народ впервые появляется на ассирийских памятниках как Амада, но позже и чаще его называют Мада. «Мада, — говорит профессор Сэйс, — были курдскими племенами, которые жили к востоку от Ассирии и чья территория простиралась до Каспийского моря. Они были в основном индоевропейцами по языку и ариями по происхождению и жили, как греки, в небольших государствах, каждое из которых подчинялось своему «городскому господину».

Таков был статус «настоящих мидийцев». Ничто в их положении или истории не отличает их от многих других незначительных народов, судьба которых заключалась в том, чтобы вступить в контакт с мировыми империями древности. Их влияние на историю было ничтожным, а их политическое положение — положение ряда мелких независимых княжеств — естественно не позволяло им достичь какой-либо значительной важности. Информация, которой мы располагаем о правителях и городах этой страны, не имевшей центрального правительства и никогда полностью не входившей в состав Ассирийской империи, почерпнута из надписей ниневийских царей. Эсархаддон рассказывает о трех из них: Упписе из Партакки, Санасане из Партукки и Раматее из Ураказабарны, который просил его о помощи против вторгшихся кочевников.

Саргон II, по-видимому, обложил страну тяжелой данью, и мы можем прочитать, как после подавления восстания на севере в новый город завоевателя Кар-Шаррукин прибыли не менее двадцати восьми князей из разных частей Мидии, принеся с собой богатые дары. Но, кроме этих и нескольких других упоминаний, в истории Мидии нет ничего, что могло бы привлечь внимание даже внимательного исследователя мировой истории.

К юго-востоку от Урарту находилось маленькое королевство Ман или Минни, народ которого упоминается в ассирийских текстах как манны. Мы слышим о нем в конце VIII века до н. э., когда Иранзу был царем, а Русас, правитель Урарту, напал на него и захватил два города. Саргон II пришел на помощь своему маленькому соседу, и Русас отказался от своей добычи. После смерти Иранзу его сын Аза был незамедлительно убит Русасом, но другой сын, Уллусуну, который принес клятву верности Ассирии, был возведен на престол Саргоном. Однако Уллусуну вскоре нарушил свою клятву, и начался кровопролитный конфликт, история которого описана в истории Ассирии. Манна, киммерийцы и народ урарту образовали великую коалицию против Эсархаддона, главой которой был кочевой вождь Каштарити, но она распалась из-за внутренних разногласий.

Есть еще один интересный факт, касающийся этих стран, который заслуживает нашего внимания, а именно то, что Иеремия верил, что именно эти народы осуществят месть Господа над Вавилоном. Пророк, несомненно, считал, что этим народам суждено было пережить период величия, и он надеялся, что именно они, а не Элам и Персия, исполнят его пророчества.

«Заточите стрелы, соберите щиты; Господь возбудил дух царей мидийских... Возведите знамя в земле, трубите в трубу между народами, приготовьте народы против нее [Вавилона], созовите против нее царства Араратские [Урарту], Минни и Ашкеназ.^[28] ... Приготовьте против нее народы с царями мидийскими, военачальниками ее и всеми правителями ее...» (*Иеремия*, 51:11, 27, 28).

Ясно, что Иеремия имел в виду «настоящих мидийцев», когда произносил эти слова, поскольку он говорит о «царях мидийских», тогда как мандаи, как мы сейчас увидим, имели строго организованное правительство под властью одного царя.

Современные исследования склоняются к тому, что это пророчество Иеремии изначально было обращено против Ниневии, а затем изменено, чтобы применить его к столице Навуходоносора, поскольку упоминание Урарту и Минни с по крайней мере возможным будущим описывает условия, которые вряд ли могли существовать в период, значительно позднее падения Ниневии. В Библии есть и другие примеры такого рода адаптации, например, пророчество Исаяи о гибели Моавы.

Теперь мы подошли к недавно открытому народу, имеющему огромное значение как первому из индоевропейской семьи, повлиявшему на ход мировой истории в Западной Азии, но история которого до сих пор остается совершенно неизвестной современному миру.

К временам Эсархаддона волна индоевропейской миграции начала принимать угрожающие масштабы для семитских народов Месопотамии, хотя из южной России она наступала уже на протяжении многих веков. Мидия была заселена, и затем кочевой поток разделился: одна большая масса двинулась на запад в Малую Азию, а другая — на восток, а затем на юг, до Элама, и ни одна из них не создала никаких беспорядков в Ассирийской империи. Тем не менее, семиты вскоре оказались окруженными, мирно, но определенно, чуждой расой.

К северо-востоку от Ассирии, простираясь до южных берегов Каспия, находилось древнее царство Эллипи со столицей в Экбатане — Ахметхе из Библии. О его судьбе мы узнаем из ассирийской истории: Саргон подчинил его себе, и оно вступило в союз с Эламом в отчаянной борьбе с Сеннахерибом — и затем занавес забвения опускается. Мы знаем его судьбу — на него напали кочевники. В этом регионе новоприбывшие, по-видимому, быстро организовали новое государство. Ассирийцы знали их как манда, и нет сомнений, что они были идентичны скифам из классической истории.

Еще во времена Эсархаддона на памятниках встречаются упоминания об этом народе. Этот монарх осознавал опасность, угрожавшую его стране, и предпринял по крайней мере одну успешную попытку предотвратить вторжение скифов или киммерийцев в Месопотамию. В битве, произошедшей в Киликии, он хвастается, что победил киммерийского вождя Теуспа или Тейспеса, которого он называет «манда». Ашшурбанапал также в недавно обнаруженной надписи выражает благодарность богам за победу над «этим отростком Сатаны», Туктамму из Манды. «Возможно, — говорит профессор Сэйс, — что Туктамму — это Лигдамис из Страбона, который привел киммерийцев в Киликию, откуда они впоследствии двинулись на запад и сожгли Сарды».

Таким образом, в течение одного столетия быстро сложились новые политические условия. В приграничных районах Ассирии «разыгралась та же драма, которая спустя столетия произошла в Италии, когда северные варвары пришли на юг через горы и захватили равнины Ломбардии. Рим мог оказать лишь слабое сопротивление, и чуть позже даже столица пала перед ними. Параллель простирается даже дальше, поскольку Ниневия также была разрушена с помощью тех же варваров, которые теперь поселились в ее отдаленных провинциях».

Первое вторжение скифов в Ассирию произошло во время правления преемника Ашшурбанапала, Ашшур-этил-или. Манда сожгли Калах и продвинулись до границ Египта, где их остановило только золото Псамтека. Следующее вторжение произошло по приглашению Набополассара, и нет необходимости повторять здесь, как скифский царь Экбатаны, Киаксар для греков, пришел на помощь царю Вавилона, и как, в результате раздела Ассирийской империи, манды оказались владыками земель к северу от вавилонской границы. Достаточно сказать, что жажда создания империи теперь была сильна в них, и мы процитируем краткий отчет профессора Роджерса о недолговечной скифской империи: «Им [мандам] в результате раздела Ассирийской империи досталась вся старая земля Ассирии с северной Вавилонией. Само владение такой территорией было призывом к созданию империи. Манда приступили к этому с необычайным и быстрым успехом. ... Уже в 560 г. до н. э. их граница простиралась на запад до реки Халис, которая служила границей между ними и царством Лидия, над которым теперь правил Крез, известный из пословиц (560-546 гг. до н. э.). Если бы победоносный народ, каким теперь были манды, не встретил насильственной гибели, то вскоре богатые равнины, процветающие города и великие водные пути

Вавилонии привлекли бы их на юг, и произошло бы великое столкновение. Если бы к той грубой силе завоевания, которую они уже в изобилии продемонстрировали, они добавили бы таланты к организации и управлению, то не было бы никаких причин, по которым все их владения не могли бы вновь объединиться в великую империю... Их царем теперь был Астиаг, или, как его называют вавилонские надписи, Иштувегу. Наши знания о нем слишком скудны, чтобы судить о его характере. Он, безусловно, был военачальником с необычайными способностями, но, возможно, мало чем еще. Как бы то ни было, он не должен был привести к гибели Набонида».

Таким образом, мы получаем представление об амбициях и достижениях манда после падения Ниневии. Мелкие царства на севере — Мидия, Ман, Урарту и другие — все принадлежали им. Следующим логичным шагом было «разрушение Набонида».

Как мы знаем, это было суждено Киру, поскольку в 550 году до н. э., как рассказывается в других источниках, скифская империя, называемая греками Мидией, просуществовав менее века, прекратила свое существование.

Возможно, стоит отметить, как возникла эта необычная путаница с именами. Профессор Сэйс объясняет это так: «Когда в поколениях, сменивших Дария Гистаспа, Кир стал основателем Персидской империи, мидяне и манды были смешаны друг с другом. Астиаг, сюзерен Кира, превратился в мидянина, а город Экбатана — в столицу Мидийской империи. Эта иллюзия сохранилась до наших дней. Не было никаких оснований сомневаться в традиционной истории; ни на страницах греческих и римских писателей, ни в Ветхом Завете, ни даже в великой надписи Дария в Бехистуне не было ничего, что могло бы вызвать подозрения. Только после открытия памятников Набонида и Кира наконец выяснилась правда, и оказалось, что история, в которую мы так долго верили, была основана на филологической ошибке».а

СНОСКИ

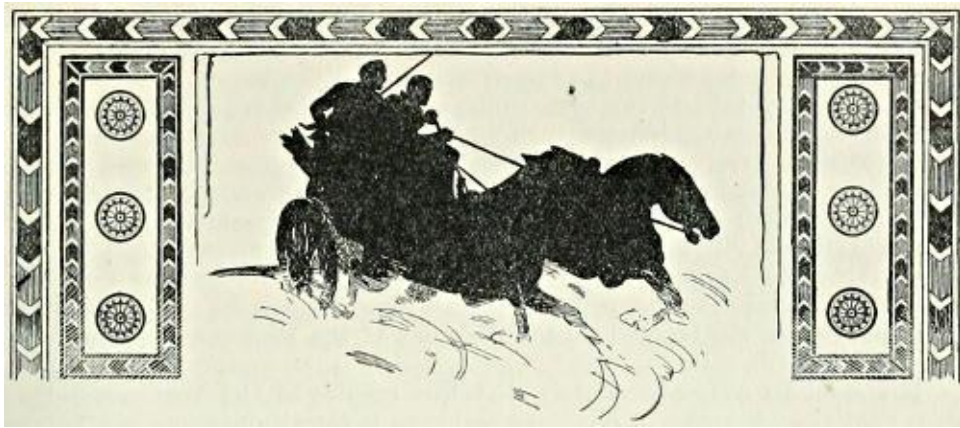
[24] Интересно отметить, что это описание очень хорошо согласуется с тем, что ассирийские памятники рассказали нам о мадах, или истинных мидянах, которых греки безнадежно путали с мандами, или скифами, царями которых были Киаксар и Астиаг.

[25] Филологическая путаница теперь полная. Дейокес, возможно, был мидийским принцем, поскольку политические условия, описанные Геродотом, точно соответствуют тем, которые существовали в Мидии; тогда как, насколько мы можем судить по вавилонским памятникам, манды имели сильное центральное правительство, правившее в Экбатане].

[26] [Профессор Сэйс в статье «Вавилония и Ассирия» в новых томах *Энциклопедии Британики* пишет: «При его [Ашшурбанапала] преемнике, Ашшур-этил-илани, скифы проникли в Ассирию и продвинулись до границ Египта. Калах был сожжен, хотя крепкие стены Ниневии защитили реликвии ассирийской армии, укрывшейся за ними». Это произошло примерно в 626 году до н. э.

[27] [Конечно, поскольку скифы сами осаждали Ниневию, это не могло быть правдой. Но легко понять, как применение одного имени к другому народу могло стать причиной слов Геродота].

[28] Вероятно, это Агуси из ассирийских текстов.

ГЛАВА III. РАННИЕ АХЕМЕНИДЫ И ЭЛАМИТЫ, КИР И КАМБИС

Когда мы говорим о политической истории Персии, наши мысли естественным образом обращаются и к Греции. Однако был период в истории Персии, блестящий, хотя и короткий, в котором Греция не принимала участия и не была объектом внимания. И действительно, интерес, который Греция представляла для персидских монархов в течение более чем двухсот лет персидского господства, несомненно, был преувеличен в сознании последующих поколений, потому что вся картина рассматривалась глазами греческих, а не персидских историков. Первая великая светская история, которая когда-либо была написана, а именно история Геродота, имела своей главной темой греко-персидскую войну.

На первых страницах этой истории было выражено бытовавшее в то время представление о том, что почти с незапамятных времен между Грецией и Персией существовала смертельная вражда, и даже в мифологию вторглись, пытаясь объяснить происхождение этой вражды и возложить ответственность за нее на азиатскую нацию. Однако на самом деле вполне вероятно, что до периода, когда писал Геродот, такого широко распространенного чувства вражды между представительными народами Азии и Европы не существовало в течение очень долгого времени. Действительно, ясно, что вражда между персами как таковыми и греками не могла возникнуть раньше 550 года до н. э., поскольку именно в это время возникла Персидская империя. Также нет никаких свидетельств того, что первые два правителя империи, а именно Кир и Камбиз, обращали особое внимание на регион за Геллеспонтом. Кир действительно вторгся в Малую Азию и, сделав это, неизбежно вступил в тесный контакт с греческой цивилизацией; но явной целью этого вторжения было завоевание Лидии, которое было достигнуто путем свержения Креза, а сам Кир затем повернул назад, чтобы завоевать Вавилонию, и какие бы планы он ни имел по расширению своей власти в Малой Азии или за пределами Эгейского моря, он не дожид до их осуществления. Короткое правление Камбиза было почти полностью посвящено завоеванию Египта. Тем не менее было неизбежно, что завоевательная азиатская держава, расширившая свои границы до самых стен греческих городов Малой Азии, должна была продвигаться дальше в том же направлении. Столь же очевидно было, что Греция () не могла смириться с посягательством на свои территории, и таким образом вражда между Востоком и Западом была столь же неизбежна и ожесточенна, как если бы ее истоки были гораздо более древними, чем на самом деле.

Мы будем иметь возможность подробно рассмотреть войны, вызванные этой враждой, когда перейдем к истории Греции; однако мы не можем полностью игнорировать их здесь. Однако в данный момент нас в первую очередь интересует история Медо-Персидской империи в ее азиатском и африканском аспектах. Интересно отметить, что эта империя

была самой большой в мире по географической площади, намного превосходящей Египет, Ассирийскую империю в период ее наибольшего расцвета и любую империю, которая сменила ее до современности, за исключением короткого десятилетия, когда Александр Македонский подчинил судьбы Востока и Запада своей воле.

Следует также помнить, что эта империя мидийцев и персов просуществовала гораздо дольше, чем иногда предполагают. Кир, основатель Мидо-Персидской империи, пришел к власти в 550 году до н. э., а битва при Платеях, в которой армия Ксеркса была полностью разгромлена, а последние персидские войска, когда-либо пытавшиеся вторгнуться в Европу, были полностью уничтожены, произошла менее чем через три четверти века. На первый взгляд, можно было бы датировать падение Персидской империи этим последним событием, но это означало бы очень узкий или европейский взгляд на историю. Персы, правда, больше не вторгались в Грецию, но персидские деньги стали оказывать тревожное влияние на политическую жизнь Греции и продолжали это делать в течение полутора веков, то есть до тех пор, пока Греция сохраняла независимое национальное существование.

Влияние Греции в интеллектуальном плане было настолько сильным, что легко забыть, насколько незначительным народом были эллины в тех вопросах, которые обычно являются критерием национального превосходства. Лишь однажды объединенная Греция стала мощным фактором в международной войне; это исключительное время было чрезвычайно важным, когда Греция отразила персидских захватчиков. Но территория Греции осталась неизменной после этого знаменательного события, и ни тогда, ни в какой-либо последующий период греки не думали о широких завоеваниях до дня Агесилая; а стремления этого спартанского вождя, который в одно время, казалось, мог опередить Александра в завоевании Персии, были прерваны самоубийственными внутренними распрями, которые были проклятием политической жизни Греции на всех этапах ее истории. Между тем, пока Рим набирал силу на Западе, он еще не достиг горизонтов мирового влияния, а Персия, несмотря на свое поражение на греческой территории, оставалась бесспорной хозяйкой Азии и, следовательно, самой могущественной нацией в мире в течение более двух веков после смерти Кира. И тогда не грек, а завоеватель Греции, македонец Александр, вырвал скипетр из рук персов.

Два с половиной века господства! Это не кажется долгим периодом, если вспомнить тысячелетия египетской истории или другие тысячелетия, когда равнина Месопотамии была центром азиатского мира. Однако, если посмотреть на это с узкой точки зрения, станет очевидным, что в мировой истории очень редко одна нация сохраняла господство в течение периода, значительно превышающего два-три века. Египетская история далека от того, чтобы быть историей непрерывной власти, а центр Месопотамии перемещался с юга на север и обратно с интервалом в несколько столетий. Поэтому, когда мы рассматриваем два с половиной века непрерывной персидской власти и задумываемся о том, насколько огромным было влияние этой державы, становится ясно, что речь идет об одной из величайших наций, о которых свидетельствует история.

[около 836-546 гг. до н. э.]

О самой ранней истории Персии почти ничего не известно. Из обелиска Салманасара II мы узнаем, как после успешного вторжения в землю Намри ассирийский царь вторгся на территорию Парсуа (Персии) и получил дань. Это было в 836 году до н. э. В 830 году дань была собрана снова, а в следующем году страна была разграблена и опустошена ассирийской армией. Около 813 года Шамши-Адад IV нанес нежелательный визит своей провинции. Из этих и других упоминаний мы можем сделать вывод, что с момента, когда индоевропейцы достаточно прочно обосновались на этой земле, Парсуа была зависимой от Ассирийской империи, восстанавливая свою свободу всякий раз, когда Ассирия переживала период упадка, и теряя ее в той же степени, когда в столицах на Верхнем Тигре у власти находились сильные умы и руки. Затем, как мы уже видели, Персия попала в руки скифского или мидийского императора, правившего в Экбатане, от которого ее освободил Кир Великий.

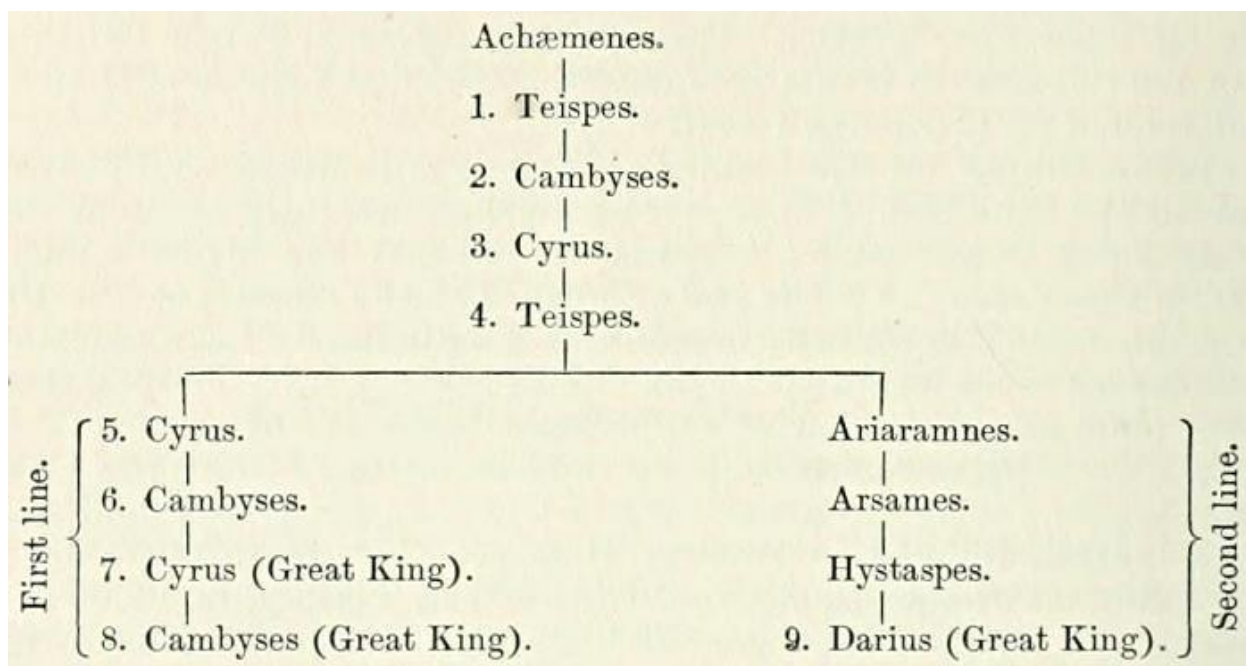
[около 730-550 гг. до н.э.]

Но прежде чем перейти к истории Персии, необходимо сказать несколько слов о царстве Элам, поскольку, как мы сейчас увидим, именно из этой страны происходил Кир. Элам лежал к востоку от Вавилонии, за горным хребтом. О ранней истории этой страны — о временах Хедорлаомера и других эламских завоевателей Вавилонии — нам сейчас нечего говорить; нас интересует то, что в VIII веке до н. э. Тейспс, царь Персии, завладел эламской провинцией Аншан. По всей вероятности, персидский завоеватель отдал новую территорию своему сыну Киру I, поскольку, по словам профессора Сейса, «пока Кир I, прадед Кира Великого, правил в Аншане, Ариарамн, прадед Дария, вероятно, сменил своего отца, Тейспеса, в Персии. И Ариарамн, и Кир I были сыновьями Тейспеса, и поскольку Дарий в своей надписи в Бехистуне заявляет, что «восемь» его предшественников были царями до него «в двух линиях», ясно, что и Ариарамн, и его сын Арсам должны были обладать царской властью. Поэтому мы должны предположить, вместе с сэром Генри Роулинсоном, что Тейспс был завоевателем Аншана и что после его смерти его царство было разделено, причем недавно завоеванные земли были переданы Киру I, а владения его предков — Ариарамну» (*Higher Criticism and the Monuments*, стр. 519).

Таким образом, мы видим, что часть древнейшей истории стала самой новой. Необходимо четко понимать, что Кир изначально был не царем Персии, а эламской провинцией Аншан — районом, который к его времени включал в себя и Шушан, старую столицу Элама. Через три года после завоевания Астиага, то есть в 546 году до н. э., он впервые называет себя царем парсов (персов), но не раньше. Как он стал правителем Персии, мы не знаем, поскольку эта земля была совершенно другой страной, чем Элам, но весьма вероятно, что его новый титул имел какое-то отношение к свержению скифского императора. Именно благодаря заявлению Дария I Кир вошел в историю как персидский принц. Почему так произошло, кажется достаточно ясным. Дарий должен был заново завоевать распавшуюся империю Кира и Камбиза, и, делая это, он хотел представить себя законным преемником своих двух великих предшественников; поэтому он делает Кира, как и себя, персидским принцем, и мы видели, насколько это соответствует действительности. Но разве мы не должны говорить об эламской империи от Кира до Дария?

Теперь, когда читатель знаком с этими фактами, мы перейдем к рассказу о происхождении династии Ахеменидов и правлении Кира Великого.

Отцом Кира был, как сообщает Геродот, Камбиз (Камбузия), его дедом — Кир, а прадедом — Сиспис (*т. е.* персидский Хайспи, греческий Тейспес). Мы можем сопоставить содержание его цилиндра, с одной стороны, со списком предков Дария у Геродота (VII, 11), а с другой — с собственным заявлением Дария в великой Бехистунской надписи. Последний список на три имени короче, чем список Геродота; но, поскольку Дарий говорит, что восемь членов его семьи были царями и что они правили в двух линиях, в то время как ни он, ни его преемники в своих надписях не присваивают титул царя его непосредственному предшественнику, мы должны предположить, что список предков в Бехистуне несколько сокращен; и мы можем с некоторой вероятностью составить полный список, точно совпадающий с Геродотом. Мы будем обозначать царей цифрами и приводить имена в обычной греческой форме.

Ахемен. 1. Тейсп. 2. Камбиз. 3. Кир. 4. Тейсп.

Первая строка. 5. Кир. 6. Камбиз. 7. Кир (Великий царь). 8. Камбиз (Великий царь).

Вторая линия. Ариарамн. Арсам. Гистасп. 9. Дарий (Великий царь).

Ахемен (перс. *Хахамани*), прародитель всего рода, возможно, не является исторической личностью, а является эпонимным героем. По нашим подсчетам, Тейсп, первый царь, процветал около 730 года, то есть несколько раньше основания Мидийской империи, но примерно в то время, которое Геродот считает началом независимости Мидии. Возможно, подъем провинциальной династии связан с ослаблением ассирийской власти в Иране. На цилиндре Кир называет себя и своих предков до Тейспеса не царями Персии, а царями «города Аншана». Аналогично, на недавно обнаруженном памятнике еще большего значения, вавилонской табличке, он называется «царем Аншана», но также и «царем Персии». Возможно, ахемениды правили только частью Персии, но мы в равной степени имеем право предположить, что, как утверждают Геродот и Ктесий, по крайней мере отец Кира был правителем всей провинции. Его мать, по словам Геродота, была дочерью Астиага. Это вполне может быть историческим фактом, хотя подтверждение оракула, который

описывает его как «мула» (Геродот, I, 55), не имеет большого значения, поскольку эти оракулы являются довольно недавними подделками, и вполне возможно, что мы имеем здесь не более чем пример хорошо известной тенденции правителей новых империй на Востоке утверждать, что они происходят, по крайней мере по женской линии, от законной династии. Ктесий, действительно, сообщает нам, что Кир впоследствии женился на дочери свергнутого Астиага, Амитис (которая была также сестрой Астиага, женой Навуходоносора). Конечно, это не исключает возможности того, что Кир был сыном другой дочери царя.

[550-546 гг. до н. э.]

Если отбросить романтические элементы, рассказ Геродота о восхождении Кира в основном согласуется с новым документом, который мы имеем по этому вопросу, в виде анналов, высеченных на вавилонской табличке. Согласно Геродоту, Кир и персы подняли восстание; Харпаг, мидянин, который был в союзе с ним, был отправлен против него. Часть мидийской армии сражалась, но другая часть перешла на сторону Кира или бежала. Во второй битве Астиаг был побежден и взят в плен. Теперь табличка сообщает нам, среди прочего: «и против Кира, царя Аншана, ... пошел и ... Иштувегу, его армия восстала против него и взяла в плен, Киру они его отдали». Затем, как следует из текста, Кир взял Экбатану и увез богатую добычу в Аншан. Это краткое изложение вавилонского летописца ни в коем случае не исключает предположения, что Кир ранее сражался с Астиагом. Оба рассказа говорят о том, что измена и вероломство армии принесли Киру победу. Мы могли бы даже согласовать вавилонский документ с рассказом Ктесия о том, что Кир сначала был в тяжелом положении и отступил до Пасаргад, если бы не было других оснований, помимо его сказочных украшений, которые делают этот рассказ маловероятным.

Дата свержения Астиага и взятия Экбатаны, согласно вавилонской табличке, приходится на шестой год; и, поскольку в высшей степени вероятно, что годы в этом мемориале относятся к вавилонскому царю Набунаиду [Набониду], мы должны отнести эти события к 550 году. До сих пор, следуя Геродоту, предполагалось, что правление Кира (559-529) следовало считать с момента падения Мидийской империи, и что, соответственно, последнее событие следовало отнести к 559 году. Но теперь мы видим, что Кир считал свои годы с момента вступления на престол в Персии.^[29] Началось ли восстание против Астиага, когда он вступил на престол, мы не знаем. Мы вполне можем поверить Геродоту (I, 330), что Кир хорошо обращался с Астиагом вплоть до его смерти. В этом вопросе Ктесий согласен с Геродотом.

[550-538 гг. до н. э.]

После захвата Экбатаны, который сделал Кира Великим царем, он, должно быть, был достаточно занят покорением земель, принадлежавших Мидийской империи. На рассказ Ктесия об этих сражениях нельзя полагаться. Геродот (I, 153) утверждает, что бактрийцы, которые, по словам Ктесия, были вскоре покорены, как и саки, были подчинены только после завоевания Вавилона.

Следующая война была против могущественного и богатого царя Лидии Креза, который правил почти всей западной половиной Малой Азии. Это было продолжение войны между мидянами и лидийцами, которая была прервана в 585 году. И здесь рассказ Геродота украшен множеством удивительных событий и используется для иллюстрации моральных доктрин.

Если Крез действительно начал войну, то он, безусловно, сделал это не легкомысленно, а обдуманно, чтобы опередить неизбежное нападение. Судя по всему, в Каппадокии (Геродот, I, 76, и особенно Полиен, VII, 8, 1 *и далее*), которая уже принадлежала Киру, произошла ожесточенная борьба. Крез отступил, чтобы подготовиться к новой кампании, но Кир преследовал его, разгромил, когда тот предложил сражение, и после короткой осады захватил его столицу Сарды. Не только Геродот, но и, по-видимому, его современник Ксант Лидийский, совершенно независимо от Геродота, рассказал, как Кир хотел сжечь Креза заживо. Однако Крез был все-таки помилован, возможно, из-за каких-то внешних обстоятельств (потому что внезапный ливень не помешал огню разгореться?), или потому что завоеватель передумал, пока не стало слишком поздно. Набожные и верующие увидели в этом событии прямое вмешательство Аполлона в пользу человека, который так высоко чтил дельфийский храм.

Дата падения Креза не совсем точна. Возможно, это было в 547 или 546 году. Когда Кир ушел, лидийский Пактиас, которого Кир назначил хранителем сокровищ, поднял восстание, но оно было быстро подавлено генералами царя. С того времени лидийцы больше не предпринимали ни малейших попыток освободиться от персидского владычества.

Но теперь началась борьба персов с греками, которая имела столь большое значение для истории мира. Лидийские цари подчинили себе ряд греческих городов в Малой Азии, но даже эти города не хотели подчиняться еще более варварским персам, чье правление было гораздо более угнетающим, поскольку они безжалостно требовали военной службы. Но Харпаг и другие персидские военачальники быстро захватили один греческий город за другим; некоторые, как Приена, были разрушены до основания. Некоторые ионийцы, такие как тейцы, и большинство фокейцев избежали рабства, эмигрировав. Только Милет, самый процветающий из всех этих городов, рано пришел к соглашению с Киром, и тот пообещал не возлагать на него более тяжкого бремени, чем Крез до него. В большинстве городов персы, по-видимому, установили тиранов, которые давали им лучшую гарантию послушания, чем демократические или аристократические правительства. В остальном они оставляли греков в покое, так же как и других своих подданных, не вмешиваясь в их внутренние дела, пока те платили необходимые дани и поставляли людей и корабли для их войн. Большинство других народов на западе Малой Азии подчинились без особого сопротивления, за исключением свободолюбивых ликийцев. Изгнанные в столицу Ксант, они предпочли погибнуть все вместе, чем сдаться. Некоторые карийские города также упорно защищались. Возможно, это дало персам понять, что маленькие народы на западном побережье, в конце концов, были сложнее в управлении, чем рабские народы в глубине Азии. Сарды стали и остались опорой персидского правления в западной части Малой Азии. Пост губернатора был одним из самых влиятельных в империи (), и, по-видимому, губернатор обладал определенным превосходством над некоторыми соседними губернаторами.

Хотя Кир совершил и продолжал совершать завоевания в глубине Азии, он все еще не имел настоящей столицы Азии, Вавилона, колыбели древней цивилизации, вместе с богатой страной, в которой он находился, и обширными районами Месопотамии, Сирии и приграничных земель, которыми он правил. Перед захватом города летом 539 года произошла великая битва, в результате которой Кир занял столицу без дальнейших серьезных сражений, поскольку вавилонские войска взбунтовались против своего царя. Поздней осенью 539 года Кир вступил в Вавилон, а царь Набонид ранее сдался. Вступление Кира произошло 3-го числа месяца Маршешван, который почти соответствует нашему месяцу ноябрю. Если, как того требует строгое правило, мы считаем небольшой остаток года после взятия города первым годом правления Кира, то события, описанные в тексте, относятся к 538 году. Согласно Беросу, Кир назначил Набонида правителем Кармании, к востоку от Персии; но в анналах, высеченных на табличке, говорится, что Набунаид умер,

когда город был взят. Кир, конечно, не уничтожил вавилонское поклонение, как ожидали еврейские пророки; он, должно быть, был даже впечатлен великолепием богослужения в самом богатом городе мира и древностью обрядов. Но он не был приверженцем вавилонской религии, потому что священники так говорили, так же как Камбиз и римские императоры не были поклонниками египетских богов, потому что египетские памятники изображают их поклоняющимися богам точно так же, как египетские цари. Сейчас сомневается, что Кир мог читать их документы; мы сомневаемся, что Кир вообще понимал их язык, и считаем невероятным, что он выучил их сложное письмо; более того, исходя из всех аналогий, мы можем считать маловероятным, что он вообще умел читать и писать.

[538-529 гг. до н.э.]

Страны, подчиненные Вавилону, по-видимому, без сопротивления подчинились персам. Только крепость Газа в земле филистимлян, возможно, некоторое время защищалась. С другой стороны, некоторые финикийские города, которые оказывали упорное сопротивление другим завоевателям, подчинились сразу и оставались неизменно послушными персам почти до самого конца империи. Однако, похоже, что, будучи реальной опорой морской мощи Персии, они почти всегда пользовались особым уважением со стороны последней. В первый же год своего правления в Вавилоне (538 г.) Кир разрешил еврейским изгнанникам в Вавилоне вернуться на родину. Сравнительно немногие воспользовались этим разрешением, но эти немногие стали отправной точкой развития, которое имело огромное значение для истории мира.

Насколько далеко на восток простиралось владение Кира, мы не знаем, но вполне вероятно, что все страны на востоке, которые упоминаются в древних надписях Дария как подчиненные или восставшие, уже были подчинены во времена Кира. В этом случае Хорасма (Харезм, современная Хива) и Согдиана (Самарканд и Бухара) принадлежали ему. В соответствии с этим, Александр нашел город Кира (Кирополис) на реке Яксарте, недалеко от современного Хоканда. Он, несомненно, также правил большими частями современного Афганистана, хотя вряд ли он когда-либо проник в земли Инда. История его неудачного похода в Индию, по-видимому, была придумана в противовес удачной экспедиции Александра.

СМЕРТЬ КИРА

[529 г. до н.э.]

С самого начала существовали разные версии смерти Кира. Геродот приводит известную дидактическую историю о сражении с Томиридой, царицей массагет, как наиболее вероятную из многих, которые рассказывались.⁴ Его рассказ слишком живописен, чтобы его опускать здесь, несмотря на его несколько сомнительную достоверность.

«Когда Кир размышлял об особых обстоятельствах своего рождения, он считал себя более чем человеком. Он также размышлял о процветании своих войск и о том, что везде, где он проводил свои вторжения, его сопровождали успех и победа.

Массагетами тогда правила королева, вдова по имени Томирис. Кир послал к ней послов с предложением о браке; королева, придя к выводу, что его настоящей целью было не обладание ею самой, а ее королевством, запретила ему приближаться. Кир, видя, что эти меры не приносят результата, продвинулся к Араксу, открыто раскрыв свои враждебные намерения по отношению к массагетам. Затем он перебросил через реку мост из лодок для переправы своих войск, который он также укрепил башнями.

«Пока он был занят этим трудным делом, Томирис послала своих послов с таким сообщением: « » «Владыка мидийцев, поскольку ты не можешь быть уверен в исходе дела, мы советуем тебе отказаться от своего нынешнего намерения. Довольствуйся владычеством над своим собственным царством и оставь нас в покое, видя, как мы управляем своими подданными. Однако ты не слушаешься этого благотворного совета, любя все, кроме мира: если же ты действительно нетерпелив встретиться с массагетами, прекрати свои нынешние работы по строительству моста; мы отступим на три дня марша вглубь нашей страны, и ты сможешь перейти в свое удовольствие; или, если ты предпочитаешь принять нас на своей территории, сделай то же самое для нас». Услышав это, Кир созвал совет своих главных военачальников, изложил им дело и попросил совета, как поступить. Они единодушно решили, что он должен отступить и дожидаться Томирис на своей территории.

«Крез Лидийский, который присутствовал на собрании, был другого мнения, которое он отстаивал следующим образом: «Я уже отмечал, о царь, что, поскольку Провидение сделало меня твоим пленником, я должен приложить все свои способности, чтобы предотвратить все, что угрожает тебе несчастьем. Я прошел суровую, но полезную школу невзгод. Если бы вы сами были бессмертны и командовали армией бессмертных, мой совет мог бы справедливо показаться неуместным; но если вы признаете себя человеческим вождем человеческих сил, вам следует помнить, что земные события имеют циклический характер и что их ход не позволяет одному и тому же человеку всегда быть удачливым. В данном вопросе я не согласен с большинством. Если вы будете ждать врага на своей территории, поражение может стоить вам всей империи; победоносные массагты, вместо того чтобы отступить на свою территорию, будут продвигаться дальше вглубь ваших владений. Если вы победите, вы все равно будете в проигрыше из-за того времени и расстояния, которые неизбежно потребуются для преследования. Я предполагаю, что после победы вы немедленно начнете наступление на владения Томирис; но сможет ли Кир, сын Камбиза, без позора и бесчестия отступить на шаг от женщины-противника? Поэтому я рекомендую, чтобы, переправившись с нашей армией, мы продолжили поход, пока не встретим врага; тогда давайте сразимся за победу и честь. Мне сообщили, что массагеты ведут жизнь в крайней нищете, не зная персидской кухни и персидских деликатесов. Поэтому давайте оставим их в нашем лагере: пусть будет приготовлено изобилие еды, дорогих яств и полных кубков вина. С ними давайте оставим менее боеспособных солдат, а с остальными снова отступим к реке. Если я не ошибаюсь, враг будет соблазнен видом наших роскошных приготовлений и предоставит нам благородную возможность одержать победу и обрести славу».

«Результатом дискуссии стало то, что Кир предпочел мнение Креза: поэтому он вернулся, чтобы ответить Томири, что он продвинется на территорию ее владений настолько, насколько она предложила. Она осталась верна своему обещанию и соответственно отступила. Затем Кир официально передал свою власть своему сыну Камбизу и, прежде всего, поручил ему заботиться о Крезе, как о человеке, которого, в случае неудачи запланированной экспедиции, было бы в его интересах отличать всеми возможными знаками почтения и чести. Затем он отпустил их в Персию и переправился через реку со своими войсками.

«Как только он перешел Аракс и вошел в землю массагет, он увидел ночью следующее видение: он увидел старшего сына Гистаспа с крыльями на плечах, одно из которых затеняло Азию, а другое — Европу. Гистасп был сыном Арсама, из рода Ахеменидов; имя его старшего сына было Дарий, юноша лет двадцати, который был оставлен в Персии, так как еще не достиг возраста для военной службы (). Кир проснулся и обдумал этот вопрос: поскольку он показался ему очень важным, он приказал привести Гистаспа к себе и, отпустив своих слуг, сказал: «Гистаспа, я объясню тебе, почему я без всякого сомнения

уверен, что твой сын сейчас занимается мятежными замыслами против меня и моей власти. Боги, чьей благосклонности я пользуюсь, открывают мне все события, угрожающие моей безопасности. Прошлой ночью я видел, как твой старший сын имел крылья на плечах, одно из которых затеняло Азию, а другое — Европу; из этого я делаю определенные выводы, что он занимается предательством против меня. Поэтому немедленно возвращайтесь в Персию и позаботьтесь о том, чтобы, когда я вернусь победоносным из своего нынешнего похода, ваш сын дал мне удовлетворительное объяснение своего поведения».

Сильное опасение измены Дария побудило Кира обратиться к отцу с такими словами, но на самом деле видение означало, что смерть Кира была близка и что Дарий должен был унаследовать его власть. «Далеко от этого, о царь!» — ответил Гистасп. «Ни один человек персидского происхождения не может замышлять заговор против своего повелителя: если таковой найдется, пусть его ждет немедленная смерть. Вы подняли персов из рабства к свободе; из подданных вы сделали их господами: если видение сообщило вам, что мой сын замышляет что-то против вас, я передам его вам и в ваше распоряжение». После этой беседы Гистасп перешел Аракс, возвращаясь в Персию, с полным намерением следить за своим сыном и передать его Киру.

«Кир, продвинувшись на один день марша от Аракса, во всех отношениях последовал совету Креза и, оставив позади войска, на которые он меньше полагался, вернулся с лучшими своими людьми к Араксу. Отряд, составлявший примерно треть армии массагетов, атаковал персов, которых оставил Кир, и после слабого сражения перебил их. Когда бойня закончилась, они заметили роскошные приготовления, которые были искусно подготовлены, и, поддавшись соблазну, предались пиру и вину, пока опьянение и сон не одолели их. В этом положении персы напали на них: несколько человек были убиты, но большая часть была взята в плен, среди них был Спаргапис, их вождь, сын Томирис.

«Как только царица узнала о поражении своих войск и пленении сына, она послала к Киру гонца со следующими словами: «Кир, ненасытный кровопийца, не радуйся слишком своему недавнему успеху. Когда ты сам опьянен вином, каких глупостей ты не совершаешь? Попадая в ваши тела, оно делает вашу речь еще более оскорбительной. Этим ядом ты победил моего сына, а не своей мудростью или доблестью. Я рискну во второй раз дать тебе совет, который, несомненно, будет в твоих интересах. Верните моему сыну свободу и, удовлетворившись позором, который вы нанесли трети массагтов, покиньте эти земли невредимыми. Если вы не сделаете этого, я клянусь Солнцем, великим богом массагтов, что, несмотря на вашу ненасытную жажду крови, я насыщу вас ею».

Эти слова произвели на Кира лишь небольшое впечатление. Сын Томирис, оправившись от опьянения и узнав о несчастье, которое его постигло, умолял Кира освободить его от оков: он получил свободу и сразу же покончил с собой.

«Когда Кир отказался прислушаться к ее совету, Томирис собрала все свои силы: началась битва, и из всех сражений, которые когда-либо происходили среди варваров, это было, по моему, самым упорным. Согласно сведений, которые мне удалось собрать, сражение началось с града стрел, обрушившегося на обе стороны с некоторого расстояния; когда стрелы были исчерпаны, они сражались мечами и копьями, и в течение долгого времени ни одна из сторон не получала ни малейшего преимущества: в конце концов массагты одержали победу, большая часть персов была убита, сам Кир также пал; так закончилось его двадцатидевятилетнее правление. Когда после тщательных поисков его тело было найдено, Томирис приказала бросить его голову в сосуд, наполненный человеческой кровью, и, оскорбив и изуродовав мертвое тело, воскликнула: «Я выжила и победила, а ты разрушил мой покой, успешно применив хитрость против моего сына, но теперь я дам тебе, как и

угрожала, вдоволь крови».—Этот рассказ о конце Кира кажется мне наиболее вероятным, хотя существует много других, различных версий».^c

Если мы принимаем утверждения Геродота, то должны искать массагтов за рекой Яксартес. У Ктесия Кир смертельно ранен в сражении с дербиками, которые, вероятно, жили вблизи Среднего или Верхнего Оксуса. Фрагмент Бероса гласит, что Кир пал в земле даев (даев), т. е. в современной туркменской пустыне, возможно, в ее южной или юго-западной части; это сообщение вполне может быть взято из современных вавилонских записей. Как бы то ни было, Кир встретил смерть в сражении с диким племенем северо-востока. Сражение, вероятно, было проиграно, но персы спасли его тело, которое было похоронено в Пасаргаде, на древней земле его народа. До сих пор в Мургабе, к северу от Персеполя (на телеграфной линии от Абушехра до Тегерана), можно увидеть пустую гробницу и другие остатки великого мавзолея, которые Аристобул, спутник Александра, описал по собственным наблюдениям; на некоторых колоннах там можно прочесть надпись: «Я Кир, царь, Ахеменид». До недавнего времени та же надпись была также видна высоко на колонне, на которой в барельефе изображена крылатая фигура царя. Эта фигура увенчана «пшентом», то есть такой же украшенной короной, какую носят цари и боги на египетских памятниках. Без сомнения, Камбиз хотел таким образом выразить особую честь своему отцу, на создание памятника которому, должно быть, ушли годы. Вполне естественно, что древнее искусство Египта произвело глубокое впечатление даже на тех из его завоевателей, которые в других отношениях мало симпатизировали египетским обычаям.^b

ХАРАКТЕР И ВЛИЯНИЕ КИРА

Кир сыграл слишком большую роль в мире и сделал слишком много для прогресса человечества, чтобы мы могли оставить его без описания характера и влияния на историю человека, о котором даже такой циничный историк, как Эдуард Мейер, сказал лаконично, но словами, требующими особого подчеркивания: *«Почтить и пощадить противника равного происхождения, однажды побежденного, оставалось привилегией всех его преемников»*. После этого мы, конечно, должны ожидать похвальных речей, но приведенные здесь краткие выдержки, первая древняя, а последняя современная, основаны на тщательном и любящем изучении характера этого человека.^a

Оценка Кира Ксенофонтом

Однажды мне пришла в голову мысль о том, сколько демократий было разрушено людьми, которые предпочли жить под властью другого правительства, а не демократии; сколько монархий и олигархий было свергнуто народом; и сколько людей, пытавшихся установить тиранию, были либо сразу же полностью уничтожены, либо, если они продолжали править в течение какого-то времени, были восхваляемы как мудрые и удачливые люди. Я также наблюдал, как мне казалось, многих хозяев в их частных домах, некоторые из которых имели много слуг, а некоторые — очень мало, и тем не менее были совершенно неспособны заставить этих немногих полностью подчиняться их приказам. Размышляя над этим, я пришел к следующему заключению: человеку, такова его природа, легче управлять любыми другими существами, чем людьми. Но когда я подумал о персе Кире, который подчинил себе многих людей, многие города и многие народы, я был вынужден изменить свое мнение и подумать, что управлять людьми не является чем-то невозможным или даже трудным, если человек берется за это с пониманием и умением. Я знал, что были такие, кто добровольно подчинялся Киру, находясь в нескольких днях пути от него, а другие — даже в нескольких месяцах пути; были и такие, кто никогда его не видел,

и такие, кто хорошо знал, что никогда его не увидит; и все же они охотно подчинялись его правлению; ибо он настолько превосходил всех других царей, как тех, которые получили свою власть от предков, так и тех, которые приобрели ее собственными усилиями, что, например, скиф, хотя его народ и очень многочисленный, не в состоянии получить власть над каким-либо другим народом, но довольствуется тем, что может продолжать править своим собственным; так же обстоит дело с фракийским царем в отношении фракийцев и с иллирийским царем в отношении иллирийцев; и так же обстоит дело с другими народами, о которых я слышал; ибо, по крайней мере, народы Европы, как говорят, независимы и отделены друг от друга. Но Кир, обнаружив, что народы Азии также независимы, и выступив с небольшой армией персов, по их собственному выбору получил власть над мидянами и аналогичным образом над гирканами; он покори́л сирийцев, ассирийцев, арабов, каппадокийцев, фригийцев, лидийцев, карийцев, финикийцев и вавилонян; под его властью находились бактрийцы, индийцы и киликийцы, а также саки, пафлагонцы, магадиды и многие другие народы, которых мы не можем перечислить даже по именам. Он владел греками, поселившимися в Азии, а также, спустившись к морю, киприотами и египтянами. Он правил этими народами, хотя они не говорили ни на одном языке с ним, ни между собой; тем не менее, он сумел распространить страх перед собой на такую большую часть мира, что поразил всех, и никто не осмеливался ничего предпринять против него. Он сумел вселить в всех такое сильное желание угодить ему, что они всегда стремились подчиняться его мнению; и он привязал к себе столько народов, что перечислить их было бы трудной задачей, в каком бы направлении мы ни начали наш путь от его дворца, будь то на восток, запад, север или юг.⁴

Современная оценка характера и значения Кира

Гигантская фигура Кира Великого выглядит еще более величественной в лучах солнца [на фоне окружающей мрачности]. Его по праву называют Великим, поскольку он принадлежит к небольшому числу бессмертных, которым человечество не может отказать в этом высшем титуле. Если он велик, то только потому, что он достиг неслыханного успеха с помощью незначительных средств. С помощью своего сына и товарищей он основал империю, которой ассирийцы никогда не обладали даже в дни своего наивысшего могущества: империю, простиравшуюся от Понта Эвксинского до Мероз, от Кирены до Оксуса и Инда; первую *мировую империю*, царство Александра до времени Александра.

Но он не был, как последний, противником огромной и разваливающейся монархии, уже находящейся в агонии, легкой добычей для любого вождя наемников, что и доказали Агесилай в Малой Азии и Аминф в Египте; он не был, как Александр, победителем над небольшой, доминирующей нацией, которая в награду за свою узколобую политику осталась в одиночестве в последней решающей битве, в то время как он сам располагал армией с лучшим *боевым духом* и большим мастерством, с лучшим оружием и превосходством в численности — действительно подавляющей силой. Напротив, он возглавил горстку персов против четырех народов, крупнейших и могущественных в то время; против двух держав, которые победили величайшее из всех военных государств, держав, которые уничтожили Ашшур. Два восходящих царства Мидия и Лидия были в полном расцвете своей молодости и мчались от победы к победе, от завоевания к завоеванию; мощь и процветание двух древних цивилизованных народов Нила и Евфрата датировались самым началом истории и возрождались заново и становились еще более грозными после каждого поражения; но он навсегда поверг их всех в прах.

Он был великим, если великим можно назвать того, кто сражается и даже гибнет во имя справедливости. Он не проконсул, который, как матереубийца, обращает против республики меч, доверенный ему ею; он не был албанским вождем, франкским королем или монгольским ханом, чтобы нападать на чужие страны с целью удовлетворения жажды добычи и вожделения войны, свойственных его расе; он был королем, который, подвергшись нападению Мидии, коалиции Лидии с Вавилоном и Египтом, только вытащил меч в защиту двойной короны своих предков — самого законного из всех завоевателей.

Более того, он был самым гуманным. Его щит не запятнан ужасными кровавыми деяниями, страшной местью и жестокостью, которые порочат сына Олимпиады. Он щадил побежденных врагов и дарил им подарки. Даже после второго порабощения вероломных лидийцев он не позволил уничтожить их тысячами, как сделал Александр в случае с героями Тира, с пасаргадами, которые остались верными даже до самой смерти, с персидской знатью или с согдийцами в отместку за их победу, как даже великий римлянин убил своих врагов в Тапсусе и преданных усипетов, и как франки убили саксов в резне на Аллере. Он не сжигал и не разрушал вражеские столицы, как македонец в Персеполе; он не калечил пленных царей и вождей, не таскал их по стенам, как последний поступил с Бессом и львом Газы; не посылал их на эшафот, как римлянин послал рыцарственного царя арвернов; он не убивал подло своих соотечественников, как «безумный бог» Александр убил Бранхидов, Клита и седовласого Пармениона. Несмотря на то, что он был восточным человеком, принадлежал к дикому народу и жил в гораздо более ранний период, он все же был гораздо более гуманным.

Таким образом, он был величайшим, далеко превосходящим дух своего народа и своей эпохи, предвосхищающим самое отдаленное будущее как человек и как государственный деятель. Поскольку никакой широкий поток крови не отделял его от побежденных, он нашел единственно возможную основу для своего гигантского сооружения в предоставлении равных привилегий завоевателям и завоеванным. С уверенностью в победе, смелым доверием, присущим величайшим, он мог видеть и щадить подданного во враге, сразу поднимать побежденных до ранга граждан, доверять свою армию Мазару Медею и Харпагу, медийскому вельможе, принцу и генералу; в недавно завоеванной Лидии он мог рискнуть наделять лидийских династов гражданской властью и устанавливать в качестве правителей в Ионии местную аристократию, а в Иудее — потомков древних царей и первосвященников.

В соответствии с его учением его сын прошел в праздничной процессии народа в недавно завоеванном Вавилоне, а после завоевания Египта передал гражданскую администрацию со столицей в Саисе египтянину адмиралу Псамтеке, Узахорсему, сыну первосвященника Саиса, который занимал эту должность как «двоюродный брат царя», т. е. наместник, и после ухода которого египетский принц Аахмес был связан с персидским Ариандесом.

Таким образом, Кир разделил гражданскую и военную администрацию, что было новым явлением среди восточных народов и долгое время оставалось непонятым и неповторимым. Военную власть он оставил за своими верными мидянами и персами; гражданскую он передал местным князьям и таким образом создал автоматическую систему, которая стала лучшим оплотом против потери приграничных провинций, оплотом, который все ошибки, преступления и трусость его преемников разрушили только по истечении двухсот лет — результат, действительно отличный от эфемерного творения, которое Александр укрепил кровью целых народов.

Но мягкость и милосердие также составляли лучшую политику. Для победы над противниками без сражения они были самым острым оружием, которым владел властный

человек, вызывавший не только восхищение своего народа, но и ставивший своих врагов на колени, и показывал свою победу в свете неизбежного приговора судьбы, тем самым вселяя уныние и предательство в ряды врага. Кто может сравниться с ним? Он не только любим своим народом как отец, несравненный во всех отношениях, не только все великолепие истории окружает его, как Александра и Карла Великого, но и легенды сгрудились вокруг него, а поэзия Ксенофонта и Антисфена прославляет и идеализирует его. Мидийский принц и египетский адмирал, знать и священники Вавилона, а также греческие военачальники царей Лидии и Египта, вместе с Эврибатом из Эфеса и Фаном из Галикарнаса, добровольно бросаются к его ногам, предавая своих собственных правителей; без борьбы величайшие империи, два завоевателя Ниневии, сдаются ему и отдают ему своих царей в цепях, как это не было сделано ни с кем другим; даже Тир, этот гордый и могущественный город, непокоренный и непобедимый, с чьим львиным мужеством его предшественник и преемник, Навуходоносор и Александр, боролись так яростно и так долго, по собственной воле принес ему дань уважения, как и морской царь Самоса, который был так же недосыгаем, как и сам Тир. Прежде всего, маленький народ евреев приветствовал его у вод Вавилона, как они не делали ни с одним смертным до или после, как победителя и спасителя, освободителя и спасителя, избранника Бога и повелителя земли.

Он вознаградил их за это и таким образом приобрел для себя самое возвышенное, самое бессмертное величие: среди всех правителей Востока, которых мы видим завоевывающими, разрушающими, убивающими и депортирующими, он единственный, кто поднял угнетенный народ из праха, спас его от судьбы уничтожения, восстановил его существование как нации под властью князей своей расы, его собственное особое развитие и его миссию в истории мира. Он спас ее, как спас свой собственный народ, который обязан ему своим посвящением в вечную молодость в истории; так что, несмотря на все бури, которые бушевали над ней, она избежала судьбы тысячи племен, которые пересекали обширную страну Иран до и после нее, а теперь исчезли и забыты.

Таким образом, последствия его достижений являются долговечными, хотя в течение тысяч лет сами эти достижения исчезли, как и все земные вещи. Он не был продуктом и ребенком своего времени, как сын Филиппа, племянник Мария, сын Пепина или потомок Революции: он был его создателем и отцом, одиноким и уникальным в мировой истории; он крепче, чем любой другой смертный, держал в руках колесо времени; за время своей жизни он завершил одну эпоху, отнял власть над землей у семитов и египтян и навсегда завоевал ее для ариев.^f

КАМБИЗ

[529-525 гг. до н.э.]

Кир завещал корону своему старшему сыну, Камбуджие, которого греки называли Камбизом, а управление несколькими провинциями — своему второму сыну, Бардию (Смердису). Он полагал, что такое предварительное решение вопроса о престолонаследии предотвратит споры, которые обычно возникают при вступлении на престол нового царя на Востоке. Но эта надежда не оправдалась. Камбиз едва вступил на престол, как убил своего брата, но преступление было совершено с такой осторожностью и в такой тайне, что осталось незамеченным для народа, и подданные и придворные полагали, что Бардий заперт в каком-то отдаленном дворце в Мидии, откуда он вскоре появится.

Избавившись от соперника, который мог представлять опасность, Камбиз полностью сосредоточился на войне. Единственная из великих держав древнего мира, Египет, защищенный пустыней и болотами дельты, смог противостоять могуществу персов и мирно

следовать по пути своего развития. С момента своего неудачного вторжения в Лидию Аахмес всегда избегал любых поводов для конфликтов со своими соседями. Его амбиции не выходили за рамки восстановления старого сюзеренитета Египта над Кипром. Благодаря этой осторожности он жил в дружеских отношениях с Киром и воспользовался двадцатью пятью годами спокойствия, чтобы развить природные ресурсы своей страны. Были отремонтированы и расширены каналы, поощрялось развитие сельского хозяйства и расширялась торговля.

Но было невозможно противостоять ненависти своих подданных, и она привела его к гибели. После смерти Кира Аахмес смирился с войной. Серьезных обвинений против него было достаточно: он заключил союз с Лидией, интриговал с Халдеей, а Камбиз, будучи молодым, был более склонен возбуждать, чем успокаивать воинственный дух своих соотечественников. По словам персов, Камбиз просил руки дочери старого царя, надеясь, что его отказ даст ему повод для мести. Но Аахмес подменил свою дочь Нитетис, дочерью Уа-аб-Ра. Некоторое время спустя, когда Камбиз был с ней, он назвал ее именем ее мнимого отца, на что она ответила: «Я вижу, о царь, что ты не подозреваешь, как тебя обманул Амасис [Аахмес]; он взял меня, нагрузил драгоценностями и послал к тебе как свою дочь. Правда, я дочь Априса [Уа-аб-Ра], который был его господином и хозяином, пока не взбунтовался и не был казнен вместе с другими египтянами». Это возмутило Камбиза, сына Кира, и он поднял войско на Египет.

В Египте история была другой: Нитетис была отправлена к Киру, и она была матерью Камбиза, а завоевание было лишь восстановлением законной семьи против узурпатора Аахмеса; и таким образом Камбиз взошел на престол не столько в качестве завоевателя, сколько в качестве внука Уа-аб-Ра. Именно с помощью столь же наивной выдумки египтяне в период своего упадка утешали себя за свою слабость и позор. Всегда гордясь своей былой славой, но отныне неспособные побеждать, они притворялись, что были побеждены и управляемы только самими собой. Не Персия навязала Египту своего царя, а Египет одолжил своего Персии, а оттуда — всему остальному миру. Пустыня и болота составляли идеальный бастион для дельты против нападений азиатских князей. Между последним важным гарнизоном Сирии и озером Сербон, где располагались египетские аванпосты, было девяносто лиг расстояния, которое ни одна армия не могла преодолеть менее чем за три недели. В прошлом пустыня была меньше, но вторжения ассирийцев и халдеев обезлюднили страну и передали кочевым арабам регионы, которые раньше были вполне доступны. Однако непредвиденное событие показало Камбису выход из затруднительного положения. Фанес из Галикарнаса, один из генералов Ахмеса, дезертировал и бежал в Персию. Он был человеком рассудительным и энергичным и хорошо знал Египет. Он посоветовал царю подружиться с шейхом, правившим побережьем, и получить у него пропуск; так что араб разместил вдоль всей дороги верблюдов, нагруженных водой, достаточной для всей армии.

[525-523 гг. до н. э.]

Прибыв в Пелузий, персы узнали, что Аахмес мертв и что он был убит Псамтеком III. Несмотря на свою уверенность в богах и в себе, египтяне теперь начали тревожиться. Им угрожали не только народы Тигра и Евфрата, но и вся Азия и Геллеспонт, которые, казалось, были готовы вторгнуться в их страны. Союзники, на которых рассчитывал Аахмес, такие как Поликрат из Самоса, и старые подданные, такие как жители Кипра, отказались от его дела, которое теперь казалось безнадежным, и предоставили персам свои войска. Народ, охваченный страхом перед захватчиком, рассматривал малейшие явления природы как плохой знак. Дождь в Фивах — явление редкое, а бури случаются не чаще одного-двух раз в столетие; поэтому, когда через несколько дней после вступления на престол Псамтека «в

Фивах прошел проливной дождь, что было редким явлением, битва под Пелузием велась с отчаянной храбростью».

Фанес оставил своих детей в Египте. Его старые солдаты, карийцы и ионийцы, служивших фараону, убили их на его глазах, вылили их кровь в кубок, наполовину наполненный вином, и, выпив эту смесь, бросились как сумасшедшие в самую гущу сражения. К вечеру египетские ряды начали колебаться, и началось бегство. Вместо того чтобы собрать остатки своих сил и защитить проход через каналы, Псамтек потерял голову и укрылся в Мемфисе. Камбиз послал требовать его капитуляции, но обезумевший народ убил послов. После нескольких дней осады город открыл ворота, и Верхний Египет сдался без дальнейшего сопротивления; а ливийцы и киренцы предложили дань, даже не дожидаясь, пока ее потребуют. Говорят, что через десять дней после капитуляции Мемфиса завоеватель, желая проверить невозмутимость своего пленника, приказал своей дочери, одетой как рабыня, своим сыновьям и сыновьям главных египтян пройти мимо него по пути к месту казни. Но Псамтек смотрел на процессию, не проявляя никаких эмоций; однако, когда мимо него прошел один из его старых друзей, одетый в лохмотья, как нищий, он разрыдался и в отчаянии ударил себя в лоб. Камбиз, удивленный таким проявлением отчаяния у человека, который казался таким самообладающим, послал спросить его о причине его горя, на что тот ответил: «О сын Кира, мои личные несчастья слишком велики, чтобы плакать, но не так с несчастьями моего друга. Когда человек с порога старости падает из роскоши и изобилия в нищету, можно только плакать о нем». Когда посланник повторил эти слова Камбизу, он увидел их правду, и Крез был тронут до слез, ибо он был с Камбизом в Египте, и все присутствующие персы также начали плакать. Так Камбиз, тронутый состраданием, обращался со своим пленником как с царем и, вероятно, восстановил бы его на троне в качестве вассала, если бы не узнал о заговоре против него; поэтому он доверил управление Египтом персу Ариандесу.

Таким образом, впервые в истории человечества Старый Свет оказался под властью одного господина; но было невозможно удержать под властью одного правителя народы Кавказа и Египта, греков Азии Minor и иранцев Мидии, скифов Бактрии и семитов Евфрата, поэтому империя распалась так же быстро, как и образовалась.

Сначала Камбиз пытался завоевать расположение своих новых подданных, следуя их обычаям. Он принял двойной картуш, протокол и королевский костюм фараонов; и в двойной надежде успокоить их личную злобу и примирить лояльную партию, он отправился в Саис, осквернил гробницу Аахмеса и сжег его мумию; и, совершив этот посмертный акт справедливости, он с почтением отнесся к Ладике, вдове узурпатора, и отправил ее обратно к родителям. Он отдал приказ об эвакуации великого храма Нит, где были размещены персидские войска, к большому огорчению верующих, и за свой счет возместил им причиненный ущерб. Его рвение даже привело его к тому, что он получил наставления в египетской религии и был посвящен в тайны богини священником Узахаррасенти. Фактически, он действовал в Египте так же, как его отец в Вавилоне, и у него были свои причины для такого снисходительного отношения к побежденным, поскольку он надеялся сделать Мемфис и дельту Нила базой для своих операций в южной Африке. Он, казалось, мало заботился о добровольном подчинении Кирены; по крайней мере, дорийская традиция утверждает, что он презирал дары Аркесилая III и раздал своим солдатам горстями пятьсот мин (египетская мера) золота, которые принц заплатил ему в качестве дани. Греки Ливии не были достаточно богаты, чтобы вызвать интерес, но слава Карфагена, преувеличенная временем и расстоянием, возбудила его алчность. Карфаген тогда был на пике своего величия. Он управлял старыми финикийскими поселениями на Сицилии, в Африке и Испании, его флот имел непревзойденное господство над западной частью Средиземного моря, а его купцы проникали в далекие сказочные регионы южной Европы и Мавритании.

Сначала Камбиз хотел атаковать город с моря, но финикийцы, составлявшие его флот, отказались действовать против своей колонии. Вынужденный поэтому приблизиться к городу по суше, он послал в Фивы армию из пятидесяти тысяч человек, чтобы захватить оазис Аммона и расчистить дорогу для остальных войск. Судьба этого *авангарда* так и не была выяснена. Он пересек большой оазис и взял курс на северо-восток, к храму Аммона. Местные жители рассказывают, что на полпути его застала суданская буря, и он был погребен под кучами песка. Эта история, вероятно, была правдивой, поскольку он так и не достиг оазиса и не вернулся в Египет. Экспедиция на юг обещала быть более удачной, так как казалось, что достичь сердца Африки не составит большого труда, если идти вверх по Нилу. Камбиз поручил шпионам исследовать страну, и их отчет побудил его выступить из Мемфиса во главе армии. Экспедиция была частично успешной, а частично неудачной. По-видимому, захватчики поднялись по Нилу до Напаты, а затем продвинулись через пустыню в направлении Бериу; их запасы провианта иссякли, когда они прошли четверть пути, и голод заставил их отступить, унеся несколько жизней. Результатом экспедиции стало подчинение кантонов Нубии, ближайших к Сиене, персидскому господству; однако египетский народ, всегда склонный верить неблагоприятным сообщениям о своих господах, принял во внимание только неудачу в Бериу.^[30]

Камбиз с детства страдал приступами эпилепсии, во время которых он был в ярости и не осознавал своих действий. Неудача его усилий в Африке усугубила его болезнь и увеличила частоту и продолжительность приступов; он утратил свою прежнюю политическую власть и дал полный волю своему природному вспыльчивому характеру. Бык Апис умер во время его отсутствия, и по истечении установленного срока траура по умершему был установлен новый Апис, когда персидская армия вернулась из Мемфиса.

Увидев, что город *празднует*, Камбиз подумал, что его радуют его несчастья, и, не выслушав объяснений, приказал привести магистратов и жрецов и приговорил их к

наказанию. К нему привели быка, и он пронзил ему бедро кинжалом. Животное скончалось через несколько дней, и это святотатство вызвало среди верующих большее возмущение, чем разорение страны. Ненависть народа усилилась, когда он увидел, что завоеватель теперь так же активно оскорбляет его божеств, как раньше стремился их умиловить. Он вошел в храм Птаха и высмеял гротескные формы, в которых почитали этого бога. Он осквернил древние гробницы, чтобы осмотреть мумии. Даже арийцы и люди из его двора не были в безопасности от его ярости. Он убил свою собственную сестру, на которой женился, несмотря на закон, запрещающий браки между детьми одного отца и одной матери. Он убил сына Прексаспа [выпустив стрелу в его сердце, чтобы доказать, что его меткость не ухудшилась от выпитого^[31]], похоронил заживо двенадцать персидских генералов, приказал казнить Креза, а затем, раскаявшись в своей поспешности, осудил офицеров, которые не выполнили приказ, о котором он пожалел. Египтяне утверждали, что боги поразили его безумием в наказание за его кощунственное поведение.

[522 г. до н. э.]

Поскольку на берегах Нила его больше ничего не удерживало, он отправился в обратный путь в Азию. Прибыв на север Сирии, он встретил глашатая, который провозгласил на слух всей армии, что Камбиз, сын Кира, перестал царствовать, и теперь вместо него царем стал Бардий, сын Кира. Камбиз сначала подумал, что его приказы не были выполнены и что жизнь его брата была пощажена человеком, посланным убить его. Но вскоре он узнал, что его приказы были выполнены слишком точно, и он сожалел о бесполезном преступлении, когда обнаружил, что узурпатором был некий Гаумата, или Гометес, настолько поразительно похожий на Вардия, что народ легко дался обмануть. У этого Гауматы был брат Патизейф, которому Камбиз доверил заботу о своем доме. Оба они знали о смерти Бардия, но понимали, что большинство персов все еще не знают о его смерти и верят, что принц все еще жив.

Поэтому Гаумата в начале марта 522 года поднял восстание в городе Пасаргада, и после небольшого колебания Персия, Мидия и вся империя объявили о своей поддержке и торжественно приняли его 9-го числа месяца Гармапада (июль) 522 года. Полностью подавленный таким поворотом событий, Камбиз взял на себя командование войсками, которые остались ему верны, но умер при загадочных обстоятельствах. Надпись в Бехистуне, по-видимому, намекает на то, что он лишился жизни собственной рукой в приступе отчаяния. Геродот говорит, что, когда он садился на лошадь, его кинжал вошел в бедро в том же месте, где он заколол быка Аписа.

«Чувствуя, что смерть близка, он спросил, как называется место, где он находится, и ему ответили, что это Экбатана». Некоторое время назад оракул в Буто предсказал ему, что он закончит свои дни в Экбатане. Он всегда думал, что Экбатана находится в Сирии, поэтому, услышав название этого места, он вспомнил слова оракула и сказал: «Именно здесь суждено умереть Камбизу, сыну Кира»; и через двадцать дней он скончался, не оставив потомства и не назначив преемника.⁴

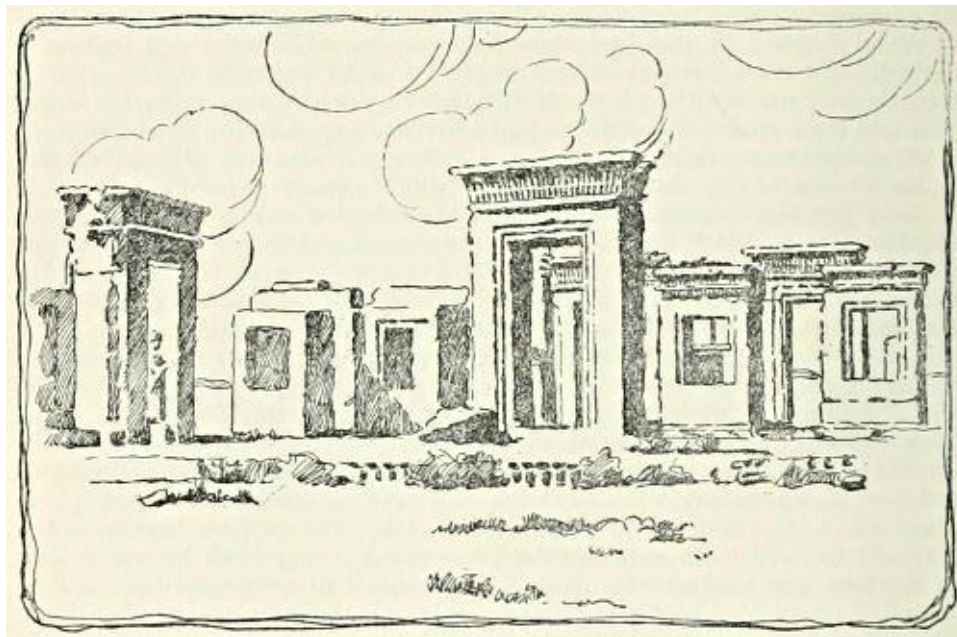
СНОСКИ

[29] [Или, скорее, как считают современные авторитетные источники, Элама.]

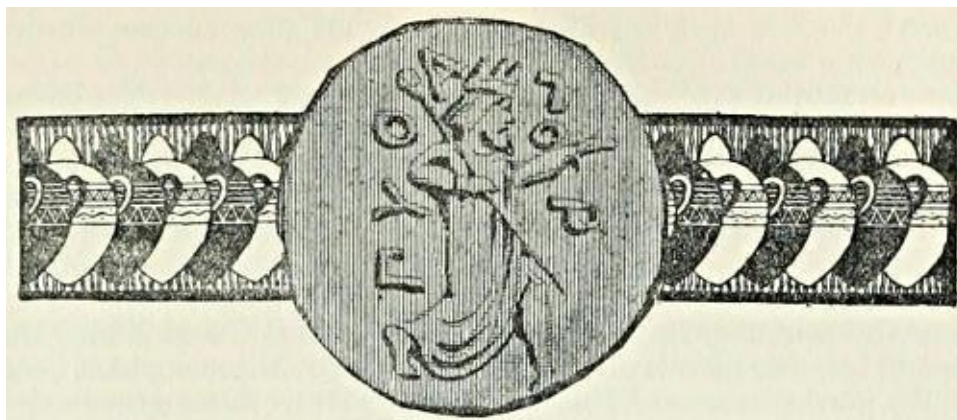
[30] [Точные результаты экспедиции в Эфиопию всегда были предметом исторических споров. Доктор Прасек недавно провел наиболее критический анализ всех древних источников и пришел к следующему выводу: «Похоже, нет никаких веских причин сомневаться в том, что Камбиз достиг Напаты и сверг старое эфиопское царство, которое, конечно, позже было восстановлено в Мерое. Но, возвращаясь через песчаную пустыню в ужасной летней жаре, персидская армия

вынуждена была терпеть мучительную жажду, и ее ряды были значительно порежены». — *Kambyses und die Ueberlieferung des Altertums.*

[31] [См. Геродот, Книга III, гл. 35.]

Руины дворца Дария, Персеполь

ГЛАВА IV. ПЕРСИДСКАЯ ДИНАСТИЯ: ОТ ДАРИЯ I ДО ДАРИЯ III

Восстание Гауматы или Гомета часто считается своего рода национальным движением, которое восстановило древнее господство мидийцев и на мгновение лишило персов империи Азии. Но Гаумата не был мидийцем; он родился в Персии, в маленьком городке Пасаргады, недалеко от горы Аракадрис. Сначала его приняли только в центральных и восточных провинциях (), но после смерти Камбиза он был признан и остальной частью империи. Он утверждал, что является Бардием (Смердисом), и этого было достаточно, чтобы завоевать уважение и верность персов. Кроме того, он не терял времени и уничтожал всех,

кого подозревал в том, что они лучше осведомлены, а страх заставил замолчать остальных. «Поэтому никто, ни среди персов, ни среди мидийцев, ни даже среди ахеменидов, не смел оспаривать его право». Он освободил завоеванные народы от уплаты налогов и военной службы на три года, чтобы привлечь их на свою сторону, и правил в течение шести месяцев, пока никто не заподозрил обман, и его считали законным наследником престола, сыном великого Кира и братом Камбиза.

Но доверие народа в конце концов пошатнулось, поскольку произошли определенные обстоятельства, которые подтвердили откровения, сделанные Камбизом незадолго до своей смерти и которые в то время были приписаны ненависти к его брату. Согласно обычаю, Гаумата получил вместе с короной гарем своего предшественника; было известно, что женщины были изолированы и не могли общаться ни друг с другом, ни с внешним миром, за исключением тайных посланников, и то с риском для жизни. Однако из гарема распространилась весть, что у самозванца Бардия были отрезаны уши, и этот факт показывал, что он не был сыном Кира. Дарий, сын Гистаспа, сатрап Гиркании, который утверждал, что является родственником королевской семьи, объединился с шестью самыми смелыми представителями высших персидских семей и в 521 году застал врасплох и убил Гаумату в его дворце Сикатханатви в Мидии.

ДАРИЙ I

[521-519 гг. до н. э.]

Говорят, что семеро согласились избрать правителем того из них, чья лошадь первая заржала при восходе солнца, и благодаря хитрости своего конюха корону получил Дарий. Затем, после провозглашения царем, Дарий очистил храмы, оскверненные его предшественником, и учредил праздник Магофония в память об убийстве, которое сделало его царем.

Две революции, следовавшие одна за другой, пошатнули власть персов. Империя, основанная Киром, мало чем отличалась от империй египтян и ассирийцев. Это был тот же набор провинций, управляемых полунезависимыми правителями, феодальными королевствами и полупокоренными городами и племенами. Эти буйные подданные с радостью приветствовали любой повод для восстания. Восстание вспыхнуло сначала в Сузиане под руководством некоего Атрины, потомка последней национальной династии. Из Сузианы зараза быстро распространилась на Вавилон, где Надинтабаира, сын Набонида, выступил претендентом на трон, на который он взошел под славным именем Навуходоносора III]. Доверив своим генералам сравнительно легкую задачу по покорению Атрины, Дарий сам взял на себя командование экспедицией в Халдею. Но Навуходоносор III хорошо использовал короткое время, которое персы потратили на переход через Ассирийскую равнину. Он уже занял сильные позиции на правом берегу Тигра, а его армию защищал флот вооруженных кораблей. Дарий, не рискуя атаковать его с фронта, разделил свою армию на небольшие отряды, некоторые на лошадях, а некоторые на верблюдах, и, ускользнув от внимания врага благодаря множеству своих маневров, ему удалось переправиться через реку. Халдеи тщетно пытались отбросить его обратно в воду. Они выстроились в строй и шесть дней спустя вступили во вторую битву при Зазану на берегах Евфрата (декабрь 521 года).

Навуходоносор был полностью разгромлен и бежал с некоторыми офицерами в Вавилон, где был схвачен и казнен по приказу завоевателя (519 г.). Легенды не замедлили приукрасить события этой войны, и менее чем через полвека появились сообщения о том, что когда Дарий достиг Вавилона, город был готов к сопротивлению. Жители

отремонтировали стены, перекрыли каналы, наполнили свои склады и амбары и избавились от всех бесполезных и лишних ртов путем всеобщей резни, включая всех женщин, кроме тех, которые были необходимы для выпечки хлеба. По прошествии двадцати месяцев персы не продвинулись дальше, чем в начале, когда Зопир, один из семерых, придумал план, который должен был обеспечить им успех. После того как ему отрезали нос и уши, а тело изрезали ударами кнута, он представился в городе беглецом, успешно командовал несколькими *вылазками* и, таким образом завоевав доверие осажденных, смог, находясь на страже, открыть ворота врагу. Три тысячи вавилонян были распяты, стены разрушены до основания, а город заселен иностранными колонистами. Предательство Зопира, о котором сообщает Геродот, вызывало восхищение в древности, но это лишь одна из тех историй, которые необходимо исключить из истории.

В разгар своего триумфа Дарий узнал, что война еще не закончена. Перс Мартия попытался поднять второе восстание в Сузиане, но оно было быстро подавлено самими сузианцами. Однако Мидия поднялась под предводительством некоего Фравартиша (Фраорта), который утверждал, что является потомком Киаксара, и провозгласил себя царем под именем Фраорта II. С момента правления Астиага в Мидии прошло недостаточно времени, чтобы мидийская знать отказалась от надежды вернуть себе верховенство, которое было у них отнято победой Кира; и они воспользовались случаем, чтобы поднять восстание, когда Дарий, после убийства Гауматы, уехал с лучшими своими войсками в Вавилон. Некоторые кочевые племена остались верными, но все оседлые мидийцы присоединились к претенденту, и восстание распространилось на Армению и Ассирию; и даже там, где власть Фраорта не была признана, последовали примеру восстания. Хитратама также объявил себя потомком Киаксара и поднял восстание в Сагартии, а Фрада возглавил восстание в Магиане. Для Дария было бы фатальным, если бы восстание распространилось на западные сатрапии, но, к счастью, они остались верными. Орет, правитель Лидии, занял независимую позицию и стал угрожать опасностью; Багай передал в Сарды королевский приказ об освобождении правителя от должности, после чего все копья были немедленно опущены. Воодушевленный этим успехом, Багай передал секретарю письмо, в котором было написано: «Царь Дарий приказывает персам в Сардах убить Орета», и они вытащили мечи и убили его.

[520-518 гг. до н. э.]

Несколько сражений его полководцев с войсками самозванца не принесли большого успеха; Фраорт сохранил свои позиции в Армении, а его упорное восстание побудило Парфию и Гирканию поддержать его дело. Сама Персия начала отчаиваться в успехе и думать о том, чтобы иметь другого царя; и многие люди не верили, что прямая линия потомков Кира закончилась с Камбизом.

Узурпация и падение Гауматы, а также вступление на престол Дария не поколебали их веру в существование Бардия. Обман Гауматы не обязательно означал смерть Бардия. Поэтому, когда некий Вахьяздата появился как младший сын Кира, его приняли с энтузиазмом.

Неминуемая опасность заставила самого Дария выйти на поле боя; он покинул Вавилон, проник в Мидию через ущелье Керенд и разгромил врага недалеко от города Кундорус (520 г.). Фраорт бежал на север, несомненно, с намерением продолжить борьбу в горах. Он был схвачен недалеко от Раги и доставлен в Экбатану. Его наказание было ужасным: ему отрезали нос и уши, вырезали язык и выкололи глаза, приковали к воротам дворца, а когда народ насытился этим зрелищем, его пронзили колом; его главные сподвижники были либо пронзены колом, либо обезглавлены. Успех был столь же полным и быстрым в самой

Персии. Вахяздата совершил ошибку, разделив свои войска и отправив одну часть в Арахозию; поэтому, пока Артаварджия, победитель в Раче, а затем в Параге (520 г.), взял его в плен в замке Увадешая, сатрап Арахозии победоносно отразил вторжение (519 г.).

Но казалось, что одна война порождала другую. Эфемерный успех второго псевдо-Смердиса вызвал появление второго ложного Навуходоносора, ибо Дарий едва покинул Вавилон, как армянин Араха представился народу сыном Набонида, но был легко побежден и казнен. Покорение других провинций было довольно легким. Хитратама искупил свое восстание на костре; Гистасп, отец Дария, вскоре подавил Гирканию (519 г.); Дадаршис, сатрап Бактрии, легко преодолел сопротивление Фрады (519 г.); и войны закончились.

Организация империи Дария

Урок этих первых лет не был утрачен завоевателем. Империя Кира включала, помимо стран, управляемых персидскими чиновниками, вассальные царства и города, а также подданные народы, которые находились под прямым правлением суверена, а не под властью сатрапов провинции, которая была резиденцией их владений. Это была система правления, практиковавшаяся Тиглатпилесером III и принятая Персией от Вавилона и Экбатаны.

[515 г. до н. э.]

Дарий не пытался подчинить себе народы, населявшие его владения; напротив, он поощрял людей сохранять свои языки, обычаи, и религии, свои законы и особые конституции. Евреям было разрешено завершить строительство храма; греки Азии сохранили свои различные формы правления; Финикия сохранила своих царей и суффетов, а Египет — своих наследственных номархов. Но над всеми этими местными властями существовала единая власть, превосходящая все остальные и одинаковая везде. Территория была разделена на правительства, число которых менялось со временем. Изначально их было двадцать три. Число этих правительств, или сатрапий, было увеличено до тридцати одного благодаря завоеваниям Дария.

Если бы каждая из этих сатрапий управлялась отдельным правителем, наделенным королевской властью и суверенным во всем, кроме имени и титула, империя рисковала бы вскоре развалиться на хаотичное собрание княжеств, вечно борющихся с Персией. Но Дарий избегал объединения гражданской и военной власти в одном лице. Он поместил в каждое правительство трех чиновников, посланных непосредственно из двора и совершенно независимых друг от друга — сатрапа, королевского секретаря и генерала. Сатрапы выбирались королем. Их могли брать из любого сословия нации, из бедных, как и из богатых, из иностранцев, как и из персов; но было принято назначать на самые важные сатрапии лиц, связанных кровными узами или браком с королевской семьей. Они не назначались на определенный срок, а оставались в должности до тех пор, пока царь не пожелал их сместить. Они обладали полной гражданской властью, имели дворцы, парки, двор, телохранителей и многочисленные гаремы; они взимали налоги по своему усмотрению, вершили правосудие и имели власть над жизнью и смертью.

В их распоряжении был королевский секретарь, и этот человек, якобы выполнявший обязанности канцлера, на самом деле был шпионом, который следил за действиями и поведением всех, чтобы иметь возможность докладывать о них в нужные инстанции.

Персидские солдаты, местные войска и наемники, расквартированные в провинции, находились под командованием генерала, который часто был враждебно настроен по

отношению к сатрапу и секретарю. Таким образом, эти три соперника уравнивали друг друга и сдерживали друг друга, и поэтому восстание было, если не невозможным, то, по крайней мере, затруднительным. Они находились в постоянной связи с двором с помощью регулярных курьеров, которые доставляли их депеши из одного конца страны в другой за несколько недель. В качестве дополнительной меры предосторожности Дарий ежегодно посылал в провинции офицеров, которых он называл своими «глазами и ушами», потому что они были уполномочены видеть и слышать для него то, что происходило в самых отдаленных частях королевства. Они появлялись в самые неожиданные моменты, изучали положение дел, реформировали любые детали управления, в случае необходимости выносили выговоры и отстраняли сатрапов от должности, и их сопровождал отряд войск, чтобы поддержать их решения и придать вес их советам, которые в противном случае могли бы оказаться недостаточными. Неблагоприятный отчет, незначительное неповиновение или даже просто подозрение в неповиновении были достаточными причинами для гибели сатрапа, поскольку он был смещен с должности или, что чаще, приговорен к смерти без суда, а его свита получала приказ исполнить приговор. Курьер прибывал внезапно, стража получала приказ убить своего начальника и немедленно исполняла королевский указ.

[515-512 гг. до н. э.]

Эта административная реформа не понравилась персам, и они пытались компенсировать свое вынужденное повиновение насмешками над королем. «Кир, — говорили они, — был отцом, а Камбиз — хозяином, но Дарий был лишь жадным до наживы трактирщиком». Деление империи было сделано не столько в политических целях, сколько для получения финансовой выгоды, и главной обязанностью сатрапов было начислять, собирать и сдавать налоги. Сама Персия была освобождена от регулярного налогообложения, и от народа требовалось только делать царю подарок каждый раз, когда он пересекал страну. Подарок был пропорционален состоянию человека и иногда состоял всего лишь из быка, овцы или даже небольшого количества молока или сыра, нескольких фиников, горстки муки или овощей; но другие провинции облагались налогом в зависимости от их размера и богатства, причем дань выплачивалась частично натурой, а частично деньгами. Доход в деньгах достигал 1460 евбейских талантов, или почти 28 000 000 фунтов стерлингов. Чтобы облегчить платежи, Дарий ввел в обращение золотые и серебряные монеты, названные в честь него. Эти дарки были отчеканены с изображением царя, держащего лук или копье. Они были толстыми, неровными и неуклюжими, но из чистого металла. Монеты не были в общем обращении, но использовались для оплаты солдат и моряков и были распространены на побережьях Средиземного моря. В глубине Азии металлы ценились по весу для торговых сделок и повседневной жизни, и сами цари предпочитали иметь их в необработанном виде, поскольку они переплавляли их, помещали в глиняные сосуды и чеканили монеты в соответствии с потребностями или прихотями момента. Дань натурой была не меньше, чем денежная. Египет поставлял зерно для 120 000 военных, которые его оккупировали; мидяне ежегодно давали 100 000 овец, 4000 мулов и 3000 лошадей; армяне — 30 000 кур, жители Вавилона — 500 молодых евнухов; Киликия — 365 белых лошадей, по одной на каждый день года. Королевские налоги не были чрезмерными, но сатрапы не получали зарплату от государства, и они и их свиты жили и получали свои высокие вознаграждения за счет сатрапий. Одно только правительство Вавилона должно было ежедневно выплачивать полную артабу серебра. Египет, Индия, Мидия и Сирия давали не намного меньше; и самые бедные провинции не были наименее обложенными налогами, поскольку сатрапы рассчитывали получать не меньше, чем король.

Несмотря на свои недостатки, эта система была предпочтительнее той, которая до сих пор применялась на Востоке, поскольку она обеспечивала царю регулярный доход, держала

провинции под его властью и делала национальные восстания очень затруднительными. Смерть каждого царя больше не сопровождалась восстаниями, на подавление которых уходила большая часть следующего правления. Дарий не только прославился организацией Персидской империи, но и изобрел форму правления, которая впоследствии послужила образцом для великих восточных государств. Его слава как администратора даже затмила его военную известность, поскольку часто забывают, что он увеличил свою империю, одновременно упорядочив ее управление.

Позднейшие завоевания Дария

Победы Дария оставили персам только Индию на востоке и Грецию на западе, куда они могли расширяться, поскольку их территории в других направлениях простирались до морей или до преград, непреодолимых для тяжелых армий того времени. Империя граничила на севере с Черным морем, Кавказскими горами, Каспийским морем и степями Тартарии, а на юге — с Эритрейским морем, песчаным плато Аравии и пустыней Африки.

Примерно в 512 году персы, по-видимому, проникли дальше на восток. С высот Ирана они контролировали огромные равнины Пенджаба. Дарий вторгся в эту страну, завоевал ее и образовал из нее сатрапию Индии. Затем, вместо того чтобы осуществить свой замысел продвинуться за Ганг, он отправил исследователей в южные регионы. Флот, построенный в Пеукале и поставленный под командование греческого адмирала Скилакса Кариийского, спустился по Инд до его устья и подчинил племена, которые жили на берегах реки, а когда он достиг моря, он повернул на запад и менее чем за тридцать месяцев достиг побережья Гедросии и Аравии.

Персы могли бы сделать блестящую и прибыльную карьеру в Индии. Неизвестно, что помешало им продолжить свой первый успех и обратить внимание на Запад, где Дарий планировал завоевать греков Европы. Но перед тем, как отправиться в эту экспедицию, благоразумие подсказало ему завоевать или, по крайней мере, напугать народы, которые могли помешать его планам, и он напал на скифов.

Первая экспедиция под командованием Ариарамна, сатрапа Каппадокии, пересекла Понт Эвксинский, высадила несколько тысяч человек на противоположном побережье и взяла в плен нескольких человек, которые предоставили персидским полководцам необходимую информацию. Обладая этими знаниями, Дарий пересек Босфор с восемьюстами тысячами человек, подчинил восточное побережье Фракии и пересек Дунай по мосту из лодок, построенному греками Ионии. Скифы не хотели сражаться, но, уничтожив корм для скота и засыпав колодцы, они угнали свой скот и укрылись в глубине страны, оставив врага бороться с голодом и непроходимостью местности. [e]

Мы не можем останавливаться на подробностях этой кампании. Но есть один эпизод, описанный Геродотом, который необходимо привести из-за того интересного света, который он проливает на отношения между противниками.

«Скифы, — пишет Геродот, — обнаружив, что персы находятся в крайнем замешательстве, надеялись, что, задержав их дольше в своей стране, они в конце концов доведут их до крайнего отчаяния: с этой целью они время от времени оставляли без присмотра часть своего скота с пастухами и ловко отступали; персы с большим ликованием захватывали этот скот.

Это повторялось снова и снова; тем не менее, Дарий постепенно стал испытывать нужду почти во всем необходимом: скифские князья, зная об этом, послали к нему гонца с птицей, мышью, лягушкой и пятью стрелами в качестве подарка. Персы спросили посланника, что

это может означать, но тот заявил, что его задача заключалась только в том, чтобы доставить их и вернуться; однако он посоветовал им проявить свою проницательность и разгадать эту загадку.

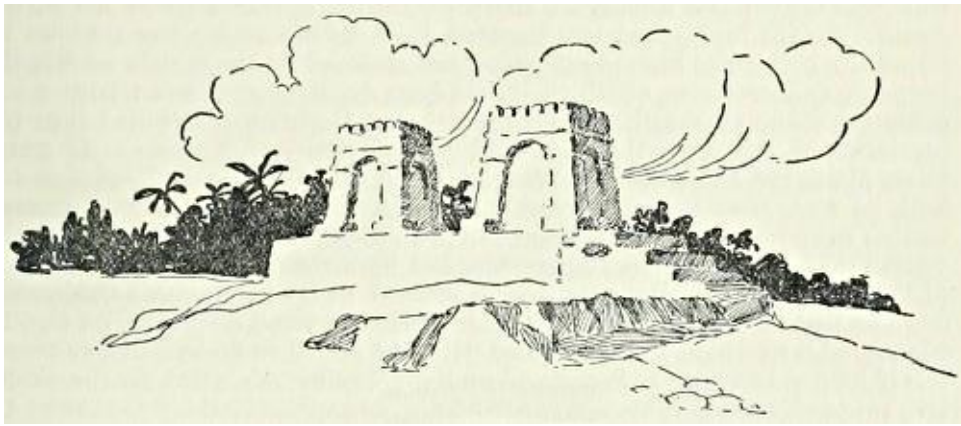
«Персы провели совещание по этому поводу. Дарий был того мнения, что скифы этим хотели выразить ему свою покорность и отдать ему землю и воду, которые он требовал. Мышь, как он объяснил, была рождена землей и питалась той же пищей, что и человек; лягушка была уроженкой воды; птица очень походила на лошадь; а, подарив стрелы, они намекнули на сдачу своей власти: таково было толкование Дария. Однако Гобрий, один из семерых, свергших Мага, так истолковал подарки: «Люди Персии, если вы не взлетите в воздух, как птицы, не укроетесь в земле, как мыши, или не прыгнете в болота, как лягушки, эти стрелы не дадут вам вернуться туда, откуда вы пришли». Это объяснение было общепринятым».

Этот причудливый рассказ предполагает, что персы находились в бедственном положении, но результат оказался менее катастрофическим, чем ожидали скифы. Дарий сумел снабдить свою армию провизией и в течение нескольких недель пересекал степи, проникнув, как предполагается, даже в самое сердце России, сжигая и грабя все деревни на своем пути, а затем без потерь вернулся на юг. Во время его отсутствия варвары умоляли греков разрушить их мост из лодок и вернуться в свою страну. Мильтиад из Афин, тиран фракийского Херсонеса, хотел удовлетворить эту просьбу, но Гистией из Милета выступил против этого плана, и его совет был принят. Дарий вернулся невредимым в Азию, оставив Мегабаза с армией в восемьдесят тысяч человек, с помощью которой он подчинил в Фракии одно племя и один город за другим, и в 506 году царь Македонии стал вассалом Персидской империи.

Скифская экспедиция обычно считается капризом деспота, но на самом деле это был хорошо продуманный и хорошо осуществленный план. Он принес Персии дополнительную провинцию Фракию, а также привел к состоянию мира, которое имело большое значение. Теперь скифы настолько устрасали персов, что границы отныне были полностью освобождены от их набегов, и Дарий мог свободно претворять в жизнь свои планы завоевания Запада.

[513-487 гг. до н. э.]

После завоевания Фракии и Македонии персы оказались в непосредственном контакте с собственно Грецией. Запланированное вторжение было предотвращено восстанием азиатской Греции. Нет необходимости приводить подробности восстания в Ионии. Впервые со времени вступления на престол Кира Персидская империя столкнулась с серьезным поражением, угрозавшим ее безопасности. Сарды были сожжены, Кария, жители Геллеспонта и Кипра сбросили иго Великого царя, и если бы они были менее разобщены, греки Азии, вероятно, остались бы свободными. После своего поражения Дарий решил отомстить афинянам и эретрийцам за участие в борьбе. Первая экспедиция под командованием Мардония закончилась неудачей (492 г.), а два года спустя Датис и Артаферн высадились в Аттике, где были разгромлены при Марафоне.^[32] Но старый царь не унывал и, посвятив три года сбору оружия, провианта, солдат и кораблей, в 487 г. отправился в поход, но был остановлен неожиданным событием. В Египте вспыхнуло восстание. Персы были изгнаны, а на египетский трон был возведен местный правитель Хаббаш, который сумел удержаться у власти в течение трех лет.

ДРЕВНИЕ ПЕРСИДСКИЕ АЛТАРИ

Дела в Египте после персидского завоевания

Чтобы понять ситуацию, мы должны кратко оглянуться назад. Камбиз доверил управление Египтом персу Ариандесу, и Дарий сначала был вполне доволен выбором своего предшественника, поскольку Ариандес не только остался верным своему царю, но и пытался продолжить завоевание Ливии с того места, где его оставил Камбиз. Дорийцы из Кирены, не одобряя легкого подчинения своего царя Аркесилая III иностранному игу, изгнали его из страны, и вернул его, а затем снова изгнал в Барку, где он был убит. Его мать, Феретима, прибыла в Египет и рассказала сатрапу, как Аркесилий стал жертвой своей дружбы с персами. Тогда Ариандс воспользовался возможностью расширить свою сатрапию за счет греков и послал против них все имевшиеся у него корабли и люди. Барка продержался девять месяцев и в конце концов пал в результате предательства, после чего некоторые отряды авангарда продвинулись к Эвесперидам. На обратном пути генералы задумали занять Кирену и, вероятно, сделали бы это, если бы официальный приказ не отозвал их в Египет. Переход через пустыню оказался почти смертельным, поскольку кочевники из Мормарики постоянно нападали на них с целью грабежа, но, несмотря на серьезные потери, им удалось вернуть в Барку часть людей в качестве пленных. Арианд отправил несчастных в качестве трофея Дарию, который отправил их в Бактриану, где они основали новую Барку. Но принц, который проводил победные кампании от своего имени, неизбежно навлек на себя немилость такого ревнивого человека, как Великий Царь, поэтому Арианд был вскоре казнен, и о причине его гибели ходили разные слухи. Одни говорили, что он был убит за то, что чеканил монету более чистого качества, чем та, что выпускалась королевским монетным двором; другие утверждали, что навлек на себя ненависть египтян своими злоупотреблениями, он был убит в момент, когда Египет был на грани восстания.

[522-487 гг. до н.э.]

После устранения своего соперника Дарий не сделал ничего, чтобы завоевать любовь своих египетских подданных или хотя бы сделать свое правление терпимым. Лучшим способом добиться успеха у самодостаточного, религиозного народа, такого как египтяне, было бы проявить большое уважение к богам и национальным царям, но, в отличие от Камбиза, он встал на сторону преследуемых жрецов. Камбиз изгнал главу священства Саиса в Элам, но Дарий велел ему вернуться и исправить бедствия, вызванные глупостью его предшественника. Так что первосвященник был сопровожден обратно в свой родной город, где он основал колледж иероглифики и вернул храму Нит имущество и доходы, которых он был лишен. Греческая традиция превосходит национальную, поскольку она сообщает,

что Дарий был посвящен в тайны египетской теологии и изучал священные книги. Кроме того, она утверждает, что, прибыв в Мемфис после смерти священного быка, он принял участие в всеобщем трауре и пообещал сто талантов тому, кто найдет нового Аписа. Перед отъездом из страны он посетил храм Птаха и приказал поставить его статую рядом со статуей Сесостриса. Но жрецы отказались это сделать, сказав: «Дарий не сравнится с деяниями Сесостриса, он не победил скифов, которых победил Сесострис», на что Дарий ответил, «что он надеется сделать столько же, сколько Сесострис, если проживет столько же, сколько прожил Сесострис», поэтому он подчинился исключительной гордости своих подданных, а египтяне выразили ему свою благодарность, добавив его к шести законодателям, память о которых они почитали.

Египет, безусловно, процветал под правлением Дария, и вместе с Киреной и Баркой он образовал шестую сатрапию империи, а нубийские племена, ближайšie к южной границе, были включены в эту провинцию. Губернатор, поселившийся в Белой стене, в старом дворце фараонов, командовал армией в сто двадцать тысяч человек, занимавшей три укрепленных лагеря царей Саитских номов, которые были Дафна и Мемфис на границе дельты и Элефантина на юге.

За пределами этих великих постов, где власть Великого Царя была полной, древняя организация Египта по-прежнему сохранялась: храмы имели свою собственность, вассалы были освобождены от обычных сборов, а дворяне были так же независимы в своих княжествах и готовы к восстанию, как и раньше. Ежегодная дань, которая была самой тяжелой после дани Халдеи и Ассирии, составляла не более семисот талантов серебра. К этой сумме следует прибавить стоимость рыбного промысла на озере Мерис (который, по словам Диодора, приносил один талант в день в течение всего года, а по словам Геродота — в течение шести месяцев паводка), 120 000 медимнов зерна для пропитания оккупационной армии и снабжение дворца селитрой и водой из Нила, и вся оценка была далеко не несоразмерной ресурсам страны. Но у них было несколько преимуществ, компенсирующих расходы на дань. Ведь теперь, объединившись с империей, простирающейся на три континента, регионы, которые до сих пор были для них недоступны, открылись для их промышленного экспорта, и они получили большую выгоду от того, что товары из Судана должны были проходить через их территорию, прежде чем поступать в большие склады Вавилона или Сузы, поскольку Истмус был одним из кратчайших путей для товаров из Индии или Аравии в районы Средиземноморья.

[486-485 гг. до н.э.]

Дарий завершил строительство канала от Нила до Суэцкого залива и вновь открыл дорогу от Коптоса до Красного моря. Он укрепил оазисы и построил в маленьком городке Хиб величественный храм Аммона, руины которого сохранились до наших дней. Но благодарность не могла погасить сильное стремление египтян к свободе. Поражение персов при Марафоне воодушевило их на попытку сбросить иго, и в 486 году они изгнали иностранные гарнизоны и провозгласили царем Хаббаша, который, вероятно, был потомком Псамтека. Но Дарий не хотел из-за этого прекращать вторжение в Грецию, и он собрал вторую армию и подготовился к двум войнам, когда умер на тридцать шестом году своего правления в 485 году.^e

В качестве эпитафии ему лучше всего подойдет одна из его собственных надписей, найденная в Бехистуне и переведенная сэром Генри Роулинсоном.

Я — Дарий, великий царь, царь царей, царь Персии, царь (зависимых) провинций, сын Гистаспа, внук Арсама, ахеменид.

Говорит царь Дарий: Моим отцом был Гистасп; отцом Гистаспа был Арсам; отцом Арсама был Ариарамн; отцом Ариарамна был Тейсп; отцом Тейспа был Ахемен.

Говорит царь Дарий: по этой причине нас называют ахеменидами; с древних времен мы были непокоренными (или мы произошли от них); с древних времен представители нашего рода были царями.

Говорит царь Дарий: В моем роду было восемь царей до меня, я девятый; мы были царями в течение очень долгого времени.

Говорит царь Дарий: По милости Ормузда я стал царем; Ормузд даровал мне империю.

Говорит царь Дарий: вот страны, которые попали в мои руки — по милости Ормузда я стал их царем — Персия, Сузиана, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет; те, что находятся у морей, Спарта и Иония; Армения, Каппадокия, Парфия, Зарангия, Ария, Хорасма, Бактрия, Согдиана, Саки, Саттагиды, Арахосия и Меки, всего двадцать одна (двадцать три?) страны.

Говорит царь Дарий: это страны, которые пришли ко мне; по милости Ормузда они подчинились мне — они принесли мне дань. То, что я сказал им, как ночью, так и днем, было ими выполнено.

Говорит царь Дарий: В этих странах я почитал и защищал всех, кто был истинной веры; всех, кто был еретиком, я полностью искоренил. По милости Ормузда эти страны, данные мне, радуются. То, что я им сказал, они выполнили.

Говорит царь Дарий: Ормузд даровал мне империю. Ормузд помог мне, пока я не завоевал эту империю. По милости Ормузда я владею этой империей.^d

КСЕРКС I

[484-480 гг. до н. э.]

До вступления на престол Дарий имел троих детей от своей первой жены, дочери Гобираса, и Артабазан, старший из них, долгое время считался наследником престола и, вероятно, исполнял обязанности регента во время скифского похода. Но во время восстания Хаббаша, когда Дарий должен был назначить своего преемника, Атосса (дочь Кира) показала ему преимущества выбора ее старшего сына Ксеркса, который родился в пурпуре и имел в жилах кровь Кира. Поскольку старый царь находился под ее влиянием, совет Атоссы был принят, и Ксеркс вззошел на престол без какого-либо сопротивления. Ему тогда было тридцать пять лет, и он считался самым красивым мужчиной своего времени, но был ленив и слаб характером.

Сначала он хотел отказаться от идеи военных кампаний, но советники его отца показали ему, что он не может оставить поражение при Марафоне без мести; и он был достаточно мудр, чтобы понять, что не сможет ничего сделать в Европе, пока не восстановит порядок в Египте.

Хаббаш сделал все возможное, чтобы подготовить ему горячий прием: он потратил два года на укрепление побережья дельты и разместил крепости в устье реки, чтобы предотвратить любое нападение с моря. Но все эти меры предосторожности оказались тщетными, когда настал момент действия, и он был легко побежден Ксерксом. Номы

дельты, которые приняли участие в восстании, были сурово наказаны, жрецы были освобождены, а храм Буто лишен своих сокровищ, и Хаббаш исчез посреди бедствия, и никто не знал, что с ним стало. Ахемен, брат царя, был тогда назначен сатрапом и принял меры для предотвращения второго восстания, но опять никто, казалось, не думал об изменении политического устройства страны, и номы остались в руках наследственных князей. Ксеркс, по-видимому, даже не подозревал, что, уважая местные династии, он сохранял вождей, всегда готовых принять участие в будущих египетских восстаниях. Поражение и исчезновение Хаббаша не дали Ксерксу полной власти. Классическая традиция сообщает, что он шокировал полемические настроения халдеев своей неосторожной любознательностью, поскольку вошел в гробницу Бела, но, несмотря на свои усилия, не смог наполнить сосуд в ней маслом. Если эта странная история не соответствует действительности, то нет никаких сомнений в восстании. Мегабиз, сын Зопира, который был сатрапом провинции по наследственному праву, обращался с городом с необычайной жестокостью: храм Бела был разграблен, статуя бога унесена, а его жрецы убиты, королевские гробницы были осквернены и разграблены, а часть населения была обращена в рабство.

[480-464 гг. до н. э.]

Наконец Ксеркс отправился в Европу во главе самой большой армии, которую когда-либо видели, и мы знаем, чем закончилась эта экспедиция. Увидев с высоты мыса Колиас уничтожение своего флота, он поспешно бежал и вернулся в Малую Азию, не дождавшись разгрома своих войск на суше. Говорят, что победы при Саламине и Платеях спасли Европу от варварства. Но это несправедливо по отношению к обеим странам, поскольку персы не были варварами в обычном понимании этого слова, потому что, хотя в некоторых отношениях они были менее культурными, чем греки, в других они превосходили их, и их культура была совершенно иного типа. Кроме того, это не говорит о жизнеспособности и гениальности Греции, если ее эволюция могла быть остановлена поражением и порабощением. Чтобы греческая цивилизация была уничтожена, греческая раса должна была бы быть полностью истреблена в результате вторжения в Азию. Персы не заботились об уничтожении целых народов, они настаивали только на дани и повиновении, и тогда каждая страна могла поступать по своему усмотрению. Если бы Ксеркс одержал победу, Эллада стала бы сатрапией, как Сирия и Халдея, и она не потеряла бы своих характеристик больше, чем эти страны, но, как Египет, она вскоре нашла бы возможность восстановить свою свободу. Персидское завоевание изменило бы политический курс греческой истории, но оно было бы бессильно остановить общее развитие цивилизации. Поражение Ксеркса привело к его немедленному отступлению от персидской границы, но некоторым его гарнизонам было позволено остаться в Византии до 478 года, в Эйоне до 477 года и в Дориске до 450 года и даже позже. Однако эта уступка была сделана скорее для того, чтобы успокоить гордость Великого царя, чем из-за какой-либо политической или военной необходимости. Ксеркс хотел думать, что у него все еще есть плацдарм в Европе, чтобы в любой момент он мог возобновить войну, но Фессалия, Македония и Фракия вскоре перестали признавать его власть, а афинский флот теперь угрожающе плавал там, где до сих пор беспрепятственно курсировали финикийские корабли. Если бы Греция была менее разобщенной и воспользовалась своими вновь завоеванными преимуществами, все колонии Малой Азии, вероятно, сбросили бы азиатское иго. Но Спарта не была заинтересована в дальних предприятиях, а Афины были достаточно заняты восстановлением своих стен и организацией флота, поэтому Персия избежала вторжения.

И все это время, пока судьба его империи висела на волоске, Ксеркс растрачивал то небольшое мужество и ум, которыми он обладал, на интриги и разврат в своем гареме. Война

продолжалась двенадцать лет, и он не предпринял ни одной попытки вторгнуться или хотя бы предотвратить вторжение. Около 466 года афинский флот, курсировавший вдоль побережья Карики и Ликии, столкнулся с флотом Великого царя, стоявшем на якоре в устье Эвримедона. Это была еще одна Микале — корабли были уничтожены, а афинские экипажи высадились на берег и разгромили персидскую армию. Затем завоеватель повернул к Кипру, рассеял второй флот из восьмидесяти парусных судов и вернулся в Пирей, груженный добычей. Ксеркс не прожил долго после этого унижения; в 465 году он был убит евнухом Аспамифром и капитаном гвардии Артабаном.

ПРЕЕМНИКИ КСЕРКСА

В ту же ночь убийцы отправились к младшему сыну, Артаксерксу, и, обвинив в преступлении другого сына, Дария, убили его под предлогом наказания за отцеубийство. Затем они попытались убить самого Артаксеркса, но были преданы одним из своих сообщников и казнены. Тогда сыновья Артабана, желая отомстить за своего отца, собрали войско, но погибли с оружием в руках. Гистасп, законный наследник престола, старший брат нового царя, который в момент смерти Ксеркса находился в Бактрии (), теперь прибыл во главе армии, чтобы отстаивать свои права, но он и его последователи были разгромлены в 462 году в двух кровопролитных сражениях.

Каждое событие, угрожавшее существованию или целостности империи, сказывалось на Египте, и еще до того, как ушло из жизни поколение, взявшееся за оружие за Хаббаша, новое поколение, уставшее от персидского ига, поднялось против Артаксеркса. После падения Саида Ливия была самым важным из феодалов дельты. Будучи хозяевами Марей и плодородных районов между Канопическим рукавом Нила и горой и озером Мареотис, ее правители, вероятно, имели сюзеренитет над Адирмахидами, Гилигаммами, Асбистами и большинством кочевых племен пустыни. Инар, сын Псамтека, который тогда был у власти, объявил войну персам, и население дельты, подвергавшееся жестокому обращению со стороны Ахеменидов, тепло приняло его, изгнало сборщиков налогов и взялось за оружие. С момента своей победы на Эвримедоне афиняне всегда держали эскадру у Кипра, и теперь их двести кораблей получили приказ отплыть в Египет и оставаться там в распоряжении повстанческих вождей. Артаксеркс приготовился лично принять командование военно-морскими и сухопутными силами, но в конце концов подчинился совету своих советников, которые посоветовали ему уступить свое место Ахемениду, своему дяде, который в панике бежал ко двору после первых успехов Инара. Ахемениду не составило большого труда отбросить ливийцев, но прибытие греков изменило ситуацию: он был разгромлен при Папремисе, а его армия почти полностью уничтожена. Инар убил его собственноручно в бою и отправил труп Артаксерксу, возможно, из хвастовства, а возможно, из уважения к крови своей жертвы. Несколько дней спустя афинский флот под командованием Харитимида столкнулся с финикийским флотом, спешившим на помощь персам, потопил тридцать кораблей и захватил двадцать. Затем союзники поднялись вверх по реке и появились в Мемфисе, где укрылись остатки персов, поскольку местные жители остались верны Великому царю. Город вскоре сдался, но крепость Белая стена закрыла свои ворота, и ее сопротивление дало Артаксерксу время собрать новые силы.

Прежде чем рисковать своими генералами в дельте, Великий царь послал своих послов в Грецию, чтобы попытаться купить помощь лакедемонян для вторжения в Аттику. Но спартанская добродетель оказалась устойчивой к персидским дарикам, поэтому войска Великого царя были собраны в Финикии и Киликии, а триста тысяч пехотинцев и флот из трехсот кораблей были поставлены под командование Мегабиза. При приближении врага союзники сняли осаду с Белой стены и, потерпев поражение в первом сражении, в котором был убит Харитимид, а Инар был ранен в бедро, они укрепились на острове Просопитис, где выдержали длительную осаду, длившуюся восемнадцать месяцев, которая закончилась тем, что Мегабизу удалось отвести один из рукавов реки, и афинский флот оказался на мели, что дало возможность штурмовать это место. Большинство греческих союзников погибли в сражении, но некоторым удалось вернуться в Кирену, а оттуда — в свою страну, а другие бежали вместе с Инаром и были вынуждены сдаться чуть позже. К их несчастьям добавилось то, что подкрепление из пятидесяти кораблей, прибывшее к устью Нила в Мендесе, было более чем наполовину уничтожено финикийским флотом. Складывая оружие, Инарус оговорил, что его жизнь и жизнь его товарищей должны быть спасены.

Сначала Артаксеркс, казалось, был склонен уважать условия капитуляции, но пять лет спустя он передал пленников своей матери Аместрис, которая распяла Инаруса, чтобы отомстить за смерть Ахемена.

ПЕРСИДСКИЕ НАДПИСИ ДАРИЯ И КСЕРКСА

(По слепкам из Британского музея, Лондон.)

[454-449 гг. до н. э.]

Победа в Просопите положила конец восстанию, и Таннир, сын Инара, был провозглашен царем Ливии вместо своего отца. Однако некоторые группы беженцев укрылись в болотах на побережье, которые часто служили убежищем для народа Саида, и, провозгласив Амиртая царем, они успешно отразили все нападения персов. Целостность империи была восстановлена, но война с греками продолжалась.

Через шесть лет после поражения афиняне оснастили флот из двухсот кораблей и поставили его под командование Кимона с приказом завоевать Кипр или, по крайней мере,

захватить несколько его городов. Кимон, желая разделить силы врага, послал эскадру из шестидесяти кораблей к царю Амиртаю, как будто собираясь возобновить кампанию в Египте, а затем с оставшимися людьми и кораблями осадил Китион. Вскоре после этого он умер от ранения, и из-за нехватки провианта его преемники были вынуждены снять осаду; но, проплывая мимо Саламина, они разгромили финикийский и киликийский флот, а затем высадились на берег и разгромили персидскую армию, расположившуюся недалеко от города. Артаксеркс был подавлен этим последним поражением и, опасаясь, что афиняне, завладев Кипром, захватят Египет, который всегда был недоволен, решил заключить мир любой ценой. Таким образом, мир был заключен на условиях предоставления свободы грекам Азии, запрета на приближение персидской армии к ионическому побережью на расстояние более трех дней пути и запрета на плавание персидских военных кораблей в греческих водах, простирающихся от восточной оконечности Ликии до входа в Босфор.

Этот договор 449 года положил конец первой войне между персами и греками, которая длилась с момента сожжения Сард до семнадцатого года правления Артаксеркса, с 501 по 449 год.

Восточные империи не могли существовать без постоянных войн и побед, и как только они отказались от своей агрессивной политики, они начали приходить в упадок — они были либо завоевателями, либо ничем — и Персия не была исключением из этого правила. Дарий I был великим царем, возможно, даже величественнее самого Кира. Энергия и умение, с которыми он организовывал армии, разрабатывал планы военных кампаний и выбирал своих офицеров, а также оперативность, с которой он подавлял восстания после своего вступления на престол, показывают нам, что он был по крайней мере равен лучшим полководцам своего времени, а как правитель превосходил всех Ахеменидов.

[448-405 гг. до н. э.]

И Дарий, и Ксеркс обратились к Европе, когда их завоевания в Азии расширили их империю до границ, ограниченных почти непреодолимым барьером пустынь Африки и Аравии, гор Индии и Кавказа, а также степей Центральной Азии; но когда победы греков вынудили их отступить, наступил день упадка Персии. Ее падение не было столь внезапным, как падение Ассирии, Халдеи и Мидии, поскольку административная организация Дария была слишком искусно налажена, чтобы рухнуть одним ударом, но небрежность и некомпетентность правителей в конце концов разрушили ее деятельность. Несколько сатрапий теперь управлялись одним сатрапом, который командовал армиями и действовал как царь, и происходили не только непрекращающиеся восстания в провинциях и в Египте, где национальные настроения не были настроены на мир, но и в Халдее, Бактрии и Малой Азии; а трагедии во дворцах, где кинжал и яд сеяли хаос в королевской семье, были столь же обычны, как и гражданские войны между сатрапами.

Мир с Грецией едва был подписан, как Мегабиз, правитель Сирии, недовольный тем, как царь обошелся с Инаром после его победы, собрал под своим командованием армию. Он победил двух генералов, одного за другим, и распустил свои войска только после того, как диктовал условия мира.

Спустя несколько лет его сын Зопир возглавил восстание в Карии и Лидии, и успех этого восстания был настолько фатальным для других сатрапов, что их верность отныне была лишь вопросом прихоти или обстоятельств. Артаксеркс умер в 424 году, и интриги, которые стоили столько крови в начале его правления, возобновились. Его старший законный сын, Ксеркс II, был убит через сорок пять дней Согдианом, одним из его незаконнорожденных

братьев; тот, в свою очередь, был свергнут и убит после шести с половиной месяцев правления Охом, другим бастардом старого царя, который, взойдя на престол, принял имя Дария и чья жизнь была одной длинной чередой несчастий и преступлений. Его правление с самого начала было омрачено восстанием его брата Арсита и Артифия, сына Мегабиза, которые подняли оружие в Малой Азии, наняли греческих наемников и одержали две важные победы. Персидское золото теперь превосходило персидскую храбрость, и мятежники, брошенные своими солдатами, сдались на условиях, что их жизни будут пощажены.

ДАРИЙ II

Дарий II женился на своей тете Парисатиде, одной из самых жестоких и развратных женщин, когда-либо входивших в восточный гарем, и именно по ее совету он нарушил свое слово, и Арсит был сожжен заживо. Но этот пример не удержал от восстания Писсуфена, сатрапа Лидии, который занимал эту должность в течение двадцати месяцев; однако он, как и Арсит, пал от предательства: Тиссаферн подкупил наемников, которые были на его службе, чтобы те дезертировали, и Писсуфен был вынужден сдаться. Дарий казнил его и сделал своего победителя своим преемником.

Но это были не последние беспорядки в Малой Азии, ибо Аморг, внебрачный сын Писсуфена, поднял восстание в Карию и, отменив титул царя, продержался до 412 года.

Именно в это время вся Греция была опустошена Пелопоннесской войной. Афины только что потеряли в Сицилии лучшую часть своего флота и самых храбрых солдат, и когда весть о их поражении дошла до Востока, Дарий понял, что настал благоприятный момент для разрыва договора 449 года. Он приказал сатрапам Мизии и Лидии взимать налоги с греческих городов на побережье и вести переговоры с лакедемонянами. Спарта приняла предложенный ей союз, и с тех пор различные греческие государства стали лишь игрушками в руках великого царя и его агентов. Тиссаферн и Фарнабаз сначала пытались сохранить равновесие между дорийцами и афинянами, не позволяя ни одной из соперничающих рас нанести смертельный удар, но эта политика уравнивания продлилась недолго. У Дария было два сына, и второй из них, названный Киром в честь основателя империи, благодаря влиянию Парисатис получил верховную власть над провинциями Малой Азии.

Кир был амбициозен и надеялся, что его мать с помощью интриг сможет обеспечить ему престолонаследие, которое по праву принадлежало его старшему брату Арсаку; а в случае неудачи он намеревался завоевать трон силой оружия.

[405-399 гг. до н. э.]

Афины, будучи морской державой, вряд ли могли помочь ему в походе против провинций Верхней Азии, поэтому он обратился к Спарте и поддержал ее настолько эффективно, что через два года война закончилась в пользу пелопоннессцев, которые одержали решающую победу при Эгоспотами в 405 году.

АРТАКСЕРКС II

Сатрапы Малой Азии, по-видимому, подозревали молодого Кира в этих тайных интригах, и Дарий вызвал своего сына в Сузы. Но Кир прибыл как раз вовремя, чтобы присутствовать

при смерти царя, и, несмотря на усилия Парисатис, новый царь Арсак взошел на престол под царским именем Артаксеркс (Артакшатра). Кир попытался убить своего брата у подножия алтаря во время церемонии коронации, но Тиссаферн и один из жрецов обвинили его, он был схвачен и был бы казнен, если бы его мать не спасла его из рук палача.

После некоторых трудностей Кир был помилован и вернулся в Малую Азию, решив воспользоваться первой же возможностью для мести. Несмотря на наблюдение Тиссаферна, ему удалось под разными предложениями собрать 13 000 греческих наемников и 100 000 местных солдат, после чего он внезапно покинул Сарды (401 г.), пересек Малую Азию, Сирию и Месопотамию, не встретив сопротивления, но, столкнувшись с императорской армией в Кунаксе, в нескольких милях к северу от Вавилона, был убит в сражении. Он был храбрым, активным, амбициозным и обладал всеми качествами, которые сделали бы его хорошим восточным монархом. Общение с греками открыло ему глаза на слабые стороны его страны, которые он пытался исправить; и если бы ему это удалось, он, вероятно, на время остановил бы упадок империи. Когда он погиб, местная армия, которая следовала за ним, немедленно распалась, но наемники не потеряли мужества и, пересекая Ассирию и Армению, достигли берегов Эвксинского моря. Старое положение дел полностью изменилось, когда отступление Десяти тысяч показало, что горстка людей, вероломно лишенных своих вождей, без проводников и союзников, может безнаказанно бросить вызов империи и вернуться в Грецию без значительных потерь.

Победоносная Спарта теперь сменила Афины в защите греков Ионии, и смерть Кира разорвала ее узы с Персией, давая ей полную свободу действий. Она продолжала войну с Азией в течение четырех лет, ее царь Агесилай даже проник в самое сердце Фригии и продолжил бы путь, избранный Десятью тысячами, если бы персидское золото не изменило ход событий. Афины вновь взялись за оружие и, объединив свой флот с персидским, патрулировали Эгейское море, остров Китера был захвачен Кононом, а длинные стены были восстановлены за счет Великого царя.

В то время как Эллада, раздираемая внутренними противоречиями, искала благосклонности сатрапов Малой Азии, Египет, объединенный ненавистью к иностранцам, сумел изгнать их. С момента поражения Инара не было серьезных беспорядков, и персидские правители спокойно сменяли друг друга во дворце Мемфиса, пожилой Амиртай исчез, а его сын Паусирис был послушным вассалом персов. Однако множество мелких инцидентов показывало, что старый дух восстания только ждал случая, чтобы снова проявиться. Восстание Мегабиза в Сирии показало, как легко отныне можно бросить вызов Великому Царю, а восстания Зопира и Писсуфена, последовавшие одно за другим, на несколько лет подорвали силу империи, и внук Амиртая, носящий его имя, провозгласил независимость Египта. Он не изгнал персов полностью, поскольку в 401 году, во время кампании против Кира, в армии Артаксеркса все еще были египетские войска, и ему также приходилось терпеть соперничество со стороны других князей, поскольку памятники свидетельствуют, что Псамтек, потомок старинного рода Саитов, был его современником и носил титул «царь египтян». Этот феодализм был слишком сильным и нестабильным, чтобы позволить скипетру долго оставаться в одной семье, поэтому XXVIII династия просуществовала всего шесть лет, что соответствовало длительности правления Амиртая [Амен-Рута], и за ней последовала династия Мендесов.

Ниафаарут завершил работу по освобождению, и под его правлением Египет восстановил свою прежнюю активность. Его курс определялся обстоятельствами, поскольку несоразмерность сил изолированной провинции и империи, почти охватывавшей западную часть Азии, была слишком очевидна, чтобы фараоны могли думать о ведении войны без посторонней помощи, поэтому они инстинктивно следовали политике Псамтека и его

преемников. Египет пытался установить линии постов вдоль фронта, которые бы приняли на себя основную тяжесть первого удара врага. Затем он интриговал в Сирии и на Кипре, надеясь привлечь на свою сторону союзников или даже восстановить древнее сюзеренитет фиванских князей в этих регионах, и если бы он потерпел поражение на этом отдаленном фронте своих линий, у него было бы время собрать армию или даже флот до того, как завоеватель достиг бы границы. Все восстания разных народов и все ссоры сатрапов были на руку Египту, и поскольку они вынуждали Великого царя разделять свои войска, он усердно их разжигал, а порой даже провоцировал, и делал это так хорошо, что в течение некоторого времени в его стране были размещены только самые слабые части персидской армии. В Греции на смену войскам, набранным из граждан, пришли наемники, и война стала прибыльным занятием для тех, кто умел в ней преуспевать. Фараоны никогда не колебались тратить свои сокровища на покупку этих грозных отрядов. Ификрат, Хабриас, Тимофей и все прославленные полководцы поочередно появлялись во главе египетских или персидских войск, сражавшихся на берегах Нила, иногда с согласия, а иногда вопреки воле своей страны. Когда Ниафаарут взшел на престол, Спарта была на пике своего величия и даже объявила войну Персии, а Агесилай командовал своей кампанией во Фригии; поэтому Ниафаарут заключил с лакедемонянами союз о нападении и обороне и послал им флот, груженный оружием, зерном и боеприпасами, но он был перехвачен Кононом, афинянином, командовавшим персидской эскадрой. Отзыв Агесилая и отказ от Малой Азии охладили доброжелательность египетского царя, и войска, которые он, казалось, был готов послать на помощь Спарте, теперь, вероятно, были размещены на границе Сирии, чтобы отразить нападение, которое он считал неизбежным.

Однако нападение не последовало так быстро, как ожидалось. Отступление лакедемонян не положило конец делам в Малой Азии, поскольку после восстания Кира большинство коренных народов, таких как мисийцы, писидийцы, народы Черноморского региона и Пафлагонии, провозгласили свою независимость; поэтому Артаксеркс послал против них армию, которую он намеревался отправить в Египет, но только на Кипре удалось оказать серьезное сопротивление. Остров был теперь разделен между двумя народами, финикийцами и греками, и с тех пор, как ахейцы поселились там после объединения с морским народом, побежденным Менептахом, греческое влияние усилилось. Все авантюристы, в поисках новых земель для завоевания, собрались на этой границе восточного мира.

[399-387 гг. до н. э.]

Со временем семитское население еще больше сократилось, поскольку финикийцы, медленно, но верно оттесненные, сосредоточились вокруг Китиона, или Китиона, и Амафуса. Но, несмотря на сокращение, число семитских сил было достаточным, чтобы помешать князьям Соли, или Саламина, объединить весь остров в одно государство. Он был поочередно подчинен ассирийцами под руководством Саргона II, вавилонянами под руководством Навуходоносора, египтянами под руководством Ахмеса II и персами под руководством Кира и Камбиса, и каждое из этих завоеваний оставило глубокий след в обычаях и искусстве страны.

Но если внешняя сторона цивилизации часто следовала восточным образцам, то внутри она становилась все более и более эллинской. Жители Кипра были первыми среди народов своей расы, кто овладел искусством письма. Несомненно, вскоре после своего прибытия они приняли особую систему правописания и сохранили ее даже тогда, когда греки начали использовать кадмейский алфавит.

Онасилас, царь Саламиса на Кипре, объединился с Милетом, и, за исключением царя Амата, все остальные князья присоединились к союзу, который в течение года сопротивлялся войскам Великого царя. Но когда восстание было подавлено, Дарий заставил греческое население заплатить за свою непокорность: его торговля была остановлена, его порты закрыты для кораблей, прибывающих из Эллады, и во многих городах, таких как Саламин, тираны старой расы были заменены тиранами финикийского происхождения. Фактически, Великий царь теперь рассчитывал на семитскую расу в вопросе уважения к своей власти. Китион, почти разрушенный из-за близости к Саламину, восстановил свое прежнее положение главного и главного рынка острова; и, несмотря на периодическое появление афинских флотов у его берегов, прошло более века, прежде чем киприоты нашли возможность освободиться от своего угнетающего рабства.

Их освободил Эвагор. Он был потомком старых царей Саламина, и после изгнания Абдемона, тирийца, который командовал городом, он захватил весь остров, за исключением Кития и Амафуса. Артаксеркс вскоре возмутился его амбициями и активностью, и не без оснований, поскольку в 391 году он вступил в открытую войну с Эвагором. Если бы ему не помогали, борьба была бы короткой, но и Греция, и Египет помогали ему деньгами и оружием. В 393 году Хакер сменил Ниафаарута, и, защитив свою западную границу, заключив союз с ливийцами в Барке, он заключил договор с Эвагором и афинянами. Он дал Афинам зерно, боеприпасы, корабли и деньги в обмен на несколько тысяч человек под командованием Чабриаса, одного из лучших афинских полководцев; и не только первая персидская экспедиция под командованием Автофрадата была полностью разгромлена, но и после захвата Кития и Амафуса Эвагор переправился через море, взял Тир штурмом и опустошил Финикию и Киликию.

[387-378 гг. до н. э.]

Князья Малой Азии забеспокоились, и Гекатомн из Карики присоединился к союзникам. Спарта, ослабленная войной, внезапно заключила договор с персами, и Анталкдас отправился в Сузы, чтобы заключить этот мир, столь прославленный в истории Греции, и после этого декрет из Азии уведомил всех жителей Эллады о том, что военные действия должны быть приостановлены и свобода всех сторон отныне должна уважаться; и, поскольку ни одно государство не было в состоянии противостоять объединенным царствам Спарты и Персии, приказ был выполнен. Чуть более полувека назад Афины заключили договор с Артаксерксом, заставив его признать независимость греков Азии; а теперь Спарта, заключив договор со вторым Артаксерксом, вернула эллинов под его власть.

Великий царь, теперь свободный в своих действиях, мог сосредоточить все свое внимание на мятежных странах, и первым подвергся нападению Эвагор; Кипр был фактически открытой дорогой в Египет, и народ, владевший им, контролировал море и мог перехватить армию, направлявшуюся из Палестины в дельту Нила. Поэтому Артаксеркс собрал триста кораблей и триста тысяч пехотинцев, поставил их под командование Тирибаза и отправил на остров. Кипрские корсары перехватили конвой и привели его в такое плачевное состояние, что на кораблях вспыхнул мятеж. Однако в конце концов Эвагор был разгромлен в морском сражении у Кития, и его флот был уничтожен. Но, не теряя надежды, он оставил своего сына, чтобы тот нашел выход из сложной ситуации, а сам отправился в Египет, чтобы просить помощи у фараона (385 г.).

Но Хакеру было достаточно забот о собственной безопасности, чтобы рисковать лучшей частью своих сил в далекой экспедиции; поэтому Эвагор и субсидии, которые он привез из Египта, были явно недостаточными. Оставшись с армией в три тысячи человек, он заперся в

Саламине, где был осажден в течение многих лет. Предательство одного из персидских генералов, Гаоса, зятя Тирибаза, дало ему на мгновение надежду, поскольку Гаос, присоединившись к Хакеросу, попросил помощи у лакедемонян, но он умер, не сделав ничего, и Эвагор снова остался один перед лицом врага. В то время как офицеры Великого царя были заняты его осадой, сам Артаксеркс едва не лишился жизни в неудачной кампании против кадусийцев. Будучи храбрым солдатом, но некомпетентным полководцем, его войска, измученные голодом и усталостью, погибли бы в походе через горы от рук неумолимого врага, если бы Тирибаз не сумел ловко убедить варваров просить о мире в момент их триумфа.

Поскольку поражение Эвагораса показало Хакера, что подчинение Кипра было лишь вопросом времени, он тем временем отправился в Малую Азию, где заключил не очень выгодный союз с писидийцами, которые тогда находились в состоянии полного восстания. Он нашел больше помощи в Греции, поскольку мир Анталцида оставил без работы большое количество наемников, и вскоре он собрал двадцать тысяч человек. Персы, все еще занятые на Кипре, не оказали сопротивления прибытию подкреплений, и это было удачно для Египта, поскольку Хакер умер в 380 году, а его наследники Псаммут и Ниафаарут II сменили друг друга на троне в течение короткого времени, и урегулирование вопроса о престолонаследии погрузило страну в двухлетнюю войну.

Беспорядки, устроенные великими феодалами, лишившие Саитов власти, оказались столь же губительными для Мендесов, и принц Себеннитуса Нехт-Хор-Хеб (Нектанебо I) был возведен на престол солдатами. Согласно птолемеевской традиции, он был сыном Ниафаарута I и не мог взойти на престол из-за зависти богов. Но каким бы ни было его происхождение, Египет не имел причин сожалеть о его коронации. Понимая, что продолжение поставок, разрешенных Хакером Эвагору, будет пустой тратой денег, он прекратил их, и в результате последовало неизбежное падение тирана Саламина. Хотя он был покинут всеми и утомлен шестилетним сопротивлением, он согласился сдаться только на самых выгодных условиях. Артаксеркс не только должен был простить его восстание, но и сохранить его титул и привилегии в обмен на уплату ежегодной дани. Нектанебо, теперь вступивший в контакт с Великим Царем, удвоил свою активность. События последних нескольких лет доказали таланты афинянина Хабриаса, и Нектанебо пригласил его организовать свою армию. Хабриас принял предложение, хотя и без разрешения своего правительства, и вскоре превратил дельту в хорошо укрепленный лагерь. Персы стремились соразмерять свои атаки средствам обороны противника. Акко, на южном побережье Сирии, был единственным портом, достаточно большим, чтобы укрыть персидский флот от штормов и неожиданностей, поэтому Фарнабаз сделал его своей штаб-квартирой и базой для своих операций. В течение трех лет это было место сбора провианта и боеприпасов, моряков и солдат, а также финикийского и греческого флотов. Продвижение предприятия несколько раз едва не было остановлено соперничеством персидских вождей Титрауста, Датама и Аброкома, а также интригами при дворе, но Фарнабаз всегда удавалось избавляться от своих соперников, и в начале 373 года экспедиция была готова к отправке. Она состояла из 200 000 солдат, 20 000 наемников, 300 отборных воинов, 200 двадцативесельных галер и множества транспортных кораблей.

[378-373 гг. до н.э.]

Но в последний момент Египет лишился своего лучшего полководца, поскольку Артаксеркс спросил Афины, каким правом они разрешили Хабриасу служить против него в египетских рядах; и в то же время он попросил своих друзей, афинян, на время одолжить ему своего полководца Ификрата. Тогда афиняне приказали Чабриаду вернуться и

отправили Ификрата в Сирию, где он принял командование греческими вспомогательными войсками; усилившись таким образом, персы в 373 году начали наступление.

Персидский воин

(По Ду Соммерару)

Прибыв в Пелузий, Ификрат понял, что у него мало шансов заставить город сдаться, поскольку не только укрепления города были усилены, но и жители перерезали каналы и затопили подступы к городу. Ификрат посоветовал персам взять город врасплох. Так что три тысячи человек были тайно отправлены к устью Нила в Мендесе, где они атаковали укрепления, охранявшие его. Гарнизон, неосторожно выйдя из укреплений, был разгромлен и преследуем с такой энергией, что победители и побежденные в беспорядке ворвались в крепость. Пробив брешь, персы могли бы быстро захватить город, но эта возможность была упущена из-за разногласий между генералами. Ификрат, узнав от пленных, что в Мемфисе не хватает солдат, посоветовал Фарнабазу быстро подняться по Нилу и захватить столицу до прибытия подкрепления Нектанебо. Но Фарнабаз счел этот план слишком опасным и решил дожидаться, пока к нему присоединится вся армия. Тогда Ификрат предложил предпринять попытку с его собственным отрядом, но египтяне, подозревая его в тайных замыслах в отношении Египта, отклонили это предложение. Эти задержки дали врагу время оправиться от первого поражения, и Нектанебо снова перешел в наступление, атаковал персов и одержал победу в нескольких стычках.

Тем временем наступило лето, земля была затоплена, и Ификрат с Фарнабазом отступили и вернулись в Сирию, откуда Ификрат, уставший от упреков своих азиатских коллег, тайно бежал в Грецию, а остатки его флота и армии рассеялись вскоре после его отъезда; таким образом, Египет был спасен на четверть века.

Но эта неудача никоим образом не ослабила влияние Великого царя на Грецию, которое он оказывал со времени мира 387 года; и Спарта, Афины и Фивы боролись за его союз более горячо, чем когда-либо.

В 372 году Анталцид вновь появился в Сузах, чтобы снова просить царя о вмешательстве в дела Греции, и в 367 году Пелопид и Исмений получили указ, предписывающий грекам соблюдать мир; после чего Афины отправили послов, чтобы получить субсидии от Персии. Великий царь, по-видимому, стал своего рода верховным арбитром, к которому каждый город приходил, чтобы отстаивать свои интересы. Но, несмотря на свою способность навязывать свою волю за рубежом, этот арбитр не был хозяином в своих собственных владениях, поскольку Артаксеркс, будучи добрым и легкомысленным и более склонным давать, чем требовать, не обладал энергией, необходимой для подавления амбиций провинциальных правителей.

Первым восстал Ариобарзан из Понта, а вскоре за ним последовали Датам и Аспис из Каппадокии, которые в течение многих лет бросали вызов своему правителю.

Когда эти лидеры были побеждены благодаря предательству, все сатрапы западных провинций от границ Египта до Геллеспонта заключили союз для нападения и обороны, и империя оказалась под угрозой краха, поскольку Египет, всегда находящийся на чеку, воспользовался этим восстанием, чтобы продемонстрировать свою ненависть к Персии и укрепить собственную безопасность. Нектанебо умер в 364 году, и Тахус, который сменил его, не колеблясь, вступил в переговоры с мятежниками, которые отправили к нему Реомитра для обсуждения условий договора.

Тах, унаследовавший от Нектанебо прекрасный флот и полную казну, одолжил послу пятьсот талантов серебра и пятьдесят кораблей, на которых тот отплыл в Леукас на побережье Малой Азии, где его коллеги ждали его, радуясь успеху миссии. Но, не будучи уверенным в исходе борьбы, Реомитр искал скорейшей возможности примирения с Великим Царем, и едва прибыв, он вместе с Оронтом отправил мятежников в Сузы в цепях. Тахт таким образом благожелательно помог персидскому царю наполнить его казну и подчинить себе его армии, но, несмотря на это последнее разочарование, положение Египта было настолько блестящим, а Персии — настолько плачевным, что он решил перейти в наступление и вторгнуться в Сирию. В этом замысле его поддержал Хабриас, которого неудачи в приключенческой жизни вновь привели в Египет; но Тахус не имел достаточных средств для длительной кампании в чужой стране, поэтому грек указал ему, как их добыть.

Египетское духовенство было богато, поэтому Хабриас сказал царю, что деньги, ежегодно выделяемые на жертвоприношения и содержание храмов, лучше потратить на нужды государства, и посоветовал ему снести большинство священнических коллегий. Однако священники сохранили их за счет своего личного имущества, и после того, как царь милостиво принял эту жертву, он сказал им, что в будущем и во время похода против персов он будет брать с них девять десятых священных доходов. Этого налога было бы достаточно для нужд, если бы он был полностью уплачен, но священники, несомненно, нашли способ избежать уплаты всей суммы.

Тогда Хабриас посоветовал увеличить подушную подать и налог на дома, брать по одному оболу с каждого проданного ардеба зерна, брать десятую часть с судоходства, ткацких изделий и ремесленных изделий. Эти сборы вскоре пополнили ресурсы, но возникла другая трудность, которую грек преодолел с той же энергией.

В Египте было мало монет, и в повседневных сделках люди использовали систему обмена.

Однако греческие наемники отказались получать оплату натурой или нечеканными металлами и потребовали в качестве платы за свою кровь звонкие монеты. Поэтому был издан приказ, чтобы люди приносили в казну все чеканное и нечеканное золото и серебро, имевшееся в их владении, с пониманием, что им будет постепенно возмещено из будущих налогов.

[361-352 гг. до н. э.]

Хотя эти меры стоили Таху популярности, они позволили ему набрать 24 000 местных солдат и 10 000 греков, оснастить флот из двухсот кораблей и нанять лучших полководцев того времени. Но он был слишком амбициозен, чтобы добиться успеха, он не довольствовался Хабриасом и союзом с Афинами, но также хотел Агесилая и союз со Спартой. Несмотря на свои немощи и восьмидесятилетний возраст, Агесилай не был равнодушен к выгоде и лести; соблазнившись обещанием верховного командования, он отправился в путь с тысячей солдат. По прибытии его ждало разочарование, поскольку Тахус дал ему только командование наемниками, оставив главное командование за собой и передавая флот в руки Хабриаса.

Старый герой, продемонстрировав свое раздражение спартанским нравом, успокоился благодаря подаренным ему подаркам и согласился принять предложенную должность. Однако вскоре между ним и его союзниками разгорелись более серьезные споры, поскольку он хотел, чтобы Тах остался в Египте и оставил руководство операциями своим генералам. Но легкость, с которой капитаны войск переходили из одного лагеря в другой, не внушала египтянину доверия, поэтому он отказался и, назначив регентом своего зятя, который также носил имя Тахус, отправился в лагерь. Персы не были достаточно сильны, чтобы выйти на открытое поле, поэтому Тахус приказал своему двоюродному брату Нехт-неб-ефу (Нектанебо II), сыну регента, осадить их в их крепостях. Война затянулась, среди войск вспыхнуло недовольство, а в армии затаилось предательство. Финансовые меры Хабриаса возмутили жрецов и простой народ, и жалобы, которые были подавлены страхом перед наемниками, прозвучали, как только экспедиция пересекла границу. Регент, вместо того чтобы подавить это недовольство, тайно разжигал его и написал своему сыну, чтобы тот претендовал на корону.

Нектанебо вскоре переманил на свою сторону египтян, находившихся под его командованием, но их было недостаточно, пока греки не высказались в его пользу. Хабриас отказался отказаться от своих обязательств перед царем, но Агесилай не был столь щепетилен. Его тщеславие было глубоко уязвлено во время пребывания в Египте, поскольку ему не только отказали в командовании, на которое он считал себя имеющим право, но и придворные высмеивали его небольшой рост, немощность и грубые лакедемонийские манеры. Когда Тах просил Агесилая выступить против мятежников, тот иронично ответил, что его послали помогать египтянам, а не сражаться против них. Однако, прежде чем окончательно решить, на чью сторону встать, он проконсультировался с эфорами, и, поскольку они разрешили ему делать все возможное для продвижения интересов страны, он объявил о своей поддержке Нектанеба, несмотря на мольбы Хабриаса.

Тахус, таким образом, брошенный своими союзниками, укрылся в Сидоне, а оттуда отправился к Артаксерксу, который принял его радушно и поставил во главе новой экспедиции против Египта в 361 году.

Известие о том, что царь обратился за помощью к Персии, вызвало всеобщее восстание в долине Нила, и поскольку поддержка иностранцев вызвала подозрения у коренных народов, они присоединились к принцу Мендеса.

Нектанебо, отказавшись от завоеваний своих предшественников, вернул свои войска в Египет и прибыл в Пелузий, где оказался во главе большой и решительной армии, которой, несмотря на ее недисциплинированность, Агесилай посоветовал королю атаковать повстанцев, пока они не успели выйти на поле боя. Но, к сожалению, спартанец не пользовался благосклонностью, поскольку принц Мендеса пытался подкупить его, и хотя в тот раз он проявил неожиданную лояльность, ему не доверяли. Нектанебо сделал Танис своей штаб-квартирой, и его враги надеялись осадить его там. Круг рвов, окружавших город, был почти завершен, и провизия становилась все более скудной, когда Агесилай получил приказ попытаться выйти из осады, но он прорвал блокаду под покровом ночи и через несколько дней одержал решительную победу.

Нектанебо с радостью оставил бы его при себе, так как опасался внезапного нападения персов, но спартанец, устав от Египта и его интриг, покинул страну и умер от истощения на побережье Киренаики [вероятно, в 360 году].

Вторжение последовало вскоре, как и предвидел фараон, но оно было слабым и неуверенным: Тахус, который должен был его возглавить, умер до его начала, а разногласия в королевской семье помешали другим генералам действовать согласованно. У старого Артаксеркса было трое сыновей от его жены Статиры — Дарий, Ариасп и Ох. Дарьев, старший, был торжественно признан наследником престола, но, опасаясь, что его сместит Ох, он замышлял убийство своего отца; однако заговор был раскрыт, он был заключен в тюрьму и казнен в своей камере. Таким образом, Ариасп стал избранным преемником, но Ох сказал ему, что его отец намеревается подвергнуть его позорной казни, и убедил его покончить жизнь самоубийством, чтобы избежать этого. Арсам, внебрачный сын одной из женщин гарема, все еще оставался наследником престола, но он был убит Охом, и Артаксеркс не выдержал этого последнего несчастья и умер от горя после сорока шести лет правления [358].

АРТАКСЕРКС III

Артаксеркс III (Ох) начал свое правление с массового убийства всех принцев королевской семьи; затем, избавившись от претендентов, которые могли бы оспаривать корону, он продолжил военные приготовления, прерванные смертью отца и своим вступлением на престол. Никогда еще не было так важно восстановить персидское господство на берегах Нила. Египет был источником постоянных беспокойств для Великого царя с момента восстановления своей независимости шестьдесят лет назад.

Первая атака Оха была отбита с потерями. Два авантюриста, командовавшие войсками Нектанебо, Диофант из Афин и Ламиус из Спарты, одержали полную победу над нападавшими и заставили их отступить с потерями.

[352-340 гг. до н.э.]

Провинции на побережье Средиземного моря, всегда беспокойные со времени похода Таха и восстания Эвагора, воспользовались казавшейся благоприятной возможностью, и Артабаз поднял восстание в Малой Азии, а девять малых царей Кипра провозгласили свою независимость. Финикия все еще колебалась, но надменность сатрапа, алчность генералов и

отсутствие дисциплины у солдат, вернувшихся из Египта, решили ее судьбу. На собрании в Триполи представители финикийских городов возложили на Теннеса, князя Сидона, опасную честь руководить военными операциями, и его первым делом было уничтожить королевский парк, который персы имели в горах Ливана, и сжечь запасы провианта, хранящиеся в портах для войны в Египте. Сначала Ох был уверен, что его лейтенанты скоро отомстят за эти действия, и действительно, вскоре Идрий, тиран Кари, при поддержке восьми тысяч наемников, подавил киприотов. Но в Малой Азии Артабаз, при поддержке Афин и Фив, противостоял войскам, направленным против него, а Теннес одержал важную победу в Сирии. Он, естественно, обратился за помощью к Нектанебо, и тот послал ему четыре тысячи греков под командованием своего лучшего полководца, родосца Ментора; и Белесис, сатрап Сирии, и Мазай, сатрап Киликии, были разгромлены. Тогда, разгневанный этими поражениями, Ох, собрав свой авангард и аррьергард из тридцати тысяч азиатов и десяти тысяч греков, предпринял последнюю попытку; а сидоняне, со своей стороны, окружили свой город тройным рвом, увеличили высоту стен и сожгли свои корабли. К сожалению, их вождь не отличался энергичностью, поскольку Теннес до дня восстания вел разгульную жизнь, окруженный танцовщицами и музыкантами, которых он привез из Ионии и Греции за большие деньги.

Приближение Оха лишило его того небольшого мужества, которым он обладал, и он попытался предательством по отношению к своим подданным искупить измену, в которой он был виновен перед своим повелителем. Его доверенным министром был некий Фессалион, и он послал его в персидский лагерь и предложил предать Сидон и выступить в качестве проводника в Египет в обмен на сохранение своей жизни и звания.

Ох принял условия своего мятежного вассала, когда момент гордости едва не поставил под угрозу всю сделку. Тессалион попросил царя пожать ему руку в знак обещания выполнить договоренность, и эта самонадеянность так разгневала Оха, что он приказал казнить его. Когда его уводили, Тессалион воскликнул, что если великий царь лишится предложенной помощи Теннеса, то его усилия против Финикии и Египта окажутся тщетными, после чего Ох согласился на его просьбу.

Когда персы были всего в нескольких днях марша от города, Фессалион под предлогом общего собрания заманил сотню главных граждан в лагерь, где они были казнены ударами копьев. Сидоняне, хотя и были брошены своим царем, все еще хотели сопротивляться, но Ментор сказал им, что их наемники в любой момент могут ввести врага в город; поэтому, решив броситься на милость завоевателя, пятьсот из них были отправлены в качестве представителей с оливковыми ветвями в руках. Но Ох был самым жестоким и кровожадным царем, которого когда-либо имела Персия, и он обошелся с посланцами по-своему. Остальные жители, видя, что смерть неизбежна, заперлись в своих домах и подожгли их. В огне погибло сорок тысяч человек, а богатство лучших домов было таково, что право извлекать из руин слитки золота и серебра продавалось по высокой цене. За наказанием города последовала казнь Теннеса, и другие города, встревоженные его судьбой, открыли свои ворота, не нанеся ни одного удара.

После урегулирования ситуации в Сирии Охс без дальнейших промедлений двинулся на Египет. Победы Великого царя вернули колеблющиеся провинции к подчинению.

[340-338 гг. до н.э.]

Армия была разделена на три части, каждая из которых находилась под командованием варвара и грека. При переходе через болотистую местность несколько батальонов застряли в зыбучих песках, и по прибытии в Пелузий враг оказался готовым к сражению. Нектанебо имел меньше людей, чем его противник: его войско состояло из шестидесяти тысяч египтян,

двадцати тысяч ливийцев и столько же греков- , но воспоминания о своих собственных успехах и успехах своих предшественников, несмотря на неравные силы, вселяли в него мужество в исходе борьбы. Его флот также был неравным по силе объединенным флотам Кипра и Финикии, но у него было достаточно плоскодонных лодок, чтобы защитить устья Нила. Слабые места его позиции были защищены крепостями или укрепленными лагерями; короче говоря, были приняты все меры для ведения оборонительных боевых действий.

Однако неосторожный пыл его греческих союзников испортил его план. Пелузий был занят пятью тысячами человек под командованием Филофрона. Некоторые из фиванцев, которые служили под командованием Лакрата в персидской армии, желая вновь оправдать свою славу храбрости, завоеванную в походах Эпаминонда, пересекли глубокий канал, который отделял их от города, и спровоцировали гарнизон на сражение в открытом поле. Филофрон принял вызов и сражался до наступления ночи. На следующий день Лакрат, перекинув через канал дамбу, повел свою роту в атаку и начал штурм города. Через несколько дней был пробит пролом, но египтяне, столь же искусно владевшие киркой, как и мечом, построили новую стену, увенчанную башнями, пока старая была разрушена. Нектанебо в сопровождении тридцати тысяч местных солдат, пяти тысяч греков и половины ливийского контингента следил за ходом осады издалека, и его присутствие не позволяло персам приблизиться.

Прошли недели, и казалось, что тактика выжидания принесет свой обычный результат, когда непредвиденный инцидент осложнил ситуацию. Среди вождей отрядов, сражавшихся под командованием Оха, был некий Никострат из Аргоса, чья физическая сила сравнивалась с силой Геракла и который, как и традиционный герой, был вооружен львиной шкурой и дубиной.

Несомненно, подражая плану, ранее предложенному Ификратом Фарнабазу, Никострат заставил нескольких крестьян, чьи жены и дети находились в его власти, провести его к одному из устьев Нила, которое оставалось неукрепленным, и там он высадил свои войска и укрепился в тылу Нектанеба. Это предприятие, предпринятое с слишком малым количеством людей, было более чем опрометчивым, и если бы наемники довольствовались преследованием Никострата, не вступая в открытую битву, они заставили бы его вновь высадиться на берег или сдаться. Но их нетерпение все испортило, потому что пять тысяч человек, составлявших гарнизон соседнего города, под командованием Клиния из Коса выступили против аргивян и были разгромлены. Наконец прорыв был сделан, и персы, воодушевленные успехом Никострата, рисковали быть отрезанными от войск на восточной границе и полностью уничтоженными, поскольку он повернул назад к дельте. Пока он пытался собрать новую армию в Мемфисе, Пелузий сдался Лакрату; Ментор захватил Бубастис, а самые сильные города, опасаясь той же участи, что и Сидон, открыли свои ворота почти без сопротивления.

Нектанебо, отчаявшись от этих последовательных дезертирств, бежал в Эфиопию со своими сокровищами, и успешный *переворот* Никострата восстановил империю Великого Царя.

Египет, безусловно, процветал под управлением своих последних коренных царей. С момента правления Амиртая до правления Нектанеба правители добросовестно работали над тем, чтобы стереть следы иностранных вторжений и восстановить прежнее процветание королевства. Две столицы, Фивы и Мемфис, не были забыты, а города дельты, Себенитус (), Бубастис (Bubastis) и Питом (Pithom), также были украшены. И несмотря на короткий срок, отведенный на эту работу, большинство этих сооружений не несут на себе следов спешки или небрежности; а художники, хорошо знакомые с методами древнего искусства, умели создавать *шедевры*, сопоставимые с шедеврами сайтского периода.

Но теперь победа Оха была для Египта более фатальным ударом, чем вторжение Камбиза. Ох испытывал личную ненависть к своим новым подданным, его сравнивали с Тифоном за жестокость, и его прозвали ослом, потому что это животное было посвящено богу зла.

Прибыв в Мемфис, он приказал зажарить быка Аписа для банкета, а в храме Птаха он возвел на престол и почитал осла.

Козел Мендеса разделил судьбу Аписа, храмы были разграблены, священные книги увезены в Персию, стены города разрушены до основания, а главные сторонники местной королевской власти были убиты.

Когда все это было сделано, греческие наемники вернулись в свою страну, груженные добычей, а Великий Царь вернулся в Сузы, оставив завоеванную сатрапию под управлением Ферендата. Успех экспедиции был в основном заслугой евнуха Багоаса и Ментора Родосского, и Ох доверил им управление империей. Багоас руководил внутренней политикой, а Ментор, поставленный во главе морских провинций, вскоре навел в них порядок.

Артабаз ушел из борьбы и искал убежища у Филиппа Македонского. Некоторые тираны на побережье Эгейского моря добровольно подчинились новому господству, а другие, сопротивлявшиеся, как Гермияс из Атарнея, друг Аристотеля, были схвачены и казнены.

Таким образом, за несколько лет Персия, казалось, восстановила ту всеобъемлющую мощь, которую она утратила со вступлением на престол Артаксеркса II, а Ох в глазах своих современников занимал такое же высокое положение, как и великие завоеватели Кир, Камбиз и Дарий. Но сам Ох был лишь обычным восточным деспотом. Его империя по-прежнему выглядела сильной, но народы, чуждые друг другу и с трудом подчинявшиеся сатрапам, все больше склонялись к отделению от него, и некоторые правительства предыдущего века уже существовали только номинально. На севере, в направлении истоков Евфрата, Тигра и Халиса, существовала лишь беспорядочная масса царств и племен, некоторые из которых, как армяне, все еще признавали верховную власть персов, а другие, как халибы и тибарены, сохраняли свою независимость. Цари Вифинии, Пафлагонии и Понта по-прежнему платили дань, но мисийцы, писидийцы и ликаонцы перестали платить. Страны за Тигром находились в таком же беспорядке. Кадусийцы, амарды и тапуры, защищенные горами Каспийского моря, сопротивлялись всем попыткам изгнать их. Индия и саки перешли из состояния подданных в состояние дружественных союзников, а дикие орды Гедросии и Паропамиса восстали против всякой власти. Во время распада империи порядок управления, так умело организованный Дарием, был нарушен слабостью его наемников. Не только обычай ежегодно посылать инспекторов в провинции стал чистой формальностью, которую часто игнорировали, но и исчезло различие между гражданской и военной властью. Офицер, командовавший войсками, почти всегда занимал пост губернатора и объединял несколько сатрапий под одним правлением.

Армия и доходы по-прежнему оставались самыми большими в мире, но, хотя дарики сохранили свою ценность, батальоны утратили свою силу. Старые силы персов, мидийцев, бактрийцев и других народов Ирана, несомненно, оставались неизменными, но никто не заботился о том, чтобы ознакомить их с прогрессом, достигнутым за столетие в военной тактике. Их контингенты были лишь тяжелыми, недисциплинированными отрядами, которых было легко победить, несмотря на бесспорную храбрость составлявших их солдат; поэтому, поскольку их обучение заняло бы много времени, было лучше пополнить их ряды наемниками по высокой цене.

Со времен Артаксеркса II греки составляли ядро персидских войск, а армиями Великого царя командовали греческие полководцы из школы Агесилая, Ификрата, Эпаминонда и лучшие тактики того времени.

Флоты находились под командованием греческих адмиралов, и жестокий Ох полностью обязан своими победами превосходству европейского командования, и этот факт был настолько хорошо известен за пределами Эгейского моря, что там открыто обсуждался этот вопрос.

Если упадок империи был внезапным, то вина за это лежала не на народе. Персы оставались такими же, какими были вначале, трезвыми, честными и бесстрашными, но династия деградировала до неустранимой степени. Ранние Ахемениды сами управляли всеми делами государства; затем, когда поход в Грецию отвратил Ксеркса от воинственной монархии, он заперся в своем гареме и оставил опасную честь сражаться своим генералам, а заботу об управлении — евнуху Аспамитресу. Этот обычай, однажды установленный, был продолжен его преемниками, и теперь правители редко вмешивались в проведение военных операций. Ни Артаксеркс I, ни Дарий Нотус не появлялись на поле битвы, а Артаксеркс II принимал участие только в двух войнах, которые омрачили его долгое правление. Ох, который, казалось, хотел восстановить традиционную власть основателей империи, после своих побед в Сирии и Египте вернулся в Сузы, и жизнь принцев проходила среди интриг и преступлений гарема. Воспитанные женщинами и евнухами и окруженные с младенчества роскошью и пышностью, они скоро устали думать и действовать и механически подчинились руководству своих приближенных. Кровавая Парисатис правила под именем своего мужа Дария Нотуса и своего сына Артаксеркса II, а Багоас почти шесть лет влиял на Оха, и его власть, безусловно, была благотворна для страны.

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

[338-330 гг. до н. э.]

Македония, которая долгое время оставалась в стороне от общего движения, теперь начала участвовать в греческом концерте. Багоас видел опасность в том, чтобы позволить ей занять господствующее положение и сформировать союз всех сил, до сих пор разрозненных в Греции. Поэтому он поддерживал всех врагов Филиппа.

К сожалению, пока Багоас работал над предотвращением опасностей, угрожавших империи, его соперники в Сузах снизили его авторитет в глазах своего господина, и их интриги не оставили ему иного выбора, кроме как нанести удар или умереть. Поэтому он отравил Оха, передал трон Арсесу, младшему сыну царя, и убил всех остальных детей. Египет был в восторге от этой новости и видел в трагической судьбе своего завоевателя заметную месть богов, которых он оскорблял.

Арс сначала был лишь слабым инструментом в руках своего господина, но когда с годами он проникся вкусом к независимости, он стал нетерпелив в своем подчинении; поэтому Багоас пожертвовал им ради своей безопасности, как он пожертвовал Охом. Столь многочисленные убийства настолько истощили ахеменидскую династию, что он на мгновение растерялся, не зная, где найти царя; но в конце концов он остановил свой выбор на одном из своих друзей, Кодоманне, который, по мнению одних, был правнуком Дария II, а по мнению других, не был царского происхождения. Кодоманн при вступлении на престол принял имя Дария. Будучи храбрым, великодушным, милосердным и стремящимся к добру, он превосходил своих предшественников и заслуживал того, чтобы царствовать до того, как империя так ослабла.

Когда Багоас увидел, что его протеже намерен править самостоятельно, он захотел избавиться от него, но, преданный одним из своих людей, был вынужден выпить яд, который он приготовил для Дария. Однако Дарий не долго наслаждался в мире властью, которой так завидовали. Взойдя на престол в том же году, что и Александр, за несколько дней до битвы при Херсонесе, он увидел опасность, угрожавшую ему со стороны македонца, и был бессилен предотвратить ее.

Он был разгромлен при Гранике, разгромлен при Иссе, разгромлен при Арбеле, а затем убит во время бегства одним из своих сатрапов. Александр затем завладел его империей, и с тех пор греческая раса вытеснила персов с той роли, которую они играли на протяжении двух столетий как правящая сила мира.^g

[330 г. до н. э.]

Бесс, сатрап Бактрии, убивший бежавшего Дария, принял королевский титул и имя Артаксеркс IV. У него было множество приключений и планов, но на другом берегу Оксуса он попал в руки Александра и был быстро казнен.^g

СТАРЫЙ ВОСТОК В КОНЦЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Мы проследили политическую историю Древнего Востока и теперь видим, как он поглощен империей Александра. Прежде чем перейти к новым народам, которые заслуживают нашего внимания, давайте в последний раз взглянем на страны, которые были ареной истории раннего мира, и посмотрим, чем они стали. На юге, на древней границе семитских народов, Элам был разделен на горный район и равнинный район, и история этих двух районов была совершенно различной. Народы гор Оксус, эламиты и коссайцы, сохранили свою независимость и совершали набеги на соседние территории из своих

неприступных убежищ, в то время как народы равнин с радостью подчинились персидскому игу и охотно принимали любого правителя, который появлялся.

Благоприятное расположение Сузы или Шушана с самого начала привлекло внимание ахеменидов, и старый дворец эламитов, построенный на искусственном возвышении, охлаждаемый летом горными бризами и согреваемый зимой мягким воздухом Персидского залива, стал их любимой резиденцией. Дарий, сын Гистаспа, считал его слишком маленьким для себя, перестроил его, и он был сожжен во время правления Артаксеркса I и восстановлен Артаксерксом II.

Народы плоскогорья Малой Азии и гор Тигра и Евфрата, Урарту и Вана, Мушке [Моски], Тубала и соседние народы северной Ассирии, истребленные скифскими вторжениями, подчинились более молодому, менее испытанному расам. Народы Мушке и Тубала разделились на две ветви: многие из их племен, вероятно, вместе с остальными киммерийцами, остались в глубоких ущельях Тавра, а другие, продвинувшись на север, в эпоху Геродота жили вместе с другими племенами в горах, граничащих с Черным морем.

Когда мидийский завоеватель прибыл в те места, которые известны как Каппадокия, он нашел там только леукосирийцев, остатки хеттов и новый народ, называемый армянами. Армяне, прибывшие из Фригии в конце VII века, сначала поселились в районах, прилегающих к их собственной стране, затем постепенно достигли истоков реки Халис, и во времена Геродота они владели районами к востоку от Евфрата (Малая Азия римских географов) и западной частью Арсании. Они образовали собственную сатрапию (тринадцатую), в то время как народ урарту, алародийцы, был включен в восемнадцатую. Во время беспорядков, последовавших за походом в Грецию, облик страны снова изменился. Моски отделились от тибаренов и присоединились к колхам в бассейне Фазиса. Алародийцы, оттесненные на север, присоединились к полудиким народам Кавказа. Армяне, вытесненные дальше на восток, постепенно завладели внушительным горным районом между Малой Азией и Каспийским морем и спустились в равнины Аракса. К моменту появления Александра в Азии они уже обосновались в своем новом районе, покорив или уничтожив всех аборигенов, которые не эмигрировали, а их князья осуществляли поистине королевскую власть под скромным титулом сатрапов.

Каппадокия была разделена на две провинции: собственно Каппадокию и Понт, наследственные правители которых, связанные с ахеменидской династией, только ждали случая, чтобы провозгласить себя царями. Старые династии, имена и расы, а также воинственный, варварский мир, который ассирийские завоеватели знали между равниной Месопотамии и Черным морем, теперь исчезли, и три королевства, возникшие на руинах, даже стерли память о нем. В области, принадлежащей семитским расам, между побережьями Средиземного моря и последней опорой равнины Ирана, упадок был менее общим и заметным. Половина старых рас, таких как рутенну и хетты, исчезла вместе с городами Кархемиш, Арпад и Кадеш, и хотя Батна, Хамат и Дамаск избежали разрушения, они погрузились в забвение, а целые районы превратились в пустыню из-за нехватки рук, которые могли бы их возделывать.

Финикия, обедневшая в результате разрушения Тира и Сидона, с трудом восстанавливала свои потери; все ее колонии исчезли, а маленькие королевства Кипра с городами Китион и Аматус были заняты защитой своей независимости от греков.

Сама Ассирия была лишь смутным воспоминанием о прошлом. Район между Тигром и Евфратом был почти опустошен. Некоторые места, такие как Нисибис, все еще сохраняли часть своего прежнего значения и существовали, как могли, за счет собственных ресурсов,

но к югу бесчисленные города, открытые в прежние времена ниневийскими завоевателями, когда они шли на Сирию, теперь были лишь грудями руин. На берегах Тигра людей было мало, и они не жили в достатке. Ассирийские изгнанники, освобожденные Киром после падения Вавилона, восстановили Ашшур и разбогатели, возделывая землю и занимаясь торговлей, но район между Верхним и Нижним Забом был совершенно заброшен, а сама Ассирия так и не оправилась от своего разрушения.

Калах был заселен: «Его стены шириной 25 футов и длиной 100 футов, а также длиной в два парасанга по окружности, были построены из кирпича на каменном основании высотой 20 футов». Пирамидальная башня храма козла, сохранившаяся до наших дней, «была построена из камня и имела ширину в один плетр и высоту в два плетры».

Прошло всего двести лет со смерти Саракуса [Син-шар-ишкуна], когда Ксенофонт путешествовал по этой стране, а жители соседних небольших городов уже не знали названий разрушенных Калаха и Ниневии, рядом с которыми они жили. Они называли первый город Лариссой, а второй — Меспилой, и сами историки были не намного лучше осведомлены, поскольку длинная череда ужасных завоевателей, начиная с Тукульти-Ниниба и заканчивая Ашшурбанапалом, была обобщена под мифическими именами Семирамиды и Сарданапала. Семирамиде приписывались победы и завоевания, а Сарданапалу — утонченные и интеллектуальные качества расы. Все ассирийское приписывалось тому или другому из этих двух.

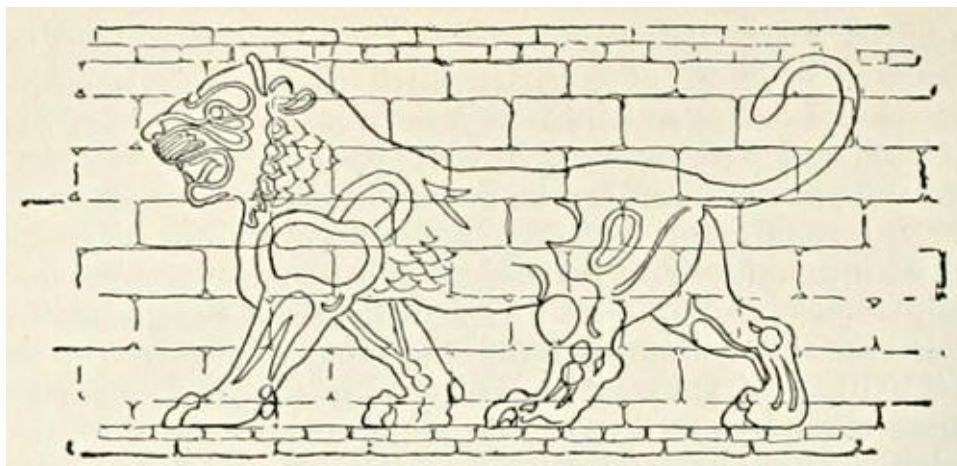
В Вавилонии Ур был теперь лишь незначительным городом, но Эрех был резиденцией школы теологии и науки, столь же известной на всем Востоке, как и школа в Борсиппе. Большинство путешественников считали сам Вавилон всей Халдеей. Вавилон был фактически второй столицей Персидской империи. Двор находился там часть года, так как это был центр торговли и промышленности, которого не хватало в Сузах. В течение первого века после завоевания город несколько раз пытался восстановить свою национальную династию, но после того, как он был разграблен Ксерксом, похоже, смирился со своим порабощением. Но даже в своем унижении город был источником многих сюрпризов для путешественника. В отличие от греческих городов, он был построен по регулярному плану, согласно которому улицы пересекались под прямым углом, некоторые параллельно, а другие под прямым углом к Евфрату; последние заканчивались медными воротами, которые открывались на набережную и давали доступ к реке. На улицах толпились представители всех азиатских рас, привезенные сюда требованиями торговли, а местные жители отличались элегантной одеждой, состоящей из льняной туники до ног и другой туники из шерсти с белым плащом.

Когда персидское правление сменило халдейское, арамейский язык не утратил своего значения. Он стал официальным языком всех западных провинций и встречается на монетах Малой Азии, на папирусах и стелах Египта, в указах и переписке сатрапов и даже в указах и переписке Великого царя.

От Нисибиса до Рафии и вдоль берегов Персидского залива до берегов Красного моря он вытеснил все языки, семитские и другие, которые использовались до этого.

Однако финикийский язык сначала с некоторым успехом удерживал свои позиции и долгое время использовался на побережье и на острове Кипр; но иврит, который начал выходить из употребления во время плена, постепенно исчез, вступив в контакт с диалектами, на которых говорили народы, проживавшие вблизи Иерусалима. Он существовал как «благородный язык» аристократии, верный дисциплине Иудеи, а затем, когда арамейский язык лишил его этой последней функции, он остался литературным литургическим языком.^e

[\[32\]](#) [Подробности о персидских войнах с Грецией мы оставим для следующего тома].

Персидский лев из дворца Дария в Сузах

ГЛАВА V. ПЕРСИДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Помимо священных книг, персы не оставили нам никакой значительной литературы, однако они прославились изобретением алфавита, который использовали во всех своих более поздних письменных источниках. Этот алфавит был основан на или адаптирован из слогового алфавита вавилонян. Как мы уже видели, эта система является сложной и замысловатой, требующей использования нескольких сотен символов. По-видимому, персы, как и финикийцы, проанализировали человеческую речь, которая, как оказалось, состоит из сравнительно небольшого числа основных звуков, и приняли относительно простые клинописные знаки для обозначения каждого из этих звуков. Этим письмом были написаны надписи персидских царей, в частности Дария и его непосредственных преемников. Персы внесли еще одно изменение, о чем свидетельствуют эти надписи, которое, хотя и не столь важное, имело значительную практическую ценность, а именно использование единой наклонной линии для разделения разных слов в надписи. Современному читателю кажется странным, что древние народы, за исключением персов, имели единый обычай писать свои буквы или слоговые знаки непрерывной серией без пробелов или знаков, обозначающих разделение на слова. Это было верно как для древнегреческих надписей, так и для надписей Египта и Месопотамии. Персам оставалось открыть практическую ценность или удобство обозначения разделения между словами. То, что такой обычай вошел в моду в Персии, было, возможно, связано с тем, что люди там были широко образованы, поскольку было принято учить всех детей из лучших классов читать, чего, вероятно, никогда не было в других восточных народах.

Мы уже видели, насколько ценным был этот обычай разделения слов в надписях для современных исследователей клинописного письма. Если бы не персидский алфавит и разделение предложений на слова в письменности, клинопись, на которой основана современная ассириология, еще долго оставалась бы неразгаданной.

В области искусства, как справедливо отмечается, персы не были новаторами, хотя и проявляли активный интерес к изобретениям других народов. Сохранившиеся памятники их искусства явно основаны на ассирийских образцах. Считается, что ассирийское искусство было передано Греции в основном через персов. В следующем отчете мы стремимся дать читателю всестороннее представление о персидской культуре во всех областях цивилизации.а

РЕЛИГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ УСТРОЙ

Заратустра появился в сердце Азии, среди народа, чья конституция, религия и нравы полностью отличаются от наших. Однако его учение, как и учение любого реформатора, было вызвано современными обстоятельствами и адаптировано к временам, в которые он процветал; и, следовательно, мы можем справедливо оценить его характер, только рассматривая его с учетом его эпохи. Мы должны забыть, что мы европейцы, и вместе с нашими более продвинутыми знаниями отбросить в сторону и наши предрассудки. То, что его законы содержат много странного и даже абсурдного, не является возражением против них; напротив, это обстоятельство скорее подтверждает их подлинность, поскольку именно этого и следовало ожидать от законодательной системы, относящейся к столь отдаленному веку и стране.

В нескольких частях своих сочинений Заратустра говорит о себе как о подданном одного из тех великих деспотических правительств, которых всегда было много в Азии, и, следовательно, он был более чувствителен, чем может быть европеец, к преимуществам и недостаткам, сопутствующим такой форме правления в цивилизованной стране.

Он не мог не замечать благотворного влияния сельского хозяйства и других мирных искусств, которые процветают только под покровом гражданского общества, и его ощущение этих преимуществ, должно быть, усилилось под влиянием контраста с незаконными и кочующими ордами, которые захлестнули его страну. Зло, которое обычно сопутствует деспотическим правительствам, должно было быть не менее ярко представлено его вниманию: невыносимое угнетение сатрапов и их подчиненных; роскошь и разврат, а также болезни и физические страдания другого рода, которые он сам перечисляет и оплакивает, проникли так широко, что пробудили в нем желание восстановить с помощью своей религиозной реформы более счастливые и лучшие дни.

Картина, которую азиат рисует себе в воображении о таких счастливых днях, отличается от той, которую представляет себе европеец. С юности пригнутый под игом абсолютной власти, он не смеет освободиться даже в мыслях, но выбирает другой способ компенсировать свои нынешние страдания. Он представляет себе деспотическое правительство не в руках тирана, а в руках отца своего народа; при котором каждый класс людей и каждый индивид мог бы иметь свою соответствующую сферу деятельности, в которой он ограничивал бы себя и выполнял свои обязанности; при котором мирные искусства земледелия, скотоводства и торговли, как предполагалось, процветали бы, богатство увеличивалось и умножалось, как будто руки монарха, подобно рукам божества, осыпали его народ благословениями.

Такое правительство и такой правитель описаны в самой *«Киропедии»*; их образ сохранился на протяжении всех периодов азиатской истории, по-прежнему оставаясь, так сказать, центральным элементом восточной традиции и ярко отразившись в кодексе Зороастра. По мнению этого мудреца, эпоха Джемшида, древнего правителя Ирана, была золотым веком его страны. «Джемшид, отец своего народа, самый славный из смертных,

кого когда-либо видел солнце. В его дни животные не гибли: не было недостатка ни в воде, ни в плодоносящих деревьях, ни в животных, пригодных для питания людей. Во время его правления не было ни морозов, ни палящей жары, ни смерти, ни безудержных страстей, делом рук богов. Люди, казалось, оставались в возрасте пятнадцати лет; дети росли в безопасности, пока правил Джемшид, отец своего народа».

Восстановление такого золотого века было целью законодательства Зороастра, который, однако, построил свой кодекс на религиозной основе, в соответствии с практикой Востока (); и многообразные церемонии, которые он предписывал, все имели отношение к определенным доктринам, тесно связанным с его политическими догматами; и абсолютно необходимо иметь в виду этот союз, если мы не хотим быть несправедливыми по отношению к той или иной части его системы.

Философская система Зороастра начиналась с тех спекуляций, с которых философия в младенчестве народов обычно начинает свой путь, будучи подталкиваема к этому самым живым и мощным образом, а именно с дискуссией о происхождении зла, которое в столь многих формах угнетает человеческую природу. Для нас не имеет значения, был ли он сам первым провозгласителем доктрин, которые он отстаивал по этому вопросу, или же он заимствовал их из более древних традиций Востока. Достаточно того, что в этом отношении он занял такую высокую позицию, что вся неясность, которая окружала этот вопрос, казалось, исчезла, пока горизонт не затянули тучи метафизики. Учение о принципе добра и зла, источниках всего хорошего и плохого, является краеугольным камнем всей структуры как его религиозной, так и политической философии.

Однако эта ведущая идея была модифицирована характером законодателя, который принял на себя ее автор. Он утверждал существование царства света и царства тьмы: в первом царит Ормузд, создатель и даритель всего добра; во втором — Ариман, источник всего зла, как морального, так и физического. Трон Ормузда окружен семью Амшаспандами, князьями света, первым из которых был сам мудрец. Им подчиняются Изеды, духи добра всех видов. Царство тьмы, подчиненное Ариману, имеет такую же иерархию; его трон окружен семью высшими Девами, князьями зла, а бесконечное число низших Девов подчиняется первым, как Изеды — Амшаспандам. Царства Ормузда и Аримана вечно противостоят друг другу, но в будущем Ариман будет свергнут, а силы тьмы уничтожены; власть Ормузда станет всеобщей, и только царство света будет существовать и охватывать всю вселенную.

Очевидно, что эта идеальная система была скопирована с конституций восточных монархий, и, наоборот, формы первой были применены ко второй: все это было явно адаптировано к месту и обстоятельствам времени, в котором появился законодатель. Он жил в стране, расположенной на границе кочевых племен, где у него была возможность сравнить преимущества гражданского общества с поразительным контрастом, представленным кочующими и беззаконными ордами, которые непрерывно опустошали его родную землю. Он как бы видел свои царства света и тьмы, воплощенные на земле: Иран, Медо-Бактрийское царство, подчиненное Густаспа, было образом царства Ормузда, а монарх — самого Ормузда; в то время как Туран, земля кочевых народов на севере, царем которой был Афрасиаб, был образом царства тьмы под властью Аримана. Ведущие идеи, изначально отличные друг от друга, были настолько тесно переплетены, что, если и не были полностью смешаны, то, во всяком случае, многие второстепенные образы были перенесены из одного в другое. Например, поскольку Туран лежал к северу от Ирана, царство Аримана занимает то же относительное положение; оттуда спускаются девы, которые всегда причиняют бесконечное зло Ирану. Поскольку жители Турана вели беззаконную, нестабильную жизнь, причиняя постоянное зло своими набегами, так и девы бродят во всех направлениях от

своих жилищ на севере и ищут поводов для причинения зла повсюду. Тем не менее, поскольку Ариман в конечном итоге будет побежден, а его царство уничтожено (), так же будет сломана власть вождей туранцев; законы Заратустры возобладают, и вернется золотой век Джемшида.

Таковы основные идеи, на которых основана система Зороастра. Однако он не ограничивался общими положениями, а применял свои принципы к различным видам сотворенных существ. Все, что существует, принадлежит либо царству Ормузда, либо царству Аримана, будь то разумное или неразумное, одушевленное или неодушевленное. Есть чистые люди, чистые животные, чистые растения (все это творение Ормузда); и, с другой стороны, есть нечистые люди, нечистые животные, нечистые растения, подчиненные владычеству Дэвов и принадлежащие к царству Аримана.

Все люди считаются нечистыми (*kharfasters*), которые мыслями, словами или поступками презирают законы Зороастра; все ядовитые и вредные животные или рептилии (которых в странах, граничащих с Мидией, гораздо больше и они гораздо опаснее, чем в Европе), а также все растения и овощи, обладающие теми же качествами. С другой стороны, в стране, где почитается закон Зороастра, все чисто, все свято: так что его заповеди распространяют свое влияние не только на человеческий род, но даже на животный и неживой мир. Долг слуги Ормузда (*маздрьеснан*) — поощрять все чистое и святое в природе, поскольку все это — творения Ормузда, в то же время вражда, которую он поклялся вести против Аримана и его творений, обязывает его нападать на всех нечистых животных и уничтожать их. На этих принципах Зороастр построил свои законы об улучшении почвы с помощью сельского хозяйства, скотоводства и садоводства, которые он постоянно внушает своим ученикам, как будто он не может достаточно убедить их в их важности.

Во внутренней организации своего царства Зороастр продолжал верно копировать характер, свойственный деспотическим правительствам Востока. Вся система основывалась на четырехчастном делении на касты: жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников любого рода. Это порядок, в котором они перечислены, но законодатель не упускает ни одной возможности возвысить и возвеличить касту земледельцев. Они извлекают изобилие из земли; их руки владеют мечом Джемшида, которым он рассек землю и извлек сокровища изобилия. Однако следует отметить, что это деление на касты описывается не как учреждение Зороастра, а как существовавшее со времен Джемшида; учреждение, которое законодатель не создал, а лишь сохранил.

Градация рангов соответствует иерархии царства Ормузда. Мы слышим о правителях мелких городов, правителях улиц (или частей городов), правителях городов и правителях провинций; главой всех этих правителей является король. Все, как подданные Ормузда, считаются добрыми и честными, особенно самый высокий из всех, монарх. Он является душой всех, от которого все зависят и вокруг которого вращается вся система. Его приказы абсолютны и неотменяемы, но религия Ормузда запрещает ему предписывать что-либо, кроме того, что справедливо и хорошо.

Таковы основные характеристики царства, набросанного Зороастром; картина деспотического правительства, основанного на принципах восточных обычаев. К этому он добавил предписания, рассчитанные на моральное совершенствование своего народа; он также не упустил из виду, что на привычках народа, и в частности на его домашних добродетелях, должна быть основана его государственная конституция. Отсюда его законы, поощряющие брак, его восхваление плодовитости женщин и его осуждение неестественных

пороков, которые были распространены в странах, где он жил. Однако он не рискнул провозгласить себя покровителем моногамии, либо потому, что сам не был убежден в ее целесообразности, либо потому, что его соотечественники были слишком привязаны к своим существующим обычаям.

Сохранение его постановлений было поручено жреческой касте, магиям, которые при мидянах составляли одно из их первоначальных племен, на которых была возложена обязанность сохранять известные среди них науки и выполнять обязанности публичного поклонения. Геродот прямо называет их отдельным племенем мидийцев, и эта особенность Востока, с которой нас познакомили еврейские анналы, дополнительно иллюстрируется уже приведенными замечаниями о жреческой касте египтян. Реформа Зороастра также была направлена на них. Согласно его собственным заявлениям, он был лишь восстановителем учения, которое сам Ормузд проповедовал во времена Джемшида: однако это учение было искажено, и в него проникла ложная и обманчивая магия (), дело рук девов, которую сначала нужно было искоренить, чтобы восстановить чистые законы Ормузда. Он написал свой первый и лучший трактат, «Вендидад», в период, когда его учение только начинало завоевывать господствующее положение, а ложные маги, поклонники девов, противостояли ему; отсюда и проклятия, которыми он постоянно осыпает их. Из истории мы знаем, что в конце концов его реформация торжествовала, хотя мы не можем проследить ее ход в деталях.

Поэтому Зороастр не должен рассматриваться как основатель, а только как реформатор касты магов, и ему, следовательно, следует приписывать внутреннее устройство этой касты, хотя впоследствии оно, возможно, претерпело некоторые изменения. Три ордена Хербедов (учеников), Мобедов (мастеров) и Дестур Мобедов (полных мастеров), на которые они были разделены, встречаются в его произведениях. Только они имели право выполнять религиозные обряды, только они обладали священными формулами или литургиями, с помощью которых обращались к Ормузду, и были знакомы с церемониями, сопровождавшими молитвы и жертвоприношения. Это было их особым знанием и предметом их изучения, и только через них молитвы и жертвоприношения могли быть представлены божеству. Таким образом, они стали считаться единственными посредниками между Богом и человеком; только им Ормузд открывал свою волю, только они созерцали будущее и имели власть раскрывать его тем, кто обращался к ним с просьбой об этом.

На этих основах и было построено, как среди персов, так и среди мидийцев, достоинство жреческой касты. Общее верование в предсказания, особенно полученные на основе наблюдений за небесными телами, и обычай не предпринимать никаких важных дел без консультации с теми, кто, как считалось, был знаком с такими оракулами, а также слепая вера в таких самозванцев, все это способствовало тому, что этот класс людей приобрел наибольшее влияние не только в отношениях частной жизни, но и в общественных делах. Во времена Заратустры, как и в настоящее время, считалось необходимым для достоинства и нужд азиатского двора, чтобы личность царя была окружена множеством предсказателей, мудрецов и жрецов, которые входили в состав его совета. Происхождение этого убеждения, которое так повсеместно и неизменно преобладало на Востоке, можно оставить для обсуждения другим, но то чрезвычайное влияние, которое оно оказало на нравы частной жизни и устройство государства в целом, заслуживает самого пристального внимания каждого, кто интересуется историей народов и их нравами.

Если мы примем во внимание все это и примем как доказанное, что Зороастр процветал при династии Мидийцев, то нас не может удивлять тот факт, что после падения этой монархии ее наследственная религия была принята завоевателями. Предположим (что мы

не готовы ни утверждать, ни отрицать), что до этого периода эти учения были неизвестны персам, но, судя по природе вещей, их принятие было почти неизбежным следствием неоспоримого факта — принятия персидскими монархами придворного церемониала мидийцев. Последний был определен и предписан смешанным политическим и религиозным кодексом этой нации и был неотделим от власти, на которой он основывался. Маги и мудрецы составляли наиболее почтенную часть двора; они окружали короля и были для него незаменимы в качестве предсказателей и гадателей. Они также отличались своей одеждой: поясом (*costi*), который не перекидывался через плечо, как шнур брахманов, в виде шарфа; священным кубком *хаван*, используемым для возлияний; и *барсом*, пучком веток, скрепленных лентой. Кроме того, вопрос заключался не в том, следует ли массам народа принять новую религию (учение Заратустры было исключительным наследием и наукой касты жрецов), а только в соблюдении определенных религиозных форм и способов поклонения, которые были оставлены на усмотрение жрецов.

Костюм персидского священника

(По Ду Соммерару)

Из истории известно, что каста священников Мидии утвердилась среди персов еще в момент основания их монархии Киром. Не только Геродот и Ктесий описывают их как орден священников при первых персидских князьях, но и явное свидетельство Ксенофонта в «*Киропедии*» не оставляет никаких сомнений, поскольку имеет историческую ценность благодаря примечанию, добавленному автором. Описав этикет персидского двора, заимствованный у мидийцев, он добавляет: «Кир также впервые назначил магов для пения священных гимнов при восходе солнца и ежедневного принесения жертв божествам, что было предписано их законом. Это положение дел продолжает поддерживаться каждым последующим монархом; а остальная часть персидского народа последовала примеру своего

князя, полагая, что они будут более склонны к процветанию, если будут поклоняться богам так же, как их монарх».

Таким образом, первым следствием их назначения было введение определенных религиозных обрядов при персидском дворе. Однако из этого ни в коем случае не следует, что персы сразу же отказались от обычаев и традиций своих предков и как бы внезапно превратились в мидийцев; скорее, произошло смешение и объединение их древних и вновь принятых взглядов и обычаев. В результате законы персов стали цитироваться в связи с законами мидийцев; их национальные божества по-прежнему почитались; и в свое время Геродот отмечает определенные различия, наблюдаемые в церемониях персов по сравнению с церемониями магов. Поэтому не следует удивляться тому, что мы не находим полного соответствия между предписаниями Зендавесты и обычаями персов; напротив, именно это разнообразие является одним из признаков подлинности этого сочинения.

Мы также не имеем права делать вывод из высказываний Ксенофонта о том, что весь персидский народ сразу принял магическую религию. Это, по-видимому, в достаточной мере опровергается совершенно разным образом жизни различных персидских племен; кроме того, как мы уже имели возможность заметить и как мы вскоре увидим, под персами Ксенофонт подразумевает более благородные племена, и, возможно, только племя пасаргадов. Еще менее мы вправе предполагать, что вероучение Заратустры было сразу же введено в завоеванных странах в качестве всеобщей религии государства; поскольку, несмотря на ярко выраженный характер нетерпимости, эта религия, по-видимому, никогда, в отличие от религии Мухаммеда, не распространялась огнем и мечом: ее создатель сам не был ни завоевателем, ни воином, и князья, которые приняли ее, не считали своим долгом обеспечивать ее распространение силой меча.

Гораздо ближе к истине предположение, что принятие этой религии сначала было ограничено двором, в котором каста магов, как жрецов, предсказателей и советников царя, составляла важную часть и, после жен и евнухов монарха, имела самый близкий доступ к его персоне. Одной из основных частей образования монарха было обучение знаниям магов, привилегия, которой обладали лишь немногие, кроме него, и те, кто пользовался особым расположением. Эта доктрина магов, смешанная с наследственными верованиями персов, была обозначена как закон мидийцев и персов и включала в себя знание всех священных обычаев, предписаний и традиций, касающихся не только поклонения божеству, но и всей частной жизни каждого поклонника Ормузда, с соблюдением обязанностей, которые он должен был выполнять, и наказаний, которые он мог понести за их нарушение. По мере того как предписанный ритуал становился все более обширным и многообразным, он становился все более подверженным сомнительным толкованиям, когда требовался совет магов, и, следовательно, не игнорировался. Из сравнения нескольких отрывков следует, что, вероятно, они составляли совет королевских судей, о котором упоминается еще во времена Камбиза. Само понятие религиозного законодательства, как мы его описали, подразумевает, что священники должны быть также судьями, и отдельные случаи, которые были зафиксированы как представленные на рассмотрение этого трибунала, подтверждают такое предположение. Этот суд состоял из людей, отличавшихся не только мудростью, но и справедливостью, занимавших свои должности пожизненно, если только не были признаны виновными в каком-либо несправедливом поступке. Когда это происходило, они подвергались суровому и жестокому наказанию. Однако есть примеры, доказывающие, что, хотя монарх считал своим долгом прислушиваться к мнению этого совета, он ни в коем случае не был обязан следовать его решениям. Камбиз спросил, законно ли ему жениться на своей сестре, и совет, зная, что он намеревался это сделать, ответил, что нет закона, который бы это разрешал, но что существует закон, который позволяет персидскому царю делать то, что он считает нужным. Таким образом, несмотря на кажущееся ограничение королевской

власти разделением судебной и административной власти, ответ этого высокого трибунала ясно показывает, что власть персидских царей была столь же неограниченной, как и власть любого другого восточного деспота в любой период.

Точно так же идея, принятая несколькими выдающимися современными авторами, о том, что персидская конституция была построена по образцу иерархии царства Ормузда, в любом случае, по-видимому, требует серьезных ограничений. Постоянно делается ссылка на семерых князей, которые стояли вокруг трона царя, подобно тому, как Амшаспанды окружали трон Ормузда, а также на другие, менее яркие аналогии. Но, в лучшем случае, эта аналогия применялась только к экономике двора и не распространялась на королевство в целом: в первом случае маги составляли важную часть, и вполне возможно, что это могло повлиять на характер всего целого. Однако, когда мы сравниваем картину, нарисованную Зороастром о конституции царства, в котором он жил, с картиной Персии, мы замечаем сходства, которые существуют во всех великих деспотических правительствах: принц, чьи приказы не подлежат отмене, деление империи на провинции и управление провинциями сатрапами; в то же время мы обнаруживаем и некоторые поразительные различия. Общее разделение на касты, на котором основана законодательная система Зороастра, никогда не было полностью установлено среди персов, хотя основа для такой системы была заложена в разнообразии занятий и образа жизни разных племен. Среди них мы находим племена знати или воинов и земледельцев, но нет племен ремесленников, которые вряд ли могли бы существовать среди народа завоевателей; также не известно, были ли занятия первых обязательно ограничены лицами этого племени.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРСИДСКОГО ДВОРА

В соответствии с обычаями всех великих деспотических правителей Востока, двор состоял не только из слуг царя, но и из многочисленной армии, в основном кавалерии, которая окружала царя и составляла часть его свиты. Эта кавалерия была разделена на корпуса по десять тысяч человек в соответствии с народами, из которых она состояла. Наиболее выдающимися были персы; остальные следовали в установленной иерархии. К ним присоединялись многочисленные телохранители, размещенные у ворот дворца, о которых мы уже имели возможность говорить в описании Персеполя. Если мы сравним их с описаниями придворных войск королей современной Персии или монгольских князей в Индостане и Китае, то увидим, что придворный уклад монархов Востока точно такой же, как и во времена Кира.

Естественным следствием растущей роскоши персов было увеличение числа придворных, когда было установлено правило, что для выполнения всех, даже самых незначительных обязанностей, необходимы специальные должностные лица.

Поскольку все эти чиновники содержались бесплатно, то, по словам Ктесия, ежедневно за столом царя питалось пятнадцать тысяч человек, а Ксенофонт уверяет нас, что только для того, чтобы застелить постель царя, требовалась значительная группа людей. Эти низшие слуги при дворе были организованы по тому же принципу, что и армия, и делились на десятки и сотни. Однако придворные более высокого ранга также были очень многочисленны и отличались общими названиями друзей, родственников или слуг царя, титулами, которые при любом деспотическом правлении считаются придающими высокую степень важности.

Не только из аналогии, которая преобладает в других дворах Востока, но и из сравнения различных отрывков древних писателей, представляется вероятным, что домашнее

хозяйство персидского монарха первоначально состояло из правящего племени или орды, а именно из Пасаргадцев, и особенно из семьи Ахеменидов. По этой причине придворные высшего ранга носили титул родственников царя, и почти каждая страница персидской истории доказывает, что все важные поручения доверялись, если не этой семье, то, во всяком случае, этому племени. Как прямо сообщает нам Ксенофонт, большая часть низших придворных слуг постепенно заполнялась воинственными последователями царя.

Само название Пасаргады, как мы уже имели возможность заметить, свидетельствует о том, что придворная семья состояла из представителей этой расы, и хотя невозможно установить, в какой степени в конечном итоге другие знатные племена постепенно получали те же привилегии, несомненно, что большинство придворных во все времена происходило из этого племени. Исследователь древности Персии, соответственно, найдет основания принять предположение, что греческие авторы в целом под «персами» подразумевали не весь народ, а только или в основном племя Пасаргады; и эта гипотеза особенно подходит к «*Киропедии*» Ксенофонта. Детали, которые он приводит в начале своего произведения, касающиеся образования и учреждений персов, не могут относиться ко всему народу, а только к правящему племени или царскому двору, как доказывают приведенные им сведения о местах. Если мы примем этот принцип толкования, то вся картина предстанет в совершенно ином свете, и ее больше не нужно рассматривать как роман. Это описание образования и образа жизни, которые в соответствии с обычаями были обязаны соблюдать аристократы нации или та ее часть, которая составляла царский двор, и строгость предписанной дисциплины вполне соответствует обычаям восточных дворов, где все регулируется точным церемониалом. Соответственно, это не следует рассматривать как описание национальной системы образования или нравов народа в целом, а как придворное образование и придворный церемониал; и поскольку они строги при всех деспотических и особенно при всех восточных правительствах, становится необходимым приучать к ним с самого раннего возраста тех, кто предназначен их соблюдать.

Экономика гарема персидских монархов, по-видимому, была точно такой же, как и нынешние обычаи азиатских народов в этом отношении. Он был заселен людьми из разных провинций империи, а надзор за всем этим был возложен на евнухов, следы которых мы находим задолго до персидской монархии при дворах мидийских царей, что было следствием практики полигамии. Его евнухи и жены окружали личность монарха и таким образом легко приобретали влияние, которое при слабом монархе, неспособном сбросить с себя иго, часто превращалось в своего рода опекунов, позволявшее им управлять государством и, в конце концов, господствовать над самим тронном.

Внутреннее устройство этих гинеев лучше всего описано в повествовании книги Есфирь, а рассказ о придворных интригах во время правления Ксеркса, записанный в последней книге Геродота, проливает дополнительный свет на их историю. Гарем был разделен на две группы апартаментов, и новоприбывшие переводились из первой во вторую после того, как их допускали в покои царя. Безграничная роскошь, которая в конце концов вырождается в утомительный этикет, сама по себе накладывает ограничения на страсти произвольных деспотов. В наши дни султан Константинополя далеко не всегда может выбирать объект своего желания по своему усмотрению; а персидский этикет требовал, чтобы целый год уходил на очищение с помощью ароматических веществ и дорогих духов, прежде чем начинающая красавица считалась достойной приблизиться к деспоту. Поэтому число наложниц должно было быть достаточно большим, чтобы каждый день появлялась новая жертва. Страсти ненависти и ревности, которые имеют свойство усиливаться по мере сужения сферы их проявления, достигали в персидском гареме такой степени злобы, которую наше воображение с трудом может себе представить. Когда Аместрис, жена Ксеркса, наконец удалось заполучить в свою власть свою невестку, которую

она подозревала в соперничестве, она приказала калечить ее способом, слишком ужасным, чтобы о нем рассказывать.

Однако законные жены царя занимали совершенно иное положение, чем его наложницы; это различие проявлялось и в худших условиях жизни. Поскольку все в устройстве страны зависело от различий между племенами, супруга выбиралась из семьи Кира или Ахеменидов; хотя пример Эстер, по-видимому, доказывает, что иногда наложницы возвышались до того же ранга. В этом случае они надевались знаки королевской власти, диадему и другие регалии. Однако образ жизни королевы-супруги был не менее строго предписан и ограничен, чем образ жизни наложниц; и в качестве примечательного примера упоминается, что Статира настолько превысила эту обременительную систему этикета, что появилась на публике без вуали.

Неопределенность преемственности является неотъемлемым следствием управления гаремом. Правда, внебрачные дети были полностью исключены из наследования по обычаям Персии, но интриги их матерей и вероломство евнухов с помощью яда часто прокладывали им путь к трону. В отношении законных сыновей действовало правило, что наследником должен быть старший, особенно если он родился, когда его отец был королем. Однако выбор оставался за монархом, и поскольку на его решения обычно влияла королева, власть королевы-матери среди персов была еще более значительной, чем среди турок. Поскольку воспитание наследника престола в основном доверялось его матери, она не преминула с ранних лет привить ему дух зависимости от ее желаний, от которого будущий царь редко мог освободиться. Рассказы Геродота и Ктесия о тираническом влиянии, которое оказывали Парисатис, Аместрис и другие, являются ярким свидетельством этого факта.

Еще одним неизбежным следствием такой системы является незначительность всего, что можно было бы по праву назвать государственным советом. Дела государственной важности обсуждались в гареме под влиянием царицы-матери, любимой жены и евнухов. Только в случаях, когда планировались какие-то крупные экспедиции или подобные мероприятия, проводились длительные совещания, на которые приглашались сатрапы, вассальные князья и военачальники. Однако основной вопрос, как правило, уже был решен, и обсуждение касалось только способов его реализации. Но даже в этом вопросе проявлялся деспотический характер правительства, поскольку тот, кто давал какой-либо совет, был обязан отвечать за его результат, и в случае неудачи наказание ложилось на его голову.

Все остальные обстоятельства частной жизни царя несли на себе следы первоначального состояния народа и представляли собой картину кочевого образа жизни, доведенного до крайней степени роскоши. Даже после того, как эти монархи заняли постоянные резиденции, признаки этого не исчезли полностью, особенно в их ежегодных переселениях из одного жилища в другое в определенные времена года. Подобно вождям кочевых племен, цари Персии в определенные сезоны переезжали со своими семьями из одного главного города империи в другой. Три столицы — Сузы, Вавилон и Экбатана — каждая из них ежегодно пользовалась привилегией быть в течение определенного периода резиденцией монарха. Весна проводилась в Экбатане, три летних месяца — в Сузах, осень и зима — в Вавилоне. Большое разнообразие климата в столь обширной империи (разнообразие, которое по ряду причин все еще более заметно в Азии, чем в Европе) было источником удовольствий, которые в нашей части земного шара мы едва ли можем оценить. Эти переезды сопровождались таким множеством последователей, что свита двора напоминала армию, и по этой причине бедные провинции избавлялись от визитов, которые подвергали бы их ужасам голода. Многочисленная свита вооруженных последователей в настоящее время является постоянной частью домашнего хозяйства великих людей Востока, а в случае их королей их число достигает численности регулярной армии. Та же система сохраняется

без изменений правителями современной Азии, и рассказы путешественников об этом факте трудно читать без удивления.

Следы того же кочевого образа жизни можно обнаружить и в устройстве королевских дворцов и дач. Они были повсеместно окружены просторными парками или, как их называли персы, раями, образуя владения, достаточно обширные, чтобы в них можно было проводить смотр войск или собираться для охоты на дичь, которой здесь было собрано большое количество и всевозможных видов. Такие заведения существовали не только в трех уже упомянутых столицах, но и в нескольких других странах Азии, где царь обычно проводил часть своего времени или где проживали его сатрапы.

Дворец царя назывался у древних персов, как и в современном Константинополе, Порта. В соответствии с обычаями других восточных деспотов, персидские цари проживали в глубине своих дворцов, редко появляясь на публике и охраняя все пути доступа к себе. В результате, множество министров и придворных были вынуждены занимать свои места в соответствии со своим рангом во дворе, за воротами или перед воротами дворца; уважение к монарху, особенно в его присутствии, предписывало строгую систему этикета, дисциплина которой начиналась с ранней юности тех, кто был вынужден ее соблюдать. Число придворных, церемониймейстеров, стражников и прочих было бесконечным. Только через них можно было получить доступ к монарху, и поэтому они были наделены титулами, которые обозначали их отношение к нему, называясь ушами короля, глазами короля и т. д., потому что никто без разрешения или без их посредничества не мог приблизиться к его присутствию.

Стол короля также регулировался не менее абсолютной системой этикета, которая, хотя и была направлена на обеспечение максимального удовольствия, в конечном итоге становилась более обременительной для самого деспота, чем для его гостей.

Как повелитель и владелец всей империи, он считал недостойным для себя пробовать что-либо, кроме лучших и самых дорогих продуктов своих владений; для него была пригодной для питья только вода из Хоаспа, которую соответственно перевозили в серебряных сосудах на множестве повозок, куда бы он ни путешествовал. Даже соль привозили из окрестностей храма Юпитера Аммона в центре африканской пустыни; вино — из Халибона в Сирии; пшеницу, из которой пекли хлеб, — из Эолии и так далее. Отсюда возник обычай, что во время его путешествий монарху должны были преподносить лучшие плоды каждой страны; и, согласно свидетельству Ксенофонта (), существовали отряды людей, предназначенные исключительно для того, чтобы искать по его обширным владениям все, что могло бы добавить роскоши к царскому столу.

Среди удовольствий двора числилась охота, которая считалась не только высшим из всех развлечений, но и подходящей подготовкой к тяготам войны. В конце концов, целые армии были посвящены этой деятельности, и такие экспедиции напоминали те, которые иногда проводили монархи континентальной Европы. Персы изначально были народом охотников и пастухов, и одно из их племен, сагартийцы, которые во времена Геродота сохраняли свои пастушеские привычки, применяли в войне искусство охоты, набрасывая лассо на шею убегающего врага, как на животное. На более продвинутой стадии цивилизации персы по-прежнему отличаются любовью к тем же занятиям, и то, как они в древности занимались этим развлечением, точно напоминало то, что практиковали монгольские князья. Различались охота в парке, которая была любимым развлечением монархов и вельмож Персии, и охота в открытой местности, которая была более благородным видом развлечения и обычно практиковалась в районах, богатых дичью, на севере Мидии и в Гиркании.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ; ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА; САТРАПЫ

Если мы задумаемся о первоначальных условиях жизни персов, то должны признать, что их представления об управлении и финансах не могли быть очень утонченными; и первобытное состояние этого народа продолжало окрашивать их институты, несмотря на их постепенное усовершенствование и развитие их первой конституции. Формы европейского правительства и финансов не могли найти места в империи, основанной кочевым народом, несмотря на то, что многие авторы, претендующие на глубокое знание Востока, с трудом избавлялись от своих европейских предубеждений.

«Персы, — говорит Геродот, — считают всю Азию своей и собственностью каждого последующего царя Персии». Эти несколько слов содержат основную идею, на которой должно основываться все последующее обсуждение.

Грубый народ завоевателей естественно рассматривает завоеванные страны со всем, что в них находится, как свою собственность; и азиатская история представляет несколько примеров таких народов, которые для своего мирного проживания полностью обезлюднили свои завоеванные владения. Персы не преминули принять тот же план, когда никакой другой не казался подходящим для подавления своих вассалов; но когда их завоевания стали очень обширными, это стало неосуществимым, и они были вынуждены придумать другие средства для обеспечения своего господства.

Мы уже объясняли, как и когда эти институты были впервые приняты. Покоренные народы были вынуждены платить дань, сначала навязанную произвольно, но при Дарии уменьшенную до ежегодного и регулярного налога, о котором Геродот дал нам полное описание.

Несмотря на всю важность этого документа, он дал повод для многих недоразумений. Денежная дань рассматривалась как единственный или, во всяком случае, основной доход, который монарх получал от своей империи; и, имея перед глазами европейские обычаи, авторы представили себе существование государственной казны, из которой оплачивались расходы государства, содержалась армия, оплачивалась работа государственных служащих и т. д. Однако такой порядок вещей был совершенно неизвестен на Востоке. Персидские государственные служащие не получали назначений в европейском смысле этого слова; рассматриваемая дань обеспечивала лишь личные доходы царя и, помимо его собственных расходов, не использовалась ни для каких государственных целей, за исключением, возможно, вручения подарков.

Поскольку цель финансовой системы, принятой народом завоевателей, должна отличаться от целей всех других, то же самое должно относиться и к внутренним правилам, относящимся к такой системе.

Цель, о которой идет речь, заключается не в чем ином, как в том, чтобы завоеванные народы, чья земля считается собственностью завоевателей, платили за все и обеспечивали содержание короля, двора и, в некотором смысле, всего народа.

Геродот рассказывает нам, что, помимо дани, вся Персидская империя была разделена на части для содержания царя и его армии, или его свиты, причем каждый район был обязан обеспечивать их в течение определенного периода. В результате такого устройства платежи из провинций в основном производились в виде плодов и природных продуктов земли, взимаемых с учетом плодородия каждой почвы и ее природных преимуществ. Лучшее из каждой страны считалось собственностью царя и доставлялось ему правителями провинций; и поскольку таким образом в королевской резиденции накапливались всевозможные припасы со всех концов империи, там неизбежно царило изобилие и

роскошь, которые развращали нравы двора и приносили те привычки расточительности и чувственности, которыми так славились персы.

Однако необходимо было содержать не только двор царя, но и дворы сатрапов каждой провинции, которые были построены по образцу двора их господина; их свита часто была не менее многочисленной, и они поддерживали образ жизни, который часто превышал их доходы; и так как потребности монарха удовлетворялись со всех концов его империи, то и их потребности удовлетворялись со всех концов каждого ведомства. Определенные места были назначены для обеспечения определенных предметов первой необходимости или роскоши, и Геродот рассказывает нам, что Масистий, сатрап Вавилона, зарезервировал не менее четырех значительных деревень Вавилонии для содержания своих индийских гончих.

К этим бременам добавлялось содержание королевских войск, которые были расквартированы большими корпусами по всем провинциям и которые оплачивались не из личной казны короля или из провинциальных даней, а провинциями, которые они занимали.

К этим взносам натурой добавлялись выплаты наличными, или, вернее, дань в виде нежданного золота и серебра, о чем Геродот дает нам свое известное описание. Были ли они собраны в виде подушной подати, подоходного налога или каким-либо иным способом, историк не сообщает, но он уверяет нас, что их сумма ежегодно составляла четырнадцать тысяч пятьсот талантов. Собранные таким образом золото и серебро — только индийцы платили дань золотом — хранилось в слитках, которые царь использовал по мере необходимости.

Однако можно с уверенностью предположить, что суммы, указанные Геродотом, не всегда оставались неизменными. Мощные вооружения, предпринятые персидским правительством, особенно при Ксерксе, требовали чрезвычайных расходов и вызвали необходимость увеличения налогов, как это прямо упоминается. Когда наемные войска стали частью персидской армии, увеличение дани было неизбежным следствием.

Кроме того, суммы, которые сатрапы выкачивали из провинций, не были включены в уже перечисленные. Один только сатрап Вавилона получал ежедневно более одного аттического медимна серебра (), что по умеренным подсчетам составляло доход более 100 000 фунтов стерлингов, а сумма, выплачиваемая царю из той же провинции, составляла примерно вдвое больше.

Из всего этого можно сделать вывод, что суммы, перечисленные Геродотом, ни в коем случае не включали в себя все, что должны были предоставлять провинции, а только то, что сатрапы выплачивали в казну царя.

Эти налоги распространялись на всю империю, за исключением Персии, поскольку освобождение от дани было естественной привилегией победившей нации.

К этим основным источникам государственных доходов добавлялись и другие, основанные отчасти на особенностях страны, отчасти на характере ее конституции.

К первому классу относятся доходы, полученные от прав на орошение. Персия — очень засушливая страна, и, несмотря на прекрасный климат, ее плодородие зависит от запасов воды. В древности, как и в современности, это давало правителям повод для взимания сборов с подданных, о чем Геродот приводит замечательный пример. Одна из самых плодородных частей страны была разделена рекой Ацес на пять отдельных рукавов, которые простирались в горы; среди этих гор персидские цари построили мощные дамбы, чтобы удерживать в своих руках воду реки, и использовали эту власть для взимания с подданных дополнительного налога.

Еще одним источником дохода для королевской казны было право на рыбную ловлю в канале, соединяющем озеро Мерис с Нилом. В течение шести месяцев, когда вода текла в озеро, доход составлял один талант в день; в течение остальных шести месяцев — двадцать мин.

В дополнение к этому, конфискация имущества сатрапов и других вельмож была значительным источником дохода; в Персии, как и во всех деспотических государствах, потеря жизни сопровождалась конфискацией имущества.

Однако добровольные пожертвования, как их называли, которые представлялись царю, были, вероятно, еще более значительными. На Востоке было общепринятым обычаем, что никто не мог предстать перед вышестоящим, особенно перед царем, без подарка. Вельможи двора, например сатрапы, таким образом стремились купить или сохранить благосклонность царя, но во время определенных торжеств, особенно в день рождения царя, такие подарки поступали со всех концов империи. Они состояли не столько из денег, сколько из редкостей и ценностей всякого рода, подобных тем, что изображены на руинах Персеполя. Какие сокровища должны были накопиться в такой ситуации в огромной Персидской империи!

Такая система государственных доходов с самого начала показывает, что расходы также должны были быть не менее своеобразными.

Мы уже отмечали, что мы должны отбросить идею о чем-то вроде государственной казны, из которой регулярно выплачивалась зарплата государственным служащим, — такая система была неизвестна как в древней, так и в современной Персии.

Все расходы, которые можно охарактеризовать как государственные, такие как содержание армии и т. д., не покрываются из средств государственной казны, а заранее обеспечиваются в провинциях. Королевская казна остается частным сундуком для личного пользования, из которого он берет то, что хочет, для подарков, но не в монетах, а в слитках или в золотых сосудах, даже расходы двора и домашнего хозяйства не покрываются из нее, а оплачиваются двумя следующими способами.

Все низшие слуги при дворе, включая телохранителей, которые в Европе получали бы жалованье, при дворе Персии не получали плату натурой, а продуктами; для этой цели использовались запасы, которые в изобилии поступали из разных провинций и более чем достаточные для потребления при дворе.

С другой стороны, все более высокопоставленные лица, великие вельможи двора, друзья или родственники царя, которые в силу своего происхождения или должности могли претендовать на милости или пенсии, не получали ничего в денежной форме, а скорее получали в распоряжение города или поселки, которыми царь распоряжался по своему усмотрению, в силу своего права как единоличного владельца имущества и жизней своих подданных; как автократ всех русских земель имел обыкновение дарить несколько тысяч крепостных. Лицо, которому было передано такое право, получало доход от данного места, а король располагал точными счетами их стоимости, чтобы регулировать распределение своих милостей. Тем не менее, человек, удостоенный такой милости, по-видимому, был обязан отдавать часть своего дохода королю в виде дани. У лиц высочайшего ранга, матери или супруги монарха, роскошь достигла таких пределов, что им выделялись различные места, чтобы удовлетворить даже самые незначительные из их желаний. Таким образом, плодородный район, протяженностью в один день пути, был выделен для снабжения зоны королевь; и таким образом Фемистокл получил город Магнезия, приносящий доход в

пятьдесят талантов, для снабжения его хлебом, Лампсак для снабжения вином, а Миус — гарнирами для его стола.

Помимо этих наделов деревень и городов, было принято также выделять таким же образом дома и земли в провинциях; и пожертвования такого рода обычно сопровождалось должностями при дворе, учрежденными самим Киром и сохранившимися в последующие века.

Те, кто обладал такими наделениями, пользовались ими в течение всей своей жизни; после их смерти их места и владения возвращались королю, который распоряжался ими по своему усмотрению. Без такой системы было бы невозможно даже для безграничной Персидской империи удовлетворить щедрость монарха, проявлявшуюся по отношению к такому большому числу людей и вынуждавшую его также покрывать многочисленные расходы. Тем не менее, согласно Ксенофону, владения, связанные с должностями при дворе, становились наследственными и составляли родовое имущество тех, чьи предки были первыми назначенными на эти должности Киром. Среди народа, конституция которого, как и у персов, полностью зависела от происхождения и различий между племенами, было естественно, что должности становились наследственными, и непосредственным следствием этого было то, что доходы, связанные с ними, следовали тому же правилу.

Эти предварительные замечания помогут нам понять внутреннее управление провинциями. Поскольку само деление на провинции было сделано с целью более точного сбора дани, политическое управление сатрапиями, связанными с этим, не было сразу доведено до совершенства, а развивалось постепенно. Поскольку эпоха Ксенофонта в целом может считаться самым процветающим периодом персидской истории, мы будем менее подвержены ошибкам, если ограничимся свидетельствами, которые он нам предоставил.

Правительство сатрапов, которое тогда было полным, было обычным явлением для Персии и других деспотических империй, но поскольку оно влекло за собой множество злоупотреблений, предпринимались попытки максимально смягчить их.

Преимуществом, которым в этом отношении персидская система управления обладала по сравнению со всеми другими системами того же рода, было тщательное разделение гражданской и военной власти; исключения, которые имели место в поздние века империи, были результатом злоупотреблений. Согласно персидским представлениям, король должен был выполнять двойную обязанность: обеспечивать безопасность, а также хорошее управление и развитие своей империи. Для достижения первой цели по всей территории империи были созданы гарнизоны, а для достижения второй — назначены гражданские власти.

Основа этой выгодной договоренности была заложена в самом начале существования империи, когда были назначены сборщики королевской казны и командующие войсками, и она сохранилась после того, как провинции были более точно разделены и были созданы сатрапы. Ксенофонт дает нам наиболее убедительное доказательство этого, когда он описывает первое назначение сатрапов, которое, как он сообщает, было впервые осуществлено Киром.

«Вы знаете, — говорит он своим друзьям, — что я оставил гарнизоны и их командиров в завоеванных странах и городах, которым я поручил заниматься только их безопасностью. Вместе с ними я также назначаю сатрапов, которые будут управлять жителями, собирать дань, платить гарнизнам и заниматься всеми другими необходимыми делами». Эта институция существовала без перерывов в течение длительного периода, и сатрапы неоднократно упоминаются в истории наряду с командирами войск. Однако в более поздние

века персидской монархии стало обычным назначать сатрапов также командующими войсками царя, особенно если они были членами царской семьи. Таким образом, младший Кир был сатрапом Мизии, Фригии и Лидии и в то же время генералиссимусом всех войск, собравшихся на равнине Кастолус. То же самое мы видим в случае с Фарнабазом () и другими, настолько, что даже во времена Ксенофонта стало обычным явлением, что сатрап провинции был также командующим войсками в этой провинции, особенно в пограничных провинциях, где такое объединение полномочий было особенно необходимо. Пагубные последствия этой практики, ее склонность провоцировать восстания среди сатрапов и подготавливать почву для внутреннего распада империи, достаточно хорошо доказаны одним примером младшего Кира. Однако, несмотря на это злоупотребление, неверно, что в провинциях было введено военное правительство, поскольку другие гражданские чиновники продолжали оставаться независимыми от командующих войсками, а последним не разрешалось принимать какое-либо участие в гражданском управлении. Ксенофонт сообщает нам, что сатрапам было поручено наблюдение как за командирами войск, так и за гражданскими магистратами; царь Персии назначал лиц обоих типов командирами войск, а также магистратами для управления страной, причем одна группа была обязана проявлять почтение к другой.

Первой обязанностью сатрапов и их заместителей (ὑπαρχοί) несомненно был сбор доходов, как натурой, так и деньгами; однако их полномочия не ограничивались этим, они были одновременно уполномочены содействовать развитию сельского хозяйства и улучшению почвы; и заметное внимание, уделяемое этим целям, составляет главную заслугу персидской администрации. Как уже отмечалось, кодекс Зороастра настаивал на том, что возделывание земли, садоводство, разведение скота и земледелие являются одними из самых священных обязанностей его последователей, а все нечистое изгоняется из земли, где принят его закон, и там допускаются только чистые люди, чистые животные и чистые растения. Эта идея законодателя, примененная ко всей империи, представляет, без сомнения, великолепную картину, которая, хотя и должна оставаться в основном идеальной картиной, тем не менее в значительной степени была реализована при персидской монархии. Те парки или раи, которые окружали не только дворцы монарха, но и дворцы его сатрапов, были столькими живыми образами чистого царства Ормузда, реализованными насколько это было возможно самыми прославленными из его слуг. Когда младший Кир провел восхищенного Лисандра по своим удовольствиям и продемонстрировал их регулярность и красоту, «Все это», - сообщил он ему, «я сам спланировал и даже посадил многие деревья своими руками»; и когда спартанский полководец ответил недоверчивым взглядом на его роскошные одежды, цепи и золотые браслеты, он поклялся ему Митрой, как хороший слуга Ормузда, что никогда не пробовал пищу, пока не утомил себя трудом.

Таким образом, эти заповеди их религии делали священным долгом правителей провинций содействовать возделыванию своих районов; и так же, как военная служба подвергалась ежегодной проверке, так же проверялась и гражданская служба. Ксенофонт рассказывает нам, что «царь ежегодно посещал какую-нибудь часть своей империи, а туда, куда он не мог отправиться сам, он посылал своего представителя с той же целью. Те магистраты, на территории которых земля была хорошо возделана и покрыта деревьями или посевами, получали от царя увеличение территории и были вознаграждены подарками; а те, чьи провинции были плохо возделаны и обезлюдены, будь то из-за халатности или в результате угнетения, подвергались порицанию и лишались своих полномочий, а на их место назначались другие».

Если бы эти институты не были разрушены злоупотреблениями, которые ускорили падение Персидской монархии, они бы значительно компенсировали все неизбежные беды, сопутствующие деспотическим правительствам. Какими бы значительными ни были

расходы на содержание царя, его сатрапов и войск, они не могли быть обременительными в странах, благословленных такой необычайной плодородностью, где налоги в основном уплачивались натурой, пока мудрые законы о возделывании земли стремились облегчить эти бремена (); но расточительность и роскошь вельмож, их частые восстания и междоусобные войны привели к тому, что эти мудрые законы вышли из употребления и сорвали благожелательные намерения мидийского законодателя.

Управление провинциями находилось в ведении царя, который обычно назначал своих родственников, братьев или зятьев. Двор сатрапа был сформирован по образцу двора монарха, и все его церемонии были такими же, только менее пышными. Сатрапы также имели свои гаремы, которые, как и гарем монарха, были вверены евнухам, и многочисленную свиту домашней стражи, отличную от королевской и состоящую частично или полностью из персов: их резиденции, как и резиденции монарха, были окружены парками; и иногда, в лучшие месяцы года, они (как и монарх) переселялись из одного места в другое в сопровождении своих дворов и проводили лето в палатках.

История предоставила нам замечательный пример того, как эти чиновники собирали налоги. Когда персы во второй раз покорили Ионию, вся территория была измерена в парасангах, и дань была распределена соответственно. В данном случае это был, очевидно, земельный налог, который, однако, вероятно, в основном уплачивался в виде продуктов. Сатрап получал эти налоги, будь то натурой или деньгами, и после того, как он обеспечивал свои собственные расходы, содержание войск царя и содержание гражданских магистратов, остаток передавался царю. Личная заинтересованность сатрапа, если он хотел сохранить благосклонность царя, побуждала его делать эту отдачу как можно более значительной, даже если точная сумма не была установлена.

Для обеспечения интересов царя при дворе каждого сатрапа также находились царские писцы, которым передавались царские приказы и которые сообщали их сатрапу. Переданные таким образом приказы требовали немедленного исполнения, и малейшее сопротивление считалось мятежом. Даже подозрение в чем-либо подобном было достаточным для их гибели, и, как и в Турецкой империи, их наказание не сопровождалось никакими формальностями. Правитель посылал посланника, который передавал приказ о казни сатрапа его стражникам, которые приводили его в исполнение, срубая его на месте своими саблями.

Для ускорения связи с провинциями была принята система, которую сравнивали, но весьма некорректно, с европейской почтовой системой. Посланцы назначались на разных станциях, удаленных друг от друга на расстояние одного дня пути, с целью передачи повелений царя сатрапам и депеш последних двору.

Учреждения такого рода особенно важны для деспотических правительств, в которых чрезвычайно трудно поддерживать зависимость префектов или губернаторов, и встречаются почти во всех, которые обладают чем-то похожим на внутреннюю организацию. То же самое существовало при римской монархии и было установлено, с еще большими затратами, в империи монголов преемниками Чингис-хана.

Персидские монархи также приняли другой план для обеспечения верности своих сатрапов. Каждый год отправлялся комиссар во главе армии, уполномоченный, в зависимости от обстоятельств, поддерживать или наказывать этих офицеров; и Ксенофонт уверяет нас, что этот обычай, который восходил к началу империи, сохранялся и в его время. Сначала, несомненно, цель заключалась, как и в других королевствах с подобным устройством, в сборе просроченной дани, но если учесть власть и высокомерие сатрапов во второй половине персидской монархии, можно с уверенностью предположить, что этот обычай сошел на нет.

Мы уже описали в общих чертах причины высокомерия сатрапов и восстания, к которым оно привело. Помимо объединения в их лицах гражданской и военной власти, одной из главных причин было величие командования, возложенного на некоторых из них путем объединения двух или более сатрапий. Пример этого и высокомерия, к которому это привело, встречается еще во времена правления Дария Гистаспа в лице Орета, который был одновременно сатрапом Фригии и Лидии; а в последующие периоды правления эта практика стала еще более распространенной, особенно в случае сатрапий Малой Азии. Кир Младший был правителем большей части этого полуострова, а после его смерти Тиссаферну было позволено удерживать власть, которой он обладал, в дополнение к той, которая всегда принадлежала ему.

С этого периода персидская история продолжает представлять собой постоянную картину постоянно растущей аггогансиа этих наместников, которые иногда открыто восставали, а иногда, имея титул сатрапа, провозглашали себя независимыми правителями. Некоторые из них фактически были основателями монархий, которые, как Каппадокия, Понт и другие, постепенно становились более или менее независимыми. Союзы и разногласия между этими правителями способствовали поддержанию духа неповиновения, которому способствовали изнеженность и коррупция при дворе. Они начали относиться к своим провинциям не как к районам, вверенным их заботе, а как к территориям, доходами от которых они могли пользоваться; и уже во времена Ксенофонта мы видим, как сатрап Мисии произвольно назначает вице-сатрапа, которому, за плату дани, он поручает управление своей провинцией, а после своей смерти продолжает то же самое в отношении своей вдовы, получив гарантии выплаты своих доходов. Такие произвольные меры, должно быть,

постепенно разрушили внутреннюю структуру империи, и слабость связи между ее различными частями убедительно доказана историей ее падения.

ВОЕННЫЕ МЕТОДЫ

Военные экспедиции, предпринимаемые кочевыми народами, какими когда-то были персы, по своему происхождению являются миграциями, цель которых — занять более благоприятные и плодородные места. Отсюда и возник обычай переселять одновременно с собой жен, детей и все движимое имущество, что неизменно затрудняло поход таких вооруженных отрядов. Ксенофонт прямо говорит нам, что это было обычной практикой большинства азиатских народов, а из дальнейшего развития их истории следует, что это был древний персидский обычай.

Точно так же привычки кочевых народов неизбежно приводят к тому, что такие армии состоят полностью или преимущественно из кавалерии. Первое было характерно для монголов, второе — для персов. Первая практика замедляет, а вторая значительно ускоряет поход их армий. Ограниченность их потребностей позволяет им, когда того требует ситуация, обходиться без любого багажа, и история монголов дает примеры невероятной скорости, с которой такие армии совершали длительные походы, которые привели бы европейскую армию в отчаяние.

Костюм персидского царя

(По Ду Соммерару)

Это основные моменты, которые следует учитывать в отношении военной системы кочевых народов в целом и персов в частности; но по мере постепенного развития их гражданского устройства их военные институты также претерпели значительные

изменения, хотя и не достигли того совершенства, которое отличает европейские « ». Пример Турецкой империи продолжает показывать, с какими трудностями азиат, который всегда наполовину кочевник, может привыкнуть к дисциплине. Поскольку дисциплина является результатом чувства чести и любви к родине, то, с другой стороны, деспотизм является источником разнузданности и жестокости, которые, конечно, могут проявляться в яростных набегах, но не в хладнокровных смелых поступках, подобных тем, что совершают европейцы.

Власть, завоеванная путем завоевания, может поддерживаться только постоянной армией, и поэтому мы не можем удивляться тому, что провинции Персии постоянно оккупированы большими массами людей, предназначенными для поддержания их в подчинении, а также для защиты от иностранных захватчиков. Сразу после завершения завоеваний такие силы оставались в провинциях, поддерживаемые не королем, а завоеванными народами. Особенно много примеров этого можно найти в приграничных государствах, в Малой Азии, Египте и других регионах, которые были особенно подвержены нападениям извне или где было наиболее вероятно возникновение восстаний. Однако Малая Азия с начала войн с Грецией стала главным складом сил Персии; она была заполнена значительными отрядами людей, которых можно было легко собрать вместе, когда того требовала ситуация, и поэтому Александр, вторгшись в нее, обнаружил там войска, собранные для противостояния ему на берегах Граника.

В самый расцвет своей истории военная система персов была следующей. В каждой провинции содержались два вида войск: те, которые занимали открытую местность, и те, которые удерживали города в качестве гарнизонов. Они были разными и подчинялись разным генералам. Для первого вида войск было четко определено, сколько и какого класса солдат должно содержаться в каждой провинции. Основную силу составляла кавалерия, но были также лучники, пращники и тяжеловооруженная пехота. За обеспечение полной численности этих войск отвечали их последовательные командиры, и они содержались как за счет продовольствия и денег из доходов провинций, так и за счет казны сатрапа, который должен был обеспечивать жалованье солдатам. Однако командиры войск не подчинялись правителям, за исключением случаев специального назначения. С другой стороны, они, по-видимому, находились в прямой зависимости от царя, поскольку назначались им и смещались по его усмотрению, а список таких должностей оставался в его руках. Ежегодные смотры войск, которые проводились по всей империи, обычно проводились не сатрапами, а в окрестностях столиц самим царем, а в отдаленных провинциях — лицами, уполномоченными им проводить их от его имени. В этих случаях проявлялась большая точность, и в зависимости от хорошего или плохого состояния войск их командиры получали аплодисменты и награды, или лишались своего звания, или подвергались произвольным наказаниям.

К этим мерам добавлялась еще одна — подразделение империи на определенные военные кантоны, независимые от гражданской администрации, сформированные с учетом мест сбора войск. Таким образом, войска, дислоцированные в определенной провинции, всегда собирались в одном месте, от которого кантон и получал свое название. Упоминаются кантоны в Малой Азии, и, поскольку вышеупомянутые учреждения распространялись на всю империю, а смотры проводились в каждой провинции, можно предположить, что этот обычай также был всеобщим. Геродот прямо упоминает кантоны на этой стороне Халиса, и, следовательно, мы должны сделать вывод, что то же самое было распространено и на другой стороне. Из кантонов в Малой Азии Ксенофонт особо выделяет тот, местом сбора

которого была равнина Кастолус, как и Тимбра для армии Сирии; Геродот также упоминает Алейский лагерь в Киликии.

Эти войска распределялись по провинциям тысячами, и их командиры, следовательно, назывались хилиархами; и не только они были в целом рассеяны по стране, но и их отряды были размещены на границах, где, если позволяла местность, переход из одной провинции в другую был сильно укреплен. Конечно, остается вопросом, какова была сила этих войск в провинциях, но та легкость, с которой собирались армии, доказывает, что они были весьма значительными. Только в Малой Азии Кир собрал более ста тысяч человек; Аброкомас, который противостоял ему во время его похода, имел триста тысяч; а персидская армия на Гранике насчитывала сорок тысяч человек.

Эти войска полностью отличались от гарнизонов в городах, и важность, придаваемая персами крепостям, была пропорциональна трудностям, с которыми они сталкивались при их покорении (как и все другие кочевые народы, не знакомые с ведением осад). Они считались ключами к провинциям, в которых находились, и, соответственно, были снабжены значительными гарнизонами. Упомянутые войска полностью отличались от вышеупомянутых, не входили в состав упомянутых военных подразделений, подчинялись своим собственным командирам и не были обязаны появляться на общей перекличке.

Однако оба типа войск входили в состав королевской армии и отличались от личных войск сатрапов и вельмож, которые часто насчитывали несколько тысяч человек. По восточным обычаям, каждый великий человек сопровождается вооруженной свитой, соразмерной его рангу и богатству, и поскольку вице-королевские дворы были сформированы по образцу королевского, это стало необходимой частью их учреждений, тем более что корпуса войск были не менее обычным подарком монарха своим фаворитам, чем города.

Первоначально, вероятно, все эти войска были персами, но по мере того, как они постепенно отказывались от военных обязанностей, их места занимали наемники, греки или азиаты. В качестве кавалерии предпочтение отдавалось кочевым народам к югу и востоку от Каспия: гирканам, парфянам и сакам. Первые, в особенности, пользовались высоким авторитетом у персов за свою храбрость, и по этой причине последние поддерживали хорошие отношения с кочевыми ордами Великой Бухарии, хотя те уже не были их данниками. Однако греки предпочитались всем остальным, и уже во времена младшего Кира не только элита армии всегда состояла из них, но и к концу персидской монархии они составляли гарнизоны всех городов Малой Азии. До времени младшего Кира их жалованье составляло один дарик в месяц (около *1 фунта 0 шиллингов 4 пенса* стерлингов), которое Кир увеличил до полутора дариков. Мы уже отмечали роковые последствия, которые этот обычай имел для воинственного характера персов.

В нации завоевателей от каждого человека ожидается, что он будет солдатом, и среди персов все, особенно те, кто владел землями, должны были уметь служить в конной армии. Это требовало внутреннего устройства всей империи, целью которого было военное снаряжение населения; и принятая система обычно была одинаковой во всех азиатских странах и была самой простой из всех, которые могли быть придуманы. Десятичная система действует во всей империи и одновременно служит для обозначения звания командира. Простой народ делится на отряды по десять человек, во главе которых стоит капитан, за которым следуют командиры сотен, тысяч и десятков тысяч. Офицеры более высокого ранга не распределяются по отдельным отрядам, а образуют генеральный штаб. Так было и у монголов, и у персов, и эта простая система позволяла обеим расам собирать большие армии с невероятной быстротой. Все, что требовалось, — это приказ от командира десяти тысяч, который передавался командирам тысяч, сотен и десятков, пока уже организованные

войска не собирались в боевом порядке. Таким образом, монгольские князья часто собирали за несколько дней армии кавалерии численностью в несколько сотен тысяч, и поэтому мы не можем удивляться, видя то же самое среди персов.

Огромное количество кочевых племен, бродивших по границам Персидской империи, значительно облегчало сбор мощных вооружений. Эти племена охотно участвовали в таких предприятиях, либо за плату, либо соблазненные надеждой на грабеж. Как башкиры и калмыки следовали за русскими войсками, так и марды, периканы и другие племена следовали за войсками Кира; и чем шире распространялось господство персов, тем больше становилось число таких вспомогательных войск. Персы все больше нуждались в их помощи, поскольку их собственная кавалерия всегда была тяжеловооруженной. У них, как и у парфян, и люди, и лошади были вооружены кольчугами, хотя, строго говоря, это, по-видимому, было отличием, ограниченным определенным числом, и большая часть, по-видимому, не имела защитной брони и, таким образом, способствовала увеличению числа жертв, которые греки нанесли им после победы при Платеях.

Предыдущие разделы, должно быть, послужили объяснению того, как эти войска существовали в провинциях. Каждая провинция была обязана предоставлять губернатору все необходимое для их содержания в натуральной форме, а губернатор распределял собранное между солдатами. Денежное вознаграждение выплачивалось только греческим вспомогательным войскам, которые иначе не могли бы держаться вместе, будучи привычными к такому вознаграждению в своей стране; персы были обязаны служить без оплаты, а кочевые народы Центральной Азии, многие из которых никогда даже не видели чеканных денег, были так же мало склонны требовать вознаграждение в такой форме, как и многие из вспомогательных войск российской армии в наши дни.

В воинственной нации военное командование всегда дает большое отличие, часто считаясь более почетным, чем гражданские магистраты; так было и среди персов. Мириархи (командиры десятков тысяч) и хилиархи (командиры тысяч) пользовались высоким рангом, а офицеры выше них, генералы, были среди самых прославленных в нации. О большинстве из них прямо говорится, что они принадлежали к роду Ахеменидов или, во всяком случае, к племени Пасаргадов, либо были связаны браком с королевским домом, и, следовательно, офицеры высокого ранга состояли в основном из родственников короля. Однако среди самих генералов (которых в армии обычно было несколько) существовала иерархия званий, и если сын царя назначался генералиссимусом, это считалось равносильным его назначению преемником.

До сих пор мы ограничивались замечаниями о войсках, которые персы регулярно содержали для защиты завоеванных провинций. За исключением тех, которые были набраны среди самих персов, судя по вышесказанному, они, по-видимому, состояли из наемных войск, исключая коренных жителей самих провинций; тем не менее, последние отнюдь не были освобождены от военной службы, но призывались в случае чрезвычайных экспедиций, предпринимаемых для расширения империи. В таких чрезвычайных ситуациях по всей обширной территории Персии издавались общие указы, народы Востока и Запада собирались в стада, и происходило одно из самых необыкновенных зрелищ, которое зафиксировано в истории мира и заслуживает нашего внимания благодаря точности, с которой Геродот описал вооружение Дария и, в еще большей степени, Ксеркса.

Когда персы начали свою карьеру завоевателей, они приняли и всегда соблюдали обычай, согласно которому завоеванные народы должны были пополнять ряды их войска и сопровождать их в более дальних походах. Однако когда их империя укрепилась, организовалась и простиралась от Инда до Средиземного моря, сбор столь широко рассеянных сил, должно быть, стал сопряжен с бесконечными трудностями и,

следовательно, в случаях меньшей важности (таких как незначительные внутренние беспорядки или мелкие войны) был бы столь же бесполезен, сколь и невозможен. Однако в чрезвычайных случаях, будь то крупные национальные предприятия по расширению империи или грозные вторжения извне, обычай собирать все силы империи был возрожден, о чем свидетельствуют могущественные экспедиции Дария Гистаспа, Ксеркса и последнего Дария.

Даже предварительные шаги к таким вооружениям были огромными. Указ царя был адресован всем народам и указывал количество людей, лошадей и кораблей или количество провианта, которое должно было быть предоставлено каждым из них. Суматоха, вызванная во всей Азии подготовкой к экспедиции Ксеркса, длилась четыре года. Требовалось время, чтобы отдаленные народы могли отправить свои контингенты.

Затем было назначено общее место сбора, которым в случае только что упомянутого вооружения была Каппадокия в Малой Азии. Сюда прибыли все контингенты из разных провинций под руководством вождей своей расы. Однако им не было предоставлено никакой власти в ходе самой войны, поскольку офицеры набирались исключительно из числа персов. Это была привилегия, зарезервированная для завоевательной нации, как это было, например, у монголов и татар. Подчиненные народы, с другой стороны, рассматривались как рабы и назывались рабами, в отличие от персов, которые назывались свободными людьми. Однако эти термины лишь обозначали относительную свободу народов, к которым они применялись, поскольку по отношению к царю персы были так же несвободны, как и другие подчиненные народы.

Порядок следования армии, пока она продолжала пересекать владения империи, был примечателен; или, скорее, его можно было бы назвать отсутствием всякого порядка. Солдаты не были распределены по народам, к которым они принадлежали, а составляли одну огромную хаотичную массу. В центре находился царь среди своих персов, а багаж отправлялся вперед. По мере продвижения войск жители страны были вынуждены идти впереди них и пополняли ряды войска, которое таким образом постоянно увеличивалось; а поскольку большинство народов брали с собой на войну своих жен и детей, багаж, должно быть, был огромным. Несомненно, самой необъяснимой частью этого рассказа является то, как армия снабжалась провизией. В странах, через которые ей приходилось проходить, задолго до этого обязательно готовились склады зерна, а дополнительные запасы того же самого следовали за армией по морю. Остальную пищу войска должны были добывать сами. Для короля и его свиты задолго до этого устраивались банкеты, и расходы на них были настолько безграничны, что одного этого было достаточно, чтобы разорить города, которые их снабжали. Это также было следствием представления о том, что монарх был единственным владельцем всего, что находилось в его провинциях, и персы понимали это настолько буквально, что уносили с собой дорогостоящую посуду, которая выставлялась на этих мероприятиях (). Само собой разумеется, что в случае с такими огромными войсками не могло быть и речи о регулярном расположении лагеря; у короля и его вельмож были свои палатки, но армия в целом ночевала под открытым небом, что неизбежно приводило к множеству болезней.

Только при приближении к границам врага армия была разделена по народам, из которых она состояла; и в то же время войско было осмотрено по приказу царя. Этому обычаю мы обязаны тем драгоценным документом, каталогом войска Ксеркса, который сохранил для нас отец истории. Этот обзор проходил в пределах Европы, и, хотя эта сцена мало что может научить солдата, для историка-философа это одно из самых интересных событий в истории. Никогда еще столько разных народов не собиралось вместе, как здесь, на равнине Дориска, в своих национальных одеждах и доспехах. Геродот перечислил и описал пятьдесят шесть

народов, которые служили некоторые пешком, некоторые верхом, а другие на борту флота. Здесь можно было увидеть хлопковые одежды индийцев, эфиопов из верхнего Египта, одетых в львиные шкуры, смуглых белуджей из Гедросии и кочевые орды из степей Монголии и Великой Бухары; дикие племена охотников, такие как сагартійцы, которые, не имея оружия из меди или железа, ловили своих врагов, как диких животных, с помощью кожаных лассо; кроме того, здесь можно было увидеть богатые одежды мидийцев и бактрийцев, ливийцев, едущих на боевых колесницах, запряженных четырьмя лошадьми, и арабов, верхом на верблюдах. Здесь также можно было увидеть флоты финикийцев и греков из Малой Азии, вынужденных сражаться против своих соплеменников. Никогда еще деспотическая власть не создавала зрелища, более славного в начале и более прискорбного в результате. Пролив Фермопилы впервые представил изумленным азиатам совершенно новое для них зрелище; их бесчисленные орды были безрезультатно гонимы кнутом против горстки спартанцев; и хотя предательство в конце концов привело их к безжизненным телам этих героев, имена Саламина и Платеи остались вечными памятниками греческой доблести.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Грубые народы, которые внезапно переходят из состояния кочевых пастухов и скотоводов в состояние завоевателей, не способны возводить для себя города и дворцы. Для этой цели они вынуждены прибегать к услугам завоеванных народов, среди которых искусство архитектуры и скульптуры, возможно, уже достигло некоторой степени совершенства. Так было с монгольскими племенами в Китае, халдеями в Вавилоне, а также с другими народами; и о Камбизе явно говорится, что он перевез из Египта большое количество строителей, чтобы возвести свои дворцы в Сузах и Персеполе. Однако несомненно, что в последнем месте мы не обнаруживаем никаких следов египетского искусства, ни в общем характере руин, ни в их деталях; мы также не можем разумно предположить, что египетский архитектор мог задумывать планы сооружений, столь совершенно отличных от всех, что можно найти в его родной стране, равно как мы не можем предположить, что каменщики, привыкшие к тому, что мы называем готическим стилем, если бы их перевезли в другую страну, сразу же смогли бы строить здания в греческом стиле. Преобладающий характер персидской архитектуры, любовь к террасам, стиль, совершенно неизвестный древним египтянам, был значительно более древним, чем правление Камбиза (), и полностью азиатского происхождения, как доказывают висячие сады Вавилона, построенные Семирамидой. Даже если мы будем максимально справедливы по отношению к египетским рабочим, привезенным Камбизом, мы не можем предположить, что они выполняли более чем механическую часть возводимых сооружений. Архитектурные остатки Египта доказывают, что египтяне были вполне способны поднимать и обрабатывать большие массивы камня, а возможно, и высекать рельефы по заданному эскизу или копии. Таким образом, вопрос можно считать по-прежнему нерешенным: какова была страна, из которой произошел этот стиль архитектуры? Кто были учителями персов в этом искусстве и откуда они позаимствовали свои образцы?

Простой ответ, несомненно, таков: из того же региона, откуда они заимствовали другие основы своей цивилизации, то есть из Мидии.

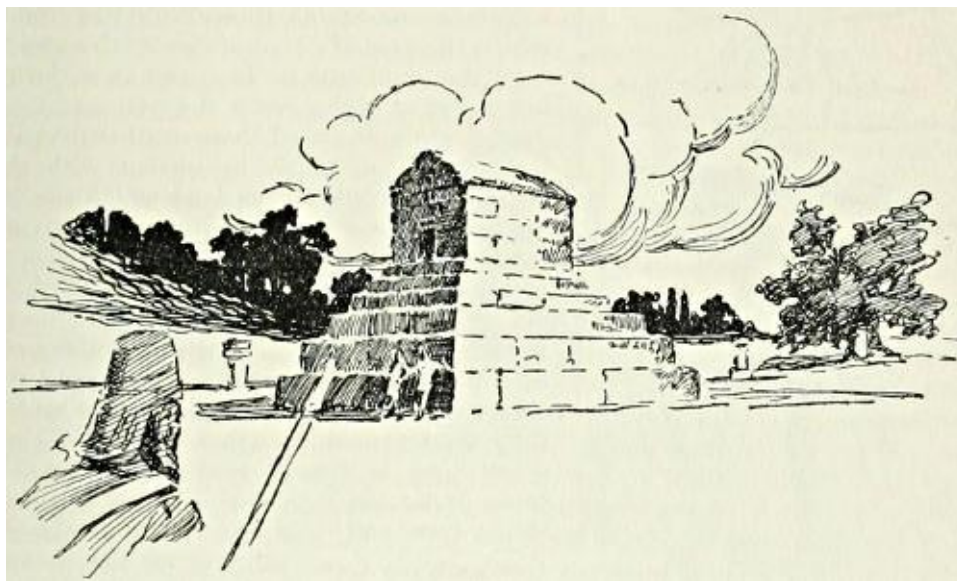

ПЕРСИДСКИЙ БАРЕЛЬЕФ В ПАСАРГАДАХ

Из всего, что мы знаем о мидянах, о великолепии мидийского двора и их главного города Экбатаны (города, который, по-видимому, был построен на террасах, расположенных одна над другой), можно сделать вывод, что архитектура достигла у них определенной степени совершенства — предположение, которое подтверждается рассказами современных путешественников. Следы древней королевской резиденции Экбатаны, о которой мы будем говорить ниже, по словам Мориера и Портера, представляли тот же характерный стиль архитектуры, с которым эти путешественники познакомились в Чехл-Менаре, причем форма колонн и даже символы надписей были одинаковыми. Мы не можем не сделать вывод, что именно от мидийцев персы унаследовали, наряду с остальной частью своей цивилизации, и искусство архитектуры. Следует добавить, что скульптуры в этих руинах настолько явно происходят из магической религии, которая преобладала среди мидийцев, что мы едва ли можем сомневаться в том, что эти здания были построены под влиянием и в соответствии с идеями этой касты, поскольку эти фигуры не следует путать с простыми бесполезными украшениями, а имели тесную связь с целями, для которых были построены сами здания. Но магическая религия и магическое священство не ограничивались Мидией, а распространялись на страны на востоке, особенно на те, что лежали на Оксусе, вплоть до гор, граничащих с Индией, родиной тех сказочных чудовищ, следы которых, как мы уже заметили, можно увидеть. Здесь лежала Бактрия, всегда одна из самых богатых стран мира благодаря своему положению между Инд и Оксус, связи с Индией, а также плодородию своей почвы, составляя важную часть империи мидийцев, чьи монархи, по-видимому, проживали в Бактре задолго до того, как они заняли Экбатану. Это была также страна, где впервые укоренилась и процветала религия Зороастра, и таким образом она стала родиной гражданских институтов мидийцев. Поэтому, когда говорят, что персы заимствовали свою архитектуру изначально оттуда, следует понимать, что они сделали это как ученики мидийцев.

Действительно, древние частично приписывают строительство Пасаргад и Персеполя двум первым монархам древнего персидского рода — Киру и Камбизу, но это легко согласуется с предположением, что Дарий и Ксеркс были их главными основателями. Нибур уже заметил, что здания Персеполя, по-видимому, не относятся к одному и тому же периоду и не были построены по единому плану, и это особенно верно в отношении зданий, расположенных на третьей террасе. Несомненно, что большинство значительных остатков древности (как это было, в частности, в случае с египетскими сооружениями) возводились гораздо медленнее, чем мы склонны предполагать; и весьма вероятно, что последующие

персидские цари принимали участие в строительстве Персеполя, тем более что это предприятие приобрело характер религиозного долга; не говоря уже о том, что время от времени, должно быть, возникала необходимость в постоянных добавлениях.

Персидский памятник в ПАСАРГАДАХ

Теперь мы можем с уверенностью заявить (что раньше было лишь предположением), что искусство архитектуры и скульптуры задолго до династии персов достигло гораздо более высокой степени совершенства, чем люди обычно готовы признать. Если в этом есть сомнения, мы должны быть готовы доказать, что такие произведения искусства, как здания Чехл-Менар, не могли появиться сразу, как по волшебству. В этих сооружениях мы видим доказательства того, что архитектура, когда они были построены, должна была достичь удивительной степени совершенства в механической части. Ни одно место на земном шаре (за исключением, возможно, Египта) не может похвастаться такой каменной кладкой, как стены Персеполя. Несомненно, для архитектора было огромным преимуществом то, что соседние горы предоставляли ему материалы прямо на месте, но ни одна другая нация не оставила примеров столь же искусного сочетания таких огромных мраморных блоков. Однако характер и стиль здания, возможно, еще более примечательны, поскольку они прямо противоположны египетским, с которыми их неосмотрительно сравнивают; если мы не ошибаемся, то первоначальный образ жизни двух народов можно проследить даже в различных стилях их архитектуры. Наблюдатель египетских древностей не может не заметить преобладающий там гротовый стиль строительства, свидетельствующий о народе, давно привыкшем к троглодитскому образу жизни в пещерах и углублениях скал. Гигантские храмы в Фивах и Филах явно имитируют выкопанные скалы; короткие и массивные колонны представляют собой опоры, оставленные для поддержки крыши таких выкопанных сооружений, а вся конструкция создает впечатление огромного веса и соразмерного сопротивления. С другой стороны, остатки Персеполя указывают на народ, не привыкший занимать лоно своих холмов, но привыкший свободно и беспрепятственно бродить по их вершинам и среди их лесов, и который, когда он отказался от этой кочевой жизни, стремился сохранить в своих новых жилищах как можно больше своей первоначальной свободы. Эти террасированные фундаменты, которые выглядят как продолжение горы, эти рощи колонн, эти бассейны, когда-то, несомненно, сверкали освежающими фонтанами, эти лестницы, по которым грузный верблюд араба поднимается с той же легкостью, что и его проводник, образуя своего рода шоссе для народов, чьи изображения высечены там — все эти детали в полной мере соответствуют

характеру той радостной земли, которую трудолюбие персов превратило в земной рай, так же как гигантские храмы Египта являются подходящими памятниками их старых гротов в скалах. Колонны Персеполя взмывают вверх, стройные, но прочные, передавая подходящее изображение стеблей лотоса и пальмы, с которых они, вероятно, были скопированы. Как в Египте все плотно покрыто и, так сказать, угнетено крышей, так и здесь все свободно и неограниченно, в восхитительной гармонии с религией народа, единственными объектами поклонения которого были солнце, стихии и открытый свод неба.

БАРЕЛЬЕФ В ДВЕРНОЙ КОРОБКЕ ДВОРЦА, ПЕРСЕПОЛЬ

Искусство дизайна также сохраняет в руинах Персеполя свой особый характер, характер сдержанности и достоинства. Скульптура здесь создана под влиянием обычаев двора, причем восточного двора. Здесь нет ни одной женской или обнаженной фигуры, поскольку уединение гарема религиозно уважается. Ни одна из мужских фигур не изображена в насильственной или напряженной позе, даже когда монарх представлен уничтожающим чудовищем; и только в сценах борьбы животных друг с другом художник продемонстрировал свою способность выражать сильные эмоции. Там, где все имело отношение к двору, не допускались позы, не санкционированные придворным этикетом. В то же время эта атмосфера спокойствия и достоинства не переходит в скованность; художник, по-видимому, стремился не вызвать впечатление красоты, а вызвать чувство почтения — и эта цель была полностью достигнута. Следует отметить, что, по-видимому, не было обнаружено ни одной статуи или ее следов, и персидская скульптура, по-видимому, ограничивалась рельефными изображениями, более или менее выпуклыми, а в случае с чудовищными фигурами, охраняющими вход, — полурельефами. Насколько отличаются эти исторические рельефы Персии от египетских, любимыми темами которых являются сражения и триумфальные

процессии! Там целью художника было показать персонажей в действии и энергии, здесь же — в покое. По своим темам персидская скульптура также отличается от египетской и индийской. Хотя она иногда изображала сверхчеловеческих существ, таких как фεροхиры и изеды, она воздерживалась от изображения самих божеств. С другой стороны, она находится в тесной и совершенной гармонии с архитектурой, которую сопровождает. Поскольку архитектура была возвышенной и величественной, но не колоссальной, то же самое можно сказать и о скульптуре, и обе они отличались высокой степенью простоты. Самым очевидным и естественным замыслом, с которым древний художник мог приступить к своей работе, было сделать одно слугой другого, и можно сказать, что скульптор оживил труды архитектора, изобразив в символических фигурах замысел его произведений. Соответственно, так как различные части здания объединялись в одно целое, так и различные группы скульптур составляли один общий замысел, и все, вплоть до мельчайших украшений, было в строгом унисоне с одной ведущей идеей, связанной с религиозными взглядами народа. За исключением сказочных животных, все было скопировано с природы; и из частей этих чудовищ были заимствованы почти все орнаменты, состоящие в основном из голов единорогов и когтей грифонов; и какими бы химерическими ни казались эти сказочные создания на первый взгляд, все они могут быть сведены к четырем или пяти элементарным формам реальных животных — лошади, льва, онагра или дикого осла, орла и скорпиона, к которым мы, возможно, можем добавить носорога.

Однако, поскольку мифология, которой располагал скульптор, была ограничена, его круг наблюдений, применимый к реальной природе, был обширным. По-видимому, он был знаком с народами более чем одной четверти земного шара и точно различал их черты и профили, причем толстые губы и вьющиеся волосы негров были изображены не менее точно, чем конечности полуголых индейцев. Та же механическая точность и совершенная отделка, которые отличают архитектурные детали, наблюдаются и в работах скульптора. Мы до сих пор можем сосчитать гвозди в колесах колесницы на большом рельефе, а волосы негра выработаны настолько тщательно, что их невозможно спутать с волосами азиатов. Такая скрупулезность, которая также характерна для надписей, по-видимому, отличала зарождение этого искусства во всех странах. ^b

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «a» зарезервирована для редакционных материалов.]

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

- ^b ЭДУАРД МЕЙЕР, *Geschichte des Alterthums*.
- ^c МАКС ДУНКЕР, *Geschichte des Alterthums*.
- ^d Священное Писание.
- ^e ГЕРОДОТ, «История Геродота» (перевод с греческого Уильяма Белоу).
- ^f КСЕНОФОНТ, «Киропедия» (перевод с греческого Дж. С. Уотсона и Генри Дейла).

ГЛАВА II. МИДИЙСКАЯ ИЛИ СКИФСКАЯ ИМПЕРИЯ

ГЕРОДОТ, указ. соч.

Ⓒ ТЕОДОР НЁЛЬДЕКЕ, статья «Персия» в *Британской энциклопедии*.

Ⓐ А. Х. Сэйс, «*Высшая критика и памятники*».

Ⓔ Священное Писание.

Ⓙ Р. В. Роджерс, «*История Вавилонии и Ассирии*».

Ⓚ КТЕСИЙ, «*Персика*».

Ⓝ БЕРОС, «*Вавилонские летописи*».

Ⓢ СТРАБОН, *Γεωγραφικά*.

ГЛАВА III. РАННИЕ АХЕМЕНИДЫ И ЭЛАМИТЫ, КИР И КАМБИЗ

ТЕОДОР НЁЛЬДЕКЕ, указ. соч.

ГЕРОДОТ, указ. соч.

КСЕНОФОНТ, указ. соч.

Ⓔ КТЕСИЙ, указ. соч.

Ⓙ ВИКТОР ФЛОЙГЛЬ, «*Кир и Геродот по новообнаруженным клинописным надписям*».

Г. МАСПЕРО, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient*.

Ⓝ А. Н. Сэйс, указ. соч.

Ⓢ Х. К. Роулинсон, «*Очерк истории Ассирии*».

Ⓢ ПОЛИЕН, *Στρατηγήματα*.

Ⓚ КСАНТ, *Lydiaca*.

Ⓢ ЭДУАРД МЕЙЕР, указ. соч.

Ⓝ БЕРОС, указ. соч.

Ⓝ J. V. PRÁŠEK, *Kambyses und die Ueberlieferung des Altertums*.

ГЛАВА IV. ПЕРСИДСКАЯ ДИНАСТИЯ: ОТ ДАРИЯ I ДО ДАРИЯ III

Ⓝ ЭДУАРД МЕЙЕР, указ. соч.

Ⓒ ГЕРОДОТ, указ. соч.

Н. С. RAWLINSON, *The Persian Cuneiform Inscription at Behistun*.

Ⓔ Г. МАСПЕРО, указ. соч.

Ⓙ ДИОДОР, *Историческая библиотека*.

Ⓢ КСЕНОФОНТ, указ. соч.

ГЛАВА V. ПЕРСИДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

А. Н. Л. HEEREN, *Исторические исследования политики, взаимоотношений и торговли основных народов древности (азиатские народы)*.

Ⓒ Х. К. Роулинсон, указ. соч.

^dКСЕНОФОНТ, указ. соч.

^eСвященное Писание.

^fГЕРОДОТ, указ. соч.

^gДЖЕЙМС МОРИЕР, «Путешествие по Персии» и др.

^hР. К. ПОРТЕР, «Путешествия по Грузии, Персии и др.».

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ПЕРСИИ

НА ОСНОВЕ РАБОТ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИИ.

Элиан, Клавдий, Νοικήλη Ἱστορία, Рим, 1545. — **Эсхил**, Персы, Трагедии Эсхила. Дословный перевод Т. А. Бакли, Лондон, 1663.—**Алкок**, Т., Путешествия по России, Персии, Турции и Греции в 1828-1829 годах, Лондон, 1831.—**Али Риза** из Шираза (Ибн Абд аль-Карим), Das tarikh i-Zendije (издание Эрнста Беера). История династии Зенд в Персии, Лейден, 1888.—**Анаклери**, Г., La Persia descritta, relazione di un viaggio, Неаполь, 1868. — **Арбутнот**, Персидские портреты, Лондон, 1887. — **Аугур**, Т., Tratado de la conquista de las islas de la Persia y Arabia de la muchas tierras, Саламанка, 1512.

Бабелон, Э., Каталог греческих монет Национальной библиотеки: Персы, Ахемениды, сатрапы и династы, подчиненные их империи, Кипр и Финикия, Париж, 1894.—**Бакер**, Л. де, Персия и восточный вопрос, Сен-Омер, 1867.—**Банг**, В., Zur Erklärung der altpersischen Keilinschriften (в Mélanges de Charles de Harlez), Лейден, 1896.—**Барбье де Мейнар**, К. А., Географический, исторический и литературный словарь Персии и прилегающих стран, Париж, 1861. — **Бассетт**, Дж., Персия и земля имамов, Лондон, 1887. — **Бауэр**, А., Ди Кироссаре унд Вервальтес (в Wiener Acad. d. Wiss. Bd. 100, 1882, Wien, 1882).—**Benjamin**, S. G. W., Persia and the Persians, London-Boston, 1887; The Story of Persia, New York, 1891.—**Berchet**, G., La Repubblica di Venezia e la Persia, Torino, 1865.—**Bezold**, С., Die Achämenideninschriften, Лейпциг, 1882. — **Библия**, Священная («авторизованная версия»), Лондон, 1611; («пересмотренная версия») Лондон, 1884. — **Берд**, И., Путешествия по Персии и Курдистану, Лондон, 1893.—**Бёттгер**, Б., Persische Heldensagen, Эппендорф, 1900.—**Бонвало**, Revolutions de la Perse ancienne et moderne, Париж, 1833.—**Бут**, А. Дж., The Discovery and Decipherment of the Trilingual Cuneiform Inscriptions, Нью-Йорк, 1902.—**Боррихиус**, А., De Persico Imperio, Хафн, 1688. — **Бродбек**, А. Зороастр, вклад в сравнительную историю религий и философских систем Востока и Запада, Лейпциг, 1893. — **Бругш**, Х., Путешествие прусской посольской миссии в Персию, Берлин, 1860-1861.—**Брун-Рено**, К. Г. Н., La Perse politique et militaire au XIX siècle, Париж, 1894.—**Брюн**, Ле, Reysen over Moscovien door Persien en Oost-Indien, Делфт, 1711.—**Буххольц**, А., Quæstiones de Persarum Satrapis Satrapusque, Лейпциг, 1895.—**Buckingham**, J. S., Travels in Assyria, Media, and Persia, Лондон, 1828.—**Burnouf**, E., Mémoire sur deux inscriptions cunéiformes, Париж, 1836; Études sur la langue et les textes Zendes, Париж, 1840-1850; Science of Religions, Лондон, 1888.

Касартелли, Л. К., Философия религии маздаеизма при Сасанидах, Бомбей, 1889; Религия ахеменидских царей по их надписям, Брюссель, 1895. — **Кастонне де Фос**, Х., Отношения Франции с Персией, Анже, 1889. — **Шампольон-Фижак**, Ж. Ф., История древних и современных народов, Восточная Азия, Персия, Ланьи, 1857. — **Шарден**, Ф., Путешествия по Персии и другим местам Востока, Париж, 1811, 10 тт.; Путешествия в Персию и Восточную Индию, Лондон, 1836.—**Клермон-Ганно**, С. С., Исследования восточной археологии, Париж, 1895.—**Клоке**, Л., *L'art monumental des Indous et des Perses*, Брюссель, 1896. — **Коллинз**, Э. Т., *In the Kingdom of the Shah*, Лондон, 1896. — **Ктесий**, *Persica*. — **Керзон**, Г. В., *Persia and the Persian Question*, Лондон, 1892, 2 т.

Дарместетер, Ж., «Хаурватат и Амеретат, эссе о мифологии Авесты», Париж, 1875; «Восточные эссе», Париж, 1883; *Ormuzd, et Ahriman*, Париж, 1877; *Études iraniennes*, Париж, 1883, 2 т.; «the Zend-Avesta» в «*Sacred Books of the East*», Лондон, 1880-1883.—**Delattre**, A. L., *Le peuple et l'empire des mèdes*, Брюссель, 1883.—**Делла Валле**, П., *Viaggi in la Turchia, la Persia et l'India*, Брайтон, 1843, 2 т.; **Десаи**, П. Б., *History of the Kings of Persia*, Бомбей, 1895, 2 т.; **Дьелафой**, Ж., Древняя искусство Персии, Париж, 1882-1889, 5 частей; Персия, Халдея и Сузиана, Париж, 1887; Акрополь Сузы, по результатам раскопок 1884-1886 годов, Париж, 1887.—**Дорн**, Б., *Collection des monnaies Sassanides*, Санкт-Петербург, 1873; *Muhammedanische Quellen zur Geschichte*, Санкт-Петербург, 1850-1858.—**Dubeux**, L., *La Perse*, Париж, 1841.—**Duncker**, M., *Geschichte des Alterthums*, 5-е издание, Лейпциг, 1878-1883, 7 тт.

Эренштайн, А., Персия, Лейпциг, 1829, 3 т. — **Эверс**, Э., Возвышение персидской державы при Кире, Берлин, 1884; Историческая ценность греческих сообщений о Кире и Камбизе, Берлин, 1888.

Фава-Парвис, Г., «На борту Персии: впечатления и воспоминания», Турин, 1900 г. — **Фейс**, Л. де, «Битва при Кунассе в мозаике Помпея», Флоренция, 1893 г. — **Фергюсон**, Дж., «Восстановленные дворцы Ниневии и Персеполя. Очерк древней ассирийской и персидской архитектуры», Лондон, 1851.—**Феррье**, Ж. И., Путешествия по Персии, Афганистану, Белуджистану и Туркестану, Париж, 1860, 2 тома.—**Феврие**, д-р, Три года при дворе Персии, Париж, 1899.—**Фландин**, Э. и **Кост**, П., «Путешествие в Персию», Париж, 1844-1854, 6 тт. (Т. I содержит «Древнюю Персию», 245 иллюстраций).—**Флойгль**, Виктор, «Кир и Геродот по найденным клинописным надписям», Лейпциг, 1881.—**Фонтане**, М., *Histoire Universelle*, Париж, 1881. — **Франклин**, У., Наблюдения, сделанные во время путешествия из Бенгалии в Персию в 1786-1787 годах, с кратким описанием руин Персеполя, Лондон, 1790.—**Фрейзер**, Дж., Путешествия и приключения в персидских провинциях, Лондон, 1826; Зимнее путешествие из Константинополя в Тегеран с путешествиями по различным частям Персии, Лондон, 1838.—**Фрайер**, Дж., Новое описание Восточной Индии и Персии, Лондон, 1698.

Галетти, «История Персии», Гота, 1832. — **Гайе**, А., «Персидское искусство», Париж, 1895. — **Гайгер**, «Востоочноиранская культура в древности», Берлин, 1882. — **Гайгер**, В., и **Виндишманн**, «Заратустра в Гатах», 1899; и **Кун**, Э., *Grundriss der iranischen Philologie*, Страсбург, 1895. — **Гобино**, Ж. А., *Histoire des Perses d'après les auteurs orientaux, grecs et latins*, Париж, 1869. — **Гобино**, Ж. де, *Les Religions et les Philosophies de l'Asie Centrale*, Париж, 1865.—**Гордон**, сэр Т. Э., «*Persia Revisited*», Лондон, 1895. —**Гротефенд**, Г. Ф., в «*Heeren's Historical Researches*», Оксфорд, 1838-1846, 5 тт. —**Гранди**, « » «*The Great Persian War and its Preliminaries*. Исследование литературных и топографических свидетельств, Нью-Йорк, 1902. — **Гюно**, Л., *La Perse ancienne et nouvelle*, Париж, 1862. — **Гучмид**, А. фон, *Geschichte Irans von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsakiden*, Тюбинген, 1888.

Хаммер-Пургшталь, Й., *Geschichte der schönen Redekünste Persiens, mit einer Blütenlese aus persischen Dichtern*, Вена, 1818; *Geschichte der Ilchane, d. i. der Mongolen in Persien*, Дармштадт, 1842-1843.—**Харрис**, В. Р., «От Батуми до Багдада», Лондон, 1896. —**Хеерен**, А. Х. Л.,

«Исторические исследования», Оксфорд, 1833.—**Гегель**, Г. В. Ф., Лекции по философии истории, Лондон, 1857. —**Геродот**, История, Страсбург, 1816, 5 тт. —**Хек**, К. Ф. К., Veteris mediæ et Persiæ monumenta, Гёттинген, 1818.—**Оммаре де Хелл**, Адель, Путешествие по Турции и Персии, Париж, 1854-1856, 3 тома.—**Хоммель**, Ф., Новая Вавилония, Элам и Персия (в Справочнике по классической археологии, т. 3), Нёрдлинген, 1889.—**Хунакер**, А. В., Неемия в 20 год правления Артаксеркса I. Ганд, 1892. —**Хорн**, П., Geschichte der persischen Literatur, Лейпциг, 1901. —**Хутум-Шиндлер**, Восточный Персидский Ирак, Лондон, 1897.—**Hovelacque**, Abel, L'Avesta, Zoroastre et le Mazdéisme, Paris, 1880.—**Hunt**, Outram and Havelock's Persian Campaign, to which is prefixed a Summary of Persian History by G. Townsend, London, 1858.—**Husain**, Mirza, History of the Bab, Cambridge, 1893.

Джексон, А. В. В., «Авеста» (в «Библиотеке лучшей мировой литературы», т. 2); «Древняя Индия и Персия; их литература и цивилизация». Учебная программа, напечатанная Рутгерсским колледжем (январь 1898).—**Юдейх**, В., Untersuchungen zur griechisch-persischen Geschichte des IV. Jahrh, Марбург, 1892. —**Юсти**, Ф., Geschichte des alten Persiens, Берлин, 1879; Iranisches Namenbuch, Марбург, 1895. —**Юстин**, Historiarum Philippicarum Libri XLIV, Венеция, 1470.

Кауфман, М., Некоторые современные взгляды на зороастризм, Лондон, 1897. — **Кендалл**, Колыбель ариев, 1891. — **Кенрик**, Джон, Древний Египет при фараонах, Лондон, 1850, 2 т. — **Кизенветтер**, К., Оккультизм древности, Лейпциг, 3 т.— **Киннир**, Дж. М., Географические мемуары о Персидской империи, Лондон, 1813. — **Коссович**, К., Inscriptiones palæo-persicæ, Петербург, 1872. — **Крусински**, П., История революции в Персии по его мемуарам, перевод на английский язык, Дублин, 1729.

Лаэт, Т. де, Персия, Люгд. Бат., 1633.—**Ланглес**, Л., Путешествия из Персии в Индию и из Бенгалии в Персию, с примечанием о революциях в Персии, историческим очерком о Персеполе и примечаниями, Париж, 1798.—**Laurent**, F., Études sur l'histoire de l'humanité, Paris, 1800.—**Layard**, Sir A. H., Early Adventures in Persia, London, 1887.—**Lenormant**, F., Sur la Monarchie des Mèdes, Paris, 1871.—**Лихтенштейн**, А. А. X., Tentamen Palæographiæ Assyrico-Persicæ, Хельмштадт, 1803. —**Линке**, А., Forschungen zur alten Geschichte. I. Zur Lösung der Kambyses-Frage, Лейпциг.

Малькольм, сэр Дж., «История Персии», Лондон, 1829; «Очерки персидской жизни и нравов», Лондон, 1828. — **Мано**, Р. дю, «Состояние Персии в 1660 году», Париж, 1890.—**Маркхэм**, К. Р., Общий очерк истории Персии, Лондон, 1874. —**Марквардт**, П., Исследования по истории Эрана, Гёттинген, 1897. —**Масперо**, Г. X., Древняя история народов Востока, Париж, 1886.—**Менан**, Ж., Les langues perdues de la Perse et de l'Assyrie-Perse, Париж, 1885; Les écritures cunéiformes, Париж, 1860; Les Achéménides et les inscriptions de la Perse, Париж, 1872.—**Мейер**, Эдуард, Geschichte des Alterthums, Штутгарт, 1884-1902, 5 тт.—**Мир-Давуд**, Давуд Задур де Мелик Шаузар, Notices sur l'état actuel de la Perse, Париж, 1818.—**Мирхонд**, М., The History of Atabegs of Syria and Persia (под редакцией Морли), Лондон, 1848. — **Митфорд**, Г. Н., The Chronicles of a Traveller, or a History of the Afghan Wars with Persia, Лондон, 1800. — **Монтань**, Э., Les Légendes de la Perse, Париж, 1890. — **Монклиус**, О., Восток и Европа, Берлин, 1900.—**Мориер**, Ж., Путешествие по Персии, Армении и Малой Азии в Константинополь, Лондон, 1812; Второе путешествие по Персии, Армении и Малой Азии, Лондон, 1818.—**Мунси**, А. X., Путешествие по Кавказу и внутренним районам Персии, Лондон, 1872.

Нибур, К., Лекции по древней истории, Лондон, 1852.—**Нольде**, Эд., Путешествие по внутренней Аравии, Курдистану и Армении, Брауншвейг, 1895.—**Нёльдеке**, Т., Восточные зарисовки, Лондон; Персия (статья в девятом издании *Британской энциклопедии*); Geschichte des Korans, 1860; Tabaris Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden, 1879;

Aufsätze zur persischen Geschichte, Лейпциг, 1887; Persische Studien, 1888; Orientalische Skizzen, 1892; Das iranische Nationalepos, Страсбург, 1896.

Опперт, Ж., Народ и язык мидийцев, Париж, 1871; Надписи ахеменидов, Париж, 1852; и **Менан**, Ж., Юридические документы Ассирии и Халдеи, Париж, 1877.—**Оусли**, У., «Путешествия по различным странам Востока, в частности по Персии», Лондон, 1819-1823.—**Оскулати**, Г., «Заметки о путешествии по Персии и Восточной Индии в 1841-1842 годах», Милан, 1844.

Перро, Г., и **Чипье**, К., История искусства в Персии, Лондон, 1892. — **Пико**, К., История революций в Персии в XVIII веке, Париж, 1810, 2 тома. — **Пинчес**, Т., Надписи (в Сборнике трудов Общества библейской археологии, тома VI и VII).—**Пицци**, И., История персидской поэзии, Турин, 1894. —**Полак**, Т. Э., Персия, страна и ее жители, Лейпциг, 1865, 2 т. —**Пул**, С. Л., Мусульманские династии, Лондон, 1894.—**Прасек**, Дж. В., Исследования по истории древности (3 части), Лейпциг, 1898; Первые годы Дария Гистаспида и древнеперсидский календарь, Лейпциг, 1901.—**Преллберг**, В., Персия, исторический ландшафт, Лейпциг, 1901.—**Прево-Парадоль**, Л. А., Очерк всемирной истории, Париж, 1890. —**Прайс**, У., Дневник британского посольства в Персии, Лондон, 1832.

Рагозин, З. А., «История Мидии, Вавилона и Персии», Нью-Йорк, 1888 г. (История народов.) — **Рассам**, Хормуз, «Раскопки и открытия в Ассирии (Персии)» (в «Трудах Общества библейской археологии», т. VII, Лондон, 1880 г.).—**Роулинсон**, Г., Руководство по древней истории, Оксфорд, 1869; Пять великих монархий, Лондон, 1871, 3 тома; Седьмая великая восточная монархия, Лондон, 1876; Парфия, Лондон, 1893.—**Роулинсон**, Х. К., «Клинописные надписи Западной Азии», 1861-1870; «Персидская клинописная надпись в Бехистуне», Лондон, 1846.—**Рид**, Э. А., «Персидская литература, древняя и современная», Чикаго, 1893.—**Ренан**, Ж. Э., Histoire du peuple d'Israël, Париж, 1887-1893, 4 тома.—**Реннелл**, Дж., Illustrations of the Expedition of Cyrus the Great, Лондон, 1816.—**Рейнье**, Ж. Л. Э., «О политической и сельской экономике персов и финикийцев», Женева, 1819. —**Рич**, К., «Повествование о путешествии к месту Вавилона в 1811 году с повествованием о путешествии в Персеполь», Лондон, 1839.—**Ротштейн**, Дж. В., «Династия Лахмидов в аль-Хире (). Вклад в арабо-персидскую историю эпохи Сасанидов» (Ein Beitrag zur arab.-pers. Geschichte zur Zeit der Sassaniden), Берлин, 1899. —**Ру**, М., «Мемуары о Мидии» (Mémoire sur Midia), Париж, 1822.

Саси, Сильвестр де, А. Т., Mémoires sur diverses antiquités de la Perse, Париж, 1793. — **Сарре**, Denkmäler persischer Baukunst, Берлин, 1901; Transkaukasien, Persien, Mesopotamien, Transkaspien, Берлин, 1899.—**Sauvebeuf**, Comte Ferrières de, Mémoires historiques, politiques et géographiques de voyages faits en Turquie, en Perse et en Arabie 1782-1789, Paris, 1790.—**Sayce**, A. H., The Higher Criticism and the Verdict of the Monuments, London, 1894.—**Schlosser**, F. C., Weltgeschichte, Франкфурт, 1844. — **Шваб**, Б., Les Coupes magiques et l'hydromancie dans l'Antiquité orientale, Париж, 1891. — **Шваб**, М., Bibliographie de la Perse, Париж, 1875. — **Шварц**, Дж. в., Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan, Мюнхен.—**Шеперд**, В. А., From Bombay to Bushire and Bassora, including an Account of the Present State of Persia and Notes on the Persian War, Лондон, 1857.—**Шерли**, А. Р. и Ф., The Three Brothers, or the Travels and Adventures of the Three Sherleys, Лондон, 1825.—**Солин**, Гай Юлий. «Превосходная и приятная работа Юлия Солина Полихистора, содержащая благородные поступки человеческих существ, секреты и провидение природы, описание стран, нравы народов и т. д., переведенная с латыни Артуром Голдингом, джентльменом». Лондон, 1587. — **Саутгейт**, Х., «Повествование о путешествии по Армении, Курдистану, Персии и Месопотамии с наблюдениями о состоянии мусульманства в этих странах», Лондон, 1840. — **Шпигель**, Ф. фон, «Эран, страна между Индом и Тигром», Берлин, 1868; «Эранская археология», Лейпциг,

1873, 3 тома; Введение в традиционные писания парсов, Вена, 1856; Иранское искусство (перевод Дараба Санджана), Лондон, 1886; Анекдоты Палика, Лейпциг, 1845; Традиционная литература парсов в ее связи с соседними литературами, Вена, 1860; Die Alexandersage bei den Orientalen, Лейпциг, 1851; **Stack**, E., Six Months in Persia, Лондон, 1882.—**Stackelburg**, Bemerkungen zur persischen Sagengeschichte (в Wiener Zeitschr. für d. Kunde des Morgenlandes, т. 12, с. 230).—**Stahl**, A. F., Reise in Nord- und Zentral-Persien, Gotha, 1896; — **Стивенс**, Дж., The History of Persia, Лондон, 1815; — **Штокелер**, Дж. X., Fifteen Months' Pilgrimage through Untrodden Tracts of Khuzistan and Persia, through Parts of Arabia, Persia, Armenia, 1831-1832.—**Штольце**, Ф., Персеполь, Памятники и надписи Ахеменидов и Сасанидов в Персеполе, Истахре, Пасаргаде, Шахпуре, Берлин, 1882.

Табари, Абу Джафар-Мохаммед, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden (перевод Т. Нёльдеке), Лейден, 1879. — **Тасси**, Гарсен де, La poésie philos. et religieuse chez les persans, Париж, 1864. — **Тейлор**, Дж., The Origins of the Aryans, Лондон, 1890.—**Террье де Лакупери**, А. Е. Т. В., L'ère des arsacides en 248 avant J. C., Лувен, 1891. —**Тексье**, Ш., L'Arménie, la Perse, etc., Париж, 1843.—**Томас**, Э., «Ранние сасанидские надписи», Лондон, 1868. —**Тиле**, К. П., «Кир де Гроот и религия Вавилона» (в «Mélanges de Harlez»), Лейден.

Вокс, У. С. У., Древняя история по памятникам; Персия от древнейших времен до арабского завоевания, Лондон, 1894. — **Путешествия** из Венеции в Тану в Персии, Венеция, 1543.

Вагнер, М., Reise nach Persien und dem Lande der Kurden, Лейпциг, 1852, 2 тома. — **Вагл**, С. Ф. Г., Allgemeine Geschichte der morgenländ. Sprachen und Litteraturen, Лейпциг. , 1784.—**Уоллис**, Х., Типичные образцы персидского и восточного керамического искусства, Лондон, 1891-1893, 2 тома.—**Уоринг**, Э. С., Путешествие в Шираз, через Казрун и Ферозабад, Лондон, 1809.—**Уотсон**, К. Ф., Дарий, мидянин; Хронология древних монархий, Лондон, 1885.—**Уотсон**, Р. Г., История Персии с начала XIX века и т. д., Лондон, 1873. —**Вебер**, Г., Allgemeine Weltgeschichte, Лейпциг, 1857-1880.—**Уикс**, Э. Л., От Черного моря через Персию и Индию, Лондон, 1896. —**Вайсбах**, Ф. X., Die Achämeniden-Inschriften zweiter Gattung, Лейпциг, 1890. — **Вайсбах**, Ф. X., и **Банг**, В., Die altpersischen Keilschriften, Лейпциг, 1893.—**Уиллс**, д-р К. Дж., «В стране льва и солнца», Лондон, 1883; «Персия такая, какая она есть», Лондон, 1886.—**Уилсон**, сэр К., «Справочник по Малой Азии, Закавказью, Персии и т. д.», Лондон, 1895.—**Уилсон**, С. Г., «Жизнь и обычаи персов», Нью-Йорк и Чикаго, 1895.—**Вольффартен**, De Ephori et Dinonis historiis a Trogo Pompeio expressis, Бонн, 1868.

Ксенофонт, Κυροπαδεία, Флоренция, 1516; Ξενοφώντος Κύρον Αναβάσις, Оксфорд, 1735.

Йейт, Чарльз Эдвард, Хорасан и Систан, Эдинбург, 1900. — **Йонан**, Дж. М., Персидские женщины, Нэшвилл, 1898.

КАРТА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ.

БОРМАЙ & СО.

МАЛЕНЬКИЕ НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ АЗИИ.

БОРМАЙ И КО.

назад